Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XV

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XV

Симферополь Simferopol
2009

ББК 63.3
М 34

Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины

Центр археологических исследований
БФ «Деметра»

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 10 от 03.11.2009 г.)

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (гл.редактор)
О.Б. Бубенок, д.и.н.
А.Г. Герцен, к.и.н.
В.Н. Зинько, д.и.н.
Г.Ю. Ивакин, д.и.н., член-корр. НАНУ
Л.В. Матвеева, д.и.н.
В.А. Сидоренко, к.и.н. (зам.гл.редактора)
И.Н. Храпунов, д.и.н.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Института востоковедения
НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)

Ответственный секретарь С.И. Власова

М34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV.**
Сб./Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько – Симферополь, 2009. – 704 с.

Свидетельство о гос. регистрации – серия КВ, № 8049 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2009

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра»

ISBN 978-966-1538-14-5

АРХЕОЛОГИЯ

Д. А. КОСТРОМИЧЁВ

БРОНЗОВЫЙ ГРИФОН ИЗ ХЕРСОНЕСА

До сих пор остается актуальной задача введения в научный оборот предметов, давно уже найденных и хранящихся в фондах музеев, но не привлекавших должного внимания со стороны исследователей. Некоторые из этих находок достойны самостоятельной публикации, несмотря на трудности с определением места и времени их обнаружения. Мое внимание привлек предмет, хранящийся в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» под инвентарным номером 5453. Происходит он, по всей видимости, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. Абсолютное большинство вещей из масштабных раскопок этого исследователя депаспортизированы. Это касается и данного предмета, о котором можно с уверенностью сказать только то, что он был найден при раскопках Херсонесского городища или его некрополя.

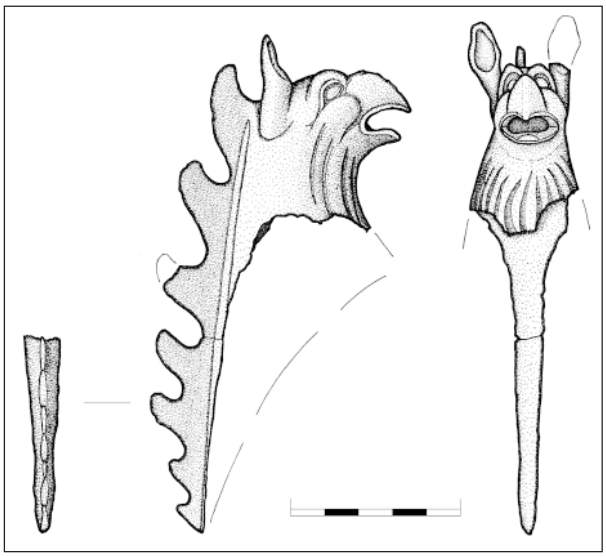

Рис. 1. Бронзовая фигура грифона из Херсонеса. Прорисовка.

Предмет (рис. 1,*2*) выполнен из бронзы. Сохранилось два фрагмента, соединяющихся между собой. Общая длина предмета – 14,9 см. Максимальная ширина – 3,2 см. Фигура полая. Толщина металла – 0,2-0,25 мм. Вершина фигуры представляет собой голову грифона. Детали головы проработаны тщательно. Крупный изогнутый клюв

Рис. 2. Бронзовая фигура грифона из Херсонеса. Фотографии.

приоткрыт. По ободу рта проходит невысокий валик. Глубоко посаженные глаза переданы округлыми выступами. Хищное выражение взгляда подчеркнуто бровями, сдвинутыми к переносице. Торчащие вверх уши смоделированы отдельно. Ушные раковины сориентированы по направлению взгляда животного, что создает ощущение напряженного внимания. Левое ухо отломано. От затылка и вдоль всего предмета проходит зубчатый гребень. Переход от тела к гребню с обеих сторон подчеркнут невысоким продольным валиком. Гребень состоит из семи зубцов, увеличивающихся от нижнего края предмета к затылку. Высота самого крупного из них – 1,3 см. Каждый зубец выполнен в форме треугольника с округлыми краями. Свободная вершина загнута вперед, по направлению к голове животного. Все вместе зубцы гребня создают мотив «набегающих волн». Корпус грифона сохранился только на небольшом участке шеи. Остальная часть фигуры утрачена. Шея зверя покрыта шерстью, переданной глубокими, неровными складками.

Грифон – фантастическое крылатое животное, представляющее собой смесь орла и льва. В греческой мифологии грифон был связан с несколькими богами. Как солярное животное он посвящался Аполлону; как олицетворение мудрости – Афине; как символ возмездия – Немесиде. Последняя функция грифона продолжала оставаться весьма популярной в римское время. Грифон был символом Немесиды – богини судьбы, воздаяния и мщения [1, p. 52]. В письменных источниках сохранились описания грифона как спутника Немесиды: «Немесиде-богине сопутствуя в странствиях дальних, / Божеству, блюдущему правду и жизни дороги, / Птица возмездья летела над плечами богини, / Гриф исполинский, раскинув большие крыла и четыре / Когтя, сей возвеститель того, что богиня в пределах / Четырех по дорогам проходит миропорядка» (Нонн Панополитанский, XLVIII, 379-384) [2, с. 479]. В изображениях Немесида представлена обычно символами контроля – весы, уздечка; наказания – меч или плеть; быстроты – колесо, колесница, запряженная грифонами. В императорском Риме Немесида счита-

лась покровительницей гладиаторов и солдат. Многие амфитеатры и стадионы на территории империи имели святилища в честь этой богини [3, с. 40].

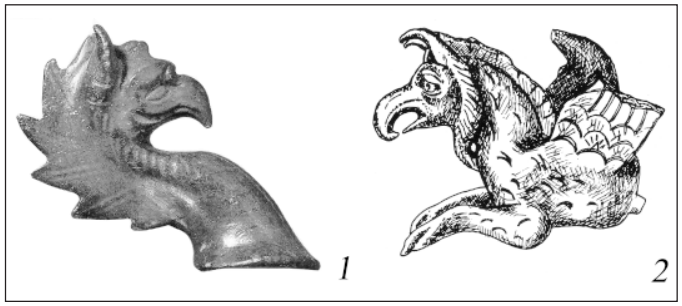

Рис. 3. Грифоны из Карнунта и Телица.

Изображение грифонов в мелкой бронзовой пластике в римское время нельзя назвать излюбленным мотивом. Тем не менее, орлиноголового грифона можно встретить на предметах различного назначения. В виде фигуры грифона часто оформляли ручки от бритв [4, S. 77-81, Abb. 5-6]. Фигуры грифонов украшали атташи бронзовых сосудов [5, S. 278], светильники [6, с. 129-131, обр. 25]. Из индивидуальных предметов можно назвать статуэтку II в. н.э. из Телица (Румыния) (рис. 3,*2*) [7, p. 222, Fig. 5.2; 8, p. 126, kat. Nr. 136], протому, изображающую грифона с «зубчатой» гривой, из Карнунта (рис. 3,*1*) [9, p. 218, IIIn. 7]. Накладка в виде фигуры грифона хранится в музее Лиона [10, p. 160, Nr. 268], еще одна накладка была найдена в Августа Раурика [11, S. 77].

Из Ульпии Траяны Сармизегетузы происходит бронзовая фигура грифона длиной 12 см. Орлиноголовый грифон изображен лежащим. Сохранились остатки крыльев. По мнению издателей, этот предмет служил украшением мебели, хотя вопрос его окончательной атрибуции оставлен открытым [8, p. 129, kat. Nr. 148]. Грифон из Сармизегетузы был найден при раскопках амфитеатра. На этом основании К. Опреану интерпретировал предмет, как часть гладиаторского шлема [8, p. 48]. Датируется грифон из Сармизегетузы II – III вв. н.э.

Грифон, как хищное, агрессивное существо, без сомнения, был связан с идеей активности, энергии и борьбы. Животное символизировало воинскую мощь. Изображение грифона можно видеть на многих объектах, связанных с военным делом. Грифоны изображались на парадных рельефных доспехах. Например, на панцире бронзовой статуи конца II – начала III вв. н.э. из музея Кадиса [12, p. 184, 185, Nr. 41], на статуе императора Августа из виллы Примапорта [13, p. 237]. Во время правления этого императора изображения грифона символизировали победу в битве при Акции [14, S. 60]. Два грифона изображены на накладке от кинжала из клада Пола в Истрии [14, S. 88, Abb. 123]. Рельефное изображение двух грифонов украшает римский парадный шлем II в. н.э. из Антинополиса (Шайк Ибада, Египет) [15, S. 64, Taf. 19.3; 16, S. 537, 538, Abb. K188 a-c].

Одна из находок, связанных с военным делом, – грифон из Маррен (район Клоппенбург, Нижняя Саксония) (рис. 4). Он был обнаружен за пределами

Рис. 4. Грифон из Маррен.

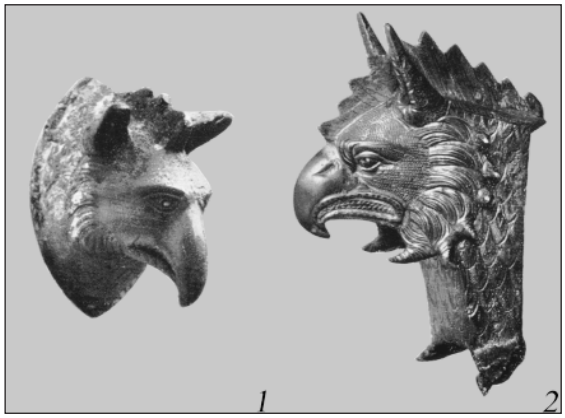

Рис. 5. Грифоны из Цугмантеля и Вимозе.

Римской империи на территории свободной Германии, среди нескольких предметов, являвшихся вотивным приношением. Этот предмет, по мнению издателя, являлся частью парадного оружия или амуниции. Грифон мог быть фрагментом щита или шлема, или же был частью парадной лошадиной упряжи. Голова грифона объемная, полая. Грива существа завита, уши высоко торчат, загнутый клюв закрыт. Гребень представляет собой сплошную пластину, протянутую от клюва до спины. Гребень покрыт насечками, имитирующими оперение. Датируется грифон из Маррен II в. н.э. [17, S. 143-145, Taf. 1,1].

Еще одна объемная голова грифона найдена в римской крепости Цугмантель на рейнском лимесе в провинции Верхняя Германия (рис. 5,*1*). Бронзовый предмет из Цугмантеля отличает мягкая пластика передачи образа, сходная с херсонесским образцом. Грифон изображен с зубчатым затылочным гребнем, заостренными ушами. Клюв сильно загнут и слегка приоткрыт [18, S. 58, 59, Abb. 1]. Функциональное назначение детали из Цугмантеля точно не определено, но, учитывая его обнаружение в римской военной крепости, весьма вероятна его связь с предметами римского воинского снаряжения.

Еще одна находка из верхнегерманского лимеса – голова грифона из Остербрюкена. Она представляет собой полую позолоченную бронзовую фигуру. Тело грифона покрыто чешуей. Грива передана пластичными завитками. Клюв сильно загнут. Затылочный гребень протянут от переносицы до спины и имеет «зубчатый» профиль. Точных данных о датировке этого предмета нет [26, S. 109, Abb. 1].

Определению функционального назначения публикуемого предмета, а заодно и поиску наиболее близких аналогий[1], помогает его своеобразная

[1] Благодарю В.В. Масякина (Украина) и доктора К.П. Йенсен (Дания) за помощь в поиске аналогий херсонесскому предмету.

форма. Херсонесский грифон представляет собой полую фигуру, вытянутую в вертикальной плоскости. Полностью сохранившаяся грива, а также направление остатка шеи, позволяют реконструировать общую форму предмета, как близкую к треугольной. Грифон явно служил навершием, то есть размещался в качестве украшения сверху на предмете, являвшемся основой.

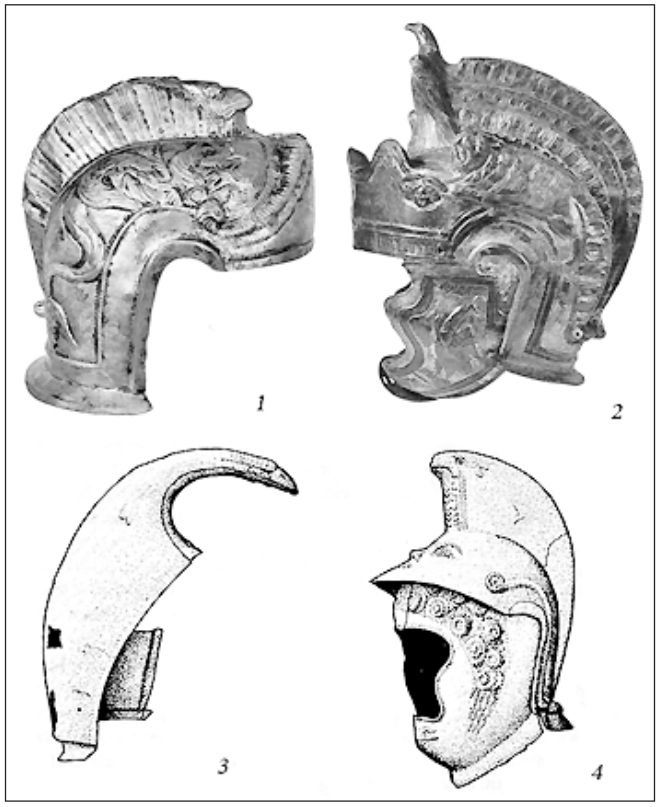

Рис. 6. Шлемы с навершиями в виде головы орла.
1 – Вортинг, *2* – Тайленхофен, *3* – Фехтен, *4* – Хеддернхайм. Не в масштабе.

Определение херсонесского грифона, как навершия, позволяет привлечь в качестве параллелей предметы с тем же функциональным назначением и близкой формой. Очень похожие навершия украшали некоторые парадные римские шлемы первых веков н.э. Наиболее распространенным мотивом этих наверший было изображение орла. Две находки шлемов с орлами были сделаны в Верхней Германии. Это шлем конца II – первой половины III в. н.э. из Хеддернхайма (рис. 6,*4*) [15, S. 72, Taf. 29; 19, p. 178, Fig. 114,4] и шлем III в. н.э. из Пфрондорфа [20, Taf. 21]. Полностью сохранился шлем конца II – начала III вв. н.э. из Тайленхофена (Реция) (рис. 6,*2*) [15, S. 76, Taf. 10]. Шлем из Уортинга (Worthing) (Британия) (рис. 6,*1*) датируется первой половиной III в. н.э. [15, S. 74, Taf. 30.1]. Головой орла оканчивается навершие шлема из Бригецио (Верхняя Паннония), который датируется концом II – первой половиной III вв. н.э. [21, S. 11, Taf. I-IV; 15, S. 72, Taf. 28,1-2]. Фигура орла украшает фронтальную часть навершия шлема того же времени с неизвестным местом находки из Венгерского национального музея [21, S. 11, 12, Taf. VI-VIII; 15, S. 72, Taf. 28,3-4]. От шлема, найденного в Фехтене (Нижняя Германия) сохранился только гребень, украшенный головой орла (рис. 6,*3*) [19, p. 178, Fig. 114,3].

Перечисленные и подобные им шлемы богато украшены различными изображениями. Часто у них сохраняются подвешенные на шарнире маски,

полностью закрывавшие лица. Эти шлемы не использовали в боевых действиях. Они служили для парадов, торжественных процессий и спортивных состязаний. Наклоненные вперед навершия парадных шлемов напоминают фригийские шлемы эпохи эллинизма [16, S. 163-169]. Употребление такой формы в римское время является продолжением греческих эллинистических традиций в изготовлении шлемов [26, S. 113]. На выработку формы римских парадных шлемов также повлияли аттические шлемы эллинистического времени [31, Faltblatt 1]. Парадные шлемы появляются в римской армии с августовского времени. Самые ранние примеры таких шлемов связаны с Фракией [16, S. 361-363]. Подобные парадные шлемы были принадлежностью всадников. Это устанавливается благодаря надписям, которые часто наносили на изделия. В них обычно называются имена и ранг владельцев, а также подразделения, в которых они служили. Все надписи принадлежат кавалеристам [15, S. 33].

Если навершия с изображениями орла – обычная деталь римских парадных кавалерийских шлемов, то навершия в виде голов грифонов значительно более редки. Фрагментированное навершие из позолоченной бронзы, изображающее грифона, было обнаружено в 1849 г. в Вимозе (Дания) (рис. 5,*2*). Вимозе – один из серии датских болотных памятников, в которых были найдены многочисленные детали трофейного римского воинского снаряжения, попавшие туда в качестве жертвоприношений. Грифон из Вимозе интерпретируется как навершие римского парадного кавалерийского шлема II в. [13, P. 237; 22, p. 132, pl. XII]. Датский грифон изготовлен в реалистичной манере, с множеством тонко выполненных деталей. Слегка приоткрытый клюв грифона обнажает два ряда зубов. Грива собрана в отдельные завитки. «Зубчатый» гребень вытянут от переносицы до затылка. Тело покрыто гравировкой, создающей эффект чешуи. У грифона из Вимозе отсутствует задняя часть. Зато полностью сохранилась фронтальная. Здесь видно, что грифон был невысоко поднят над основой, имевшей сферическую форму [26, S. 112]. Общая конфигурация грифона из Вимозе несколько отличается от голов грифонов из Цугмантеля, Остербрюкена и Маррен. Последние имели форму коротких, округлых в сечении наверший, лишенных вытянутой спины. В этом отношении грифон из Вимозе оказывается более близким херсонесскому образцу.

Все рассмотренные головы грифонов отливались в форме, а затем, с большой тщательностью, подвергались «холодной» доработке. По качеству они далеко превосходят массово представленный в крепостях лимеса бронзовый «ширпотреб». В двух случаях остатки позолоты подчеркивают выдающееся значение этих предметов [26, S. 111].

Неполная сохранность наверший из Херсонеса и Вимозе оставляют возможность и для другой их интерпретации. Подобные предметы можно было бы представить в качестве наверший римских знамен. Но такой интерпретации противоречит то, что изображения украшенных грифонами римских

знамен неизвестны. Изображения же шлемов с грифонами, хотя и нечасто, но встречаются.

Моделью шлема можно считать предмет, найденный в озере Неми около Рима (рис. 7). Речь идет об украшении большого скульптурного рельефа или детали монументального фриза с изображением оружия. Предмет представляет собой продольно разделенную половину шлема. Высота его превышает 50 см. Аттический по форме шлем украшен навершием в форме головы грифона [16, S. 543, Abb. K 122a-b]. Формальные характеристики шлема, в частности навершие в виде головы грифона, точно соответствуют изображению шлема богини Рома (Dea Roma) на республиканских монетах конца III – II вв. до н.э. [16, S. 543]. Другие изображения богини Рома также демонстрируют ее в шлеме, украшенном гребнем в форме полумесяца [23, S. 151-158, Abb. 4-5].

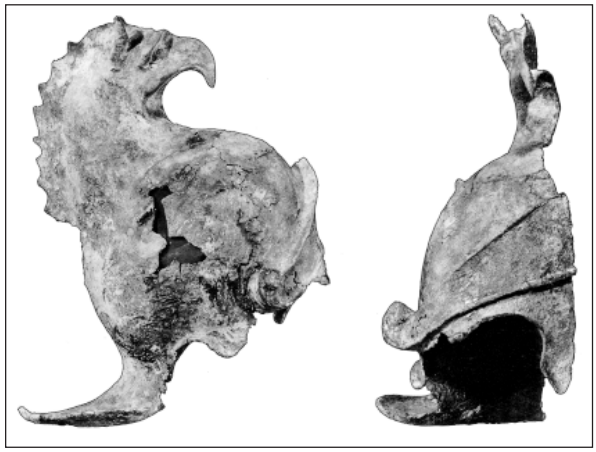

Рис. 7. Модель шлема из озера Неми (Италия).

Интерпретация грифона в качестве навершия римского кавалерийского парадного шлема может указывать на проведение в Херсонесе парадов, спортивных турниров, состязаний между военнослужащими городского гарнизона. Хотя такая возможность для Херсонеса обнаруживается впервые, в ней нет ничего удивительного. Состязания и турниры были популярны в римской армии. В них проявлялась любовь к зрелищам, присущая античной эпохе. Кроме того, в армии турниры являлись надежным средством тренировок, поддержания и развития необходимых в боевых условиях навыков. В римской армии парады и состязания организовывались по различным поводам. Это могли быть торжества по случаю победы, дни рождения императоров, особые даты, связанные с историей конкретного подразделения [24, с. 103]. О том, что на таких парадах применялись богато украшенные шлемы с маской для защиты лица, существует свидетельство Арриана: «Позолоченные шлемы из железа или бронзы с маской, на которой есть прорези для глаз» [Arrian., *Tactica* 34, 1-84; 35, 1-7]. Для военных парадов недалеко от мест расположения гарнизонов устраивались специальные лагеря (*kampus*) с подиумом (*tribunal*) [24, с. 103].

Приведенные выше аналогии вроде бы говорят о том, что херсонесская находка является навершием римского кавалерийского парадного шлема. Но существует еще одна возможная интерпретация. Навершие могло принадлежать не военному, а гладиаторскому шлему. В пользу такой версии говорит то,

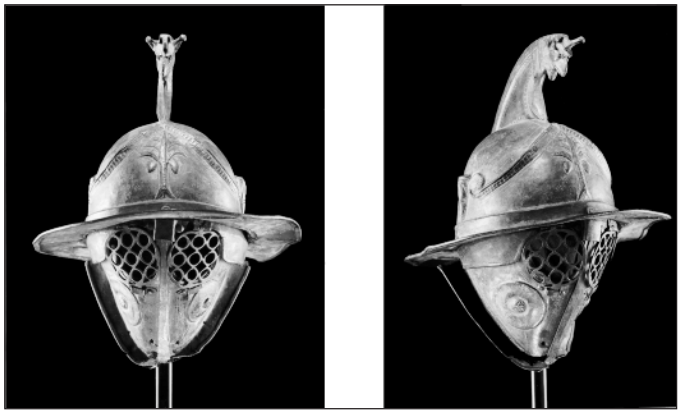

Рис. 8. Гладиаторский шлем из Помпей.

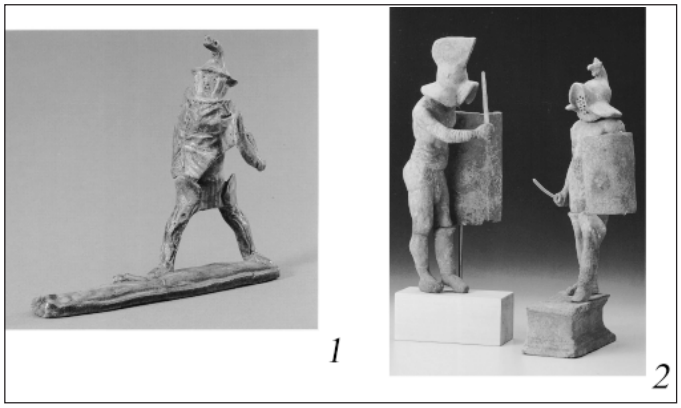

Рис. 9. Терракотовые статуэтки с изображениями гладиаторов.

1 - Лондон, *2* – Штутгарт.

что единственными полностью сохранившимися шлемами римского времени с навершием в форме головы грифона являются три гладиаторских шлема из Помпей (рис. 8) [1, p. 41, fig. 23,47; 26, S. 115-117, Abb. 2,1, Taf. 22, 23]. Они были найдены в гладиаторских казармах и датируются временем гибели города в 79 году н.э. Все они схожи между собой и, вероятно, были изготовлены в одной мастерской. Шлемы были украшены высокими навершиями в форме полумесяца, завершающимися головой грифона. На затылке грифона намечен гребень. Клюв грифона закрыт. Шея украшена гривой, свисающей в форме треугольной бороды. Отдельно смоделированы уши. На одновременной фреске надгробия гладиатора Г. Весториуса Приска из Помпей изображен точно такой же шлем [26, S. 119, Taf. 24].

Возможно, гладиаторскому шлему принадлежит также навершие в виде бронзовой фигуры грифона из Ксантена (Нижняя Германия). Форма фигуры говорит о том, что она крепилась на сферической основе [26, S. 120, Taf. 21,3].

Кроме того, известны скульптурные изображения гладиаторов, шлемы которых украшают навершия сходной формы в виде голов грифонов. В Британском музее хранится терракотовая глазурованная статуэтка I в. н.э. Она демонстрирует гладиатора, шлем которого венчает изображение головы хищного животного, напоминающего грифона (рис. 9,*1*) [1, fig. 44]. На терракотовой фигурке гладиатора из Штутгарта, датированной II в. н.э., ясно различимо навершие с головой грифона (рис. 9,*2*) [1, fig. 63]. Бронзовая фигурка гла-

диатора из Национальной библиотеки Парижа также имеет навершие шлема в виде головы грифона [26, S. 121, Abb. 4]. Глазурованный светильник рубежа II-III вв. н.э. из Британского музея изготовлен в виде гладиаторского шлема с головой грифона на навершии [1, fig. 144].

Шлемы, на которых сохранились изображения грифонов, относятся к типу тяжелого гладиаторского шлема. Они закрывали всю голову, были снабжены широкими полями и решетками для защиты глаз. Шлемы венчали высокие гребни в форме полумесяца. Такие доспехи носили, судя по изображениям, два вида тяжело вооруженных гладиаторов – гопломахи и фракийцы (*thraex*). Эти бойцы имели сходную экипировку. Гопломахи носили плотные стеганые штаны, поножи, пояс, доспех для предплечья (*manica*) на правой руке. Вооружены были гладиусом и очень маленьким круглым щитом. Отличием фракийцев являлся маленький щит прямоугольной формы (*parmula*) и кривой меч. Фракийцы в парных гладиаторских боях сражались обычно против гопломахов и мирмиллонов. Изображения фракийцев указывают на еще одну особенность экипировки: гребни шлемов именно этих гладиаторов украшали навершия в форме головы грифона [1, p. 51; 25, p. 155; 26, S. 118]. На светильниках изображения гладиаторов-фракийцев не детализированы, но на них хорошо видно, что навершие шлема имело форму треугольника с наклоненной вперед вершиной [25, p. 155, fig. 4; 11,2,3,6,8-10]. На надгробии II в. н.э. гладиатора-фракийца М. Антония Экзохуса из Рима также изображен шлем с грифоном [26, S. 119, 120, Abb. 3].

На то, что зрелища гладиаторских сражений были знакомы жителям Херсонеса, указывают сведения, полученные при раскопках амфитеатра. Архитектурный комплекс этого сооружения был восстановлен в I в. н.э., а в конце II – начале III вв. подвергся полной реконструкции и был расширен [27, с. 347]. Здесь был найден рельеф с изображением сражающейся пары гладиаторов и надписью «Ксанф» [28, № 483; 29, № 502]. Интересным фактом является то, что при раскопках театра были найдены два посвящения Немесиде. Один алтарь нес на себе греческую надпись II в. н.э. [30, № 126], второй – латинское посвящение от имени Тита Флавия Цельсина, бенефециария консуляра XI Клавдиевого легиона, сделанное в конце II – начале III вв. н.э. Эти надписи указывают на существование святилища Немесиды при театре [3, с. 39], что, как уже указывалось, являлось обычной практикой в римское время на территории империи.

В вопросе интерпретации бронзовых наверший-грифонов следует отметить точку зрения Ю. Валя. На основе многочисленных изображений гладиаторов-фракийцев с шлемами, увенчанными грифонами, а также трех целых шлемов из Помпей, он предложил считать все фрагментированные находки наверший в форме грифонов принадлежностью именно гладиаторского доспеха [26, S. 113]. Находки из приграничных крепостей исследователь объяснил тем, что по некоторым сведениям в составе легионов находилось некоторое количество

гладиаторов. Эти люди командировались из легионных лагерей и выступали на торжественных мероприятиях, в обязательную программу которых в римское время входили гладиаторские бои [26, S. 122-132]. На мой взгляд, небольшое количество образцов целых шлемов пока не дает оснований для однозначной интерпретации наверший-грифонов.

Сложно решить и вопрос датировки херсонесского грифона. В ситуации, когда не существует прямых указаний, способных уточнить дату, приходится устанавливать время использования предмета лишь предположительно. Форма шлемов с высоким, наклоненным вперед навершием, повторяющим контур фригийского колпака, известна с эллинистического времени. Развитие этой формы можно наблюдать вплоть до III в. н.э. Единичные целые экземпляры шлемов с навершиями-грифонами относятся к концу III – II вв. до н.э. (шлем из озера Неми) и к 79 г. н.э. (три шлема из Помпей). Ряд фрагментированных наверший в виде головы грифона, обнаруженных на римском лимесе и в Свободной Германии, датируется II-III вв. н.э. На мой взгляд, херсонесский грифон наиболее близок по форме и стилю римским навершиям II-III вв. н.э. Учитывая данные, которые сейчас известны о динамике и масштабах взаимоотношений Херсонеса и Рима, наиболее вероятной датой херсонесского грифона является вторая половина II – III вв. н.э.

Итак, можно утверждать, что рассматриваемое изображение грифона связано с почитанием богини Немесиды в качестве покровительницы гладиаторов и солдат. По выражению Э.И. Соломоник: «Немесида выступает как богиня агона, кровавого и бескровного, – на войне, на стадионе, в цирке и в театре» [3, с. 39, 40]. К сожалению, уникальность херсонесского предмета не позволяет подобрать для него абсолютно точные аналогии. Поэтому остаются вероятными оба варианта интерпретации предмета. Грифон мог украшать парадный шлем римского военнослужащего или шлем, принадлежавший гладиатору.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gladiators and Caesars. The Power of Spectacle in Antient Rome / Ed. by E. Köhne, C. Ewigleben. London, 2000.
2. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997.
3. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
4. Garbsch J. Zu neuen römischen Funden aus Bayern // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1975. Jahrgang 40.
5. Kunze M. Meisterwerke antiker Bronzen und Metallarbeiten aus der Sammlung Borowski. Bd.1. Griechische und Römische Bronzen. Ruhpolding und Mainz, 2007.
6. Минчев А. Античните бронзови лампи от варненския археологически музей // Известия на Народния Музей Варна. 1998-1999. 34-35 (49-50). Варна, 2003.
7. Simon G. Mèthodes de datation et de localisation des centres de production des bronzes romains découverts dans la region du Bas-Danube // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes. Nijmegen, 1995.

8. Antique Bronzes in Romania. Exhibition Catalogue / Ed by L. Petculescu. Bucharest, 2003.
9. Roma sul Danubio. Da Aquileia a *Carnuntum* lungo la via dell`ambra // Cataloghi e Monografie dei Civici Musei di Udine / A cura di M. Buora e W. Jobst. Udine, 2002. T. 6.
10. Boucher S. Bronzes romains figures du muse des beaux-arts de Lyon // Travaux edites sous les auspices de la ville de Lyon. Lyon, 1973. T.IV.
11. Kaufmann-Heinimann A. Götter und Lararien aus Augusta Raurica // Forschungen in Augst. 1998. Bd. 26.
12. Los bronces romanos en España. Madrid, 1990.
13. Jensen X.P. The Vimose find // The Spoils of Victory – The North in the Shadow of the Roman Empire / Ed. by L. Jørgensen, B. Storgaard, L.G. Thomsen. Copenhagen, 2003.
14. Kunzl E. Unter den goldenen Adlern. Der Waffenschmuck des römischen Imperiums. Regensburg; Mainz, 2008.
15. Garbsch J. Römische Paraderüstungen. Katalog der Ausstellung Nürnberg / München // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1978. Bd. 30.
16. Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1988. Bd. 14.
17. La Baume P. Besonders wertvolle römische Funde in Niedersachsen, Bremen und Hamburg // Die Kunde. Jahrgang 1971.
18. Klindt-Jensen O. Ein Greifenkopf vom Zugmantel und sein Gegenstück im Vimose-Fund // Saalburg Jahrbuch. 1953. XII.
19. Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of the Rome. Second edition. Oxford, 2006.
20. Die Römer in Baden-Württemberg. Stuttgart; Aalen, 1976.
21. Thomas E.B. Helme, Schilde, Dolche. Studien uber römisch-pannonische Waffenkunde. Budapest, 1971.
22. Jensen X.P. Preliminary Remarks on Roman Military Equipment from the War Booty Sacrifice of Vimose, Denmark // Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum. Roma, 2007.
23. Thomas R. Eine Büste der Dea Roma in Köln // Journal of Roman Archaeology. Suppl. Series № 39. From the Part to the Whole: Volume 2. Acta of the 13th International Bronze Congress. Portsmouth, 2002.
24. Петровић П. Римски парадни шлем из Брзе Паланке (Egeta) // Зборник народног музеја. 1994. XV-1.
25. Bémont C. Des gladiateurs et des lampes // Antiquités Nationales. 2005. T. 37.
26. Wahl J. Gladiatorenhelm-Beschläge von Limes // Germania. 1977. Jahrgang 55. Halbband 1-2.
27. Домбровский О.И., Зедгенидзе А.А., Махнева О.А. Раскопки Античного театра в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
28. Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916. Ed. 2.
29. Античная скульптура Хесонеса. Каталог. Киев, 1976.
30. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
31. Junkelmann M. Römische Helme. Mainz, 2000.

Костромічев Д. О.

Бронзовий грифон з Херсонеса

Резюме

Предмет, що публікується – навершя у вигляді грифона, походить з розкопок К.К. Косцюшко-Валюжиніча в Херсонесі. Аналогії дозволяють припустити, що грифон слугував навершям шолому. При цьому, грифон міг прикрашати як римський кавалерійський парадний шолом, так і шолом, що належав гладіатору-фракійцю. Використання образу грифона в римський час пов'язане з шануванням богині Немезиди, як покровительки гладіаторів і солдатів. Виявлення в Херсонесі парадного або гладіаторського шолому є свідоцтвом проведення тут озброєних змагань.

Костромичёв Д. А.

Бронзовый грифон из Херсонеса

Резюме

Публикуемый предмет происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе и представляет собой навершие в виде грифона. Аналогии позволяют предположить, что грифон служил навершием шлема. Грифон мог украшать как римский кавалерийский парадный шлем, так и шлем гладиатора-фракийца. Использование образа грифона в римское время связано с почитанием богини Немесиды в качестве покровительницы гладиаторов и солдат. Обнаружение в Херсонесе парадного или гладиаторского шлема является свидетельством проведения здесь вооруженных состязаний.

Kostromichev D. A.

Bronze Gryphon from Chersonesos

Summary

The provenance of the published object is the excavations headed by K. K. Kosciushko-Valiuzhinich in Chersonesos and presents the top in the form of a gryphon. Analogies enable to assume that the gryphon served as a top to a helmet. The gryphon might decorate a Roman parade helmet of a cavalryman as well as a helmet of a gladiator-Thracian. The usage of the image of gryphon in the Roman times is connected with worshipping of goddess Nemesis as a patron of gladiators and soldiers. The find of the helmet, a parade one or belonging to gladiator, testifies to the fact that military competitions took place here in Chersonesos.

А.И. АЙБАБИН, Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

РИМСКАЯ ВОИНСКАЯ ПРЯЖКА ИЗ ЛУЧИСТОГО

В 2001 году в склепе 173 (рис. 1), зачищенном на территории могильника у с. Лучистое, найдена бронзовая римская воинская пряжка (рис. 2). Неправильная в плане камера (длина 2,94 м; ширина в сохранившейся части 2,1 м) ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад. Сохранились только восточная и юго-западная стенки камеры. Пол камеры разрушен несколькими трещинами, пролегшими с запада на восток, а его отдельные участки просели на 0,3-0,7 м. С северо-запада к камере примыкал дромос. Под ним, ниже по склону, спустя полтора века был выкопан склеп 172. После обрушения свода камеры склепа 172, в ее заполнении оказались две закладные плиты из просевшего дромоса склепа 173.

На полу, вдоль восточной стенки камеры склепа 173, зачищены остатки погребения взрослого, похороненного вытянуто на спине, головой на юго-восток. В погребении выявлены: в области пояса – бронзовая пряжка (№ 1), под левой локтевой костью – фрагменты железных ножа (№ 2) и пряжки (№ 3). Из трещины около правой берцовой кости извлекли бронзовую пронизь (№ 4). В южном углу камеры склепа, на полу, стояли 10 сосудов: краснолаковые кубок (№ 5) и миска (№ 6), лепные миска (№ 7), три чаши (№№ 8-10), два кувшина (№№ 11, 12), горшок (№ 13) и миниатюрный двуручный сосудик (№ 14). Среди сосудов лежал железный короткий меч (№ 15).

1. Пряжка бронзовая, овальная, вытянутая в ширину, отлитая в тыльной части с изображениями смотрящих друг на друга голов животных, украшенная кербшнитным и пуансонным орнаментом и инкрустированная вставками из синего стекла и нитями белого металла. Длина 4,4 см; ширина 7,6 см (рис. 2).
2. Два фрагмента железного, однолезвийного, черешкового ножа с прямой спинкой, с остатками деревянной рукояти и заклепкой на черенке. Длина 7,5 и 5,5 см (рис. 3,*б*).

3. Два фрагмента железной пряжки с овальной, вытянутой в ширину рамкой из круглого в сечении стержня и остатками язычка. Длина рамки 2,8 см; ширина 4,4 см (рис. 3,*4*).
4. Пронизь бронзовая литая (навершие рукояти), бочковидная, с цилиндрическим каналом отверстия, с остатками дерева внутри. Размер 1,8х2,8 см (рис. 3,*5*).
5. Кубок краснолаковый, с невысоким отогнутым венчиком, сферическим туловом и невысокой ножкой на слабовыраженной подставке. Вертикальная ручка с двумя рельефными ребрами по внешней стороне прикреплена в верхней части венчика и в месте максимального расширения тулова. Высота 10,7 см; диаметр венчика 7,5 см; диаметр подставки 3,8 см (рис. 4,*1*).
6. Миска краснолаковая, усеченно-коническая, с прямым бортиком с заостренным верхним краем, на невысоком кольцевом поддоне. Высота 4,0 см; диаметр венчика 12,9 см; диаметр поддона 6,5 см (рис. 4,*2*).
7. Миска лепная, коричневоглиняная с залощенной поверхностью, со скошенным наружу верхним краем, с сужающимися к плоскому дну прямыми стенками. Высота 5,5 см; диаметр венчика 12,2 см; диаметр дна 6,8-7,0 см (рис. 4,*3*).
8. Чаша лепная, коричневоглиняная с залощенной поверхностью, полусферическая, с прямым отогнутым бортиком со скошенным наружу верхним краем, плоскодонная. На внутренней стороне дна сделано круглое пальцевое вдавление. Высота 6,2 см; диаметр венчика 14,8 см; диаметр дна 5,9 см (рис. 4,*6*).
9. Чаша лепная, коричневоглиняная с лощеной поверхностью, полусферическая, с невысоким прямым отогнутым бортиком со скошенным наружу верхним краем, с плоским дном. Высота 7,0 см; диаметр венчика 13,5 см; диаметр дна 5,7 см (рис. 4,*5*).
10. Чаша лепная, коричневоглиняная с лощеной поверхностью, полусферическая, с невысоким прямым отогнутым бортиком со скошенным наружу верхним краем и со слегка вогнутым дном. Высота 6,7 см; диаметр венчика 11,0 см; диаметр дна 4,9 см. (рис. 4,*4*).
11. Кувшин лепной, темноглиняный с лощеной поверхностью, с невысоким, прямым, отогнутым венчиком со скошенным наружу верхним краем, с высоким горлом, расширяющимся к округлому, раздутому тулову, с плоским дном. Вертикальная ручка с ребром по внешней стороне прикреплена в верхней части горла и на плечике тулова. Высота 25,0 см; диаметр венчика 9,6 см; диаметр дна 12,0 см (рис. 4,*8*).
12. Кувшин лепной, коричневоглиняный с лощеной поверхностью, с венчиком с выделенным сливом, с невысоким цилиндрическим горлом, грушевидным туловом и плоским дном. Плоская, вертикальная ручка прикреп-

лена под венчиком и в верхней части тулова. Высота 18,5 см; размеры венчика 6,7х7,2 см; диаметр дна 7,0 см (рис. 3,*1*).

13. Горшок лепной, красноглиняный, с прямым венчиком со скошенным наружу верхним краем, вытянуто-сферическим туловом и плоским дном. Под венчиком горшок украшен расположенными на равном расстоянии друг от друга тремя высокими, коническими налепами, два из которых фрагментированы. Высота 16,0 см; диаметр венчика 10,4 см; диаметр дна 8,0 см (рис. 3,*2*).
14. Горшок миниатюрный, двуручный, лепной, коричневоглиняный с лощеной поверхностью, с невысоким прямым отогнутым венчиком со скошенным наружу верхним краем, вытянуто-сферическим туловом и плоским дном. Вертикальные, петлевидные ручки, овальные в сечении, прикреплены в центральной части венчика и на плечиках. Высота 7,3 см; диаметр венчика 5,0 см; диаметр дна 3,8 см (рис. 4, *7*).
15. Меч короткий, железный, двулезвийный, черешковый, с двумя вырезами на лезвии у пяты клинка, с остатками дерева на черенке. Длина 38,5 см (рис. 3,*3*).

Описанная пряжка с кербшнитным орнаментом (рис. 2) уникальна для Крыма. Аналогичные застежки известны в Германии и Бельгии в комплексах конца IV – первой половины V вв. [1, S. 288-289, Taf. 22,9; 74,1; 90,8]. По данным H. Bullinger, большинство находок этих пряжек сконцентрировано вдоль Рейнско-Дунайской границы Западной Римской империи [2, p. 75, 78]. Они были составной частью римского воинского костюма.

Краснолаковый кубок (рис. 4,*1*) относится к широко распространенному типу сосудов, найденных на памятниках IV в. в Подунавье и в слоях конца IV в. в Константинополе [3, p. 243, pl. 51,10]. Такие кубки обнаружены в большом количестве на некрополе Херсонеса [4, с. 76-77, рис. 50; 5, с. 104-105, рис. 3,1,2; 4,1] в погребениях второй половины IV в. [6, с. 258-259, табл. XXVII,83]. Поздние варианты этих кубков бытуют до третьей четверти VI в. [3, p. 243].

Краснолаковая миска (рис. 4,*2*) близка встреченным в захоронениях второй половины IV в. из Дружного [7, с. 294, рис. 194,4] и конца IV – первой половины V вв. из Лучистого [8, с. 295, рис. 18,9-10; 9, с. 46, рис. 24,4,5,6].

Лепные темноглиняные миски с сужающимися к плоскому дну прямыми стенками, подобные публикуемой (рис. 4,*3*), бытовали в Крыму с III по VII вв. Это самый распространенный тип лепных мисок. Они найдены на сельских поселениях Боспора [10, с. 37, рис. 7] и в варварских могильниках Юго-Западного Крыма: Нейзац [11, с. 189, рис. 8,2,4], Дружное [12, с. 97, рис. 6,4; 21,5; 7, рис. 70,1-4; 74,10; 85,3; 98,10; 116,1,7; 125,1,3,4,7-9,12; 129,3; 134,23,24; 135,13,15; 140,3-6; 159,3,6,7; 171,2; 186,5; 209,4,5], Инкерман [13, с. 22, рис. 14,10], Черная речка [14, с. 94, 96, табл. X,3; V,10,14], у с. Суворово [15, с. 107, рис. 60,20; 16, с. 72, рис. 9,2], Красный Мак [17, с. 244, табл. I,18-24], Скалистое

[18, рис. 3,12; 4,11,17; 5,3; 66,27; 74,7; 75,27; 76,24; 90,21,27; 92,12] и у с. Лучистое [8, рис. 4,16; 18,1; 9, с. 305, табл. 171,3].

Лепные чаши с отогнутым бортиком и округлыми стенками (рис. 4,*4-6*) подобны найденным в Илурате, в слоях второй половины II – III вв. [19, с. 170, табл. XXXV,6,7], в германском могильнике Чатыр-Даг, в трупосожжениях второй половины III – IV вв. [20, табл. 42,5; 44,5; 61,3,4], а также в аланских могильниках Дружное, в погребениях IV в. [7, с. 185, 206, 227, 229, 291, 292, рис. 85,2; 106,2; 127,4; 129,2; 191,4; 192,3], Красный Мак, в склепе 15 с находками IV в. [17, с. 242, 244, рис. 16,1, табл. I,33] и Алмалык-Дере, в склепе 65 первой половины V в. [21, S. 528, Abb. 5,2].

Кувшин с венчиком со сливом (рис. 3,*1*) аналогичен сосудам, найденным в Дружном, в погребениях IV в. [7, рис. 122,5; 150,4; 180,4; 202,3].

Кувшин с высоким горлом и раздутым туловом (рис. 4,*8*) повторяет форму гончарного сосуда из погребения 158 I – начала II вв. некрополя Танаиса [22, с. 13-14, 66, табл. XVI,6]. Похожие сосуды зачищены в Вишневом, в склепе 1 IV в. [23, с. 48, рис. 10,3,9].

Миниатюрный лепной двуручный горшок (рис. 4,*7*) по форме близок сосудам из Дружного, из погребений IV в. [7, рис. 83,7; 86,2; 106,3; 172,4].

Горшок с тремя налепами (рис. 3,*2*) повторяет форму сосудов из погребений IV в. Дружного [12, рис. 10,18; 7, рис. 153,4] и второй половины IV – первой половины V вв. из Красного Мака [17, рис. 10,2; 12,1].

Короткий меч с вырезами у рукояти (рис. 3,*3*) подобен распространившимся у алан с III в. на Северном Кавказе [24, с. 17, табл. XII,5-7; 25, с. 162, рис. 65,15-17], с начала IV в. – в степях Подонья, Прикубанья и Поволжья [26, с. 76], со второй половины IV в. – у алан и германцев в Восточном и Юго-Западном Крыму [6, с. 70, табл. XVII,6] и на территории черняховской культуры [27, с. 305-306]. На Черноморском побережье Кавказа такие кинжалы носили и в первой половине VI в. [28, с. 104, 106, рис. 10,25]. В Юго-Западном Крыму короткие мечи и кинжалы найдены в могильниках Инкерманский [13, рис. 8,10], Килен-Балка [29, рис. 2; 3,6; 6,1; 7,1; 9], Вишневое [23, рис. 12,9], Суворово [15, рис. 62,26,29; 63,28; 64,30; 16, рис. 2,9; 6,2; 13,10], Озерное [30, рис. 6,12], Дружное [7, рис. 72,7,8; 90,1-3; 164,3,10; 170,29; 184,3,4; 192,9; 199,6; 212,6,7], Харакс [31, с. 268], Чатыр-Даг [20, с. 46, табл. 15А,1], Лучистое [8, рис. 8,16; 17,7; 6, с. 72, рис. 26,2] и Скалистое [18, рис. 75,26].

Учитывая вышесказанное, погребение из склепа 173 можно отнести к раннему горизонту могильника у с. Лучистое – к концу IV – первой половине V вв. [9, с. 48, рис. 25,4]. Об этносе погребенного можно судить по погребальному обряду и набору лепных сосудов, которые типичны для могильников Юго-Западного Крыма, возникших с появлением алан на полуострове около середины III в. [6, с. 23].

В склепе 173 был похоронен аланский воин в одежде, подпоясанной ремнем с пряжкой римского воина. Пряжка была использована вторично, так как

у нее нет щитка, характерного для всех однотипных застежек, предназначавшихся для широкого ремня. Местные же воины носили ремни, ширина которых не превышала 3,0 см [32, с. 203, рис. 1].

Протекавшие в эпоху Великого переселения народов этноформационные процессы запечатлены не только в погребальной обрядности, но и в оружии, бытовой утвари и деталях традиционного костюма. В результате раскопок на раннем участке могильника у села Лучистое выявлены артефакты, удостоверяющие существование в эпоху Великого переселения народов связей между Северной Европой и Северным Причерноморьем [33, с. 42; 34, с. 5, 10]. Скорее всего, публикуемую пряжку аланский воин также привез из одной из западных провинций Римской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Böhme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. Münchner Beitr. Vor- und Frühgesch. 19. München, 1974.
2. Bullinger H. Spätantike Gürtelbeschläge. Brugge, 1969.
3. Opaiț A. Aspecte ale vieții economice din provincia Scythia (secolele IV-VI p.Ch.). Producția ceramicii locale şi de import. Bucureşti, 1996.
4. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982.
5. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
6. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
7. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Люблин, 2002.
8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
9. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. Симферополь; Керчь, 2008.
10. Корпусова В.М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. № 8.
11. Храпунов И.Н. Поздние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
12. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
13. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII.
14. Бабенчіков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII.
15. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь, 1997.
16. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2005. Вып. X.
17. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
18. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
19. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
20. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
21. Gersen A., Mączyńska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.

22. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
23. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
24. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
25. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
26. Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épees à encoches (IVe-VIIe s.). // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
27. Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
28. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
29. Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
30. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4.
31. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.
32. Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
33. Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
34. Айбабин А.И., Пиле К. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // БИ. 2002. Вып. II.

Айбабін О. І., Хайредінова Е. А.

Римська військова пряжка з Лучистого

Резюме

У 2001 р. в склепі 173 (рис. 1), зачищеному на території могильника біля с. Лучисте, знайдено бронзову римську військову пряжку (рис. 2). За інвентарем поховання зі склепу можна віднести до раннього горизонту могильника – до кінця IV – першої половини V ст. Аланського воїна поховали в одязі, підперезаному ременем з пряжкою римського воїна. Пряжку було використано повторно, оскільки у неї немає щитка, притаманного всім однотипним застібкам, які призначалися для широкого ременя. Місцеві ж воїни носили ремені, ширина яких не перевищувала 3,0 см.

Етноформаційні процеси, що відбувалися в епоху Великого переселення народів, зафіксовані не лише в похоронній обрядовості, але і в зброї, побутовому начинні, а також деталях традиційного костюма. В результаті розкопок на ранній ділянці могильника виявлені артефакти, що свідчать про існування в епоху Великого переселення народів зв'язків між Північною Європою і Північним Причорномор'ям. Швидше за все, публіковану пряжку аланський воїн також привіз з однієї із західних провінцій Римської імперії.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.

Римская воинская пряжка из Лучистого

Резюме

В 2001 г. в склепе 173 (рис. 1), зачищенном на территории могильника у с. Лучистое, найдена бронзовая римская воинская пряжка (рис. 2). По инвентарю погребение из склепа можно отнести к раннему горизонту могильника – к концу IV – первой половине V вв. Аланского воина похоронили в одежде, подпоясанной ремнем с пряжкой римского воина. Пряжка была использована вторично, так как у нее нет щитка, характерного для всех однотипных застежек, предназначавшихся для широкого ремня. Местные же воины носили ремни, ширина которых не превышала 3,0 см.

Протекавшие в эпоху Великого переселения народов этноформационные процессы запечатлены не только в погребальной обрядности, но и в оружии, бытовой утвари и деталях традиционного костюма. В результате раскопок на раннем участке могильника у села Лучистое выявлены артефакты, удостоверяющие существование в эпоху Великого переселения народов связей между Северной Европой и Северным Причерноморьем. Скорее всего, публикуемую пряжку аланский воин также привез из одной из западных провинций Римской империи.

Aibabin A. I., Khairedinova E. A.

Roman Military Buckle from Luchistoye

Summary

In 2001, in vault 173 (Fig. 1) cleaned up on the territory of the cemetery near the village of Luchistoye, a bronze Roman military buckle (Fig. 2) was found. According to the equipment the burial from the vault can be dated back to the early horizon of the cemetery near the village of Luchistoye – to the end of the 4th – the first half of the 5th centuries. An Alan warrior was buried in garments girded with a belt with a buckle of a Roman warrior. The buckle was used not for the first time as it did not have a plate characteristic for all similar fasteners meant for a wide belt. Local warriors usually wore belts the width of which was not more than 3.0 cm. of

Ethno-formation processes that took place in the epoch of Great Migration of Peoples are reflected not only in funeral rites but in weapons, household utensils and details of traditional costume as well. As a result of excavations on the early plot of the cemetery near the village of Luchistoye artifacts certifying the existence of relations between Northern Europe and the Northern Black Sea Coast in the epoch of Great Migration of Peoples. Most likely, the published buckle was brought by an Alan warrior from one of western provinces of the Roman Empire.

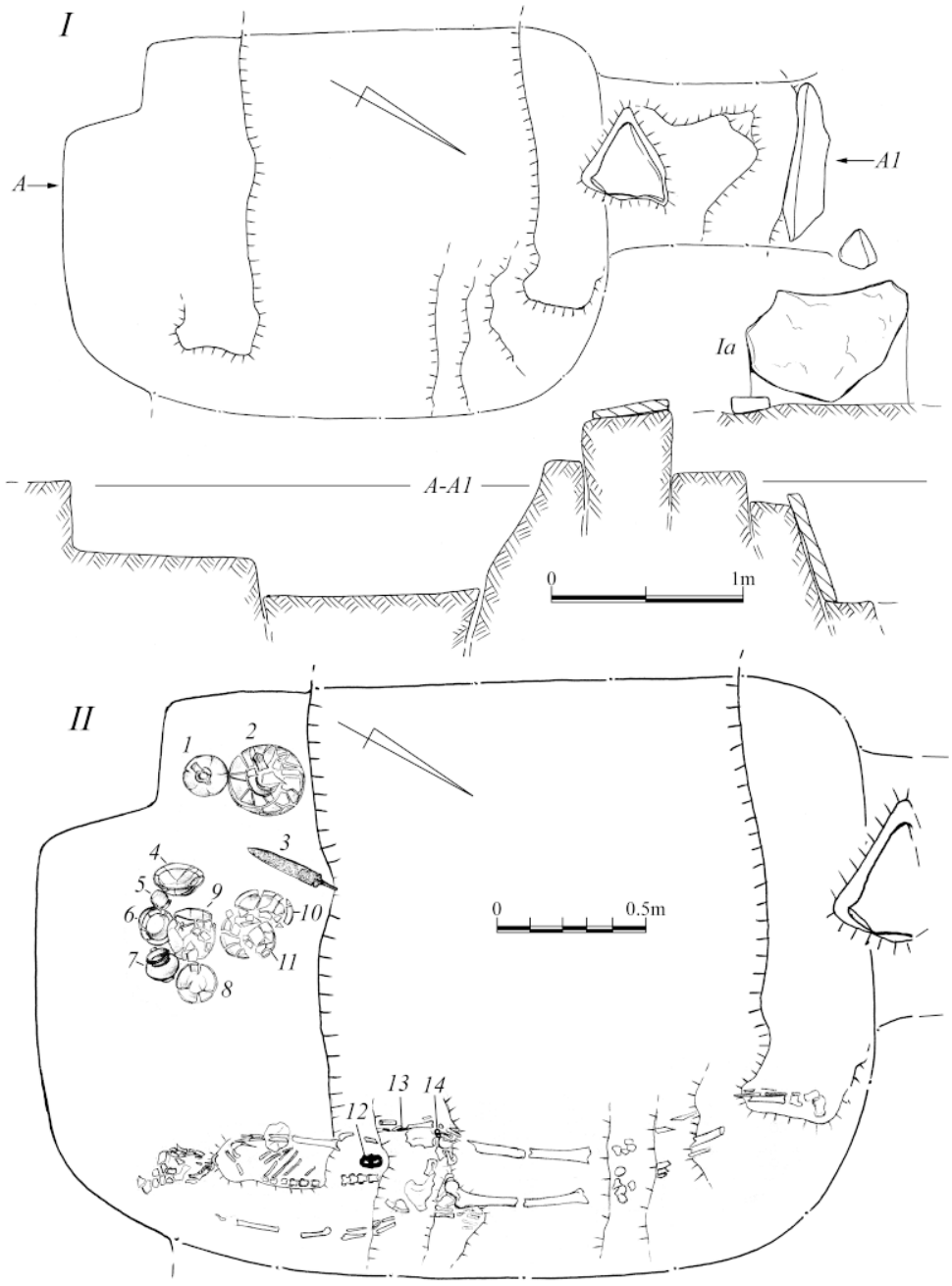

Рис. 1. Склеп 173.

I – общий план и разрез к плану по линии А-А1; Ia – северо-западный фас закладной плиты; II – план погребения; *1, 2, 4-6, 9-11* – лепные сосуды; *3* – железный меч; *7, 8* – краснолаковые сосуды.

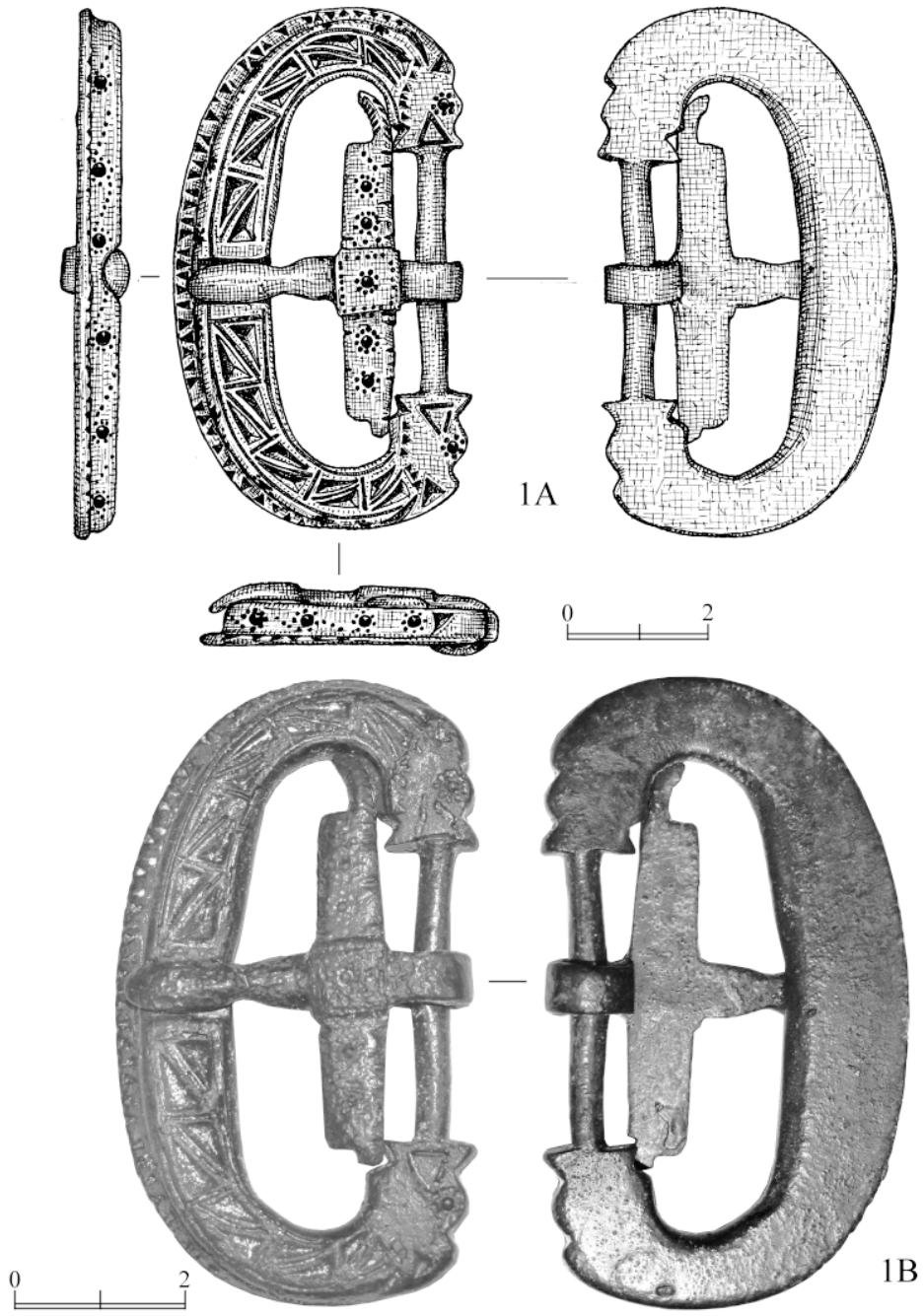

Рис. 2. Римская воинская пряжка.
1А – рисунок; 1В – фото.

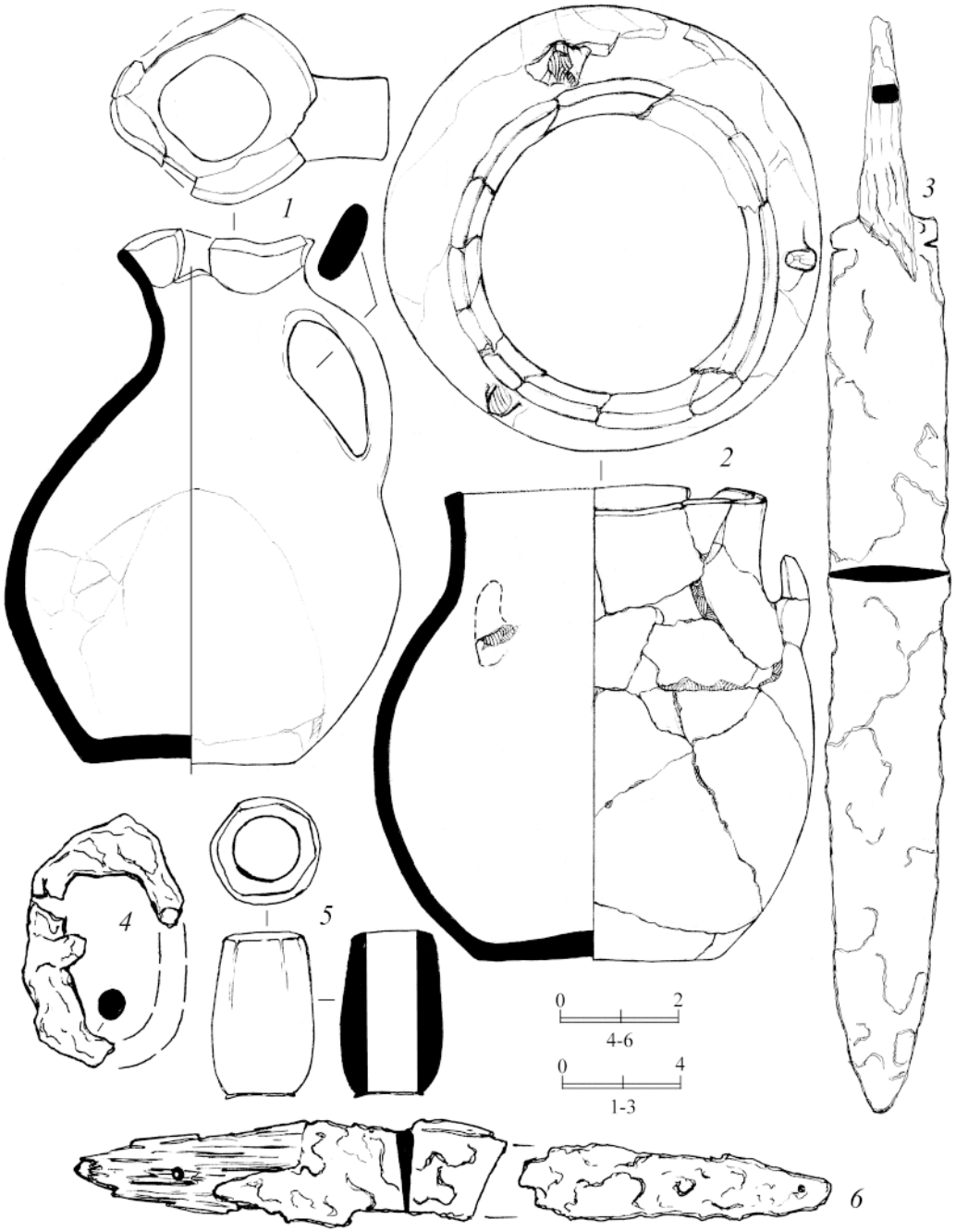

Рис. 3. Находки из склепа 173.

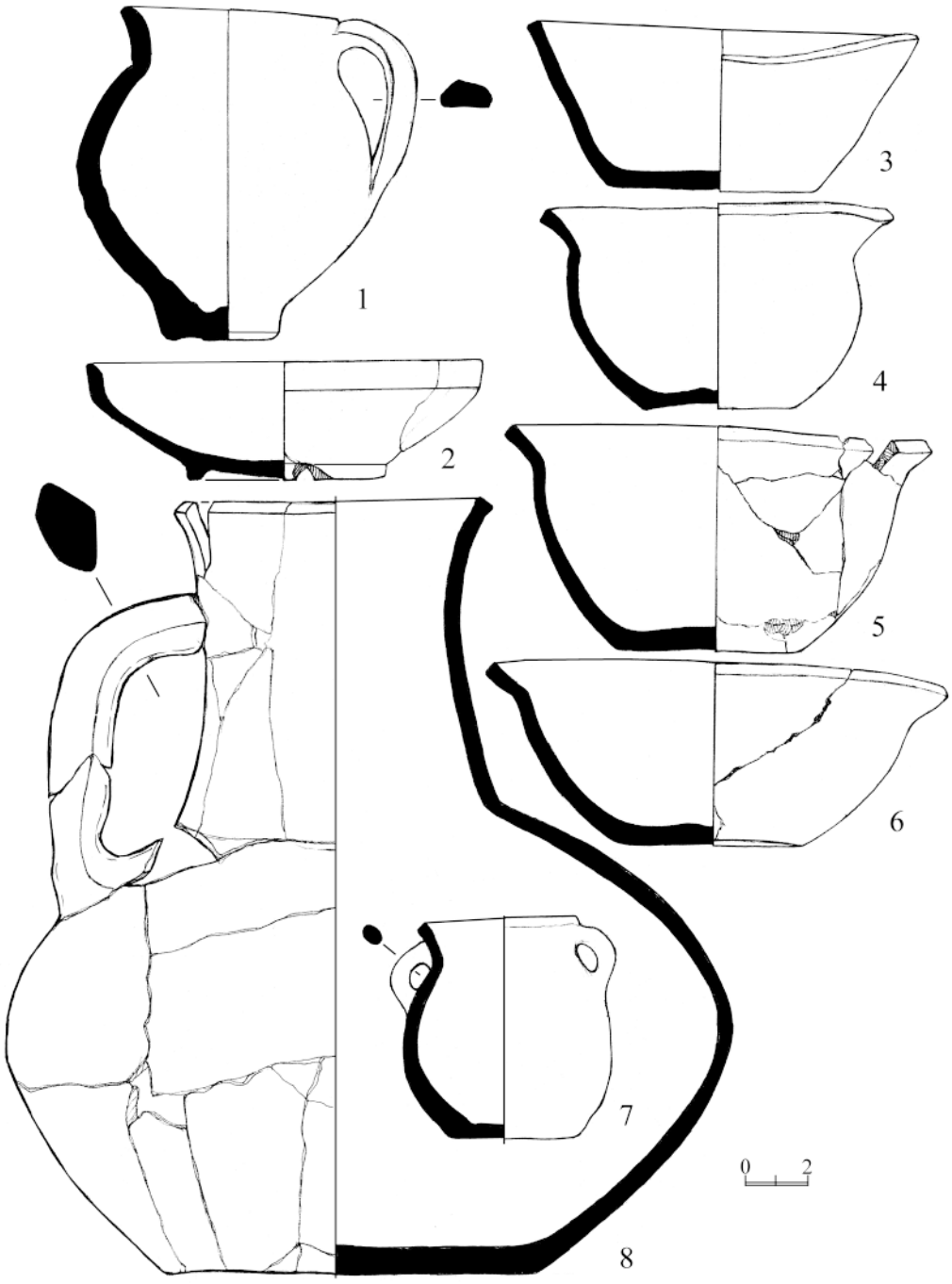

Рис. 4. Керамика из склепа 173.

О. С. ИВАНОВА

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА В БАЛКЕ АЛМАЛЫК-ДЕРЕ (МАНГУП)[1]

В 1995-2008 гг. одним из основных объектов Мангупской археологической экспедиции является могильник в балке Алмалык-дере на юго-восточной периферии Мангупского плато. Интерес к нему объясняется, прежде всего, тем, что здесь, в сравнении с другими раннесредневековыми некрополями округи Мангупа (Адым-Чокрак, Южный-I, Южный-II, Каралез), была выявлена серия наиболее ранних на сегодняшний день погребальных комплексов второй половины / конца IV – V вв., имеющих отношение к истории поселения[2] (рис. 1). Кроме того, систематические исследования могильника отрядом экспедиции связаны с его ежегодным разграблением после завершения полевого археологического сезона.

На сегодняшний день существует одна статья А.Г. Герцена и М. Мончиньской, посвященная публикации находок из склепа № 65 (конец IV – начало V вв.) могильника в балке Алмалык-дере [1, p. 522-544]. Данная статья является второй, после значительного перерыва, в которой отражен материал из комплексов Алмалыкского некрополя.

В ходе исследований 1995-2008 гг. на могильнике была получена значительная коллекция керамических материалов, представленная целыми формами или

---

[1] Выражаю признательность за возможность публикации археологических материалов А.Г. Герцену, руководителю Мангупской экспедиции, и С.А. Чернышу, под началом которого проводились раскопки могильника. Отдельная благодарность А.В. Смокотиной, выполнившей основную работу по графической фиксации краснолаковой керамики, и А.А. Душенко за помощь при оформлении общего плана Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований последних лет (рис. 1).

[2] В настоящее время готовится монография, посвященная могильникам в балке Алмалык-дере, Адым-Чокрак и Южный-1. Однако на сегодняшний момент уже ясно, что описываемый участок Алмалыкского могильника существовал в пределах второй половины/конца IV – VI вв., а наиболее активно использовался в конце IV – V вв. Выражаю благодарность профессору университета г. Лодзь (Польша) Магдалене Мончиньской за предоставленную информацию.

фрагментами тарных, кухонных и столовых (краснолаковых) сосудов[3]. Этот материал происходит не только из закрытых комплексов (склепов, подбойных и грунтовых могил, могил с заплечиками), но также из надматериковых слоев.

Группа краснолаковых изделий, насчитывающая 104 целых, археологически целых или фрагментарно сохранившихся сосудов, вызывает, в связи с разнообразием ее форм, особый интерес. В сочетании с другими видами погребального инвентаря она, несомненно, может уточнить как в целом датировку некрополя, так и хронологию отдельных захоронений.

Основной задачей данной работы является классификация полученной в ходе раскопок Алмалыкского могильника коллекции краснолаковых изделий. В ходе ее изучения было выделено две группы краснолаковой керамики в зависимости от регионов ее производства. Основная масса изделий принадлежит так называемой понтийской группе – 89,4% (93 экз.). Сосуды фокейской группы составляют 10,6% (11 экз.)[4].

Краснолаковая керамика «понтийского» производства

В середине 80-х гг. XX в. Дж. Хейсом для обозначения раннеримской керамики (I-III вв. н.э.), распространенной в Западном, Северном и Восточном Причерноморье, был введен термин «Pontic sigallata» [2, p. 92-96, fig. XXII; XXIII]. Первые сосуды позднеримской краснолаковой керамики (IV-VI вв.) понтийского региона были выделены А. Опайцом на материалах Топрайкьой (Topraichioi)[5] (Подунавье) [3, p. 154-161, 163]. Однако, длительное время она относилась авторами специальных работ к изделиям фокейских, кипрских и африканских центров [4, с. 51-55; 5, с. 96; 6, с. 10; 7, с. 406-430]. Польский исследователь К. Домжальский, изучив материалы Восточного Крыма и Ольвии, заметил серьезные различия в технических приемах изготовления посуды, и, согласно номенклатуре Дж. Хейса, назвал позднеримскую краснолаковую керамику, предположительно производимую в Северном Причерноморье, «Pontic Red Slip Ware»[6] [8, p. 106-107; 9. p. 161-168; 10, p. 415-491; 11, с. 73-81].

---

[3] Археологический материал из раскопок могильника в балке Алмалык-дере хранится в Археологическом музее Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (1995-2004 гг.) и в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника (2005-2008 гг.)

[4] Далее в тексте используются общепринятые сокращения для фокейской краснолаковой керамики: «Phocean Red Slip Ware» – PhRS либо «Late Roman C» – LRC (термин, впервые использованный в монографии Ф. Вааге 1933 г. и разработанный в классификации Дж. Хейса для обозначения позднеримской краснолаковой керамики, производящейся в Малой Азии).

[5] Здесь и далее румынские названия памятников в Подунавье, материалы из которых обработаны в монографиях и статьях А. Опайца, транслитерированы на русский язык при помощи учебника Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. (С приложением правил практической транскрипции имен с 23 иностранных языков, в том числе таблиц слоговых соответствий для китайского и японского языков.). М., 2001.

[6] Далее в тексте используется сокращение PRS.

Следует отметить, что публикации указанных авторов не охватывают весь спектр форм, обнаруженных на некрополе в балке Алмалык-дере. Именно поэтому в данной работе создана отдельная типология открытых и закрытых форм краснолаковых сосудов, которая частично соотнесена с классификациями К. Домжальского и Дж. Хейса, однако основная масса посуды выделена в отдельные формы. К ним по возможности подобраны аналогии из закрытых комплексов Северного Причерноморья. В ходе исследования мы столкнулись с проблемой низкого качества графического изображения краснолаковых изделий в публикациях, что порой затрудняет подбор соответствующих форм. Также отметим, что существует некое морфологическое сходство между сосудами понтийского происхождения и синхронными им изделиями из других средиземноморских центров. В таком случае индикатором при атрибуции изделий могут служить лишь особенности структуры глины и лакового покрытия сосудов.

На сегодняшний день мастерских, производивших краснолаковую керамику, в Северном Причерноморье не обнаружено. Вероятно, это вопрос времени. Однако то, что описанные формы не являются продуктом ни одной известной нам на данный момент мастерской Малой Азии или Африки, не вызывает сомнений.

Большинство сосудов понтийского происхождения из раскопок Алмалыкского могильника сформовано из бежевого, светло-коричневого, красного, красно-коричневого мелкозернистого теста, содержащего мелкие известняковые включения. Нередко в глиняном тесте присутствуют частицы слюды. Лак, от оранжево-красного до бурого цветов, покрывает густым слоем внутреннюю поверхность изделий. Снаружи он нанесен неравномерно, часто разводами, имеет более светлый, чем изнутри, оттенок и характерный блеск. Кольцевой поддон и дно изделий, как правило, без покрытия. Такие особенности имеют открытые сосуды форм 1-5, 7, 8, 10, 11 и кувшины типов 1-5. Следует также выделить две группы изделий «понтийского» производства, имеющие отличия в технических приемах изготовления. У них более тонкие, нежели у основной массы сосудов, стенки. Изделия одной группы сформованы из очень плотного бежевого теста с примесью известняка и неравномерно покрыты светло-оранжевым лаком (формы 6, 9, 14). Сосуды другой группы сформованы из плотного красно-коричневого теста без видимых примесей. Темно-красный лак тонким слоем покрывает все поверхности изделий, включая дно (миски форм 12, 13, кувшин типа 6). Разницу в тесте и лаковом покрытии основной массы понтийской краснолаковой керамики от вышеописанных двух групп можно объяснить либо их производством в разных центрах Северного Причерноморья, либо более ранней хронологией последних (IV в.?).

Краснолаковые изделия «понтийского» производства из Алмалыкского некрополя морфологически подразделяются на 14 форм сосудов открытого типа (82,8% – 77 экз.) и 6 форм кувшинов (9,7% – 9 экз.). Около 7,5% находок (7 фрагментов доньев сосудов) не поддаются реконструкции.

Сосуды открытого типа

Форма 1 (24 экз. – 25,7%)[7]. Блюда с вертикальным или слегка загнутым краем, прямыми, сужающимися книзу стенками и дном на невысоком кольцевом поддоне. Характерной чертой всех блюд PRS является небольшой желобок при переходе от стенки к кольцевому поддону. Эта форма не является исключением [10, p. 426, PRS–1]. А.В. Сазанов выделяет два варианта таких блюд: с заостренным и валикообразным краем [4, с. 51-53]. Диаметр венчика от 20,0 до 32,0 см, дна – 14,8-21,0 см, высота изделий – в пределах 4,3-5,7 см. Сосуды, как правило, сформованы из плотной глины от бежевого до красного цветов, с примесью известняка и, в редких случаях, слюды. Лак, от оранжевого до бурого цветов, нанесен равномерно на внутреннюю поверхность, внешняя часть покрыта разводами. На дне лак отсутствует.

Каталог (рис. 2, 3, 4)

1. *Фрагмент профиля. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности блюда. На дне он отсутствует. Размеры: D=22,0 см, d=15,2 см, h=3,8 см*[8]*. Археологический контекст: подбойная могила № 16, заполнение погребальной камеры (2000)*[9]*. Комплекс без узкой датировки.*

2. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне он отсутствует. Размеры: D=27,8 см, d=19,6 см, h=5,8 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина V в.*[10]

3. *Целая форма. Блюдо сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Темно-оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешней части лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=27,5 см, d=18,8 см, h=5,5 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина V в.*

4. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка, покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=27,0 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина V в.*

---

[7] Здесь и далее проценты указаны относительно всей понтийской краснолаковой керамики.
[8] Здесь и далее: D – диаметр венчика, d – диаметр дна, h – высота сосуда.
[9] Здесь и далее в скобках указан год раскопок указанного археологического комплекса.
[10] Даты археологических комплексов любезно предоставлены нам при подготовке данной статьи М. Мончиньской, которая вместе с А.Г. Герценым возглавляет коллектив авторов уже упомянутой монографии, посвященной раннесредневековым некрополям Мангупского городища.

5. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из плотной оранжевой глины с примесью известняка, покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=27,0 см. Археологический контекст: участок № 1, зольное пятно (2002). Комплекс без узкой датировки.*

6. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из плотной оранжевой глины с примесью известняка, покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=24,0 см. Археологический контекст: участок № 1, зольное пятно (2002). Комплекс без узкой датировки.*

7. *Фрагмент профиля. Сосуд сформован из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность формы. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне он отсутствует. Размеры: D=29,9 см, d=17,7 см, h=7 см. Археологический контекст: участок № 1, склеп № 1, заполнение погребальной камеры (2002). Комплекс без узкой датировки.*

8*. Фрагмент венчика. Изделие сформовано из плотной красной глины с примесью известняка, покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=26,0 см. Археологический контекст: участок № 1, склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2002). Дата комплекса – вторая половина V в. (?).*

9. *Фрагмент профиля. Сосуд сформован из красной плотной глины с примесью известняка. Темно-оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность формы. На внешнюю сторону лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=20,7 см, d=13,0 см, h=4,1 см. Археологический контекст: участок № 2, 2-й слой (2002). Комплекс без узкой датировки.*

10. *Археологически целая форма. Блюдо сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак с металлическим блеском густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=27,8 см, d=19,1 см, h=5,9 см. Археологический контекст: участок № 2, подбойная могила № 3, заполнение погребальной камеры (2002). Комплекс без узкой датировки.*

11, 11а. *Фрагменты венчика и дна. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=22,0 см, d=14,0 см. Археологический контекст: участок №2, грунтовая могила № 1, заполнение погребальной камеры (2002). Комплекс без узкой датировки.*

12. *Целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=19,3 см, d=13 см, h=4,7 см. Археологический контекст: склеп № 161, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг. (?).*

***13**. Целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=23,6 см, d=16,2 см, h=4,4 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

***14.** Целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность формы. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=24,4 см, d=16,2 см, h=4,6 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

***15.** Археологически целая форма. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Красно-оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=28,0 см, d=20,4 см, h=5,6 см. Археологический контекст: склеп № 158, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – V вв.*

***16.** Археологически целая форма. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=27,2 см, d=18,4 см, h=5,4 см. Археологический контекст: склеп № 175, заполнение погребальной камеры (2005). Дата комплекса – 380/400-480/90 гг.*

***17.** Археологически целая форма. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Темно-красный с металлическим блеском лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=27,8 см, d=17,6 см, h=5,4 см. Археологический контекст: склеп № 175, заполнение погребальной камеры (2005). Дата комплекса – 380/400-480/90 гг.*

***18.** Целая форма. Блюдо украшено по внешней поверхности вертикальными насечками. Сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Светло-оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=28,6 см, d=19,2 см, h=5,4 см. Археологический контекст: склеп № 175, заполнение погребальной камеры (2005). Дата комплекса – 380/400-480/90 гг.*

***19.** Фрагмент венчика. Изделие сформовано из красной, плотной глины без видимых примесей, покрыто красным лаком. Размеры: D=20,6 см. Археологический контекст: подбойная могила № 31, заполнение погребальной камеры (2005). Комплекс без узкой датировки.*

20. *Целая форма. Блюдо сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=19,7 см, d=12,7 см, h=4,2 см. Археологический контекст: склеп № 184, заполнение погребальной камеры (2006). Дата комплекса – 430/40-470/80 гг.*

21. *Целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами и местами пережжен, на дне отсутствует. Размеры: D=19,9 см, d=11,7 см, h=4,4 см. Археологический контекст: склеп № 184, заполнение погребальной камеры (2006). Дата комплекса – 430/40-470/80 гг.*

22. *Археологически целая форма. Блюдо сформовано из красно-коричневой плотной глины с примесью известняка. Оранжево-коричневый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=28,4 см, d=19,2 см, h=5,6 см. Археологический контекст: подбойная могила № 33, заполнение погребальной камеры (2006). Комплекс без узкой датировки.*

23. *Целая форма. Блюдо сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=27,0 см, d=18,5 см, h=5,3 см. Археологический контекст: склеп № 187, заполнение погребальной камеры (2007). Комплекс без узкой датировки.*

24. *Фрагмент профиля. Изделие сформовано из красной, плотной глины с примесью известняка и неравномерно покрыто красным лаком. Размеры: h=3,6 см. Археологический контекст: «тризна» у «пятки» дромоса склепа № 191 (2008). Комплекс без узкой датировки.*

Блюда указанного типа являются наиболее распространенной формой понтийской керамики позднеримского времени. Ранее их определяли как форму 62B группы «African Red Slip Ware» по Дж. Хейсу (1972) и считали продукцией африканских центров[11] [6, с. 35-40, рис. 12-17].

Хронологические рамки бытования формы 1 довольно обширны. А.В. Сазанов на материалах Херсона и Боспора датирует ее серединой / концом IV – третьей четвертью VI вв. [4, с. 53; 7, с. 407, рис. 1,5]. Т.М. Арсеньева и К. Домжальский, оперируя комплексами Танаиса, относят такие блюда к середине IV – середине V вв. или даже несколько позднему времени [12, с. 43, 44, рис. 1,1; 2-4; 10, p. 426]. А.И. Айбабин, опираясь на 14 закрытых комплексов из могильни-

[11] Далее в тексте для обозначения группы «African Red Slip Ware» используется общепринятое сокращение ARSW.

ков Юго-Западного Крыма, предлагает дату – первая половина IV – первая половина VI вв. [13, с. 115-116; 14, с. 16]. А. Опайц датирует форму, на основе материалов Топрайкьой (Topraichioi), Аргамума (Argamum), Муригьола (Murighiol), Яси Ада (Yassi Ada), в пределах первой половины V в. [3, p. 155; 15, p. 75].

В Херсонесе блюда формы 1 встречаются в следующих закрытых комплексах: слой у стены 30 в квартале VII (последняя четверть IV – первая четверть V вв.); помещение 34Б, слой 5, помещение 36, слой 6 (конец IV – середина V вв.); заполнение цистерны в квартале II, северо-восточного района и колодца К-41 в квартале III (последняя четверть V в.)[12]; II слой контрольного целика 1958 года на участке античного театра, раскопки О.И. Домбровского (третья четверть – конец V в.); помещение 30, слой 6 (вторая четверть VI в.), портовый квартал I, помещение 137, слой 2, слой 11, нивелировочная засыпь в районе юго-восточного участка оборонительных стен, раскопки К.Э. Гриневича (вторая – третья четверти VI в.); портовый квартал I, помещение 48, слой 4 (вторая половина VI в.); заполнение цистерны в квартале XCVII (предварительная датировка V-VI вв.); портовый квартал 2, слой разрушения усадьбы с пифосами, раскопки А.И. Романчук (первая четверть VII в.) [16, с. 227-228, 244-247, 249, 250, рис. 4,8-14; 5,40-47; 12,1-6; 6, с. 35-40, рис. 12-17; 17, с. 133-134, рис. 4,1,3; 18, с. 105-108, 116, рис. 1-4; 5,2-9; 26,2; 60,1-4,7; 19, с. 195, рис. 8,1-6,8,9]. На Гераклейском полуострове в могильнике Килен-Балка также выявлены описываемые блюда. Автор на основе аналогий, а не сопутствующего материала, предлагает датировать их III – третьей четвертью VI вв., однако акцентирует, что наиболее часто они встречаются в IV – начале VI вв. [20, с. 108-109, рис. 2,1-8,10; 3,1-4].

Ареал формы 1 охватывает также могильники Инкерман (могилы 16, 29, 30, 32, 41), Черная речка (склепы 7, 40), Красный Мак (склеп 6) – второй половины IV – середины V вв., Суворово (могила 11, склеп 38) – первой половины – третьей четверти IV вв., Дружное (могилы 3, 18, 36, 58, 64, 66, 78, 87), Нейзац (склепы 4, 275) – IV в., Озерное III (склеп 1), «Совхоз № 10» (могилы 41 и 284, склепы 2, 5, 9, 10, 12) – IV – начала V в. [21, рис. 13,7,8,10,11,12; 13, с. 107, 109, 112, рис. 3,15; 5,2; 7,2; 14, с. 16; 22, с. 108, рис. 59,14; 64; 23, с. 58, 67-72, рис. 69,7,8; 86,5; 120,1; 140,17; 151,1,2; 158,1; 179,1; 211,11; 24, с. 377, рис. 11,1,2; 25, p. 208, fig. 10,3; 26, с. 243, рис. 5,10; 27, с. 211-212, рис. 3,3; 28, с. 256, рис. 2,1].

В Восточном Крыму изделия обнаружены на территории Европейского и Азиатского Боспора: в могильнике Сиреневая бухта (склеп 21/9) – середины / третьей четверти III – третьей четверти VI вв., на Тиритаке (участок XV, слой

[12] Первоначально заполнение «цистерны в алтаре» относили к III-IV вв., концу IV – середине V в. [17, с. 130; 6, с. 12-13], а засыпь колодца к первой половине IV в. [7, с. 407, рис. 1,1], однако позже А.В. Сазанов пересмотрел датировки и сдвинул их до последней четверти V в. [16, с. 244-247, 250].

функционирования постройки № 2) – середины V – второй четверти VI вв., в Фанагории (могила 50) – середины V – начала VI вв., (береговой стратиграфический раскоп, первый строительный период здания) – третьей четверти V в., в Нимфее [29, с. 21-22, рис. 48,9; 5, с. 95-98; 30, с. 123, рис. 153; 16, с. 233-234; 8, p. 106-107, fig. 4,85].

За пределами Крыма форма 1 встречается в Ольвии в комплексах рубежа IV-V вв., на Ильичевском городище – третьей четверти VI в., в Абхазии (Питиунта, Апсилия, могильник Цибилиум) – второй половины V – первой половины VI вв. [31, с. 110, тип 14А, рис. 48; 11, с. 79; 5, с. 51-53; 32, с. 16, табл. 20,9; 15,8,9].

Таким образом, блюда формы 1 встречаются в комплексах середины IV – первой четверти VII вв. Следует отметить, что наиболее поздний контекст, где присутствуют изделия (слой разрушения усадьбы с пифосами портового квартала 2 в Херсонесе), датирован монетой Фоки (602-610 гг.), хотя к этому времени их производство, по всей видимости, прекратилось [33, с. 60, 62]. На некрополе в балке Алмалык-дере сосуды описываемой формы присутствуют в комплексах второй половины IV – V вв.

Форма 2 (2 экз. – 2,2%). Блюда с плоским отогнутым краем, прямыми, сужающимися книзу стенками и дном на невысоком кольцевом поддоне. Описываемые изделия, так же, как и сосуды формы 1, имеют характерный для блюд PRS желобок при переходе от стенки ко дну [10, p. 426-427, PRS-2]. Диаметр венчика – 33,0-34,0 см, дна – 25,8-26,0 см. Высота изделий не превышает 4,6 см. Сосуды, как правило, сформованы из плотной глины от бежевого до красного цветов, с примесью известняка и, в редких случаях, слюды. Лак, от оранжевого до бурого цветов, нанесен равномерно на внутреннюю поверхность изделий, их внешняя сторона покрыта разводами. На дне он отсутствует.

Каталог (рис. 4)

25. *Фрагмент профиля. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак с металлическим блеском густо покрывает внутреннюю поверхность. На внешнюю сторону сосуда светло-оранжевый лак нанесен неравномерно. На дне он отсутствует. Размеры: D=33,0 см, d=25,8 см, h=4,6 см. Археологический контекст: подъемный материал (1995).*

26. *Фрагмент профиля. Изделие сформовано из светло-коричневой плотной глины с примесью известняка. Красно-оранжевый лак с металлическим блеском густо покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности сосуда. Дно лаком не покрыто. Размеры: D=33,7 см, d=24,2 см, h=4,4 см. Археологический контекст: склеп № 2, заполнение погребальной камеры (1996). Комплекс без узкой датировки.*

Описываемые сосуды встречаются реже, нежели предыдущие, и в археологических комплексах Крымского полуострова их часто относили либо к

форме 2 группы «Late Roman C» по Дж. Хейсу (1972) [6, с. 12-13, рис. 2,6-8], либо к форме 32/58 группы ARSW [7, с. 407, рис. 1,1].

Т.М. Арсеньева и К. Домжальский на материалах Танаиса датируют такие блюда серединой – концом IV в. [10, p. 426]. А.И. Айбабин на основе комплексов могильников Инкерман и «Совхоз № 10» относит их к концу IV – началу V вв. [14, с. 16-17, рис. 5,8]. В. Нессель, опубликовавшая краснолаковую керамику некрополя Килен-балка на Гераклейском полуострове, в могилах которого зафиксированы блюда с отогнутым краем (1991 г., склеп 3, погребения I, V, № 6; 1968 г., склеп 9), предлагает в качестве хронологических границ середину IV – конец V вв., но в качестве аналогий из комплексов Крыма, на которых основывается эта дата, приводит блюда формы 3 [20, с. 109-110, рис. 3,6-10].

В Херсонесе такие блюда встречаются в следующих комплексах: слое у стены 30 в квартале VII (последняя четверть IV – первая четверть V в.); заполнениях колодца К-41 в квартале III, «цистерны в алтаре» во II квартале Северо-восточного района, раскопки С.Г. Рыжова 1980 года (датированы А.В. Сазановым последней четвертью V в.) [6, с. 12-13, рис. 2,6-8; 16, с. 229-230, 244-247, 250, рис. 4,5; 13,15-17; 15,21; 17, с. 133-134, рис. 4,4; 18, с. 106, рис. 13,1-3].

Описываемые изделия были обнаружены в могилах некрополей Инкерман (склепы 3(25), 7(1941 г.)), Дружное (могилы 3, 22, 42, 58, 64, 78), Нейзац (склепы 6, 275) – IV в., Суворово (склеп 30) – первая половина – середина IV в., (склеп 38) – 310-380 гг., Озерное III (склеп 3) – вторая четверть III – IV вв., «Совхоз № 10» (склеп 6, могила 55 – с вещами и монетой первой половины IV в., могила 277 со стаканом второй половины IV – V в.), Красный Мак (склеп 2) – середина IV – V в. [21, с. 35, 38-39, рис. 13,2,4,5; 23, с. 58 (блюда типа II), 67-72, рис. 69,9; 105,5; 131,1; 140,18; 151,3; 179,2; 25, p. 208, fig. 10,6; 34, рис. 6,8; 22, с. 110, 114, рис. 64; 35, рис. 6,6,7; 26, с. 247, 251, рис. 7,7; 13, признак 12, с. 115, рис. 3,5; 27, с. 111-112, рис. 3,1,1а]. Блюда формы 2 также известны в Ольвии, в комплексах IV – рубежа IV / V вв. [31, признак 14б, с. 110, рис. 45,19; 11, с. 79, рис. 1,3,4].

Таким образом, в Крыму, сосуды формы 2 встречаются в комплексах IV-V вв., хотя хронологические границы их бытования, предложенные Т.М. Арсеньевой и К. Домжальским [10, p. 426], на данный момент являются наиболее обоснованными.

Форма 3 (13 экз. – 13,9%). Блюда с плоским широким отогнутым приблизительно на 45^0 краем, округлыми стенками, дном на невысоком кольцевом поддоне. Широкий венчик (2,0-4,0 см) часто украшен с внутренней стороны концентрическим врезным линейно-волнистым орнаментом. В центре блюда также часто имеется линейно-волнистый декор в виде «медузы» либо многолучевой розетки в круге, выполненный многозубчатой гребенкой. В некоторых случаях форма украшена врезными волнами и с внешней стороны [10, p. 426-427, PRS-3]. Диаметр венчика – 22,0-40,0 см, дна – 11,0-20,0 см, высота изделий – 4,1-5,5 см. Сосуды, как правило, сформованы из плотной глины

от бежевого до красного цветов, с примесью известняка и, в редких случаях, слюды. Лак, от оранжевого до темно-красного цветов, нанесен равномерно на внутреннюю поверхность, внешняя сторона изделий покрыта разводами. На дне лак отсутствует.

Каталог (рис. 5-9)

27. *Фрагмент венчика. Сосуд сформован из плотной красной глины с примесью известняка. Оранжевый лак неровно покрывает изделие. Размеры: D=30,0 см. Археологический контекст: подъемный материал (1996).*

28. *Археологически целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый блестящий лак покрывает весь сосуд, кроме кольцевого поддона и дна. Размеры: D=30,0 см, d=20,2 см, h=4,2 см. Археологический контекст: склеп № 65, заполнение погребальной камеры (1998); дата комплекса – 360/70-400/10 гг. [1, p. 526, abb. 3,1].*

29. *Археологически целая форма. Изделие украшено в центре линейно-волнистым орнаментом «медуза». Сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=30,0 см, d=19,4 см, h=3,6 см. Археологический контекст: склеп № 118, заполнение погребальной камеры (2000); дата комплекса – 430/40-470/80 гг.*

30. *Фрагмент профиля. Изделие украшено с внешней стороны врезной волнистой линией. Сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=39,6 см, d=25,8 см, h=4,3 см. Археологический контекст: участок № 1, склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2002); дата комплекса – вторая половина V в. (?).*

31*. Целая форма. Блюдо украшено в центре линейно-волнистым орнаментом «медуза». Сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=30,0 см, d=18,6 см, h=3,8 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003); дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

32. *Целая форма. Блюдо украшено по венчику концентрической линией и имеет в центре линейно-волнистый декор «медуза». Сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=28,8 см, d=18,0 см, h=4,1 см. Археологический контекст: склеп № 163, заполнение погребальной камеры (2004). Комплекс без узкой датировки.*

33. *Фрагмент профиля. Блюдо украшено в центре линейной врезной розеткой. Сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Красно-оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=31,6 см, d=21,2 см, h=3,8 см. Археологический контекст: склеп № 182, заполнение погребальной камеры (2006). Комплекс без узкой датировки.*

34. *Археологически целая форма. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=30,6 см, d=21,8 см, h=4,8 см. Археологический контекст: склеп № 189, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – вторая половина IV – середина V вв.*

35. *Археологически целая форма. Блюдо украшено в центре линейно-волнистым орнаментом «медуза». Сформовано из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Темно-красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=29,1 см, d=19,5 см, h=4,4 см. Археологический контекст: склеп № 189, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – вторая половина IV – середина V вв.*

36. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из светло-коричневой плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=38,0 см, d=25,6 см, h=5,2 см. Археологический контекст: склеп № 189, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – вторая половина IV – середина V вв.*

37. *Фрагмент профиля. Блюдо украшено по широкому венчику врезными волнистыми линиями, выполненными многозубчатой гребенкой. В центре линейно-волнистый декор «медуза». На дне сосуда находится дипинти в виде двух греческих букв «NA», выполненное красной краской. Размеры: D=41,2 см, d=24,4 см, h=5,4 см. Археологический контекст: склеп № 190, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

38. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, покрыто красным лаком. Размеры: D=27,3 см. Археологический контекст: склеп № 191, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – середина IV – первая половина VI вв.*

39. *Археологически целая форма. Блюдо украшено в центре асимметричной многолучевой розеткой в круге, выполненной многозубчатой гребенкой. Сформовано из светлой плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем нанесен на внутреннюю поверхность, внешняя сторона изделия покрыта неравномерно. На дне лак отсутствует.*

Размеры: D=29,2 см, d=19,8 см, h=4,0 см. Археологический контекст: склеп № 197, заполнение погребальной камеры (2008). Дата комплекса – середина V в.

Описываемые блюда, наряду с сосудами формы 1, часто встречаются в археологических комплексах. Ранее их относили к форме 2 группы LRC [6, с. 12-15, рис. 3,4]. Исследователи датируют изделия по-разному в рамках конца IV – третьей четверти VI вв. Эта хронология основана на материалах Херсонеса, Танаиса, Ильичевки, Ольвии [36, с. 32, рис. 1,2; 4, с. 55; 7, с. 411; 12, с. 45, рис. 1,9; 10, p. 426-427; 3, p. 154, fig. 1,4,5; 37, p. 165, pl. 44.300; 15, p. 75; 11, с. 79, рис. 1,5].

В Херсонесе они обнаружены в слоях конца IV – середины V вв.: квартал VII, район стены 30; портовый квартал 1, помещение 36, слой 5; третьей четверти V в.: слой контрольного целика 1958 года на участке античного театра; последней четверти V в.: квартал II, «цистерна в алтаре»; второй – третьей четверти VI в.: портовый квартал 2, помещение 30, слой 6, помещение 34б, слой 4; нивелировочная засыпь в районе юго-восточного участка оборонительных стен (раскопки К.Э. Гриневича 1927 г.); портовый квартал 1, помещение 137, слой 11, штык 3 (раскопки А.И. Романчук); V-VI вв. (предварительная датировка): заполнение цистерны в квартале XCVII; первой четверти VII в.: в слое разрушения усадьбы с пифосами в портовом квартале 2 (раскопки А.И. Романчук 1985-1986 гг.) датировку определяет монета императора Фоки 602-610 гг. [6, с. 12-15, рис. 3,11,13-21; 4; 7, с. 411, 426, рис. 4,8-10; 38, с. 235, 244-248, 327-330, рис. 4,1-4; 5,59-64, 14,1; 18, с. 105-108, 116-117, рис. 6,1-5; 19,11,12; 24,4-6; 61,1,2; 33, с. 60, 62; 19, с. 195, рис. 8,23-29].

Блюда с широким краем выявлены также в могильниках «Совхоз № 10» (склеп 6) – вторая половина IV – начало V вв., Инкерман (склеп 5(31) – миски найдены с материалами конца IV – середины V вв.), Дружное (могила 18) – IV в., Лучистое (склепы 88 и 100, 3-й слой) – первая половина V в. [13, с. 116 (признак 27), рис. 5,6; 28, с. 257, рис. 2,3,4,6; 4, с. 53-55; 7, с. 411, 426, рис. 4,а; 21, с. 36-37, рис. 13,3; 14, с. 184, рис. 5,7; 23, с. 68, рис. 86,6; 39, с. 287-293, рис. 18,3; 40, с. 75-76, 79, рис. 5,1].

Форма 3 распространена также на Боспоре: в Тиритаке (участок XV, субструкция под полом постройки 2) – комплекс середины V в., Фанагории (могила 50) – середины V – начала VI вв., Танаисе первой половины V в., в склепах 19/7 и 21/9 некрополя Сиреневая бухта (в целом могильник датируется серединой / третьей четвертью III – третьей четвертью VI вв.) [5, с. 94-95, рис. 8,14; 4, с. 53-55, рис. 5,18,19а; 7, с. 411, 426, рис. 4,11,в; 29, с. 21-22, 33, рис. 45,14; 48,7].

За пределами Северного Причерноморья блюда присутствуют среди материалов конца IV – середины V вв. Цебельского могильника (Абхазия), в Бичвинте, Варне, Топрайкьой (Topraichioi), Аэгиссуса (Aegyssus), Муригьола (Murighiol) – Подунавье [32, с. 9-30, табл. 15,10,11; 29,23; 4, с. 55; 7, с. 411, 426, рис. 4,б; 3, p. 154, fig. 1,4,5; 37, p. 165, pl. 44.300; 15, p. 75].

Скоррелировав описанные комплексы, можно сделать вывод, что период

наиболее активного использования изделий формы 2 определяется концом IV – первой половиной V вв., хотя они продолжают встречаться в комплексах до первой четверти VII в. На Алмалыкском могильнике сосуды присутствуют в склепах второй половины IV – первой половины VI вв.

Форма 4 (23 экз. – 24,7%). Миски с почти вертикальным, нередко загнутым вовнутрь краем, округлыми или усеченно-коническими стенками и невысоким кольцевым поддоном [10, p. 426-427, PRS-4]. На некоторых мисках при переходе от венчика к стенке имеется ребро. Диаметр края 11,0-19,0 см, дна – 4,9-9,0 см, высота сосудов – 3,4-7,1 см. Миски сформованы из плотной глины от бежевого до красного цветов, с примесью известняка и, в редких случаях, слюды. Лак, от оранжевого до бурого цветов, нанесен равномерно на внутреннюю поверхность, внешняя часть изделий покрыта разводами. На дне лак отсутствует.

По форме и диаметру венчика выделяются три варианта мисок формы 4.

Вариант I (2 экз.). Миски с наибольшим диаметром венчика (18,0-19,0 см) имеют резкое ребро при переходе от вертикального края к усеченно-коническим стенкам и украшены по венчику одной или двумя врезными линиями с наружной стороны.

Каталог (рис. 10)

40. *Археологически целая форма. Миска украшена по венчику одной врезной линией с внешней стороны. Сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо нанесен на внутреннюю поверхность. Внешняя сторона изделия покрыта разводами, на дне лак отсутствует. Размеры: D=19,3 см, d=7,3 см, h=7,7 см. Археологический контекст: склеп № 159, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

41. *Археологически целая форма. Миска украшена по венчику одной врезной линией с внешней стороны. Сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо нанесен на внутреннюю поверхность. Внешняя сторона изделия покрыта разводами, на дне лак отсутствует. Размеры: D=18,5 см, d=8,9 см, h=7,1 см. Археологический контекст: склеп № 159, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Вариант II (9 экз.). Миски диаметром венчика от 11,0 до 17,0 см с загнутым краем, округленным ребром, плавно переходящим в округлые стенки.

Каталог (рис. 10)

42. *Целая форма. Миска сформована из светло-коричневой плотной глины с примесью известняка. Тусклый оранжевый лак равномерно покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=11,0 см, d=5,9 см, h=5,2 см. Археологический контекст: подбойная могила № 7, заполнение погребальной камеры (1999). Комплекс без узкой датировки.*

43. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из светло-коричневой, плотной глины с примесью известняка. Покрыто красным лаком. Фрагмент пережжен. Размеры: D=17,0 см. Археологический контекст: склеп № 118, заполнение погребальной камеры (2000). Дата комплекса – 430/40-470/80 гг.*

44. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=12,5 см, d=5,6 см, h=4,9 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

45. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из коричневой плотной глины с примесью известняка. Красный, плохо сохранившийся лак нанесен на все поверхности сосуда, за исключением дна. Размеры: D=16,9 см, d=7,7 см, h=5,8 см. Археологический контекст: могила с заплечиками № 1, заполнение (2006). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг. (?).*

46. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда, на внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=12,1 см, d=6,4 см, h=3,5 см. Археологический контекст: склеп № 189, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – вторая половина IV – середина V вв.*

Вариант III (10 экз.). Миски диаметром от 11,0 до 17,0 см, имеющие вертикальный, либо чуть отклоненный наружу округлый венчик, плавно переходящий в округлые стенки.

Каталог (рис. 11)

47. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=11,3 см, d=5,5 см, h=3,9 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина / середина V в.*

48. *Целая форма. Миска сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=11,1 см, d=5,9 см, h=4,1 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина/середина V в.*

49. *Целая форма. Миска сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность сосуда. На внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Размеры: D=12,2 см, d=4,9 см, h=4,7 см. Археологи-*

ческий контекст: склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.

50. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо нанесен на внутреннюю поверхность сосуда, внешняя сторона изделия покрыта разводами. На дне лак отсутствует. Размеры: D=11,6 см, d=5,4 см, h=4,3 см. Археологический контекст: склеп № 163, заполнение погребальной камеры (2004). Комплекс без узкой датировки.*

51. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из светло-коричневой глины с примесью карасана. Покрыто оранжевым лаком плохой сохранности. Археологический контекст: конское захоронение № 2 (2000). Комплекс без узкой датировки.*

52. *Фрагмент профиля. Миска сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак плохой сохранности покрывает все изделие, за исключением дна. Размеры: D=15,8 см, d=6,5 см, h=5,2 см. Археологический контекст: участок № 2, грунтовая могила № 1, заполнение (2002). Комплекс без узкой датировки.*

53. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Покрыто плохо сохранившимся красным лаком. Размеры: D=17,0 см. Археологический контекст: участок №1, склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2002). Дата комплекса – вторая половина V в. (?)*

54. *Целая форма. Миска сформована из светло-коричневой плотной глины с примесью известняка. Плохого качества оранжевый лак покрывает всю форму, кроме дна. Размеры: D=14,4 см, d=6,9 см, h=5,6 см. Археологический контекст: склеп № 158, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – вторая половина V вв.*

55. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густым слоем нанесен на внутреннюю поверхность формы. Внешняя сторона покрыта неравномерно, на дне лак отсутствует. Размеры: D=11,8 см, d=5,4 см, h=4,6 см. Археологический контекст: склеп № 157, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 380/400-440/50 гг.*

56. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак плохой сохранности покрывает все изделие, кроме дна. Размеры: D=16,1 см, d=6,8 см, h=5,5 см. Археологический контекст: склеп № 162, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 380/400-440/50 гг.*

57. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из красной, плотной глины с примесью известняка. Покрыто оранжевым лаком. Размеры: D=16,0 см. Археологический контекст: склеп № 168, заполнение погребальной камеры (2004). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

58. *Целая форма. Миска сформована из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо нанесен на внутреннюю поверхность формы, внешняя сторона изделия покрыта разводами. На дне лак отсутствует. Размеры: D=13,0 см, d=6,0 см, h=5,5 см. Археологический контекст: склеп № 185, заполнение погребальной камеры (2006). Комплекс без узкой датировки.*

59. *Целая форма. Миска сформована из плотной красной глины с примесью известняка. Оранжевый лак густо нанесен на внутреннюю поверхность формы, внешняя сторона изделия покрыта разводами. На дне лак отсутствует. Размеры: D=15,0 см, d=7,0 см, h=5,2 см. Археологический контекст: склеп № 185, заполнение погребальной камеры (2006). Комплекс без узкой датировки.*

60. *Археологически целая форма. Миска сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Оранжево-красный лак густым слоем покрывает внутреннюю поверхность формы, на внешнюю сторону изделия лак нанесен разводами, на дне он отсутствует. Размеры: D=15,2 см, d=6,2 см, h=5,3 см. Археологический контекст: склеп № 190, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

61. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из бежевой плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю часть миски. На внешнюю поверхность он нанесен неравномерно, на дне лак отсутствует. Размеры: D=14,2 см, d=7,0 см, h=4,2 см. Археологический контекст: прирезка № 4, «тризна» (2008). Комплекс без узкой датировки.*

62. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из бежевой плотной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем покрывает внутреннюю часть миски. На внешнюю поверхность он нанесен неравномерно, на дне отсутствует. Размеры: D=11,7 см, d=5,5 см, h=4,0 см. Археологический контекст: прирезка № 4, «тризна» (2008). Комплекс без узкой датировки.*

Следует отметить, что приведенные выше варианты мисок формы 4 выделены нами исключительно исходя из морфологических особенностей сосудов, которые в целом не влияют на их датировку. Возможно, миски варианта I более ранние по времени бытования и являются переходным типом от раннеримского этапа развития понтийской краснолаковой керамики к позднеримскому, когда большие тарелки с вертикальным краем и вытянутым ребром [41, p. 93, tav. XXII,6-10; XXIII,1; 42, с. 181-192] уменьшаются в диаметре, а ребро становится менее резким. Что касается вариантов II и III (именно они относятся к form 4 PRS), то они сосуществуют в комплексах Таврики, что позволяет описывать их вместе.

Миски формы 4/I встречаются в Херсонесе в комплексе усадьбы «Близнецы» (краснолаковые тарелки типа 4/5) [43, с. 47-48, рис. 13; 14]. Автор дати-

рует изделия II-III вв., ссылаясь на аналогии из Тиритаки и Херсонеса [44, с. 302; 45, с. 19]. Однако указанные формы – это пример античных тарелок понтийской сигиллаты первых веков нашей эры, и они не могут служить в качестве аналогий. На Херсонесском городище миски обнаружены также в комплексах третьей четверти – конца V в.: II-й слой контрольного целика 1958 года на участке античного театра (раскопки О.И. Домбровского) и в заполнении «цистерны в алтаре» [16, с. 235, 244-248, рис. 5,39; 14,9; 18, с. 105, рис. 5,1].

Форма 4/I зафиксирована также во время раскопок некрополей Дружное (могилы 5, 35, 58, 59, 64, 81) – IV в.; Суворово (склеп 30) – первой половины – середины IV в.; Инкерман (могила 38, склеп 2(10) – с пряжкой второй половины IV – V вв.); Черная речка (склеп 53 – с двумя серебряными монетами Валента 364-378 гг.) [23, с. 58 (тип VI/2), рис. 77,10; 119,6; 140,14,16; 147,1; 154,1; 189,14,15; 22, с. 110-114, рис. 64; 21, с. 24, 34, рис. 7,5; 13, с. 115 (признак 23), рис. 7,8,18,19; 14, с. 16, рис. 5,6].

По всей видимости, миски ***формы 4 варианта I*** датируются IV в. На Алмалыкском могильнике они найдены в склепе второй половины IV – начала V вв.

Хронологические рамки бытования мисок ***формы 4 вариантов II и III*** несколько шире. Следует отметить, что описываемые изделия распространены в первые века нашей эры и у нас нет определенных критериев при отделении позднеримских мисок от более ранних. Вероятно, отличия есть в структуре теста и качестве лака, однако по имеющимся публикациям крайне сложно судить об этом. Руководствуясь рисунками и недостаточно полным описанием структуры черепка, предполагаем, что такие изделия встречаются в комплексах IV – первой четверти VII в., но наиболее активно используются в конце IV – середине V вв.

В Херсонесе абсолютные аналогии формы 4 вариантов II и III встречаются в комплексах последней четверти V в.: заполнение «цистерны в алтаре»; V – VI вв.: засыпь цистерны в квартале XCVII; второй – третьей четверти VI в.: портовый квартал 1, помещение 30, слой 6; нивелировочная засыпь в районе юго-восточного участка оборонительных стен (раскопки К.Э. Гриневича в 1927 году); второй половины VI в.: портовый квартал 1, помещение 48, слой 4, (раскопки А.И. Романчук 1971 года); первой четверти VII в.: слой разрушения усадьбы с пифосами в портовом квартале 2 (раскопки А.И. Романчук) [17, с. 134, рис. 4,8; 6, с. 11-12, рис. 1,1-3,5; 7, с. 426, рис. 4,2,3; 16, с. 244-249, 290, рис. 13,2,5-9,11,12; 14,11,12,14-16; 15,4; 19, с. 195, рис. 8,7,12,14; 18, с. 107-109, 116-117, рис. 19,9,10; 26,1; 60,9]. По форме и описанию теста в качестве аналогий подходят краснолаковые миски типа 1 и 3 из каменного завала у башни I усадьбы «Близнецы» [43, с. 42, рис. 9,97]. Е.В. Кленина предлагает датировать их I в. н.э., ссылаясь при этом на наличие сосудов в Ольвии [31, с. 108, тип 1 и 3]. Однако описываемые изделия больше соответствуют типам 2 и 3 по В.В. Крапивиной (1993) и в последней работе автор относит их

к IV – рубежу IV/V вв. [11, с. 79, рис. 1,6]. Таким образом, дата I в. н.э. сомнительна. Близкие по форме миски обнаружены также на некрополе Херсонеса, который в целом датируется I-IV вв. [46, с. 66-67, рис. 40,3].

В Крыму сосуды формы 4 вариантов II и III встречаются при раскопках могильников Озерное III (склепы 1, 3) – второй четверти III – IV вв., Инкерман (могилы 5(31), 7(13), 9(32), 14(38), 18(41), 2(10), 3(25)), Дружное (могилы 27, 58, 64, 66, 69, 76, 78) – IV в.; Черная речка (могила 86) – второй половины IV в., (склеп 7) – с фибулами IV – первой половины V вв.; «Совхоз № 10» (могилы 55, 228, 284) – IV – первой половины V вв.; Скалистое (склеп 457) – конца IV – первой половины V вв., (склеп 434) – со стаканом и пряжками первой половины V в.; Лучистое (склеп 88) – первой половины V в. [26, с. 238-245, 247-251, рис. 5,1,11,17; 6,9; 7,8; 13, с. 114-115 (признак 22, признак 13), рис. 3,6,8,16,20; 5,8,18; 14, с. 15-16, рис. 5,9,10; 21, с. 19, 21, 26, 34, 36-37, рис. 7,5,7; 47, с. 296, 301, 306, 308, 311-312, табл. XII(2); XVII(4); XXII(2); XXIV(7); XXVII(47,69,127,128); 23, с. 58, 68-72 (тип VI/1), рис. 112,9; 140,13,15; 154,2,3; 158,6; 169,1,2; 175,4; 179,4; 48, с. 107, 190, рис. 59,17; 76,29,31; 39, с. 287-293, рис. 18,7-10].

На Боспоре такие миски зафиксированы в Танаисе конца IV – середины V вв., Зеноновом Херсонесе второй четверти VI в.; некрополях в урочище Сюрташ (склеп 10/1) и Сиреневая бухта (склеп 20/8) – в целом могильники датируются серединой / третьей четвертью III – третьей четвертью VI вв. [10, p. 427; 7, с. 426, рис. 4,4,5; 29, с. 11, рис. 19,7]. На некрополе в балке Алмалык-дере сосуды присутствуют в археологических контекстах второй половины IV – V вв.

Форма 5 (1 экз. – 1,1%). Миски с вертикальным, плоским, выступающим наружу краем с западиной под ним и плавным ребром при переходе к округлому тулову, на низком кольцевом поддоне. Сформованы из плотной глины светло-красного цвета с примесью известняка. Оранжевый тусклый лак покрывает все изделие, кроме дна.

Каталог (рис. 11)

63. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=12,9 см, d=5,1 см, h=4,1 см. Археологический контекст: склеп № 158, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – V вв.*

Возможно одна из производных формы 4. Миски-чашки схожей формы обнаружены на некрополях IV в.: Дружное (могила 73, южный подбой) и Инкерман (могилы 8(17), 10(28)) [23, с. 59, 70 тип IX/1, рис. 173,1; 21, с. 20-22, рис. 7,9,10]. Таким образом, изделия бытовали в течение IV в., однако, как и в случае с мисками формы 4, не исключается их и более позднее использование.

Форма 6 (1 экз. – 1,1%). Миски имеют вертикальный край с двумя

плавными желобками, округленное ребро при переходе от венчика к стенкам и невысокий кольцевой поддон. Сформованы из плотной глины светло-коричневого цвета с примесью известняка. Внутренняя и внешняя поверхности формы, кроме дна, покрыты светло-оранжевым лаком без металлического блеска.

Каталог (рис. 11)

64. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=17,3 см, d=7,1 см, h= 5,7 см. Археологический контекст: склеп № 6, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – первая половина V в.*

Прямые аналогии не известны. Отметим лишь близкие по форме изделия из «слоя разрушения» первой половины III в. башни I усадьбы «Близнецы» на хоре Херсонесского городища [43, с. 48 (тип 6), рис. 15,144,145]. По тесту и качеству лака, миска видимо относится к переходному этапу развития понтийской краснолаковой керамики от «Pontic Sigillata» к «Pontic Red Slip Ware».

Форма 7 (2 экз. – 2,2%). Блюда с коротким выступающим наружу краем с желобком сверху, сужающимися книзу стенками и низким кольцевым поддоном. При переходе к кольцевому поддону имеется характерный для блюд PRS желобок. В центре сосуды изредка имеют врезной линейно-волнистый орнамент в виде многолучевой розетки в круге, выполненный многозубчатой гребенкой [10, p. 427-428, PRS-7]. Сформованы из бежевой или светло-красной плотной глины с примесью известняка. Лак от оранжевого до красного густым слоем покрывает внутреннюю поверхность блюда, на внешнюю сторону изделия он нанесен разводами, на дне отсутствует. Диаметр венчика сосудов составляет 28,5-32,4 см; дна – 17,2-21,8 см; высота – 4,8-5,7 см.

Каталог (рис. 12)

65. *Целая форма. Блюдо украшено в центре врезным линейно-волнистым орнаментом, выполненным многозубчатой гребенкой в виде ассиметричной многолучевой розетки в круге. Сформовано из плотной глины светло-красного цвета с примесью известняка. Красный лак густо нанесен на внутреннюю поверхность блюда, внешняя сторона покрыта неравномерно. На дне лак отсутствует. Размеры: D=32,4 см, d=21,8 см, h=5,7 см. Археологический контекст: склеп № 171, заполнение погребальной камеры (2004). Дата комплекса – вторая половина V в.*

66. *Фрагмент профиля. Блюдо украшено в центре врезным линейно-волнистым орнаментом, выполненным многозубчатой гребенкой в виде ассиметричной многолучевой розетки в круге. Сформовано из бежевой плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак неровным слоем нанесен на все поверхности миски, кроме дна. Размеры: D=28,5 см, d=17,2 см, h=4,8 см. Археологический контекст: прирезка № 4, «тризна» (2008). Комплекс без узкой датировки.*

Ранее подобные изделия относили к форме 2 Cypriot Red Slip Ware (Late Roman D)[13] [4, с. 53, рис. 4,15а].

В Херсонесе описываемые блюда обнаружены в комплексах третьей четверти – конца V в.: 2-й слой контрольного целика 1958 года на участке античного театра; второй – третьей четверти VI в.: нивелировочная засыпь в районе юго-восточного участка оборонительных стен (раскопки К.Э. Гриневича в 1927 году); середины VI – VII вв.: четырехапсидный храм, нивелировочная засыпь под полом [16, с. 282, рис. 5,53,54; 18, с. 105-108, рис. 5,15,16; 19,6,17; 50, с. 164-165, рис. 8,5; 51, с. 207].

Такие сосуды также распространены на Боспоре: в слоях Танаиса второй четверти V – начала VI вв., Тиритаке (участок XV, субструкция под помещением, слой функционирования постройки № 2, яма № 6) середины V – второй четверти VI вв., в склепе № 10/1 некрополя в урочище Сююрташ середины / третьей четверти III – третьей четверти VI вв. [10, p. 427-428; 30, с. 123, рис. 153; 44, с. 319, рис. 12,2; 5, с. 95-97, рис. 8,4-6; 7, с. 416-417, рис. 8,1,5,7-9; 29, с. 11, 32-33, рис. 19,1].

За пределами Крыма блюда формы 7 встречаются в Ильичевке в комплексах третьей четверти VI в. и в Топрайкьой (Topraichioi) первой половины V в. [7, с. 416-417, рис. 8,3,4,6; 3, p. 160, fig. 1,7; 52, p. 325, pl. 55,3; 15, p. 75, pl. 54,3].

Таким образом, появившись, по всей видимости, во второй четверти / середине V в., блюда формы 7 активно используются во второй половине V – начале VI вв., хотя в Херсонесе они продолжают встречаться вплоть до начала VII в. На Алмалыкском могильнике изделия найдены в склепе второй половины V в.

Форма 8 (1 экз. – 1,1%). Тарелки с отогнутым горизонтально краем, округлыми стенками и плоским дном. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка. Покрыты красным лаком.

Каталог (рис. 13)

67. *Археологически целая форма. Глина описана выше. Красный лак плохой сохранности, вероятно, полностью покрывал изделие. Размеры: D=15,6 см, d=5,2 см, h=3,0 см. Археологический контекст: склеп № 161, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Среди опубликованных материалов аналогии не обнаружены.

Форма 9 (1 экз. – 1,1%). Чашки с полусферическим туловом, немного вогнутым двучастным краем, тонкими стенками, на низком кольцевом поддоне. Сформованы из светло-коричневой плотной глины с примесью известняка. Тусклый оранжевый лак неоднородно покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности сосудов, кроме их придонной части.

---

[13] Cypriot Red Slip Ware или Late Roman D – краснолаковые сосуды, принадлежащие к так называемой «Кипрской сигиллате» [49, p. 371-386]. Далее в тексте для обозначения изделий данной группы используется аббревиатура LRD.

Каталог (рис. 13)

68. *Целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=9,8 см, d=4,9 см, h=6,6 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Как было отмечено выше, по структуре черепка и лаковому покрытию, сосуды формы 9 относятся к переходному этапу развития понтийской краснолаковой керамики от «Pontic Sigillata» к «Pontic Red Slip Ware».

Морфологически похожая, но не аналогичная чашка происходит из засыпи цистерны № 2 Херсонесской казармы, датируемой III в. [53, с. 88, рис. 1]. Подобная форма присутствует также в склепе 4 IV в. из могильника Нейзац [24, с. 379, рис. 12,4].

Форма 10 (1 экз. – 1,1%). Солонки с вогнутым округлым краем, прямыми, сужающимися книзу стенками и плоским дном. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка. Красный матовый лак покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности изделий.

Каталог (рис. 13)

69. *Целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=7,9 см, d=4 см, h=2,8 см. Археологический контекст: склеп №155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Морфологически и по структуре черепка, солонка близка мискам формы 4 варианта II, однако имеет плоское дно и меньшие размеры. Аналогии на памятниках Крымского полуострова не известны, но вполне возможно, что изделие синхронно по времени использования мискам формы 4/II-III.

Форма 11 (2 экз. – 2,2%). Тарелки с горизонтально отогнутым краем с двумя желобками сверху, прямыми сужающимися книзу стенками и низким кольцевым поддоном. Сформованы из темно-красной плотной глины с примесью известняка, карасана. Оранжевый либо красный лак густым слоем нанесен на внутреннюю поверхность изделий, внешняя сторона покрыта разводами, на дне лак отсутствует. Диаметр венчика – 14,0-19,4 см, дна – 5,7-7,6 см, высота изделий – 3,0-5,2 см.

Каталог (рис. 13)

70. *Археологически целая форма. Изделие сформовано из темно-красной глины с примесью известняка, карасана. Темно-оранжевый лак густым слоем нанесен на внутреннюю поверхность сосуда, внешняя сторона покрыта разводами, на дне лак отсутствует. Размеры: D=19,4 см, d=7,6 см, h=5,2 см. Археологический контекст: склеп № 175, заполнение погребальной камеры (2005). Дата комплекса – 380/400-480/90 гг.*

71. *Фрагмент профиля. Изделие сформовано из темно-красной глины с примесью известняка. Красный лак густым слоем нанесен на внутреннюю поверхность сосуда, внешняя сторона покрыта разводами, на дне лак отсутствует. Размеры: D=14,0 см, d=5,7 см, h=3,0 см. Археологический контекст: подбойная могила № 31 (2005). Комплекс без узкой датировки.*

В Херсонесе подобные формы обнаружены в засыпи «цистерны в алтаре» последней четверти V в., на могильнике Килен-Балка на Гераклейском полуострове с материалами IV-V вв. [6, с. 13, рис. 2,9; 16, с. 244-249, 291, рис. 14,3; 20, с. 111-114, рис. 4,7]. Близкие по форме тарелки без желобков на венчике были найдены в склепе 3(25) IV в. могильника Инкерман [21, с. 36, рис. 7,11,12]. На Алмалыкском некрополе обнаружены в склепе последней четверти IV – второй половины V вв.

Форма 12 (4 экз. – 4,2%). Тарелки «понтийского» производства, но отличаются от других форм более тонкими стенками. Сосуды имеют горизонтально отогнутый край с плавным желобком и заостренной закраиной сверху или снизу, ребро при переходе к округлым стенкам и низкий кольцевой поддон. Сформованы из плотной глины красного цвета с примесью известняка. Бурый лак плохо сохранился, но видно, что он, в отличие от вышеописанных форм, покрывал всю поверхность тарелок, включая дно.

Каталог (рис. 13)

72. *Фрагмент венчика с закраиной снизу. Миска сформована из плотной красной глины с мелкими частичками известняка. Красный пережженный лак тонким слоем покрывает изделие. Размеры: D=20,0 см. Археологический контекст: склеп № 2, заполнение погребальной камеры (1996). Комплекс без узкой датировки.*

73. *Фрагмент венчика с плавным желобком сверху. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, покрыто красным лаком. Размеры: D=20,5 см. Археологический контекст: участок №2, грунтовая могила № 1, заполнение (2002). Комплекс без узкой датировки.*

74. *Фрагмент венчика с закраиной сверху. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, покрыто плохо сохранившимся красным лаком. Размеры: D=22,0 см. Археологический контекст: участок № 1, склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2002). Дата комплекса – вторая половина V в. (?).*

75. *Целая форма. Миска с отогнутым венчиком с закраиной сверху. Сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Бурый лак плохой сохранности покрывает всю форму, включая дно. Размеры: D=20,4 см, d=7,2 см, h=5,4 см. Археологический контекст: подбойная могила № 18, заполнение погребальной камеры (2004). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Несмотря на отличия в пропорциях и лаковом покрытии, форма, по всей видимости, имеет понтийское происхождение. Эта разница является, вероятно, хронологическим показателем. Форма существовала в пределах IV в. [23, с. 59]. Диаметр венчика – 20,0-22,0 см, дна – 7,25 см, высота изделий – до 5,75 см.

Подобные тарелки обнаружены в Херсонесском некрополе, в склепе с материалами II-V вв., на некрополях Дружное (могилы 3, 66, 76, 84, 85) и

Нейзац (склеп 4) – IV в., в Ольвии II-IV вв. [54, с. 9, рис. 6,5; 23, с. 59, тип IX/5, рис. 69,12; 158,5; 175,1,2; 194,5; 195,4; 24, с. 379, рис. 11,4; 31, с. 47, рис. 50,4 (тарелки типа 5А)].

На Алмалыкском могильнике целая миска формы 12 (№ 75) присутствует в подбойной могиле № 18 второй половины IV – начала V вв.

Форма 13 (1 экз. – 1,1%). Миски «понтийского» производства, наряду с формой 12 отличающиеся тонкими стенками. Вертикальный край плавно переходит в округлые стенки, заканчивающиеся низким кольцевым поддоном. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка. Лак бурого цвета покрывает все поверхности изделий, включая дно.

Каталог (рис. 13)

76. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=21,6 см, d=7,5 см, h=6,1 см. Археологический контекст: склеп № 2, заполнение погребальной камеры (1996). Комплекс без узкой датировки.*

По форме миски отдаленно похожи на PRS-4, но с большим диаметром венчика. За счет этого сходства к ним трудно подобрать аналогии, так как в большинстве публикаций нет описания теста и лакового покрытия.

Миски формы 13 обнаружены в могильнике Килен-Балка на Гераклейском полуострове. В.А. Нессель предлагает датировать их второй четвертью III – началом V вв. [20, с. 114, рис. 4,2-5].

Такие сосуды также выявлены в некрополях IV – первой половины V вв.: «Совхоз № 10» (могила 228), Инкерман (могила 7(13) – с монетой Лициния 308-324 гг.), Черная речка (могила 1), Суворово (могила 20) Дружное (могилы 5, 64, 69) [21, с. 19-20, рис. 7,8; 13, с. 115, признак 14, рис. 3,11; 5,1; 7,7; 14, с. 15, рис. 5,5; 22, с. 108, рис. 60; 23, рис. 77,10; 154,2; 169,4]. В Северном Причерноморье нет опубликованных закрытых комплексов III в., где встречаются описываемые миски. Изделия III-го века обладают большим диаметром венчика и более высоким кольцевым поддоном [31, с. 108, рис. 45,1].

Как было отмечено выше, по структуре теста и лаковому покрытию миски форм 12 и 13 относятся, по всей видимости, к переходному этапу развития понтийской краснолаковой керамики от группы «Pontic Sigillata» к «Pontic Red Slip Ware».

Форма 14 (1 экз. – 1,1%). Кубки с вертикальным округлым венчиком с западиной с внешней стороны, вытянутым ребром при переходе к усеченно-коническим тонким стенкам, на низком кольцевом поддоне. Венчик украшен линейно-волнистым врезным орнаментом. Сформованы из светло-красной плотной глины с примесью известняка, карасана. Оранжевый лак покрывает всю поверхность изделий, включая дно.

Каталог (рис.13)

77. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=11,1 см, d=4,25 см, h=9,9 см. Археологический контекст:*

склеп № 184, заполнение погребальной камеры (2006). Дата комплекса – 430/40-470/80 гг.

Дж. Хейс выделил две формы кубков группы «Pontic Sigillata» form V и VI. Сосуды form V отличаются вертикальным или наклоненным вовнутрь округлым краем, с резким ребром при переходе к усечено-коническим вогнутым стенкам и плоским дном или дном на кольцевом поддоне [2, fig. XXIII.*13,5,6*]. Кубки form VI имеют те же характеристики, за исключением формы тулова, оно отличается округлыми либо прямыми усеченно-коническими стенками. Эти кубки, как правило, всегда на кольцевом поддоне [2, fig. XXIII.13,7,8]. Формы были датированы I и II-III вв. соответственно.

Кубок из Алмалыкского могильника относится к form VI по Дж. Хейсу (1985). Следует отметить, что форма сосудов эволюционировала и, по всей вероятности, их классификация, созданная Дж. Хейсом, нуждается в дополнительной доработке, а датировка в пересмотре.

Отметим, что кубки form 6 по Дж. Хейсу и производные от них формы встречаются в археологических комплексах Северного Причерноморья I-VII вв., хотя хронологические рамки их бытования, вероятно, являются более узкими. Изделия присутствуют в комплексах I-III вв. Херсонеса, Боспора, Ольвии [55, с. 92-93; 46, с. 67, рис. 42; 56, с. 108, рис. 4,4; 43, с. 51-54, тип 1, рис. 18; 19; 57, с. 154; 31, с. 51, 114, рис. 54,9,11,12; 8, p. 107, fig. 4,57-72].

Подобные сосуды, иногда обладающие более стройным туловом, обнаружены в комплексах IV-V вв. Херсонеса, некрополей Дружное, Черная речка, а также могильников и поселений на Боспоре (Сиреневая бухта, Мирмекий) [16, рис. 14,4-8; 23, с. 61, рис. 88,2,3; 139,13; 14, с. 17, рис. 5,13; 29, с. 16-17, рис. 34,3; 44, с. 301, рис. 3,3].

Кубки, встречающиеся в комплексах VI-VII вв. Херсонеса, по всей видимости, являются примесью из ранних слоев [18, с. 106-109, 115-116, 117-118, рис. 13,13-16; 26,27; 54,5; 66,2-4; 67,9].

На данный момент сложно сказать, когда начали производиться описываемые изделия, однако, по всей видимости, они продолжали бытовать в течение IV в.

Кувшины

Отдельную группу понтийской краснолаковой керамики составляют кувшины. В ходе их обработки выделено 6 типов[14].

Тип 1 (3 экз. – 3,1%). Кувшины с отогнутым клювовидным венчиком, усеченно-коническим горлом, овалоидным туловом и плоским дном. Плоская ручка

[14] Кувшины были выделены нами в типы, а не в формы. Это сделано для последующего дополнения Мангупской классификации краснолаковой керамики понтийского производства изделиями с других участков плато и его округи. Закрытые и открытые формы сосудов планируется выделять в отдельные морфологические группы и продолжать их нумерацию, начатую в данной работе.

крепится сразу под венчиком или в непосредственной близости от него. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка, песка, редкой мелкой слюды. Плохого качества лак, от бурого до красно-оранжевого цветов, покрывает всю поверхность сосудов. Диаметр венчика – 7,0-8,8 см, дна – 9,8-12,8 см, высота изделий – 23,4-24,5 см.

Каталог (рис. 14)

78. *Археологически целая форма. Кувшин сформован из плотной глины красного цвета с примесью известняка, песка, редкой мелкой слюды. Плохого качества бурый лак покрывает всю поверхность сосуда. Размеры: D=7,8 см, d=10,9 см, h=24,3 см. Археологический контекст: склеп № 158, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – V вв.*

79. *Археологически целая форма. Кувшин сформован из плотной глины красного цвета с примесью известняка, песка. Оранжевый лак покрывает всю поверхность сосуда. Размеры: D=8,7 см, d=12,9 см, h=24,6 см. Археологический контекст: склеп № 158 (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – V вв.*

80. *Археологически целая форма. Кувшин сформован из красной плотной глины с примесью известняка, песка, карасана. Оранжевый лак покрывает внешнюю поверхность сосуда, кроме дна. Размеры: D=7,0 см, d=12,1 см, h=23,4 см. Археологический контекст: Т-образная могила № 1, заполнение (2007). Дата комплекса – первая половина V в.*

В Херсонесе аналогичные кувшины обнаружены в засыпи цистерны в северо-восточном районе Херсонеса, датированной А.В. Сазановым последней четвертью V в., и на могильнике Килен-Балка IV в. [17, с. 132, рис. 3,8; 16, с. 237-249; 20, с. 118, рис. 8,3-6; 9,1-3,5,6]. Эта форма найдена в некрополях Черная речка (склеп 53 – с двумя монетами Валента 364-378 гг. с отверстиями в центре) и Озерное III (склеп 2 – с монетой Лициния 308-324 гг.) [13, с. 115 признак 17, рис. 6,6; 14, с. 15, рис. 4,5; 26, с. 245-247, 251, рис. 6,2].

Таким образом, наиболее вероятная датировка кувшинов типа 1 – IV в., но они вполне могли использоваться и в течение первой половины V в.

Тип 2 (1 экз. – 1,1%). Кувшины с отогнутым прямоугольным в сечении венчиком, коротким горлом, усеченно-коническим расширяющимся книзу туловом и низким кольцевым поддоном. При переходе от горла к тулову наблюдается небольшой валик. Подпрямоугольная желобчатая ручка крепится непосредственно под венчиком. Сформованы из красной плотной глины с небольшой примесью известняка. Оранжевый лак неравномерно покрывает всю поверхность сосудов, включая дно.

Каталог (рис. 14)

81. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=7,7 см, d=8,0 см, h=20,8 см. Археологический контекст: подбойная могила № 1, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Близкие по форме, но не аналогичные кувшины обнаружены в Дружном (могилы 3, 58, 85) – IV в., в заполнении цистерны последней четверти V в. в Херсонесе [23, с. 59 тип X, рис. 69,5,6,11; 136,6; 205,5; 203,2,4; 18, с. 106-107, рис. 10,1]. Прямая аналогия происходит из Лучистого (склеп 88) – первой половины V в. [39, с. 291, рис. 18,6].

Таким образом, хронологические рамки бытования кувшинов данного типа – IV – середина V вв.

Тип 3 (1 экз. – 1,1%). Кувшины с яйцевидным туловом, коротким цилиндрическим горлом и чуть отогнутым валикообразным венчиком, на низком кольцевом поддоне. При переходе от горла к тулову наблюдается небольшое ребро. Прямоугольная в сечении ручка с желобками крепится непосредственно под венчиком. Сформованы из плотной глины светло-коричневого цвета с примесью известняка. Оранжевый тусклый лак плохой сохранности разводами покрывает внешнюю часть сосудов, кроме дна.

Каталог (рис. 14)

82. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=6,4 см, d=6,4 см, h=16,5 см. Археологический контекст: склеп № 160, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 380/400-440/50 гг.*

Прямых аналогий кувшину типа 3 не найдено. Однако по форме тулова, ручки и наличию валика при переходе от горла к тулову, он напоминает тип 2. Можно предположить, что хронологические рамки бытования сосудов могут быть близкими, что подтверждается датировкой склепа № 160 могильника в балке Алмалык-дере – 380/400-440/50 гг.

Тип 4 (2 экз. – 2,1%). Кувшины с каплевидным туловом, усеченно-коническим горлом, округлым вертикальным венчиком, прямоугольной в сечении ручкой, на низком кольцевом поддоне. Сформованы из плотной глины светло-красного цвета с примесью известняка. Тусклый оранжевый лак покрывает внешнюю поверхность сосудов, включая дно. Диаметр венчика – 3,5-3,8 см, дна – 4,5-5,0 см, высота изделий – 17,7-17,9 см.

Каталог (рис. 14)

83. *Археологически целая форма. Кувшин сформован из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Тусклый оранжевый лак покрывает внешнюю часть сосуда, включая дно. Размеры: D=3,8 см, d=5 см, h=17,7 см. Археологический контекст: склеп № 65, заполнение погребальной камеры (1998). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг. [1, p. 526, abb. 3,2].*

84. *Археологически целая форма. Кувшин сформован из светло-красной плотной глины с примесью известняка. Тусклый оранжевый лак покрывает внешнюю поверхность сосуда, кроме дна. Размеры: D=3,5 см, d=4,5 см, h=17,9 см. Археологический контекст: склеп № 161, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

Описываемый тип, по-видимому, является редкой формой. Прямых аналогий обнаружить не удалось.

Наиболее близким по форме является кувшин из склепа 3/3 некрополя Старожилово. Сосуд имеет те же пропорции, но отличается от нашего плоским дном [29, с. 6-7, рис. 9,1]. А.А. Масленников датирует его IV-V вв., ссылаясь на находки из Афинской агоры. Кувшины Афинской агоры, в свою очередь, имеют четкие желобки по всему корпусу, поэтому не могут быть приняты в качестве аналогии [58, p. 111, pl. 30, M295, M296]. Таким образом, на сегодняшний день датировать сосуды типа 4 по аналогиям не представляется возможным, а на Алмалыкском некрополе они присутствуют в комплексах второй половины IV – начала V вв.

Тип 5 (1 экз. – 1,1%). Кувшины-ойнохои с овалоидным туловом, усеченно-коническим, расширяющимся к тулову горлом, хорошо выделенным сливом, округлым венчиком, уплощенной с ребром ручкой и плоским дном. Сформованы из плотной глины светло-коричневого цвета без видимых примесей. Красно-коричневый лак неравномерно покрывает внешнюю поверхность изделий, включая дно.

Каталог (рис. 14)

85. *Археологически целая форма. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=6,5 см, d=9,7 см, h=21,7 см. Археологический контекст: склеп № 158, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – вторая половина IV – V вв.*

Прямых аналогий не найдено.

Тип 6 (1 экз. – 1,1%). Кувшины, отличающиеся более тонкими стенками, с грушевидным туловом, овальной в сечении ручкой, на низком кольцевом поддоне. Сформованы из красной хорошо обожженной плотной глины с примесью известняка. Оранжевый лак тонким слоем нанесен на верхнюю часть сосудов, нижняя часть тулова и дно лаком не покрыты.

Каталог (рис. 14)

86. *Фрагмент нижней части. Горло отсутствует. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: d=7,3 см. Археологический контекст: склеп № 2, заполнение погребальной камеры (1996). Комплекс без узкой датировки.*

По пропорциям, структуре черепка и лаку кувшин похож на миски формы 13 и 14, вероятно, это говорит об их хронологической близости или принадлежности к одному центру производства.

Отсутствие горловой части затрудняет поиск аналогий, поэтому на данный момент датировать сосуд не представляется возможным.

Неопределенная керамика представлена доньями сосудов открытого типа (7 фрагментов – 7,4%). Изделия имеют, вероятнее всего, понтийское происхождение, так как они сформованы из плотной глины с примесью известняка, а красно-оранжевый лак неравномерно нанесен на поверхности изделий.

Каталог (рис. 13)

87. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Неравномерно покрыто оранжевым лаком. Размеры: d=20,0 см. Археологический контекст: конское захоронение № 2 (2000). Комплекс без узкой датировки.*

88. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Неравномерно покрыто оранжевым лаком. Размеры: d=19,0 см. Археологический контекст: склеп № 99, заполнение погребальной камеры (2000). Дата комплекса – вторая половина V в.*

89. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Неравномерно покрыто оранжевым лаком. Размеры: d=23,0 см. Археологический контекст: участок 2, 2-й слой (2002). Комплекс без узкой датировки.*

90. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Покрыто оранжевым лаком. Размеры: d=6,0 см. Археологический контекст: склеп № 7, заполнение погребальной камеры (2001). Дата комплекса – вторая половина V в.*

91. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Покрыто красным лаком. Размеры: d=4,6 см. Археологический контекст: склеп № 155, заполнение погребальной камеры (2003). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг.*

92. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из серой плотной глины с примесью известняка. Покрыто красным лаком плохой сохранности. Размеры: d=5,8 см. Археологический контекст: склеп № 178, заполнение погребальной камеры (2005). Комплекс без узкой датировки.*

93. *Фрагмент дна на кольцевом поддоне. Изделие сформовано из красной плотной глины с примесью известняка. Покрыто красным лаком. Размеры: d=8,0 см. Археологический контекст: склеп № 197, заполнение погребальной камеры (2008). Дата комплекса – середина V в.*

Отметим морфологическую схожесть некоторых понтийских сосудов с африканскими и фокейскими. Она может быть объяснена подражанием этим формам, а тем самым свидетельствует о контактах населения Северного Причерноморья и обмене опытом между ними и экономически более развитыми римско-византийскими центрами.

Керамика группы «Late Roman C»

При описании керамики группы «Phocean Red Slip Ware» или «Late Roman C» мы руководствовались классификацией, разработанной в 1972 году Дж. Хейсом. В целом она продолжает использоваться, за исключением некоторых поправок в вариантах форм, датировке и распространении [49, p. 323-370; 41, p. 525-527].

Сосуды PhRS/LRC тонкостенные, сформованы из мелкозернистой плотной красной или темно-красной глины с сиреневым или коричневым оттен-

ком. Среди примесей следует отметить мелкие частички известняка. Оранжевый, красный или бордовый лак густо покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности сосудов, включая дно. Дж. Хейс отмечает наличие и форм с более толстыми стенками, в тесте которых как примесь использовалась слюда, но крайне редко [49, p. 323-324]. В склепах Алмалыкского некрополя обнаружено четыре формы LRC.

LRC form 1 (1 экз. – 9,1%). Миски с вертикальным краем, округлыми стенками и невысоким кольцевым поддоном. Сформованы из плотной красной глины с редкими включениями известняка. Красный лак густым слоем покрывает все поверхности сосудов, включая дно.

Каталог (рис. 15)

94. *Фрагмент профиля. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D=21,2 см, d=10,4 см, h=4,3 см. Археологический контекст: участок 1, склеп № 2, заполнение погребальной камеры (2002). Дата комплекса – вторая половина V в. (?).*

Дж. Хейс выделил несколько морфологических вариантов формы LRC-1 и датировал их по-разному в пределах конца IV – третьей четверти V вв. [49, p. 327]. Предложенные хронологические рамки бытования сосудов подтверждаются их присутствием в синхронных комплексах Херсонеса (заполнения цистерн во 2-м портовом и XCVII кварталах), Танаиса, Ольвии, Афинской агоры, Салоник, Абу Мена, Аэгиссуса (Aegyssus) [19, с. 195, рис. 8,13,18; 16, с. 237-249, рис. 13,12; 12, с. 44-45, рис. 12,1; 7, с. 410-411, рис. 4,1; 10, p. 430; 11, с. 80, рис. 2,8,9; 58, M 310, pl. 71; 49, p. 325-327; 15, p. 174, pl. 55,5]. Миска из Алмалыкского могильника, видимо, относится к переходному этапу развития LRC-1 от варианта A к B, так как имеет форму венчика и тулова как у варианта A и ножку как у варианта B. В связи с этим узко датировать ее, в зависимости от принадлежности к вариантам, выделенным Дж. Хейсом, не представляется возможным.

LRC form 2 (3 экз. – 27,3%). Блюда с широким отогнутым краем, округлыми стенками, дном на очень низком кольцевом поддоне. Сформованы из плотной оранжевой глины с примесью слюды или известняка. Оранжевый лак густым слоем покрывает всю форму. Край венчика в редких случаях не закрашен. Большинство сосудов декорировано штампами [49, p. 327-329, fig. 66].

Каталог (рис. 16)

95, 95а. *Фрагменты венчика и дна. Блюдо украшено штампованным клеймом в виде пальмового листа и небольшой круглой розетки (motif 1 и 3 по Хейсу, 1972). Сформовано из красной плотной глины с примесью известняка и слюды. Размеры: D=30,0 см. Археологический контекст: подбойная могила № 40, заполнение дромоса (2008). Комплекс без узкой датировки.*

96, 96а. *Фрагменты венчика и дна. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, слюды. Покрыто густым слоем красного лака.*

Размеры: d=9,0 см. Археологический контекст: прирезка № 4, «тризна» (2008). Комплекс без узкой датировки.

***97.** Фрагмент венчика. Блюдо сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, слюды. Покрыто красным лаком. Археологический контекст: могила с заплечиками № 4, заполнение (2008). Комплекс без узкой датировки.*

Дж. Хейс выделяет несколько вариантов LRC-2 в зависимости от формы и диаметра венчика и датирует их по-разному в пределах 370-450 гг. [58, p. 327-329, fig. 66]. Но так как описываемые сосуды на Алмалыкском некрополе представлены фрагментарно, крайне сложно определить их принадлежность к определенному варианту. Исходя из этого, при датировке мы придерживаемся указанных выше широких хронологических рамок.

Их актуальность подтверждают находки сосудов на территории Афинской агоры, Салоник (Греция), Диноджетии (Румыния), Топрайкьой (Topraichioi), Муригьола (Murighiol) (Подунавье) [49, p. 327-329; 3, p. 154. fig. 1.6,8; 37, p. 163. pl. 41.257; 15, p. 76].

Достаточно проблематично выделить комплексы Крыма, где встречаются описываемые сосуды. Это связано с их морфологической схожестью с блюдами PRS form 3, а описания теста и лакового покрытия редко представлены в литературе.

В связи с близостью форм, некоторые исследователи продлевают время бытования LRC form 2 в Северном Причерноморье до середины VI в. [4, с. 53-55; 6, с. 12-15; 7, с. 411]. Однако в связи с выделением группы PRS становится понятным, что эта датировка нуждается в пересмотре. На данный момент верхняя граница LRC form 2 (450 г.), предложенная Дж. Хейсом, не вызывает сомнений и для территории Северного Причерноморья, что подтверждается присутствием сосудов в синхронных комплексах Танаиса [10, p. 431-432, fig. 16].

Блюдо (№ 95а) из подбойной могилы № 40 штамповано клеймами в виде пальмовых листьев и небольшой круглой розетки (motif 1 и 3 по Дж. Хейсу) [49, p. 350-351, fig. 72]. Подобные мотивы распространены в комплексах Афинской агоры, Коринфа и относятся к первой хронологической группе (360-450 гг.) [49, p. 349-351]. Таким образом, наличие описанных штампов на блюдах LRC form 2 подтверждает их бытование в пределах последней четверти IV – середины V вв.

LRC form 3 (5 экз. – 45,4%). Миски с вытянутым клювовидным венчиком со слегка скошенным внутренним краем и западиной на внешней стороне, округлыми тонкими стенками, на низком кольцевом поддоне. Одна миска по венчику декорирована тремя рядами насечек, три имеют украшение в виде штампов. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак нанесен на все поверхности сосудов, включая дно. Внешняя часть мисок покрыта более тонким слоем, нежели внутренняя. Диаметр венчика – 15,0-25,1 см, дна – 6,2-12,1 см, высота – 4,0-6,1 см.

Каталог (рис. 15)

98. *Фрагмент профиля. Миска по венчику декорирована тремя рядами насечек, а в центре имеет клеймо в виде бегущего оленя (motif 41 по Хейсу, 1972). Сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Красный лак нанесен равномерно на весь сосуд, включая дно. Размеры: D=25,1 см, d=12,1 см, h=6,1 см. Археологический контекст: склеп № 9, заполнение погребальной камеры (2001). Комплекс без узкой датировки.*

99. *Целая форма. Миска украшена в центре штампом в виде креста с двойной линией контура (motif 71 по Хейсу, 1972), вокруг которого располагаются два растительных штампа (motif 8 (?) по Хейсу, 1972). Сформована из красной плотной глины с примесью известняка. Темно-красный лак нанесен на весь сосуд, включая дно. Внешняя сторона покрыта более тонким слоем, нежели внутренняя. Размеры: D=16,1 см, d=7,9 см, h=4,0 см. Археологический контекст: склеп № 192, заполнение погребальной камеры (2007); дата комплекса – середина V – начало VII вв.*

100. *Археологически целая форма. Миска сформована из плотной глины красного цвета с примесью известняка. Красный лак покрывает все изделие, включая дно. Размеры: D=15,1 см, d=6,2 см, h=4,2 см. Археологический контекст: склеп № 87, заполнение погребальной камеры (2000). Комплекс без узкой датировки.*

101. *Целая форма. Миска украшена в центре штампом в виде бегущего льва (motif 37 по Хейсу, 1972). Сформована из красной плотной глины с примесью известняка, слюды. Красный лак густым слоем покрывает все изделие. Размеры: D=23,0 см, d=11,5 см, h=5,5 см. Археологический контекст: склеп № 188, заполнение погребальной камеры (2008). Комплекс без узкой датировки.*

102. *Фрагмент венчика. Изделие сформовано из красной плотной глины без видимых примесей. Размеры: D=19,0 см. Археологический контекст: «тризна» у «пятки» дромоса склепа № 191 (2008). Комплекс без узкой датировки.*

Дж. Хейс выделил варианты мисок LRC form 3 в зависимости от профиля венчика и дал им различную датировку в рамках второй половины V – первой половины VI вв. [49, p. 329-338]. Следует отметить, что некоторые типы являются продолжением других, и это обуславливает наличие переходных форм профилей венчиков, которые сложно интерпретировать.

На некрополе в балке Алмалык-дере обнаружены пять мисок PhRS form 3, которые условно относятся к следующим типам: D – форма с венчиком с нависающей нижней частью и слегка уплощенной верхней (№ 98); F – миски с небольшим горизонтально поставленным венчиком с выемкой снаружи (№№ 99-102).

Миски варианта D формы 3 LRC Дж. Хейс отнес к концу V в., обосновав датировку присутствием сосудов в комплексах Афинской агоры [49, p. 333]. Подобные изделия обнаружены в комплексах середины VI в. Константинополя

[59, p. 94, fig. 33,6,7] и Сиди Кребиш (Бенгази) [60, p. 382, fig. 71,B688,8]. В Херсонесе подобные формы встречены в слоях второй четверти VI в. и третьей четверти VII в., вероятно, как примесь более раннего материала [6, с. 19-20, рис. 5,39,40; 18, с. 117; 61, с. 81, 94, рис. 8,9; 45,3].

Миски варианта F формы 3 LRC датированы Дж. Хейсом первой половиной VI в. [49, p. 331]. Они встречаются в комплексах V-VI вв. и первой половины VI в. Сиди Кребиш (Бенгази) [60, p. 476, 482, fig. 71,B688,14-18], VI в. Афин, Кирбет-Эль-Карака, Нессана, Коринфа, Антиохии, Константинополя [58, с. 116-117, M350; 49, p.331; 59, p. 94, fig. 33,9-21].

В Херсонесе аналогичные сосуды обнаружены в археологических контекстах третьей четверти V – третьей четверти VII вв., но как массовый материал присутствуют в комплексах второй / третьей четверти VI в. [7, с. 412-413, рис. 6Б; 6, с. 21-26, рис. 7,52-78,81,82; 8,79,80,83-96; 62, с. 216, рис. 2,4,6-17,19,20; 18, с. 105-111, 113-118, рис. 6,6,7, 13,4,5, 19,14,16, 26,10,13,23, 30,3,8,9, 38,1-7, 56,1-11, 61,4,6,8,10,12,17, 66,7-10, 68,12,13,15-17,19, 69,1,2,4,5,7-10,12-15, 72,1; 61, с. 94, рис. 45,1,2,5,8,9]. В Юго-Западном Крыму миски встречаются среди материалов второй половины VI – первой половины VII вв. (склеп 406 Скалистинского могильника) [14, с. 16, рис. 3,12].

На территории Европейского и Азиатского Боспора миски представлены в комплексах Керчи (могила 19) – второй половины V – первой половины VII вв., (хозяйственная яма №3) – второй половины VI в. [13, рис. 6,4; 14, с. 16, рис. 5,11; 63, с. 117-118, рис. 17,1,2,4], Зенонова Херсонеса – середины V – третьей четверти VI вв., Тиритаки – конца V – третьей четверти VI вв., Ильичевского поселения – третьей четверти VI в. [4, с. 53 признак 17, рис. 4,17ж; 5, с. 89-96, рис. 3; 8,7; 7, с. 412-413, рис. 6Б], поселения Зеленый мыс – второй четверти – конца VI в. [38, с. 183-184, рис. 3,15-17].

Большое значение для датировки представляет декорирование форм клеймами. Миска № 99 из склепа 192 могильника в балке Алмалык-дере украшена в центре штампом в виде креста с двойной линией контура (motif 71 по Дж. Хейсу), вокруг которого располагаются два растительных штампа (стилистически близки к motif 8 по Дж. Хейсу). Motif 8 и motif 71 относятся ко второй и третьей хронологическим группам и бытуют в пределах второй половины / конца V – начала VI вв. [49, с. 350-351, 365-367, fig. 73,e,f; 79,b-g]. Однако датировка клейм, предложенная Дж. Хейсом, претерпела некоторые изменения. А.В. Сазанов, ссылаясь на находку из Ильичевского городища, продлил верхнюю границу бытования мотива 8 до третьей четверти VI в. [7, с. 414]. Эта дата подтверждается присутствием фрагментов с аналогичными клеймами в погребении Абхазии второй половины VI – первой половины VII в. и в субструкции под северной апсидой четырехапсидного храма Херсонеса середины / третьей четверти VI в. [64, с. 139, рис. 1,7]. Штампы в виде крестов с двойной линией контура (motif 71) широко распространены на территории Византии [49, p. 365-367]. В Северном Причерноморье

аналогичные кресты встречаются в слоях Керчи последней четверти VI – VII вв., Фанагории второй четверти VI в., поселения Зеленый мыс третьей четверти VI в., Тиритаки, Зенонова Херсонеса [47, рис. 56,2; 65, с. 170, рис. 5,6; 38, рис. 4,12; 20, с. 126, рис. 160; 16, рис. 31,1; 35,4,5]. В Херсонесе фрагменты доньев с крестом появляются в конце V – начале VI вв., наиболее широкое распространение получают в комплексах середины VI – середины VII вв. и иногда встречаются в первой четверти XI в. [6, с. 29-30; 64, с. 157-162, рис. 6].

В склепе 9 обнаружен фрагмент (№ 98) миски формы 3 LRC, украшенный в центре изображением бегущего оленя (motif 41 по Хейсу, 1972). Дж. Хейс отнес клейма мотива 41 преимущественно к третьей хронологической группе (470-580 гг.). Подобные штампы встречаются в слоях Аполлонии (Киренаика), Афинской агоры, Сирии, Иерусалима [49, p. 359-361, fig. 76]. Клейма мотива 41 присутствуют в комплексах второй половины VI – первой половины VII вв. Херсонеса, Зенонова Херсонеса, поселения Зеленый мыс, Ильичевского городища, Абхазии [64, с. 151-152, рис. 3,4,5].

Штамп в виде бегущего льва (motif 37) на миске (№ 101) из склепа 188 относится к третьей хронологической группе (470-580 гг.). Подобные клейма обнаружены в комплексах Афинской агоры, Аполлонии, Сиди Кребиш (Киренаика) [49, p. 359, fig. 75,i,g,k; 60, p. 386, fig. 72,692.5].

LRC form 5 (1 экз. – 9,1%). Миски с горизонтально отогнутым венчиком с широкой западиной сверху, округлыми тонкими стенками, на низком кольцевом поддоне. Нередко украшены штампами. Сформованы из красной плотной глины с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Красный лак равномерно покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности мисок, включая дно.

Каталог (рис. 16)

103. *Целая форма. Изнутри миска украшена штампом в виде креста в центре и двумя крестообразными клеймами по окружности. Глина и лаковое покрытие описаны выше. Размеры: D= 26,1 см, d=12,3 см, h=4,0 см. Археологический контекст: склеп № 191, заполнение погребальной камеры (2007). Дата комплекса – середина IV – первая половина VI вв.*

Дж. Хейс на материалах Антиохии, Афинской агоры, Лехайона отнес миски LRC form 5 варианта A к 460-500 гг., B – к 500-550 гг. [49, p. 339]. А. Опайц подтверждает дату варианта B находками сосудов в комплексах Муригьола (Murighiol) и Хистрии (Histria) в Подунавье [65, p. 76].

Миска из Алмалыкского некрополя относится к варианту A form 5 LRC.

Аналогичные изделия присутствуют в слоях второй – третьей четверти VI в. Ильичевского городища [7, с. 415, 429, рис. 7,6]. В Сиди Кребиш (Бенгази) как единичные находки сосуды присутствуют в комплексе VII в. [60, p. 385, 482, fig. 71,689.1]

Миска из склепа 191 украшена изнутри крестом с двумя орнаментальными подвесками и открытым завитком справа (motif 67) и двумя

крестообразными штампами, аналогии которым на данный момент неизвестны. Дж. Хейс датировал motif 67 концом V – началом VI вв. [49, p. 363, fig. 78,i-l]. На территории Боспора подобные клейма встречаются в слоях второй – третьей четверти VI в. Фанагории, Тиритаки, Зенонова Херсонеса [64, с. 170; 30, с. 42, рис. 40; 4, рис. 6,19в]. В Херсонесе, в основном, распространены в комплексах второй четверти VI – середины VII вв. [64, с. 165-169, рис. 7].

Неопределенные формы LRC представлены небольшим фрагментом дна (9,1%).

Каталог (рис. 16)

104. *Фрагмент дна. Изделие штампованно клеймами в виде пальмовых листьев (motif 1 по Хейсу, 1972). Сформовано из красной плотной глины с примесью известняка, слюды. Покрыто красным лаком. Археологический контекст: могила с заплечиками № 3, заполнение (2008). Дата комплекса – 360/70-400/10 гг. (?).*

Подобный мотив относится к первой хронологической группе и датируется 360-450 гг. [49, p. 349-351, fig. 72].

***

Анализ краснолакового материала показал, что общая датировка сосудов из раскопок могильника в балке Алмалык-дере не противоречит предложенной хронологии некрополя – в пределах второй половины / конца IV – VI вв.[15]

Отметим, что другие раннесредневековые некрополи Мангупского городища, расположенные на южной периферии плато (Адым-Чокрак, Южный-1), появляются позже, нежели могильник в балке Алмалык-дере, и прекращают свое существование к VIII веку. Косвенно об этом может свидетельствовать почти полное отсутствие краснолаковой керамики в их комплексах, за исключением небольшого фрагмента венчика блюда PRS form 1 из склепа № 13 (1997) некрополя Южный-1 (рис. 2,*1а*).

Преобладание среди краснолаковой керамики изделий «понтийского» производства расширяет наши представления об их распространении в Северном Причерноморье. При этом следует отметить, что среди опубликованных материалов, на сегодняшний день, коллекция Алмалыкского могильника, исходя из разнообразия ее форм, является одной из наиболее презентабельных. Некоторые из форм сосудов выделены впервые. Наличие среди рассматриваемых материалов изделий группы LRC, очевидно, показывает, что торгово-экономические связи населения Мангупского городища и его окрестностей не были ограничены понтийским регионом. Дальний керамический импорт включал в себя изделия восточно-средиземноморских (византийских) центров. Безусловно, речь не идет о прямых контактах. Скорее всего, роль посредника осуществлял ранневизантийский Херсон.

[15] Сводная таблица распределения определяемых форм краснолаковой керамики по археологическим комплексам могильника в балке Алмалык-дере представлена в приложении 1.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gercen A., Maczyska M. Ein Frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup aus der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
2. Hayes J.W. Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1985.
3. Opait A. Einige Beobabachtungen zur spätrömischen Keramik mit rotten I´berzung // Dacia. 1985. N. S. XXIX, 1-2.
4. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
5. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 4.
6. Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть I. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.
7. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
8. Domzalski K. Terra sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. 1996. XLVII.
9. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kindom // RCRF. 2000. Acta 36.
10. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia antique. 2002. Band 8.
11. Крапивина В.В., Домжальский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.
12. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V в. н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168.
13. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. 1984. № 1.
14. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
15. Opait A. Local and imported ceramics in Roman province of Scythia (4th – 6th centuries AD) // BAR. 2004. International Series 1274.
16. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
17. Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
18. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
19. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная датировка) // ХСб. 2006. Вып. XV.
20. Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХСб. 2003. Вып. XII.
21. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Инкермана // Археологічні пам'ятки. 1963. Т. XIII.
22. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь, 1997.
23. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Lublin, 2002.
24. Храпунов И.Н. Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. XXI.
25. Khrapunov I.N. The Vault with Openwork Plaque from the cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Monumenta Studia Gothica. Lublin, 2008.

26. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4.
27. Лобода И.И. Исследование могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
28. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
29. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
30. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25.
31. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
32. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
33. Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
34. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983.
35. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв. н.э. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
36. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
37. Opait A. Ceramica din asezarea si citatea de la Independenta (Murighiol), sec. V i.e.n. – VII e.n. // Peuce. 1991. 10.
38. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
39. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
40. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
41. Hayes J.W. Supplement to Late Roman Pottery. London, 1980.
42. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма) // БИАС. 1997. Вып. I.
43. Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). Poznan', 2004.
44. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25.
45. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997.
46. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.
47. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
48. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
49. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
50. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
51. Сазанов А.В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // ХСб. 2004. Вып. XIII.
52. Opait A. Aspecte Ale Vietii Economice Din Provicia Scithia (secolete IV – VI p.Ch.) Productia ceramicii locale si de import. Bucuresti, 1996.
53. Дьячков С.Ю. Клейма на краснолаковой керамике из раскопок Херсонесской «казармы» // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
54. Зубарь В.М., Ивлев С.М., Чепак В.Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического. Киев, 1990.

55. Кадеев В.И. Очерки истории Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970.
56. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсона // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
57. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
58. Robinson H.S. Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. Vol. V.
59. Hayes J.W. Excavations in Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
60. Kenrick P. Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. III. Part I. The Fine Pottery. Tripoli, 1985.
61. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
62. Голофаст Л.А. Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
63. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
64. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
65. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. II.

Іванова О. С.

Червонолакова кераміка з розкопок могильника в балці Алмалик-дере (Мангуп)

Резюме

Стаття присвячена публікації каталогу червонолаковой кераміки з розкопок могильника в балці Алмалик-дере (Мангуп), де виявлено серію найбільш ранніх, на сьогодні, поховальних комплексів середини IV-V ст., що мають відношення до історії городища. У ході вивчення колекції червонолакового посуду, що нараховує 104 цілих, археологічно цілих або фрагментарно збережених посудин, було виділено дві групи виробів, залежно від регіонів виробництва: «Pontic Red Slip Ware (PRS)» (93 прим. – 89,4%) і «Phocean Red Slip Ware (PhRS)» (11 прим. – 10,6%).

Група PRS представлена 14 формами відкритого типу (блюда, миски, тарілки, сільниці, кубки) і 6 типами глечиків. Основна частина посудин групи PRS сформована з бежевого, світло-коричневого, червоного, червоно-коричневого дрібнозернистого тіста, що містить дрібні вапнякові включення. Нерідко в глині присутні частки слюди. Лак, від оранжево-червоного до бурого кольорів, покриває густим шаром внутрішню поверхню виробів. Зовні він нанесений нерівномірно, часто розводами, має більш світлий, ніж зсередини, відтінок і характерний блиск. Кільцевий піддон і дно сосудів, як правило, не мають покриття. Виділяються також дві групи виробів понтійського походження, що мають відмінності в технічних прийомах виготовлення. У посудин цих груп, в більшості своїй тонші, ніж у основної маси виробів групи PRS, стінки. Посуд однієї групи сформовано з дуже щільного бежевого тіста з домішкою вапняку і нерівномірно покрито

світло-оранжевим лаком (форми 6, 9, 14). Вироби іншої групи сформовано з щільного червоно-коричневого тіста без видимих домішок. Темно-червоний лак тонким шаром покриває всі поверхні виробів, включаючи дно (миски форм 12, 13, глечик типу 6). Різницю в техніці виготовлення можна пояснити або їхнім виробництвом в окремому центрі Північного Причорномор'я, або більш ранньою датою (IV ст.?).

Посудини групи PhRS/LRC тонкостінні, сформовані із дрібнозернистої щільної червоної чи темно-червоної глини з бузковим або коричневим відтінком. Серед домішок слід зазначити дрібні частки вапняку. Оранжевий, червоний або бордовий лак густо вкриває внутрішню та зовнішню поверхні виробів, включаючи дно. У склепах Алмаликського некрополя виявлено 4 форми LRC (форми 1, 2, 3, 5). Частина виробів декорована клеймами у вигляді рослин, тварин, хрестів, які мають велике значення для датування форм.

У цілому хронологія червонолакових виробів двох груп з комплексів Алмаликського могильника підтверджує загальне датування описаної ділянки могильника у межах середини IV-VI ст. Домінування серед червонолакових виробів кераміки так званої групи PRS, розширює наші уявлення про її розповсюдження в Північному Причорномор'ї. Наявність серед розглянутих матеріалів виробів групи PhRS, мабуть, вказує, що торгівельно-економічні зв'язки мешканців Мангупу не були обмежені тільки понтійським регіоном. Вони свідчать про контакти населених пунктів Північного Причорномор'я й обмін досвідом між ними та економічно більш розвиненими римсько-візантійськими центрами.

Иванова О. С.

Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп)

Резюме

Статья посвящена публикации каталога краснолаковой керамики из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп), где была выявлена серия наиболее ранних, на сегодняшний день, погребальных комплексов середины IV – V вв., имеющих отношение к истории городища. В ходе изучения коллекции краснолаковой посуды, насчитывающей 104 целых, археологически целых или фрагментарно сохранившихся сосудов, было выделено две группы изделий, в зависимости от регионов ее производства: «Pontic Red Slip Ware (PRS)» (93 экз. – 89,4%) и «Phocean Red Slip Ware (PhRS)» (11 экз. – 10,6%).

Группа PRS представлена 14 формами открытого типа (блюда, миски, тарелки, солонки, кубки) и 6 типами кувшинов. Основная часть сосудов группы PRS сформована из бежевого, светло-коричневого, красного, красно-коричневого мелкозернистого теста, содержащего мелкие известняковые включения. Нередко в глине присутствуют частицы слюды. Лак, от оранжево-красного до бурого цветов, покрывает густым слоем внутреннюю поверхность изделий. Снаружи он нанесен неравномерно, часто разводами, имеет более светлый, чем изнутри, оттенок и характерный блеск. Кольцевой поддон и дно сосудов, как правило, без покрытия. Выделяются также две группы изделий понтийского происхождения, имеющие отличия в технических приемах изготовления. У сосудов этих групп в большинстве своем более тонкие, нежели у основной массы изделий группы PRS, стенки. Сосуды одной группы сформованы из очень плотного бежево-

го теста с примесью известняка и неравномерно покрыты светло-оранжевым лаком (формы 6, 9, 14). Изделия другой группы сформованы из плотного красно-коричневого теста без видимых примесей. Темно-красный лак тонким слоем покрывает все поверхности изделий, включая дно (миски форм 12, 13, кувшин типа 6). Разницу в технике изготовления можно объяснить либо их производством в отдельном центре Северного Причерноморья, либо более ранней хронологией (IV в.?).

Сосуды группы PhRS/LRC тонкостенные, сформованы из мелкозернистой плотной красной или темно-красной глины с сиреневым или коричневым оттенком. Среди примесей следует отметить мелкие частички известняка. Оранжевый, красный или бордовый лак густо покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности изделий, включая дно. В склепах Алмалыкского некрополя обнаружено 4 формы LRC (form 1, 2, 3, 5). Часть сосудов декорирована клеймами в виде растений, животных, крестов, которые имеют большое значение для датировки форм.

В целом хронология краснолаковых изделий двух групп, представленных в комплексах Алмалыкского могильника, подтверждает общую датировку описываемого участка могильника в пределах середины IV-VI вв. Преобладание среди краснолаковых изделий керамики так называемой группы PRS расширяет наши представления о ее распространении в Северном Причерноморье. Наличие среди рассматриваемых материалов изделий группы PhRS, очевидно, показывает, что торгово-экономические связи жителей Мангупа не были ограничены только понтийским регионом. Они свидетельствуют о контактах населенных пунктов Северного Причерноморья и обмене опытом между ними и экономически более развитыми римско-византийскими центрами.

Ivanova O. S.

Red-lacquered Ceramics from the Excavations in the Cemetery in the Gully of Almaluk-Dere (Mangup)

Summary

The article is devoted to the publication of the catalogue of red-lacquered ceramics from the excavations of the cemetery in the gully of Almaluk-Dere (Mangup) where a series of the earliest for today complexes dating back to the mid-4th – 5th centuries relating to the history of the site was discovered.

In the course of studying the collection of red-lacquered pottery consisting of 104 intact, archaeologically intact or fragments of vessels two groups of wares were revealed: they were divided in accordance with the regions of their manufacture – «Pontic Red Slip Ware (PRS)» (93 copies – 89.4%) and «Phocean Red Slip Ware (PhRS)» (11 copies – 10.6%). Group PRS is represented by 14 forms of open types (dishes, bowls, plates, saltcellars, goblets) and six types of jugs. The majority of vessels of group PRS is formed of beige, light brown, red, red-brown fine-grained fabric containing small limestone inclusions. Quite often there are particles of mica in clay. Lacquer from orange-red to brown colours covers the inner part of wares with thick layer. On the outside part it is put unevenly, rather often in broad design; it has a shade

lighter than on the inner part and characteristic shine. Annular base and the bottom of vessels are, as a rule, without coating. Two groups of wares of Pontic provenance are notable for differences in techniques of manufacturing. The walls of vessels of this group are mainly thinner than the walls of the majority of wares of group PRS. Vessels of one group were manufactured from very thick beige clay with impurities of limestone and were covered unevenly with light-orange lacquer (forms 6, 9, 14). Wares of other group were formed of thick red-brown clay without visible impurities. Dark red lacquer with thin layer all the surfaces of wares including bottom (bowls of forms 12, 13, jug of type 6). The difference in technique of manufacture can be explained either by its production in a centre of the Northern Black Sea Coast or earlier chronology (4th century ?).

Vessels of group PhRS/LRC are thin-walled; they are molded of fine-grained thick red, dark red clay with lilac or brown shade. Among inclusions small particles of limestone should be mentioned. Orange, red or wine red lacquer covered the inner and outside parts including the bottom with thick layer. In the vaults of Almaluk necropolis 4 forms LRC (forms 1, 2, 3, 5) were found. Some vessels are decorated with stamps in the form of plants, animals, crosses; it is very important for dating forms.

In general the chronology of red-lacquered wares of the two groups presented in the complexes of Almaluk cemetery validates general dating of the described plot of the cemetery within the period between the mid-4th – 6th centuries. Prevalence of the so-called group PRS among red-lacquered ceramics broadens our knowledge about its spreading in the regions of the Northern Black Sea Coast. The presence of wares of group PhRS among the materials under consideration shows, evidently, that trade-economic relations among the inhabitants of Mangup were not limited by the Pontic region only. They testify to the fact of contacts among human settlements of the Northern Black Sea Coasts region and change of experience between them and Rome-Byzantine centers that were more economically developed.

Приложение 1

Сводная таблица распределения определяемых форм краснолаковой керамики по археологическим комплексам могильника в балке Алмалык-дере

Место находки	**Керамика «понтийского» производства**																				**Late Roman C**			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Склеп №2 (1996)												№ 72	№ 76							№ 86				
Подъемный материал (1996)			№ 27																					
Склеп №65 (1998) 360/70-400/10 гг.			№ 28				№ 26											№ 83						
Подбойная могила №7 (1999)				№ 42 (II)				№ 27																
Подбойная могила №16 (2000)	№ 1																							
Склеп №118(2000) 430/40-470/80 гг.			№ 29	№ 43 (II)																				
Конское захоронение №2 (2000)				№ 51 (III)																				
Склеп №87 (2000)																							№ 101 (F)	

Место находки	**Керамика «понтийского» производства**																				**Late Roman C**			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Склеп №6 (2001) 1 пол. V в.	№ 2-4			№ 47 (III) 48 (III)		№ 64																		
Склеп №2 (2001) 360/70-400/10 гг.				№ 49 (III)																				
Подбойная могила №1 (2001) 360/70-400/10 гг.																№ 81								
Склеп №9 (2001)																							№ 98 (D)	
Участок 1, зольное пятно (2002)	№ 5 6																							
Участок 1, склеп №1 (2002)	№ 7																							
Участок 1, склеп №2 (2002) 2 пол. V в.(?)	№ 8		№ 30	№ 53 (III)								№ 74									№ 94			
Участок 2, 2-й (серый) слой (2002)	№ 9																							

Место находки	Керамика «понтийского» производства																				Late Roman C			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Подбойная могила №3 (2002)	№ 10																							
Грунтовая могила №1 (2002)	№ 11 11а			№ 52 (III)								№ 73												
Склеп №161 (2003) 360/70-400/10 гг.	№ 12							№ 67										№ 84						
Склеп №155 (2003) 360/70-400/10 гг.	№ 13 14		№ 31	№ 44 (II)					№ 68	№ 69														
Склеп №158 (2003) 2 пол. IV – V вв.	№ 15			№ 54(III)	№ 63										№ 78 79				№ 85					
Склеп №159 (2003) 360/70-400/10 гг.				№ 40 (I) 41 (I)																				
Склеп №157 (2003) 380/400-440/50 гг.				№ 55 (III)																				
Склеп №162 (2003) 380/400-440/50 гг.				№ 56 (III)																				

Место находки	**Керамика «понтийского» производства**																				**Late Roman C**			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Склеп №160 (2003) 380/400-440/50 гг.																	№ 82							
Склеп №163 (2004)			№ 32	№ 50 (III)																				
Склеп №168 (2004) 360/70-400/10 гг.				№ 57 (III)																				
Склеп №171 (2004) 2 пол. V в.							№ 65																	
Подбойная могила №18 (2004) 360/70-400/10 гг.												№ 75												
Склеп №175 (2005) 380/400-480/90 гг.	№ 16 17 18										№ 70													
Подбойная могила №31 (2005)	№ 19										№ 71													
Подбойная могила №33 (2006)	№ 22																							

Место находки	Керамика «понтийского» производства																				Late Roman C			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Склеп №182 (2006)			№ 33																					
Могила с заплечиками №1 (2006) 360/70-400/10 гг. (?)				№ 45 (II)																				
Склеп №185 (2006)				№ 58 (III) 59 (III)																				
Склеп №184 (2006) 430/40-470/80 гг.	№ 20 21													№ 77										
Склеп №187 (2007)	№ 23																							
Склеп №189 (2007) 2 пол. IV-сер. V вв.			№ 34 35 36	№ 46 (II)																				
Склеп №190 (2007) 360/70-400/10 гг.			№ 37	№ 60 (III)																				
Склеп №191 (2007) сер. IV - 1 пол. VI вв.			№ 38																					№ 103

Место находки	**Керамика «понтийского» производства**																				**Late Roman C**			
	Сосуды открытого типа										Кувшины													
	Форма										*Тип*										*Form*			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6	1	2	3	5
Склеп №192 (2007) сер. V – нач. VII вв.																							№ 99 (F)	
Т-образная могила №1 (2007) 1 пол. V в.															№ 80									
Тризна у пятки дромоса склепа №191 (2008)	№ 24																						№ 102 (F)	
Склеп №197 (2008) сер. V в.			№ 39																					
Прирезка №4 «тризна» (2008)				№ 61 (III) 62 (III)			№ 66															№ 96 96 а		
Подбойная могила №40 (2008)																						№ 95 95 а		
Могила с заплечиками №4 (2008)																						№ 97		
Склеп №188 (2008)																							№ 101 (F)	

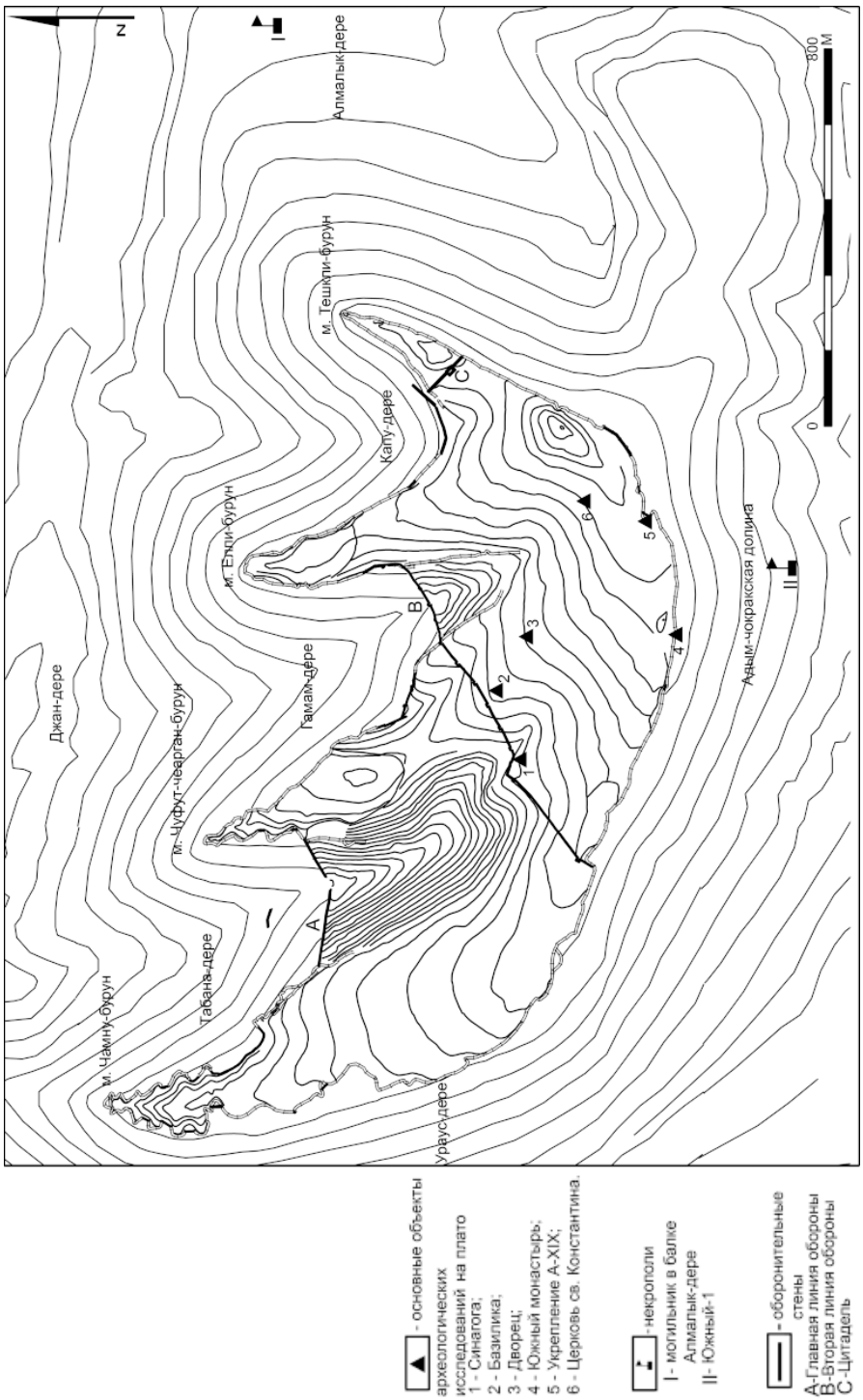

Рис. 1. План Мангупского городища.

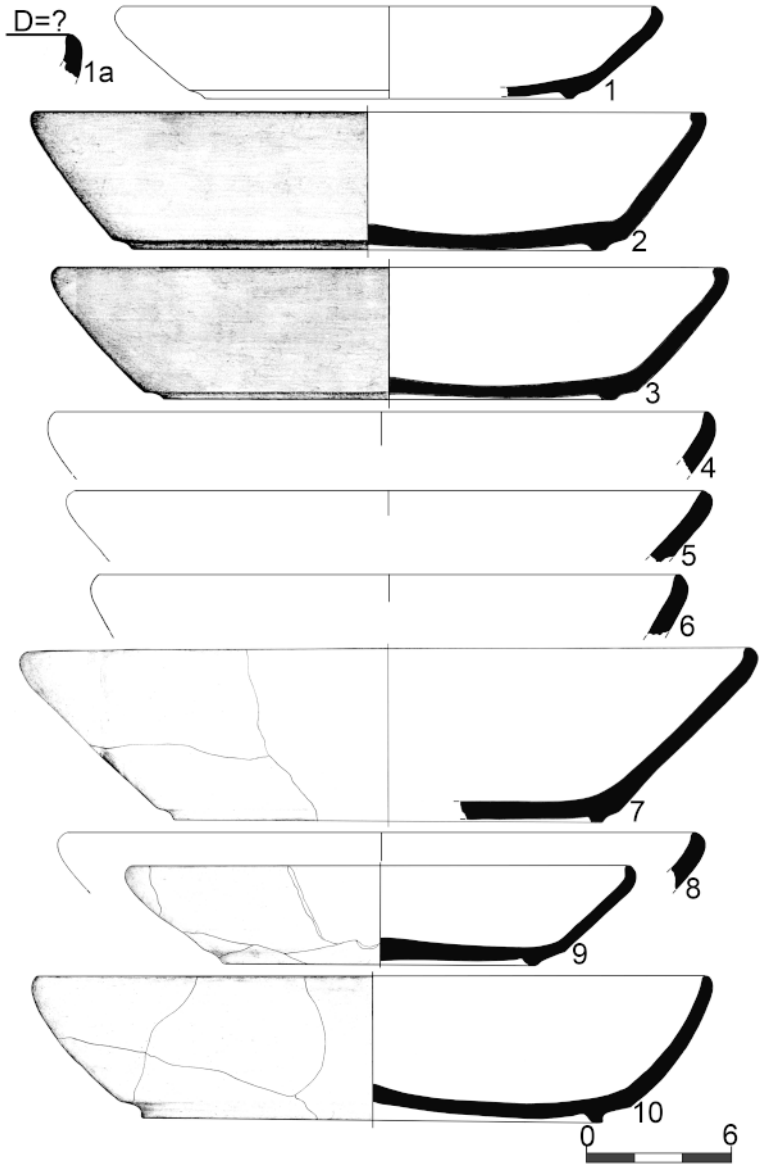

Рис. 2. Краснолаковые блюда «понтийского» производства формы 1.

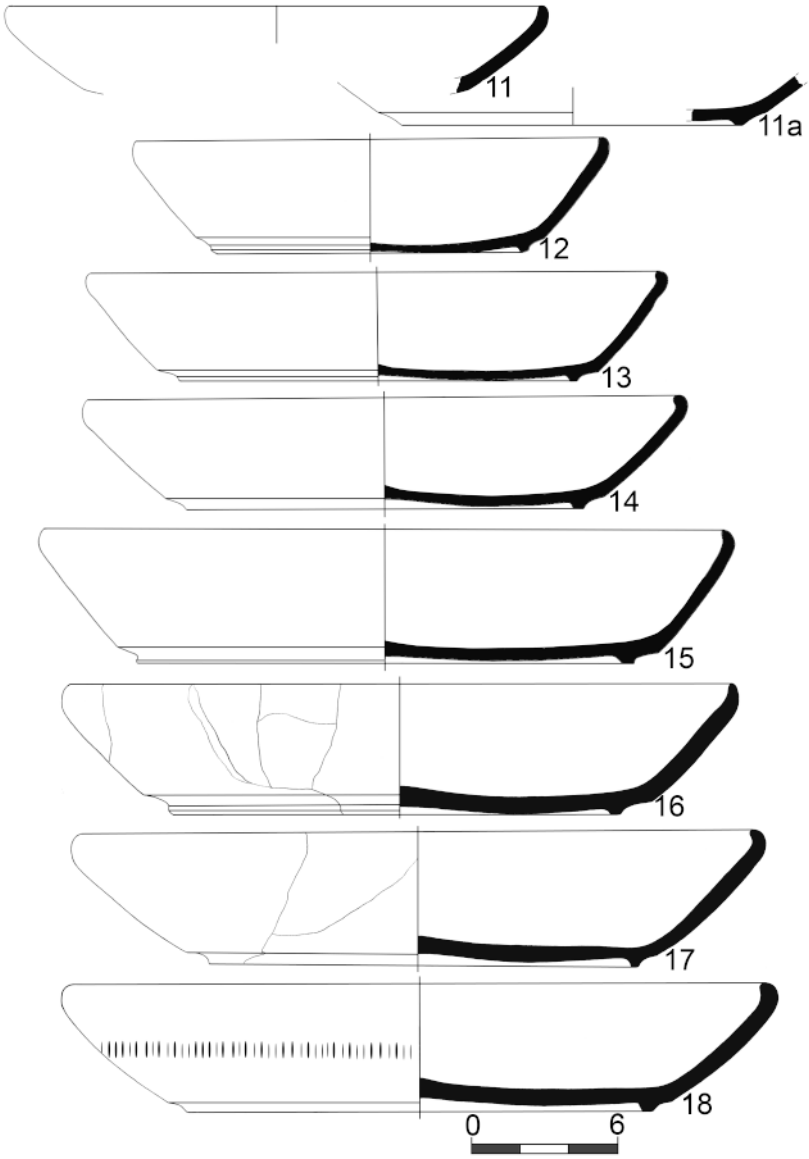

Рис. 3. Краснолаковые блюда «понтийского» производства формы 1.

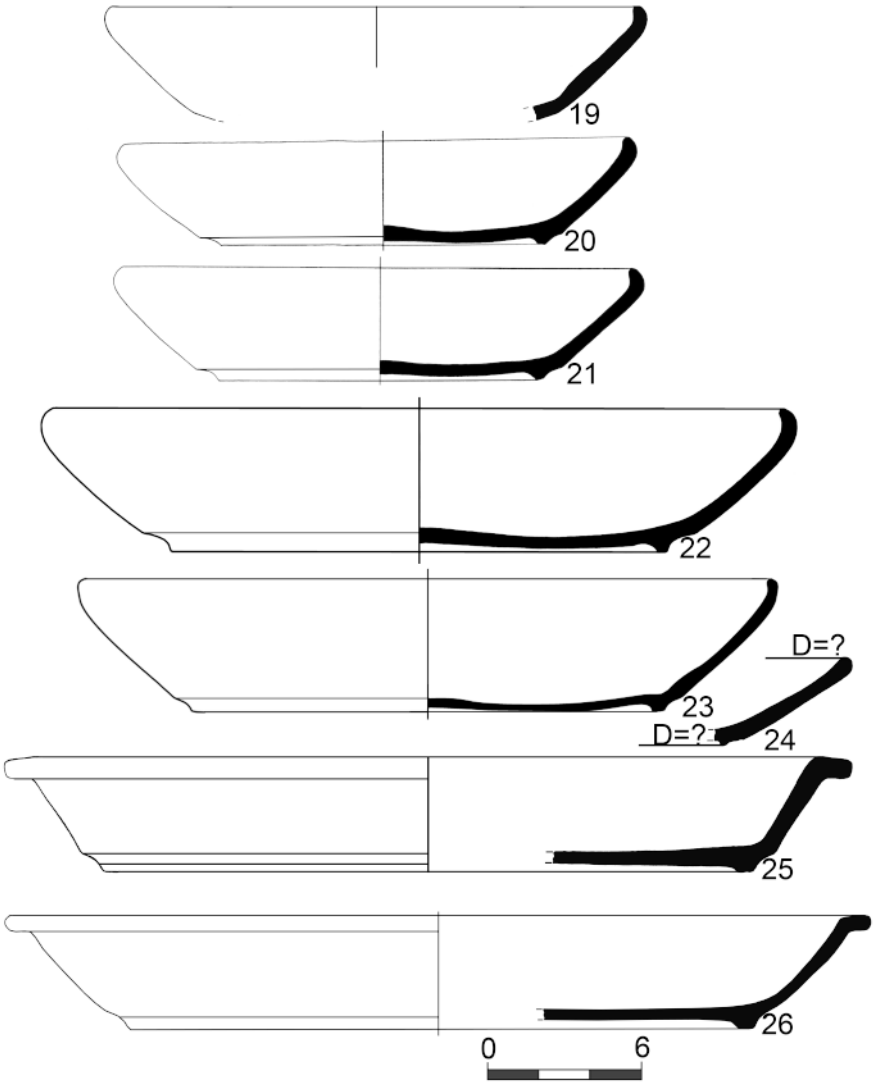

Рис. 4. Краснолаковые блюда «понтийского» производства форм 1 (*19-24*) и 2 (*25, 26*).

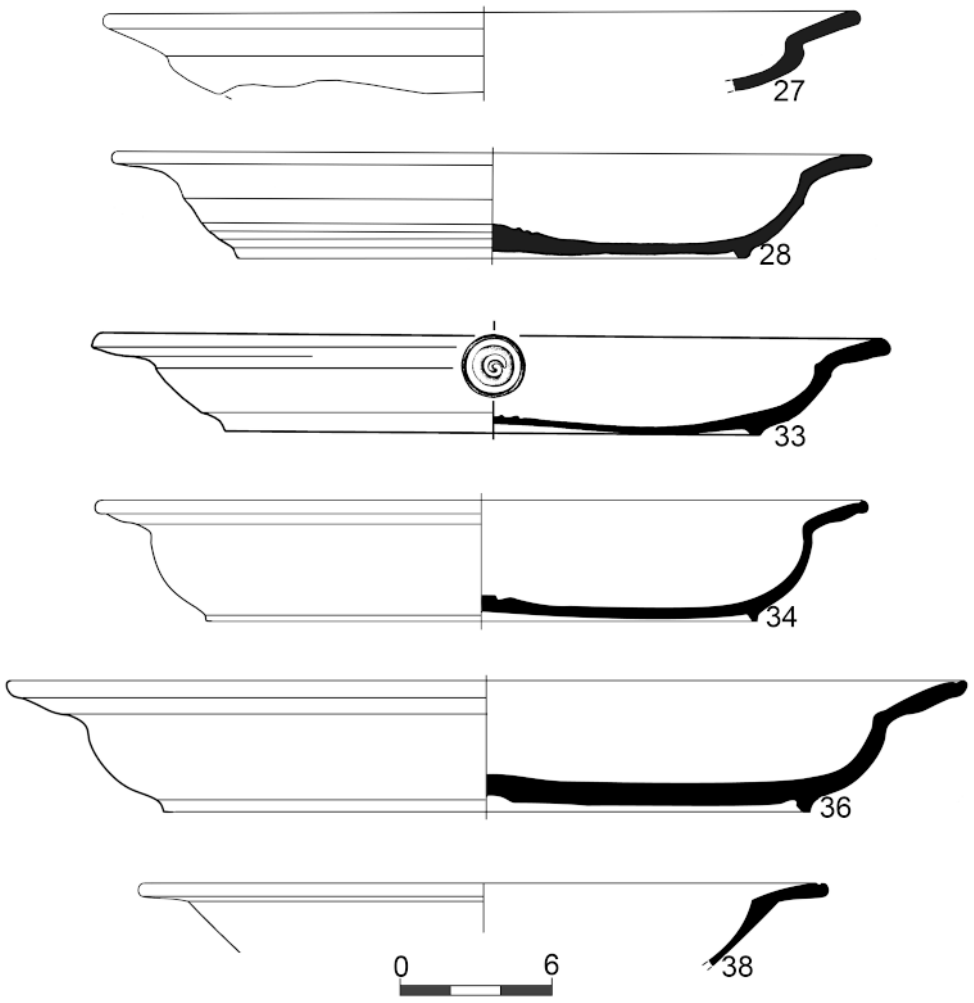

Рис. 5. Краснолаковые блюда «понтийского» производства формы 3.

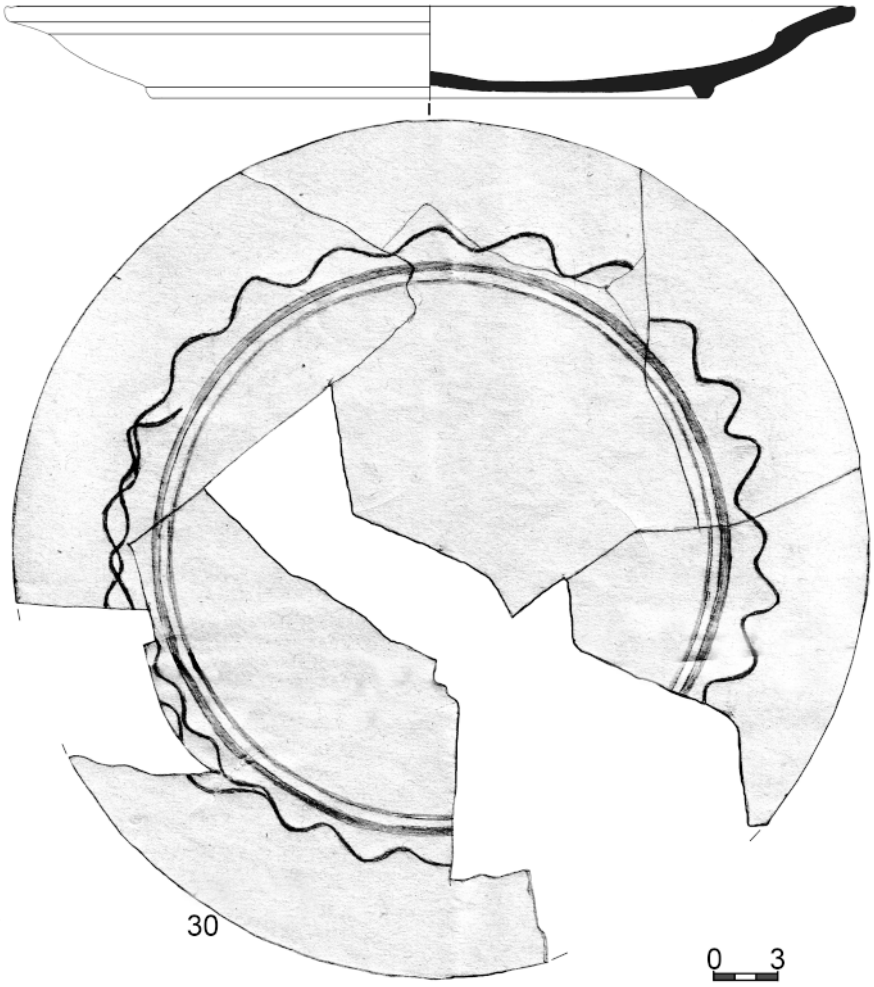

Рис. 6. Краснолаковое блюдо «понтийского» производства формы 3.

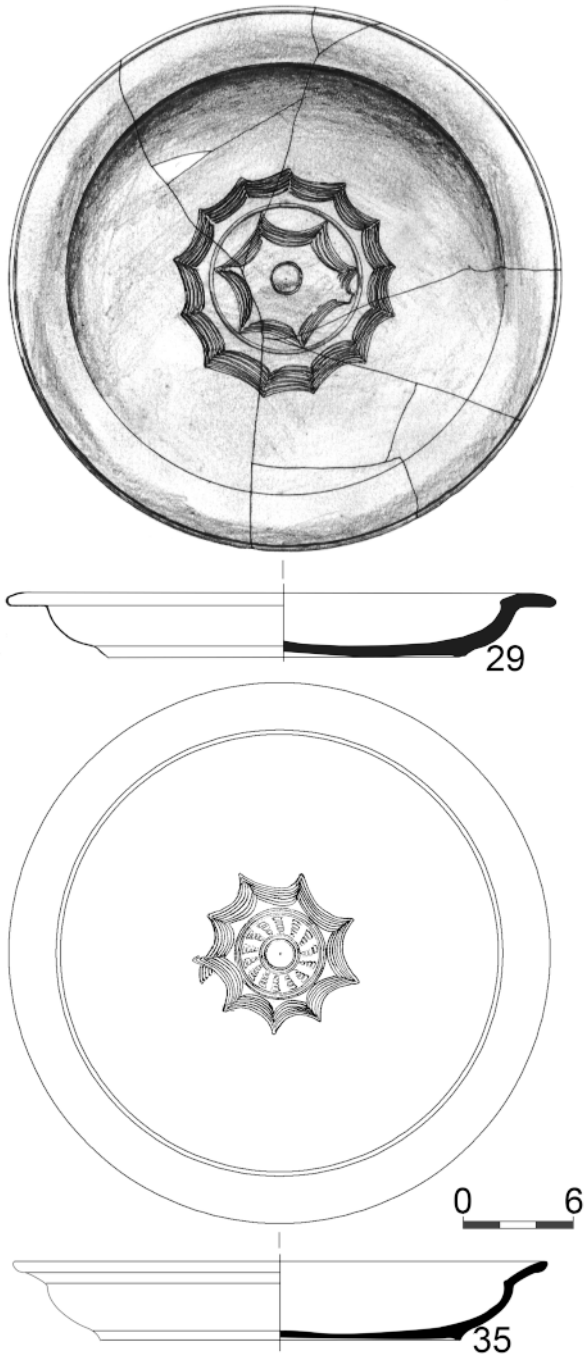

Рис. 7. Краснолаковые блюда «понтийского» производства формы 3.

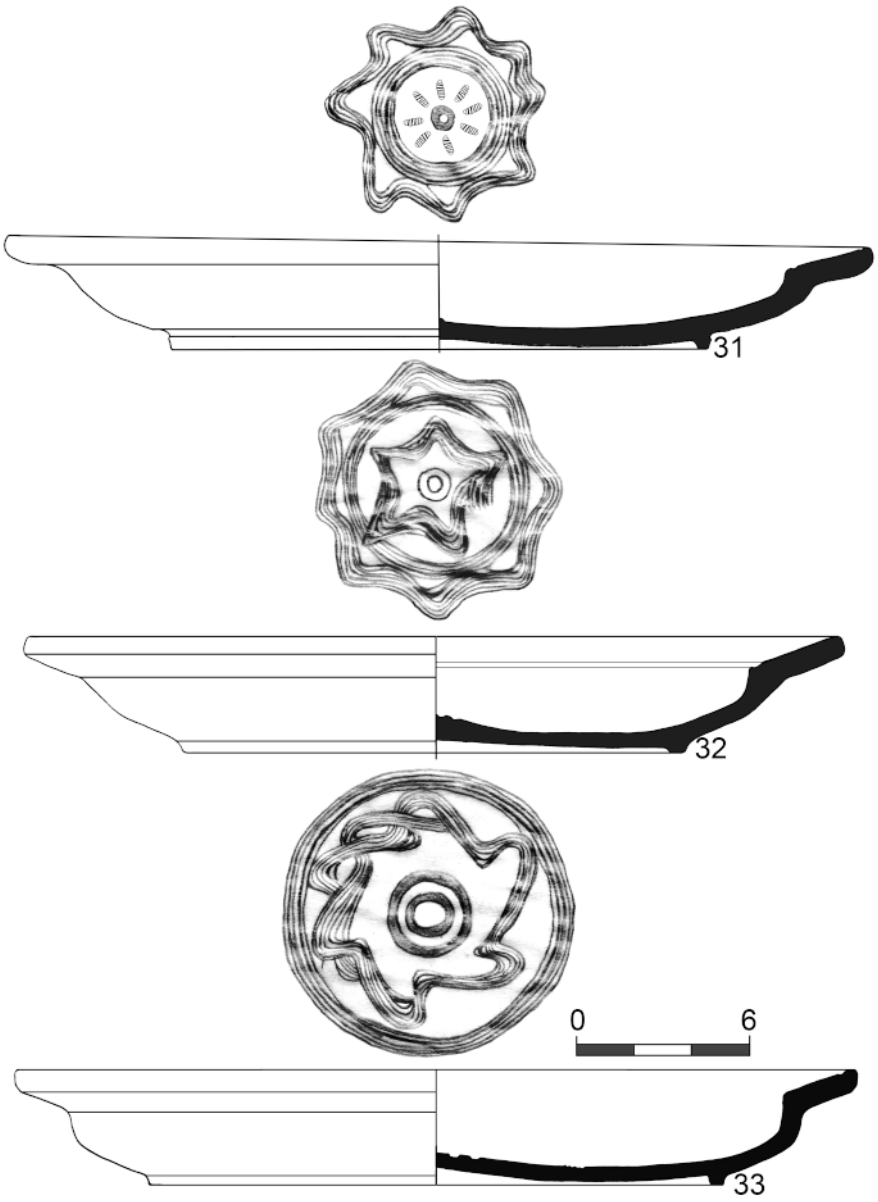

Рис. 8. Краснолаковые блюда «понтийского» производства формы 3.

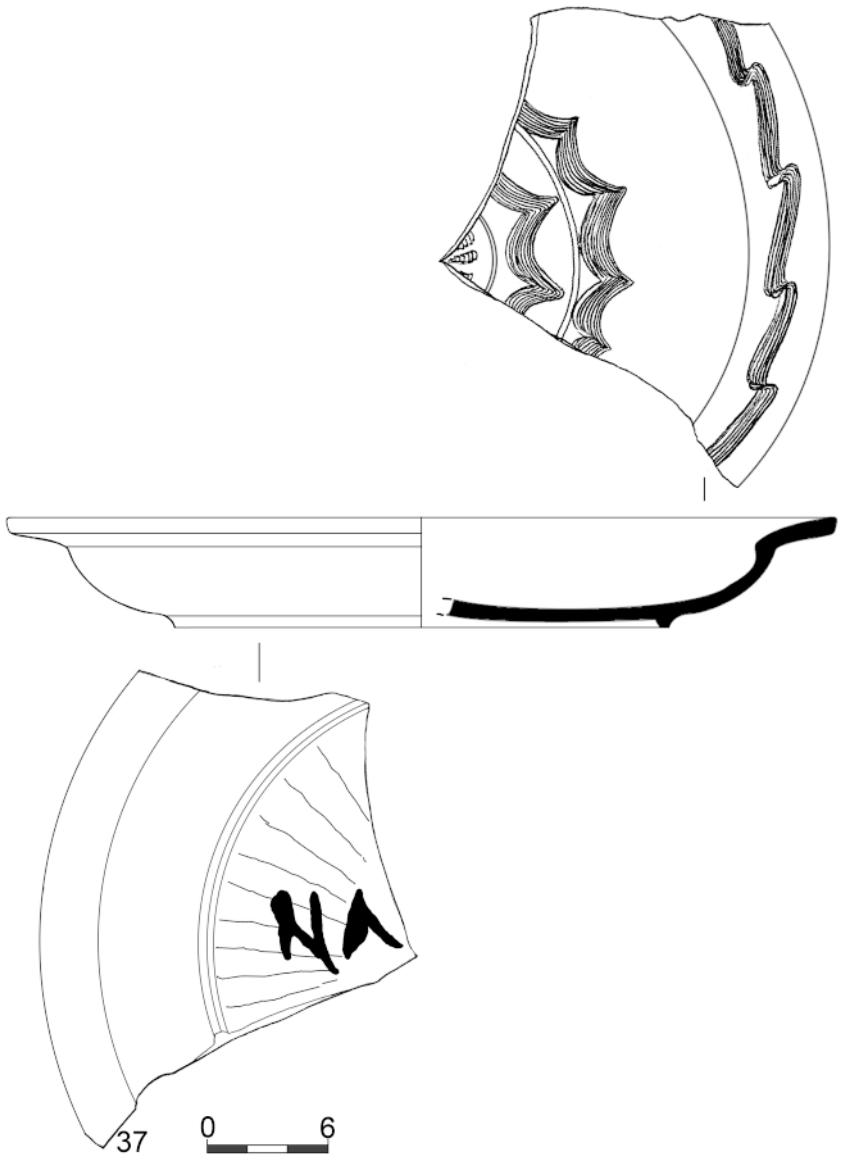

Рис. 9. Краснолаковое блюдо «понтийского» производства формы 3.

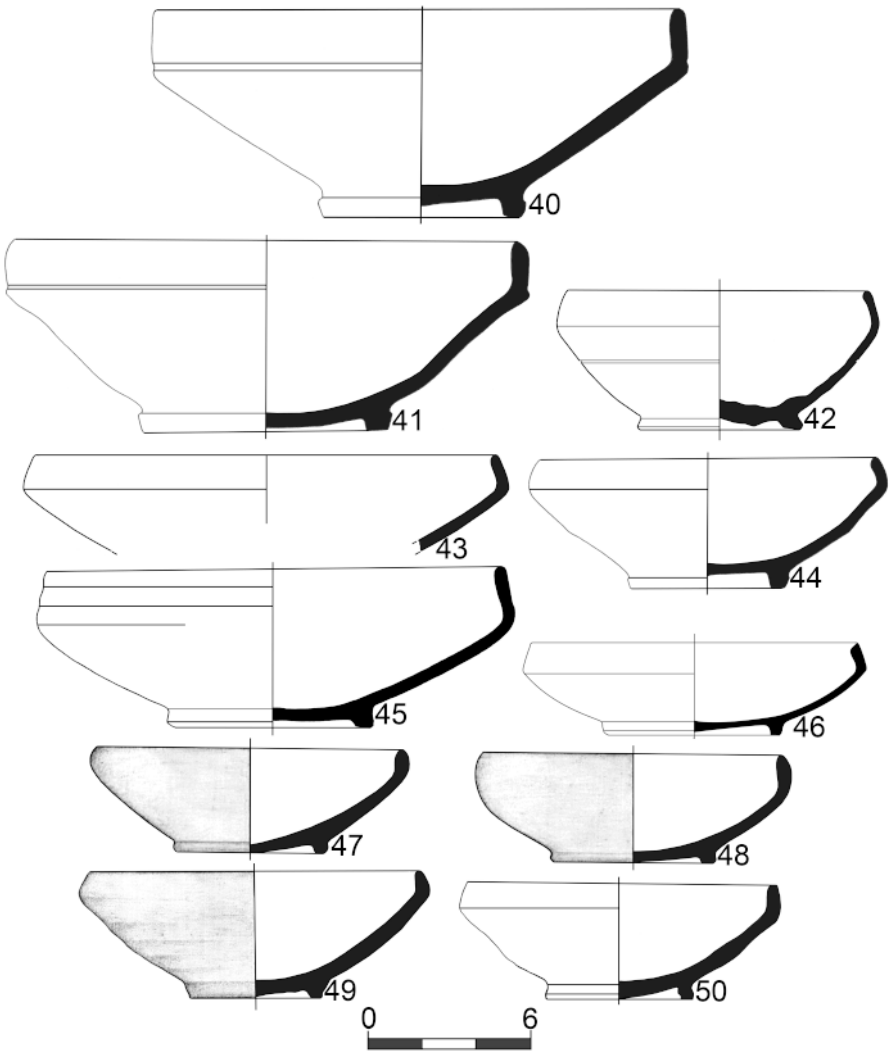

Рис. 10. Краснолаковые миски «понтийского» производства формы 4 вариантов I (*40, 41*), II (*42-46*) и III (*47-50*).

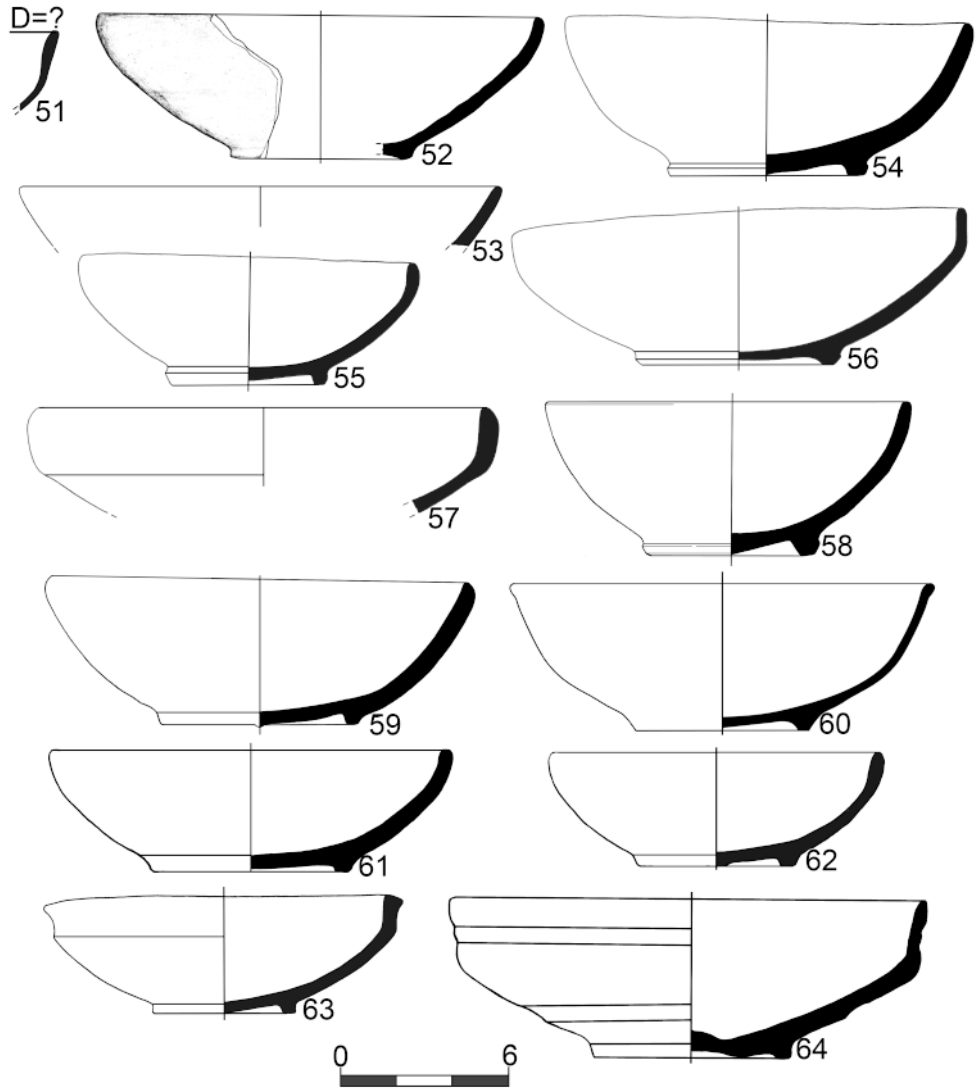

Рис. 11. Краснолаковые сосуды открытого типа «понтийского» производства форм 4 варианта III (*51-62*), 5 (*63*) и 6 (*64*).

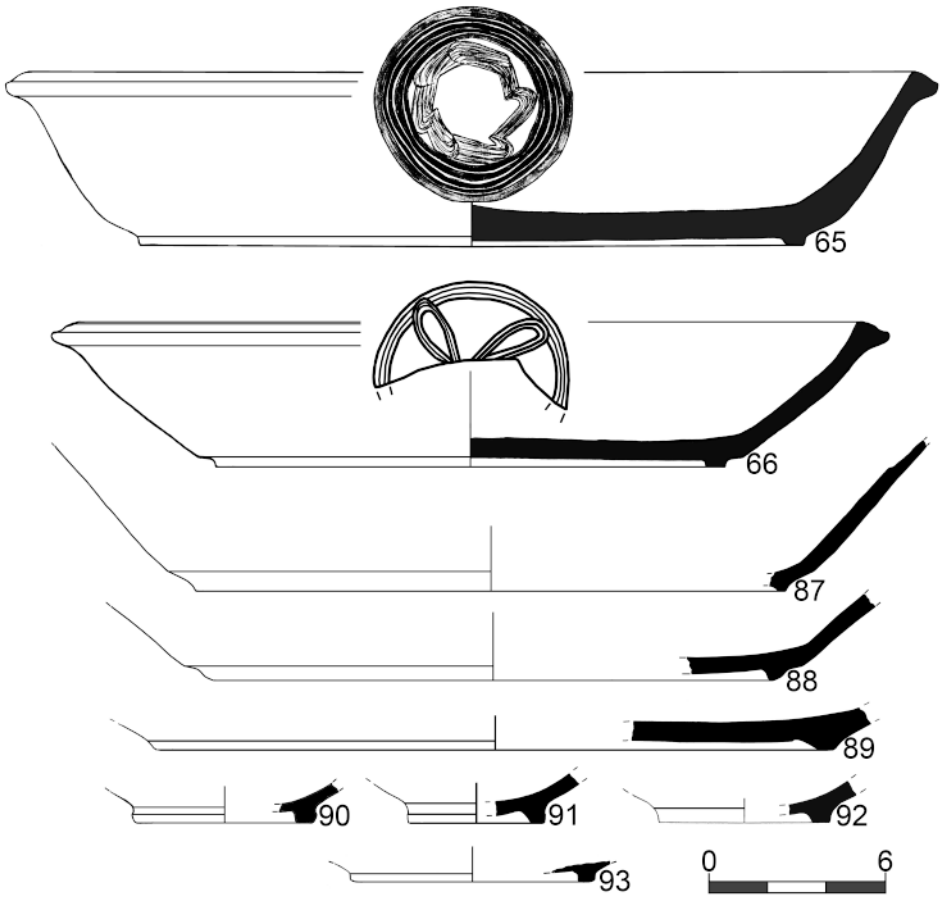

Рис. 12. Краснолаковые сосуды «понтийского» производства формы 7 (*65, 66*) и неопределенных форм (*87-93*).

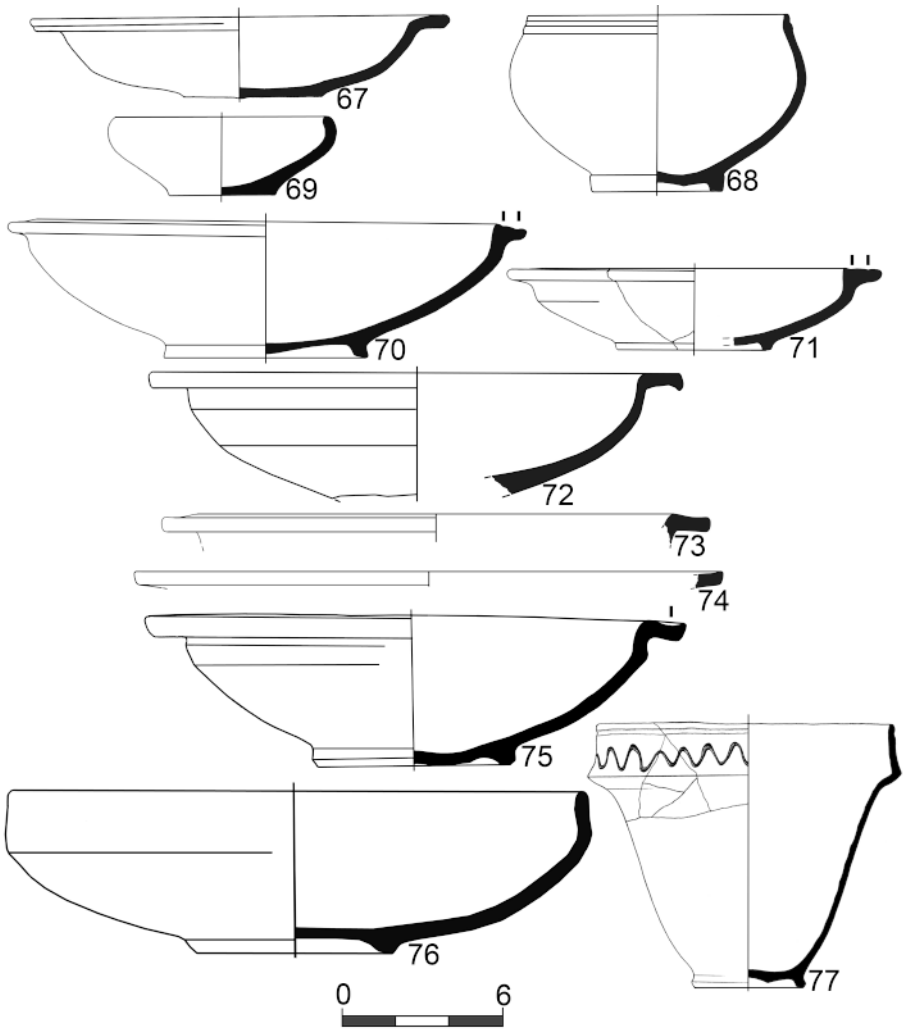

Рис. 13. Краснолаковые сосуды открытого типа «понтийского» производства форм 8 (*67*), 9 (*68*), 10 (*69*), 11 (*70, 71*), 12 (*72-75*), 13 (*76*) и 14 (*77*).

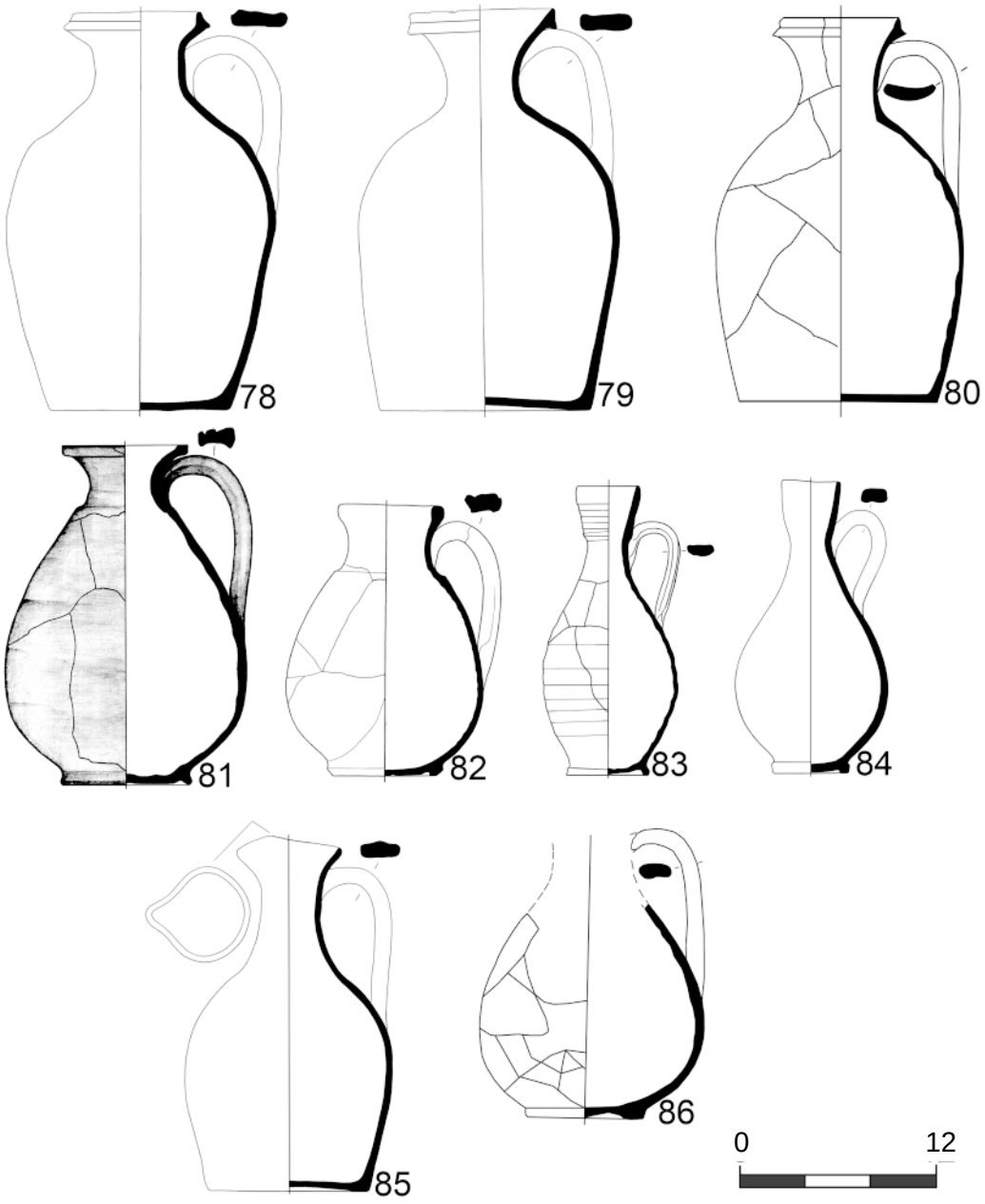

Рис. 14. Краснолаковые кувшины «понтийского» производства типов 1 (*78-80*), 2 (*81*), 3 (*82*), 4 (*83, 84*), 5 (*85*) и 6 (*86*).

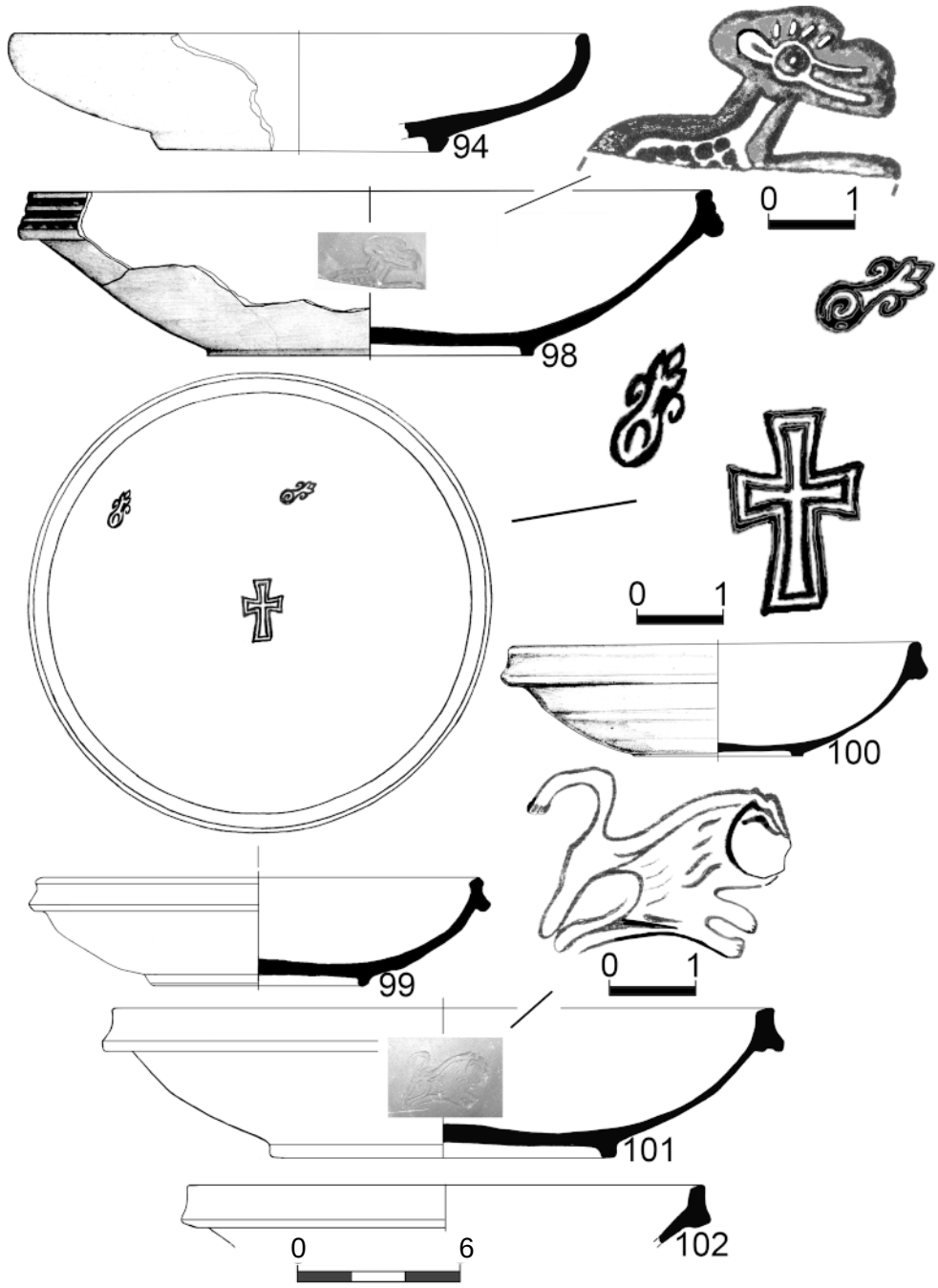

Рис. 15. Краснолаковые сосуды открытого типа группы «Late Roman C» форм 1 (*94*) и 3 (*98-102*).

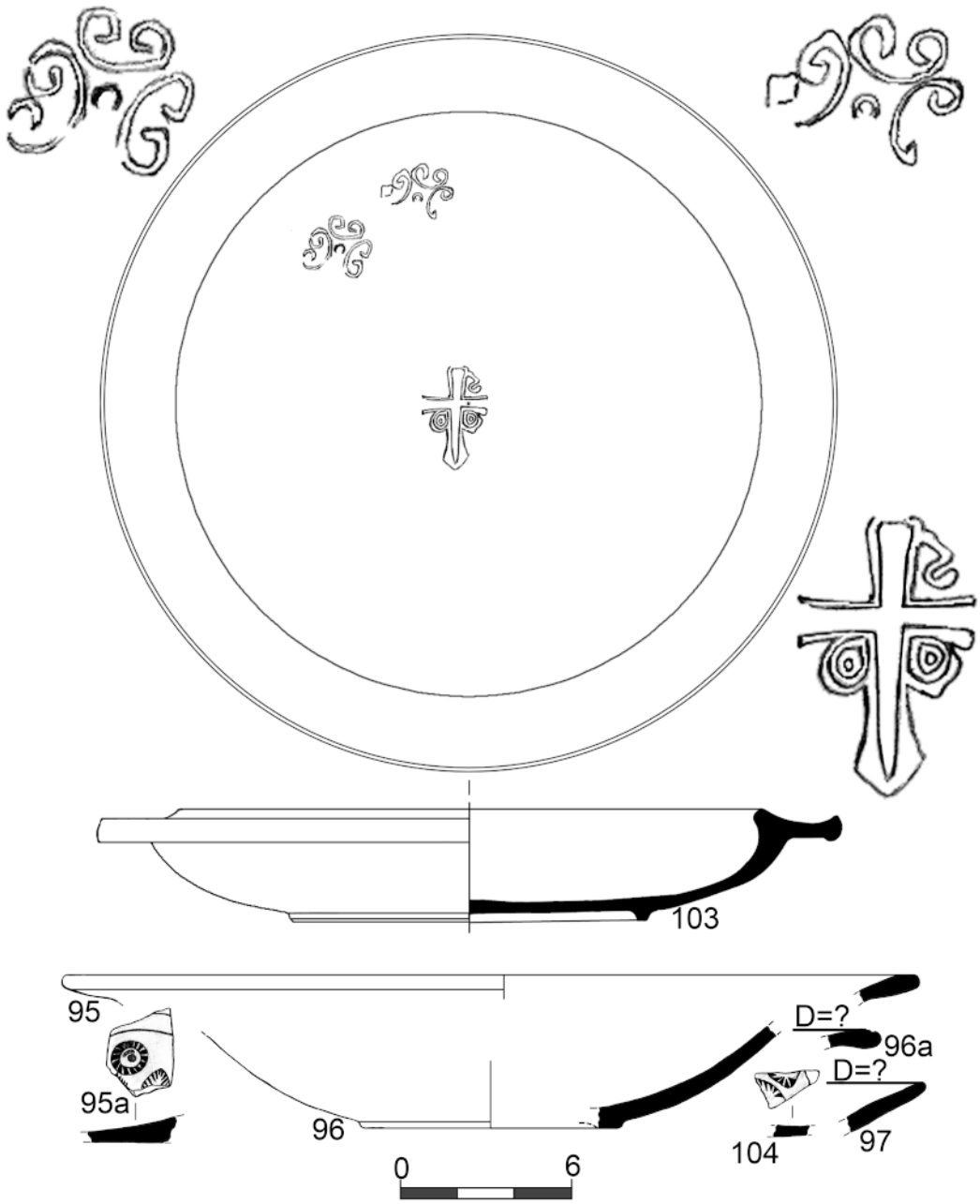

Рис. 16. Краснолаковые сосуды открытого типа группы «Late Roman C» форм 2 (*95-97*) и 5 (*103*) и неопределенной формы (*104*).

И. А. ЗАВАДСКАЯ

ХРИСТИАНСКИЕ РАСПИСНЫЕ СКЛЕПЫ КРЫМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ РОСПИСИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

В истории и памятниках Крыма нашли отражение многие процессы политической, экономической, религиозной и культурной жизни Восточно-Римской империи. Именно влияние Византии в значительной степени предопределило и ход начальной истории христианства на полуострове. Вместе с новой религией местным населением были восприняты также художественные формы выражения своей приверженности к христианским идеалам. К числу самых ранних и наиболее ярких памятников христианского искусства Крыма принадлежат расписные склепы Херсонеса и Боспора.

Большинство крымских христианских расписных склепов исследовано еще в конце XIX – начале XX вв. Спустя сто лет, уже в наши дни, открытие новых склепов с христианской живописью возродило повышенный интерес ко всей группе этих памятников и вызвало многочисленные споры по различным проблемам, многие из которых продолжают оставаться нерешенными[1].

Поскольку интересующие нас склепы Херсонеса и Боспора уже неоднократно описывались в научной литературе, лишь кратко охарактеризуем их, чтобы подчеркнуть существенную разницу в характере и стиле их оформления.

По типологии и хронологии, разработанной Е.А. Зинько на основании особенностей объемно-планировочной конструкции и топографической привязки, склепы, открытые на некрополе г. Боспор (северный склон горы Митридат), делятся на три типа. В тип I объединены 11 склепов с так называемой «геометрической» росписью в виде сильно схематизированных примитивных рисунков растений, животных, птиц, людей, геометрических фигур и других изображений, исполненных одной или двумя красками. Исследовательница датирует их III – началом V вв. и на основании анализа символики изображений

[1] Наиболее полную библиографию работ по исследованию расписных склепов Херсонеса и Боспора см.: [1, с. 57-72, 111-117; 2, с. 67-73; 3, с. 56-66; 4, с. 258-288; 5, с. 121-132].

считает их христианскими [2, с. 71-72; 6, с. 78-89; 7, с. 309-318]. В тип II вошли склепы с христианскими граффити (№ 25 «Системы 2000 г.» и др.), а также склеп 1912 г.[2] с рельефным изображением креста с четырьмя птицами над входом с внутренней стороны. Е.А. Зинько относит их к последней четверти IV – первой половине V вв. [7, с. 311]. Тип III составляют склепы, на стенах которых фиксируются многочисленные красные кресты, в двух памятниках сопровождаемые текстами молитв и псалмов (склепы 1891 г. и 1895 г.), исполненные также красной краской. Суммарно эти памятники датируются второй половиной V – серединой VI вв. [7, с. 311; 3, с. 62-65]. Следует отметить, что роспись в боспорских склепах I и III типов нанесена непосредственно на глинистый грунт без штукатурки.

В отличие от боспорских памятников, полихромные росписи 11 известных на сегодняшний день херсонесских склепов[3] очень близки между собой по техническим и стилистическим характеристикам[4], что позволяет говорить об их принадлежности одному периоду [8, с. 449-480; 1, с. 72; 4, с. 258-286]. Все они выполнены по гладкой известковой штукатурке, порой отмечается наличие первичного (выравнивающего) цемянкового слоя, а также то, что краски нанесены по сырой поверхности, т.е. в технике al fresco [8, с. 450, 453, 464, 467, 470, 475]. Большинство художественных элементов этих росписей – деревья, цветы, гирлянды, виноградная лоза, птицы, горящие свечи, как и декоративная система в целом, объединяющая инкрустационный и цветочный стили, являются наследием античной языческой живописи, хотя и с новым христианским содержанием. Богатый набор декоративных элементов лишь некоторых из этих склепов дополнялся изображением христограммы, что является безусловным свидетельством их христианской принадлежности.

Таким образом, росписи позднеантичных и раннесредневековых склепов Херсонеса и Боспора можно разделить на три разнородные стилистические группы: рисунки, выполненные в «геометрическом» стиле одной или двумя красками (Боспор); полихромные фрески, выполненные в античных традициях (Херсонес); росписи, состоящие из красных крестов и священных текстов (Боспор).

---

[2] В название склепа принято включать дату его открытия.

[3] Описание и анализ 8 склепов (склеп 1903 г., склеп 1904 (1853) г., склеп 1905 г., два склепа 1907 г., склеп 1909 г., склеп 1912 г., склеп на земле Н.И. Тура) содержатся в труде М.И. Ростовцева [8, с. 449-480]. В 1998-1999 гг. открыты еще два расписных склепа, подробный отчет о раскопках которых прилагается к монографии В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного [1, с. 144-154]. Еще один склеп с росписью, которая сопровождалась христианской надписью, открыт в 2003 г. и исследован в 2006 г. [9, с. 186-187; 10, с. 189-191; 11, с. 46]. Полной публикации памятника еще нет.

[4] В 2006 г. в Херсонесе открыт склеп с христианскими граффити (надписи, хризма, кресты, изображения кораблей). В предварительных публикациях его датируют второй половиной IV – началом V вв. [9, с. 190-191].

Первостепенной проблемой в исследовании крымских расписных склепов является выяснение как можно более точной их хронологии, что, ввиду особой исторической значимости этих памятников, существенно влияет на представление о характере и темпах христианизации местного населения. В связи с этим следует отметить, что если новейшая разработка типологии и хронологии боспорских склепов Е.А. Зинько не вызвала возражений в научной среде, то вокруг датировки херсонесских склепов разгорелась серьезная дискуссия [12; 1, с. 58-75, 144-154; 13, p. 123-125; 14, с. 34-36; 15, с. 408-411; 4, с. 258-288; 16, с. 131-136; 17, с. 114-116; 11, с. 45; 18, с. 182-186]. Данная группа склепов различными исследователями датируется от второй половины IV – начала V вв. до VI-VII вв. Защитники ранней даты основываются, прежде всего, на стилистических особенностях херсонесских росписей; подтверждает раннюю дату также археологический материал из этих склепов, в частности монеты [8, с. 451-479; 14, с. 34-36; 15, с. 408-412; 4, с. 258-286; 9, с. 189-191; 11, с. 46-47]. Сторонники поздней датировки в качестве основного аргумента приводят особенности денежного обращения в Херсоне, которые, по их мнению, исключают возможность использовать монеты IV – начала V вв. из этих склепов для определения их даты [12, с. 4; 1, с. 81]. Кроме того, в последнее время выдвинута теория «некоторого «запаздывания» хронологических рамок бытования того или иного элемента росписи склепов Херсонеса» как результат замедленных темпов христианизации его населения, по сравнению с другими центрами [16, с. 134; 18, с. 184-185]. Отличие херсонесских расписных склепов и боспорских склепов с крестами и псалмами сторонники поздней даты склонны объяснять «определенными особенностями проникновения христианства в среду населения этих двух бывших античных центров» и «преобладанием среди адептов христианства на Боспоре, в отличие от Херсонеса, лиц смешанного этнического происхождения» [1, с. 73].

Чтобы определить, чем же объясняется столь существенная разница между херсонесскими и боспорскими склепами – хронологическим разрывом или местными особенностями – необходимо обратиться к истории развития погребальной живописи на территории Византийской империи.

Следует констатировать, что памятники погребальной живописи практически не включены в общие работы по истории раннехристианского и византийского искусства. Исключение составляют лишь росписи, главным образом, римских катакомб III – первой половины IV вв., которые по праву рассматриваются как начало христианской живописи, зарождавшейся в рамках позднеантичной культуры [19, p. 19-20; 20, p. 77-144; 21, с. 23; 22, с. 38-44]. Что касается многочисленных христианских склепов и гробниц, несущих на своих стенах росписи более позднего времени, то им посвящены узкоспециальные публикации одного или группы памятников. Попытки обобщающих исследований крайне редки [23; 24]. В то же время, как представляется, гробничная

роспись IV-VI вв. может служить важным источником по изучению ранневизантийского искусства в целом, поскольку во многом отражает его главные тенденции.

В данной статье с целью выявить наиболее близкие аналогии росписям крымских склепов и определить их место в истории христианского погребального декора, что, безусловно, поможет пролить свет на их хронологию, мы рассмотрим основные этапы поступательного развития декоративного оформления христианских погребальных сооружений на протяжении IV-VI вв. Поскольку проследить этот процесс во всех деталях в рамках одной статьи сложно, основное внимание сосредоточим на том, как изменяется место и роль главных христианских символов – креста и христограммы – в общей схеме погребальной декорации, что представляется наиболее важным и показательным для понимания рассматриваемого процесса в целом. Территориально наше исследование охватывает, главным образом, Балканский полуостров и Малую Азию, где расположены наиболее близкие по стилю аналогии крымским памятникам[5].

* * *

История изображения креста и других крестообразных знаков неоднократно рассматривалась в мировой историографии [25, с. 37-38; 26; 27; 23, p. 761-763 и др.]. Однако определение времени наиболее ранних христианских символов в виде крестообразных фигур остается проблемой, вызывающей постоянные споры. В контексте нашей темы важно отметить, что в погребальной росписи изображения креста и христограммы получают свое развитие с IV в. Монограмма Христа в погребальных сооружениях встречается и ранее, например, в надписи римской катакомбы св. Каллиста второй половины III в. [23, p. 763]. Однако хризмы были крайне редки в декоре катакомб этого времени, изобилующем сценами из Ветхого и Нового Заветов в сочетании с героями античных мифов. В период гонений христиане стремились держать в тайне наиболее священные символы и догматы [28, с. 37-41]. После того, как при Константине Великом христианство было выведено из подполья и узаконено (Миланский эдикт 313 г.) и постепенно становилось доминирующей среди других религий, крестное изображение, как «символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью» [29, с. 45], было взято под защиту государства. По сообщению Евсевия Памфила, монограмма Христа в венке была отображена на шлеме императора и на войсковом знамени (лабаруме), кроме того, изображение креста – «символа спасительных страданий», усеянного драгоценными камнями в золотой оправе находилось «в вызолоченном углублении потолка» одной из палат дворца Константина [29, с. 44-45, 125-126]. По замечанию церковного историка, «этот символ боголюбивому василевсу казался хранителем его царства» [29, с. 126]. Подчеркнем, что

[5] Аналогии отдельным элементам и декоративно-символической росписи, в целом, херсонесских склепов отражены в авторской статье [4].

именно такое оформление сводов гробниц и церквей станет очень популярным в христианском искусстве второй половины IV – V вв.

В погребальной росписи IV в. изображения крестов, а чаще всего христограмм (хризм), являлись частью определенной, достаточно развитой декоративной программы, основная идея которой заключалась в выражении надежды на спасение после смерти, веры в воскрешение, в царство небесное [30, p. 8-11]. Именно эта тема определяла весьма богатый набор изобразительных элементов, заимствованных из языческого искусства, но наделенных уже новым символическим значением. Цветы, гирлянды, венки, виноградная лоза, деревья, цветочные корзины, птицы исполнены в большинстве случаев в живописной манере, еще целиком пропитанной античными традициями. Все эти изображения, объединенные в одной композиции, наряду с индивидуальной символической нагрузкой [28, с. 185-195, 210-213, 230-243] представляли многокрасочную картину небесного рая – мечту и надежду каждого христианина. Помимо элементов цветочного или, выражаясь образно «райского» стиля долгое время в декорации христианских гробниц сохранялись мотивы «инкрустационного» стиля [4, с. 263-268]. Имитация мраморной облицовки нижней части стен, как символ земного, материального богатства и роскоши, была заимствована из декора античных домов и, скорее всего, свидетельствовала о сохранении среди христиан языческого отношения к погребальному сооружению как к жилищу покойника. Не исключено также, что «земные стандарты» благополучия автоматически переносились и на представления о небесном бытии, и в таком случае мраморировку тоже можно рассматривать как составляющую райского мира в воображении заказчиков и создателей этих росписей. Среди обилия разнообразных элементов, воплощающих рай на стенах и сводах гробниц, мы и находим изображение христограммы или креста, по отношению к которому Иоанн Златоуст наряду с другими эпитетами применяет также определение «знак царства небесного» [31, *3-4*]. Для памятников IV в. наиболее характерно использование изображения христограммы в венке, что означало in pace Christi (в мире Христа) [28, с. 235]. Данное изображение располагалось на своде или в люнете сводчатых гробниц и склепов. Как правило, в одном памятнике оно встречается один, реже – два раза.

Ярким образцом подобной декоративной схемы является полихромная роспись сводчатой гробницы IV в. в Никее (современный Изник, Турция), с очень насыщенной композицией, в которой присутствуют цветы, фрукты (яблоки, груши), пальмовые ветви, птицы (павлины, куропатки), сосуды (блюдо, канфар), а также мраморировка, сухарный фриз, сетка из квадратов с фигурными розетками на своде [23, № 80; 32, p. 203-224] (рис. 1). Центральную тему росписи (на восточной стене против входа) формируют два павлина – символы воскресения, стоящие по обеим сторонам канфара. Сюжет в целом символизирует таинство причащения, которое неразрывно связано с идеей

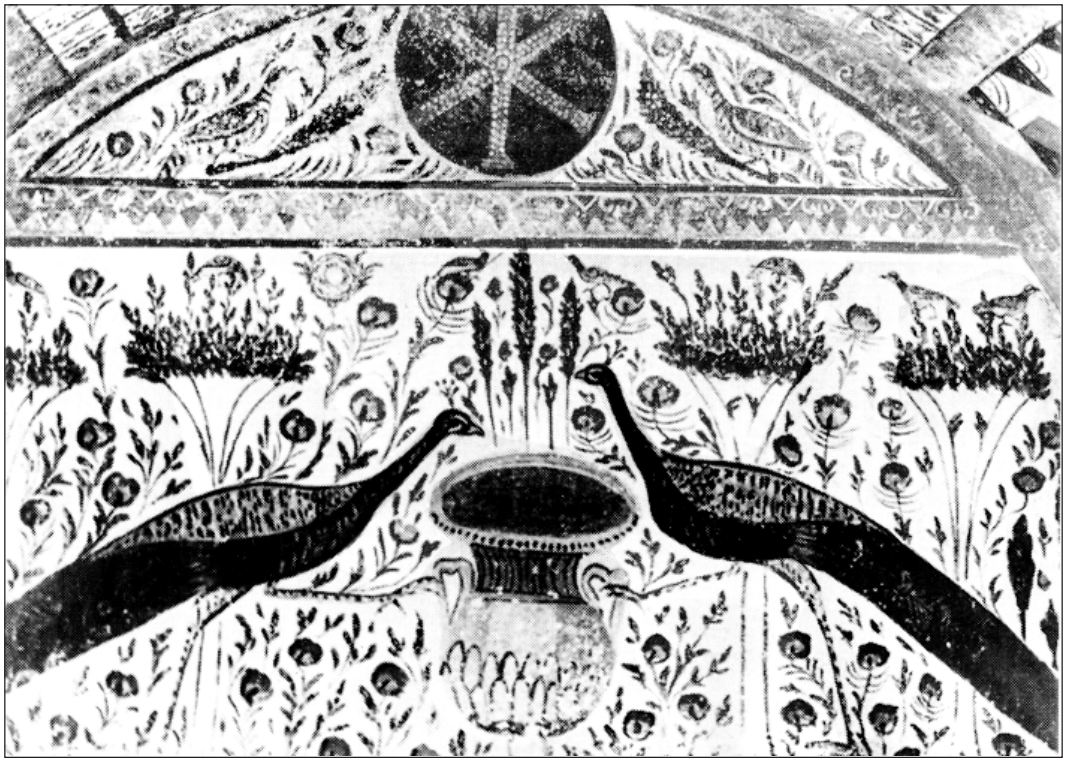

Рис. 1. Никея (Изник, Турция). Гробница IV в. [32, fig. 2].

воскресения, догматом о царстве небесном [28, с. 153, 214]. Над этим сюжетом в центре люнета помещена христограмма в круге между двумя куропатками и пальмовыми ветвями. Соотношение этих двух сюжетов подтверждает мнение о символической равнозначности расположенных между двумя птицами сосуда и хризмы в круге [28, с. 241] и означает символический путь через причастие, через приобщение к христианской истине достижения царства небесного в мире Христа.

Богатством и разнообразием декора отличаются расписные гробницы IV в., открытые на территории Греции, в частности на некрополе Фессалоник. Наиболее ранней из тех, в которых присутствуют христограммы, является гробница Флавия и Аврелии Евсторгии начала IV в. [33, p. 8-12; 34, p. 178, fig. 9-13; 35, № 124, p. 121]. На противоположной от входа восточной стене изображен портрет семьи погребенных, над которым в люнете на цветочном поле в венке частично сохранилась эпитафия с христограммой в конце. Хризма в лавровом (или оливковом) венке располагалась также на своде, усеянном цветами. На длинных стенах – фигуры птиц, стоящих по сторонам сосудов на фоне цветов и плодов. Гробница, обнаруженная на ул. Демосфена в Фессалониках

Рис. 2. Фессалоники (Греция). Гробницы IV в.: а-в – на ул. Демосфена, г – «Доброго Пастыря» [24, fig. 16, 47, 48].

(360-370 гг.), состояла из двух погребальных камер, полностью покрытых росписью. Только в люнете одной из них была представлена монограмма Христа в круге и венке между двумя птицами (рис. 2,*а*). Роспись второй комнаты включает в себя сцены библейского цикла (Адам и Ева, Даниил в яме со львами и др.), среди которых также Добрый Пастырь в райском саду, символизирующий Иисуса Христа (рис. 2,*б,в*) [24, fig. 16,46-48]. В люнете этой стены – традиционная композиция с двумя птицами по сторонам сосуда. Изображение

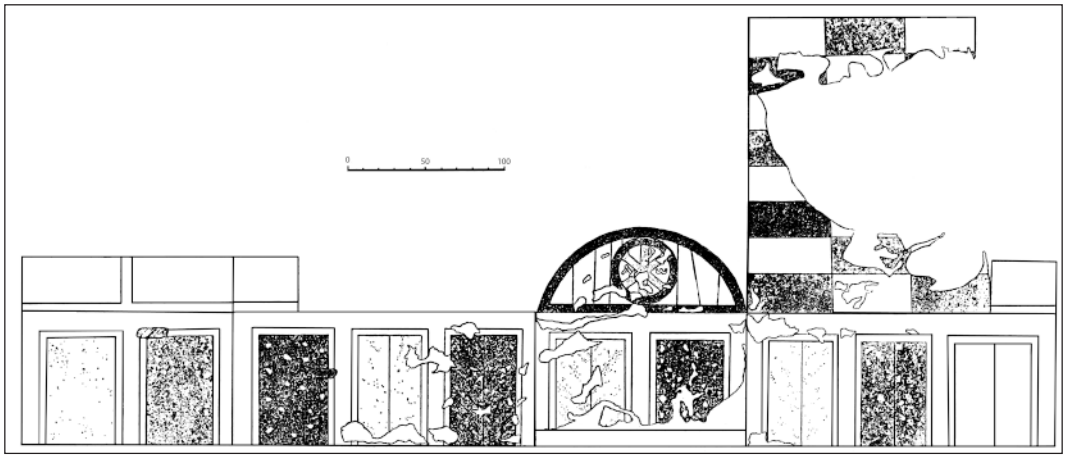

Рис. 3. Фессалоники (Греция). Гробница № 21 середины IV в. [36, εικ. 2].

Доброго Пастыря присутствовало еще в одной фессалоникской гробнице (на ул. Византии) первой половины IV в., получившей в литературе название «гробница Доброго Пастыря». На одной из ее длинных стен развита тема райского сада с изображением двух павлинов вокруг резервуара (фонтана?), установленного на колонне среди цветочного поля с решетчатой оградой. Христограмма здесь представлена в венке в окружении двух ангелов на одной из узких стен (рис. 2,*г*) [33, p. 12-25, fig. 3-5; 34, p. 178, fig. 22-23; 23, № 34]. В фессалоникской гробнице № 21 середины IV в. (датировка по монетам 340-350 гг.), открытой около госпиталя св. Димитрия (Aghios Dimitrios), монограмма Христа с апокалиптическими буквами «альфа» и «омега» желтого цвета в красном круге находилась в люнете противоположной от входа стены [36, p. 194-198]. Свод и стены полностью расписаны в виде прямоугольников, имитирующих разноцветный мрамор (рис. 3).

В христианской погребальной живописи уже с IV в., помимо хризм, использовались также кресты, как правило, с удлиненной вертикальной ветвью (crux immissa) и с расширениями на концах. Примерами служат росписи некрополей этого времени городов Филипп и Верии. Так же, как и христограмма, крест чаще всего изображался в круге или растительном венке, в окружении птиц и цветов. Подобная композиция одной из гробниц восточного некрополя Филипп была дополнена также молитвенным воззванием («Господи, помилуй нас и воскреси нас, спящих здесь в правой вере») [37, p. 223-228; 35, № 234; 23, № 40] (рис. 4,*а*). В той же гробнице в противоположном люнете находился еще один крест среди цветов (рис. 4,*б*). В гробнице № 13 из Верии, которую также датируют серединой IV в., крест в венке дополнялся буквами «альфа» и «омега», которые были подвешены к концам горизонтальной оси. На северной длинной стене сохранились остатки изображения женщины в позе оранты, пред-

ставленной в райском саду, – ее окружают цветы, кипарис и канделябр, а также надписи, одна из которых заключала в себе просьбу к покойной от лица ее мужа [38, p. 2709, fig. 18-19] (рис. 5).

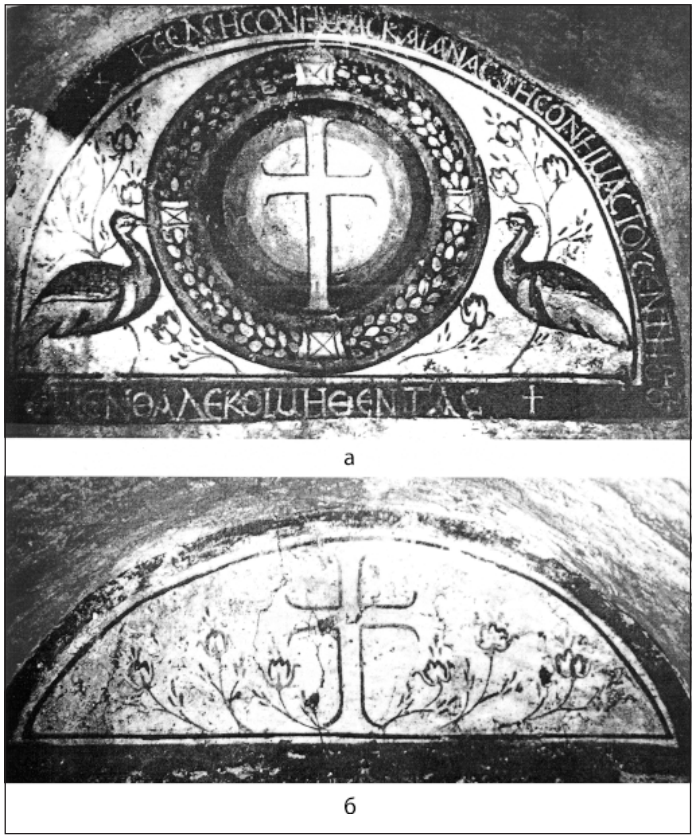

Рис. 4. Филиппы (Греция). Гробница IV в.: а – люнет восточной стены, б – люнет западной стены [37, Taf. 55].

Примерами многофигурных композиций, важным элементом которых была христограмма в венке или медальоне, являются также росписи склепов IV в. в Наиссе (г. Ниш, Сербия) и в Сопиане (г. Печ, Венгрия) [39, p. 85-100; 40, с. 144-147; 23, № 55, 72]. В обеих росписях, покрывавших все стены и свод, христограммы представлены дважды. В нишском склепе конца IV в. – христограммы с «альфой» и «омегой» в богатых растительных венках в окружении пальмовых ветвей: одна из них над входом, по обеим сторонам которого расположены две фигуры[6], вторая – на противоположной стене между двумя фигурами, стоящими среди деревьев и других растений. Картины райского сада представлены и на длинных стенах нишского склепа. За символической оградой-балюстрадой, разделяющей земной мир и царство небесное, произрастает виноградная лоза с гроздьями (символ Христа и христианского учения), которые вкушают птицы – души умерших [39, p. 93-96, fig. 13-17]. В склепе в г. Печ монограмма Христа в медальоне изображена на своде и на одной из узких стен между апостолами Петром и Павлом, на длинных стенах – библейские сюжеты. Следует отметить, что сюжетные композиции библейского цикла и изображения человеческих фигур (портреты погребенных, процессии слуг)

[6] Идентификация этих фигур вызывает споры. По мнению одних исследователей, это апостолы Петр и Павел [39, p. 88-90], другие видят в них портреты погребенных [40, с. 144-146].

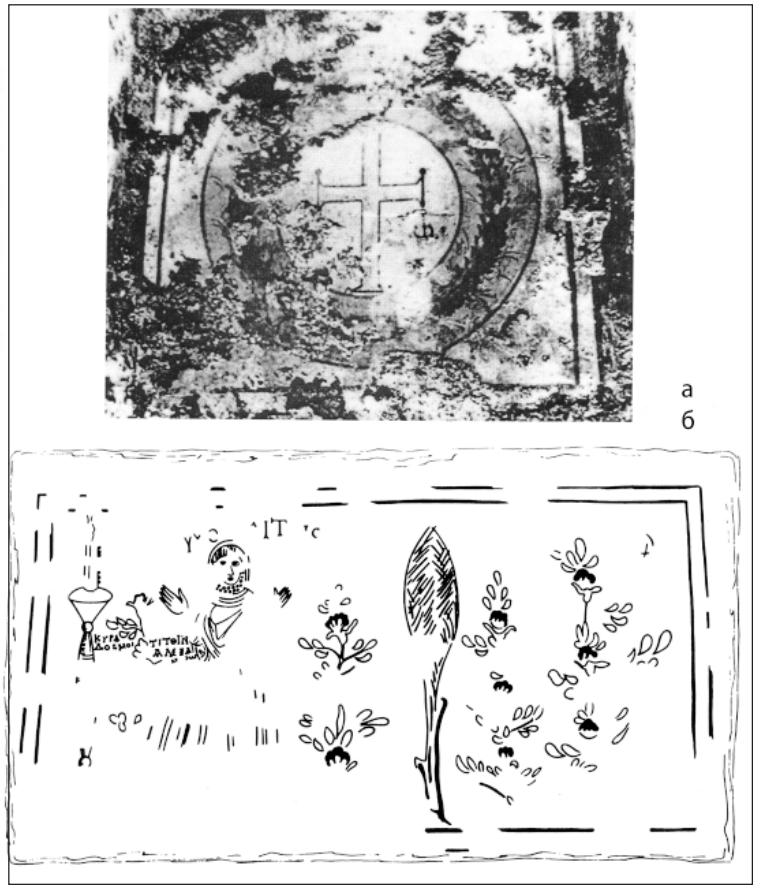

Рис. 5. Верия (Греция). Гробница № 13 середины IV в.: а – западная стена, б – северная стена [38, fig. 18, 19].

практически неизвестны в погребальных памятниках Восточно-Римской империи позднее IV в. [для балканских территорий – 24, p. 181].

Особую важность для изучения эволюции погребальной живописи имеют некрополи, расположенные на территории Болгарии, поскольку здесь открыты разновременные гробницы с росписью с IV по VI вв. Особенно показателен в этом отношении некрополь Сердики (Софии) [41; 42; 43, с. 24-30; 44]. К числу наиболее ранних памятников с христианской символикой принадлежит софийская гробница № 4, которую относят ко второй половине IV – началу V вв. Единственная христограмма с «альфой» и «омегой» в медальоне была расположена на одной из узких стен. С обеих сторон ее окружали канделябры с горящими свечами как символ света Христа, райского света [28, с. 229, 241]. Остальные стены покрыты живописным полихромным ковром из виноградной лозы и аканфа (рис. 6) [41, с. 23-35; 44, p. 62-64]. В софийской «гробнице с архангелами» (№ 9) большой лучезарный желтый крест, украшенный жемчугом, в лавровом венке находился на кессонном своде, углы которого занимали погрудные изображения архангелов с надписями, обозначающими их имена (рис. 7) [91; 41, с. 86-105; 45, p. 5-28; 44, p. 68-72]. Стены были расписаны в виде мраморных прямоугольников, в люнетах находились изображения птиц и сосуда. В целом композиционная схема здесь построена еще по старым традициям, но ее безусловным, объединяющим центром яв-

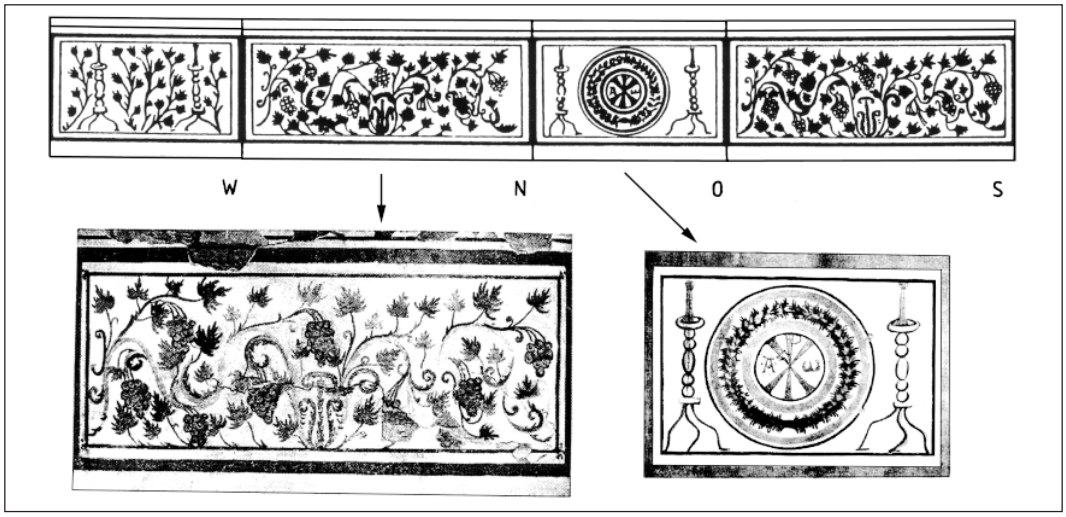

Рис. 6. София (Болгария). Гробница № 4 IV в. [41, обр. 9; 24, fig. 29].

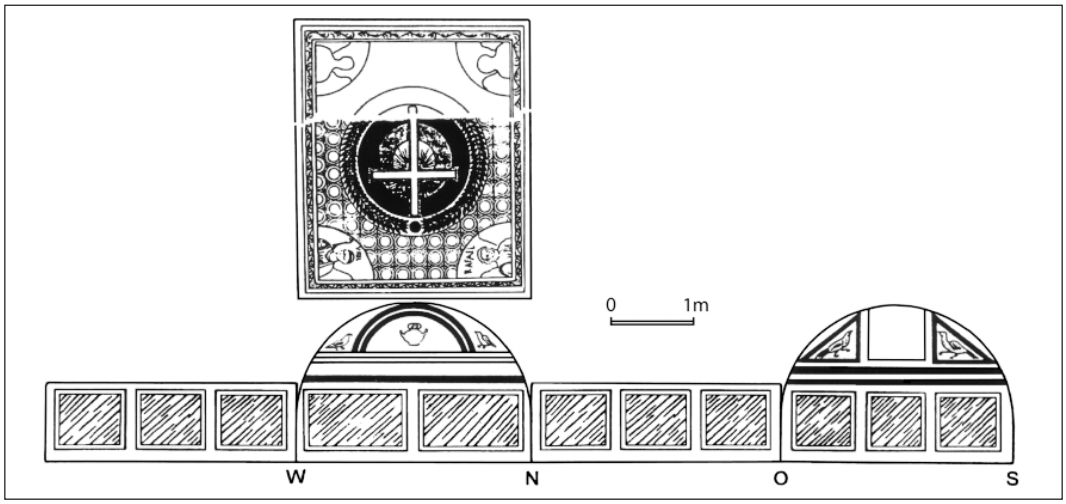

Рис. 7. София (Болгария). Гробница № 9 («с архангелами»). Вторая половина IV – первая половина V вв. [44, Taf. 35, Abb. 142].

ляется большой крест на своде. Гробница датируется различными исследователями в пределах второй половины IV – первой половины V вв. [45, p. 5; 23, p. 775; 44, p. 68-72].

Рассмотренные выше памятники во многом отличаются между собой как в композиционном, так и стилистическом решении, что придает им неповторимую индивидуальность и даже уникальность. Тем не менее, их декоративные программы выражают общую идею о воскресении и царстве небесном,

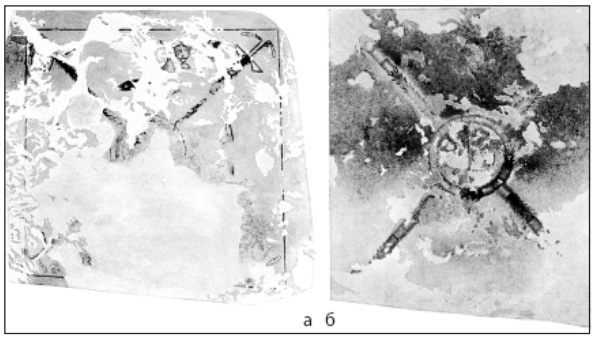

Рис. 8. Херсонес: а – склеп 1909 г., б – склеп 1904 (1853) г. [46, табл. CV,3,1].

выраженную достаточно определенным набором художественных элементов. Именно в этом ряду следует отметить и расписные склепы Херсонеса, в декоре которых присутствуют многие из уже упоминавшихся символических изображений – цветы, деревья, виноградная лоза, плоды, цветочные гирлянды, венки, различные птицы, горящие свечи, имитация мраморной облицовки, человеческие фигуры [8, с. 449-480; 1, с. 59-72]. Среди этих символов также встречается и христограмма с буквами «альфа» и «омега» – в центре свода в венке, от которого к углам идут растительные гирлянды, перевязанные лентами. Так были украшены плафоны в склепе 1904 (1853) г. и предположительно в склепах 1907 и 1909 гг. (рис. 8) [46, табл. CV,1,3; 8, с. 454, 466; 4, с. 279]. В 2003 г. стал известен еще один склеп с христограммой в венке на потолке, стены которого подобно остальным херсонесским склепам были украшены изображениями цветов, гирлянд, а также птицы с веточкой в клюве. Этот склеп единственный среди расписных склепов Херсонеса имел эпитафию: «Аристона упокой, Господи. Душа твоя с праведными» [9, с. 190; 11, с. 46]. Выражение надежды на то, что душа покойного пребывает среди праведных, является безусловным указанием на царство небесное, райское бытие, ибо «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Евангелие от Матфея, 13: 43).

Росписи херсонесских склепов не всегда могут сравниться качеством исполнения и богатством декоративных элементов с продемонстрированными выше памятниками. Тем не менее, композиционное построение данных росписей и их символическое значение вполне сопоставимы с ними [4, с. 258-288]. Христианское искусство этого времени в значительной степени оставалось все еще глубоко символичным и намеренно эзотеричным, его смысл был понятен лишь посвященным, что было наследием искусства катакомбного периода и установившегося в раннехристианской общине правила disciplina arcani (правило о тайне) [28, с. 37-56; 22, с. 38-43]. Уровень же мастерства исполнения зависел, прежде всего, от профессиональной подготовки художника. Наглядным подтверждением может служить сопоставление двух росписей – уже упоминавшегося склепа из Никеи и гробницы третьей четверти IV в. из Штрбинци (Štrbinci) (район г. Даково в Хорватии) (рис. 9) [32, fig. 2; 47, fig. 3]. Они имеют очень близкую композиционную схему, в центре которой канфар с двумя павлинами по сторонам и христограмма в круге над ними.

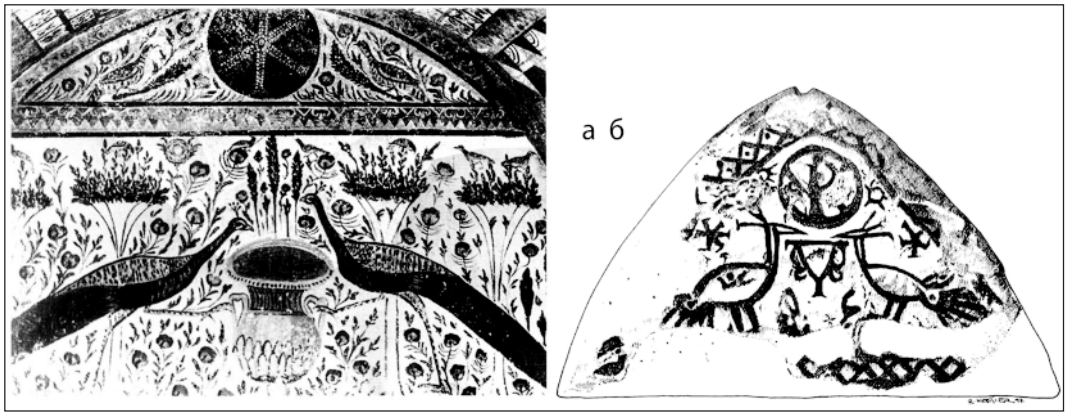

Рис. 9. Гробницы IV в.: а – Никея (Изник, Турция), б – Штрибинцы (Хорватия) [24, fig. 32; 47, fig. 3].

Однако разница в художественном воплощении одного и того же религиозно-символического замысла очевидна. Схематизм и примитивизм фрески Штрбинци объясняется тем, что она является работой местного неквалифицированного художника, который, тем не менее, был хорошо знаком с современными ему иконографическими принципами.

Примитивностью исполнения отличаются и боспорские склепы с «росписью в геометрическом стиле» [8, с. 401-434]. Как правило, эти росписи не имеют единой, четко продуманной композиционной схемы, из-за чего создается впечатление некоторой стихийности и бессистемности в расположении ее отдельных элементов. Тем не менее, концентрация основной части изобразительных мотивов на противоположной от входа стене, вблизи центральной лежанки и ниши справа от нее [8, с. 427; 6, с. 78-79], свидетельствует о том, что именно это место являлось своего рода смысловым (культовым) центром декоративной программы этих склепов. Все изображения «геометрических» росписей, переданные очень схематично, условно, прежде всего, играли роль символа, своего рода шифра, передающего определенную идею. Однако расшифровка этих символов в силу их универсальности, как для языческих культов, так и для христианства, вызывает определенные сложности. В историографии пока нет единого мнения о религиозной принадлежности этих памятников. М.И. Ростовцев связывал их с фракийско-малоазийским культом Сабазия [8, с. 428-434]. Е.А. Зинько пришла к выводу о «христианской направленности этой живописи» [6, с. 78-89], что в последнее время было подвергнуто сомнению Л.Г. Хрушковой [5, с. 124-129]. Однако ставить точку в данном споре пока еще рано. Как представляется, несмотря на «полное единство техники и стиля», которое отмечал еще М.И. Ростовцев, набор элементов «геометрических» росписей не везде одинаков, что может иметь принципиальное

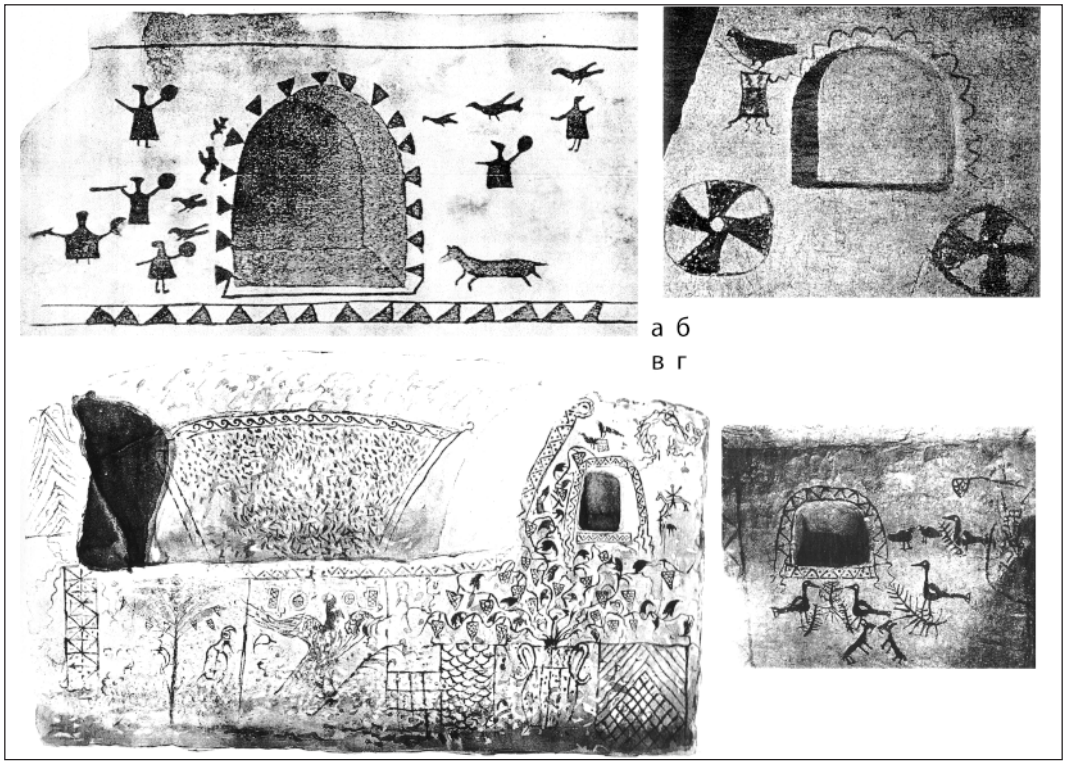

Рис. 10. Боспор: а – склеп 1905 г., б – склеп 1890 г. (1), в – склеп 1901 г., южная стена, г – склеп 1901 г., входная стена [46, табл. XCIX,1; C,2; XCVII; XCVIII,2; 92, рис. 6].

значение для их интерпретации. Так, из девяти склепов, описанных М.И. Ростовцевым, только в четырех (1873 г., 1890 г. (2), 1905 г., 1912 г.) фиксируются однотипные антропоморфные фигуры с «колоколообразным туловом и птичьей головой», как правило, с палкой и диском в поднятых руках[7], пешие или на лошадях (рис. 10,*а*). Эти фигуры (от трех до девяти в разных склепах), как правило, изображены в сопровождении птиц[8], другие элементы в этих склепах единичны (ветка, лошадь, полосы из треугольников). М.И. Ростовцев видел в этих сценах изображения ритуального экстатического танца под аккомпанемент оружия или музыкальных инструментов, который был характерен для некоторых малоазийских культов, в том числе и Сабазия [8, с. 428]. Ритуальный характер этих сцен, выражающих поклонение неопределенному синк-

[7] Описаны также три фигуры в разных склепах, держащие в руках венки или музыкальные инструменты (склеп 1912 г.), лук со стрелой (склеп 1890 г. (2)), длинный узкий прогнутый предмет (змея?) (склеп 1905 г.) [8, с. 406, 419, 421].

[8] Исключением является только роспись склепа 1912 г., состоящую исключительно из фигур – 3-х пеших и 4-х всадников [8, с. 421-423].

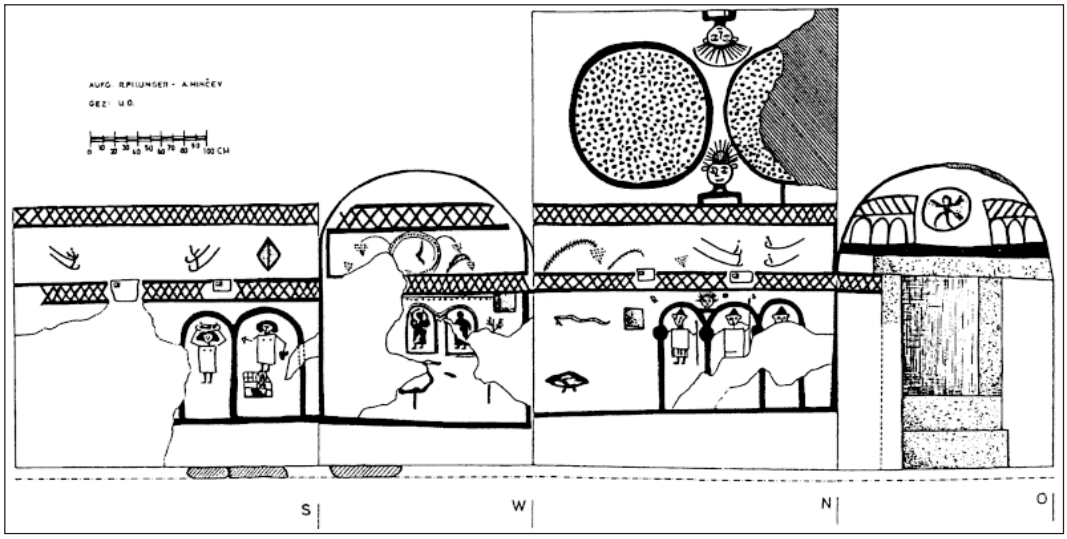

Рис. 11. Оссеново (Болгария). Гробница IV в. [44, Taf. 1, Abb. 2].

ретическому божеству, подчеркивает и Л.Г. Хрушкова [5, с. 125]. В росписи остальных склепов с «геометрической» росписью (1890 г. (1), 1894 г., 1897 г., 1901 г., 1904 г.), где совершенно отсутствуют подобные сцены, наиболее распространенными мотивами являются орнаментальные полосы из треугольников, виноградная лоза с гроздьями, иногда произрастающая из большого сосуда (склеп 1901 г., склеп 1897 г.), разнообразные птицы, в том числе сидящие на пальмовых ветвях, плывущие под парусами корабли, деревья, лошади (рис. 10,*в,г*). В них есть также человеческие фигуры, но совершенно другого типа по сравнению с описанными выше, кроме того, некоторые из них имели нимбы (склеп 1897 г., склеп 1901 г.). И если росписи с ритуальными плясками действительно сложно соотнести с христианскими представлениями[9], то набор элементов второй группы склепов вполне поддается расшифровке с точки зрения христианской символики. В пользу этого могут свидетельствовать изображения крестообразных фигур в круге в некоторых склепах (1890 г., 1901 г., склеп № 2 в Китее) (рис. 10,*б*) [8, с. 405-406, 412-416; 6, с. 87-88; 7, с. 309-318]. Изображение креста в круге, вероятно, сопровождавшееся буквами «альфа» и «омега» (?) над плывущим кораблем с одним человеком, зафиксированы также в склепе № 2 в Китее [49, с. 229, рис. 99; 6, с. 85, рис. 4,д]. «Двойственный языческо-христианский характер» боспорских росписей

[9] Вряд ли может считаться христианской также роспись склепа № 2 (система 2000 г.), открытого и исследованного Е.А. Зинько. Изображение над входом букрания (головы жертвенного быка), который не имеет символического значения в христианском искусстве, скорее всего, действительно является символом синкретического хтонического божества [48, с. 251].

вполне соответствует сложному переходному периоду, к которому они относятся: III в. – рубеж IV-V вв. [6, с. 88-89].

Насыщенную синкретическую иконографию, в которой смешались элементы античных культов, народных верований и христианства, имела также очень известная роспись гробницы последней четверти IV в., открытой около с. Оссеново в районе Варны (Болгария) (рис. 11) [50, p. 281-292; 51]. Как и вышеназванные памятники, она исполнена в примитивном стиле, однако в отличие от боспорских росписей покрывала все стены и свод гробницы и имела хорошо продуманную целостную композицию. Роспись наполнена разнообразными орнаментальными и символическими элементами, а также фигурными изображениями, в числе которых два антропоморфных бюста на своде, являющихся персонификацией Солнца и Луны. То, что данная гробница оформлялась для христиан, подтверждается христограммой в круге, изображенной в восточном люнете над входом в гробницу. Примитивное исполнение объясняется работой неопытного художника [51, p. 48].

Таким образом, в погребальной живописи IV в. еще в значительной степени ощущается античное влияние и в подборе символических элементов, и в построении общей декоративной схемы. Их христианская принадлежность подтверждается, прежде всего, присутствием крестообразных знаков. Но, хотя этим элементам чаще всего и отведено важное место в композиционной схеме, абсолютной доминантой их назвать еще трудно. Как правило, христограмма или, реже, крест – лишь часть живописных композиций, насыщенных иносказательными образами и символами. Аллегория и эзотеричность все еще остаются главенствующими принципами, которыми руководствовались создатели этих произведений. Более того, далеко не все раннехристианские росписи несли в себе изображения креста или хризмы. Из одиннадцати херсонесских склепов только в двух (склеп 1904 (1853) г. и склеп 2006/2 г.) совершенно определенно и еще в четырех предположительно имелись изображения христограмм [4, с. 279; 10, с. 190]. Как уже было отмечено, очень редки изображения крестов и в боспорских склепах с «геометрической росписью». Далеко не все и софийские расписные гробницы, называемые христианскими, имели изображения христограмм или крестов. Из девяти, изданных в 1925 г. К. Миятевым, они присутствовали только в четырех (гробницы № 1, 2, 4, 9) [41, с. 5-105]. До конца остается нерешенным вопрос относительно конфессиональной принадлежности некоторых других погребальных сооружений, в росписи которых крестообразные изображения отсутствуют, но схема и набор символических элементов вполне согласуются с христианскими памятниками. Наиболее яркий пример – Силистринская гробница IV в. (Durostorum), которая по праву считается одним из выдающихся образцов позднеантичного искусства [52; 53; 42, с. 24-25; 44, p. 22-28]. В ее росписи четко и гармонично сочетаются две основные идеи, присущие для гробничной живописи этого времени, а именно: идея земного жилища и небесного рая. Элементы после-

днего – цветы, разнообразные животные и птицы, помещенные в секциях кессонного свода, а также композиция западного люнета с двумя павлинами вокруг канфара, канделябры с горящими свечами по обеим сторонам входа – имеют символическое значение как в политеистическом, так и в раннехристианском мировоззрении. Поэтому религиозная неопределенность Силистринской гробницы, как, впрочем, и некоторых других, сохраняется. Тем не менее, при решении вопроса об их религиозной принадлежности важно учитывать особенности использования христианской символики в данный период.

В этой связи следует отметить, что изображения креста и христограммы присутствуют далеко не на всех произведениях искусства IV – начала V вв., христианская принадлежность которых не вызывает сомнений. Примером служат рельефные саркофаги, украшенные сценами из Ветхого и Нового Заветов, с композициями, представляющими чудеса Христа, эпизоды из жизни св. Петра, на которых нет ни одного изображения креста. Это саркофаги начала IV в. из Ватиканского музея и Национального музея в Риме, т.н. Догматический саркофаг 320-330 гг., саркофаг «Двух братьев» 330-350 гг., саркофаг Юния Басса около 359 г. и некоторые другие [19, fig. 35, 36, 41-43; 22, с. 35-37]. В то же время, к середине IV в. относятся два саркофага со сценами страстей Христовых из музея Ватикана, в центре композиции каждого из которых – большой крест, объединенный с хризмой в венке [20, p. 138, fig. 128]. Монограмма Христа в венке, поддерживаемом двумя ангелами, украшала детский саркофаг конца IV в., который хранится в Стамбульском археологическом музее [19, fig. 75]. Не имеют крестообразных изображений известные рельефные пластины из слоновой кости 400 г. с композицией святых жен у гроба Господня, одна из которых (из Мюнхенского национального музея) дополнена также сценой вознесения Христа [19, fig. 76, 77]. Сходство стиля и декоративных приемов второй пластины (из Миланского музея искусств) с диптихом из слоновой кости с изображениями языческих жриц конца IV в. позволило Э. Китцингеру сделать вывод об их производстве в одной мастерской, которая удовлетворяла потребности, как представителей языческой реакции, так и приверженцев христианской, в то время уже государственной религии [19, p. 39-40]. Известны и другие примеры произведений прикладного искусства этого времени, на которых христианские сюжеты, в том числе евангельские, не сопровождаются изображениями крестов или хризм [19, fig. 67, 84].

Те же тенденции можно наблюдать и на некоторых эпиграфических памятниках. Так, в каталог христианских надписей Македонии Д. Фесселя вошло значительное количество эпитафий IV-V вв., которые сопровождаются крестами[10] [35, № 238, 239, 243, 245, 251 и др.]. Наряду с ними существуют и те, которые совершенно лишены крестообразных символов. Это ряд эпитафий

[10] Изображение креста фиксируется также на надгробных памятниках IV в. Боспора, в том числе на самом раннем из них – Евтропия, 304 г. [54, с. 12].

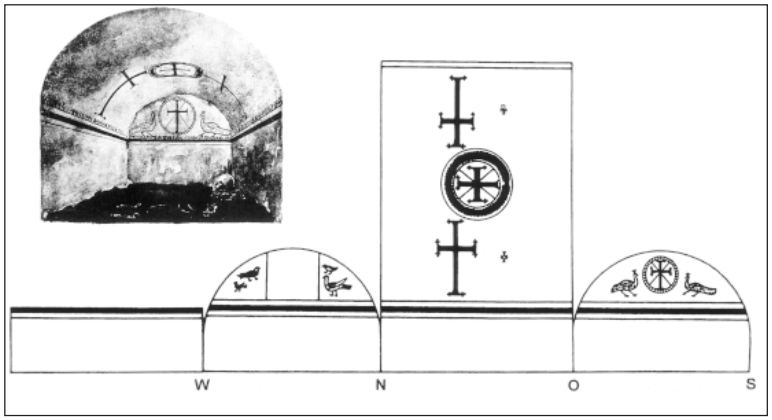

Рис. 12. София (Болгария). Гробница № 1 V-VI вв. [41, обр. 1; 44, Taf. 31, Abb. 116].

IV в. из могил некрополя и базилики extra muros города Филиппы [35, № 233, 235-237, Pl. LIV, LV]. Их христианская принадлежность подтверждается упоминанием имен священников. Одна из них, с указанием точной даты – 379 г., свидетельствует о том, что Аурелий Капитон, «пресвитер (священник) новой кафолической церкви установил» стелу своим родителям, жене и сыну [35, № 233, Pl. LIV]. Эпитафия пресвитера и врача Павла содержит молитвенную просьбу, обращенную к Иисусу Христу, в день суда не вспоминать (т.е. простить) грехи и помиловать [35, № 237, p. 201, Pl. LVI]. Таким образом, христианское вероисповедание их владельцев не оставляет сомнений. Отсутствие же крестов говорит о том, что в христианской эпиграфике, как и в погребальной живописи и скульптуре, а также в других видах искусства, в IV – начале V вв. использование крестообразных символов еще не стало обязательной практикой.

Ситуация постепенно меняется на протяжении V в. Античная по происхождению декоративная живопись, даже уже наполненная новым христианским содержанием, постепенно вытесняется со стен погребальных сооружений, оставляя место главному христианскому символу – кресту, который становится абсолютной доминантой в декоративной схеме погребальной росписи. Этот сложный процесс был сравнительно затяжным, старые художественные формы изживались постепенно. Тем не менее, общая тенденция довольно хорошо прослеживается по многим памятникам.

Одним из наиболее показательных в этом отношении является уже упоминавшийся некрополь Сердики (Софии). Следующей в эволюционном ряду софийских расписных склепов (после рассмотренных выше гробниц № 4 и 9 (рис. 6, 7)) следует отметить гробницу, открытую при строительстве Национальной библиотеки в 1940 г. [55, с. 238-242; 56, с. 242-249; 23, № 10, p. 773; 44, № 59, p. 75]. Практически все исследователи датируют ее серединой V в. В росписи гробницы насчитывается пять крестов: три креста на своде в окружении восьмилучевых звезд, исполненных красной краской, один, также красный, крест над входом и еще желтый крест с греческими буквами «альфа» и «омега» в западном люнете между двумя звездами (рис. 12). В духе

античной декоративной традиции исполнен живописный фриз, идущий по периметру под сводом, с чередующимися зелеными ветвями и полихромными птицами (голуби и фазаны).

Отражением следующего этапа могут служить софийские гробницы № 1 (по К. Миятеву), № 1/1989 и № 2/1989 и гробница, опубликованная в 1976 г. [41, с. 5-14; 57, с. 51-53; 44, p. 73-75; 23, p. 774-775]. Декоративные элементы из арсенала языческого искусства в них уже явно уступают место изображениям крестов, как правило, исполненных красной краской. В гробнице № 1 на своде находились три больших креста, один из которых, центральный, в лавровом венке темно-коричневого цвета, и два маленьких крестика. Еще один большой крест в медальоне – в люнете между двумя схематически изображенными птицами черного цвета. По периметру под сводом была начертана надпись, которая осталась незадокументированной (рис. 12). В так называемой гробнице Гонория (2/1989) пять больших крестов были дополнены, довольно хаотично, цветочными розетками, листиками и ветвью зеленого и красного цвета и надписями

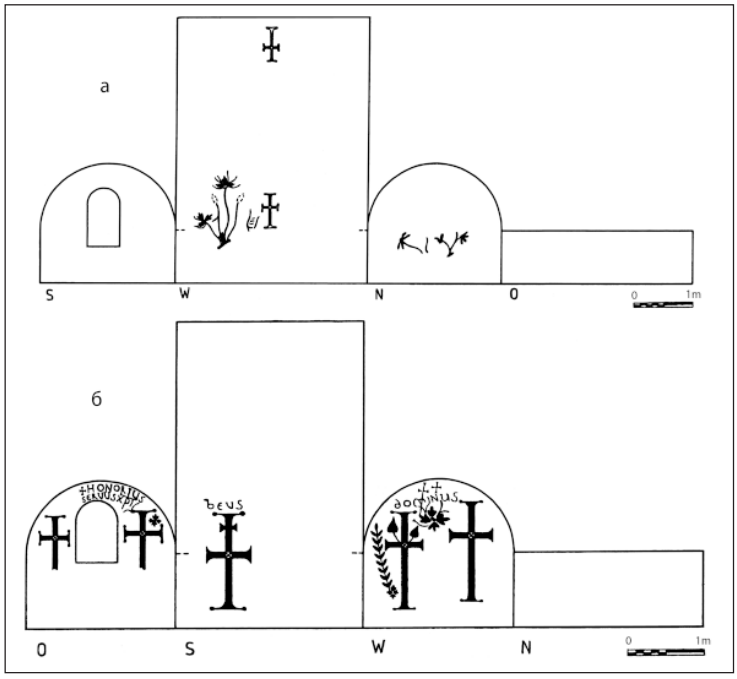

Рис. 13. София (Болгария): Гробницы V-VI вв.: а – 1/1989, б – 2/1989 [44, Taf. 36, Abb. 151].

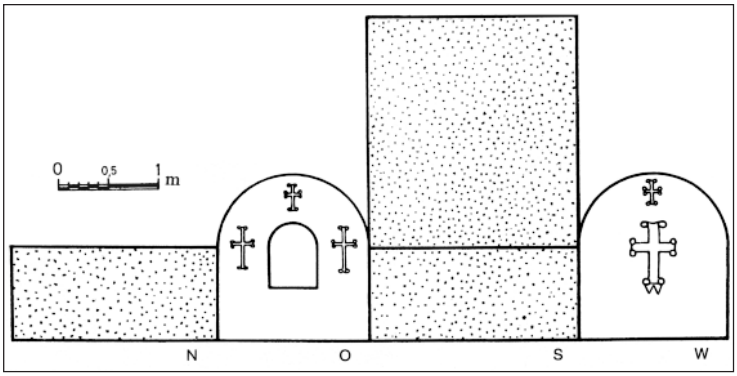

Рис. 14. Диаклетианополис (Хисар, Болгария). Гробница V-VI вв. [44, Taf. 26, Abb. 102].

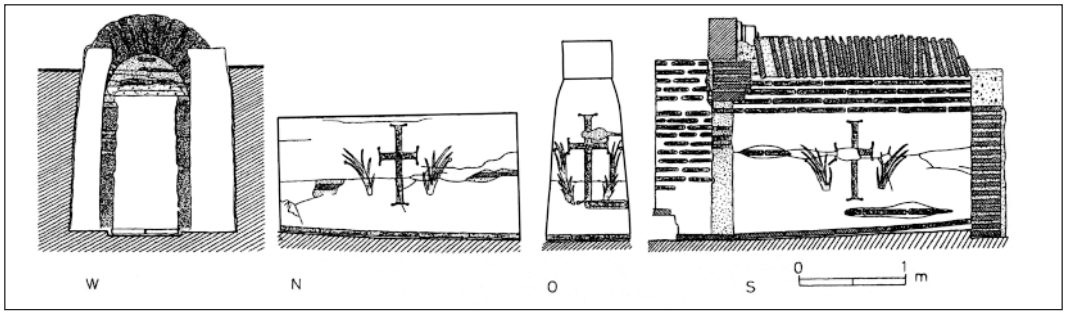

Рис. 15. Сандански (Болгария). Гробница V-VI вв. [44, Taf. 48, Abb. 204].

(«Гонорий, слуга Христа», «Господин», «Бог»), которые сопровождались небольшими крестами (рис. 13). В росписи гробницы, опубликованной в 1976 г., зафиксированы только кресты красного цвета – три в люнете и один на своде. Крест на своде, украшенный драгоценными камнями, и центральный крест в медальоне в люнете были изображены на голубом фоне. Перечисленные гробницы датируются различными исследователями V-VI вв. [44, p. 62, 74, 77] или только VI в. [41, с. 14; 57, с. 52; 23, p. 774; 24, p. 193].

Помимо Софийского некрополя, близкие по оформлению памятники известны также в других балканских центрах. Среди них отметим гробницу некрополя Диаклетианополиса (Хисар, Болгария), восточная и западная стены которой украшены 5 крестами, декор остальных стен и свода составляли исключительно красные точки (рис. 14) [44, p. 51; 23, p. № 9]. Растительные мотивы в виде зеленых кустов сохранились в росписи гробницы близ г. Сандански (Болгария). Они украшали большие кресты красного цвета, расположенные на трех стенах (рис. 15) [58, с. 222-224; 44, p. 92]. К этому же кругу памятников следует причислить и гробницу в Сехремини (Sehremini) (район Константинополя) (рис. 16) [59, p. 131-139; 23, № 79]. В ее полихромной росписи также зафиксировано несколько крестов – один лучезарный, украшенный драгоценными камнями, в круге на синем фоне занимал центр свода, 3 креста желтого цвета располагались в люнете. Вероятно, еще одно изображение креста или сосуда между двумя птицами было помещено над входом [59, p. 134]. Находящий-

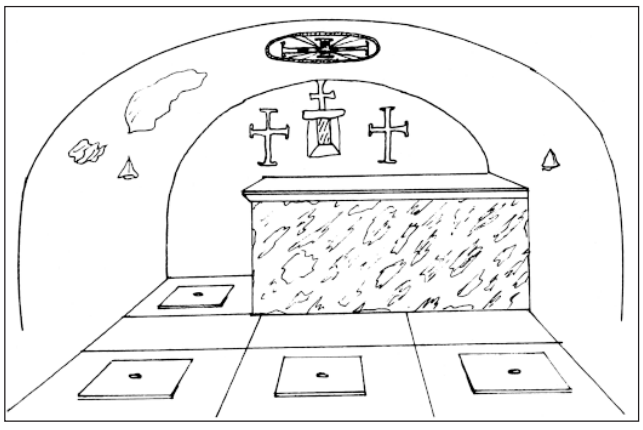

Рис. 16. Сехремини (Турция). Гробница V в. [93, fig. 7].

ся внутри гробницы саркофаг имел роспись, имитирующую зеленый мрамор. Полихромия росписи может свидетельствовать в пользу датировки гробницы V в., а обилие крестов, практически вытеснивших другие декоративные элементы, указывает, скорее всего, на вторую половину V в. Второй половиной V или началом VI вв. датируется крипта Халкопратийской базилики (450-460 гг.) в Константинополе, стены которой были украшены исключительно большими красными крестами, по одному на каждой стене [60, p. 587-594]. Наиболее поздним из хорошо датированных памятников рассмотренного круга является склеп некрополя Аксиополиса (Сернавода, Румыния), дату которого определяет археологический материал, в частности золотой крест с каменной вставкой конца VI – начала VII вв. [61, p. 2578-2587]. Его роспись состоит из чередования крестов и деревьев, исполненных красной краской очень схематично, неумело и даже небрежно, на что указывают потёки краски (рис. 17).

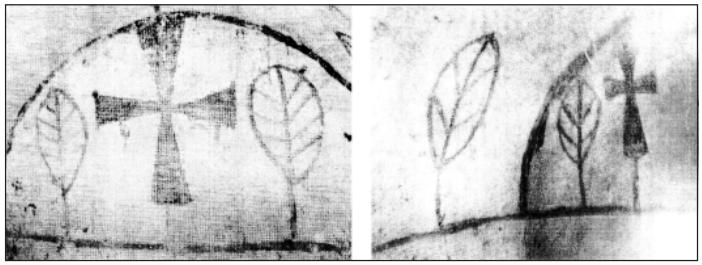

Рис. 17. Аксиополис (Сернавода, Румыния). Гробница конца VI в. [61, fig. 10, 12].

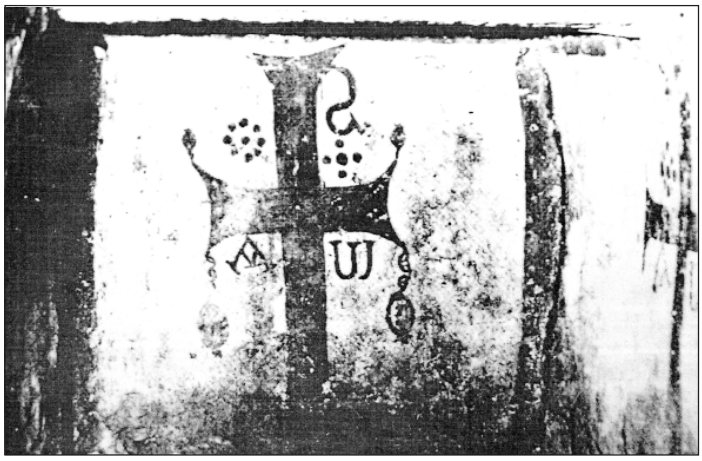

Рис. 18. Филиппы (Греция). Гробница с крестами [38, fig. 16].

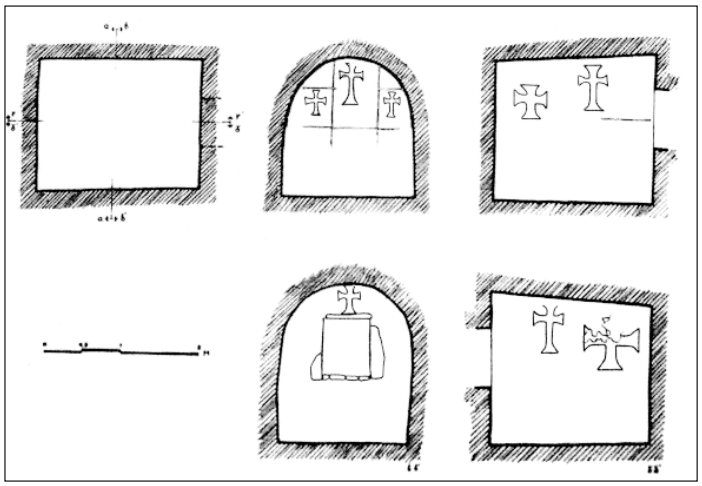

Рис. 19. Криниды (Греция). Гробница с крестами [62, εικ. 2].

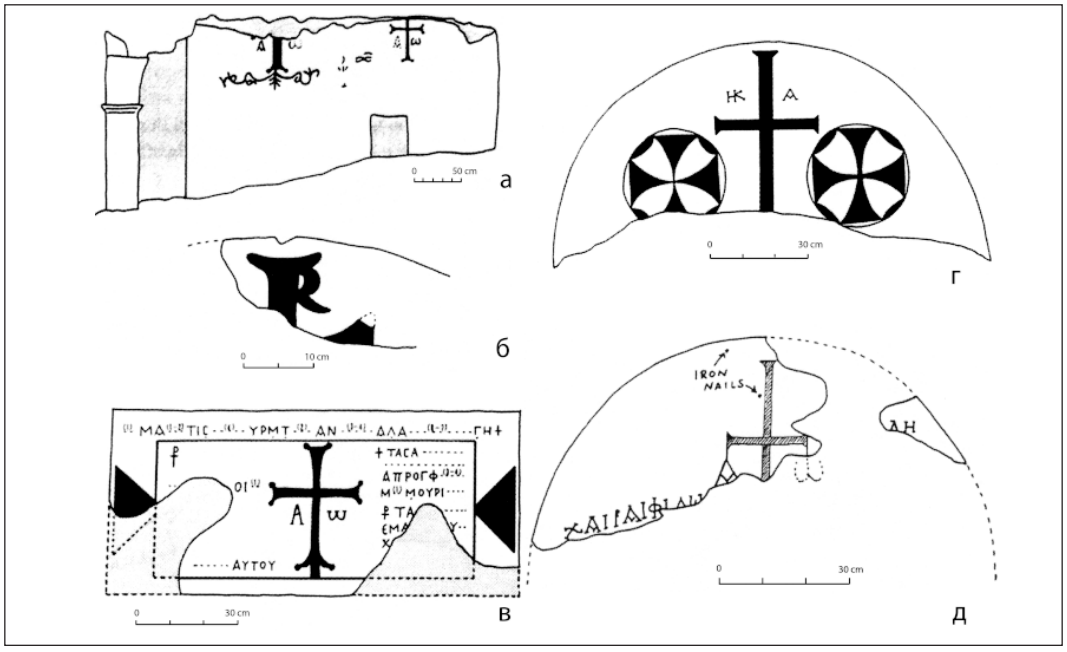

Рис. 20. Остров Гемилер (св. Николая) (Турция). Росписи VI в.: а-б – гробницы, в – коридор между церквями III и IV, г-д – люнеты в домах [63, p. 119-124].

Прослеженная тенденция отразилась и на ряде памятников греческих некрополей. Примерами служат гробница г. Филиппы с большими монограмматическими крестами с «альфой» и «омегой», по крайней мере, на двух стенах (рис. 18) [38, fig. 16] и склеп с 8 разновеликими крестами на стенах из некрополя г. Криниды (рис. 19) [62, p. 354].

К рассматриваемой группе памятников следует также отнести расписные гробницы, обнаруженные японскими археологами в 1991-1992 гг. на острове Гемилер (св. Николая) у побережья малоазийской Ликии недалеко от современного местечка Олюдениз [63]. На небольшом по площади острове, который в византийский период был паломническим и мемориальным центром, открыты комплексы 4 церквей и многочисленные погребения. В предварительном издании этих памятников отмечается, что некоторые гробницы были украшены крестами, в том числе в сопровождении греческих букв «альфа» и «омега», а также с придатком в виде буквы R, обозначающим монограмму Христа (рис. 20, *а, б*) [63, p. 123-124]. Изображения крестов в сопровождении надписей зафиксированы также на стенах некоторых домов[11] и сводчатого

[11] В одном из домов кресты были расположены с двух сторон над входом и над окном. Назначение этих сооружений до конца неясно [63, p. 120-122].

коридора, проходящего между церквями III и IV, которые датируются VI в. (рис. 20,*в-д*) [63, p. 118-122].

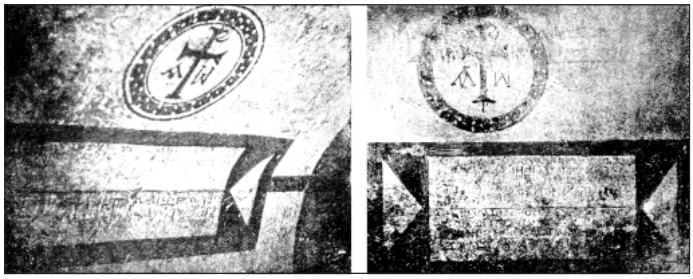

Рис. 21. Баб Сба (г. Хомс, Сирия) [64, pl. IV, 1, 2].

Аналогичные тенденции в оформлении погребальных сооружений отразились также в памятниках Ближнего Востока. К их числу принадлежит подземная погребальная часовня, открытая в районе Баб Сба вблизи Эмесы (современный г. Хомс, Сирия) [64, p. 3-16; 65, p. 469-476]. Над четырьмя саркофагами, расположенными вдоль западной и северной стен, а также внутри и над небольшой нишей-алтарем в восточной стене, по выбеленной штукатурке в схематичных венках красного цвета, заполненных разноцветными точками, были изображены кресты двух типов: монограмматические с «альфой» и «омегой» (рис. 21) и удлиненные с расширяющимися ветвями и жемчужинами на концах. Большой восьмилучевой крест, окруженный несколькими концентрическими окружностями красного и черного цветов, также украшал свод часовни. Под изображениями крестов на западной и северной стенах в красных прямоугольниках зафиксированы 6 эпитафий с указанием точных дат смерти погребенных, самая ранняя из которых 459 (?) г. и самая поздняя 514 г. [64, p. 9-14]. Поскольку, согласно эпитафиям умершие являлись

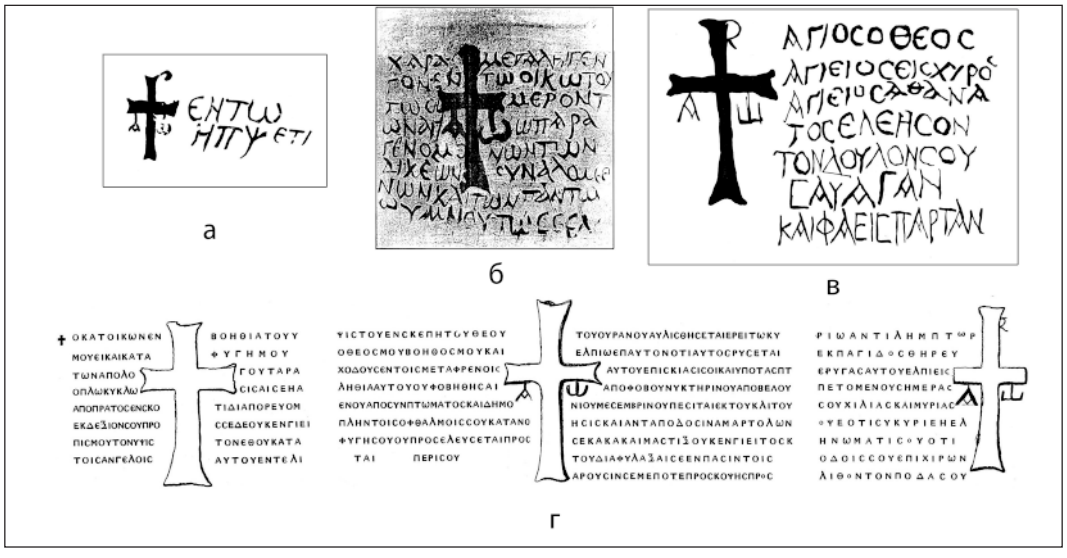
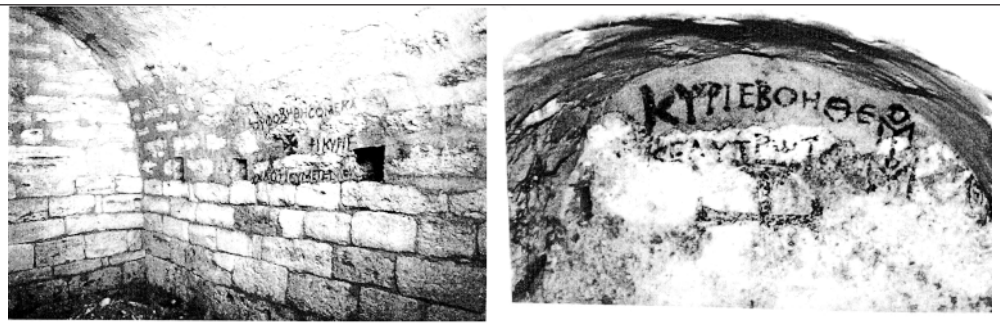

Рис. 22. Боспор. Склеп 1890 г. (491 г.) [66, табл. Б, II, III].

а б

Рис. 23. Каллатис (Мангалия, Румыния). Гробница VI в.: а – люнет над входом, б – западная стена [74, Abb. 14, 17].

монахами, исследователи видят в данном памятнике монастырскую погребальную часовню [64, p. 13; 65, p. 469]. Помимо крестов, стены украшали редкие изображения пальмовых ветвей, вероятно, зеленого цвета. Восточную нишу окружали схематично нарисованные колонки с капителями и очень стилизованная арка. По выражению М. Бюисона и П.Р. Мутерда, не перегруженный, монотонный декор часовни «напоминает сухость каппадокийской живописи времен иконоборчества» [64, p. 16]. Оформление часовни, вероятно, следует связывать с наиболее ранним захоронением и датировать концом 50-х гг. V в.

Изменения в раннехристианском погребальном декоре наблюдаются и в расписных боспорских склепах. Позднеантичная роспись в «геометрическом» стиле, как уже отмечалось ранее, по хронологии Е.А. Зинько, бытует до начала V в. К последней четверти IV – первой половине V вв. исследовательница относит склепы с христианскими граффити, а также склеп 1912 г. с рельефным изображением креста и птиц над входом. Второй половиной V – первой половиной VI вв. датируются склепы, роспись которых состояла, главным образом, из крестов. Ярким примером служит склеп № 16 «Системы 2000 г.», открытый под руководством Е.А. Зинько. На его стенах и своде зафиксированы шесть крестов [7, с. 311; 3, с. 62-63]. Таким образом, на протяжении V – первой половины VI вв., как заключает Е.А. Зинько, в росписи боспорских склепов прослеживается тенденция к ее упрощению и «сохранению в конечном результате одного главного символа – креста» [6, с. 89; 7, с. 318; 3, с. 65].

В росписи наиболее известных керченских склепов – 1890 и 1895 гг. – изображения крестов дополнялись греческими текстами, которые были прочитаны и отождествлены с псалмами и молитвами Ю.А. Кулаковским, исследователем и издателем этих памятников [66; 67, с. 61-67]. Кресты и надписи в обоих склепах исполнены непосредственно по глине красной краской. В склепе 1890 г. роспись покрывала входную стену и стены трех лежанок (рис. 22). Все-

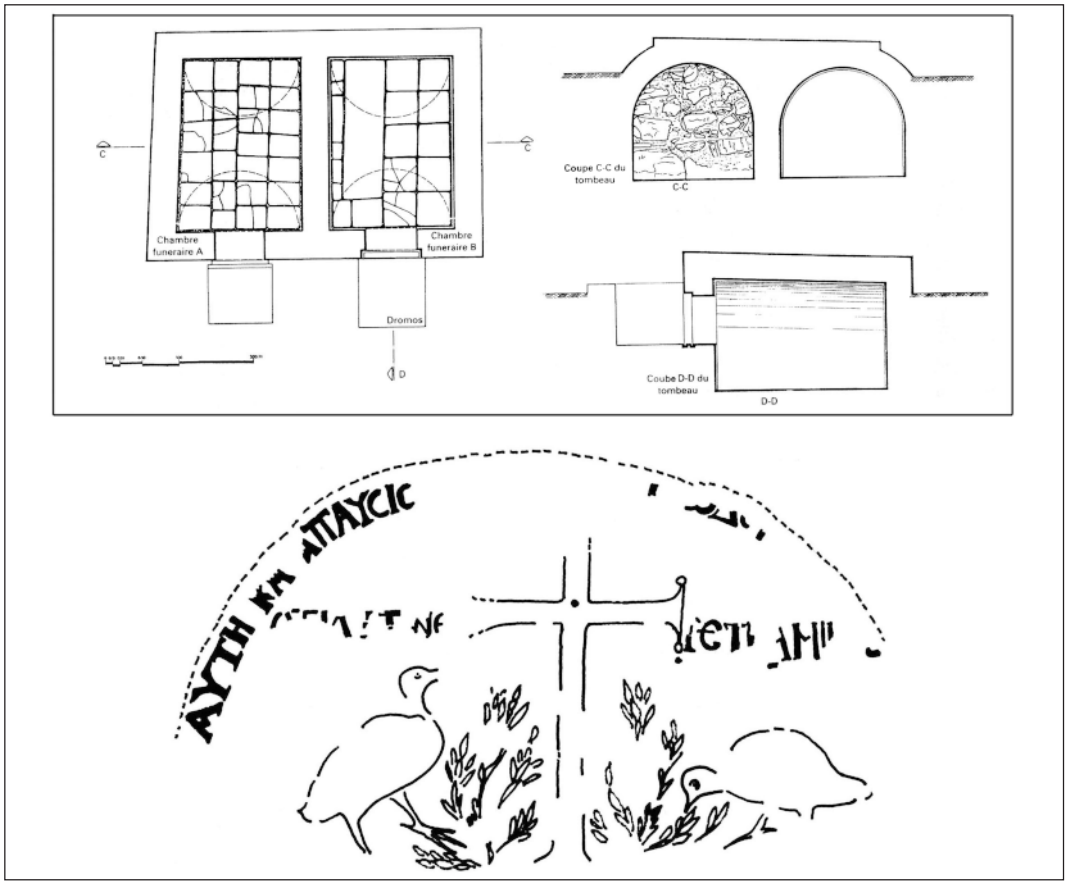

Рис. 24. Лулудия (Греция). Гробница третьей четверти VI в. Роспись западной стены камеры B [69, fig. 4; 75, fig. 1].

го зафиксировано 15 нарисованных крестов, из них 7 имели самостоятельное значение, остальные находились в начале или конце надписи [66, с. 17-20]. Рельефный крест, обведенный красной краской, находился также на большой плите, закрывавшей вход в склеп [66, с. 3]. Надписи на стенах представляли собой 2 молитвы и цитаты из 4 псалмов [66, с. 4-9]. Кроме того, надпись в левой нише заключала в себе точную дату, обозначающую 491 г. н.э. (рис. 22,*а*). В конце молитвы «Трисвятое» в центральной нише упоминались имена погребенных – Саваг и Фаиспарта (рис. 22,*в*). На правой стене левой ниши по обеим сторонам креста находился текст молитвы-стихиры погребального чина того времени (рис. 22,*б*). Главное место было отведено 90-му псалму, исполненному на стенах центральной и правой ниш (рис. 22,*г*). Над входной дверью были начертаны два последних стиха 120-го псалма, а на карнизах над левой и правой нишами – соответственно первая и вторая части первого

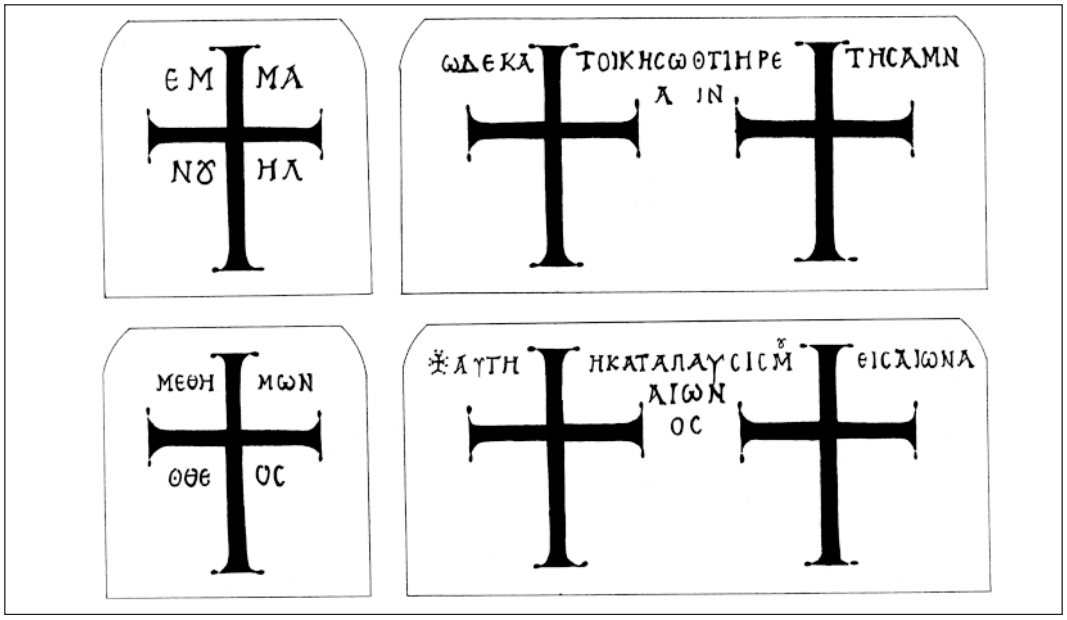

Рис. 25. Старая Загора (Болгария). Гробница с крестами и псалмами. Конец V–VI вв. [4, Taf. 16, Abb. 66-69].

стиха 26-го псалма. Остатки надписи из нескольких букв были зафиксированы и на карнизе над центральной нишей. По предположению Ю.А. Кулаковского, они могли составлять фразу «Господи, услышь молитву мою», которую он связывает с началом 101-го псалма (101:2) [66, с. 9]. Отметим, что этот молитвенный призыв входит также и в другие псалмы[12].

Роспись склепа 1895 г. аналогична по характеру вышеописанному, хотя по набору надписей она беднее и хуже сохранилась. Там зафиксированы только тексты молитвы «Трисвятое» в центральной нише против входа и 90-го псалма на стенах всех трех ниш, а также четыре креста [67, с. 61-67]. Нет никакого сомнения, что эти два памятника одного времени.

Все большие кресты, имеющие значение самостоятельного декора, в этих двух склепах представляют собой тип удлиненного креста (crux immissa) с расширенными концами[13]. Подобные кресты известны уже в памятниках IV в. (рис. 4, 5, 7)[14], однако в этот период более популярным было изображение

[12] В греческом переводе (в Септуагинте) наиболее близкими 2-му стиху 101-го псалма являются псалмы: 38:13, 53:4 и 142:1 [68]. Наиболее точно воспроизводит реконструкцию надписи, предлагаемую Ю.А. Кулаковским, 1-й стих 142-го псалма [66, с. 9].

[13] В западной научной литературе данный тип креста часто называют латинским крестом [69, p. 22; 44, p. 38, 60; 23, p. 774-779].

[14] Э. Динклер появление данной формы креста относит к концу IV в. [27, p. 569-570].

христограммы (рис. 1-3, 6, 8, 9, 11). Удлиненный крест с расширенными концами становится доминирующим типом в оформлении погребальных сооружений в V-VI вв.[15] (рис. 12-25). В отличие от крестов керченских склепов, многие из них имели каплевидные украшения (рис. 12-16, 18, 23, 24), которые в православной традиции ассоциируются с каплями крови, пролитой Иисусом Христом на кресте [70]. В зарубежной литературе они чаще всего называются жемчужинами [30, p. 276; 41, c. 7; 57, c. 52; 44, p. 50, 73]. Пять крестов керченского склепа 1890 г. сопровождались греческими буквами «альфа» и «омега», которые довольно часто дополняют изображения креста и христограмм, что подтверждают и уже приведенные памятники (рис. 3, 5, 6, 8, 18, 20). Их появление в сочетании с крестообразными элементами связывают с противостоянием арианской ереси, как указание на единосущие Иисуса Христа с Богом Отцом [71, с. 834]. Употребление букв «альфа» и «омега» чаще всего объясняется их апокалипсическим значением [23, p. 766; 44, p. 76]. В Откровении Иоанна Богослова эти буквы обозначают Бога: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (1:8; 21:6), «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (1:10), «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (22:13). Три самостоятельных креста из керченского склепа 1890 г. являлись монограмматическими (crux monogrammatica), т.к. имели дополнение в верхней части в виде буквы R, которая несет в себе монограмму имени Христа [66, с. 18-19]. Аналогичные монограмматические кресты присутствовали в росписи гробниц на о. Гемилер (рис. 22,б), на некрополе г. Филиппы (рис. 18) и в погребальной часовне из Эмесы (Баб Сба) (рис. 21). В первых двух примерах кресты с расширенными и вогнутыми, подобно керченским, краями, кресты из Филипп и Эмесы имеют апокалипсические буквы. Таким образом, оформители керченских склепов использовали форму креста и сопровождающие его элементы, широко используемые в V-VI вв.

Второй составляющей росписи керченских склепов 1890 и 1895 гг. были надписи псалмов и молитв. Молитвы и «песнопения подобные по своему внутреннему значению псалмам в слове Божием» в качестве чрезвычайно важной составляющей христианского погребального обряда упоминает Псевдо-Дионисий Ареопагит [72, *гл. 7, II-III*]. На основании письменных источников Ю.А. Кулаковский приходит к выводу, что псалмы занимали видное место в погребальном чине уже со второй половины IV и в V вв. [66, с. 10-13]. Вполне возможно, что тот набор священных текстов, который фигурирует в керченских склепах, мог быть составной частью погребальной церемонии. Так, псалом 90-й и молитва «Трисвятое» занимают важное место в современном православном обряде погребения (а именно: в приготовлении тела к погребению

[15] Этот тип креста был наиболее распространенным и в христианской эпиграфике V-VI вв. [например: 35, № 2, 14, 26, 36, 38, 41, 42, 46, 47, 52, 66, 69, 149, 151, 172, 176, 185, 186, 188, 194, 220, 243, 245, 250 и др.].

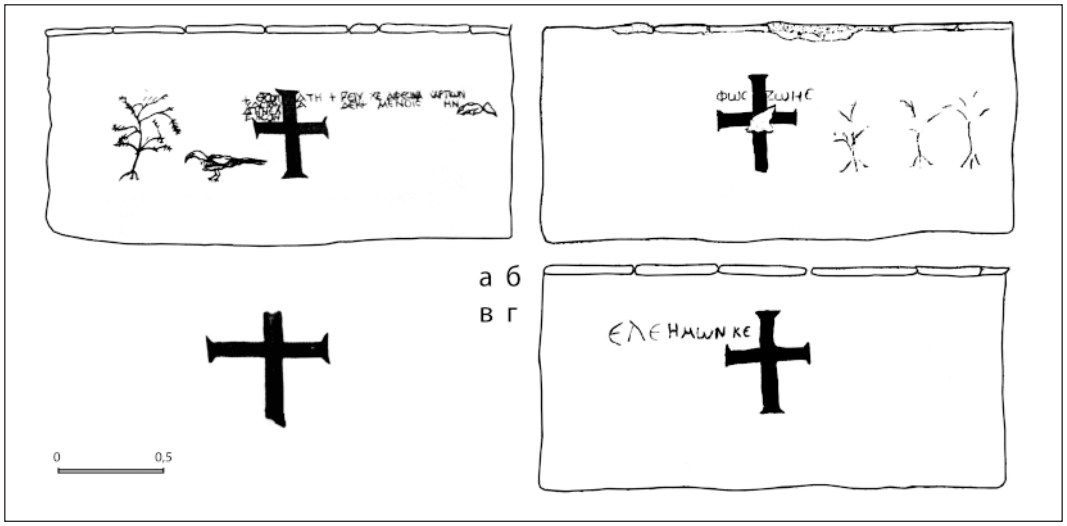

Рис. 26. Стамата (Греция). Двойная гробница VI в.: а – северная стена гробницы I, б – южная стена гробницы I, в – поперечная стена гробницы I, г – южная стена гробницы II [79, εικ. 3-5].

и в отпевании). Присутствие же этих текстов в керченских склепах свидетельствует об их использовании в погребальном обряде и в конце V в. Начало 26-го псалма («Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?»), которое начертано на карнизе над левой нишей склепа 1890 г. [66, с. 9, 13], цитирует Иоанн Златоуст в одном из своих слов об умерших [73], что также может служить намеком на то, что данный стих занимал определенное место в обряде погребения христиан конца IV-V вв.

Известен ряд других памятников, оформление которых состояло из крестов и текстов псалмов и молитв, причем также выполненных красной краской. В гробнице конца V – начала VI вв., открытой на некрополе античного Каллатиса (Мангалия, Румыния), изображения крестов с расширенными концами присутствовали не только в самой камере, но и на стенах дромоса, который в нее вел [61, p. 2591-2593; 74, p. 97-102]. Над входом крест сопровождала греческая надпись, заключавшая в себе молитвенное воззвание «Господи, поспеши мне на помощь и избави меня» (рис. 23). Издатели этой гробницы отмечают, что оно близко по смыслу 6-му стиху 69-го псалма («Боже, поспеши ко мне! Ты помощь моя и Избавитель мой») и второй части 11-го стиха 25-го псалма («избавь меня, и помилуй меня») [74, p. 99]. Близким также представляется стих 14-й 39-го псалма: «Благоволи, Господи, избавить меня; Господи, поспеши на помощь мне». По одному кресту было на каждой стене камеры, на западной, кроме того, была надпись: «Не убоюсь, Господи, потому что ты со мной», которая примерно воспроизводит 4-й стих 22-го псалма, являвшийся частью погребальной литургии с конца IV в.

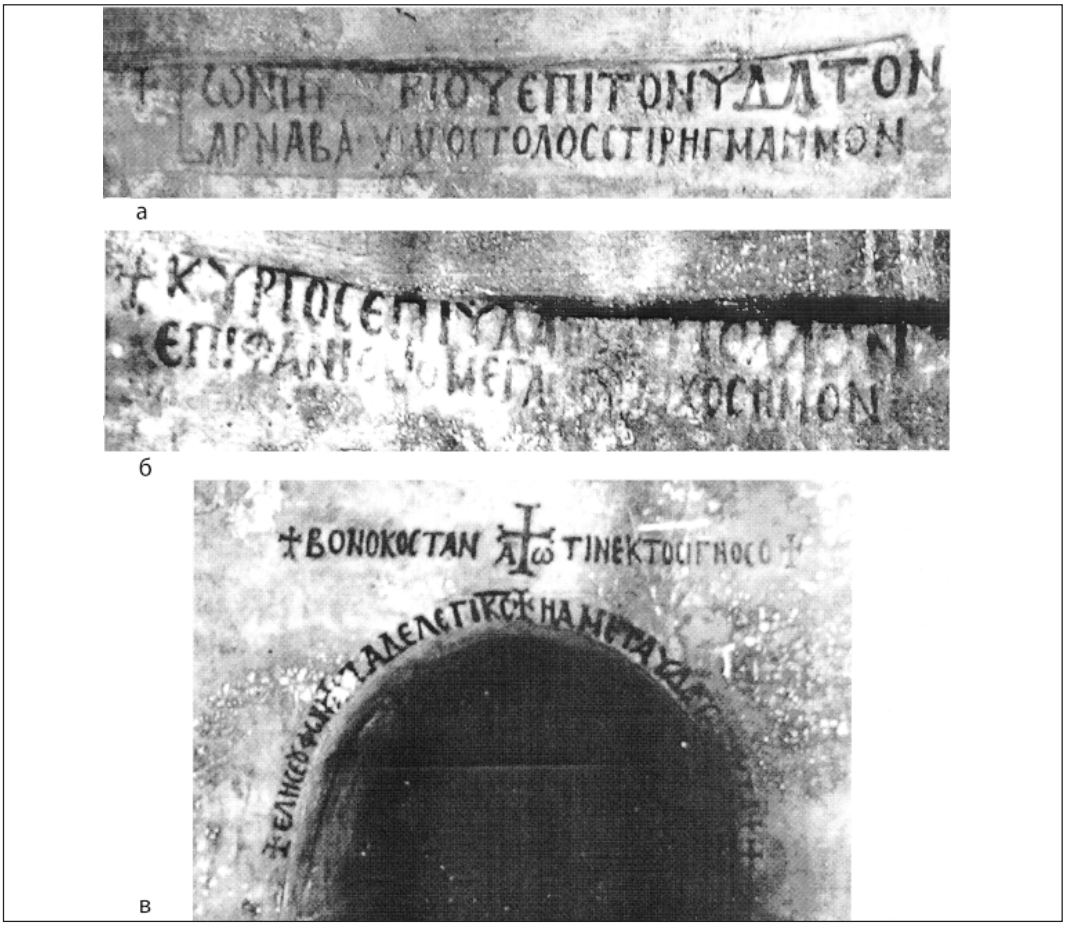

Рис. 27. Саламис (Константция, Кипр). Святилище VI в. [81, fig. 7, 8, 10].

[74, p. 100]. По смыслу эта надпись близка также 1-му стиху 26-го псалма, который присутствует в керченском склепе 491 г. [66, с. 9].

Двойная гробница с росписью располагалась в атриуме епископальной базилики в Лулудии (45 км к юго-западу от Фессалоник, Греция). Она была сооружена после разрушения базилики, скорее всего, в третьей четверти VI в. [69, p. 19-23]. Роспись зафиксирована только в одной камере «B», над входом которой был высечен крест. На ее стенах изображено пять красных удлиненных крестов с расширяющимися ветвями, украшенными жемчужинами – по одному кресту с обеих сторон входа и на каждой из трех остальных стен [69, p. 22]. От основания каждого креста нарисованы ветви цветущего лавра с листьями. На западной стене располагалась центральная композиция, в которой крест и ветви лавра дополняли две куропатки, клюющие растения (рис. 24). В верхней части

композиции была начертана красной краской надпись: «Вот место моего покоя навеки вечные, здесь вселюсь, ибо я его выбрал», которая является редакцией 14-го стиха 131-го псалма [75, p. 31-32].

Содержание 14-го стиха 131-го псалма отражено в надписях еще двух погребальных сооружений второй половины V-VI вв. Одно из них – монументальная гробница в г. Юргюп в Каппадокии (Малая Азия) [76, p. 25-30; 75, p. 35]. Она была высечена в скале во II-III вв. как языческая семейная усыпальница и впоследствии перешла христианам. В обширном вестибюле этого сооружения сохранились остатки трех христианских надписей, выполненных красной краской. Одна из них над входом в погребальную камеру была текстом 14-го стиха 131-го псалма и сопровождалась двумя крестами (один удлиненный крест в начале надписи, другой поменьше в конце третьей строки) [76, p. 27, fig. 6; 75, p. 35, fig. 5]. Вероятно, одновременны надписям два больших нарисованных креста в том же вестибюле – удлиненный крест справа от двери и равносторонний с расширенными лопастями (т.н. мальтийский) крест в медальоне на потолке [76, p. 29].

Еще одна гробница, на стенах которой зафиксирован текст 14-го стиха 131-го псалма, открыта в нартексе тетраконха в Старой Загоре (Augusta Traiana), на территории Болгарии [77; 78; 23, № 6, 7; 44, № 28, p. 38-39]. Она была украшена шестью большими крестами в сопровождении надписей (рис. 25). Две фразы, составляющие по смыслу упомянутый стих, располагались на продольных стенах между двумя крестами: первая часть на северной стене и вторая – на южной. На восточной и западной коротких стенах вокруг крестов читаются надписи: «Эммануил» и «Господи, помилуй». В нартексе того же тетраконха открыты еще три гробницы, на продольных стенах одной (№ 4) из них было нарисовано по одному кресту. Обе могилы датируются концом V или VI вв. [44, № 28, 29, p. 39].

Помимо отмеченных гробниц, известно еще 5 эпиграфических памятников погребального характера, в текстах которых присутствуют строки 14-го стиха 131-го псалма [75, p. 32-38]. По мнению Р. Пиллингер, 131-й псалом являлся составной частью погребальной литургии, а кресты в контексте надписей символизировали победу над смертью [77, p. 135; 78, p. 63].

Кресты и сакральные тексты зафиксированы также на стенах двойной гробницы из греческого города Стама́та (в 23 км к северо-востоку от г. Афины). Она была открыта в 1986 г. при раскопках к востоку от апсиды трехнефной базилики [79, p. 90-92]. С 1996 г. находится в экспозиции Византийского музея в Афинах. На каждой стене обеих гробниц было нарисовано по одному кресту с расширяющимися концами, которые в трех случаях сопровождались надписями и фигурными изображениями. В гробнице II зафиксирована одна надпись «Милосердный Господи»[16] на южной продольной стене слева от кре-

[16] Выражаю благодарность В.А. Сидоренко за помощь в переводе надписей гробниц из Стаматы.

ста (рис. 26,*г*). В гробнице I на северной продольной стене по обе стороны от креста начертаны молитвенные обращения: «Боже всевышний, вволю прояви свое сострадание» и «Господи, Иисус Христос, отпущение грехов почившим, аминь», слева изображения ветвистого деревца и птицы, справа под надписью – рыбы (рис. 26,*а*). На южной стене по обеим сторонам креста - слова «Свет жизни» (рис. 26,б). Не исключено, что источником этих слов является Евангелие от Иоанна (8:12): «Я свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь ***свет жизни***». Справа от креста сохранились остатки трех нарисованных деревьев. Все фигурные изображения так же, как надписи и кресты, нанесены темно-красной краской и отличаются сухостью исполнения. На основании археологических находок (золотые серьги, ликиф с волнообразными линиями) гробницы датированы VI в. [79, p. 91].

В эту же группу погребальных памятников с многочисленными крестами и христианскими текстами входит и упомянутая выше софийская гробница № 1 с тремя крестами и павлинами (рис. 12), под сводом которой по периметру была начертана надпись, оставшаяся непрочитанной. Исходя из аналогии с другими памятниками, исследователи допускают, что она вполне могла быть цитатой из Псалтыри [30, p. 280; 44, № 43, p. 61].

В зарубежной историографии возникло предположение, что погребальные сооружения, в оформлении которых наряду с крестами используются также сакральные тексты – молитвы и цитаты из псалмов, были предназначены для священнослужителей и являлись преимущественно епископскими захоронениями [77, p. 136; 78, c. 63; 24, p. 193]. Однако подобное заключение вряд ли правомерно для всех памятников такого рода. Как уже отмечалось, в одной из надписей боспорского склепа 1890 г. (491 г.) упомянуты имена погребенных – Саваг и Фаиспарта (рис. 22,*в*) [66, с. 6]. По результатам исследований ряда эпиграфических памятников, на которых встречается имя Саваг, Ю.Г. Виноградову удалось воссоздать важные вехи биографии этого человека. Скорее всего, не позднее, чем с 478/9 г. он занимал пост комита в центральной администрации Боспора [80, с. 235-241] и, следовательно, не мог принадлежать к клиру. Таким образом, начертание священных текстов на стенах погребального сооружения было позволительно как священникам, так и мирянам.

Изображения крестов в сопровождении текстов псалмов и молитв встречаются не только в погребальных памятниках, но и в других сакральных объектах, например, часовнях, святилищах. А. Грабар приводит многочисленные примеры подобного декора египетских и каппадокийских часовен VI-VII вв., при этом способ освящать их стены текстами молитв он считает заимствованием именно из погребального декора [30, p. 280-285].

Интересно в этой связи упомянуть еще об одном памятнике, характер декорации которого вполне сопоставим с оформлением рассмотренных гробничных сооружений. Это античная цистерна в Саламис-Констанции на Кипре,

превращенная в середине VI в. в небольшое святилище с целебной водой (священным источником) [81, p. 61-83]. Среди надписей, зафиксированных на его стенах, особый интерес представляют цитаты из Псалтыри и Ветхого Завета, которые использовались в обряде торжественного освящения воды, а следовательно, подтверждают функциональное назначение данного сооружения. Так, арочный проем западной стены окаймляет надпись («Елисей говорит + так говорит Господь + я исцеляю эти воды»), передающая смысл стиха из IV книги Царств (2:21). Над арочным проемом по обе стороны удлиненного креста с «альфой» и «омегой» находится воззвание: «Помоги Константин и своим знаком» (т.е. крестом) (рис. 27,*в*) [81, p. 66, 68, fig. 7-10]. На левой (южной) и правой (северной) стенах от арки фиксируются две фразы из 3-го стиха 28-го псалма («Глас Господень над водами» и «Господь над водами многими»); под ними – надписи, упоминающие имена святых апостола Варнаву и епископа Епифания Великого, которые теснейшим образом связаны с историей христианства на Кипре (рис. 27,*а,б*). В начале, в конце, иногда в середине надписей стоят кресты. По три креста также расположены на стенах между дверными проемами [81, p. 70]. Все кресты и надписи исполнены красной краской. Совершенно иной характер декорации имеет восточная стена этого святилища. Здесь представлено изображение Иисуса Христа с бородой в круглом медальоне с крестчатым нимбом, а под ним очень живописная и реалистичная роспись с плавающими в воде водяными растениями (кувшинки или лотос), птицами (утка на кладке яиц, фламинго) и рыбами, которую М. Сакопуло рассматривает как нильский пейзаж, очень популярный в египетском искусстве V-VI вв. [81, p. 77, 81]. Пейзаж окаймляет бордюр с молитвенными воззваниями к Христу [81, p. 62-64]. Таким образом, в оформлении данного памятника можно наблюдать сразу несколько декоративных традиций – погребальную (тексты и кресты на западной, южной и северной стенах), церковную (икона Христа на восточной стене) и светскую (нильский пейзаж на восточной стене).

* * *

Представленный ряд памятников со всей очевидностью демонстрирует характер тех изменений, которые произошли в оформлении погребальных сооружений довольно обширного региона Восточно-Римской империи на протяжении IV-VI вв. С гробничных стен и сводов постепенно исчезает полихромная живопись с ее символическими картинами рая, насыщенными яркими образами флоры и фауны. Ее отдельные элементы (птицы, деревья) еще появляются в некоторых росписях, но, зачастую теперь они до предела схематизированы, превращены в своего рода визуальные знаки, лишенные какой-либо художественной значимости (рис. 17, 26). В композиционной схеме они теперь лишь дополнения, без которых декоративная программа не меняет своей сути, и полностью подчинены центральной фигуре – кресту. Теперь именно крест становится главенствующим и мно-

гократно повторяющимся элементом. Если в гробницах IV – начала V вв. христограмма или крест, как правило, представлены единожды, реже дважды, то на протяжении V-VI вв. их количество в одном памятнике значительно возрастает. Аналогичная тенденция наблюдается и в христианской эпиграфике. Если в ранний период, как уже отмечалось, христианские эпитафии из македонских некрополей могли и не иметь крестных знаков, то среди надгробных стел V-VI вв. наиболее типичными становятся те, на которых три самостоятельных креста, стоящие в ряд, предшествуют надписи [35, № 16, 20, 25, 38, 41, 43, 47, 51, 78, 144 и др.]. Известны эпитафии и с бóльшим количеством крестообразных символов, например, на одной из них присутствуют 5 крестов и 2 христограммы [35, № 166].

Многократное повторение изображений креста в рамках одного памятника объясняется, прежде всего, тем, что крест Иисуса Христа, как знак грядущего воскресения, победы над смертью, символ царства небесного, был обогащен также мощной апотропеической (отвращающей беду), защитной силой. Очень ярко и выразительно это значение креста продекларировано в сочинениях архиепископа Константинополя[17] Иоанна Златоуста (347-407), которому принадлежит большая заслуга в укреплении культа «светоносного и животворящяго Христова Креста, силой которого прогоняются демоны, изгоняются болезни, удаляется мрачная тьма и освещаются все пределы земли» [82, *1*]. Защищая крест от тех, «которые стыдятся крестных страданий Христовых», он превозносит его чудодейственную силу: «Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано» [83, *5*]. Иоанн Златоуст призывает христиан носить крест «с собой и на ложе, и за трапезой, и всюду, где бы мы ни были. Как многие из воинов ни обедают, ни спят без оружия, так и мы ныне привесим вместо меча к своему ложу крест, вместо засова начертаем на дверях его же, им же окружим всякий дом вместо стены, им оградим внутреннее и внешнее» [82, *4*]. Начертание креста приветствуется повсюду: на домах, на стенах, на дверях, на окнах, «и на челе, и на сердце», «и в уме» [83, *4*; 84, *1*; 82, *2*]. Именно защитная сила креста побуждала покрывать его многократным изображением также стены и своды гробниц. Ту же апотропеическую функцию выполняли и сакральные надписи – молитвы и псалмы [30, p. 278-280; 81, p. 69-71]. Ими стремились охватить как можно большую площадь или наиболее ответственные части сооружений – дверные проемы, ниши, карнизы вдоль сводов. По выражению А. Грабаря, кресты и надписи устанавливали «зону непреодолимой защиты от демонов» [30, p. 278]. Таким образом, апотропеическая (защищающая от зла) программа оформления погребальных сооружений, сформированная многократно повторяемыми изображениями креста,

[17] Иоанн Златоуст занимал Константинопольскую кафедру в 398-404 гг.

в ряде случаев сопровождаемых священными текстами, приходит на смену «райской» декорации, художественные принципы которой, заимствованные из античного наследия, навсегда изживаются из арсенала оформителей гробниц.

Аскетическая направленность произошедших изменений в погребальном декоре была предопределена стремлением церкви укоренить в сознании людей истинно христианское отношение к смерти и погребению умерших. Так, в нескольких своих сочинениях, посвященных этой теме, Иоанн Златоуст призывает не прилагать забот о памятниках и гробницах: «Для чего дорогие и ненужные расходы на погребение, – расходы, которые приносят значительный ущерб погребающим и никакой пользы умершему. Когда ты слышишь, что Владыка воскрес из мертвых без одеяния, – оставь ради этого безумные заботы о погребении» [85; 73]. Главное, что должны делать христиане, чтобы «доставить утешения усопшим: вместо слез, вместо рыданий, вместо поминок – милостыни, молитвы, приношения, чтобы и они и мы достигли обещанных благ» [73]. Призыв Иоанна Златоуста к аскетическому отношению к погребению прозвучал в то время, когда представители социальной верхушки уделяли этому большое внимание и не скупились в средствах на создание дорогих погребальных сооружении, свидетельствами чему служат рассмотренные выше памятники с богатой полихромной росписью IV – начала V вв. Их тип[18], так же, как и характер их декора, был заимствован из античного погребального обряда и нес на себе печать языческого представления о месте захоронения как о загробном жилище покойника [66, с. 507]. Постепенно, под влиянием церковной идеологии, происходит отказ не только от античной по форме декорации, но также в скором времени и от самого типа сооружения, в котором она использовалась. Так, например, в Херсонесе сооружение склепов заканчивается в V-VI вв., хотя и фиксируются случаи использования ранних склепов для захоронений в VI-VII вв. и позже [87, с. 8; 88, с. 76; 89, с. 85-87]. На Боспоре наиболее позднюю группу склепов Е.А. Зинько датирует второй половиной V – серединой VI вв. [7, с. 311]. По мнению А.И. Айбабина, строительство склепов здесь продолжалось и в VII в. [86, с. 69]. Во Фракии подземные сводчатые гробницы из кирпича и камня бытуют до конца VI в. [42, с. 20]. Таким образом, постепенная «христианизация» представлений о смерти и погребении приводит к затуханию погребальной декорации и впоследствии к изживанию и самих погребальных конструкций, сохранившихся из языческого прошлого.

Постепенный уход от античных по своему происхождению декоративных схем и элементов в погребальном декоре V-VI вв. находится в русле основных тенденций в развитии всего христианского искусства в это время. Неуклонный

[18] Для Крыма характерны склепы, высеченные в материковом грунте [66, с. 401-423, 439-480; 86, с. 64-72]. На территории Фракии, Греции и Малой Азии сооружали подземные гробницы из кирпича и камня [42, с. 20; 24, p. 167-169; 69, p. 19].

рост влияния христианской церкви, развитие и укоренение в общественном сознании ее идеологии неминуемо сопровождалось последовательными изменениями в художественной культуре в целом. Искусство, поставленное на службу церкви, было призвано нести особую идейную нагрузку. Духовные и нравственные ценности теперь были выше чисто эстетических [90, с. 546-556]. В христианском искусстве шел активный процесс поиска художественных форм для наиболее адекватного выражения духовного идеала, пришедшего на смену чувственным образам. По выражению В.Н. Лазарева, «сенсуалистическая эстетика античности должна была уступить место спиритуалистической эстетике византийцев» [21, с. 17]. Проследив развитие доминирующих стилистических тенденций в ранневизантийском искусстве, Э. Китцингер отмечает, что на протяжении V в. происходит активный отказ от классических изобразительных форм и принципов, которые господствовали в IV в., идет «поиск … изображения, свободного от всех земных контекстов, непреложного и вечнодейственного», формируется твердый и статичный абстрактный стиль [19, p. 45-80]. Данный процесс Г. Колпакова называет «сакрализацией стиля» [22, с. 152]. Все, что может напоминать о реалиях земной жизни, постепенно заменяется «идеальными, неизменными, законченными формулами» [22, с. 154].

Как представляется, отражением именно этой тенденции является и весь процесс развития погребальной декорации, содержание которого как раз и заключалось в избавлении, абстрагировании от того, что имело «земную» форму. По сути, тот способ оформления гробниц, который сформировался в результате этого процесса, уже сложно назвать декорацией, поскольку собственно декоративный элемент, одним из важных проявлений которого является полихромия, практически полностью исчезает. Остаются лишь самые важные знаки и символы, призванные защитить от «всего враждебного» и выразить главное чаянье христианина – надежду на воскрешение в царстве Христовом.

Рассмотренные аналогии с полным основанием позволяют определить место крымских расписных склепов в истории развития погребальной росписи в ранневизантийский период. Декоративная программа херсонесских склепов и ее стилистическое воплощение в полной мере согласуются с ранним типом погребальной декорации, наполненной разнообразными живописными образами, заимствованными из античного искусства и обогащенными христианским смыслом. Ее основное содержание заключается в представлении райского сада, царства небесного, в котором пребывают души умерших христиан. Памятники с подобной декорацией датируются, как правило, в пределах IV – начала или первой половины V вв. Нижняя хронологическая граница склепов Херсонеса может быть ограничена последней четвертью IV в., когда в городе оформилась своя епархия [4, с. 285-286].

Роспись в «геометрическом» стиле боспорских склепов III – рубежа IV-V вв. несет в себе сложную синкретическую программу с богатым набором

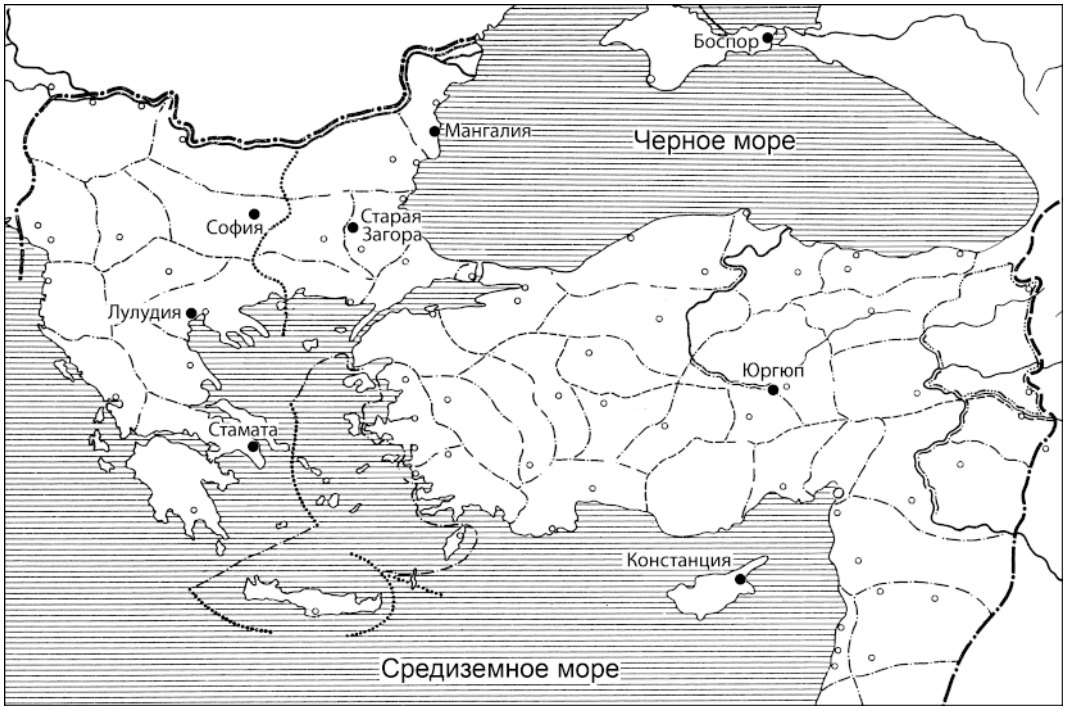

Рис. 28. Месторасположение памятников, роспись которых состоит из изображения крестов и священных текстов, второй половины V – VI вв.

изобразительных элементов с двойственной символикой. Тем не менее, декорация многих из этих склепов вполне может трактоваться в христианском духе [6, с. 78-89]. Как представляется, данная группа памятников отражает сложный процесс перехода от языческих культов к христианству какой-то части местного, может быть, варварского населения.

Погребальные сооружения, в оформлении которых главной доминантой становится крест, порой в сочетании со священными надписями, датируются второй половиной V и, главным образом, VI вв. К этому периоду относятся и боспорские склепы с крестами. Наиболее близкие аналогии склепам 1890 и 1895 гг. с крестами и христианскими надписями составляют гробницы, происходящие из некрополей Софии, Мангалии (Каллатис), Старой Загоры (Августа Траяна), Лулудии, Стаматы и Юргюпа. К этому же кругу памятников можно отнести и часть декора святилища из Констанции (Саламиса) на Кипре (рис. 28). Из всей этой группы только керченский склеп 1890 г. имеет абсолютную дату – 491 г. Кроме того, он обладает самым большим количеством крестов и наиболее богатым составом сакральных текстов (15 крестов, 2 молитвы и цитаты из 4-х псалмов). Здесь мы наблюдаем вполне сложившуюся, совер-

шенно новую, по сравнению с предыдущим периодом, систему оформления погребального сооружения. Таким образом, именно этот керченский памятник позволяет определить конец V в. как рубеж в кардинальной смене декоративной концепции оформления христианских мест захоронения. Античная по своему происхождению роспись с ее полихромией и разнообразием декоративных мотивов навсегда ушла в прошлое и практически была забыта. Отдельные ее элементы иногда еще находили место в новой апотропеической программе, но лишь как рудиментарные явления, к тому же, как правило, утратившие художественно-декоративную ценность.

Таким образом, крымские памятники являются отражением двух различных, последовательно сменивших друг друга этапов в истории развития погребального декора. Их синхронность византийским аналогам не может вызывать сомнения. Крымские центры, входившие в христианскую ойкумену, достаточно чутко реагировали на происходившие в христианском искусстве изменения и перенимали его новые современные формы. Появление росписи херсонесских склепов после установленного рубежа в смене декоративной системы представляется абсолютно невозможным уже в силу того, что они были созданы приезжими мастерами – носителями современных им принципов декорации, господствовавшим на значительной территории Византийской империи [4, с. 262]. После середины, а тем более конца V в. росписи, аналогичные фрескам херсонесских склепов, неизвестны. Таким образом, отличие в оформлении херсонесских христианских склепов и боспорских склепов с крестами и псалмами объясняется не «определенными особенностями процесса проникновения христианства в среду населения» этих центров [1, с. 72-73], а принадлежностью этих памятников к разным хронологическим этапам.

Информативность крымских христианских склепов IV-VI вв. далеко еще не исчерпана. Их значение не ограничивается только историей Крыма и процесса, христианизации местного населения. Среди них есть и такие, которые с полным правом можно назвать эталонными памятниками для всего византийско-христианского пространства. Следовательно, их важность в изучении развития христианской идеологии и искусства, в целом, трудно переоценить, что придает данным памятникам мировую значимость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
2. Зинько Е.А. Проблемы исследования позднеантичных боспорских расписных склепов // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
3. Зинько Е.А. Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
4. Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.

5. Хрушкова Л.Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2008. Т. XLII.
6. Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
7. Зинько Е.А. Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2004. Ч. 1.
8. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
9. Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Некоторые особенности погребальных сооружений и обрядов первых христиан Херсонеса и Пантикапея // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2.
10. Ступко М.В., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007.
11. Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь, 2008. Вып. I.
12. Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988.
13. Zubar V.M., Pillinger R. New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersoneus (Preliminary Note) // TALANTA. 2002. Vol. XXXII-XXXIII (2000-2001).
14. Диатропов П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник мат-лов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002.
15. Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV-VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
16. Зубарь В.М. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА. 2006. № 4.
17. Завадская И.А. К вопросу об эволюции христианской погребальной росписи в ранневизантийский период // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
18. Зубарь В.М. По поводу датировки новых христианских склепов некрополя Херсонеса-Херсона // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
19. Kitzinger E. Byzantine Art in the Making. Main lines of stylistic development in Mediterranean Art. 3d – 7th century. London, 1977.
20. Crippa M.A., Zibawi M. L'art paléochrétien. Des origines à Byzance. Milan, 1998.
21. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. I.
22. Колпакова Г. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004.
23. Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // Acta XIII Congressus internatinalis archaeologiae christianae. Split-Porec (1994). 1998. Pars III.
24. Valeva J. La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // Hortus Artium Medievalium. 2001. Vol. 7.
25. Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999.
26. Dinkler E. Kreuzzeichen und Kreuz // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 5. 1962. Münster Westfalen, 1963.
27. Dinkler E. Kreuz // Lexikon der Christlichen Ikonographie. Rom, Freileurg, Basel, Wien,1970.
28. Уваров А.С. Христианская символика. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М.; СПб., 2001.

29. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.
30. Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Vol. II : Iconographie. Paris, 1946.
31. Иоанн Златоуст. О кресте и разбойнике. Беседа вторая // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. II, кн. 1. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z02_1/Z02_1_41.htm.
32. Barbet A., Sener S. Conservation Work at Iznik: Elbeyli Tomb Paintings // XVI. Araştirma Sonuçlari Toplantisi. I. Cilt. Ankara, 1999.
33. Pelekanidis S. Gli affreschi paleocristiani ed i piu antichi mosaici parietali di Salonicco // Collana di quaderni di antichita' Ravennati, Cristiana e Bizantine. Ravenna, 1963. N. 2.
34. Μαρκῆ Ε. Ἡ ταφική ζωγραφική τῶν πρώτων χριστιανικῶν χρόνων στή Θεσσαλονίκη // Χριστιανική Θεσσαλονίκη. Από τοῦ Αποστολου Παυλου μεχρι καί τῆς Κωνσταντινειον εποχης. Θεσσαλονίκη, 1990.
35. Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècles // Bulletin de correspondance Hellénique. Supplément. 1983. T. VIII.
36. Μακροπούλου Δ. Ανασκαφή τάφων στο Ανατολικό παλαιοχριστιανικό νεκροταφειό της Θεσσαλονίκης // Makedonika. Θεσσαλονίκη, 1990.
37. Πελεκανίδις S. Παλαιοχριστιανικός τάφος εν Φιλίπποις // Tortulae. Studien zu Altchristlichen und Byzantinischen Monumenten. Rom, Freiburg, Wien, 1966.
38. Gounaris G. L'archéologie chrétienne en Grèce de 1974 à 1985 // Actes du XIe Congrès international d'archéologique chrétienne. Rome, 1989. Vol. III.
39. Mirković L. La nécropole paléochrétienne de Niš // Archeologia Jugoslavica. 1956. II.
40. Бошкович Д. Еще несколько слов о раннехристианской стенной живописи в нишском склепе // ВВ. 1959. Т. XV.
41. Миятев К. Декоративната живопись на Софийския некропол. София, 1925.
42. Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристиянските гробници в нашите земи // Археология. София, 1977. Кн. 4.
43. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII век. София, 1978.
44. Pillinger R., Popova V., Zimmerman B. Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens. Wien, 1999.
45. Valeva J. La tombe aux Archanges de Sofia // Cahiers archéologiques. 1986. 34.
46. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.
47. Migotti B. An early Christian fresco from Štrbinci near Dakovo // Hortus Artium Medievalium. 1997. Vol. 3.
48. Зинько Е.А. Культовая символика в росписи нового склепа Пантикапейского некрополя // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.
49. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
50. Valeva J. Two Tombs in the Balkans and the Sunworship in the Early Christian Period // Miscellanea Bulgarica. Wien, 1987. 5.
51. Pillinger R., Minčev A., Georgiev P. Ein Frühchristliches Grabmal mit Wandmalerei bei Ossenovo (Bezirk Varna / Bulgarien). Wien, 1989.
52. Dimitrov D.P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. XII.
53. Димитров Д.П. Стил и дата на стенописите от къснофнтичната гробница при Силистра // Археология. София, 1961. Год. III. Кн. 1.
54. Диатропов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. № 2.
55. Бобчев С.Н. Новооткрити гробници в старохристиянския некрополь на Сердика // Известия на Българския археологически институт. София, 1943. Т. XIV. 1940/42.
56. Иванова В. Украса на гробница I намерена под сградата на Народната библиотека // Известия на Българския археологически институт. 1940/42. София, 1943. Т. XIV.

57. Герасимов Т. Гробница с живопис от Сердика (VI в. на н.е.) // Археология. София, 1976. XVIII. Кн. 2.
58. Герасимов Т. Раннохристиянска гробница при гр. Сандански (Св. Врач) // Известия на Археологически институт. София, 1966. XXIX.
59. Firatli N. Notes sur quelques hypogées paléo-chrétiens de Constantinople // Torturae. Studien zu Altchristlichen und Byzantinischen Monumenten. Rom, Freiburg, Wien, 1966.
60. Kleiss W. Neue Befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // Akten des VII Internationalen Kongresses für Christliche Archaologie. Berlin, 1969.
61. Rădulesku A., Lungu V. Le christianisme en Scythie Mineure à la lumière des dernières découvertes archéologiques // Actes du XIe Congrès international d'archéologique chrétienne. Rome, 1989. Vol. I.
62. Κουκούλη Χ. Αρχαιότητες και μνημεία ανατολικής Μακεδονίας // Αρχαιολογικόν Δελτίον. Χρονικά. 23 (1968). Αθήναι, 1969.
63. The Survey of Early Byzantine Sites in Ölüdeniz Area (Lycia, Turkey). The First Preliminary Report / Ed. by Shigebumi Tsuji // Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University. 1995. Vol. XXXV.
64. Comte du Mesnil du Buisson, Mouterde P.R. La chappele byzantine de Bâb Sbâ à Homs // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. Beyrouth (Liban). 1929. T. XIV.
65. Mouterde P.R. Les découvertes intéressant l'Archéologie chrétienne effectuées en Syrie // Atti del III Congresso internazionale di archeologia cristiana. Ravenna, 25-30 settembre 1932. Roma, 1934.
66. Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. 1891. № 6.
67. Кулаковский Ю. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // МАР. 1896. № 19.
68. Септуагинта, часть 2. Ветхий Завет на греческом языке (pdf 2,99 MB). – Режим доступа: http://ihtys.narod.ru/septuaginta2.pdf.
69. Marki E. Deux tombeaux monumentaux protobyzantins récemment découverts en Grèce du Nord // Cahriers archéologiques. Picard, 1997. 45.
70. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., 1997.
71. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
72. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Восточные отцы и учители V в. (Библиотека Якова Кротова). – Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/05/antolog/page26.htm#02.
73. Иоанн Златоуст. Слово 45. О том, что не должно усиленно оплакивать умерших // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. XII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z12_2/Z12_2_45.htm.
74. Pillinger R., Pülz A., Vetters H. Ein Frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia/Kallatis (Rumänien) // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im Frühen Mittelalter. Wien, 1992.
75. Kiourtzian G. Le Psaume 131 et son usage funéraire dans la Grèce, les Balkans et la Cappadoce à la haute époque byzantine // Cahriers archéologiques. Picard, 1997. 45.
76. Thierry N. Note archéologique sur un tombeau monumental inédit d'Ürgüp (Cappadoce) // Cahriers archéologiques. Picard, 1997. 45.
77. Pillinger R. Ein Bischofsgrab mit Psalmzitat in Stara Zagora (Bulgarien)? // Tyche. Beitrage zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik. Wien, 1989. Band 4.
78. Пилингер Р. Гробница с псалмов текст от Стара Загора // Известия на Музеите от югоизточна България. 1991. Т. XIV.
79. Γκίνη-Τσοφοπούλου Ε. Ανασκαφικές εργασίες. Νομός Αττικής. Σταμάτα. Παλαιοχριστιανική βασιλική // Αρχαιολογικόν Δελτίον. Χρονικά. 45 (1990). Αθήναι, 1995.
80. Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1.
81. Sacopoulo M.A. La fresque chrétienne la plus ancienne de Chypre // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. T. XIII.

82. Иоанн Златоуст. На поклонение Честному и Животворящему Кресту, в среднюю неделю Великого поста // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. III, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_2/Z03_2_50.htm.
83. Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Беседа 54 // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. VII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z07_2/Z07_2_10.htm.
84. Иоанн Златоуст. Слово о том, что не должно стыдиться прославлять Честный Крест… // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. III, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_2/Z03_2_51.htm.
85. Иоанн Златоуст. Слово 31. О смерти // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. XII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z12_2/Z12_2_31.htm.
86. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
87. Веймарн Е.В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14.
88. Зубар В.М., Магомедов Б.В. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 1981. № 36.
89. Зубар В.М., Рижов С.Г. Розкопки західного некрополя Херсонеса // Археологія. 1982. № 39.
90. Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984.
91. Кацаров Г.И., Тачев Х. Новооткрита старохристиянска гробница в София // Известия на Балгарското археологическо дружество. София, 1910. I.
92. Зинько Е.А. Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
93. Valeva J. Sur certaines particularités des hypogées paléochrétiens des terres thraces et leurs analogues en Asie Mineure // Anatolica. 1979-1980. № VII.

Завадська І. А.

Християнські розписні склепи Криму в контексті розвитку поховального розпису в ранньовізантійський період

Резюме

Християнські розписні склепи Херсонесу і Боспору, зважаючи на їх величезну значущість для історії цих центрів, незмінно приваблюють до себе підвищений інтерес фахівців. Проте, не дивлячись на досить велику історіографію їх дослідження, залишається ряд важливих, до кінця невирішених проблем, серед яких визначення часу появи та релігійної належності деяких з цих пам'яток. У статті зроблено спробу прослідити основні етапи поступового розвитку декоративного оформлення християнських поховальних споруд на території Візантійської імперії в IV-VI ст. з метою виявити найбільш близькі аналогії розписам кримських склепів і визначити їх місце в історії християнського поховального декору. Це, безумовно, допоможе пролити світло на їхню хронологію. Основну увагу зосереджено на тому, як змінюються місце і роль головних християнських символів – хреста та христограми – в загальній схемі поховальної декорації.

Представлені аналогії вочевидь свідчать про те, що херсонеські розписні склепи і боспорські склепи із зображеннями хрестів є віддзеркаленням двох різних етапів в історії

розвитку поховального декору, що послідовно змінили один одного. Декоративна програма херсонеських склепів та її стилістичне втілення повною мірою узгоджується з раннім типом поховальної декорації, основний зміст якої полягає в зображенні райського саду, царства небесного, де перебувають душі померлих християн. Пам'ятки з подібною декорацією датуються, як правило, в межах IV – початку або першої половини V ст. Нижня хронологічна межа склепів Херсонесу може бути обмежена останньою чвертю IV ст.

У статті представлені найбільш близькі аналогії боспорським склепам з чисельними зображеннями хрестів, та текстами псалмів і молитов, які датуються другою половиною V і, головним чином, VI ст. Вони демонструють повністю сформовану, абсолютно нову, у порівнянні з попереднім періодом, систему оформлення поховальної споруди, головний сенс якої полягав в створенні «нездоланного захисту» від зла. Боспорський склеп 491 р. дозволяє визначити кінець V ст., як межу в кардинальній зміні декоративної концепції оформлення християнських місць поховання.

Завадская И. А.

Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период

Резюме

Христианские расписные склепы Херсонеса и Боспора, ввиду их огромной значимости для истории этих центров, неизменно привлекают к себе повышенный интерес специалистов. Однако, несмотря на довольно обширную историографию их исследования, остается ряд важных, до конца нерешенных проблем, в числе которых определение времени появления и религиозной принадлежности некоторых из этих памятников. В статье предпринята попытка проследить основные этапы поступательного развития декоративного оформления христианских погребальных сооружений на территории Византийской империи в IV-VI вв. с целью выявить наиболее близкие аналогии росписям крымских склепов и определить их место в истории христианского погребального декора. Это, безусловно, поможет пролить свет на их хронологию. Основное внимание сосредоточено на том, как изменяются место и роль главных христианских символов – креста и христограммы – в общей схеме погребальной декорации.

Представленные аналогии со всей очевидностью свидетельствуют о том, что херсонесские расписные склепы и боспорские склепы с изображениями крестов являются отражением двух различных этапов в истории развития погребального декора, последовательно сменивших друг друга. Декоративная программа херсонесских склепов и ее стилистическое воплощение в полной мере согласуются с ранним типом погребальной декорации, основное содержание которой заключается в представлении райского сада, царства небесного, в котором пребывают души умерших христиан. Памятники с подобной декорацией датируются, как правило, в пределах IV – начала или первой половины V вв. Нижняя хронологическая граница склепов Херсонеса может быть ограничена последней четвертью IV в.

В статье представлены наиболее близкие аналогии боспорским склепам с многочисленными изображениями крестов и текстами псалмов и молитв, которые дати-

руются второй половиной V и, главным образом, VI вв. Они демонстрируют вполне сложившуюся, совершенно новую, по сравнению с предыдущим периодом, систему оформления погребального сооружения, основной смысл которой состоял в создании «непреодолимой защиты» от зла. Боспорский склеп 491 г. позволяет определить конец V в. как рубеж в кардинальной смене декоративной концепции оформления христианских мест захоронения.

Zavadskaya I. A.

Christian Painted Vaults of Crimea in the Context of Funeral Painting Development in Early Byzantine Period

Summary

Christian painted vaults of Chersonesos and Bosporus have always attracted heightened interest of specialists thanks to their great importance for the history of these centers. However, in spite of rather extensive historiography of their research there are still a number of important problems not solved, among them - determining the date of their appearance and religious belonging of some of these monuments. In this article an attempt to trace the main stages of progressive development of decorative design of Christian funeral constructions on the territory of Byzantine empire in the 4th – 6th centuries was undertaken; it was done to reveal the closest analogies to paintings of Crimean vaults and determine their place in the history of Christian funeral decor. It will undoubtedly help to specify their chronology. The main attention is concentrated on the way how the place and the role of main Christian symbols – cross and monogram of Christ– in general scheme of funeral decoration are changing.

The analogies presented here testify with all evidence that Chersonesos painted vaults and Bosporus vaults with the pictures of crosses are reflections of two different stages in the history of funeral decor development, stages that superseded each other. Decorative programme of Chersonesos vaults and its stylistic embodiment conform completely with an early type of funeral decoration, the main content of which was presentation of Garden of Eden, Paradise where souls of dead Christians stay. Monuments with such decoration are dated back to the period within the 4th – the beginning or the first half of the 5th century. The lower chronological boundary of Chersonesos vaults can be limited with the last quarter of the 4th century.

The closest analogies to Bosporus vaults with numerous pictures of crosses and texts of psalms and prayers that are dated back to the second half of the 5th and, mainly, to the 4th century are presented in this article. They demonstrate absolutely new in comparison with the preceding period system of design of burial construction; its main idea was in the creation of «insurmountable protection» from evil. Bosporus vault of 491 enables to determine the end of the 5th century as a boundary line in cardinal change of decorative conception of design of Christian places of burial.

А. В. СМОКОТИНА

ШТАМПЫ НА РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ КРАСНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ РАСКОПОК г. БОСПОРА

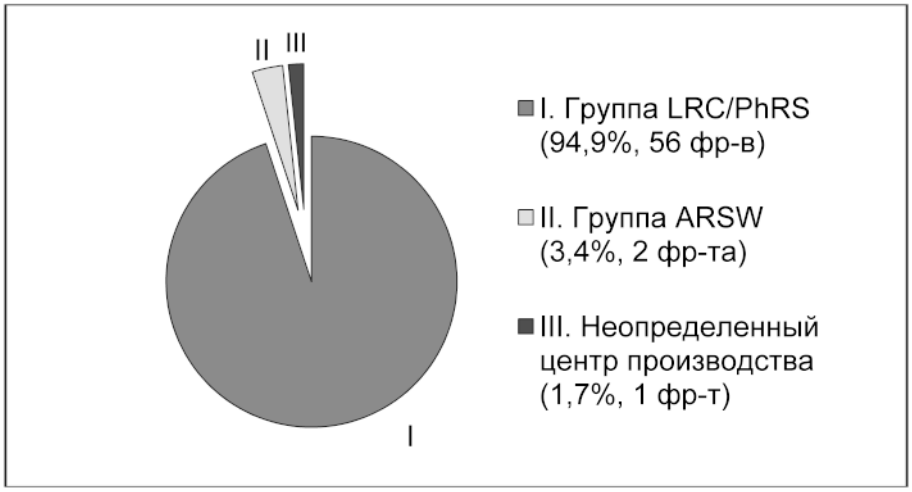
В результате археологических раскопок 2007-2008 гг. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины в Босфорском переулке г. Керчь[1] выявлена группа ранневизантийских краснолаковых сосудов со штампами, систематизации которых и посвящена настоящая статья. Она продолжает серию публикаций, направленных на введение в научный оборот комплексов и отдельных находок, полученных в результате этих исследований [1; 2]. Некоторым представленным ниже клеймам, найденным в 2007 г., было посвящено небольшое сообщение [3, с. 419-422, рис. 1], а общая предварительная характеристика строительных остатков и некрополя на исследованной территории дана в заметках о результатах археологических раскопок в 2007-2008 гг. [4, с. 5-7; 5, с. 15-16].

Краснолаковая керамика со штампами ранневизантийского времени из раскопок г. Керчь ранее не становилась объектом изучения в специальных публикациях. За многие годы раскопок в разных районах города изданы только единичные находки таких сосудов. Все они относятся к группе Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip Ware (PhRS) по Дж. Хейсу [6, p. 323-370]. Из коллекции Керченского музея и, возможно, городских раскопок, происходит рассмотренная С.А. Беляевым миска формы 3B со штампами в виде шести радиально расположенных бегущих зайцев мотива 35 по Дж. Хейсу [7, с. 124, рис. 51,1,9; 6, p. 357, fig. 74,l-y; 75,a-e]. А.И. Айбабиным опубликованы фрагменты двух мисок с клеймом мотива 35 и с крестом двойной линией контура мотива 71 из слоя Д Кооперативного переулка последней четверти VI – третьей четверти VII вв. [8, с. 137, рис.

[1] Исследования проводились под руководством А.И. Айбабина, которому я глубоко признательна за предоставленную возможность опубликовать найденный в ходе раскопок материал. Выражаю благодарность И.А. Петровой, А.Е. Катюшину, Л.М. Умеровой и Д.А. Петровой за помощь в подготовке иллюстраций.

56,2,3; 6, p. 357, 365, 367, fig. 74,l-y; 75,a-e; 79,b-g], а также миска формы 3F со штампом мотива 79 из могилы 19 на Госпитальной улице, раскопанной В.В. Шкорпилом в 1904 г. и датирующейся второй половиной VI в. [9, с. 16, рис. 2,89; 5,11; 8, с. 104-105, рис. 37,7; 10, с. 1, 7; 6, p. 368, fig. 79,p-s]. Последний штамп и две беспаспортные миски форм 3 и 5 по Дж. Хейсу с крестами мотива 80, найденные в г. Керчь в 1913 г., хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа. Их фотографии опубликованы В.Н. Залесской в каталоге этой коллекции, где сами сосуды ошибочно определены как «африканский тип V-VI вв.» [11, с. 233-234, 237, № 553, 554, 570; 6, p. 368, fig. 79,t]. Штампы на двух керченских мисках из Государственного Эрмитажа рассмотрены также в работе П.Д. Диатроптова, посвященной анализу христианской символики на краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса [12, с. 99, табл. 1,15,20].

Диаграмма 1.
Распределение штампов по группам краснолаковой керамики

В результате исследований 2007-2008 гг. выявлено 59 фрагментов и целых клейм на краснолаковой посуде ранневизантийского периода. Большая часть найденных штампов относится к группе Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip Ware (PhRS) (94,9%, 56 фрагментов, №№ кат. 1-56; рис. 1-11) [6, p. 323-370; 13, p. 525-527], два клейма принадлежат группе African Red Slip Ware (ARSW) по Дж. Хейсу (3,4%, №№ кат. 57, 58; рис. 11,*57,58*) [6, p. 13-299] и один относится к продукции неопределенного центра (1,7%, № кат. 59; рис. 11,*59*) (диаграмма 1). Детальная характеристика глиняного теста, лака, размеров, времени и места находок фрагментов сосудов представлена в форме каталога. Там, где это было возможно, штампы отождествлялись с мотивами и типами, разработанными в классификации Дж. Хейса [6, p. 217-287, 346-368].

Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip Ware (PhRS)

Все найденные при раскопках штампы LRC / PhRS входят в состав двух хронологических групп, выделенных Дж. Хейсом [6, p. 346, 347, 349]. Абсолютно преобладают сосуды с клеймами группы III (48 фрагментов, 85,7%), в небольшом количестве встречаются фрагменты сосудов группы II (8 фрагментов, 14,3%) (табл. 1, диаграмма 2).

Диаграмма 2.
Распределение штампов LRC / PhRS
по хронологическим группам Дж. Хейса

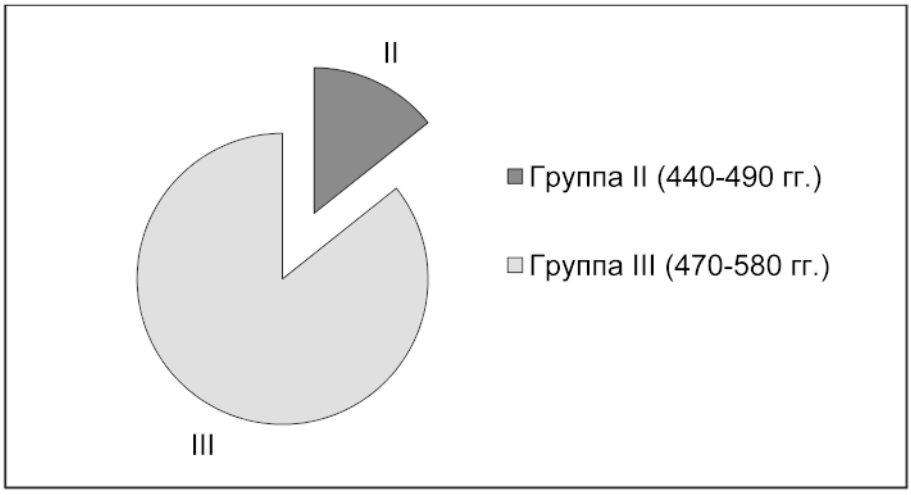

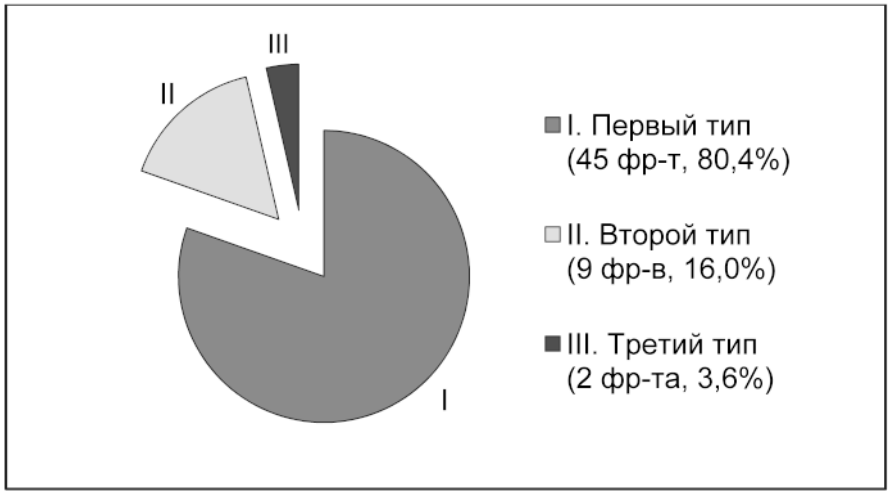
Таблица 1. Распределение штампов LRC / PhRS по хронологическим группам и мотивам Дж. Хейса

Группа	*№№ по каталогу*	*Мотив*
Группа IIA (440-490 гг.)	1, 5, 8	2, 20, 35, 41
Группа IIB (440-490 гг.)	2, 3, 10, 15	45
Группа IIC (440-490 гг.)	53	–
Группа III (470-580 гг.)	4, 6, 7, 9, 11-14, 16-52, 54-56	17, 41, 48, 59, 65, 68, 71, 73, 79, 67/80, 68/79, 67/68/79/80, 65/69/70

По цвету и структуре глиняного теста, лаку и примесям визуально выделяются три типа изделий (диаграмма 3). В целом они соответствуют наблюдениям о керамике группы LRC, сделанным Дж. Хейсом в 1972 г. [6, p. 323-324].

Основная часть сосудов (*первый тип*) группы PhRS со штампами (80,4%, 45 фрагментов, №№ кат. **1-4**, **6**, **7**, **10-16**, **18-26**, **28-37**, **39-41**, **44**, **46-50**, **52-55**) имеет плотное глиняное тесто красного (10 R 4/6-4/8-5/6-5/8[2]; 2,5 YR 4/6-4/8-5/6-5/8), светло-красного (10 R 6/8; 2,5 YR 6/6-6/8), желтовато-красного (5 YR 5/6), темно-серого в пережженном виде (GLEY 1 3/) цветов с точечными включениями известняка. Красный (10 R 4/6-4/8-5/6-5/8; 2,5 YR 4/6-4/8-5/6-5/8), темно-красный (10 R 3/4) или красновато-коричневый (2,5 YR 4/4) лак покрывает всю поверхность сосудов, иногда с неравномерными пятнами на внешней стороне. В некоторых случаях нижняя сторона дна покрыта потеками и пятнами лака только частично (№ кат. **1**, **24**). Диаметр дна (d) составляет 8,0-15,0 см. Следует отметить, что к этому типу глиняного теста условно отнесены два фрагмента тонкостенных сосудов с небольшим содержанием мелкой слюды в плотном глиняном тесте, с более гладкой внешней поверхностью, покрытые густым красным лаком (2,5 YR 4/8, 10 R 5/8) II хронологических группы, возможно, относящиеся к раннему этапу производства PhRS (№№ кат. **1**, **10**).

Диаграмма 3.
Типы структуры глиняного теста у сосудов со штампами LRC / PhRS

Второй тип отличается появлением в глиняном тесте постоянной примеси мелкой слюды разной степени концентрации, более пластичной («мягкой») структурой и почти однотонным более светлым, чем у первого типа цветом черепка, что может объясняться меньшей температурой обжига (16,0%, 9 фрагментов, №№ кат. **9**, **17**, **27**, **38**, **42**, **43**, **45**, **51**, **56**) [6, p. 324]. Тесто в основном

[2] По таблице цветов А. Мансела [102].

светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8), иногда красноглиняное (2,5 YR 5/8-5/6). Черепок по сравнению с первым типом чуть более песчанистый, содержит примеси точечного известняка и мелкой слюды. Красный лак (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность сосудов, иногда с потеками на внешней стороне тулова и дна. Диаметр дна (d) составляет 11,0-16,0 см.

Первый и второй типы, вероятно, сосуществовали, к ним относятся фрагменты сосудов со штампами II и III хронологических групп. Аналогичные две основные вариации структуры глиняного теста у краснолаковых сосудов LRC / PhRS в близком процентном соотношении отмечены К. Домжальским на материале Танаиса [14, p. 429-430].

Третий тип представлен всего двумя фрагментами сосудов (3,6%, №№ кат. **5**, **8**), которые отличаются массивными стенками и большим диаметром дна (d=17,0-21,0), имеют плотное красноглиняное тесто (10 R 5/8; 2,5 YR 5/8) с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Густой красный лак (10 R 4/8; 2,5 YR 5/8) покрывает внутреннюю и внешнюю поверхность, у одного экземпляра только частично, с пятнами и потеками лака (№ кат. **8**). Они относятся к мотивам 35 и 41 группы II и, возможно, представляют ранний этап развития керамики группы PhRS (табл. 1). Наблюдаемая неоднородность структуры глиняного теста у рассматриваемых сосудов, возможно, объясняется также их изготовлением в нескольких близких производственных центрах [6, p. 336; 15, p. 143-146; 16, p. 132-136].

Основная часть представленных штампов встречена на фрагментах донъев, не дающих представления о полном профиле сосудов. Исключение составляет археологически целая миска формы 3F с клеймом мотива 67/80 (№ кат. **40**) и венчик миски той же формы 3F от одного сосуда со штампом мотива 73 (№ кат. **37**) [6, p. 331, 333, 335, fig. 69,17,19,23-25]. Наиболее близкие рассматриваемым мискам формы венчиков происходят соответственно из сирийской Хамы [17, pl. 7,71] и слоя Пеллы VI – начала VII вв. [18, p. 29, pl. 46,20].

Сосуды типа F формы 3 в первых десятилетиях VI в. появляются в Константинополе [19, p. 94, 96, fig. 33,9-12; 34,3,5; 20, p. 13], Пелле [21, p. 164, 174, pl. 110,15; 22, p. 234, 243, fig. 13,113-114] и Сан-Джованни ди Руоти [23, p. 96, 98, fig. 5]. В большом количестве на протяжении VI в. они присутствуют в комплексах Аргоса [24, p. 418-419, fig. 36,127,129, №№ 127-133], Фасоса [25, p. 7-8, 21-23, fig. 5-7,CF82-103], Афин [26, p. 116-117, pl. 33,M350; 36,M350; 71,M350], Кносса [27, p. 438, fig. 4,16-17], Бутринта [28, p. 237-238, fig. 13,136-142], Дурреса [29, p. 436, 451, fig. 5,22-24], Константинополя [19, p. 98, 100, fig. 37,3; 30, p. 32, pl. 19,26], Эфеса [31, S. 139, 144, 258, Taf. 46,562], Кесарии Приморской [32, p. 44, 46, fig. 14,20; 15,29], Герасы [33, p. 60, fig. 45,121-122,124-129], Бенгази [34, p. 382-383, 475-479, 482, 486, 489, fig. 71,B688.14-18], найдены в Керчи [8, с. 270, 280, рис. 37,7; 2, с. 117-118, 123, рис. 17,1,2,4], Ильичевке [35, p. 228-229, рис. 13,3-11; 14; 15], на некрополе Черная речка [8, с. 270, рис. 21,2, табл.

XXVII,157] и в Херсонесе [36, табл. 3]. Миски формы 3F встречаются в комплексах конца VI – начала VII вв. в Ксанфе [37, p. 659, 660, fig. 1,12] и Херсонесе [36, табл. 4], первой половины VII в. в Сепфорисе [38, p. 267, pl. BIII,6] и Кесарии Приморской [32, p. 44, fig. 14,10]. Вероятно, в переотложенном виде они найдены в комплексах середины – второй половины VII в. в Константинополе [19, p. 105-106, fig. 50,12], Фасосе [25, p. 8, 21-23, fig. 5,CF82,CF84,CF85; fig. 6,CF86,CF88; fig. 7,CF101] и Херсонесе [36, табл. 5].

Штампы с растительными и геометрическими мотивами (рис. 1,*1-4*)

1 (рис. 1,*1*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 4/8) покрывает внутреннюю и частично потеками внешнюю поверхность дна. Размеры[3]: 7,5x4,7; 5,4x6,9; d=11,0. Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Двор. Под вымосткой (табл. 2,6). LRC / PhRS. Группа IIA, мотив 2b и 20.*

На фрагментах дна от одного сосуда расположен ограниченный врезной линией орнамент из чередующихся листьев *мотива 20* (рис. 1,*1b1*) [6, p. 355, fig. 73,20bb] и двух вписанных друг в друга концентрических кругов *мотива 2b* (рис. 1,*1b2*) [6, p. 351, fig. 72,b]. Такую комбинацию штампов Дж. Хейс отнес к ранней группе IIA и датировал временем около середины V в. [6, p. 349, 351, 355]. Аналогичный штампованный орнамент встречается на фрагментах сосудов из Танаиса [14, p. 432-433, fig. 18,635,636,638,639,641,645; 25,635,636,639,641,645].

2 (рис. 1,*2*). *Тесто желтовато-красноглиняное (5 YR 5/6) плотное, с включениями известняка. Лак красновато-коричневый (2,5 YR 4/4) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,1x5,0. Время и место находки: 2007 г. Рыбозасолочный комплекс, верхнее заполнение цистерн (табл. 2,13). LRC / PhRS. Группа IIB, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,1].*

Фрагмент штампа с остатками четырех (всего не больше шести) пар развернутых друг к другу волют с двойной линией контура, расположенных радиально от широкой врезной концентрической линии в центре дна сосуда, относится к группе IIB по Дж. Хейсу [6, p. 346]. Такая же парная волюта найдена в Херсонесе [39, рис. 46,8], в другой композиции она присутствует на фрагменте сосуда второй хронологической группы из Том [40, p. 168, fig. 14,5]. Одна волюта сохранилась на фрагменте из Конимбриги [41, p. 287, 291, pl. LXXIX,199] и в центре дна сосуда из Коринфа [42, p. 99, pl. 24,LRB35i]. Штамп с аналогичной парой волют двойной линией контура в Ильичевке А.В. Сазанов отнес к стилю D группы ARSW (?), а сам комплекс датировал третьей четвертью VI в. [43, с. 410, рис. 3,9].

[3] Все размеры в каталоге приведены в сантиметрах. D – диаметр венчика, d – диаметр дна, H – высота изделия.

3 (рис. 1,*3*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/6) покрывает всю поверхность с неравномерными пятнами на нижней стороне. Размеры: 8,1x5,6. Время и место находки: 2007 г. Могила 56 (табл. 2,2). LRC / PhRS. Группа IIB, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,3].*

Штамп с рядом из четырех частично сохранившихся (всего не более шести), расположенных радиально фигурных изображений относится к группе IIB по Дж. Хейсу [6, p. 346].

4 (рис. 1,*4*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 3,6x5,1. Время и место находки: 2007 г. СК-III. Верхнее заполнение (табл. 2,4). LRC / PhRS. Ранняя (?) группа III, мотив 17. Публикация: [3, рис. 1,2].*

Штамп в виде ромбовидной фигуры с волютами и маленькой окружностью *мотива 17* находится в центре дна сосуда и относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347, 349, 353, fig. 73,v,w]. Такие клейма обычно расположены радиально по периметру внутреннего поля вокруг центра дна или встречаются вместе со штампами других мотивов при раскопках Антиохии-на-Оронте [44, fig. 32], Смурны (Измира) [45, p. 101, pl. VI], Фасоса [25, p. 26, fig. 8,CF123, pl. I,e,f] и Херсонеса [11, с. 239, № 579]. Они найдены в херсонесском комплексе второй половины VI – первой половины VII вв. [46, с. 141-142, рис. 1,12], в слое 568-569 – 602 гг. Халмириса [47, p. 64, 280, pl. XII,114; 48, p. 213, pl. LIII,3], периоде С Ятруса 408 – около 430 гг. по Б. Беттгеру [49, S. 33, 61, 130, Taf. 38,429] и до конца V или начала VI вв. по М. Маккензену [50, S. 95, Abb. 3,429].

Штампы с изображениями животных (рис. 1,*5*-4,*19*)

5 (рис. 1,*5*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) равномерно нанесен на всю поверхность. Размеры: 6,0x9,2; d=17,0. Время и место находки: 2007 г. Рыбозасолочный комплекс, верхнее заполнение цистерн (табл. 2,13). LRC / PhRS. Группа IIA, мотив 35. Публикация: [3, рис. 1,8].*

Фрагмент штампа с сохранившимся изображением головы вправо и частью передней лапы стилизованного зайца, окруженного двумя поясами штампованных подпрямоугольных вдавлений в четыре ряда каждый, соответствует *мотиву 35* [6, p. 357, fig. 74,l-y; 75,a-e]. Изображение зайца смещено от центра и, очевидно, было не единственным на сосуде. Такие клейма соответствуют группе IIA и, по мнению Дж. Хейса, перестают производиться около 500 г. [6, p. 346, 357].

Штампы с изображениями стилизованных зайцев встречаются в Фасосе [25, p. 26-27, fig. 9,CF129-130], Коринфе [42, p. 98-99, pl. 24,LRB35b,f], Томах [40, p. 161, 167, fig. 8,3,4; 9,1-8], Адриарауме [51, S. 93, 293, Taf. 59,5; 113,7, № 502], Салоне [52, p. 269, №№ 17, 18], испанских Росесе и Ампуриасе [53, p. 541, fig. 19.2,5; 19.3,2], в Бенгази [34, p. 386, fig. 72,B692.4, pl. 24,B692.4],

Антиохии-на-Оронте [44, fig. 33] и Хаме [17, p. 142, pl. 8,89], найдены в Керчи [7, с. 124, рис. 51,1,9], Фанагории [54, с. 159, рис. 9,5], Ильичевке [55, рис. 2,11,12], Зеноновом Херсонесе [56, с. 55, признак 19, рис. 5,19а], на некрополе Карши-Баир [57, с. 23, рис. 4,9]. Они присутствуют в комплексе V в. в Стоби [58, p. 61, 181, tab. 4.17, pl. 47,416], середины V – начала VI вв. в Халмирисе [47, p. 65, 280, pl. XIII,120], на миске формы 3С в погребении второй трети VI в. на могильнике Дюрсо [59, с. 93, 104, 106, рис. 10,4а], в херсонесских комплексах второй-третьей четверти VI в. [36, с. 107-108, рис. 19,18; 46, с. 149, №№ 32, 33, рис. 2,14,17; 60, с. 29, рис. 10,126], в фазе III Фасоса около 550 г. [25, p. 7-8, 27, fig. 9,CF131], комплексе первой половины VII в. из Эфеса [31, S. 147, 258, 261, Taf. 48,587; 88,587] и в слое Д последней четверти VI – третьей четверти VII вв. Кооперативного переулка Керчи [8, с. 137, рис. 56,3].

Наиболее близкие нашему экземпляру штампы происходят из Афин [6, p. 357, fig. 74w], Смурны [45, p. 100, pl. III], Том [40, p. 161, fig. 8,4], найдены на мисках формы 3В в испанском Веларикосе [61, p. 130, pl. I,1, II,5], а также в кносском комплексе V – начала VI вв. [27, p. 435, fig. 2,5].

6-9 *Мотив 41* (штампы с изображениями оленей) [6, p. 359, 361, fig. 76, a-g].

6 (рис. 2,*6*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 7,0x5,0; d=8,0. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 41.*

7 (рис. 2,*7*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 8,4x6,9; d=11,5. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 41.*

8 (рис. 2,*8*)**.** *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (10 R 4/8) покрывает внутреннюю и частично потеками внешнюю поверхность дна. Размеры: 9,1x6,6; d=21,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа IIA, мотив 41.*

9 (рис. 2,*9*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 7,8x9,5; d=14,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 41.*

Один частично сохранившийся фрагмент смещенного от центра дна изображения оленя с развернутой назад головой, окруженного поясом в четыре ряда штампованных подпрямоугольных вдавлений (рис. 2,*8*) относится к группе IIA по Дж. Хейсу [6, p. 346, 349]. Фрагменты штампов с оленями расположенными в центре дна сосудов входят в группу III по Дж. Хейсу (рис. 2,*6,7,9*) [6, p. 346-347, 349]. Аналогичный № **6** по каталогу (рис. 2,*6*) стилизованный олень происходит из херсонесского комплекса конца VI – первой четверти VII вв. [46, с. 151, рис. 3,4].

Клейма мотива 41 найдены в Коринфе [42, p. 99, pl. 24,LRB35m], Антиохии-на-Оронте [44, fig. 31], в испанских Бело [62, p. 374, pl. CXIX,37] и Росесе [53, p. 541, fig. 19.2,6], в Томах [40, fig. 13,3-8], Фанагории [54, с. 159, рис. 9,1] и на некрополе Алмалык-дере (Мангуп) [63, рис. 15,98]. Такой штамп встречен на сосуде формы 3 могильника в окрестностях Цебельды, в погребении, датируемом Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао второй половиной VI – первой половиной VII в. [64, с. 158, рис. 23,2б], а О.А. Гей и И.А. Бажаном соотносимым с периодом 450-550 гг. [65, с. 27, табл. 30,31]. Штампы с изображениями оленей присутствуют в фазе 2 (475-550 гг.) Олбии [66, p. 263, 454, fig. 38,3], в слое Халмириса второй половины VI – начала VII вв. [47, p. 66, 280, pl. XIV,125; 48, p. 213, pl. LIII,5] и в херсонесских комплексах последних десятилетий VI в. [67, с. 80-81, 86, рис. 11,66; 68, p. 51, 53, fig. 19,36], конца VI – первой четверти VII вв. и середины VI – первой половины VII в. [46, с. 151-152, рис. 3,4,5].

10 (рис. 2,*10*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (10 R 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,0x4,2; d=14,5. Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Двор. Под вымосткой (табл. 2,6). LRC / PhRS. Группа IIB, мотив 45.*

Фрагмент штампа с изображением головы дельфина *мотива 45* [6, p. 361, fig. 76, n-p]. Вероятно, несколько таких смещенных от центра изображений располагались радиально внутри концентрической врезной линии головами от центра дна сосуда. Штамп относится к группе IIB по Дж. Хейсу [6, p. 346]. Аналогичное оформление головы дельфина присутствует на сосуде группы IIC из Афинской Агоры [6, p. 361, fig. 76,n]. Клейма мотива 45 найдены также в Коринфе [42, p. 99, pl. 24,LRB35h], Антиохии-на-Оронте [44, fig. 33], Томах [40, p. 167, fig. 10,4-6], в Херсонесе [11, с. 241, № 589], Ильичевке [55, рис. 2,2], на могильнике Карши-Баир [57, с. 23, рис. 4,7], встречаются в херсонесских комплексах конца VI в. [46, с. 153, рис. 3,13], третьей четверти VI в. [46, с. 153-154, рис. 3,15] и третьей четверти VII в. с монетой Константа II (641-668) [46, с. 153, рис. 3,14; 36, с. 117-118, рис. 69,17].

11-12 *Мотив 48* (штампы с изображениями павлинов) [6, p. 361, fig. 77,f].

11 (рис. 3,*11*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с включениями известняка. Лак красный (2,5 YR 4/8) покрывает всю поверхность, с пятнами и потеками на нижней стороне. Размеры: 13,5x10,2; d=11,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 48.*

12 (рис. 3,*12*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/8) равномерно покрывает всю поверхность. Размеры: 9,4x5,4; d=9,6. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 18 (табл. 2,9). LRC / PhRS. Группа III, мотив 48.*

Клейма на рассматриваемых сосудах расположены в центре дна и относятся к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Хвост павлина в одном случае не

сохранился, на другом фрагменте плохо оттиснут, но, по оформлению головы, туловища и лап, они, бесспорно, могут быть отнесены к мотиву 48 по Дж. Хейсу [6, p. 361, fig. 77,f]. Штампы с изображениями павлинов встречаются в Антиохии-на-Оронте [44, fig. 33], Эфесе [69, S. 175, 177, Taf. 7,86; 8,105; 15,86,105], Томах [40, p. 167, fig. 16,5-9], в Салоне [52, p. 269, № 15], Херсонесе [11, с. 240, №№ 582-585], на мисках формы 3F в Адриарауме [51, S. 93, 292, Taf. 58,3,4; 112,1,2, № 469, № 470]. Они найдены в слое второй половины VI в. Ильичевки (570-580 гг. по А.В. Сазанову) [55, рис. 1,5; 35, с. 230-231, рис. 13,3], второй половины VI – начала VII вв. Халмириса [47, p. 61, 280, pl. XIV,101; 48, p. 213, pl. LIII,2], в херсонесских комплексах последних десятилетий VI в. [67, с. 80, рис. 11,65; 68, p. 51, 53, fig. 19,35] и середины VI – первой половины VII вв. [46, с. 156-157, рис. 4,12-17,19,20].

13 (рис. 3,*13*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 10,5x6,9. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,4].*

Плохо оттиснутый штамп в центре сосуда, возможно, с изображением птицы с развернутым крылом, относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347].

14 (рис. 3,*14*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 5/8) нанесен равномерно на всю поверхность. Размеры: 8,5x5,7. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,7].*

Штамп в центре дна сосуда с изображением птицы, голова которой развернута назад, соответствует группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Точные аналогии не известны.

15 (рис. 3,*15*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с включениями известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,4x6,0; d=12,0. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа IIB, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,6].*

Фрагмент штампа с изображением головы птицы влево, смещенной от центра дна сосуда. Полная форма не восстанавливается. Относится к группе IIB по Дж. Хейсу [6, p. 346].

16 (рис. 3,*16*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,2x4,6. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный. Публикация: [3, рис. 1,5].*

Фрагмент штампа в центре дна сосуда, вероятно, с изображением развернутого вправо туловища животного. Принадлежит к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Близкая проработка сохранившихся задних лап и части туловища встречена на клейме со львом из херсонесского комплекса второй половины VI в. [36, с. 110-111, рис. 35,5; 46, с. 152, рис. 3,10].

17-19. Фрагменты клейм предположительно с изображениями животных.

17 (рис. 4,*17*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность с потеками на внешней стороне. Размеры: 7,4x5,9; d=14,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

18 (рис. 4,*18*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 4/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/8) нанесен равномерно на всю поверхность. Размеры: 4,6x4,2. Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Двор. Над вымосткой, верхнее заполнение (табл. 2,5). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

19 (рис. 4,*19*). *Тесто красноглиняное (10 R 4/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,3x4,5. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

Неопределенные фрагменты штампов предположительно с изображениями животных в центре дна сосудов принадлежат группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347].

Штамп с изображением «канфара» (рис. 4,*20*)

20 (рис. 4,*20*). *Тесто красноглиняное (10 R 4/8) плотное, с включениями известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 13,6x7,1; d=10,6. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 59.*

Фрагмент штампа в центре дна сосуда с изображением «канфара» мотива 59 относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347, 362-363, fig. 78,a-c]. Найденный обломок клейма отличается от стандартных форм орнаментацией тулова. Точных аналогий найти не удалось. Штампы мотива 59 известны в Антиохии-на-Оронте [44, fig. 32], Томах [40, p. 176, fig. 11,4-8; 70, p. 150, pl. III, fig. 7], в комплексе второй половины VI – начала VII вв. Халмириса [47, p. 63, 280, pl. XII,107], а также происходят из раскопок Фанагории [54, с. 159, рис. 10,4] и могильника Карши-Баир [57, с. 23, рис. 4,8].

Штампы с изображениями крестов (рис. 4,*21*-10,*51*)

21 (рис. 4,*21*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 4,5x4,3. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 20 (табл. 2,11). LRC / PhRS. Группа III, мотив 65.*

Фрагмент штампа *мотива 65* в центре дна сосуда в виде монограмматического креста, выполненного двойной линией контура с расходящимися краями лучей, завитком в виде Pho и буквами «альфа» и «омега» в нижнем левом и нижнем правом междукрестии соответственно относится к группе III и датирован Дж. Хейсом предположительно концом V в. [6, p. 346-347, 363, fig. 78,g]. Такие клейма встречаются при раскопках Том [40, p. 180, fig. 18,1,3], Смурны

(Измира) [45, p. 101, pl. VI,f], Тиритаки [56, с. 5, рис. 5,19б; 43, рис. 5,25] и Херсонеса [11, с. 238, № 571], в том числе найдены в херсонесском комплексе второй четверти VI в. [46, с. 171, рис. 9,1].

22-24 *Мотив 68* (штампы с монограмматическим крестом и четырьмя окружностями-подвесками в междукрестии, Rho слева или справа) [6, p. 365, fig. 78,m,n].

22 (рис. 2,*22*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) нанесен равномерно на всю поверхность. Размеры: 5,4x4,9. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68. Публикация: [3, рис. 1,11].*

23 (рис. 5,*23*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 4,8x3,8. Время и место находки: 2007 г. Могила 56 (табл. 2,2). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68. Публикация: [3, рис. 1,12].*

24. *Тесто темно-серое (GLEY 1 3/) и красноглиняное (10 R 4/4) плотное, с включениями известняка. Лак темно-красный (10 R 3/4) покрывает верхнюю поверхность и частично потеками нижнюю сторону дна. Черепок пережжен. Размеры: 15,8x11,7; d=13,7. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотивы 68 и 71.*

Клейма мотива 68 в центре дна сосудов относятся к группе III по Дж. Хейсу, который датировал их временем около 500 г. [6, p. 346-347, 365]. На одном из фрагментов подвески в нижней части имеют скорее каплевидную форму, края лучей креста раздваиваются и расходятся (рис. 5,*23*). На дне миски № 24 пять сохранившихся полностью или частично небрежно выполненных штампов этого мотива беспорядочно расположены вокруг клейма с крестом мотива 71 в центре (рис. 5,*24*).

Штампы *мотива 68* известны по находкам в Антиохии-на-Оронте [44, fig. 34], Коринфе [42, p. 99, pl. 24,LRB35L], Эфесе [71, S. 143, Taf. 202,M20], в Томах [40, p. 180, fig. 18,5], Аликанте [72, p. 120, № 968], Херсонесе [11, с. 236, № 566] и на горе Опук (Боспор) [73, с. 44, табл. II,4]. Они найдены в херсонесских комплексах второй / третьей четверти VI в. [46, с. 163, рис. 7,24] и конца VI – первой четверти VII вв. [46, с. 164, рис. 7,8; 74, с. 321, рис. 3,23].

24-35 *Мотив 71* (штампы в виде креста с двойной линией контура) [6, p. 365, 367, fig. 79,b-g].

25 (рис. 5,*25*). *Тесто красноглиняное (10 R 4/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность с неравномерными разводами и потеками на внешней стороне. Размеры: 16,6x12,1; d=11,2. Время и место находки: 2007 г. СК-III. Верхнее заполнение (табл. 2,4). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71. Публикация: [3, рис. 1,9].*

26 (рис. 5,*26*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с включениями известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность.*

Размеры: 4,3x5,8. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.

27 (рис. 6,*27*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка, мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 10,0x15,3. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

28 (рис. 6,*28*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) нанесен равномерно на всю поверхность. Размеры: 9,5x13,6; d=15,0. Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Помещение 1, верхнее заполнение (табл. 2,7). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

29 (рис. 6,*29*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 21,7x14,8; d=14,4. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

30 (рис. 6,*30*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 4/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 8,6x14,4; d=14,5. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 18 (табл. 2,9). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

31 (рис. 6,*31*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 4/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,0x2,8. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

32 (рис. 6,*32*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/6) плотное, с включениями известняка. Лак красный (2,5 YR 5/6) нанесен на всю поверхность. Размеры: 3,6x3,8. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 19 (табл. 2,10). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

33 (рис. 6,*33*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 3,5x3,7. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 19 (табл. 2,10). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71.*

34 (рис. 7,*34*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 3,8x2,7. Время и место находки: 2007 г. Рыбозасолочный комплекс, верхнее заполнение цистерн (табл. 2,13). LRC / PhRS. Группа III, мотив 71. Публикация: [3, рис. 1,10].*

35 (рис. 7,*35*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 6,9x4,0. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, предположительно мотив 71.*

Найденные в результате раскопок кресты с двойной линией контура мотива 71 расположены в центре дна сосудов и относятся к группе III [6, p. 346-347].

Дж. Хейс датировал их концом V – началом VI вв., а некоторые плохо оттиснутые экземпляры и более поздним временем [6, p. 365].

Штампы с такими крестами найдены при раскопках Константинополя [30, p. 31, pl. 27,9b], Фасоса [25, p. 28, pl. II,g, fig. 10,CF141], Коринфа [42, p. 98, pl. 24,LRB35a], Эфеса [69, S. 173, 178, Taf. 5,64; 8,109,110; 15,109; 71, S. 142, Taf. 199,M7], Хиоса [75, p. 95, pl. 21,113,116], Смурны (Измира) [45, p. 101, pl. V g,l,m,n,k], Элеутерны (Крит) [76, p. 924, fig. 3,5], Копетры (Кипр) [77, p. 185, fig. 5.4,52], Александрии [78, p. 41, pl. 9,Ch; VIII,25], Антиохии-на-Оронте [44, fig. 34], в Назарете [79, p. 299, fig. 236,27], Нессане [80, p. 274, 300, pl. LIX,C1,C2], Телл Кеисане [81, p. 55, fig. 16b,3,4], Швей Ционе [82, p. 42, fig. 13,7-10, pl. XXII,a,i,l], в Томах [83, fig. 92,3,4; 40, p. 180, fig. 17,6,7; 22,5-8; 23,1-7], Истрии [83, fig. 93,1], Капидаве (Capidava) [84, p. 152, 238, pl. LV,364], Адриарауме [51, S. 93, 291, 294, Taf. 58,2; 59,9,13; 112,3; 114,1,4; №№ 453, 514, 516], итальянском Отранто [85, p. 60, 61, fig. 3:2,287], испанском Аликанте [72, p. 120, №№ 969, 970], в Херсонесе [86, с. 212-213, рис. 61; 11, с. 234-235, №№ 556-562], Тиритаке [87, с. 126, рис. 160,1,2; 88, с. 320, рис. 14,1], Зеноновом Херсонесе [56, с. 55, рис. 5,19д], Фанагории [54, с. 159, рис. 5,6; 8,1,2] и в Ильичевке [55, рис. 1,12,16].

Клейма с крестом, выполненным двойной линией контура встречаются в погребениях первой трети VI в. на могильнике Дюрсо [59, с. 90, 94, 104, рис. 8,35а; 10,7а], в комплексах первой половины VI в. и всего VI в. в Бенгази [34, p. 386, 477-478, 487, fig. 72,B692.9,B692.10], второй четверти VI в. на поселении Зеленый мыс [89, с. 185-186, рис. 4,12] и в Китее [90, с. 64, 67, рис. 2,1], середины VI в. в Кесарии Приморской [32, p. 46, fig. 15,35], в херсонесских комплексах второй половины VI в. [46, с. 160, рис. 6,12; 36, с. 108-109, рис. 26,26], середины – третьей четверти VI в. [46, с. 160, рис. 6,14; 36, с. 109-110, рис. 32,8,9; 68, p. 48, fig. 3,13,15] и последней четверти VI в. [46, с. 159, рис. 6,5].

Они присутствуют в комплексах середины V – начала VII вв. в Эйн-Бокеке [91, S. 49, 204-205, Taf. 46,7], второй половины VI – начала VII вв. в Халмирисе [47, p. 67, 280, pl. XV,129,130; 48, p. 213-214, 217, pl. LIII,6] и итальянском Крекьо [92, p. 645, 649, fig. 10], известны в комплексах Херсонеса конца VI – начала VII вв. [46, с. 161, рис. 6,23; 36, с. 112-113, рис. 42,6] и середины VI – первой половины VII вв. [46, с. 158-159, рис. 6,4], в склепе середины V – начала VII вв. могильника Алмалык-дере (Мангуп) [63, рис. 15,99], в склепе второй половины VI – середины VII вв. на могильнике Карши-баир [57, с. 23, рис. 2,4], в слое не ранее начала VII в. вместе с мисками форм 10А-С в Севастополисе [93, с. 221, рис. 26,31]. Штампы мотива 71 встречены в комплексе первой четверти VII в. в Херсонесе [60, с. 29-30, рис. 10,130], 624 – 632-635 гг. в Эйн-Бокеке [91, S. 49, 205, Taf. 46,10; 61,7], вместе с поливной белоглиняной посудой группы Glazed White Ware I найдены в комплексе середины VII в. Константинополе [19, p. 105-106, fig. 50,11,12], с монетами Константа II (641-668) (монета из Керчи чеканена между 654-659-ми гг.) обнаружены в слое Д последней четверти

VI – третьей четверти VII вв. Кооперативного переулка г. Керчь [8, с. 137, рис. 56,2] и в херсонесском комплексе третьей четверти VII в. из заполнения цистерны Н в помещении 21 Северного берега [46, с. 160, рис. 6,15; 36, с. 117-118, рис. 69,18]. Фрагменты штампов с крестами двойной линией контура присутствуют также в двух комплексах Херсонеса конца X – начала XI вв. [46, с. 159, рис. 6,7,19].

Штампы мотива 71 из могильника Дюрсо найдены на сосудах формы 3B/C [59, с. 94, 104, рис. 10,7а] и 3C [59, с. 90, 104, рис. 8,35а]. На мисках формы 3C такой штамп встречен также при раскопках в Эфесе [71, S. 142, Taf. 199,M7] и Адриарауме (Словения) [51, S. 93, 291, Taf. 58,2, 112,3, № 453]. Сосуд формы 3C/E с таким клеймом происходит из итальянского Креккьо [92, p. 649, fig. 10]. Миски формы 3F с крестами двойной линией контура найдены на могильниках Алмалык-дере (Мангуп) [63, рис. 15,99] и Карши-баир [57, с. 23, рис. 2,4], при раскопках Константинополя [19, p. 106, fig. 50,12]. Об изготовлении таких штампов во второй половине VI в., свидетельствует находка миски формы 10A/B из Капидавы (Capidava) [84, p. 152, 238, pl. LV,364]. Особый интерес представляет сосуд формы 10C начала – середины VII в. по Дж. Хейсу из Швей Циона (Израиль) с крестом двойной линией контура в центре дна [82, p. 42, fig. 13,7, pl. XXII,l; 6, p. 346]. Таким образом, на основании рассмотренных комплексов и по находке клейма мотива 71 на сосуде формы 10C, можно говорить о производстве таких штампов по крайней мере до начала VII в.

36-37 *Мотив 73* (штампы с простыми крестами одной линией контура) [6, p. 367, fig. 79, i-k].

36 (рис. 7,*36*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/6) покрывает всю поверхность с потеками на внешней стороне. Размеры: 3,2x11,9; d=14,8. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 19 (табл. 2,10). LRC / PhRS. Группа III, мотив 73.*

37 (рис. 7,*37*). *Два фрагмента от одного сосуда. Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с включениями известняка. Лак красный (10 R 4/6) равномерно нанесен на всю поверхность. Размеры: 7,7x8,4; d=9,3 (D=19,8). Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 73.*

Штампы с простым крестом в центре дна относятся к группе III и были датированы Дж. Хейсом концом V – концом VI вв. [6, p. 346-347, 367, fig. 79, i-k]. Сосуды с такими клеймами найдены в Коринфе [42, p. 98-99, pl. 24,LRB34,LRB35k], Смурне (Измире) [45, p. 100, pl. III], Антиохии-на-Оронте [44, fig. 34], Элеутерне [76, p. 924, fig. 3,6], Томах [83, fig. 92,2; 40, p. 187, fig. 20,3; 70, p. 151, pl. IV, fig. 12], словенском Адриарауме [51, S. 93, 272, Taf. 58,1; 59,12,14,15; 112,4; 113,10; 114,2,3, №№ 3, 511, 517, 518], португальской Конимбриге [41, p. 287, 291, pl. LXXIX,204], в Херсонесе [94, с. 35, рис. 3; 11, с. 238, №№ 572-574], на могильнике Карши-баир [57, с. 23, рис. 4,3], известны по находкам в Илурате [95, с. 310, рис. 20] и Ильичевке [55, рис. 1,14]. Они встречаются в комплексах начала и второй / третьей четверти VI в. в Херсонесе

[46, с. 170-171, рис. 8,5,7], в склепе первой половины VI в. на некрополе Черная речка [8, с. 269, 270, рис. 21,4], в слоях конца VI в. в Афинах [26, p. 116-117, pl. 36,M351] и Херсонесе [46, с. 170, рис. 8,4], второй половины VI – начала VII вв. в Халмирисе [47, p. 68, 280, pl. XVI,136]. Найдены в херсонесских комплексах конца VI – начала VII вв. и конца VI – первой четверти VII вв. [46, с. 170, рис. 8,3,6], в слоях Эйн-Бокека начала VII в. и 624 – 632-635 гг. [91, S. 49, 205, Taf. 46,9a; 61,6].

38-39 *Мотив 79* (штампы в виде крестов с четырьмя окружностями-подвесками в междукрестии) [6, p. 368, fig. 79,p-s].

38 (рис. 7,*38*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 10,9x10,5; d=11,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 79.*

39 (рис. 7,*39*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/8) нанесен равномерно на всю поверхность. Размеры: 7,0x6,4. Время и место находки: 2007 г. Рыбозасолочный комплекс, верхнее заполнение цистерн (табл. 2,13). LRC / PhRS. Группа III, мотив 79. Публикация: [3, рис. 1,13].*

Штампы в виде креста с четырьмя окружностями-подвесками в междукрестии относятся к группе III и датированы Дж. Хейсом концом V – серединой VI в. [6, p. 346-347, 368, fig. 79,p-s]. Находки сосудов с такими клеймами известны в Коринфе [42, p. 99, pl. 24,LRB35,o], Эфесе [69, S. 178, Taf. 8,111; 15,111], Фасосе [25, p. 28, pl. III,a, fig. 10,CF142], Смурне (Измире) [45, p. 101, pl. V,j/k], Хаме [17, p. 142, pl. 8,88], Антиохии-на-Оронте [44, fig. 34], Александрии [78, p. 41, pl. 9,Cn; VIII,24], Бенгази [34, p. 386, fig. 72,B692.11], в Томах [83, fig. 92,1; 40, p. 187, fig. 20,1,2,4,6; 70, p. 151, pl. IV, fig.10], Салоне [52, p. 269, №14], на могильнике Карши-Баир [57, с. 23, рис. 4,6]. Штамп мотива 79 найден в Керчи на миске формы 3F в могиле второй половины VI в. [9, с. 16, рис. 2,89; 5,11; 8, с. 104-105, рис. 37,7; 10, с. 7-8; 11, с. 237, № 570]. Такие клейма встречаются в комплексах 585 г. в Аргосе [24, p. 404, 419, fig. 36,149], на формах 3F и 3G во второй половине VI в. в Ильичевке (570-580 гг. по А.В. Сазанову) [35, с. 230-231, рис. 13,6,7; 14,5; 55, рис. 1,2,6,13], в комплексах Херсонеса второй четверти VI – первой половины VII вв. и второй половины VII вв. [46, с. 163-164, рис. 7,3,7].

40-41 *Мотивы 67/80* (штампы в виде креста с двумя окружностями-подвесками в междукрестии, с или без Rho) [6, p. 363, 365, 368, fig. 78,i-l, 79,t].

40 (рис. 8,*40*). *Археологически целая форма восстановлена из 15 фрагментов. Со следами ремонта (отверстие на венчике). Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) равномерно покрывает всю поверхность изделия. Размеры: D=27,6; d=14,2; H=6,5. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 21 (табл. 2,12). LRC / PhRS. Группа III, мотив 67/80.*

41 (рис. 9,*41*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью*

известняка. Лак красный (10 R 4/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 10,3x9,4; d=14,0. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 67/80. Публикация: [3, рис. 1,14].

Клейма мотивов 67/80 расположены в центре дна сосудов. Штампы сохранились частично, определить наличие или отсутствие Rho не представляется возможным. Относятся к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Одно клеймо присутствует на археологически целой миске типа F формы 3 (рис. 8,*40*) [6, p. 331, 333, 335, fig. 69,17,19,23-25].

42-45 *Мотивы 68/79* (фрагментированные штампы в виде креста с четырьмя окружностями-подвесками в центре дна сосудов мотива 68/79, с или без Rho) [6, p. 365, 368, fig. 78,m,n; 79,p-s].

42 (рис. 9,*42*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,4x3,6. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68/79.*

43 (рис. 9,*43*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) нанесен на всю поверхность. Размеры: 2,4x4,2. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68/79. Публикация: [3, рис. 1,15].*

44 (рис. 9,*44*). *Тесто светло-красноглиняное (10 R 6/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 4,8x4,2. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68/79 (?).*

45 (рис. 9,*45*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с включениями известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 6,2x4,8. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 68/79.*

Клейма с такими крестами находятся в центре дна сосудов и относятся к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Определить наличие или отсутствие Rho невозможно.

46-48 *Мотивы 67/68/79/80* (фрагменты штампов в виде креста с неопределенным количеством окружностей-подвесок в междукрестии и несохранившимся или отсутствующим Rho) [6, p. 363, 365, 368, fig. 78,i-n, 79,p-t].

46 (рис. 9,*46*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/8) равномерно нанесен на всю поверхность. Размеры: 9,0x7,3. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 67/68/79/80.*

47 (рис. 9,*47*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 5/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 5,4x4,9; d=10,0. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив 67/68/79/80. Публикация: [3, рис. 1,16].*

48 (рис. 10,*48*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 2,3x5,5. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 19 (табл. 2,10). LRC / PhRS. Группа III, мотив 67/68/79/80.*

Клейма с такими крестами расположены в центре дна сосудов и относятся к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347].

49 (рис. 10,*49*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 5/8) нанесен на всю поверхность. Размеры: 8,4x7,2; d=14,0. Время и место находки: 2007 г. СК-III. Верхнее заполнение (табл. 2,4). LRC / PhRS. Группа III, мотив 65/69/70.*

Фрагмент штампа в центре сосуда в виде креста выполненного двойной линией контура с расходящимися краями луча *мотивов 65/69/70*. Целая форма не восстанавливается [6, p. 363, 365, fig. 78,g,o-s; 79,a]. Относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347].

50 (рис. 10,*50*). *Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (2,5 YR 4/6) покрывает всю поверхность. Размеры: 6,3x5,0. Время и место находки: 2008 г. Слой перекопа (табл. 2,1). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

Фрагмент штампа с плохо оттиснутым крестом с сильно расширяющимися краями и вписанной в лучи рельефной окружностью относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Фрагмент аналогичного креста найден в херсонесском комплексе второй / третьей четверти VI в. [46, с. 173, 174, рис. 9,6].

51 (рис. 10,*51*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка, мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 6,3x4,0. Время и место находки: 2008 г. Хозяйственная яма № 18 (табл. 2,9). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

Фрагмент штампа с крестом, выполненным двойной линией контура, с расширяющимися краями и вписанными в лучи двумя концентрическими окружностями с точкой в центре (сохранилась в одном случае) относится к группе III по Дж. Хейсу [6, p. 346-347]. Очень близкие и идентичные по форме кресты встречаются в рельефном декоре светильников местного производства («attic lamp») второй четверти V и VI вв. из раскопок Афинской Агоры [96, p. 182, pl. 40,2544,2546,2564], а также на беспаспортном краснолаковом светильнике из собрания Государственного Эрмитажа [11, с. 167, № 333].

Штампы с неопределенными изображениями (рис. 10,*52-56*)

52 (рис. 10,*52*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 6,6x7,0; d=12,0. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

53 (рис. 10,*53*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/6) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) нанесен на всю поверхность.*

Размеры: 5,4x4,2. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа IIC, мотив неопределенный.

54 (рис. 10,*54*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с включениями известняка. Лак красный (10 R 4/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 4,3x4,2. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

55 (рис. 10,*55*). *Тесто красноглиняное (10 R 5/8) плотное, с примесью известняка. Лак красный (10 R 4/8) равномерно покрывает всю поверхность. Размеры: 5,6x1,9. Время и место находки: 2008 г. Слой перекопа (табл. 2,1). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

56 (рис. 10,*56*). *Тесто светло-красноглиняное (2,5 YR 6/8) плотное, с примесью известняка, редкой мелкой слюды. Лак красный (2,5 YR 5/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 7,8x9,8; d=16,0. Время и место находки: 2008 г. Слой 1 (табл. 2,3). LRC / PhRS. Группа III, мотив неопределенный.*

Штампы с неопределенными изображениями не восстанавливаются из-за большой фрагментарности найденных обломков сосудов. Часть из них расположена в центре дна и, очевидно, относится к группе III по Дж. Хейсу (рис. 10,*52,54-56*) [6, p. 346-347]. Неопределенное клеймо в центре дна с концентрической врезной линией принадлежит сосуду группы IIC (рис. 10,*53*) [6, p. 346].

African Red Slip Ware (ARSW)

Керамика группы ARSW редко встречается в ранневизантийских комплексах из раскопок Босфорского переулка г. Керчь. За два года раскопок найдено всего два фрагмента штампов этой группы. На обоих клеймах представлены комбинации типов, характерные для Стиля A (ii) 350-420 гг. по Дж. Хейсу [6, p. 218, 219].

57 (рис. 11,*57*). *Тесто светло-красноглиняное (10 R 6/6) песчанистое, с примесью известняка, песка, редкой мелкой слюды. Лак красного цвета (10 R 5/8) покрывает верхнюю сторону, светло-красного цвета (10 R 6/8) – нижнюю поверхность. Размеры: 4,5x4,3. Время и место находки: 2008 г. СК-IV. Помещение 2, нижнее заполнение (табл. 2,8). ARSW. Стиль A (ii), тип 1 или 3, 26, 74.*

На этом фрагменте сосуда сочетаются штампы типов 1 или 3, 26 и 74 Стиля A (ii) [6, p. 218, 229, 235, 243, fig. 38,a-c, e-g; 40,e-g; 42,m].

58 (рис. 11,*58*). *Тесто светло-красноглиняное (10 R 6/8) песчанистое, с примесью известняка, песка, железистых частиц, мелкой слюды. Лак красный (10 R 5/8) покрывает верхнюю поверхность, светло-красный (10 R 6/8) – нижнюю сторону. Размеры: 5,2x2,5. Время и место находки: 2007 г. Могила 37 (табл. 2,2). ARSW. Стиль A (ii), тип 1 или 3, 27.*

На фрагменте комбинируются клейма типов 1 или 3 и 27 Стиля A (ii) по Дж. Хейсу [6, p. 218, 229, 235-236, fig. 38,a-c,e-g; 40,h,i]. Наиболее близкое сочетание и месторасположение типов этих штампов присутствует

на обломке сосуда из комплекса Бенгази первой половины VI в. [34, p. 373, 477, fig. 69,670.1].

К **неопределенному центру производства** относится фрагмент дна сосуда с двумя врезными линиями и штампом в центре в виде креста с геометрическим орнаментом, аналогии которому мне найти не удалось.

59 (рис. 11,*59*). *Тесто красновато-желтоглиняное (5 YR 7/6) плотное, с единичными включениями известняка и мелкой слюды. Лак красновато-желтый (5 YR 6/8) покрывает всю поверхность. Размеры: 3,6х2,9. Время и место находки: 2007 г. Слой 1 (табл. 2,3). Неопределенный центр производства. Публикация: [3, рис. 1,17].*

Археологическими раскопками 2007-2008 гг. в Босфорском переулке г. Керчь выявлены культурные слои, относящиеся к трем периодам жизнедеятельности (горизонтам), в том числе раннесредневековый некрополь, остатки четырех строительных комплексов (СК) и рыбозасолочных цистерн [4, с. 5; 5, с. 15]. Распределение штампов по месту находок показано на таблице 2. Все датировки выделенных контекстов носят предварительный характер, в дальнейшем возможно определение более узких хронологических рамок. В слое перекопа фрагменты краснолаковых сосудов со штампами найдены в переотложенном состоянии, вместе с материалами VI-XX вв. (№№ кат. **50**, **55**, табл. 2,*1*). Три клейма (5,1%) присутствуют в заполнении могил 37 и 56 (№№ кат. **3**, **23**, **58**, табл. 2,*2*). На исследованном участке некрополя (горизонт II) хоронили в VII – начале VIII вв. [5, с. 16], но керамические обломки попали в заполнение случайно, вместе с грунтом, в котором погребения выкопаны и которым были засыпаны. Могилы впущены в слой 1 (горизонт III), где найдена основная часть рассматриваемых штампов (25 фрагментов, 42,3%) (№№ кат. **6**, **13-16**, **19**, **20**, **22**, **24**, **26**, **31**, **35**, **37**, **41-47**, **52-54**, **56**, **59**, табл. 2,*3*). Для керамического комплекса этого слоя характерно преобладание в группе тарной посуды амфор типа 99 по И.Б. Зеест, типа V по АДСВ-71, класса 2 по ХК-95, боспорских розовоглиняных амфор типов 82-89 по И.Б. Зеест, LRA-1 Benghazi и типа 100 по И.Б. Зеест, которые сопровождались краснолаковой керамикой форм 3B, 3C, 3E, 3F, 3G, 3G/10A, 5A, 5B, 6 и 8 группы LRC / PhRS, формы 91A/B ARSW по Дж. Хейсу, фрагментами сосудов форм 1, 2, 3, 4, 7 группы Pontic Red Slip (PRS) по К. Домжальскому[4].

[4] По классификации И.Б. Зеест приводятся определения амфор типов 82-89 [97, с. 115-117], типа 99 [97, с. 120, табл. XXXIX,99] и типа 100 [97, с. 120, табл. XXXIX,100]. Сосуды типа V по АДСВ-71 выделены по классификации херсонесских амфор 1971 г. [98, с. 85, рис. 6], классов 1 и 2 по ХК-95 – по херсонесской классификации 1995 г. [99, с. 16-19]. Амфоры LRA-1 Benghazi определены по работе Дж. Райли [100, p. 212-216, fig. 91,337-338,346-347], краснолаковая керамика групп PhRS и ARSW – по книге Дж. Хейса [6, p. 13-299, 323-370], а группы Pontic Red Slip (PRS) – по публикации находок из Танаиса [14, p. 422-428].

К третьему горизонту относятся также остатки III и IV строительных комплексов. В верхнем заполнении СК-III, отражающем время его разрушения, вместе с наиболее многочисленными амфорными типами LRA-1 Benghazi, V по АДСВ-71 и 99 по И.Б. Зеест, краснолаковыми мисками формы 1, 2, 4 группы PRS по К. Домжальскому и формы 3C/E, 3E, 3F группы LRC / PhRS по Дж. Хейсу, найдены три фрагмента сосудов со штампами (5,1%) (№№ кат. **4**, **25**, **49**, табл. 2,*4*). Во дворе СК-IV один фрагмент клейма встречен в верхнем заполнении над вымосткой с материалами VI в. (1,7%) (№ кат. **18**, табл. 2,*5*), два штампа – в засыпи под вымосткой первой половины V в. (3,4%) (№№ кат. **1**, **10**, табл. 2,*6*). Керамический комплекс этой засыпи характеризуется абсолютным преобладанием амфор типа 100 по И.Б. Зеест, присутствием только раннего узкогорлого варианта типа LRA-1A Benghazi [101, p. 98, fig. 2], находками краснолаковых мисок форм 1 и 3 PRS по К. Домжальскому и отсутствием формы 7 PRS середины V – начала VI вв., малочисленностью фрагментов LRC / PhRS и отсутствием венчиков сосудов этой группы. Найденные под вымосткой штампы раннего варианта группы II по Дж. Хейсу (№ кат. **1**, **10**, мотивы 2, 20 и 45), очевидно, относятся ко времени около середины V в. [6, p. 349, 351]. Они принадлежат к *первому типу* по структуре глиняного теста (диаграмма 3), но отличаются от основной части сосудов небольшой примесью мелкой слюды в плотном тесте, более гладкой поверхностью и в одном случае только частичным лаковым покрытием внешней стороны сосуда (№ кат. **1**). Керамические находки этого комплекса сопровождались нумизматическим материалом, среди которого *terminus post quem* дают монеты Аркадия (383-408 гг.) (две выпуска 383-392 гг., одна – 383 г.), Феодосия I (378-395 гг.) и Валентиниана II (378-392 гг.) выпусков 383-392 гг. (определения В.А. Сидоренко).

В верхнем заполнении помещения 1 СК-IV с керамикой второй половины V – VI в. найден один фрагмент дна миски со штампом мотива 71 группы PhRS (№ кат. **28**, 1,7%) (табл. 2,*7*), а из нижнего заполнения помещения 2 СК-IV второй половины IV – V вв. происходит клеймо стиля A (ii) с комбинацией типов 1/3, 26 и 74 группы ARSW (1,7%) (№ кат. **57**, табл. 2,*8*).

Вероятно, три хозяйственные ямы (№№ 18, 19 и 20) с находками штампов в заполнении, выявленные на участке к югу от СК-IV, связаны с его функционированием. Находки крупных фрагментов и целых, восстановленных из обломков амфор, кухонных и столовых сосудов свидетельствуют о единовременном характере формирования засыпи. В хозяйственной яме № 18, вместе с доминирующими амфорными типами LRA-1 Benghazi, V по АДСВ-71, 82-89 и 99 по И.Б. Зеест, класса 1 по ХК-95, краснолаковой керамикой форм 3E и 3F PhRS и формы 7 PRS, найдены фрагменты трех штампов мотивов 48, 71 и неопределенного с крестом группы III (5,1%) (№№ кат. **12**, **30**, **51**, табл. 2,*9*). Яма № 20 с фрагментом клейма мотива 65 хронологической группы III (1,7%) (№ кат. **21**, табл. 2,*11*), сопровождающимся многочисленными находка-

ми амфор типов LRA-1 Benghazi, V по АДСВ-71 и 99 по И.Б. Зеест, мисками форм 3C, 3F и 3G PhRS, была засыпана во второй четверти – конце VI в. Она прорезала и уничтожила часть более ранней ямы № 19 со штампами мотивов 71, 73 и 67/68/79/80 группы III (6,8%) (№№ кат. **32**, **33**, **36**, **48**, табл. 2,*10*), найденными совместно с преобладающими фрагментами амфор типов 82-89 по И.Б. Зеест, V по АДСВ-71, класса 2 по ХК-95 и LRA-1 Benghazi. В заполнении ямы присутствует небольшое количество фрагментов амфор типа 99 по И.Б. Зеест, краснолаковые миски форм 3E и 3F PhRS, формы 1 PRS.

В хозяйственной яме № 21 в помещении 2 СК-IV найдено девять фрагментов сосудов со штампами хронологических групп IIA и III (15,2%) (№№ кат. **7-9**, **11**, **17**, **27**, **29**, **38**, **40**, табл. 2,*12*). Они сопровождались многочисленными находками амфор типов 82-89 по И.Б. Зеест, LRA-1 Benghazi и V по АДСВ-71, небольшим количеством фрагментов типа 99 по И.Б. Зеест и краснолаковыми мисками форм 1D, 3C, 3E, 3F PhRS, форм 1 и 7 PRS.

Несколько клейм II и III хронологических групп по Дж. Хейсу найдены в верхнем заполнении цистерн рыбозасолочного комплекса римского времени (№№ кат. **2**, **5**, **34**, **39**, табл. 2,*13*), в которое были впущены могилы некрополя VII – начала VIII вв. [4, с. 5; 5, с. 16]. Керамический комплекс неоднородный, со значительной примесью материала более раннего времени. Среди находок преобладают боспорские розовоглиняные амфоры типов 82-89 по И.Б. Зеест, в большом количестве встречаются амфоры типов V по АДСВ-71, 99 и 100 по И.Б. Зеест, LRA-1 Benghazi и класса 2 по ХК-95, найдены фрагменты краснолаковых мисок форм 1 и 7 PRS, формы 3F и 10A группы PhRS.

Таким образом, часть сосудов со штампами попали в поздние комплексы случайно или вместе с переотложенным материалом (№№ кат. **3**, **23**, **50**, **55**, **58**) (табл. 2,*1,2*), два штампа найдены в засыпи под вымосткой первой половины V в. (№№ кат. **1** и **10**) (табл. 2,6), один – в нижнем заполнении помещения 2 СК-IV второй половины IV – V вв. (№ кат. **57**) (табл. 2,*8*). Основная часть фрагментов сосудов с клеймами (табл. 2,*3-5,7,9-13*) происходит из комплексов VI в., более дробная хронология которых в настоящий момент находится в стадии разработки.

Коллекция штампов на краснолаковой керамике из раскопок Босфорского переулка г. Керчь включает в себя как хорошо известные мотивы и типы, выделенные и рассмотренные Дж. Хейсом, так и малораспространенные, найденные пока в единственном экземпляре. Анализ штампов и наблюдения о составе краснолаковой керамики в комплексах ранневизантийского времени подтверждают выводы, сделанные К. Домжальским для северо-причерноморского региона на материалах Танаиса [14, p. 429-430, 434]. Посуда группы ARSW встречается в небольшом количестве и, вероятно, в связи с отдаленностью производственного центра и наличием альтернативы в виде керамики группы PRS в IV-V вв. и LRC / PhRS в VI в., напрямую на Боспор не поставлялась

[14, p. 434]. При раскопках в 2007-2008 гг. найдено всего два штампа группы ARSW (3,4% всех клейм), при этом оба они относятся к стилю A (ii) 350-420 гг. [6, p. 218, 219], а один фрагмент (№ кат. **58**) встречен в заполнении могилы 37 в переотложенном состоянии (табл. 2,*2*). В комплексах V в. количественно преобладает керамика PRS, посуда LRC / PhRS и штампы II хронологической группы по Дж. Хейсу немногочисленны, иногда единичны. Датирующее значение имеют находки фрагментов мисок с клеймами из засыпи под вымосткой первой половины V в. во дворе СК-4 (№№ кат. **1**, **10**), остальные штампы II группы присутствуют в комплексах VI - VII вв. в качестве примеси материала более раннего времени (№№ кат. **2**, **3**, **5**, **8**, **15**, **53**). Ситуация меняется во второй половине / конце V – начале VI вв., когда импорт посуды LRC / PhRS резко увеличивается, а производство керамики PRS постепенно сходит на нет [14, p. 429]. Штампы III группы на сосудах LRC / PhRS количественно преобладают и составляют 85,7% всех клейм этой группы (диаграмма 2). Наиболее популярными в штампованном декоре краснолаковых мисок становятся изображения креста, выполненного двойной линией контура, мотива 71 по Дж. Хейсу. В исследованных керченских комплексах второй половины V – VI вв. такие клейма составляют пятую часть всех найденных штампов. Их присутствие на керамике в средиземноморских и причерноморских комплексах VII в. и на сосуде формы 10C LRC / PhRS в Швей Ционе [82, p. 42, fig. 13,7, pl. XXII,l], позволяет говорить об изготовлении некоторых штампов группы III по Дж. Хейсу по крайней мере до начала VII в. Таким образом, находки краснолаковой керамики расширяют наши представления о хронологии, направлениях и характере торгово-экономических связей Боспора в ранневизантийское время.

Таблица 2. Предварительная датировка контекстов с находками фрагментов краснолаковых сосудов со штампами

№	*Место находки*	*Предварительная дата контекста*	*№№ по кат.*	*Группа/ стиль по Дж. Хейсу*	*Мотив/ тип по Дж. Хейсу*
1	Слой перекопа	VI-XX вв.	**50**	III	–
			55	III	–
2	Некрополь. Могила 37	VII – начало VIII вв.	**58**	A (ii)	1/3, 27
	Некрополь. Могила 56		**3**	IIB	–
			23	III	68
3	Слой 1	VI в.	**6**	III	41
			13	III	–
			14	III	–

№	*Место находки*	*Предварительная дата контекста*	*№№ по кат.*	*Группа/ стиль по Дж. Хейсу*	*Мотив/ тип по Дж. Хейсу*
	Слой 1		**15**	IIB	–
			16	III	–
			19	III	–
			20	III	59
			22	III	68
			24	III	68, 71
			26	III	71
			31	III	71
			35	III	71
			37	III	73
			41	III	67/80
			42	III	68/79
			43	III	68/79
			44	III	68/79
			45	III	68/79
			46	III	67/68/ 79/80
			47	III	67/68/ 79/80
			52	III	–
			53	IIC	–
			54	III	–
			56	III	–
			59	?	?
4	СК-III, верхнее заполнение	VI в.	**4**	III	17
			25	III	71
			49	III	65/69/ 70
5	СК-IV. Двор. Над вымосткой, верхнее заполнение	VI в.	**18**	III	–
6	СК-IV. Двор. Под вымосткой	первая половина V в.	**1**	IIA	2,20
			10	IIB	45

№	Место находки	Предварительная дата контекста	№№ по кат.	Группа/ стиль по Дж. Хейсу	Мотив/ тип по Дж. Хейсу
7	СК-IV. Помещение 1, верхнее заполнение	вторая половина V – VI в.	**28**	III	71
8	СК-IV. Помещение 2, нижнее заполнение	вторая половина IV – V вв. (первая половина V в.?)	**57**	A (ii)	1/3, 26, 74
9	Хозяйственная яма № 18	VI в.	**12**	III	48
			30	III	71
			51	III	–
10	Хозяйственная яма № 19	VI в. (первая половина VI в.?)	**32**	III	71
			33	III	71
			36	III	73
			48	III	67/68/ 79/80
11	Хозяйственная яма № 20	вторая четверть – конец VI в.	**21**	III	65
12	Хозяйственная яма № 21	VI в.	**7**	III	41
			8	IIA	41
			9	III	41
			11	III	48
			17	III	–
			27	III	71
			29	III	71
			38	III	79
			40	III	67/80
13	Рыбозасолочный комплекс, верхнее заполнение цистерн	VI в. (вторая половина VI в.?)	**2**	IIB	–
			5	IIA	35
			34	III	71
			39	III	79

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // БИ. 2007. Вып. XVII.
2. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
3. Смокотина А.В. Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 г. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
4. Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 гг. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
6. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
7. Беляев С.А. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи // КСИА. 1972. Вып. 130.
8. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
9. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
10. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. 25.
11. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006.
12. Диатроптов П.Д. Христианская символика на позднеримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса // Труды ГИМ. 1998. Вып. 102. Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье.
13. Hayes J.W. Supplement to «Late Roman Pottery» // The British School at Rome. London, 1980.
14. Arsen'eva T.M., Domżalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
15. Empereur J.-Y., Picon M. A propos d'un nouvel atelier de «Late Roman C» // Figlina. 1986. 7.
16. Vaag L.E. Phocean Red Slip Ware – Main and secondary productions // Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence. 2005.
17. Lund J. A Fresh Look at the Roman and Late Roman Fine Wares from the Danish Excavations at Hama, Syria // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean – Advances in Scientific Studies. Acts of the II Nieborów Pottery Workshop. Ed. H. Meyza, J. Młynarczyk. Warsaw, 1995.
18. Smith R.H., Day L.P. Pella of the Decapolis. Volum 2. Final Report on The College of Wooster Excavations in Area IX, The Civic Complex, 1979-1985. Wooster, 1989.
19. Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol 2. Princeton, 1992.
20. Hayes J.W. Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after *Late Roman Pottery* // Biblioteca di Archeologia Medievale. Ceramica in Italia: VI-VII secolo. Cura Sagui L. Firenze, 1998.
21. Smith R.H., McNicoll A., Watson P. The Byzantine Period // McNicoll A., Edwards P. C., Hanbury-Tenison J., Hennessy T. F., Smith R. H., Walmsley A., Watson P. Pella in Jordan 2. The second interim report of the Joint University of Sydney and College of Wooster excavations at Pella 1982-1985. Sydney, 1992.
22. Watson P. Change in foreign and regional economic links, with Pella in the seventh century A.D.: the ceramic evidence // La Syrie de Byzance à l`Islam VII-VIII siècles. Damas, 1992.

23. Freed J. Pottery from the late Middens at San Giovanni di Ruoti // Lo Scavo di S. Giovanni di Ruoti ed il periodo Tardoantico in Basilicata. Bari, 1983.
24. Aupert P. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // BCH. Études Argiennès. Paris, 1980. Suppl. VI.
25. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliki, Delkos, fouilles anciennes). Paris, 1992.
26. Robinson H.S. Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. Vol. V.
27. Hayes J.W. Early Christians pottery from Knossos: the 1978-1981 finds from the Knossos Medieval Faculty site // BSA. 2001. № 96.
28. Reynolds P. The Roman pottery from the Trionch Palace // Bowden W., Hodges R., Lako K. Byzantine Butrint: Excavations and surveys 1994-99. Oxford, 2004.
29. Shkodra B. Ceramics from Late Roman Contexts in Durrës // BSA. 2006. № 101.
30. Stevenson R.B.K. The Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947.
31. Gassner V. Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde // Forschungen in Ephesos. Wein, 1997. Band XIII/1/1.
32. Wiemken R.C., Holum K.G. The Joint Expedition to Caesarea Maritima: Eighth Season, 1979 // BASOR. 1981. № 244.
33. Uscatescu A. La ceramica del Macellum de Gerasa (Yaras, Jordania). Madrid, 1996.
34. Kenrick P.M. Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. III. Part 1: The Fine Pottery. Suppl. to Libya Antiqua – V. Tripoli, 1985.
35. Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // Древности Боспора. М., 2000. Вып. 3.
36. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
37. Pellegrino E. Les céramiques de la maison du nord-est de l'acropole lyceienne de *Xanthos* : un ensemble original de la fin du VIe-debut du VIIe s. apr. J.-C. // BAR S1662(II). LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archeology and archaeometry. Oxford, 2007. Vol. II.
38. Cytryn-Silverman K. The Pottery above the Synagogue Floor // Weiss Z. The Sepphoris Synagogue. Deciphering an Ancient Message through Its Archaeological and Socio-Historical Contexts. Jerusalem, 2005.
39. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
40. Papuc Ch. Ceramică romană tîrzie cu decor ştampilat descoperită la edificul roman cu mosaic din Tomis // Pontica. 1973. VI.
41. Delgado M. Les sigillées claires // Delgado M., Mayet F., Moutinho de Alarcao A. Fouilles de Conimbriga. IV. Les sigillées. Paris, 1975.
42. Adamsheck B. IV. The Pottery. Kenchreai: Eastern port of Corinth. Leiden, 1979.
43. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
44. Waage F.O. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria // Antioch-on-the-Orontes. IV. Part one. Ceramics and Islamic coin. Princeton, 1948.
45. Doğer L. Byzantine Ceramics: Excavations at Smyrna Agora (1997-98 and 2002-03) // BYZAS. Çanak. Late Antique and Medieval Pottery And Tiles In Mediterranean Contexts. 2007. 7.
46. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
47. Topoleanu F. Ceramica romană şi romano-bizantină de la Halmyris (sec. I – VII d.Ch.). Tulcea, 2000.
48. Suseveanu A., Zahariade M., Topoleanu F., Poenaru Bordea G. Halmyris I. Cluj-Napoca, 2003.
49. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. II.
50. Mackensen M. Zur Datierung mediterraner Sigillata aus der spätantiken Befestigung Iatrus

an der unteren Donau. Die Chronologie der Late Roman C-Formen Hayes 3 A-E // Germania. 1991. 69(1).
51. Pröttel P.M. Mediterrane Feinkeramik des 2.-7. Jahrhunderts n. Chr. im oberen Adriaraum und in Slowenien. München, 1996.
52. Salona Christiana. Split, 1994.
53. Nieto Prieto F.J. Algunos datos sobre las importaciones de ceramica 'Late Roman C' en la Peninsula Iberica // BAR S193 (ii). Oxford, 1984.
54. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2.
55. Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156.
56. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
57. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам раскопок могильника Карши-Баир) // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
58. Anderson-Stojanovic V.R. Stobi: The Hellenistic and Roman pottery. Princeton, 1992.
59. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
60. Романчук А.И., Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Свердловск, 1991. Ч. 1.
61. Mayet F., Picon M. Une sigillée phocéenne tardive («Late Roman C ware») et sa diffusion en Occident // Figlina. 1986. 7.
62. Bourgeois A., Mayet F. Belo VI. Les sigillées. Fouilles de Belo. Madrid, 1991.
63. Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
64. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VIII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
65. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
66. Tréglia J.-C. Les céramiques de la phase 2 // Olbia de Provence (Hyères, Var) à l'époque romaine (Ier s. av. J.-C. – VIIe s. ap. J.-C.). Etudes massaliètes. 2006. 9.
67. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в северном районе Херсонеса // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
68. Golofast L. Early Byzantine deposits from Chersonesos // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007.
69. Ladstätter S., Sauer R. Late Roman C-Ware und lokale späntantike Feinware aus Ephesus // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos. Hrsg. (ed.) Krinzinger F. Wein, 2005.
70. Munteanu M., Papuc Ch. La céramique romaine tardive à décor estampé découverte à Tomis // Pontica. 1976. № 9.
71. Mitsopoulos-Leon V. Die Basilika am staatsmarkt in Ephesos kleinfunde. Wien, 1991.
72. Reynolds P. El yacimiento tardorromano de Lucentum (Benalua-Alicante): Las ceramicas finas. Alicante, 1987.
73. Голенко В.К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // ХСб. 1999. Вып. X.
74. Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
75. Balance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. Excavations in Chios 1952-1955. Byzantine Emporio. Oxford, 1989.
76. Vogt C. Echanges et economie proto-byzantines d'Eleutherna d'apres les temoins ceramiques // Creta Romana e Protobyzantina. Atti del Congresso Internazionale. Padova, 2004. Vol. III,1.

77. Rautman M. A Cypriot village of Late Antiquity. Kalavasos-Kopetra in the Vasilikos Valley. Portsmouth, 2003.
78. Rodziewicz M. Alexandrie. I. La céramique romaine tardive d'Alexandrie. Varsovie, 1976.
79. Bagatti P.B. Glu Scavi di Nazaret. Volum I: Dalle origini al secolo XII. Gerusaleme, 1967.
80. Baly T.J.C. Pottery // Excavations at Nessana. Volume I. London, 1962.
81. Landraf J. Keisan's Byzantine Pottery // Tell Keisan (1971-1976). Une cite phenicienne en Galilee. Paris, 1980.
82. Prausnitz M. W. Excavations at Shavei Zion. The early Christian church. Roma, 1967.
83. Barnea I. Les monuments paléochrétiens de Roumanie. Roma, 1977.
84. Opriş I.C. Ceramica romană târzie şi paleobizantină de la Capidava in contextul decoperirilor de la Dunărea de Jos (sec. IV-VI p.Chr). Bucureşti, 2003.
85. Giannotta M.T. La ceramica africana e microasiatica // Excavations at Otranto. Volum II: The Finds. Lecce, 1992.
86. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34.
87. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
88. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
89. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
90. Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
91. Gichon M. En Boqeq : Ausgrabungen in einer Oase am Toten Meer. Bd. I. Geographie und Geschichte der Oase; Das spätrömisch-bzyantinische Kastell. Mainz, 1993.
92. Odoardi R. Ceramiche dal Chietino e dal Teramano // Biblioteca di Archeologia Medievale. Ceramica in Italia: VI-VII secolo. Cura Sagui L. Firenze, 1998.
93. Хрушкова Л.Г. Новая октогональная церковь в Севастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство // Византинороссика. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995. Том 1.
94. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
95. Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. № 85.
96. Perlzweig J. Lamps of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1961. Vol. VII.
97. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
98. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
99. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
100. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
101. Pieri D. Les importations d'amphores orientales en Gaule méridionale durant l'Antiquité tardive et le Haut-Moyen Age (IVe – VIIe siècles après J.-C.). Typologie, chronologie et contenu // SFECAG. Actes du congrès d'Istres. 1998.
102. Munsell A.N. Soil Color Charts. New York, 2000.

Смокотіна Г. В.

Штампи на ранньовізантійській червонолаковій кераміці з розкопок м. Боспора

Резюме

Стаття присвячена систематизації і введенню до наукового обігу штампів на ранньовізантійській червонолаковій кераміці з розкопок 2007-2008 рр. у Босфорському провулку м. Керч. Всього знайдено 59 посудин ранньовізантійського періоду з фрагментами і цілими клеймами. Велика частина відноситься до групи Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip Ware (PhRS) (94,9%), два клейма належать групі African Red Slip Ware (ARSW) по Дж. Хейсу (3,4%) і один фрагмент відноситься до продукції невизначеного центру виробництва (1,7%). Детальну характеристику глиняного тіста, лаку, розмірів, часу і місця знахідок фрагментів посудин представлено у формі каталогу.

Смокотина А. В.

Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора

Резюме

Статья посвящена систематизации и введению в научный оборот штампов на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок 2007-2008 гг. в Босфорском переулке г. Керчь. Всего найдено 59 сосудов ранневизантийского периода с фрагментами и целыми клеймами. Большая часть относится к группе Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip Ware (PhRS) (94,9%), два клейма принадлежат группе African Red Slip Ware (ARSW) по Дж. Хейсу (3,4%) и один фрагмент относится к продукции неопределенного центра производства (1,7%). Детальная характеристика глиняного теста, лака, размеров, времени и места находок фрагментов сосудов представлена в форме каталога.

Smokotina A. V.

Stamps on Early-Byzantine Red-Slip Wares from Excavations of the City of Bosporus

Summary

The article is devoted to systematization and introduction into scientific circulation of stamps on early-Byzantine red slip wares from the excavations of 2007-2008 of Bosporus lane in the city of Kerch. All in all 59 vessels with fragments or intact brands dating back to early-Byzantine period were found. The majority belongs to group Late Roman C (LRC) / Phocean Red Slip

Wares (PhRS) (94.9%), two brands belong to group African Red Slip Ware (ARSW) according to J. Hayes (3.4%) and one fragment belongs to production of undetermined center of production (1.7%). The detailed characteristics of clay fabric, lacquer, sizes, dating and provenance of finds are presented in the form of catalogue. All found stamps LRC/PhRS come into the content of two chronological groups (Groups II and III) distinguished by J. Hayes in 1972 [6, p. 346-349].

The analysis of stamps and observation of the content of red slip wares in early-Byzantine complexes confirm the conclusions made by K. Domzhalsky for the North Black Sea Coast region on the materials of Tanais. Pottery of group ARSW is not numerous and, probably, due to remoteness from a production center and availability of an alternative in the form of ceramics of group PhRS and LRC/PhRS was not delivered to Bosporus directly [14, p. 434]. In complexes dating back to the 5th century pottery PRS, ceramics LRS/PhRS and stamps II of chronological group according to J. Hayes are not numerous. Finds of fragments of bowls with stamps from filling-in under pavement of the first half of the 5th century in yard CK-4 (NN in catalogue 1, 10) are important for dating. The situation changes in the second half /at the end of the 5th – the beginning of the 6th centuries, when import of pottery LRC/PhRS increases radically and production of ceramics PRS ceases [14, p. 429].

Stamps of group III on vessels LRC/PhRS predominate in quantity and make up 85.7% of all found brands. The most popular in stamped décor of red slip bowls become the pictures of a cross with double outline, motif 71 according to J. Hayes. In investigated Kerch complexes dating back to the second half of the 5th – 6th centuries such brands make up one fifth of all stamps found. Their presence on the pottery in Mediterranean and Black Sea Coast complexes of the 7th century and on the vessel of form 10C LRC/PhRS in Shavei Zion [82, p. 42, fig. 13,7, pl. XXII,1] enables to speak about manufacturing stamps of group III according to J. Hayes at least before the beginning of the 7th century.

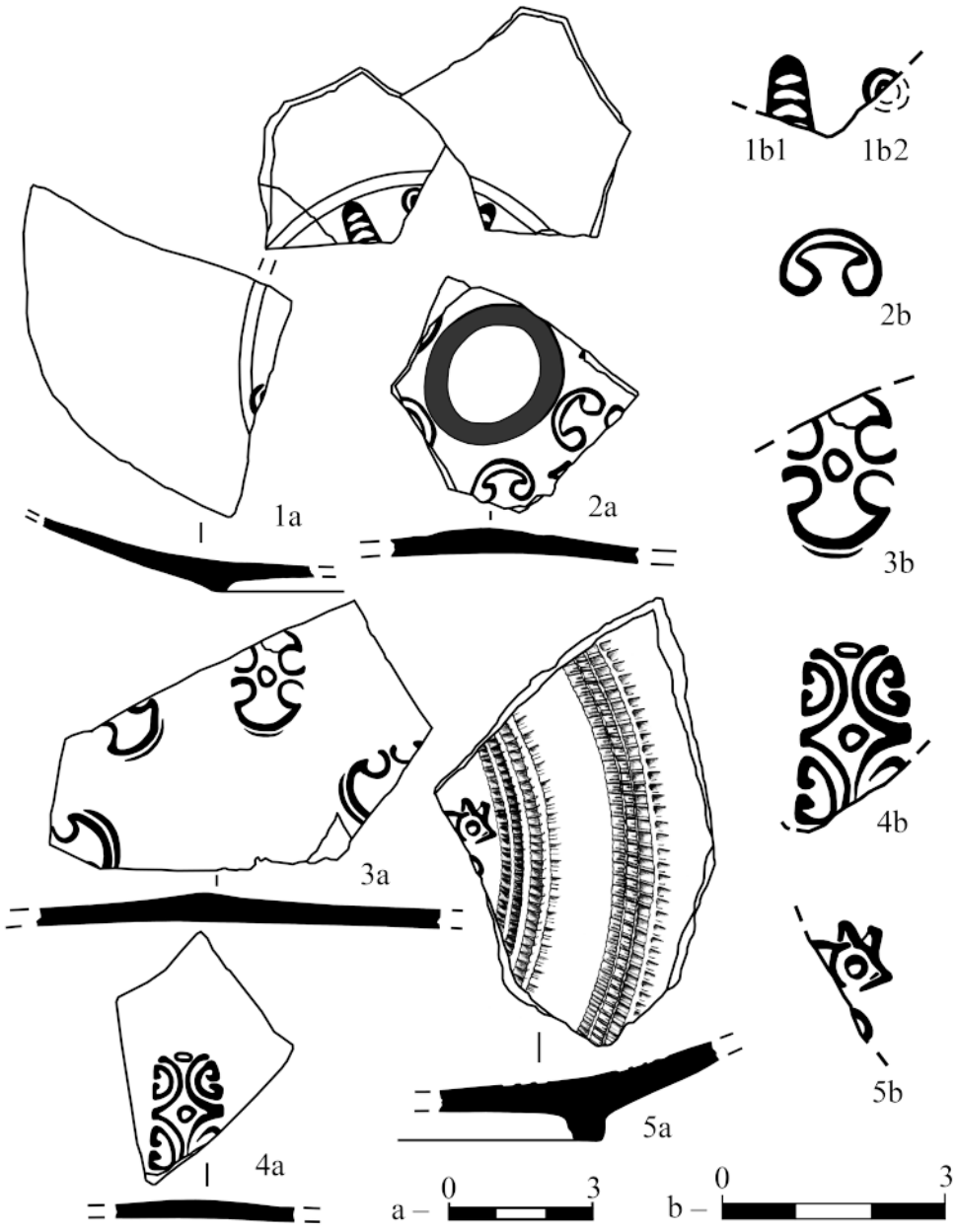

Рис. 1. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 1-5.

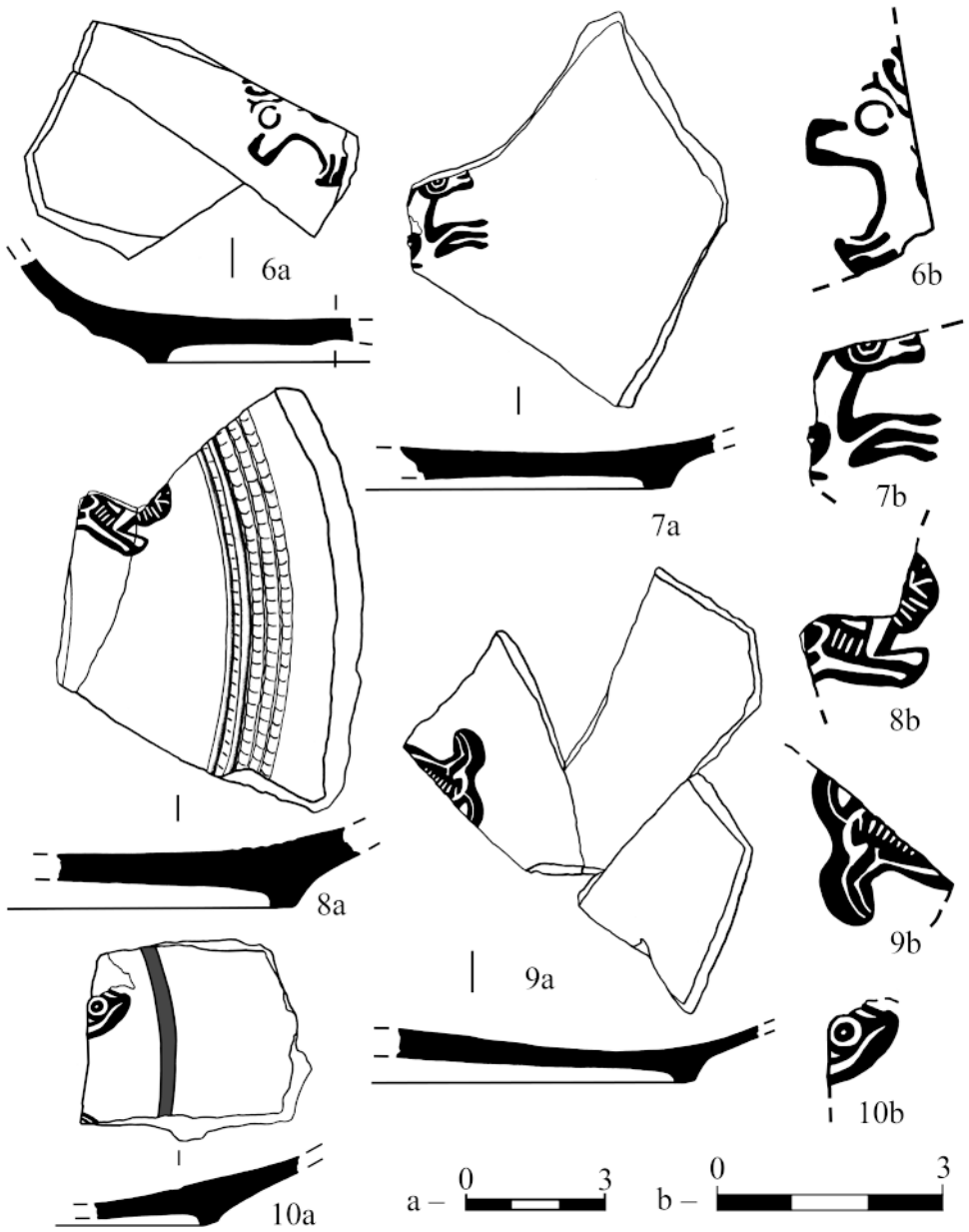

Рис. 2. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 6-10.

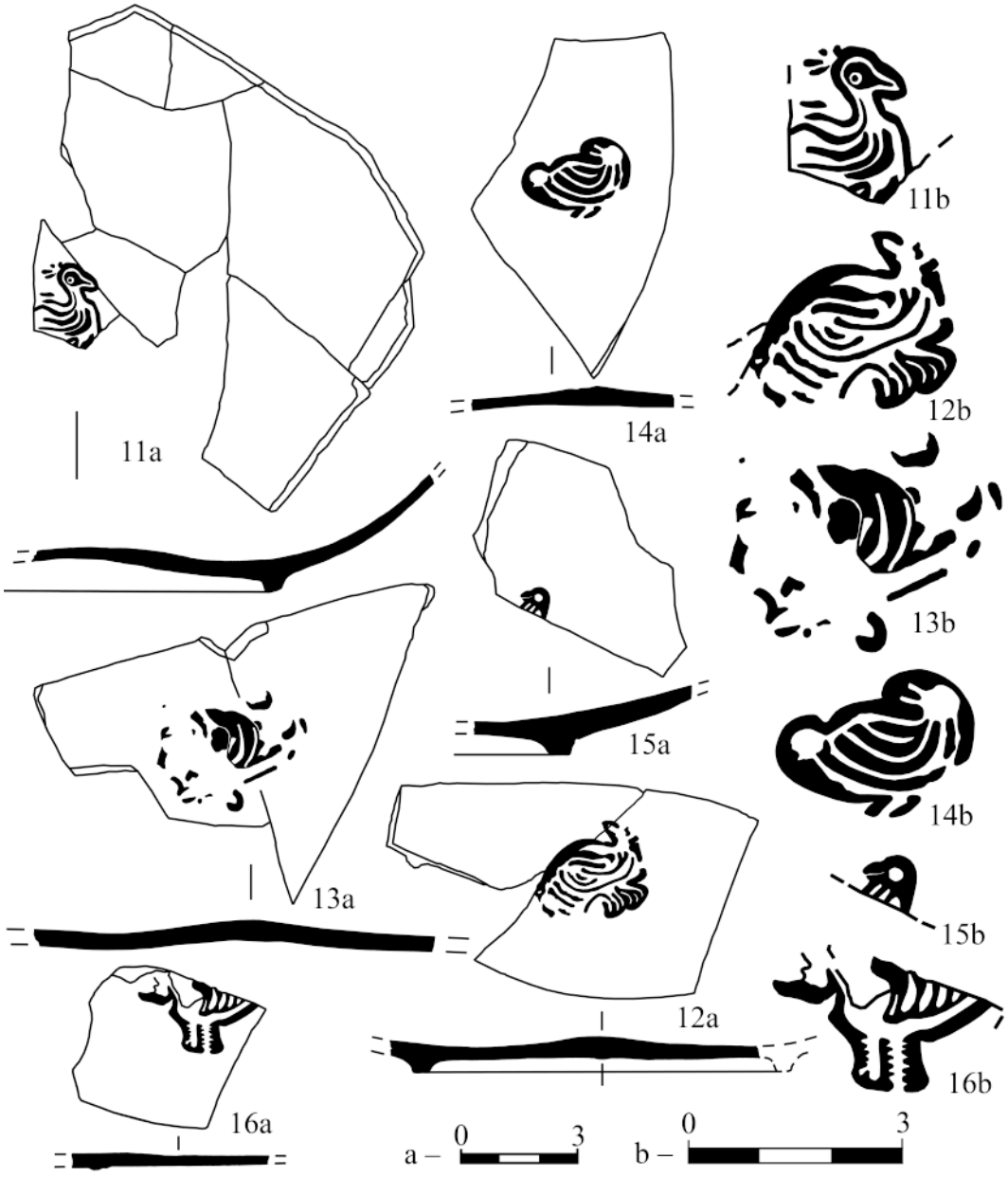

Рис. 3. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 11-16.

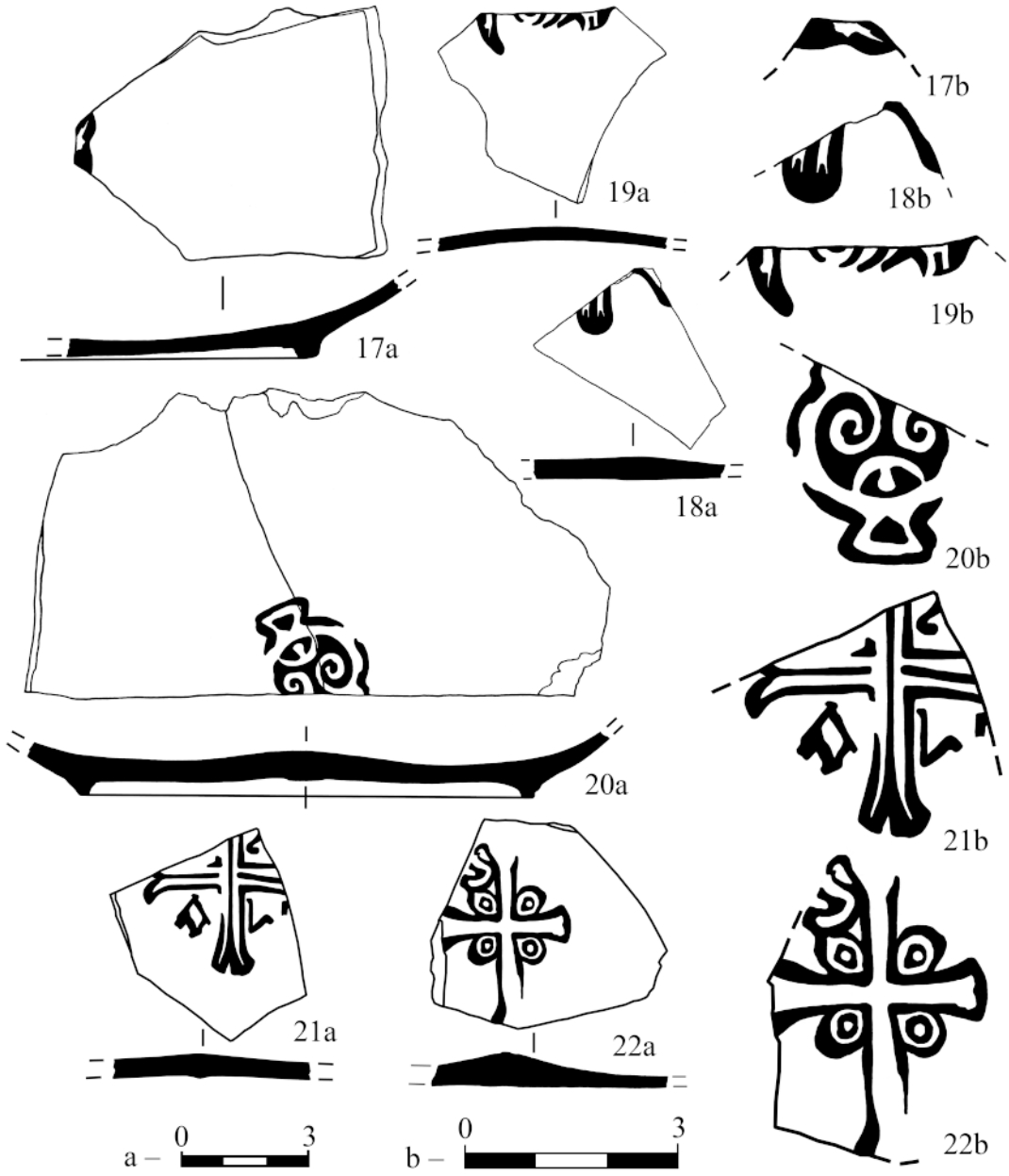

Рис. 4. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 17-22.

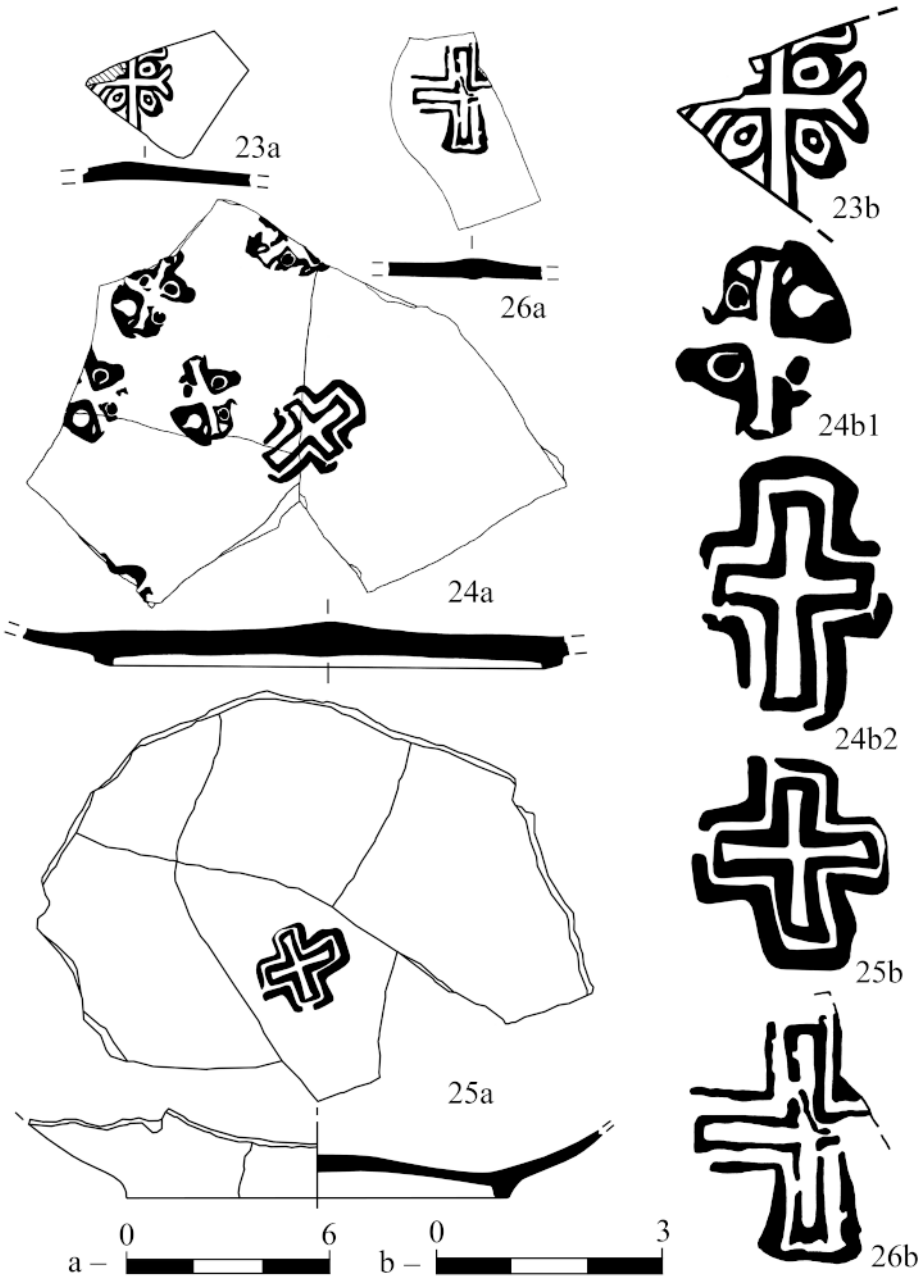

Рис. 5. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 23-26.

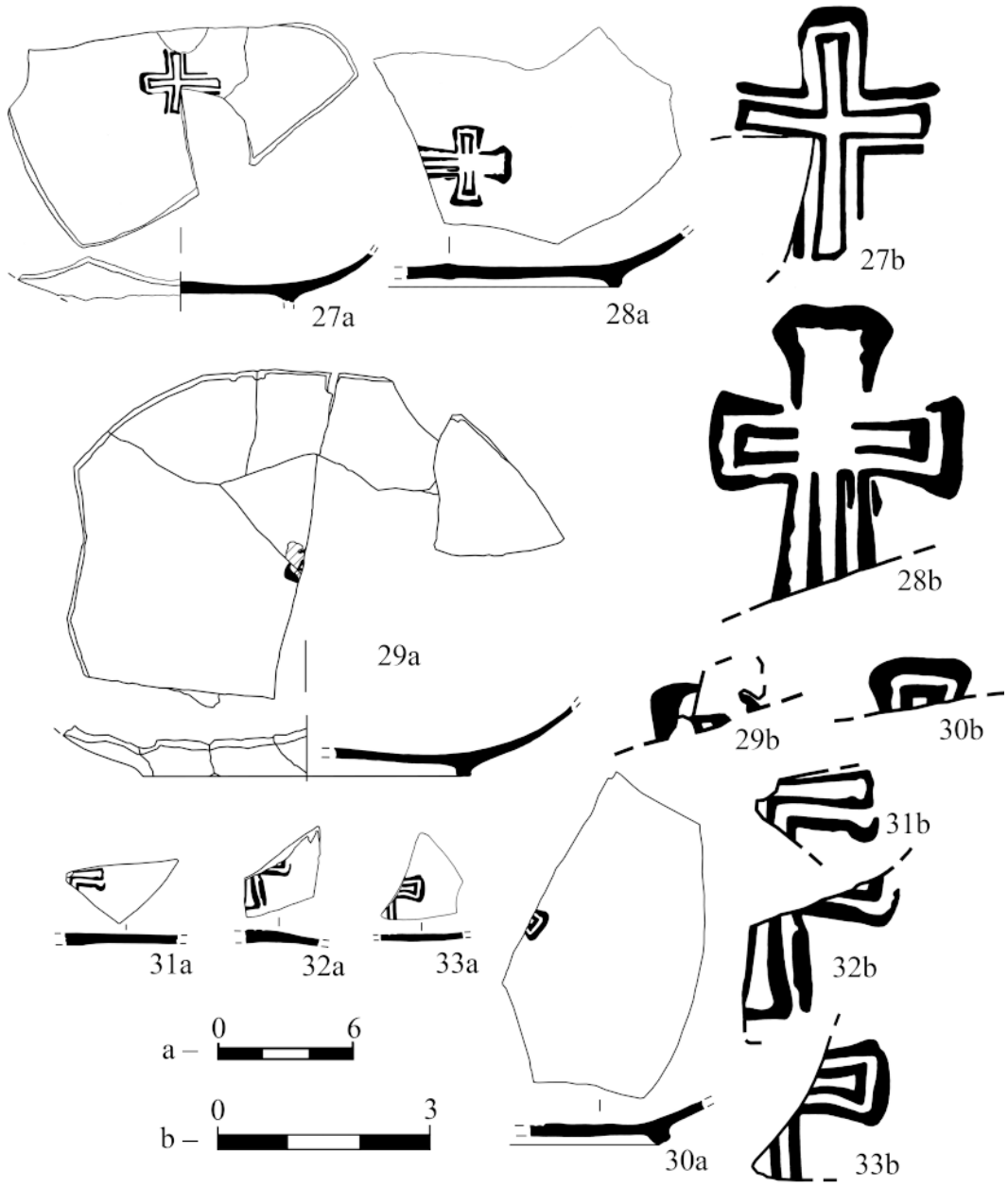

Рис. 6. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 27-33.

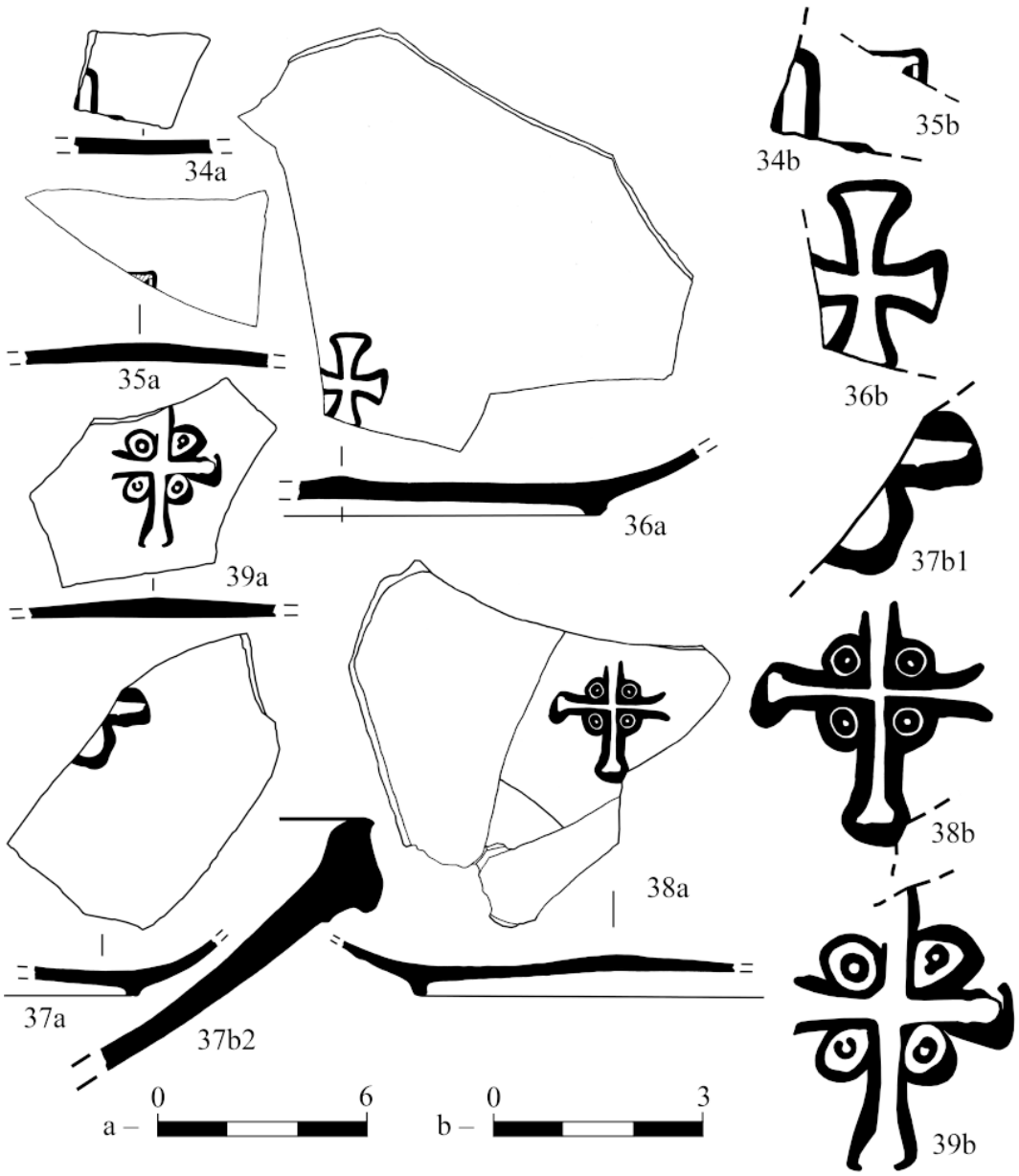

Рис. 7. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 34-39.

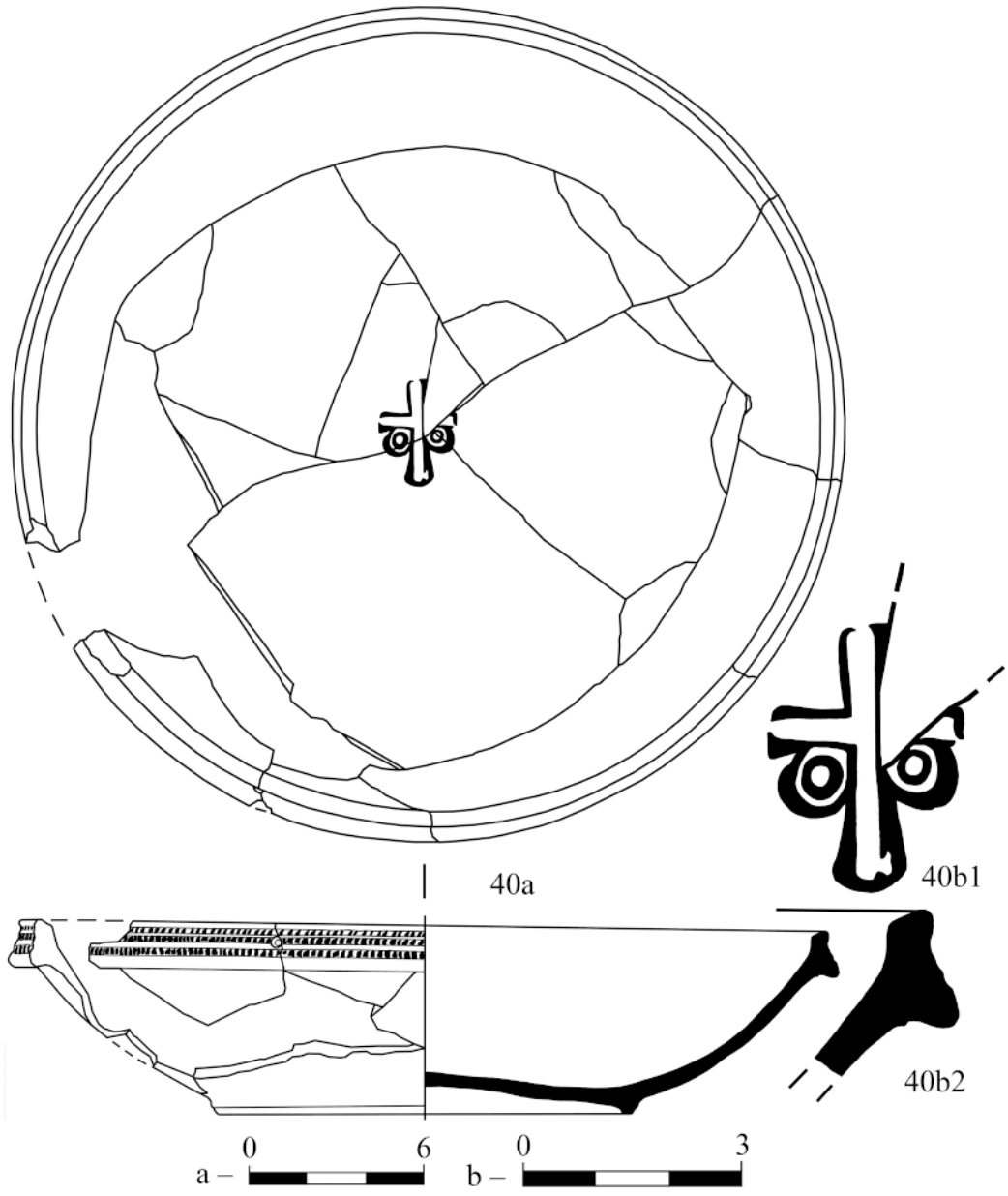

Рис. 8. Штамп на краснолаковой миске группы Phocean Red Slip Ware. № кат. 40.

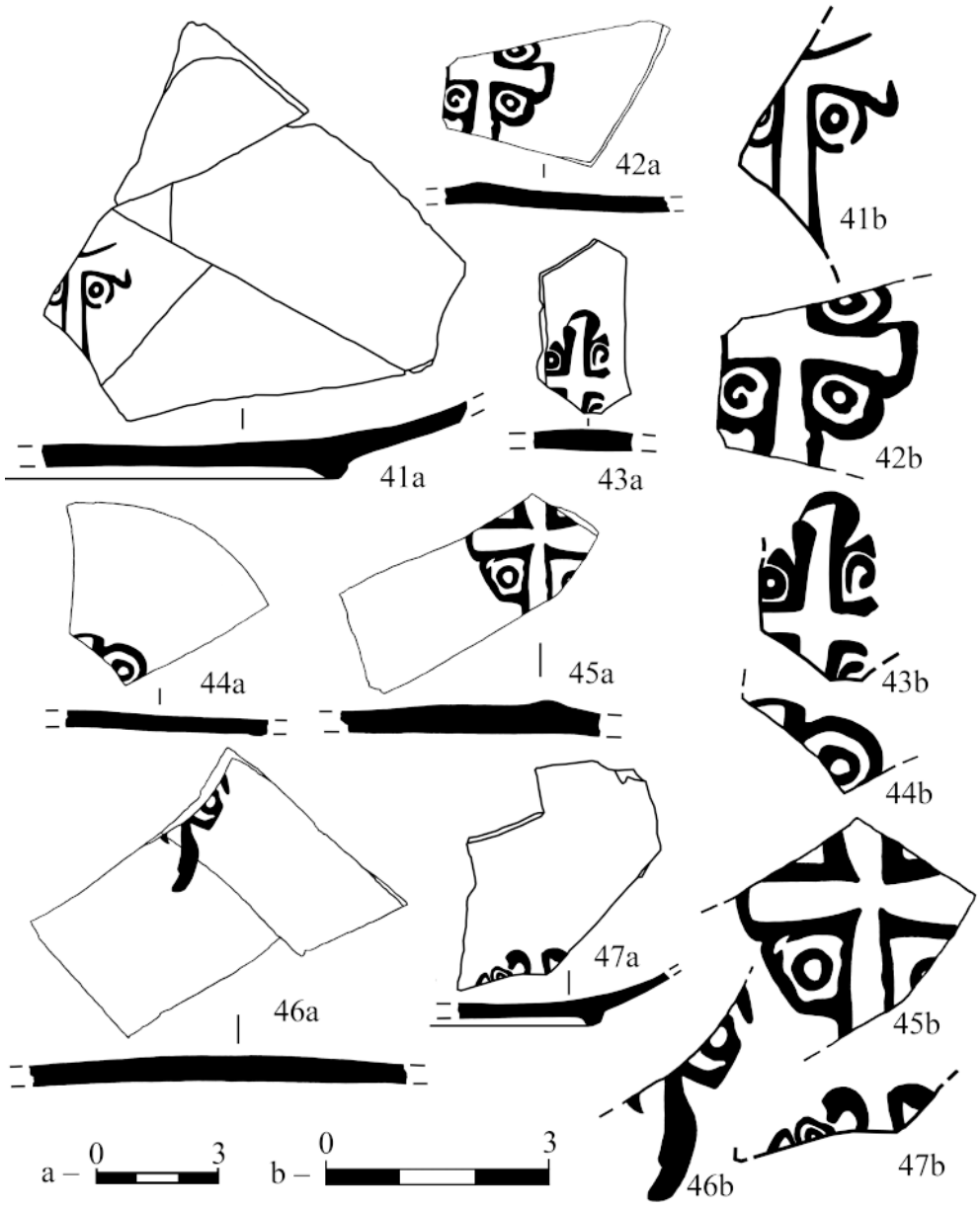

Рис. 9. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 41-47.

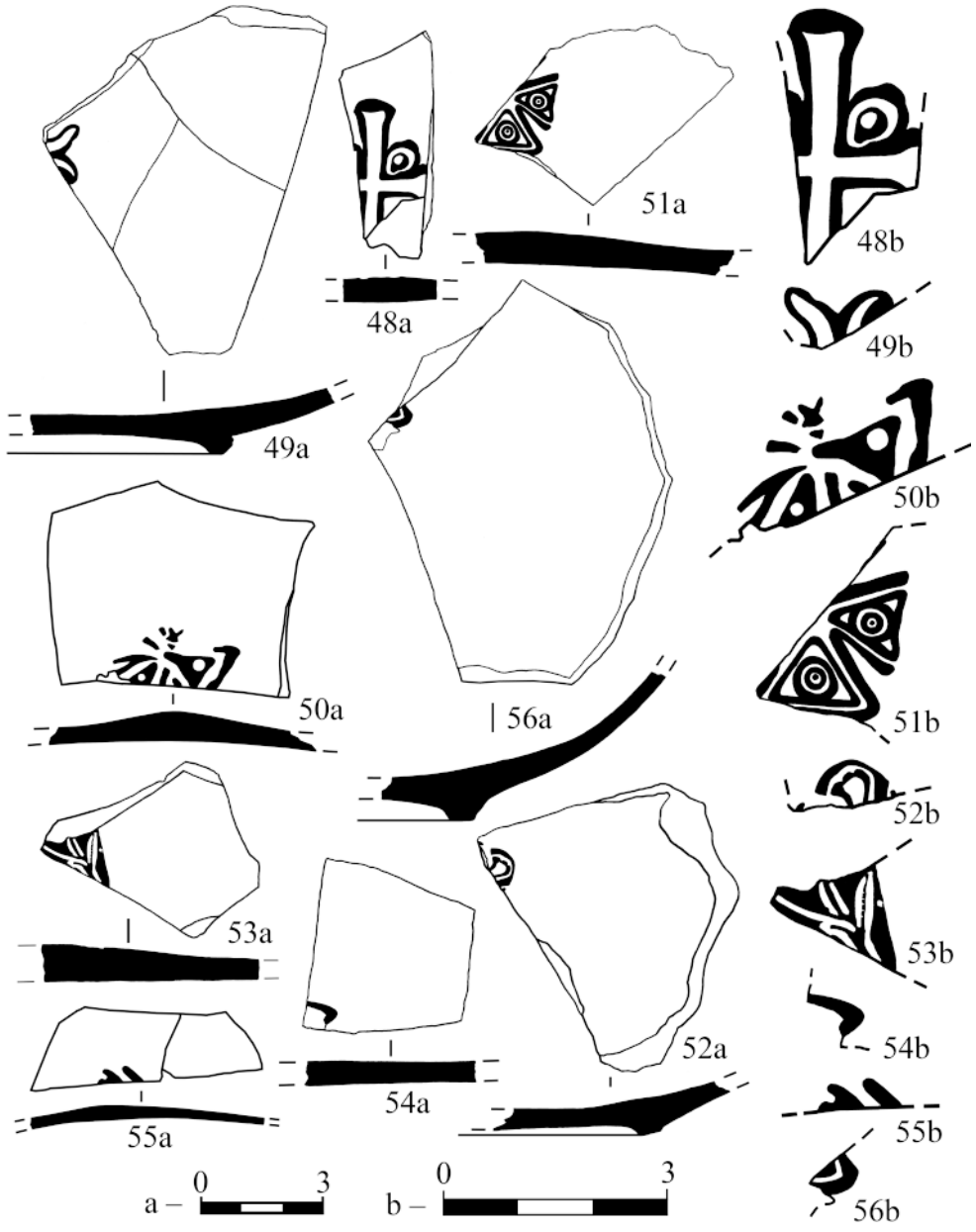

Рис. 10. Штампы на краснолаковой керамике группы Phocean Red Slip Ware. №№ кат. 48-56.

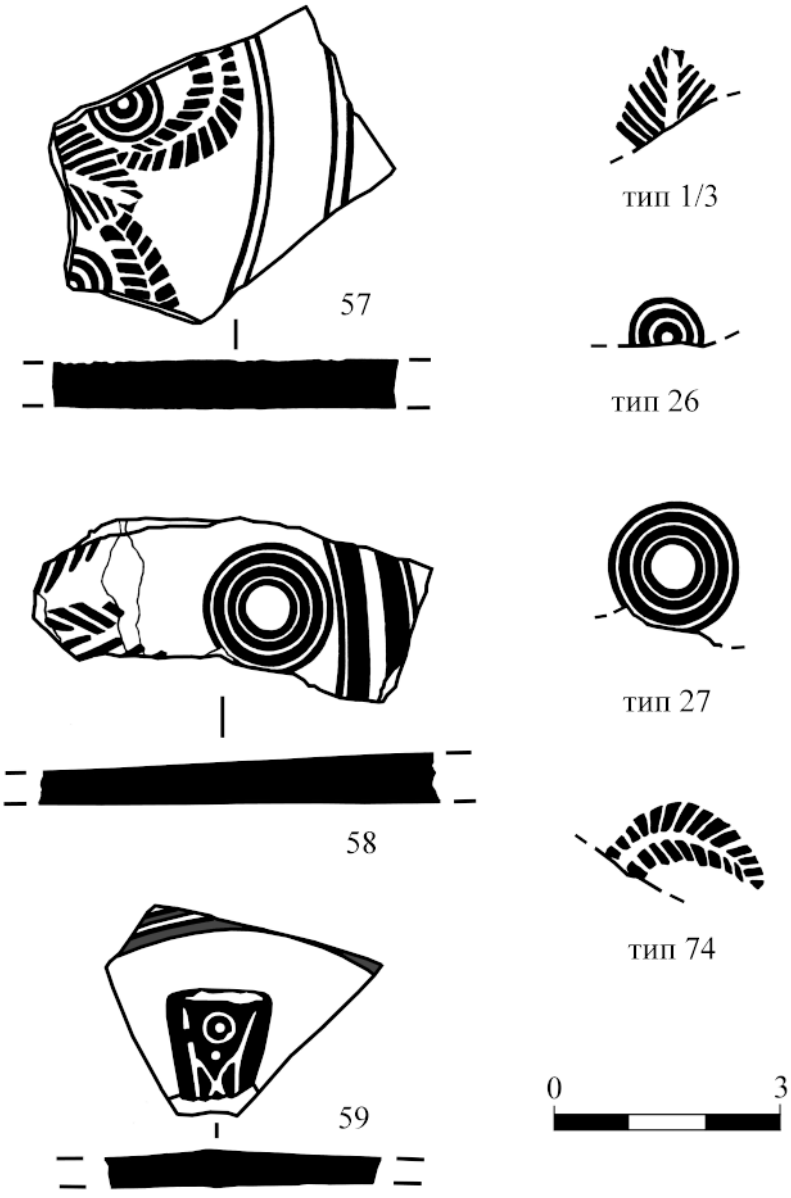

Рис. 11. Штампы на краснолаковой керамике группы African Red Slip Ware (№№ кат. 57, 58) и неопределенного центра производства (№ кат. 59).

Райнер ШРЕГ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСВОЕНИЯ ОКРУГИ МАНГУПА И ЭСКИ-КЕРМЕНА В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И СРЕДНИЕ ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Начиная с 2006 г. Римско-германский центральный музей в г. Майнце, Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Таврический национальный университет в г. Симферополе и другие партнеры выполняют совместный исследовательский проект, посвященный изучению Горного Крыма в раннее средневековье. В задачи проекта вошла также разработка актуальных методик и вопросов археологии поселения и окружающей среды. В виду продолжающейся дискуссии данная работа призвана освятить методико-теоретические основы и познакомить с первыми результатами.

Археология поселения и окружающей среды.

Современная ландшафтная археология с ее постановкой вопросов о «целостной системе жизни и деятельности человека во взаимодействии с природой» в центр изучения ставит «развитие современного культурного ландшафта, включая определяющие его историко-культурные и природные силы» [1, с. 227]. Сегодня она располагает широким спектром проверенных методов изучения источников. Геофизическая разведка, новые технологии дистанционного исследования, такие, как LIDAR (Light Direction and Ranging) и применение GPS и GIS дают информацию о культурном ландшафте; естественнонаучные методы археозоологии и археоботаники дают основу для реконструкции ландшафта и экономического уклада. Хорошие результаты в последние годы дает инструментальная археология, использующая естественнонаучные методы [2]. Экологическая археология на уровне интерпретации рассматривает, в основном, непосредственную деятельность человека на окружающую среду [3]. Роль культуры и значение традиций, которым экологическая археология отводит центральное место, в традиционной археологии до сих пор почти не рассматривались [4], так как без большого числа письменных и устных сообщений и актуальных данных анализа окружающей среды по одним археологическим источникам определить их очень сложно. Из-за боль-

шого значения естественнонаучных методов можно, однако, забыть, что взаимодействие человека и природы представляет собой, в первую очередь, историческое и культурно-антропологическое тематическое поле. Исследования предшествующих периодов, в которых археологический материал дополняют письменные источники, показывают, что обращение человека с окружающей средой является также вопросом ее восприятия и определения. Экологическая археология, как она здесь понимается, – это наука одновременно и естественная, и гуманитарная. Ее цель состоит не только в реконструкции ландшафта, как основы для анализа отношений между человеком и природой, но и в понимании комплексного взаимодействия «культуры» и «природы». Таким образом, открывается перспектива, где человек не противопоставляется окружающей среде, а рассматривается как неотъемлемая ее часть [5, с. 85; 6, рис. 7; 1, с. 277 и сл.][1].

Основываясь на реконструкции исторического ландшафта с одной стороны, и его реального исторического использования с другой, получаем возможность приблизиться к пониманию субъективной оценки окружающей среды человеком прошлого. Встает вопрос, например, о том, какие ресурсы не использовались и, соответственно, какие стратегии землепользования выбирались, даже если они не совсем подходили ландшафту и впоследствии приводили к его разрушению и потере экономической базы данного общества.

Цели исследования Юго-Западного Крыма.

Юго-Западный Крым (рис. 1) предоставляет широкое поле деятельности для применения вышеописанных подходов. Данный регион находится между средиземноморской городской культурой и обществами восточноевропейской степи, часто с кочевническим экономическим укладом. Это обстоятельство ставит вопрос о сосуществовании, соседстве и противодействии разных обществ, проявляющих к ландшафту и его ресурсам совершенно разные интересы. В истории Юго-Западного Крыма постулируются многочисленные миграции и смена населения, что служит основанием для вопроса, в какой мере другое этническое самосознание отражается в ином отношении к окружающей среде. Появление пещерных городищ в эпоху Великого переселения народов, вероятно, не обошлось без воздействия на окружающий ландшафт. Использование таких горных ландшафтов, разделенных на малые пространства и часто неудобных для поселения из-за специфики рельефа, геологии и климата, требует специализированных стратегий землепользования [7]. Здесь особенно отчетливо проявляется значение культуры для сохранения в течение длительного времени стабильного соотношения «человек – окружающая среда». Горный ландшафт Крыма состоит из трех гряд, создающих разные

[1] В большинстве случаев отношение «человек» и «окружающая среда» формулируется как противопоставление.

условия. Средняя гряда, к которой принадлежат Эски-Кермен и Мангуп-Кале, хотя и имеет в сравнении со степным ландшафтом на севере и с яйлами Внешней гряды на юге свои преимущества, все же климат, водный баланс и сложная топография скорее неблагоприятны для освоения территории. Площадь пахотных земель, как и маршруты для перевозки грузов в гористой местности ограничены. Закарстовывание приводит к довольно сложному и сильно отличающемуся на небольших участках соотношению грунтовых вод. Оно характерно для известняковой подстилающей породы, причем в Средиземноморском регионе на протяжении длительного времени обсуждается, какую роль в этом процессе играло античное и средневековое выкорчевывание леса и использование территорий под пастбища [8].

Пещерные городища Эски-Кермен и Мангуп занимают в горном ландшафте Юго-Западного Крыма центральное место. До сегодняшнего дня эти памятники, прежде всего, территория городищ на плато и могильники, остаются объектом археологического изучения [9; 10, с. 75; 11, с. 371-494]. Экспедиция ГАИМК работала на городищах на плато Мангупа и Эски-Кермена, а у подножия последнего обнаружили следы лишь одного средневекового поселения [12, с. 43-46; 13]. Многочисленные могильники византийского времени у подножья обеих гор [9; 14, с. 522-544] и в их окрестностях [15, с. 192-251], однако, указывают на плотное, непрерывное заселение ландшафта в раннее средневековье. Хотя вопросы о сельскохозяйственной округе городищ, об их расположении и инфраструктуре задавались неоднократно [16; 17, с. 415-424], дискуссия затрагивала, главным образом, аспекты материальной культуры, архитектуры и этнической истории. Система землепользования и ее отражение в возделываемых землях, винодавильнях и оросительных системах до сих пор рассматривалась в некоторых аспектах. При интерпретации Мангупа и Эски-Кермена как передовых византийских крепостей или независимых центров региональных государств, удобство их местоположения для путей сообщения, вероятно, учитывалось как второстепенный фактор.

Первой целью исследования с точки зрения археологии поселения и окружающей среды, следовательно, является изучение археологической ситуации на городищах Мангуп и Эски-Кермен (рис. 2). Для реконструкции их снабжения продовольствием, водой, энергией и сырьем важно также выявить неприметные остатки культурного ландшафта. Особое значение здесь имеет локализация сельскохозяйственных угодий в близлежащих и более удаленных окрестностях обоих пещерных городищ, расположение участков леса и свободной от него земли и реконструкция транспортных путей. Детальная топографическая съемка археологических памятников даст полную картину мест находок в этой местности. Проблемы, возникающие из-за плохой сохранности, неточного определения времени использования объектов, находящихся на поверхности земли, и ограниченных шансов их обнаружения, требуют систе-

матической критики источников [18; 19], что возможно, если принять в соображение не только раннее средневековье, находящееся в центре исследовательского интереса, но и более поздние периоды вплоть до современного.

Другая цель состоит в реконструкции исторического ландшафта и его изменений. Речь идет не только о реконструкции его вида, геоморфологии и растительности, но и об их изменениях и факторах, вызывающих таковые. Наряду с изменениями климата – вряд ли в прошлом испытывавшего антропогенное влияние – интересна роль человека. Важнейшее место здесь отводится анализу найденных костей животных и археоботанических остатков. Условия для пыльцевого анализа в этой местности ограничены, так как отсутствуют напластования отложений, осажденных в водной среде. Возможны и многообещающие геоархеологические исследования, которые на основании осадконакопления и почвообразования дают представление о прежней геоморфологии и землепользовании. Сюда входит круг вопросов о последствиях землепользования, например, благодаря улучшению ландшафта, эрозии или увеличивающемуся закарстовыванию.

Еще одна цель в конечном итоге заключается в культурологоисторической и экологоисторической интерпретации. Как реагирует человек на такие изменения? Как они в свою очередь влияют на данное общество? Как окружающая среда ограничивает развитие культуры? Удалось ли раздвинуть эти границы с помощью технических инноваций и адаптации культуры? Какую роль играют при этом традиции? В какой мере модели экологического кризиса помогают понять процессы изменения культуры? Эта цель достижима, скорее, в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Она требует теоретического отражения нашего понимания истории, понятий «природа» и «культура» и характера изменения культуры. На практике речь идет о том, чтобы установить причинно-следственные связи, собственно ход развития процессов с одной стороны, а с другой, используя археологические источники, роль традиций. Осуществить это можно только применив сравнительные методы. Корреляции различных процессов необходимы для определения характера взаимосвязей. Сравнение потенциала и реального экологического поведения человека открывает доступ к субъективному восприятию человека прошлого. Если эти абстрактные рассуждения применить к области нашего исследования в Юго-Западном Крыму, то речь, например, пойдет о том, чтобы сравнить развитие совокупности поселений – важного элемента землепользования – с развитием в других регионах. Развитие пещерных городищ Эски-Кермена и Мангупа отражает процесс централизации, наблюдающийся в различных регионах в разные эпохи. Важнейшие возможности для сравнения предоставляет хорошо изученный в Западном Средиземноморье процесс «encastellamento» с его социально-исторической обусловленностью и, скорее, обратный процесс деурбанизации в ранневизантийских провинциях.

Ключом к культурологической атрибуции крымского ландшафта может послужить противопоставление «скифской», «аланоготской», традиционной татарской и, наконец, современной систем землепользования. Анализ полезного потенциала на основании природных условий открывает еще одно направление сравнения.

Археологическая разведка 2007 и 2008 гг. в горном ландшафте Юго-Западного Крыма (рис. 1).

В рамках отдельного научного проекта эти всеохватывающие цели недостижимы, поэтому непосредственно экологоархеологическая программа рассчитана на выполнение отдельных исследований, чтобы вначале получить определенные отправные точки.

Методика работ следует принципам экстенсивной археологии [20], проверенным в проектах в Центральной Европе [21; 22]. Большое внимание здесь уделяется разведкам, включающим разные виды работ: после первого осмотра местности и визуального изучения карт и аэрофотоснимков выбираются отдельные участки, на которых проводятся систематические исследования. Выбранные участки должны представлять разные типы ландшафта в окрестностях известных памятников. В ближайшей окрестности Мангупа был выбран участок на юге–юго-востоке вокруг горы Бабуган и плато Чардакли-Баир севернее Мангупа. Весной 2007 г. начались систематические изыскания в округе Эски-Кермена и Мангупа. В них участвовали немецкие и украинские студенты, которые в ходе двух полевых сезонов познакомились с основами и принципами полевых работ. В 2007/08 гг. проводились разведки в окрестностях Эски-Кермена. В некоторых местах находок производилась топографическая съемка и/или геофизическая разведка и шурфование.

Важнейшим видом работ при этом являются геофизические. В Средиземноморском регионе этот метод используется уже давно и традиционно [23], в последнее время применяется и в Крыму [24, с. 707-741; 25]. Анализ и интерпретация результатов во многом зависят от способа проведения работ [23; 26, с. 39-72], поэтому уделим внимание методике.

Работы в открытом поле заключались, в первую очередь, в поиске находок. Группы из 12 человек, шедших в цепи на расстоянии 5 м друг от друга, осматривали поле. На месте исследуемые участки отмечались на карте, координаты их границ определялись с помощью GPS. Информация об условиях разведок заносилась в протокол. Данные о хорошей или плохой видимости, например, важны для критической интерпретации результатов. Находки сначала помечали флажками и после первой проверки определяли их местоположение с помощью GPS навигатора. При этом записывалась первичная дефиниция находок (фрагменты керамики, черепица, мелкие находки, артефакты из кремня) и для последующей идентификации номер точки съемки GPS. Степень скопления находок, спектр находок, покатость склона и другие факторы, как, например, современная обработка земли, позволяют установить, является ли находка археологическим

артефактом. На этом основании выбирались участки для геофизической разведки, которую летом 2007 г. провел Венский институт археологических исследований (Vienna Institute for Archaeological Science).

На участках, покрытых лесом, где почти невозможно обнаружить находки, лежащие на земле, фиксировались, прежде всего, антропогенные структуры ландшафта, такие как края террас, каменные ригели и стены, груды камней, развалины зданий или террасы дорог. Предварительное определение координат здесь также осуществлялось GPS навигатором. Однако при таком картографировании получается только грубый эскиз, так как из-за плохого приема GPS в лесу возникает много неточностей. Как раз это послужило причиной, почему разведки проводились весной, до появления листвы. Планы, пригодные для интерпретации, предполагают детальную съемку, которую ввиду большого расстояния можно выполнить только с помощью лазерного сканирования с воздуха (Airborne Laserscanning LIDAR [27, с. 258-261; 28, с. 137-156]).

Элементы ландшафта, как правило, трудно датировать. Поэтому сначала регистрировались все элементы, кроме явно современных, как, например, артефакты Второй мировой войны или следы землеустройства, дорожного строительства, лесопосадок и гидротехнического строительства. Тем не менее, они тоже протоколировались, так как это недавнее нарушение земляного покрова является критерием для критической оценки результатов разведок.

Третья фаза работ в 2008 г. состояла из контрольных раскопок[2] и исследований почвы. Аномалии геофизической разведки, соответственно особые структуры ландшафта изучались с помощью 18 точно вымеренных шурфов (1х3 м). Здесь не ставилась цель проводить полномасштабные раскопки: требовалось только получить дополнительную информацию, необходимую для датировки. Так как в случае со структурами ландшафта и при соответственно ограниченном размере шурфов не приходится рассчитывать на большое количество информативного материала, были взяты пробы древесного угля для радиоуглеродного метода датировки.

Первые результаты.

Таким образом, в ходе геофизических работ были зафиксированы многочисленные развалины зданий, каменные ригели, пахотные террасы, груды крупных камней и руины производственных сооружений (производство черепицы), сохранившихся под лесом. С помощью современных способов обработки данных удалось идентифицировать более 20 объектов, представляющих собой самые различные элементы ландшафта. В большинстве случаев речь идет о грудах крупных камней и каменных ригелях, указывающих скорее не на само поселение, а на его земельные площади хозяйственного назначения.

[2] Исследования проводились совместно с С. Лукиным и С. Чернышом (Мангупская экспедиция под руководством А.Г. Герцена).

Поселения юго-восточнее Мангупа.

Многочисленные остатки поселений выявлены юго–юго-восточнее Мангупа у подножья гор Каладжи, Килиса и Кая-Баш (около 500-600 м выше нулевой отметки). Здесь отдельные каменные ригели, стены и груды камней, оставшиеся от зданий, находились чаще всего вблизи родников. Чтобы уточнить результаты детального исследования на поверхности, на пяти участках вблизи гор Калажди и Килиса разбили небольшие, неглубокие раскопы. Единичные образцы плоской черепицы и фрагменты амфор указывают на средневековье, более точная датировка пока невозможна. В общей сложности здесь обнаружено 13 небольших поселений и отдельных усадеб.

С помощью раскопа у подножия горы Кая-Баш мы получили информацию о стратиграфии террасы, вероятно, искусственного происхождения. Обнаруженная здесь яма подтверждает локализацию поселения.

В балке Суодкан и на прилегающих высотах в нескольких местах найдены свидетельства средневекового производства черепицы. Здесь разбили два раскопа, благодаря чему определили местоположение печи и на склоне русла ручья зафиксировали профиль мусорной ямы (рис. 5).

Остатки сельскохозяйственной деятельности на плато Чардакли-Баир (рис. 3; 4).

К северу от Мангупа в нижней северной части плато Чардакли-Баир (200-500 м выше нуля) на участке площадью 4 км² сохранились остатки сельскохозяйственной деятельности с каменными ригелями и сотнями нагромождений крупных камней. Они представляют собой парцеллы, сосредоточившиеся в нижней части склона. Всю его верхнюю часть занимают выветренные каменные глыбы. Площадки и небольшие мульды единичны. На отвесном южном склоне удобные для подъема места перегораживались стенами из сухой кладки. Вероятно, территорию выше поселения использовали под пастбища.

Здесь исследования различных остатков проводили, разбив на одном участке несколько небольших раскопов. Скопление камней изучалось в длинном поперечном разрезе; возле каменных ригелей, краев террас и малых мульд и предполагаемых развалин стен закладывались шурфы. Всего было разбито, раскопано, согласно принципам стратиграфии и паспортизировано 11 раскопов.

В ходе шурфования обнаружена обложенная камнями яма, из которой извлекли большое количество керамических фрагментов IV-V вв. Почти у поверхности скопления крупных камней вблизи нее найдены разбитые недавно амфоры IV-V вв.[3], что свидетельствует об использовании участка в эпоху Великого переселения народов. Радиоуглеродное исследование, однако, установило, что эти сельскохозяйственные угодья имеют более сложный и более продолжительный генезис. Упомянутая груда камней берет свое начало

[3] Предварительная датировка О. Ивановой, А. Герцена.

на несколько столетий раньше. Проба древесного угля с ее основания показала градуированный радиоуглеродный возраст 1741-1599, 1596-1531 BC. Неолитические кремневые артефакты и фрагмент из свинца подтверждают использование участка в доисторическую эпоху.

Каменные ригели и остатки сооружений относятся к более поздней фазе землепользования. Большинство датировок радиоуглеродным методом отсылают к позднему средневековью или раннему новому времени. Единичными находками являются несколько покрытых глазурью керамических фрагментов из вышеописанной ямы.

Проведенные исследования наилучшим образом подходят для изучения генезиса остатков культурного ландшафта, что наблюдалось в других регионах [29, с. 122-142]. Следовательно, использование, чаще всего, начинается с отдельных груд крупных камней и в дальнейшем приводит к образованию более сложных структур с каменными ригелями и террасами.

Геофизическая разведка на одном из немногих открытых участков выявила магнитные аномалии, свидетельствующие о том, что здесь существовало поселение. Это подтвердили три заложенных шурфа, привязанных к различным аномалиям. При этом, например, было установлено, что некоторые круглые аномалии можно определить как воронкообразные ямы для хранения запасов. В отличие от керамических фрагментов, обнаруженных в шурфах в лесу – в основном обожженные гончарные изделия – в поле главным образом встречается лепная керамика[4]. Радиоуглеродный метод позволяет датировать ее IV-III вв. до н.э.

Вне леса, на поле на противоположном склоне примыкающей с севера сухой балки (южнее Узун-Тарлы) обнаружено скопление керамики эпохи Великого переселения народов. Геомагнитная разведка показала многочисленные аномалии. Вопрос о том, являются ли они археологическими артефактами, требует дальнейших исследований.

Землепользование и ресурсы.

Хотя многочисленные путевые заметки и описывают горы Юго-Западного Крыма как идиллический зеленый ландшафт, здесь наблюдается сложный водный баланс. Осадки относительно обильные; поверхностная вода быстро уходит и просачивается в карст. К проблемным принадлежат, в первую очередь, сильно закарстованные пещерные регионы Внешней гряды, где дождевая вода сразу просачивается в карст и не образуется поверхностных вод [30, с. 41]. В окрестностях Эски-Кермена и Мангупа также присутствуют следы закарстованности, но здесь она, в основном, объясняется поверхностным выветриванием[5]. Существует несколько горизонтов грунтовых вод, но для большинства

[4] Атрибуция керамики О. Ивановой.

[5] Я выражаю благодарность проф. В.М. Шумскому (г. Симферополь) за его указания.

поселений они залегают не благоприятно. Условия водоснабжения отличаются на небольших участках ландшафта, поэтому стратегии его организации различны. Как на Мангупе, так и на Эски-Кермене сооружались сложные глубокие колодцы, более простые колодцы известны в оставленном жителями поселении у села Богатое ущелье в балке Суодкан, где условия водоснабжения лучше. В какой мере в сельских поселениях использовали сложные колодцы, неясно. Многие из них расположены вблизи родников, а в поселения у подножья Эски-Кермена и Мангупа вода из водоносного слоя, лежащего высоко на склоне, поступала по водопроводам [12]. Следы плотин указывают на то, что небольшие искусственные пруды служили водохранилищами. Вопрос о том, как культорологически и хронологически дифференцировать эти разнообразные методы водоснабжения, остается открытым.

Обращают на себя внимание многочисленные груды крупных камней и каменные ригели, которые встречаются в разных частях ландшафта. Раскопки на Чардакли-Баир показали, что, по меньшей мере, часть из них относится к эпохе Великого переселения народов и, возможно, к еще более ранним периодам. Груды крупных камней могли образоваться при разных видах землепользования – на пастбищах или на экстенсивно используемых полях, реже – на пахотных землях, которые, в основном, связывают с крупными каменными ригелями. Каменные ригели и террасы на Чадакли-Баир свидетельствуют о парцеллировании, размежевании отдельных площадей сельскохозяйственных угодий. Вероятно, террасы и каменные ригели прежде зарастали живыми изгородями, которые с одной стороны служили оградами и позволяли выгнать скот для удобрения определенного поля в период, когда оно лежало под паром, с другой стороны защищали от ветра и эрозии почвы. Таким образом, для реконструкции экономического уклада соответствующие объекты являются важнейшим источником [31; 32; 33, с. 57-76; 34, с 117-214; 35; 22].

Методика исследования позволяет дифференцировать разное пользование земель данного ландшафта. Результаты разведок показали, что горы южнее Мангупа использовались уже в доисторическое время. Расположение могильников эпохи Великого переселения народов или раннего средневековья указывает на центральное значение долин. Насколько дифференцированным было землепользование, при котором главные поселения и поля – как и имеющие для общины большое значение места погребения – находились в долине, а горные яйлы использовались для выпаса скота и заготовки древесины? В новое время территории татарских деревень в долине охватывали большие участки холмогорья, где находились удаленные сельские усадьбы. В этом контексте интересны также оба поселения, которые А.Л. Якобсон исследовал в 1950-е годы у сел Новобобровка и Передовое. Они датируются VIII-IX вв., а отдельные остатки строений в Новобобровке – V-VII вв. [16]. Здания с каменным фундаментом, растянувшиеся вдоль склонов долины, наводят на

мысль о группах неплотно застроенных поселений. Каменные ригели, террасы и груды крупных камней в округе поселений обозначают прежние хозяйственные угодья. Однако поселения отличаются своим топографическим положением (около 350 м выше нуля), которое обуславливает разный сельскохозяйственный потенциал. Новобобровка и Передовое, лежащие на северной оконечности Байдарской котловины, осваивают в хозяйственных целях как горный ландшафт на севере, так и плодородную долину на юге.

Выявленные на Чардакли-Баир следы тоже свидетельствуют о таком дифференцированном землепользовании. Остатки парцелл и сохранившиеся следы поселений расположены, как правило, ниже, в то время как выше находятся небольшие участки с грудами крупных камней; небольшие сельские усадьбы встречаются и в нижней, и в верхней части склона. Стены, преграждающие немногие места, пригодные для подъема по обрывистому южному склону, дополнены стенами из сухой кладки, возможно, ограждениями для скота.

Эрозия и изменение ландшафта.

Горы Юго-Западного Крыма покрыты лесом и в настоящее время все еще редко населены. Уже в позднее средневековье их население сократилось, что подтверждается в большей степени не археологическими источниками, а османскими списками уплативших сборы и ранними путевыми заметками. В XX веке Вторая мировая война и переселения в советский период привели к тому, что значительные участки региона обезлюдели.

Если большое число могильников эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья в Юго-Западном Крыму означает большую плотность населения, то геоархеологическое изучение свидетельствует о масштабной вырубке леса и показывает последствия интенсивного землепользования в средние века. Так, исследования окрестностей Херсонеса в долине реки Черная выявили крупные свалки [36, с. 1438-1501; 37, с. 263-277; 38, с. 425-447][6]. Морские отложения показывают, что Инкерманская бухта когда-то больше врезалась в материк. Здесь осадочные отложения, вероятно, по большей части нанесены водой с востока – с гор южнее Мангупа. Толчок для эрозионных процессов в условиях голоцена, как правило, дает деятельность человека, поэтому они являются важнейшим свидетельством интенсивного землепользования. Эрозионные процессы в Крыму – это распространенное явление [30, с. 40]. Сегодня решить эту проблему пытаются террасированием и лесопосадками.

Некоторые результаты разведок 2007 г. позволяют сделать вывод о том, что эрозия в новой ландшафтной истории исследуемого участка действительно играет важную роль. В долинах в местах естественного обнажения пород

[6] Информация об исследованиях в долине реки Черная, предоставленная П. Леманом, не опубликована. О соответствующих исследованиях на Гераклейском полуострове смотри в указанных в тексте работах.

наблюдаются мощные напластования осадочных отложений; результаты геофизической разведки в Джан-Дере севернее Мангупа тоже указывают на это. Здесь находятся две почти неразличимые возвышенности, которые, согласно геофизической разведке, интерпретируются как наносные курганы. С помощью георадара определили местонахождение других курганов и остатков, вероятно, средневековых зданий, также находящихся под наносами[7]. В гористой местности южнее Мангупа встречаются многочисленные глубокие и – из-за своего положения под лесом – еще активные эрозионные русла. Сложно определить время их образования. В месте находок Суодкан I такое эрозионное русло пересекает средневековую мусорную яму. На расположенном поблизости конусе выноса также находятся смещенные остатки средневековых мастерских по производству черепицы. Тем самым это место находок дает первый импульс к пониманию причин изменения ландшафта и позволяет допустить существование связи между производством черепицы и эрозионными процессами. Аналогии черепице, найденной в шурфах, обнаружены на Мангупе, Эски-Кермене, а также в Херсоне [39, с. 36-59, рис. 3]. Эти находки поднимают вопрос о масштабах организованного в горах производства черепицы. В окрестностях действительно находится, по меньшей мере, еще четыре скопления бракованной черепицы. С точки зрения топографии путей сообщения мастерские имеют неудобное положение. Возможно, масштабная вырубка леса на низких участках послужила причиной, почему пришлось использовать лесные ресурсы в горах далеко от административных центров.

Результаты первого сезона разведок 2007 г. послужили основанием для того, чтобы немецкий фонд Тиссена (Thyssen-Stiftung) в начале 2008 г. дал согласие на выполнение дополнительного исследовательского проекта «Пагубные последствия использования горного ландшафта – экологоархеологическое изучение Юго-Западного Крыма». Цель проекта состояла в проведении геоархеологических исследований, определении размера и периодизации эрозионных фаз и возможного значения средневекового выкорчевывания леса. Вместе с П. Леманом (University of teas, Остин) мы заложили три шурфа, с помощью которых исследовали осадочные отложения в балках вокруг Мангупа. Сейчас осуществляется анализ полученного материала.

В ходе исследований на Чардакли-Баир получены свидетельства трудностей землепользования, с которыми жители региона сталкивались в эпоху Великого переселения народов и средневековье. Само наличие многочисленных и часто невероятно больших груд крупных камней отражает усилия, прилагаемые для освобождения полезных площадей. Верхние части склона Чардакли-Баир, густо покрытые выветренными каменными глыбами и из-за этого почти

[7] Геофизическую разведку провели В. Нойбауер и К. Лёкер, сотрудники Венского института археологических исследований.

непроходимые, очевидно, показывают исходную ситуацию и объясняют большие размеры груд крупных камней. Социально-историческая интерпретация зависит от времени, которое уходило на подготовку полей. Если предварительные работы выполнялись в течение короткого срока, то, вероятно, они производились общиной. Датировка IV-V вв. отсылает нас в контекст «аланоготской» колонизации и самой ранней фазы существования поселения на Мангупе.

Однако расчищенные от растительности и камней участки подвергались воздействию плоскостной и частично также линейной эрозии. В руслах ручьев на Чардакли-Баир можно наблюдать последствие обильных осадков, когда массы воды, пока они не потеряют в силе в нижней части склона и уйдут в грунт, обладают энергией, достаточной для того, чтобы передвигать не только почву, но и каменные глыбы, и большие нагромождения сухостоя. По профилю одного из каменных ригелей можно проследить, как он лежал на нескольких наносных слоях. Только один слой, возможно, представляет собой целенаправленно созданную галечную насыпь. Таким образом, террасы и каменные ригели воплощали реакцию человека на опасность эрозии. Полученные – пока предварительные – результаты анализа керамики позволяют предположить, что поля Чардакли-Баир, а также в других местах, использовались краткосрочно. Встает вопрос о роли эрозии как процесса, приводившего, в конечном итоге, к отказу от использования полей. Проведенное в недавнем прошлом порослевое насаждение, вероятно, препятствует эрозионному воздействию.

Центральным вопросом будущих работ станет точное определение фаз поселения. Если дальнейшие исследования подтвердят предварительный вывод, что существование многих поселений ограничивается IV-V вв., то это следует сопоставить с фазами существования могильников. Синхронность не обязательна, так как прерывность поселений может означать успешную экономическую или экологическую адаптацию населения к изменяющимся условиям.

Комплекс поселений в раннее средневековье.

Городища на плато Мангупа и Эски-Кермена занимали значительное место среди раннесредневековых поселений. Хотя в их ближайшей округе находятся оборонительные сооружения Сюрень и Пампук-Кая, но они отличаются по своему характеру. Первое представляет собой крепость средневизантийского времени, расположенную на выступе скалы над долиной реки Бельбек. На плато перед ней находится еще одно оборонительное сооружение, возможно, с несколькими зданиями [40, с. 61]. На Пампук-Кая речь идет о небольшом укреплении VIII в., сооруженном вокруг базилики, также возвышающейся на открытом краю скалы над Бельбекской долиной [16, с. 110 и сл.].

Для эпохи Великого переселения народов и ранневизантийского времени характерны неукрепленные поселения. Об этом свидетельствует, в первую очередь, местоположение могильников. Даже если сложно определить, какому поселению принадлежал могильник и на этом основании локализовать

поселение, то можно проследить определенную топографию местонахождения могильников. В большинстве случаев они находятся на нижнем склоне вблизи устья боковой балки. Принадлежность укрепленному пещерному поселению в большинстве случаев не выявлена. Другое свидетельство дали результаты геофизических исследований. Вблизи поселений Чардакли-Баир и Узун-Тарла, расположенных в незащищенных и, вероятно, неукрепленных местах, находки из Джан-Дере, балки Адым-Чокрак и в горах указывают на существование большого числа других неукрепленных поселений. Выводы об их хронологии, размере и внутренней структуре пока преждевременны.

Эволюция «пещерных городов» Крыма рассматривается, прежде всего, с точки зрения регионального ландшафта поселений и в сравнении с аналогичным развитием в других регионах [41].

Одним из важнейших признаков перехода от античности к средневековью является развитие городских структур. В Восточном Средиземноморье (рис. 6) региональные исследования и археологические разведки выявили многочисленные изменения структуры поселений [42, с. 351-364; 43; 44]. В позднюю античность фиксируется упадок городской жизни, при этом существенные региональные отличия проявляются в продолжительности и характере структурных изменений. Различные исторические события играют такую же роль, как природные условия. В ранневизантийский период наблюдается процесс деурбанизации, вызвавший сокращение численности жителей городов, территории поселений и их функций. Роль города как административного центра изменилась, также как и его значение, как центра ремесленного производства и потребления. Это оказало влияние не только на архитектурный облик городов, но и на отношение города к его округе, важное для археологии поселения и окружающей среды. В VII-IX вв. в отдельных регионах произошло полное прекращение городских традиций [45, с. 119-157]. На возвышенностях появляются небольшие укрепленные поселения. Иногда они возникают вблизи античных городов, стены римского времени которых утратили былое значение. Исследователи описывают этот процесс выражением «от полиса к крепости» [46, с. 9-26; 47, с. 176-208; 48, с. 60-80; 49, с. 435-475]. В письменных источниках вместо понятия «πόλις» используется «καστρον». Прокопий понятие «καστρον» употребляет довольно широко, как для классического античного города, так и крепости или укрепленного поселения [50, с. 28 и сл.]. Изменение структуры в ранневизантийское время фиксируется также в сельском пространстве Восточного Средиземноморья. Единые группы поселений, начиная с IV в., сменяются укрепленными нагорными поселениями, которые можно также обозначить как «καστρον». Например, в ранневизантийское время этот процесс наблюдается в Сербии [51, с. 159-192] или Малой Азии [50].

В отличие от процесса «incastellamento» на западе, который прослеживается с IX в. [52, с. 377-391; 53, с. 385-599], здесь речь идет, в большей степе-

ни, об изменении топографии поселений, а не об их концентрации. Социальные структуры таким образом сложившихся средневековых поселений тоже различны. «Castrum» на западе – это укрепленная усадьба господина внутри укрепленного селения, в то время как «καστρον» на востоке характеризуется как укрепленное поселение без внутренней социальной дифференциации. Контраст между городом и сельским поселением сглаживается [54, с. 141-172; 43, с. 323; 50, с. 118 и сл.].

В Крыму развитие в некоторых пунктах отклоняется от этой грубой основной модели византийского центра. С одной стороны, облик поселений определяют неукрепленные поселения, как они представлены на Чардакли-Баир, в горах или на краю Байдарской котловины, а с другой, античные городские поселения в Горном Крыму не известны. Только у с. Родное разведки показали наличие укрепленного поселения. Хотя Эски-Кермен и Мангуп расположены в давно заселенном регионе, однако им не предшествовали античные города. Центральные поселения образовались в горах не в процессе деурбанизации. Они возникли в результате смены населения, а вместе с ним и традиций. Неоднократно цитированное описание Прокопия о том, что готы в «Дори» не любили жить «за стенами» и предпочитали жизнь на открытом месте, дополняет общую картину. Император Юстиниан I (527-565) поэтому отказался от строительства городов (πόλεις) и укреплений (φρούρια) и стенами защитил только подходы к их стране[8]. Допускаем, что Прокопий намекает на ландшафт Крыма с характерными неукрепленными поселениями, который составлял примечательную для современников противоположность ландшафтам центра византийских владений. Развитие поселений в горах является, следовательно, индикатором изменений отношений власти и системы ценностей.

Вывод.

Горный ландшафт в округе Мангупа и Эски-Кермена со своими остатками древних угодий представляет собой в высшей степени интересный и многообразный культурный ландшафт. Осуществляемый в настоящее время анализ собранных данных, находок и шурфований позволяет сделать определенные выводы. Предварительные результаты уже сейчас подтверждают колоссальный потенциал для экологоисторического изучения и информативность экстенсивной ландшафтной археологии. Подробное изучение с целью хронологической дифференциации остатков землепользования станет предметом будущих проектов.

Перевод Д.А. Шалыги

[8] Procopius, De aedificiis (lib. 1-6) / Ed. G. Wirth (post J. Haury), Procopii Caesariensis opera omnia, vol. 4. Lipsiae, 1964, lib. 3, c. 7, 16 [цит. по: 55, с. 105-118].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lüning J. Landschaftsarchäologie in Deutschland – Ein Programm // Arch. Nachrbl. 1997. 2/3.
2. Evans J.G., O'Connor. Environmental archaeology. Principles and Methods. Stroud, 2005.
3. Butzer K.W. Archaeology as human ecology. Cambridge, 1982.
4. Knopf T. (Изд.). Umweltverhalten in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 2008.
5. Renfrew C., Bahn P.G. (Изд.). Archaeology. London, 2006.
6. Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin, 1977.
7. Die Besiedlung der höheren Mittelgebirge // Arbeitskreis für genetische Siedlungsforschung (Изд.). Siedlungsforschung. Bonn, 1992. Âand 10.
8. Thirgood J.V. Man and the Mediterranean forest. London, 1981.
9. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
10. Ajbabin A.I. A Byzantine fortress on Eski-Kermen Mountain in Crimea // Jeffreys E.M., Haarer F.K., Gilliland J. (Изд.). Proceedings of the 21st international congress of byzantine studies. London, 21-26.08.2006. Vol. III.
11. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
12. Веймарн Е.В. Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931-1933 гг. // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг.
13. Могаричев Ю.М., Герцен А.Г. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1996.
14. Maczyńska M., Gercen A. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-Dere bei Mangup auf der Krim // Maczyńska M. (Изд.). Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
15. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
16. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. Вып.168.
17. Ajbabin A. On Byzantium's Northern Border: The Rural Population of the Mountainous Crimea in the 6th to 9th Centuries // Lefort J., Morrisso C., Sodini J.-P. (Изд.). Les Villages dans l'empire byzantin. IVe-XVe sičcle. Réalités byzantines. Paris, 2005. Vol. 11.
18. Schiffer M.B. Formation process of the archaeological record. Salt Lake City, 1987.
19. Goldberg P., Nash L., Petraglia M. (Изд.). Formation processes in archaeological context // World Arch. Madison, Wisconsin, 1993. Vol. 17.
20. Noyé G. (Изд.). Structures de l'habitat et occupation du sol dans les pays méditerranéens. Les methodes et l'apport de l'archéologie extensive // Coll. École Franç. Rome. Rome, 1988. Vol. 105.
21. Knipper C. и др. The Neolithic Settlement Landscape of the Southeastern Swabian Alb (Germany). Jungsteinsite, 2005. Режим доступа – http://www.jungsteinsite.uni-kiel.de/2005_knipper/Knipper_et_al_2005_low.pdf.
22. Schreg R. Development and abandonment of a cultural landscape – archaeology and environmental history of medieval settlements in the northern Black Forest // Aberg A. (Изд.). Medieval Rural Settlement in Marginal Landscapes. Ruralia. Prague, Vol. 7 (в печати).
23. Alcock S.E., Cherry J.F. (Изд.). Side-by-Side Survey: Comparative Regional Studies in the Mediterranean World. Oxford, 2004.
24. Carter J.C. и др. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // Am. Journal Arch. 2000. Vol. 104.
25. Guldager Bilde P., Stolba V.F. (Изд.). Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective // Black Sea Studies. Aarhus, 2006. Vol. 4.
26. Witcher R. Broken pots and meaningless dots? Surveying the rural landscapes of Roman Italy // Papers Brit. School Rome. 2006. Vol. 74.

27. Sittler B. Revealing historical landscapes by using airborne laserscanning: a 3-d model of ridge and furrow in forests near Rastatt (Germany) // Thies M. (Изд.). Laser-Scanners for Forest and Landscape Assessment. Proceedings of the ISPRS working group VIII/2. Freiburg, 3-6.10.2004. International Archives of Photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences. Freiburg, 2004. Vol. 36, part 8/W2.
28. Doneus M., Briese C., Kühtreiber T. Flugzeuggetragenes Laserscanning als Werkzeug der archäologischen Kulturlandschaftsforschung // Arch. Korrbl. 2008. Vol. 38.
29. Evans H. After the axe: ways into the upland landscapes of Cumbria // Chadwick A.M. (Изд.). Recent Approaches to the Archaeology of Land Allotment. British Archaeological Reports, International Series. Oxford, 2008. Vol. 1875.
30. Басров М. (Изд.). Автономна Республіка Крим – The Autonomous Republic of Crimea. Атлас. Київ, Сімферополь, 2004.
31. Denevan W.M., Mathewson K., Knapp G. (Изд.). Pre-Hispanic Agricultural Fields in the Andean Region // British Archaeological Reports, International Series. Oxford, 1987. Vol. 359.
32. Häggström L. Landskapsutnyttjande, bete och odling pĺ Sydsvenska höglandet under äldre järnĺlder // GOTARC series B, Gothenburg archaeological theses. Jönköping, 2005. Vol. 34.
33. Petersson M. Ancient Fields Excavated // European Journal of Archaeology. 1999. Vol. 2.
34. Goguey D., Bénard J. Un finage protohistorique et gallo-romain dans les forętts communales du Châtillonnais (rive droite de la Digeanne, Côte-d'or) // Rev. Arch. Est. 2001/2002. Vol. 51.
35. Hildebrandt H., Heuser-Hildebrandt B., Stumböck M. (Изд.). Flurrelikte, Meilerplätze und ein Niedermoor in der Wüstungsgemarkung Horb bei Ebrach. Ebrach, 2001.
36. Cordova C.E., Lehman P.H. Archaeopalynology of synanthropic vegetation in the chora of Chersonesos, Crimea, Ukraine // Journal Arch. Science. 2003. Vol. 30.
37. Cordova C.E., Lehman P.H. Holocene environmental change in southwestern Crimea (Ukraine) in pollen and soil records // The Holocene. 2005. Vol. 15.
38. Cordova C.E., Lehman P.H. Mediterranean agriculture in southwestern Crimea: paleoenvironments and early adaptations // Peterson D., Popova L., Smith A.T. (Изд.). Beyond the Steppe and Sown, the Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Colloquia Pontica. Leiden, 2006. T. 13.
39. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
40. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
41. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Севастополь, 2006.
42. Cherry J.F., Davis J.L., Mantzourani E. Introduction to the Archaeology of Post-Roman Keos // Cherry J.F., Davis J.L., Mantzourani E. (Изд.). Landscape archaeology as long-term history. Northern Keos in the Cycladic Islands from earliest settlement until modern times. Monumenta archaeologica. Los Angeles, Calif, 1991. Vol. 16.
43. Hodges R., Bowden W. (Изд.). Byzantine Butrint. Oxford, 2005.
44. Schreg R. Das Umfeld der Höhlenstädte Mangup und Eski Kermen auf der südwestlichen Krim – eine Siedlungslandschaft in der Peripherie des byzantinischen Reiches // Siedlungsforsch. Vol. 25 (в печати).
45. Niewöhner P. Archäologie und die «Dunklen Jahrhunderte» im byzantinischen Anatolien // Henning J. (Изд.). Byzantium, Pliska, and the Balkans. Millennium-Studien. Berlin, 2007. Band 5,2.
46. Brandes W. Die Entwicklung des byzantinischen Städtewesens von der Spätantike bis ins 9. Jahrhundert // Matschke K.P. (Изд.). Die byzantinische Stadt im Rahmen der allgemeinen Stadtentwicklung. Leipzig, 1995.
47. Brandes W. Die byzantinische Stadt Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert – ein Forschungsbericht // Klio. 1988. Vol. 70.
48. Dunn A. The transition from polis to kastron in the Balkans (III-VII cc.): general and regional perspectives // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. Vol. 18.

49. Müller-Wiener W. Von der Polis zum Kastron. Wandlungen der Stadt im Ägäischen Raum von der Antike zum Mittelalter // Gymnasium. 1986. Vol. 93.
50. Brandes W. Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert // Berliner byzantinistische Arbeiten. Berlin, 1989. Âand 56
51. Milinković M. Stadt oder «Stadt»: Frühbyzantinische Siedlungsstrukturen im nördlichen Illyricum // Henning J. (Изд.). Byzantium, Pliska, and the Balkans. Millennium-Studien. Berlin, 2007. Band 5,2.
52. Toubert P., Byzantium and the Mediterranean Agrarian Civilization // Laiou A.E. (Изд.). The economic history of Byzantium. Dumbarton Oaks studies 39. Washington, DC, 2002. T. 39/1.
53. Hubert E. L'incastellamento dans le Latium. Remarques a propos de fouilles récentes // Annales (HSS). 2000. Vol. 55/3.
54. Brandes W., Haldon J. Towns, Tax and Transformation: State, Cities and their Hinterlands in the East Roman World, c. 500-800 // Pietro Brogiolo G. (Изд.). Towns and their territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages. The transformation of the Roman world. Leiden, 2000. Vol. 9.
55. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.

Шрег Р.

До питання вивчення освоєння округи Мангупа та Ескі-Кермена в епоху Великого переселення народів і середні століття з точки зору археології поселення і довкілля

Резюме

Гірський ландшафт в окрузі Мангупа і Ескі-Кермена зі своїми залишками древніх угідь є вкрай цікавим і багатообразним культурним ландшафтом. Аналіз зібраних даних, знахідок і шурфувань, що здійснюється в даний час, дозволяє зробити певні виводи. Попередні результати вже зараз підтверджують колосальний потенціал для екологоісторичного вивчення і інформативність екстенсивної ландшафтної археології. Детальне вивчення з метою хронологічної диференціації залишків землекористування стане предметом майбутніх проектів.

Шрег Р.

К вопросу изучения освоения округи Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды

Резюме

Горный ландшафт в округе Мангупа и Эски-Кермена со своими остатками древних угодий представляет собой в высшей степени интересный и многообразный культурный ландшафт. Осуществляемый в настоящее время анализ собранных данных, находок и шурфовок позволят сделать определенные выводы. Предварительные результаты уже сейчас подтверждают колоссальный потенциал для экологоисторического изучения и информатив-

ность экстенсивной ландшафтной археологии. Подробное изучение с целью хронологической дифференциации остатками землепользования станет предметом будущих проектов.

Rainer Schreg

Siedlungs- und umweltarchäologische Forschungsfragen zur völkerwanderungszeitlichen und mittelalterlichen Besiedlung im Umfeld von Mangup und Eski Kermen

Fazit

Das Bergland um Mangup und Eski Kermen bietet mit seinen Altflurrelikten eine hochinteressante, vielfältige Kulturlandschaft. Nach der derzeit laufenden Aufarbeitung der inzwischen gesammelten Daten, der Funde und der Sondagen werden konkretere Aussagen möglich sein. Die vorläufigen, in vielem noch spekulativen Ergebnisse zeigen aber schon jetzt das enorme Forschungspotential für umwelthistorische Fragen und die Aussagemöglichkeiten einer extensiven Landschaftsarchäologie. Eine detaillierte Erforschung, die vor allem auch zu einer näheren chronologischen Differenzierung der Landnutzungsrelikte führen muss, bleibt ein Desiderat und sollte in künftigen Projekten bearbeitet werden.

Рис. 1. Крым. Важнейшие античные и средневековые памятники (графика М. Обер / RGZM).

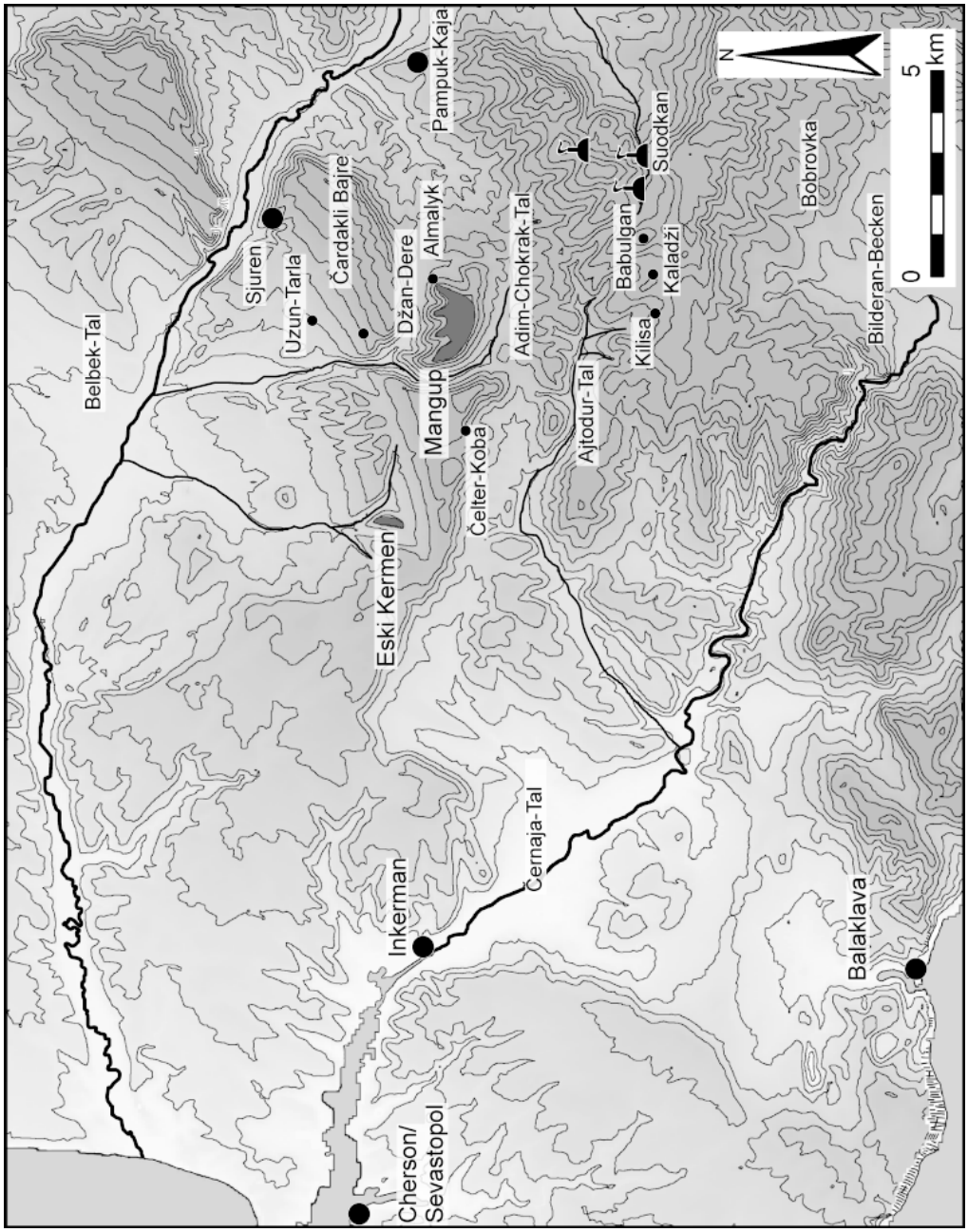

Рис. 2. Округа Эски-Кермена и Мангупа (графика Р. Шрег / RGZM).

Рис. 3. Вид с востока на Мангуп, справа скальный склон балки Чардакли-Баир (фото Р. Шрег).

Рис. 4. Сельскохозяйственные остатки севернее Мангупа (графика Р. Шрег / RGZM).

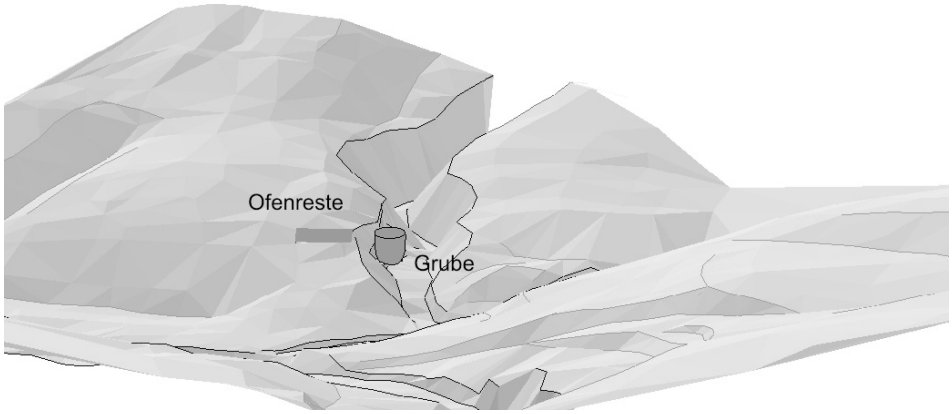

Рис. 5. Модель местности с производством черепицы Суодкан I – глубокое эрозионное русло пересекает мусорную яму мастерской (А. Крамер / RGZM).

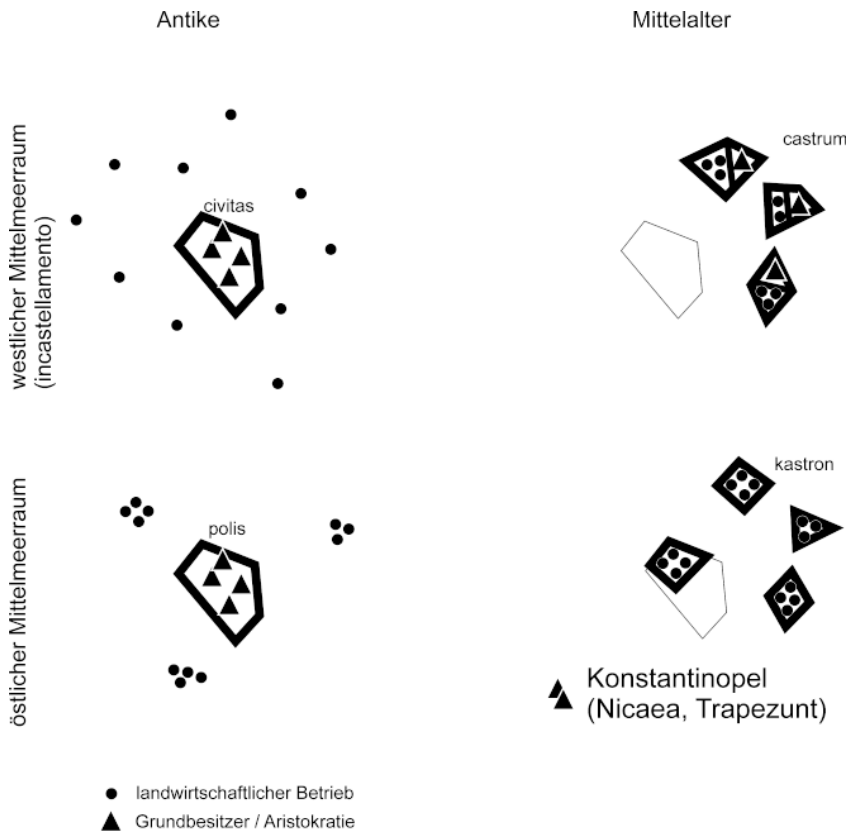

Рис. 6. Основные модели развития города и его округи в Западном и Восточном Средиземноморье (графика Р. Шрег).

А. РАБИНОВИЦ, Л. В. СЕДИКОВА, Р. ХЕННЕБЕРГ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

В недавно опубликованном исследовании «Material Culture and Well-Being in Byzantium» помещена статья H. Buchwald, посвященная византийской городской планировке. По поводу средневизантийского и начала поздневизантийского периодов автор утверждает следующее: «насколько нам известно, не сохранилось ни одного средневекового византийского города, или его части, датируемого периодом до XIII в., и вообще, средневековые византийские города раскапывались очень редко» [65, p. 67]. Это утверждение отражает представления, распространенные среди византинистов, работающих в Средиземноморье – археологические материалы этого периода слишком обрывочны или недостаточно изучены, чтобы представить полную картину повседневной жизни города, особенно в период между X и XIII вв.[1]

Однако, это не совсем так. На юго-восточной оконечности Крыма расположен важный памятник городской культуры – древнее городище Херсонес (византийский Херсон), покинутый после серии разрушений XIII-XIV вв. и, фактически, так и не заселенный после этого (рис. 1). Севастополь был основан в нескольких бухтах, расположенных к востоку от Херсонеса, а монастырь, построенный в XIX в., занял лишь небольшую часть из 40 га территории городища. Этот город, основанный греческими колонистами в V в. до н.э., на протяжении всей своей истории оставался важным пунктом коммуникации для степи, Черноморского побережья и Средиземноморья. Во времена Прокопия

[1] Наиболее полно исследованными и лучше сохранившимися являются остатки городов ранневизантийского периода. Коринф и Афины, объекты длительных научных исследований, сосредоточенных на остатках классического периода, предоставляют важные, но фрагментарные сведения о более поздних периодах, в то время как лучше сохранившиеся средне- или поздневизантийские памятники, такие, как Пергам и Амориум, с их относительно небольшим населением и сельскохозяйственной экономической базой, можно считать наиболее показательными примерами городов.

Кессарийского он был известен византийским современникам как Херсон и уже тогда являлся крупным северным городским центром Византийской империи. Его наиболее впечатляющими остатками являются жилые и ремесленные кварталы, большая часть которых построена в XI-XII вв. Несмотря на то, что эти строения просуществовали до XIII в., когда значительная часть города была уничтожена грандиозным пожаром, они предоставляют обширный материал для изучения планировочной структуры византийского города XI-XII вв.

Херсонес также опровергает вторую часть средиземноморских представлений о том, что остатки поздневизантийских городов и поселений исследовались спорадически (в тех случаях, когда они находятся под современными городами), недостаточно тщательно (когда их игнорировали археологи, заинтересованные в более ранних слоях) или вообще не были исследованы. На этом памятнике систематические раскопки ведутся уже более 180 лет. Первые исследования были сосредоточены на изучении христианских храмов, но со времен К.К. Косцюшко-Валюжинича, который в конце XIX в. основал музей, или так называемый «Склад местных древностей», археологическими раскопками были открыты богатейшие материалы, связанные с повседневной жизнью простого населения города. Однако результаты этих исследований, публиковавшиеся в русскоязычных изданиях, были практически недоступны западным ученым в течение почти всего XX в. В то же время, ряд разработанных на Западе научных изысканий и методик был недоступен исследователям Херсонеса. Совместный проект Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института Классической Археологии Техасского Университета в Остине представляет собой первую попытку свести эти два мира на одной археологической площадке. В данной статье внимание сосредоточено на результатах совместных раскопок городской территории, проведенных НЗХТ и ИКА в 2004-2006 гг. В ходе исследований объединенная команда разработала систему регистрации цифровых данных на основе ГИС (географической информационной системы). Исследовательская программа, осуществлявшаяся как западными, так и украинскими специалистами, предусматривала системное изучение человеческих, производственных остатков, а также материалов, связанных с изучением окружающей среды, найденных при раскопках жилого квартала в Южном районе города[2].

[2] Совместный проект раскопок в течение всех трех сезонов щедро спонсировался Институтом Гуманитарных Исследований Паккарда. Грант Dumbarton Oaks поддержал программу исследования органических остатков, обнаруженных нами при раскопках. Мы бы хотели выразить особую благодарность ученым-специалистам В.А. Анохину, А. Эрвинку, В. Ван Ниру, П. Пападопулу, Г.А. Пашкевич, К. Солтеру, С. Тайковой, И. Врум и О.П. Журавлеву, которые внесли огромный вклад в данный проект, и чьи наблюдения и отчеты лягут в основу многих выводов и заключений, которые мы будем делать в последующих разделах. Мы также благодарим О.А. Андрееву, И.Е. Дон и Р. Шарпа за предоставленную возможность

История исследования Херсонеса.

Раскопки ранневизантийской базилики, проведенные в 1827 году Н. Крузе, лейтенантом Черноморского флота, положили начало изучению Херсонеса Таврического. Однако систематическое изучение города началось только в 1888 году и было связано с деятельностью Императорской Археологической Комиссии. На протяжении следующих 19 лет эти раскопки проводились под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича. В его отчетах содержалась информация о постройках поздневизантийского Херсонеса, среди которых планы построек и иллюстрации некоторых находок [28-33][3]. Однако из-за отсутствия данных о стратиграфии и подробных описаний раскопок невозможно более глубоко изучить назначение сооружений, открытых в ходе этих работ.

Первые послойные раскопки средневековых кварталов были проведены Г.Д. Беловым в 1931-1948 и 1955 гг. В его опубликованных отчетах содержалась некоторая информация о занятиях населения Северного района Херсонеса в поздневизантийское время. Г.Д. Белов пришел к выводу, что население занималось сельским хозяйством, земледелием и скотоводством, рыбной ловлей и охотой, а также ремеслами (текстильным производством, кузнечным делом). Такие выводы были сделаны на основании находок (инструментов, рыболовных принадлежностей, изделий из рога оленя и рогатого скота) [4, с. 266; 5, с. 26-72; 6, с. 224-230; 7, с. 123-159]. В соответствии с краткими публикациями антропологического материала из квартальных храмов, можно сделать вывод, что население города было этнически смешанным [18, с. 333-386; 43, с. 73-74].

Первым серьезным обобщающим трудом о Херсонесе XII-XIV вв. была монография А.Л. Якобсона [46]. Автор описал и интерпретировал раскопанные жилища, культовые сооружения и комплексы мастерских в Северном и Северо-восточном районах города. Анализ бытовых и производственных инструментов позволил ему проследить социальную топографию города [46, с. 47-166]. Перечисленные публикации, а также результаты раскопок Портового района, были использованы А.И. Романчук при написании монографии, посвященной исторической топографии Херсонеса XII-XIV вв. [36, с. 192 и др.]. В книге рассматриваются проблемы планировки города, численности

ознакомиться с процессом изучения индивидуальных находок. Наши выводы в данной работе должны рассматриваться как предварительные; окончательная публикация результатов раскопок, включая дискуссии по архитектуре, исследованию окружающей среды и данных о материальной культуре, готовится в настоящее время.

[3] Богато иллюстрированные архивы К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1888-1906 гг. сейчас доступны в режиме on line, с транскрипциями и английским переводом на сайте <www.kostsyushko.chersonesos.org> благодаря совместной инновационной работе, выполненной проектом «Мегарика», который является еще одним совместным проектом ИКА и НЗХТ, осуществляемым на средства Института Гуманитарных Исследований Паккарда. Информацию о раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича в Южном районе также можно найти в этих архивах.

населения и экономической деятельности. Главные выводы этого исследования, а также анализ находок из недавних раскопок, можно найти в последних работах этого автора [37, с. 147-208]. В своем исследовании средневекового Херсонеса (Херсона) как центра ремесла и торговли Н.М. Богданова использует широкий спектр письменных и археологических свидетельств [10, с. 8-172]. Ряд публикаций, содержащих сведения о слоях разрушения XIII в. в кварталах Северного и Северо-восточного районов, дает представление о характере городской планировки, хозяйственной деятельности, социальных ролях и погребальных обрядах населения [23, с. 165-187; 20, с. 182-194; 22, с. 254-265; 39, с. 290-311; 16, с. 182-260].

В этих исследованиях Херсонес поздневизантийского периода представляется как город с регулярной планировкой, в соответствии с которой здания объединены в прямоугольные кварталы, сеть которых сохранилась с раннего периода его истории. Однако в настоящее время мы можем говорить лишь о размерах кварталов в средневековый период, когда они, в основном, составляли 22-30 м в ширину и 44-67 м в длину. Согласно А.И. Романчук, из 109 выделенных кварталов 90 могли состоять из 7-8 усадеб, 9 кварталов – из 2-3 усадеб и 5 кварталов – из 14-16 жилищ. Пять кварталов состояли, главным образом, из общественных зданий [37, с. 190-191]. По оценкам автора, площадь частных домов варьировалась от 50 до 200 м², но большая часть домов составляла 130-150 м². В пределах отдельной усадьбы постройки были сосредоточены вокруг главного двора, который имел L- или П-образную форму [37, с. 164-165].

В большинстве случаев домашние комплексы Херсонеса состояли из жилых и производственных зон. Большая часть этих комплексов имела подвалы и верхние этажи, о чем свидетельствуют каменные лестницы и материалы из слоев разрушения. Первые этажи и погреба часто использовались как кладовые и мастерские, а жилые комнаты, по всей вероятности, находились на верхних этажах[4]. Эти комплексы часто включали розничные торговые лавки [39, с. 292-294].

В ранне- и средневизантийский периоды большие храмы занимали четко определенные места в планировочной структуре города. Однако при перестройке города в XI или XII вв., в планировку Херсонеса был включен новый элемент – маленькая квартальная церковь. В каждом квартале была одна или даже две церкви, и обычно вокруг них располагались жилые и производственные постройки. Как правило, храмы строились так, что их двери, обычно в западной стене, выходили на улицу. Такие церкви могли служить частными часовнями или семейными усыпальницами [40, с. 160].

Находки из слоя разрушения поздневизантийского периода свидетельствуют о том, что жители города большей частью занимались ремеслами

[4] Очевидно, это характерная черта как византийской городской жилищной архитектуры, так и западных средневековых жилищных сооружений [ср.: 62, p. 515].

и торговлей. В этот период Херсонес не был центром товарного аграрного производства, как ряд других провинциальных византийских городов [10, с. 123]. Судя по всему, в XII-XIII вв. он был, главным образом, центром транзитной торговли Южного и Северного Причерноморья.

В настоящее время раскопано около трети территории в пределах оборонительных стен (рис. 2). Раскопанные площади условно разделяются археологами на участки, обозначаемые по сторонам света, но которые также отражают разные социоэкономические сферы. Северо-восточный район, по всей видимости, был особенно богатым, в то время как ремесленная деятельность была сосредоточена в Северном районе. В низменной юго-восточной части Херсонеса находится Портовый район, который вмещал и портовые сооружения, и жилые дома, а также укрепленный район, известный как Цитадель. Территория, условно называемая Южным районом города, простирается к западу от древнегреческого театра вдоль южной линии городской оборонительной стены. Она связана с центром города главной улицей, направленной с северо-востока на юго-запад. Эта важная магистраль вела из Южного района к главной площади и к Северо-восточному району. К западу и юго-западу от Южного района, до западной оборонительной стены, город, по всей видимости, не был густо застроен[5]. Таким образом, Южный район, видимо, представлял собой периферию густонаселенной части города.

Первые раскопки в Южном районе Херсонеса начались в 1885 г., когда при строительных работах Военного ведомства были обнаружены остатки сооружения, принятого за средневековую крепость [8, с. 37]. В 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич возобновил раскопки на этом участке. Он раскопал часть оборонительной стены, большое общественное здание, которое интерпретировал как термы, и участок жилой застройки византийского периода [30, с. 113-119]. К северу-востоку от вышеупомянутого комплекса в 1905 году он раскопал участок улицы, ведущей к южным воротам, и прилегающие жилые постройки. Здесь он также открыл большую общественную уборную [33, с. 130-131].

В 1950-70-х гг. раскопки в Южном районе были продолжены московской экспедицией Государственного Исторического Музея под руководством Н.В. Пятышевой. Она открыла главное городское водохранилище, которое датировала IX в., продолжила раскопки прилегающих общественных зданий, частично исследовала башню XII и участок тринадцатой куртины оборонительных сооружений. Кроме того, она исследовала несколько помещений, которые были частью комплекса средневекового жилого квартала, раскопанного К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Исследовательница датировала эти постройки последнего периода существования района концом XIII – началом XV вв. [35, с. 141-158].

[5] На этой территории было раскопано несколько храмов и храмовых комплексов, а также участки жилой застройки, но, в общем, это наименее исследованная часть города и, возможно, ее заселенность была более плотной, чем обычно предполагают.

В 1987-2000 гг. раскопки на участке проводились Л.В. Седиковой. Были исследованы засыпь водохранилища и помещения, прилегающие к нему с юга и северо-запада. Во время раскопок был обнаружен самый ранний слой, датирующийся IV-II вв. до н.э. [42, с. 33]. Строительство комплекса цистерны было датировано периодом после второй половины II – первой половины III вв. [26, с. 79], а ее засыпь отнесена к первой половине IX в. [41, с. 170-177]. Исследование прилегающих к цистерне жилых строений финальной фазы позволило датировать разрушение этого участка более точно – XIII веком [42, с. 33].

В 2001 году раскопки в Южном районе Херсонеса были продолжены совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Украина), Института Классической Археологии Техасского Университета в Остине (США) и Университета Саленто (Италия). Раскопки возглавлялись П. Артуром и Л.В. Седиковой. За время работ, проведенных в 2001-2002 гг., была раскопана значительная часть жилого квартала напротив комплекса водохранилища. Во время раскопок были открыты комплекс из пяти помещений в юго-западной части квартала, центральный двор с маленьким храмом, в северном углу раскопанной территории были выявлены участки трех помещений, принадлежащих другому комплексу, в котором были обнаружены материалы, свидетельствующие об обработке рыбы [55, p. 103] (рис. 3). После перерыва в 2003 году проект был реорганизован в двухстороннее сотрудничество между Институтом Классической Археологии и Национальным заповедником.

Летом 2004-2006 гг. совместный проект был сосредоточен на изучении двух поздневизантийских жилых комплексов (комплексы 2 и 3) в юго-восточном углу квартала 50 и завершении раскопок храма, начатых в 2001 г. Участок раскопок, площадью 408 м^2, также включал центральный двор в южной части квартала, который, похоже, изначально занимали жители комплекса 3 (рис. 4). Самые показательные остатки, к которым мы вернемся позже, связаны с катастрофическим разрушением квартала, которое произошло, вероятно, в первой половине XIII в. Однако наши раскопки выявили свидетельства более чем 1500-летней деятельности человека на этой территории. Самый ранний материал позволяет предположить, что освоение новой территории было обусловлено двумя топографическими факторами: с одной стороны, ее удаленностью от городского центра, где были сосредоточены самые важные коммерческие и религиозные сооружения, и с другой стороны, ее размещением на пересечении главной продольной и поперечной улиц, расположенных недалеко от южных городских ворот. Таким образом, территория была и часто посещаемой, и удобной для ремесленной и коммерческой деятельности, которой нельзя было заниматься в центре города.

Диахронное развитие.

Самое раннее свидетельство жизнедеятельности в этом районе – это обычная узкая траншея, вырубленная в материковой скале на северной границе

раскопанной территории (рис. 5). Время сооружения остается неясным, но ее заполнение, содержащее мелкие фрагменты расписной штукатурки и большое количество столовой керамики, можно датировать серединой III в. до н.э. Назначение этой траншеи остается неопределенным; она могла быть домашним погребом, наподобие тех, которые обычно связывают с эллинистическими домами на других участках городища[6]. После того, как траншея была засыпана, по всей вероятности, территория долгое время оставалась заброшенной – долго настолько, что мергелевый известняк, который составлял борта траншеи, «растекся» по ее засыпи, образуя корку толщиной 5 см.

О возобновлении деятельности на данной территории примерно после середины I в. н.э. свидетельствуют керамические находки. Несколько фрагментов *terra sigillata* было найдено в подсыпке под вымосткой из массивных известняковых плит, расположенных в западном углу раскопанной территории и ограниченных, как минимум, одной впоследствии разобранной стеной (рис. 6). Подобные плиты использовались для вымостки *теменоса* на противоположном конце города, и, возможно, в нашем случае, они были связаны с еще неисследованным общественным сооружением[7]. Однако в Херсонесе несколько домов римского периода также имели вымостку из известняковых плит, хотя эти плиты, как правило, были меньшими, но нельзя исключать, что наша вымостка также была связана с жилищной структурой[8].

Нумизматический материал свидетельствует о непрерывной деятельности на территории квартала 50 на протяжении IV-V вв. Но вымостка, к какому бы комплексу она ни относилась, в это время уже не использовалась. Часть вымостки была разобрана, а через некоторые плиты в материковую скалу были прорублены круглые ямы для пифосов или чанов. Более крупные круглые вырубы, расположенные рядом, по всей видимости, также предназначались для пифосов или емкостей, что может свидетельствовать об экономической деятельности по уровню выше простого домашнего хозяйства. Два вырубленных в скале приспособления ниже уровня позднего двора свидетельствуют о том, что участок начал использоваться для производственных целей: оба приспособления состояли из глубокого квадратного или прямоугольного выруба в скале, с дополнительным круглым вырубом в восточном углу и с ямой для столба в западном углу. Лучшая по сохранности конструкция имела невысокую стенку, которая, очевидно, предназначалась для поддержания огня в прямоугольном вырубе, расположенном на

[6] Подвалы, вырубленные в скале, были обнаружены, например, в жилых домах II квартала Северо-восточного района, датируемых IV-III вв. до н.э. [38, с. 155-157, рис. 3].

[7] Очевидно, сам теменос относится к эллинистическому периоду [19, с. 83], но высказывалось мнение и о том, что вымостка относится к Римскому периоду [44, с. 276-277].

[8] Вымостки из больших плит также были обнаружены во внутренних дворах домов, например, в доме винодела первых веков н.э. в Северном районе города [44, с. 291, рис. 128].

противоположной от конического выруба стороне[9]. В целом, приспособление убедительно указывает на производственный процесс, для которого требовались сочетание тепла, в виде огня в открытой яме ниже уровня земли, и жидкости и/или сыпучих материалов, о чем свидетельствует дополнительный выруб для маленького пифоса или керамической емкости. Ямка от столба в углу могла предназначаться для ножки треножника или каркаса, на котором сосуд размещался над огнем в вырубе. Трудно сказать наверняка, какое производство здесь имело место, но в соответствии с имеющимися материалами можно предположить, что здесь могла проводиться обработка шерсти[10].

Весьма заманчиво связать такое использование территории с существованием водохранилища в соседнем квартале, особенно если это была производственная деятельность, требующая большого количества воды. До недавнего времени условная датировка цистерны III веком, безусловно, подтверждала это предположение. Однако изучение архитектуры комплекса водохранилища может указывать на то, что оно могло быть построено во второй половине VI в. [21, с. 658-659]. Если более поздняя дата верна, то производственная деятельность не могла быть связана с водохранилищем, т.к. все эти ямы и вырубы, очевидно, были засыпаны к началу VI в.[11] На их месте возникли, как минимум, две простые бытовые постройки. В одном из этих домов было не менее двух квадратных помещений, ограниченных прочными стенами, и глинобитный очаг. В другом доме также находился подобный очаг, но это заглубленное здание было гораздо меньшим и занимало наполовину заполненный выруб в материковой скале, предназначенный для упоминавшихся выше массивных емкостей. По всей вероятности, в соседнем квартале находилась базилика, построенная в этот же период. Косвенно об этом

---

[9] Эта стена разделяла прямоугольное сооружение на две части. На ее северо-западной стороне выявлены следы горения при высоких температурах. Там было найдено большое количество золы, поверхности стены и выруба были почерневшими и местами прокаленными. Среди золы также найдены прокаленные раковины моллюсков.

[10] Для окрашивания необходимы источник тепла, сосуд, в котором материал для окрашивания можно нагреть в воде с красителем, а также фиксатор или протрава (обычно жидкость) для закрепления краски. К сожалению, немногочисленный палеоботанический материал из этих слоев не подтверждает и не опровергает это предположение. Вполне возможен вариант первичной очистки шерсти. J.M. Frayn говорит об использовании сосудов и теплой воды [73, p. 148-53], правда, со ссылкой на древнегреческую [Aristophanes, *Ekklesiazusai* 215ff] и римскую [Pliny, *Natural History* 8, 192] практику. На этом этапе обработки, как правило, не требовались постоянные приспособления (Lin Foxhall, личные комментарии). Хотя шерстяные изделия обычно обрабатывались валянием, также возможна более простая процедура – стирка (ср. иллюстрацию XVI в., изображающую стирку с использованием котла, подвешенного над огнем, кадушек и керамических сосудов [57, p. 93, fig. 54] из German *Splendor Solis*). Еще один вариант интерпретации – приготовление соли, хотя трудно объяснить, почему оно проводилось здесь, а не вблизи от берега.

[11] Л.А. Голофаст, исследующая ранневизантийскую керамику для публикации, сделала предварительный вывод, что материал из этих заполнений относится не позднее, чем к V или началу VI вв., хотя этот вывод может измениться по мере продвижения процесса изучения.

свидетельствуют вторично использованные разнообразные мраморные архитектурные детали, найденные в постройках более позднего периода.

Очевидно, эти дома перестали использоваться не позднее VII в. Меньший по размерам дом был покинут довольно внезапно, т.к. на полу был оставлен кухонный горшок, содержащий кости свиньи и овцы, или козы (рис. 7). Следующий хронологический период здесь, как и во всем византийском мире, представлен достаточно смутно. Интерпретация построек довольно проблематична, хотя имеются некоторые данные, связанные с историей квартала в этот период: разбитая и обгоревшая керамика на поверхности улицы средневизантийского периода; остатки черепичной печи на том месте, где позже возник центральный двор квартала; маленький могильник IX или X вв., не связанный с храмом, растянувшийся на Главную улицу, с аккуратно сложенными, оштукатуренными гробницами[12].

Удалось проследить картину застройки XI в. На этом этапе участки, где позже появятся комплексы 2 и 3, были заняты разнообразными недолговечными сооружениями. Самое понятное из них – это заглубленная постройка под помещением 33, на глинобитном полу которой были найдены следы двух маленьких очагов (рис. 8). В земляном полу другой заглубленной постройки, возможно, того же периода, было найдено более яркое свидетельство жизни ее обитателей: в небольшой ямке в углу помещения были захоронены останки плода, внутриутробный возраст которого составлял семь месяцев.

Трудно предположить высоту этих зданий, так как все они были основательно разобраны во время широкой строительной кампании, сформировавшей квартал в его конечном виде в какой-то период после середины XI в.[13] Эта строительная фаза была более интенсивной, чем все предыдущие. Квартал был полностью перестроен без учета более ранней застройки. Для сооружения новых зданий материковая терраса была подрублена в нескольких местах рядами ступеней, плавно ведущими вниз с юго-запада к северо-востоку, а ямы и погреба предшествовавшего периода, вырубленные в скале, были засыпаны. Несколько стен, которые мы можем определить как ранние, возможно намеренно, не были использованы как фундаменты для новых. Лишь в одном случае стена последнего периода была построена с той же ориен-

[12] Совершенно бессистемный и неорганизованный подход к выбору места для захоронений, очевидно, являлся характерной чертой византийских городов этого периода, в течение которого захоронения производили практически произвольно в планировочной структуре города [62, p. 527].

[13] Согласно датировкам Н.А. Алексеенко [1], две монеты с монограммой «ро» раннего типа из глинобитной поверхности заглубленной постройки под помещением 33 могут быть отнесены к 1028-1034 и 1067-1071 гг., так же, как и две другие монеты из заполнения, связанного со строительством здания последней фазы. Еще одна монета с монограммой «ро» из заполнения кузнечного горна является поздней из местных серий и может датироваться XII или началом XIII вв.

тацией, что и ранняя, но со сдвигом в четверть метра. Также строители последней фазы не использовали конфигурацию домов с заглубленным полом. Хотя помещение 33 занимает почти тот же участок, что и заглубленное сооружение под ним, другая заглубленная постройка лежит под тремя разными помещениями в комплексе 2. Одним словом, здания последней фазы строились по своему, совершенно новому, скоординированному плану. Именно этому плану следовали жители поздневизантийского квартала, и именно он послужил нам основой для реконструкции повседневной жизни его обитателей.

Жилые комплексы: строительство.

Прочной основой данной строительной фазы являлось ортогональное зонирование кварталов и прилегающих улиц, заложенное в период первоначального освоения этой территории. Даже могилу средневизантийского периода у кромки главной улицы частично освободили от останков, заново засыпали и заровняли дорожным покрытием, чтобы воссоздать на этом месте улицу в ее первоначальной конфигурации. Жилищное строительство сопровождалось капитальным восстановлением самих улиц, включая устройство дренажного канала на поперечной улице. Это предполагает централизованное планирование и капиталовложения, хотя остается неясным, кто стоял за этим планированием, и носило ли оно частный или общественный характер. Строительство комплексов 2 и 3 и размежевание территории внутри квартала также свидетельствуют об определенной координации. У двух усадеб есть несколько разделяющих стен и общий фасад, который идет вдоль поперечной улицы. Судя по тому, что для определения территории двух комплексов не были использованы никакие явные пространственные критерии – физические границы предыдущих строений не учитывались, но в то же время многие из них имели неправильную или частично совпадающую форму – строители и/или владельцы, должно быть, договаривались о границах землевладения.

Это поднимает интересный вопрос о праве собственности. Беспорядочное нагромождение зданий во многих византийских городах объяснялось ростом их территорий за счет постепенных достроек: новый дом пристраивался к старому, и, таким образом, должны были соблюдаться особенности стиля [63, p. 15; 62, p. 508; 112, p. 625-626; 117, p. 652]. Однако здесь новые дома строго вписывались в прямоугольную уличную сеть и, по крайней мере, в случае с комплексами 2 и 3, были построены в одно и то же время. Таким образом, координирование строительства комплексов 2 и 3 предполагает, что этой частью квартала владел один человек или группа лиц, которые выполняли весь строительный проект[14].

[14] M. Angold в заметках о Фессалониках XII в. отмечает, что «сердцевину уважаемого населения составляли *oikodespotai* или домовладельцы ... их имущество состояло из земель в Салониках и городской собственности, жилищ и мастерских, которые они сдавали в аренду.

Однако аспекты самого строительного процесса опровергают такую интерпретацию. Оба комплекса, по всей вероятности, были построены двумя разными бригадами рабочих. Прежде чем начать строительство комплекса 2, необходимо было засыпать глубокий, вырубленный в скале подвал под помещением 38, в то же время под помещением 33 в комплексе 3 была вырубленная в скале заглубленная структура, которая также нуждалась в нивелировочной засыпке. В помещении 38 фундамент наружной стены был впущен глубоко в засыпь подвала; возможно, стена строилась в тот период, когда подвал засыпался (рис. 9). Данная стена была построена встык со стеной комплекса 3, выходящей на поперечную улицу, это свидетельствует о том, что строительство помещения 33, а следовательно и его нивелировочная засыпь, были одновременны с помещением 38. Но при этом характер нивелировочных засыпей в упомянутых помещениях имел существенные различия. Засыпь раннего подвала в помещении 38 характеризовалась многочисленными золистыми линзами и содержала большое количество строительного камня, включая тесаные блоки, и непропорционально большое количество железных гвоздей. Большую часть датирующего материала в этом заполнении можно отнести к X или началу XI вв. В то же время, выруб скалы под помещением 33 был заполнен менее каменистым грунтом, содержащим огромное количество костей животных и разнообразную керамику, датируемую от V до конца XI – начала XII вв. Биологические остатки, обнаруженные в этом заполнении, состояли из нескольких семян бузины, обычно растущей на богатых азотом пустошах, и одного копролита, возможно, козы[15].

Состав этих двух заполнений свидетельствует, что они были взяты из совершенно разных источников. Очевидно, строители, работавшие на усадьбе 2, использовали в качестве основы заполнения строительный материал из разрушенных построек; наличие сгоревших деревянных деталей, в частности, может объяснить и золистые отложения, и большое количество гвоздей. С другой стороны, бригада, работавшая на усадьбе 3, для того, чтобы подготовить площадку для строительства дома, по всей видимости, перевозила землю с давнишней городской мусорной свалки. Еще одна деталь говорит о том, что эти два комплекса были построены разными группами рабочих, и между ними не было хорошей согласованности. Там, где фасад комплекса 2 встречается с фасадом комплекса 3, видно, что стены были построены с противоположных концов с немного различной центровкой. Строители, воз-

---

Они являлись *rentier – собственниками денежного капитала*» [51, p. 251]. Если городское имущество в Фессалониках было сосредоточено в руках лэндлордов, а не отдельных хозяйств, то централизованное координирование строительством квартала могло отражать подобную ситуацию в Херсонесе XII в.

[15] Выражаем благодарность Дж. Гиорги из Museum of London Specialist Services за это определение.

можно поздно осознав, что стены не будут совпадать, стали постепенно расширять стену комплекса 2, так, чтобы на фасаде вдоль стены не было видно шва (рис. 10,*1*). И, наконец, хотя использование бутовой кладки на земляном растворе с деревянными выравнивающими балками, расположенными на высоте 1,2-1,3 м от уровня пола, встречается и в обоих комплексах, и на других участках Херсонеса[16], строители, работавшие на комплексе 2, при строительстве стен в значительной мере полагались на большие тесаные блоки, взятые из ранних сооружений[17].

Все эти особенности свидетельствуют о том, что за строительство этих двух комплексов отвечали разные лица или семейные группы, хотя то, что они были вписаны в уличную сетку, все же предполагает некоторую централизованную координацию. Можно предположить, что эти лица или группы лиц также были и владельцами усадеб. Это не обязательно означает, что они были предполагаемыми жителями, но еще одно обстоятельство, вероятно, подтверждает эту мысль. Изначально комплекс 2 не имел явных производственных функций, но в комплексе 3 в его первой фазе проживал кузнец, который использовал усадьбу в качестве кузницы и, возможно, в качестве своего места жительства[18]. Во внутреннем дворе этого дома (позже помещение 28) во время строительства вдоль одной из стен был оставлен уступ в материковой скале, и в нем был вырублен неглубокий бассейн без водостока (рис. 11,*1*). Формирование резервуаров и хранилищ из выходов материковой скалы внутри помещений зафиксировано в синхронных постройках на Эски-Кермене[19]. Однако в нашем случае неглубокий выруб подошел бы только в качестве резервуара, и, вероятно, его наличие можно объяснить потребностью кузнеца в воде для охлаждения обработанного железа. Если такое объяснение верно, то это означает, что в процессе строительства были учтены потребности потенциального жителя. Это убедительно указывает на то, что лицо, которое должно было жить и работать в этом комплексе, могло диктовать свои требования, а значит, вероятно, также являлось владельцем этой собственности.

---

[16] Эти выравнивающие балки видны в пазах, оставшихся в кладке. Иногда они сохраняются в виде обугленных фрагментов. Они проще, чем строительные анкерные балки, известные в византийской церковной архитектуре [104, p. 192], и не связаны известковым раствором. Есть разные объяснения назначения балок: они могли иметь декоративный характер, использоваться для укрепления бутовой кладки [16, с. 184] или служить демпферами при сейсмических волнениях.

[17] Эти блоки, в частности, были использованы в кладке стен помещения 38 и включали эллинистические тесаные блоки, обработанные в технике анафирозис.

[18] Кузнецы, которые использовали первые этажи своих домов в качестве мастерских, известны по средневековым европейским документальным источникам [136, p. 73, цитирует устав Рима XIV в.].

[19] Мы выражаем благодарность А.И. Айбабину, руководителю раскопок на Эски-Кермене, за предоставленную неопубликованную информацию.

Жилые комплексы: первая фаза.

Когда строительство завершилось, два очень похожих комплекса заняли юго-восточный угол квартала (рис. 12). Они оба состояли из внутреннего двора, одного большого помещения с верхним этажом и двух маленьких одноэтажных помещений[20]. В обоих комплексах на верхний этаж вела наружная лестница со двора, которая доходила до деревянной лестничной площадки или балкона (рис. 11,*2*)[21]. Комплекс 2 также имел мощеное открытое пространство (34), которое обеспечивало проход с улицы в помещение 35, во внутренний двор комплекса (31), а также в переднюю (25, также мощеную, возможно, открытую), ведущую в помещение 30. С другой стороны, по всей видимости, в основном обитатели комплекса 3 пользовались большим центральным двором в этой части квартала, за храмом. Только комплекс 3 имел прямой выход к этому двору, и находки свидетельствуют о том, что он интенсивно использовался кузнецом.

Раскопанная территория комплекса 2, включая внутренний двор (31), занимает 148 м², но двор тянется дальше на не раскопанную территорию, и общая площадь комплекса составляла, как минимум, 200 м². Комплекс 3 занимает примерно 110 м², но если учитывать участок центрального двора, эта цифра также увеличится и составит немногим более 200 м². В этих расчетах не учтена площадь верхних этажей. Однако, если учитывать верхние этажи помещений 33 и 38 и рассматривать только крытые участки, оба комплекса имели примерно одинаковые внутренние размеры: 106 м² у комплекса 2 и около 100 м² у комплекса 3. Их общая площадь ставит их в число самых крупных усадеб Херсонеса своего времени, благодаря большим внутренним дворам. Площадь крытого жилого пространства в двух комплексах соответствует или немного превышает средний размер, установленный для города[22].

---

[20] Северные границы комплекса 2 не были установлены к концу раскопок, и, возможно, он включал другие помещения на не раскопанной к северу территории. Однако, была прослежена стена вдоль северо-восточной стороны внутреннего двора, за пределами помещения 38 и территории раскопок, но вход во внутренний двор не был обнаружен. Это может свидетельствовать о том, что данная территория принадлежала другому комплексу и что усадьба 2 была открыта полностью, за исключением северной части его внутреннего двора.

[21] Расположение лестничного марша снаружи позволяло попасть на верхний этаж, не заходя в помещение на нижнем этаже. Внешняя лестница, связанная с деревянной лестничной площадкой, является стандартным признаком двухэтажных византийских домов [ср.: 122, p. 214-215]. Двухэтажные дома в Риме IX-X вв. также имели внешние, а не внутренние лестницы [119, p. 34 ff., определяет эти дома как *domus solarate* и связывает их с городской элитой]. В помещении 38 есть внутренний лестничный марш, но он относится к следующему строительному периоду, когда помещение, вероятно, не использовалось как жилье.

[22] См. также таблицы, представленные в работе А.И. Романчук [37, с. 149]. Без учета площади верхних этажей, которые, по всей видимости, имели место в ряде случаев и которые, вероятно, прибавляли 25-35 м² к цифрам, представленным ниже, в этих таблицах указывается средняя внутренняя площадь домов. Это около 60 м² в кварталах 13-18 (на основании восьми домов), около 86 м² в квартале 28 (на основании шести домов) и около 100 м² в квартале 22 (на основании пяти домов). Два дома в квартале 10 в Северо-восточном районе, ближе к городскому

В обоих комплексах все крыши были покрыты черепицей, часть которой была вторичного использования, видимо, из зданий X-XI вв. Масса кровельного материала, найденного во внутреннем дворе (32) комплекса 3, обнаруживает, что между черепицей и стропилами укладывались глина и морская трава. Очевидно, большинство крыш были односкатными, а не двускатными, судя по редкости коньковой черепицы и по ориентации черепичного завала в слоях разрушения. Это, частично, относится к одноэтажным помещениям, которые примыкали к помещению 36 и его верхнему этажу. Возможно, это относится и к верхнему этажу помещения 36: на это указывает тот факт, что слой разрушения в соседнем внутреннем дворе содержал очень мало черепицы. Кроме того, во дворе отсутствовала система водоотвода, и возвышенное расположение двора относительно слегка заглубленного пола помещения 36, при наличии уклона крыши во двор, способствовало бы тому, что дождевая вода направлялась бы не от него, а к нему[23]. Однако односкатные крыши, покрытые тяжелой черепицей, создавали строительные проблемы для более крупных помещений. Один скат сосредотачивает вес крыши на стене нижней стороны, и так как для него требуется подъем в два раза больше, чем для двускатной крыши, необходимо увеличить высоту стены верхней стороны. Если допустить, что у помещения 38 была двускатная крыша, его более прочный фундамент со стороны улицы мог выдержать увеличенную нагрузку черепичной крыши, наклоненной к улице, и то, что впоследствии произошел внутренний перекос противоположной стены, могло быть вызвано дополнительной нагрузкой, связанной с увеличением ее высоты.

Одновременно со строительством усадеб на поперечной улице вдоль северо-восточной границы квартала было заменено покрытие и установлен каменный коробчатый водосток. Кроме того, связанные с ним в каждом комплексе дренажные системы предоставляют ценную информацию о кровельном покрытии обеих усадеб. Водосток в каменной вымостке помещения 34 (рис. 10,*2*) изначально шел от внутреннего двора (31) к уличному каналу, свидетельствуя о том, что некоторые крыши помещений в комплексе были наклонены к внутреннему двору (например, пом. 30) или к помещению 34 (например, пом. 35). То, что часть водостока, ведущего ко внутреннему двору и далее, была позднее перекрыта, подтверждает, что крыша помещения 38 была наклонена к улице. Если помещение 25 не имело крыши, о чем действительно свидетельствует его каменная вымостка, крыша помещения 29 в комплексе 3, возможно, также отводила туда воду (на это убедительно указывает

центру, вероятно, не имели верхних этажей, их внутренняя площадь составляла около 85 м² (с двором площадью около 80 м²) и около 70 м² (с двором площадью 112 м²) [16, с. 185].

[23] Несмотря на то, что конек крыши имел наклоны к северо-западу и юго-востоку, расположение большого числа черепицы, упавшей на сторону улицы, свидетельствует о том, что наклон шел от юго-запада к северо-востоку.

ориентация большого черепичного завала в помещении 29). Из других помещений комплекса 3 крыша помещения 33, очевидно, выводила воду на главную улицу, в то время как сток с крыши второго этажа, который, как мы отмечали выше, вероятно, был наклонен к поперечной улице, должен был регулироваться коробчатым водосточным каналом.

Для архитектурной реконструкции поздневизантийских жилых комплексов Херсонеса общепризнанными являются два предположения. Одно, в основном неоспоримое, состоит в том, что крыши этих комплексов обычно были наклонены ко внутренним дворам, а не к улицам. Это предположение отражено в большей части графических реконструкций херсонесской жилищной архитектуры. Однако в нашем жилом квартале в двух комплексах есть четкие свидетельства того, что крыши также могли быть наклонены к улице. Такая конструкция, в целом, обусловлена топографическим расположением усадеб: более высокая сторона верхнего этажа, в которой, судя по расположению лестницы, были двери (и, возможно, окна), выходила фасадом на юго-запад, защищенный от северных ветров с моря[24], и на частную территорию внутреннего двора. Это также означает, что жители этих домов больше беспокоились о том, как избавиться от дождевой воды, а не о том, как ее собрать. Это наблюдение может быть полезным при изучении климата конца XI – начала XIII вв.

По поводу второго предположения были дискуссии. Это касается гипотезы о том, что значительная часть фасадов домов в Херсонесе, в особенности двухэтажных, была сделана из утрамбованной глины с деревянным каркасом[25]. Частично это являлось попыткой объяснить, каким образом, в целом слабая бутовая кладка на земляном растворе, могла поддерживать верхние этажи. Однако слои разрушения в помещениях 36 и 38 убедительно опровергают предположение о деревянных верхних этажах в рассматриваемом квартале. В обоих помещениях сохранились сгоревшие при пожаре обугленные деревянные детали, и ни в одном не было достаточного их количества, которое могло бы составить второй этаж. К тому же, в завале помещения 36 было обнаружено большое количество каменных архитектурных деталей. Это были не только фрагменты профилей карнизов, которые часто использовали в Херсонесе для украшения фасадов [16, с. 184], но также детали косяков и клиновидных блоков, принадлежавших арочным окнам и каменным дверным каркасам (рис. 13). Находки других деталей разных размеров можно объяснить наличием в помещении на первом этаже двух дверей. Так как окна на первом

[24] Было бы интересно проследить, насколько широко эта практика была распространена в Херсонесе. У древних греков это было, безусловно, признанным элементом жилищного планирования [ср.: Xenophon, Memorabilia 3.8.9-10, где автор рекомендует строить дома таким образом, чтобы более высокая часть над двором выходила на юг].

[25] Впервые эта гипотеза была предложена А.Л. Якобсоном [48, с. 87], но была убедительно опровергнута В.Н. Даниленко [17, с. 64].

этаже, очевидно, были редки в Херсонесе, некоторые из этих деталей являлись каркасом для окон или дверей на верхнем этаже, в этом случае, при использовании каменной отделки, деревянный фасад выглядит маловероятным. Скорее всего, эти здания, как и большинство других многоэтажных византийских домов, представляли собой каменные конструкции до самой линии крыш.

Функциональное назначение помещений на этапе строительства, естественно, менее понятно, чем на момент разрушения квартала. В частности, это касается комплекса 2, где можно сделать очень мало конкретных выводов об использовании помещений в начальный период существования. Неглубокие округлые углубления в уступе материковой скалы в помещении 35, очевидно, предназначавшиеся для пифосов, свидетельствуют о том, что с самого начала это помещение являлось кладовой. Если дом был построен в соответствии с византийскими стандартами, верхний этаж над помещением 38, почти наверняка, являлся основным жилым пространством, а нижний должен был быть складским и хозяйственным. Глубокая овальная яма у северо-западной стены помещения, частично засыпанная к концу второй фазы, возможно, также служила для расположения одного или нескольких пифосов (рис. 14). Многочисленные останки рыбы (кости, чешуя) на полу внутреннего двора (31) и некоторое их количество в овальной яме свидетельствуют о том, что в этот период жители занимались обработкой рыбы[26]. Интересно отметить, что, в отличие от византийских домов в Греции и Малой Азии, в нашем квартале пифосы не были вкопаны глубоко в пол и, таким образом, не являлись постоянным инвентарем в хозяйственном помещении [77, p. 40; 113, p. 198-199]. Вместе с тем, упомянутая яма может быть исключением, а данные о постепенном накоплении ее заполнения и находки следов деревянной обшивки или плетня вокруг стенок ямы оставляют возможности для других интерпретаций.

Более ясной выглядит ситуация в комплексе 3 в его первой фазе. В это время помещение 33 являлось кузницей, и оба двора – внутренний (помещения 28 и 32) и еще больший, центральный – также широко использовались кузнецом[27]. Много мелких ямок, заполненных черной золой, и большое количество подов кузнечных печей свидетельствуют о том, что кузнец занимался ковкой на всей этой территории [129, p. 17, 318; 137, p. 94]. Однако помещение 33 было местом, где у кузнеца стояла наковальня и где он, очевидно, выполнял

[26] Большая часть костей в яме располагалась в анатомическом порядке. Такой характер находок, а также наличие надрубок на позвоночнике палтуса указывают на то, что эти отходы связаны с обработкой, а не с употреблением рыбы [131, p. 212-213].

[27] Анализ металлургических находок в настоящее время проводится К. Солтером из Oxford Material Science-based Archaeology Group. Обсуждение этих материалов в следующих параграфах основано на предварительных результатах его исследования, за что мы выражаем ему свою благодарность.

большую часть ковки[28]. Карта распространения находок окалины в помещении 33, составленная в соответствии с весом образцов, показывает, что зона наибольшей активности находилась в восточном углу помещения, прямо напротив широкого выхода на улицу (рис. 15). Это не удивительно – кузнецу был нужен свет, и вероятное размещение наковальни в этой зоне подтверждается наличием овальной ямы, размерами 0,6х0,4 м, с уплотненным плоским дном, имевшей контуры размещавшегося там предмета (рис. 16). Этим предметом, возможно, был кусок древесного ствола, на котором кузнецы обычно устанавливали свои наковальни [137, p. 75].

Металлические остатки указывают на то, что кузнец также занимался мелкомасштабным литьем, включающим небольшую сварку. Найдены материалы, связанные с производством гвоздей, а также изготовлением и ремонтом основных инструментов. Подобной деятельностью кузнецы занимались во многих поселениях и городах средневекового мира[29]. Однако здесь кузнец, похоже, был особенно экономным с металлом. Металлические остатки и обрезки, которые обычно присутствуют в отходах от средневекового кузнечного производства, здесь явно отсутствуют: на месте производства остались только окалина и шлак из печей[30]. Это может быть просто привычкой данного конкретного кузнеца, но также может свидетельствовать о больших проблемах с поставкой железа в Херсонес в этот период[31]. Кузнец, по-видимому, немного работал и с медью. Фрагменты поврежденных предметов из медного сплава, в том числе лампадофора, которые были найдены в глинобитном полу помещения 33, возможно, предназначались для переплавки и вторичного использования, а стержень из медного сплава, который был найден воткнутым в стену помещения, похоже, находился в процессе обработки.

По-видимому, жители этого квартала занимались, в основном, коммерческой и ремесленной деятельностью, чем сельским хозяйством. Работа кузнеца была шумной и требующей больших открытых площадей, кроме того, существовала угроза пожара, которая, по-видимому, всегда была причиной беспокойства населения городов Византии[32]. Если жители комплекса 2 дей-

---

[28] Находки окалины в южной части центрального двора позволяют предположить, что он иногда устанавливал наковальню и на этой территории.

[29] «Без сомнения, изготовление гвоздей было одним из самых распространенных и простых занятий» для средневековых кузнецов [129, p. 262].

[30] К. Солтер, личные комментарии.

[31] Для решения этого вопроса потребовалась бы комплексная программа по отбору проб с помощью микроскопа из других кузниц города. Во время предыдущих раскопок металлургические остатки были лишь отмечены в общем виде и, насколько нам известно, никогда не отождествлялись с окалиной или обрезками, а программы отбора образцов и количественный анализ не проводились.

[32] Ср. ограничения по размещению пекарен и горючих материалов в Константинополе в Книге Эпарха X в. [12, 18.3].

ствительно занимались обработкой рыбы, их работа, должно быть, была связана с неприятными запахами. Данная часть города являлась подходящей для обоих видов деятельности. Владельцы домов в этом районе могли позволить себе большие дворы, так как данный район не являлся престижным и не был густо заселен. Вместе с тем, квартал располагался вблизи главной улицы и южных ворот, где движение должно было быть интенсивным[33], а неприятные запахи и шумы, производимые работой, которая здесь проходила, были на надлежащем расстоянии от административного и религиозного центра города[34].

Жилые комплексы: вторая фаза.

Относительно короткий период, в течение которого эти комплексы были заселены, позволяет нам с определенной точностью проследить изменения, которые в них происходили. Два комплекса развивались в очень похожих направлениях. В обоих случаях, занимаемые площади были перепланированы, и к моменту разрушения квартала в обеих усадьбах на отгороженных территориях осуществлялась розничная торговля (рис. 17).

На этой фазе у вторых этажей в комплексе 2 наблюдались серьезные проблемы с конструкциями, связанные либо с сейсмической активностью, либо, что более вероятно, с проседанием засыпи в ямах, над которыми были построены стены. Юго-западная стена помещения 38 начала выгибаться внутрь и была укреплена неким подобием контрфорса (рис. 18). Дверь между помещением 38 и внутренним двором (31) была заложена, возможно, одновременно со строительством контрфорса. Новая внутренняя лестница, примыкавшая к контрфорсу, отражает изменения в доступе к помещению, в которое теперь можно было попасть только со двора, поднявшись по внешней лестнице и спустившись по внутренним ступенькам. Для этого верхний этаж должен был сохраниться хотя бы частично, но состояние стены могло сделать его непригодным для жилья. Крайне малое число предметов, находившихся в помещении 38 в момент его разрушения, – там, видимо, находились только амфора, два кухонных горшка и несколько неглазурованных местных кувшинов, а также относительно небольшое количество черепицы и сгоревшего дерева в завале, позволяют предположить, что крыша и верхний этаж уже находились в сильном запустении.

В течение этой фазы помещение 30 было отделено от остальной части комплекса. Доступ во внутренний двор из помещения 25 был частично перекрыт стеной на первом этаже. Однако эта отгороженная территория сократилась

[33] Экономическая деятельность в поздневизантийских городах обычно сосредотачивалась вокруг городских ворот [97, p. 471].

[34] Некоторые из византийских законов запрещали размещение мастерских по производству *garos* и других лавок с неприятными запахами вблизи городского центра [69, p. 189].

за счет строительства ступенек, которые вели из этого помещения, через стену, к лестничному пролету верхнего этажа над помещением 38. Это может свидетельствовать о том, что людям, которые использовали двор и помещение 38, был нужен доступ к помещению 35, даже когда наружная дверь в помещение 34 была закрыта. Помещение 35 продолжало функционировать как кладовая: в момент разрушения в нем находились два пифоса, на одном из которых было процарапано граффити с детальным изображением судна с латинским парусным вооружением, обугленные остатки разнообразного зерна и бобовых и бронзовый крест-энколпион древнерусского типа, завернутый в ткань и, возможно, хранившийся в деревянной шкатулке[35]. Хозяева беспокоились о защите помещения, это подтверждается наличием дверных замков, найденных рядом и внутри дверного проема в помещении 35 и возле двери, ведущей в помещение 25 [о последней: 53, p. 26].

В течение первой фазы помещение 30 напрямую соединялось с внутренним двором через заднюю дверь, но теперь за ним было построено маленькое помещение (31a), отделяющее его от двора. В то время как деятельность в остальной части комплекса, по-видимому, перестала быть интенсивной, ставший самостоятельным участок с центром в помещении 30 продолжал активно использоваться для обработки рыбы. Большое количество костей и чешуи рыбы было найдено в этом помещении и в помещении 25 во время раскопок 2001-2002 гг. [53, p. 26], а в 2004 г. мы также обнаружили остатки морепродуктов, включающие кучку крабовых клешней (рис. 19). В северном углу помещения находилась большая печь, от которой сохранилось несколько камней на обширном участке сильно обгоревшей земли. Открытие очажной подставки в помещении 25 в 2002 г., а также наличие верхних и нижних частей от одной или нескольких ручных мельниц в помещении 31a свидетельствуют о том, что, кроме обработки рыбы, хозяева занимались обычным приготовлением пищи. Вместе с тем, обособленность этих помещений в комплексе, преобладание остатков морепродуктов, а также очень малое количество зерна и бобовых в образцах флотации, взятых с пола, не позволяют интерпретировать эти помещения как обычную домашнюю кухню.

В византийских литературных источниках описываются торговцы свежей рыбой, а также упоминается индивидуальная розничная торговля соленой рыбой[36]. В народных стихах XII в. воспевается удовольствие от потребления вареной рыбы и описываются эпизоды, произошедшие в харчевнях, – но в

[35] Возможно, этой шкатулке принадлежали маленькие железные крепления, найденные рядом с крестом в массе обгоревшего дерева и золы. Крест, который был найден практически целым, имел вложение в виде кусочков дерева. Подробно находка будет рассмотрена в следующей публикации.

[36] В Книге Эпарха дано четкое представление об ограничениях в этих профессиях. Торговцам рыбой запрещено хранить их товар [12, 17.2], в то время как, предполагается, именно

харчевнях продается черное мясо (баранина и говядина), а рыба упоминается только в контексте блюд, подаваемых на частных обедах у чревоугодливых монахов и благополучных соседей [Ptochoprodromos, стих III (Hesseling and Pernot), строки 140 ff.; стих IV, строка 134]. Поэтому трудно сказать, являлась ли наша структура лавкой торговца рыбой или таверной[37]. Фактически в источниках упоминается очень мало видов торговой деятельности, которые совмещали обработку и продажу рыбы с разогреванием и приготовлением пищи. Вполне возможно, что в Херсонесе были свои традиции и что хозяин такого вида хозяйства просто продавал готовые морские продукты. Однако если мы попытаемся найти объяснение, подтвержденное письменными источниками, мы увидим еще один возможный вариант. Два независимых друг от друга византийских источника X или XI вв. описывают «быстрый» способ приготовления *гароса*, рыбного соуса, который оставался популярной приправой в византийском мире на протяжении долгого времени после того, как *гарум*, его латинский эквивалент, исчез из западной кулинарной лексики. И в *Геопонике,* приписываемой Константину Багрянородному, и в интерполяции к рукописи Рафиуса Фестиуса описывается способ, согласно которому рассол / винная смесь доводится до кипения над источником тепла, добавляется рыба (по *Геопонике* – с орегано), из полученного отвара оставляются две трети и многократно фильтруются для получения приемлемого рыбного соуса [14, 20.46.5-6; интерполяция в Rufius Festius, *Breviarium rerum gestarum populi romani*, цитата из: 69, p. 12]. Плиний в своей «Натуральной истории» отмечает, что для приготовления *гарума* [Pliny, *NH* 31.95, цитата из: 69, p. 14] можно использовать не только рыбу, но также моллюсков и ракообразных. А Пьер Белон, путешественник XVI в., посетивший Константинополь, описывает производителей *гарума* в Pera, отмечая, что они «готовят свежую рыбу каждый день, продают ее жареной и используют внутренности и икру, помещая их в рассол, чтобы сделать из них гарум» [71, p. 68; цитата из: Belon, Observations, book 1, chapter 75]. Поэтому возможно, что владелец помещения 30 занимался такой же деятельностью, готовя и продавая съедобные части рыбы сразу, а остальные части, вместе с крабами, устрицами и мидиями, использовал для быстрого приготовления небольшого количества простого рыбного соуса. Однако, кроме преобладания остатков морепродуктов, остатки фауны из этого помещения не предоставляют достаточных данных для подтверждения или опровержения этого предположения.

В отличие от этой гипотетической интерпретации, мы имеем гораздо лучшее представление об изменениях, произошедших в комплексе 3. По-видимому,

---

бакалейщики (*saldamarioi*) могут продавать консервированную (сушеную или соленую) рыбу и мясо [12, 13.1].

[37] Помещение выше по улице, с большей вероятностью, выполняло эту функцию [53, p. 26].

кузница функционировала только в те годы, пока в ней работал определенный кузнец. Количество отходов от обработки металла свидетельствует о том, что процесс производства длился несколько десятилетий. После того, как кузнечные работы прекратились, этот комплекс также был перепланирован: новая стена разделила первоначальный внутренний двор на два маленьких (28 и 32), а парадная дверь помещения 33 была заложена. Помещения 29, 32 и 36 остались бытовыми. В момент разрушения квартала помещение 29 являлось кладовой. В нем были найдены два пифоса, несколько местных и привозных амфор, два маленьких белоглиняных, покрытых зеленой поливой кувшина (один из них, возможно, использовался для зачерпывания жидкости (воды?) из пифоса, который стоял рядом) и четыре привозных поливных блюда (два – типа «Zeuxippus Ware», одно – GWW IV и одно – Incised Sgraffito Ware). В помещении 32 также были найдены целая херсонесская амфора, три миски типа Zeuxippus Ware, белоглиняное поливное блюдо (GWWIV) и кухонный горшок. Амфора и горшок, возможно, свидетельствуют о том, что это помещение, а точнее внутренний двор, также использовалось для приготовления пищи, хотя наличие здесь столовой посуды объяснить сложнее. Назначение помещения 36 менее понятно; там найдены три привозных поливных кувшина (два белоглиняных и один красноглиняный полихромный, возможно, восточного происхождения) и тарелка из медного сплава. В завале помещения (возможно, упавшие с верхнего этажа?) были найдены кольца для бронзовой подвесной лампы и железный инструмент, который в Херсонесе обычно относят к щеткам для чесания шерсти (рис. 20). Три сквозных костяных наперстка из помещений 29 и 32 свидетельствуют о том, что в этом комплексе выполнялись текстильные работы. На это указывают и шесть керамических и каменных пряслиц, найденных в слое разрушения помещений 29, 32 и 36. Единственным сельскохозяйственным инструментом является широкое кривое лезвие, принадлежавшее большому серпу или маленькой косе, найденное на полу помещения 32.

Конечно, это хозяйство не было зажиточным, но, тем не менее, большая часть посуды у его владельцев была привозной, и они имели, как минимум, один металлический сосуд. По-видимому, привозная поливная посуда высоко ценилась, так как на нескольких сосудах видны следы ремонтов. На полу помещения 36 найдено значительное количество обугленных балок, стропил и планок от дверей и отделки, однако признаков мебели обнаружено не было. Это соответствует известному утверждению Н. Ойкономидиса о том, что функцию столов, стульев и кроватей выполняли скамьи, встроенные в стены жилых помещений [102, p. 213]. Можно было бы ожидать большего числа находок с верхнего этажа, где жители, предположительно, хранили свои наиболее важные вещи. Однако слой завала в помещении 36 был явно потревожен в какой-то момент после разрушения. Это могли сделать сборщики мусора или люди, пережившие катастрофу, собравшие то, что еще можно было спасти из руин.

Два помещения (28 и 33), отделенные от остальной части комплекса, стали бакалейной лавкой[38]. Магазин выходил прямо на главную улицу широкой дверью в стене помещения 28. Вымостка из плоских камней неправильной формы позволяет предположить, что эта территория была открытой, но остальная часть помещения была накрыта легкой деревянной конструкцией, обгоревшие остатки которой были найдены разбросанными по полу. Должно быть, сделки проводились в этой части лавки, в то время как помещение 33, в котором были найдены in situ шесть пифосов и девять раздавленных амфор, было складом. Перечень содержимого этого склада на момент его разрушения как будто иллюстрирует описания *saldamarioi* в Книге Эпарха: соленая рыба, различные виды зерна, оливковое масло (судя по интенсивности, с которой сгорела часть кладовой), поливная посуда, а также железные инструменты и металлические изделия[39]. Керамическая цедилка, вероятно, была не предметом продажи, а приспособлением для того, чтобы доставать рыбу из одного из пифосов[40]. По-видимому, товары хранились и в керамических, и в деревянных емкостях; из последних сохранилось только дно деревянного ведра или бочки. Многочисленные железные крепления из слоя разрушения могли принадлежать нескольким шкатулкам или сундукам (рис. 21).

Салдамарий переживал за сохранность своих товаров и выручки: входная дверь между двумя помещениями была сужена после того, как были установлены пифосы, возможно для того, чтобы их не вынесли[41], а отверстие в стене за бассейном в помещении 28 (рис. 22) могло служить в качестве примитивного сейфа[42]. Железный дверной замок, найденный среди обугленного дерева на главной улице прямо за дверью, а также импортный навесной

[38] Конечно, нам неизвестно, была ли эта часть собственности продана бакалейщику или арендовалась им, но правила, касающиеся бакалейщиков в Книге Эпарха, запрещают попытки повышать цены за аренду помещений своим конкурентам [12, 13.6]. Это позволяет предположить, что для розничных торговцев было обычным явлением сдавать в аренду их торговые площади.

[39] Товары, которые можно было продавать в *saldamarioi*: «мясо, соленая рыба, крупа, сыр, мед, оливковое масло, разнообразные овощи, масло, твердая и жидкая смола, кедровое масло, камфара, льняное масло, гипс, керамическая посуда, миски, сосуды и пр., гвозди, бутыли, фактически любые товары, которые можно было продать с помощью безмена, без весов» [12, 13.1].

[40] Цедилки, найденные в других бакалейных лавках Херсонеса, имели отношение к рыбным остаткам [23, с. 166].

[41] Северный косяк двери был расширен дополнительным вертикальным рядом кладки. Таким образом, ширина дверного проема составила около 93-94 см. Воссозданный диаметр одного из разбитых пифосов составил 95 см. При наличии деревянной двери и коробки, вынести пифосы было невозможно.

[42] По-видимому, первоначально отверстие было закрыто плоским кладочным камнем, контуры которого можно было видеть в стене. Однако этот камень был вынут перед тем, как помещение погибло и было засыпано, а само отверстие, когда мы его обнаружили, было заполнено только землей.

замок, лежавший на расстоянии нескольких метров, также свидетельствуют о том, что владелец пытался защитить свои ценности. Искусно выполненный навесной замок, длиной около 10 см, с фигурками животных и надписью арабского мастера, возможно, запирал шкатулку. Его скоба была намерено сломана, и есть основания связать его нахождение на улице с катастрофой, которая положила конец существованию квартала. Однако в лучшие времена бакалейщик был вынужден сочетать меры предосторожности с попытками активизировать общественную жизнь возле лавки. После того, как парадная дверь помещения 33 была заложена, вдоль внешней стороны стены были установлены три мраморных импостных капители, которые изначально принадлежали базилике ранневизантийского периода. Таким образом, на углу улицы образовались скамьи (рис. 11,*3*; 23). О том, что эти скамьи часто использовались, свидетельствуют процарапанные на поверхности большей капители доски для настольной игры «Моррис с девятью шашками» (рис. 24)[43].

Торговля и экономика.

Материал из лавки бакалейщика и привозные изделия из других помещений комплексов 2 и 3 убедительно свидетельствуют о наличии денежной розничной торговли и обширных торговых связях Херсонеса в начале XIII в. И все же, в комплексах 2 и 3 было обнаружено удивительно малое количество монет – высокого достоинства монет не было найдено совсем, и почти все монеты, найденные на полах помещений последней фазы, были медными, местной чеканки[44]. Нумизматический материал, который предназначался для более широких торговых сетей, состоял только из двух имитаций: одной

[43] «Моррис с девятью шашками» – Nine Men's Morris – это игра, также известная как Merrels, Mills, Mühle или мельница. Простые костяные фишки с врезными изображениями крестов или звездочек, в сочетании со штрихами и точками, найденные на всей территории раскопа, возможно, также следует относить к этой игре для двух лиц. Сама игра была очень популярна в средневековой Европе, от Англии до Греции, и на территории Леванта [напр.: 64, p. 695, 702, cat. 2218, fig. 194; 132, p. 97 – однако, она отмечает, что эта игра была более распространена в Северной Европе и в Греции – p. 105 ff.]. Изображение игральных досок находят и в Херсонесе. Известна аналогия из Скандинавии в контексте X в. или раньше, но рост ее популярности в средневековом Средиземноморье может быть связан, в частности, с крестоносцами [132, p. 102, 107, 108]. Общеизвестно, что найденные игральные доски, процарапанные на камнях или на фрагментах керамики, трудно датировать, тем более, что есть неопровержимые доказательства того, что в эту игру играли еще в позднеантичный период, если не раньше [132, p. 105-107]. Однако в нашем случае мы можем датировать доску довольно точно: если наша датировка строительства и разрушения квартала верна и если, что представляется несомненным, игральные доски были начерчены после того, как капитель стала скамьей, то, вероятно, это произошло не ранее середины XII в. и не позднее середины XIII в.

[44] Иностранные выпуски, включая многочисленные сельджукские монеты, были найдены в слоях разрушения в Северном и Портовом районах [напр.: 23, с. 169]. В первой половине

болгарской и одной латинской. Большая часть местных монет относилась к известному херсонесскому типу «ро-омега». Хотя ученые соглашаются, что эти монеты чеканились в Херсонесе, но все еще ведется спор об их дате. Долгое время считалось, что они были выпущены в XI или начале XII вв. [3], хотя материалы из квартала свидетельствуют о том, что такие монеты все еще были в обращении в XIII в.[45] Однако недавно был приведен аргумент, что многие из них подражали ранним типам, но были отчеканены в XIII в. [2, с. 187-191][46].

Какой бы ни был уровень монетаризации экономики в этом квартале, очевидно, что жители имели возможность приобретать импортные товары. Обнаруженные предметы подтверждают общее впечатление, что в начале XIII в. в Херсонесе сходились три главных направления торговли: керамика и монеты указывают на связи с византийским миром Юго-Западного Причерноморья и Средиземноморья; исламские регионы юга и юго-востока представлены металлическими изделиями из медных сплавов и керамикой; о контактах с Киевской Русью на севере свидетельствуют пряслица из пурпурного овручского сланца и энколпион древнерусского типа, найденный в помещении 35. Точные свидетельства о связях с Трапезундом в целом отсутствуют, несмотря на принятое утверждение, что Херсонес был ориентирован на этот город после разграбления Константинополя в 1204 г. Частично это можно объяснить тем, что Трапезунд не чеканил свои монеты до середины XIII века [10, с. 95; 24, с. 412].

Керамические изделия, импортированные из византийских центров в Малой Азии и Эгейском регионе, составляют большую часть комплекса. Несмотря на то, что в Херсонесе, по-видимому, было свое керамическое производство в этот период [49, с. 113], наличие слюды в глине некоторых пифосов из квартала свидетельствует о том, что даже эти крупные сосуды для хранения иногда привозились из других центров. Возможно, они поступали как контейнеры для импортируемых товаров: это, безусловно, касается и большого количества привозных тарных амфор, среди которых преобладают типы Günsenin III и IV[47]. Все большое разнообразие типов поливной посуды,

---

XIII в. привозные монеты в херсонесской экономике представлены сельджукскими выпусками, в частности, монетами Кей-Кубада I (1219-1236). В конце XII – начале XIII вв. в обращении также находились византийские монеты: Андроника I Комнина (1183-1185), Исаака Ангела (1185-1195) и Алексея III (1195-1203) [2, с. 5].

[45] Монеты из наших раскопок были определены В.А. Анохиным как старые выпуски, продолжавшие быть в употреблении.

[46] В нашем случае предположение Н.А. Алексеенко может быть подтверждено тем фактом, что многие из монет с монограммой «ро» из наших раскопок износились совсем незначительно, хотя монеты, находившиеся в обращении больше века, должны быть изношены сильнее.

[47] Амфоры типа Günsenin III были, вероятно, изготовлены в Центральной Греции [79, p. 76, fig. 26,11] или на северо-западном побережье Малой Азии [133, p. 153-154]. Амфоры типа Günsenin IV, вероятно, производились в Ганосе [78, p. 167-178], есть также мнение, что и в Трапезунде [13, с. 91].

раскопанной и в торговой лавке, и в жилых помещениях, было импортной. Наиболее распространенным является тип Zeuxippus Ware (рис. 25; 26), встречаются также сосуды типа Fine Sgraffito Ware и Incised Sgraffito (Aegean) Ware. Другие хорошо представленные группы включают типы Slip-Painted Ware, Glazed White Ware IV, Polychrome Sgraffito Wares (иногда отождествляемая с посудой круга Порта Св. Симеона) и посуду из фритты (кашинная керамика), покрытую бирюзовой глазурью. Среди товара в лавке в момент ее разрушения находилось значительное количество белоглиняной поливной посуды (GWW IV), центром производства которой традиционно считается Константинополь [79, p. 30]. Считается, что производство этой посуды прекратилось с началом латинской оккупации в 1204 г. [120, p. 91-92]. Однако и керамический, и нумизматический материалы свидетельствуют о том, что рассматриваемый квартал был разрушен после 1220 г., и нет ясности, указывают ли найденные в лавке сосуды на наличие других центров производства или просто свидетельствуют о том, что старый товар долгое время был в обращении.

О происхождении других изделий и путях их проникновения имеется еще меньше информации, так как исследователи единодушно указывают на возможность производства этих групп товаров в нескольких производственных центрах[48]. Однако в рамках поливной керамики можно выделить две общие группы. Одна состоит из посуды, которая, возможно, была произведена в Эгейском регионе, в Греции или на Кипре – это типы Fine и Incised Sgraffito Ware и, возможно, Slip-Painted Ware[49]. Другая группа представлена типом Polychrome Sgraffito Wares, который, как сейчас представляется, производился в различных центрах Сирии, Центральной и Юго-Восточной Малой Азии [110, p. 285-286][50]. Изделия, покрытые бирюзовой глазурью, были изготовлены, скорее всего, в мастерских мусульманской Сирии [25, с. 218-219; 111, p. 244-245].

О связях с исламским миром – с Сирией, Джазирой и Центральной Малой Азией – свидетельствует навесной замок из медного сплава с арабской надписью. Подобный навесной замок, также с арабской надписью, был найден в этом районе Херсонеса в 1960-х гг. [35, с. 157]. Последний был датирован кон-

---

[48] Так, например, обстоит дело в случае с Zeuxippos Ware. Отношение к этим изделиям, как к представителям одного типа, является предметом длительных дискуссий [98, p. 67-68; 118, p. 257; 125, p. 54; 133, p. 164-166].

[49] Греция как возможный район производства керамики типа Fine Sgraffito Ware [105, p. 123-142; 135, p. 112, 116]. Группа Incised Sgraffito Ware (Aegean Ware [98, p. 39]) широко представлена находками из Эгейского региона, Коринфа, Беотии, Италии, Сирии, Палестины и Турции. Возможно, она производилась во многих центрах, в число которых мог входить Константинополь [79, p. 44], Кипр [59, p. 100] и Эгейский регион [133, p. 163-164; 52, p. 339-340]. Изделия группы Slip-Painted Ware также, вероятно, изготавливались в различных центрах, но близкие аналогии были найдены в Греции [100, p. 101, fig. 79-80; 95, p. 404, fig. 24,1]..

[50] Ряд авторов отмечает сходство херсонесской посуды с группой керамики Порта Св. Симеона [25, с. 221-222; 16, с. 207-209, рис. 11,1-2; 12,1-6].

цом XIV – XV вв. и, по мнению руководителя раскопок, свидетельствовал о том, что квартал населяли армяне. Однако близкие аналогии в исламском мире датируются XI-XIII вв. [ср.: 126, p. 53, с замками в виде животных из сельджукского Ирана]. Эта находка скорее свидетельствует о торговых отношениях, а не об этнической принадлежности владельца. Изделия из медного сплава, изготовленные в исламских центрах, являются частыми находками в Херсонесе в слоях разрушения XIII в.[51] Наряду с керамическими изделиями, они свидетельствуют о том, что жители города в начале XIII в. имели непосредственный доступ к товарам, произведенным в мусульманском мире[52].

Некоторые предметы, связанные с Киевской Русью, в Херсонесе традиционно считались свидетельством этнической принадлежности владельцев. Жители комплекса 3 имели, как минимум, 3 пряслица из пурпурного овручского сланца, а среди содержимого помещения 35 в комплексе 2, как мы отмечали выше, был бронзовый энколпион древнерусского типа. Однако и сланцевые пряслица, и энколпионы древнерусского типа находили в разных районах города, и здесь, опять же, их лучше трактовать как показатели торговых связей, а не признаки этнической принадлежности. В целом, мы можем заметить, что ассортимент и типы находок из комплекса 2 и 3, включая импортные товары, отличаются от находок в остальной части города незначительно.

Весьма информативными для изучения хозяйственной деятельности являются находки из торговой лавки комплекса 3. Инструменты, скобяные изделия и другие металлические предметы, которые предназначались для продажи, отражают потребности городского населения и не имеют отношения к сельскому хозяйству[53]. Железные инструменты включают тесло или широкий нож / скобель[54] и широкий, мелко зазубренный клинок с рукояткой из кости и дерева, прикрепленной под углом в центре (рис. 27)[55]. Оба эти инструмента,

---

[51] Миски из медного сплава с врезным орнаментом и арабскими надписями [39, с. 310; 11, с. 153], гравированная ступка из медного сплава и пестик [11, с. 215, 216], футляры из медного сплава [11, с. 151].

[52] Точное происхождение этих предметов неизвестно, мало того, производство изделий из медных сплавов было распространено повсюду в Малой Азии, Сирии, Джазире и Иране, к тому же в случае с обычными предметами, такими, как лампадофоры, светильники и сосуды, их трудно отличить от византийских вариаций, которые точно следовали исламским формам. Мы надеемся провести анализ металла на микропримеси, чтобы получить более точное представление о происхождении замка.

[53] Тем не менее, находки из других жилых районов Херсонеса включают довольно большое число сельскохозяйственных инструментов. Это кажется странным для города, экономика которого в первую очередь опиралась на торговлю [15, с. 360-361].

[54] D. Tweddle рассматривает близкую аналогию более раннего времени из раскопок Коппергэйта периода викингов в Йорке и отмечает, что «некоторые скобели, наподобие современных резцов, использовали для обтески и вырезания из дерева, а другие – для клепки и обстругивания дерева» [128, с. 28]. Еще одна современная аналогия [см.: 75, p. 273-275, fig. 59, № 394].

[55] В Херсонесе были найдены аналогичные инструменты [20, с. 189, рис. 7], но их назначение

очевидно, были связаны с мелкими плотницкими работами и домашними ремонтами. Колокольчик для коровы, сделанный из медного сплава (рис. 28), позволяет предположить, что некоторые из покупателей лавки занимались животноводством. Домашние животные были, несомненно, привычным элементом городских и сельских контекстов византийского мира[56]. Другие предметы с еще большей очевидностью связаны с городским хозяйством: в кладовой находились, как минимум, три железных накладки для дверных замков, предположительно, товар, а не приспособления для самого помещения. Ведро со сливом из медного сплава и железной ручкой, найденное на улице возле лавки, также могло быть частью ее товарного запаса.

Как упоминалось выше, по-видимому, в лавке производилась оживленная торговля бестарным продовольственным товаром. В пифосе возле двери находилась обугленная спрессованная масса костей маленьких анчоусов. Рядом с пифосом были найдены обугленные зерна мягкой пшеницы (*triticum aestivum*) [12, 19]. Косточки винограда, обнаруженные внутри одной из амфор, свидетельствуют о том, что в ней было вино; если это так, то возникает некое противоречие со сведениями из Книги Эпарха, в которой обсуждается торговля вином, осуществляемая не бакалейщиками, а специальным классом *kapeloi* (корчмарями) [12, 19].

Среди палеоботанических образцов не было найдено оливковых косточек, но огонь, охвативший участок вдоль юго-восточной стены лавки, был достаточно высокой температуры, так как расплавил высококачественную поливу на керамических изделиях. Это свидетельствует о наличии катализатора, и оливковое масло, как главный пищевой продукт Византии, является самым вероятным кандидатом. Маслины не выращивались в Крыму, и импортируемое оливковое масло должно было быть стандартным компонентом в ассортименте товаров херсонесских салдамариев.

Более сложно установить происхождение вина и мягкой пшеницы, найденной в лавке. За исключением Константинополя, большинство византийских центров получало продовольствие из собственной округи. Однако в оп-

---

остается неясным. Угол рукоятки свидетельствует о том, что ее надо было перемещать по плоской поверхности, что исключает использование ее в качестве пилы, но зубцы слишком мелкие для того, чтобы инструмент мог считаться граблями. Укрепляющий стержень поперек передней стороны клинка говорит о том, что его работа была усовершенствована за счет дополнительного веса и устойчивости. Один из вариантов использования мог состоять в том, что инструмент применялся для нанесения нижнего «чернового» слоя при оштукатуривании стен. Стены рассматриваемого комплекса, несомненно, были оштукатурены смесью глины и вяжущего вещества, хотя во время раскопок только незначительные фрагменты такой штукатурки были найдены in situ. Кроме того, штукатурку нужно было регулярно обновлять, чтобы стены не разрушились под воздействием дождевой воды.

[56] Даже в самом Константинополе (ср.: жалобы Tzetzes по поводу свиней, которых держал его сосед с верхнего этажа [*Epistolae*, Pressel, p. 19, цитировано в: 63, p. 25]).

ределенные периоды, Херсонес, очевидно, не мог себя прокормить. Так, останки людей, похороненных в церкви в нашем квартале, имеют признаки авитаминоза, который не может возникнуть у людей, потребляющих свежие фрукты и овощи с обрабатываемых сельскохозяйственных участков (см. ниже). В античную эпоху Юго-Западный Крым был крупным производителем вина. Однако к X в. это производство, по-видимому, сократилось, и в керамическом ансамбле превалируют привозные амфоры. В слоях XIII в. наибольшее число амфор относится к местным типам. Это трудно связать с малочисленными данными о сельскохозяйственной округе самого города[57], но, возможно, амфоры, изготовленные в Херсонесе, были предназначены для вина, произведенного в предгорных городах и поселениях Юго-Западного Крыма. Что касается мягкой пшеницы, литературные источники свидетельствуют об обширном производстве зерна в начале XIV в. в других районах Крыма, в частности, в округе Каффы / Феодосии и, возможно, Евпатории [81, p. 46, цитируя Pegolotti, *La pratica della Mercatura*][58]. Неизвестно, касалось ли это также Херсонеса, который не упоминается в источниках. Сведений о наличии обрабатываемой сельскохозяйственной территории города в XIII в. очень мало. Возможно, мягкая пшеница не выращивалась в городской округе. В любом случае, к тому времени, когда ее выставили на продажу в лавке, она, по-видимому, уже была хорошо просеяна, т.к. было найдено очень мало фрагментов оси колоска и относительно немного семян сорных растений[59].

Хлеб, испеченный из мягкой пшеницы мелкого помола, очень ценился в византийском мире [71, p. 77-78], но использовалось и другое зерно, и среди товара в лавке также был небольшой запас такого зерна. Ячмень и рожь составляют следующую большую группу зерна; они, по всей видимости, были

[57] В X в. Константин Багрянородный пишет, что если «херсониты не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии и Вукелляриев и со склонов Армениаков, то не могут жить» [27, глава 53, с. 274].

[58] M.F. Hendy связывает “Lifetti”, упомянутое Пеголотти, с Евпаторией. Эти части Крыма имеют долгую историю важных центров производства зерна, в то время как ранняя сельскохозяйственная деятельность на хоре Херсонеса, по-видимому, была сосредоточена, главным образом, на виноделии.

[59] Большая часть этих сорных растений происходит из крупносеменных видов, таких, как *Agrostemma githago*. Они обычно находились в зерне до тех пор, пока их не выбирали вручную, на самой последней стадии обработки [86, p. 137]. Общее преобладание *Secalinetea* может также указывать на то, что пшеницу выращивали как экстенсивную полевую культуру, а не интенсивный огородный продукт [66, p. 278-279]. Два образца из Никополя на Истре, упомянутые в последней публикации, которые представляли результат просеивания через сито с мелкими отверстиями, имели соотношения сорняков и зерна – 1:74 и 1:20. Подобные соотношения в образцах из помещения 33 колеблются от 1:15 до 1:38. Однако наши образцы гораздо крупнее (соотношение 1:74 в Никополе на Истре представляет 1 сорняк и 74 зерна; наши соотношения представляют более 100 зерен в каждом случае, а в двух случаях более 1000), а расхождение в соотношениях может зависеть от размера образца.

широко распространены в византийском мире в XIII в. [70, p. 445], хотя небольшое преобладание ржи над ячменем в образцах из помещения 33 выглядит необычно[60]. Просо присутствует, но в небольшом количестве. В литературе есть описания, ставящие под сомнение его пищевую ценность. Анна Комнина называет просо зерном на крайний случай [*Alexiad* 13.2.4, цит. в: 71]. Овес, в соответствии с предпочтениями, отображенными в византийской литературе, в наших образцах отсутствует [71, p. 78]. Однако вопреки предпочтениям, описанным в письменных источниках, в лавке было найдено значительное количество простой пленчатой пшеницы: полбы-двузернянки, которая упоминается в литературе как основа для овсянки и сухих каш, называемых в *Геопонике tragos* [71, p. 79, 180, цит.: 14, 3.8], а также однозернянки и спельты, которые упоминаются только в общем списке физиологических свойств возможных пищевых продуктов. Наличие «вилочек» пленчатой пшеницы в палеоботаническом комплексе говорит о том, что она хранилась не полностью обработанной. Этот факт, а также наличие посторонних видов, говорит о том, что пленчатая пшеница была, вероятнее всего, местного производства[61].

Пища и пищевой рацион в Южном районе.

Эти образцы особенно интересны при сравнении палеоботанических комплексов из жилых помещений и кладовых усадеб 2 и 3. В помещении 33 (кладовая лавки) зерна мягкой пшеницы составляют самую большую часть палеоботанического материала, а зерна других видов пшеницы занимают второе место. Бобовые представлены несколькими зернами гороха и чечевицы, фрукты и орехи – небольшим количеством семян инжира и ореховой скорлупы, а овощи, возможно, несколькими семенами щавеля и мальвы (последняя была съедобной и, очевидно, в византийскую эпоху иногда употреблялась в пищу[62], но также могла быть и сорняком).

---

[60] J. Lefort особо указывает на то, что рожь в XIII в. была относительным нововведением, и ее выращивали только в небольших количествах [91, p. 250].

[61] Пленчатые пшеницы традиционно собираются и хранятся в колосках вместе с жесткой наружной пленкой. Перед употреблением они требуют более тщательной обработки, чем голозерная пшеница. В то же время они являются морозостойкими и приспособленными к суровым условиям произрастания в горных районах. Они могли выращиваться в окрестностях городов у подножия Крымских гор, если непосредственная округа Херсонеса не была обширно возделана [Г.А. Пашкевич, неопубликованный отчет и личные комментарии].

[62] Щавель (*rumex acetosella*, греческое *lapathon*) появляется в византийских трактатах о свойствах различных продуктов питания [71, с. 153, где описывается как слабительное средство в *De Cibis* 12]. Мальва (*malva sp.*, греческое *malakhê*) упоминается в источниках и как пища бедняков [напр.: Michael Choniates, *Orationes*, 1.1.23, где употребление мальвы *opson* является признаком крайней бедности] и как растительное лекарственное средство [напр.: *Geoponica* 12.12]. Оба растения упоминаются в медицинских трактатах о продуктах питания, начиная с античности [напр.: Athenaeus, *Deipnosophistae*, 2.57.31; *De Cibis* 12].

В кладовой (помещение 35) в комплексе 2, наоборот, мягкая пшеница представлена очень большим количеством зерна (половина палеоботанического комплекса), но другие зерна (ячмень, рожь, полба-двузернянка, однозернянка, спельта и несколько зерен проса) вместе составляют почти такое же количество. Не было найдено ни осей колосков, ни колосков, ни колосковой чешуи, похоже, что даже пленчатая пшеница была приготовлена для употребления. Кроме того, в помещении 35 были найдены гораздо большее количество гороха и чечевицы, чем в помещении 33 – и пропорционально, и в абсолютном выражении, и одно зерно, принадлежащее кормовым бобам (единственное в наших образцах). Если зерно в торговой лавке, очевидно, предназначалось для выпечки хлеба, то более разнообразные запасы зерна и бобовых в помещении 35, скорее, предназначались для каш и тушеных блюд[63]. Отсутствие находок, связанных с другими продуктами питания, говорит о том, что здесь, главным образом, хранились сухие товары, что и предполагает обособленное складское помещение.

Помещение 36 в жилой части комплекса 3 представляет другой отчетливый профиль. Здесь зерна ячменя и обыкновенной пшеницы были найдены примерно в одинаковом количестве, в то время как пленчатые пшеницы (полба-двузернянка, однозернянка, спельта), рожь и просо присутствуют, но в меньшем, чем в помещении 35, количестве. Бобовые (горох, чечевица, вика эрвилия), как и в помещении 35, представлены более полно, чем в помещении 33. Слои разрушения в помещении 36, в отличие от синхронных слоев в помещении 35, содержали скорлупу грецкого и лесного ореха, косточки винограда, семена инжира и некоторое количество семян бузины, которые в данном контексте, возможно, могут рассматриваться как продукт питания, а не как сорняки. Также удивляет присутствие 80 семян мальвы в одном образце: такая концентрация, вероятно, представляла собой пучок растений, собранный намеренно, хотя невозможно определить, предназначались ли они в пищу человеку или для корма животного[64]. Семена щавеля могут интерпретироваться и как зелень, специально собранная для употребления, и как случайные включения среди других растений.

Непригодные в пищу компоненты из комплекса также несколько отличаются от найденных в помещениях 33 и 35. Присутствуют некоторые побочные продукты обработки зерна (членики оси колоска, вилочки), хотя их меньше,

[63] Литературные источники дают возможность предположить, что варение и тушение были широко распространенными способами приготовления продуктов, особенно хлебных злаков. Исключение составляла мягкая пшеница [71, p. 79, с конкретным указанием на пшеницу двузернянку и просо].

[64] Также возможно, что эта концентрация семян является результатом деятельности грызунов, а не человека, до или после разрушения. Образец, в котором были найдены семена, был взят из не потревоженного слоя горения на полу.

чем в помещении 33. Однако в отличие от помещения 33, сравнительно небольшой образец семян сорняков в помещении 36 имеет более высокое содержание растений *Chenopodietea* (*Echinocloa crus-gali*), а также созревающих летом сорняков, таких, как *setaria glauca* (желтый щетинник) и *trifolium* (клевер, представленный одним семенем). Вид *Chenopodietea* был связан с весенним, а не с зимним засевом [66, p. 278], хотя недостаточное знакомство с процессом обработки зерна не дает в этом полной уверенности [86]. Более определенно можно говорить о его связи с интенсивным выращиванием садовых растений. Связь между этим видом и виноградом, просом и чечевицей, небольшими садовыми культурами зафиксирована, как минимум, на одном восточно-европейском византийском памятнике[65].

Таким образом, палеоботанический комплекс из помещения 36 предоставляет некоторую важную информацию. Во-первых, он, видимо, более полно отражает разнообразие в сфере приготовления и потребления пищи, чем комплексы из помещений 33 и 35. Как и в помещении 35, набор имеющегося зерна и бобовых предназначался, скорее, для вареных блюд, а не для выпечки хлеба. Однако в отличие от помещения 35, здесь также представлены некоторые свежие фрукты, орехи и, возможно, зелень. Но, учитывая происхождение этого карбонизированного материала из хорошо сохранившихся слоев, вызывает удивление немногочисленность находок фруктовых остатков – лишь несколько косточек персика и одна вишневая косточка были найдены во дворе в слое XIII в., предшествовавшем разрушению. Сегодня участки или сады фруктовых косточковых деревьев – обычное явление в Юго-Западном Крыму, и можно предположить, что и в древности здесь также произрастали персики и вишни.

Во-вторых, семена сорняков в этом комплексе могут свидетельствовать о том, что некоторые из продуктов питания выращивали на садовых участках с землей, богатой азотом. Эти участки могли располагаться как вблизи или даже внутри города, так и на дальней округе. Жители комплекса 3, таким образом, могли выращивать себе продукты питания сами, в том числе и на свободных территориях в пределах самого города. Если они действительно употребляли в пищу мальву и щавель, их литературные современники назвали бы такой рацион довольно скудным. И, в-третьих, преобладание семян, созревающих в середине лета, в слоях горения в этом помещении – если можно допустить, что они обуглились во время пожара и в то время были свежими – позволяет предположить, что эта часть города завершила свое существование между июнем и августом того года, когда участок был разрушен[66].

[65] Связь с интенсивным земледелием без погрешностей обработки данных [61, p. 509]; связь между видом *Chenopodietea* и виноградом, просом и бобовыми из Никополя на Истре в Болгарии в ранневизантийский период [66, p. 279].

[66] Г.А. Пашкевич, личные комментарии, 30 июня 2008 г.

На раскопанной территории рассматриваемого квартала (возможно, треть его общей площади) не было найдено печей для выпечки хлеба. Такие печи являются обычным элементом кварталов в северной части города [16, с. 188; 23, с. 167]. Они, как правило, располагались во дворах и иногда являлись общими для нескольких семей. Грубые каменные ручные мельницы (жернова) были найдены в значительном количестве в комплексах 2 и 3, но они могли использоваться просто для снятия пленки с пленчатой пшеницы, а отсутствие печей в этой части квартала может означать, что жители этих домов должны были печь хлеб где-то в другом месте. Так как не вся территория квартала раскопана, трудно предположить, была ли это коллективная печь в другой части квартала или более специализированное заведение пекаря[67]. Однако в любом случае, отсутствие печей подтверждает предположение, что зерна в помещениях 35 и 36, должно быть, чаще употребляли в вареном виде, а не в виде выпечки.

За исключением останков рыбы, сохранившихся в пифосах в помещении 33, у нас нет убедительных сведений о заготовке животного белка, и, таким образом, комплекс находок фауны из этого помещения не дает нам такого же четкого представления о пищевом рационе, как палеоботанические остатки. Однако находки с полов помещений последней фазы существования квартала и слоев его разрушения предоставляют обширную информацию о разнообразных, употребленных в пищу млекопитающих, птицах и морских организмах, а также о животноводстве и технологиях обработки. По материалам одного комплекса невозможно судить, как часто жители квартала ели мясо, домашнюю птицу или морепродукты[68]. Тем не менее, мы можем рассмотреть вопрос, какие животные чаще всего употреблялись в пищу, и сделать выводы о вторичных продуктах животноводства[69].

По представленным видам домашних животных, употребленных жителями, квартал очень похож на другие синхронные памятники Причерноморья и Восточного Средиземноморья. Это овцы, козы, свиньи и коровы. Однако в сравнении с другими византийскими поселениями, данные из нашего квартала менее устойчивы в относительных соотношениях этих видов животных. Овцы

[67] Во всяком случае, трудно сказать, приобреталась ли пшеница в лавке покупателями и затем приносилась пекарям в виде зерна или муки, или, что более вероятно, пшеницу приобретали непосредственно те, кто занимались выпечкой, и продавали ее уже в виде хлеба.

[68] Однако изотопный анализ костей жителей может помочь прояснить этот вопрос: см. ниже. Недавно были высказаны предположения о том, что после XII в. мясо составляло гораздо большую часть византийского пищевого рациона и что оно было доступно более широким слоям населения [90, p. 53].

[69] Исследования фауны, на которых основана эта часть работы, были проведены в 2004-2006 гг. О.П. Журавлевым, и их результаты будут подробно представлены в нашей заключительной публикации. Мы благодарим О.П. Журавлева за его исследование и за большую часть следующих наблюдений.

и козы являются наиболее представленными видами, что само по себе типично для византийского мира. Среди костей, которые можно отнести к виду ovicaprid, овцы более многочисленны, чем козы[70]. За ovicaprid с большим отрывом следуют коровы и свиньи, примерно в равном количестве[71]. Низкие пропорции содержания свиней сохраняются и в первичных, и во вторичных отложениях и контрастируют и со сведениями письменных источников, и с данными о комплексах фауны из других византийских памятников. Согласно Книге Эпарха, для торговцев свининой существовали определенные правила [12, 16], и, вероятно, соленая свинина была самым распространенным консервированным мясом во многих византийских городах. В Gritille – синхронном памятнике в Анатолии – кости свиней составили почти половину от идентифицированных остатков фауны [124, p. 193][72]. Возрастной портрет останков свиней в Gritille свидетельствует о том, что животных выращивали по системе *паннаж* – они свободно бродили и сами искали себе еду в течение большей части года, и на мясо их отбирали, как только они достигали зрелости [124, p. 194]. Преобладание костей молодых особей в комплексах 2 и 3 также свидетельствует о том, что свиней выращивали на мясо, но тот факт, что они встречаются реже, чем овцы и козы, говорит об их ограниченности в местном рационе, что, вероятно, было обусловлено социальными или экономическими факторами[73].

Свиней почти всегда выращивают на мясо, но коровы (бык домашний), овцы и козы могут также давать вторичный продукт. Предварительные результаты исследований фауны показывают, что вторичные продукты были важны в местном хозяйстве. Взрослые особи быка домашнего численностью превосходили молодых, и там, где можно было определить пол по сердцевине

[70] Однако на определение этого соотношения могло повлиять преобладание взрослых животных среди этого вида: например, в слоях XIII в. все молодые животные были определены только как ovicaprids.

[71] Эти данные взяты из заключений О.П. Журавлева о минимальном количестве отдельных животных, представленных в слоях, формирование которых относится к последней фазе существования квартала. Необъективность тафономии и ошибки при сборе материала могут повлиять на представительство видов и определение возраста, а так как мы еще не смогли этого учесть, наши выводы остаются предварительными. Однако можно надеяться, что факторы сохранности и отбора материала не повлияли на общий портрет вида. G. Stein отмечает, что непросеянные образцы дают меньшее количество молодых животных, но отражают те же относительные пропорции, что и просеянные [124, p. 191].

[72] Относительная редкость костей свиньи в Южном районе труднообъяснима, учитывая, что погрешность тафономии состоит в том, что кости свиньи сохраняются лучше, чем кости ovicaprid [124, p. 186].

[73] И. Мэинлэнд из Университета Брэдфорда в настоящее время осуществляет программу по исследованию царапин на зубах свиней, овец / коз и коров из Южного района. Этот анализ, позволяющий выявить различия в питании животных, находившихся на стойловом содержании, и теми, которые свободно паслись, возможно, поможет прояснить некоторые из этих факторов [ср.: 96].

рогов, самки значительно превосходили по численности самцов. Такое распределение, в целом, соответствует портрету популяции крупного рогатого скота, используемого, главным образом, для производства молочных продуктов, а не для заготовки мяса или перевозок. Среди находок, которые можно было точно определить как кости козы, взрослые самки и самцы, по-видимому, представлены в примерно одинаковом количестве, хотя это соотношение, опять же, может оказаться некорректным в связи с трудностью определения молодых ovicaprids в рассматриваемом контексте. Анализ молочного скота показывает, что большинство самцов забивают в молодом возрасте, в то время как самки преобладают среди животных, забитых взрослыми; в популяциях, выращиваемых на мясо, видно, что самцов забивают в ранней зрелости, а размножающиеся самки, опять же, составляют большинство среди старых животных. Во всяком случае, византийские писатели, видимо, полагали, что мясо взрослого козла не годится в пищу [71, p. 70], поэтому, вероятно, разведением коз здесь занимались не только исключительно ради мяса или молока. Преобладание старых самцов среди овец может пролить свет на эту ситуацию. Большое количество взрослых самцов баранов в комплексе фауны обычно свидетельствует о том, что стада «валухов» разводили для получения шерсти, и это могло также иметь место в Херсонесе [О.П. Журавлев, неопубликованный отчет; 106, p. 281; 124, p. 202]. Вероятно, шерсть была вторичным продуктом при разведении коз. В этом случае, мясо было одним из нескольких ресурсов, для которых выращивали мелкий рогатый скот, и, вероятно, рацион питания жителей квартала дополнялся молочными продуктами.

Кости животных из раскопок нашего квартала, судя по следам нарезки и по набору анатомических частей, которые составляют большинство из них, видимо, представляют собой кухонные отходы, а не отходы от забоя скота[74]. Однако в отчетных материалах представлены все анатомические части, включая третьи фаланги; это может означать, что животные были забиты в пределах города или недалеко от него. Широкое возрастное распределение животных также может свидетельствовать о том, что их содержали и разводили недалеко от места потребления [О.П. Журавлев, неопубликованный отчет].

Это, без сомнения, касается и домашней птицы. Птичьи останки в этом квартале хорошо соотносятся со свидетельствами письменных источников и данными из других византийских памятников[75]. Домашние куры, которые часто

[74] Интересно, что такие следы резки также присутствуют на некоторых костях собаки из комплекса. Это было интерпретировано О.П. Журавлевым как признаки забоя и употребления собак в пищу жителями квартала. В слоях, точно отнесенных к XIII в., были найдены кости, как минимум, 14 собак.

[75] Эти остатки изучались С. Тайковой из Института зоологии им. Шмальгаузена НАН Украины. Следующие выводы основаны на ее исследовании и наблюдениях, которые будут подробно представлены в заключительной публикации наших раскопок.

упоминаются византийскими авторами, так же, как в ранний период в Никополе на Истре в Болгарии, представляют самые многочисленные останки птиц [71, p. 71; 60, p. 242]. Кур также выращивали в пределах городской территории, и они, должно быть, также давали яйца для жителей нашего квартала. Следующие по численности костных останков, утки-кряквы, которые зимуют на южном берегу Крыма, и дрофы (*Otis tarda*), перелетные птицы, которые иногда собираются в больших количествах на южном берегу[76]. Оба этих вида, должно быть, являлись объектами охоты. Другие виды представлены в очень небольшом количестве. Некоторые из них, в частности, ржанки, должно быть, являлись дичью, но, вероятно, большинство из них не следует связывать с пищевым рационом жителей квартала[77]. Некоторые из представленных морских птиц иногда попадают в рыболовные сети (напр., буревестник обыкновенный) и могут быть косвенно связаны с рыбной ловлей, а не с намеренной охотой[78].

Охота на крупных животных практиковалась, но, по-видимому, ее результаты в целом составляли незначительное дополнение к рациону питания жителей Южного района. На некоторых диких животных, данные о которых есть в наших палеозоологических материалах, могли охотиться ради получения шкур и мяса (лисица и заяц). Также представлены кабан, благородный олень и косуля, которые, вместе с другими видами в комплексе, связаны с лесостепной средой обитания [О.П. Журавлев, неопубликованный отчет]. Из более экзотических видов – кости эндемической крымской кошки и, возможно, кости тура (дикого быка); сейчас оба эти вида являются вымершими. Другие животные, представленные в наших материалах, бобры, ласки и хорьки, могли являться объектами охоты на болотах и в устьях рек вблизи Херсонеса, а также в лесистых предгорьях Крымских гор. Единственный, представленный одной нижней челюстью вид, это сайга – степная антилопа, которая встречалась не ближе, чем в северной части Крыма.

---

[76] С. Тайкова отмечает, что дрофа физиологически не выносит снег и лед; подобные условия могли заставить их мигрировать на юг [неопубликованный отчет].

[77] Примечательно, что перепел, на которого, должно быть, охотились на лугах и в лесистой местности, отмеченный в остеологических контекстах IX-XI вв., отсутствует в контекстах XIII в. Эти контексты, почти исключительно, содержат кости птиц, прибрежных и обитающих в городе и его ближайших окрестностях. Дрофа также предпочитает открытые поля для гнездования, и в Херсонесе на них, возможно, охотились только в период миграций.

[78] Непропорциональное количество морских и прибрежных птиц, часто единственных представителей своих видов, происходит из слоев XIII в. комплекса 2, в частности, из помещения 38. Возможно, это результат более тщательного просеивания грунта в этом помещении в 2005 и 2006 гг., при котором собирались все маленькие косточки, обычно теряющиеся при раскопках. Такая картина может стать дополнительным подтверждением того, что жители дома занимались рыбной ловлей, т.к. они должны были проводить большую часть времени в местах, где встречаются подобные птицы.

Как минимум, два дельфина и морская свинья также были зарегистрированы среди остеологического материала XIII в. в этом квартале. Трудно сказать, были ли они объектами охоты для получения мяса и жира, случайно попали в сети во время рыбной ловли или их выбросило на берег. Интерпретация рыбных останков более очевидна. Ясно, что рыба, и свежая, и консервированная, играла большую роль в местном пищевом рационе. Опять же, это точно соответствует сведениям византийских письменных источников, в которых, при описании пищи, большое внимание уделяется рыбе [71, с. 66]. В стихах Продрома описываются разнообразные виды рыбных блюд на столах у зажиточного населения; с другой стороны, по мнению некоторых исследователей, рыбу могли себе позволить также и небогатые жители Константинополя XII-XIII вв.[79] В связи с этим, заслуживают внимания два образца из материалов комплексов 2 и 3. Первый был получен в результате флотации, проводимой для выявления палеоботанических остатков, в результате которой почти в каждой пробе[80] было обнаружено большое количество крошечных рыбных костей и чешуи. Эти останки свидетельствуют о том, что мелкая рыба, в частности, анчоус, составляла основной компонент в рационе, подтверждая предположение, вызванное находкой обугленной массы анчоусов в лавке [134, p. 197].

Второй образец наблюдается в экологическом портрете более крупных видов. Наибольшее количество рыбы в остеологическом комплексе составляют палтус и колючий скат, а осетр, карп, сом и судак представлены значительно меньшим количеством. Вся эта рыба встречается в эстуарной среде обитания, в которой может существовать не только эстуарная рыба (палтус и осетр), но также и морская – такая, как колючий скат, и речная – такая, как карп, сом и судак [131, p. 212][81]. Таким образом, жители квартала потребляли рыбу, пойманную недалеко от берега, возможно, в устье реки Черной, у начала современной Севастопольской бухты. Если наша интерпретация комплекса 2 верна, то его жители могли сами заниматься рыбным промыслом.

И литературные источники, и археологический материал свидетельствуют о том, что здесь рыбу чаще всего употребляли в засоленном виде, отдельно или в тушеных блюдах[82]. Дальнейшее изучение остатков фауны может

[79] С. Моррисон и Ж.-К. Шене отмечают, что «выжить в Константинополе было не тяжело, т.к. на фоллис или тетартерон можно было приобрести фунт хлеба и десять скумбрий, или два килограмма рыбы, но мясо, должно быть, стоило пропорционально дороже» [101, p. 872].

[80] Изучение останков рыбы было проведено В. Ван Ниром из Католического Университета Лейвена и А. Эрвинком из Университета Гента (Бельгия), и мы благодарны им за их глубокий анализ. Мы также снова выражаем благодарность Г.А. Пашкевич – если бы не ее добросовестное отношение к непалеоботаническим остаткам из ее образцов, у нас было бы гораздо худшее представление о пищевом рационе населения.

[81] А. Эрвинк и В. Ван Нир также выявили, что, начиная с XII в., количество пресноводной рыбы сократилось.

[82] Соленая рыба и соленое мясо могли заменять друг друга в тушеных блюдах [88, p. 60-61].

дополнить информацию об особых кулинарных приемах жителей этого квартала, но в настоящее время наилучшее представление о приготовлении и обычаях приема пищи дает керамический ансамбль. Очевидно, приготовление пищи в комплексе 3 осуществлялось не в каком-то определенном месте: не было обнаружено ни одного постоянного очага, и единственный целый кухонный горшок был найден во внутреннем дворе (32)[83]. Многие, если не все, сосуды этого хозяйства были найдены in situ. В помещении 29 находились два пифоса, несколько амфор, два поливных кувшина и несколько блюд (GWWIV, Zeuxippus Ware, Incised Sgraffito Ware) (рис. 29). Вероятно, это помещение было кладовой. Еще одно белоглиняное поливное блюдо, три миски типа Zeuxippus Ware, кухонный горшок и амфора местного производства были найдены во внутреннем дворике. В помещении 36, кроме блюда из медного сплава, были также найдены три поливных кувшина, один из которых, возможно, восточного происхождения.

В этом комплексе отсутствуют маленькие миски и чашки для индивидуальных порций еды и напитков. Также отсутствуют плоские порционные блюда. Преобладание маленьких кувшинов и больших блюд с высокими краями соответствует иконографическим сюжетам и керамическим комплексам XII в., выделенным И. Врум. Исследовательница отмечает, что в период Комнинов прием пищи, по-видимому, характеризовался использованием общих блюд и сосудов для питья [134, p. 197]. Обедающие должны были брать пищу руками из общего блюда и пить из одной кружки (в нашем случае, может быть, из маленьких кувшинчиков?). В то время, как появление изображений ножа относится к XI в., знакомство с другими столовыми приборами произошло только в XIII в. [134, p. 198-199]. В комплексе 3 не было обнаружено ни одного ножа или других столовых приборов. Однако нож с костяной рукояткой из другой части исследованного участка может иметь отношение к процедуре приема пищи на последнем этапе существования квартала (рис. 30)[84]. Глубокие порционные сосуды предназначались, вероятно, для жидких или соусообразных блюд, но относительная малочисленность мисок, а также особенности приема пищи, выделенные И. Врум, не позволяют нам говорить о широком потреблении жидких супов, которые описаны в стихах Прохопродрома[85]. Представляется, что пищевой рацион жителей квартала, состоящий из густых блюд из вареного зерна и бобов, приправленных зеленью, а также мяса или рыбы (свежей или соленой) и, возможно, вина или небольшого количества привозного оливкового масла, более всего согласовывается с данными письменных

[83] Это резко отличается от домов поздневизантийского периода в Пергаме, многие из которых имели постоянные каменные очаги в кухнях или хозяйственных помещениях [113, p. 199].

[84] И. Врум полагает, что аналогичные ножи из Коринфа и Сербии являлись столовыми приборами [134, p. 199].

[85] Напр., описанный поэтом *agiozoumin* – в сущности, это вареный с несколькими каплями масла лук, подаваемый с хлебом [III, 290 ff].

источников, а также палеоботаническими, палеозоологическими и керамическими материалами из наших раскопок.

Однако никакие источники не дают нам сведений, как часто жители квартала могли себе позволить добавлять белок в тушеные блюда или кашу, и был ли этот белок чаще связан с рыбой или мясом. В Херсонесе XII-XIII вв. существовала традиция хоронить некоторых или всех жителей квартала в одном или нескольких маленьких храмах, расположенных в этом же квартале. И наш квартал в этом отношении не являлся исключением: в южном конце центрального внутреннего двора был расположен маленький храм с прямоугольным нефом и апсидой. Под его полом находились две общие могилы, еще несколько могил, относящихся к разным периодам, были найдены под его стенами и на прилегающем участке. Большая часть не потревоженных захоронений в двух могилах, вероятно, принадлежала некоторым из жителей комплексов 2 и 3. Таким образом, тщательное изучение этих человеческих останков может дать дополнительную бесценную информацию о пищевом рационе, продолжительности жизни и состоянии здоровья населения этого квартала.

Население: погребальный обряд и хронология[86].

Антропологические материалы из этого жилого квартала трудны для понимания. Мы имеем три основные хронологические группы человеческих останков, происходящие из соответствующих контекстов. Ряд захоронений, вероятно, следует интерпретировать как часть официального могильника, существовавшего раньше, чем постройки последней фазы. Этот могильник не был связан с храмом соответствующего периода, и, по крайней мере, одна из могил выходила на территорию главной улицы. В двух случаях внутриутробные плоды или новорожденные были похоронены в полу жилых помещений. И, наконец, коллективные могилы и одно индивидуальное захоронение связанны с маленьким храмом, построенным как часть жилого квартала последней фазы.

Обряды погребения, иллюстрирующие первую группу, имеют значительные различия. Две большие могилы построены из тесаных блоков правильной формы на известковом растворе и оштукатурены. Определить, были ли эти могилы коллективными или индивидуальными, не представляется возможным, так как обе они были опустошены или потревожены, вероятно, во время строительства храма последнего периода. Ряд захоронений, найденных под полом храма[87], вероятно, являются одновременными. В этих случаях

[86] Этот раздел был написан, главным образом, Ренатой Хеннеберг, которая изучает человеческие останки из Херсонеса с 2004 г. Некоторые ее выводы касаются материалов, раскопанных в 2001-2002 гг. П. Артуром, Б. Бруно и Д. Пономаревым. Выводы д-ра Хеннеберг отражают ее самостоятельное исследование костных останков как целостного антропологического комплекса.

[87] У нас нет оснований полагать, что эти могилы были впущены в пол. Несколько костяков

покойного просто клали на спину в относительно неглубокую индивидуальную могилу, вырытую в земле до материковой скалы. И каменные гробницы, и грунтовые могилы были ориентированы в соответствии с планировкой города, слегка смещенной на восток-запад; головы обращены на юго-запад, ноги – на северо-восток. Относительная хронология этих захоронений достоверна, но несколько широка: одна из гробниц была впущена в слой, связанный с производственным комплексом ранневизантийского периода, и несколько захоронений под храмом также располагались над засыпью этого времени. Аналогичная гробница была опустошена и засыпана при строительстве северо-западной стены храма. Таким образом, эти захоронения были сделаны в период между засыпью производственных ям, возможно, в VII в., и строительством храма, вероятно, в середине или в конце XI в.[88]

Найденный почти целый скелет внутриутробного плода 24-26 недель, похороненный в небольшой ямке в углу глинобитного пола заглубленной постройки под помещением 30, можно с уверенностью отнести к тому же периоду. Кости второго плода или новорожденного были найдены в ямке в южном углу помещения 28, рядом с вырубленным в скале бассейном. Однако стратиграфия этого захоронения не вполне ясна – в равной степени оно могло быть захоронением под полом в период использования помещения, захоронением, связанным с ранним могильником под храмом, или захоронением, сделанным возле храма после разрушения квартала. Первый вариант, конечно, возможен, учитывая аналогию из комплекса 2. Обряд захоронения плода или новорожденного под полом был распространен с периода первых сельскохозяйственных поселений на Ближнем Востоке [121]. В некоторых частях света он практиковался до XX века. Существует несколько интерпретаций данного явления: это и детоубийство, и символическое использование домашнего пространства, и отсутствие у младенца социальной идентичности[89]. Конечно, невозможно воссоздать обстоятельства, которые привели к рассматриваемым ситуациям, но социально определяющая роль крещения

было разрезано стенками гробниц, сооруженными в храме. Таким образом, полы храма, видимо, покрывали ранние могилы.

[88] В 2007 г. мы предприняли попытку использовать радиоуглеродный метод для датировки захоронений под храмом, но исследованный образец не содержал необходимого количества коллагена для получения результата.

[89] Случаи захоронений внутриутробных плодов и новорожденных в полах домов недавно были отмечены в Афинах начала XI в. [67, p. 629, 646, fig. 24]. Дж. Кемп ссылается на J. Baun [58], высказывая предположение, что родители могли прятать тела, чтобы избежать наказания, налагаемого на тех, кто позволял своим детям умереть некрещеными [67, p. 646]. Однако в нашем случае плод был явно недоношенным, и он, должно быть, либо родился мертвым, либо умер во время родов, соответственно, крестить его было невозможно. В этом случае, уместно предположение J. Baun. Она пишет, что некрещеные младенцы «вообще не имели идентичности – ни моральной, ни личной, ни духовной» [58, p. 121].

в среде православного населения византийского Херсонеса должна была сыграть определяющую роль [92, p. 81-96].

Захоронения, связанные с храмом, являются более понятными с точки зрения стратиграфии, но менее понятны с точки зрения хронологии и обряда захоронения. По-видимому, храм был построен чуть раньше комплекса 3, так как стена помещения 28 пристроена к его апсиде, но относится к тому же строительному периоду. Две гробницы внутри храма были устроены либо во время строительства, либо сразу после него. Количество погребенных в каждой из этих гробниц колеблется от около 30 до более чем 60. Подсчет проводился в соответствии со стандартными антропологическими и судебно-медицинскими методиками [89; 130]. Погребенные относились к обоим полам; возраст колебался от восьми-девяти месяцев внутриутробного развития до 60 лет и более. Все скелеты взрослых были ориентированы условно на восток, головой к юго-западной стенке гробницы, в то время как скелеты детей располагались в разных направлениях между костями взрослых (рис. 31).

О том, что многие останки из этих гробниц были перезахоронены, а в некоторых случаях спустя долгое время после смерти человека, свидетельствует преобладание больших костей (черепа и длинные кости) и отсутствие более мелких, например, костей рук и ступней. Очень высокое общее количество костей из каждой гробницы также свидетельствует о том, что значительная часть захоронений была вторичной. Некоторые индивидуумы были представлены только несколькими большими костями или даже, в отдельных случаях, одной костью. Однако некоторые захоронения в гробницах сохранились в анатомическом порядке, они имеют позвоночник, ребра, а также многие кости меньших размеров. Это свидетельствует о том, что тела этих людей были помещены в могилы вскоре после смерти или, по крайней мере, до того времени, пока они не сильно разложились.

Практика устройства гробниц внутри храмов, а также могил-костниц за их пределами, создает определенные проблемы в хронологии и интерпретации. В частности, в то время как некоторые человеческие останки в этих контекстах могут являться первичными захоронениями последнего периода существования квартала, значительная часть разрозненных костей, вероятно, происходит из раннего могильника. Строители храма не проявляли к ранним могилам особого уважения, но данные раскопок указывают на то, что они осторожно собрали человеческие останки, содержащиеся в них, и перезахоронили в могилах под полом храма и за его стенами[90]. Хронологические трудности возникают из-за почти полного отсутствия погребального инвентаря во всех могилах в квартале, за исключением бронзовых пуговиц-бубенчиков, имеющих широкие рамки бытования.

[90] Такие перезахоронения в могилах-костницах были характерны для поздневизантийского Херсонеса. В частности, подобные костотеки были найдены в храме квартала Хб [22, с. 254].

Отсутствие датирующего материала составляет особую трудность для интерпретации могилы, расположенной к северу от храма. Эта могила (гробница 3) была выкопана неглубоко в земле, как и индивидуальные могилы под полом храма; однако в отличие от них, стенки могилы были обложены рядом бутовых камней без раствора, а сверху могила была накрыта известняковыми плитами неправильной формы. Это редкий случай, но в могиле были найдены почти целые костяки только двух человек – 50-60-летнего мужчины и женщины, немного моложе; возможно, это была семейная пара (рис. 32). То, что тело женщины было положено на тело мужчины, а его череп был отделен, свидетельствует о том, что могилу вскрывали для захоронения женщины. Эта могила не была потревожена при строительстве храма, и, возможно, она принадлежала паре более высокого статуса или какой-то особой паре, похороненной в то время, когда храм уже функционировал. С другой стороны, захоронение было сделано неглубоко от поверхности двора, который интенсивно использовался в этот период для ремесленной и хозяйственной деятельности. Это повлекло бы за собой смешение миров живых и мертвых до такой степени, что было неприемлемым даже для Херсонеса. Данный аргумент может быть подтверждением интерпретации этой могилы как части раннего кладбища, которая осталась нетронутой, так как находилась за пределами участка строящегося храма.

Для решения вопросов хронологии захоронений была проведена небольшая программа радиоуглеродной датировки, которая дала некоторые результаты[91]. Так, образец, взятый из костяка мужчины в гробнице 3, дал 66% вероятности для датировки между 963 и 1074 гг. и 31% вероятности для даты между 1076 и 1159 гг. Если реальная дата смерти мужчины находится в нижнем конце этого диапазона, могилу можно связать с ранним могильником, но если он умер в конце XI или в XII веке, то был похоронен в то время, когда храм уже функционировал. Другие образцы более убедительно свидетельствовали о том, что разрозненные кости из ранних могил были перезахоронены в гробницу внутри храма. В то время как целые костяки давали даты от середины XI до XIII века (самый верхний скелет в гробнице 2 был датирован 1150-1280 гг. с вероятностью 91,2%), образец от черепа из разрозненного захоронения был датирован 777-986 гг. Только на основании этих двух дат можно заключить, что все захоронения в этих могилах представляют временной промежуток, как минимум, в 164 года, а возможно, и более 500 лет. На основании всего антропологического материала из рассматриваемого квартала, включая разрозненные кости, были выявлены останки свыше 170 человек. Следующие

[91] Радиоуглеродная датировка и калибровка шести образцов были выполнены д-м Дж. Бонани из Института физики элементарных частиц Швейцарского Технического института в Цюрихе.

общие рассуждения о демографии, профессиональных нагрузках и патологиях связаны со всей этой группой населения в целом, а не исключительно с жителям последнего периода существования квартала.

Население: демография.

Необычно хорошая сохранность скелетов младенцев и детей в исследуемом квартале позволяет произвести демографический анализ более подробно, чем это делается обычно. На многих археологических памятниках захоронения детей в могильниках были представлены недостаточно в связи с различными тафономическими, методологическими и культурными факторами. При наличии неблагоприятных грунтов, маленькие хрупкие кости разлагаются быстрее. Детей часто хоронили в неглубоких могилах или за пределами основного кладбища, а в некоторых случаях, очевидно, не хоронили вообще.

До начала эры современной медицины (т.е. до открытия антибиотиков) в развитых странах, и до настоящего времени во многих слаборазвитых странах, показатель естественной смертности детей был высоким. Например, в польских записях XIX в. [82] и в некоторых более ранних английских [92, p. 23] церковных записях сообщается, что около половины новорожденных умирало, не достигнув совершеннолетия. Следовательно, даже при самых благоприятных условиях дети должны были составлять примерно половину от всех захороненных в могильниках того времени. Таким образом, любое отклонение от этого основного принципа нуждается в разъяснении.

Из всего антропологического материала в исследуемом квартале 56% принадлежит останкам молодых людей, находившихся на пороге зрелости. Количество детей и расположение их останков в могилах между костями взрослых убедительно свидетельствуют о том, что дети здесь обычно хоронились вместе со всеми, а не на отдельном участке. Если предположить, что останки некоторых детей, захороненных вместе со взрослыми, были утрачены в результате разложения, деятельности животных-землероек и других факторов, то доля умерших детей в Херсонесе составляла бы более 56%. Количественное соотношение детей и взрослых в каждой могиле менялось от 51% до 59%. Большинство детей умирало в возрасте до 5 лет, причем значительный процент в этой группе составляли дети до года (рис. 33). Согласно предварительным таблицам, воспроизводящим продолжительность жизни населения, вероятная продолжительность жизни новорожденного ребенка составляла 20 лет, а взрослого человека, пережившего двадцатилетний возраст – 40 лет [50]. Очень немногие переживали семидесятилетие. Многие люди умирали в молодом возрасте (20-40 лет), в наиболее продуктивный период жизни[92].

[92] Сравните показатели A. Laiou [90, p. 52]: она предполагает, что ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении как для мужчин, так и для женщин, была 22-23 года,

Население: влияние профессии на анатомию человека.

Кости постоянно перестраиваются под воздействием мышц, особенно в местах крепления [68]. Резкие интенсивные движения могут приводить к травмам в местах соединения мышцы с костью или к травмам самой мышечной ткани. Невылеченные травмы сухожилий и связок могут привести к окостенению мягких тканей и к дальнейшим дегенеративным изменениям. При тяжелой или однообразной физической работе механическое давление на суставы приводит к различным дегенеративным изменениям их поверхности. Эти изменения можно наблюдать под микроскопом и измерять. Многие из дегенеративных изменений в суставах, а также изменений костей в местах их соединения с мышцами с возрастом прогрессируют. Серьезность и характер этих изменений, в зависимости от возраста человека, могут иногда указывать даже на специфику профессии, которой человек занимался. На более широком уровне статистический анализ таких изменений у населения может помочь определить общую рабочую нагрузку в обществе [116].

Из сравнительно небольшого количества взрослых людей, идентифицированных во время наших раскопок, большинство умерло в возрасте до 50 лет, и многие из них занимались тяжелым физическим трудом. Серьезные изменения в местах соединения мышц и костей (изъязвления и рубцы, остеофиты), дегенеративные изменения в суставах (остеохондроз, сильно изъязвленная поверхность, хрящевые грыжи Шморля, субхондральный склероз), а также сопровождающие их остеофиты встречаются чаще, чем у жителей других городов[93] (рис. 34-39). Одним из редчайших примеров является *osteitis pubis* (травма лобкового симфиза и прилегающих мышц) молодого мужчины [136] (рис. 40). Эта травма часто встречается у профессиональных спортсменов в различных видах спорта (у футболистов, бегунов, штангистов). Она вызывает боль в паховой области и необратимые изменения в лобковом симфизе, а иногда и во всем тазовом поясе. Этот молодой человек, возможно, поднимал грузы, толкал или передвигал тяжелые предметы, помогая себе широко расставленными коленями (включая приводящие мышцы).

лишь немного выше, чем в нашем сообществе, но представляется, что ожидаемая средняя продолжительность жизни жителей Южного района старше 5 лет намного ниже 47,5 лет – возраста, определенного A. Laiou для этой группы.

[93] Р. Хеннеберг, личные наблюдения за примерами городского и сельского населения древнегреческой колонии Метапонто (Италия, VII-II вв. до н.э.; в процессе изучения). Большая часть литературы по этой теме посвящена рассмотрению деятельности людей в условиях окружающей среды доисторического периода [80; 99], рабов [87; 123] или населения ранних сельскохозяйственных поселений [72]. Признаки тяжелой физической деятельности, обычно редко встречающиеся в антропологических образцах, такие, как osteitis pubis, и многочисленные тяжелые остеоартрические изменения, очевидно, свидетельствуют о чрезвычайно напряженных занятиях населения этой части Херсонеса. В настоящее время проводится полное исследование антропологического материала из храма.

Зубы, например, могут использоваться в качестве фиксирующего приспособления, так называемой «третьей руки». Такое использование может приводить к определенному изнашиванию зубов и стать причиной повреждений их краев. Например: края верхнечелюстных резцов 35-40-летнего мужчины были зазубрены (рис. 41). Такая особенность наблюдалась у людей, которые часто держали в зубах металлические иголки и булавки (зубы у швей). У другого мужчины (50-60 лет) имелись зазубрины как на нижних, так и на верхних резцах. Точно определить профессию этих людей на основании изношенности зубов не представляется возможным, но очевидно, что они часто использовали зубы в качестве инструмента в процессе работы.

Население: патологии.

У населения Южного района выявлены патологии, часто встречающиеся в антропологических образцах. Это изменения позвонков, вызванные остеоартритом, возрастные изменения в суставах (рис. 42), зубной кариес (рис. 43), гнойники, различные травмы и переломы (большая и малая берцовые кости, локтевая и лучевая кости, ребра, нос, крестец, плюсна, пясть, череп, позвонки) (рис. 44). Кроме того, были выявлены следы некоторых менее распространенных заболеваний. Предварительные диагнозы, основанные на микроскопическом, радиологическом и гистологическом исследованиях костных останков, позволяют предположить, что некоторые люди болели туберкулезом, венерическими заболеваниями (скорее всего, сифилисом), раком, болезнью Педжета; возможно, страдали от паралича нижней части тела, от наследственных заболеваний (*spina bifida occulta*), а также от гипертрофированной остеоартропатии (в ее вторичной форме, которая в настоящее время связывается с раком легких и табакокурением). Принимая во внимание, что лишь небольшая часть заболеваний (возможно, 1%) оставляет какой-либо след на костях, такая концентрация патологий представляется довольно необычной.

Возможно самый удивительный результат, полученный в черноморско-средиземноморском контексте, – это следы пищевой недостаточности: анемии, рахита и цинги на костях людей из всех захоронений. Причем эти патологии характерны как для детей, так и для взрослых. Деформация большой берцовой кости у одного 5-6-летнего ребенка, вероятно, свидетельствует о наличии рахита (недостаток витамина Д) [56] (рис. 45). У нескольких детей в возрасте от 9 месяцев до 4-х лет наблюдались необычные шероховатости на различных частях черепа и на концах длинных трубчатых костей. Эти характерные мелкие изъязвления встречались на обеих сторонах черепа, на трех парах больших крыльев клиновидной кости из шести (50%) и на пяти из 17 отдельных клиновидных костей (30%). Такое расположение и морфология изменений обычно связаны с цингой (недостаток витамина С / аскорбиновой кислоты) [103]. Вероятные признаки заболевания цингой также были выявлены

у взрослых (кальцинированные кровоизлияния на больших берцовых костях, лопатках, ребрах). У одного 1,5-2-летнего ребенка были отмечены следы и цинги, и рахита. Шероховатости на стенках глазной орбиты (*cribra orbitalia*) часто встречались и у детей, и у взрослых и связывались с различными видами анемии, в основном с анемией, вызванной дефицитом железа (рис. 46). За исключением анемии, вызванной дефицитом железа, и талассемии, которая характерна для некоторых средиземноморских народов (например, в Метапонто) [83], такие патологии довольно редко встречаются среди антропологических материалов.

В средние века рахит стал обычным явлением в городах Северной и Центральной Европы [74], и большая часть археологических данных связана с этими районами и с Сибирью. Согласно греческим и римским письменным источникам, рахит и цинга не были известны в Греции и Средиземноморье [76]. Простым объяснением этому является тот факт, что в этих районах не было недостатка в солнечных лучах (необходимых для синтеза витамина Д) и, как правило, не было недостатка в свежих фруктах и овощах, произрастающих в средиземноморском климате (источниках витамина С, который необходимо пополнять ежедневно). Обычно признаки цинги у людей появляются после трехмесячной диеты, состоящей, в основном, из вареной пищи, практически без свежих овощей или фруктов. Цинга достаточно легко лечится с помощью больших доз витамина С, содержащегося в свежих фруктах, таких, как ягоды или апельсины, после приема которых признаки заболевания быстро исчезают. При отсутствии лечения, недостаток этого витамина неизбежно ведет к очень болезненной смерти. Цинга стала известна как заболевание моряков со времен путешествий через океан, когда не было возможности пополнять запасы свежих продуктов. Изменения, впервые зафиксированные на костях голландских китобоев, захороненных в Шпицбергене, без сомнений, могут быть отнесены к цинге [94]. Подобные изменения были отмечены на костях некоторых взрослых людей из Южного района Херсонеса. Так как это население, скорее всего, не было связано с длительными морскими походами, то следует искать другие объяснения. Самое реальное объяснение – это длительные периоды нехватки продовольствия или голода, связанные либо с дефицитом сельскохозяйственных продуктов, либо с длительной осадой города. Отсутствие общей безопасности также, возможно, осложняло выращивание достаточного количества свежих фруктов и овощей на сельскохозяйственной территории города.

Население: жители квартала XII-XIII вв.

Результаты исследовательской программы, сосредоточенной на изучении полностью сохранившихся захоронений из храма (и, таким образом, на изучении жителей квартала в его последний период), могут также указывать на недостаточно эффективное использование сельскохозяйственной территории. С помощью анализа устойчивости изотопов C^{13} и N^{15}, проведенного на

человеческих останках и на останках животных из одного и того же контекста, можно определить, какие продукты преобладали в рационе – выращенные на земле или морепродукты, а также каковы были различия в питании у населения[94]. Этот анализ предоставляет информацию об обычном рационе на протяжении длительного времени (обновление кости) [115; 127]. Согласно предварительным результатам анализа устойчивости изотопов, проведенных на человеческих останках и останках животных из Южного района, можно предположить, что рацион питания людей основывался, главным образом, на морепродуктах[95]. Это предположение подтверждают и находки фауны с нашего участка. Этот фактор, а также соответствующие данные о наличии цинги и других видов пищевой недостаточности в антропологических образцах могут свидетельствовать о нехватке свежих сельскохозяйственных продуктов для населения. Люди плохо питались, возможно, в связи с тем, что не имели возможности возделывать свои пригородные земли. Население ориентировалось на близлежащие прибрежные зоны и эстуарные рыбопромысловые районы, которые можно было использовать, не рискуя быть атакованными наземными силами.

Конечно, возможны и другие объяснения, начиная с череды неурожаев и заканчивая культурно обусловленными пищевыми предпочтениями и привычками. Это может быть связано и с несельскохозяйственным характером занятий и сравнительной бедностью жителей этого квартала. Но все же, человеческие останки свидетельствуют о том, что опасность и угроза насилия являлись определяющими факторами. Так, череп 35-40-летнего мужчины представляет собой редкий образец лицевой травмы (рис. 47). На его левой щеке была глубокая рана от узкого предмета, напоминающего меч, и хотя человек выжил, его лицо осталось частично парализованным. Зажившая кость вокруг раны и обширные отложения камня на зубах парализованной стороны лица указывают не только на то, что этот мужчина пережил ранение, но и на то, что его лечили, благодаря чему ему удалось избежать инфекции, обычно развивающейся в подобных случаях [84].

Еще более неоспоримое доказательство небезопасного положения города и применения насилия представлено находкой скелета лежащей на спине пожилой женщины. Тело было оставлено на поперечной улице под обломками

[94] Ср. недавние исследования средневековых кладбищ, целью которых являлась корреляция пропорций содержания белка наземного и морского происхождения с погребальным инвентарем и показателями социального статуса погребенных [109; 108; 114; 93].

[95] Анализ останков животных на устойчивость изотопов координировали А. Ирвинк и В. Ван Нир, выполнял M. Van Strydonck, Королевский институт культурного наследия (Бельгия). Анализ человеческих останков на устойчивость изотопов координировала Р. Хеннеберг, выполнял F. Donald Pate, факультет археологии университета Флиндерс (Аделаида, Южная Австралия). Полученные результаты будут объединены в подробной статье, которая в данный момент находится в процессе подготовки. Приведенные наблюдения основаны на предварительных данных, предоставленных M. Van Strydonck и F. Donald Pate.

сгоревшей крыши помещения 36. Возможно, этот квартал был разрушен случайным пожаром, и женщина не успела спастись. Останки людей различных возрастов являются частыми находками, однако в слое пожара, уничтожившего большую часть города в XIII веке, тела остались непогребенными. Это могло означать, что бедствие, охватившее город, не оставило в живых тех, кто мог бы позаботиться о погибших[96]. То, что ценные вещи собирались в спешке, а затем впопыхах бросались[97], может также свидетельствовать о намеренном уничтожении большей части города во время захвата, а не о случайном пожаре[98].

Заключение.

Дата масштабного разрушения Херсонеса еще точно не определена. Долгое время считалось, что город подвергался татаро-монгольским набегам в конце XIII и конце XIV вв. [46, с. 39, 42; 47, с. 232-233]. Однако, согласно последним исследованиям, эта дата была опущена до третей четверти или даже до середины XIII века[99]. Предложенная Н.М. Богдановой дата – 1223 г. была подвергнута критике как с исторической, так и с археологической точек зрения [9, с. 44-48; критика В.Г. Ченцовой: 45, с. 171-184]. Однако археологический компонент этой критики был основан на существовавших в тот период датировках керамических и нумизматических материалов, которые в настоящее время пересматриваются. В нашем квартале, как и в некоторых других, раскопанных в последние годы, сочетание циклов датирующих материалов из слоя разрушения выводят дату – не позже, чем вторая четверть XIII в. Наши

[96] С.Г. Рыжов упоминает об обгоревшем скелете женщины, возможно, упавшем с верхнего этажа [39, с. 292].

[97] Кроме сломанного навесного замка и ведра из медного сплава, которые лежали возле лавки на главной улице в нашем квартале, см. сообщения о группе крестов-энколпионов и металлических изделий [23, с. 168] и о находке золотого кольца на ступеньках торговой лавки (или спрятанного под ними?) [39, с. 300].

[98] Несколько других фактов ведут к тому же заключению. Следы пожара в комплексах 2 и 3 указывают на то, что сгорели помещения, расположенные вдоль улицы, но огонь не успел проникнуть во внутренний ряд помещений (например, нет никаких следов пожара в помещении 29). Скорее всего, огонь попадал в помещения с улицы через двери, а не являлся следствием неконтролируемого пожара, охватившего весь город. Тот факт, что большинство погибших составляли женщины и старики, а также то, что уцелевшие после пожара люди не вернулись, может быть связан с захватом в плен подростков и молодых взрослых жителей. Сельджуки, например, нуждались в постоянном притоке рабов мужского пола для поддержания своего войска [107, p. 141-142]. На теле пожилой женщины с поперечной улицы не замечено признаков насилия, но этот факт сам по себе не является точным доказательством того, что ее смерть не была насильственной. Среди погибших примерно в тот же период в Гритилле, останки лишь нескольких взрослых мужчин имели следы насилия, в то время как останки женщин и детей таких следов не имели [85, p. 281].

[99] Л.А. Голофаст и С.Г. Рыжов [16, с. 224] поддержали идею В.Л. Мыца о том, что большая часть города была разрушена монголами под командованием Ногая весной 1278 г. [34, с. 66-67]. Н.А. Алексеенко склоняется к дате после 60 г. XIII века [1, с. 190].

материалы не противоречат дате: 20-е гг. XIII в. Это было время постоянных конфликтов между Трапезундом и Конийским султанатом, связанных, прежде всего, с торговлей [107, p. 147-148]. Несмотря на отсутствие достоверных исторических свидетельств о нападении сельджуков на Херсонес, результаты обработки материалов из слоев разрушения, основанные на современных датировках, позволяют предположить, что гипотеза о нашествии сельджуков в 20-х годах XIII в. может быть более вероятной, чем идея о татарской экспансии 70-х годов.

Какими бы ни были точная дата и причина – катастрофа сразила жилой квартал, который в момент гибели имел много общих черт с остальным византийским миром. Присутствовал аналогичный ассортимент продуктов, и пищу, по-видимому, употребляли таким же образом. Занятия жителей квартала – кузнечное дело, содержание лавок и таверн, рыбная ловля – известны и по византийской литературе, и по археологическим источникам. Планировка жилых домов также имеет аналогии среди некоторых других византийских памятников, где сохранилась рядовая жилая застройка: помещения неправильной формы располагались вокруг внутренних дворов, на первых этажах размещались кладовые и хозяйственные помещения, верхние этажи были жилыми.

В то же время есть некоторые заметные отличия. Привозной материал говорит о более широких международных контактах Херсонеса, чем у синхронных сельскохозяйственных городов внутренних районов Греции и Анатолии. Мусульманские, русские и итальянские торговцы и их товары, вероятно, были привычными для Херсонеса, так же, как и итальянские моряки с больших торговых судов, подобных тому, который процарапан на пифосе из помещения 35. Однако такая открытость миру за пределами Византии имела также и свои недостатки, что становится особенно очевидно при рассмотрении херсонесских материалов на междисциплинарном уровне. В беспокойные времена после латинской оккупации Константинополя, когда сельджуки Рума и Великие Комнины из Трапезунда боролись за торговые пути на юг, а монгольские орды начали устремляться с севера, жителям квартала, вероятно, приходилось еще тяжелее, чем тем, кто находился в византийских глубинках[100]. Жители Южного района уже получили известия о разграблении захваченной крестоносцами столицы, слышали о падении Судака и его захвате сельджуками. Судя по палеоботаническому, палеозоологическому и антропологическому материалу, они были относительно бедными, их занятия сельским хозяйством и животноводством были очень ограниченными. Возможно,

[100] См. также мнение A. Laiou о питании в поздневизантийский период: «Если потенциально питание византийцев было адекватным, то возникает вопрос, было ли количество продуктов достаточным для поддержания здоровья населения. Ответом является однозначное “да”» [90, p. 53]. В контексте самого Константинополя, С. Моррисон и Ж.-К. Шене отмечают, что «работающему человеку, в период нормального поступления пищевых ресурсов, не стоило волноваться о недоедании» [101, p. 872].

они могли существовать за счет зерна, привозимого производителями пленчатой пшеницы из горных районов Юго-Западного Крыма или из еще более отдаленных районов, а также за счет небольшого количества скота, который они выращивали в пределах самого города. Однако в питании люди, по-видимому, больше рассчитывали на рыбу, добываемую у берега моря и в устье Черной речки. Они были измотаны тяжелым трудом и, должно быть, часто голодали. Их проживание ограничивалось пределами городских стен. Они смотрели на море, думая о торговле и пропитании, бросая беспокойные взгляды на горизонт, где опасность все возрастала. Последовавшее насильственное разрушение квартала свидетельствует о том, что эти тревоги оправдались.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII.
2. Алексеенко Н.А. К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХСб. 1997. Вып. VIII.
3. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К., 1977.
4. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. Вып. 4.
5. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. 1959. Вып. V.
6. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. Вып. 34.
7. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. Вып. 34.
8. Бертье-Делагард А.Л. Раскопки в Херсонесе // МАР. 1893. Вып. 12.
9. Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении Херсонеса в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Вып. I.
10. Богданова Н.М. Херсон в X-XIV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991.
11. Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991.
12. Византийская Книга Эпарха // Византийская историческая библиотека. Рязань, 2006.
13. Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и новгородская земля. История и археология. Мат-лы научн. конф. Новгород, 1996.
14. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Пер. и прим. Е.Э. Липшиц. Л., 1980.
15. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
16. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
17. Даниленко В.Н. Жилые дома Херсонеса XIII-XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
18. Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Музей антропологии и этнографии. 1949. № 12.
19. Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 2.
20. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. IX.

21. Зубарь В.М., Седикова Л.В. История археологических исследований и некоторые итоги изучения Южного района Херсонеса-Херсона // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III.
22. Иванов А.В. Антропологический материал из раскопок часовни в квартале X «б» Херсонеса 1996 г. // ХСб. 1998. Вып. IX.
23. Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
24. Карпов С.П. История Трапезундской Империи. СПб., 2007.
25. Коваль В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. К., 2005.
26. Ковалевская Л.А., Седикова Л.В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
27. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
28. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК. 1896.
29. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК. 1897.
30. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК. 1898.
31. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. // ОАК. 1901.
32. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1.
33. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25.
34. Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997.
35. Пятышева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5-7 февраля 1969 г. М., 1969.
36. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
37. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
38. Рыжов С.Г. Дом IV-III вв. до н.э. в Херсонесе // СА. 1985. № 4.
39. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
40. Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности. Харьков, 2004.
41. Седикова Л.В. Керамические комплексы первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
42. Седикова Л.В. Стратиграфия Южного района Херсонеса по данным раскопок участка водохранилища // Проблемы исследования археологических памятников: раскопки, хранение, экспозиция. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2005.
43. Соколова К.Ф. Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года // ХСб. 1959. Вып. V.
44. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / Владимиров А.О., Журавлев Д.В., Зубарь В.М. и др. Харьков, 2004.
45. Ченцова В.Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
46. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. Вып. 17.
47. Якобсон А.Л. К изучению средневекового Херсонеса // ХСб. 1959. Вып. V.
48. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
49. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

50. Acsádi G., Nemeskéri J. History of Human Lifespan and Mortality. Budapest, 1970.
51. Angold M. The Byzantine Empire 1025-1204: A Political History. London; New York, 1984.
52. Armstrong P. A group of Byzantine bowls from Skopelos // Oxford Journal of Archaeology. 1991. 10:3.
53. Arthur P., Sedikova L. Excavations at Chersonesos (Sevastopol, Ukraine) 2001 // Abstracts of the Annual Meeting of the Archaeological Institute of America. 2002. 25.
54. Arthur P., Sedikova L. Excavation in the ancient city. The Study of Ancient Territories, Chersonesos and Metaponto // 2001 Annual Report of the Institute of Classical Archaeology, University of Texas at Austin. 2001.
55. Arthur P., Sedikova L. Excavation in the southern residential section of Chersonesos. The Study of Ancient Territories, Chersonesos and Metaponto // 2002 Annual Report of the Institute of Classical Archaeology, University of Texas at Austin. 2002.
56. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. Scurvy // Aufderheide A.C., Rodriguez Martin C., Langsjoen O. (Hrsg.). The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge, 1998.
57. Basing P. Trades and Crafts in Medieval Manuscripts. New York, 1990.
58. Baun J. The fate of babies dying before baptism in Byzantium // Studies in Church History. 1994. 31.
59. Blackman M.J., Redford S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware // Ancient Near Eastern Studies. 2005. 42.
60. Boev Z., Beech M.J. The bird bones // Poulter A.G. Nicopolis ad Istrum: A Late Roman and Early Byzantine City. The Finds and Biological Remains. Oxford, 2007.
61. Bogaard A., Jones G., Charles M. The impact of crop processing on the reconstruction of crop sowing time and cultivation intensity from archaeobotanical weed evidence // Vegetation History and Archaeobotany. 2005. 14.
62. Bouras Ch. Aspects of the Byzantine city // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, II. Washington D.C., 2002.
63. Bouras Ch. Houses in Byzantium // Deltion tes Christianikes Archeologikes Hetaireias. 1982-1983. 2:4.
64. Brown D. Dice, a games-board, and playing pieces // Object and economy in Medieval Winchester. Winchester Studies. 7, II. Oxford, 1990.
65. Buchwald H. Byzantine town-planning – does it exist? // Grünbart M., Kislinger E., Muthesis A., Stathakopoulos D.Ch. Material culture and well-being in Byzantium. Proceedings of the International Conference. Cambridge, 8-10 September, 2001. Veröffentntlichen zur Byzanzforschung 11. Vienna, 2007.
66. Buysse J. The botanical remains // Poulter A.G. Nicopolis ad Istrum: A Late Roman and Early Byzantine City. The Finds and Biological Remains. Oxford, 2007.
67. Camp J. Excavations in the Athenian Agora, 2002-2007 // Hesperia. 2007. 76.
68. Capasso L., Kennedy K.A. R., Wilczak C.A. Atlas of Occupational Markers on Human Remains. Teramo, 1999.
69. Curtis R.I. Garum and Salsamenta: Production and Commerce in Materia Medica. Leiden; New York, 1991.
70. Dagron G. The urban economy, seventh-twelfth centuries // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies 29, II. Washington D.C., 2002.
71. Dalby A. Flavours of Byzantium. Devon, 2003.
72. Eshed V., Gopher A., Galili E., Hershkovitz I. Musculoskeletal stress markers in Natufian hunter-gatherers and Neolithic farmers in the Levant: the upper limb // American Journal of Physical Anthropology. 2004. 123.

73. Frayn J.M. Sheep-Rearing and the Wool Trade in Italy during the Roman Period. Liverpool, 1984.
74. Gladykowska-Rzeczycka J.J. Rickets in past and modern times: cases from some archaeological sites in Poland // Anthropologie. Brno, 2001. 39.
75. Goodall I. Wood-working tools // Object and economy in Medieval Winchester. Winchester Studies 7, II. Oxford, 1990.
76. Grmek M. Diseases in the Ancient Greek World. Baltimore, 1989.
77. Grünbart M. Store in a cool and dry place: perishable goods and their preservation in Byzantium // Brubaker L., Linardou K. (Hrsg.). Eat, drink and be merry (Luke 12:19): food and wine in Byzantium. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 13. Ashgate, 2007.
78. Günsenin N. Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia Antiqua. 1994. 3.
79. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. The Pottery. Vol. II. Princeton N.J., 1992.
80. Hawkey D.E., Merbs C.F. Activity-induced musculoskeletal stress markers (MSM) and subsistance strategy changes among ancient Hudson Bay Eskimos // International Journal of Osteoarchaeology. 1995. 5.
81. Hendy M.F. Studies in the Byzantine monetary economy c. 300-1450. Cambridge, 1985.
82. Henneberg M. Biological dynamics at a Polish rural community in the 19th century. General demographic characteristics // Przegląd Antropologiczny. 1977. 43.
83. Henneberg M., Henneberg R.J. Biological characteristics of the population based on analysis of skeletal remains // The Chora of Metaponto: The Necropoleis. Austin, 1998.
84. Henneberg R.J., Ponomarev D. Facial injury from Byzantine Chersonesos (Crimea, Ukraine), 12th-13th century AD // 32 Annual Paleopathology Meeting in Milwaukee. Paleopathology Newsletter. 2005.
85. Hodges D. The human skeletal remains from the medieval occupation of Gritille // Redford S. The Archaeology of the Frontier in the Medieval Near East: Excavations at Gritille, Turkey. Archaeological Institute of America Monographs n. s. 3. Boston, 1998.
86. Jones G. Weed phytosociology and crop husbandry: identifying a contrast between ancient and modern practice // Review of Palaeobotany and Palynology. 1992. 73.
87. Kelley J.O., Angel J.L. Life stresses of slavery // American Journal of Physical Anthropology. 1987. 74.
88. Koder J. Stew and salted meat – opulent normality in the diet of every day? // Brubaker L., Linardou K. (Hrsg.). Eat, drink and be merry (Luke 12:19): food and wine in Byzantium. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 13. Ashgate, 2007.
89. Krogman W.M., Isçan M.Y. The Human Skeleton in Forensic Medicine (2nd edition). Springfield, 1986.
90. Laiou A. The human resources // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, I. Washington D.C., 2002.
91. Lefort J. The rural economy, seventh-twelfth centuries // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, I. Washington D.C., 2002.
92. Lewis M.E. The Bioarchaeology of Chidren. Perspectives from Biological and Forensic Anthropology. Cambridge, 2007.
93. Linderholm A., Jonson C.H., Svensk O., Lidėn K. Diet and status in Birka: stable isotopes and grave goods compared // Antiquity. 2008. 82.
94. Maat G.J.R. Scurvy in Dutch whalers buried at Spitsbergen // Proceedings of the IVth European Members Meeting of the Paleopathology Association. Utrecht, 1982.
95. MacKay T.S. Pottery of the Frankish period: 13th and early 14th century // Williams C. K., Bookidis N. (Hrsg.). Corinth XX, The Centenary 1896-1996. Princeton N.J., 2003.
96. Mainland I. Dental microwear and diet in domestic sheep (*Ovis aries*) and goats (*Capra hircus*): distinguishing grazing and fodder-fed ovicaprids using a quantitative analytical approach // Journal of Archaeological Science. 1998. 25:12.

97. Matschke R.-P. The Late Byzantine urban economy, thirteenth-fifteenth centuries // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, II. Washington D.C., 2002.
98. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // Annual of the British School in Athens. 1968. 63.
99. Molnar P. Tracing prehistoric activities: musculoskeletal stress marker analysis of a stone-age population on the Island of Gotland in the Baltic sea // American Journal of Physical Anthropology. 2006. 129.
100. Morgan C.H. Corinth, XI: The Byzantine Pottery. Cambridge, 1942.
101. Morrison C., Cheynet J.-C. Prices and wages in the Byzantine world // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, II. Washington D.C., 2002.
102. Oikonomides N. The contents of the Byzantine house from the eleventh to the fifteenth century // Dumbarton Oaks Papers. 1990. 44.
103. Ortner D.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (2nd edition). Amsterdam, 2003.
104. Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton N.J., 1999.
105. Papanikola-Bakirtzis D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
106. Payne S. Kill-off patterns in sheep and goats: the mandibles from Aşvan Kale // Anatolian Studies. 1973. 23.
107. Peacock A.C.S. The Saljūq campaign against the Crimea and the expansionist policy of the early reign of 'Alā' al-Dīn Kaykubād // Journal of the Royal Asiatic Society. 2006. 16:2.
108. Polet C., Katzenberg M.A. Reconstruction of the diet in a mediaeval monastic community from the coast of Belgium // Journal of Archaeological Science. 2003. 30.
109. Privat K.L., O'Connell T., Richards M.P. Stable Isotope Analysis of Human and Faunal Remains from the Anglo-Saxon Cemetery at Berinsfield, Oxfordshire: Dietary and Social Implications // Journal of Archaeological Science. 2002. 29.
110. Redford S. On *sāqīs* and ceramics: systems of representation in the northeast Mediterranean // Weiss D.H., Mahoney L. (Hrsg.). France and the holy land. Frankish culture at the end of the Crusades. Baltimore; London, 2004.
111. Redford S., Blackman M.J. Luster and fritware production and distribution in Medieval Syria // Journal of Field Archaeology. 1997. 24:2.
112. Rheidt K. The urban economy of Pergamon // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, II. Washington D.C., 2002.
113. Rheidt K. Byzantinische Wohnhaűser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // Dumbarton Oaks Papers. 1990. 44.
114. Richards M.P., Fuller B.T., Molleson T.I. Stable isotope palaeodietary study of humans and fauna from the multi-period (Iron Age, Viking and Late Medieval) site of Newark Bay, Orkney // Journal of Archaeological Science. 2006. 33.
115. Richards M.P., Mays S., Fuller B.T. Stable carbon and nitrogen isotope values of bone and teeth reflect weaning age at the Medieval Whorram Percy site, Yorkshire, UK // American Journal of Physical Anthropology. 2001. 119.
116. Robb J. Skeletal signs of activity in the Italian metal ages: methodological and interpretative notes // Human Evolution. 1994. 9.
117. Sanders G. Corinth // The economic history of Byzantium. From the seventh through the fifteenth century. Dumbarton Oaks Studies. 29, II. Washington D.C., 2002.
118. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: the Roman Stoa, 1988-91. Preliminary report. Part I(c). Medieval pottery // Annual of the British School at Athens. 1993. 88.
119. Santangeli Valenzani R. Edilizia residenziale // Meneghini R., Santangeli Valenzani R. Roma nell'altomedioevo. Rome, 2004.

120. Sazanov A. Byzantine pottery «Glazed White Ware IV» by J. Hayes in the Northern Black Sea Coast region: deposits, typology, chronology and technology // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, III. London, 2006.
121. Scott E. The Archaeology of Infancy and Infant Death // British Archaeological Reports (International Series), 819. Oxford, 1999.
122. Sigalos L. Housing people in Byzantine Greece // International Journal of Historical Archaeology. 2003, 7:3, 195-221.
123. Sperduti A. Life condition of a Roman Imperial age population: occupational stress markers and working activities in Lucus Feroniae (Rome, 1st-2nd cent. AD) // Human Evolution. 1997. 12.
124. Stein G. Medieval pastoral production systems at Gritille // Redford S. The Archaeology of the Frontier in the Medieval Near East: Excavations at Gritille, Turkey. Archaeological Institute of America Monographs n. s. 3. Boston, 1998.
125. Stern E.J. Excavation of the courthouse site at Akko: the pottery of the Crusader and Ottoman periods // Atigot. 1997. 31.
126. Tanavoli P. Locks from Iran: Pre-Islamic to Twentieth Century. Washington D.C., 1976.
127. Tieszen L.L., Boutton T.W., Tesdahl K.G., Slade N.A. Fractionation and turnover of stable carbon isotopes in animal tissues: implications for 13C analysis of diet // Oecologia. 1983. 57.
128. Tweddle D. Craft and industry in Anglo-Scandinavian York // Corfield P., Keene D. (Hrsg.). Work in towns 850-1850. Leicester, 1990.
129. Tylecote R.F. The Early History of Metallurgy in Europe. London; New York, 1987.
130. Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation (2nd edition). Washington D.C., 1989.
131. Van Neer W., Ervynck A. Fish processing and consumption at the ancient city of Chersonesos (Crimean peninsula, Ukraine) // Béarez P., Grouard S., Clavel B. Archéologie du Poisson. 30 Ans d'Archéo-Ichtyologie au CNRS. Antibes, 2008.
132. Vroom J. Playing games in the valley of the Muses. A medieval boardgame found in Boeotia, Greece // Pharos. 1999. 7.
133. Vroom J. After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece // Archaeological Studies Leiden University 10. Leiden, 2003.
134. Vroom J. The changing dining habits at Christ's table // Brubaker L., Linardou K. (Hrsg.). Eat, drink and be merry (Luke 12:19): food and wine in Byzantium. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 13. Ashgate, 2007.
135. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions of by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography // Maguire H. (Hrsg.). Material Analysis of Byzantine Pottery. Cambridge, 1997.
136. Wiley J.J. Traumatic osteitis pubis: the gracilis syndrome // The American Journal of Sports Medicine. 1983. 11.
137. Zagari F. Il Metallo nel Medioevo. Tecniche, Strutture, Manufatte. Rome, 2005.

Рабіновіц А., Седікова Л. В., Хеннеберг Р.

Повсякденне життя провінційного міста в пізньовізантійський період: міждисциплінарні дослідження в Південному районі Херсонеса

Резюме

Під час останніх спільних розкопок, проведених Національним заповідником «Херсонес Таврійський» і Інститутом Класичної Археології Техаського Університету в Південному районі Херсонеського городища були відкриті шари еллінського, римського і візантійського часів. Було отримано різноманітний матеріал, що характеризує розвиток міста і, зокрема, життя його мешканців в XII-XIII століттях. Завдяки міждисциплінарним дослідженням, проведеним у 2004-2006 рр., визначилася детальна картина житлової архітектури, виробництва і повсякденного життя рядового району міста. Стаття починається з короткого історичного нарису про археологічні дослідження Херсонеса, потім розглядається розвиток одного міського кварталу, що має житлові, торгівельні та промислові зони. Далі представлені попередні результати великої програми наукових досліджень, сфокусованих на останній фазі використання цього кварталу, знищеного пожежею, після якої всі металеві, керамічні і навіть органічні об'єкти залишилися лежати на тих саме місцях, де вони використовувалися і зберігалися.

Аналіз не лише архітектури і знахідок, а також палеоботанічних, фауністичних і металургійних залишків розкриває подробиці життя мешканців кварталу, що проживали тут в XII-XIII століттях, їх раціон і особливості харчування, а також дає певну характеристику економіки Херсонеса в пізньовізантійський період. Детальне вивчення людських останків з маленької квартальної церкви також висвітлює питання харчового раціону, демографії і захворювань. На закінчення наводяться деякі роздуми про значення даних знахідок для історії Херсонеса останніх етапів його існування.

Рабиновиц А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р.

Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса

Резюме

Во время последних совместных раскопок, проведенных Национальным заповедником «Херсонес Таврический» и Институтом Классической Археологии Техасского Университета в Южном районе Херсонесского городища были открыты слои эллинистического, римского и византийского времени.

Получен разнообразный материал, характеризующий развитие города и, в частности, жизнь его обитателей в XII-XIII веках. Благодаря междисциплинарным исследованиям, проведенным в 2004-2006 гг., обозначилась подробная картина жилищной архитектуры, производства и повседневной жизни рядового района города. Статья начинается с краткого исторического очерка об археологических исследованиях Херсонеса, затем рассматривается развитие одного городского квартала, имеющего жилые, торговые и

промышленные зоны. Далее представлены предварительные результаты обширной программы научных исследований, сфокусированных на последней фазе использования этого квартала, уничтоженного пожаром, после которого все металлические, керамические и даже органические объекты остались лежать на тех же местах, где они использовались и хранились.

Анализ не только архитектуры и находок, а также палеоботанических, фаунистических и металлургических остатков раскрывает подробности жизни обитателей квартала, проживавших здесь в XII-XIII веках, их рацион и особенности питания, а также дает некоторую характеристику экономики Херсонеса в поздневизантийский период. Подробное изучение человеческих останков из маленькой квартальной церкви также освещает вопросы пищевого рациона, демографии и заболеваний. В заключение приводятся некоторые размышления о значении данных находок для истории Херсонеса на последних этапах его существования.

Rabinowitz A., Sedikova L. V., Henneberg R.

Daily life in a provincial Late Byzantine city: multidisciplinary research in the South Region of Chersonesos

Summary

The recent joint excavations of the National Preserve of Tauric Chersonesos and the Institute of Classical Archaeology (University of Texas) in the South Region of the Greek, Roman, and Byzantine site of Chersonesos have revealed rich and varied evidence for the development of the city and especially for the lives of its inhabitants in the 12th and 13th centuries AD. Multidisciplinary investigations between 2004 and 2006 have produced a detailed picture of domestic architecture, economy, and daily life in a non-elite urban neighborhood.

Here we begin with a brief history of archaeological investigation at Chersonesos, followed by a discussion of the diachronic development of a city block containing residential, commercial, and industrial areas. We then present the preliminary results of an extensive program of scientific analysis focused on the last phase of this block's occupation, which ended in a fiery destruction that left metal, ceramic, and even organic objects lying where they had been used and stored.

The analysis not only of architecture and finds, but also of paleobotanical, faunal, and metallurgical remains, reveals details of the lives of the block's inhabitants in the 12th and 13th centuries, their diet and foodways, and some characteristics of the economy of Chersonesos in the Late Byzantine period. An extensive discussion of the human remains from the small church attached to the block further illuminates issues of diet, demography, and disease. We conclude with some thoughts on the implications of our finds for the history of Chersonesos in its final phases.

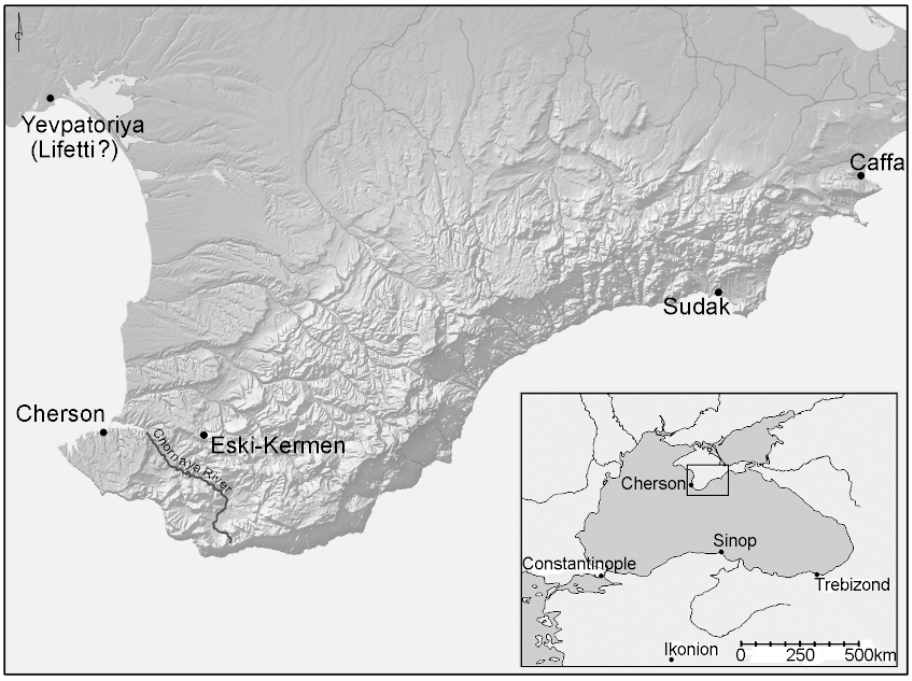

Рис. 1. Местоположение Херсонеса на юго-западной оконечности Крыма, возле современного Севастополя (карта Дж. Трелоган).

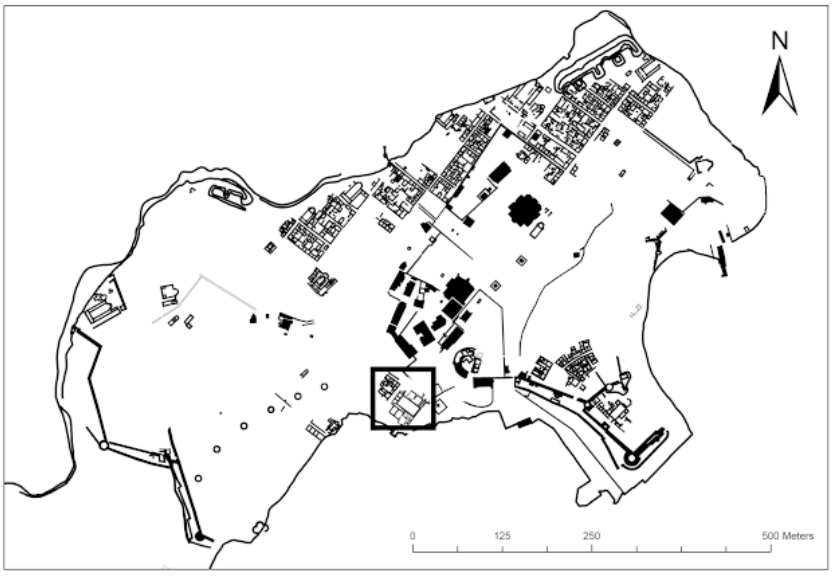

Рис. 2. План Херсонеса. Монастырские постройки XIX в. отмечены сплошным черным цветом; участок раскопок Южного района заключен в черный квадрат.

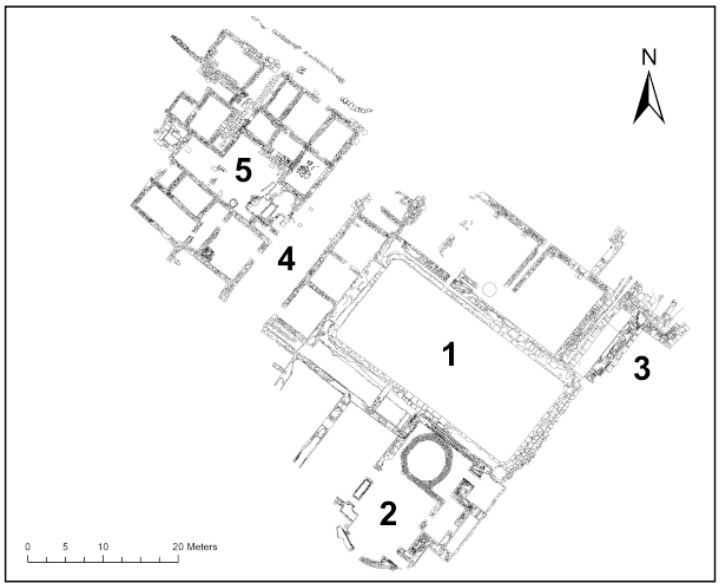

Рис. 3. План Южного района:

1) монументальное водохранилище; 2) общественное здание; 3) оборонительная стена и башня XII; 4) главная улица; 5) юго-восточная часть квартала 50.

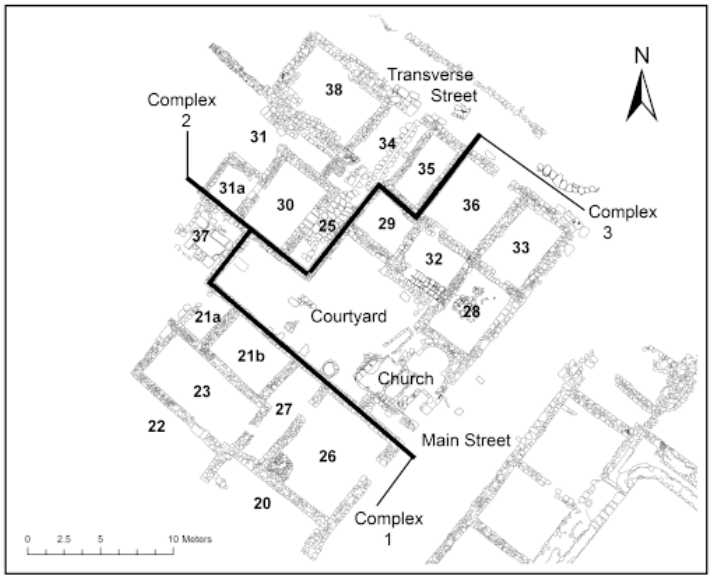

Рис. 4. План квартала 50, нумерация помещений соответствует указаниям в тексте.

Черные жирные линии отделяют три жилых комплекса: комплекс 1 – к югу; комплекс 2 – к северу; комплекс 3 – к востоку.

Рис. 5. Траншея эллинистического периода, вырубленная в материковой скале под помещениями 31 и 38. Стрелочками показаны ее борта.

Рис. 6. Остатки конструкций римского и ранневизантийского периодов на месте внутреннего двора последней фазы:

1) плиты римского периода; 2) траншея от разобранной стены, ограничивавшей вымостку; 3) яма для пифоса, прорубленная в вымостке; 4) комплекс вырубленных в скале производственных ям.

Рис. 7. Земляной пол дома ранневизантийского периода, расположенный над более ранней подрубкой для пифосов.

В верхней части фото – черепичный очаг; внизу – раздавленный кухонный горшок с костями животного, найденный in situ. Стена в левой части фото относится к более позднему строительному периоду.

Рис. 8. Утрамбованная поверхность заглубленного здания под помещением 33.

Темное пятно на полу в центре является одним из двух очагов, относящихся к этому зданию.

Рис. 9. Фундамент стены помещения 38, выходящей на поперечную улицу.

Можно видеть, как нижние ряды кладки из больших блоков, значительно выступающие в помещение, построены на засыпи более раннего сооружения, вырубленного в скале.

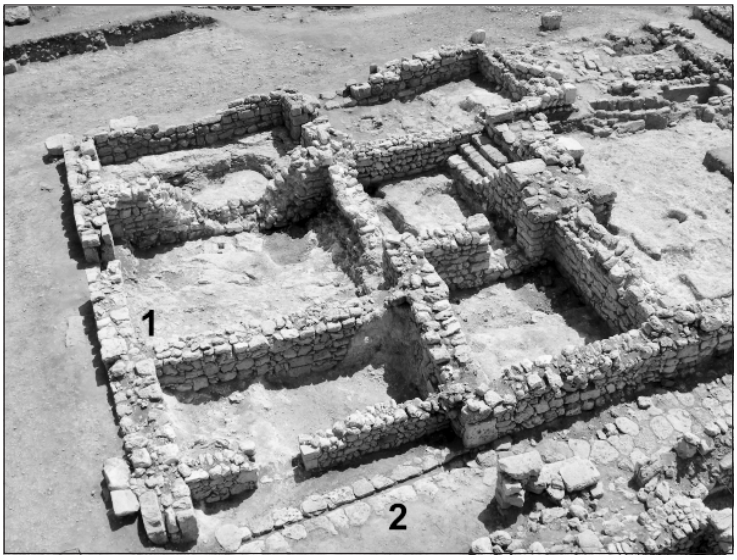

Рис. 10. Помещения 34, 35 и комплекс 3 – вид сверху:

1) нестыковка фасадных стен комплексов 2 и 3; 2) водосток в полу помещения 34 в комплексе 2.

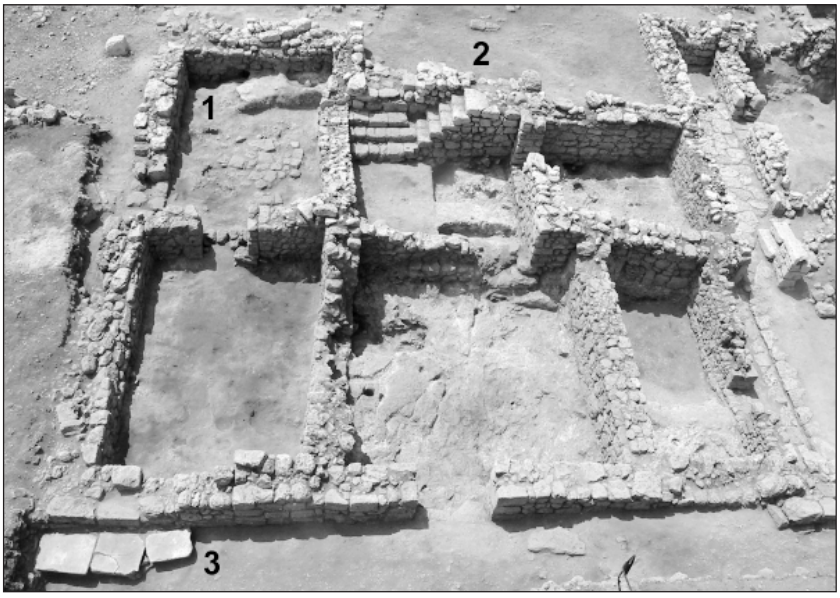

Рис. 11. Комплекс 3 – вид сверху:
1) бассейн, вырубленный в выступе материковой скалы в помещении 28; 2) лестница из внутреннего двора 32 на второй этаж над помещением 36; 3) скамья на поперечной улице, сооруженная из вторично использованных капителей, за ней заложенная наружная дверь помещения 33.

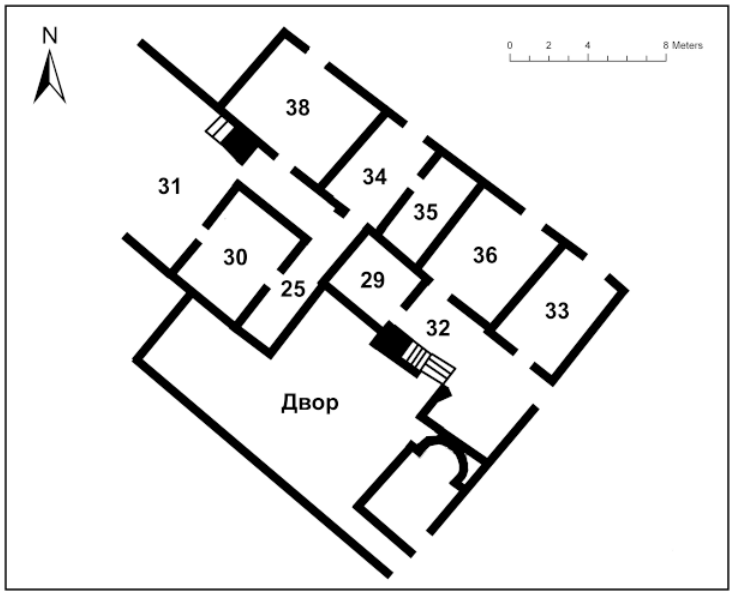

Рис. 12. Схематический план комплексов 2 и 3. Первая фаза использования конца XI или XII вв.

Рис. 13. Известняковый арочный блок от двери или окна в комплексе 3. На этом и других камнях видны следы штукатурки и подтески для крепления деревянной рамы. Темное пятно на поверхности архитектурной детали – остатки железного гвоздя, вбитого в камень (фото И. Энгельман).

Рис. 14. Яма у северо-западной стены помещения 38 после раскопок. Поверхность на дне связана со второй фазой использования помещения.

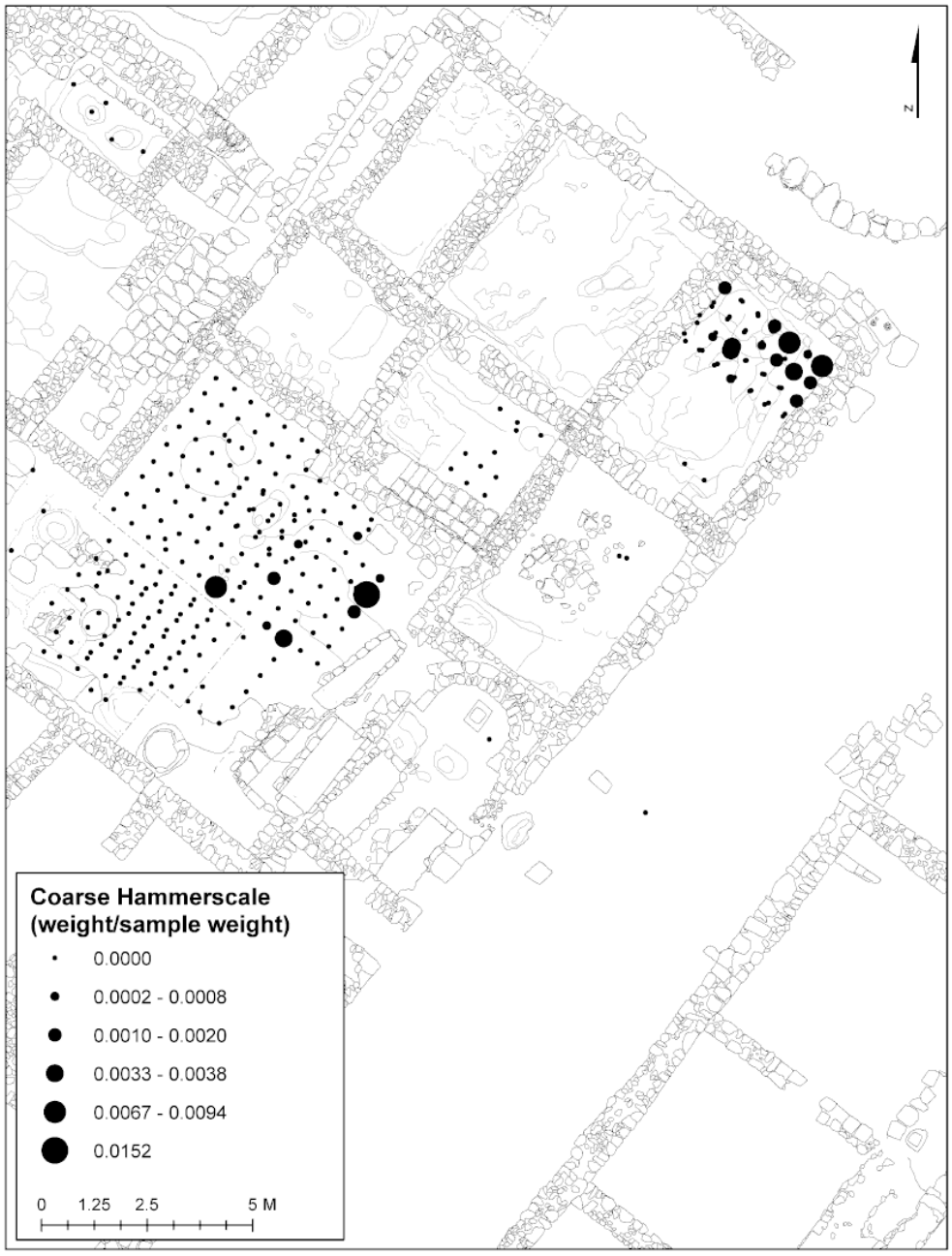

Рис. 15. Распределение окалины в образцах грунта, взятых из поверхности пола жилого квартала первой фазы использования.

Статистические расчеты сделаны на основании анализа веса образцов (данные К. Солтера).

Рис. 16. Яма в раннем земляном полу помещения 33.

Отпечатки, видимые на дне, могут быть связаны с деревянным основанием для наковальни кузнеца.

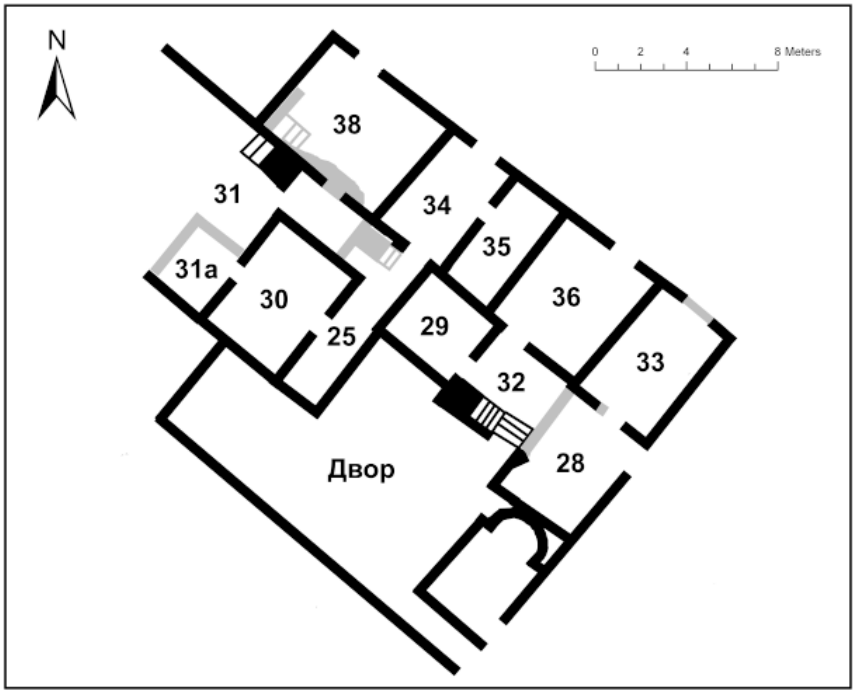

Рис. 17. Схематический план комплексов 2 и 3 во второй фазе использования в XIII в.

Структурные изменения отмечены серым.

Рис. 18. Помещение 38 – вид сверху.

Четко виден прогиб юго-западной стены. Стрелками отмечены укрепляющий контрфорс (внизу) и заложенная дверь во внутренний двор 31 (вверху).

Рис. 19. Скопление крабовых клешней на полу помещения 30 последней фазы использования.

Вверху справа также видна рыбная кость.

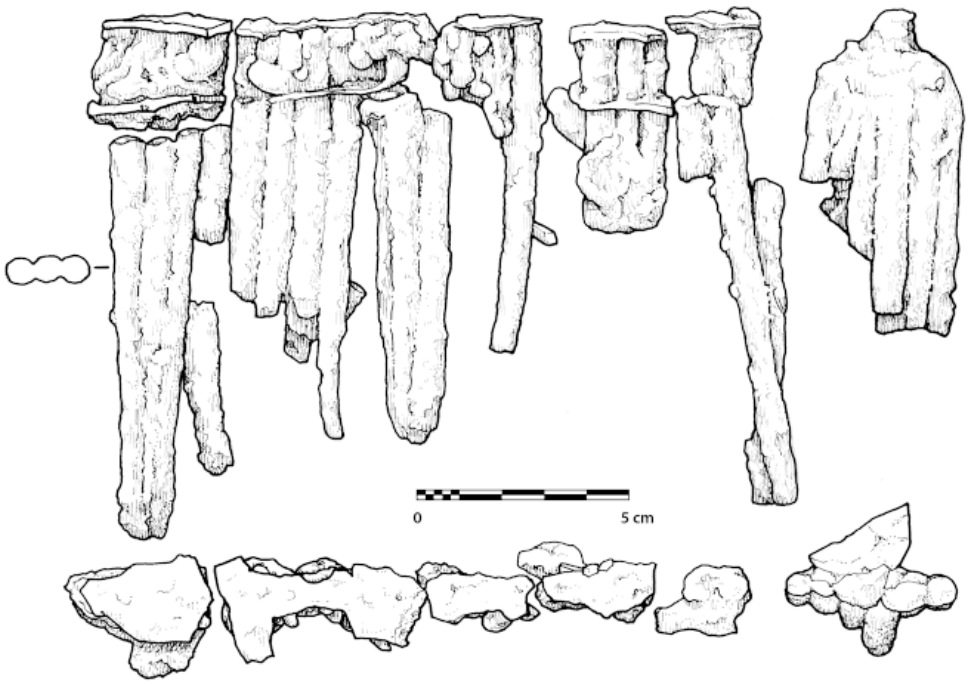

Рис. 20. Железный гребень для шерсти, найденный в верхней части слоя разрушения помещения 36 (рис. В. Вэлфил).

Рис. 21. Обугленные деревянные предметы, найденные in situ на полу последней фазы в помещении 33.

Черной стрелкой внизу указано круглое дно небольшого деревянного ведра или бочки, вверху – отмечен деревянный столб.

Рис. 22. «Стенной сейф» возле вырубленной в скале емкости в помещении 28.

Место находки «сейфа» указано черной стрелкой; углубление в стене доходит до апсиды храма. В стене видно отверстие для плоского камня или камней, которые закрывали углубление.

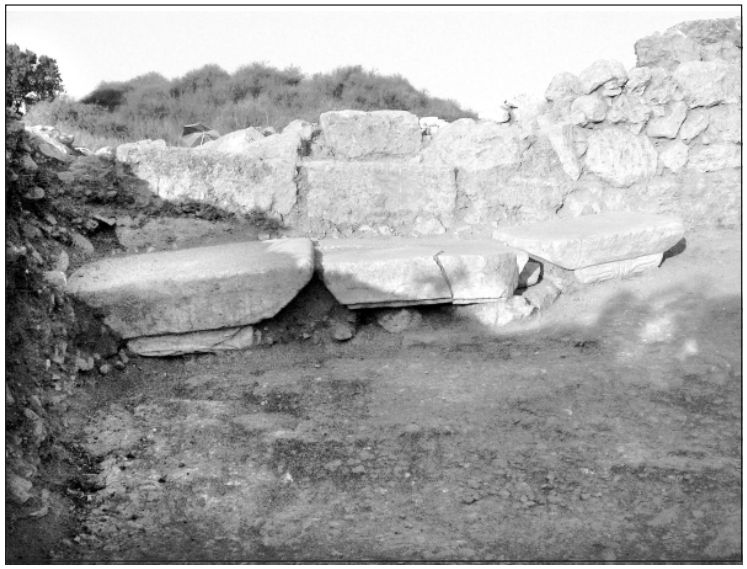

Рис. 23. Скамья на поперечной улице за стеной помещения 33, сооруженная из трех мраморных импостных капителей вторичного использования.

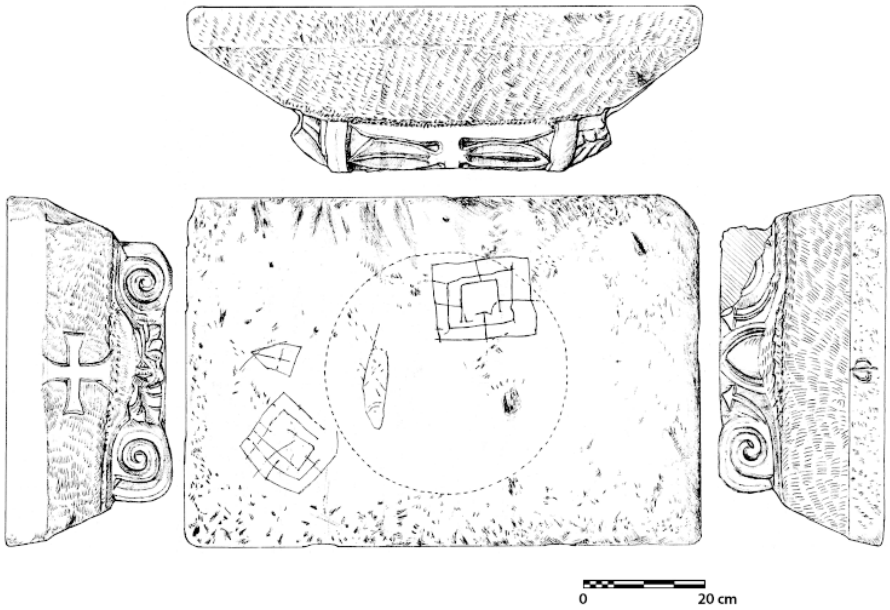

Рис. 24. Граффити на поверхности наибольшей из трех капителей, использованных в качестве скамьи: на ней, как минимум, две доски для игры «Моррис с девятью шашками», а также меньших размеров геометрический рисунок (счетная доска?) и изображение, похожее на рыбу (рис. П. Пересветова).

Рис. 25. Тарелка типа Zeuxippos Ware с изображением воина из слоя разрушения помещения 28 (фото К. Вильямса).

Рис. 26. Обгоревший кувшин типа Zeuxippos Ware из слоя разрушения помещения 33 (фото К. Вильямса).

Рис. 27. Железный инструмент, возможно для штукатурных работ – вид прямо и сверху (фото К. Вильямса).

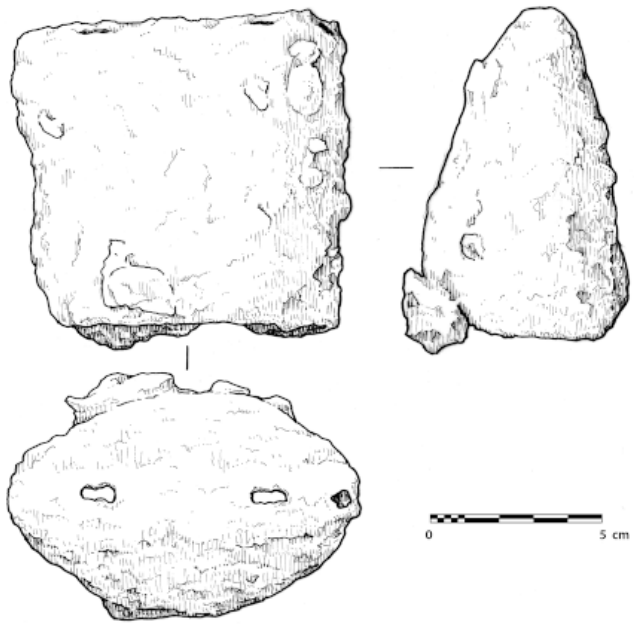

Рис. 28. Колокольчик для животных из помещения 33. Железо, медный сплав (рис. В. Вэлфил).

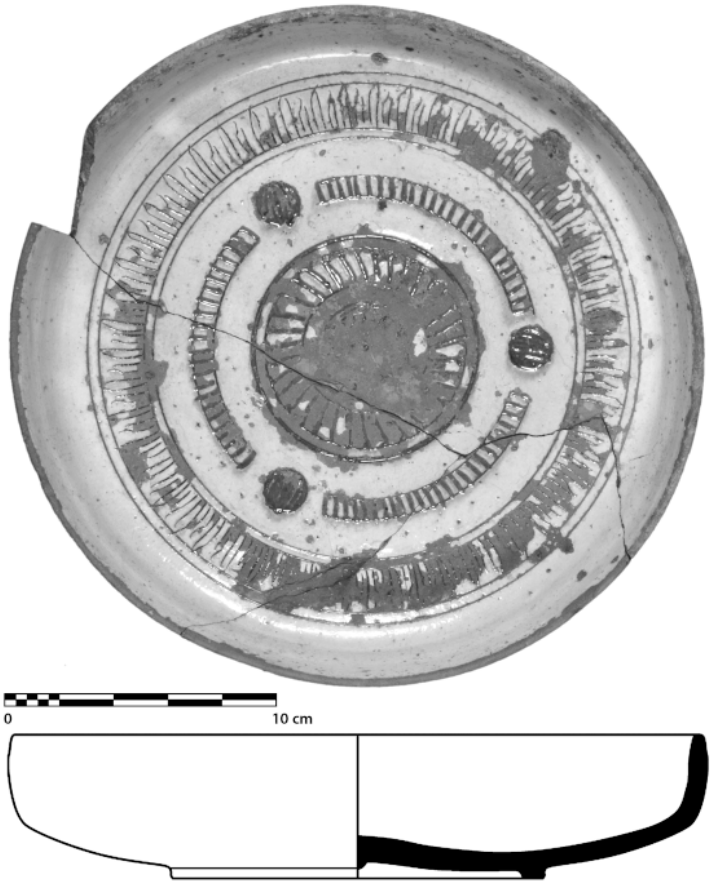

Рис. 29. Поливное блюдо, выполненное в технике сграффито, найденное на полу помещения 29: фотография и профиль (фото К. Вильямса).

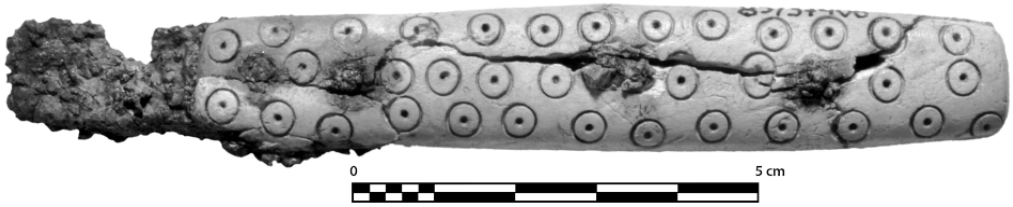

Рис. 30. Железный нож с костяной рукояткой, украшенной циркульным орнаментом (фото К. Вильямса).

Рис. 31. Непотревоженные останки коллективных захоронений в гробнице 2, внутри квартальной церкви.

Рис. 32. Два захоронения в гробнице 3, во внутреннем дворе рядом с храмом:

светло-серое – мужское; темно-серое – женское.

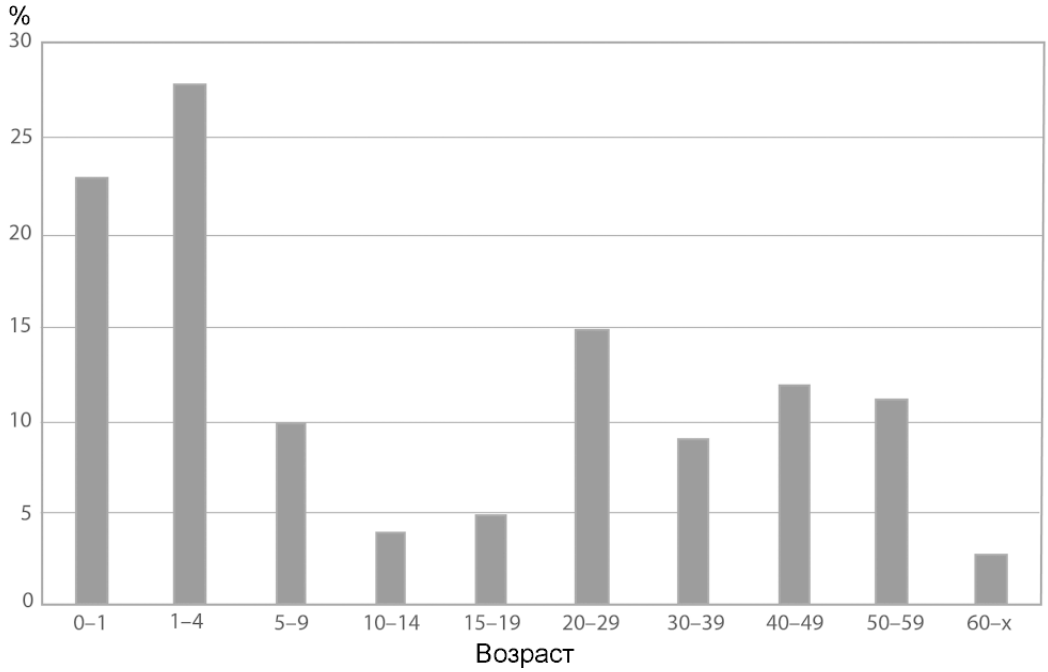

Рис. 33. Состав умерших разных возрастных категорий.

Рис. 34. Грыжа Шморля (дистрофия межпозвоночного диска) в поясничном позвонке (фото К. Вильямса).

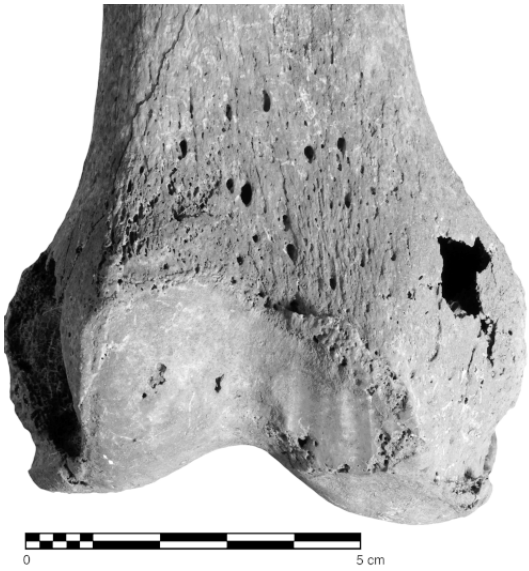

Рис. 35. Эбурнеация (полированная поверхность) в коленном суставе (фото К. Вильямса).

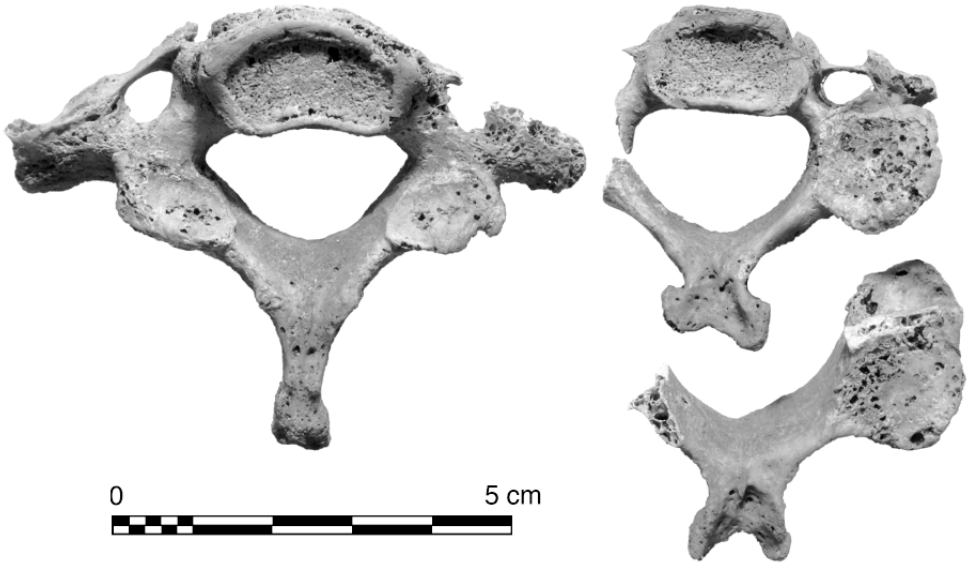

Рис. 36. Остеоартрит шейного отдела позвоночника (фото К. Вильямса).

Рис. 37. Шрамы в местах крепления мышц на двух плечевых костях (фото Р. Хеннеберг).

Рис. 38. Локтевая шпора (локоть дровосека) (фото Р. Хеннеберг).

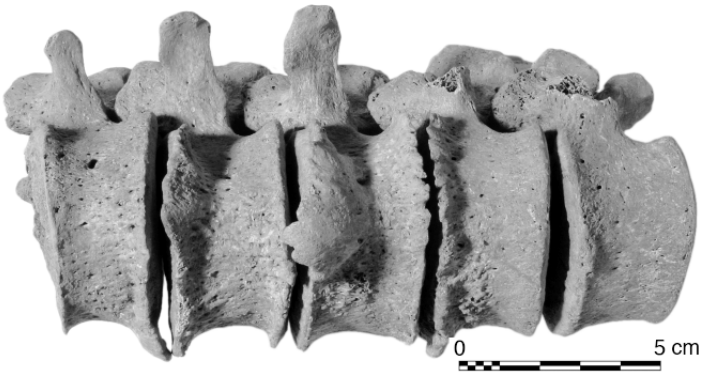

Рис. 39. Остеофит на теле позвонка (фото К. Вильямса).

Рис. 40. Остит лобковой кости (повреждение лобкового симфиза) (фото К. Вильямса).

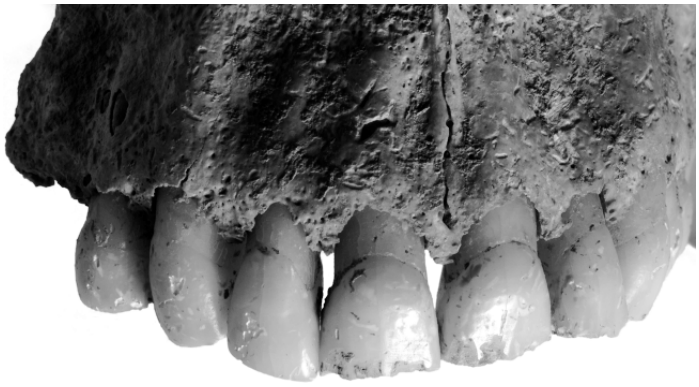

Рис. 41. Зазубренные передние зубы нижней челюсти мужчины («зубья пилы») (фото К. Вильямса).

Рис. 42. Остеоартрит в области поясницы (фото К. Вильямса).

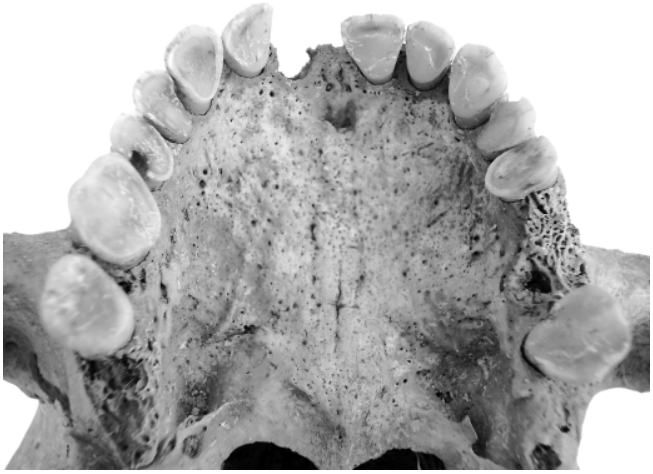

Рис. 43. Зубной кариес (фото К. Вильямса).

Рис. 44. Заживший перелом большой берцовой кости (фото К. Вильямса).

Рис. 45. Признаки рахита большой берцовой кости у ребенка 5-6 лет (фото А. Лось).

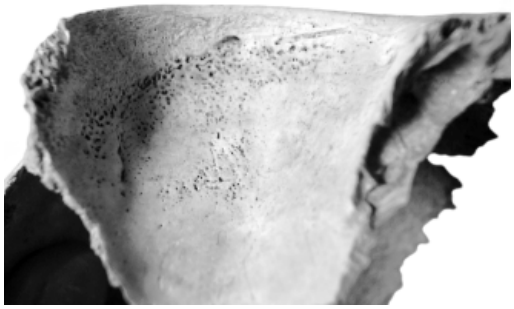

Рис. 46. Пороз (изъязвление) верхней стенки глазницы, связанный с анемией (фото К. Вильямса).

Рис. 47. Частично залеченная рана на левой стороне лица мужчины 35-40 лет (фото А. Лось).

Л. А. ГОЛОФАСТ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЛИК ХЕРСОНА В XIII ВЕКЕ

Херсонес, систематическое изучение которого ведется с конца XIX в., представляет огромный интерес для историка, занимающегося проблемами византийского города. В большинстве кварталов, погибших в результате пожара XIII в., сохранилось практически всё, что было в употреблении непосредственно перед катастрофой: из-за внезапности разрушения жители, возможно, успели вынести из домов только наиболее ценное. Позже, в отличие от других византийских городов, остатки которых перекрыты более поздними зданиями, большая часть Херсона не была застроена и сохранила в неприкосновенности весь комплекс вещей и построек, предоставляя возможность реконструировать и лучше понять жизнь провинциального византийского города XIII в.

Оборонительные сооружения. Облик провинциальных византийских городов в значительной степени определялся окружающими их оборонительными сооружениями, которые, согласно одному из основных требований, предъявляемых к обороне города, должны были заключать в себе территорию, которую можно было защитить имеющимся населением. Обычно города имели несколько линий обороны, в том числе ту, которая окружала акрополь (*kastron*), располагавшийся иногда на значительном расстоянии от города [1, p. 639, 642]. Классический пример идеальной городской застройки византийского образца представляет Преслав, основанный в VIII-IX вв. и в периоды с 971 до 986 гг. и с 1000 до 1185 гг. входивший в состав Византийской империи. Город состоял из внутреннего и внешнего города. Первый, располагавшийся на высокой террасе и окруженный оборонительной стеной, служил цитаделью. Здесь размещались главные государственные учреждения: дворец правителя, храм, резиденция болгарского патриарха, различные административные учреждения. Второй, между цитаделью и внешней оборонительной стеной, состоял из нескольких существенно отличавшихся друг от друга районов. Наиболее обширная его часть была заселена ремесленниками (раскопками здесь были открыты кузнечные,

гончарные, ювелирные и др. мастерские), производившими товары для рынка. В другом районе были сосредоточены монастырские комплексы, большие усадьбы и дома. Здесь также были выявлены следы ремесленного производства, носившего, однако, скорее домашний характер и предназначавшегося для удовлетворения собственных нужд. Самую маленькую площадь занимал район, где были открыты Круглая церковь, один из наиболее значимых архитектурных памятников Болгарии, и большой рынок, состоявший из 18 одинаковых торговых помещений, пристроенных к оборонительной стене [2, p. 668-669].

Совсем другую картину представляет Херсонес, который, не предпринимая никаких попыток защитить свою значительно сократившуюся территорию, продолжал использовать старые оборонительные стены, поддерживая их обороноспособность ремонтами и перестройками, самые поздние из которых относятся к XI-XII вв. Именно в это время возводится третий ярус куртины 18 на Юго-восточном участке и проводятся значительные работы, кардинально изменившие линию приморских оборонительных стен в Портовом районе. Последние работы были вызваны уменьшением акватории и глубины Карантинной бухты, что сделало бесполезным дальнейшее использование старой оборонительной стены, которая была перенесена далеко на восток [3, с. 109, 114, 116, 117, 121]. Ко времени после X в. относятся и перестройки в районе башни XII, когда дополнительной кладкой блоков с наружной стороны была усилена куртина и сооружена новая четырехугольная башня XII, более крупная по размерам и с большим выносом за линию стены [4, с. 7].

Кроме того, в XI в. после радикальной реконструкции передовой стены, взявшей на себя роль главного фактора защиты [3, с. 124], военная улица-помериум, шедшая вдоль тыльной стороны основной стены, была застроена жилыми домами, что прослежено не только на юго-восточном отрезке оборонительных стен, но и на так называемом театральном участке. Дома пристраивались вплотную к стене [5, л. 186], а в одном из помещений (помещении 14) в ней даже была пробита полукруглая ниша, вероятно, служившая кладовкой (рис. 1) [6, с. 40, табл. I]. Таким образом, было нарушено одно из основных положений *Strategika*, категорически запрещавшее строить дома вплотную к оборонительным стенам. Справедливости ради следует отметить, что Херсонес не был в этом плане исключением: в средне/поздневизантийский период это положение не соблюдалось в большинстве городов византийского мира, иначе не было бы смысла византийскому полководцу XI в. Кекавмену писать: «Каждый день осматривай стены и ворота и изнутри и снаружи. Стены крепости должны быть свободными – пусть дома не примыкают к ним. А если и есть [такой дом], разрушь его и совершенно оголи стены и изнутри и извне, в особенности же ворота, чтобы у тебя была возможность обходить и осматривать их. Если же дом, примыкающий к стене, – старый и дорогой, пусть тебя не смущает его уничтожение, разрушь и его» [7, с. 193-195].

На других участках оборонительных сооружений следов каких-либо перестроек или ремонтов, которые можно было бы отнести к XI-XIII вв., выявить не удалось [8, 67; 3, с. 105], хотя не исключено, что отсутствие таковых объясняется трудностью, а то и невозможностью, их археологического выявления, т.к. трудно представить, что херсонеситы, уделявшие столько внимания безопасности своего порта, не заботились о поддержании в хорошем состоянии остальной части оборонительных стен. Несомненно, и в XI-XIII вв., в период усиливавшейся с каждым годом военной опасности, с одной стороны, и относительного экономического благосостояния, с другой, Херсон должен был заботиться о своей защите и следовать рекомендациям уже упоминавшегося Кекавмена, который писал: «Если ты, охраняя крепость, услышишь, что против тебя идет враг, займись тем, чтобы подготовиться к войне: позаботься о разрушенных стенах, укрепи башни и бастионы, набери камней поверх стен, сплети канаты, выкопай двойные и тройные рвы, как можно более глубокие и широкие, а за рвом – ямы, чтобы спотыкались кони…» [7, с. 193-195]. Вполне возможно, что в поздний период власти города, беспокоясь о надежной его защите, совсем не думали о красоте и монументальности оборонительных сооружений. Во всяком случае, именно так обстояло дело с крепостным строительством в других городах византийского мира. К примеру, в городах Никейской империи оборонительные стены, как правило, были сложены из необработанных камней, ряды которых чередовались с рядами целых или битых кирпичей [9, с. 58]. Не исключено, что так же выглядели и отремонтированные в поздний период участки оборонительных стен Херсона, что, естественно, затрудняет их выявление.

Административный центр города. В средне- и поздневизантийский период функции административного центра византийских городов обычно выполняли церковь, где собирались представители местной аристократии, и резиденция местного правителя, которая включала сокровищницу, архив, помещение для охраны и тюрьму [1, p. 645; 10, p. 196], и, как правило, располагалась на акрополе, в «замке», который в случае опасности должен был служить последней линией обороны и, в связи с этим, обладать соответствующими характеристиками [1, p. 642-643; 11, p. 505].

В Херсоне «административной» церковью, скорее всего, служил кафедральный собор города, т.н. Уваровская базилика. Рядом с базиликой, в квартале V, по-видимому, располагался дом епископа, который занимал довольно обширную территорию (346 м^2) и включал двор (65 м^2), коридор и жилые комнаты (рис. 2). Время его строительства установить невозможно, а функционировал он, судя по нескольким фрагментам черепицы, в том числе с метками в виде головы лошади, птицы, треугольника и буквами К, ІЄ и Є, обнаруженным в помещениях 1 и 2 [12, с. 162; 13, с. 162], вплоть до пожара XIII в.

Что касается резиденции правителя, то, к сожалению, центральная возвышенная часть города, где, вероятнее всего, она располагалась, была

фактически уничтожена в ходе строительства собора св. Владимира и монастырских зданий во второй половине XIX – начале XX вв. Правда, К.К. Косцюшко-Валюжинич успел раскопать застраивавшиеся участки, но оставленные исследователем краткие описания и схематичные планы открытых строительных остатков не могут быть в полной мере использованы для обоснования каких-то предположений. Все же, несмотря на это, хочется привлечь внимание к фрагментам чрезвычайно интересного и необычного для Херсонеса здания, открытого на небольшом незастроенном пространстве между монастырскими постройками (старой монастырской трапезной и сараями) (рис. 3). Здание, расположенное прямо напротив городских ворот «римско-византийской эпохи», имело «необычайной толщины стены, сложенные из бутового камня с заливкой известью. Толщина стен колеблется от 2 до 5 м, причем самые толстые (стены Я-5–Я-7) усилены еще и контрфорсными столбами квадратной формы (0,7х0,7 м). Продолжение этих стен было выявлено с западной стороны, за пределами монастырской ограды. В обширных помещениях (Ю-1–Ю-3), составлявших с вышеописанными стенами одно целое, были цемянковые полы. Кроме того, в комплекс здания входила баня с кальдарием: в одном из помещений (помещение «θ») были обнаружены каменные столбики квадратной формы (0,30х0,30 и 0,65 м), расположенные на расстоянии 0,35 м друг от друга и служившие опорой для цемянкового пола. С восточной стороны в помещение вела низкая арочная дверь, а при раскопках здесь были найдены 25 квадратных половых кирпичей (0,23х0,23х0,08 м) и 3 гончарные трубы. Водосточный канал, выходивший из большого помещения Ю-3, соединялся с общей сетью городской канализации [14, с. 53-54]. По свидетельству К.К. Косцюшко-Валюжинича, описанные помещения были застроены поздними зданиями. Однако судя по составленному им плану участка, к поздневизантийскому времени относится лишь цистерна 3, открытая в помещении Ю-1, и помещение, частично перекрывавшее помещение Ю-3 [14, табл. IV]. Отсутствие сведений о выявленном в ходе раскопок материале, как и отсутствие плана всего здания, большая часть которого в период раскопок уже была застроена монастырем, не позволяет с уверенностью говорить о его назначении и времени функционирования. Однако расположение в центре города на возвышенном участке, напротив городских ворот, от которых к нему вела улица, а также исключительная мощность стен, неуместная при любом другом назначении, позволяют сделать предположение, что это был т.н. «замок», являвшийся характерной чертой византийских городов рассматриваемого периода. Очевидно, что здание было построено до катастрофы конца X – XI вв., в результате которой, по-видимому, пострадало. В последующий период оно было частично разобрано и застроено, но остальная его часть была восстановлена и продолжала выполнять прежние функции претория. Наличие в здании бани, напоминающей по качеству постройки римские и ран-

невизантийские термы, не противоречит тому факту, что в средневизантийский период хорошие бани почти не строились. Византийская аристократия продолжала и в это время возводить для себя довольно хорошо устроенные и богато декорированные бани, хотя и уступающие по роскоши термам первых веков существования Византийской империи [15, p. 340-341].

Не исключено, что к комплексу зданий административного центра относится, к сожалению, снесенное во время монастырского строительства «очень большое – необычайно большое для Херсонеса здание Г», расположенное недалеко от вышеописанного здания с баней и, возможно, составлявшее с ним один комплекс (рис. 4).

Здание отличалось от окружавших его обычных для позднего Херсона усадеб толстыми, сложенными на извести стенами, которые покоились частично на материковой скале, а частично на стенах древнегреческих построек. Оно пронизано целой сетью водостоков и каменных труб для сбора с крыши дождевой воды, отвесно проходивших через капитальную стену. Судя по множеству найденных здесь плит, пол в здании был каменный, а обломки квадратных кирпичей, связанных прочной цемянкой, указывают на арочное завершение дверных и оконных проемов. С северо-востока здание вплотную подходило к улице византийской эпохи, а с юго-запада имело значительную свободную площадь, обнесенную с трех сторон стеной и занятую лишь «пашенной ямой» и часовней, которые, возможно, входили в комплекс здания Г, составляя с ним одно целое. В северо-западной стене ограды сохранились остатки каменных столбов от ворот.

Предположение о том, что здание Г могло быть замком, в котором размещались правительственные учреждения, высказывал еще К.К. Косцюшко-Валюжинич. По его мнению, здание было построено в римское время, но поддерживалось до окончательного упадка Херсонеса [14, с. 46-47]. В Отчете о раскопках исследователь отмечает находку в водосточном канале «г» 45 черепиц *in situ* с одинаковым клеймом в виде выпуклой буквы В [14, с. 46], которое, согласно А.Л. Якобсону, в Херсонесе встречается начиная с IX-X вв. [16, рис. 58,121-123]. Не исключено, что эти черепицы были использованы во время ремонта здания в последний период его функционирования.

Здание было разрушено пожаром, о чем свидетельствуют множество горелых остатков балок и досок, а также плиты пола, покрытые копотью и потрескавшиеся от огня. Материал, выявленный в ходе его раскопок, не был описан исследователем, так же, как не даны определения монет, найденных в слое пожара. Упоминаются только «бронзовые монеты византийской эпохи» и девять раздавленных пифосов, которые «находились в наслоениях более позднего времени», без уточнения, к какому именно времени эти поздние наслоения относились [14, с. 48]. Поэтому трудно сказать, сгорело ли здание в результате пожара, который уничтожил большую часть города в XIII в., или оно было заброшено после какой-то более ранней катастрофы. Единственная

упомянутая К.К. Косцюшко-Валюжиничем находка, позволяющая, по крайней мере, не исключать возможность функционирования здания вплоть до пожара XIII в., – это сосуд с остатками носика (рис. 5), аналогичный сосудам, которые в Херсонесе обычно находят в слое пожара XIII в. Тогда «верхние лачужки со следами пожара», развалины которых перекрывали здание Г, могли принадлежать застройке, появившейся в этой части города уже после катастрофы XIII в.

Такими же «лачужками» был перекрыт и храм, расположенный в ограде здания Г. Аналогичные небольшие храмы в форме простого четырехугольника с выступающей алтарной апсидой строились по всему Причерноморью, в Византии и Греции, главным образом, после X в. [17, с. 310; 18, с. 291]. К этому же времени относится их массовое строительство в Херсонесе. Во всяком случае, в городе пока выявлен единственный одноапсидный храм, предположительно относящийся к более раннему времени (т.н. храм 1958 года). Данных, позволяющих определить время строительства храма из комплекса здания Г, нет, но пока это единственный в Херсонесе храм подобного рода, застроенный более поздними сооружениями. Возможно, это указывает на то, что храм, скорее всего, построенный, как и множество других аналогичных храмов города, после X в., был разрушен одновременно со зданием Г в XIII в. и затем застроен в ходе частичного восстановления города, когда большая его часть оставалась лежать в развалинах и никогда более не восстанавливалась.

К сожалению, оставленные К.К. Косцюшко-Валюжиничем отчеты о раскопках, в которых нет описания кладок, стратиграфии, нет послойной фиксации материала и многого другого, предоставляют широкие возможности для интерпретации результатов его исследований. И все же расположение описанных зданий в центре, на самом возвышенном участке городской территории, их разительное отличие от окружавшей византийской застройки указывают на то, что именно здесь мог располагаться административный центр, «замок» византийского Херсона. Кроме того, только эти здания более или менее соответствуют описанию «царского дворца», оставленному послом польского короля Стефана Батория Мартином Броневским, который посетил Херсонес в 1576 году: «Царский дворец с огромными стенами, башнями и великолепными воротами виден в той же части перешейка. Но прекрасные колонны из мрамора и серпантина, места которых и теперь еще видны изнутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и публичных зданий» [19, с. 342].

Еще одним претендентом на роль административного центра (претория) города является, по мнению С.Б. Сорочана, монументальный комплекс, расположенный в северной половине каре, образуемого 18-21 куртинами оборонительных стен. В него входили два однотипных здания, каждое площадью около 200 м^2, с четырьмя внутренними помещениями и трехнефная, почти квадратная в плане (9,0х8,7 м) базилика, роскошно украшенная мрамором и мозаикой.

Здания размещались вокруг большого центрального двора (23,5х12 м), в который можно было попасть через украшенный колоннадным портиком вход, располагавшийся в его западной части [20, с. 109]. *Terminus post quem* комплекса определяет материал из колодца, засыпанного, по-видимому, в ходе нивелировки площади перед его строительством. Самые поздние монеты из его заполнения относятся ко времени правления Василия I (867-886). На расстоянии 13,2 м от описанного комплекса и параллельно ему располагалось еще одно крупное общественное здание, которое, судя по стратиграфии, было возведено в то же время и тоже могло служить для нужд администрации [20, с. 117].

Комплекс просуществовал до начала XII в., о чем свидетельствуют находки в слое его разрушения обломков керамики XII в. и монет Романа IV (1067-1071). Здания комплекса были разобраны, базилика – перекрыта земляной насыпью с могилами XII в. [20, с. 115], а на месте северного крыла возникла небольшая трехкамерная постройка, в которой оказался клад из 40 монет рубежа XI-XII вв., что также указывает на время, к которому здание претория было уже заброшено [20, с. 110].

Планировка Херсона. Период «темных веков» кардинально изменил жизнь византийского общества. На смену открытому, обращенному к внешнему миру существованию ранневизантийского города, требовавшему больших открытых пространств, просторных храмов и общественных сооружений, пришел совершенно иной жизненный уклад: общество стало более закрытым, византийцы сосредоточились на частной домашней жизни, доминантой стали дом и семья. Это не могло не сказаться на архитектурном облике византийских городов: исчезли большие площади и общественные здания. На смену им пришли маленькие внутриквартальные свободные от застройки пространства, невзрачные жилые дома, не представляющие какого-либо архитектурного интереса, а общественная архитектура была сведена почти исключительно до небольших приходских церквей [10, p. 193].

Кроме того, к интересующему нас времени имевшиеся в каждом ранневизантийском городе службы, в обязанности которых входило составление проекта городской застройки и надзор за его соблюдением [21, p. 98], были упразднены, и большинство городов застраивалось спонтанно, без какого-либо плана, представляя скопление хаотично расположенных домов [1, p. 638-639; 22; 10, p. 195]. Единственным формообразующим фактором, сказывавшемся на планировке некоторых городов, были руины наиболее значительных зданий предшествующих периодов, часто определявших направление дорог, улиц и даже структуру некоторых домов [23, p. 55-56]. Херсон, наряду с Никеей, Фессалониками, Родосом и Синопом [11, p. 509], в основном сохранившими античную сетку кварталов, выигрышно выделялся на таком фоне. Как и в античное время, костяк его застройки составляли пересекающиеся под прямым углом продольные и поперечные улицы, и единственным изменением, которое

иногда вносили в древнюю планировку средневековые строители, было объединение двух или даже нескольких античных кварталов в один путем застройки разделявших их улиц. Примерами подобного объединения могут служить квартал Ха в Северном районе, появившийся на месте двух эллинистических кварталов [24, с. 290], и огромный квартал между IX и X поперечными улицами в Северном прибрежном районе, который занял площадь шести кварталов эллинистического времени (XIII-XVIII) [25, с. 123].

Улицы. Улицы Херсона, за редкими исключениями (например, на юго-восточном склоне Центрального холма), были довольно широки и благодаря этому доступны для колесного транспорта. Обычная их ширина составляла 3,0-4,7 м [26, с. 56; 24, с. 290], хотя некоторые были значительно шире. Так, ширина поперечной улицы между XXII и XIX кварталами Северного прибрежного района была 7 м [27, с. 265], а ширина Главной продольной улицы колебалась от 5,2 м в районе водохранилища [28, с. 198] до 7 м в северо-восточной ее части. Это выгодно отличало Херсон от других средне- и поздневизантийских городов, застраивавшихся чрезвычайно тесно. Так, в Серрах ширина боковых улиц едва достигала двух метров, и даже в таком крупном и благоустроенном городе, как Мистра, самая широкая улица была всего 3 метра [29, с. 190-191; 1, p. 632].

Уровень улиц, как правило, не выравнивался, а следовал за рельефом местности [30, л. 4]. На слишком крутом юго-восточном склоне Центрального холма некоторые улицы были снабжены лестницами. Одна из них выявлена в районе северо-восточного участка Прибрежной оборонительной стены: она соединяла восточную поперечную улицу с небольшим проулком, расположенным к северо-западу от 26-27 куртин и упирающимся в стену, сложенную у поднимающейся здесь скалы [14, с. 38]. Большая часть улиц имела крепко утрамбованную земляную подошву, и лишь некоторые – вымостку из гравия, мелких черепков или гальки, положенную на насыпь из мелких черепков и камней [25, с. 135; 31, с. 100].

Весь город пронизывала сеть **водостоков**, состоявших из поставленных на ребро плит, перекрытых горизонтальными плитами. В проходившие вдоль улиц магистральные водостоки входили рукава, выводившие воду из усадеб. Магистральные каналы, как правило, доходили до моря, хотя иногда встречаются и поглощатели. Один из них обнаружен на улице в северо-восточной стороне квартала XXV в Северном прибрежном районе [32, с. 235]. Чтобы водостоки не забивались крупным мусором, в начале каналов иногда ставили каменные решетки [26, с. 57; 33, л. 18]. В Портовом районе возле башни XXII удалось выявить значительное расширение уличного водостока, сделанное для беспрепятственного прохода увеличивавшихся к концу объемов воды [34, с. 35]. Скорее всего, такая конструктивная особенность была характерна для водостоков всего города.

Если в античное и ранневизантийское время улицы, в первую очередь, играли роль транспортных артерий, то в описываемый период они стали средо-

точием торговли, которая велась по всему городу в лавках, расположенных вдоль улиц и часто смежных или даже совмещенных с производственными помещениями. Каких-либо признаков функциональной дифференциации улиц в Херсоне не выявлено, так же, как нет признаков наличия особых торговых улиц.

Соответственно **центральная площадь** (агора), на которой в античное время была сосредоточена вся городская торговля, теряет значение торгового центра и застраивается церквями (открыто 8 храмов) и жилыми кварталами, не отличающимися ни качеством строительства, ни размером, ни инвентарем от застройки других районов [35, с. 30-31; 14, табл. II; 34, табл. I]. Аналогичные изменения происходят с центральными площадями и в других городах Византийской империи [23, p. 56]. В Коринфе в IX-X вв. агора застраивается церквями, лавками и мастерскими, а в XII в. на ней возникают два монастыря [36, p. 19]. Церкви и жилые кварталы появляются на месте древней агоры Афин [37, p. 11; 38, p. 642].

Отсутствие в византийском градостроительстве концепции, предусматривающей выделение под общественные нужды особых территорий [21, p. 98], приводит к окончательному исчезновению в средневизантийский период характерных для античных городов общегородских площадей. Им на смену приходят небольшие внутриквартальные площади, которые становятся средоточием общественной жизни квартала. На них часто располагаются общий колодец и обязательная составляющая каждого квартала – небольшой приходской храм. С ограничивающими кварталы улицами такие площади сообщаются посредством небольших незастроенных проулков. Так, на площадь в квартале I Северо-восточного района вели три прохода: два с главной улицы и один со II поперечной [39, с. 55].

Храмы и монастыри. Приходские храмы оживляли довольно убогую и однообразную картину городской застройки, хотя и были довольно незамысловаты и примитивны: как правило, это небольшие прямоугольные в плане сооружения с одной апсидой и двускатной крышей. Судя по архитектурным деталям, находимым при их раскопках, конха апсиды имела сводчатое перекрытие, а окна – арочное завершение. По мнению ряда исследователей, подобные храмы перекрывались полуцилиндрическим сводом, обычным в такого рода небольших храмах Кавказа, Малой Азии и Крыма [17, с. 309-310]. Техника кладки (трехслойная – облицовка с забутовкой) ничем не отличалась от кладки обычных жилых домов, хотя встречаются редкие исключения. Так, храм, открытый в квартале IX, сложен из тесаных камней [40, л. 3].

Как правило, стены таких храмов были просто оштукатурены или покрыты глиняной обмазкой, хотя в некоторых находят куски штукатурки с остатками росписи простой орнаментации [41, л. 16]. Изредка встречаются и довольно сложные композиции: многочисленные фрагменты штукатурки с росписью желтого и темно-синего цвета, с красными полосами по белому фону, с белыми

кружками по желтому и красному фону и др. были найдены в апсиде храма, возникшего на месте базилики 1932 года [27, с. 241]; небольшие фрагменты штукатурки, расписанной белой, красной, черной и желтой краской, обнаружены в храме 1972 года на т.н. театральном участке [42, л. 30].

Пол выкладывали каменными плитами или черепицей. Иконостасы, судя по редким находкам их обуглившихся фрагментов, были деревянными. Рядом с остатками одного из них, обнаруженными в храме, открытом в 1891 году в Северо-восточном районе недалеко от приморской оборонительной стены, лежала широкая бронзовая полоса с отогнутыми краями и 20-ю трапециевидными выступами, на которых стояли бронзовые подсвечники, 17 из которых были обнаружены здесь же [43, с. 11]. Остатки еще одного деревянного иконостаса открыты в храме в квартале XXV Северного прибрежного района [44, с. 67, рис. 52].

Редкие храмы подобного рода отличались от остальных какими-то особенностями. Так, с наружной стороны апсиды одной из семейных усыпальниц в XXV квартале Северного прибрежного района найдены кирпичи с треугольным верхом длиной в среднем около 17 см, шириной около 10 см и толщиной около 4 см, которые, возможно, использовались для декоративного оформления абсиды [44, с. 66-67]. В западном конце храма, расположенного в квартале XVI того же района, найдены фрагменты терракотовых столбиков, украшенных рельефным орнаментом в виде плетенки [31, с. 101]. Церковь, открытая в квартале I Северо-восточного района, выделяется наличием наружной облицовки из сравнительно тонких гладко тесаных плит, выложенных правильными рядами. Тщательность, с которой был построен храм, по-видимому, объясняется его расположением на одной из наиболее важных площадей города, оформлявшей восточный конец главной улицы Херсонеса.

Из общего ряда выбивается также храм, пристроенный к 19 куртине, которая служит его западной стеной. В средней грани выступающей пятигранной снаружи апсиды храма было устроено окно, а на двух смежных – неглубокие филенки. Наружная сторона стен и апсиды облицована правильно чередующимися рядами отлично отесанных плит инкерманского известняка. С внутренней стороны бутовая кладка стен сглажена штукатуркой и расписана фресками, краткое описание которых составлено М. Скубетовым вскоре после открытия храма: «Храмик весь внутри оштукатурен известью, следы которой уцелели на стенах; апсида внутри также была оштукатурена и побелена, а по ней была расписана фреска, следы которой хорошо видны: уцелела часть широкой красной полосы от пола алтаря на 26 вершков, ширина полосы 1 вершок… и там же следы серой полосы. Следы красной полосы уцелели в средней части храмика на той же высоте от пола. Из всего видно, что красная полоса шла на одной высоте от пола по всем стенам храма» [17, с. 301-303].

Уникальная находка была обнаружена в храме, расположенном в западном районе города в центре квартала 45. Храм принадлежал, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, одной семье и одновременно служил местом погребения ее членов. Причем погребения совершались как в основном храме, в котором были обнаружены две усыпальницы-костницы с аркосолиями, так и в небольшом храме, позже пристроенном к южной стене первого. Апсида большего храма была покрыта сводом, который украшало фресковое, скорее всего, поясное, изображение Богородицы, т.к. судя по фрагменту, сохранившемуся на одном из камней (сохранилась правая часть головы), все изображение было гораздо больше натуры. Вдоль стен храма, включая его алтарную часть, были каменные скамьи [45, с. 36-37].

В редких случаях в квартале возводилось два или даже большее количество храмов: в квартале XXV Северного прибрежного района на ничем не огражденной от улицы площади были открыты четыре расположенных рядом храма с небольшим кладбищем при одном из них [27, с. 218-252, табл. II].

Наряду с небольшими приходскими церквями в городе продолжают функционировать и несколько храмов ранневизантийского времени, восстановленных после катастрофы конца X – XI вв. В Уваровской, Восточной и Северной базиликах, базилике на центральной площади, а также в базилике Крузе, расположенных в восточной части Херсонеса, закладывают колоннады, а изолированные таким образом боковые нефы отводят под многочисленные захоронения [46, с. 87-88]. Судя по отсутствию перекрывавших храм поздних строений, после X в. продолжает функционировать базилика 26 на центральной площади города [13, с. 168]. К ряду восстановленных базилик (Восточной, Северной, № 28 на центральной площади) пристраивают часовни. Еще позже некоторые из них все же были заброшены, и на их месте возводят небольшие храмы. Так, апсида одного из них открыта над центральной апсидой и апсидой часовни в южном нефе Северной базилики [47, с. 314].

Несколько другая судьба постигла базилики 1932 и 1935 года, на месте которых строят небольшие приходские храмы, а в центральном нефе разрушенной большой базилики, открытой в 1889 году, появляется базилика значительно меньших размеров, при возведении которой активно используют фундаменты и строительный материал (камень и архитектурные детали) раннего сооружения. Факт возведения нового храма именно после X в. подтверждается материалом X-XIII вв., выявленным в кладке храма в ходе его доследования [48, л. 4].

Кроме небольших приходских храмов-часовен и восстановленных и перестроенных ранневизантийских базилик, в городе появляются новые храмы: в первые десятилетия XI в. в VII квартале Северо-восточного района – храм, определяемый автором раскопок как базилика [18], в кварталах XLI, Va, XXVII и XCI в XI-XII вв. – крестовокупольные храмы (соответственно 9, 34, 21 и 6).

Продолжают функционировать крестовокупольные храмы, построенные, по мнению А.Л. Якобсона, в IX-X вв. [39, с. 230-231]: храм № 29 на центральной площади города[1] и пятиапсидный храм.

Еще два небольших храма (32 и 33), один из которых (33), скорее всего, также относится к типу крестовокупольных, были открыты к северо-западу от храма 27. Крестовокупольный храм (25) с тремя апсидами, мозаичным полом и сводом на четырех колоннах располагался через две поперечные улицы от того же храма 27 («с западной стороны Херсонесской площади, впереди нового собора» [50, с. 33]). Надпись на известняковых плитах арки, обрамлявшей, по-видимому, вход в усыпальницу на нижнем этаже «Упокоился во блаженной памяти и раб Божий Петроний, иеромонах и клирик, и благодетель святой церкви месяца ноября в день… индикта 2, лета 6692», что соответствует 1183 году, позволяет отнести его строительство к концу XII в. [50, с. 33-34; 13, с. 169].

Функционируют в описываемое время и крестообразные храмы (храм у Восточной базилики, храм 27 на центральной площади города, храм с ковчегом)[2].

Возрождаются и храмы, расположенные в западной части херсонесского городища. Возводится базилика меньших размеров в центральном нефе «базилики на холме». Появляется часовня над Западным загородным крестообразным храмом [53, с. 169-170]. Прослежены попытки как-то приспособить к дальнейшему использованию полуразрушенный четырехапсидный храм [54, с. 161]. Окончательно была заброшена только Западная базилика: на разрушенном мозаичном полу ее южного и северного нефов были произведены 3 индивидуальных захоронения [55, л. 169].

Что касается монастырей, то вычленить их в ткани города чрезвычайно трудно. Особенно сложно, если вообще возможно, выделить мелкие монастыри, имевшие от трех до десяти монахов [56, с. 85]. Такие монастыри, во множестве появившиеся в провинциальных городах в период оживленного монастырского строительства XI-XII вв. [57, с. 65], практически ничем не отличались от обычной городской усадьбы, и попытки выделить «совокупность признаков…, которые позволили бы выделить монастырь из городской жилой застройки Херсона» [58, с. 199], на наш взгляд, обречены на неудачу[3].

---

[1] С.Б. Сорочан на основании косвенных данных склонен датировать храм VIII-IX вв. [49, с. 95].

[2] Близость модулей херсонесских крестообразных храмов и Мангупского храма, построенного в IX-X вв., позволила Ю.Г. Лосицкому сделать предположение об их строительстве в IX-XII вв. [51, с. 35]. IX-X вв. датировал херсонесские крестообразные храмы и А.И. Комеч [52, с. 30].

[3] Такая попытка недавно предпринята Т.Ю. Яшаевой, которая к главным признакам, по которым можно археологически выделить монастырь, относит «наличие ограды, храма, погребений, келий, трапезной, кухни, кладовой, двора», а к второстепенным – «источник воды, эргастерий, различные хозяйственные и благотворительные постройки, библиотеки и другие помещения, а также набор находок «монастырского» характера», к которым исследовательница относит «кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников» [58, с. 199,

Несмотря на это, исследователями все же предпринимаются попытки выявить комплексы, которые можно, хотя и весьма предположительно, причислить к разряду монастырей. Так, на основе анализа местоположения построек, связи кладок различных помещений между собой, инвентаря помещений и т.д. А.И. Романчук предполагает наличие в юго-восточной части квартала XXV Северного прибрежного района небольшого городского монастыря, в комплекс которого входили два храма [59, с. 159-160]. Однако Т.Ю. Яшаева считает неприемлемым для монастыря отсутствие ограды в условиях городской жизни, и она видит в XXV квартале «одну из единиц городской церковно-монастырской структуры, осуществляющей благотворительные функции» [58, с. 211].

Еще один монастырь, по предположению А.И. Романчук, располагался недалеко от башни XVI в Портовом квартале I. В его состав входили несколько одинаково ориентированных помещений (помещения 1-5), примыкавших к углу, образованному куртинами 17 и 18, и небольшой храм (храм Е) [13, с. 149], построенный, по-видимому, в XI в., с небольшим кладбищем, устроенным вокруг него (рис. 6). В XII в. кладбище было частично застроено помещениями усадьбы 10, в одной из стен которой был найден керамический штамп с монограммой, обозначающей имя «Феодор», во имя которого, возможно, был освящен храм Е [13, с. 148-149].

Как небольшой монастырь-меморий определяют комплекс, расположенный в восточном углу квартала III Северо-восточного района и состоящий из подземного храма с наземной церковью над ним и двух небольших помещений (рис. 7) [58, с. 207-209].

200]. Однако все перечисленные Т.Ю. Яшаевой признаки не могут «работать» в городе, застроенном жилыми усадьбами, представляющими собой замкнутые, отгороженные от внешнего мира комплексы, обязательными составляющими которых были двор, кухня, кладовая, жилые и хозяйственные помещения, а также колодец или цистерна для сбора дождевой воды и почти всегда мелкое ремесленное производство. Изучение инвентаря открытых усадеб города показало, что в исследуемое время практически все хозяйства носили замкнутый характер и имели слабые связи с городским рынком, что, соответственно, не позволяет использовать данный критерий для выделения «автономных церковно-хозяйственных структур». Наличие храма и погребений также не может служить доказательством принадлежности того или иного комплекса к числу монастырей, т.к. таковые имелись и при обычных жилых усадьбах. Выделить же благотворительные постройки удается в крайне редких случаях (в Херсоне XIII в. по наличию захоронений с патологически измененными костяками выявлено только одно заведение подобного рода), тем более что благотворительные заведения не обязательно учреждались монастырями и входили в их состав; часто они основывались частными лицами и существовали самостоятельно. Непонятно, почему к числу находок, по которым можно выделить монастырский комплекс, были причислены библиотеки, а также кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников: библиотеки, как известно, имелись не только в монастырях, но и в частных домах, а кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников археологически сохраняются в крайне редких случаях, а в крымской почве не сохраняются вообще. Кроме того, последние никак нельзя причислить к числу вещей, которые могли принадлежать исключительно монахам.

Еще один монастырь, по мнению Т.Ю. Яшаевой, располагался на склоне и дне т.н. театральной балки [58, с. 203-207]. В его состав исследовательница включает три храма (Храм с ковчегом, храм 1958 года, предположительно храм 1970 года), дом 1970 года, дом 1972 года и два помещения дома 1964 года. Дом 1970 года на основании находок в нем пифоса, амфор, «фрагментов простых и поливных кувшинов, кухонных горшков, столовой поливной посуды» и наличия в нем подвала интерпретируется исследовательницей как трапезно-хозяйственный блок. «Изолированность расположения, малая площадь, простота интерьера и характер археологических находок (скромный ассортимент тары, бронзовый тельник)» однокомнатного дома 1972 года позволили исследовательнице определить его как монашескую келью. Кельями она считает и два западных помещения дома 1964 года. Правда, состав находок в помещениях, включающих, помимо очага, скопление костей домашних животных, обломки амфор и поливной керамики, плохо соотносится с наличием довольно большого трапезно-хозяйственного блока. Кроме того, описываемые помещения дверными проемами были соединены с двумя помещениями, о которых исследовательница почему-то не упоминает, хотя они примыкают к первым двум с восточной стороны, и, судя по материалу, найденному под полами, были построены одновременно с ними в XII в. [60]. Найденные в восточной половине дома 1964 года два энколпиона, куски фигурной медной цепи от паникадила (под нижним полом) и бронзовая кацея с изображением Христа (над верхним полом в завале) [61, л. 10] косвенно указывают на связь дома с рядом расположенным Храмом с ковчегом[4].

Как видим, кроме перечисления находок в каждой из частей описываемого комплекса, состав которых ничем не отличается от находок в любой другой усадьбе города описываемого времени, каких-либо серьезных аргументов в пользу их объединения в единый монастырский комплекс исследовательница не приводит, и, на наш взгляд, видеть здесь монастырь достаточных оснований нет. Тем более, что в состав монастыря исследовательница включила разновременные, по мнению авторов раскопок, постройки. Так, дом 1972 года был построен уже после разрушения домов 1964 и 1970 годов [63, л. 40].

Кладбища. Еще одним важным изменением в облике византийских городов было появление в черте города небольших кладбищ [29, с. 124], демонстрирующее полное игнорирование санитарных норм [21, p. 98; 30, л. 29-30]. До VII в. захоронения производились только на некрополе за пределами оборонительных стен, позже в городах появляется масса индивидуальных могил.

[4] Здесь следует отметить весьма любопытную находку на полу одного из западных помещений дома черепицы с процарапанным по глине рисунком: три вписанных друг в друга прямоугольника, перечеркнутых проходящими через их центры параллельными сторонам линиями (доска для игры в мельницу) [62, л. 42].

Одна из таких могил была открыта среди жилых домов вне связи с часовнями в квартале XVIII Северного прибрежного района [64, с. 29], что позволяет предположить, что подобные захоронения могли производить и в средневизантийский период, хотя в то время такие случаи были единичны, т.к. тогда хоронили уже на кладбищах, устраиваемых на месте заброшенных монастырей или разрушенных церквей. Одно из таких кладбищ было открыто при церкви, полностью поместившейся в апсиде разрушенной ранневизантийской базилики (так называемой базилики 1932 года). 34 могилы кладбища с большим количеством костяков почти в каждой из них располагались во всех нефах, нартексе и апсиде ранней базилики. Кроме того, в ее среднем нефе была сооружена кладбищенская сторожка, а весь комплекс был окружен оградой, основанной на стенах базилики (рис. 8) [27, с. 243; 30, л. 29-30]. Еще одно небольшое кладбище располагалось при церкви, появившейся на месте соседней базилики 1935 года [65, с. 129-132]. Причем в ходе строительства обеих часовен были разрушены более ранние могилы: большое количество человеческих костей было сброшено в яму, открытую в XXII квартале [66, с. 34].

Усыпальницами служили и сами приходские церкви, в которых хоронили умерших жителей квартала. Могилы устраивали под полом и перекрывали плитами. В четырех храмах (один открыт в 1963 году в Портовом районе [67, л. 134], второй – в квартале Х-Б в Северном районе [41, л. 17], третий – на холме в западной части города, «возле древнегреческой улицы» [68; 69, с. 9-11] и четвертый – в центре квартала 45 [45, с. 36-37]) могилы были устроены в стенах храма и перекрыты аркосолиями, которые несли на себе верхнюю половину наружной стены храма. Небольшое отверстие над серединой могилы тщательно закрывалось плитой, задвигавшейся в специальные пазы по сторонам отверстия, что свидетельствует о том, что в них могли складывать только одни кости.

Возможно, наряду с приходскими церквями, служившими одновременно и усыпальницами, имелись усыпальницы в чистом виде. К их числу, по мнению автора раскопок Г.Д. Белова, следует отнести храм в XXVIII квартале Северного прибрежного района. В пользу этого предположения говорят небрежная кладка, неровная длина стен и заплечий, а также пол на разных уровнях и отсутствие вымостки [70, с. 89].

Внутриквартальная застройка. Несмотря на сохранившуюся в городе регулярную планировку, кварталы правильной прямоугольной формы застраивались без какого-либо предварительного плана помещениями неправильной формы с острыми и тупыми углами, неравными противоположными сторонами и т.д. Часто новые хозяева просто пристраивали «свою» стену к стене соседей [39, с. 93]. В результате такого беспорядочного строительства появляются характерные для средневековых городов переулки, часто заканчивающиеся тупиками. Один из таких тупиков отмечен, например, в III квартале Северо-восточного района [39, с. 76], а в квартале XXV Северного

прибрежного района выявлен переулок, ширина которого в северо-западном конце была 2,0 м, в середине – достигала 3,0 м, а в юго-восточном конце переулок заканчивался тупиком шириной 1,0 м [27, с. 209]. Интересное исключение представляет Портовый квартал 2, особенностью которого является наличие нескольких «внутриквартальных улиц», которые разделяли квартал на блоки жилых построек. Причем ширина одной из внутриквартальных улиц колеблется от 1,4 до 2,5 м [71, с. 48-49].

Какой-либо разницы в размерах поздневизантийских усадеб, расположенных в разных районах города, в целом, не наблюдается: площадь основной их массы колеблется от 90 до 150-160 м^2. Гораздо реже встречаются усадьбы площадью меньших или больших размеров. В редких случаях в одном квартале соседствуют усадьбы, значительно отличающиеся друг от друга по занимаемой площади. Так, в квартале XXIX Северного прибрежного района рядом располагались две усадьбы площадью 46 и 203 м^2 [59, с. 158], а квартал XXV занимали три усадьбы площадью соответственно 140, 300 и 500 м^2 [44, с. 30, 56, 62]. Правда, следует учитывать, что часто отнесение того или иного помещения к той или иной усадьбе представляет определенные трудности и во многом зависит от субъективного видения исследователя[5]. Поэтому приводимые площади усадеб, как правило, достаточно условны.

Усадьбы обычно состояли из 5-7 небольших помещений, включая двор, который был обязательной составляющей и средоточием жизни обитателей усадьбы: через двор, как правило, сообщались друг с другом различные помещения, там часто готовили еду, хранили инвентарь (рыболовный, сельскохозяйственный), налаживали какое-то мелкое домашнее производство, держали скот.

Размеры дворов, которые легко определяются по отсутствию завала черепицы, обычно превышали размеры остальных помещений. Непременной их частью являлся крытый черепицей навес, служивший, как показали раскопки, местом хранения инвентаря: в каждом дворе в той или иной его части удается выявить скопление обломков черепицы, сажи и угля от сгоревшего перекрытия. Вымостку двора обычно заменял плотно утрамбованный земляной пол, хотя иногда встречается вымостка из камней [44, с. 27; 72, л. 25] или мелкой гальки и мелкодробленой керамики, глубоко втоптанной в поверхность (усадьба 1 в Портовом квартале I [73, л. 48]).

Учитывая использование территории дворов для производственной деятельности, А.И. Романчук выводит зависимость их размеров от вида хозяйственной деятельности владельца усадьбы. Так, в усадьбах хлебопеков, которым требовалась дополнительная площадь для хранения топлива (усадь-

[5] Например, приведенные в тексте площади усадеб, рассчитанные Г.Д. Беловым, частично пересмотрены А.И. Романчук [13, с. 81-91].

ба 2 в квартале XXII, усадьбы 1, 3, 6 в квартале XXVIII), дворы занимали 30-38% площади усадеб, несколько меньшую площадь занимали дворы в усадьбах с массовым рыболовным инвентарем – 22-26% (усадьба 5 в квартале XIII-XVIII, 5 в квартале XXII, 4 – в квартале XXVIII и усадьба 4 в квартале XXIX) [74, с. 113-115]. Однако, на наш взгляд, такой показатель, как соотношение площади двора к площади усадьбы, зависел от многих факторов и в ряде случаев вообще мог носить случайный характер. Поэтому выявить здесь какую-то закономерность вряд ли возможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить усадьбы Северного прибрежного и Северо-восточного районов с массовым рыболовным инвентарем. Если в первом этот показатель, как уже упоминалось, составляет 22-26%, то в Северо-восточном – 33,6 и 38,8% (усадьбы 4 и 7 квартала I) [74, с. 116]. Кроме того, следует повторить, что разделить квартал на усадьбы бывает довольно трудно, и иногда один и тот же квартал делится на усадьбы разными исследователями по-разному. В большинстве случаев практически невозможно определить и приоритетное занятие обитателей усадьбы. В качестве примера можно взять любое хозяйство города. Так, в усадьбе 5, открытой в квартале XXVIII Северного прибрежного района, были найдены два жернова, ступа для размола зерна и большая печь, разнообразные рыболовные принадлежности (23 крючка, очевидно, для перемета, 13 свинцовых кольцевидных грузил, железная острога и железная драга для добывания устриц), железный гребень для чесания шерсти, 3 прясла и иглы, железная зубатка для обработки камня, 2 куска пемзы, мраморная ступка и бронзовые чашечки весов [32, с. 239].

Назначение внутренних помещений усадеб определяется лишь в единичных случаях, что можно объяснить их многофункциональностью: одно и то же помещение могло одновременно служить жилой комнатой, кладовкой и даже кухней [22; 23, p. 57]. Кроме того, вещи могли быть перемещены хозяевами усадеб в попытке вынести имущество из горящих домов, что, естественно, также затрудняет определение назначения помещений. Единственное исключение составляют, пожалуй, кладовые, довольно хорошо определяющиеся археологически по наличию большого количества амфор и пифосов с остатками зерна, рыбы и прочего.

Хотя в Херсоне, как и в других византийских городах, не придерживались какой-то одной жесткой схемы внутриусадебной застройки, для большинства усадеб рассматриваемого времени было характерно расположение дворов в центре усадьбы, как бы внутри дома: вокруг него концентрировались остальные помещения, а с улицей он соединялся через проходное помещение или узкий коридор [75, p. 8-9]. Другая схема предполагала размещение двора на краю усадьбы, но в центре квартала, и тогда несколько усадеб имели как бы единое дворовое пространство, которое разграничивалось невысокими бутовыми стенками. В этом случае с улицей двор соединялся переулком. Такой

общий двор был у жителей нескольких усадеб в XCVII квартале Северо-восточного района города [76, с. 285], в квартале Х-А Северного района [24, с. 300], в квартале XXV в Северном прибрежном районе [32, с. 235]. Аналогичную внутриквартальную планировку имеют также кварталы, расположенные слева от главной улицы в Северо-восточном районе города. Здесь дома расположены вдоль четырех сторон квартала, оставляя внутри небольшую площадь, на которую выходят расположенные позади домов дворы. В I и III кварталах на внутриквартальной площади располагались общественные сооружения: цистерна в квартале I и баня в квартале III [39, с. 88]. Иногда двор соседствовал непосредственно с улицей, как в одной из усадеб квартала XX [77, л. 9], усадьбе 2 квартала XXVIII в Северном прибрежном районе [78, л. 14] или усадьбе 4 в Портовом квартале 1 [73, л. 43]. В Портовом квартале 1 все помещения усадьбы 2, включая двор, были расположены вдоль продольной и поперечной улиц [73, л. 54]. А помещения одного из домов квартала XXV Северного прибрежного района были вытянуты в одну линию от XII до XIII улицы, образуя длинную анфиладу с выходами на обе улицы. Дом был построен рядом с базиликой 1932 года, стена которой была включена в его кладку [26, с. 57].

Застройка была преимущественно одноэтажной с изредка встречающимися двухэтажными усадьбами. Причем следует отметить, что двухэтажными были не все, а лишь некоторые помещения дома, не более двух, редко трех, поэтому такие усадьбы представляли собой асимметричные комплексы, состоящие из прилепившихся друг к другу помещений разной высоты.

Несколько большим количеством двухэтажных построек, по-видимому, отличались кварталы Северо-восточного района, где площадь, которую могли занимать вторые этажи, составляет 30%, тогда как в кварталах Северного прибрежного района она составляет всего 11,8% [59, с. 165]. В некоторых усадьбах Северо-восточного района, судя по объему вынутого камня, второй этаж был каменным [76, с. 281], однако большая часть вторых этажей, скорее всего, была деревянной. Об этом свидетельствует наличие в некоторых помещениях, сохранившихся на достаточную высоту, хорошо выровненной верхней постели стен (например, в помещениях 21 и 26 в квартале III и помещении 44 в квартале II), предназначенной для возведения над ней конструкции из иного материала, по всей видимости, дерева, которое требовало в качестве своего основания ровной площадки. Деревянным был и второй этаж в помещении Е в квартале II, о чем свидетельствует находка железных гвоздей с кусками приставшей глины, косвенно указывающих на наличие деревянных стен. Об этом же говорит и обнаруженный в некоторых помещениях «густой слой пепла» толщиной 15-20 см, который не мог образоваться от нескольких балок перекрытия [39, с. 60, 68, 87].

Что касается кварталов Северного района, то их исследователь С.Г. Рыжов отмечает отсутствие там каких-либо признаков наличия вторых этажей:

практически все вещи найдены непосредственно на полу помещений, а не в завале камней, как это бывает при падении вещей со второго этажа; завал черепицы от рухнувших крыш располагался непосредственно на полах помещений над слоем золы от сгоревших балок перекрытия. Об одноэтажном характере застройки говорят и неглубокая закладка фундаментов, довольно тонкие стены первых этажей, характер кладки и небольшой объем выявленного строительного материала. Единственным комплексом, предположительно включавшим несколько двухэтажных помещений, была одна из усадеб в квартале Х-А, интерпретируемая автором раскопок как постоялый двор. В пользу этого предположения говорит отсутствие в некоторых помещениях дверей. Очевидно, в них попадали по деревянным лестницам, пристроенным к стенам помещений со стороны двора или расположенным внутри помещений [24, с. 300].

Составляющие усадьбы жилые, производственные и подсобные помещения строились, перестраивались и достраивались по мере необходимости. Примером постепенной пристройки новых помещений может служить усадьба, расположенная в южной части квартала ХХ, три помещения которой отделялись от 11 поперечной улицы стеной, состоящей из трех последовательно примыкающих друг к другу отрезков (11 а, б, в) [79, л. 2]. В одной из усадеб в квартале XXIX двор был пристроен позже строительства самих помещений [80, л. 3] и т.д. Естественно, что часто в уже построенной усадьбе делались какие-то перестройки, вызванные изменением потребностей ее обитателей. Иногда одна большая усадьба делилась на две. Два подобных примера выявлены в квартале II Северо-восточного района города. Один большой дом, по-видимому, первоначально составляли две усадьбы, расположенные вдоль II поперечной улицы. Об этом свидетельствует наличие сплошной общей стены и расположение дворов, образовавшихся в результате разделения двора первоначальной большой усадьбы. Один жилой комплекс первоначально составляли две усадьбы того же квартала, выходящие на II поперечную и Главную продольную улицу, что подтверждается наличием одной непрерывно идущей стены, охватывающей обе усадьбы, и заложенного широкого прохода между ними [39, с. 61]. Аналогичные примеры разделения одной большой усадьбы на две имеются в квартале III (комплекс 1) того же района [39, с. 66-67] и в квартале Х-А Северного района (усадьбы 4 и 5) [24, с. 310].

Подвалы. Большинство усадеб имело по одному – два подвала, в которых хранили, главным образом, различные съестные припасы. Как правило, подвалы имеют выступающие на 0,6-0,7 м внутренние стены, сложенные из бута и полуобработанных блоков известняка, на которых держались балки деревянного перекрытия, одновременно являвшегося деревянным полом верхнего помещения. В стенах подвальных помещений на высоте 0,6-1,25 м от уровня пола часто имеются ниши высотой около 0,45-0,5, шириной 0,35-0,4 и глубиной около 0,45 м, служившие, по-видимому, для установки

осветительных приборов, что подтверждается следами копоти, выявленными на стенках некоторых из них[6].

Попасть в подвал можно было с верхнего этажа по каменной лестнице; при отсутствии таковой применялись деревянные. Например, в углу подвала (помещение 44) усадьбы 4 в Портовом квартале 1 найдено большое количество обуглившихся деревянных плах и досок, указывающих на наличие в этом месте деревянной лестницы [73, л. 26].

Дно подвалов, как правило, представляет собой скалу, чаще выровненную, но иногда оставленную без изменений, в связи с чем глубина подвалов варьируется в зависимости от ее перепадов. Так, в XX квартале Северного прибрежного района глубина подвала в усадьбе, расположенной в его южной части, колебалась от 1,26 до 1,78 м [79, л. 4]. Полы были либо земляные утрамбованные, либо покрытые глиняной обмазкой. Следы такой обмазки толщиной около 1 см удалось выявить и на стенах некоторых подвалов [79, л. 5].

Стены. Толщина стен жилых усадеб в среднем не превышала 0,5-0,7 м. Стены, расположенные по периметру жилых комплексов, обычно закладывали на глубину 0,8-0,9 м, внутренние стены помещений и ограды ставили прямо на поверхность земли, на уровне пола [32, с. 232]. Иногда в качестве фундамента использовалась кладка более ранних построек, что особенно характерно для Центрального и Северо-восточного районов города. Кладка стен – трехслойная, состоящая из двух лицевых стенок из небольших бутовых камней с забутовкой мелким камнем и обломками черепиц на грязевом растворе, возможно с незначительным количеством извести. С лицевой стороны камни слегка скалывались, а для выравнивания рядов наружной кладки часто употреблялись черепицы [32, с. 232].

В целях укрепления кладки на высоте 0,5-1,2 м от дневной поверхности в нее закладывали деревянные балки толщиной 0,1-0,15 м, от которых обычно сохраняются горизонтальные пазы и местами обуглившиеся остатки дерева. Иногда в пазах видны следы глиняной обмазки. Балки, которые обыкновенно закладывали с обеих сторон стены, связывали в углах соседние стены, как бы охватывая поясом все здание в нижней его части, тем самым придавая

[6] Здесь следует отметить, что домашние осветительные приборы, датирующиеся временем после VII века, при раскопках византийских городов встречаются чрезвычайно редко. Херсон не был в этом смысле исключением. Так, в квартале X Северного района был найден лишь один светильник на все усадьбы [81, с. 198, рис. 6,10]. К. Манго, специально занимавшийся проблемой освещения в Византии, пришел к выводу, что исчезновение светильников из быта простых византийцев после VII в. связано с сокращением импорта масла из Африки и Сиро-Палестинского региона. Дорогие жировые и восковые свечи, которые заменили масляные осветительные приборы, были по карману только состоятельным людям и использовались, главным образом, во время богослужения в церквях и монастырях. Таким образом, из-за отсутствия освещения в жилищах основная масса византийцев с наступлением темноты просто ложилась спать [82, p. 255-256].

ему большую прочность. В 1955 году в кладке стены усадьбы II в XXV квартале между внутренними и внешними пазами удалось заметить два распложенные наискось углубления, в которых, по-видимому, находились деревянные связи, скреплявшиеся с балками в пазах [44, с. 27]. Судя по тем помещениям, в которых стены сохранились на достаточную высоту, в верхней части стен было еще два или даже три подобных пояса. Такая кладка считается достаточно прочной, т.к. земля между рядами и опоясывающие здание балки могли играть антисейсмическую роль [44, с. 27; 24, с. 292].

С внутренней стороны стены помещений, как правило, были оштукатурены местами сохранившимся известковым раствором или известковой штукатуркой, наложенной слоем толщиной не более 0,5-1,0 см [79, л. 5; 83, л. 29]. Некоторые помещения имели глиняную или даже грязевую обмазку [32, с. 233; 44, с. 27, 57, 58; 84, л. 3]. В некоторых усадьбах найдены куски известковой штукатурки со следами красной краски [25, с. 149; 85, л. 20], но такие случаи единичны.

Новые дома, скорее всего, целиком строились из камня, добытого на развалинах старых, а архитектурные детали разрушенных базилик либо использовали в качестве порогов, скамеек, разного рода подпорок, даже кормушек для скота, либо просто включали в кладку стен. Только в одном квартале X Северного района были выявлены следующие архитектурные детали вторичного использования, т.н. *сполии*: мраморный порог в часовне, мраморная колонна, найденная у входа в часовню, две колонны, приспособленные в качестве подставки под жернова, небольшая мраморная импостная капитель, фрагменты мраморной алтарной преграды [81, с. 223-224, рис. 27,1,2,4]. Причем, как правило, вторично использованные архитектурные детали приспосабливали к новым зданиям в том виде, в каком находили, без дополнительной обработки.

Практика использования сполий, главное преимущество которых, вне зависимости от их исторической и художественной ценности, заключалось в легкости и дешевизне их применения, была характерна для всей Византийской империи, полностью построенной на руинах древнего мира. Сполии, включая самые простые строительные материалы, использовали даже тогда, когда строительство заказывали люди самого высокого ранга, включая императорскую семью: при сооружении императорского домового храма Богородицы Форосской в ход пошли распиленные императорские саркофаги, а в константинопольской церкви Христа Пантократора – скульптуры из разрушенной церкви св. Полиевкта [11, p. 510]. Часто отделочный материал снимали с еще исправных зданий. Так, Иоанн I Цимисхий, не жалевший средств на постройку церкви Спасителя у ворот Халки в 971 году, добывал все необходимые материалы, разрушив бани Ойкономейон в Большом Дворце. Никита Хониат отмечает, что император Исаак Ангел (1185-1195), который «кроме всего прочего … очень стремился строить невероятные здания», снял мраморные плиты пола и облицовку стен Большого Дворца, пустив их на реконструкцию

церкви св. Михаила в районе Анаплос [86, с. 153, 155]. Широкое использование сполий навело Р. Оустерхаута на мысль о возможности существования в те времена чего-либо подобного современным магазинам «секонд хэнд» для продажи материалов вторичного использования [86, с. 155, 157]. Сполии, считавшиеся ценными объектами, упоминаются среди товаров, военных трофеев, залогов при займах, приданого и пожертвований [87, p. 552-553].

Двери. Дверные проемы, ширина которых варьирует от 0,8 до 1,2 м, в большинстве помещений обрамлены тесаными камнями. Незначительная ширина и углубления, сохранившиеся в каменных порогах, указывают на то, что двери были одностворчатыми [32, с. 233], хотя в редких случаях встречаются проемы шириной до 1,4-1,8 м [83, л. 29]. По наблюдениям Г.Д. Белова, дверные проемы жилых помещений, как правило, обращены к югу, что было вызвано необходимостью защитить жилье от холодного северного ветра [44, с. 63].

Окна. Сохранность стен не позволяет делать какие-либо предположения о расположении, форме и размерах окон[7]. По находкам отдельных трапециевидных блоков с легкой вогнутостью на широкой торцовой стороне можно предположить, что, несмотря на убогость кладки, в ряде случаев оконные и дверные проемы имели арочное завершение. Причем клинья арок держались не на грязевом растворе, как кладка стен, а на растворе из чистой извести [27, с. 248]. Длина большинства арочных камней совпадает с обычной шириной стен – 0,65 м. Внутренний радиус кривизны арок составляет в среднем 0,34 м. Лицевая поверхность некоторых арочных камней снабжена по внутреннему ободу прямоугольным вырезом (0,03 м) [79, л. 5], а на некоторых оконных блоках сохранились вбитые железные штыри, на которых, по-видимому, держались ставни [85, л. 20; 89, с. 156].

На фрагментах арок и карнизов часто удается выявить следы известковой штукатурки [79, л. 5] или врезного линейного орнамента [31, с. 91]. Некоторые детали оконного и дверного обрамления были украшены росписью, как правило, красной краской. Так, в ходе раскопок завала на II продольной улице обнаружено 14 арочных камней с остатками росписи в виде плетенки, выполненной красной краской [83, л. 18]. «Много песчаниковых камней, особенно от арок, несколько угловых со следами красной краски» обнаружено в помещениях 14 и 15, принадлежавших двум соседним усадьбам в квартале III [12, с. 80]. В квартале XXV Северного прибрежного района было найдено обрамление арочного окна, окрашенное в красный цвет и украшенное гравированным орнаментом в виде плетенки [27, с. 245, рис. 73]. Орнаментом в виде прочерченных полос и волнообразных линий, подчеркнутым красной краской (на некоторых блоках

[7] Мне известен только один частично сохранившийся оконный проем, открытый в одном из помещений в XXVIII квартале Северного прибрежного района. Окно выходило в переулок. Ширина проема – всего 0,22 м [88, л. 18].

сохранились ее следы), были украшены арки, которые оформляли проемы окон и дверей усадьбы 8 в Портовом квартале 1 [13, с. 131]. Значительное количество арочных камней с остатками штукатурки, в одном случае с росписью красной краской в виде косых полос, найдено в одном из помещений усадьбы 4 в Портовом квартале 1 [73, л. 24]. В той же усадьбе было найдено заполнение арочной части полуциркульного оконного проема – тимпан из евпаторийского ракушечника с прямоугольными вырезами в нижней части для укрепления в проеме и сквозным круглым отверстием диаметром 11 см в центре. С обеих сторон тимпан покрыт штукатуркой и расписан [73, л. 41-42, рис. 71-72].

В оконные проемы вставлялись рамы, скорее всего, деревянные, т.к. следов каменных или гипсовых, также используемых в Византии, в Херсонесе не выявлено. Поверхность самого окна делилась, как правило, на два световых ряда [86, с. 169], состоявших из круглых или прямоугольных вырезов, в которые вставляли небольшие стекла прямоугольной или, чаще, круглой формы (*oculi*). Правда, Г.Д. Белов, раскопавший большую часть Северного района, отмечает незначительное количество кусков оконного стекла, что, по его мнению, свидетельствует о том, что в окна вставлялись какие-то иные материалы [32, с. 233]. Причем следует отметить, что оконные стекла относятся в описываемое время к числу редких находок не только в Херсоне, но и в других византийских центрах, включая Константинополь [86, с. 164]. Однако вне зависимости от того, какие материалы использовались, ясно, что оконные проемы существенно (иногда втрое) были больше поверхности, которая могла быть застеклена [86, с. 164].

Полы в помещениях чаще всего были земляные, хорошо утрамбованные. Глиняная обмазка встречается редко, но и она не сплошная, а наложена небольшими участками. Вымостка из камней и каменных плит встречается еще реже, и тоже не сплошная, а частичная, обычно в центре помещений [32, с. 234]. Помещения, расположенные над подвалами, имели деревянные полы, которые держались на внутренних стенах подвалов.

Уровень полов в усадьбах, как правило, был на 0,3-0,75 м ниже уровня улиц, поэтому с улицы в усадьбу можно было попасть по лестнице из одной-двух, редко трех ступеней [27, с. 210]. Часто полы помещений, принадлежавших одной усадьбе, также располагались на разном уровне. Перепад между ними иногда составлял до 0,5 м. В качестве примера можно привести помещения 7 и 2-4, 8 в одной из усадеб в XX квартале Северного прибрежного района [84, л. 4], а в усадьбе 2 квартала XXV полы в помещениях в соответствии с рельефом местности значительно понижаются к морю [26, с. 57].

Крыши. Конструкцию крыш из-за пожара и последующего падения стен реконструировать трудно. Мы можем только предполагать использование перекрытия по деревянным стропилам, о наличии которых свидетельствуют находки в некоторых помещениях большого количества (до 100 и более)

железных гвоздей длиной до 11 см, золы и угля от рухнувших балок. В одном из помещений Северного района под слоем черепицы найдены обгорелый брус шириной 18 см и высотой 7 см и железные гвозди с широкой шляпкой [25, с. 136, 140]. В т.н. доме 1970 года, открытом в районе Храма с ковчегом, найдены остатки обуглившейся дощатой обрешетки, поддерживавшей черепицу [90, л. 26; 91, с. 302]. Обильный слой сажи и масса кусков угля указывают на то, что в жилых зданиях, возможно, были и потолки [27, с. 266].

Судя по незначительной ширине большинства помещений, а также по тому, что слой обломков черепиц обычно располагается возле одной из стен здания, крыши чаще строились на один скат [32, с. 233]. Черепицу (керамиды) укладывали перекрывающими друг друга рядами, возможно на слой земли; по коньку на штукатурку укладывали калиптеры, которые обычно составляют 5-7% от общего количества черепицы [92, с. 349]. Под слоем черепицы иногда удается выявить золу сгоревшего камыша или камки (морская трава) [69, с. 11; 81, с. 184], которые укладывали под черепицу для утепления кровли.

По наблюдениям исследователей Северного прибрежного района, при строительстве усадеб хозяева приобретали черепицу преимущественно в одной мастерской, на что указывает преобладание в кровле черепиц с какой-то одной меткой. Позже, уже в другой мастерской, в незначительном количестве приобретались черепицы для ремонта. Так, в одной из усадеб в квартале XVIII выявлены черепицы почти исключительно с именем «Γεωρ[γιος]», в другой – с изображением животного и т.д. [93, с. 228].

В некоторых домах имелись стоки для дождевой воды в виде заложенной в стене гончарной трубы [94, л. 64]. В стене одного из помещений, выходивших на II продольную улицу напротив квартала XVII, выявлен вертикальный заложенный в стене водосток. В качестве желоба для стока воды на улицу был использован поставленный наклонно калиптер, под которым оказалась горизонтально лежащая плоская черепица [25, с. 135, рис. 27]. Еще одно приспособление для стока воды в виде каменной трубы со стоком в уличную канализацию было обнаружено в северном углу коридора, через который попадали во двор усадьбы 1 квартала Х-А [95, л. 2]. Из-за общей плохой сохранности кладок домов трудно сказать, были ли подобные приспособления в Херсонесе редкостью или обычным делом.

Как можно заключить из всего вышесказанного, Херсон, как и другие византийские провинциальные города рассматриваемого времени, был полностью лишен монументальности и претензий художественного характера. Херсониты спокойно жили среди руин больших ранневизантийских базилик, включали их стены в кладку собственных домов или, как уже отмечалось, попросту добывали в них строительный материал. Неправильной формы помещения, разной ширины улицы, дешевые строительные приемы, бесформенный план усадеб – все это характерные черты застройки Херсона

позднего периода. Единственным украшением, которое хоть как-то оживляло глухие фасады домов, был простой карниз с полочкой и выкружкой [27, с. 209; 64, с. 91; 72, л. 5; 96, с. 165]. Реже над входом в усадьбы или над окнами помещали камни с рельефными изображениями плетенок, простых и процветших крестов, которые, как правило, раскрашивались красной краской [81, с. 223, рис. 27,3; 27, с. 209, рис. 12; 135; 136, рис. 26; 31, с. 91; 97, л. 45]. Такие рельефы не только украшали усадьбы, но и служили оберегом. Встречаются и какие-то эксклюзивные приемы орнаментации фасадов. Так, в Северном районе на II продольной улице найдено 32 кирпича размером 20х6х3 см, возможно, предназначенных для декоративной кладки [97, л. 46].

Очаги и печи. Непритязательным был и быт жителей города. Отопление в подавляющем большинстве жилых помещений производилось посредством небольших очагов, которые, по-видимому, использовались и для приготовления пищи. Устройство их различно, но всегда довольно примитивно. Чаще огонь разводился в углублении между плитами на земляном полу [78, л. 20] или просто на глиняной обмазке диаметром 0,35-0,5 м с углублением в середине [27, с. 231, 214; 98, л. 14]. Иногда очагами служили большие вымощенные черепицами площадки, обложенные по краям плитами и лежащие на (сверху вниз) слое глины, гравия и мелких камней [27, с. 212-213]. В некоторых помещениях о наличии очагов свидетельствует скопление костей и золы в углу или у стены [27, с. 210, 266]. Причем в этом случае стену над очагом, как правило, обмазывали глиной [27, с. 262]. В усадьбе 2 в XXVIII квартале очаг был устроен в узком промежутке между двумя помещениями, где была обнаружена вымостка из черепиц без стенок. Таким образом, узкий закуток был приспособлен для устройства кухни [78, л. 19].

Для приготовления пищи использовали разнообразные приспособления. Углубления, выявленные на противоположных плитах одного из очагов в квартале XXII, возможно, предназначались для вертела [27, с. 259]. Не исключено, что вертелом служил найденный в том же квартале обломок обуглившейся деревянной палки с поперечными углублениями, по-видимому, образовавшимися при длительном вращении [27, с. 214]. В качестве подставки над очагом, скорее всего, использовали найденный в квартале XVII железный предмет, состоящий из трех концентрических толстых прутьев (шириной 3 см), соединенных по диаметру прямым стержнем [25, с. 140], массивное кольцо с несколькими небольшими ножками из квартала XXVIII [99, л. 13] и плоский железный круг на ножках из квартала XXII [27, с. 214].

Устраивались также и настоящие печи со стенами и сводом, сложенными из кирпичей и обломков черепиц на глине. Основание такого рода печей делали из камней, под выкладывали черепицами или каменными плитами, положенными на подсыпку из гальки и гравия, стены внутри обмазывали глиной. Печи в зависимости от потребностей хозяев и назначения строили

самых разных размеров. Например, в помещении 5 квартала XXV были открыты две печи диаметром 0,7 и 1,4 м. Главным назначением таких печей, скорее всего, была выпечка хлеба, хотя их могли использовать, как предполагает А.Л. Якобсон, и для обжига мелкой посуды [39, с. 163].

Большая часть печей топилась, по-видимому, по-черному, хотя в некоторых помещениях с очагами и печами находят черепицы с отверстием для дымохода [27, с. 258, рис. 96; 30, л. 16].

В усадьбах, в которых не было очагов, а печи располагались во дворах (к примеру, усадьбы 8 и 4 в портовом квартале 1 [13, с. 137; 73, л. 45]) или вообще отсутствовали, для приготовления пищи и отопления, по-видимому, использовали традиционные для Византии жаровни с углями, что было более характерно для византийских домов, в которых печей, как правило, не было, а пищу готовили во дворе [56, с. 70; 23, p. 58]. Правда, следует отметить, что в отчетах о раскопках Херсонеса выявлено только три упоминания о жаровнях, под которыми автор раскопок подразумевал глиняные сосуды с крупными отверстиями на дне и стенках [27, с. 214, 243]. Лишь однажды упоминается медная жаровня, найденная в усадьбе 4 квартала XVII [25, с. 154].

Туалеты, располагавшиеся во дворах, редко археологически четко выражены, хотя не исключено, что мусорные ямы, которые имелись практически в каждом дворе, служили и выгребной ямой туалетов [23, p. 59]. В редких случаях удается выявить поглощатель в виде обложенной бутовым камнем ямы, перекрытой плитами. На дне поглощателя, обнаруженного во дворе 12 в квартале XXII, выявлен слой морского песка и ракушек. С его северо-западной стороны сохранилось несколько положенных в один ряд камней, служивших, вероятно, фундаментом забора или деревянной стенки, отделявшей уборную от остальной части двора [27, с. 264, рис. 107]. Возможно, туалетом служило открытое в Портовом квартале 1 маленькое сложной конфигурации помещение 22, у которого начинался водосток. Два туалета было выявлено в Северном районе Херсонеса. Один располагался в западном углу двора усадьбы 1 в квартале Х-А Северного района. От него сохранился камень с вырубкой для стока нечистот в канал, соединяющий туалет с уличной канализацией, проложенной по VIII поперечной улице [100, с. 169]. От туалета, открытого в помещении 15 квартала Х-Б, сохранились два ряда кирпичей размером 18х36х9 см, сформованных из земляного раствора, и известняковый блок размером 110х80х40 см с круглым углублением диаметром 23 см и отходившим от него сливом для нечистот [101, л. 4-5].

Особый интерес всегда вызывают, к сожалению, редко выявляемые во время раскопок предметы, связанные с такими каждодневными действиями горожан, как стирка, мытье посуды и т.д. Возможно, для мытья посуды, умывания и прочего была приспособлена прямоугольная плита-корыто с четырьмя круглыми отверстиями на дне для слива воды, обнаруженная во дворе

усадьбы 2 в XXVIII квартале Северного прибрежного района. Вода из него уходила в канал водостока, который был ответвлением канала, выходящего на Продольную улицу [78, л. 15]. Еще одно большое корыто с отверстием на дне было найдено в XIX квартале. Оно также располагалось над каналом, соединенным с магистральным водостоком [102, с. 281]. Раковиной для воды, вероятно, служила найденная во дворе одной из усадеб XXII квартала плита с большой выемкой с отверстием на одном конце и выступом на противоположном [27, с. 256]. Своеобразный «мусоропровод» был выявлен в квартале X-А Северного района: через «трубу», сделанную из каменного блока высотой 1,1 м и выходившую в канал водостока, соединенного в свою очередь с уличной канализацией, из усадьбы удаляли бытовые жидкие нечистоты [100, с. 169].

Водоснабжение. Отсутствие централизованного водоснабжения заставляло жителей города решать проблему самостоятельно, в большинстве случаев путем совместного строительства колодцев и водосборных цистерн, которые потом находились в общем пользовании. Такие колодцы открыты в квартале XXV Северного прибрежного района: один расположен между двумя дворами на линии разделяющего их каменного забора [32, с. 235]; второй – на пустыре между двумя жилыми домами [33, л. 18]. Одним колодцем, к тому же, скорее всего, расположенным на общем дворе, пользовались жители двух усадеб в XXVIII квартале того же района [103, л. 9]. Два общественных резервуара для сбора воды обнаружены в квартале I Северо-восточного района. Один располагался в центре небольшого двора (помещения 8а), имевшего выход на II поперечную улицу и обслуживавшего три соседние усадьбы, не входя в состав ни одной из них [39, с. 53], второй – на внутриквартальной площади [39, с. 55].

В редких случаях встречаются колодцы, находившиеся в единоличном пользовании жителей одной усадьбы, как например, в двух усадьбах XXVIII квартала [78, л. 14; 72, л. 9] и двух усадьбах XXII квартала Северного прибрежного района [104, л. 33, 34].

Большинство колодцев использовали в течение длительного времени и по мере накопления толщи культурного слоя наращивали кладку горловины и, соответственно, поднимали вымостку вокруг них [105, л. 25]. Так, например, в квартале XIII-XVIII Северного прибрежного района в XIII в. продолжали функционировать два колодца еще эллинистического времени [59, с. 148].

Жители большинства византийских городов позднего периода совместно решали не только проблему водоснабжения [1, p. 643], но и банный вопрос: если в VII-VIII вв. термы функционировали, в основном, при церквях, домах епископов и монастырях, то, начиная с IX в., возрождается строительство общественных бань [29, с. 123].

Бани. Хорошо известно, что в период античности обязательной частью повседневной жизни горожан, почти ритуалом, было посещение терм, куда ходили не только мыться, но и встречаться с друзьями, обсуждать дела,

устраивать пикники, слушать литературные декламации и т.д. Подобному назначению соответствовали интерьеры этих учреждений, которые пышно украшались мозаикой, мрамором, скульптурой и т.д. Функции «клуба» бани сохраняют вплоть до VI-VII вв., и, несмотря на осуждение со стороны отдельных отцов церкви и отшельников, их регулярно посещали многие представители духовенства, а последователи св. Иоанна Хризостома даже устраивали в банях пасхальные богослужения и совершали обряд крещения [15, p. 338-339]. Поэтому в ранневизантийский период в столице империи было большое количество общественных терм, и некоторые из них были не хуже терм Диоклетиана и Константина в Риме. Однако к IX в. большая их часть была заброшена. Так, после VIII в. более не встречаются упоминания о бане *Constantinae*, которая функционировала еще в середине VIII в., хотя утратила к тому времени многие из своих великолепных скульптур; к IX в. были заброшены бани *Dagistheus* [15, p. 339]; бани Зевксиппа еще функционировали в 713 году, когда их посетил император Филиппик, но некоторое время спустя в них были размещены казармы и тюрьма [15, p. 340]. Таким образом, на примере Константинополя становится ясно, что большие общественные бани ранневизантийского времени в период темных веков прекращают функционирование. В это время меняются представления византийцев о чистоте, и после IX в. в период оживления городской жизни бани строятся в крайне ограниченных количествах. К тому времени они уже перестали быть нормальным и обязательным элементом быта и расценивались, скорее, как лечебное средство: врачи рекомендовали больным мыться два раза в неделю. Как часто пользовались баней здоровые византийцы, сказать трудно. Монастырские уставы XI-XII вв. сообщают разные цифры: от мытья дважды в месяц до использования бани три раза в год, на большие церковные праздники. Наиболее часто встречаемая цифра – ежемесячно. Однако эти предписания часто не соблюдались. Так, Продром смеется над монахом, не посещавшим баню от Пасхи до Пасхи, а близкий к высшему обществу известный византийский книжник Цец не стесняется признаваться, что моется в бане два или три раза в год [57, с. 96, 155]. Николай Мистик считал, что ходить с грязным лицом позорно, но грязь на других частях тела, видна она или нет, его уже не смущает [57, с. 95]. Более того, посещение бань часто вызывало осуждение, особенно со стороны аскетов [29, с. 123].

Соответственно, при таком подходе к чистоплотности, культивировавшемся даже в Константинополе и даже некоторыми интеллектуалами, в провинциальных городах бани были еще большей редкостью, чем в столице [29, с. 123] и часто отличались крайней убогостью[8]. Так, по свидетельству Кекавмена,

[8] Следует отметить, что из этого правила были и исключения. Из письменных источников известно, например, что многочисленные бани в это время имелись в городах Никейской империи [9, с. 58].

в Сервии в начале XI в. баня имелась только за городскими стенами, на горной круче. Михаила Хониата поразил убогий вид сельской топившейся по-черному бани, дверь которой не закрывалась, и моющиеся одновременно страдали от дыма и жара и дрогли от проникавшего внутрь холодного воздуха, а местный епископ, боясь простудиться, даже не снимал шапку. Любопытные детали функционирования сельской бани содержатся в уставе одного из монастырей: рядом с небольшой баней находилось помещение для отдыха купающихся; женщины мылись по средам и пятницам, остальные дни принадлежали мужчинам [57, с. 95]. Однако и в поздневизантийский период в некоторых городах имелись бани, которые продолжали, хотя и в сильно урезанном виде, римскую традицию. Такие бани открыты в Фессалониках, Лакедемонии, Фебах и при некоторых монастырях [1, p. 622, 624-625, 643-644]. Однако открытые к настоящему времени три общественные и одна частная бани Херсонеса к таковым явно не относились. Это были простые по конструкции небольшие сооружения, лишенные каких-либо декоративных элементов и, по-видимому, с очень ограниченным запасом воды. Хорошая сохранность херсонесских бань позволяет реконструировать их структуру, отопительную систему и принцип функционирования. Как правило, они состояли из трех помещений – помещения с топкой, собственно бани и раздевалки. Огонь, разводившийся в топке, нагревал расположенный над ней чан с водой, который представлял собой резервуар со сплошным дном, покрытым несколькими слоями водонепроницаемого раствора. Из чана горячую воду черпали через отверстия в стене, отделяющей помещение с водой от бани. Теплый воздух, а частью и дым, поступая из топки в расположенные под полом каналы, обогревал каменный пол, а при наличии вертикальных каналов и стены основного помещения[9].

Все открытые в городе бани располагались в гуще жилых кварталов, и правило располагать их на расстоянии 20-30 шагов от соседних строений, которого придерживались в более раннее время [29, с. 199], не соблюдалось. Одна из бань открыта в 1912 году в III квартале Северо-восточного района (рис. 9)[10]. Судя по расположению на внутриквартальной площади, на которую выходило большинство жилых усадеб квартала, баня была общественной [39, с. 78], а ведущие к ней с главной и III поперечной улиц проулки свидетельствуют о том, что предназначена она была не только для жителей III квартала.

Время строительства бани установить трудно, т.к. строители, расчищая площадку под ее строительство, убрали практически все предшествовавшие слои до скалы, на которой и стоят ее фундаменты. Только одна из стен кочегарки была впущена в толщу 2-го слоя, где были найдены фрагменты

[9] Аналогичные бани XII-XIII вв. известны в Закавказье, Киликии и Греции [39, с. 81-86].

[10] К большому сожалению, в целях изучения более ранних слоев она была снесена в 80-х годах XX в.

поливной посуды с рельефными украшениями и монета Василия I (867-886) [12, с. 97; 39, с. 86]. Кроме того, в ходе доследования бани в 1988 году в нивелировочном слое под вымосткой двора, устроенного, скорее всего, одновременно с баней, было найдено несколько десятков фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных тарелок. Монеты, найденные в субструкции вымостки двора и между ее плит, относятся ко времени не позднее первой половины X в. [106, л. 14-15]. Таким образом, можно сделать вывод, что баня была построена в X в., и предположение С.Б. Сорочана, который на основании характера кладки нескольких нижних рядов, сложенных из больших камней на известковом растворе с добавлением морского песка и мелко толченой керамики, датировал ее ранневизантийским временем [107, с. 948], противоречит выявленным в ходе раскопок материалам[11].

Отсутствие на месте бани более поздних построек свидетельствует о том, что после разгрома города в конце X в. она была отремонтирована и продолжала активно использоваться вплоть до гибели города в XIII в. О длительном ее использовании говорят также следы неоднократных ремонтов вымостки: крупные известняковые плиты, которыми первоначально был вымощен двор, по мере изнашивания заменялись небольшими плитками, а порою и просто бутовым камнем, подогнанным один к другому [106, л. 15]. В какой-то позднейший момент к бане начали пристраивать мелкие лачуги [39, с. 86].

Что касается самого здания бани, то сложено оно из относительно крупных подтесанных с лицевой стороны блоков камня, уложенных правильными рядами на толстом слое известкового раствора с добавлением морского песка. Раствор нескольких нижних рядов кладки, как уже упоминалось, содержал примесь мелкотолченой керамики [106, л. 6-7]. Основная часть бани представляет собой удлиненный прямоугольник размером 6,8х4,0 м, ориентированный по оси ЮВ–СЗ, к которому с северо-западной стороны примыкает небольшое прямоугольное помещение размером 3,0х1,6 м. В последнем располагалась топка, имеющая вид немного суживающегося к собственно бане канала, перекрытого плитами. У основного канала топки, по-видимому, имелись боковые ответвления, направлявшие часть нагретого воздуха и дыма в боковые отверстия, которые сохранились по сторонам центрального входного отверстия, соединявшего топку с собственно баней. С северо-восточной стороны к топке примыкала несколько заглубленная квадратная в плане кочегарка, в которой хранилось топливо. У ее северо-восточной стены располагался колодец, из которого брали воду для бани.

Собственно баня состояла из двух частей: помещения для мытья и раздевалки, стены которых были покрыты штукатуркой. Первое имело камен-

[11] В Херсонесе известно множество примеров включения более ранних кладок в кладку более поздних строений или использования первых в качестве фундаментов.

ный пол из тонких плит, опиравшихся на многочисленные каменные столбики. Нагретый воздух, шедший из топки, заполнял подпольное пространство между столбиками, затем, миновав столбики, через два широких и низких сводчатых прохода уходил дальше, под помещение раздевалки, откуда через отверстия в нижней части юго-западной стены выходил наружу [39, с. 79]. В северо-западной части купальни, по сторонам боковых входных отверстий, располагались две выступающие наружу прямоугольные хорошо оштукатуренные ниши для ванн шириной соответственно 1,13 и 1,09 м и глубиной около 1 м.

По мнению А.Л. Якобсона, тщательная кладка бани на прочном известковом растворе, а также наличие сводчатых перекрытий в подпольной части предполагают наличие сводчатого перекрытия (скорее всего, в виде полуциркульного свода) самой бани [39, с. 81].

Перед входом в раздевалку имелся заслон, который состоял из стенки, параллельной северо-восточной стене бани и соединенной с ее юго-восточной стеной. К бане вел узкий проход-коридор, вымощенный мраморными и известняковыми плитами и обрамленный с обеих сторон подставленными на ребро камнями. Коридор шел параллельно северо-восточной стене бани и затем своим юго-восточным концом поворачивал на юго-запад и выходил в проулок, ведущий к бане с главной улицы.

Аналогичное устройство имела и небольшая частная баня, открытая во дворе жилой усадьбы 1 в квартале XV Северного прибрежного района (помещения 5 и 6) (рис. 10; 12). Наружная длина бани вместе с предбанником – 6,5 м, ширина – 1,3 м. Здание было сложено на грязи из некрупного бутового камня со слабой подтеской лицевой поверхности и оштукатурено смесью извести с песком. Углы и дверные проемы были оформлены крупными тесаными плитами. Помещение собственно бани построено впритык к предбаннику, а предбанник, в свою очередь, пристроен впритык к одному из помещений усадьбы (помещению 1). Раздевалка, немного более широкая, чем сама баня (1,55х3,0 м), вымощена небольшими каменными плитами, а вдоль ее юго-восточной и северо-восточной стен сложена каменная лавка. Лавка, как и стены предбанника, внутри оштукатурена раствором извести с песком. Собственно баня представляет собой узкое прямоугольное помещение размером 1,73х2,57 м. В юго-западной стене, ниже пола находится печь, топка которой длиной 1,55 м была вымощена тонкими плитками и, судя по наклонным стенкам ее нижней части, имела сводчатое перекрытие. Арочное устье топки шириной около 0,6 м выходило во двор. Над топкой сохранился довольно большой кусок многослойного (до 14 слоев) цемянкового пола (толщиной 0,14 м) с вогнутой поверхностью, который, несомненно, был обмазкой резервуара для воды, расположенного над топкой и отделенного от основного помещения бани тонкой стенкой. От печи вдоль бани под полом идет канал, сложенный на известковом растворе из поставленных на ребро плит и перекрытый двумя плитами,

положенными одна на другую. Канал шел между двумя парами устоев, попарно соединенных толстыми плитами и поддерживающих пол из больших и сравнительно тонких (6-8 см) мергелевых плит. От продольного канала в обе стороны ответвляются по три поперечных канала, которые продолжаются внутри стен небольшими вертикальными каналами, расположенными на расстоянии 0,58 м друг от друга и поднимающимися на высоту 0,72 м от пола. На этой высоте они были перекрыты каменными плитами и отделены от бани плоскими кирпичами. Каналы перекрывались узкими (0,2 м) и низкими (0,32-0,35 м) каменными скамьями, шедшими вдоль стен. Каналы со стороны, обращенной внутрь бани, имеют заслоны из черепиц – как внизу до верха скамьи, так и выше скамьи. В верхней части располагалось отверстие для теплого воздуха. Пол, скамьи и стены бани были тщательно оштукатурены. Пол имеет заметный наклон в сторону печи.

Описанная баня, благодаря своей относительно хорошей сохранности, дает возможность ознакомиться с системой отопления: горячий воздух из печи шел по среднему каналу, затем в поперечные, а из последних по вертикальным каналам поступал в баню и обогревал ее. Тонкие стенки и перекрытия каналов способствовали нагреванию пола, скамеек и стен бани. Кроме того, тепло шло от самой печи и котла, благодаря чему достигалось вполне достаточное и равномерное обогревание бани [31, с. 93-94].

Еще одна баня, открытая в 1897 году, была пристроена к наружной стороне протейхизмы близ башни XVIII (рис. 11). Автор раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинич относил ее строительство к римскому времени [108, с. 94]. Однако А.Л. Якобсон датирует строительство бани временем после XI в., когда стена уже утратила свое боевое значение [39, с. 86]. Баня состояла из трех помещений. Небольшое (3,55х2,5 м) помещение «г» с узкой дверью служило предбанником, откуда вторая дверь вела собственно в баню (помещение «в» размером 5,35х4,6 м), оборудованную низкими каменными скамейками шириной 0,62 м, расположенными по трем ее сторонам. Внизу была проложена гончарная труба, сообщающаяся с крайним северным помещением «б» (4,25х1,77 м), пол которого, так же, как и стены, был покрыт цемянкой и устроен выше полов двух первых помещений. В юго-западном углу помещения тремя поставленными на ребро плитами отгорожен во всю ширину узкий ящик, над которым в стене проложена вторая гончарная труба, проходящая через стену наружу и служившая, вероятно, для проведения воды в бассейн (помещение «б») [108, с. 94].

Баня, расположенная в квартале IX Северного района, рядом с IX поперечной улицей, которая вела на центральную городскую площадь, была открыта в 1893 году К.К. Косцюшко-Валюжиничем, определившем ее как «большое здание с террасой со следами мраморной облицовки» [109, с. 54]. В ходе доследований, предпринятых в 1982 году С.Г. Рыжовым, выяснилось, что здание в форме вытянутого прямоугольника размером 16,0х6,75 м состояло

из 4 анфиладно расположенных помещений размерами соответственно 2,25х5,0, 3,65х5,0, 4,0х5,0 и 2,5х5,0 м (рис. 13). Его довольно толстые стены сложены из крупных бутовых камней на известковом растворе с добавлением толченой керамики. Между помещениями 2 и 3, 3 и 4 сохранились столбы от внутренних стен, в которых были устроены три канала для прохождения теплого воздуха. Подошва пола всех помещений бани расположена на разном уровне, понижаясь уступами в сторону входа в баню, расположенного с восточной стороны здания. В южной стене бани, в помещениях 2, 3 и 4 выявлены дверные проемы, которые вели в пристроенные к стене ванные, снаружи имевшие вид прямоугольных объемов размером 2,25х3,0 м. В хорошо сохранившейся ванной при помещении 4 возле двери вместо порога устроена лежанка шириной 0,35 м. Пол ее первоначально был вымощен белыми мраморными плитами, которые позже во время одного из ремонтов были перекрыты плинфой. О сводчатом перекрытии бани свидетельствуют обнаруженные при раскопках арочные камни [110, л. 33]. В крайнем западном помещении еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем была обнаружена круглая кирпичная печь.

Время строительства бани можно определить только предположительно[12], т.к. в ходе нивелировки поверхности перед ее строительством практически все предшествующие ей слои, вплоть до эллинистического, были сняты на большой площади. Так, под фундаментом западной стены бани были найдены чернолаковый канфар и фрагмент терракоты [110, л. 9-10], а заложенный в помещении 2 шурф показал, что баня стоит на глинистом слое, содержащем керамику IV-III вв. до н.э. [110, л. 32]. Возможно, она была построена одновременно с расположенной рядом Северной базиликой. Косвенным, хотя и очень зыбким, подтверждением тому служит идентичность раствора (известь с добавлением толченой керамики), использованного в обоих сооружениях. С.Б. Сорочан в качестве аргумента приводит еще и использование в базилике и бане в качестве вымостки ванных одинаковой плинфы (30х30х3 см) [107, с. 947], что, однако, скорее свидетельствует в пользу более ранней даты строительства бани, т.к. вымостка ванных плинфой, как уже отмечалось, является результатом ремонта.

Прекращение функционирования бани обычно относят ко времени не ранее середины XI в. [59, с. 135-136; 107, с. 946]. В качестве аргумента в пользу такой даты используют обнаруженные К.К. Косцюшко-Валюжиничем «во втором с запада помещении» бани 192 скученные на полу «бронзовые херсонесские монеты императора Романа I средней величины, одного типа» [109, с. 54-55], которые, к сожалению, не сохранились и после пересмотра хронологии монет с монограммой «ро» в качестве неоспоримого аргумента использованы быть не могут.

[12] Автор раскопок С.Г. Рыжов предположительно датировал строительство бани концом V – началом VI вв., хотя не исключал и более поздней даты [110, л. 32].

На наш взгляд, баня функционировала вплоть до пожара XIII в., уничтожившего все окружавшие баню постройки. В пользу такого предположения, прежде всего, говорит тот факт, что на прилегавшем к бане участке, кроме Северной базилики, не сохранилось никаких других сооружений, несомненно, имевшихся здесь до катастрофы конца X в.: все предшествующие строительству поздних усадеб слои и постройки на рассматриваемом участке, как и практически по всей территории херсонесского городища, были снесены в ходе нивелировки поверхности, и фундаменты поздних помещений были либо впущены в слои, содержащие керамику римского времени [110, л. 22], либо стояли на наскальном слое толщиной 10-15 см, состоявшем из глины с мелкими фрагментами чернолаковой посуды и амфорных ручек (Херсонес, Гераклея, Фасос) [110, л. 17]. Было бы странно, если бы херсонеситы, разобравшие все ранние постройки с целью использования добытого таким образом материала в новом строительстве, оставили в неприкосновенности руины бани, к тому же расположенные рядом с частично восстановленной базиликой. Однако здание бани даже на момент ее доследования в 1982 году сохранилось на высоту 3-5 рядов кладки [110, л. 12], и можно предположить, что на момент открытия К.К. Косцюшко-Валюжиничем ее сохранность была значительно лучше.

Кроме того, К.К. Косцюшко-Валюжинич в отчете не упоминает ни о каких перекрывавших баню постройках [109, с. 54-55]. Окружавшие баню поздние усадьбы были лишь пристроены к ней, что напоминает ситуацию с баней в Северо-восточном районе, к которой в последний период ее функционирования также были пристроены какие-то, по выражению А.Л. Якобсона, «лачуги». Так, к восточному углу примыкала стена, сложенная из бутового камня на грязевом растворе и принадлежавшая дому, построенному здесь в XII-XIII вв. [110, л. 5]. Между ваннами 1 и 2 выявлен отрезок стены, оставшейся от дома XII-XIII вв., к которому относятся также остатки двух помещений, занимавших южную половину участка [110, л. 7]. Еще два помещения (помещения 7 и 8), принадлежавшие другому дому этого же времени, открыты с западной стороны.

Все это позволяет сделать предположение, что баня в IX квартале, как и баня в Северо-восточном районе, была восстановлена после пожара конца X в. и продолжала функционировать, хотя и в несколько урезанном виде. В данном случае имеется в виду засыпанная материалом второй половины X в. цистерна, открытая рядом с ванной 2 и, по-видимому, служившая для хранения запаса необходимой для бани воды, и ванные, перекрытые слоем с поздним материалом [110, л. 10].

Таким образом, пока известно четыре бани, действовавшие в городе в описываемый период. Две из них были построены до катастрофы конца X в., после которой были отремонтированы и продолжали использоваться в более позднее время, а две, в том числе одна частная, были построены в XII-XIII вв.

Средневековая застройка Херсона не была столь скучна и однообразна, как может показаться на первый взгляд, и состояла не только из жилых уса-

деб, организованных в кварталы, оживляемые храмами, кладбищами и изредка небольшими монастырями и общественными сооружениями типа описанных выше бань. На самом деле город представлял собой живой и довольно сложный организм, который выполнял множество самых разнообразных функций. Его жизнь разнообразили многочисленные лавки, небольшие рынки, кабаки, постоялые дворы, больницы, различные богоугодные заведения типа домов для престарелых и т.д. Все они археологически практически никак не отличаются от обычных жилых усадеб, и лишь иногда по каким-то признакам можно с большой долей осторожности предполагать наличие того или иного учреждения в том или ином помещении или комплексе. Тем не менее, без всех этих обязательных для каждого провинциального города «деталей» невозможно в полном объеме представить и понять жизнь Херсона XII-XIII вв.

При крайней скудости письменных источников, касающихся этого периода истории города, мы вынуждены обращаться к сохранившимся свидетельствам о жизни других провинциальных городов империи, а иногда из-за неравномерного освещения источниками различных сторон византийской жизни нарушать принцип историзма и ссылаться на более поздние или более ранние периоды.

Лавки. В отличие от античных и ранневизантийских городов с их единым торговым центром – агорой, в городах средне- и поздневизантийского периодов торговля была рассредоточена по всей территории. К сожалению, лавки, как правило, расположенные в жилых усадьбах, археологически выделить чрезвычайно трудно. Еще трудней, а в большинстве случаев практически невозможно, выявить их специализацию, но, несомненно, самыми многочисленными были мелочные лавки или лавки салдамариев, торговавшими всевозможными товарами широкого потребления, в том числе продуктами. Такие лавки обычно были разбросаны по всему городу, располагаясь в непосредственной близости к потребителю [111, p. 461]. Согласно Книге Эпарха, своду уставов константинопольских ремесленных и купеческих коллегий, датирующемуся самым началом X в., «салдамарии могут открывать свои эргастерии по всему городу, на площадях и улицах, чтобы можно было легко найти необходимые для жизни предметы потребления. Они могут продавать солонину, копченую рыбу, колбасу, сыр, мед, растительное масло, всякого рода бобовые, овощи, смолу сухую и жидкую, кедровое масло, веревки, льняные нитки, гипс, глиняную посуду, бутылки, гвозди и также всевозможные прочие товары, которые продаются при посредстве кампанов, но не зигий» [112, с. 63][13]. Возможно, к числу наиболее многочисленных

[13] Зигии – это двучашечные весы или, если использовать термин нашего времени, аптекарские весы, в противоположность кампану – безмену, предназначенному для взвешивания тяжестей. Именно кампан использовали салдамарии, тогда как зигии должны были исполь-

относились и лавки мясников-макеляриев, представлявшие собой небольшую лавочку, в которой у прилавка висели куски мяса [112, с. 222, 229].

Лавки часто совмещались с ремесленными мастерскими. Недаром помещение для торговли называлось так же, как и мастерская – эргастерий [113, с. 259]. В Книге Эпарха константинопольские мастера постоянно выступают в роли купцов, торгующих собственными товарами: свечники сами покупали сырье на рынке и продавали свечи (XI, 3, 1), мыловары сами торговали произведенным ими мылом (XII, 9), что зафиксировано в самом названии мыловаров – σαπωνοπραται, т.е. мылоторговцы. Только уже упоминавшиеся салдамарии, торговавшие самыми разнообразными предметами, закупали товар у мастеров на рынке и затем перепродавали в своей лавке [113, с. 256].

Рынки. Помимо постоянно функционировавших лавок в каждом районе имелись постоянные маленькие рынки и крытые галереи. К сожалению, археологические и письменные свидетельства, позволяющие определить местоположение подобных рынков и галерей в различных городах, чрезвычайно скудны. Известно, что в Фессалониках рынок располагался около ворот на юго-восточной стороне города, хотя не исключено, что торговая зона была и на его юго-западной стороне у гавани. На Родосе центральной торговой артерией города (*mese*) служил древний *decumanus*, в месте пересечения которого с *cardo* располагались городские ворота с открытым пространством, также предназначенным для торговли. В Пергаме небольшие лавки располагались вдоль главной улицы, во всяком случае, в ее раскопанной части. Торговая галерея с легкой аркадой на фасаде была открыта в Коринфе. Наиболее полную картину того, как выглядели торговые улицы в интересующее нас время, предоставляет Преслав, где ведутся систематические раскопки коммерческого центра города [11, p. 512-513].

Рынки и крытые галереи были не только местом, где можно было приобрести необходимые товары, но и довольно притягательным центром общения горожан. Недаром Евстатий Фессалоникийский упрекал некоторых монахов за то, что они проводят на рынках больше времени, нежели в церквях [11, p. 512].

Места в галереях, которые, как правило, располагались возле крупных храмов и по сторонам главной улицы, сдавали торговцам за плату, взимавшуюся в пользу города. Полученные средства обычно шли на ремонт общественных зданий и городское освещение.

В Херсонесе торговая галерея была открыта возле малой базилики, появившейся на месте большого ранневизантийского храма после X в. (т.н. базилика 1889 года, известная также под условным названием «базилика в базилике» или базилика 15). Судя по обнаруженному в стенах материалу,

---

зовать мировары – торговцы другим важным товаром – благовониями, т.е. парфюмерией, пряностями, красителями и некоторыми лекарственными веществами [112, с. 208, 202].

галерея была построена одновременно с храмом [48, л. 4], и помещения, с ним связанные, были пристроены непосредственно к северной стене его северного нефа (рис. 14). Сама галерея выходила на I продольную улицу и, выступая на ее проезжую часть, частично закрывала ее, что, по мнению открывшего ее С.Г. Рыжова, свидетельствует о наличии с этой стороны базилики большого двора или площади [48, л. 16-18].

Черепичная крыша галереи опиралась на пилястры, являющиеся продолжением торцовых стен и выступающие на 1,6 м на улицу. Кроме пилястров, крышу поддерживали 6 столбов, которые стояли на расстоянии 3,35 м друг от друга. Основания четырех из них (2 обломка мраморных колонн, известняковый столб и известняковая дорическая капитель) были найдены *in situ*[14]. Расположенные за галереей помещения, скорее всего, выполняли складские функции. В одном из них, по-видимому, стояли деревянные полки, которые, судя по следам от 6 ям в полу, опирались на столбы [48, л. 4].

Помимо подобных основательных торговых помещений торговали и с простых столов, на специальных ларях (πρατήρια или αράκια), в палатках, под тентами, где обычно размещались денежные менялы, бакалейщики, торговцы готовой едой и прочие [114, p. 470; 113, с. 259]. На небольших рынках, которые были вплетены в городскую структуру и археологически никак не выделяются, обычно продавали свежие овощи, фрукты и зелень, составлявшие важную часть ежедневного рациона византийцев. Обычно их выращивали на крохотных участках при городских усадьбах или на наделах, расположенных в ближайших окрестностях города, т.е. в непосредственной близости к рынку сбыта [115, p. 143-144]. Кроме того, в византийских городах велась бойкая торговля вразнос наиболее употребительными мелкими товарами. Письменные источники рассказывают о том, как византийские женщины, высовываясь из окон, зазывали мелких уличных торговцев и покупали у них все, что им было нужно из продовольственных продуктов и предметов домашнего обихода [116, с. 173].

Очень оживляли жизнь городов большие торговые дни и ярмарки, которые, как правило, были приурочены к какому-либо празднику или ко дню какого-то особо почитаемого в городе святого. Среди подобных ярмарок наиболее известными и важными были ярмарки в Фессалониках, Эфесе, Хонах и Трапезунде [11, p. 512-515]. Обычно они проводились за пределами городских стен, часто при загородных монастырях [116, с. 173; 10, p. 195]. Делалось это, во-первых, в целях безопасности, а, во-вторых, за городом легче было найти свободное пространство, необходимое для организации подобных мероприятий. В Херсонесе наиболее подходящим местом для такой ярмарки была территория вокруг загородного монастыря Марии Влахернской.

[14] Столбы, стоявшие в средней части галереи, были уничтожены окопом во время войны 1941-1945 гг.

Кекавмен (XI в.) упоминает о ярмарках в провинциальных центрах, устраиваемых по предложению соседних народов для обмена товарами [113, с. 354]. Такие временные торжища также организовывались вне городских стен. Косвенным свидетельством тому, что происходили они и у стен Херсона, служит рассказ Анны Комнины в «Алексиаде» о бегстве Лже-Диогена из Херсона: «…он стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно приходили туда торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз. Куманы вместе с ним отправились оттуда в свою страну» [117, с. 266, Кн. X, 2].

Любопытный рассказ об одной из ярмарок, проходившей в 1042 году в Константинополе, принадлежит Пселлу: по его словам, за короткий период между стенами Константина и Феодосия возник целый город из торговых палаток [11, p. 512-515]. Описание огромной ярмарки, разместившейся за западной оборонительной стеной Фессалоник во временных палатках, расположенных правильными рядами, содержится в византийской сатире XII в. «Тимарион» [11, p. 509].

Постоялые дворы и гостиницы. Для приезжих, в первую очередь для купцов, во всех византийских городах устраивались постоялые дворы или митаты, в которых имелись складские помещения, жилые комнаты и оптовый магазин для распродажи [112, с. 155-158]. К примеру, комнаты, складские помещения и конюшни имелись в известном по письменным источникам огромном «странноприимном доме» в Константинополе, построенном в X в. Романом Лакапином. Владельцы постоялых дворов получали особые прибыли от сдачи комнат приезжим [112, с. 157]. В Херсоне один из таких постоялых дворов, возможно, располагался в квартале X-А Северного района [24, с. 300].

Обязательной принадлежностью каждого византийского города были корчмы или кабаки[15], приюты для деклассированных элементов, нищих, больных, сирот, калек, богадельни, «сиротопиталища», дома призрения, дома для умалишенных. Приюты обычно учреждались государством и церковью и хорошо известны по письменным источникам, хотя до сих пор ни один из них археологически нигде выявлен не был [56, с. 71; 1, p. 647]. К числу археологически никак невыраженных учреждений относятся и больницы, которые также имелись в каждом более или менее крупном городе[16].

---

[15] Византия славилась своим пьянством, а Константинополь пользовался славой «пьяного города». «В Византию кто ни приедет – пьян будет, там по целым ночам пьянствуют», – писал византиец Никита Хониат, а китайский путешественник, побывавший в Византии, отмечает: «Там в течение семи дней отдыхают один день, в который не выходят торговать, а пьют до глубокой ночи…» [118, с. 331].

[16] Сохранилось очень подробное описание больницы XII в. при богатом константинопольском монастыре Пантократора. Эта больница была рассчитана на 50 мест и состояла из

История застройки и краткая характеристика районов города

По топографии и степени изученности Херсонесское городище, площадь которого в пределах оборонительных стен составляет 339 тыс. м^2 [119, с. 154], условно делится на несколько районов: *Портовый*, расположенный на ровном, пониженном участке, ограниченном Карантинной бухтой, оборонительными стенами и естественной возвышенностью; *Центральный*, включающий центральную площадь города, территорию, расположенную к западу от нее и ныне практически полностью занятую монастырскими постройками, и район античного театра (юго-восточный участок); *Северо-восточный*, в состав которого входят кварталы вдоль Главной продольной улицы к востоку от Центральной площади и район Уваровской базилики; *Северный*, расположенный на возвышенном участке вдоль северного обрывистого берега городища (кварталы VIII-ХБ); *Северный прибрежный*, расположенный на пониженном участке северного берега; *Западный*, включающий всю западную половину города.

Как показали раскопки, после пожара конца X – начала XI вв., уничтожившего почти всю городскую застройку, Херсон был отстроен практически заново[17]. Однако, сначала сильно сократившееся население занимало, по-видимому, только небольшую часть городской территории. При этом город свободно развивался в пределах старых оборонительных стен, не предпринимая никаких попыток защитить свою значительно уменьшившуюся территорию. Такая же картина наблюдается, к примеру, в Коринфе и Афинах [1, p. 649].

Восстановление в Херсоне, обладавшем в то время достаточной жизнеспособностью, шло, по-видимому, довольно быстро. В значительной степени этому способствовал процесс возрождения и активизации городской жизни, который после периода упадка и застоя VIII – первой половины IX вв. охватил сначала район Константинополя и узкую полосу вдоль побережья Эгейского

пяти отделений. Хирургическая палата имела 10 коек, палата для больных глазами, желудочных и других страдающих острыми заболеваниями – 8, женское отделение – 12. Кроме того, в каждой палате имелось по одной резервной кровати на случай экстренной надобности. Каждая койка должна была иметь коврик, войлочный тюфяк, подушку и покрывало, а на зиму – два одеяла. Больница была снабжена хитонами-рубахами и плащами-гиматиями, так что больных переодевали в казенную одежду, а их собственные вещи стирали и возвращали после выздоровления чистыми. Персонал больницы был весьма многочислен. В каждом мужском отделении числилось два врача, три штатных помощника-«фельдшера», два дополнительных (сверхштатных) помощника и два служителя-санитара, т.е. всего 36 человек на 38 коек. Такое же соотношение было и в женском отделении, где 12 мест обслуживали 11 или 12 человек. Кроме того, имелись врачи, хирурги и терапевты, принимавшие амбулаторных больных. При больнице имелись аптека и ряд служб, где работали прачки, повара, конюх, привратник и т.д. [57, с. 211]. Это, конечно, лучшая из известных византийских больниц. Другие были гораздо хуже. Так, провинциальный Богородичный монастырь Спасительницы мира имел госпиталь на 36 коек, которые обслуживал один врач и восемь служителей, а все больные размещались в одной палате [57, с. 211].

[17] А.В. Сазанов датирует генеральную реконструкцию города концом XI в. [120, с. 376, 380].

моря, а с XI в., несмотря на внешнеполитические трудности, большую часть Византийской империи [1, p. 616; 121, p. 31-39].

По мнению А.Л. Якобсона, в среднем строили приблизительно по 4 усадьбы в год, что означает, что за полстолетия такого строительства могло быть восстановлено не менее 15 новых жилых кварталов. Однако следует учитывать, что темпы строительства, скорее всего, были неравномерны: в отдельные периоды домов строилось больше, в другие – меньше [39, с. 152]. Пик строительной активности пришелся, скорее всего, на XII век. Запустение большей части территории города в предыдущем столетии объясняется не только сокращением численности населения в результате событий конца X в., но и демографическим спадом, который в середине XI в. переживает вся Византийская империя [57, с. 28].

Систематические археологические исследования, проводившиеся только в восточной части Херсонеса, показали, что эта часть городища была застроена довольно плотно. Сплошная жилая застройка, прослеженная вплоть до основания западной возвышенности, а вдоль главной улицы – до водохранилища, прерывалась лишь центральной площадью с 8 храмами и комплексом кафедрального собора, занимавшим два квартала. Возможно, отсутствовала она и на территории порта. Что касается западной части городища, то, к сожалению, исследования здесь до сих пор сосредоточены на изучении расположенных там христианских храмов. Поэтому мы вынуждены ограничиться фиксацией выявленных в ходе таких раскопок поздних материалов и строительных остатков и на их основе пытаться составить какую-то более или менее целостную картину. Пока в указанном районе выявлено лишь несколько зданий, несколько храмов и несколько больших кладбищ, функционировавших в описываемый период.

Портовый район

Трудно определить, в какой последовательности отстраивались различные участки городской территории, но логично предположить, что в силу особой важности восстановление города должно было начаться с Портового района, где перерыва в застройке, по всей видимости, вообще не было. Подтверждением тому служит кардинальная перестройка защищавших порт оборонительных сооружений в X-XI вв., когда, по-видимому, был засыпан рукав Карантинной бухты, который до этого времени огибал оборонительные стены, и новая линия обороны была вынесена далеко к востоку (рис. 15). Реконструированная И.А. Антоновой история фортификационного строительства в Портовом районе после X в. выглядит следующим образом: перестраивается башня XXII, к юго-восточному углу которой пристраивается новая стена с вспомогательной полукруглой башней XXV; далее стена идет на юг вдоль берега Карантинной бухты, а затем в 90 м от башни XXII поворачивает на запад и, делая плавный поворот, подходит к северо-западному углу башни XX[I]; учас-

ток между воротами и башней XX[I] дополнительно укрепляется несколькими небольшими и незначительно выступающими по фронту башенками; у поворота стены возводятся «морские» ворота, укрепленные двумя однотипными прямоугольными башнями размером 7,5х6,0 м; позже к внутренней стороне обеих башен добавляют прямоугольные пристройки размером 3,5х3,3 м, возможно, служившие дополнительными укреплениями; одновременно с возведением описанной линии обороны для защиты подступа к воротам усиливают специальным утолщением башню XXIII [123, с. 116; 4, с. 5].

Некоторое время спустя, но не позже конца XI – начала XII вв. вся вновь выстроенная приморская линия перестраивается от нижних рядов лицевой кладки предшествующего строительства. Одновременно с этими работами исправляется допущенная инженерная ошибка, и северный фланг приморской линии (куртина 37) пристраивается не к юго-восточному, а к юго-западному наружному углу XXII башни, возвращая ей возможность активного участия в обороне. До основания разбирается полукруглая башня XXV, на месте которой возводится новая прямоугольная башня. Направление куртины 38 остается прежним, но она все равно по непонятным причинам разбирается до нижнего ряда и используется как основание для возведения новой стены. Однако и эта перестройка не была последней в строительной биографии оборонительных сооружений Портового района. 39 куртина была вновь снивелирована под дневную поверхность примыкающих городских кварталов и перенесена еще дальше к берегу бухты. Остатки башни, несомненно, входившей в состав этой новой, на этот раз последней, линии обороны были обнаружены в ходе подводных исследований на глубине 2 м на расстоянии 15 м от современного уреза воды к востоку от башни XX [123, с. 107-113; 4, с. 5].

Большая часть территории между старой и новой линиями обороны систематическим исследованиям не подвергалась [124, с. 92], но фрагменты поздней застройки открыты на небольшом пространстве около башни XXII между ранней куртиной 25 и куртиной 37 [34, табл. II] и между последней и предпоследней линиями обороны на участке, расположенном между башней XVIII и площадью у склада древностей. В ходе раскопок выяснилось, что по мере переноса оборонительной стены все дальше и дальше к востоку присоединенное к городу пространство постепенно заполнялось постройками, часто пристраивавшимися к потерявшим свое значение куртинам и башням. Несколько помещений (помещения 9-12, 13-15) было пристроено к внешней стороне куртин 26 и 27 (рис. 16) [125, с. 54-55]; «разные лавочки и склады» «прилепились» к разобранным почти до основания куртинам 22-25 ранней оборонительной стены [125, с. 53].

Кварталы, прилегающие непосредственно к порту и расположенные с внутренней стороны древней приморской оборонительной стены, были раскопаны К.К. Косцюшко-Валюжиничем в конце XIX – начале XX вв. с присущим тому времени небрежением к средневековью, без детальной фиксации открытых

строительных остатков и найденного материала. Положение усугубляется еще и тем, что значительная часть поздневизантийских построек в Портовом районе была разобрана сразу после раскопок. Однако, судя по кратким описаниям открытых кварталов, застройка прилегающей к порту территории мало чем отличалась от застройки остальной части города. Здесь, как и в других районах, строители учитывали, скорее всего, еще античную планировку кварталов, что подтверждает направление трех параллельных улиц, ведущих с верхней части городища к порту (рис. 17). По мнению исследователя, участок был застроен «одновременно, наскоро, но по строго определенному плану после полного разгрома старого города». «Улицы проведены параллельно и их легко проследить через все городище до самого моря». Промежутки между улицами, судя по его плану, были застроены помещениями (всего открыто 90), часть которых служила складами, а в двух выявлены кирпичные печи [125, с. 90].

Античная планировка была соблюдена и на участке, расположенном к северо-западу от куртин 26-27 (рис. 18-19). Только если в ранний период улица доходила здесь только до оборонительной башни, то в поздний – потерявшая свое значение башня была разобрана, и улица продолжена до бухты [14, с. 38-39].

Появились в районе и обычные для позднего Херсона небольшие однoапсидные церкви. Одна из них была открыта в ходе раскопок 1895 года с тыльной стороны 26 куртины и XXI башни (рис. 17). Какой-то храм располагался, по-видимому, в прямоугольной «нише», образованной тремя изгибами оборонительной стены возле древней башни 8, что косвенно подтверждают находки на указанном участке в 1902-1904 гг. многочисленных церковных древностей и двух усыпальниц. Сам храм, по-видимому, был снесен в 1901 году во время строительства каземата военного ведомства [34, с. 39]. Небольшая часовня «щ» «базиличной формы в один неф с прямоугольными плечиками и полукруглой апсидой с синтроном в одну ступеньку и боковыми выемами – скамьями» была открыта на участке, расположенном в районе башни XVIII [14, с. 39; 34, с. 39, табл. II; 123, с. 112].

Как и в других кварталах города, кладка домов Портового района представляла картину полного хаоса. Здесь «…в уличных стенах рядом с обычным бутовым камнем уложены облицовочные плиты с рустами, карнизы и водосточные желоба древнейшего периода, заложены двери зданий первого города и засыпаны и застроены за ненадобностью колодцы, вырубленные в скале» [34, с. 35]. Правда, в отличие от остальной территории Херсона, где наблюдается перерыв в застройке, и здания, разрушенные в конце X в., использовались в качестве источника строительного материала, здесь довольно хорошо сохранившиеся стены предшествующего периода инкорпорировались в кладку вновь строящихся домов или использовались в качестве фундамента. Например, вдоль улиц, которые шли от калитки в куртине 26 и вели с берега Карантинной улицы в город, располагались помещения, при строи-

тельстве которых были использованы уцелевшие на значительную высоту стены, скорее всего, ранневизантийского времени, сложенные из кубовидных камней на прочном известковом растворе с прокладкой кирпичей в 4 ряда в каждом поясе (кладка *opus mixtum*). Эти стены исправлялись и дополнялись бутовым камнем на грязи [14, с. 38-39].

Соседство с портом диктовало потребность в значительно большем по сравнению с другими районами количестве складских помещений и лавок, которые неоднократно упоминаются в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича. По мнению исследователя, складами служили несколько помещений, пристроенных к куртине 24. В двух из них были выявлены врытые в землю пифосы, в третьем – остатки каменной винтовой лестницы с уцелевшими шестью ступеньками [124, с. 89-90]. Лавки и склады располагались вдоль двух улиц, которые шли от калитки в куртине 26 и вели с берега Карантинной бухты в город. Одна из них шла к востоку вдоль оборонительной стены Г, вторая – к северу вверх по склону. Из 8 открытых вдоль улиц помещений неправильной формы три, с выходом непосредственно на улицу, скорее всего, служили лавками, а остальные, без дверных проемов, являлись, по всей видимости, подвалами, служившими торговыми и хозяйственными складами, в которые можно было попасть через люки в деревянных полах (рис. 18) [14, с. 38-39]. Эти же функции, по-видимому, выполняли пять пристроенных к башне XXII и куртине 26 помещений (помещения 3-7) «без окон, с низко опущенными полами, из коих два, в помещениях 5 и 6, кирпичные» (рис. 16) [125, с. 54]. Торговыми складами были и 6 помещений, открытых между куртиной 27 приморской оборонительной стены и базиликой Крузе. В пяти из них были подвалы глубиной в 2,12 м, а двери верхних помещений выходили непосредственно на узкую улицу [108, с. 95]. Еще три торговых склада были пристроены к куртине 27 ближе к башне XXIII (помещения 16-18). Интересно отметить, что в помещении 18 наряду с 7 большими пифосами найдены большое количество разнообразной церковной утвари (икона «Св. Георгий и Св. Димитрий», железный крест, обтянутый серебряной пластиной, бронзовая кацея, наконечник пастырского посоха, нательный крестик), скорее всего, упавшей со второго этажа сгоревшего здания [125, с. 56, рис. 74-76].

Как показали исследования, поздневизантийская застройка существовала и на территории соседствующей с Портом ***цитадели*** [126, с. 393]. Здесь были открыты «помещения с мощеным двором, скорее всего, усадьба XII-XIII вв.», в состав которой входили помещение с вымосткой и небольшим тарапаном, служившее, по-видимому, небольшой домашней давильней [127, с. 284], и одноапсидный храм с небольшим кладбищем при нем [17].

Что же касается Портовых кварталов 1 и 2, то археологическая ситуация здесь отличается чрезвычайной сложностью, связанной с тем, что здесь возрождается жизнь после пожара XIII в., окончательно погубившего остальную

часть города. Только здесь были выявлены следы нивелировки поверхности и остатки построек двух строительных периодов, а также материалы XIV-XV вв. [128, с. 13, 26; 129, с. 93-94; 130, с. 7; 59, с. 184; 131, с. 235].

Портовый квартал 1, в состав которого, помимо жилых комплексов, входили две церкви (т.н. храм 1963 года и храм Е), ограничивали 15-я поперечная и продольная улицы, а также 16, 17 и 18 куртины. Раскопки его были начаты в 1899 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, открывшим небольшую церковь Е и 25 помещений вдоль 16 и 17 куртин. Исследования были продолжены А.И. Романчук, которая реконструировала историю застройки участка. Ранний этап строительства здесь в рамках средневизантийского периода исследовательница относит к середине/концу XI – началу XII вв. [13, с. 123; 71, с. 55] и выделяет в Портовом квартале 1 11 усадеб, относящихся к двум строительным периодам. По ее наблюдениям, как и на других участках Портового района, в Портовом квартале 1 стены ранних помещений чаще всего достраивали в последующий строительный период, при этом сохраняя план и размеры зданий, т.е. стены, возведенные в предшествующий строительный период, включались в постройку конца XI – первой половины XII вв. [13, с. 132; 132, с. 329].

Другая картина наблюдается в ***Портовом квартале 2***, расположенном к северо-востоку от квартала 1 и отделенным от него 15-й поперечной улицей (рис. 20). Здесь стены более ранних помещений в последующий период жизни использовались редко: в каждый новый строительный период размещение и план зданий менялись, хотя единая ориентация с юго-запада на северо-восток сохранялась [133, с. 378; 132, с. 329]. Однако, несмотря на изменение плана и расположения помещений, здесь также не было перерыва в застройке. Доказательством тому служит отсутствие слоев, которые могли образоваться в период между гибелью одних зданий и строительством новых [71, с. 49-50].

Внутриквартальными улицами квартал 2 был разбит на блоки жилых построек, из которых пока раскопаны только три [71, с. 48]. Площадь усадеб составляла от 80 до 120 м^2 [131, с. 235]. Здесь выявлены следы, как минимум, трех мастерских. Большой производственный комплекс по обработке металла, датирующийся XII в., открыт на юго-восточном участке [134, с. 307]. Еще одна мастерская размещалась в помещении 2 блока жилых построек 2, в котором было обнаружено значительное скопление особой глины (кила), используемой в гигиенических целях. По мнению А.И. Романчук, в усадьбе имелось либо какое-то производство моющих средств, либо прачечная [59, с. 113]. В усадьбе 9, где были найдены десять железных замков вкупе с кузнечными клещами, возможно, располагалась кузница, в которой делали или чинили замки. В этой же усадьбе, состоявшей из расположенного вдоль улицы двухэтажного дома и большого разделенного на две части двора, по-видимому, имелась лавка, размещавшаяся в одном из помещений с выходом непосредственно на улицу. Дом принадлежал довольно состоятельному семейству:

в момент пожара там в общей сложности было около 50 сосудов (амфор, пифосов и больших тарных сосудов) с запасами продовольствия [13, с. 145].

Вдоль второй внутриквартальной улицы открыты выходящие на улицу полуподвальные помещения близких размеров (помещения 33-38, входящие в блок жилых построек 2), в которых, по-видимому, располагались торговые лавки [71, с. 53].

На небольшой площади, расположенной с юго-восточной стороны квартала, скорее всего, одновременно с общей застройкой квартала был построен небольшой внутриквартальный храм-усыпальница, отгороженный от площади каменной стеной [13, с. 145]. Несколько дальше, на расстоянии 3,55 м от башни XVI в XI в. был построен еще один небольшой храм Е, который вместе с помещениями 1-5, примыкающими к углу, образованному куртинами 17 и 18, составлял единый комплекс, определяемый А.И. Романчук как монастырь [13, с. 149].

В районе прослеживаются два пожара. После первого, когда погибла большая часть города, восстановление произошло довольно быстро: была произведена нивелировка некоторых участков квартала и построен ряд новых усадеб [71, с. 50-52], которые были еще заселены во второй половине XIV в., о чем свидетельствуют находки в них золотоордынских монет этого времени [131, с. 235; 71, с. 49]. От более позднего времени сохранились только разрозненные кладки, никак не складывающиеся в целостные постройки. Однако, вкупе с единичными находками монет XV в., они говорят о том, что и в это время какая-то жизнь в Портовом районе все же была [131, с. 235].

Центральный район

К сожалению, раскопки в этой наиболее интересной части Херсонесского городища велись в спешном порядке перед строительством собора св. Владимира и зданий монастыря, которыми большая часть открытой площади и была застроена. Остальное, за редким исключением, было засыпано в ходе обустройства монастырской территории. Положение усугубляется еще и тем, что проводивший здесь раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинич в отчетах, охарактеризовав позднюю застройку как «жалкие лачуги», ограничился описанием лишь более ранних строительных остатков. И все же по составленным исследователем планам видно, что центральная площадь в рассматриваемое время была застроена храмами (одновременно здесь функционировало 6 церквей) и жилыми кварталами, ничем не отличающимися от кварталов остальной части города. Фрагмент жилой застройки, граничащей с северной стороны с главной улицей Херсонеса, был открыт в юго-восточной части монастырской площади, к юго-востоку от современного собора (рис. 21). Два раскопанных (один частично) квартала были застроены помещениями, насколько можно судить по плану, правильной прямоугольной формы. Правда, «правильность» изображенных на плане помещений начинает вызывать сомнения после сравнения двух планов – современного

и составленного К.К. Косцюшко-Валюжиничем – одного и того же участка жилой застройки, открытого с внутренней стороны 16 и 17 куртин юго-восточного отрезка оборонительных сооружений. Если на современном плане стены пристроенных к оборонительной стене помещений, соответствуя их фактическому расположению, изображены наискось к стене, то на плане К.К. Косцюшко-Валюжинича стены тех же помещений изображены строго перпендикулярно к ней. Т.е. исследователь больше заботился о геометрической «правильности» плана, чем об истинном расположении объектов.

Кварталы отделялись друг от друга и от соседних нераскопанных кварталов прямыми поперечными улицами, шедшими под прямым углом от главной улицы вниз к бухте. Одна из улиц, шириной около 2,8 м, была вымощена каменными плитами, под которыми проходил водосточный канал [135, с. 168, рис. 536]. В одном из кварталов выявлен обычный для позднего времени небольшой храм с тремя усыпальницами.

Как и в других районах города, здесь строители также следовали античной планировке. Об этом свидетельствуют обнаруженные под помещениями XIII в. остатки двух эллинистических зданий, сложенных из больших хорошо обработанных с обеих сторон и плотно пригнанных друг к другу плит, положенных без связующего раствора: северная граница поздних кварталов совпадает с границей древних помещений, выходящих на главную улицу, а некоторые древние стены послужили фундаментом для стен ряда поздних помещений (1-6, 8, 11) [135, с. 168-169, рис. 536].

Совпадение поздневизантийской планировки с планировкой древнего города прослежено и на другом участке Центрального района, ныне полностью занятом монастырскими постройками. Здесь сохранилась улица, проложенная еще в самом начале истории Херсонеса вдоль древнейшей оборонительной стены, разобранной в конце IV – начале III вв. до н.э. [14, с. 54, 55, табл. IV].

Юго-восточный или театральный участок Центрального района города занимает, как можно видеть из его названия, территорию античного театра и прилегающее к нему пространство, заключенное между главной улицей Херсонеса с северной стороны и оборонительной стеной с южной. С запада участок ограничивает асфальтированная дорога от т.н. «черных ворот» бывшего монастыря во двор, с восточной – аллея, ведущая к главным воротам заповедника.

Участок оказался чрезвычайно трудным для понимания, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, расположением на местности с резким падением рельефа к Карантинной бухте и наличием оврага, который занимает середину участка и врезается в мергелистый склон и выступающую на него известняковую скалу. Во-вторых, интенсивной строительной деятельностью не только в древности, но и в конце XIX – начале XX вв., которая чрезвычайно осложнила исследование средневековых слоев, а на некоторых участках сделала его вообще невозможным. При выравнивании пло-

щадки под монастырское строительство в некоторых местах были удалены культурные слои средневекового времени, и сразу под дерновым слоем лежал мощный слой с фрагментами керамики IV в. до н.э. [42, л. 7]. Кроме того, с целью уменьшения крутизны склона с верхней террасы были удалены остатки всех средневековых и позднеантичных сооружений, а земля и мелкий камень смещены на нижнюю террасу и выровнены [42, л. 3].

Однако в результате систематических раскопок, проводившихся здесь экспедицией под руководством О.И. Домбровского, все же удалось реконструировать историю застройки участка, которая выглядит следующим образом. Первоначально нижняя часть оврага служила местом свалки мусора. Позже, после присоединения его к территории города, выходы скалы, дугообразно охватывающие верховья оврага, определили выбор этого места для строительства театра: для устройства площадки под орхестру и скене нижнюю часть оврага засыпают поверх свалки до середины тальвега, а в верхней его части вырубают кругообразные террасы для установки каменных скамей театрона [42, л. 2].

После прекращения в середине IV в. функционирования театра и разборки его на камень окружавшая театрон анфилема была использована в качестве подпорной стенки, а пристроенная в первых вв. н.э. к северо-западной части театрального ограждения дополнительная площадка для зрителей низшего ранга была застроена, как и вся площадь орхестры, проскения и театрона. В период с V по XIII вв. в результате бесконечных нивелировок и перестроек овраг был полностью снивелирован, и на театральном участке постепенно образовались как бы две террасы, имевшие довольно ощутимый уклон в сторону Карантинной бухты: одна расположена непосредственно над анфилемой, а вторая – под ней [42, л. 3], и толщина культурного слоя здесь местами достигала 6 м [136, л. 5-6].

Сложная структура культурных напластований привела к бесконечным спорам по поводу даты строительства несомненной архитектурной доминанты участка – крестообразного храма, получившего по найденному под его престолом серебряному ковчегу с частицами мощей условное название «Храм с ковчегом».

Раскопки храма были начаты в 1897 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который открыл только внутреннее пространство храма до уровня пола и расчистил до скалы его южное крыло, хотя в отчете об этом не упомянул. В связи с этим особое значение приобрело изучение слоев, залегавших под полом храма в нераскопанных частях храма – жертвеннике и подкупольном пространстве, а также на окружающей храм территории. В ходе работ было установлено, что в северном крыле, алтаре, помещении между алтарем и северным крылом и частично в центральной части храма и западном крыле мраморные полы лежали непосредственно на скале, а в южной половине западного крыла, южном крыле, а также в помещении между алтарем и южным крылом –

на толстом (до 3 м) слое засыпи, исследование которой позволило восстановить историю застройки участка (рис. 22). Нижняя часть засыпи состояла из слоистых позднеантичных и раннесредневековых отложений (IV-VI вв.), которые полностью перекрывали орхестру театра и образовались при разрушении театрона, что дало приблизительную дату прекращения функционирования театра – около середины IV в. В это время театр был превращен в каменоломню, а участок – в пустырь с рядом построек [137, л. 15; 61, л. 8, 9], уничтоженных, скорее всего, во время катастрофы конца X в., после которой чашеобразное углубление, образовавшееся на месте орхестры, было выровнено мощным слоем мусора и грунта, свезённым из других районов города и содержавшим разновременный материал (вплоть до античного) [137, л. 14]. Время засыпи определяют фрагменты белоглиняной поливной керамики, кувшинов с плоскими ручками, монеты Романа I и др. [137, л. 14; 139, с. 37], причем здесь важно отметить, что фрагменты белоглиняной поливной керамики были найдены преимущественно в нижнем ярусе засыпи, что говорит в пользу того, что они оказались под полом храма не в результате подсыпки в ходе какого-то ремонта, а в результате единовременной засыпи участка, в которую первым попадал мусор, лежавший сверху [137, л. 14].

По мнению О.И. Домбровского и Е.А. Паршиной, засыпь была сделана не в связи со строительством храма, а в связи с оживлением строительной деятельности в городе, захватившей и театральный участок [139, с. 37]. Основанием для такого предположения послужило отсутствие в насыпном грунте как внутри, так и снаружи храма каменных отесов, которые, несомненно, должны были образоваться в больших количествах при вырубании обширных выемок под северо-западное крыло, жертвенник и алтарь храма в поднимающейся к северу скале. Это, на взгляд исследователей, свидетельствует о том, что строительный мусор был удален, как и засыпь, которая предшествовала закладке фундамента храма [137, л. 16].

Наличие перерыва между засыпью углубления орхестры и строительством храма подтверждается также двумя кладками, обнаруженными у южного угла юго-западной ветви храма и оставшимися от каких-то незначительных по размерам построек, предшествовавших ему. Нижняя кладка принадлежала водостоку, который был упразднен в связи с верхней постройкой и содержал фрагменты керамики, аналогичной керамике из нивелировочной насыпи, в толще которой пролегал. Верхняя кладка по уровню залегания находилась между засыпью орхестры театра и прослойкой, фиксирующей время возведения храма. Между водостоком и верхней кладкой также была найдена керамика, аналогичная керамике из нивелировочной засыпи, хотя и отличающаяся от нее некоторыми особенностями, по которым автор раскопок предположительно отнес ее к несколько более позднему времени [137, л. 16].

Наконец, на участке возводят храм, фундаменты которого были забутованы в траншеи, вырытые в засыпи IX-X вв. и глубже нее сквозь более ранние

отложения до материка. То, что фундаменты стен храма были забутованы в траншеи, прорытые сквозь насыпной грунт, доказывают следующие обстоятельства: во-первых, в обрезах шурфов ясно были видны очертания траншеи; во-вторых, фундаменты храма расширяются кверху, что могло получиться лишь от забутовки камня в траншею, прорытую в рыхлом сыпучем грунте и вследствие этого вверху более широкую, чем внизу; в-третьих, на кладке фундамента имеются обильные и весьма характерные натеки жидкого раствора, к которым при его затвердевании пристали кости и черепки. Все это свидетельства того, что фундаменты не клались, как стены, а именно забучивались в траншею. Ни в коем случае тут нельзя предположить, чтобы фундаменты храма могли быть сначала сложены наподобие стен в широком открытом котловане, а затем засыпаны [137, л. 15-16].

Поздней дате сооружения храма соответствует также его бутовая кладка, выполненная без соблюдения порядовки с включением разнородных деталей более ранних сооружений. Поверхность кладки неровная, пригодная только под штукатурку.

Ранней датировке храма противоречат и монеты из могил под полом внутри храма, наиболее ранние из которых, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, относятся ко времени Романа I (920-944) [108, с. 100, 101], таким образом, «если принять раннюю дату памятника, то надо полагать, что в течение четырех или пяти столетий в храме не производилось погребений – случай единственный в своем роде» [137, л. 8].

На наш взгляд, предложенная О.И. Домбровским система доказательств, основанная на изучении стратиграфии участка и свидетельствующая в пользу строительства храма после X в., точнее, в конце XI – XII вв., выглядит вполне убедительно, и утверждение С.Б. Сорочана о том, что она «строилась, на основании относительно поздней поливной керамики, монет Василия I и монет с «ро» второй половины XI – XIII вв.», «найденных в засыпи, покрывавшей храм, а также в кладке и под основанием некоторых внутренних стен», не соответствует действительности [107, с. 867]. То же можно сказать и по поводу ссылки исследователя на Д.В. Айналова, который, якобы, писал о том, что «остальные части храма (имеются в виду все части храма, кроме северного помещения крещальни и северной части алтаря) лежали в траншеях на глубоких фундаментах, впущенных в нивелировочные засыпи с материалом ранневизантийского времени, перекрывавшие орхестру античного театра и соответствовавшие рельефу» [107, с. 867, ссылка 733]. На указанной С.Б. Сорочаном странице Д.Б. Айналов пишет лишь о том, что «северное помещение и северная часть алтаря лежат на фундаментах, выдолбленных в материковой скале» [140, с. 73]. Нет у него упоминания о ранневизантийской нивелировочной засыпи и на других страницах, посвященных описываемому храму [140, с. 73-78], да и не могло быть, т.к. открывший храм К.К. Косцюшко-Валюжинич,

на отчет которого Д.Б. Айналов ссылается, хотя и раскопал до скалы южное крыло храма, ничего об этом не пишет.

Неубедительно звучит и аргумент С.Б. Сорочана о том, что ограда храма прошла над рыбозасолочной цистерной с засыпью первых вв. н.э., и о том, что на участке была открыта еще одна рыбозасолочная цистерна, засыпанная, по мнению автора, не ранее конца VI в. «в связи с планировкой участка под предстоящее строительство», который исследователь использует в качестве доказательства датировки храма ранневизантийским временем. Хорошо известно, что огромное число поздних стен и помещений стоит на цистернах с ранневизантийской засыпью, из чего, однако, не следует, что они были построены сразу после их засыпи. К слову сказать, странно звучит предложенное исследователем обоснование датировки засыпи второй цистерны временем не ранее конца VI в. наличием в ней «94 ножек стеклянных рюмкообразных сосудов» [107, с. 867], что само по себе, вне комплекса, в качестве аргумента использовано быть не может. Здесь стоит упомянуть и тот факт, что рыбозасолочные цистерны в ранневизантийское время засыпались не только в районе строительства христианских храмов, а по всему городу, и засыпались они не только в ранневизантийское время, но и значительно позже, в частности на театральном участке, к востоку от храма были открыты еще две цистерны и колодец, в заполнении которых найден материал, аналогичный материалу из засыпи под храмом (обломки амфор с мелким зональным рифлением, кувшинов с плоскими ручками и поливной белоглиняной посуды с глазурью оливкового цвета [141, л. 20]), т.е. они были засыпаны одновременно с общей нивелировкой участка, произведенной, по мнению О.И. Домбровского, до строительства храма.

Дата, полученная в результате изучения стратиграфии участка, в общем подтверждает датировку А.Л. Бертье-Делагарда, который по историко-архитектурным соображениям также относил данный памятник к XI-XII вв. [137, л. 18-19]. К сожалению, подробная аргументация А.Л. Бертье-Делагарда, изложенная им в частной переписке с К.К. Косцюшко-Валюжиничем [45, с. 40], в настоящее время недоступна из-за ветхости писем, но одним из аргументов, несомненно, была схожесть планов храма с ковчегом и храма на центральной площади с планом построенной в XI-XII вв. церкви св. Петра и Марка в Константинополе[18].

Этим же временем датирует храм Ю.Г. Лосицкий, по замечанию которого, «все территориально близкие к Крыму аналогии, а именно: церкви в селах Бобошево и Сепарева Баня (Болгария), храм в Нине (Югославия), Сентинс-

[18] Правда, в работе 1907 г. «О Херсонесе» исследователь, ориентируясь на дату рельефа на бассейне и найденного под престолом серебряного ковчега, дает другую дату строительства рассматриваемого храма – VII-VIII вв. [142, с. 68], но, как уже неоднократно отмечалось, эти находки в качестве обоснования даты строительства храма использованы быть не могут.

кий храм (Карачаево-Черкессия) и другие относятся именно к XI-XII вв. Этим же временем датируется крестообразный храм, открытый в 1981 году в Крыму на южном склоне Мангупа» [51, с. 29].

На каком-то этапе храм претерпел значительную перестройку, после которой он продолжал функционировать, хотя и в сильно урезанном виде: были заложены окна в западном крыле, сооружены бутовые стены, отделившие западную и южную ветви креста от центральной части храма, с которой они сообщались через дверные проемы; заложены двери, ведущие в помещение с бассейном из северной ветви креста и со стороны алтаря, заложена дверь, ведущая на улицу из северного крыла храма (рис. 23). После всех перечисленных перестроек центральная часть храма получила Г-образную форму, и в него теперь можно было войти либо через центральный вход, пройдя через западную ветвь креста, отделенную от собственно храма бутовой стеной с дверным проемом, либо через дверь в западной стене южной ветви креста, которая, по-видимому, теперь служила притвором храма, а затем через дверь в его северной стене – в центральную часть храма, а через дверь в восточной – в помещение справа от алтаря.

Трудно сказать, были ли совершены все эти перестройки одновременно или в разное время. На наш взгляд, дверные проемы, отделявшие помещение слева от алтаря и западную ветвь от центральной части храма, были заложены после того, когда там стали производить захоронения прямо на полу: огромное количество костей лежало в беспорядке в обоих помещениях, а в помещении слева от алтаря кости были скучены даже внутри и сверху бассейна [108, с. 104].

Исследователи, датирующие строительство храма ранневизантийским временем [143, с. 200; 107, с. 857-875; 58, с. 204], относят эту перестройку ко времени после пожара конца X в., во время которого храм, как и весь город, значительно пострадал, но был восстановлен. Однако, на наш взгляд, более вероятно, что храм был сильно поврежден во время пожара XIII в., после которого он был восстановлен для проведения в нем богослужения, т.к. какая-то жизнь в городе все же продолжалась, о чем говорят письменные источники, разрозненные поздние находки и некоторые, хотя и весьма жалкие постройки, в частности дом 1972 года (см. ниже). Такому варианту, кстати, более соответствует характер уже описанных погребений в западной ветви храма и в помещении с бассейном. Трудно представить, чтобы жители города в довольно благополучное время, которое Херсон переживал в XI-XII вв., могли позволить такие небрежные захоронения. А вот после пожара XIII в., после которого город практически прекратил свое существование, такое было возможно. Аналогичные массовые захоронения погибших во время этого пожара были зафиксированы в некоторых приходских храмах Северного района города. К примеру, одно из них было обнаружено в храме, расположенном в квартале X-А в центре усадьбы 6: внутри него на полу сплошным слоем толщиной 0,7 м

лежали костяки, среди которых было много детских. На некоторых были следы горения. После погребения дверь храма просто заложили [144, л. 22, 24].

Окончательно храм, по свидетельству К.К. Косцюшко-Валюжинича, сгорел также во время очень сильного пожара, когда пострадали все части храма, хотя несколько меньше огонь повредил боковые помещения и описанную общую усыпальницу у главного входа [108, с. 104], что произошло благодаря заложенным дверям II, III и IV и поперечным стенам, отделявшим южную и западную ветви креста[19]. В центральной части храма «пласт, лежащий сверху пола, между последним и остатками обрушившихся стен, представлял собой волнообразные наслоения горелой извести и мелкого угля» [108, с. 100].

Территория вокруг Храма с ковчегом. После возведения Храма с ковчегом утрачивает прежнее значение небольшой одноапсидный храм, т.н. храм 1958 года, строительство которого авторы раскопок относили приблизительно к VIII в.[20] В пользу такой датировки, по их мнению, свидетельствуют ориентация храма на северо–северо-восток, совпадающая с планировкой ранневизантийского квартала, и нивелировочная засыпь, датирующаяся V-VII вв. [145, л. 37; 146, л. 9-10, 13]. В любом случае храм 1958 года появился ранее Храма с ковчегом, о чем свидетельствует частичное разрушение фундаментами последнего ряда могил, связанных, судя по одинаковой ориентации, с храмом 1958 года [139, с. 40].

Храм претерпел перестройку, которую авторы раскопок относят ко второй половине IX – XI вв.[21]: был сильно повышен уровень пола (засыпь, подстилавшая плиты пола и перекрытия могил внутри храма и повысившая уровень дневной поверхности снаружи, содержала фрагменты белоглиняной поливной керамики и кувшинов с плоскими ручками [145, л. 38]). Не исключено, что в какой-то момент храм в качестве семейной усыпальницы был включен в примыкавший к нему с западной стороны жилой комплекс, возведенный в X в. Одно из помещений комплекса, имевшее, по-видимому, хозяйственное назначение, имело два выхода: один на площадку перед храмом, второй – через лестницу в пять ступенек – на северо-западную сторону дома. Пол помещения, на котором были найдены обломки кувшинов с плоскими

---

[19] При этом следует отметить, что мраморный пол храма как в центральной части, так и в южной и северной ветвях пострадал одинаково: от него остались одни обломки, а во многих местах – «лишь обгорелое бетонное основание, на котором были положены плиты», что, возможно, объясняется тем, что сразу после катастрофы начала XIII в., до того, как началось восстановление храма, более или менее сохранившиеся мраморные плиты пола просто были сняты для каких-то других восстановительных работ.

[20] Хотя храмы подобного типа строились в основном после X в., в Крыму известны однонефные храмы, построенные в VIII-IX вв. [18, с. 292].

[21] С мнением авторов раскопок не согласна А.И. Романчук, которая к этому времени относит не перестройку храма, а его строительство [см. 13, с. 170].

ручками, белоглиняных поливных тарелок, фигурный замок в виде собаки и пифос с остатками соленой рыбы, был перекрыт полом нового помещения, стены которого, частично совпадающие со стенами более раннего, были пристроены к храму 1958 года. Возможно, в это же время до уровня пола нового помещения был поднят порог храма [139, с. 40].

Судя по находкам в строительном завале большого количества фрагментов поливной посуды, которые авторы раскопок датировали XIII-XIV вв., функционировал храм до конца жизни города [139, с. 37, 39].

Пространство вокруг Храма с ковчегом в течение какого-то времени не застраивалось и служило более или менее широкой площадью, отделенной от жилой застройки, расположенной к северу от нее, оградой, под которую были использованы остатки частично перестроенной анфилемы античного театра. Кроме того, была открыта стена, параллельная юго-восточным стенам храма, также, по-видимому, служившая его оградой [138, л. 11; 147, л. 2]. С ограничивающей квартал с северо-восточной стороны поперечной улицы к нему можно было попасть по небольшому проулку.

В поздний период пространство вокруг Храма с ковчегом начинает застраиваться домами, ориентированными не на храм 1958 года, а на Храм с ковчегом, в результате чего ориентировка всего участка сместилась почти на 45 градусов [138, л. 10; 139, с. 39]. К востоку от апсиды открыт угол здания XIII в., большая часть которого была, по всей видимости, разрушена при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. [141, л. 18]. В слое разрушения здания найдены фрагменты поливной красноглиняной керамики с врезным орнаментом [148, л. 25]. Скорее всего, в сильном пожаре XIII в. погибли дом 1976 года [149, л. 16-17, 19] и помещение с выложенным плинфой полом, обнаруженные к юго-востоку от храма 1958 года: керамический материал, как в слоях, соответствующих дневной поверхности времени жизни зданий, так и в слоях ниже уровня полов, датируется XII-XIV вв.

Еще одно здание (дом 1970 года) с подвалом под одним из его двух помещений было открыто к юго-востоку от входа в Храм с ковчегом. Судя по «позднесредневековой» керамике и черепице, найденной в яме, в которую были впущены фундаменты одного из его помещений, дом, возможно, был построен одновременно с Храмом с ковчегом или несколько позже, а погиб, судя по материалу из слоя пожара, в XIII в. [141, л. 22, 23, рис. 23а,б,в, 24, 25; 150, л. 22; 151; 150, л. 16-21, рис. 103-112].

В XII в. был построен и дом, открытый напротив главного входа в Храм с ковчегом (дом 1964 года). Он состоял из трех помещений и двора, в котором обнаружены остатки очага и небольшой пифос [61, л. 10; 60]. В доме выявлено два пола, указывающие на два периода его жизни. Находки (под нижним полом найдены два энколпиона и куски фигурной медной цепи от паникадила, над верхним в завале – бронзовая кацея с изображением Христа [61, л. 10])

указывают на то, что в нем мог жить священник, служивший в Храме с ковчегом. Южной своей стороной дом выходит на площадь перед небольшим одноапсидным храмом (храм 1970 года), фундамент которого был впущен в слой, датируемый авторами раскопок XII в. [141, л. 24; 90, л. 27, 86; 152, л. 51].

Кроме того, в ходе исследований были выявлены и некоторые другие разрозненные кладки, которые можно датировать XII-XIII вв.: восточнее алтаря [138, л. 11; 153, л. 13], к юго-востоку и югу от Храма с ковчегом [90, л. 25-26; 136, л. 52], у восточной стены храма 1958 года [154, л. 4] и т.д.

Территория за пределами ограды храма (к северо-западу, северу, северо-востоку, востоку и юго-востоку от него), северо-западной своей стороной выходящая на главную улицу Херсонеса, была раскопана К.К. Косцюшко-Валюжиничем [14, с. 44]. Судя по плану (рис. 4) и описанию участка, усадьбы, прилегающие к главной улице, были построены с учетом ее направления, а фундаментами некоторых помещений служили стены «римско-византийской эпохи». Квартал, расположенный далее к югу от Храма с ковчегом и также относимый раскопавшим их К.К. Косцюшко-Валюжиничем к поздневизантийской эпохе, был построен под углом к нему и к поздним постройкам, открытым на прилегающей к храму территории [14, табл. II]. Возможно, частично такую разную ориентацию усадеб можно объяснить террасированием этой части городища и расположением одновременных жилых построек на разных уровнях [155, с. 392].

Не исключено, что застройка театрального участка, наряду с кварталами Портового района, была частично восстановлена после разгрома Херсонеса в XIII в. Об этом свидетельствует засыпь цистерны 2, открытой в северо-восточном секторе участка К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В ходе исследования цистерны в 1996 году И.А. Барановым в ее заполнении были выявлены обломки амфор XII-XIII вв., в том числе с дуговидными ручками, и красноглиняной поливной посуды с орнаментом граффити, равномерно представленные по всей толще ее заполнения. Одновременно с засыпкой цистерны в нее были впущены кладки поздневизантийских построек [156, л. 4-5].

Подтверждением тому, что какое-то строительство здесь велось и в XIII в., служит материал из открытой на участке к востоку от апсиды Храма с ковчегом небольшой цистерны, содержавшей фрагменты амфор с дуговидными ручками, а также набор разновесов, состоящий из пяти плоских входящих одна в другую чашечек и чашечки маленьких рычажных весов [141, л. 20].

На этом же участке открыты остатки сооружений, которые, судя по стратиграфии, можно отнести к последнему периоду существования города. Здесь были выявлены две кладки, залегавшие на разной глубине. Нижняя, погруженная в слой с поливной керамикой XII-XIII вв. и подошвой фундамента касавшаяся насыпного слоя IX-X вв., была перекрыта мощным слоем с обломками поливной керамики XIII-XIV вв. (датировка авторов раско-

пок), на котором, в свою очередь, покоилась подошва самой поздней кладки на данном участке, от которой сохранился лишь небольшой обрывок [61, л. 11].

Еще одна постройка, по всей видимости, относящаяся к последнему периоду жизни Херсонеса, была открыта к юго-востоку от восточной стены храма 1958 года на расстоянии 2,5 м от его южного угла. Керамический материал, как в слоях, соответствующих дневной поверхности времени жизни здания, так и в слоях ниже его пола и даже фундамента, датируется XII-XIV вв. [154, л. 1-2]. К северо-востоку от храма 1958 года была выявлена кладка несохранившегося дома, относящегося, по мнению авторов раскопок, ко времени более позднему, чем перекрытый ею дом 1975-1976 годов [149, л. 4].

Следы застройки, которую авторы раскопок отнесли ко времени после катастрофы XIII в., выявлены и на участке, непосредственно прилегавшем к оборонительной стене [63, л. 38-40]. В позднейший период здесь вплотную к оборонительной стене в нарушение требований, предъявляемых к обороне города, построили небольшой дом (т.н. «дом 1972 года») [136, л. 4], состоявший из одного помещения, одной из стен которого служила оборонительная стена [63, л. 38].

В заключение следует отметить, что в театральном районе раскопки на протяжении многих лет велись не широкими площадями, а небольшими расположенными в разных местах участками, к которым в разные годы делались небольшие прирезки. Ранее раскопанные объекты периодически доследовались, помещения одного и того же здания раскапывались в разные годы, иногда даже с перерывом в несколько лет и т.д. В результате информация даже об одной постройке часто разбросана по разным отчетам, причем одни и те же помещения и кладки иногда идут с разными обозначениями. Все это привело к тому, что понять стратиграфию описываемого района чрезвычайно трудно. Кроме того, приведенные датировки керамики и, соответственно, открытых построек требуют уточнения на основе последних разработок, что должно стать объектом специального исследования.

Северо-восточный район

Северо-восточный район составляют кварталы, расположенные к северо-востоку от центральной площади города по обе стороны его главной улицы, включая два квартала (кварталы IV и V), занятые комплексом кафедрального собора, т.н. Уваровской базилики. Исследование района было начато в 80-х годах XIX в. Одесским обществом истории и древностей, раскопавшим несколько помещений. Однако большая его часть была раскопана в 1908-1913 гг. Р.Х. Лепером, который открыл 9 кварталов, расположенных на северной стороне главной улицы. К сожалению, кроме дневников, планов и описей находок какой-либо подробной документации о проведенных раскопках исследователь не оставил. Кроме того, возвращаясь к раскопкам отдельных помещений, Р.Х. Лепер каждый раз менял их нумерацию, а открытые им постройки, сложенные из бута и грязи, к настоящему времени сильно разрушились

и далеко не всегда дают возможность восстановить первоначальный план помещений. Тщательную работу по восстановлению планировки кварталов I-III и интерпретации выявленных там поздних строительных остатков выполнил А.Л. Якобсон [39, с. 48-100], исследование которого мы использовали при описании района. В 1956 г. И.А. Антоновой был раскопан участок застройки к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами [85]. Наконец, в конце XX – начале XXI вв. начались раскопки кварталов, расположенных в районе Восточной базилики. Такова вкратце история изучения Северо-восточного района Херсонеса.

Логично предположить, что описываемый район, занимавший выгодное положение рядом с комплексом кафедрального собора, центральной площадью и портом, начал отстраиваться после катастрофы конца X в. одним из первых. Однако дату строительства усадеб удалось определить только в нескольких случаях. Отчасти это связано с тем, что горожане, выравнивая поверхность перед возведением новых построек, почти всегда снимали до скалы строительные остатки и слои предшествующих периодов, не оставляя ничего, что могло бы помочь в датировке нового строительства. Кроме того, ситуация осложняется еще и тем, что большая часть района была раскопана без должной фиксации материала, и описание слоя, подстилающего полы поздних помещений, встречается крайне редко.

Усадьбы, время строительства которых удалось установить, были построены в разное время. Скорее всего, сразу после пожара конца X в. был отстроен участок к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами. В ходе строительства были использованы стены, сложенные вперевязь из крупных хорошо обработанных блоков размером 55х65х85 см и сохранившиеся, по всей видимости, от какой-то более ранней постройки. К ним впритык были пристроены стены, сложенные уже в обычной для позднего города технике из мелкого бутового камня без подтески со скрепляющими кладку деревянными балками [85, л. 12-13]. Возможно, вскоре после пожара конца X в. был построен комплекс VI в квартале I, состоявший из помещений 9а-12а (рис. 24). Одно из помещений комплекса (10а) было построено на развалинах более раннего, разрушенного в конце X в.: юго-восточная стена «стоит на завале из черепиц, отчасти камня», а «в юго-восточной части в мягкой земле обнаружены обломки черепицы и простых сосудов, поливные донышки с рельефным узором, внизу остатки стены». Если исходить из того, что в ходе восстановления города были разобраны на строительный материал все кладки разрушенных в конце X в. построек, то можно предположить, что усадьба, построенная на руинах более раннего здания, возникла вскоре после катастрофы, хотя, конечно, бесспорным доказательством это служить не может.

Возможно, сразу после катастрофы конца X в. появляется и комплекс 2 в квартале III (рис. 25). Северо-западная стена помещения 15 усадьбы,

сложенная правильными рядами из довольно правильных блоков камня на цемянке, относится к более раннему времени и в ходе строительства поздневизантийского комплекса была дополнена до нужной высоты обычной для поздневизантийского времени бутовой кладкой на грязи [39, с. 69].

То же можно сказать и о времени появления квартала XCVII, непосредственно под подошвой которого были открыты строительные остатки и напластования культурного слоя, который авторами раскопок был широко датирован второй половиной/концом IX – началом/первой половиной XI вв. В слое выявлены фрагменты кувшинов с плоскими ручками, а в помещении 7 – клад из 548 монет, основная масса которых относится к IX-X вв. [76, с. 280, 283-284]. Правда, по мнению авторов раскопок, впрочем, никак не аргументированному, планировка квартала полностью изменилась в начале XII в.[22], когда квартал приобрел тот вид, который сохранял до пожара XIII в. [76, с. 285].

Разные даты строительства усадеб на участках, прилегающих к главной улице, свидетельствуют о том, что восстановление города даже в его центральной части происходило крайне неравномерно. В первую очередь застраивали наиболее удобные или важные по каким-то причинам участки, и на ранних этапах район, скорее всего, представлял собой пустырь с развалинами домов, разрушенных в конце X в. и активно разбиравшихся на строительный материал. Сначала на пустыре появлялись отдельно стоящие усадьбы, пространство между которыми постепенно заполнялось по мере застройки района. Ярким примером «встройки» новой усадьбы между уже существующими является комплекс VI (помещения 30, 31, 32, 36 и еще три помещения без номеров) в квартале III (рис. 25), который занял узкую полосу между двумя усадьбами, что определило его вытянутую вглубь квартала форму и неправильную форму двора, сужающегося к юго-восточному краю и переходящего в узкий коридор-закоулок [39, с. 76]. Еще один интересный пример постепенной застройки выявлен в квартале II (рис. 26), где сначала оставленный незастроенным сквозной проход между II и III поперечными улицами позже был частично застроен и превращен в жилой дом, для чего его северо-восточную часть разделили на три части стенами, сложенными из бутового камня насухо, впритык к основным стенам [39, с. 61].

Постепенно застраивался, судя по всему, и квартал I (рис. 24), где сначала, по мнению А.Л. Якобсона, была построена усадьба, состоящая из помещений 12-15, 27 (комплекс III), к которой несколько позже была пристроена усадьба, состоящая из помещений 6-10 (комплекс II), о чем свидетельствует притык стен последнего к стенам комплекса III [39, с. 50-51]. Однако, на наш взгляд, более логично предположить, что раньше построили комплекс II,

[22] В более ранней работе авторы раскопок датировали строительство дома более поздним временем – концом XII – началом XIII вв. [157, с. 182].

оставляя небольшую площадь перед храмом свободной. Но дальше предположений из-за отсутствия каких-либо археологических данных мы в данном случае идти не можем. Не подлежит сомнению только тот факт, что усадьбы были построены в разное время.

Аналогичный характер застройки после катастрофы конца X в. наблюдается по всему городу, что свидетельствует об отсутствии какого-то генерального градостроительного плана. Город застраивался постепенно: сначала усадьбы возводились там, где было удобнее и выгоднее, а позже там, где было место. Однако следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие единого плана застройки, усадьбы строились, хотя и в разное время, но строго в рамках кварталов предшествующих периодов.

Как уже упоминалось, несмотря на весьма привлекательное и выгодное расположение района, он ничем качественно не отличался от остальных районов города. Единственное возможное отличие – это большее количество двухэтажных помещений. А.Л. Якобсон наличие вторых этажей определяет по наличию уступов на стенах, служивших опорой деревянного перекрытия, являвшегося полом верхнего помещения, и по отсутствию дверных проемов в стенах помещений, в которые, таким образом, можно было попасть только по лестнице с верхнего этажа. Так, в квартале I (рис. 24) вторые этажи, по мнению А.Л. Якобсона, имели три (помещения 6, 8, 7) из четырех крытых помещений комплекса II; все три помещения, входящие в состав усадьбы IV; одно (помещение 7) из шести помещений усадьбы V (об остальных помещениях, раскопанных ООИД, сказать что-либо определенное нельзя за недостатком сведений); три (помещения N, M, L) из 5 крытых помещений комплекса VII [39, с. 49-55]. В квартале II (рис. 26) наличие вторых этажей предполагается в помещениях R-S и V, примыкающих к III поперечной улице; в помещениях E и F, входящих в состав небольшого комплекса H-G-F-E; в помещениях 20 и 22 комплекса 19-20-21-22-35; в помещениях 25, 44 и 49 комплекса 32-23-24-25-44-49 [39, с. 56-65]. В квартале III (рис. 25) вторые этажи, по-видимому, имели два из пяти помещений усадьбы 1; два из пяти крытых помещений усадьбы II; два из семи помещений усадьбы V; одно из двух крытых помещений усадьбы VI [39, с. 65-89]. Однако следует заметить, что в большинстве случаев нижние этажи не были полноценными. Скорее, там располагались помещения с очень низкими потолками, как бы подклети, служившие кладовками, в которых хранился различный инвентарь и запасы продуктов.

Особенностью Северо-восточного района было наличие довольно большой площади, которой заканчивалась главная улица города. В рассматриваемое время здесь в дополнение к Восточной базилике и крестообразному храму при ней строят еще четыре небольших храма: один пристраивается к южной стене базилики, второй – между ее апсидой и крестообразным мавзолеем, третий – к югу от базилики и последний – на противоположной стороне площади [13, с. 163].

Помимо обычных, ничем не выделяющихся жилых усадеб, в районе открыто несколько интересных комплексов. В квартале I – это комплекс IV, в состав которого входили три больших помещения, в том числе совмещавшее в себе функции ремесленной мастерской и лавки (помещение 4а) (рис. 24) [39, с. 51]. На главную улицу оно открывалось широким входом, ограниченным двумя короткими, уходящими вглубь помещения стенами, образующими две боковые каморки. Напротив входа у стены имелись большая сводчатая печь и обложенная камнем хозяйственная яма, здесь же были найдены остатки двух пифосов, каменная ступа и корыто [12, с. 24; 39, с. 52, 55-56]. Каких-либо признаков связи помещения с остальными частями усадьбы выявлено не было, хотя, возможно, здание было двухэтажным, и этажи сообщались посредством деревянных лестниц. Инвентарь двух других помещений комплекса включал обычные для поздних усадеб Херсона вещи: пифосы, каменную ступку, жернов, фрагменты поливной посуды [39, с. 51].

Еще один необычный комплекс был открыт в северо-западной части квартала II. В его состав входили небольшой приходской храм и три примыкающие к нему помещения (помещения A, B и C), представляющие собой почти сплошную усыпальницу (рис. 26). Судя по наличию большого количества черепицы, все помещения были перекрыты кровлей, а помещение A имело арку из тесаных камней «с узорами» [12, с. 64]. К усыпальнице вела небольшая крытая галерея (D-Q) (также с погребениями), стены которой, судя по находке «кусочков штукатурки разной краски (красной, зеленой, желтой)», были расписаны фресками [39, с. 56, 58]. По монетам, большая часть которых относится к X в., А.Л. Якобсон датирует строительство часовни временем, непосредственно предшествующим пожару конца X в. Возможно, уже в то время часовня была окружена рядом погребений, а усыпальницы A, B и C появляются уже в ходе восстановления комплекса.

К числу наиболее интересных в районе относится квартал III с общественной баней на внутриквартальной площади, двумя обжигательными печами и часовней (рис. 25). В восточном углу квартала располагалось изолированное помещение XV с непосредственным выходом на III поперечную улицу. Помещение никак не было связанно с соседним комплексом часовни и примыкающей к нему усадьбой V, к стенам которой впритык оно было пристроено. В северо-западной части выявлена яма с монетами V и X вв., а среди находок, помимо обломков черепицы, преобладали фрагменты красноглиняной поливной посуды. Хотя каких-либо других сведений о помещении в дневнике нет [39, с. 74], можно предположить, что это было помещение для сдачи внаем, например, под лавку. Подобная практика была широко распространена на территории Византии [75, p. 22]. Торговый характер, по мнению К.Э. Гриневича, имели и 6 помещений квартала, выходящих на одну из самых оживленных артерий города – V поперечную улицу, которая вела к комплексу кафедрального

собора [12, с. 77]. Центральную часть «комплекса с часовней», по определению А.Л. Якобсона [39, с. 74], занимает высеченное в скале позднеантичное или ранневизантийское сооружение, подробному анализу которого посвящено множество работ. В интересующий нас период на его месте построили небольшой одноапсидный храм, который служил приходской церковью для жителей III квартала. Храм вместе с двумя помещениями, расположенными к югу и северо-западу от него [39, с. 74], возможно, составлял монастырь-меморий (рис. 7) [58, с. 207-209], который с юго-западной стороны был ограничен проулком, ведущим с главной улицы к бане.

Интересный фрагмент застройки был открыт в 1956 году в северо-восточном углу квартала, расположенного к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами. Она включала две усадьбы, все помещения которых были двухэтажными, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся каменные лестницы, а широкие дверные проемы (1,40, 1,55 и 1,75 м) нескольких помещений, выходившие на главную и III поперечную улицы, говорят об их торговом назначении [85, л. 3-5].

Судя по идентичности находок из слоя пожара, открытого в Северо-восточном районе города, с находками из слоя пожара Северного и Северного прибрежного районов, кварталы, расположенные вдоль главной улицы Херсонеса, погибли вместе с остальной частью города в XIII в. Однако не исключено, что продолжал функционировать храм в квартале I. В пользу такого предположения говорят устройство возле его юго-западной стены гробницы, которая перегородила юго-западный вход, заложенный в связи с этим, и находка в гробнице золотоордынской монеты [12, с. 30; 39, с. 48].

Северный район

Значительно больший объем информации мы имеем о Северном районе, расположенном к западу от комплекса кафедрального собора и граничащем с юго-восточной стороны с центральной площадью. Некоторые участки района были открыты еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Однако большая его часть раскопана в 80-90-е гг. XX в. экспедицией Херсонесского заповедника под руководством С.Г. Рыжова, продолжающего исследование района и в настоящее время. К сожалению, южная часть кварталов, расположенных на южной стороне 2 продольной улицы, оказалась под монастырскими постройками XIX в. и недоступна для изучения.

Район расположен на территории с понижающимся к западу рельефом. Причем по VIII поперечной улице проходит как бы водораздел между его западной и восточной частями: если к востоку от нее понижение едва заметно, то к западу рельеф падает довольно резко. Это послужило причиной террасной застройки участка, что видно по уровню смежных дворов усадеб в квартале X-А: двор усадьбы 1 на 0,9-1,0 м выше подошвы двора усадьбы 2 [144, л. 2].

Как и в других районах города, здесь в основном сохранилась градостро-

ительная сетка кварталов, заложенная еще в IV в. до н.э., хотя следует отметить, что направление II продольной улицы слегка изменилось. Поздневизантийские дома, ограничивающие улицу с севера и юга, частично стоят на скале, а частично – на остатках стен более раннего времени, по-видимому, IV-III вв. до н.э. Причем фундаменты ранних домов на южном конце улицы выступают наружу, а через 7 м уходят под средневековые стены [83, л. 18]. Восточная стена помещения 1, расположенного в квартале VIII на пересечении VI поперечной и II продольной улиц, стоит на остатках эллинистических стен, от которых сохранились бутовый фундамент на глиняном растворе и один ряд рустованных блоков, уложенных плашмя. Северная стена не совпадает с направлением античных стен и стоит под углом к ним, поэтому здесь, на протяжении 9,3 м по II продольной улице, виден фундамент эллинистического дома [97, л. 8]. Но в основном средневековые дома не выходили за границы кварталов, установившихся здесь на раннем этапе строительства [110, л. 43-44]. Исключение составляет только квартал X-А, образовавшийся в результате слияния двух античных кварталов путем застройки поперечной улицы (рис. 27). На ее месте появляется усадьба 3, которая в силу своего расположения приобрела весьма необычную планировку: все ее помещения, включая двор, находятся на одной осевой линии, идущей от II продольной улицы вглубь квартала [24, с. 304]. Что же касается остальных кварталов, то в них, как правило, было по 4-6 жилых усадеб, составлявших единый блок [24, с. 290].

Материала, позволяющего определить время застройки района, сохранилось чрезвычайно мало. Исключение составляет, пожалуй, только квартал VIII, примыкающий с восточной стороны к комплексу кафедрального собора, а с южной – к центральной площади города (рис. 28). В квартале были открыты три печи для обжига черепицы, построенные, по-видимому, после пожара конца X в. и перекрытые внутриквартальным двором и помещением 1 поздневизантийской усадьбы. Печи должны были удовлетворить огромную потребность в кровельной черепице, возникшую в ходе восстановительных работ, которые развернулись в центре города и вызвали необходимость возведения печей в непосредственной близости от стройки[23]. Печи входили в состав комплекса, от которого сохранились подвал, засыпанный при строительстве позднейшей усадьбы, водосток и колодец [97, л. 10]. Судя по материалу из засыпи одной из печей, мастерская прекратила работу в конце XII – начале XIII вв. [24, с. 294]. Следовательно, квартал начал застраиваться не ранее этого времени.

[23] О том, что значительная часть района некоторое время после катастрофы конца X в. служила своего рода строительной площадкой, на которой, кроме изготовления кровельной черепицы, отесывали камень и, возможно, производили еще какие-то подготовительные строительные работы, свидетельствует слой отеса толщиной около 2 см, обнаруженный под вымосткой двора усадьбы 1 в квартале X-А [144, л. 10-11].

На остальной территории квартала строительные остатки предшествующего периода были практически полностью разобраны, и большая его часть стояла на слое и остатках разрозненных стен IV-III вв. до н.э. Однако некоторые, хотя и незначительные, следы наличия здесь более ранней жилой застройки все же выявлены. Так, под фундаментом стены, разделявшей помещения 9 и 9а, выявлена яма с большим количеством костей домашних животных и фрагментов белоглиняной керамики IX-X вв. с подглазурной росписью красной и черной красками. Фрагменты ранневизантийского слоя и слоя X и XI вв. были открыты и на некоторых других участках [97, л. 5-6].

Остальные кварталы стояли на аморфной нивелировочной засыпи, состоящей из земли, мелких фрагментов посуды, костей, раковин и мелких камней при почти полном отсутствии в ней крупных фрагментов керамики, что затрудняет определение даты застройки территории. Самый поздний среди выявленных редких крупных фрагментов принадлежал поливной белоглиняной миске с росписью брызгами XI-XII вв., а самая поздняя монета из засыпи относится к чекану конца XI – начала XII вв. [81, с. 183, рис. 17,1-2].

Расположение района рядом с кафедральным собором и центральной площадью города определило наличие в нем значительного количества усадеб, заслуживающих особого внимания. Одна из таких усадеб располагалась в западной части квартала X (рис. 29). В ее состав входили два двора, в том числе с колодцем и печью для выпечки хлеба, небольшой храм, 8 помещений и грушевидная цистерна. Большинство костяков, открытых в могилах, устроенных под полом храма, принадлежало людям пожилого возраста. Кроме того, среди них выявлены костяки со следами различных увечий и врожденных деформаций (сильные искривления позвоночника, недоразвитые суставы конечностей, неправильно сросшиеся кости скелета, горбы и т.д.). Все это позволяет видеть в открытой усадьбе богадельню, предназначенную для калек, увечных и одиноких пожилых людей. Обитатели богадельни сами выпекали хлеб – найдено 9 жерновов; во дворе, занимавшем центральную часть комплекса, открыты колодец и печь для выпечки хлеба, а в одном из помещений – грушевидная цистерна для хранения зерна глубиной до 5 м. Часть хлеба, возможно, продавалась в лавке, выходящей на II продольную улицу [24, с. 296]. Подобные учреждения, хорошо известные по письменным источникам и, несомненно, имевшиеся в каждом византийском городе, до сих пор нигде археологически выявлены не были [56, с. 71; 1, p. 647]. Тем больший интерес представляет комплекс, открытый в квартале X. При этом важно отметить, что располагался он недалеко от кафедрального собора Херсонеса – Уваровской базилики[24].

[24] Близость кафедрального собора послужила Т.Ю. Яшаевой одним из аргументов в пользу предположения о наличии в соседнем квартале VIII общины благоверных жен, «одним из послушаний которых, вероятно, было приготовление просфор для близлежащих храмов и го-

Еще одна необычная усадьба была открыта в соседнем квартале X-А [100, с. 168-180] (рис. 27). Это самая большая (примерно 500 м^2) из средневековых усадеб, исследованных к настоящему времени в Херсонесе. 8 помещений комплекса, отличающиеся от помещений, составляющих соседние усадьбы, большими размерами и сообщающиеся друг с другом широкими дверными проемами, размещены вокруг двора, площадь которого достигает 144 м^2, что в два-три раза больше площади обычных херсонесских дворов. Во дворе, вымощенном плоскими известняковыми плитами разных размеров и форм, имелась крытая галерея шириной 1,7 м с печью для приготовления пищи. В его западном углу найдены остатки туалета и «мусоропровод», представлявший собой «трубу», сделанную из каменного блока высотой 1,1 м и соединенную с каналом, идущим из туалета к уличному магистральному водостоку.

В двух помещениях усадьбы имелись подвалы, причем площадь одного из них достигает 36 м^2. Над ним, судя по находкам, располагалась торговая лавка, а соседнее помещение и помещения вдоль восточной стороны двора служили кладовками. Наличие лавки в усадьбе подтверждается находками: в подвале стояли 3 пифоса, около 25 амфор и большое количество разнообразной посуды. Кроме того, был найден безмен, чашечки для весов и два бронзовых набора разновесов.

Размеры усадьбы, обширный двор, наличие большого количества складских помещений, по мнению автора раскопок, дают основание полагать, что усадьба выполняла не только торговые функции, но и являлась своего рода постоялым двором для приезжавших в Херсонес торговцев[25]. Для их размещения имелись склады, жилые комнаты, располагавшиеся на втором этаже, навес

родских монастырей» [58, с. 209-210]. Основанием для такого предположения послужили находки в помещениях 6 и 7а каменной ступы, двух жерновов и небольшого обломка керамического штампа. Однако, ступы и жернова присутствуют практически в каждой усадьбе города [158, табл.], а упомянутый штамп относится, скорее всего, к ранневизантийскому времени (устная консультация В.Н. Залесской). Естественно, что перечисленные находки не могут быть использованы для обоснования предположения о проживании в усадьбе общины «полумонашеского типа», т.к. ее инвентарь ничем не отличается от инвентаря других усадеб города.

[25] Недавно предложенная Т.Ю. Яшаевой интерпретация описываемого комплекса как странноприимного дома не выдерживает критики: во-первых, четко выраженный запрет на строительство постоялых дворов на городских улицах и площадях содержится только в трактате Юлиана Аскалонита VI в., правила которого были действительны в Палестине в течение VI в., а в период с IX по XV вв. были абсолютным анахронизмом [21, p. 98]. В упомянутой же исследовательницей Книге Эпарха X в. подобного запрета нет [159, с. 295-296, 387-389]. Приведенная в качестве второго аргумента находка «в одном из погребений расположенной рядом часовни перламутрового крестика-тельника – паломнической евлогии со Святой Земли», на наш взгляд, во-первых, сама по себе не может служить аргументом в пользу такого предположения, а, во-вторых, никоим образом не может перевесить комплекс найденных в усадьбе вещей, характеризующий дом как один из наиболее богатых из до сих пор открытых в городе, что никак не согласуется со статусом дома для паломников.

для животных и другие условия, необходимые в подобных заведениях [24, с. 300]. Хозяин описываемой усадьбы, несомненно, принадлежал к числу довольно состоятельных людей, а сама усадьба принадлежит к числу наиболее богатых из открытых до сих пор. Об этом свидетельствует довольно необычный и разнообразный набор найденных в усадьбе вещей: большое количество довольно редких в это время стеклянных сосудов, бронзовая ступа, украшенная гравированным орнаментом, бронзовый светильник и тripод многосоставного светильника с арабской надписью, 4 больших парадных блюда группы Зевксиппа и многое другое [24, с. 299-300]. Найденные в усадьбе бронзовые застежки и накладки в виде сердечек и 14-лепестковой розетки украшали либо шкатулку, либо крышку книжного переплета, хотя второе менее вероятно, т.к. книга в средне- и поздневизантийское время все еще оставалась элементом «высокой» культуры и стоила очень дорого[26].

С западной стороны «постоялого двора» располагалась усадьба (усадьба 2), примечательная аркой, которая оформляла въезд во двор. Арка была как бы «утоплена» вглубь усадьбы, что давало возможность разместить перед ней небольшое крытое помещение, возможно, предназначавшееся для стоянки небольшой повозки. Перед входом в усадьбу была небольшая площадь, на которой повозка могла сделать разворот, прежде чем въехать в небольшой квадратный в плане двор, выложенный плоскими плитами. В усадьбе имелся хлев для скота (помещение 4), перед которым стояли каменное корыто-поилка и кормушка [24, с. 304]. Что же касается выявленных в усадьбе вещей, то они ничем не отличались от инвентаря большинства херсонесских комплексов, чего нельзя сказать о наборе находок из соседней усадьбы 3, расположенной в центральной части квартала. В его состав входили крест-энколпион, выносной крест, две иконки и уникальный бронзовый диптих, в который вкладывали тонкие пергаментные вставки, служившие помянником [24, с. 304, 309-310; 162, с. 165].

Помимо уже описанной лавки, входившей в состав «постоялого двора», в районе было еще несколько помещений, которые предположительно можно интерпретировать как торговые. Так, в квартале IX торговые функции, по-видимому, выполняло помещение с широким дверным проемом, выходящим на II продольную улицу. На полу помещения найдены фрагменты 11 пифосов и 30

[26] К примеру, в X в. цена книги в среднем была 21-26 золотых номисм, тогда как корова, боевой конь и мул стоили 3, 12 и 15 золотых номисм соответственно [161, p. 591]. Из надписи 1057 г. известно, что патрикий Поф уплатил переписчику колоссальную сумму в 150 номисм, за которую можно было купить пшеницы на полтора года для семьи из 5-6 человек [57, с. 93]. Поэтому обладателями книг, главным образом библейских, агиографических и богослужебных, были преимущественно церкви и монастыри. Частные библиотеки встречались гораздо реже: известны библиотеки Евстатия Бойласа (78 книг, 1059 год), Михаила Атталиата (54 книги, 1079 год), Феодора Скараноса (14 книг, 1247 год) [161, p. 591].

бронзовых монет восточного происхождения [163, с. 350]. Торговым целям, возможно, служили 4 помещения квартала IX-Б, расположенные вдоль IX поперечной улицы (три – с выходом на IX поперечную улицу и одно – на II продольную). В самом большом из них – помещении 8 (26 м^2) – при раскопках были найдены 4 пифоса и амфоры [40, л. 18]. Не исключено также, что лавкой служило помещение, открытое в северной части этого же квартала в 1889 г. Помещение имело выход непосредственно на улицу и, судя по большому количеству найденных в нем различных металлических изделий (железный церковный ставник, 5 обломков якорей, 3 сошника, 147 больших медных рыболовных крючков, множество поломанных железных предметов и 12 серебряных монетных слитков) [164, с. 14], в нем продавалась различная металлическая утварь. Возможно, лавка располагалась при металлообрабывающей мастерской.

Еще одна лавка, по-видимому, размещалась в изолированном от соседних усадеб помещении 5 в X квартале (рис. 29), отличающимся значительными размерами и имевшим единственный выход – на VII поперечную улицу [81, с. 183]. Как уже отмечалось, помещения подобного рода, известные по раскопкам в других городах византийского мира, были предназначены для сдачи внаем, что широко практиковалась в византийских городах [75, p. 22; 165, с. 637].

Усадьбы, открытые в Северном районе города, погибли от пожара, следы которого прослеживаются по всей его территории. Причем раскопками установлено, что пожар начался с восточного конца, у Уваровской базилики, а затем распространялся все дальше и дальше на запад. На это указывает тот факт, что в усадьбах восточной части района почти все вещи остались внутри помещений, тогда как из усадеб, расположенных западнее, жители успели вынести хотя бы наиболее ценное [24, с. 310]. До квартала X-Б пожар уже не дошел: следов горения там не обнаружено [166, с. 237].

Не всем жителям района удалось спастись: в некоторых помещениях найдены скелеты людей, погибших во время пожара. Тех, которых удалось достать из-под завалов, хоронили внутри (перекрытия самых поздних могил внутри храмов, в которых были обнаружены обгоревшие скелеты людей, лежат на 25-40 см выше пола, не опираясь на заплечики могил) или под стенами близлежащих храмов, устраивая могилы в слое разрушения [24, с. 310]. Массовое захоронение погибших было обнаружено в храме, расположенном в квартале X-А в центре усадьбы 6. Внутри него на полу сплошным слоем лежали костяки. На некоторых были следы горения. После погребения дверь храма просто заложили [144, л. 22, 24].

Таким образом, относительно небольшой Северный район, точнее, его раскопанная часть, являет собой довольно яркую картину, несколько отличающую его от других районов города. Несколько лавок, постоялый двор, приют, баня, близость к центральной площади и комплексу кафедрального собора – все это позволяет говорить о нем, как о районе довольно зажиточном и престижном,

центре оживленной коммерции и общественной деятельности. В жизни Херсона обитателям района принадлежала, надо думать, далеко не последняя роль.

Северный прибрежный район

Оказавшись после катастрофы конца X в. на окраине города, Северный прибрежный район долгое время служил источником готового строительного материала: камень из кладки погибших в пожаре домов активно разбирался и использовался при строительстве новых кварталов. Результатом выборки камня явились заполненные мусором IX-X вв. глубокие и широкие ямы, иногда доходившие до эллинистического слоя и скалы [102, с. 277]. Помимо добычи камня, территория района использовалась для свалки мусора, который свозили из восстанавливаемых районов и сваливали здесь на большом пространстве. Слой засыпи, содержащий в основном кухонные отбросы (ракушки, кости), мелкие фрагменты керамики, мелкие камни, землю и строительный мусор (куски цемента, извести, штукатурки и т.п.), иногда достигает толщины 2 м. Перед строительством поверхность свалки была выровнена, а на образовавшейся нивелировочной засыпи появились новые кварталы.

Застраивался район не единовременно, а постепенно рос в направлении с востока на запад. Восточная его часть, приблизительно до X поперечной улицы, была, по-видимому, отстроена вскоре после разгрома конца X в., о чем свидетельствуют не только значительно более тонкая нивелировочная засыпь под ним, но и выявленные признаки наличия там застройки XI-XII вв. Так, в XIII в. в квартале XVIII появляется проулок, до этого полностью застроенный жилыми усадьбами. На это косвенно указывают ямы, обнаруженные ниже «пола» проулка и заполненные материалом IX-X и XI-XII вв. Одна из ям глубиной 1,2 м с двукратным заполнением (внизу залегал материал IX-X вв., а выше – XI-XII вв., представленный фрагментами амфор с дуговидными ручками, плоскодонных амфор и обломками кирпичей от гончарной печи, расположенной в квартале XVII) начиналась не непосредственно от подошвы проулка, а несколько ниже и перекрывалась слоем плотной утрамбованной земли [93, с. 225-226]. В одном из поздних помещений выявлена яма, уходящая под стену и, следовательно, также предшествующая постройке усадьбы. Среди заполнявшего яму материала найдены обломки красноглиняной поливной посуды с рисунком врезной линией [93, с. 226]. Еще одна яма с аналогичным материалом открыта в южном углу того же помещения под очагом [93, с. 227].

Косвенным доказательством наличия на участке каких-то построек, существовавших в период между разрушением конца X в. и XIII в., является также совпадение планов поздних домов с остатками зданий IX-X вв., которые были видны еще во время застройки участка в XI-XII вв. и использованы в качестве фундамента сначала сооружений XI-XII вв., а потом и более поздних стен.

Застраивались кварталы на рассматриваемом участке Северного прибрежного района не единовременно и без единого плана. Яркий пример по-

степенной застройки пустующих территорий являет квартал, расположенный на месте эллинистических кварталов XIII-XVIII (рис. 30). По мнению А.И. Романчук, сначала были построены помещения вдоль улиц, оконтурившие квартал. Причем в качестве фундаментов поздних помещений были использованы стены эллинистических зданий, т.к. предшествующие средневековые слои (V-X вв.) были здесь в значительной степени нарушены, а в помещениях вдоль улиц практически полностью сняты [31, с. 91-100; 25, с. 123]. Затем начали застраивать внутриквартальное пространство. При этом северо-восточная часть квартала первоначально была отделена от юго-восточной улицей, соединявшей внутриквартальную площадь с продольной улицей и позднее замененной переулком [59, с. 151].

Совсем другая картина наблюдается в кварталах, расположенных западнее X поперечной улицы и построенных несколько позже вышерассмотренных. Дату их строительства определяют немногочисленные, но регулярно встречающиеся в мусорной засыпи под ними фрагменты поливной белоглиняной посуды с росписью брызгами и с зелено-красной бесконтурной росписью [167, с. 98], датирующиеся XI-XII вв., а также монеты, относящиеся к чекану Мануила I (1143-1180) [27, с. 224; 168, с. 273, №№ 144-145], Алексея Комнина (1180-1183) [65, с. 130, № 75], и многочисленные монеты с монограммой имени Романа последней четверти XI – первой половины XIII вв. Все эти материалы позволяют предположительно датировать массовое строительство в этой части района в пределах второй половины XII – начала XIII вв.[27] Однако заселялась эта часть района не сразу, а постепенно и стихийно, без какого-либо предварительного плана. Причем наряду с постепенным поступательным движением строительства от центральных районов к окраинам, на пока еще заброшенных территориях возникали какие-то единичные постройки. Остатки одной из них были выявлены с южной стороны базилики 1935 года. Дата ее функционирования определяется тем, что под ней находилась яма с насыпью и вещами X в., а над ней – дом XIII в. [102, с. 277]. Остатки еще одного здания, стоящего на слое X в. и перекрытого поздней постройкой, открыты в XXV квартале [33, л. 17]. Здесь же, на пока пустующей территории возводились черепицеобжигательные печи, которые должны были удовлетворять вызванную интенсивным строительством огромную потребность в кровельной черепице. По-видимому, их старались сооружать в непосредственной близости к стройке, постепенно отодвигая к западу по мере наступления новых кварталов. Остатки нескольких таких мастерских выявлены в Северном прибрежном районе непосредственно под подошвой слоя XIII в.

[27] Здесь следует отметить, что мусорный характер засыпи не позволяет использовать перечисленные находки с полной уверенностью: они могли попасть в слой в результате каких-то поздних перекопов.

И все же из-за довольно значительного перерыва в застройке и толстого слоя засыпи, под которым были погребены строительные остатки предшествующих периодов, планировку на большей части рассматриваемого участка пришлось производить заново, и преемственность в разбивке кварталов здесь практически отсутствует. Поселявшиеся на пустующей территории жители, хотя в целом и придерживались линии главных улиц[28], но без особой скрупулезности, а при необходимости вообще игнорировали ее, и строились так, как им было удобней. В результате направление улиц смещалось и не совпадало с предыдущим, не соблюдались прямые линии домов вдоль улиц [27, с. 208], над более ранними жилыми домами местами прошли улицы и переулки, и, наоборот, некоторые улицы были застроены целиком или частично жилыми домами. Особенно поразительны случаи прокладки улиц над базиликами. Так, в квартале XXV вновь проложенная улица прошла над северным нефом базилики 1932 года с мозаичным полом, при этом ее уровень оказался выше мозаики на 0,8 м [105, л. 37]. Аналогичная картина наблюдается и в квартале базилики 1935 года (квартал XIX), на руинах которой возникают кладбище и небольшой храм-часовня, над нартексом проходит улица XIII в., а с южной стороны строятся два дома с обширным двором между ними (рис. 31). Позже дом в западной части участка перестраивается и оказывается под острым углом к базилике, меняя при этом направление улицы, которое приближается к направлению эллинистической. X поперечная улица, перегороженная длинной стеной, превращается в тупик, а застроенная домами продольная улица совсем исчезает из планировки города: над нею появляется обширный двор, ограниченный двумя домами и длинной стеной, которая одновременно служит оградой кладбища и часовни [102, с. 277-278].

Сами улицы утратили здесь вид прямых магистралей, какой они имеют в других районах города, и ширина одной и той же улицы может быть разной на разных участках. Например, ширина продольной улицы между кварталами XXVIII и XXXVII колеблется, вследствие небрежной постройки поздних домов и храма-усыпальницы, от 3,5 до 4,0 м [88, л. 14], ширина другой продольной улицы района варьирует от 3,3 до 3,8 м [70, с. 83]. IX поперечная улица шириной 3,2 м у пересечения со II продольной сужается до 2,9 м, а ширина II продольной улицы с 2,65 м у перекрестка увеличивается до 3,05 м [25, с. 132, 135]. Северо-западный конец X поперечной улицы, ширина которой сначала была 3,5 м, в поздневизантийский период частично застраивается зданием, уменьшившим ее ширину до 2,9 м. Кроме того, она была перегорожена поперечной стеной и вследствие этого превратилась в тупик [31, с. 99]. В квартале XXV на продольной улице, ширина которой

[28] К примеру, сохранила свое направление и не сместилась существенно в какую-либо сторону продольная улица в XXVIII квартале. То же можно сказать и о XIII поперечной улице [88, л. 14].

составляла 4,25 м, был построен дом, выступающий на 0,9 м, сокращая ее ширину до 3,75 м [30, л. 3]. Однако все эти нарушения носили, в основном, локальный характер и не искажали общих прямоугольных очертаний кварталов.

Обитатели этой части Северного берега вообще мало заботились об облике своих жилищ, а просто приспосабливались к предложенным условиям, часто даже не выравнивая поверхность перед новым строительством, а иногда просто обстраивая помещениями холмы, образовавшиеся в результате свалки мусора. Яркий и очень живой пример неряшливости застройки являет XX квартал, значительная часть которого служила мусорной свалкой не только после разрушений конца X в., когда сюда свозили мусор из других районов города, но и в более позднее время, когда на соседних участках уже начали появляться усадьбы. Рядом со свалкой какое-то время функционировала печь для обжига черепицы, позже застроенная усадьбой. Во время жизни дома печь уже была заброшена и представляла собой холм обожженной глины и мусора, верхняя часть которого была вровень со входом в одно из помещений (рис. 32). Разность высот между порогом, уровнем 10 поперечной улицы и уровнем поверхности двора (помещение 4) составляла более 1,5 м, и ко входу в помещение 9 вел подъем по глинистому холму разрушенной печи. С юго-востока двор ограничивала стена, сохранившаяся от какого-то более раннего сооружения и включенная в план описываемого дома. При его возведении она не была восстановлена, и, таким образом, двор имел открытый выход на небольшой пустырь, занятый разрушенной печью [169, л. 6; 96, с. 165-166]. В конце концов, весь квартал начал застраиваться. Причем один из его домов врезался прямо в мусорную насыпь [170, л. 2, 7, 9; 96, с. 165].

Иногда жители района прямо на улицах устраивали ямы, куда сбрасывали бытовые отходы. Одна из них была открыта на продольной улице между кварталами XXV и XXXI, напротив входа в одно из помещений квартала XXV. Это была овальная яма размером 1,4х0,6х0,3 м, заполненная углем, золой и большим количеством костей животных [27, с. 244].

Что касается усадеб района, то качеством постройки, площадью, инвентарем и прочим они мало отличались от усадеб других районов города. Лишь некоторые из них выделяются какими-то особенностями, позволяющими предполагать наличие в них какого-то производства, лавки или таверны. К примеру, не исключено, что в квартале XX в помещении 5 с выходом непосредственно на улицу размещалась лавка. Рядом с ней имелся подвал, в который из лавки можно было спуститься по деревянной лестнице и в котором, по-видимому, хранились товары (в подвале найдены 5 пифосов, в том числе с остатками мелкой рыбы, фрагменты амфор и два больших плоскодонных трехручных сосуда) [171, л. 8].

Необычная усадьба, состоящая из трех помещений и двора, была открыта в XXVIII квартале. От остальных усадеб района она отличается техникой

постройки: фундамент ее стен, сооруженный на материковой скале, впущен глубоко в слой IX-X вв., камни отличаются большими размерами, а кладка – тщательностью. Кроме того, в ее состав входило помещение необычно больших размеров (6,0х4,5 м) с тремя дверными проемами, один из которых, шириной 3,0 м, следует, скорее, назвать воротами. В проеме ворот внизу уцелели служившие косяками массивные каменные блоки, монументальные размеры которых указывают на то, что полотнища дверей были большими и тяжелыми. Стены помещения выполнены из довольно крупных камней на грязи с глиняной обмазкой на внутренней стороне. Красноватой глиной был покрыт и пол помещения. Обнаруженные в нем вещи (40 глиняных грузил бочонковидной формы и свыше 100 железных гвоздей от кровельного перекрытия), ничего не добавляют к пониманию его функционального назначения, за исключением, пожалуй, железного кольца со штырем для крепления к стене, к которому, возможно, привязывали лошадь. Эта находка в совокупности с перечисленными особенностями самого помещения позволяет предположить, что оно имело какое-то особое назначение – для хранения повозок и содержания лошадей (?) и, возможно, входило в состав комплекса постоялого двора [172, с. 355].

Несомненный интерес представляет выявленное в квартале XXV (раскопки 1932 года) помещение VI, служившее подвальной кладовой, где размещались пифосы, амфоры и кувшины с домашними запасами. Здесь же было найдено около 50 поливных чаш, блюд и простых горшков, часть которых свалилась туда с верхнего этажа. Количество выявленной посуды явно превышает потребности даже очень большой семьи, и на этом основании А.Л. Якобсон предполагал наличие в усадьбе, большая часть которой разрушена морем, гончарной мастерской, продукция которой хранилась в кладовке. Однако набор посуды, в котором явно превалируют привозные сосуды, не позволяет согласиться с мнением А.Л. Якобсона. Не исключено, что здесь располагалась посудная лавка или корчма.

Кварталы Северного берега также погибли во время пожара в XIII в., что подтверждается идентичностью материала из слоя пожара Северного прибрежного района и остальной части города. Как и в других районах, здесь также были обнаружены захоронения погибших от огня людей [31, с. 102].

Западный район

О застройке западной части Херсонесского городища мы можем судить лишь предположительно, т.к. эпизодические раскопки проводились здесь, в основном, в районе ранневизантийских храмов. Однако, даже в ходе таких исследований были получены данные о наличии, по крайней мере, на исследованных участках застройки или следов строительной деятельности в период до конца X в. Таким образом, до катастрофы X в. город занимал всю площадь в пределах оборонительных стен, включая участок Западной базилики.

В средне- и поздневизантийский период облик района, по-видимому, значительно изменился. Приходит в полное запустение участок Западной бази-

лики, на котором не было выявлено никаких следов поздней застройки. Открывший базилику К.К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что перед раскопками «почва здесь имела вид пустыря и не имела ни малейших следов каких-либо построек» [173, с. 56], а проводившиеся на участке археологические исследования показали наличие в верхнем слое только керамики и монет IX-X вв. и полное отсутствие «поздневизантийских монет, начиная от Романа I, и черепков глиняной поливной посуды, которые в восточной части городища встречаются … в громадном количестве» [173, с. 56, 67-68; 174, с. 90; 55, л. 153, 155-156; 175, с. 123].

Что касается остальной территории района, то здесь не только восстанавливаются ранневизантийские храмы, пострадавшие во время катастрофы конца X – начала XI вв., но и строятся новые. В первой половине XI в. в квартале 60 возводится трехапсидный храм, с северо-восточной и северо-западной стороны которого формируется небольшое кладбище [176, с. 38-39]. В 5 м к западу от него не ранее второй половины X в. появляется часовня № 18. В квартале 55 в первой половине XI в. строится пятиапсидный крестово-купольный храм, с северо-восточной стороны которого также было устроено кладбище [176, с. 39, 40]. Еще один небольшой однонефный храм (храм № 16 с фреской Богородицы), возведение которого датируют XII-XIII вв., располагается в квартале 45 [176, с. 40]. Небольшая однонефная церковь была сооружена в алтарной части трехнефной базилики 17, открытой в 1827 году К. Крузе. В квартале 37 к северо-востоку от главной улицы расположен трехапсидный храм 4, относящийся к переходному типу от базилики к крестово-купольным сооружениям и, по предварительным данным, датирующийся X-XIV вв. [176, с. 40]. Следы незначительных ремонтных работ были выявлены и в т.н. четырехапсидном храме [54, с. 161]. С наружной стороны к северной апсиде храма была пристроена сложенная из бута на грязи стена, возведенная на слое насыпной земли толщиной 0,5 м. Еще одна стена, сложенная в той же технике на подстилке мозаики, отгораживала юго-восточную часть здания [68, с. 96].

На участке, прилегающем к перестроенной Базилике на холме, появляется большое кладбище. Причем, насколько можно судить по различиям как в устройстве могил, так и в способе захоронения, а также по материалу из погребений, этот кладбищенский комплекс, хотя и оформился одновременно не ранее X – первой половины XI вв. [177, л. 18], но существовал и активно использовался на протяжении XI-XIII вв. [178, с. 18, 24]. Комплекс включал трехнефную базилику, построенную на руинах большой ранневизантийской базилики [179, с. 36], небольшую часовню, сильно вытянутое прямоугольное здание, еще три помещения, одно из которых имело стенную роспись, и обширный кладбищенский двор, вымощенный мелким камнем (рис. 33). Кроме того, комплекс включал дом, состоявший из 8 помещений. Судя по толщине стен, дом мог быть двухэтажным. Скорее всего, в нем жил священник или человек, в обязанности которого входило наблюдение за кладбищем, уход за могилами

и захоронение умерших [179, с. 25]. Весь комплекс был отделен от окружающей городской территории оградой высотой до двух метров. Основание ограды, сложенной из бутового камня на грязи и, по-видимому, оштукатуренной, покоится на насыпном грунте, который образовался в этой части города к моменту ее сооружения [179, с. 24]. С улицы, примыкающей к ограде с юга, во двор вел въезд шириной около 2 м, по сторонам которого позже были пристроены два небольших (4,0х4,0 м) вспомогательных помещения (восточное и западное), предназначенные для сторожа и хозяйственного инвентаря [179, с. 25]. Все остальное пространство внутри ограды было занято могилами (всего раскопано около 150), некоторые из которых выделяются довольно богатым погребальным инвентарем [180, л. 59].

Описанный кладбищенский комплекс был не единственным в этом районе города. К югу от него, через продольную улицу, идущую к западному участку оборонительной стены, была открыта еще одна часовня (часовня 2), которая вместе с двором при нем также служила погребальным комплексом с многочисленными могилами [181, л. 3]. А к югу от часовни 2 прослежены контуры, по крайней мере, еще трех часовен [181, л. 6].

Все сооружения этих кладбищенских комплексов погибли в результате сильного пожара в XIII в. В слое разрушения, среди завала камней найдены фрагменты поливной посуды и разбитая на мелкие кусочки черепица, в том числе с метками в виде лошади и птицы, датирующаяся XIII в. [182, табл. XXIII-XXIX; 181, л. 2, рис. 4; 183, л. 23-24, 26].

Возможно, какие-то отдельные сооружения средне- и поздневизантийского времени располагались и несколько западнее описанного кладбища. В ходе раскопок 1983 года на участке между Западной базиликой и Базиликой на холме был выявлен вал XIX в., в насыпи которого обнаружено большое количество обломков позднесредневековых амфор и красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой. По предположению автора раскопок С.А. Беляева, фрагменты происходят из верхнего слоя, снятого при сооружении вала на участке к югу от Западной базилики [183, л. 20]. Под самим валом было открыто погибшее от пожара прямоугольное в плане сооружение размерами 10,08х6,42 м в восточной части и 10,08х5,85 м – в западной, сложенное из бутового камня на грязи. Внутри дом был заполнен камнями от рухнувших стен с завалом черепицы под ними. Среди найденных фрагментов несколько – с клеймами, в т.ч. с птицей и надписью NIKO, датирующимися XIII в. [183, л. 21-22].

Еще два здания, фундаменты которых располагались выше уровня вымостки X в., были открыты в 1984 году к югу от Базилики на холме. В первом, состоявшем из двух помещений, на уровне пола найдены упавшая крыша с множеством клейм на черепице, 12 жерновов, много столовой и тарной посуды [184, с. 213]. Во втором здании, также состоявшем из двух помещений и двора, выявлены 9 жерновов, вкопанные в землю амфоры, а во дворе печь,

вероятно, предназначенная для выпечки хлеба. Черепица и амфоры датируют здание XII-XIII вв. [184, с. 214].

Фрагмент поздней застройки открыт также перед пятиапсидным храмом, к северо-востоку от раскопанной части т.н. «древнегреческой улицы» и в некотором отдалении от нее (раскопки 1906 и 1930 гг.). Здесь были обнаружены небольшой одноапсидный храм с тремя окнами в апсиде [68, с. 107] и к югу от него несколько небольших помещений, составлявших одно здание (рис. 34). В отчете о раскопках отмечены находки к югу от храма «фрагментов красноглиняной поливной посуды, стеклянных сосудов и браслетов, фрагментов черепиц со штампами, в т.ч. в виде всадника» [69, с. 16-17]. К счастью, материал из раскопок 1930 года сохранился в фондах Херсонесского заповедника, и в ходе его просмотра выявлены типичные для верхних слоев Херсонеса вещи: фрагменты поливной керамики группы Зевксиппа, Эгейской и Никейской групп, фрагменты монохромной поливной посуды, украшенной звездами, выполненными толстой врезной линией, белоглиняной поливной посуды с подглазурной росписью марганцем, фрагменты кумана, амфор с дуговидными ручками и амфор с бугристой внутренней поверхностью, а также черепиц с тонким низким рельефом. Однако в связи с тем, что верхний слой на окружавшем храм участке был снят в начале XX в. при строительстве расположенной вблизи батареи [68, с. 102], трудно сказать, существовала ли здесь, на восточной окраине холма, сплошная жилая застройка, в состав которой входил обычный для поздневизантийского Херсона внутриквартальный храм, или здесь была построена отдельно стоящая небольшая церковь с прилегающим к ней небольшим помещением.

То, что на сегодняшний день известно о поздней застройке Западного района, т.е. наличие большого кладбища, нескольких храмов и довольно обширных свободных от каких-либо сооружений пространств, вызывает соблазн предположить, что в случае военной опасности эта часть города могла служить убежищем для жителей окрестных поселений, а в мирное время была занята торговыми площадями и использовалась для выращивания каких-то сельскохозяйственных культур [11, p. 508]. Это тем более вероятно, что плотная застройка остальной территории Херсона не оставляла места для устройства обязательных для каждого византийского города рынков, огородов и лагерей для беженцев. К примеру, очень похожий по наполнению район, т.н. Нижний город, с торговыми площадями, рынками и несколькими церквями в это же время имелся в Трапезунде [185, с. 34].

***

Херсон XIII века предстает перед нами обычным провинциальным городом с довольно бурной жизнью в портовой части, некоторым оживлением в районе кафедрального собора, на главной улице и центральной площади, а также у торговой галереи рядом с «Базиликой в базилике». Жил город в пределах старых оборонительных стен, хотя плотная застройка занимала только

восточную половину городища, оставляя западную часть под обширные кладбища. Никаких следов дополнительной линии обороны, окружавшей в византийских городах «замок» (*kastron*), где располагался административный центр, не выявлено, а о здании или комплексе зданий, в котором такой центр мог бы размещаться, можно говорить только на уровне предположений. Из-за разной степени изученности различных участков городища определенно говорить об их социальной дифференциации трудно. Скорее всего, резкого контраста в уровне жизни горожан не было, если не считать нескольких выделяющихся своим инвентарем кварталов, с западной стороны прилегающих к комплексу кафедрального собора (Уваровской базилике). Регулярная планировка, сохранившаяся еще с эллинистических времен, широкие улицы, пригодные для колесного транспорта, и довольно благоустроенная система канализации контрастировали с беспорядочной внутриквартальной застройкой, в гуще которой держали скот, занимались дымными и шумными ремеслами, торговали в небольших выходящих на улицу лавках, строили небольшие приходские храмы, в которых вопреки санитарным нормам производили захоронения. В городе не удалось выявить сколько-нибудь обширных открытых пространств, предназначенных для большого скопления людей. Необходимость в них отпала в связи с коренным изменением жизненного уклада византийцев, сосредоточившихся на частной домашней жизни, что отразилось на структуре усадеб, которые всеми своими помещениями открывались на внутренний двор, ставший средоточием жизни горожан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten. 1/2. Wien, 1981.
2. Jordanov I. Preslav // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
3. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII.
4. Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1976. Вып. 13.
5. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского государственного университета им. А.М. Горького в 1963 году // НА НЗХТ. Д. 1138.
6. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
7. Кекавмен. Советы и рассказы. СПб., 2003.
8. Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. III.
9. Жаворонков П.И. Малоазийские города периода Никейской империи // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
10. Ousterhout R.G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843-1261. New York, 1996.

11. Bouras Ch. Aspects of the Byzantine City, Eighth-Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
12. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера. Севастополь, 1930.
13. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
14. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. СПб., 1905. Вып. 16.
15. Mango C. Daily Life in Byzantium // XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Akten, I/1 (Jahrbuch der Östereichischen Byzantinistic XXXI/1). Vienna, 1981.
16. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
17. Гайдукевич В.Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. 1953. № 34.
18. Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 2000. Вып. IV.
19. Броневский М. Описание Татарии // ЗООИД. 1867. Вып. 6.
20. Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
21. Bouras Ch. Urban Planning in Middle and Late Byzantine Cities // Deltion te christianikis archeologiki eterias. Periodos Δ. Tomos K. Athens, 1999.
22. Rheidt K. Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // DOP. Washington, 1990. 44.
23. Sigalos L. Middle and Late Byzantine Houses in Greece (tenth to fifteenth centuries) // Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire (ed. K. Dark). Oxford, 2004.
24. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
25. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 года) // МИА. 1953. № 34.
26. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1956 году // СГЭ. 1957. Вып. XII.
27. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
28. Седикова Л.В. Исследования квартала поздневизантийского времени в южном районе Херсонеса // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Науч. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 2004.
29. Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
30. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 году // НА НЗХТ. Д. 728.
31. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34.
32. Белов Г.Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. 1941. VII.
33. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1965 году // НА НЗХТ. Д. 858.
34. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. СПб., 1906. Вып. 20.
35. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 год. СПб., 1893.
36. Scranton R.L. Medieval Architecture in the Central Area of Corinth. Corinth. Vol. 16. Princeton-N.J., 1957.
37. Dagron G. Le christianisme dans la ville Byzantine // DOP. 1977. Vol. 31.
38. Kazanaki-Lappa M. Medieval Athens // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
39. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
40. Рыжов С.Г., Андреева О.А. Отчет о раскопках в квартале IX в Северном районе Херсонеса в 2001 году // НА НЗХТ. Д. 3526-3527.
41. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса в 1996 году // НА НЗХТ. Д. 3299-3300.

42. Домбровский О.И. Отчет об археологических исследованиях в Херсонесе в 1978 году // НА НЗХТ. Д. 2182.
43. ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
44. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. 1959. Вып. V.
45. Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
46. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
47. Рыжов С.Г. Доследование «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 года. М., 1983.
48. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках «базилики 1889 года» в 1972-1974 гг. // НА НЗХТ. Д. 1640.
49. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона, ее церквах и палатиях // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
50. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1898.
51. Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
52. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987.
53. Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51.
54. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
55. Суров Е.Г. Отчет о раскопках в СЗ части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
56. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.
57. Каждан А.П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005.
58. Яшаева Т.Ю. Городские монастыри византийского Херсона: к постановке проблемы // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
59. Романчук А.И. Очерки по истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
60. Паршина Е.А. Доследование дома 1964 года // НА НЗХТ. Д. 1870/3.
61. Домбровский О.И. Отчет о раскопках 1955 года античного театра и Храма с ковчегом // НА НЗХТ. Д. 712.
62. Сидоренко В.А., Паршина Е.А. Раскопки помещения «А», пристройки к дому 1964 года // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
63. Сидоренко В.А. Раскопки средневекового дома у оборонительной стены (дом 1972 года) // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
64. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34.
65. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь, 1938.
66. Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 году. Симферополь, 1936.
67. Колесникова Л.Г. Отчет о раскопках Юго-восточного участка главного раскопа в Портовой части Херсонеса // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического гос. музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
68. Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906-9 годах // ИАК. СПб., 1911. Вып. 42.
69. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1930 г. // ХСб. 1948. Вып. IV.
70. Белов Г.Д. Раскопки в северном районе Херсонеса в 1968 году // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
71. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
72. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 году // НА НЗХТ. Д. 1842.

73. Антонова И.А. Северо-западный участок главного раскопа // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического гос. музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
74. Романчук А.И. Городская поздневизантийская усадьба как отражение статуса ее владельца // АДСВ. Свердловск, 1988.
75. Bouras Ch. Houses in Byzantium // Deltion te christianikis archeologiki eterias. Periodos D. Tomos IA. Athens, 1983.
76. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
77. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1984 году // НА НЗХТ. Д. 2497.
78. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса в 1975 году // НА НЗХТ. Д. 1760.
79. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1985 году // НА НЗХТ. Д. 2624.
80. Белов Г.Д. Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX) в 1978 году // НА НЗХТ. Д. 2021.
81. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
82. Mango C. Addendum to the Report on Everyday Life // XVI Internationaler Byzatinistenkongress, Akten, II/1. Vienna, 1982.
83. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 1983 г. // НА НЗХТ. Д. 2402-2403.
84. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1987 году // НА НЗХТ. Д. 2780.
85. Антонова И.А. Отчет о раскопках средневекового дома на Главной улице Херсонеса в 1956 г. // НА НЗХТ. Д. 3457.
86. Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005.
87. Bouras Ch. Master Craftsmen, Craftsmen, and Building Activities in Byzantium // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
88. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 году // НА НЗХТ. Д. 1283.
89. Романчук А.И. Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
90. Домбровский О.И. Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. // НАНЗХТ. Д. 1411.
91. Золотарев М.И. Раскопки средневекового жилого дома в Херсонесе // АО 1970 года. М., 1971.
92. Романчук А.И. Раскопки во втором квартале Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985.
93. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА. 1953. № 34.
94. Якобсон А.Л. Отчет о раскопках Херсонеса в 1940 году // НА НЗХТ. Д. 474.
95. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 году // НА НЗХТ. Д. 2771-2772.
96. Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.
97. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса // НА НЗХТ. Д. 2477-2478.
98. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 году // НА НЗХТ. Д. 1909.
99. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 году // НА НЗХТ. Д. 1685.
100. Рыжов С.Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности–1997-1998. Харьков, 1999.

101. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса в 1999 году // НА НЗХТ. Д. 3429-3430.
102. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. XXIV.
103. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 году // НА НЗХТ. Д. 1419.
104. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 году // НА НЗХТ. Д. 750.
105. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 году // НА НЗХТ. Д. 623.
106. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2845.
107. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
108. Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1897 год // ОАК за 1897 год. СПб., 1900.
109. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
110. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 1982 году // НА НЗХТ. Д. 2346-2347.
111. Dagron G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
112. Византийская книга эпарха / Вступ. ст., пер., ком. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.
113. Каждан А.П. Деревня и город в Византии. IX-X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960.
114. Matschke K.-P. The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth–Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
115. Maniatis G.C. The Perishable Produce Market in Byzantium // Byzantinoslavica. Prague, 2003. LXI.
116. Горянов Б.Т. Византийский город XIII-XV вв. // ВВ. 1958. Т. XIII.
117. Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.
118. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.; Л., 1950.
119. Якобсон А.Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. XIX.
120. Сазанов А.В. К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в VII квартале Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
121. Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
122. Наследова Р.А. Города, ремесло и торговля в поздней Византии (XIII-XIV вв.) // История Византии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1967. Т. 3.
123. Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7.
124. Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. СПб., 1897.
125. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе за 1894 год // ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
126. Борисова В.В. Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
127. Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории «цитадели» Херсонеса Таврического в 2004 году // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Запоріжжя, 2005.
128. Кадеев В.И. Раскопки в «центре участка» // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.
129. Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.

130. Алексеенко Н.А. Нумизматический комплекс X-XIV вв. из раскопок Портового квартала Херсонеса // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.
131. Романчук А.И. Итоги раскопок в Портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
132. Романчук А.И. Изучение портового квартала Херсонеса // АО 1979 года. М., 1980.
133. Романчук А.И. Изучение портового квартала Херсонеса // АО 1977 года. М., 1978.
134. Романчук А.И. Раскопки портового квартала 2 Херсонесского городища // АО 1980 года. М., 1981.
135. Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. СПб., 1898.
136. Домбровский О.И. О задачах и методике раскопок на участке античного театра в 1972-73 гг. // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
137. Домбровский О.И. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1954 году на участке «храма с ковчегом» // НА НЗХТ. Д. 702.
138. Домбровский О.И. Отчет о раскопках 1955 года античного театра и храма с ковчегом // НА НЗХТ. Д. 712.
139. Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Симферополь, 1960. Вып. I.
140. Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
141. Золотарев М.И. Раскопки в восточном и южном секторах // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
142. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. СПб., 1907. Вып. 21.
143. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
144. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках усадьбы 1 в X «А» квартале Северного района Херсонеса в 1989 году // НА НЗХТ. Д. 2883.
145. Домбровский О.И. Раскопки внутри храма 1958 года // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
146. Махнева О.А. Раскопки контрольного целика1958 года и внутри малого храма // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 году. НА НЗХТ. Д. 1505.
147. Домбровский О.И. Отчет о раскопках античного театра в 1957 г. // НА НЗХТ. Д. 3241.
148. Золотарев М.И., Баранов И.А. Доследование остатков проскения и скене // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
149. Домбровский О.И., Орлов К.К., Кутайсов В.А. Отчет Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции за 1976 год // НА НЗХТ. Д. 3741/1.
150. Золотарев М.И. Раскопки в южном секторе // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 году. НА НЗХТ. Д. 1505.
151. Сидоренко В.А. Раскопки в южном секторе между храмом 1958 года и оборонительной стеной // НА НЗХТ. Д. 1820/5.
152. Махнева О.А. Отчет о раскопках 1972 года в южном секторе участка античного театра (раскоп IV) // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 гг. НА НЗХТ. Д. 1647.
153. Домбровский О.И., Николаенко Г.М. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2876.
154. Золотарев М.И. Раскопки у восточной стены храма 1958 года // НА НЗХТ. Д. 1820.
155. Золотарев М.И. Раскопки у «храма с ковчегом» в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
156. Баранов И.А. Отчет о раскопках в северо-восточном секторе участка античного театра и храма «с ковчегом» (Северо-восточный раскоп) // Личный архив И.А. Баранова.
157. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. IX.

158. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
159. Византийская Книга Эпарха / Пер. и ком. М.Я. Сюзюмова. Рязань, 2006.
160. ОАК за 1892. СПб., 1894.
161. Oikonomides N. Writing Materials, Documents, and Books // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
162. Пуцко В.Г., Рыжов С.Г. О двух находках произведений византийской пластики в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
163. Рыжов С.Г. Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985.
164. ОАК за 1889 год. СПб., 1892.
165. Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // Культура Византии. М., 1984.
166. Рыжов С.Г. О раскопках Х-б квартала Северного района Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
167. Залесская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. Л., 1988.
168. Белова-Кудь Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса 1931-1932 гг. // МИА. 1941. № 4.
169. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2867.
170. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1981 году // НА НЗХТ. Д. 2329.
171. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1985 году // НА НЗХТ. Д. 2715.
172. Белов Г.Д. Херсонесская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО 1971 года. М., 1972.
173. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.
174. Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
175. Суров Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3.
176. Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. Сакральная архитектура византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // ХСб. 2006. Вып. XV.
177. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1981 году («Базилика на холме») // НА НЗХТ. Д. 2338.
178. Беляев С.А. Отчет о раскопках «Базилики на холме» в 1977 году // НА НЗХТ. Д. 1910.
179. Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. М., 1994. № 1.
180. Беляев С.А. Отчет о раскопках «Базилики на холме» в 1974 году // НА НЗХТ. Д. 1725.
181. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции в 1980 году // НА НЗХТ. Д. 2171.
182. Беляев С.А. Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках «Базилики на холме» в 1973 году // НА НЗХТ. Д. 1688.
183. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1983 году // НАНЗХТ. Д. 2438.
184. Беляев С.А. Работы Херсонесской экспедиции // АО 1984 года. М., 1986.
185. Успенский Ф.И. Очерки по истории Трапезунтской империи. СПб., 2003.

Голофаст Л. О.

Містобудівний вигляд Херсона в XIII столітті

Резюме

Херсонес, систематичне вивчення якого ведеться з кінця XIX ст., представляє величезний інтерес для історика, що займається проблемами візантійського міста. У більшості кварталів, які загибли внаслідок пожежі XIII ст., збереглося майже все те, що було у побуті безпосередньо перед катастрофою. Це надає можливість реконструювати життя провінційного візантійського міста XIII ст.

Вивчення житлової забудови показало, що Херсон цього часу був звичайним провінційним містом з досить бурхливим життям в портовій частині, деяким пожвавленням у районі кафедрального собору, на головній вулиці і центральній площі, а також біля торгівельної галереї поряд з «Базилікою у базиліці». Місто існувало в межах старих оборонних мурів, хоча щільна забудова займала лише східну половину городища, залишаючи західну частину під великі кладовища. Жодних слідів додаткової лінії оборони, що оточувала у візантійських містах «замок» (*kastron*), де розташовувався адміністративний центр, не виявлено, а про будівлю або комплекс будівель, в якому такий центр міг би розміщуватися, можна говорити лише на рівні припущень. У числі можливих претендентів на роль «замку» можна назвати будівлю, частково відкриту в ході будівництва XIX ст. в центрі пам'ятки. На користь такої інтерпретації говорять його розташування на піднесеній ділянці, напроти міських воріт і виняткова потужність стін (2-5 м). Можливо, до цього ж комплексу відноситься розташована поруч незвичайно велика для Херсонеса будівля Г, що також відрізнялася товстими складеними на вапні стінами, цілою мережею водостоків і кам'яних труб для збору дощової води, мощеною кам'яними плитами підлогою, а також значною вільною, обнесеною з трьох сторін стіною площею і каплицею, що складали з нею одне ціле. Стосовно кафедрального собору, то ним слугувала т.з. Уваровська базиліка.

З причини неоднакового ступеню вивчення різних ділянок городища впевнено казати про їх соціальну диференціацію важко. Швидше за все, різкого контрасту в рівні життя городян не було, якщо не вважати декількох кварталів, що виділяються своїм інвентарем, прилеглих із західного боку до комплексу кафедрального собору (Уваровської базиліки). Регулярне планування, що збереглося ще з епохи еллінізму, широкі вулиці, придатні для колісного транспорту, і достатньо облаштована система каналізації контрастували з невпорядкованою внутрішньоквартальною забудовою, де тримали худобу, займалися димними і галасливими ремеслами, торгували в невеликих лавках, що виходять на вулицю, будували невеликі приходські храми, в яких, всупереч санітарним нормам, здійснювали поховання. У місті не вдалося виявити скільки-небудь великих відкритих просторів, призначених для скупчення багатьох людей. Необхідність в них відпала у зв'язку з корінною зміною життєвого устрою візантійців, що зосередилися на приватному домашньому житті. Це відбилося й на структурі садиб, що відкривалися всіма своїми приміщеннями на внутрішній двір, який став осереддям життя городян. Суспільне життя концентрувалося на невеликих внутрішньоквартальних площах, на яких часто розташовувалися спільний колодязь і невеликий приходський храм.

Голофаст Л. А.

Градостроительный облик Херсона в XIII веке

Резюме

Херсонес, систематическое изучение которого ведется с конца XIX в., представляет огромный интерес для историка, занимающегося проблемами византийского города. В большинстве кварталов, погибших в результате пожара XIII в., сохранилось практически всё, что было в употреблении непосредственно перед катастрофой, что дает возможность реконструировать жизнь провинциального византийского города XIII в.

Изучение жилой застройки показало, что Херсон в это время был обычным провинциальным городом с довольно бурной жизнью в портовой части, некоторым оживлением в районе кафедрального собора, на главной улице и центральной площади, а также у торговой галереи рядом с «Базиликой в базилике». Город существовал в пределах старых оборонительных стен, хотя плотная застройка занимала только восточную половину городища, оставляя западную часть под обширные кладбища. Никаких следов дополнительной линии обороны, окружавшей в византийских городах «замок» (*kastron*), где располагался административный центр, не выявлено, а о здании или комплексе зданий, в котором такой центр мог бы размещаться, можно говорить только на уровне предположений. В числе возможных претендентов на роль «замка» можно назвать здание, частично открытое в ходе строительства XIX в. в центре памятника. В пользу такой интерпретации говорят его расположение на возвышенном участке, напротив городских ворот и исключительная мощность стен (2-5 м). Возможно, к этому же комплексу относится расположенное рядом необычайно большое для Херсонеса здание Г, также отличавшееся толстыми сложенными на извести стенами, целой сетью водостоков и каменных труб для сбора дождевой воды, мощенным каменными плитами полом, а также значительной свободной, обнесенной с трех сторон стеной площадью и часовней, составлявшими с ним одно целое. Что касается кафедрального собора, то им служила т.н. Уваровская базилика.

Из-за разной степени изученности различных участков городища определенно говорить об их социальной дифференциации трудно. Скорее всего, резкого контраста в уровне жизни горожан не было, если не считать нескольких выделяющихся своим инвентарем кварталов, с западной стороны прилегающих к комплексу кафедрального собора (Уваровской базилике). Регулярная планировка, сохранившаяся еще с эллинистических времен, широкие улицы, пригодные для колесного транспорта, и довольно благоустроенная система канализации контрастировали с беспорядочной внутриквартальной застройкой, где содержался скот, занимались дымными и шумными ремеслами, торговали в небольших выходящих на улицу лавках, строили небольшие приходские храмы, в которых, вопреки санитарным нормам, совершали захоронения. В городе не удалось выявить сколь-нибудь обширных открытых пространств, предназначенных для большого скопления людей. Необходимость в них отпала в связи с коренным изменением жизненного уклада византийцев, сосредоточившихся на частной домашней жизни. Это отразилось и на структуре усадеб, всеми своими помещениями открывавшихся на внутренний двор, ставший средоточием жизни горожан. Общественная жизнь концентрировалась на небольших внутриквартальных площадях, на которых часто располагались общий колодец и небольшой приходской храм.

Golofast L. A.

Urban Image of Chersonesos in the 13th Century

Summary

Chersonesos, which has been studied systematically since the end of the 19th century, is of great interest for a historian who is engaged in the problems of a Byzantine city. In the majority of blocks that were destroyed as the result of the fire in the 13th century practically everything which had been in use just before the catastrophe remained; it enables to reconstruct the life of a provincial Byzantine city dating back to the 13th century.

Studies of residential build-up demonstrated that Cherson was a common provincial city with rather a lively life in the Port district and near the cathedral, in the Main Street and Central Square, as well as near Trade Gallery near «Basilica in Basilica». The city existed within the old defence walls, though dense build-up occupied only the eastern part of the site leaving the western part for vast cemeteries. No traces of additional line of defence, which in Byzantine cities surrounded «castle» (*kastron*) where an administrative centre was situated, was revealed; it can be only assumed that there was a building or a complex of buildings where such a centre could be situated. The building that was revealed in the course of building in the centre of monument in the 19th century can be named among possible pretenders for the role of a "castle". Its location on the raised plot just opposite the city gates and exceptional power of the walls (2-5 meters) speak for such an interpretation. Probably, an extremely large for Chersonesos building Г can be related to the complex; it is remarkable for its thick walls laid on lime, a net of water-drain pipes and stone pipes for collecting rain water, floor paved with stone plates, and a considerably free square surrounded from three sides by the wall and a chapel which formed the whole complex. The so-called Uvarov basilica served as a cathedral.

Due to different levels of studies of various plots of the site, it is difficult to speak about their social differentiation with certainty. Most likely there was no radical contrast in the level of life of city dwellers; though there were some blocks adjacent to the complex of the cathedral (Uvarov basilica) from the western side which are set off with their inventory. Regular planning that remained since Hellenistic times, broad streets suitable for wheeled transport, and rather well equipped sewage system contrasted with disordered build-up within blocks where they kept cattle, went in smoky and noisy kinds of handicraft, traded in shops, built parish churches where against all sanitary regulations performed burials. No vast open spaces intended for rather a large crowd of people were revealed in the city. There was no need for that any longer because the way of life of Byzantines changed radically; now they were concentrated on their home life. It found its reflection on the structure of estates as well where all their premises opened into the inner yard which became the centre of city dwellers' life. Social life was concentrated on inner-block squares where there was a public well and a small parish church.

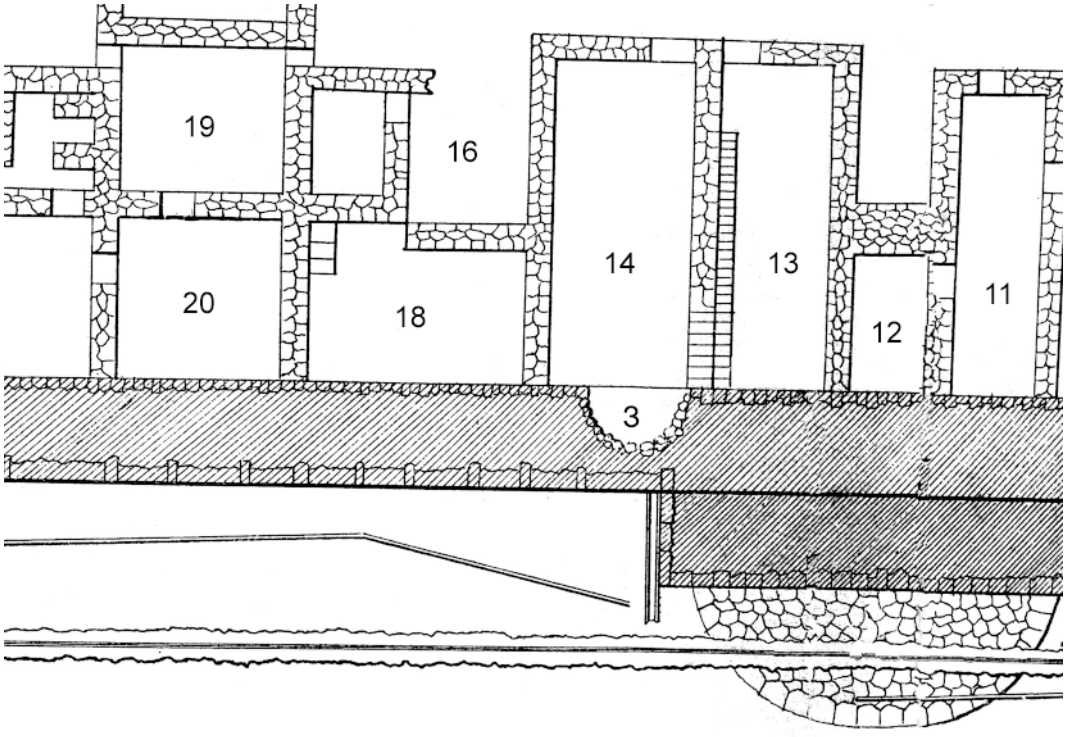

Рис. 1. План застройки участка в районе куртины 16 с пробитой в ней полукруглой нишей (3) (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

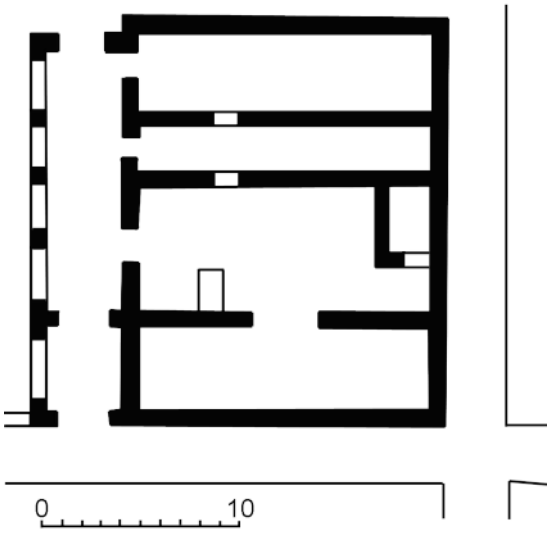

Рис. 2. «Дом епископа» в квартале V (по Р.Х. Лепперу).

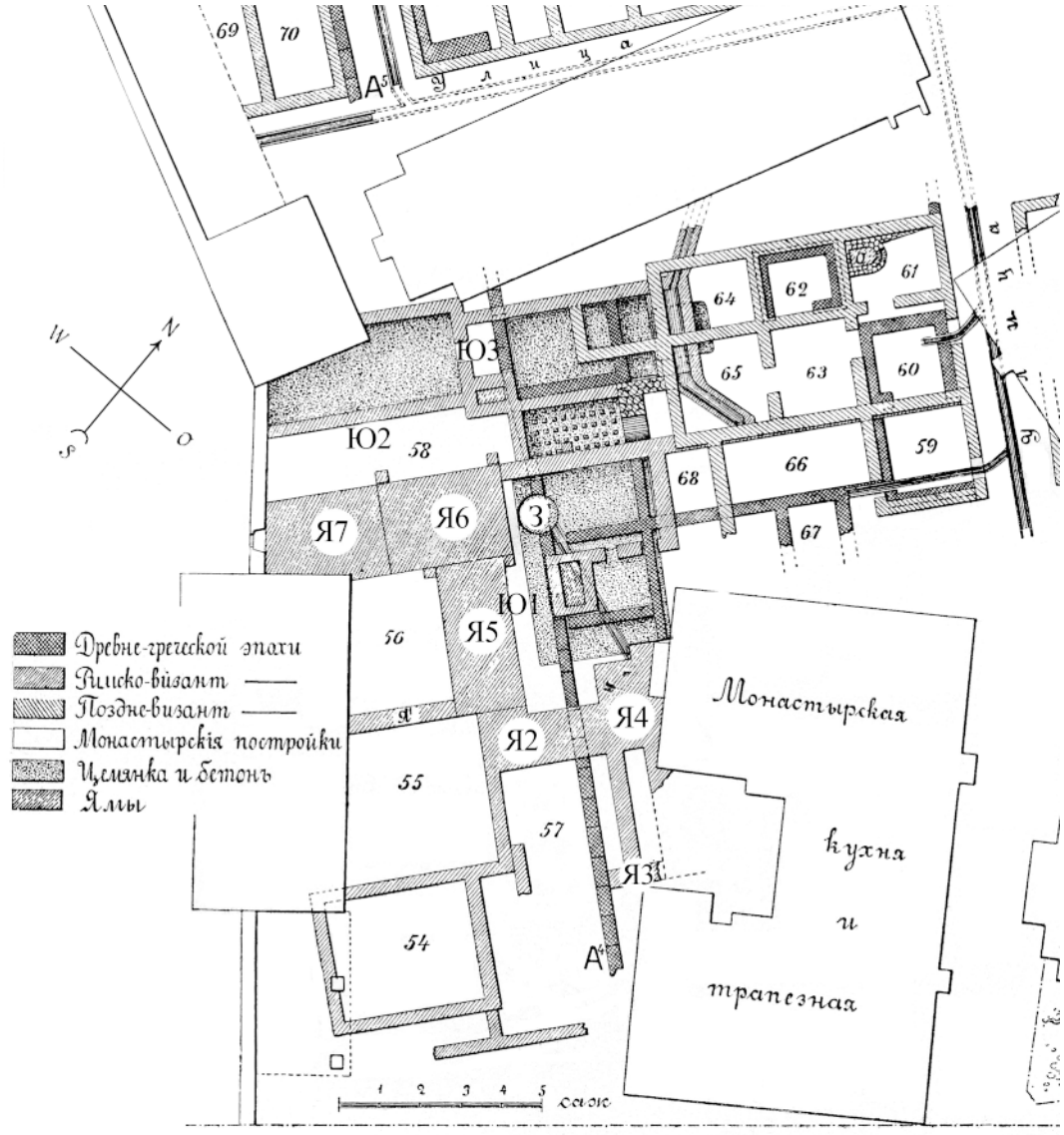

Рис. 3. План застройки территории между старой монастырской трапезной и сараями (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

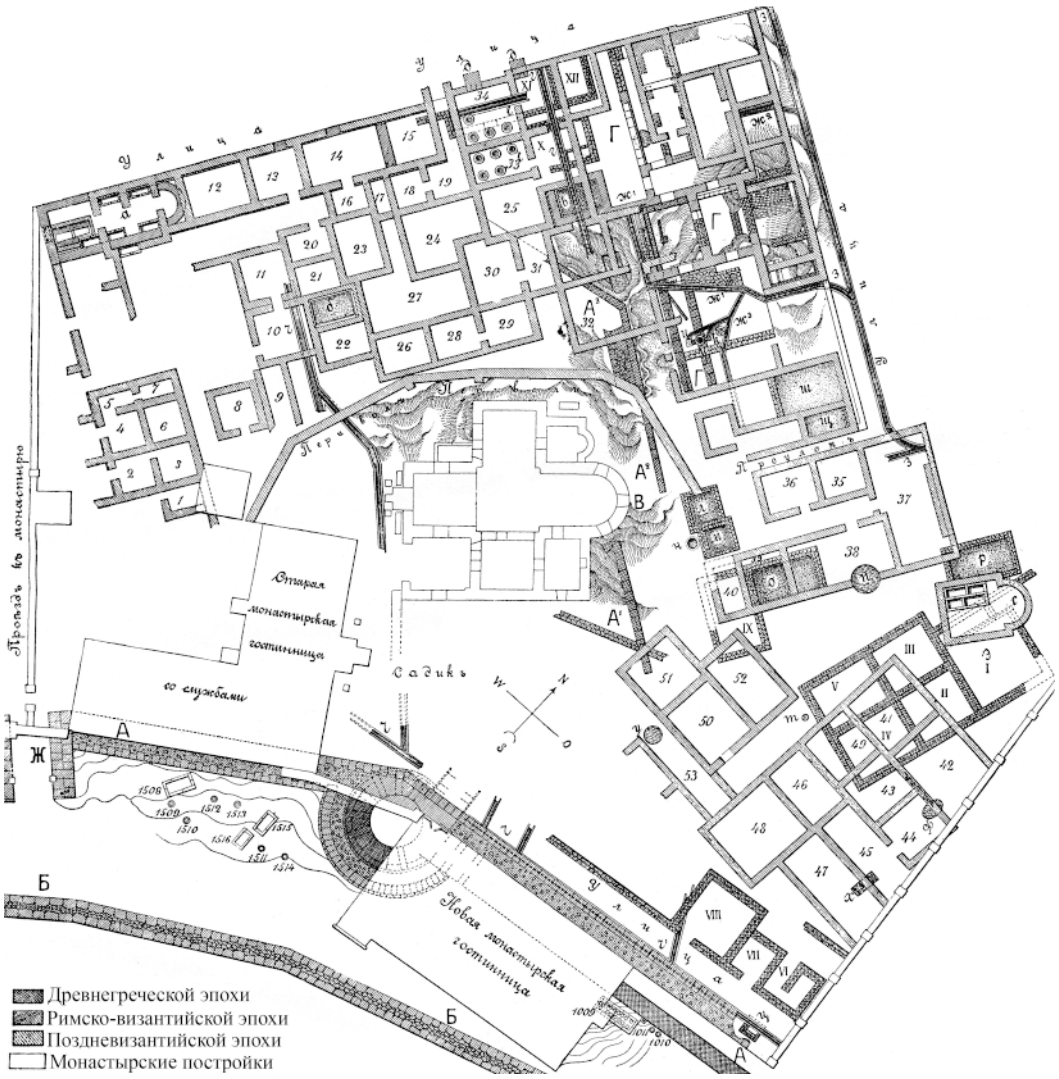

Рис. 4. План застройки участка в районе «Храма с ковчегом» (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

Рис. 5. Сосуд из раскопок здания «Г» (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

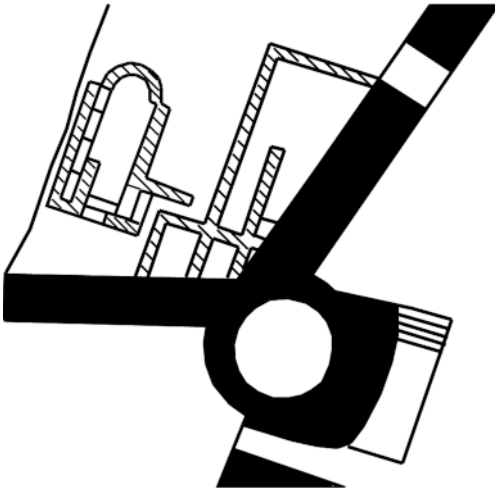

Рис. 6. План Юго-восточного монастыря в Портовом районе (по Т.Ю. Яшаевой).

Рис. 7. План монастыря-мемория в квартале III (по Т.Ю. Яшаевой).

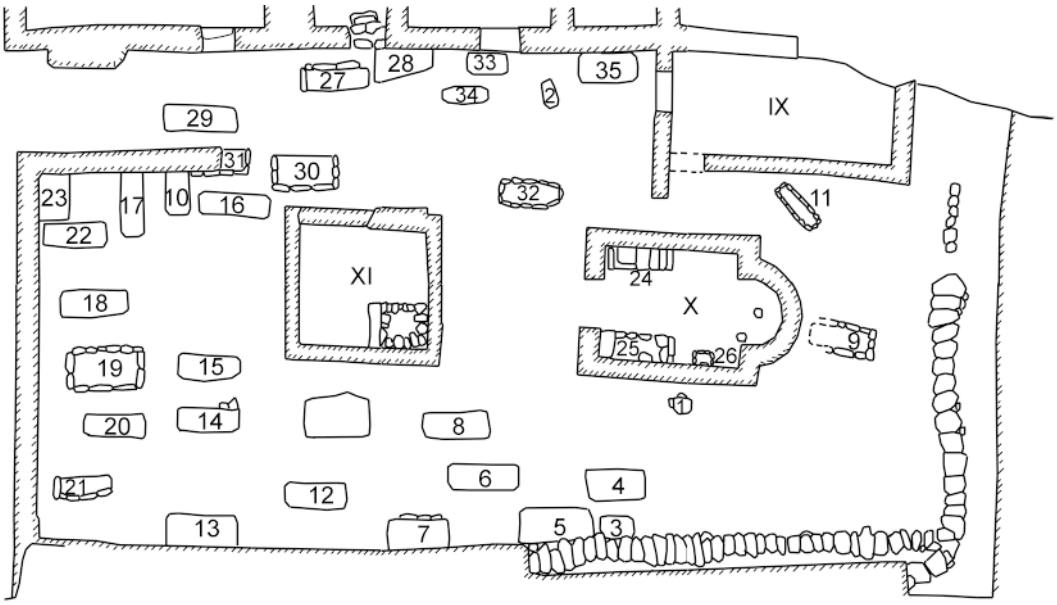

Рис. 8. План кладбищенского комплекса на месте базилики 1932 года (по Г.Д. Белову).

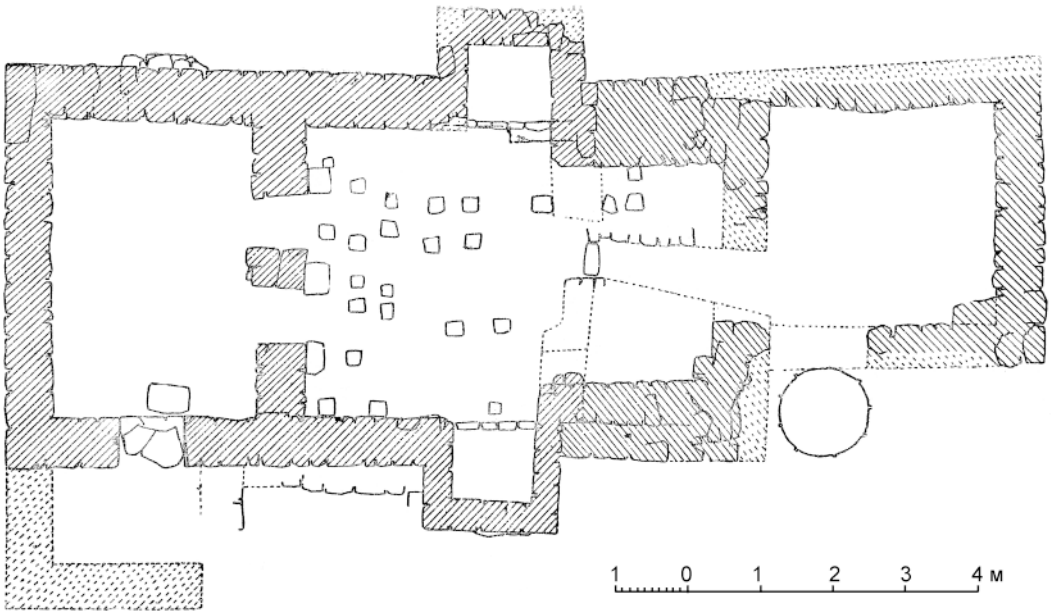

Рис. 9. План бани в квартале III Северо-восточного района (по А.Л. Якобсону).

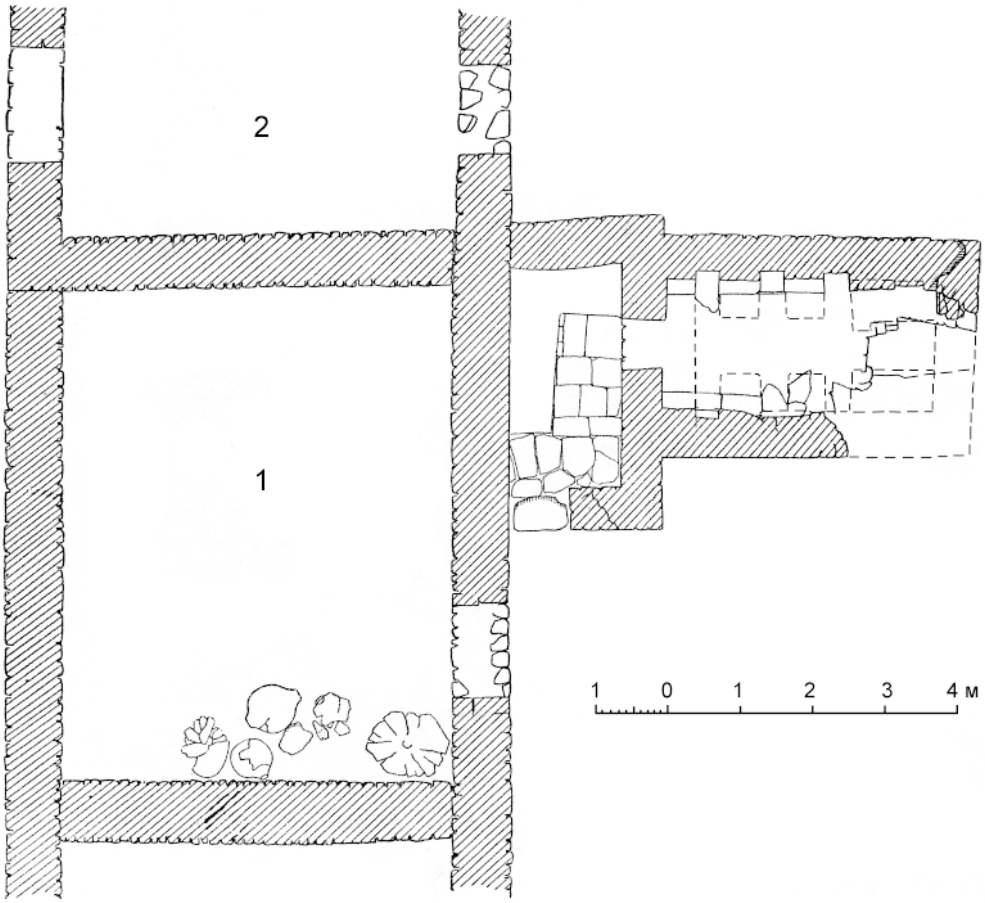

Рис. 10. План усадьбы с баней в квартале XV Северного прибрежного района (по Г.Д. Белову).

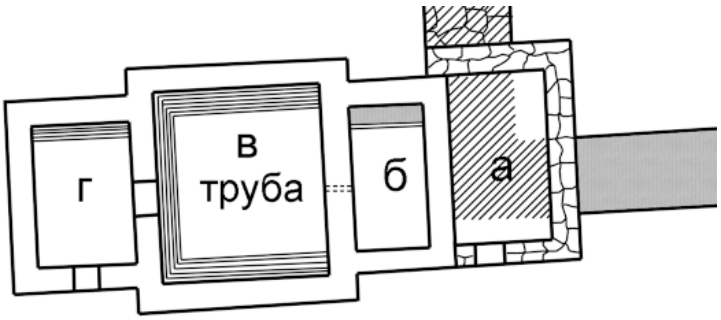

Рис. 11. План бани у башни XVIII Юго-восточного участка оборонительных стен (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

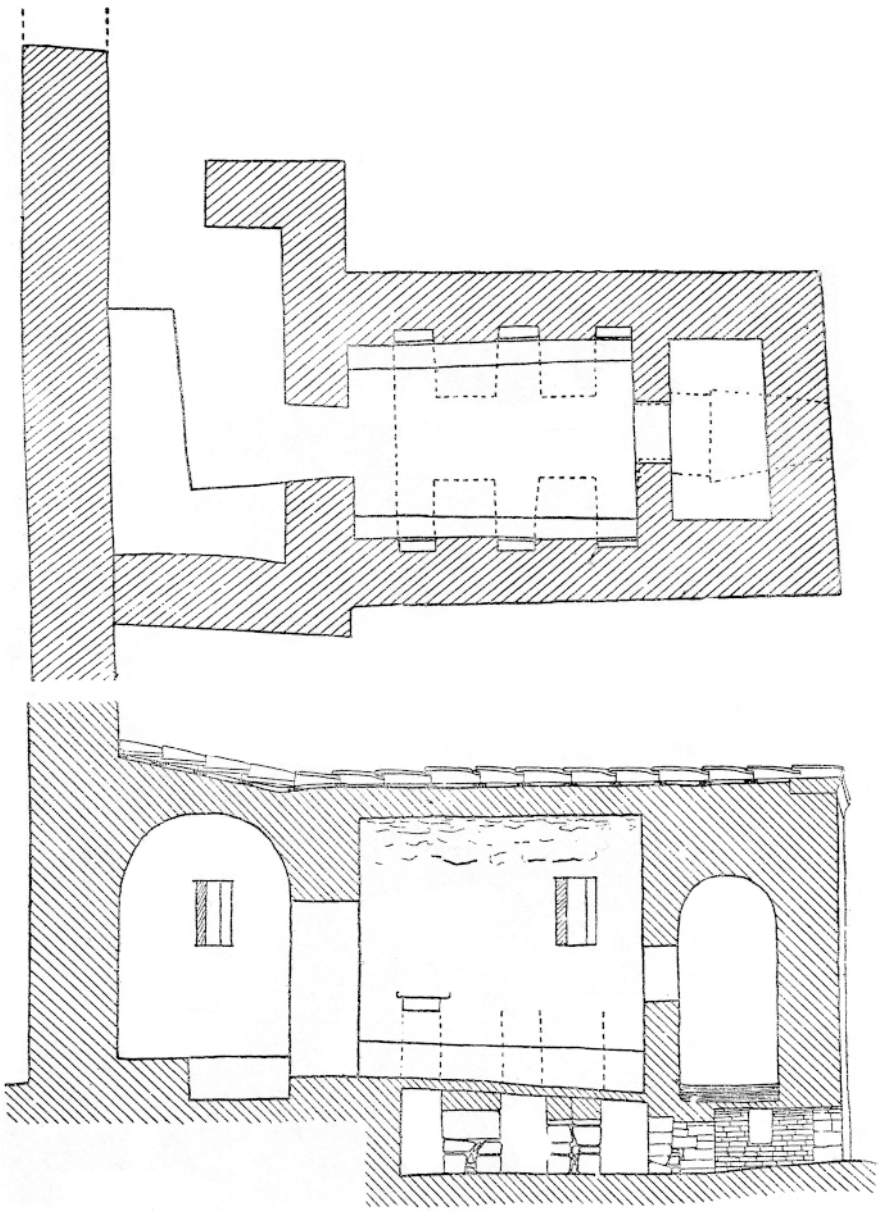

Рис. 12. Реконструкция (план и разрез) бани в квартале XV Северного прибрежного района (по А.Л. Якобсону).

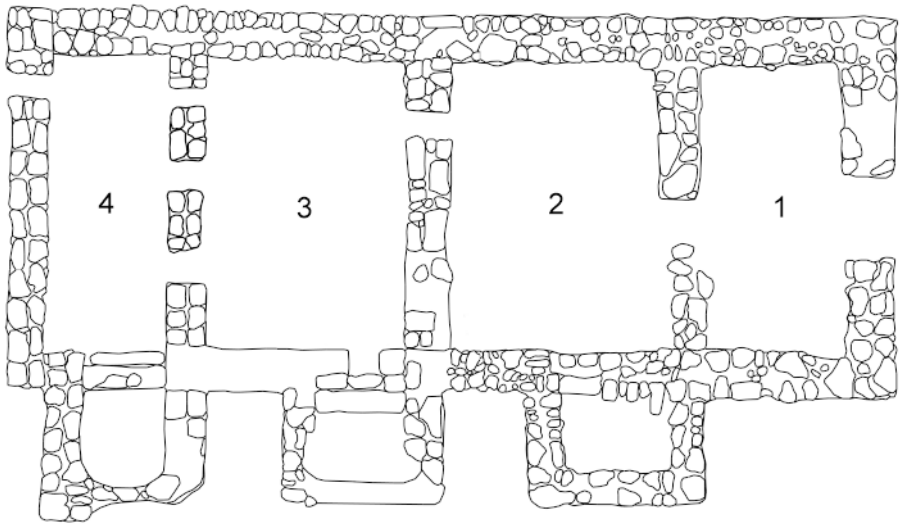

Рис. 13. План бани в квартале IX Северного района (по С.Г. Рыжову).

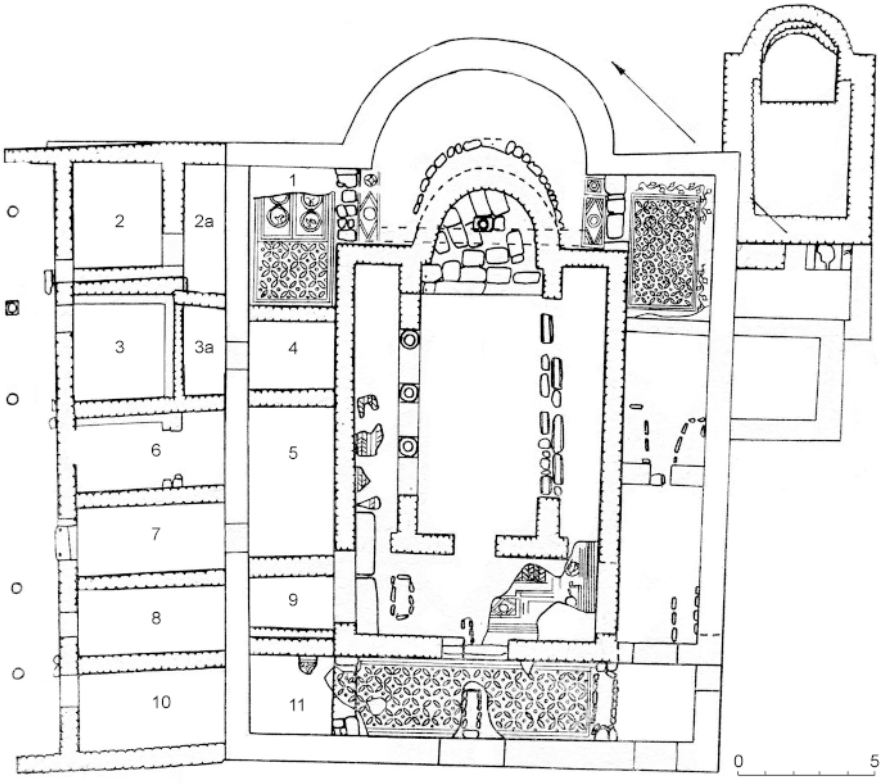

Рис. 14. Базилика № 15 с пристроенными к ней торговыми рядами (по С.Г. Рыжову).

Рис. 15. План участка, прилегающего к Карантинной бухте (по И.А. Антоновой).

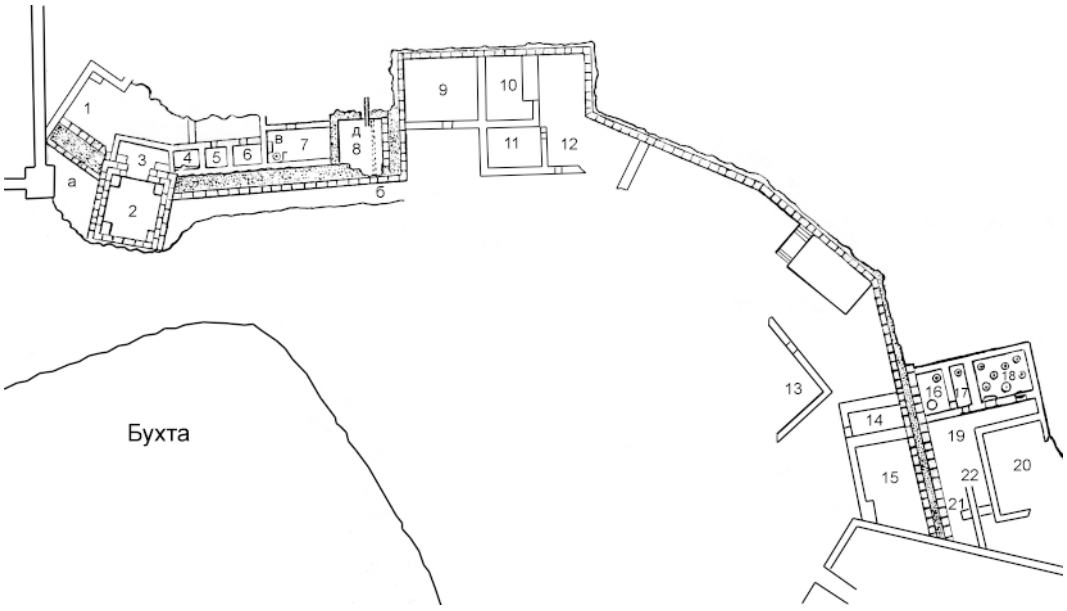

Рис. 16. План застройки в районе куртин 26 и 27 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

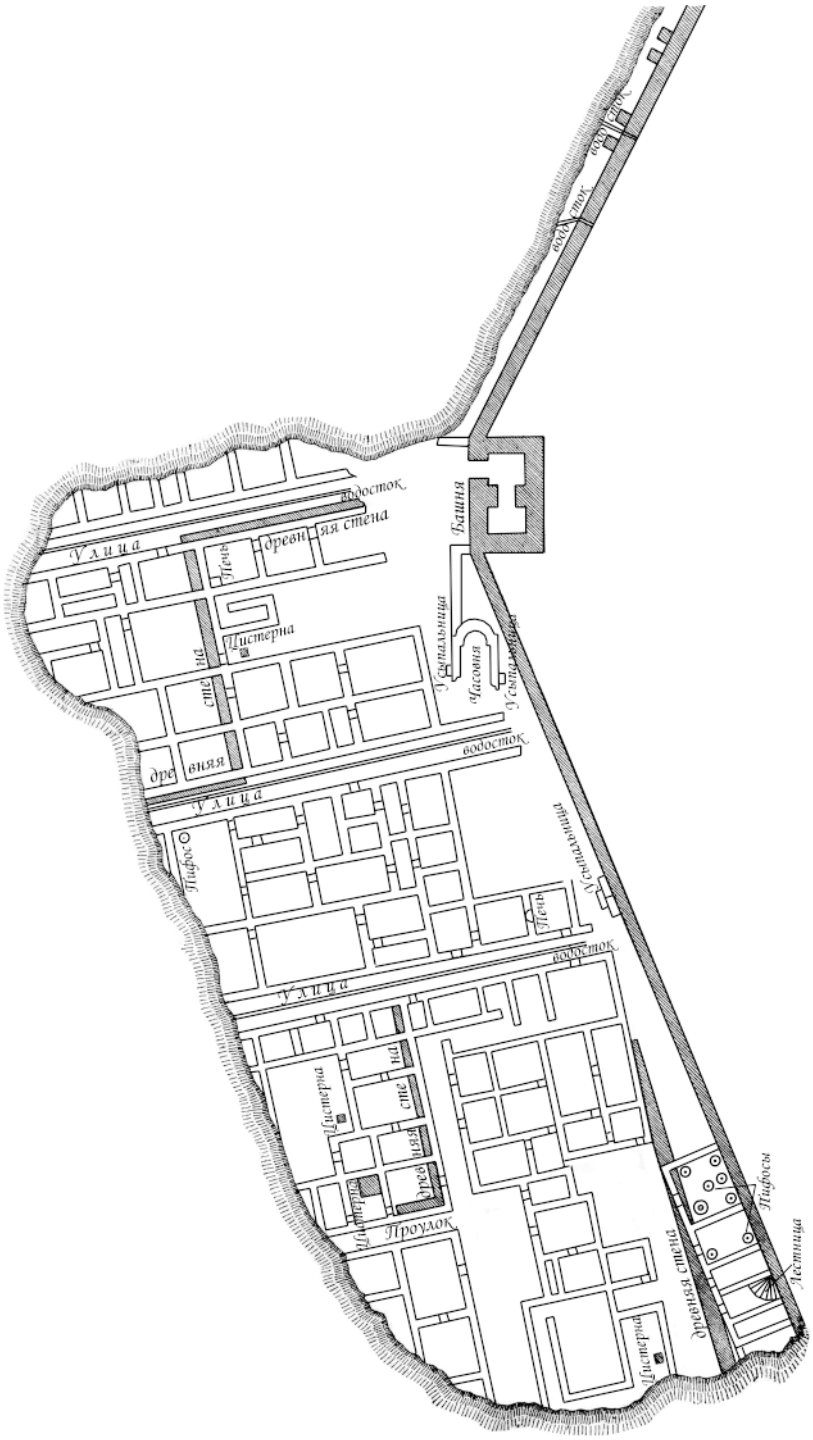

Рис. 17. План застройки участка с внутренней стороны древней приморской оборонительной стены (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

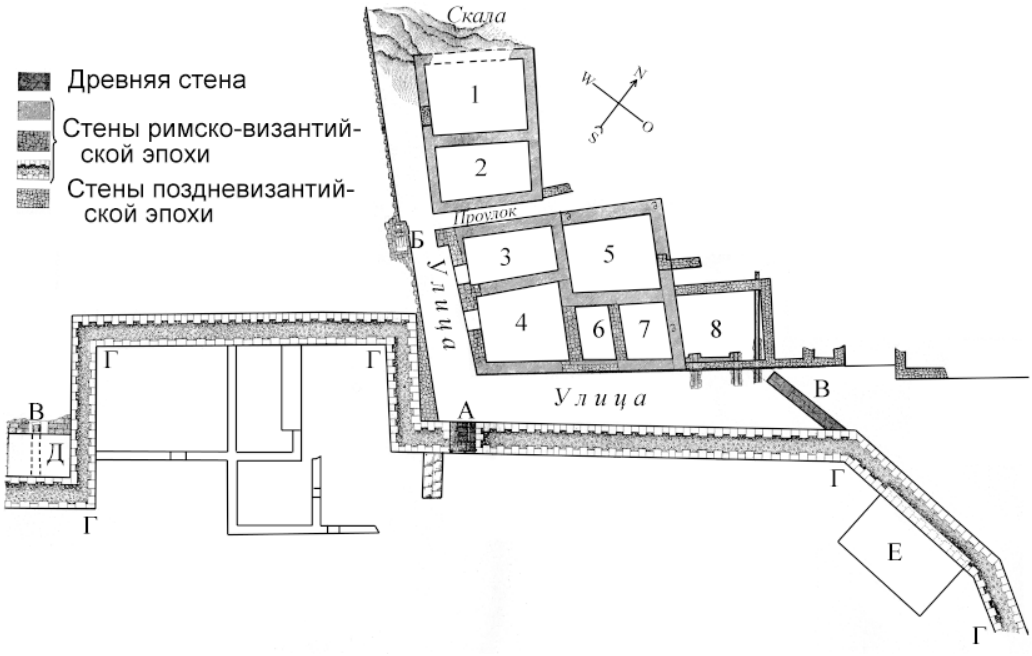

Рис. 18. План застройки участка к северо-западу от куртин 26-27 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

Рис. 19. План застройки участка, прилегающего к куртине 26 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

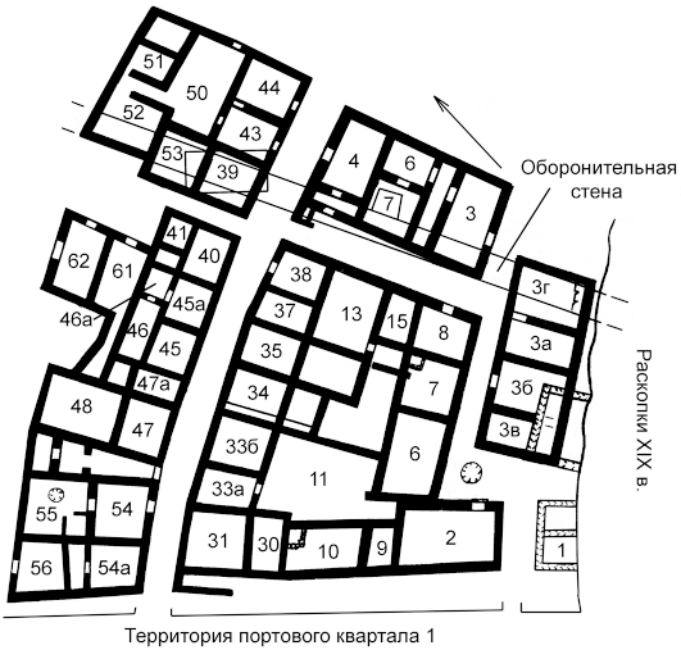

Рис. 20. План портового квартала 2 (по А.И. Романчук).

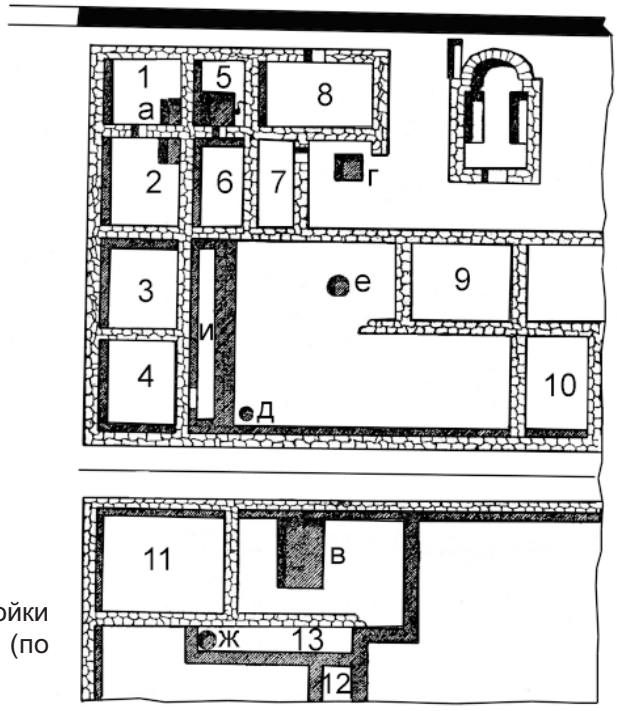

Рис. 21. План участка жилой застройки на центральной площади города (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

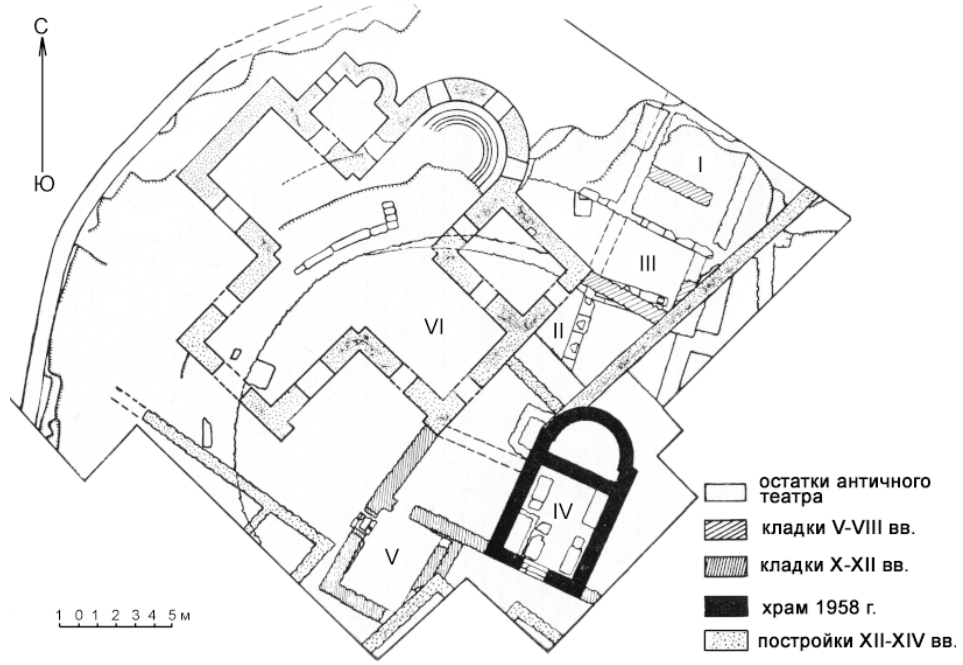

Рис. 22. План раскопок на участке античного театра (раскопки 1958 года; по О.И. Домбровскому).

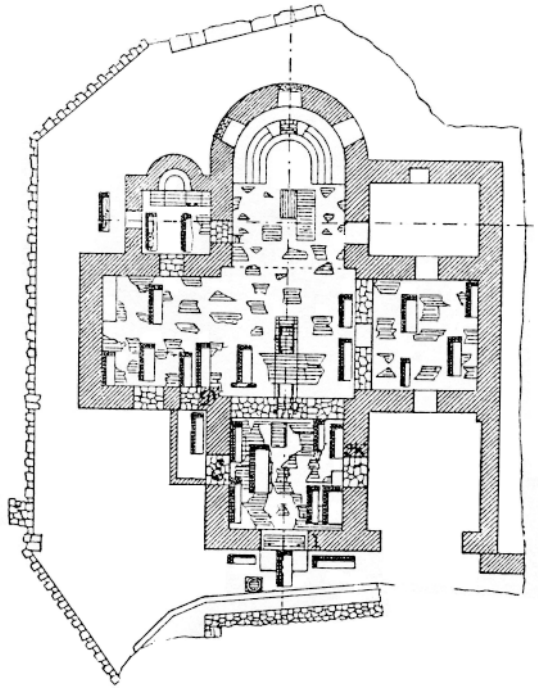

Рис. 23. План Храма с ковчегом (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

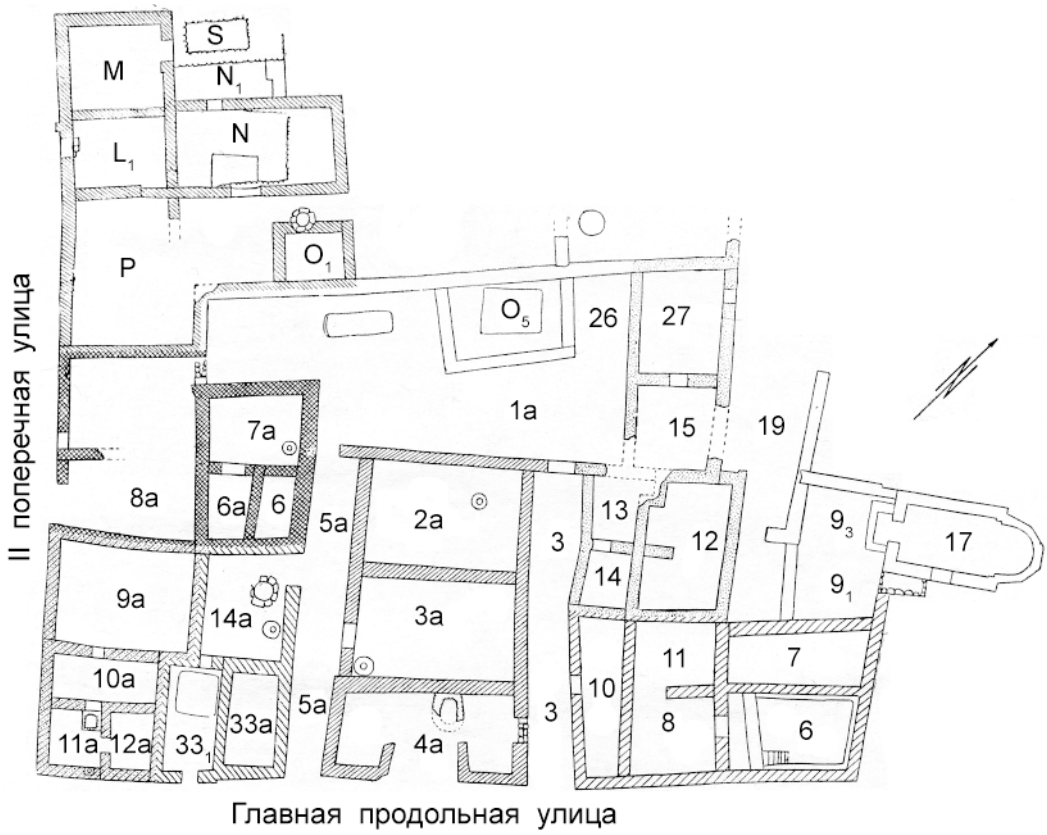

Рис. 24. План квартала I Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

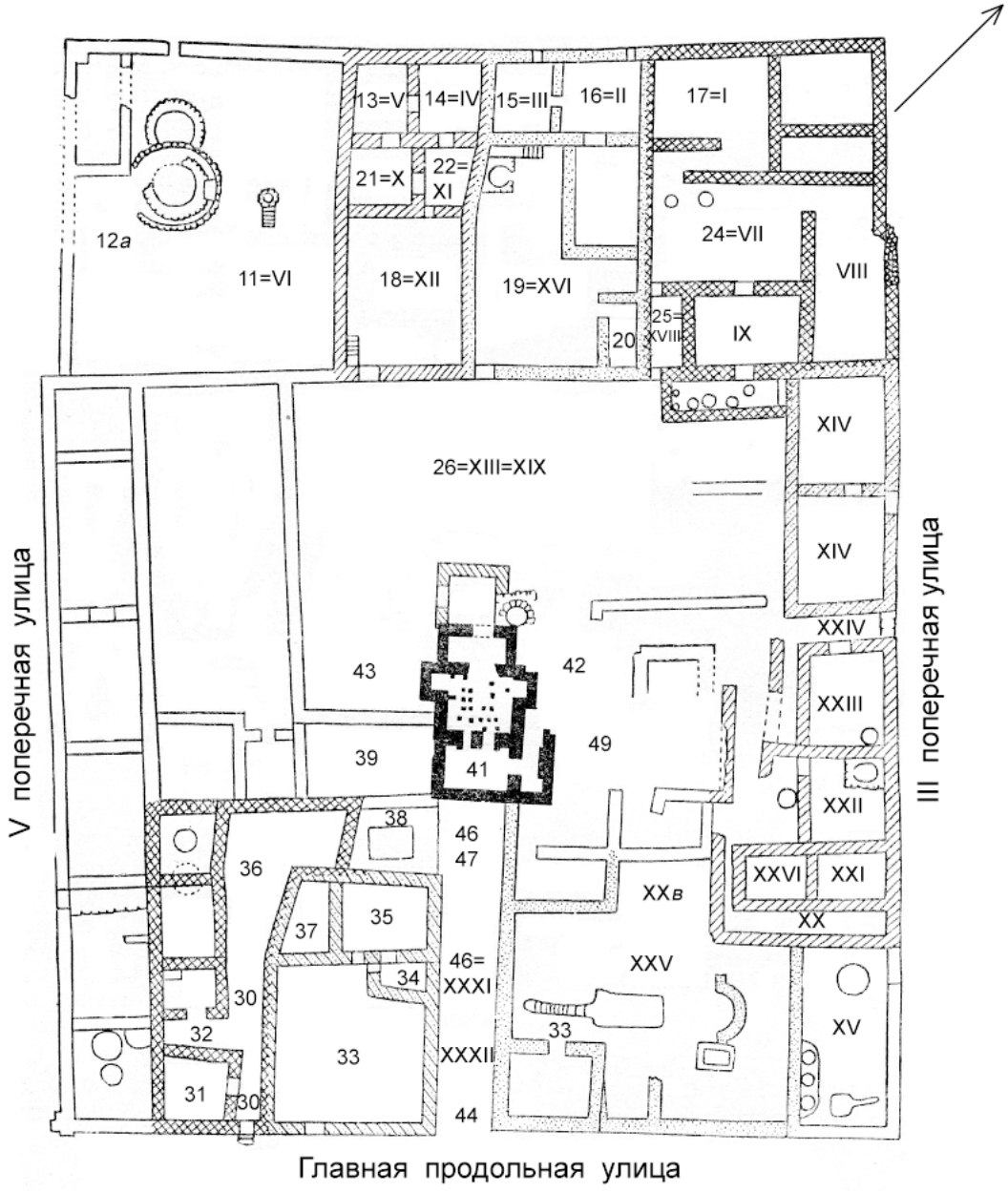

Рис. 25. План квартала III Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

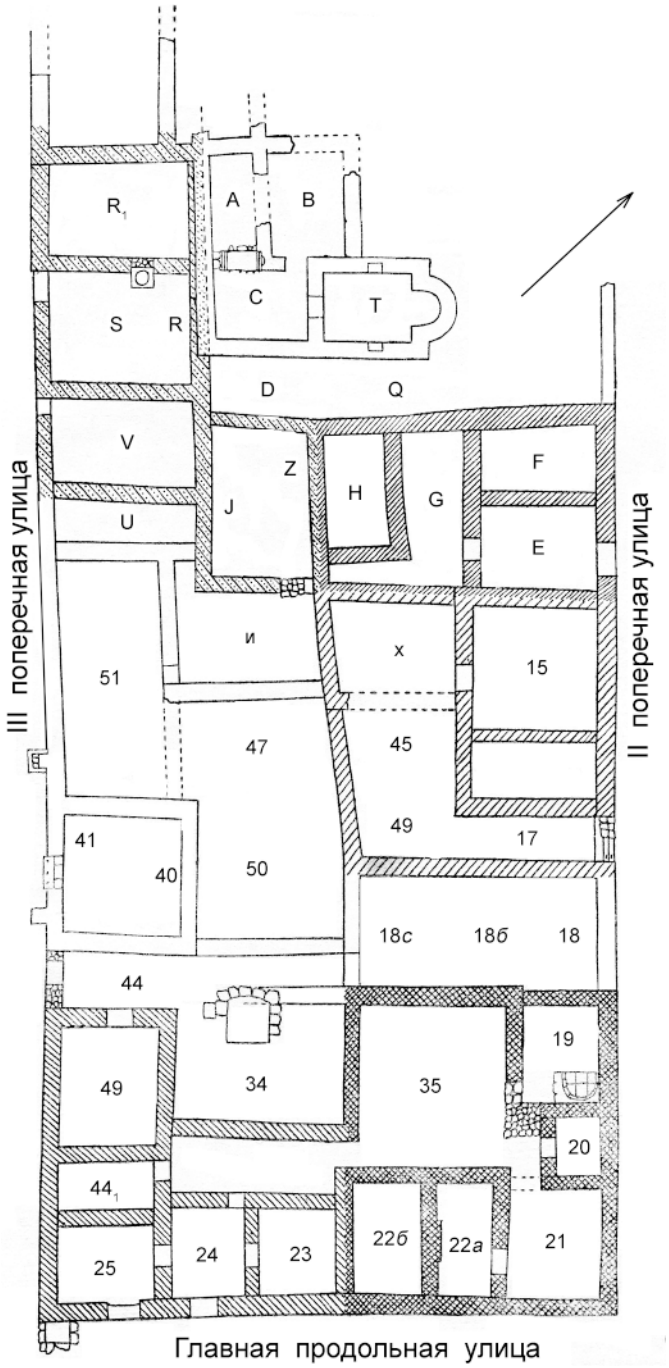

Рис. 26. План квартала II Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

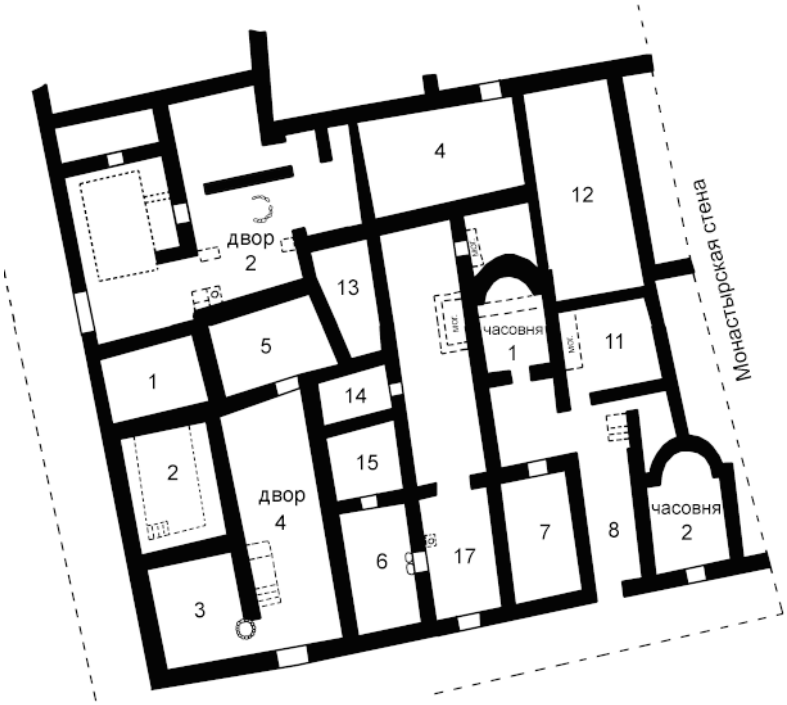

Рис. 27. План квартала X-А Северного района города (по С.Г. Рыжову).

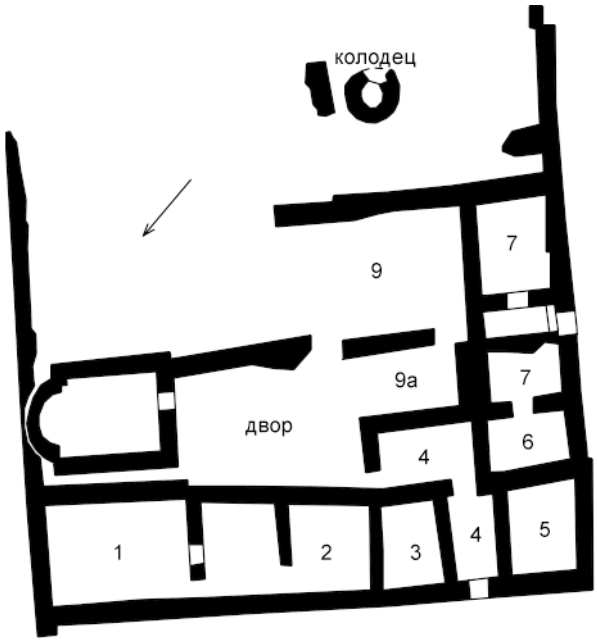

Рис. 28. План квартала VIII Северного района города (по С.Г. Рыжову).

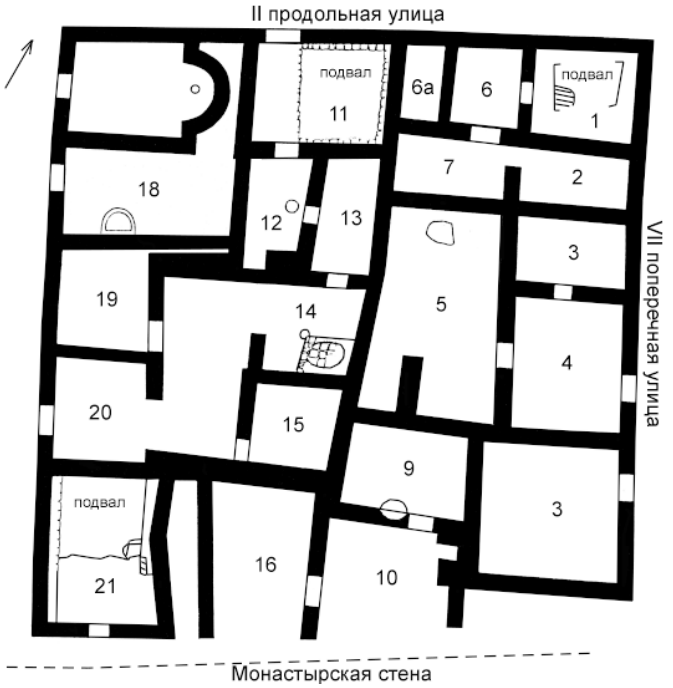

Рис. 29. План квартала X Северного района (по С.Г. Рыжову).

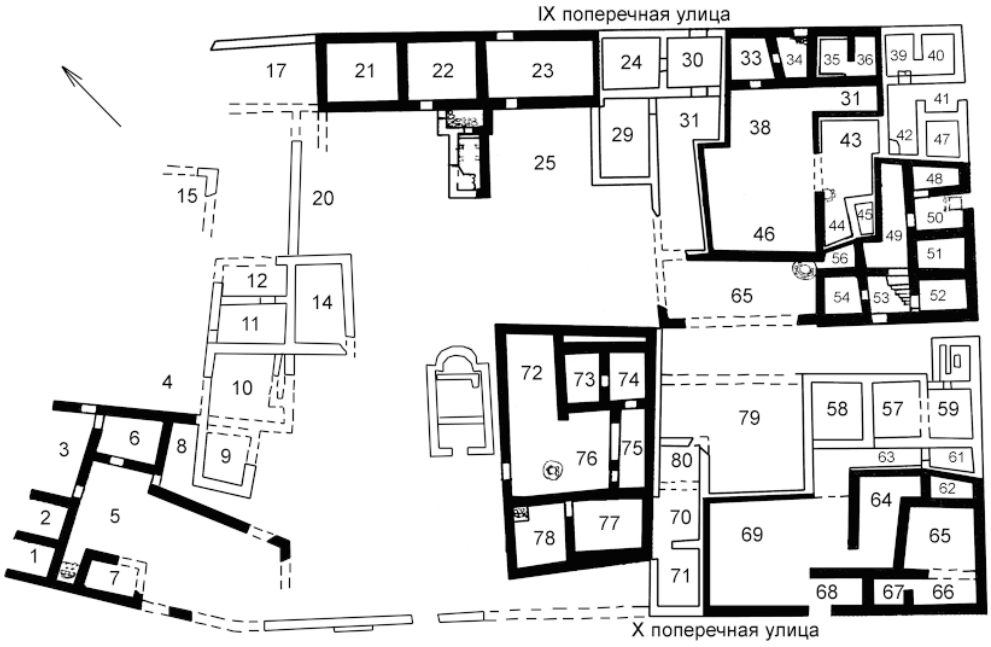

Рис. 30. План квартала XIII-XVIII Северного прибрежного района (по А.И. Романчук).

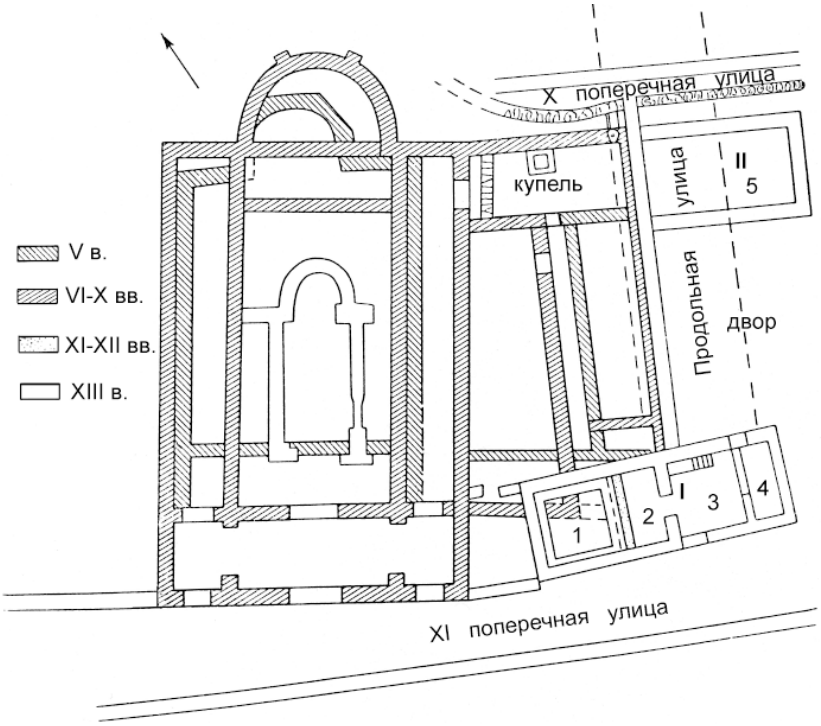

Рис. 31. План средневековой застройки в XIX квартале (по Г.Д. Белову).

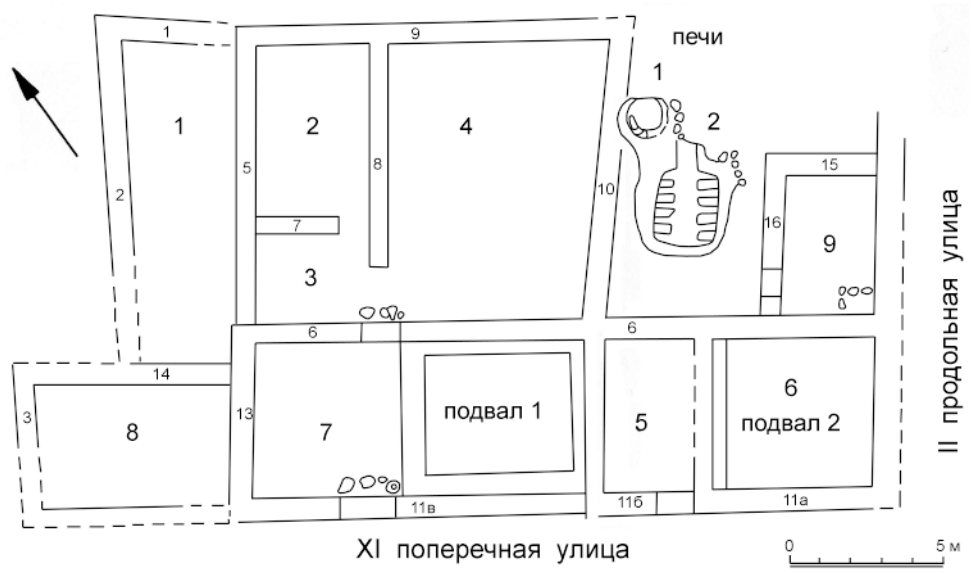

Рис. 32. План дома в XX квартале (по Ю.П. Калашнику).

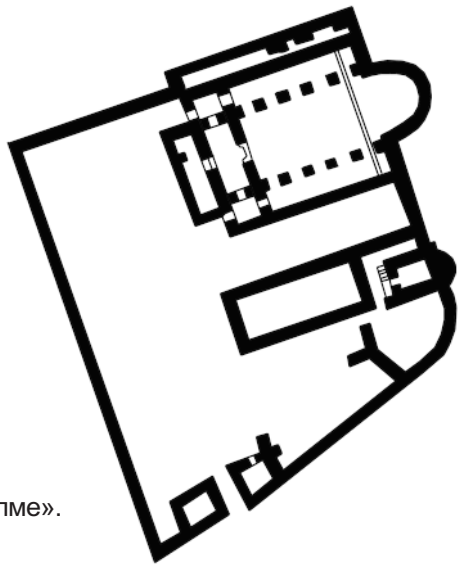

Рис. 33. План застройки участка «Базилики на холме». X-XIII вв. (по С.А. Беляеву).

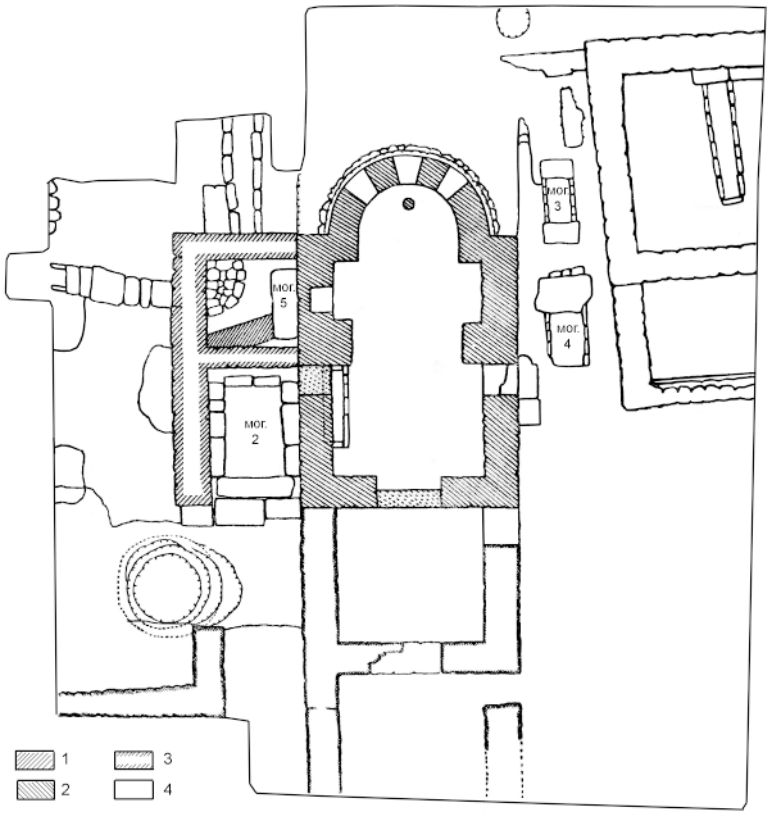

Рис. 34. План часовни и прилегающих помещений, раскопанных в 1930 году (по Г.Д. Белову).

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ТАВЕЛЬСКОГО КУРГАНА № 5 У с. КРАСНОЛЕСЬЕ

Изучение половецких памятников Крыма невозможно без публикации материалов, полученных в ходе раскопок. Поскольку половецкие погребения зачастую впущены в более ранние курганы, то они не привлекали внимания исследователей. Половецким погребениям посвящены опубликованные работы Е.Н. Черепановой и А.А. Щепинского [1, с. 187-201], А.И. Айбабина [6]. Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов нового средневекового погребения из Тавельского кургана № 5 и их интерпретация.

В письменных источниках содержится скудная информация о взаимоотношениях кочевников с населением крымских предгорий, гор и прибрежных городов. В сочинении Анны Комниной говорится, что в 1092 г. половецкие кочевья находятся в районах, удаленных от Херсона, и куманы обычно приходят к стенам этого города «торговать и покупать нужные им товары» [2, с. 266]. А в работе арабского географа ал-Идриси, написанной в 1154 г., упоминается, что Ялта принадлежит стране куманов [3, с. 49]. В труде историка XIII в. Ибн-ал-Асира отмечается, что кипчакам принадлежал Судак, откуда они получали товары до захвата его монголами в 1223 г. [4, с. 26]. Эти данные подтверждаются и в летописях Рашид-ад-Дина [5, с. 33]. Гильом Рубрук, побывавший в Крыму в 1253 г., сообщает, что города и крепости, расположенные между Херсоном и Судаком, платили куманам дань [7, с. 32]. По мнению А.И. Айбабина, с середины XII в. половцы не только кочевали в степях Крымского полуострова, но и облагали данью приморские города [6, с. 277].

Тавельские курганы расположены у с. Краснолесье Симферопольского района Автономной Республики Крым (рис. 1,*20*). В 1897 г. профессор Киевского университета Ю.А. Кулаковский раскопал 4 кургана. Курганы назвали по наименованию имения «Тавель». В 2002 г. Качинской экспедицией КФ ИА НАН Украины под руководством Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой были органи-

зованы охранные раскопки этой курганной группы[1]. Исследования начались с самого южного кургана, которому был присвоен номер 5. Высота кургана 2 м, диаметр 21 м. Авторы раскопок отнесли курган к ямной культуре. В последующее время в нем были совершены погребения катакомбной культуры, а в позднескифское время в насыпи кургана был сооружен каменный склеп.

Погребение 5 было обнаружено на глубине 0,7 м в центре кургана при разборке каменного завала склепа 1 (рис. 2). Могила прямоугольной формы была впущена в каменный завал, для ее устройства в верхней части северной стены склепа была вырублена ниша. Могильная яма размером 2,3х0,9 м ориентирована по линии СВ-ЮЗ (рис. 3). Заполнение ямы представляло собой черноземный грунт, перемешанный с камнями мелкого и среднего размера.

В могиле был обнаружен скелет мужчины 30-35 лет, ростом 182 см. Костяк лежал головой на северо-восток, в вытянутом положении на спине[2]. Антропологические исследования показали, что погребение принадлежит мужчине, привыкшему проводить большую часть времени в седле [8, с. 146].

Судя по инвентарю, это небогатое погребение принадлежало воину-кочевнику. Рядом с левой плечевой костью, на плоском камне были найдены два железных наконечника стрел (рис. 3,*1*). У правого плечевого сустава был обнаружен железный нож с треугольным в сечении лезвием (рис. 3,*4*). Также рядом с погребенным были обнаружены два железных кольца: одно у правого локтевого сустава (рис. 3,*2*), другое – в западном углу могилы (рис. 3,*3*). Рядом с костями правой стопы были найдены двусоставные двукольчатые железные удила (рис. 3,*5*) и костяная ворворка (рис. 3,*6*). На берцовых костях левой ноги лежали два железных стремени (рис. 3,*7*).

Наконечники стрел черешковые, плоские в сечении, с пером ромбической формы, без упора (рис. 4,*8,9*). Такие формы наконечников являются самыми распространенными на территории Восточной Европы в VIII-XIV вв. [9, с. 61]. По мнению А.В. Крыганова, такие наконечники стрел в восточноевропейских степях «имеют явно азиатское происхождение» [10, с. 73]. Они использовались и на охоте, и в военных целях. К сожалению, сохранность стрел не очень хорошая, но по некоторым признакам можно определить, что они относятся к типу BIII, по Г.А. Федорову-Давыдову [11, с. 26-28]. Датируются подобные наконечники XI-XII вв. [12, с. 75; 9, табл. 18,20]. Такие же наконечники были обнаружены в средневековых погребениях позднескифского городища Булганак (рис. 1,*18*) [13, с. 21-22, 218, рис. 36,8,9].

Обнаруженный в погребении железный *нож* имел общую длину 10 см и ширину 1,5 см. На черенке сохранились следы деревянной ручки (рис. 4,*7*).

[1] Выражаю искреннюю благодарность авторам раскопок за предоставленный для публикации материал, иллюстрации и консультации в процессе написания статьи.

[2] Антропологический анализ скелета из погребения представлен в статье В.Ю. Радочина и О.А. Бассалыго [8].

Такие ножи встречаются в захоронениях разного времени и разной культурной принадлежности, поэтому не могут быть приняты как датирующий элемент. Они встречаются почти в каждом кочевническом погребении и достаточно часто изображаются на половецких каменных изваяниях. По классификации С.А. Плетневой, они относятся к 1 типу по форме лезвия [13, с. 31-32, рис. 10,1].

Что касается железных *колец*, найденных в погребении, то назначение первого (рис. 4,*4*) неизвестно, а форма второго кольца позволяет интерпретировать его как *рамку от пряжки* (рис. 4,*6*). Она относится к типу AIII, по классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Назначение этой пряжки можно объяснить ее расположением в погребении. Вряд ли это была деталь поясного ремня (хотя чаще всего их использовали именно так, либо как застежку для портупейных ремней [12, с. 75]), скорее, она использовалась как деталь конской сбруи, тем более что рядом были обнаружены удила и ворворка (рис. 3,*5,6*). Пряжка с рамкой такой же формы была найдена на упомянутом уже городище Булганак в средневековом погребении № 1 [13, с. 21, рис. 36,1]. Эти пряжки являются типичными для кочевнических захоронений XII в. [15, рис. 82,83; 83,17].

Относительно *удил* (рис. 4,*3*) можно сказать, что они были широко распространены в IX-XIV вв. [12, с. 74-75] и классифицируются, по Г.А. Федорову-Давыдову, как тип ГII [11, с. 18-20, рис. 2]. Подобные удила также описаны и классифицированы С.А. Плетневой [16, с. 15]. Считается, что удила с большими кольцами (4-7 см в диаметре) характерны для комплексов XII-XIII вв. [17, с. 215].

Ворворка из кости является широко распространенным предметом в кочевнических погребениях. Г.А. Федоров-Давыдов определяет их как костяные пуговицы. Данная находка, согласно классификации Г.А. Федорова-Давыдова, относится к типу БIV [11, с. 71]. Но учитывая, что рядом были обнаружены детали конской сбруи, следует считать этот предмет ворворкой, а не пуговицей. Она круглая, трапециевидная в сечении и украшена циркульным орнаментом, перемежающимся с прочерченными линиями (рис. 4,*6*). Аналогичная ворворка была обнаружена в «перекопанной части насыпи кургана» у с. Кринички, раскопанного в 1957 г. Таврским отрядом Крымской палеолитической экспедиции ИА АН УССР [18, с. 25-39]. Интерпретируется она В.В. Кропотовым и А.М. Лесковым как деталь скифской конской сбруи, но с оговоркой, что в позднескифских памятниках таких находок практически нет, а присущи они скифским уздечным наборам IV в. до н.э., где они не орнаментированы [18, с. 26]. Найденная же у Криничек ворворка украшена врезным циркульным орнаментом, аналогичным украшениям на позднекочевнических предметах [18, с. 30-31, рис. 6,32]. К тому же типу можно отнести ворворку, найденную в средневековом погребении № 2 на Булганакском городище, где она украшена зигзагообразным орнаментом [13, с. 22, рис. 36,10]. Кроме того, в кочевнических погребениях часты находки различных изделий из кости, таких, как накладки на колчаны и налучья, снабженных таким же циркульным орнаментом [12, с.

75; 13, с. 22, рис. 39]. Подобные костяные изделия других форм, но с похожим орнаментом, были обнаружены в погребениях, связанных с Черными клобуками [16, табл. 8,7; 11,13; 17,9; 31,6].

Учитывая аналогии и место находки ворворки в кургане у с. Кринички, можно предположить, что в курган в средневековье было впущено еще одно погребение, которое было разрушено и не фиксировалось на момент исследования памятника. И тогда, возможно, необходимо пересмотреть интерпретацию некоторых других артефактов, например, звена железных удил, нетипичного для коллективных позднескифских погребений. Маловероятна версия, что ворворка была просто утеряна в этом месте каким-нибудь незадачливым кочевником, хотя и такую возможность нельзя исключать.

Оба железных *стремени*, обнаруженные в погребении из Тавельского кургана № 5, арочные, с расплющенной верхней частью дужки, но кроме общих черт, есть и отличительные. Формы верхних частей дужек и подножки у этих стремян разнятся, что позволяет отнести их к разным типам. Первое из них (рис. 4,*1*) относится к типу ГІ, по Г.А. Федорову-Давыдову, и датируется XII – началом XIII вв. Исследователь приводит аналогии этому типу в соответствующих слоях Новгорода, на городищах Княжья Гора и Райки [11, с. 12, 15].

Второе стремя (рис. 4,*2*) относится к типу ЕІІІ, по той же классификации, оно снабжено широкой овальной в плане подножкой. Аналогии этим стременам встречаются в слоях XII-XIII вв. смоленских городищ и в Новгороде в слоях XIV в. Комплексы со стременами такого же типа из курганов в низовьях Альмы и Качи Е.Н. Черепанова и А.А. Щепинский датируют IX-XIII вв. [1, с. 185-186, рис. 3,4].

С.А. Плетнева считает, что в XII в. появляются стремена с прямоугольной или заостренной верхней частью, и лишь к концу XII в. появляются экземпляры с ровной дуговидной верхней частью и широкой, до 10 см, подножкой [17, с. 215]. В нашем случае первое из стремян (рис. 4,*1*) подходит под описание стремян XII в., а второе (рис. 4,*2*), учитывая достаточно узкую подножку, можно считать переходным типом к стременам с широкой подножкой, появившимся в конце века. Таким образом, наши экземпляры, по С.А. Плетневой, датируются XII веком.

Как правило, стремена являются основным датирующим элементом в погребении. Пользуясь предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым теорией эволюционного ряда стремян [11, с. 12-15] и разместив в этом ряду тавельские экземпляры, можем увидеть, что, несмотря на их различие и непрямую эволюционную связь, эти два типа стремян сосуществовали. Проблема классификации средневековых кочевнических стремян и их датировки по-прежнему остается открытой, но это тема, требующая специального исследования.

Отдельное внимание следует уделить ориентировке погребения. В данном случае она северо-восточная, ближе к восточной, что позволяет сделать вывод о принадлежности захоронения половцам. Но тут нужно оговориться,

что хотя и считается, что такая ориентировка была принесена в восточноевропейские степи кипчаками, но в результате смешения различных народов и их культур эти обычаи перенимались племенами друг у друга [15, с. 39]. Об этом же свидетельствует и западная ориентировка кочевнического погребения, обнаруженного у с. Столбовое Джанкойского района в Крыму (рис. 1,*5*). Это погребение относится к XII в. и, вероятнее всего, оставлено богатым половецким воином [19]. Ориентировка этого погребения на запад может говорить о влиянии печенежских погребальных традиций [19] или о смене восточной ориентации на западную в золотоордынскую эпоху [20, с. 272], что не соотносится с датировкой комплекса.

Принимая во внимание, что в погребении из Тавельского кургана № 5 находятся вещи, хронологические рамки которых определяются XI-XII и XII-XIII вв., можно датировать комплекс более узко – XII веком. Это также совпадает по времени с появлением в крымских (причерноморских) степях половцев. И учитывая, что это погребение расположено южнее всех опубликованных кочевнических памятников крымских предгорий (рис. 1), в дальнейшем, при условии привлечения более обширных материалов, возможно удастся проследить и путь проникновения номадов к портовым городам южного берега Крыма для взимания с них дани [6, с. 277].

Исходя из всего вышеприведенного, можно сделать вывод, что погребение принадлежало небогатому половецкому воину.

Для того, чтобы показать, как разместились кочевники в крымских степях и предгорьях, необходимо опубликовать как можно большее количество уже обнаруженных памятников с последующим нанесением их на карту. Такое исследование позволит более точно локализовать расположение кочевых племен, показать их продвижение на юг и определить, в каких районах контакты с оседлым населением были более продолжительными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Погребения поздних кочевников в Степном Крыму // Археология и история средневекового Крыма. Киев, 1968.
2. Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.
3. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях ал-Идриси. М., 1999.
4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М., Л., 1941.
6. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
7. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь, 2004.

8. Радочин В.Ю., Бассалыго О.А. Антропологический материал из Тавельского кургана № 5 // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
9. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1-36.
10. Крыганов А.Е. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. Новосибирск, 1990.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
12. Айбабин А.И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века: Археология в 20-ти т. М., 2003.
13. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
14. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974. Вып. Е4-2.
15. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
16. Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // САИ. М., 1973. Вып. Е1-19.
17. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР в 20-ти т. М., 1981.
18. Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. № 84.
19. Панченко М.В. К вопросу о датировании кочевнических древностей средневековья // Восточноевропейский археологический журнал. 1999. № 1 (http://archaeology.kiev.ua/journal/011299/panchenko.htm).
20. Чхаидзе В.Н. Средневековое кочевническое погребение из Нижнего Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6.

Сейдалієв Е. І.

Середньовічне поховання з Тавельського кургану № 5 у с. Краснолісся

Резюме

У статті опубліковано нові матеріали із впускного середньовічного поховання в Тавельському кургані № 5 у с. Краснолісся Сімферопольського району. Назва курганів пов“язана із тим, що раніше місцевість, де вони були знайдені, мала назву «Тавель», як і панський маєток, який тут знаходився. Дослідження курганів Тавельської групи було розпочато ще в 1897 р. і після довгої перерви поновлено лише в 2002 р. На підставі підібраних аналогій було зроблено спробу інтерпретації і датування виявлених у похованні речей. Внаслідок проведеного аналізу було визначено, що поховання належить середньовічному воїну-кочовику, скоріш за все половцеві, яке датується XII-XIII ст. Це підтверджується як інвентарем, так й антропологічними дослідженнями.

Сейдалиев Э. И.

Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье

Резюме

В статье опубликованы новые материалы из впускного средневекового погребения в Тавельском кургане № 5 у с. Краснолесье Симферопольского района. Название курганов связано с тем, что ранее местность, где они были обнаружены, называлась «Тавель», по находившемуся тут помещичьему имению. Исследование курганов Тавельской группы было начато еще в 1897 г. и продолжено лишь в 2002 г. Были сделаны попытки интерпретации и датировки обнаруженных в погребении вещей, с привлечением аналогий. В результате проведенного анализа было определено, что погребение принадлежит средневековому воину-кочевнику, предположительно половцу, и датируется XII-XIII вв. Этот факт подтверждается как инвентарем, так и антропологическими исследованиями.

Seydaliev E. I.

Medieval Burial from Tavel Burial Mound N 5 near the Village of Krasnoleseye

Summary

New materials from secondary medieval burial in Tavel burial mound N5 near the village of Krasnoleseye of Simferopol district are published in this article. The names of burial mounds are connected with the place, where they were discovered, was earlier named «Tavel» as a landlord's estate. The research of burial mounds of Tavel group began in 1897 and went on only in 2002. There were some attempts to interpret and date the objects found in burials with the help of analogies. As a result of the undertaken analysis it was determined that the burial belongs to a warrior-nomad, presumably a Polovetsian, and is dated back to the 12th – 13th centuries. This fact is confirmed by the equipment and anthropological research.

Рис. 1. Половецкие погребения.

1 – Рисовое, *2* – Танковое, *3* – Чатырлык, *4* – Мартыновка, *5* – Столбовое, *6* – Матвеевка, *7* – Джанкой, *8* – Заливное, *9* – Семеновка, *10* – Боспор, *11* – Чокрак, *12* – Мамай, *13* – Евпатория, *14* – Бахчи-Эли, *15* – Чокурчинский курган, Сарайлы-Кият, *16* – Симферопольское водохранилище, *17* – Вилино, *18* – Булганак, *19* – Казанки, *20* – Тавельские курганы, *21* – Судак, *22* – Херсон, *23* – Ближнее Боевое (по А.И. Айбабину [6, рис. 1], с дополнениями).

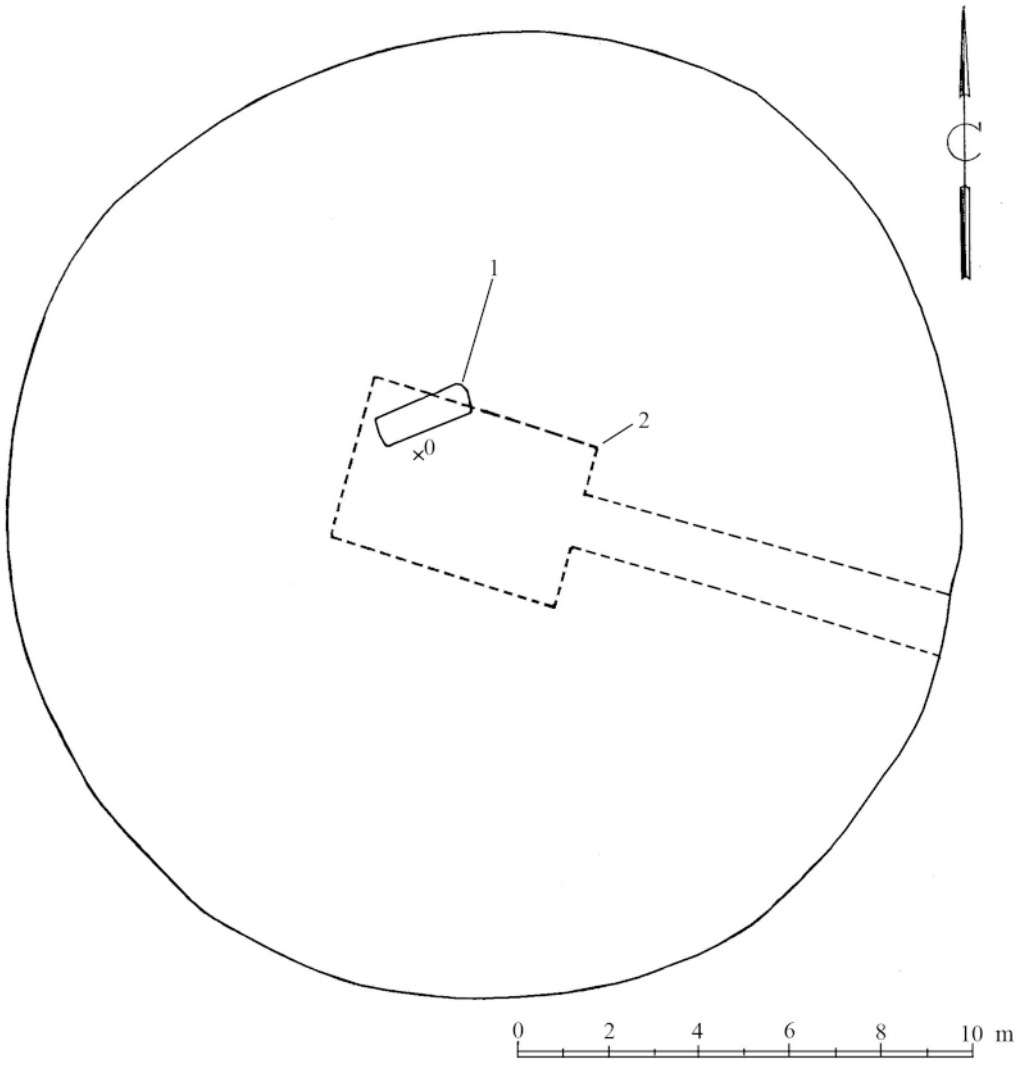

Рис. 2. Общий план Тавельского кургана № 5.
1 – погребение 5; *2* – склеп 1.

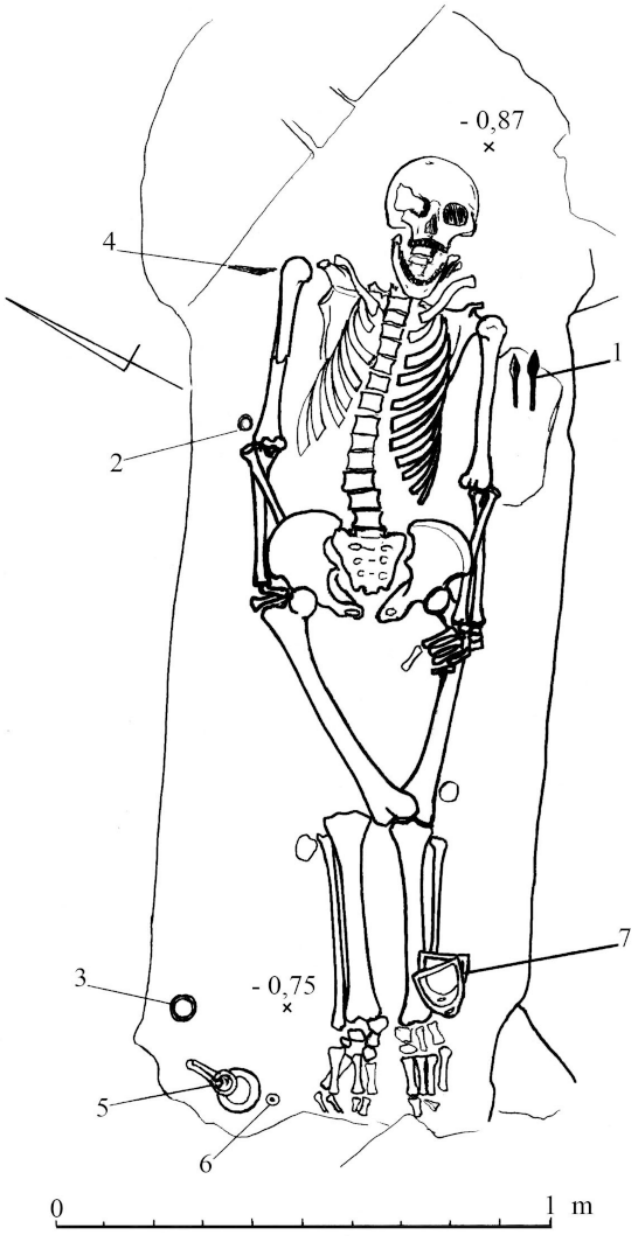

Рис. 3. План погребения 5.

1 – наконечники стрел; *2* – кольцо железное; *3* – кольцо железное (рамка пряжки); *4* – нож железный; *5* – удила железные; *6* – ворворка костяная; *7* – стремена железные.

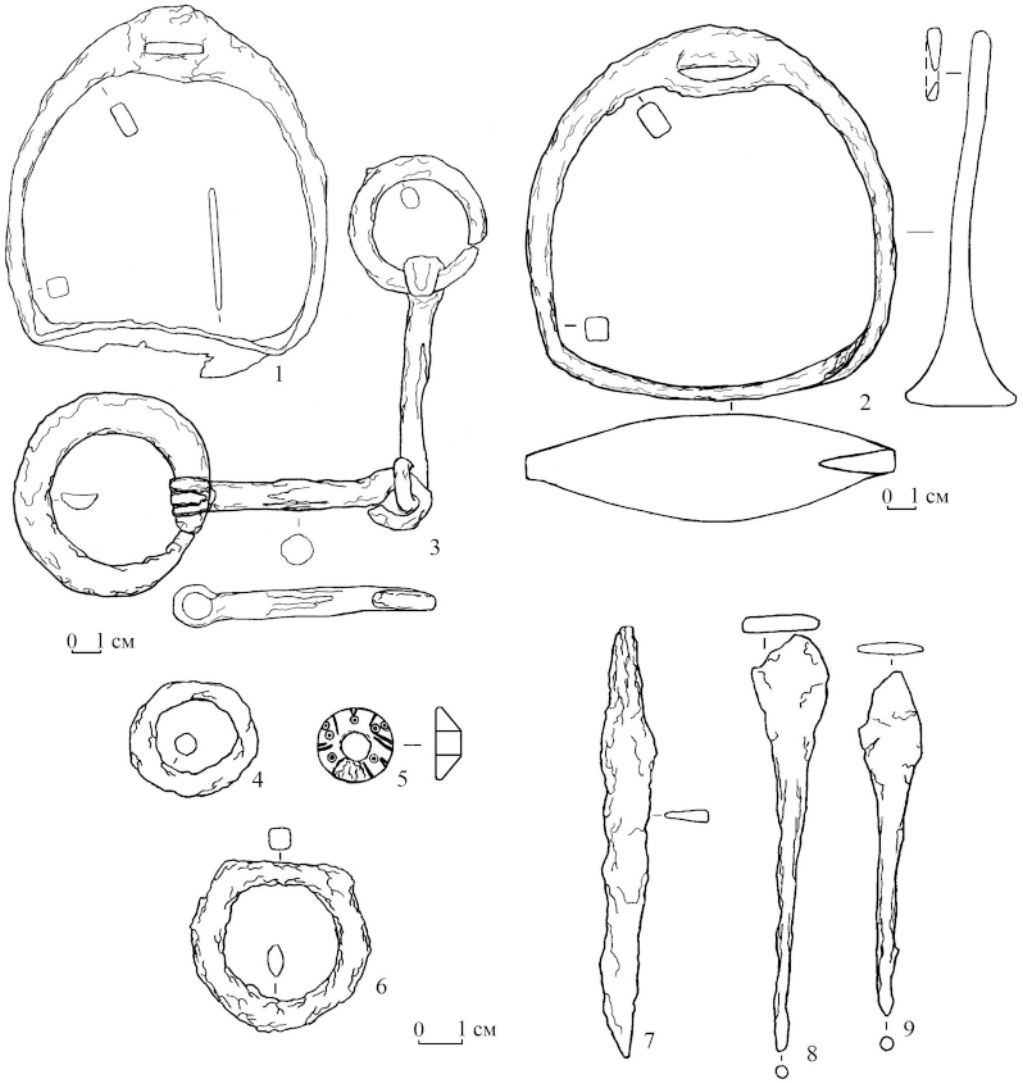

Рис. 4. Инвентарь погребения 5.

1, 2 – стремена железные; *3* – удила железные; *4* – железное кольцо; *5* – ворворка костяная; *6* – кольцо железное (рамка пряжки); *7* – железный нож; *8, 9* – наконечники стрел железные.

А. Г. ГЕРЦЕН, В. Е. НАУМЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ЦЕРКВИ СВ. КОНСТАНТИНА (МАНГУП): II ГОРИЗОНТ ЗАСТРОЙКИ (XV в.)

Статья продолжает серию публикаций основных результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки вблизи церкви Св. Константина в центральной части Мангупского плато, начатую в 2007 г. (рис. 1; 2) [1, с. 89-96; 2, с. 233-298][1]. Как уже отмечалось, важность данного объекта для изучения Мангупа состоит в том, что здесь, впервые на площади одного раскопа, в 1997 и 2001-2005 гг. были последовательно изучены культурные напластования и соответствующие им горизонты застройки, отражающие все основные этапы функционирования городища, от ранневизантийского до турецкого времени. Именно возможность ведения раскопок на широкой площади, с последовательной фиксацией разновременных строительных остатков, которые сопровождались репрезентативными коллекциями вещественных материалов и обилием уточняющих их датировку закрытых археологических комплексов (всего 71), превращает данный объект в один из эталонных при изучении основных периодов в истории Мангупского городища [2, с. 234-236].

На сегодняшний день в научный оборот введены результаты раскопок I (верхнего) горизонта застройки вблизи церкви Св. Константина, датированного второй половиной / концом XVI – началом XVIII вв. На площади раскопа он был представлен остатками двух зданий, стены-крепиды, семи хозяйственных ям, фрагментами отдельных кладок, а также участком безынвентарного некрополя за пределами ограды храма. Отметим, что все закрытые археологические комплексы, связанные с этим строительным ярусом, датируются концом XVII – началом XVIII вв. Это, скорее всего, не случайно и может указывать на характер использования данного участка городища населением Мангупа

[1] См. также статью А.А. Душенко «Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина» в настоящем издании.

в турецкое время – от его почти полной заброшенности на протяжении XVI и большей части XVII вв. к строительной активности в конце столетия, очевидно, после прекращения функционирования церкви Св. Константина и некрополя при ней [2, с. 241-244, 254-255].

Настоящая статья посвящена публикации результатов исследований следующего, II строительного горизонта, который образуют сооружения периода княжества Феодоро (XIV – третья четверть XV вв.). Речь идет о максимально полном, в рамках одной статьи, издании археологических комплексов этого времени, полученных в ходе раскопок. Такой формат работы помогает, на наш взгляд, лучше представить структуру вещественного комплекса находок Мангупского городища интересующей нас эпохи и попытаться выделить в нем надежные хроноиндикаторы для массового археологического материала, прежде всего, керамического. Как ни парадоксально, несмотря на то, что культурный слой и строительные остатки этого периода выражены в стратиграфии памятника практически повсеместно и достаточно хорошо, а такие архитектурно-археологические объекты, как Цитадель, Дворец 1425 г., Большая базилика, доминируют в планиграфии городища, такая работа предпринимается едва ли не впервые. До этого в историографии при публикации материалов XIV-XV вв. обычно речь шла либо об общей характеристике открытых объектов и иллюстрировании исследователями своих заключений наиболее яркими и показательными категориями находок [3, с. 342-346, рис. 10; 4, с. 390-418, рис. 8-10; 13; 15-16; 25; 32; 5, с. 228, рис. 4,14,16-18; 6, с. 442-450, рис. 11-12], либо об анализе отдельных групп артефактов, прежде всего, глазурованной керамики [7, с. 116-130, табл. 1-4; 8, с. 102, рис. 42,1-7; 43-45; 9, с. 261-263, рис. 5-22]. В некоторой степени исключением являются недавние издания результатов раскопок дозорного и культового комплексов под оконечностью мыса Тешкли-бурун и стратиграфических исследований на его юго-восточном склоне, где вещественные комплексы находок XIV-XV вв. представлены максимально полно [10; 11]. Однако особые условия формирования стратиграфии этих памятников не дают возможности уверенно говорить об их узкой хронологии, в отличие от участка застройки вблизи церкви Св. Константина, где влияние антропогенного и природного факторов на этот процесс было менее значительным.

II горизонт жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина представлен остатками двух зданий (№№ 1 и 6) и двух хозяйственных ям (№№ 17 и 35) (рис. 3). Как уже отмечалось в публикации 2007 г., с его функционированием связано образование ***3-го культурного слоя*** на большей части раскопа[2]. По структуре он представляет собой светло-серый плотный грунт, насыщенный мелким камнем, щебнем, керамической и известняковой крошкой, зольными пятнами, прослойками разложившегося известкового раствора и угля-

[2] О стратиграфической ситуации в целом на участке исследований см.: 2, с. 238-241.

ми на поверхности, мощностью от 0,1 до 0,6 м. Вдоль северо-восточного борта участок исследований залегает непосредственно на скале. В то же время нужно отметить, что 3-й слой, как один из основных культурных горизонтов на площади раскопа, выделен несколько условно, так как сохранился в его пределах крайне неравномерно. Он совершенно отсутствует в центральной, южной и восточной частях раскопа (квадраты А, Б, В, Д, З и М), слабо выражен на площади квадратов Г и К. Лучше всего данный слой сохранился в северо-западной части участка исследований (квадраты И, Н, Л) и под зданием № 3 (квадраты Е и Ж) (рис. 4-6; 8). В целом же складывается впечатление, что основной массив застройки этого времени в верховьях Гамам-дере вместе с сопровождающими его напластованиями располагается где-то за пределами раскопа. На участке 1997 и 2001-2005 гг., очевидно, мы имеем дело лишь с его периферией.

Из перечисленных выше строительных остатков лучше всего сохранилось ***здание № 1,*** открытое в юго-восточной части раскопа (квадраты А, Б, Д, Г, Е) (рис. 3; 7-9; 11-12). Оно представляет собой прямоугольную в плане постройку, вытянутую по оси север-юг и состоящую из нескольких помещений. На сегодняшний день раскопаны два из них – №№ 1 и 2 (внутренние размеры соответственно 3,8х3,6 и 3,8х3,2 м). Работы в помещении № 3 доведены до уровня «пола» постройки (слой № 3). Очевидно, такие же земляные «полы», которые фактически представляют собой грунтовые засыпи, нивелировавшие неровности скалы при строительстве комплекса, имели и другие помещения. Лишь в юго-восточном углу помещения № 2 был зачищен фрагмент половой вымостки из крупных обломков красноглиняных керамид, уложенных бортиками вниз, на поверхность 3-го слоя, сохранившейся на площади около 4 м^2 (рис. 12).

Все стены постройки сложены из бутового разномерного камня, на грязевом связующем растворе, на скале, с использованием грунтовых нивелировочных подсыпок. Сохранность в высоту – 1-4 ряда кладки (до 0,8 м). Техника кладки – трехслойная, двупанцирная с забутовкой. Ряды выдержаны, для чего применялись мелкий бутовый камень и крупные фрагменты керамики. Углы помещений выкладывались крупными, хорошо обработанными блоками. Такой же крупный бутовый камень использовался и в нижних рядах стен помещений.

Все помещения здания № 1 открыты с восточной стороны. По крайней мере, каких-либо остатков стен либо скальных постелей под них в процессе работ обнаружено не было. В северо-восточном углу помещения № 2 сохранился вход в него в виде скальной лестницы шириной 0,6-0,7 м, марш которой состоял из трех ступеней высотой от 0,07 до 0,17 м и длиной 0,3 м. Рядом с ним зачищена так называемая «мельница» – скальная подрубка округлой формы диаметром около 0,5 м и глубиной 0,1 м, для установки круга жернова. В центре ее открыта еще одна скальная вырубка с конусовидным профилем, диаметром горловины до 0,2 м и глубиной 0,25 м, для установки сосуда (горшка), в который ссыпался помол в процессе работы «мельницы» (рис. 12).

Планиграфически наиболее ранним комплексом здания является помещение № 1, южная (кладка 1) и западная (кладка 2) стены которого, шириной до 0,8 м, сложены вперевязь. Снаружи западной стены, на протяжении почти 6,0 м, зафиксирована строительная траншея (№ 3) шириной 0,6-1,0 м и глубиной до 0,2 м, заполненная светло-серым плотным грунтом с пятнами желтой глины и извести[3]. Из невыразительных находок, встреченных в ее заполнении, отметим лишь медную римскую монету конца IV в. (см. Приложение, № 3) и фрагмент красноглиняной керамиды с остатками рельефной метки в виде греческой буквы «фита», характерной для строительной керамики городища периода Феодоро. Хронологически за ним следует помещение № 2, пристроенное встык с южной стороны. Наконец, наиболее поздний этап функционирования здания отражает разделение помещения № 1 на два комплекса с помощью кладок №№ 3 и 25, сложенных под прямым углом с кладкой 2.

Здание 6 расположено в северной части раскопа (квадрат Е-Ж-Л) (рис. 3; 7-8; 13-16). Оно представляет собой однокамерную постройку полуземляночного типа, сориентированную по оси северо-восток – юго-запад, общей площадью около 14 м^2 (внутренние размеры 3,25х4,25 м). Стены сложены вперевязь, на грязевом (?) растворе, в технике однорядной (кладки 37-39) и двурядной, однолицевой, бутовой кладки шириной до 0,6 м (кладка 45), из камня крупного и среднего размера, на поверхности скалы либо 4-го слоя. Фактически кладками были обложены борта «котлована» глубиной, по отношению к окружающей дневной поверхности (4-му слою), до 0,2-0,3 м. Сохранность стен в высоту – 1-2 ряда кладки (до 0,4 м). На расстоянии 0,25 м от северного угла здания открыта «ниша» шириной около 1,0 м. Здесь, по-видимому, был устроен лестничный спуск-вход в постройку, от которого сохранились два нижних камня с заглаженной от постоянного хождения поверхностью. Вдоль юго-восточной стены (кладка 39) зачищены четыре вырубленные в деструктированной скале круглые ямки – основания для деревянных конструкций пола (?) (рис. 13-14).

Хозяйственная яма № 17 зачищена в южной части раскопа (квадрат М) (рис. 3; 9). Она округлая в плане, диаметром 1,3 м, с сужающимися ко дну бортами. Выкопана с уровня 3-го слоя на глубину до 0,4 м. Заполнена серым рыхлым грунтом и сверху мелким камнем. Археологический комплекс находок представлен мелкими фрагментами раннесредневековых амфор – типа V, по ХК-71 [12, с. 85], типа 95, по Зеест [13, с. 118-119], классов 1, 2 и 24, по ХК-95 [14, с. 16, 19, 50-51], а также обломком мраморной плитки. Таким образом, единственным основанием для отнесения ямы № 17 к горизонту застройки периода Феодоро являются стратиграфические наблюдения.

[3] На сегодняшний день западная стена здания №1 (кладка №2) прослежена в длину почти на 14,0 м.

Хозяйственная яма № 35 открыта в центральной части квадрата Л, около северо-западной стены здания 6 (кладка 37) (рис. 3; 9). Несмотря на то, что в процессе раскопок яма была полностью зачищена лишь с поверхности 4-го слоя, стратиграфически уверенно она может быть соотнесена со временем формирования на площади раскопа 3-го слоя и, таким образом, является синхронной зданию 6. Округлая в плане, диаметром 0,36-0,4 м, с сужающимися ко дну бортами. Сохранилась на глубину 0,22 м. Заполнена серым рыхлым грунтом с камнем, щебнем и мелкими невыразительными фрагментами керамики, среди которых определяются обломки амфор типа LRA 1, по Райли [15, p. 212-216] и типа V, по ХК-71, а также фрагменты византийской белоглиняной глазурованной керамики групп GWW-I и GWW-II, по Хейсу [16, p. 15-29].

Хронология строительных остатков II горизонта определяется на основе анализа вещественных находок из 3-го слоя и отдельных закрытых, в археологическом смысле, комплексов, связанных с этим ярусом застройки.

Археологический комплекс 3-го слоя состоит, в основном, из фрагментов керамики (всего 1406)[4]. Даже их первичный анализ, на уровне определений, показывает значительное преобладание в нем материалов XIV-XV вв. (около 70%). Остальные либо не имеют точной атрибуции (17%), либо относятся к раннесредневековому времени (13%). Такое соотношение датирующих и не датирующих находок в слое резко отличается от структуры археологических комплексов I (верхнего) яруса застройки, где первых было значительно меньше, не более 30% [2, с. 244-254].

Датирующие керамические находки представлены следующими категориями изделий:

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	468	46,3
2.	Амфоры типа Гюнзенин IV	4	0,4
3.	Амфоры класса 52, по ХК-95	9	0,9
4.	Тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба	44	4,4
5.	Бытовая неглазурованная посуда	235	23,2
6.	Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware	100	9,9
7.	Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares	86	8,6
8.	Monochrome (Yellow-Brown) Sgraffito Ware	41	4
9.	Монохромные глазурованные кувшины, горшки, туваки	23	2,3

[4] С учетом того, что слой № 3 на площади раскопа сохранился крайне неравномерно, для характеристики его керамического комплекса выбраны только два археологических контекста,

Из таблицы видно, что около половины находок составляют фрагменты строительной керамики – ***красноглиняных керамид и калиптеров,*** покрытых светлым ангобом, сформованных из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц. Керамиды имеют подпрямоугольный в сечении верхний и трапециевидный, реже треугольный, боковой бортики, хорошо выраженный коленчатый изгиб в нижней части и невысокие рельефные водосливные валики. Края калиптеров с дуговидным профилем иногда оформлялись неглубоким уступом («манжетом»). Для Мангупского городища это доминирующий вид кровельной черепицы периода княжества Феодоро (XIV – третья четверть XV вв.) [11, с. 380]. Фрагментарность находок из 3-го слоя не позволяет пока сузить эту датировку. Отметим лишь, что технологически и морфологически к ним близки керамиды и калиптеры из раскопок Дворца 1425-1475 гг. в центральной части Мангупского плато [4, с. 401, рис. 14,а], крестообразного храма на его юго-восточном склоне [5, с. 229, рис. 5,13-19] и позднесредневековых городских центров и поселений Юго-Западной Таврики, прежде всего, Херсона [17, с. 118-121, рис. 85; 85а; 18, с. 78-79, рис. 18-19; 19, с. 104-119, рис. 1; 20, с. 231-232, рис. 4,1-3; 21, с. 113, рис. 12-15; 22, с. 42-43 (группа 1)].

Группа тарной керамики представлена следующими видами изделий:

1. ***Грушевидные желобчатые амфоры с округлым дном и дуговидными ручками типа Гюнзенин IV или класса 45, по ХК-95*** (рис. 17,*1-2*) [14, с. 73-74; 23, p. 31-34, fig. 17-18]. Глиняный черепок светло-коричневого (оранжевого) цвета, плотный по структуре, с обильными включениями песка и частиц слюды. Принято считать, что такие амфоры производились на западном побережье Мраморного моря в Ганосе [24, p. 193-197; 25, p. 167-178] или в Трапезунде [26, с. 90-91; 27, с. 147, 150; 28, с. 202-214]. В Северном Причерноморье и Крыму они происходят, главным образом, из культурных горизонтов и комплексов XIII и XIV вв. [11, с. 381]. Однако, скорее всего, они изготавливались и позднее [23, p. 33-34; 29, с. 349; 30, с. 197-198]. По крайней мере, их находки, в том числе археологически целых экземпляров, известны в ходе исследований культурного слоя XV в. цитадели Мангупа [6, с. 448, рис. 12,1; 11, с. 382].

2. ***Плоскодонные ангобированные амфоры с внутренней бугристой поверхностью класса 52, по ХК-95*** [14, с. 83-84]. Сформованы из плотного теста с включениями частиц известняка, приобретшего после обжига красный цвет. Ареал данного типа амфор ограничен памятниками Юго-Западной Таврики – Херсон, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Ласпи, Бакла, Исар-Кая, Партенит [11, с. 382]. За пределами региона, как и вне полуострова, их находки чрезвычайно редки. Единственной, по сути, аналогией является сосуд, происходящий из комплекса начала XIV в. на поселении Агиос Стефанос (Пелопоннес) [31, p. 199,

---

наиболее показательные с точки зрения структуры слоя – «3-й слой снаружи здания 6» и «зачистка 4-го слоя снаружи здания 6» в квадрате Л (2004 г.).

fig. 6]. На древнерусских памятниках встречены только их обломки [29, с. 350 (тип VI)]. В связи с этим закономерной является гипотеза о местном происхождении данного типа амфор, в одном из гончарных центров юго-западной части полуострова, хотя следов последних до сих пор не обнаружено [12, с. 95; 32, с. 194]. На Мангупе амфоры класса 52, как и амфоры типа Гюнзенин IV, характеризуют группу тарной керамики XV в. [6, с. 445-446, рис. 12,2-9; 11, с. 382].

3. ***Плоскодонные коричневоглиняные кувшины,*** *покрытые ангобом в тон черепку,* ***с невысоким венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба*** (рис. 17,*4-5*; 18,*8*). Изготовлены из плотного глиняного теста с включениями известняка, толченой гальки и песка. При раскопках Мангупского городища являются характерной категорией керамических находок в комплексах второй – третьей четверти XV в. [4, с. 396, рис. 8; 6, с. 450; 11, с. 382]. Такую хронологию в целом подтверждают и результаты раскопок ряда других укреплений и городских центров Южной Таврики – Чембало [33, с. 171, рис. 92; 34, с. 173, рис. 113; 35, с. 152-153, 161, рис. 70-71; 79], Функи («слой пожара 1475 г.») [36, с. 67, рис. 58,5], Алустона (комплекс 1462/1467-1475 гг. башни Орта-Куле) [37, с. 157, рис. 24,1-2,4]. Скорее всего, как и амфоры класса 52, по ХК-95, производились в одном из местных гончарных центров Юго-Западного Крыма.

Среди обломков бытовой неглазурованной керамики преобладают фрагменты плоскодонных одноручных ***шаровидных горшков с отогнутым венчиком, украшенным врезными концентрическими линиями по горлу*** (рис. 18,*1-3,5,7,9-10*). Как показывают недавние публикации результатов археологических исследований Мангупа, Алустона, Функи, Чембало, их датировку теперь, вероятно, следует ограничить второй – третьей четвертью XV в. [6, с. 450; 11, с. 384; 34, с. 172, рис. 112; 35, с. 147, 154, рис. 65,1; 72,5-6; 36, с. 67, рис. 58,2,4; 37, с. 157, рис. 24,3; 38, с. 334, рис. 221,4]. Им синхронны кувшины с округлой в сечении двуствольчатой ручкой, покрытой росписью линиями светлого ангоба (рис. 19,*6*). Менее определена хронология ***шаровидных неорнаментированных горшков с отогнутым венчиком*** (рис. 18,*4,6*) [11, с. 384] и сосудов (кувшинов?), ***украшенных гребенчатым линейным и волнистым рифлением*** (рис. 19,*1-5*). Скорее всего, они могут быть датированы в комплексах городища пока лишь исключительно в широких хронологических пределах (XIV-XV вв.).

Глазурованная керамика из 3-го слоя представлена, прежде всего, фрагментами красноглиняных сосудов открытого типа на высоких кольцевых поддонах – мисок с вертикальным и тарелок с сильно отогнутым краями. Глиняное тесто плотное, хорошо промешанное, с мелкими включениями известняка, органики, карасана, песка, иногда без видимых примесей. Внутреннее поле изделий, как и верхний наружный кант мискообразных сосудов, покрывались монохромной зеленой либо желтой глазурью (***«Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares»***) (рис. 19,*12-15,17,19;* 20,*5*; 21,*5*), иногда с зеленой и коричневой

подцветкой окислами металлов (так называемая «полихромная глазурованная керамика»). Последняя группа сосудов, как правило, декорирована в технике «сграффито» по светлому ангобу (***«Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware»***) (рис. 20,*2-4,6-7*; 21,*1-3,6-7*). Типичны композиции растительного характера, обрамленные одной или двумя концентрическими линиями.

Аналогичная поливная керамика хорошо известна по раскопкам многих позднесредневековых поселений и городищ горной и южнобережной частей Таврики, где является важнейшим хроноиндикатором для их датировки [11, с. 386]. На сегодняшний день можно говорить о значительном прогрессе в решении вопросов ее происхождения и хронологии. Отвечая на первый из них, очевидно, следует подчеркнуть, что встреченная на памятниках полуострова глазурованная керамика типа «Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares» и «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware» в большинстве случаев является продукцией местных специализированных гончарных центров, следы которых обнаружены в ходе исследований Каффы, Солдайи, Алустона, Чембало, Фуны, Мангупа [2, с. 245, рис. 44,2; 33, рис. 81; 34, рис. 104, 119; 35, рис. 80-81; 36, с. 49, рис. 40,8; 39, с. 147; 40, с. 68; 41, с. 82-89; 42, с. 108-112; 43, рис. 86; 44, с. 324-333, рис. 1-14; 45, с. 409, рис. 2]. Важно отметить, что при ее изготовлении местными гончарами сохранялись основные морфологические и композиционно-орнаментальные принципы поздневизантийской поливной посуды в технике «сграффито» эпохи Палеологов[5]. Общая хронология производства и бытования таких поливных изделий на поселениях Таврики укладывается в пределах 60-х гг. XIV в. – 1475 г., что в целом не противоречит результатам раскопок Мангупского городища [9, с. 261-262]. Однако необходимо подчеркнуть, что такая хронология, особенно ее нижняя граница, в большей степени интуитивна и еще требует стадии накопления материала. Если бытование этой посуды на протяжении первых трех четвертей XV в., особенно в 1420-1470-х гг., подкреплено публикациями выразительных археологических комплексов из раскопок Фун, Чембало, Алустона, Каффы, Мангупа [38, рис. 70; 143; 198-209; 217; 225-226; 267-272; 326-327; 330-331; 367; 371-372; 48, с. 216-218, табл. 6-7], то для доказательства тезиса о ее более раннем производстве в нашем распоряжении данных немного. Фактически, до недавнего времени, речь шла о двух свидетельствах – «слое пожара» конца XIV – начала XV вв. из здания, предшествовавшего Фуннскому укреплению [36, с. 49, рис. 40,2] и группе полихромных глазурованных изделий с орнаментом в технике «сграффито», скорее всего, последней трети XIV в., следы

[5] См., например, очень близкую группу глазурованных полихромных мисок с орнаментом в технике «сграффито» производства Фессалоник конца XIII – XIV вв. [46, p. 211, 215-216, pl. 242, 247, 248]. Отметим также подобную керамику, производившуюся во Фракии (Серры) в конце XIII – начале XIV вв. и на Кипре на протяжении XIV-XV вв. [47, p. 116-117, 120-121].

производства которой обнаружены при раскопках Алустона [44, с. 324-333, рис. 3-14]. Сейчас их число следует пополнить комплексом с подобной керамикой из так называемого «слоя строительства» октагонального храма Мангупской цитадели, который датируется концом XIV – первой четвертью XV вв. (около 1427 г.) [6, с. 449-450, рис. 12,16-19].

Среди других разновидностей поливных изделий из 3-го слоя выделяется группа красноглиняных мисок и тарелок типа ***«Monochrome (Yellow-Brown) Sgraffito Ware»*** (рис. 19,*16,18*; 20,*1,8*; 21,*4*). По цвету глазури (монохромная, желто-коричневая, иногда с хорошо видимыми пятнами не растворившегося красителя) и форме она напоминает византийскую глазурованную керамику конца XIII – XIV вв., орнаментированную, в том числе, врезными концентрическими окружностями в центральном поле сосудов [46, p. 76, 78, 213-215, 258, pl. 78, 81, 244-246, 258]. Однако, как и в случае с «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware», речь, вероятно, идет лишь о сходстве местной гончарной продукции с византийскими прототипами. По крайней мере, мы уже отмечали присутствие аналогичных сосудов на Мангупском городище в комплексах третьей четверти XV в. и, возможно, несколько позднее [9, с. 263-264, рис. 21,1-2]. Начиная с XV в., начинают изготавливаться также ***поливные кувшины, горшки, туваки под зеленой, различных оттенков, монохромной глазурью***, встреченные в небольшом количестве в 3-м слое (рис. 19,*7-11*) [9, с. 264].

Из индивидуальных находок отметим, прежде всего, наличие фрагментов коричневоглиняных крышек (рис. 21,*8-9*), в том числе с конусовидным профилем, которые хорошо известны по раскопкам памятников конца XIV – XV вв. на территории Крыма, Болгарии, Румынии, Турции. Ближайшая аналогия – крышка из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле (Алустон) [38, с. 314-315]. Среди фрагментированных металлических изделий лучше всего сохранились железные черешковые наконечники стрел с листовидной и ромбовидной в сечении головкой (рис. 21,*10-12*) и фрагмент медного перстня со вставкой из белого пастового стекла (рис. 21,*13*).

При зачистке и выборке 3-го слоя на площади раскопа обнаружено 14 монет (одна не атрибутирована). Из них датирующий характер носят медные золотоордынские пулы XIV-XV вв. и серебряное акче хана Менгли Гирея I, выпуска 1467-1475 гг. (см. Приложение, №№ 16-20).

Перейдем к характеристике материала из восьми закрытых археологических комплексов на участке исследований.

1. ***Здание № 1. Помещение № 1. «Пол» (3-й слой)*** (рис. 3; 8; 11). Земляной «пол» мощностью до 0,45 м представляет собой серый плотный грунт со щебнем и мелкими фрагментами керамики. По сути является нивелировочной засыпью неровностей скалы в пределах помещения после сооружения его стен. Однако ввиду отсутствия каких-либо следов обмазки, подсыпок, вымосток на поверхности 3-го слоя, материал из него отражает как процесс

возведения жилого комплекса, так и его функционирования. Следует сказать, что данный археологический комплекс находок наименее выразителен среди полученных на площади раскопа, и его датировка (первая треть XV в.) во многом опирается на наши общие представления о хронологии сооружений и культурных горизонтов, открытых здесь. По структуре же комплекс состоит из обломков керамики (всего 376), из которых только 18 (4,8%) имеют датирующий характер. Остальные либо остались без точной атрибуции (около 20%), либо отнесены к раннесредневековому времени. Датирующие находки представлены фрагментами уже описанной красноглиняной ангобированной черепицы XIV-XV вв., бытовой керамики с гребенчатым линейным и волнистым орнаментом (рис. 22,*1-6*), а также стенками поливных сосудов под монохромной светло-желтой или коричневой глазурью. Из «пола» извлечены медная сильно потертая византийская монета VI-VII вв. (см. Приложение, № 12) и обломки двух пряслиц – коричневоглиняного усеченно-конического (рис. 22, *7*) и плоского из мергелевой плитки, украшенной прочерченным «солярным» орнаментом (рис. 22,*8)*.

2. ***Здание № 1. Помещение № 2. «Пол» (3-й слой)*** (рис. 3; 12). По структуре аналогичен 3-му слою в помещении № 1. В то же время необходимо отметить два важных стратиграфических момента. Во-первых, помещение № 2 – планиграфически более позднее, чем помещение № 1. Во-вторых, на поверхности земляного «пола» в юго-восточной части постройки был зачищен фрагмент черепичной вымостки. Таким образом, материал из 3-го слоя отражает, главным образом, время строительства помещения. Археологический комплекс находок в целом вновь невыразителен. Отметим полное отсутствие фрагментов строительной керамики и довольно большой процент (около 38%) красноглиняных неорнаментированных горшков, к сожалению, имеющих только широкую датировку, в пределах XIV-XV вв. (рис. 22,*9-12*). Из индивидуальных находок выделим костяную спицу (рис. 22,*13)* и кольцо из пастового синего стекла (рис. 22,*14*). С учетом отсутствия в комплексе находок, характерных для периода второй – третьей четвертей XV в. на Мангупском городище, наиболее вероятная дата его образования (первая треть XV в.) почти не удалена во времени от «слоя функционирования» помещения № 1.

3. ***Здание № 1. Помещение № 3. «Пол» (3-й слой)*** (рис. 3). По структуре ничем не отличается от слоя № 3 в помещениях №№ 1 и 2. Уменьшается лишь его мощность (до 0,1 м), что объясняется общим повышением скалы в этой части здания. Как уже говорилось, большая часть помещения остается не доследованной. Поэтому фактически, на сегодняшний день, археологический комплекс находок состоит из материала, обнаруженного при зачистке поверхности «пола» постройки. Необходимо отметить еще один момент. Помещение № 3 – планиграфически наиболее позднее в здании № 1. Поэтому находки из него отражают поздний этап функционирования постройки.

Характеризуя их, отметим, что датирующий характер носят около 66% артефактов (265 из 400 фрагментов). Они подразделены на следующие категории изделий:

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	235	88,6
3.	Амфоры класса 52, по ХК-95	2	менее 1
5.	Бытовая неглазурованная посуда	14	5,3
6.	Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware	10	3,8
7.	Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares	4	1,5

Значительное преобладание строительной керамики в комплексе не должно удивлять. Это обычная ситуация на многих археологических объектах периода Феодоро на Мангупе. Сочетание же в нем амфор класса 52, по ХК-95, бытовой красноглиняной керамики (рис. 22,*15-17*), в том числе горшков, украшенных врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 22,*18*), с полихромной глазурованной керамикой с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 22,*19-24*) позволяет уверенно датировать комплекс в пределах второй трети XV в.

4. ***«Слой пожара» под зданием № 3*** [2, с. 240-242]. Зафиксирован локальным участком мощностью до 0,1 м, на площади около 10 м^2, после снятия стен здания № 3. Местами он же, по сути, являлся поверхностью для возведения последних. Однако говорить о том, что вскоре после «пожара» началось строительство нового яруса застройки не приходится. Разница между материальным комплексом I и II горизонтов застройки в районе церкви Св. Константина принципиальна. Снизу «слой пожара» подстилается 3-м слоем на площади раскопа.

Археологический комплекс находок из «слоя пожара» состоит из фрагментов керамики (всего 140), из которых 41 фрагмент (29,2%) носит датирующий характер:

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	32	78
2.	Горшки с врезными концентрическими линиями по горлу	4	9,8
3.	Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware	4	9,8
4.	Красноглиняные кувшины под монохромной зеленой глазурью	1	2,4

Из комплекса происходит целое ядро от баллисты из мраморовидного известняка (рис. 24,*6*). Наличие коричневоглиняных горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 24,*1*) и красноглиняной полихромной

глазурованной керамики с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 24,*2-4*) указывает на вторую – третью четверть XV в. как наиболее вероятный период образования «слоя пожара». Конечно, было бы соблазнительным соотнести его с событиями 1475 г. на Мангупском плато. Но в керамическом комплексе этого времени в районе церкви Св. Константина не хватает одного очень важного компонента – поливной керамики группы «Милетская серия» производства г. Изник. Поэтому дата – 1430-1460-е гг. – пока более обоснована.

5. ***3-й слой под «слоем пожара» и стенами здания № 3*** [2, с. 240-242]. Фактически это локальный участок 3-го слоя на площади раскопа мощностью до 0,7 м, ограниченный описанным «слоем пожара» под стенами здания № 3. Среди археологического материала датирующий характер носит почти 44% (514 из 1170 фрагментов) керамических находок, распределенных на следующие категории изделий:

№ п/п	***Наименование***	***Всего фр-в***	***%***
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	367	71,4
2.	Тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба	30	5,8
3.	Бытовая неглазурованная посуда	79	15,3
4.	Глазурованная керамика	38	7,5

Для понимания верхней границы образования комплекса (не позднее 60-х гг. XV в.) наиболее важным является присутствие в нем одновременно коричневоглиняных кувшинов с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба (рис. 23,*6-7*), горшков с концентрическими врезными линиями по горлу (рис. 23,*1*), поливных сосудов групп «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware» (рис. 23,*14-16,21*) и «Monochrome (Yellow-Brown) Sgraffito Ware» (рис. 23,*17-18,20*). Необходимо также отметить в комплексе мелкие фрагменты византийской глазурованной керамики XIV в. с орнаментом в технике «сграффито», покрытой монохромной желтой (рис. 23,*13,19*) или зеленой (рис. 23,*22)* глазурью [46, p. 84, pl. 93; 47, p. 118-119].

6. ***Каменная субструкция под плитовую вымостку здания № 4*** (рис. 3; 8). В публикации 2007 г. описана плитовая вымостка в центральной части здания № 4 (I горизонт застройки) [2, с. 242]. Она уложена на субструкцию из разномерного бутового камня, плотно пригнанного друг к другу, без связующего раствора, мощностью до 0,3-0,4 м, зачищенную в центральной и южной частях здания № 6, окончательно разобранного в процессе строительства здания № 4. Грунт, заполнивший пустоты между камнями субструкции, по своей

структуре близок к 3-му слою на площади раскопа. При изучении полученного в процессе разборки субструкции археологического комплекса находок выяснилось, что только 9 фрагментов керамики принадлежат коричневоглиняной желобчатой черепице типа «татарка» и, таким образом, могут быть датированы турецким временем. Большинство же артефактов (238 из 356 фрагментов; около 67% от общего числа находок) составляют довольно цельный закрытый комплекс периода Феодоро. В таком случае развал камня, зачищенный в здании № 6, следует интерпретировать как его «слой разрушения», искусственно превращенный со временем в субструкцию под плитовую вымостку более позднего здания № 4.

Датирующие находки в комплексе представлены следующими категориями находок:

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	159	66,8
3.	Бытовая неглазурованная посуда	63	26,5
4.	Глазурованная керамика	16	6,7

Неглазурованную гончарную керамику характеризуют обломки горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 25,*1*) и кувшинов с округлой в сечении, двуствольчатой ручкой (рис. 25,*3*). Глазурованная керамика представлена фрагментами мисок групп «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware» (рис. 25,*8-14*) и «Monochrome (Yellow-Brown) Sgraffito Ware» (рис. 25,*7*), а также кувшинов и туваков под монохромной зеленой кроющей глазурью (рис. 25,*5-6*). Все это позволяет датировать комплекс второй третью XV в. Из индивидуальных находок отметим фрагмент красноглиняной плитки-изразца под бирюзовой кроющей глазурью (рис. 25,*15*), свинцовую плоскую гирьку (?) с отверстием (рис. 25,*16*), а также медную монету императора Констанция II (337-361) (см. Приложение, № 2).

7. ***Здание № 6. «Пол»*** (рис. 3; 8). Данный культурный слой мощностью до 0,2-0,3 м накопился внутри здания в процессе его функционирования. Однако следует отметить его плохую сохранность в центральной и южной частях здания, где он был сильно перебит каменной субструкцией под плитовую вымостку здания № 4[6]. Около 40% керамических находок (208 из 521 фрагмента) носят датирующий характер. Они распределены на следующие категории изделий:

[6] В полевой документации включает в себя два археологических контекста – 3-й и 4-й слои внутри здания № 6.

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	126	61
2.	Тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба	28	13,5
3.	Бытовая неглазурованная посуда	27	13
4.	Глазурованная керамика	26	12,5

Датировку комплекса, в пределах второй трети XV в., определяют фрагменты кувшинов с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба, горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 26,*2*) и красноглиняной поливной монохромной и полихромной керамики с орнаментом в технике «сграффито», в том числе с изображениями птиц (рис. 26,*5,6,8,9*). Из комплекса происходят две медные византийские монеты – стертая V в. (?) и деканумий Юстиниана I (527-565) (см. Приложение, №№ 7, 10).

8. ***Нивелировочная засыпь у северного угла здания № 6*** (рис. 3). Во время раскопок первоначально была обозначена как яма № 54. Однако по мере выборки заполнения стало ясно, что это засыпь естественной впадины с аморфными бортами длиной около 3,0 м, шириной до 2,65 м, глубиной до 0,7 м. Заполнение – серый рыхлый грунт со щебнем и камнем. Более половины находок в комплексе (163 из 309 фрагментов, 52,7%) относятся к разряду датирующих:

№ п/п	*Наименование*	*Всего фр-в*	*%*
1.	Красноглиняная ангобированная черепица (керамиды и калиптеры)	75	46
2.	Амфоры типа Гюнзенин IV и класса 52, по ХК-95	4	2,5
3.	Бытовая неглазурованная посуда	43	26,4
4.	Глазурованная монохромная и полихромная керамика с орнаментом в технике «сграффито»	41	25,1

Присутствие в комплексе фрагментов горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 27,*1-2*) и красноглиняных глазурованных полихромных и монохромных изделий с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 27,*3-5,7-10*) позволяет уверенно датировать его в пределах второй трети XV в. Из индивидуальных находок отметим фрагменты коричневоглиняной крышки с конусовидным профилем (рис. 27,*13*) и браслета из синего пастового стекла (рис. 27,*12*), а также бронзовый анонимный фоллис времени императора Иоанна Цимисхия (969-976) (см. Приложение, № 15).

Хронология II горизонта застройки. Общие хронологические рамки функционирования этого горизонта жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина укладываются в пределах первой – второй трети XV в. Для обоснования более ранней даты начала формирования основного культурного слоя на площади раскопа (слой № 3) наличия золотоордынских монет, при почти полном отсутствии синхронного им массового керамического материала, выглядит пока явно недостаточным. Верхнюю же хронологическую границу горизонта определяют присутствие в нем монеты хана Менгли Гирея I выпуска 1467-1475 гг. и структура керамического комплекса 3-го слоя. Анализируя последнюю, обращаем внимание на керамику, типичную для второй – третьей четверти XV в. на Мангупе – кувшинов с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба, горшков с концентрическими врезными линиями по горлу, полихромной глазурованной керамики с орнаментом в технике «сграффито». В то же время показательным является отсутствие красноглиняной керамики с подглазурной росписью кобальтом производства г. Изник (так называемая «Милетская серия»), категории керамических изделий, определяющих хронологию археологических комплексов на памятниках Крыма и Северного Причерноморья, начиная с 60-70-х гг. XV в.[7] С учетом широкой площади, затронутой нашими раскопками, вряд ли такая особенность состава керамического комплекса 3-го слоя может быть объяснена обычной случайностью. Нужно сказать, что такую же в целом структуру и соответственно хронологию имеет и большинство полученных в ходе исследований закрытых археологических комплексов, что еще более усиливает такие заключения. Таким образом, общая датировка горизонта застройки в пределах 1400-1460-х гг. выглядит пока наиболее оптимальной.

На основе корреляции датировок основных категорий находок из восьми закрытых, в археологическом смысле, комплексов можно представить более дробную хронологию изученных на площади раскопа строительных остатков. Наиболее ранними из них являются помещения №№ 1 и 2 здания № 1, построенные в первой трети XV в. Во второй трети столетия возводится еще одно помещение (№ 3) этой постройки. Одновременно в северной части раскопа сооружается постройка полуземляночного типа – здание № 6. Тогда же, скорее всего, использовались в течение короткого периода времени обе хозяйственные ямы этого строительного периода. Время прекращения функционирования II горизонта жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина, по данным археологических комплексов находок, не выходит за пределы 60-х гг. XV в.

[7] О хронологии поливной керамики с подглазурной росписью кобальтом, в том числе и на памятниках Северного Причерноморья, см.: 9, с. 263; 48, с. 393-394; 49, с. 314.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
2. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
3. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп).
4. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп).
5. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
7. Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1966. Вып. 6.
8. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
10. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев, 2006.
11. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
12. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
13. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
14. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
15. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
16. Hayes J. W. The Pottery // Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2.
17. Якобсон А.Л. Средневековый Херсон (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
18. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
19. Симонова Т.И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 17.
20. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2.
21. Романчук А.И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
22. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004
23. Günsenin N. Les amphores byzantines (X-XIII s.): typologie, production, circulation. D'apres les collections turques. Paris, 1990.
24. Günsenin N. Ganos centre de production d`amphores a l`epoque byzantine // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. T. 2.
25. Günsenin N. Ganos: resultats des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. T. 3.

26. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
27. Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.
28. Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
29. Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X-XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
30. Сазанов А.В. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в средние века. СПб., 2005. Вып. 6.
31. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and Their Importance for the Chronology of Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterrahean // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
32. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
33. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. СПб., 2003.
34. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб., 2005.
35. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. СПб., 2006.
36. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. Киев, 2005.
37. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и капитанство Готия в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
38. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
39. Фронджуло М.М. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
40. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Кафы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
41. Джанов А.В. Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
42. Иванов А.В., Савеля О.Я., Филиппенко А.А. Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
43. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. СПб., 2004.
44. Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
45. Гинькут Н.В. Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges. North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iasi, 2005.
46. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
47. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005.
48. Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
49. Гусач И.Р. Керамика с росписью в стиле «Милет» из турецкого Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов, 2006. Вып. 21.

Герцен О. Г., Науменко В. Є.

Археологічні дослідження в районі церкви Св. Костянтина (Мангуп): ІІ горизонт забудови (XV ст.)

Резюме

Стаття продовжує серію публікацій результатів археологічних досліджень ділянки житлової і господарської забудови поблизу церкви Св. Костянтина в центральній частині Мангупського плато, почату в 2007 р. У ній надані підсумки розкопок ІІ будівельного горизонту, який утворюють споруди періоду князівства Феодоро. Йдеться про максимально повне видання археологічних комплексів цього часу, отриманих під час розкопок. Такий формат роботи допомагає краще представити структуру комплексу знахідок Мангупського городища для даної епохи, аби виділити в ньому надійні хроноіндикатори для масового археологічного, перш за все, керамічного матеріалу.

Загальні хронологічні рамки функціонування даного горизонту забудови знаходяться в межах першої – другої третини XV ст. (близько 1400-1460 рр.). Нижню дату культурного шару на площі розкопу визначають нечисленні золотоординські монети і майже повна відсутність синхронного їм масового керамічного матеріалу. Верхню хронологічну межу горизонту визначають срібна монета (акче) кримського хана Менглі Гирея І випуску 1467-1475 рр. і структура отриманого керамічного комплексу. Дуже важливою є відсутність серед датуючих категорій матеріалу червоноглиняної кераміки з підглазурним розписом кобальтом виробництва м. Ізник (так звана «Мілетська серія»), що з'являється на пам'ятках Криму і Північного Причорномор'я, починаючи з 60-70-х рр. XV ст. (після 1453 р.).

Герцен А. Г., Науменко В. Е.

Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): ІІ горизонт застройки (XV в.)

Резюме

Статья продолжает серию публикаций результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки вблизи церкви Св. Константина в центральной части Мангупского плато, начатую в 2007 г. В ней представлены итоги раскопок ІІ строительного горизонта, который образуют сооружения периода княжества Феодоро. Речь идет о максимально полном издании археологических комплексов этого времени, полученных в ходе раскопок. Такой формат работы помогает лучше представить структуру комплекса находок Мангупского городища для данной эпохи, чтобы выделить в нем надежные хроноиндикаторы для массового археологического, прежде всего, керамического материала.

Общие хронологические рамки функционирования данного горизонта застройки укладываются в пределах первой – второй трети XV в. (около 1400-1460 гг.). Нижнюю дату культурного слоя на площади раскопа определяют немногочисленные золотоордынские монеты и почти полное отсутствие синхронного им массового керамического

материала. Верхнюю хронологическую границу горизонта определяют серебряная монета (акче) крымского хана Менгли Гирея I выпуска 1467-1475 гг. и структура полученного керамического комплекса. Очень важным является отсутствие среди датирующих категорий материала красноглиняной керамики с подглазурной росписью кобальтом производства г. Изник (так называемая «Милетская серия»), появляющейся на памятниках Крыма и Северного Причерноморья, начиная с 60-70-х гг. XV в. (после 1453 г.).

Gertzen A. G., Naumenko V. E.

Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): II Horizon of Building (the 15th Century)

Summary

The article continues a series of publications of the results of archaeological researches of the plot of dwelling and household build-up near St. Constantine church in the central part of the Mangup plateau which was begun in 2007. The results of excavations of building horizon II formed by constructions dating to the period of Theodoro principality are presented in this article. This is ultimately complete publication of archaeological complexes of this period obtained in the course of excavations. Such a format of work helps to represent the structure of material complex of finds in Mangup site for the epoch under consideration to mark out reliable chrono-indicators for mass archaeological material, first of all ceramics.

General chronological frames of functioning of this horizon of building-up are within the period of the first – second thirds of the 15th century (about 1400-1460). The lower date of the formation of the cultural layer on the territory of excavation is determined by not numerous coins of the Golden Horde and almost complete absence of mass ceramic material synchronous to them. The upper chronological bound of the horizon is determined by a silver coin (ackche) of the Crimean Khan Mengli Giray minted in 1467-1475 and the structure of the obtained ceramic complex. The absence among dating categories of red-clay ceramics with underglazed painting with cobalt manufactured in the town of Iznik (the so-called «Millet series») is very important; it appears on monuments of Crimea and the Northern Black Sea Coast beginning with the 60s – 70s of the 15th century (after 1453)

Приложение

М. М. ЧОРЕФ

ОПИСЬ МОНЕТ
из раскопок городской застройки в районе церкви Св. Константина
(II горизонт застройки)

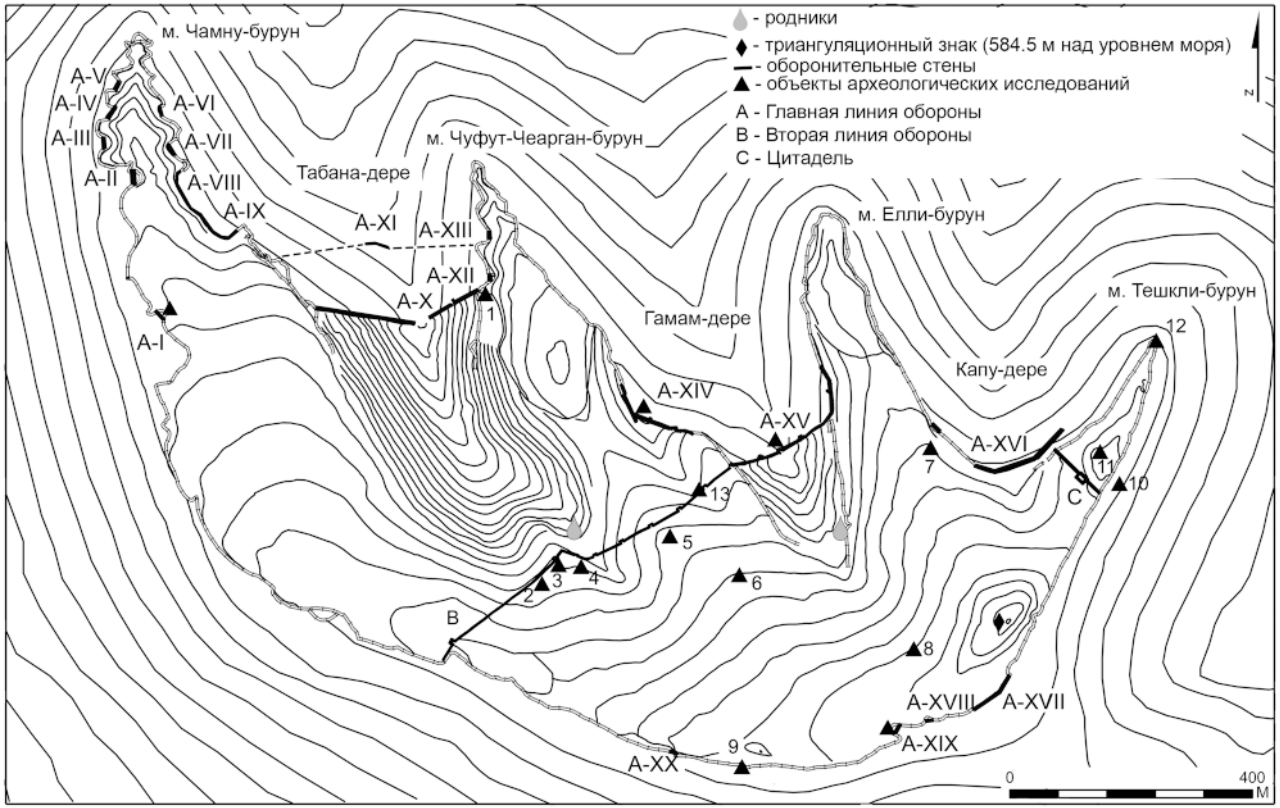
№ п/п	*Место находки*	*Материал*	*Атрибуция*	*Описание*
1	Квадрат Л. 3-й слой снаружи здания № 4	Медно-свинцовая	Античная монета. Херсонес, II-I вв. до н.э.	На лицевой стороне богиня Дева вправо. На шее – надчеканка, вернее всего, палица. На оборотной стороне – сидящий орел, голова повернута вправо. Ниже XER, слева монограмма Παρθενος. Диаметр 2,0 см. Соотношение осей 1 ч.
2	Квадрат Е-Ж-Л. Здание № 4. Каменная субструкция под плитовую вымостку	Медь	Римская империя. Констанций II (337-361). Чекан г. Кизика	На лицевой стороне портрет императора и надпись DN CONSTANTIUS PF AVG, на оборотной – два воина, держащих штандарт и надпись GLORIA EXERSITUS. Ниже – метка монетного двора SMKA (Sear R4010). Диаметр 1,6-1,7 см. Соотношение осей 6 ч.
3	Квадрат Е-Ж. Строительная траншея № 3. Заполнение	Медь (AE3)	Римская империя, конец IV в.	На аверсе голова императора в диадеме вправо, вокруг следы сбитой надписи. Диаметр 2,0-2,1 см
4	Квадрат К, 3-й слой	Медь (AE2)	Римская империя. Феодосий I (379-395)	На лицевой стороне голова императора в диадеме вправо, вокруг остатки надписи: [D]NTHE[ODOSIVSPFAVG]. Оборотная сторона стерта. Диаметр 2,1-2,2 см. Фрагмент монеты
5	Квадрат К, 3-й слой	Медь (AE2)	Византийская империя. Аркадий (395-408)	На аверсе голова императора в диадеме вправо, вокруг следы нечитаемой надписи. На оборотной стороне, в центре, император с лабарумом и сферой, попирающий варвара, вокруг надпись: GLORIA ROMANORUM – «*Величие римлян*». Диаметр 2,2-2,4 см. Соотношение осей 6 ч. Монета сильно потерта [7, p. 524, № 5]
6	Квадрат Н. Впадина в центральной части. Заполнение	Медь	Византийская империя. V в. (?)	Сильно стертая монета. Диаметр 1,3-1,4 см.

7	Квадрат Е-Ж-Л. 4-й слой внутри здания № 6 («пол»)	Медь	Византийская империя. V в. (?)	Сильно стертая монета. Диаметр 1,2-1,3 см.
8	Квадрат Г, 3-й слой	Медь	Византийская империя. Юстин I (518-527). Пентануммий. Выпуск г. Константинополя	На аверсе голова императора вправо, легенда стерта. На оборотной стороне – в поле крупная хризма, справа номер официны (не читается), слева цифра номинала Є (5). Диаметр 1,1-1,25 см. Соотношение осей 5 ч. [8, p. 47, № 77]
9	Квадрат К, 3-й слой	Медь	Византийская империя. Юстин I (518-527). Пентануммий. Выпуск г. Антиохии	Лицевая сторона стерта. На оборотной – сидящая Тихе влево, еще левее буква Є – обозначение номинала [8, p. 51, № 111]
10	Квадрат Е-Ж-Л. 4-й слой внутри здания № 6 («пол»)	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Деканummий. Выпуск г. Константинополя	На лицевой стороне портрет императора, на оборотной – обозначение номинала I, правее дата правления XXII. Ниже метка монетного двора – CON. Фрагмент монеты. Сохранившиеся размеры – 1,3 на 1,7 см. Соотношение осей 3 ч. [8, p. 62, № 167]
11	Квадрат Л. 3-й слой снаружи здания № 4	Медь	Византийская империя. Юстин II (565-578). Деканummий. Выпуск г. Кизика, 565 г.	На лицевой стороне портрет императора. На реверсе обозначение номинала I, надпись ANNO, дата выпуска I и метка монетного двора KYZ (Sear B374). Соотношение осей 0 ч.
12	Бровка между квадратами А и Б. Здание № 1, помещение № 1. 3-й слой. «Пол»	Медь	Византийская империя. VI-VII вв. (?)	Диаметр 1,2-1,3 см. Сильно потерта
13	Квадрат Е-Ж-Л. Здание № 6. Материал из стен	Медь	Византийская империя. Конец VII в.(?) Деканummий	Диаметр 0,6 см. Соотношение осей 0 ч.
14	Бровка между квадратами З и Е-Ж. 3-й слой	Бронза	Византийская империя. Василий I (867-886). Выпуск г. Херсона	Литье. На аверсе – большая буква В. На оборотной стороне – крест на трех ступенях, по сторонам две точки. Диаметр1,6-1,7 см. Соотношение осей 0 ч. [2, табл. XXIV, № 360]

15	Квадрат Е-Ж-Л. Впадина в северо-восточной части (яма № 54?). Заполнение	Бронза	Византийская империя. Анонимный фоллис класса А1 времени Иоанна I Цимисхия (969-976)	На лицевой стороне изображение Иисуса Христа, на оборотной – надпись «Иисус Христос царь царей» в четыре строки [8, p. 375, № 1793]
16	Квадрат Л. 3-й слой снаружи здания № 4	Медь	Золотая Орда. Пул Джанибека (1342-1357). Чекан г. Крыма	На лицевой стороне: نصره صرب في قرم - «да прославится победа его, чекан Крыма». На оборотной стороне двуглавый орел. Диаметр 1,7-1,8 см. Соотношение осей 10 ч.
17	Квадрат Л. 3-й слой снаружи здания № 4	Медь	Золотая Орда. Анонимный пул второй половины XIV в.	На лицевой стороне шестиконечная звезда, в ее центре – двуглавый орел, на реверсе – дельфин. Диаметр 1,8-2,0 см. Соотношение осей 0 ч.
18	Квадрат Л. 3-й слой снаружи здания № 4	Медь	Золотая Орда. Анонимный пул, судя по весу, XV в. (?)	С надчеканкой *. Стертая монета
19	Квадрат И-З. Яма № 73. Зачистка заполнения	Медь	Хулагуиды. Анонимный пул начала XIV в. Чекан г. Султании	Штемпель сдвинут. Диаметр 1,5-1,6 см.
20	Квадрат Е-Ж-Л. Зачистка 4-го слоя снаружи здания № 6	Биллон	Крымское ханство. Акче Менгли Гирея I (1467-1475)	Диаметр 1,1-1,2 см. Обгорелая монета
21	Квадрат К, 3-й слой	Бронза	Не атрибутирована	Диаметр 2,4 см. Полностью стерта, обе стороны гладкие, края обработаны

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sear D.R. Roman coins and their values. London, 1988.
2. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
3. Kankelfitz B.R. Römische Münzen. Von Pompejus bis Romulus. Augsburg, 1996.
4. Sear D.R. Byzantine coins and their values. London, 1987.

1 - Северный монастырь
2- Стратиграфический раскоп в верховьях Табана-дере
3 - Миква
4 - Синагога
5 - Базилика
6 - Дворец
7 - Церковь Св. Георгия
8 - Церковь Св. Константина
9 - Южный монастырь
10 - Стратиграфический раскоп на склоне м. Тешкли-бурун
11 - Октагональная церковь
12 - Северо-восточный монастырь
13 - Лагерная Балка

Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований.

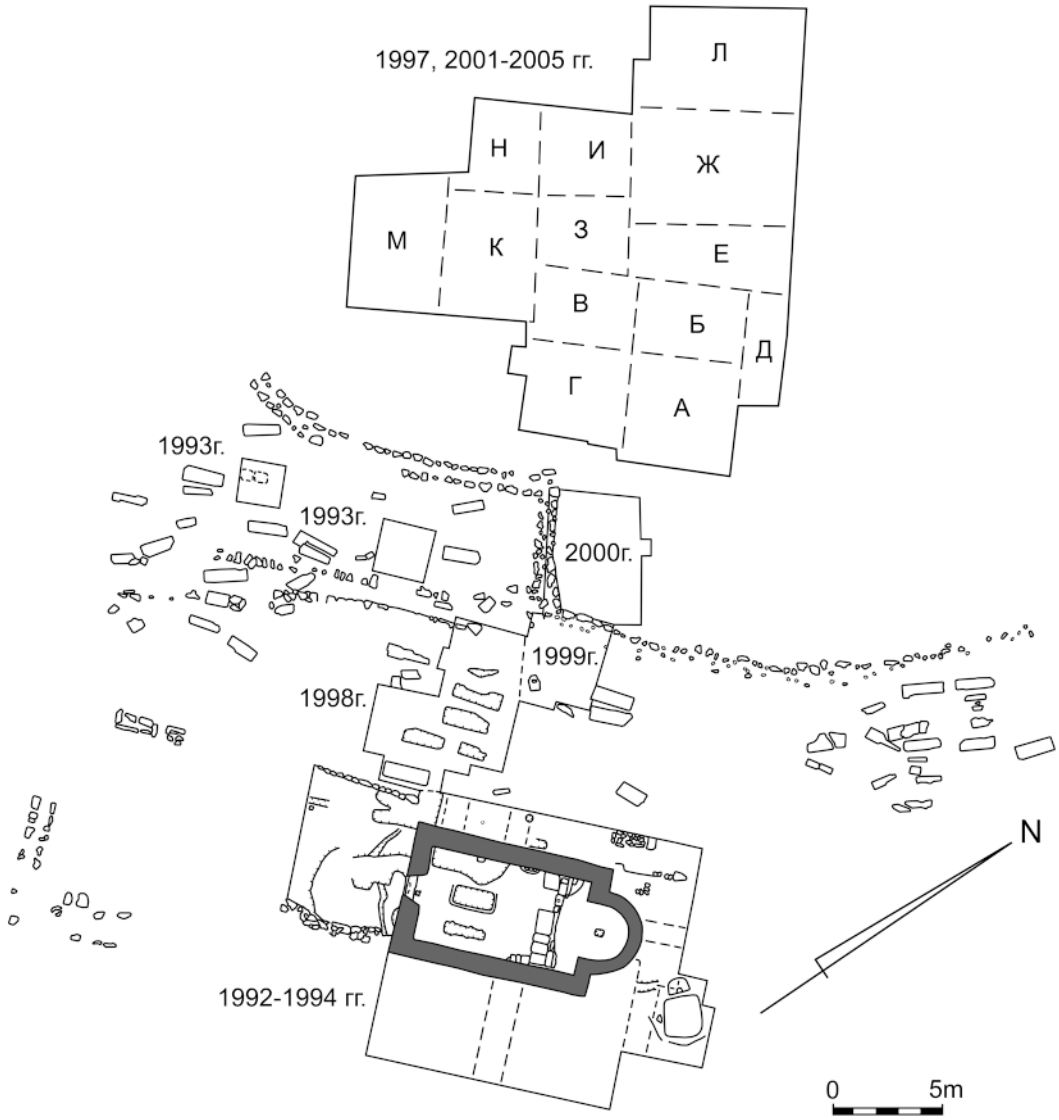

Рис. 2. Церковь Св. Константина. Ситуационный план комплекса с указанием участков исследований.

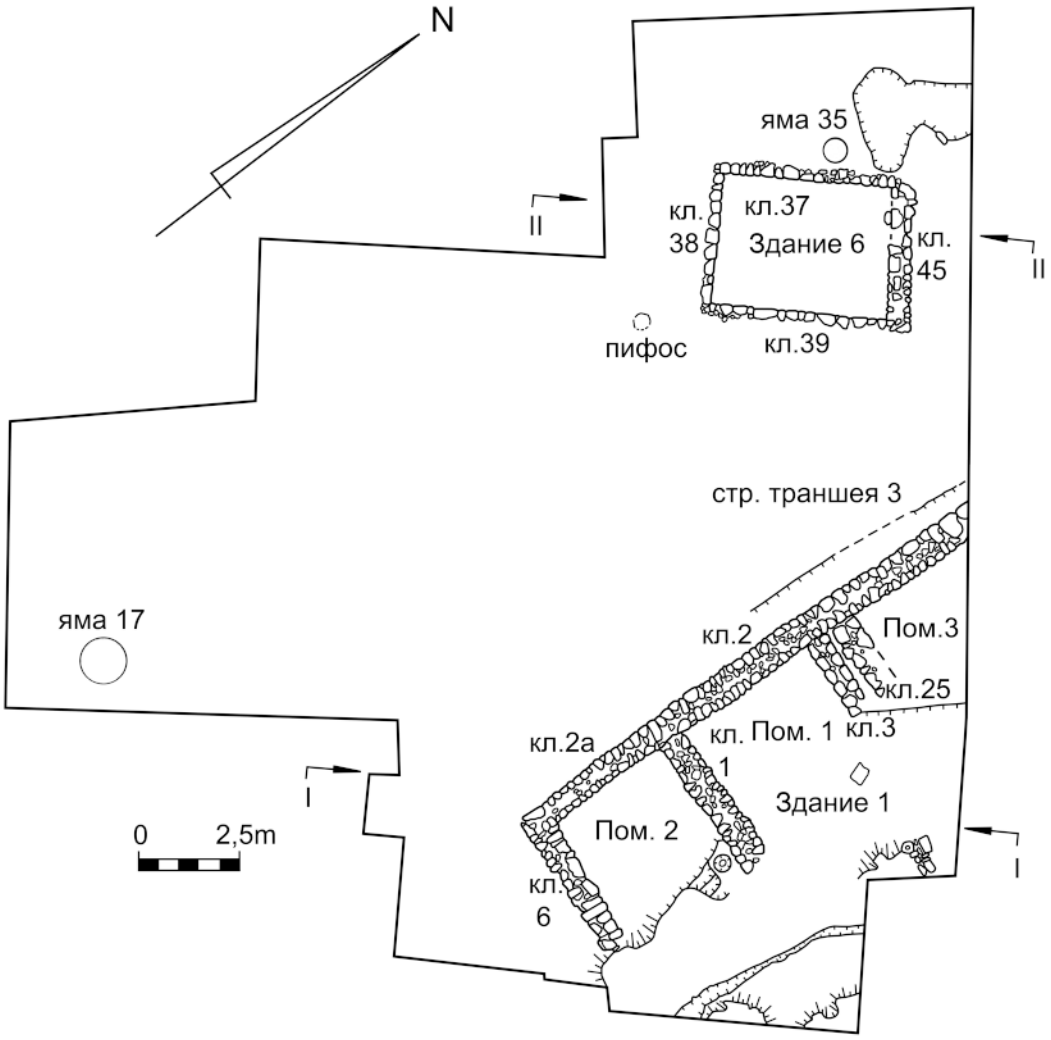

Рис. 3. Церковь Св. Константина. II горизонт застройки. Общий план строительных остатков.

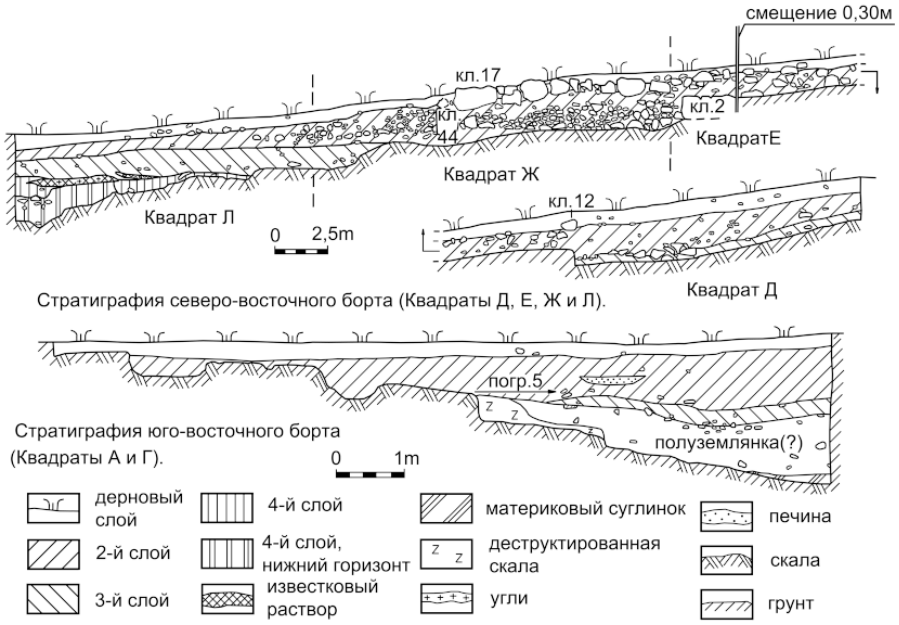

Рис. 4. Стратиграфия бортов раскопа.

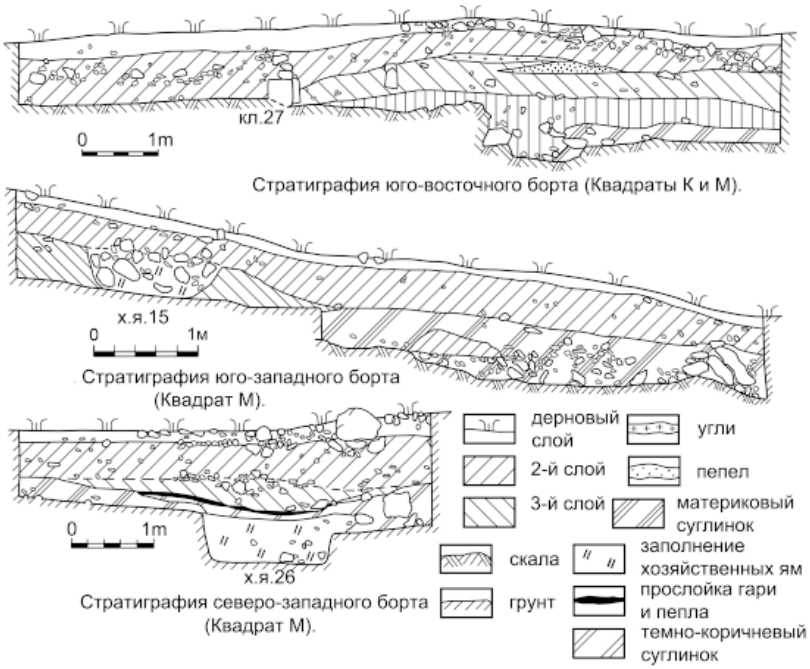

Рис. 5. Стратиграфия бортов раскопа.

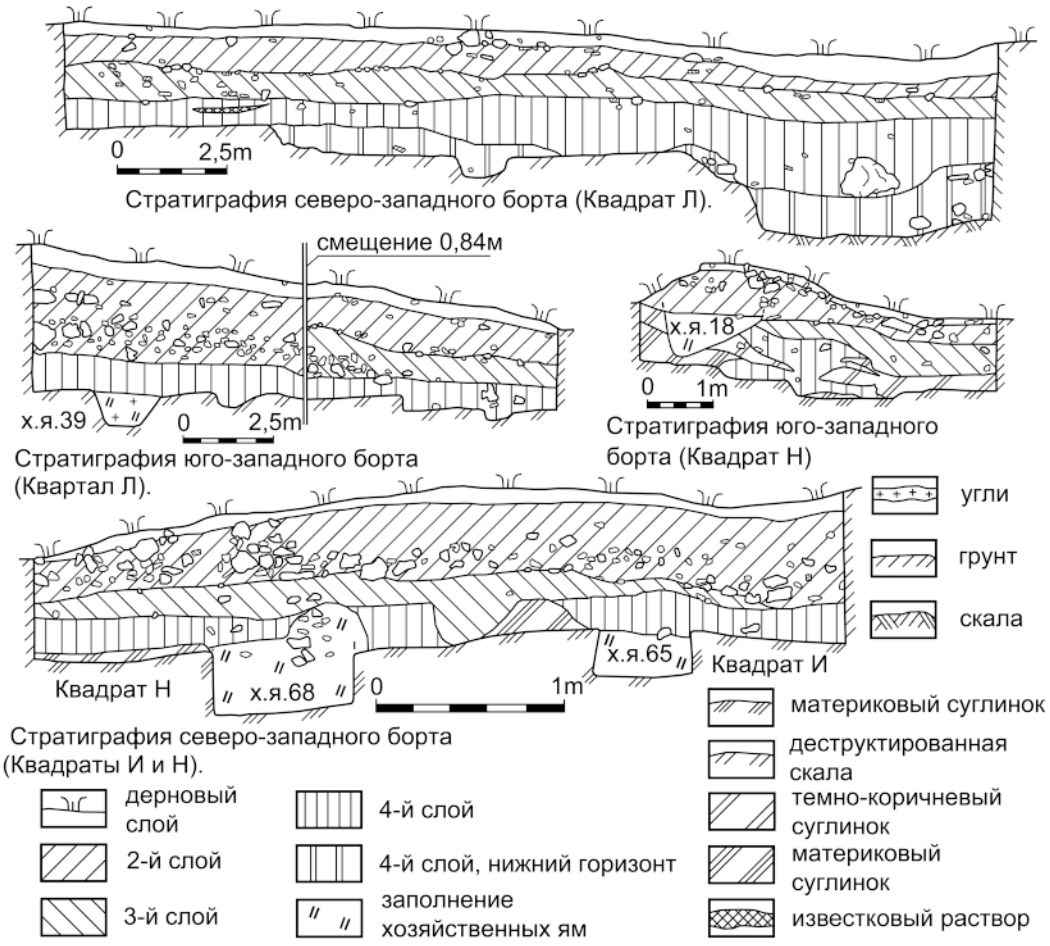

Рис. 6. Стратиграфия бортов раскопа.

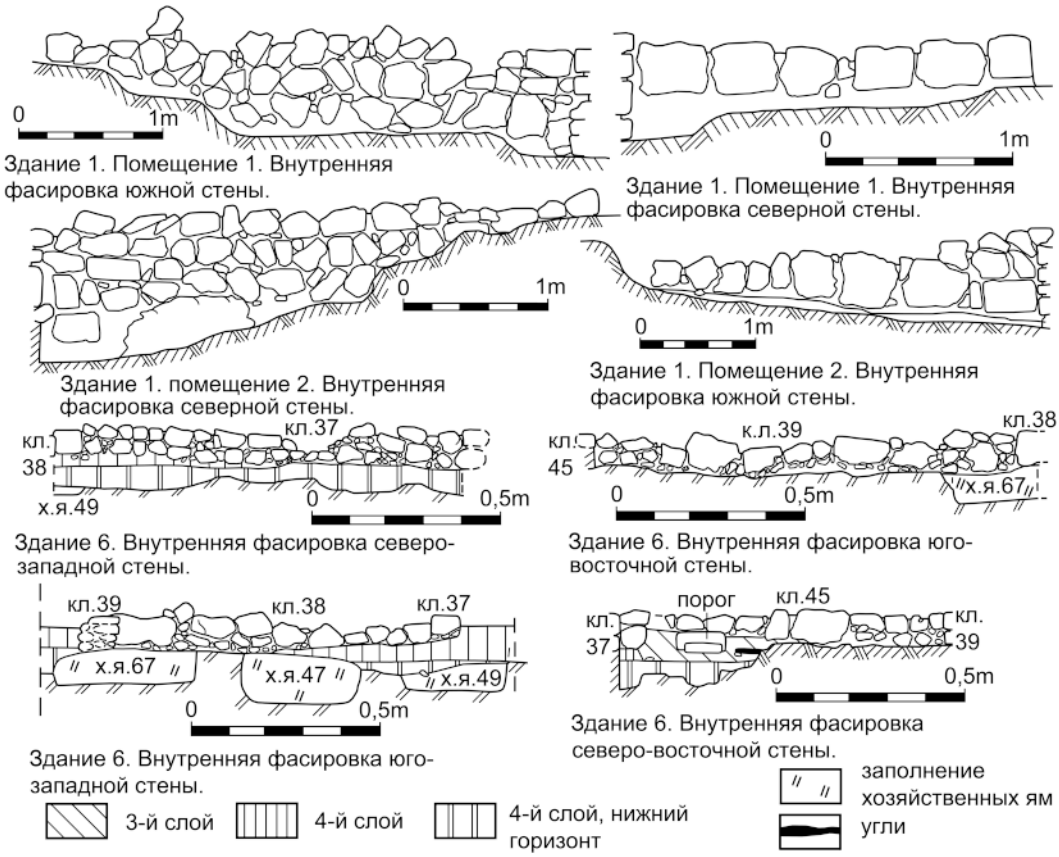

Рис. 7. Фасировки стен зданий 1 и 6.

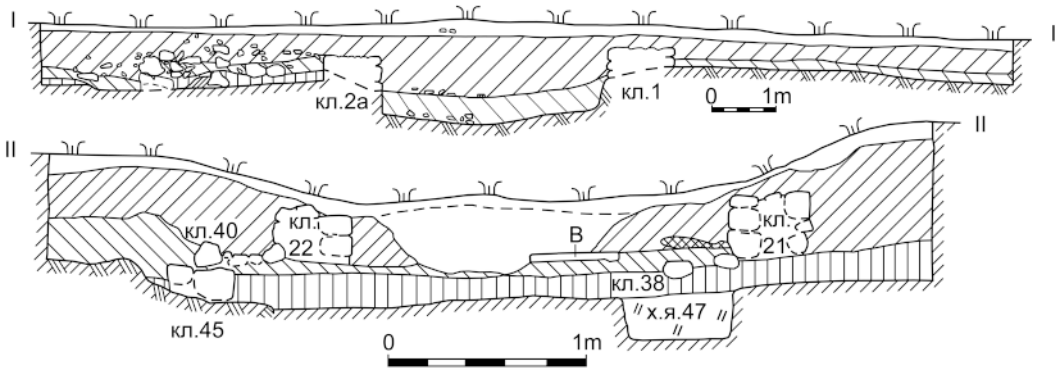

Рис. 8. Стратиграфические разрезы через здания 1 и 6.

I – Здание 1. Помещение 2. Стратиграфический разрез I-I. II – Стратиграфический разрез II-II.

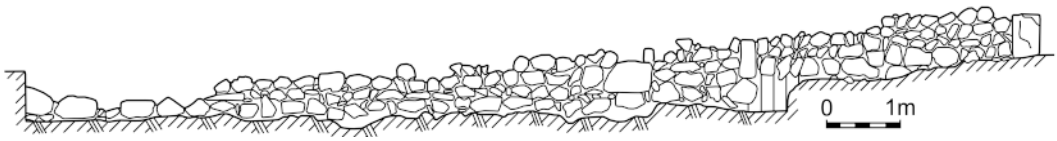

Рис. 9. Здание 1. Внешняя фасировка западной стены (кладка 2).

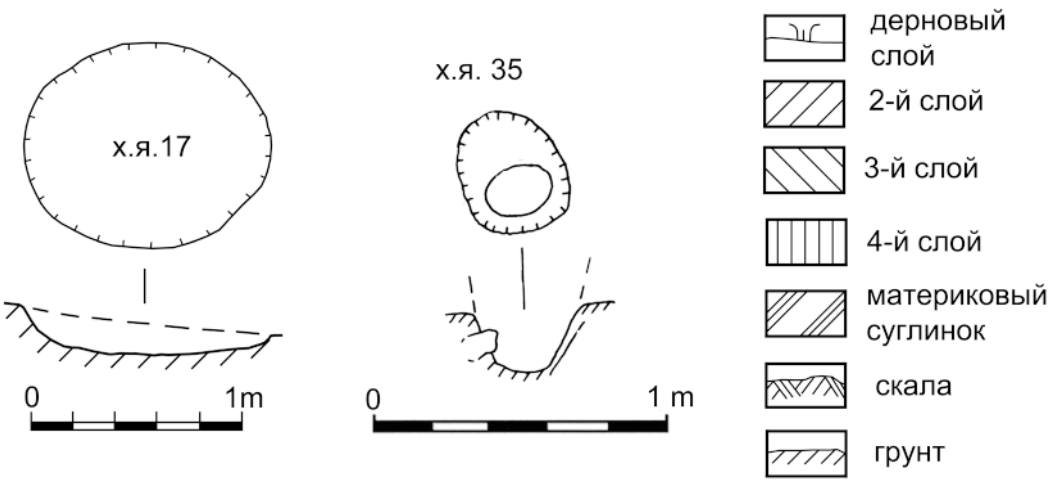

Рис. 10. Хозяйственные ямы №№ 17 и 32. Планы и разрезы.

Рис. 11. Здание 1. Помещение 1. Общий вид с востока.

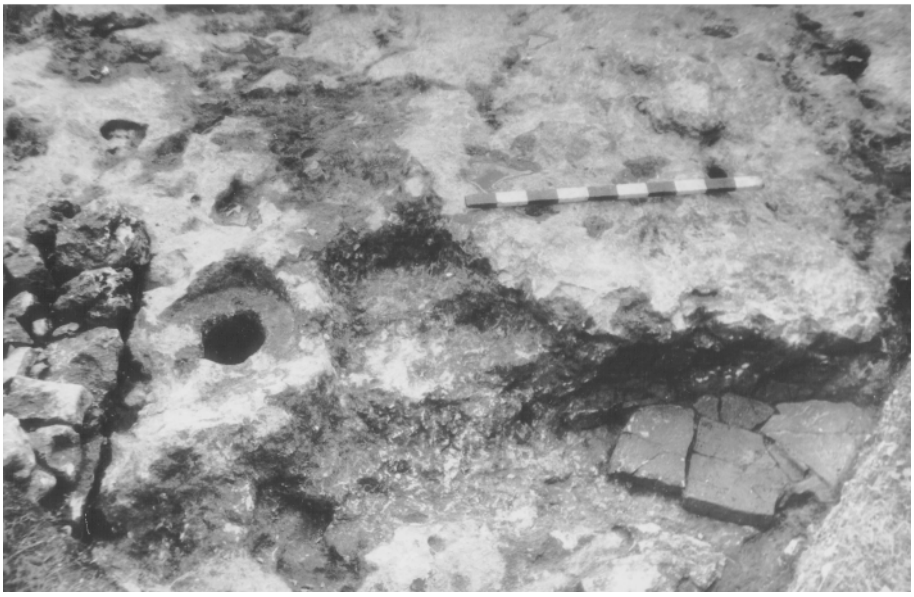

Рис. 12. Здание 1. Помещение 2. Мельница, остатки лестничного спуска и черепичной вымостки в западном углу. Вид с юго-запада, сверху.

Рис. 13. Здание 6. Зачистка по уровню 4-го слоя после снятия стен здания 4. Общий вид с востока.

Рис. 14. Здание 6. Зачистка по уровню заполнения хозяйственных ям. Общий вид с северо-запада.

Рис. 15. Здание 6. Ступени порога в северо-восточной стене (кладка 45). Вид с запада.

Рис. 16. Хозяйственная яма № 57, перекрытая зданием 6, после зачистки горизонта ее заполнения. Вид с севера.

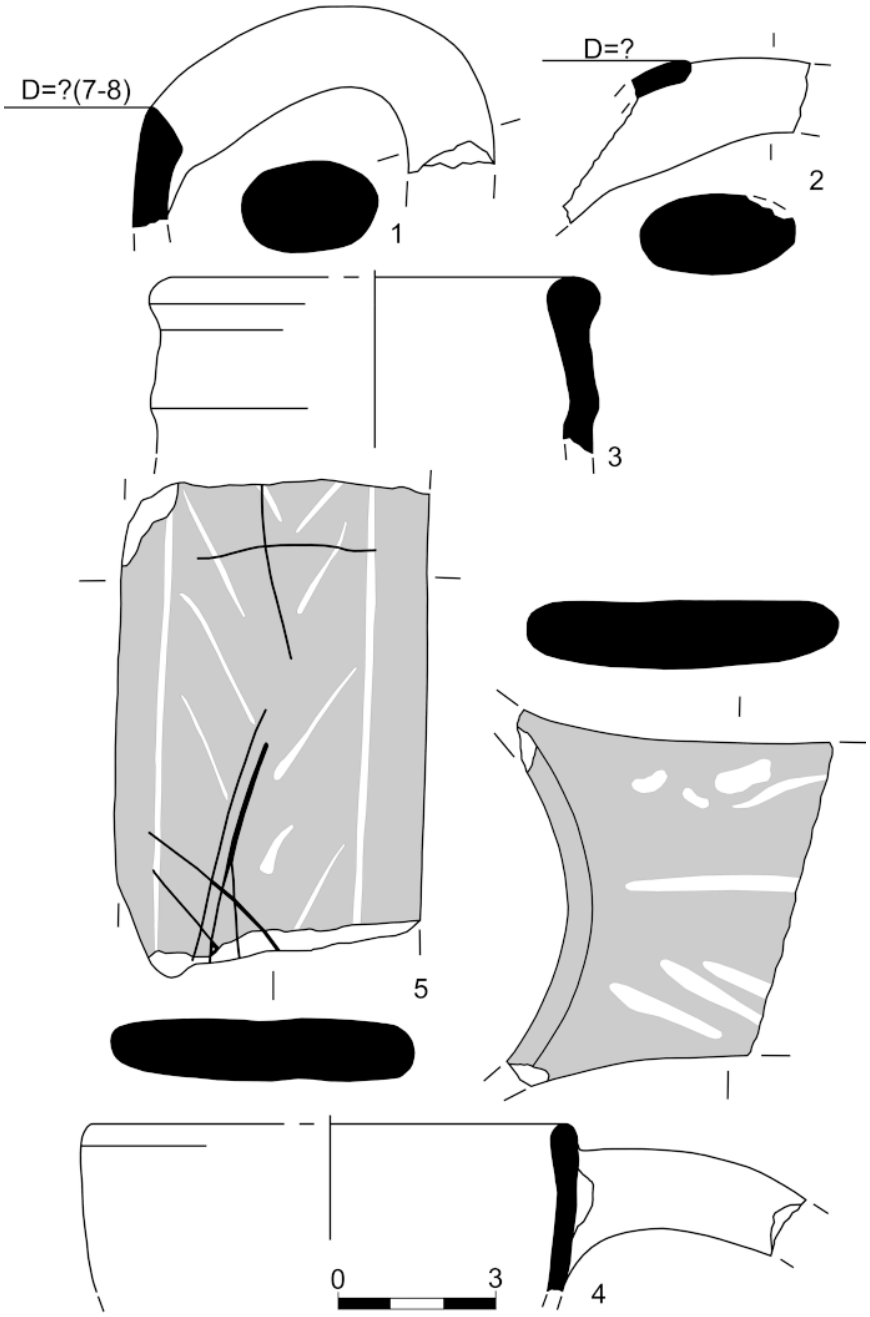

Рис. 17. Тарная керамика из 3-го слоя снаружи здания 6.

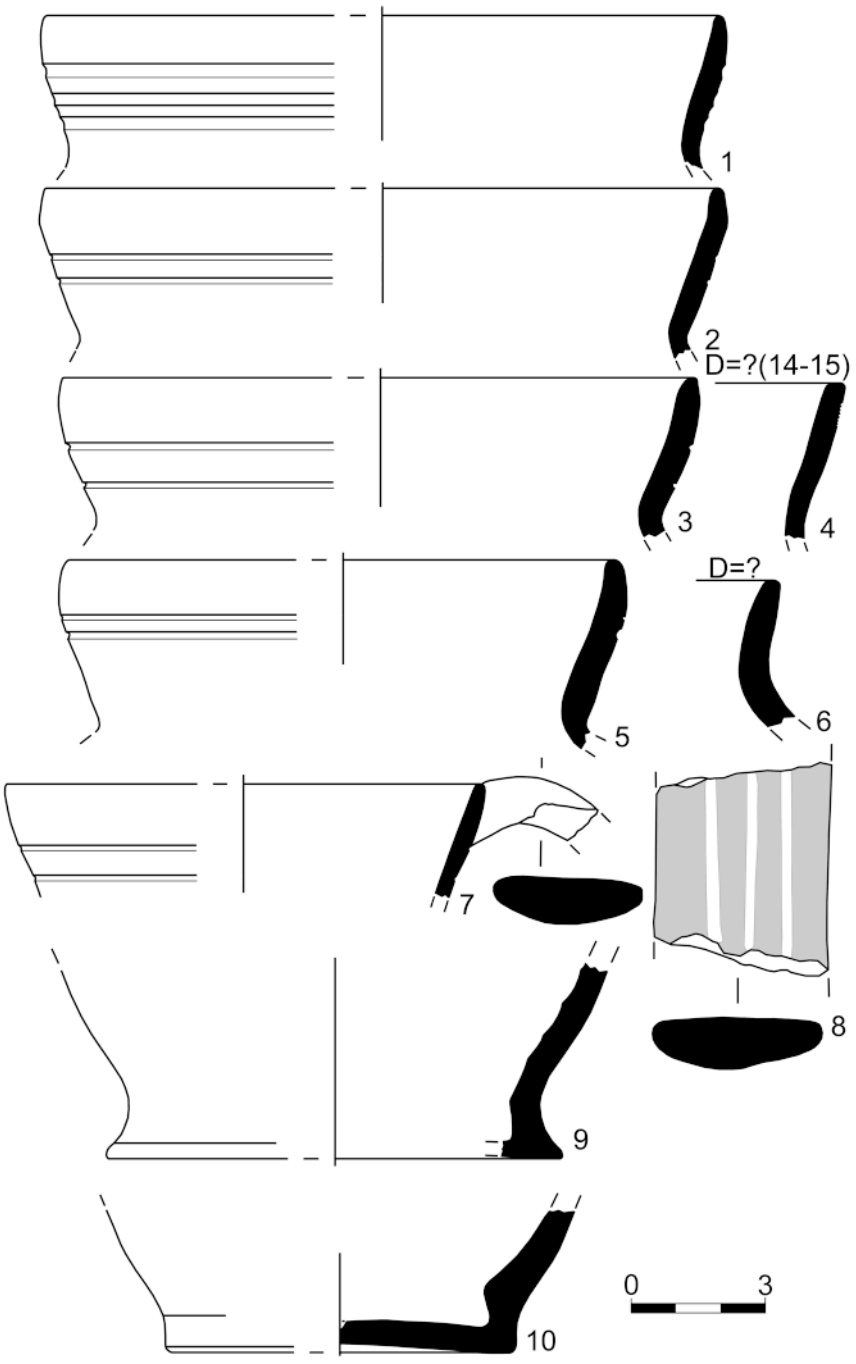

Рис. 18. Кухонная керамика из 3-го слоя снаружи здания 6.

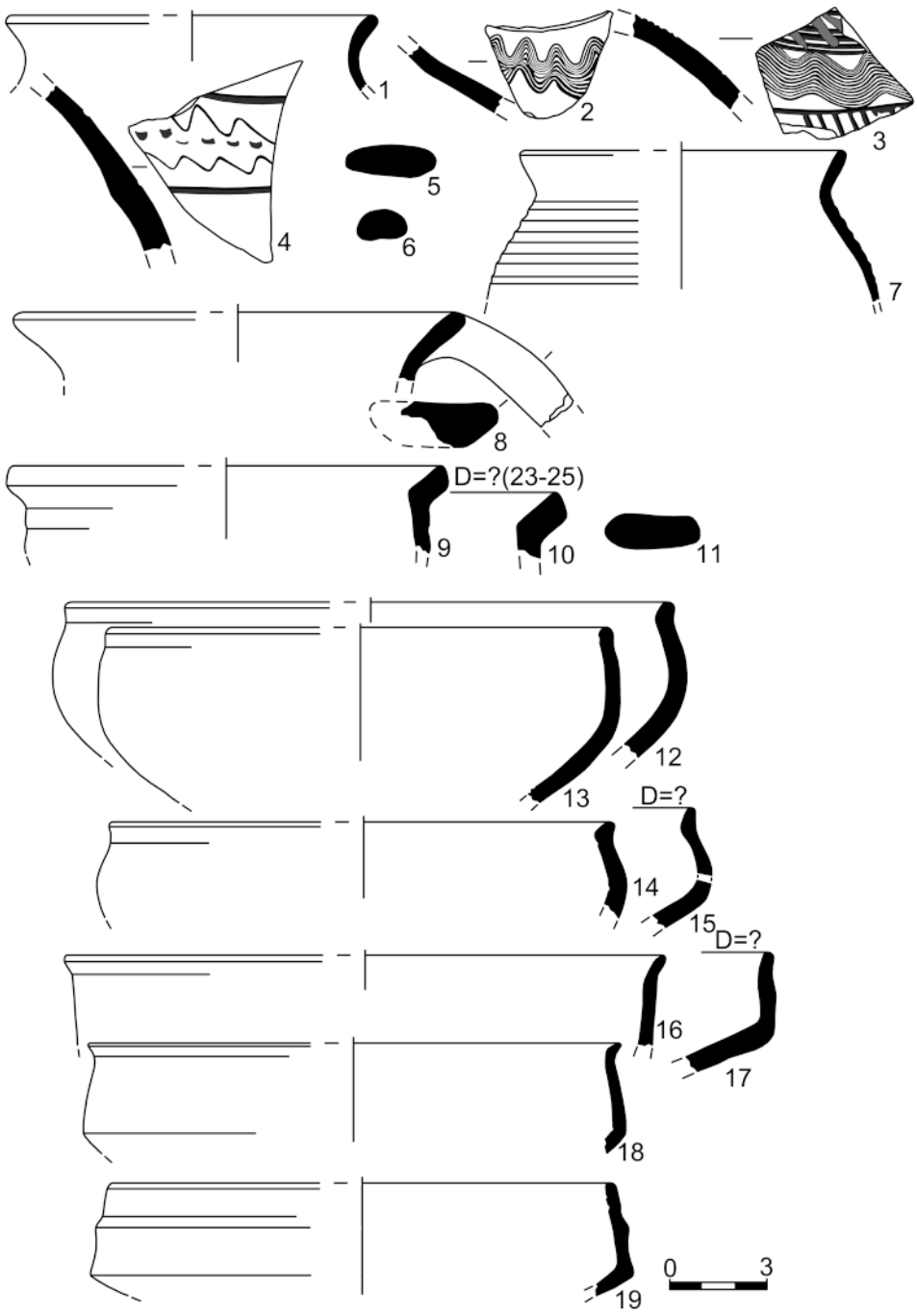

Рис. 19. Столовая керамика из 3-го слоя снаружи здания 6.

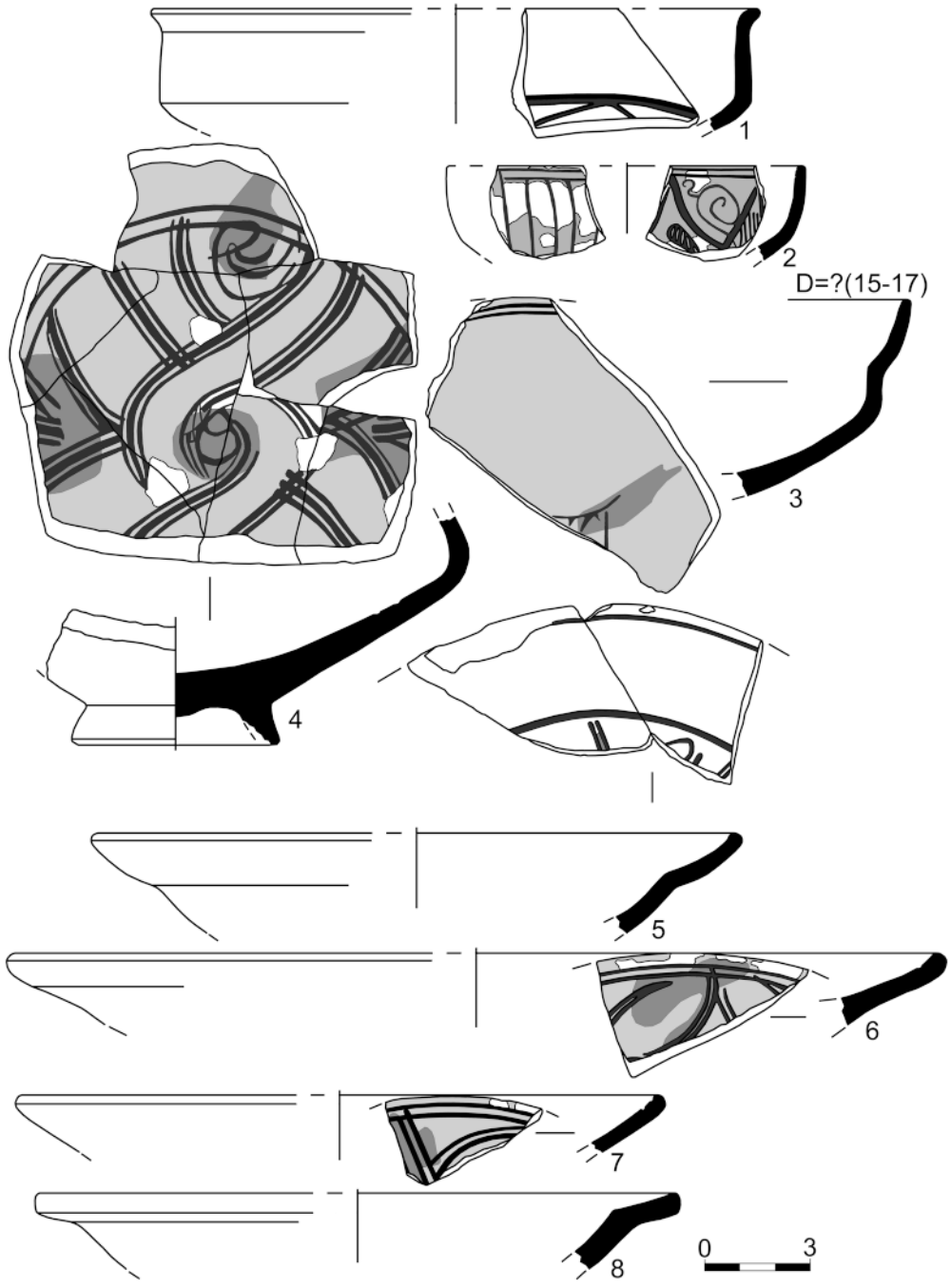

Рис. 20. Столовая керамика из 3-го слоя снаружи здания 6.

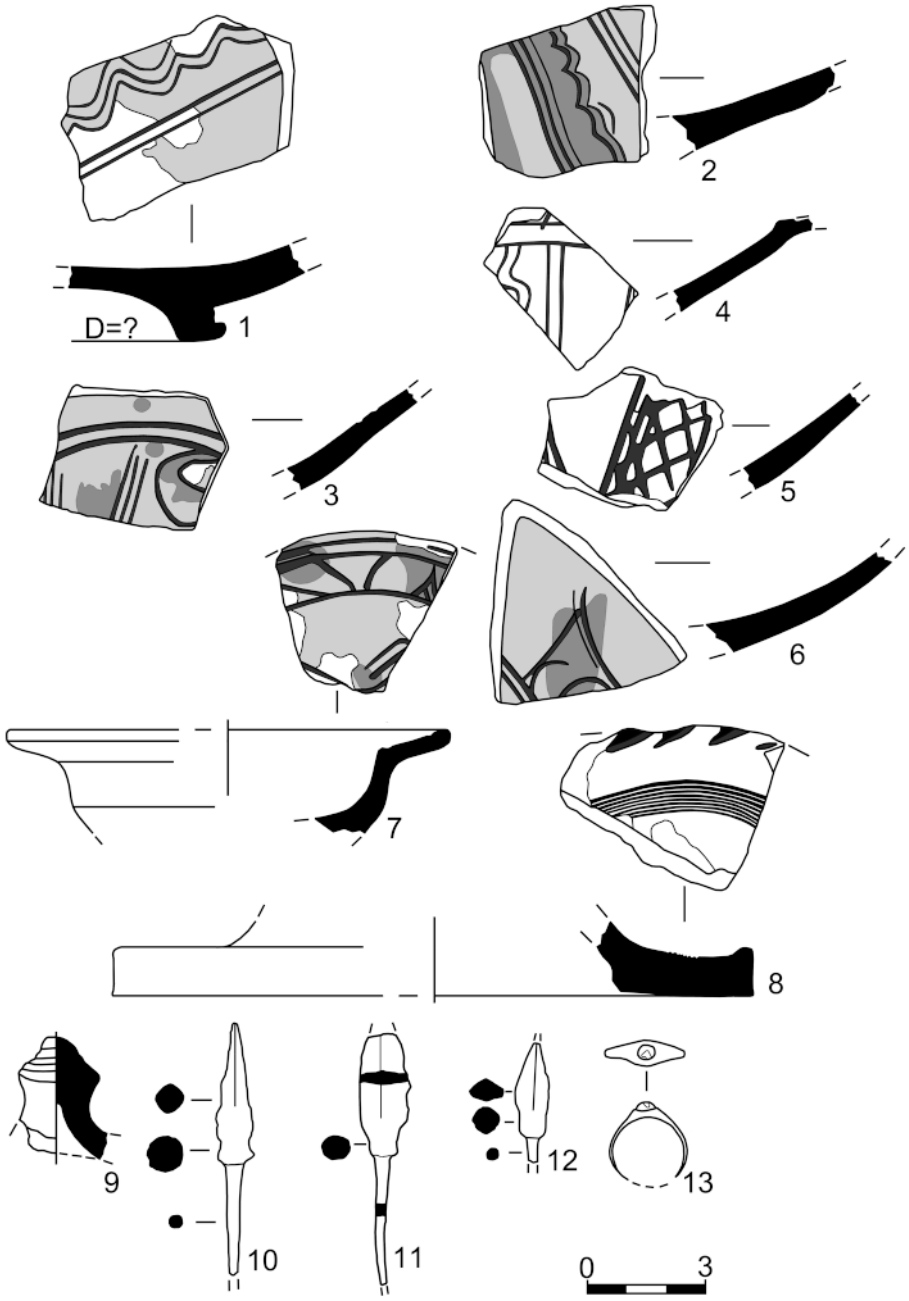

Рис. 21. Столовая керамика, изделия из глины и металла из 3-го слоя снаружи здания 6.

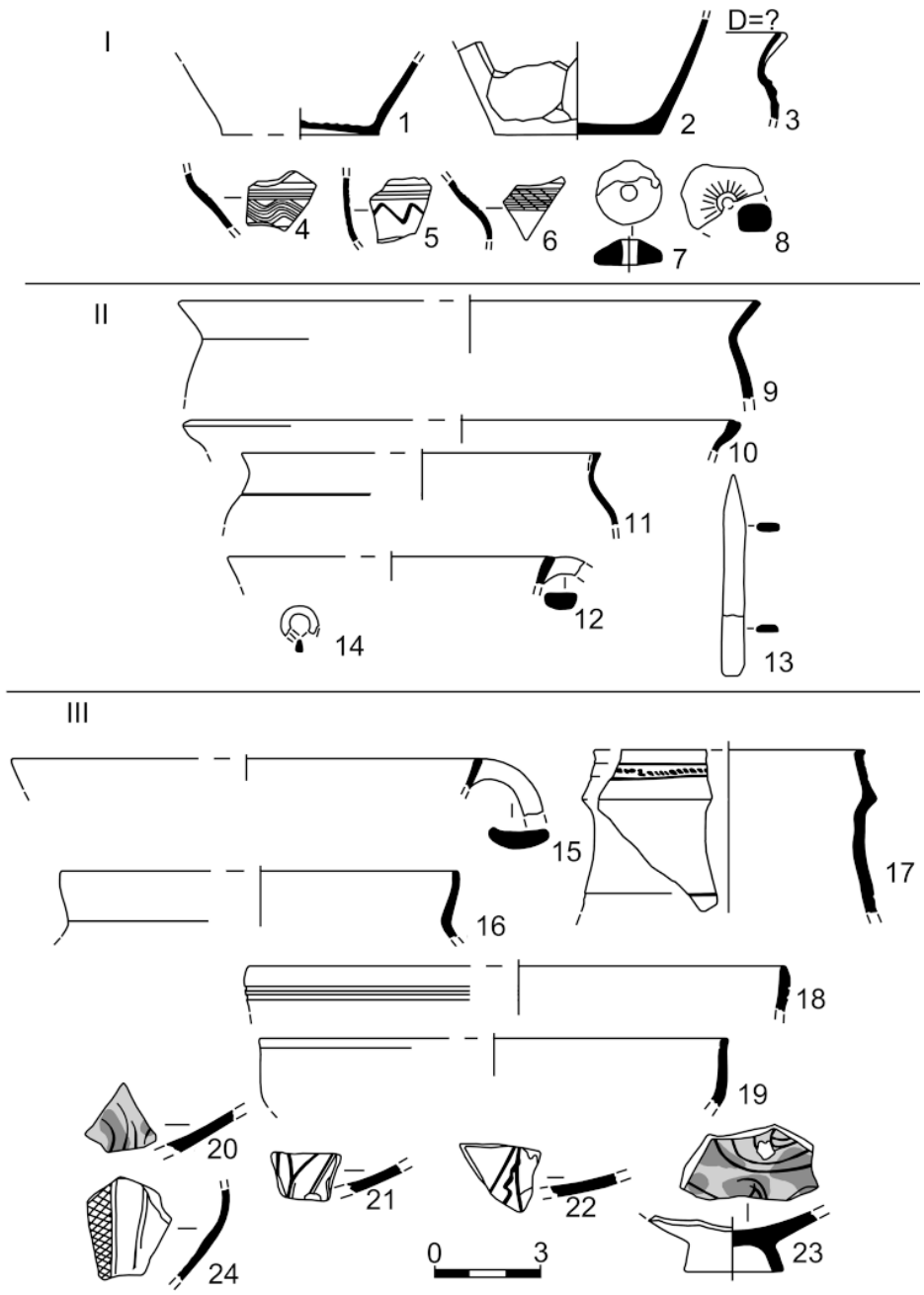

Рис. 22. Здание 1.

I – Находки из «пола» помещения 1. II – Находки из «пола» помещения 2. III – Находки при зачистке «пола» помещения 3.

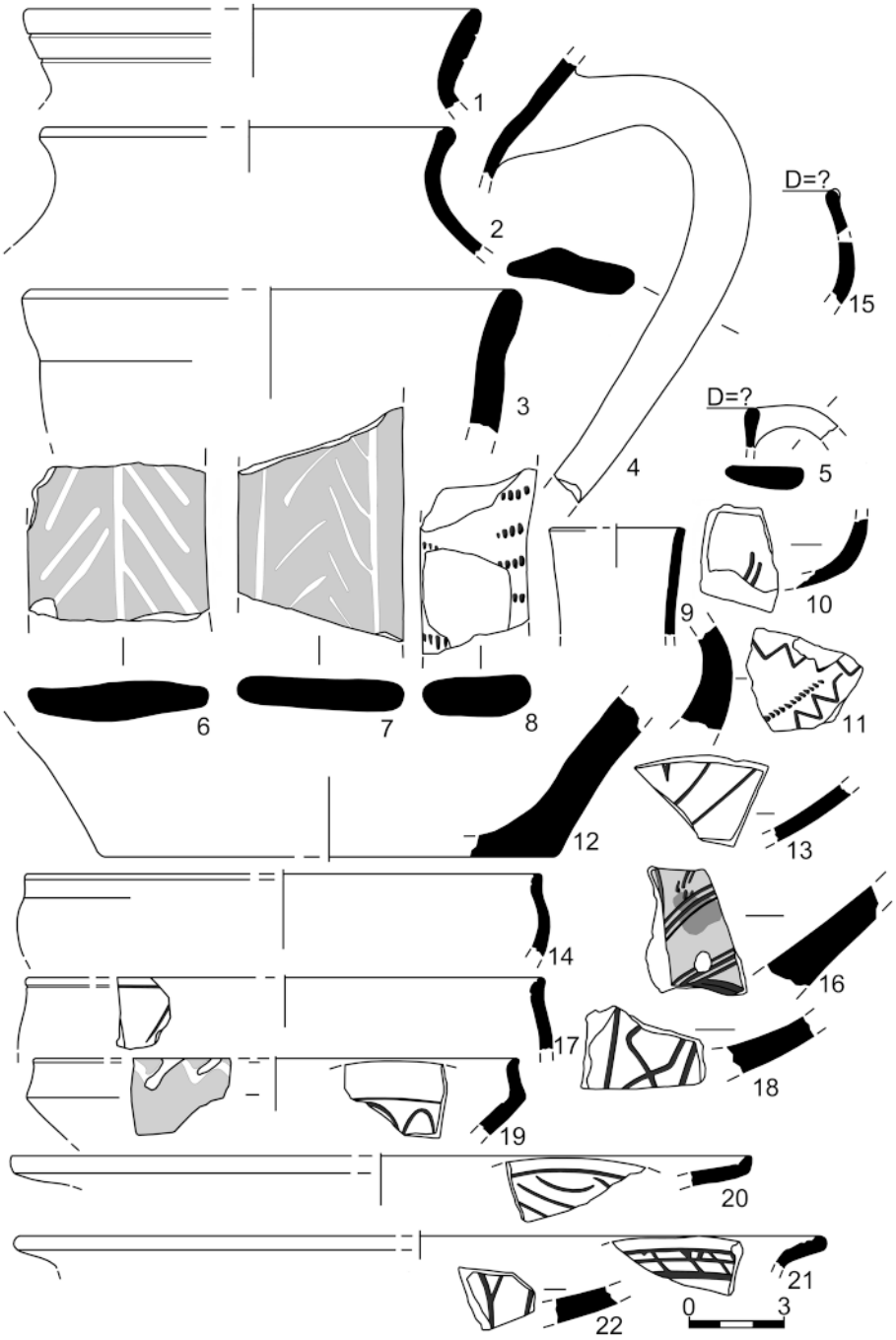

Рис. 23. Бытовая керамика из 3-го слоя под «слоем пожара» и кладками здания 3.

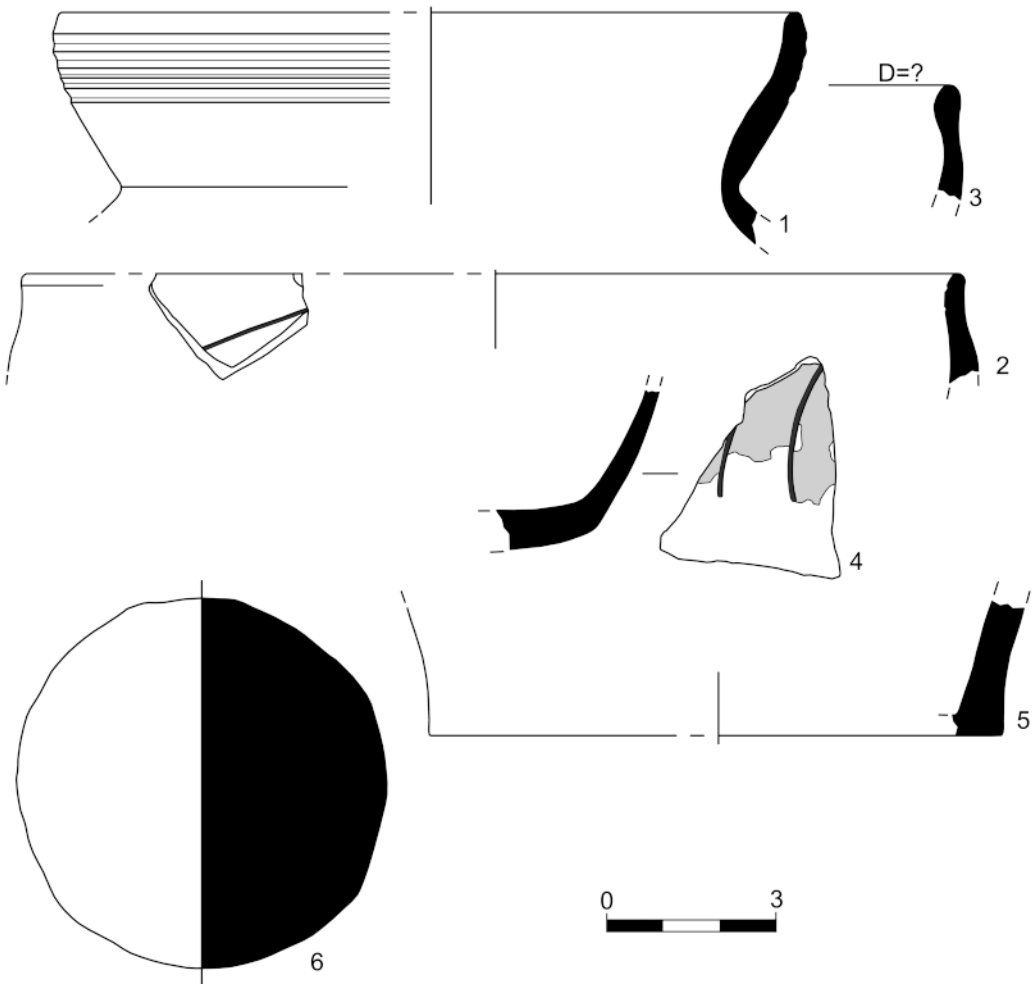

Рис. 24. Находки из «слоя пожара» под зданием 3.

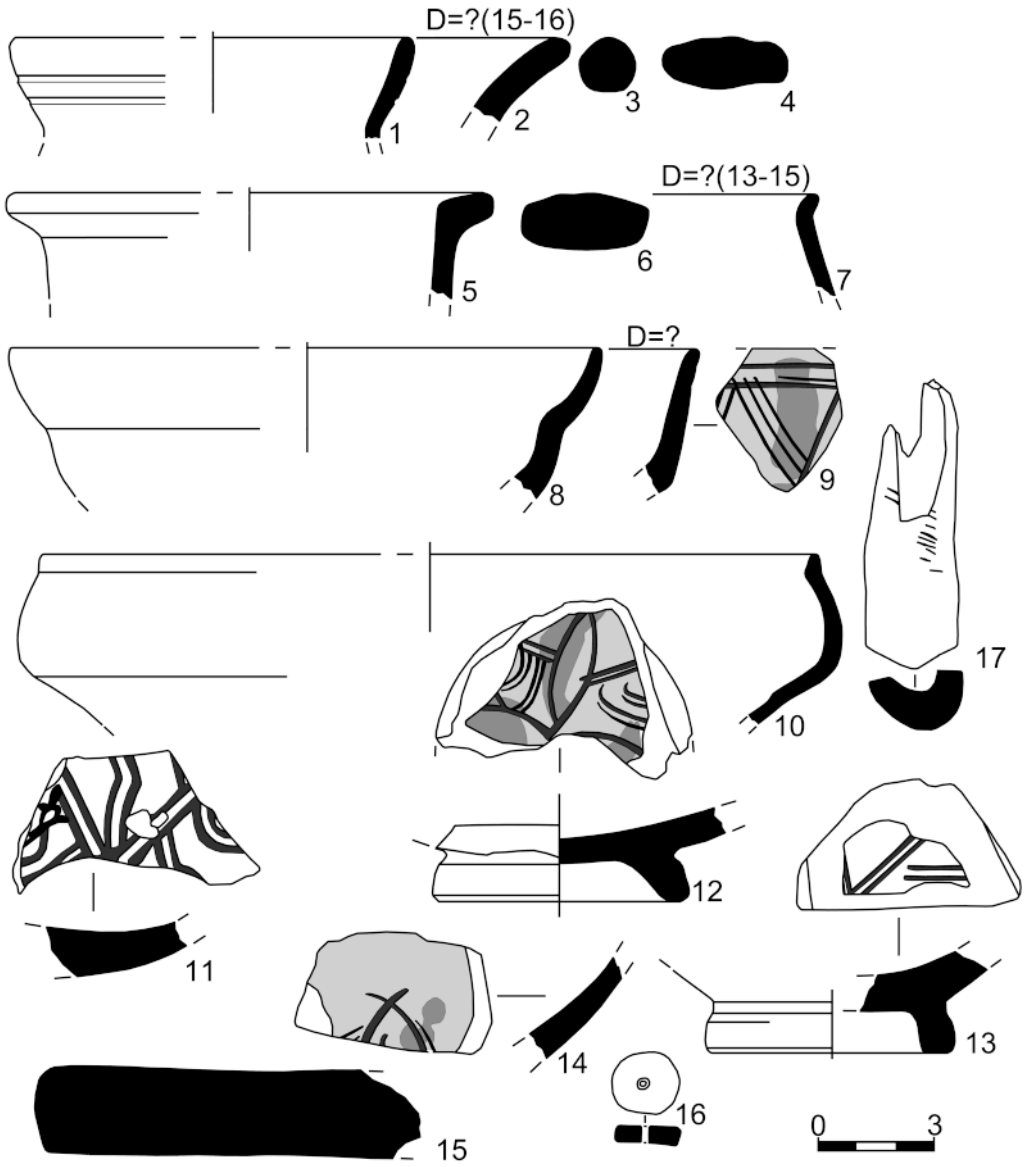

Рис. 25. Комплекс находок из каменной субструкции под плитовую вымостку здания 4.

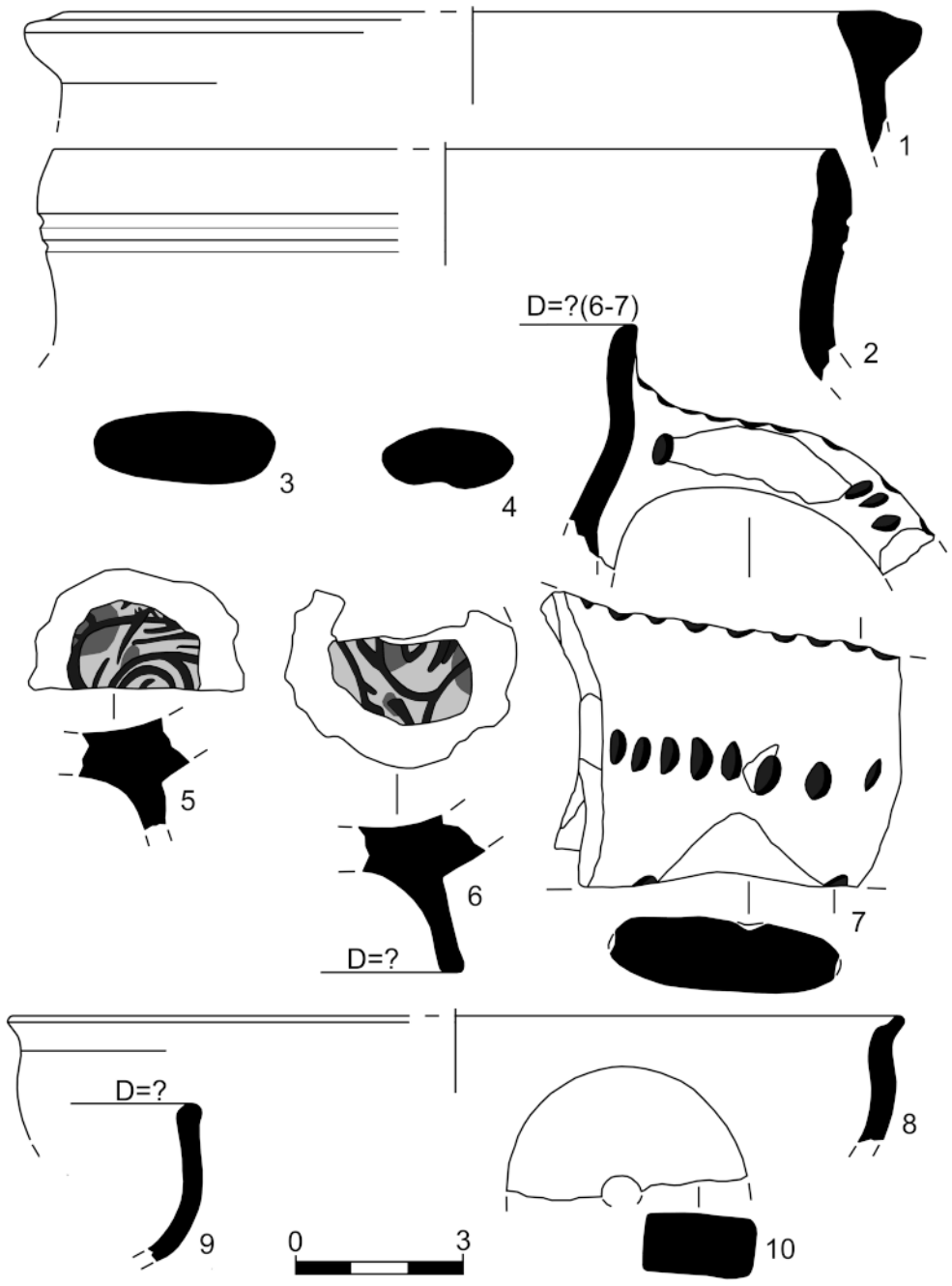

Рис. 26. Здание 6. Находки из «пола».

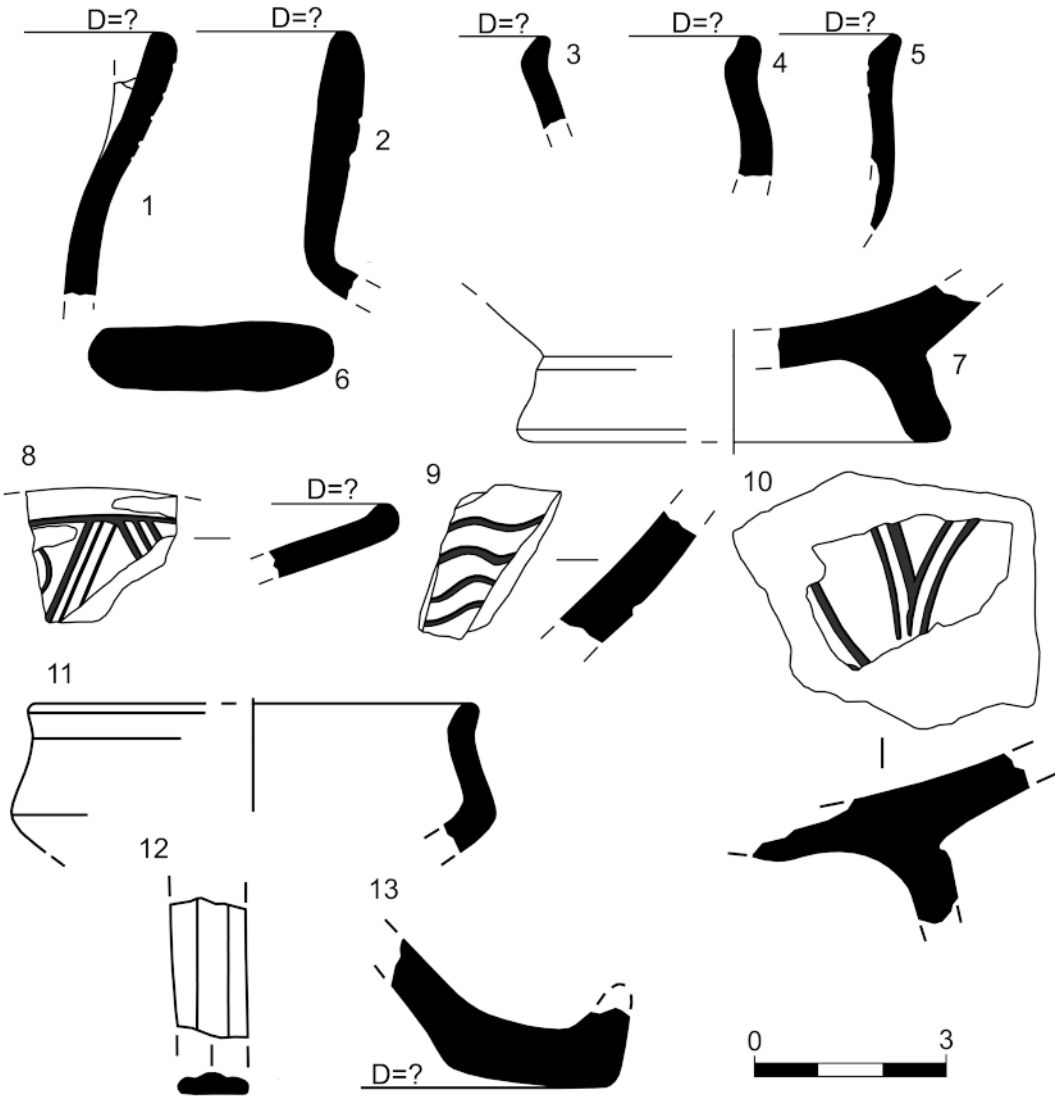

Рис. 27. Находки из нивелировочной засыпи у северного угла здания 6.

А. А. ДУШЕНКО

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ РАСКОПОК КВАРТАЛА У ЦЕРКВИ СВ. КОНСТАНТИНА (МАНГУП)

Изделия из кости и рога составляют довольно значительную часть комплекса археологического материала из раскопок Мангупского городища[1]. Однако, несмотря на многолетнее и систематическое изучение памятника экспедицией Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, этой группе находок до сих пор не уделялось должного внимания. Предметы из материалов животного происхождения обычно упоминались при публикации комплексов археологических находок. При этом исследователи, как правило, ограничивались лишь первичным описанием и интерпретацией функционального назначения изделий [1, рис. 132; 2, с. 345, 353, рис. 9; 18].

Следует отметить, что подобный подход в целом характерен для всех археологических памятников Крымского полуострова. Общие работы, посвященные обработке кости и рога, появились сравнительно недавно. В первую очередь, следует выделить монографию Б.Г. Петерса, подробно освещающую косторезное дело Северного Причерноморья в античное время [3]. Помимо классификации артефактов по их функциональному назначению, в работе проанализирован набор инструментов мастеров-косторезов, а также приведены данные письменных источников, упоминающих изготовление или использование предметов из кости. Фактически же единственной сводной публикацией средневековых предметов из материалов животного происхождения является статья А.И. Романчук, посвященная находкам из раскопок Портового квартала Херсонеса [4]. Работа содержит каталог находок и общее описание выделенных автором групп изделий. Технологические аспекты производства изделий из кости и рога, обнаруженных в ходе исследования Херсонесского городища, рассмотрены в работах В.И. Кадеева [5] и А.В. Шаманаева [6; 7].

---

[1] Приношу благодарность руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцену за возможность обработки и публикации материалов.

Обработка кости, рога и других материалов животного происхождения подробнее освещена в литературе на примерах других регионов Европы. Значительный объем работ посвящен как отдельным группам изделий, так и в целом коллекциям находок, а также вопросам технологии и организации производственного процесса. Часть этих работ использована нами при написании данной статьи, однако приводить здесь полный список публикаций, посвященных косторезному делу, вряд ли необходимо – этот вопрос требует специального исследования[2].

Предлагаемая работа продолжает серию публикаций, посвященных исследованиям квартала в районе церкви Св. Константина в центральной части плато Мангупа [11; 12]. Уникальность этого объекта состоит в том, что здесь на участке исследований представлены культурные слои и археологические комплексы, отражающие практически все периоды Мангупского городища [11, с. 235].

Предлагаемая в данной работе классификация предметов из кости и рога основана на их функциональном назначении[3]. В соответствии с ним выделены группы изделий: детали воинского снаряжения, орудия труда и инструменты, предметы быта, игровые принадлежности. В отдельную группу вынесены артефакты, определенные как заготовки и производственные отходы. Часть изделий, чье функциональное назначение определить не удалось, обозначены как «изделия неясного назначения».

Необходимо отметить, что подобное деление достаточно условно. Некоторые артефакты могут быть отнесены сразу к нескольким группам. К примеру, рукояти ножей, отнесенные к категории орудий труда, могли быть частью снаряжения воина или охотника.

I. Предметы вооружения и конской сбруи

К предметам, связанным с вооружением, отнесено изделие из рога, определенное как **кистень** (рис. 1,*1*). Это единственный экземпляр данного вида оружия ближнего боя, известный среди материалов памятника. Он представляет собой фрагмент гирьки яйцевидной формы, изготовленной из плотного рога оленя или лося. Гирька имеет продольное сквозное отверстие, в которое продета металлическая петля для крепления к ремню. Петля изготовлена из железной проволоки, концы которой загнуты наружу. Внутренняя поверхность петли в месте крепления

[2] Более подробную библиографию работ, посвященных косторезному делу Восточной Европы, см. в работе В.Е. Флеровой [8]. Наиболее полная библиография работ по обработке кости и рога на территории Западной и Северной Европы до 1985 г. приведена в монографии А. МакГрегора [9]. Библиография, вышедшая после 1985 г., содержится в монографии Е. Айалона [10].

[3] Основная часть коллекции предметов из кости и рога из раскопок участка у церкви Св. Константина хранится в фондах археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского. Материалы исследований 2005 г. находятся на хранении в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника.

гирьки к ремню стерта от долговременного использования. Ширина внутреннего пространства петли (6 мм), вероятно, может свидетельствовать о размерах кожаного ремня, с помощью которого гирька крепилась к кисти руки или рукояти.

Кистень найден в слое № 2, формирование которого относится к наиболее позднему этапу существования городища – второй половине XVI – началу XVIII вв. [11, с. 246], однако авторы раскопок отмечают, что большая часть находок из слоя находилась в «переотложенном» состоянии, а материалы «турецкого времени» составляли лишь 15% всего комплекса.

Появление кистеней в Восточной Европе в раннем средневековье обычно связывают с кочевыми племенами Поволжья и Подонья, в частности, хазарами [13, с. 59; 14, с. 67]. А.В. Крыганов относит распространение кистеней у носителей салтово-маяцкой археологической культуры к IX-X вв. [14, с. 66]. Находки этого вида оружия известны также в Саркеле – Белой Веже [8, с. 58-61], где изделия, морфологически близкие кистеню из коллекции Мангупа, найдены в слоях конца XI – начала XII вв. [8, с. 59, рис. 18,16,17; 19]. В.Е. Флерова отмечает начавшийся в XI в. процесс перехода кистеней Саркела от шарообразных к удлиненным формам [8, с. 59]. Роговые кистени известны и на других памятниках салтово-маяцкой культуры [15, с. 86, рис. 5,3,а,б]. Находки роговых кистеней в средневековых слоях Херсонеса отмечены в статье А.И. Романчук [4, с. 88]. Следует отметить, что в недавнее время в литературе появилось мнение о том, что роговые шарообразные изделия с металлическими петлями следует интерпретировать не как кистени, а как гирьки для весов [16]. Однако, на наш взгляд, приведенной автором аргументации недостаточно для изменения традиционной интерпретации этой группы изделий. Возможно, для этого требуется более детальное специальное исследование вопроса.

Кистень из коллекции Мангупского городища по своей форме практически идентичен кистеням первого типа из раскопок Новгорода, по классификации А.Ф. Медведева, бытование которых относится к X-XI вв. [17, с. 137, рис. 5,9; 7,4]. Единственным отличием является то, что гирька на новгородских кистенях крепилась к ремню с помощью железного или свинцового стержня с петлей на конце, тогда как в нашем случае гирька крепилась с помощью петли из согнутой вдвое металлической проволоки. А.Н. Кирпичников относит начало распространения роговых кистеней в Древней Руси ко второй половине X в., продолжают они бытовать вплоть до XIII в. включительно [13, с. 59, рис. 43,1-9]. Начиная с XII в., роговые кистени постепенно вытесняются металлическими, что, по мнению исследователя, связано с усилением воинского доспеха и большей долговечностью металлических изделий [13, с. 63]. Изделие, подобное мангупскому, известно среди материалов Белгорода-Днестровского, однако археологический контекст находки не ясен [18, с. 83, 84, рис. 33,1].

С учетом «переотложенного» характера нашей находки, при ее датировке мы можем оперировать лишь самыми общими соображениями. Скорее всего,

она должна быть отнесена к периоду IX – первой половины XI вв. истории Мангупа, т.к. на городище до сих пор не выявлены культурный слой и археологические комплексы второй половины XI – XIII вв. [19, с. 746; 20, с. 105; 21, с. 261]. Возможно, кистень происходит из заполнения котлованов зданий №№ 2 и 5, раскопанных вблизи церкви Св. Константина, которые являются единственными, известными на сегодняшний день, сооружениями «хазарского» времени на площади Мангупского плато [11, с. 235].

А.Н. Кирпичников определяет кистени как вид оружия пеших воинов и всадников [13, с. 65]. Однако современные исследования обычно относят кистени к снаряжению легковооруженных пеших воинов [8, с. 60; 14, с. 67; 22, с. 13]. Единственная, на данный момент, находка этого вида оружия не может свидетельствовать о широком его использовании обитателями Мангупа.

В литературе неоднократно отмечалось, что для изготовления кистеней использовался рог лося [8, с. 58; 13, с. 59; 17, с. 137, 138]. Костные останки этого вида животных среди остеологических материалов Мангупского городища пока неизвестны. Следовательно, кистень из раскопок церкви Св. Константина является, вероятнее всего, привезенным изделием и, возможно, связан с пребыванием на городище в начале IX в. хазарского гарнизона [23, с. 33].

К деталям вооружения относится также фрагмент **концевой накладки составного лука** (рис. 1,*2*), изготовленной из рога оленя. Внешняя поверхность накладки выпуклая, отполированная, внутренняя – покрыта частыми нарезками для более прочного приклеивания к деревянной кибити лука. Имеется вырез для тетивы, внутренняя поверхность которого залощена от трения. Подобные накладки служили для увеличения жесткости отдельных частей лука. Комплект накладок на составной лук так называемого «гуннского типа» включал две пары концевых накладок с вырезами для тетивы, а также три серединных накладки на рукоять [24, с. 32; 25, с. 147; 26, p. 243]. Количество накладок могло варьироваться в зависимости от типа лука.

Фрагмент концевой накладки на лук происходит из слоя № 4 участка исследований у церкви Св. Константина, формирование которого относится к VI – VII вв. [11, с. 235]. К ближайшим аналогиям следует отнести фрагмент накладки из склепа № 65 конца IV – начала V вв. могильника в балке Алмалыкдере [27, S. 538, Abb. 10,1], комплект костяных накладок из погребения конца IV – первой половины V вв. Усть-Альминского могильника [28, с. 203], накладки на лук из склепа № 575 Скалистинского могильника первой половины VIII в. [29, с. 133, 180, рис. 98,1-6], а также фрагмент концевой накладки из слоя IX-X вв. Херсонеса [4, с. 88, рис. 2,40]. Однако следует отметить, что составные луки, снабженные подобными концевыми накладками, имеют достаточно широкий ареал [24, с. 33] и бытуют вплоть до позднего средневековья.

К деталям конской сбруи относится **подпружная пряжка** (рис. 1,*3*) с прямоугольным щитком и округлой рамкой. Находка происходит из контекста,

относящегося к IV горизонту застройки, датированному VI-VII вв. [11, с. 235]. Прямых аналогий изделию не найдено. И.А. Баранов датирует морфологически близкие, трапециевидные костяные пряжки второй половиной VII в. [30, с. 19, рис. 6,13,14]. В качестве подпружных пряжек могли использоваться костяные восьмеркообразные изделия из материалов второй половины X – начала XI вв. Судакской крепости [31, с. 235, рис. 13,5,6]. Роговые подпружные пряжки из материалов Саркела – Белой Вежи датируются VIII-XI вв. [8, с. 65, 66, рис. 23]. Г.А. Федоров-Давыдов относит использование костяных пряжек в виде овальной пластины к X-XI вв. [32, с. 47, 115, рис. 3,11]. Очевидно, при отсутствии прямых аналогий, изделие следует датировать в хронологических рамках контекста, т.е. VI-VII вв.

II. Орудия труда

К немногочисленным орудиям труда и их составным частям отнесены рукояти и наперстки. **Рукояти** представлены двумя типами – **цельные** (1 экз.) и **составные** (4 экз.).

Фрагмент цельной рукояти, обнаруженный в ходе исследований участка застройки в районе церкви Св. Константина, шестигранный в сечении, имеет подпрямоугольную форму с вытянутыми углами на тыльной стороне (рис. 1,*4*). На тыльной стороне рукояти выпилены два зубца. Рукоять снабжена отверстием для подвешивания. Археологический контекст находки установить невозможно, так как она относится к группе так называемого «подъемного материала». Аналогии за пределами Мангупа нам неизвестны. Граненные в сечении рукояти орудий известны среди материалов Саркела – Белой Вежи [8, с. 70, рис. 28,7; 29,15].

Изделия второго типа фактически представляют собой пластины-обкладки рукоятей. Два фрагмента пластин были найдены при исследовании участка застройки у церкви Св. Константина. Первый имеет подпрямоугольную форму, тыльная часть закруглена (рис. 1,*5*). Внутренняя поверхность пластины покрыта частыми косыми нарезками для более прочного скрепления с металлической частью, внешняя зашлифована и украшена циркульным орнаментом. Сохранился фрагмент железного штифта, с помощью которого пластина крепилась к лезвию. Фрагмент второй рукояти имеет подпрямоугольную форму с выступом на тыльной части (рис. 1,*6*). Внутренняя поверхность пластины также покрыта косыми нарезками и носит следы соприкосновения с железом. Ближе к тыльной части имеется отверстие для крепления. Изделие, украшенное циркульным орнаментом, происходит из дернового слоя. Пластина с выступом на тыльной части была найдена в слое № 3, датируемом XIV-XV вв. [11, с. 235].

Следует отметить, что составные рукояти из двух пластин, скрепленных металлическими штифтами, не имеют четкой хронологической привязки. Находки этого типа изделий в горизонтах позднеримского времени известны в Западной Европе [9, p. 169, fig. 88; 33, tab. 44-46; 47,4; 34, tab. 30], в слоях IX-X вв. Саркела [8, с. 71, рис. 27,12], Болгарии [35, с. 217, обр. 33]

и Моравии [36, S. 153, 154, Obr. 6,1,2], среди материалов XI-XIV вв. в Коринфе [37, p. 191, pl. 85,1411-1413], на памятниках Древней Руси [18, с. 84, 85, рис. 33,5; 38, с. 109, рис. 3,8,9]. Из ближайших аналогий отметим нож с костяными пластинами-обкладками из раскопок Р.Х. Лепера на Мангупе [1, рис. 132], рукоять из дореволюционных раскопок Херсонеса [4, с. 89, рис. 3,48], изделие из башни Орта-Куле в Алустоне [39, с. 153, рис. 13,6], а также две составные рукояти из материалов XV в. крепости Чембало [40, с. 86, 99, рис. 95,186,266]. Таким образом, составные рукояти, видимо, не являются четким хронологическим индикатором, и их следует рассматривать в рамках определенного археологического контекста.

Кроме того, к категории составных рукоятей следует отнести предмет ромбовидной формы с отверстием в центре, определенный как затыльник рукояти ножа (рис. 1,*7*), происходящий из слоя № 2, формирование которого относится к «турецкому» периоду истории городища [11, с. 235]. Изделие соответствует типу 1Б, по классификации И.А. Закировой [41, с. 222, рис. 97,3]. Аналогии известны в Саркеле – Белой Веже [8, с. 103, рис. 52,7]. Железный нож с костяным затыльником был обнаружен на территории Мангупского городища в ходе работ Р.Х. Лепера в 1913-1914 гг., однако место и контекст находки неясны [1, рис. 132]. Следует отметить, что, подобные изделия также могли использоваться в качестве застежек, крепившихся с помощью узла.

Наперстки, изготовленные из рога, имеют форму усеченного конуса и покрыты круглыми углублениями для упора иглы (рис. 1,*8-10*). Одно изделие орнаментировано врезными линиями (рис. 1,*10*). Один наперсток был найден в дерне, два изделия происходят из слоя № 2, формирование которого относится ко второй половине XVI – началу XVIII вв. [11, с. 235]. Однако, как отмечалось выше, более 70% археологического материала в данном контексте составляют находки раннесредневекового времени и периода XIV-XV вв. Аналогии известны в слое IX-X вв. в Херсонесе [4, с. 87, рис. 1,24], среди материалов XII-XIII вв. укрепления Исар-Кая [42, с. 235, рис. 7,29,30], в комплексе третьей четверти XIV в. из Судака [43, с. 555, рис. 28,12]. Наличие наперстков среди материалов из раскопок средневековых поселений Крыма отмечает в своей монографии В.Л. Мыц [44, с. 113]. Очевидно, наперстки из рога использовались в течение долгого хронологического периода в эпоху средневековья.

III. Предметы быта, детали одежды

Эта группа изделий из кости и рога включает детали одежды и украшения (пуговицы и подвески), а также предметы быта – гребни, шпильки и пиксиды.

Пуговицы из кости и рога достаточно разнообразны по форме и представлены двумя типами изделий.

Пуговицы ***типа 1*** имеют дисковидную форму, снабжены отверстием для крепления в центральной части. Внешняя поверхность зашлифована и украшена орнаментом в виде двух концентрических линий, внутренняя – слабо обработана,

иногда носит остатки костной губчатой структуры. Подобные изделия могли изготовляться из лопаток, тазовых костей, нижних челюстей крупных животных, таких, как бык и лошадь, с помощью пил-коронок. Использование подобных инструментов римскими косторезами отмечает А. МакГрегор [9, p. 60, 61, fig. 37]. Также для изготовления пуговиц этого типа мог использоваться токарный станок. Пуговицы типа 1, очевидно, крепились к одежде с помощью узла [8, с. 103]. Внутри типа 1 выделяются два варианта, отличающиеся размером изделий.

Пуговицы *1 варианта* имеют диаметр 37-39 мм. Единственный экземпляр 1 варианта (рис. 1,*11*) происходит из материалов первого горизонта застройки, датированного второй половиной XVI – началом XVIII вв. [11, с. 235] и насыщенного археологическим материалом более раннего времени. Аналогии изделию известны среди комплексов третьей четверти XIV в. Судакской крепости [43, с. 555, рис. 28,15,16], а также среди материалов XV в. Алустона [39, с. 153, рис. 13,7,10,11] и Чембало [40, с. 83-86, 93, рис. 96,168,171,172,176,188,234,235]. Фрагменты аналогичных пуговиц опубликованы среди материалов из Белгорода-Днестровского, однако их археологический контекст не указан [45, табл. LXVII,I]. Близкое по форме изделие происходит из Коринфа, где датируется временем не позднее начала XI в. [37, p. 300, pl. 123,2535]. Тем не менее, бытование пуговиц 1 варианта на памятниках средневековой Таврики, скорее всего, следует относить к периоду XIV-XV вв.

Изделия *2 варианта* 1 типа имеют диаметр 20-21 мм. Одно изделие (рис. 1,*13*) происходит из контекста, датированного XIV-XV вв., другое (рис. 1,*12*) – из горизонта турецкого времени с большой долей материалов более раннего времени («примесь снизу») [11, с. 235]. Полные аналогии пуговицам 2 варианта нам неизвестны. Близкое по форме изделие, трапециевидное в сечении, происходит из слоя XIII-XIV вв. Херсонеса [4, с. 91, рис. 2,67]. Видимо, пуговицы обоих вариантов типа 1 бытовали одновременно, т.е. в XIV-XV вв.

Пуговица ***типа 2*** крепилась к одежде с помощью петли. Изделие имеет щиток полусферической формы, украшенный орнаментом из пересекающихся врезных линий (рис. 1,*14*), и происходит из горизонта, формирование которого относится к концу XVI – началу XVIII вв. [11, с. 235]. Прямые аналогии ему нам неизвестны. Морфологически близкая бронзовая пуговица из раскопок квартала Сарачханы (Стамбул) происходит из горизонта 1213, сформировавшегося не ранее начала X в. [46, p. 264, pl. 397,551].

Предмет, определенный как **пронизь**, имеет подпрямоугольную форму и изготовлен из диафиза трубчатой кости небольшого животного (рис. 1,*15*). Изделие происходит из закрытого археологического контекста, датированного, по сопутствующему материалу, рубежом XVII-XVIII вв. [11, с. 253]. Аналогии изделию нам неизвестны.

Гребни представлены двумя основными типами изделий: цельные и составные. Фрагмент цельного гребня с «горбатой» спинкой имеет выступ тра-

пециевидной формы и снабжен отверстием для подвешивания (рис. 2,*16*). Изделие найдено вне археологического контекста, что затрудняет его датировку. Точные аналогии нам неизвестны. Морфологически близкие гребни известны в слое первой половины XII в. в Саркеле [8, с. 41, рис. 2,13], домонгольских слоях Болгара [41, с. 230, рис. 102,1]. О.А. Кондратьева датирует гребни с «горбатой» спинкой из Пскова VIII-IX вв. [47, с. 59].

Ко второму типу относится фрагмент пластины составного гребня с намеченными, но не пропиленными зубцами (рис. 2,*17*), происходящий из слоя № 2. Как уже отмечалось, формирование этого контекста относится к наиболее позднему «турецкому» этапу истории городища [11, с. 235], однако большую часть археологического материала в нем составляли находки более раннего времени. В литературе существует ряд классификаций средневековых составных гребней из кости и рога [см., например: 48-51], основанных, главным образом, на морфологических признаках и орнаментации изделий. К сожалению, фрагментарность изделия из материалов Мангупа не позволяет соотнести его с каким-либо из выделенных типов. Из близких по форме пластин с зубцами изготовлялись составные гребни Старой Ладоги первой и второй групп, по классификации О.И. Давидан, датированные соответственно VII-XI и IX-XI вв. [48, с. 98, 101, рис. 1-3], а также гребни IX-X вв. из могильника Бирка [50, fig. 9]. В целом, бытование этого типа гребней в литературе принято относить к IX-XI вв. [8, с. 40]. Фрагментарные находки составных гребней известны в Херсонесе в слоях, датированных IX-XI и XIII-XIV вв. [4, с. 89, 91, 100, рис. 4,63,62].

К группе предметов туалета отнесен фрагмент предмета, представляющего собой выточенный на токарном станке стержень с отполированной поверхностью, орнаментированный пересекающимися врезными линиями (рис. 1,*18*), определенный как **шпилька**. Изделие найдено в слое, связанном с третьим горизонтом застройки участка, датированным IX в. [11, с. 235]. Близкие по форме изделия происходят из дореволюционных раскопок Херсонеса [4, с. 91, рис. 5,98-100]. Контекст находки неясен. Следует также отметить, что шпильки и булавки из кости и рога являются обычным материалом для памятников Европы римского времени и эпохи средневековья [9, p. 115-122; 37, p. 276-287; 52].

Пиксиды представлены двумя фрагментами стенок с отполированной поверхностью и концентрическими линиями по контуру (рис. 2,*20,21*), а также дном в виде диска с небольшим углублением в центре (рис. 2,*19*). Правильность формы свидетельствует об использовании для их изготовления токарного станка. Два предмета происходят из горизонтов раннесредневекового времени, один из фрагментов стенки (рис. 2,*20*) – из контекста VI-VII вв., другой (рис. 2,*21*) – из помещения, функционировавшего в IX в. [11, с. 235]. Дно с концентрическими линиями происходит из контекста XIV-XV вв. Пиксиды с концентрическими линиями по контуру известны в погребениях первой половины V в. в Лучистом [53, с. 41, рис. 7,17; 54, с. 74, рис. 14,1-3] и на Боспоре [55, с. 18, рис. 2,61; 56, с. 41,

табл. 11,15]. Находки костяных пиксид известны также в слоях первых веков нашей эры в Коринфе [37, p. 136, pl. 69,965,966], на памятниках римского времени Центральной Европы и Палестины [10, p. 222, fig. 12,127,128,133; 33, tab. 26; 54, p. 28, 29]. Очевидно, использование этой группы изделий следует относить к позднеантичному и раннесредневековому времени. Крышка пиксиды, найденная в слое XIV-XV вв., видимо, находилась в «переотложенном» состоянии.

IV. Принадлежности для письма

К группе принадлежностей для письма отнесены предметы с заостренной рабочей частью, определенные как **стили** для письма на навощенной дощечке (рис. 2,*24*; 3,*26*). Оба предмета имеют характерные признаки – заостренный конец для письма и уплощенную тыльную часть, служившую для стирания написанного и разглаживания воска. К этой категории отнесены также фрагменты близких по форме изделий (рис. 2,*22,23*; 3,*27,28*). Все предметы изготовлены из рога оленя, о чем свидетельствуют остатки характерной для этого материала губчатой структуры, сохранившиеся на поверхности изделий.

Стили из кости и рога известны с эпохи античности. Изделия с уплощенной тыльной частью (№№ 24, 26) морфологически близки стилям типа 2, выделенного Б.Г. Петерсом [3, с. 60, 61, табл. XII,19,20]. Схожую форму имеют стили римского времени из г. Магдаленсберг [59, p. 166, taf. 1]. Аналогичные стили из Коринфа датированы IX-XII вв. [37, p. 187, pl. 83,1369,1370; 84,1371,1372]. Близкие по форме орнаментированные стили происходят из слоев XI-XIII вв. Портового квартала Херсонеса [4, с. 93, рис. 5,103,108].

Большая часть стилей из материалов участка у церкви Св. Константина (№№ 22, 24, 27, 28) происходит из слоев, связанных с первым горизонтом застройки участка, датированным второй половиной XVI – началом XVIII вв. [11, с. 254]. Учитывая датировку аналогий, их, очевидно, следует относить к «примеси снизу», составлявшей значительную часть материалов горизонта [11, с. 244]. Фрагмент стиля (№ 23) происходит из слоя, относящегося ко второму горизонту застройки, датированному XIV-XV вв. [11, с. 235]. Один из стилей с уплощенной тыльной частью (№ 26) найден в слое, связанном с нижним горизонтом застройки участка, датированным в пределах VI-VII вв. [11, с. 235]. Очевидно, вопрос датировки этой группы изделий на данном этапе исследования остается открытым.

Возможно, в качестве стиля использовался предмет в форме сдвоенного ромба с заостренным концом, украшенный сочетанием врезных линий и циркульного орнамента (рис. 2,*25*). Изделие происходит из слоя № 2, датированного второй половиной XVI – началом XVIII вв. [11, с. 254]. Полные аналогии предмету нам неизвестны. Близкое по форме изделие из слоя XI-XIII вв. Портового квартала Херсонеса определено А.И. Романчук как заколка [4, с. 91, рис. 4,65].

V. Принадлежности для игр

Группа изделий, связанных с играми, включает в себя астрагалы и фишки. Астрагалы традиционно относят к игровым принадлежностям, однако эти

изделия могли использоваться и для других целей, например, в качестве амулетов [8, с. 108]. Следует отметить, что массовые находки астрагалов известны как на античных, так и на средневековых памятниках, и, очевидно, эта категория изделий из кости не может использоваться для каких-либо хронологических построений.

Среди **астрагалов** Мангупского городища выделяются два основных типа изделий, изготовленных из таранных костей быка и мелкого рогатого скота. Из горизонта IX в. происходит астрагал мелкого рогатого скота, снабженный двумя сквозными отверстиями, просверленными в боковой стороне. Изделие носит следы пребывания в огне (рис. 3,*29*).

Таранная кость быка домашнего (Bos taurus L.), подтесанная с четырех сторон (рис. 3,*30*), происходит из горизонта, сформировавшегося на последнем этапе жизни городища. Находки обработанных таранных костей крупного рогатого скота известны как на античных [60, с. 178, рис. 1,6], так и на средневековых [8, с. 111, рис. 57,7,8] памятниках. Астрагалы быка с подтесанными сторонами могли использоваться в качестве бит. Описания игр с использованием астрагалов известны из этнографических источников [61]. Кроме того, подтесанные астрагалы могли применяться для натяжки струн музыкальных инструментов [8, с. 111].

Игральные **фишки** из коллекции Мангупского городища представлены двумя типами изделий. Изделие первого типа (рис. 3,*31*) имеет форму диска и орнаментировано врезными линиями. Предмет происходит из материалов четвертого горизонта застройки, датированного VI-VII вв. [11, с. 235]. Необычным является тот факт, что орнамент нанесен на изделие с обеих сторон, что не характерно для фишек, имеющих, обычно, одну гладкую сторону для передвижения по игровому полю. Возможно, это изделие могло иметь другое функциональное назначение. Близкая по форме фишка была найдена на территории Судакской крепости в комплексе третьей четверти XIV в. [43, с. 555, рис. 28,9].

Второй тип игральных фишек представлен предметом полусферической формы, украшенным орнаментом из точек (рис. 3,*32*). Изделие происходит из слоя № 4 участка у церкви Св. Константина, датированного VI-VII вв. [11, с. 235]. Близкие по форме и орнаментации фишки известны среди материалов XI-XIII вв. Херсонеса [4, с. 93, 94, рис. 6,133-135]. А. МакГрегор отмечает, что игральные фишки полусферической формы, хоть и встречаются в слоях римского времени, но более характерны для последующих столетий [9, p. 133]. Таким образом, оба типа игральных фишек, представленные в описываемой коллекции, использовались в течение длительного хронологического периода.

VI. Накладки

В отдельную группу вынесены накладки, функциональное назначение которых неясно. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы с отверстием для крепления из горизонта «турецкого времени» украшен комбинацией

циркульного орнамента и пересекающихся врезных линий (рис. 3,*33*). Другой фрагмент прямоугольной формы из того же контекста орнаментирован врезными линиями, образующими углы (рис. 3,*34*). Интересна находка фрагментированной накладки прямоугольной формы с квадратными вырезами для крепления к основе, возможно, путем привязывания (рис. 3,*35*). Изделие орнаментировано двойными линиями с поперечными насечками между ними.

Прямых аналогий накладкам из материалов Мангупского городища не найдено. Хронологический диапазон и ареал накладок из кости и рога достаточно велики. Очевидно, публикуемые изделия не могут являться самостоятельными хронологическими индикаторами, и их следует рассматривать в рамках их археологического контекста.

VII. Изделия неясного назначения

В эту группу изделий из кости и рога включены предметы, функциональное назначение которых определить не удалось. Ряд изделий имеет схожую форму. Это, в первую очередь, цилиндрические и конусовидные трубки из рога (рис. 3,*37,41*) и кости (рис. 4,*43-45*). Все предметы имеют тщательно обработанную внутреннюю поверхность, трубки из рога орнаментированы. Подобные изделия могли использоваться для хранения игл. Игольники из кости и рога известны среди материалов Саркела – Белой Вежи [8, с. 78-80, рис. 37,1-20], на памятниках Древней Руси [38, с. 111, рис. 2,15,16].

Назначение некоторых предметов можно лишь предполагать. Так, изготовленная из рога петля (рис. 4,*47*) могла использоваться как приспособление для крепления. Часть изделий, возможно, является браком (рис. 4,*42,48*), на что указывают их незавершенность и наличие трещин и сломов. Интересна находка фрагмента выточенного на токарном станке изделия с рельефной стенкой, украшенного параллельными линиями и циркульным орнаментом (рис. 3,*40*).

VIII. Заготовки и отходы производства

Предметы этой группы отражают различные стадии изготовления изделий из кости и рога. В целом, производственный процесс представляется возможным разделить на несколько этапов:

1. Выбор сырья.
2. Создание заготовки.
3. Придание заготовке формы, близкой к форме готового изделия.
4. Создание готового изделия, орнаментация.

Большинство заготовок из коллекции Мангупского городища отражает второй этап производственного процесса (5 экз.). Это, в первую очередь, отпиленные или срубленные ветви рога оленя (рис. 5,*49-51*), а также два отпиленных эпифиза трубчатых костей быка (рис. 5,*54,55*), которые, видимо, являются отходами производства.

Два предмета отражают стадию придания заготовке формы, близкой к форме готового изделия. Предмет из трубчатой кости крупного животного

(рис. 5,*53*), вероятно, является заготовкой рукояти ножа или другого орудия. Опиленный с двух сторон фрагмент рога оленя (рис. 5,*52*) из дернового слоя, возможно, мог быть использован для изготовления наперстков.

***

Описанный комплекс изделий из кости и рога из раскопок участка жилой и хозяйственной застройки у церкви Св. Константина в целом, по своей структуре, не отличается от опубликованных коллекций других средневековых памятников. Очевидно, на данном этапе исследования эта группа археологического материала не может использоваться в полной мере для каких-либо серьезных хронологических построений. Большая часть предметов происходит из горизонтов «турецкого времени» (45,5%), 29% – из раннесредневековых напластований, 13% – из контекстов XIV-XV вв., 7% – из современных по происхождению слоев. Однако следует принимать во внимание значительную вероятность переотложенности вещей, что характерно для многослойных памятников, к каким относится участок застройки близ церкви Св. Константина. Кроме того, затрудняет датировку неизменность формы и технологии производства ряда изделий. Отдельные артефакты и группы предметов на основании аналогий с большой долей вероятности удалось соотнести с тем или иным хронологическим периодом. Для формирования более четкого представления об этой группе археологического материала, как хронологическом индикаторе, требуется введение в научный оборот всего комплекса предметов из раскопок Мангупа. В этом контексте данную работу можно рассматривать лишь как начальный этап обработки коллекции изделий из кости и рога городища.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев Л.А. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918.
2. Тиханова М.А. Базилика // МИА. М.; Л., 1953. № 34.
3. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
4. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
5. Кадеев В.І. Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі I-IV ст. н.е. // Археологія. 1969. Т. 22.
6. Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок Портового квартала 2 // АДСВ. Екатеринбург, 1997.
7. Shamanaev A. Use-wear Analysis of Bone and Antler Artefacts of Medieval Cherson // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
8. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001.
9. MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. London, 1985.

10. Ayalon E. The Assemblage of Bone and Ivory Artifacts from Caesarea Maritima, Israel 1 – 13 Centuries. Oxford, 2005. BAR International Series 1457.
11. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
13. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. Л., 1966. Вып. Е1-36.
14. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2.
15. Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2.
16. Smirnova L. Weights, not Bludgeons. The Reappraisal of the Functionality of a Particular Category of Objects in Metal and Bone // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artifacts from Prehistoric Times to the Present. Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group at Talinn, 26th – 31st of August 2003. Talinn, 2005.
17. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. Труды Новгородской археологической экспедиции. 1959. № 65.
18. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). Киев, 1986.
19. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
20. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
21. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
22. Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990.
23. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
24. Хазанов А.М. Очерки военного дела сармат. М., 1971.
25. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних времен Восточной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
26. Coultson J. C., Phil M. Roman Archery Equipment // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar. Oxford, 1985. BAR International Series 275.
27. Gercen A., Maczynska M. Ein Kammergrab aus Almalyk-dere // Die spätrömische Kaizerzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
28. Пуздровский А.Е., Зайцев Е.П., Неневоля И.И. Погребение гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X.
29. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
30. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
31. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
33. Gostenčnik K. Die Beinfunde vom Magdalensberg. Klagenfurt, 2005.
34. Obmann J. Die Römischen Funde aus Bein von Nida-Heddernheim. Bonn, 1997.
35. Николова Я. Домашният бит и въоръжението в двореца на Царевец според археологическия материал // Царевград Търнов. София, 1974. Т. 2.

36. Hruby V. Slovanské kostêné predmêty a jejich výroba na Moravé // Památky archeologicke. Praha, 1957. № 48.
37. Davidson G. The Minor Objects // Corinth. Princeton. New Jersey, 1952. T. 12.
38. Давидан О.И. Староладожские изделия из рога и кости // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1964. Вып. 8.
39. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион. Киев, 2002.
40. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004.
41. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
42. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2.
43. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV в. Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
44. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
45. Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. Античная Тира – средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tyras Cetatea Albă / Belgorod-Dnistros'kyj. Bucuresti, 2002.
46. Gill M.V. The Small Finds // Harrison R.M. Excavation in Sarachane in Istanbul. Volume 1. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Molluscs. New Jersey, 1986
47. Кондратьева О.А. Средневековые гребни с «горбатой» спинкой // КСИА. 1986. Вып. 187.
48. Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4.
49. Никитина Г.Ф. Гребни Черняховской культуры // СА. 1969. № 1.
50. Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe // Stockholm studies in Archaeology Stockholm. 1981. V. 2.
51. Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950-1450). An Industry in Transition. Oxford, 2005. BAR International Series 1369.
52. Crummy N. The Chronology of Romano-British Bone Pins // Britannia. London, 1979. 10.
53. Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
54. Хайреди нова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
55. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
56. Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
57. Ciugudean D. Obiectele din Os, Corn, si Fildes de la Apulum // Alba Julia. Budapest, 1997. V.
58. Biro T.M. Bone-Carvings from Brigetio in the Collection of Hungarian National Museum // Acta Archaeologica. Budapest, 1987. T. XXXIX.
59. Gostenčnik K. Beinfunde als Schritträger: Die Beinfunde aus der Stadt auf dem Magdalensberg und ihre Kleininschriften // Instrumenta Inscripta Latina. Klagenfurt, 2008. II.
60. Кругликова И.Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945-49 гг. // МИА. 1957. № 56.
61. Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces // Expedition. 1996. V. 38. No.1.

Душенко А. А.

Вироби з кісті та рогу з розкопок кварталу біля церкви Св. Костянтина (Мангуп)

Резюме

У статті проаналізовано 55 виробів з кісті та рогу, отриманих в ході археологічних досліджень ділянки житлової і господарської забудови біля церкви Св. Костянтина в центральній частині Мангупського плато. Вироби розділені на групи згідно їхнього функціонального призначення. До окремих категорій віднесено заготовки та виробничі відходи, а також предмети, функцію яких визначити не вдалося.

В цілому, набір виробів з кісті та рогу у матеріалах ділянки біля церкви Св. Костянтина не відрізняється від опублікованих колекцій інших середньовічних пам'яток. На даному етапі вивчення ця група археологічного матеріалу не може використовуватися для хронологічних побудов, оскільки велика частина колекції походить з горизонтів XVI-XVIII ст. і шарів ранньосередньовічного часу.

Душенко А. А.

Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп)

Резюме

В статье проанализированы 55 изделий из кости и рога, полученных в ходе археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки у церкви Св. Константина в центральной части Мангупского плато. Изделия разделены на группы согласно их функциональному назначению. В отдельные категории вынесены заготовки и производственные отходы, а также предметы, функцию которых определить не удалось.

В целом, набор изделий из кости и рога из материалов участка у церкви Св. Константина не отличается от опубликованных коллекций других средневековых памятников. На данном этапе исследования эта группа археологического материала не может использоваться для хронологических построений. Большая часть коллекции происходит из горизонтов XVI-XVIII вв. и слоев раннесредневекового времени.

Dushenko A. A.

Bone and Horn Wares from the Excavation in the Block near St. Constantine Church (Mangup)

Summary

55 wares made of bone, horn and other materials of animals' origin are analyzed in this article; all of them were obtained in the course of archaeological research of the part of dwelling and

household build-up near St. Constantine Church in the central part of Mangup plateau. All the wares are divided into groups according to their functions. Half-finished pieces and production waste as well as things the functions of which were impossible to determine are put to separate categories.

In general, the set of born and horn wares from the materials of the plot near St. Constantine Church does not differ from published collection of other medieval monuments.

At this stage of research this group of archaeological material cannot be used for chronological constructions. The major part of the collection originates from the horizons dating back to the 16th – 18th centuries and layers of early medieval times.

Приложение

КАТАЛОГ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ И РОГА

I. Детали вооружения и конской сбруи

1. *Кистень*. Фрагмент гирьки яйцевидной формы со сквозным отверстием, в которое продета металлическая петля для крепления к ремню. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: рог. Высота – 61 мм, ширина – 50 мм. Археологический контекст: Квадрат В. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

2. *Накладка на лук*. Фрагмент концевой накладки на лук с вырезом для тетивы. Внешняя поверхность – выпуклая, отполированная, внутренняя – покрыта частыми косыми нарезками. Материал: рог. Диаметр выреза – 4 мм. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж-Л. 4-й слой снаружи здания 6. Датировка: VI-VII вв.

3. *Подпружная пряжка* с округлой рамкой и прямоугольным щитком. Округлая в сечении. Имеются два отверстия для пропуска ремня круглой и овальной формы. Материал: рог (?). Длина – 63 мм. Археологический контекст: Квадрат И. 4-й слой. Датировка: VI-VII вв.

II. Орудия труда

4. *Цельная рукоять*. Фрагмент подпрямоугольной формы с вытянутыми зубцами на тыльной стороне. Имеется отверстие для подвешивания. Материал: кость. Диаметр отверстия 3 мм. Археологический контекст: Подъемный материал.

5. *Составная рукоять*. Фрагмент пластины подпрямоугольной формы со скругленной тыльной частью. Внутренняя поверхность покрыта частыми косыми нарезками, внешняя – зашлифована, украшена циркульным орнаментом. В тыльной части сохранился фрагмент железного штифта для крепления к металлической части орудия. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат З. Дерн.

6. *Составная рукоять*. Фрагмент пластины подпрямоугольной формы с выступом в тыльной части. Внутренняя поверхность покрыта частыми косыми нарезками, носит следы соприкосновения с металлом, внешняя – зашлифована. В тыльной части имеется отверстие для крепления. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж. 3-й слой. Датировка: XIV-XV вв.

7. *Затыльник рукояти* ножа ромбовидной формы, подпрямоугольный в сечении. Внешняя поверхность отполирована. Внутренняя покрыта частыми косыми насечками. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: рог. Длина 19 мм, диаметр отверстия 4 мм. Археологический контекст: Квадрат Н. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

8. *Наперсток*. Фрагмент в форме усеченного конуса. Внутренняя поверхность зашлифована, внешняя – покрыта частыми углублениями в виде точек. Материал: рог. Высота 27 мм, толщина стенки 2 мм. Археологический контекст: Зачистка каменного завала. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

9. *Наперсток*. Фрагмент в форме усеченного конуса. Внутренняя поверхность зашлифована, внешняя покрыта частыми углублениями в виде точек. Материал: рог. Высота 24 мм, толщина стенки 2 мм. Археологический контекст: Квадрат Б. Дерн.

10. *Наперсток*. Фрагмент в форме усеченного конуса. Внутренняя поверхность зашлифована, внешняя – покрыта частыми углублениями в виде точек и украшена орнаментом из врезных линий. Материал: рог. Высота 19 мм, толщина стенки 2 мм. Археологический контекст: Квадрат К. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

III. Предметы быта, детали одежды

11. *Пуговица.* Фрагмент дисковидной формы, сегментовидной в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр 39 мм, диаметр отверстия 6 мм. Археологический контекст: Квадрат И. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

12. *Пуговица* дисковидной формы, сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр 21 мм, диаметр отверстия 5 мм. Археологический контекст: Квадрат И. Каменный завал. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

13. *Пуговица* дисковидной формы, сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр 20 мм, диаметр отверстия 5 мм. Археологический контекст: Квадрат Л. Зачистка 4-го слоя снаружи здания 4. Датировка: XIV-XV вв.

14. *Пуговица*. Фрагмент пуговицы со щитком и петлей для крепления. Щиток круглый, полусферический в сечении. Внешняя поверхность украшена орнаментом из врезных линий, образующих углы. Петля трапециевидной формы с отверстием для крепления. Материал: рог (?). Диаметр щитка 9 мм, диаметр отверстия 3 мм. Археологический контекст: 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

15. *Пронизь* подквадратной формы, овальная в сечении. Поверхность отполирована. В торцевой стороне имеется сквозное отверстие. Материал: кость. Длина 14 мм, ширина 14 мм, диаметр отверстия 4 мм. Археологический контекст: Квадрат Н. Хозяйственная яма 16. Датировка: конец XVII или рубеж XVII-XVIII вв.

16. *Гребень.* Фрагмент одностороннего цельного гребня с высокой округлой спинкой. Гребень ассиметричен, с одной стороны имеется выступ трапециевидной формы. Поверхность гребня отполирована. Количество зубцов – 16. В верхней части спинки просверлено отверстие для подвешивания. Материал: рог. Длина зубцов 13 мм, диаметр отверстия 4 мм. Археологический контекст: Подъемный материал.

17. *Гребень.* Фрагмент пластины составного гребня, трапециевидной формы. Имеются два отверстия для крепления. Зубцы намечены, но не пропилены. Материал: рог. Диаметр отверстий 3 мм. Археологический контекст: Квадрат З. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

18. *Шпилька.* Фрагмент, представляющий собой выточенный на токарном станке стержень. Поверхность отполирована, украшена орнаментом из пересекающихся врезных линий. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат Б. 4-й слой в западном углу. Датировка: IX в.

19. *Пиксида*. Дно дисковидной формы. Внешняя поверхность отполирована, украшена орнаментом в виде концентрической линии по контуру, внутренняя поверхность зашлифована. В центре имеется углубление от крепления на токарном станке. Материал: рог (?). Диаметр 30 мм. Археологический контекст: Квадрат Г. 3-й слой. Датировка: XIV-XV вв.

20. *Пиксида*. Фрагмент стенки. Внешняя поверхность отполирована, украшена орнаментом в виде концентрических линий по контуру. Материал: рог (?). Толщина стенки 3 мм. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж. Яма 6. Датировка: VI-VII вв.

21. *Пиксида*. Фрагмент стенки. Внешняя поверхность отполирована, украшена орнаментом в виде пропиленных линий по контуру. Материал: рог (?). Высота 33 мм, толщина стенки 4 мм. Археологический контекст: Квадрат К. Хозяйственное помещение к юго-западу от здания 5. Заполнение. Датировка: IX вв.

IV. Принадлежности для письма

22. *Стиль (?)*. Фрагмент. Рабочая часть заточена. Внешняя поверхность зашлифована, украшена врезными линиями и циркульным орнаментом. Материал: рог. Археологический контекст: 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

23. *Стиль (?)*. Фрагмент. Рабочая часть заточена. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат К. 3-й слой. Датировка: XIV-XV вв.

24. *Стиль* подпрямоугольной формы, с заточенной рабочей частью и скругленным, уплощенным тыльным концом. Внешняя поверхность отполирована. Материал: рог. Длина 114 мм. Археологический контекст: Квадрат В. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

25. *Стиль (?)*. Фрагмент в форме сдвоенного ромба, с заостренной рабочей частью. Поверхность отполирована, с внешней стороны украшена врезными линиями и циркульным орнаментом. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат В. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

26. *Стиль* прямоугольной формы, с заточенной рабочей частью и скругленным, уплощенным тыльным концом. Поверхность отполирована. Материал: рог. Длина 112 мм. Археологический контекст: Квадрат Г. Зачистка скалы в здании 2. Датировка: VI-VII вв.

27. *Стиль (?)*. Фрагмент с отполированной внешней поверхностью, украшенной циркульным орнаментом. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат З. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

28. *Стиль (?)*. Фрагмент подпрямоугольной формы. Поверхность отполирована, внешняя сторона украшена циркульным орнаментом. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат К. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

V. Принадлежности для игр

29. *Астрагал* МРС с зашлифованной поверхностью, носящей следы пребывания в огне. Изделие снабжено двумя просверленными сквозными отверстиями диаметром 5 мм. Материал: кость. Археологический контекст: Квадрат В. 4-й слой. Датировка: IX в.

30. *Астрагал*. Таранная кость быка с подтесанными сторонами. Материал: кость. Археологический контекст: Квадрат К. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

31. Игральная *фишка* дисковидной формы. Поверхность отполирована, украшена врезными окружностями. Материал: рог. Диаметр 25 мм, толщина 6 мм. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж-Л. 4-й слой снаружи здания 6. Датировка: VI-VII вв.

32. Игральная *фишка* полусферической формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена орнаментом из точек. Материал: рог. Диаметр 16 мм. Археологический контекст: Квадрат Г. 4-й слой. Датировка: VI-VII вв.

VI. Накладки

33. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы. Имеется отверстие для крепления. Поверхность зашлифована, внешняя сторона украшена врезными линиями и циркульным орнаментом. Материал: кость. Толщина 2 мм, диаметр отверстия 2 мм. Археологический контекст: Квадрат З. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

34. Фрагмент накладки прямоугольной формы. Имеется отверстие для крепления. Поверхность зашлифована, внешняя сторона украшена врезными линиями. Материал: кость. Толщина 2 мм. Археологический контекст: Квадрат З. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

35. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы, треугольной в сечении. Возле концов имеются вырезы для крепления. Внешняя поверхность зашлифована, украшена орнаментом из двойных линий с поперечными насечками. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж. Каменный завал в западном углу. Зачистка. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

VII. Изделия неясного назначения

36. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: рог. Высота 72 мм, толщина стенки 6 мм. Археологический контекст: Квадрат А. 4-й слой в западном углу. Датировка: VI-VII вв.

37. Фрагмент изделия неясного назначения в форме усеченного конуса, полого изнутри. Внешняя поверхность зашлифована, украшена врезными линиями и циркульным орнаментом. Сбоку имеется просверленное отверстие. Материал: рог. Высота 50 мм, толщина стенок 2 мм, диаметр отверстия 6 мм. Археологический контекст: Квадрат Б. 3-й слой в западном углу. Датировка: XIV-XV вв.

38. Фрагмент изделия неясного назначения, по форме напоминающего раздвоенную трубку. Внешняя поверхность зашлифована, украшена врезными линиями в виде римской цифры VI. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат В. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

39. Фрагмент суставной кости животного с двумя просверленными сквозными отверстиями. Материал: кость. Диаметр отверстий 3 мм. Археологический контекст: Квадрат З. 4-й слой. Датировка: IX в.

40. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы с рельефной стенкой. Внешняя поверхность зашлифована, украшена врезными линиями и циркульным орнаментом. Материал: рог. Археологический контекст: Квадрат Е. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

41. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы со скругленным краем. Внешняя поверхность зашлифована, украшена орнаментом в виде пересекающихся врезных линий. Материал: рог. Толщина стенки 3 мм. Археологический контекст: Подъемный материал.

42. Фрагмент изделия неясного назначения в виде стержня, треугольного в сечении.

Внешняя поверхность отполирована. Материал: кость. Археологический контекст: Бровка между квадратами Е-Ж и И. Юго-восточная часть. Коричневый плотный грунт с камнем. Датировка: VI-VII вв.

43. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы со скругленным краем. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: кость. Толщина стенки 3 мм. Археологический контекст: Квадрат З-И. Здание 5. Пол. Датировка: IX в.

44. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы, расширяющегося на конце. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными линиями по контуру. Материал: кость. Толщина стенки 2 мм. Археологический контекст: Квадрат З-И. Здание 5. Пол. Датировка: IX в.

45. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы со скругленным краем. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: кость. Толщина стенки 2 мм. Археологический контекст: Квадрат З-И. Здание 5. Пол. Датировка: IX в.

46. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы со скругленным краем. Внешняя поверхность зашлифована. Материал: рог. Толщина стенки 4 мм. Археологический контекст: Квадрат К. Хозяйственное помещение к юго-западу от здания 2. Заполнение. Датировка: IX в.

47. Фрагмент изделия неясного назначения в виде петли с отверстием. Поверхность зашлифована. Материал: рог. Диаметр отверстия 8 мм. Археологический контекст: Квадрат Н. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

48. Фрагмент изделия неясного назначения цилиндрической формы со скругленным краем. Материал: рог. Толщина стенки 9 мм. Археологический контекст: Квадрат Н. Пятно серого плотного грунта на 3-м слое в северо-западном углу. Датировка: XIV-XV вв.

VII. Заготовки и отходы производства

49. *Заготовка*. Фрагмент ветви рога оленя со спиленным концом. Длина 105 мм. Археологический контекст: Квадрат Е-Ж-Л. Зачистка северо-восточного борта.

50. *Заготовка*. Ветвь рога оленя со срубленными концами. Внутренняя губчатая структура выбрана. Длина 69 мм. Археологический контекст: Квадрат Е. 3-й слой под слоем пожара. Датировка: XIV-XV вв.

51. *Заготовка*. Ветвь рога оленя со спиленными концами. Длина 88 мм. Археологический контекст: Слой погребений. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

52. *Заготовка*. Ветвь рога оленя со спиленными концами. Длина 21 мм. Археологический контекст: Квадрат Л. Дерн.

53. *Заготовка*. Заготовка рукояти ножа (?) из трубчатой кости быка, подпрямоугольной формы. Длина 78 мм. Археологический контекст: Квадрат Н. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

54. *Отход производства*. Спиленный эпифиз трубчатой кости быка. Археологический контекст: Прирезка Л'. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

55. *Отход производства*. Спиленный эпифиз трубчатой кости быка. Археологический контекст: Прирезка Л'. 2-й слой. Датировка: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

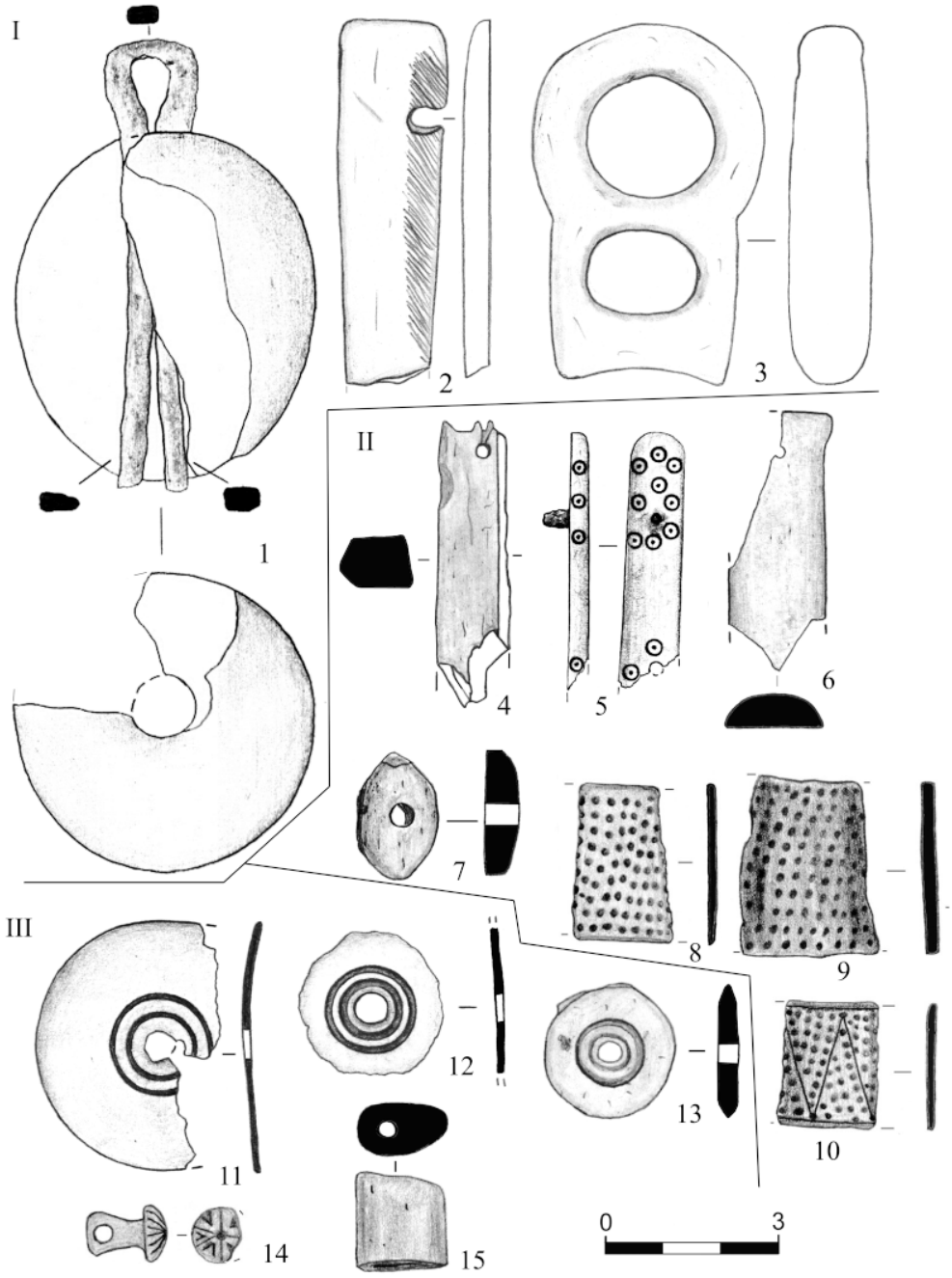

Рис. 1. I – Детали вооружения и конской сбруи. II – Орудия труда. III – Предметы быта, туалетные принадлежности.

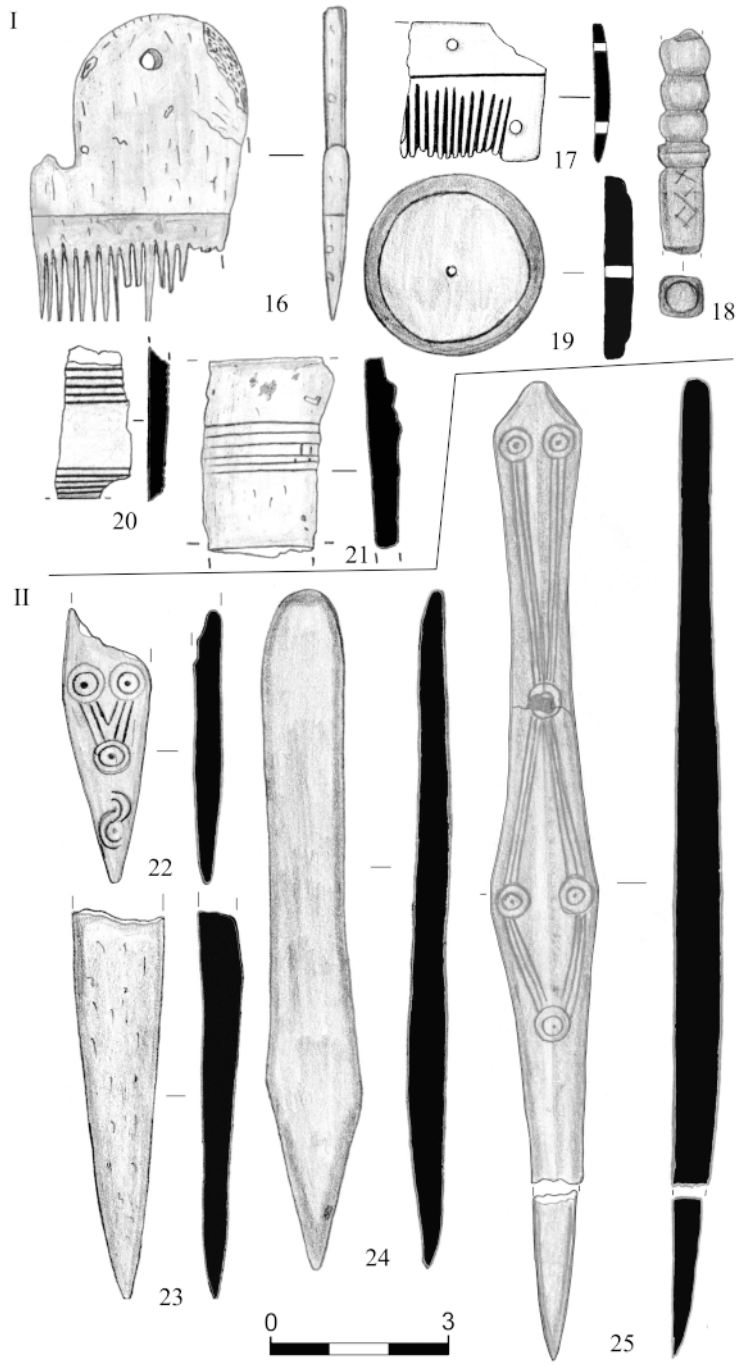

Рис. 2. I – Предметы быта, туалетные принадлежности. II – Принадлежности для письма.

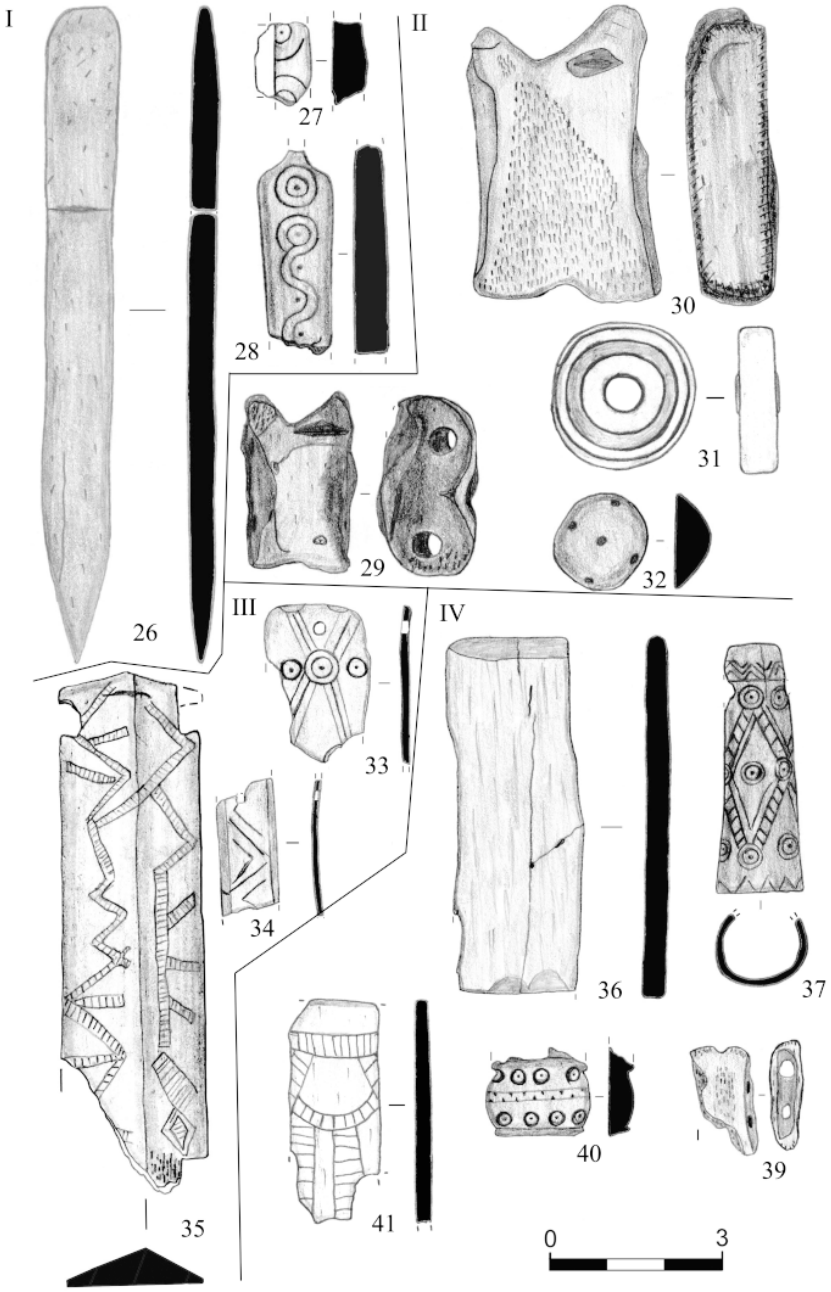

Рис. 3. I – Принадлежности для письма. II – Принадлежности для игр. III – Накладки. IV – Изделия неясного назначения.

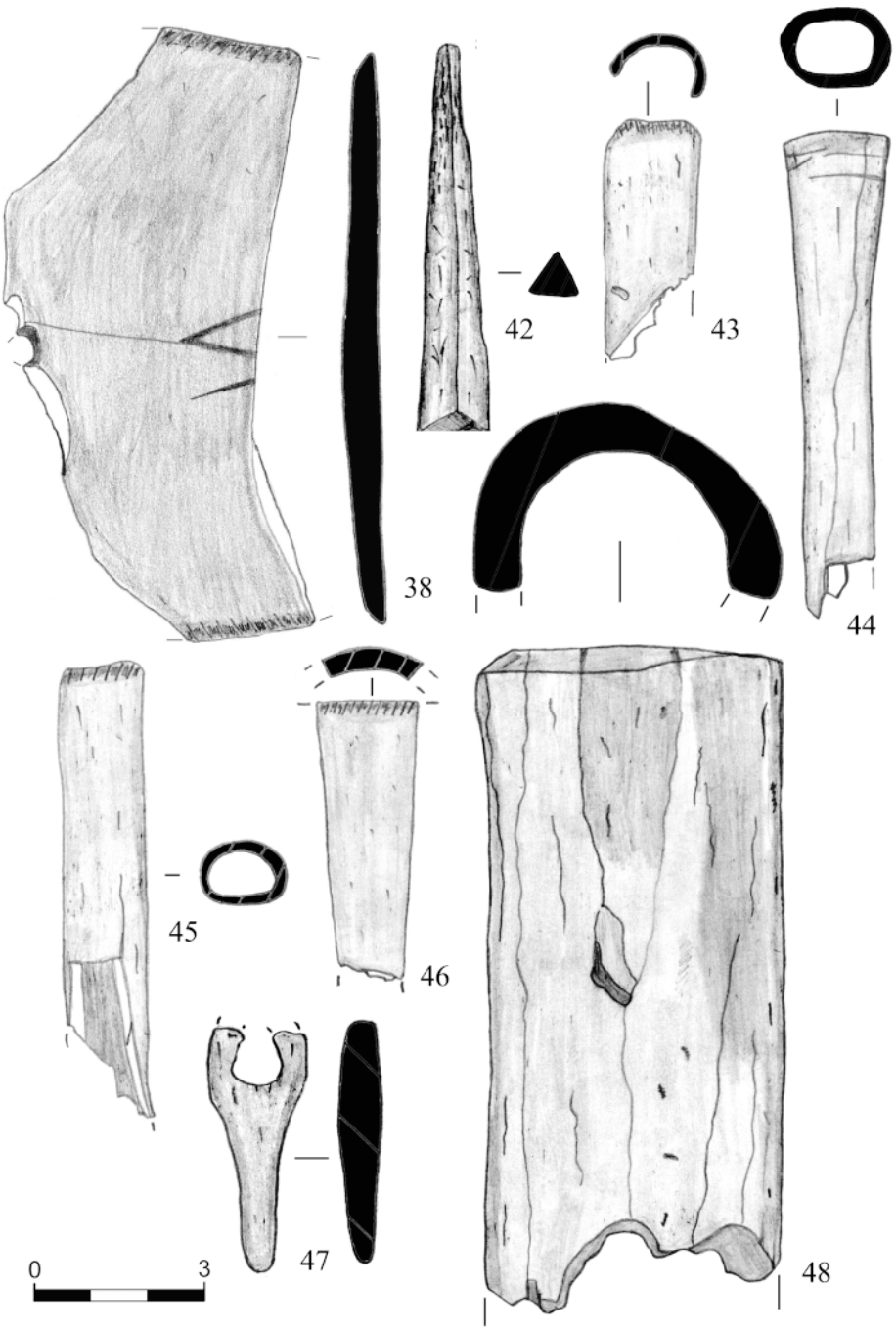

Рис. 4. Изделия неясного назначения.

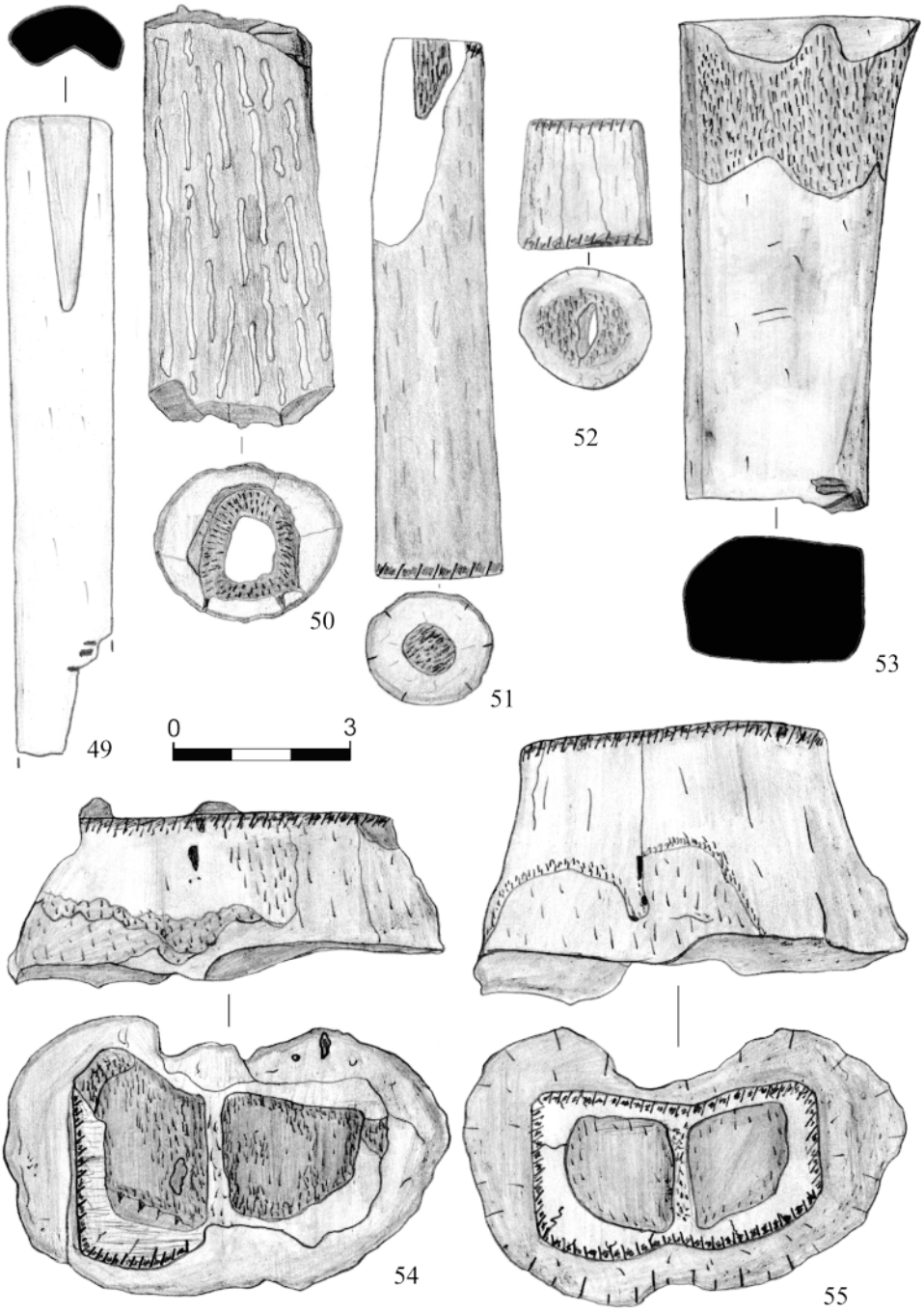

Рис. 5. Заготовки, отходы производства.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

МАНГУПСКАЯ НАХОДКА: СЕЛЬДЖУКИДСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ В КРЫМУ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В сезоне 2005 г. в центральном нефе Мангупской базилики (раскопки А.Г. Герцена и Н.И. Барминой) открыто два погребения №№ 481 и 482 [1, с. 267-277]. В одном из них – погребении 482 – обнаружено мужское захоронение с поясным набором, атрибуции которого мной было посвящено предварительное сообщение [2, с. 278-296; 3, с. 224-226]. Погребение зафиксировано на стратиграфически важном горизонте раскопа 2005 г. – нижней границе «слоя погребений» и, как можно понять из контекста, датировано (по стратиграфии же) последним периодом существования базилики – концом XIV – началом XV вв. [1, с. 270, 271][1].

В настоящей статье основные положения предварительного сообщения дополнены наблюдениями, призванными вновь привлечь внимание к малоазийско-крымской (малоазийско = анатолийской) гипотезе происхождения новой находки и проанализировать механизмы отбора поясных украшений «белореченского типа» инокультурной средой золотоордынского Крыма и Северного Кавказа.

В археологической литературе поясные украшения из Белореченского могильника, открытого А.И. Веселовским в 1896 г. [4, с. 48-52], известны, главным образом, по систематизации материалов могильника В.П. Левашовой [5] и атрибуционной гипотезе для одной из групп находок К.А. Ракитиной [6, с. 209-216]. О материалах эрмитажной части Белореченской коллекции приходилось писать и мне [7; 8, с. 130-138].

Существенно, что новая находка – поясной набор из мужского погребения № 482 Мангупской базилики в Горном Крыму, он оказался не только сопоставим, но и однокультурен с поясным набором из женского погребения

[1] Мотивация датировки, как мне показалось, выражена не вполне отчетливо, но главным образом смутила мысль о нехристианском обряде захоронения с поясным набором в центральном секторе христианской базилики на том основании, что вещевой комплекс захоронения имеет ближневосточные черты.

кургана № 8 Белореченского могильника на Северном Кавказе (раскопки Н.И-. Веселовского в 1896 г.) [4, с. 48-52].

Описание крымской находки; реконструкция и аналогии. Гарнитура мангупского пояса состоит из шестнадцати предметов (рис. 1). В нее вошли: пряжка с овальной рамкой приемника и прорезью для крепления шелковой (?) ленты основы, наконечник, две фестончатые односторонние обоймицы с подвесками для крепления ножен оружия, «большая» двусторонняя обоймица с изображением всадника, четыре поперечные накладки с изображением узла «счастья» и семь подтреугольных накладок с цветочным узором. Все детали выполнены из низкопробного серебра с позолотой, нанесенной способом амальгамирования.

В реконструкции пояса некоторое затруднение вызывает определение места большой обоймицы в общей системе украшений. Тимуридская миниатюра дает основание для реконструкции, где эта бляха чаще всего помещается под грудью героя по продольной оси костюма [9, p. 55 (Багдад, 1396), cat. no. 13; p. 59 (Шираз, 1397-98), cat. no. 16b; p. 61 (Иран или Центральная Азия, около 1400 г.), p. 105 (Шираз, 1436 г.), cat. no. 30; p. 125 (Герат, 1425-30 гг.), cat. no. 42; p. 163 (Герат, 1445-46), cat. no. 32; p. 167, 220 (Герат, 1467-68), cat. no. 147; p. 243 (Иран или Центральная Азия), cat. no. 136; 10, с. 97, 99, 117, 139, 155 и др. (Герат, 1431 г.); 11, p. 56, ill. 26, p. 72, 74, 104, 126 и др.]. Однако есть и другие варианты, например, размещение бляхи у бедра [9, p. 105 (Шираз, 1436 г.), cat. no. 30; 10, с. 118 (Герат 1431 г.); другие случаи см.: 12, p. 162, 163, fig. 189, 190 (вероятно, Тебриз, 1330-е гг.), p. 182, fig. 215 (вероятно, Тебриз, 1330-е гг.)]. Миниатюрист не всегда акцентирует внимание на разнице в размере блях, и наиболее выразительный пример изображения поясов с тремя крупными фестончатыми обоймицами можно видеть на миниатюре первой половины XIV в. из Тебриза (?) со сценой ханского награждения из собрания в Берлине [13, S. 259, № 287].

Мы уже назвали поясной набор из кургана № 8 Белореченского могильника в числе ближайших аналогий мангупской находке (рис. 2). Прежде всего, обратим внимание на типологическое сходство белореченского и мангупского поясов, близость или даже тождественность формы и декора пряжек и концевых накладок (другие совпадения в деталях будут отмечены ниже). Среди родственных деталей поясной гарнитуры из Белореченского могильника в собрании Эрмитажа отметим серию серебряных с позолотой концевых накладок (Эрмитаж, Инв. № ТБ104; ТБ382; ТБ433; ТБ582; ТБ583; ТБ584) [14, с. 92, 97, кат. № 114-116; с. 93-96, кат. № 108]. К этой группе тесно примыкают золотые концевые накладки от стрелкового пояса Симферопольского клада [14, с. 83, 324, кат. № 527] и находка из Болгар [14, с. 243, кат. № 113]. Вместе с тем, необходимо отметить, что отдельные формы, характерные для серебряного поясного набора из Белореченского кургана № 8, например, обоймица с шарнирной петлей, известны по находке из курганного могильника у села Чегем II (могильник 3, курган 6) в Кабарде [15, с. 157, рис. 1, бляшка 10; 16,

с. 31]. Отличительная особенность этой находки – глубокая редукция орнаментальных деталей, указывающая на подражательный характер предмета, изготовленного непрофессиональным златокузнецом или литейщиком. Могильник 3, где была обнаружена чегемская золотая обоймица, датирован XIV-XV вв., и, следовательно, хронологически близок Белореченским курганам. Близкая по форме концевая накладка, но с цветочным узором и другим типом пальметты в декоре ажурного язычка, найдена в составе находки 1907 г. в селе Ново-Михайловское близ Туапсе, где обнаружены и две пряжки, подобные пряжкам мангупского и белореченского поясов [17, с. 101, рис. 35,5,2,4][2].

Определение сюжетных сцен. Большая обоймица не несет функциональной нагрузки и, возможно, своей величиной и сюжетным декором лицевой и тыльной пластин акцентирует внимание на статусе владельца. Лицевая пластина мангупской находки на 2/3 занята прорезным кабошоном, выполненным в технике литья с последующей доработкой резцом и позолотой. Центральное место здесь занимают изображения всадника (влево) и его коня в движении рысью. Всадник в трехчетвертном развороте с поводом в левой руке; его правая рука вытянута над головой коня. На всаднике длиннополый халат с правым запáхом[3]; на голове островерхая шапочка; из-под нее на спину героя ниспадает длинная коса. Слева у стремени (?) или, скорее, у ноги всадника – фигура бегущего (?) человека, возможно, привязанного за руки к передней луке седла.

Стремительность передвижения человека широкими прыжками подчеркнута положением ног. Его руки как бы вздернуты за голову; на персонаже короткий приталенный кафтан с запáхом под правую руку; лицо обращено в сторону зрителя; полустерто. Состояние высшей власти над побежденным врагом, помещенным у стремени, подчеркнуто жестом простертой вперед правой руки героя с *ладонью над холкой коня*. Нельзя утверждать, что победный характер жеста

[2] Новомихайловская находка условно может быть названа кладом, поскольку здесь вещи «белореченского типа», найденные при случайных обстоятельствах, были собраны в сосуд турецкого времени. Обычно кувшины такой формы с ручкой, завершенной головой дракона, датируются XVI-XVII вв.

[3] Принято считать, что манера запахивания халата – один из важных этнических признаков. Средневековые китайцы считали левосторонний запах варварским (тюркским), определяя его термином *цзо-жэнь*. Син Бо (XIII в.) пишет: «*Жэнь* означает ‘пола’; если пола запахивается налево (*цзао*), то это называется *цзао-жэнь*» [18, с. 183, 184]. Монголы Чингисхана использовали правосторонний запах [19, с. 97, 98]. Перемена власти почти всегда сопровождалась новой регламентацией в ношении верхнего костюма. После свержения монгольской династии Юань новый китайский император издал указ о запрете на все монгольское и восстановлении формы одежды, включая головные уборы, по танскому образцу [20, с. 131]. Аналогичные явления можно наблюдать и у других народов. В 1207 г. правитель Сычуани У Си объявил о неподчинении Южной Сун и обратился за покровительством к империи Цзинь. Акция сопровождалась введением левостороннего запахивания полы одежды, что символизировало полное подчинение чжурчжэньским правителям [21, с. 219-221; 22, с. 67-69; 23]. Благодарю А. Юрченко за консультацию по историографии вопроса.

однозначен, но на определенную традицию указывает аналогичное движение руки всадника в композиции донца иранской полихромной чаши конца XII – начала XIII вв. из коллекции Харви Плотника (Harvey B. Plotnick) в Чикаго [24, p. 110, cat. no 68]. Разница лишь в положении ладони, раскрытой кверху. Всадника на иранской чаше сопровождают две босоногие фигуры, а один из них еще и простоволос; оба признака свидетельствуют о сниженном статусе героев второго ряда.

Изображений, подобных мангупскому, в искусстве развитого средневековья как будто нет, но близкая по смыслу композиция хорошо известна по позднеаварскому золотому сосуду VII-VIII вв. из клада в Надьсентмиклоше [25, 1, 2 kép]. Тюркскую принадлежность всадника, обладателя мангупского пояса выдает мужская коса; деталь костюма – монгольский халат с правым запáхом – говорит о его воинской карьере на чингисидской службе. Отдельного внимания заслуживает невысокая островерхая шапочка, подобная головному убору всадника айюбидской скульптурной фигуры второй половины XII в. из Национального музея в Дамаске [26, p. 165-175; 27, p. 56] (ср. с рисунком головного убора на изразце первой трети XIII в. из дворцовой башни-*кешка* султана 'Ала' ад-дина Кай-Кубада I в Кони [28, с. 36-37, фиг. 13]). Аналогия из Ракки, по-видимому, указывает на айюбидский вектор в культуре северного соседа – сельджукидов Рума. Альтернативу сцене воинского апофеоза мог бы составить сюжет с «Фархадом, несущим на плечах Ширин и ее коня» [29, с. 91-105; 30, pl. 31, III.101; 10, с. 106][4], но иконография героев иранского эпоса, в том числе положение рук Фархада (всегда согнуты в локтях с кистями перед грудью), не позволяет принять этот вариант.

Не несет функциональной нагрузки и большая обоймица поясного набора из Белореченского кургана № 8 с изображением героя – Давида (Самсона?, Мгера?, Дигениса Акрита?), борющегося со львом [14, с. 94][5]. На ее обороте изображение китайского феникса (накладки литые)[6]. Оба – и Давид (?), раздирающий пасть льва, и феникс – цитаты из разных художественных культур Европы и Азии. Впрочем, сюжет единоборства героя со львом известен и в творчестве знаменитого Сиях-калема [33, p. 160-163, fig. 477, 478]. Деталь, свидетельствующую об адаптации изображения к ближневосточной традиции, можно видеть в завершении хвоста льва головкой дракона. Возможно, что в Анатолию[7] эта форма пришла из искусства южного соседа, например, Сирии, где миниатюрная голова дракона на хвосте животного не-

[4] Благодарю А.Т. Адамову за консультацию на тему иконографии сюжета с «Фархадом, несущим на плечах Ширин и ее коня».

[5] В поисках имени героя-победителя льва существует немалый выбор; имя Дигениса Акрита позволяет назвать его изображения в греческой керамике сграффито [31, p. 57, № 49].

[6] Генезису и семантике этого образа в Китае посвящено исследование А.Н. Чистяковой [32].

[7] См., например, изображения «стрельцов» в бордюре стального зеркала с инкрустацией золотом из Музея Топкапи Сарай (Стамбул, инв. № 2/1792), Анатолия, начало XIII в. [34, p. 123, no. 71].

редко встречается при изображении сфинксов в декоре полихромной керамики конца XII – начала XIII вв. [35, p. 282; 36, p. 60, fig. 56; p. 166, fig. 158]. Оба поясных набора снабжены концевыми пластинами (наконечниками) с одной и той же сюжетной сценой: спешившийся лучник, за спиной которого стоит отмеченный тавром оседланный конь с красиво подвязанным хвостом, с колена стреляет в пасть льва «волшебной» стрелой (ее хвостовое оперение украшено розеткой в виде цветка). В логово льва героя приводит собака. Конь и лев переданы статично, хотя последний и изображен с поднятой правой лапой; охотник и собака – в действии. Идентичность сюжетных сцен определена общностью литейной формы, но белореченская концевая пластина ближе к первой отливке. Именно здесь видны детали убранства верхового коня, которые мастер старался не упустить: изображения жесткого седла домонгольского типа с перекинутым за переднюю луку поводом, узды и даже тавро на правой ляжке (в форме неразличимого для глаза несомкнутого кружка – такие встречаются среди ногайских тамг).

Принцип исокефалия в передаче основных фигур наводит на мысль о сюжете «героической охоты». Можно видеть сюжетную близость наших наконечников и сцены в декоре концевой пластины из Бродовского могильника (VIII в.) [37, с. 76], с той разницей, что роль проводника здесь выполняет не собака, а олень. По-видимому, интересующий нас сюжет восходит к той части «тюркского наследства», которая сформировалась еще до IX в. (ср. со сценой богатырской охоты на льва в рельефах сосуда из Коцкого городка [38, с. 28-32, № 140]. Не отразилась ли здесь огузская версия эпоса об Алпамыше, представленная «Рассказом о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури», входящим в состав эпического цикла «Книга моего деда Коркута» и анатолийских народных сказок о Бейреке? Отдельные элементы сказания в форме богатырской сказки у огузов восходят ко времени их жизни в составе Тюркского каганата VI-VIII вв. [39, с. 63-66], а в период сельджукского завоевания XI в. были перенесены в Анатолию [40, с. 168, 169]. Оба пояса с сюжетными концевыми пластинами на тему героической охоты на льва позволяют, учитывая то значение, которое двор и знать румских сельджуков придавали этому виду «царских» развлечений, предварительно отнести их к группе «охотничьих». Охоты, пиры и спортивные состязания, упрочающие связи между монархом, армией и правящей элитой, в средневековой Анатолии проводились в специально отстроенных пригородных садах и летних дворцах [41, p. 78-85].

К вопросу о дате. Определение даты начнем с «широкого» времени, к которому принадлежат поясные наборы. Верхнюю дату для белореченской находки мы предварительно устанавливаем по комплексу, и это, по крайней мере, время не позже второй половины XIV – рубежа XV вв. [8, с. 130-138]. Лотосы в декоре большой обоймицы мангупской находки бесспорно свидетельствуют о принадлежности пояса к периоду второй половины XIII – XIV вв.

Шестилепестковые лотосы лишь часть растительного обрамления фигуры всадника. Гибкий стебель с характерными для орнаментики монгольской эпохи трилистниками и цветочными бутонами, несомненно, заимствован из искусства Дальнего Востока. Есть, однако, деталь, выдающая непонимание резчиком литейной формы нового для него объекта рисунка: два нижних лепестка лотоса поняты им неверно. Вместо отогнутых книзу *скругленных* лепестков он изобразил привычную для себя *симметричную пальметту с завитками у основания больших узких листьев*. Этот акцент выдает руку малоазийского исламского мастера. Некоторые детали декора кабошонов малых обоймиц и петлеобразных подвесок – трехлепестковый цветок с узкими приостренными листьями и фестончатым заполнением между ними, оттянутые книзу листья пальметт с волютами на конце в декоре подвесок – находят аналогии в декоре серебряного свадебного (?) подноса из коллекции Е. Фалькенер, датированного монетами Тадж ад-Дина Хасана Бузурга (1336-1356) [8, с. 224-225, рис. 119].

Весь остальной чеканенный растительный узор (за исключением тыльной стороны концевой накладки) составлен из S-видно изогнутых пальметт, где доминирует подтреугольный рассеченный поперечным врезом листок с завитком. Этому признаку я придаю тем большее значение, что он выполнен в манере свободного чекана и, следовательно, зависит только от ремесленной выучки мастера и его инструментария. Полупальметта с рассеченным подтреугольным листом и завитком вошла в рисунок спиралевидного побега, встречающегося преимущественно в исламской Малой Азии – Анатолии [43, p. 151, pl. 14] и в Восточном Крыму. Все крымские аналогии связаны с городищем средневекового Солхата (см., например, резной блок и замковый камень из декора медресе Солхата первой трети XIV в. [44, с. 251, 252]). Особенно выделим каменное полотно из декора портала медресе с уплощенной резьбой, с мотивами специфической полупальметты с завитком и «узла счастья» (хранилище СКАЭ ГЭ в Старом Крыму, полевой шифр СКАЭ ГЭ/94, раскоп XV). Мотив «узла счастья» один из самых распространенных в сельджукской орнаментике. Однако едва ли найдется памятник, превосходящий по насыщенности этим элементом декора портал мавзолея (*тюрбе*) Ашик Паши в Киршехире (эмират Эртена, 1332-1333?) [45, p. 137, ill. 82].

По рассеченному подтреугольному листу с завитком мангупская находка входит в ядро первой восточно-крымской (крымско-малоазийской) подгруппы памятников [8, с. 130-136]. Учитывая, что к этим вещам (всё по тому же признаку) тесно примыкает несколько более поздний поясной набор с чернью из клада у дер. Литва близ Минска, который датируется пражскими грошами первой третью XV в.[8], мы с определенной уверенностью можем отнести основные па-

[8] Клад из дер. Литва (Полочанский с/с Молодечненского района Минской области) – монетно-вещевой [предварительное сообщение об этом кладе см.: 8, с. 126-129]. Обстоятельства его обнаружения не вполне ясны. Проф. В.Н. Рябцевичем (Белорусский госуниверситет, кафедра

мятники подгруппы ко второй половине – концу XIV в. Рубеж XIV-XV вв. и выступает предельно поздней датой для всей малоазийско-крымской группы памятников. Тем не менее, аналогии в резьбе каменного блока из портала солхатского медресе, возведенного анатолийской артелью, позволяют предложить для мангупской находки более узкую дату в пределах середины 1330-х – 1350-х гг.

Вопросы атрибуции. Недавно Е.А. Армарчук, обратившая внимание на тождество некоторых вещей из Новомихайловского клада с белореченскими, отнесла поясные наконечники клада «…к числу *привозных киликийских изделий XIV-XV вв.* (выделено мной – М.К.) или к их местным, кавказским подражаниям» [45, с. 117]. Следует отметить, что находки Новомихайловского клада были привлечены исследовательницей к решению стоявшей перед ней основной задачи в связи с аналогичными находками в материалах борисовских погребений – вопроса о западной границе распространения вещей «белореченского типа» на стыке восточнопричерноморской и закубанской групп курганных могильников XIV-XV вв. [45, с. 116].

В одну группу с новомихайловскими Е.А. Армарчук совершенно справедливо ввела неопубликованные до сего времени находки из раскопок К.К. Мерса близ Геленджика (Гос. Эрмитаж, инв. № 6, 166-170 и др., кол. № 1109) и неизвестные мне вещи из могильников Бжид-2, исследованного в 2002 г. А.В. Шишловым, и Шабановский-2, изученного Н.Е. Берлиозовым в 2001 г. (оба последних на основании отчетов из архива ИА РАН) [45, с. 117].

В интерпретации Е.А. Армарчук новомихайловских находок мое внимание привлекла реанимация киликийской атрибуционной гипотезы, предложенной К.А. Ракитиной еще в 1940 г. [6, с. 209-216][9].

археологии и специальных исторических дисциплин) установлено, что клад обнаружен при грабительских раскопках в 1991-1992 гг. Первоначально находка ошибочно связывалась с окраиной небольшого городка Ракова, расположенного в 60 км на северо-запад от Минска. По данным на конец декабря 1994 г., в комплекс клада вошли 11 круглых поясных пластин, пряжка, наконечник, две квадратные накладки, составляющие единый поясной набор, и два (из четырех) пражских гроша. Более поздние разыскания привели В.Н. Рябцевича к заключению о сокрытии клада у дер. Литва, откуда происходят не менее 6191 серебряной монеты – пражских грошей, из которых 6186 экземпляров попали в музей Национального банка Белоруссии. По его мнению, это лишь часть клада. Еще пять таких же монет и три мелких ювелирных изделия из серебра с золочением попали в Национальный музей истории и культуры Белоруссии (последние обнаружены В.Н. Рябцевичем на месте находки с применением шурфовки и использованием магнитометра). Важно, что в процессе шурфовки были обнаружены две прямоугольные серебряные бляшки, которые мастер использовал для крепления к ремню больших поясных пластин. Все известные к настоящему времени монеты клада чеканены в диапазоне 1378-1419 гг. на монетном дворе Кутна Гора в Чехии (определение В.Н. Рябцевича). Вещевая часть клада представлена двумя поясными наборами (серебро с позолотой и чернью). Один из них был осмотрен мной в Национальном музее в 1997 г., а детали второго (в начале 2000-х гг. находились в частном собрании в Париже) стали известны спустя несколько лет по фотографии.

[9] Мне, как хранителю, принявшему из рук К.А. Ракитиной Белореченскую коллекцию Эрмитажа, неоднократно приходилось обсуждать с ней проблемы генезиса вещей, относящихся

В работе К.А. Ракитиной особую роль играют два взаимосвязанных тезиса [6, с. 211, 212]. *Первый* состоит в том, что анализ ведется на примерах вещей *не местного* (северокавказского) производства, залогом чего выступает «высокая техника», характеризующая соответствующий технологический уровень их изготовления (Эрмитаж, инв. № ТБ 104, 138, 573-578, 582-584). *Второй* тезис базируется на допущении a priori о том, что вся группа вещей высокой техники не одновременна Белореченским курганам, «…и, может быть, именно эти украшения служили образцом для местного производства, т.е. с ними здесь (на Северном Кавказе – М.К.) были уже основательно знакомы, для чего, естественно, требовалось время». Диапазон временного разрыва не обосновывается, но предполагается, что украшения-образцы попадают на Северный Кавказ в XIII-XIV вв., а сам курганный могильник формируется в течение XIV – самого начала XV вв. [6, с. 212], что не совсем точно. Как известно, в кургане № 12 Н.И. Веселовским обнаружены золотоордынские монеты. В кошельке дамы из погребения кургана № 12 хранились три серебряные золотоордынские монеты: хана Гийас ад-дина Мухаммада Узбека (720 г.х. = 1320/21 г.), хана Шадибека (803 г.х. = 1401/2 г.) и недатированная монета хана Сайид Ахмада I (ок. 838 г.х. = ок. 1434/35 гг.). Разумеется, верхняя дата могильника не может замыкаться первой третью XV в. поскольку в кургане № 38 найден сосуд венецианского стекла с цветными эмалями и позолотой, дата которого не может быть определена ранее последней трети или даже конца XV в. [4, с. 20, 21, рис. 100][10]. В последнее время предпринята произвольная попытка омолодить могильник, доведя его «верхнюю» дату до начала XVI в.[11]

к коллекции. В этой связи прошу прощения у читателя за несколько строк мемориального характера. Ксению Александровну отличало сочетание научной принципиальности и строгости с доброжелательностью и сердечностью в отношениях с молодыми сотрудниками и аспирантами Отдела, каковым был и я в конце 1960-х годов. На вопрос об истоках гипотезы, отраженной в статье 1940 г., она с бесконечным уважением рассказывала о роли И.А. Орбели, работавшего в 1936-38 гг. над собственными статьями для сборника «Памятники эпохи Руставели» (Ленинград, 1938). И особенно «Введения», где сформулированы не устаревшие до сих пор идеи народности средневекового поэта и художника, идеи светской городской культуры Передней Азии времени Руставели, и почти рассеяны, как казалось тогда, «…миражи <…> вереницы туманных образов сельджукской культуры». С редким юмором она рассказывала мне о том, как директор-патерналист запер ее в своем кабинете, пообещав «освободить» молодую сотрудницу ко времени готовности статьи, смысловое решение которой, как нетрудно догадаться, исходило от самого Иосифа Абгаровича. В мое время (с 1969 г.) на научных заседаниях в Отделе Востока киликийская гипотеза как рабочая версия уже не обсуждалась.

[10] Сейчас муранское стекло с эмалями датируется второй половиной XV – рубежом XVI вв. [46, p. 78, 79, 82, 83,84, 85, 87].

[11] Чтение имени Саид-Ахмета (Ахмада) [см.: 47, с. 175]. Правление этого хана приходится на время около 838 г.х. [48, с. 204, прим. 5]. В.Б. Виноградов, Е.И. и Ф.Б. Нарожные считают, что монета отчеканена от имени Сайид Ахмада II, соправителя Муртада (886 г.х. = 1481 г.); однако появление этой монеты на Кубани они относят «…к периоду после 1485 года», считая, что в погребение монета могла попасть «…в самом конце XV, или, даже – начале XVI

В принципе, с обоими тезисами К.А. Ракитиной можно бы и согласиться, но, все-таки, мы не знаем темпов развития могильника, и в то же время отдельные поясные украшения, относимые к группе *высокой* техники, входят в единые комплексы поясных наборов вместе с украшениями-репликами. К таким комплексам относится и поясной набор из женского погребения кургана № 8, в который вошла великолепная фестончатая бляха с героем, разрывающим пасть льва. Я готов согласиться с предположением К.А. Ракитиной, что местом производства группы украшений, собранной вокруг поясного набора из кургана № 8, была Малая Азия, но ограничение этого поля Киликийской Арменией решительно неприемлемо. Такое определение не имеет опоры, прежде всего, в историческом контексте: в 1360 г. Киликийское армянское царство, переживающее затяжной кризис, теряет Равнинную Киликию, а в 1375 г. войска египетского султана наносят последний удар, захватив Сис, где находился патриарший престол, и Горную Киликию. Это определение не имеет опоры ни в социальной структуре киликийского общества (пояс – зеркало общественных структур государства, где власть принадлежала царю, князьям-*паронам* и их вассалам-рыцарям, опиравшимся на воинские отряды, но наш пояс не воинский), ни в эмблематике, насыщенной парными драконами, ни, наконец, в традиции киликийского художественного металла. С этого и начнем.

В рассуждениях К.А. Ракитиной много места отдано ковшику Бердянского клада. Клад найден в 1892 г. при случайных обстоятельствах в г. Бердянске в Приазовье. В состав клада вошли ковшик из морской раковины с серебряной ручкой, фрагменты серебряной обкладки кувшинчика (тулово, возможно, из кокосового ореха, утрачено), две серебряные чашечки и 72 накладки из серебра, служившие, очевидно, украшением убора верхового коня.

Наиболее ранней вещью клада принято считать ковшик из морской раковины. И.А. Орбели предложил версию киликийского происхождения ковшика и датировал его концом XII – началом XIII вв. [50, с. 275-282]. Эта дата ошибочна, поскольку горизонтальная плоская ручка ковшика сближает его с характерными поясными чашами монгольского времени, пришедшими в Малую Азию не ранее середины XIII в. (ср. с серебряным ковшиком XIII в. из Армении [51, p. 119-126, fig. 4, 5]). В центре раковины прикреплена серебряная пластинка, *имитирующая* киликийские монеты Рубенидов. На пластинке вместо геральдического «рубенидского» льва изображен баран, а по краю медальона выбита армянская надпись с именем или, как предложил И.А. Орбели, прозвищем заказчика – «Шахук» («Царек») [50, с. 268; см. также: 40, с. 56]. Киликийская атрибуция ковшика (с уточненной датой) прочно вошла в научный обиход и была поддержана дополнительной аргументацией Б.И. Маршака

века» [49, с. 128]. Нумизмат П.Н. Петров, которому я обязан осмотром плохо сохранившейся монеты, подтвердил ее принадлежность Сайид Ахмаду I.

[52, с. 143]. Между тем, подтески на внешней стороне раковины выдают следы ремонтов, сопутствовавших жизни этого интересного памятника. В декоре миндалевидных шляпок заклепок, укрепляющих серебряную оковку у внешнего края раковины, можно разглядеть специфическую полупальметту (она же многократно повторяется в узорах ажурной обкладки кувшинчика и в пластинах конского убора, но не в декоре фестончатой ручки ковшика), по которой опознается большая группа крымского серебра XIV-XV вв. [53, с. 162, табл. VI,7]. Поэтому, не оспаривая возможности киликийской атрибуции серебряной ручки с учетом более поздней даты, я полагаю, что перемонтировка сосуда произошла в армянской среде, скорее всего, в золотоордынском Приазовье в XIV в., где была жива память о рубенидском монетном чекане (иначе нельзя объяснить появление жетона с изображением барана). Практика изготовления подобных ковшей в Причерноморье (Крыму) подтверждается находкой в 1989 (?) г. в Солхате косторезной мастерской, где обрабатывались привозные раковины, добытые в южной части Индийского океана [54, с. 100, 240]. Здесь они подвергались шлифовке и превращались в заготовки для ковшей и музыкальных инструментов. Бронзовая пластинчатая ручка для такого ковшика найдена в Херсонесе [40, табл. 42,7]. Работа солхатской косторезной мастерской датируется началом XV в. [54, с. 100, 240, кат. № 732-734].

От серебряной обкладки кувшинчика сохранились детали горловины с крышкой и пластинчатой ручкой и поддон. На горловине – нечитаемая арабская надпись. В.П. Даркевич датирует находку XIII в. и относит к среброделию Киликии [40, с. 56]. Ни дата, ни киликийская версия происхождения этой вещи мне не кажутся приемлемыми. Обкладки сосуда, так же, как ковшик и другие вещи этого клада, должно быть, сделаны в одном из городских центров Северного Причерноморья, скорее всего, в Крыму, на рубеже XIV-XV вв. Но если серебряные чашечки с фигурным горизонтальным отгибом, как справедливо отметила Мергерет Медли, ориентированы на китайские прототипы [55, p. 12, 13], то гарнитура конского убора – на итальянские.

По-видимому, вещи клада принадлежали человеку среднего достатка, возможно, местному армянину, как-то связанному с родственной общиной неблизкой Киликии. Это не вызывает удивления, поскольку переселенцы из Киликии с конца XIV в., после падения Киликийского царства, поселяются в Крыму. Но и до падения Киликии множество армянских семей из Трапезунда, Хемшина, Баберда поселяются в Восточном Крыму. В 1357 г. из Крыма в Сис, столицу Киликийской Армении, едет младший сын известного солхатского переписчика и миниатюриста Натера [56, с. 28]. Связи западных районов Золотой Орды с Киликией документируются находками монет киликийского чекана в Белгороде-Днестровском (Монкастро) [57, с. 101]. Но сейчас важно только то, что в декоре киликийской части бердянского ковша, включая ручку и жетон с армянской надписью, нет признаков, объединяющих

ковшик с белореченскими находками. Из этого следует, что киликийская атрибуция К.А. Ракитиной не состоятельна.

Между тем, отдельного внимания в мангупской находке заслуживают присутствие прорезных (ажурных) кабошонов и структура подтреугольных композиций с головами драконов в профиль (ср. с литыми «язычками», завершающими уже упоминавшиеся концевые накладки и ту же структуру в декоре прямоугольных обоймиц с подвесными петлями из числа украшений белореченского поясного набора). Кабошоны мангупского пояса тождественны прорезному выпуклому диску большой накладки белореченского пояса из кургана № 8 [14, с. 94]. Кабошоны нередко встречаются в архитектурном декоре сельджукской Анатолии (см., например, декор южного портала Большой мечети в Дивриджи (1228/1229) или декор мечети `Ала' ал-дина Кай-Кубада I в Нигде (1223) [44, p. 86-89, ill. 68, 70]). А.В. Банк неоднократно отмечала появление в культуре восстановленной после 1261 г. Византии ближневосточных черт в керамике, в том числе, ссылаясь на «Историю» Пахимера, сосуды с именем Мухаммеда [58, с. 158; 59, S. 453-459], и в серебре [60, с. 199, 200]. При этом она не исключала, что отдельные черты восточного влияния могли быть связаны с переселенческой сельджукской волной в Византию [58, с. 158][12]. Что касается ажурных кабошонов на византийских окладах из монастыря Ватопеди на Афоне (икона св. Георгия XII в.; икона «Анна с младенцем Марией», конец XIII в.), на окладе эмалевой иконы из Эстергома (конец XIII в.), на серебряных окладах Богоматери из сокровищницы собора в Фермо (конец XIII в.) или Богоматери Одигитрии из Государственной Оружейной палаты Московского кремля (XIV в.), то одним из важнейших истоков этой декоративной формы она считала скульптурные детали св. Софии в Трапезунде [58, с. 158][13]. Отмечу вслед за Алисой Владимировной, что в декоре фасадов св. Софии в Трапезунде Тамара и Девид Талбот Райс отмечали сельджукские корни [64, ill. 13-18; 65, ill. 33-38].

Парные головки драконов в сопровождении арабеска из пальметт – одна из самых характерных тем в искусстве сельджуков. Их изображениями насыщен декор знаменитого шелка, вытканного для Ала' ал-дина Кай-Кубада I из коллекции в Берлине [см., например: 66, S. 10-17, taf. 10, Kat. Nr. 1, 2, 5, 7, 13], их профили вырезаны в камне [см. резной фрагмент из Каратай медресе

[12] П.И. Жаворонков отметил, что восточными реалиями Никейская империя обязана как миграционным процессам у юго-восточных границ государства, так и «переселенческой политике Ватаца» [61, с. 216]. Население Сельджукского султаната на востоке Малой Азии было полиэтничным и многоконфессиональным. Здесь, в Анатолии, проживали греки, сирийцы, армяне, тюрки, курды, арабы, персы. Среди них находилось значительное количество христианского населения, тем более, что сельджукидская элита не противопоставляла себя представителям христианских общин [62, с. 439-441].

[13] Вместе с этим А.В. Банк считала важным подчеркнуть армянские и грузинские истоки мотива кабошонов [58, с. 158; 62, табл. XI,33].

в Кони: 67, p. 193-216; 68, taf. 112, ill. 4; 69, p. 61-65, fig. 35-51; в ряду анатолийских аналогий выделим скульптурную композицию в декоре Чифте Минарели (Çifte Minareli) в Эрзеруме (XIII в.) – fig. 45]. Нередко изображения драконовидных существ и «узла счастья» совмещаются в одной композиции. Например, в резном декоре из Ани [63, табл. XIV,42 (Ани, гостиница); XXXVII,148 (драконы из Имирзека)], из цитадели Конии в Музее медресе Инчи Минарели [67, taf. 112, ill. 1,2; 68, taf. 118, ill. 11] или в изображениях на аверсах ортукидских и сельджукских монет в Музее археологии Стамбула [68, taf. 118, ill. 6, 8]. Последнее – несомненное подтверждение благопожелательного характера изображений. Отдельно выделим аналогию парным драконам в декоре Корана 1250-1350-х гг. из Анатолии или Джазиры, принадлежащего исламской коллекции Девида Халили (инв. № QUR 433 QUR 132). Здесь изображения головок драконов вписаны в композицию «говорящего» дерева *вак-вак* [70, fig. 11] – сюжет, не чуждый и культуре Золотой Орды.

С точки зрения характеристики стиля группы сельджукских поясных украшений из Крыма и Северного Кавказа, следует остановиться на одной важной детали технологического свойства: все наиболее выразительные украшения трехслойны (принцип сэндвича). Кроющие элементы декора *(лицевая пластина)*, как правило, отлиты в жесткую форму; эти детали прекрасно прорисованы и, возможно, первоначальная графика принадлежит руке опытного рисовальщика, работавшего с бумагой или тонкой кожей[14]. Резчик по шиферу (?) будущей литейной формы лишь повторяет рисунок, моделируя объемы. Отливка, на завершающей стадии, вероятно, подправляется штихелем. *Внутренняя пластина* декорирована ажурным орнаментом, созданным сквозной просечкой тонкого листа серебра острым резцом на жесткой наковальне. *Третья пластина* – гладко отшлифована и не уступает по толщине промежуточному листу. Сложенные вместе и скрепленные заклепками (иногда пайкой) три заготовки превращаются в законченную декоративную форму, из которой, в конечном счете, собирается тот или другой наборный пояс.

Типологическая зрелость поясных наборов, отточенность рисунка орнаментальных форм деталей гарнитуры из погребений Мангупа и Белореченского могильника позволяют предположить, что мы наблюдаем здесь развитый этап в эволюции как ***сельджукского*** пояса в целом, так и отдельных его элементов, включая пряжки, концевые накладки, обоймицы обоих типов, накладные бляшки и пр. Некоторые черты декора, сближающие их с византийской ремесленной традицией, например, ажурные диски-кабошоны, позволяют заключить, что ранний этап производства этих изделий сложился в Малой

[14] Г.Н. Балашова, отмечая возможное разделение труда между ремесленниками и художниками XII-XIII вв., привлекла свидетельство конца XIX в., принадлежащее таджикскому писателю С. Айни. Его дядя, художник-резчик по дереву и ганчу, живший в районе Бухары, продавал свои рисунки гончарам и *калыбы* набойщикам тканей [29, с. 106, прим. 15].

Азии (Анатолии) на стыке византийского и сельджукского культурных миров, вероятно, в конце XII или в первые десятилетия XIII вв. В дальнейшем, по мере накопления материалов, появится возможность различения южнобережного черноморского импорта и местных реплик из Северного Причерноморья.

Вопросы атрибуции. Исторические контексты. Для уверенной локализации центра (или центров) производства поясных наборов, подобных мангупской или белореченской находкам, у нас, к сожалению, слишком мало археологических данных. Вместе с тем, уровень специализации ремесла, необходимый для массового производства поясной гарнитуры, предполагает наличие городской инфраструктуры, развитого рынка сбыта, доставки специальных материалов для производства – тканой основы для поясов, серебра, ртути, золота и пр., работу ремесленников смежных профессий. Всем этим, безусловно, располагали во второй половине XIII – XIV вв. города Восточного Крыма, включая Солхат, Судак и Каффу, привлекающие опытных ремесленников потенциальными заказчиками, наличием рынков сбыта и преимуществами городской инфраструктуры. С позиции предлагаемой мной малоазийско-крымской ремесленной парадигмы, Солхат и Судак имеют даже некоторые преимущества с общеисторической точки зрения. Особенно Солхат, куда после 1265 г. была поселена семья освобожденного из византийского плена иконийского султана ‘Изз ал-Дин’а Кай-Кавус’а II (1246-1257; 1258-1260).

Решение о его освобождении из заточения на о. Энос, куда султан был отправлен как заложник бывшим союзником и приятелем Михаилом VIII[15] после неудавшегося антивизантийского мятежа 1264 г., объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, ‘Изз ал-Дин еще в 1256 г. оказал сопротивление монголам Байджу, представлявшим интересы Хулагу, и тем самым подтвердил свою (и семейную во втором поколении[16]) приверженность к антихулагуидской линии Батуидов в Малой Азии. Во-вторых, все-таки, он был родственником Берке [61, с. 445].

Акция по освобождению ‘Изз ал-Дин’а была реализована под руководством известного темника Ногая [72, p. 639-668]. Но передача «Солхата и Судака» (хроника Ибн-Биби[17], XIII в. [74, S. 323]) на правах ленного владения

[15] В 1256 г. Михаил Палеолог бежал в Рум к ‘Изз ал-Дину Кей-Кавусу II от преследования Федора II Ласкариса. Сельджуки Рума – давние тактические союзники Никеи в борьбе против Великих Комнинов, что в свое время (1214 г.) позволило им овладеть Синопом при основателе Никейской империи Федоре I Ласкарисе (1205-1222). Характеризуя последствия этого события для *судеб византинима,* Р. Шукуров назвал его «новым Манцикертом» [71, с. 409-427].

[16] Румийский султан Гийас ал-Дин Кей-Хосров II (1237-1246) принял сюзеренитет Джучидов в 1243 г. после проигранного сражения при Кёсе Даге [72, p. 269-272].

[17] Полное имя автора сельджукской хроники – ал-Хусейн б. Мухаммад б. Али ал-Джафари ал-Ругади Насир ал-Дин Ибн Биби (ум. после 1284/85 г.) [краткую биографию и характеристику хроники см.: 75, с. 27-29]. Сокращенная редакция «Сельджук-намэ» сообщает, что после освобождения из византийского плена, чему немало способствовали морозы, сковавшие Дунай, султана отправили к Берке. «…Когда султан (Изз ал-Дин – М.К.) прибыл к нему (Берке),

по времени совпала со смертью Берке и утверждением в Сарае власти Менгу-Тимура, продолжавшейся с весны 1266 по весну 1267 гг. Вместе с бывшим султаном из Добруджи пришла значительная группа малоазийских тюрок, поселенная в горном районе неподалеку от Судака и Солхата [73]. К сожалению, пока нет никаких объективных данных о местах их проживания, подтвержденных археологическими материалами. Согласно хронике Ибн Биби, ʻИзз ал-Дин Кей-Кавус, сын султана Гийас ал-Дин'а Кай-Хусрав'а II, признававшего власть Бату, прожил в Солхате около пятнадцати лет, и отсюда же после его смерти в 1279/80 г. его сыновья отправились в Малую Азию для восстановления прав на Западную Анатолию (Конья, Аксарай, Анкара и Анталья – все эти города и территории на запад и юг от р. Кизилирмак (Kizilirmak / Halys) около середины века принадлежали ʻИзз ал-Дину[18]. Старший из них Мас'уд в 1280 г. стал султаном [76, с. 26; 74, s. 322, 323; 61, с. 456].

В последние годы в монетных находках с городища средневекового Солхата, в том числе и из раскопок поселения гончаров Бокаташ II в пригородной зоне (Отчет СКАЭ ГЭ за 2005 г., №№ 65, 67, 68; Отчет СКАЭ ГЭ за 2006 г., №№ 10, 61, 80, 96, 104, 119, 135, 147, 166), обнаружена серия малоазийских фельсов и пулов, в том числе с двустрочной легендой на аверсе *«Султан / ал-А'зам»* и надписью *«Гийас ад-дин ва-д-дуньа»* на реверсе, эмитентом которой нумизматы предлагают считать Мас'уда II б. Кейкавуса [80, с. 328-331]. Как предполагает Е.Ю. Гончаров, монеты чеканились в Солхате или Судаке, т.е. земельных владениях семьи Гийас ал-Дина [81, с. 83-85]. Никаких прямых данных о работе малоазийских мастеров, обслуживающих интересы семьи иконийского султана, у нас нет. Однако в просопографии Солхата и его округи XIV в. имена анатолийского происхождения все же встречаются.

Натурализовавшиеся в Восточном Крыму выходцы из разных районов Малой Азии во втором поколении определяются преимущественно по *нисбам* отцов. В списках О. Акчокраклы, исследовавшего надписи надмогильных плит из сборов экспедиции Московского университета, работавшей в Солхате в 1924-28 гг., их немного – всего пять. Это, прежде всего, *Эль Кастамуни* (№ 70), *Эль Ахлати* (№ 94) [82, с. 4, 11, 12], *Эт-Токати* (№ 190), *Эс-Сиваси* (№ 227) [82, с. 2, 5, 7] и имя шейха *Яакуба Коневи* из Отуз [83, с. 15, № 1]. Очевидно, к этому списку нужно добавить надгробие 776 г.х. = 1374 г. [81, с. 3, 4, № 25] с тюркской надписью[19]. Имя владельца, к сожалению, все еще не прочтено, но его характеристика как *алемдара* (знаменосца) *эхи* (?) связывает его (или его отца) с традицией исламской Малой Азии. Надгробие шейха из Отуз Яакуба

(Изз ал-Дину) оказали разные ласки и пожаловали в *икта* Солхад и Сутак» [76, с. 62, 63, 189-192, 203, 662; 77, с. 26; 78, vol. I, p. 300-313; 79, p. 99-101].

[18] Контроль над восточными территориями, включая Кайсери, Сивас, Малатью, Эрзинджан и Эрзерум, принадлежал брату ʻИзз ал-Дина Рукн ал-Дину [75, с. 155].

[19] В настоящее время надгробие хранится в Отделе Востока Эрмитажа, инв. № Сол. 11.

Коневи датировано 729 г.х. = 1328 г. Приведенные имена – убедительное проявление высокого уровня связей Солхата и географически близких к нему Отуз с населением отдельных провинций сельджукской Малой Азии в XIII-XIV вв., включая столицу Румийского султаната Конию.

Поясные наборы: статус и ранг. Вопрос о статусе и ранге поясов из Крыма и Северного Кавказа не однозначен уже потому, что пояса сельджукского типа были обнаружены в могильниках разных археологических культур и к тому же вне культурного пространства исламской Малой Азии. Наш случай может показаться парадоксальным: на два поясных набора приходится три несовпадающих исторических контекста – адыго-кабардинский на Северном Кавказе, феодоритский в Горном Крыму и малоазийско-сельджукский, сформировавшийся на почве Анатолии.

С конца XIII в. и по мере нарастания переселенческой волны тюрок-сельджуков, которых Георгий Акрополит называет еще «персами» или «мусульманами» [84, с. 273][20], вместе с городским плебсом и исламскими духовными авторитетами в Крым приходят ценности городских центров исламской Малой Азии. Среди них и тип сельджукского «городского» пояса на шелковой тесьме с большим количеством мелких обильно позолоченных поясных накладок и тремя обоймицами, перегруженными декором.

Статус рассмотренных нами поясов не имеет ничего общего с воинскими. Они могут быть определены условно как общегражданские «городские» или, скорее всего, с точки зрения сюжета концевых пластин, «охотничьи» (см. выше). Тип малоазийского воинского (парадного) пояса и способ его ношения можно видеть в изображении фигуры в кафтане с правым запахом на софите западной арки ниши захоронения в нартексе Св. Софии в Трапезунде (между 1238 и 1263 гг.) [64, p. 2, 156-159, fig. 122]; другой пример – изображение сидящей мужской фигуры на фрагменте тулунидской ткани [86, taf. 113, ill. 4]. Ранг мангупского пояса, как это характерно для всех средневековых сообществ Евразии, определялся принадлежностью владельца к тем или иным социальным группам, в данном случае, без выделения этнических или конфессиональных признаков. Возможно, что в тимуридскую эпоху в Иране этот тип пояса меняет свой статус и становится парадным («дворцовым»). Подлинный ранг мангупского поясного набора можно установить в сравнении с золотым поясом из Симферопольского клада. Этот стрелковый пояс выполнен в сельджукской стилистике, вероятно, *по индивидуальному заказу* в Солхате около середины XIV в. в мастерской, обслуживающей двор правителя Крыма [8, с. 114-118, 136]. Несмотря на функциональную разницу – пояс Симферопольского клада стрелковый, по набору трех обоймиц, отдельным конструктивным

[20] Как можно судить по изображению креста на одном из солхатских надгробий XIV в., среди анатолийских переселенцев в Крым были и несториане [85, с. 72, кат. № 210].

деталям, включая концевую пластину, и элементам декора оба памятника принадлежат к одной группе. Однако мастерство исполнения и превосходство в отделке симферопольской находки показывают истинный *ранг памятника дворцового уровня*, чего нельзя сказать о мангупском поясном наборе, несмотря на привилегированный – в рамках княжества Феодоро – статус его владельца.

Едва ли можно сомневаться, что пояса белореченского типа служили символическими маркерами представителей отдельных этнических групп населения, во всяком случае, на Северном Кавказе. Используя терминологию арабского автора XIV в. Ибн Халдуна, можно сказать, что это пояса адыгской *асаби́я*[21] – этнии с развитой иерархией. Иллюзорная близость низких социальных слоев адыгского населения к собственным элитам, выраженная в единстве типа поясного набора, давала для них надежду на жизненный успех внутри замкнутого коллектива, объединенного групповой солидарностью, поддерживала надежду на преимущества перед другими группами северокавказского населения. Это объясняет массовость находок близких по формам поясных украшений в погребальном инвентаре курганов развитого средневековья на Северо-Западном и Центральном Кавказе, где качество исполнительского мастерства отдельных привозных изделий уступает место количеству местных реплик. В Крыму этническая составляющая поясов «сельджукского стиля» малозаметна. Здесь, скорее всего, довлеет кратковременная популярность инноваций из Анатолии, которые приносят с собой мастера-эмигранты, привлеченные возможностью получения стабильных заказов дворца или крымской улицы. Первые проявления этой традиции в художественном металле прослеживаются, судя по материалам Симферопольского клада, со времени около середины XIV в.

К итогам. Итак, совокупность нарративных сведений, данных эпиграфики, архитектуры, архитектурного декора и отдельных артефактов, включая монетные и керамические находки [89; 85, с. 113-116], говорит о тесных связях Солхата с исламской Малой Азией. Наша атрибуция поясного набора из Горного Крыма позволяет предложить гипотезу о существовании в г. Солхат-Крым еще и металлообрабатывающей ремесленной традиции, восходящей к Румийскому султанату. Очевидно, что эту линию отразили не только мангупская находка, но и весь северокавказский круг ее аналогий. Напомним, что с теми же истоками связан и стрелковый поясной набор Симферопольского клада. К сожалению, на территории Анатолии мы пока не знаем находок подобного рода.

Анализ мангупской (Горный Крым) и белореченской (Северный Кавказ) находок позволил *впервые выделить поясные наборы второй половины XIV в., генетически восходящие к городской среде Анатолии.* Однако все извест-

[21] Термин *асаби́я* Ибн Халдун использует в работе «Мукаддима. Введение в историю» [87]. Фр. Розенталь переводит термин *асаби́я* как «чувство группы» [о концепции *асаби́я* с точки зрения проблем теории развития истории см.: 88].

ные нам находки таких ***сельджукских*** поясов (и их деталей) обнаружены пока вне исламской Малой Азии. В качестве производственных центров Северного Причерноморья предполагается ремесленная база городов Восточного Крыма, из которых наиболее предпочтителен вариант Солхата-Крыма после 1265 г. Чегемская находка и множество других, которые можно отнести к разряду реплик второго порядка, свидетельствуют лишь о повышенном спросе на украшения сельджукского стиля. Близкие поясные наборы, в декоре которых доминируют латинские признаки, производились в Северном Причерноморье, скорее всего, ремесленниками Каффы, а на южном побережье, вероятно, серебряниками Трапезунда, Синопа и других приморских центров, где латинское ремесло тесно соприкасалось с местным малоазийским.

Таким образом, сельджукская культурная традиция, получившая прививку на почве Золотой Орды, прежде всего, в Крыму и на Северном Кавказе (в отдельных его регионах по-разному)[22] и известная в Крыму по архитектуре, архитектурному декору и по находкам керамики и стекла[23], не может быть сколько-нибудь полно описана без учета памятников сельджукского художественного серебра из Малой Азии и их отражения местными ремесленными центрами.

Открытыми остаются вопросы генезиса и развития сельджукского поясного набора на территории Анатолии. Их решение и верификация нашей модели в значительной мере зависит от усилий турецких коллег.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
2. Крамаровский М.Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
3. Крамаровский М.Г. Анатолийские сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Владикавказ, 2008.

[22] Не могу согласиться с А.Х. Нагоевым, что содержательные несовпадения погребального инвентаря в могильниках Кабарды и Северо-Западного Кавказа связаны только с хронологическим разрывом и степенью зависимости адыгов или кабардинцев от политики Золотой Орды на Северном Кавказе. Судя по материалам Белореченского могильника, материальная составляющая погребального инвентаря здесь определялась не уровнем развития товаро-денежных отношений с городами-эмпориями Восточного Крыма, Приазовья и, возможно, Поволжья, а использованием внеэкономических средств, характерных для воинствующего анклава в государстве, теряющем контроль над собственными территориями. Конспективно это изложено мной в тезисах эрмитажных чтений 2002 г. [90, с. 51-54].

[23] В апреле 2008 г. на заседании Отдела Востока мной прочитан доклад о лампе, найденной в закрытом комплексе на поселении Бокаташ II в сезоне 2007 г. Лампа датируется XII – рубежом XIII вв. и относится к редкому типу стеклянных ламп малоазийско-ближневосточного типа. Доклад не опубликован.

4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898.
5. Левашова В.П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. Вып. XXII. Археологический сборник / Под ред. проф. А.Я. Брюсова. М., 1953.
6. Ракитина К.А. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV-XV вв. // Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Л., 1940. Т. III.
7. Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // СА. 1982. № 3.
8. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
9. Lentz Thomas W., Lowry Glenn D. Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Washington; Los Angeles, 1989.
10. Адамова А.Т. Персидская живопись и рисунок XV-XIX веков в собрании Эрмитажа. СПб.,1996.
11. Soudavar Abolala. Art of the Persian Courts. Selections from the Art and History Trust Collection. New York, 1992.
12. Komaroff L., Carboni S. The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. New York; New Haven; London, 2002.
13. Hoffmann B. Das Ilkhanat – Geschichte und Kultur Irans von der Mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1220-1335) // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, 2005.
14. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Концепция, составление и научная редакция аннотаций. М.Г. Крамаровский. СПб., 2000.
15. Нагоев А.Х. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
16. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). Нальчик, 1981.
17. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 33.
18. Ванштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966.
19. Горелик М.В. Монгольский костюм XIII-XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1991. Т. II.
20. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с китайского А.И. Желоховцева, Л.А. Боровкиной, Н.Ц. Мункуева, под ред. В.П. Илюшечкина, пред. Л.С. Переломова. М., 1980.
21. Школяр С.А. Сычуаньский мятеж 1207 г. и его место в отношениях между государствами Южной Сун и Цзинь в начале XIII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982. М., 1983. Ч. 1.
22. Цыбанова Д.Ц. Монгольская одежда (по дневникам европейских путешественников XIII в.) // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 1996. Вып. 1.
23. Гусева Л.Н. Левосторонний запах одежды чжурчженей // Россия и АТР = Russia and Pacific. Владивосток, 2005. № 2.
24. Pancaroğlu Oya. Perpetual Glory. Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Yale University Press; New Haven; London, 2007.
25. László G., Rácz I. A Nagyszentmilósi Kincs. Corvina Kiadó, Budapest, 1983.
26. Grube E.J. Islamic Sculpture: Ceramic Figurines // Oriental Art. 1966. 12.
27. L'Orient de Saladin. L'art des Ayyoubides. Exposition presentee a l'Institut du monde arabe, Paris du 23 octobre 2001 au 10 mars 2002. Gallimard, 2001.
28. Rüçhan Arik. Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri. Istanbul, 2000.
29. Балашова Г.Н. Глиняный кувшин XII-XIII вв. с эпическими сценами // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.

30. The Keir Colletion. Islamic Painting and the Arts of the Book / Ed. by B.W. Robinson. London, 1976.
31. Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
32. Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа сфинкса в культуре Китая по данным археологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.
33. Raby J. Samson and Siyah Qalam // Between China and Iran. Paintings from Four Istanbul Albums / Ed. by Ernst J.Grube and Eleonor Sims. A Colloque held 23-26 June 1980. Colloquies on Art & Archaeology in Asia n 10. University of London; Percival David Foundation of Chinese Art; School of Oriental and African Studies,1980.
34. Turks. A Journey of a Thousand Years, 600-1600 / Ed. by David J. Roxburgh. London, 2005.
35. Fjerde der Jubilaeumsskrift. Copenhague, Davids Samling, 1970.
36. L'Orient de Saladin. L'art des Ayyoubides. Institut du monde arabe. Gallimard, 2002.
37. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1808 г. СПб., 1810.
38. Даркевич В.П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. 1974. Вып. 140.
39. Жирмунский В.М. Сказания об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
40. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
41. Redford S. Landscape and the state in Medieval Anatolia: Seljuk gardens and pavilions of Alanya. Oxford, 2000;
42. The Turkish Contribution to Islamic Arts. Istanbul, 1976.
43. Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
44. Kuran A. L'architecture seldjoukide en Anatolie // L'Art en Turquie. Sous la direction d'Ekrem Akurgal. Fribourg, 1981.
45. Армарчук Е.А. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В. Саханева 1912 г.) // КСИА. 2004. Вып. 217.
46. Mille anni di arte del vetro a Venezia. Catalogo della mostra a cura di R. Barovier Mentasti, A. Gasparetto, T. Toninato. Venezia, 1982.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Клады Джучидских монет // НЭ. М., 1960. Т. I.
48. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М., 1971.
49. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1.
50. Орбели И.А. Дорожный ковшик XII-XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
51. Marshak B.I., Kramarovsky M.G. A Silver Bowl in the Walters Art Gallery, Baltimore (Thirteenth-century Silverrsmiths' Work in Asia Minor) // Iran. 1993. XXXI.
52. Маршак Б.И. К вопросу о торевтике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
53. Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV вв. (по материалам Крыма и Северного Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
54. Крамаровский М.Г. Отчет Старо-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1989 г. // Архив Института археологии НАН Украины. Киев, 1989.
55. Medley M. Metalwork and Chinese Ceramics. Percival David Foundation of Chinese; Art School of Oriental; African Studies University of London, 1972.
56. Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). Ереван, 1978.
57. Полевой Л.Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XV вв. // Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1956. № 4(31).
58. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. М., 1978.
59. Georgii Pachimeris. Historia de Michaele Palaeologis et Andronico / Ed. I. Beccerus. Bonnae, 1835.

60. Банк А.В. Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ. М., 1952. Т. V.
61. Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
62. Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV вв.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
63. Марр Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934.
64. Talbot Rice T. Decorations in the Seljukid Style in the Church of Saint Sophia of Trabezond // Beiträge zur Kunstgeschichte Asiens. In Memoriam Ernst Diez. Istanbul, 1963.
65. Talbot Rice D. The Church of Haghia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968.
66. Gierlichs J. Drache, Phonix, Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst. Museum für Islamische Kunst. Berlin, 1993.
67. Öney G. Dragon Figures in Anatolian Seljuk Art // Bulletin. 1969. XXXIII.
68. Önder M. Neu entdecte seldschukische Drachenfiguren // Ars Turcica. Akten des VL Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk.
69. Süslü R. Özden. Recherche sur stele // Ars Turcica. Akten des VL Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk.
70. D. Khalili collection, vol. XII. Science, Tools and Magic. By Francis Maddison and Emilie Savage-Smith. Part two. London, 1997.
71. Шукуров Р. «Новый Манцикерт» императора Федора I // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
72. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968.
73. Wittek P. Yazijioghlu ‘Ali on the Christian Turks of the Dobruja // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1952. Vol. XIV, Part 3.
74. Duda H.W. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.
75. Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204-1461). СПб., 2001.
76. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
77. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941.
78. Georges Pachymères. Relations historiques. Paris, 1984.
79. Nicephorus Gregoras. Buzantina historia. Bonnae, 1829.
80. Хромов К.К. Краткая характеристика и вопросы монетной чеканки Крыма второй половины XIII века (по нумизматическим данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18-21 сентября 2006 г.). Т. II.
81. Гончаров Е.Ю. Новое имя в нумизматике Крыма XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2007.
82. Акчокраклы О. Старо-крымские и отузские надписи XIII-XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. I(58).
83. Акчокраклы О. Старо-крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. III(60).
84. Георгий Акрополит. История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П.И. Жаворонкова. Отв. ред. академик РАН Г.Г. Литаврин. СПб., 2005.
85. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.
86. Otto-Dorn K. Das Frühabbasidische Thronbild // Ars Turcica. Akten des VL Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk. 1987.
87. Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An introduction to history. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal. New York, 1958.

88. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории / Пер. с англ. Под общей редакцией Г.Г. Малинецкого, А.В. Подглазова, С.А. Боринской. М., 2007.
89. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники и культуры на территории СССР. Л., 1991.
90. Крамаровский М.Г. Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремук // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2002.

Крамаровський М. Г.

Мангупська знахідка: сельджукідські відображення в Криму і на Північному Кавказі

Резюме

У 2005 р. при розкопках на Мангупській базиліці (Гірський Крим) в інвентарі чоловічого поховання № 482 виявлений срібний поясний набір. Його близьку паралель знайдено в жіночому похованні кургану № 8 Білоріченського могильника (Північний Кавказ). За декором поясної пряжки з сюжетом героїчного полювання на лева обидва пояси можуть бути віднесені до групи парадних мисливських. Вони датовані другою половиною XIV століття. Аналіз мангупської та білоріченської знахідок дозволив вперше виділити пояси, що генетично сягають міського середовища ісламської Анатолії. Можна припустити, що у зв'язку з міграційними процесами, викликаними переселенською хвилею з ісламської Малої Азії до Східного Криму, тут з другої половини XIII ст. отримала розвиток нова ювелірна традиція, і мангупський пояс було виготовлено, швидше за все, у Солхаті, де з 1265 р. мешкав екс-султан Рума 'Ізз ал-Дін Кай-Кавус II (1265-1273). У зв'язку з відсутністю відомостей про подібні знахідки на території Анатолії, залишаються відкритими питання ґенези та розвитку сельджукських поясних наборів у центрах їхнього виготовлення – в містах Румського султанату.

Крамаровский М. Г.

Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе

Резюме

В 2005 г. при раскопках на Мангупской базилике (Горный Крым) в инвентаре мужского погребения № 482 обнаружен серебряный поясной набор. Его близкая параллель найдена в женском погребении кургана № 8 Белореченского могильника (Северный Кавказ). По декору поясной пряжки с сюжетом героической охоты на льва оба пояса могут быть отнесены к группе парадных охотничьих. Они датированы второй половиной XIV века. Анализ мангупской и белореченской находок позволил впервые выделить пояса, генетически восходящие к городской среде исламской Анатолии. Можно предположить, что в связи с миграционными процессами, вызванными переселенческой волной из исламской Малой Азии в Восточный Крым, здесь со второй половины XIII в.

получила развитие новая ювелирная традиция, и мангупский пояс был изготовлен, скорее всего, в Солхате, где с 1265 г. проживал экс-султан Рума ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II (1265-1273). В связи с отсутствием сведений о подобных находках на территории Анатолии, остаются открытыми вопросы генезиса и развития сельджукских поясных наборов в центрах их изготовления – в городах Румского султаната.

Kramarovsky M. G.

Mangup Find: Seljuqs Reflections in Crimea and in the Northern Caucasus

Summary

In 2005 during the excavations in Mangup basilica (Mountainous Crimea) in the equipment of male burial No 482 a silver belt set was found. A close parallel to it was found in female burial in mound No 8 of Belorechka cemetery (Northern Caucasus). According to decoration of belt buckle with the plot of heroic hunt for a lion both belts can be attributed to the group of main hunting ones. They are dated back by the second half of the 14th century. The analysis of Mangup and Belorechka finds for the first time enabled to mark belts genetically originating from the city environment of Islamic Anatolia. One can suppose that due to the migration processes caused by the wave of moving from Islamic Minor Asia into the Eastern Crimea here since the second half of the 13th century a new jeweller tradition got its development, and Mangup belt was most probably manufactured in Solkhat where since 1265 ex-sultan of Ruma ‘Izz al-Din Kai-Kavus II (1265-1273) lived. Due to the lack of information on similar finds on the territory of Anatolia, the problems of genesis and development of Seljuqs belt sets in the centres of manufacturing – the cities of Ruma sultanate are still open.

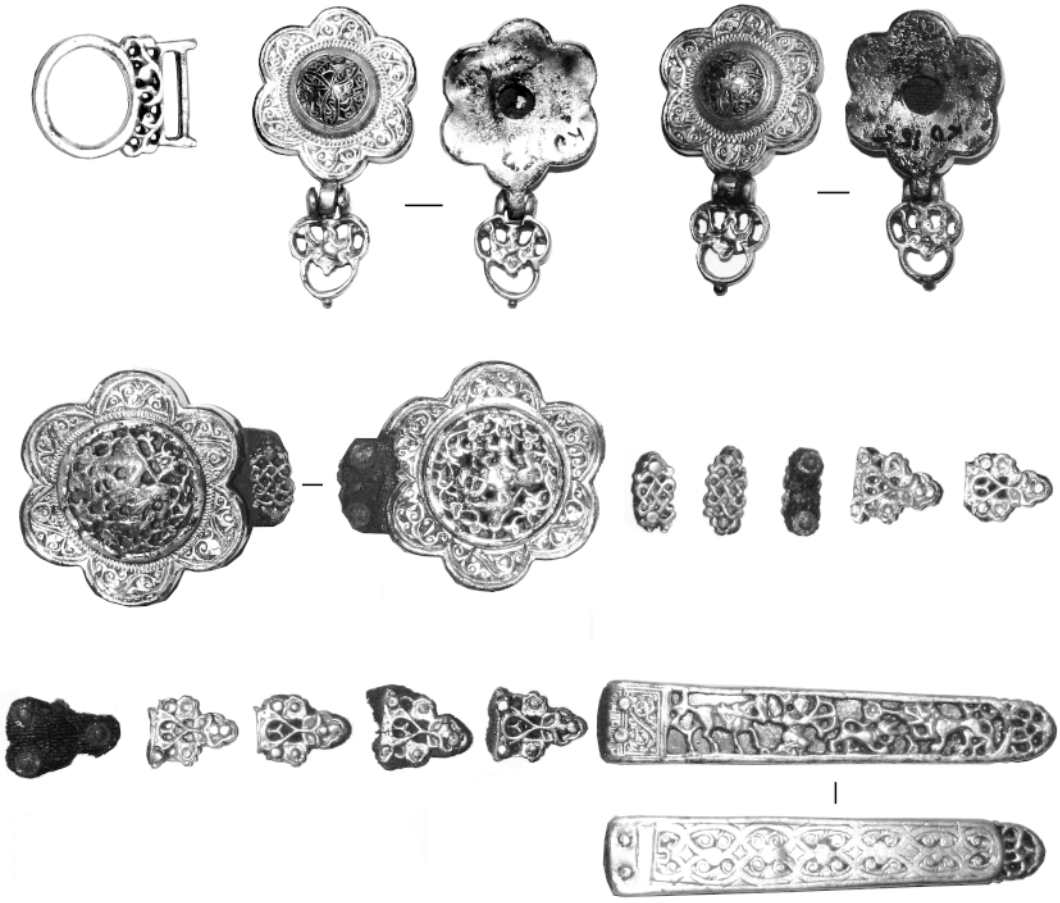

Рис. 1. Серебряный поясной набор из мужского погребения № 482 Мангупской базилики (Крым).

Рис. 2. Серебряный поясной набор из женского погребения кургана № 8 Белореченского могильника (Северный Кавказ).

В. Ю. РАДОЧИН

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО БОСПОРА

В 2006 году экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина провела охранные археологические раскопки в Кооперативном переулке г. Керчи. Во время раскопок горизонта второго строительного периода был выявлен городской некрополь и исследована 41 могила. Определить время погребений затруднительно, в связи с отсутствием датирующего материала в погребальном инвентаре. Однако слои, в которые были впущены захоронения, по содержащейся в них керамике могут быть отнесены ко второй половине XVI – первой половине XVIII вв. (датировка А.И. Айбабина)[1]. Задачей данной работы является публикация результатов комплексного антропологического исследования для введения в научный оборот полученных данных.

Краниометрические измерения и описания проводились по общепринятой методике антропологических исследований В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1], остеометрические – по методике В.П. Алексеева [2]. Определение возраста и половой принадлежности проводилось по методикам исследований [6; 10] с привлечением материалов Standards for data collection from human skeletal remains [11] и материалов по судебной медицине [7]. Эпигенетические варианты соотносились по G. Hauser и G.F. De Stefano [9]. В описательной части использована двухзначная зубная формула постоянного прикуса, принятая международной федерацией стоматологов (FDI) в 1971 г.

При работе с материалом использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А.П. Бужиловой [3]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера), результаты даны

[1] Автор выражает глубокую благодарность А.И. Айбабину за предоставленный для исследования материал.

по средним значениям. При описании погребений сохранена маркировка, отмеченная в сопроводительной документации. Индивидуальные краниометрические измерения представлены в таблице 1, остеометрические признаки длинных костей скелета – в выборке в таблице 2, результаты патологических и эпигенетических изменений – в таблице 3.

Всего исследовано 41 погребальное сооружение. 28 могил было ориентировано по оси северо-восток – юго-запад (25 человек в них погребено головой на юго-запад, 3 – головой на северо-восток). 9 могил было ориентировано по оси восток – запад (8 человек в них погребено головой на запад, 1 – на восток). 3 могилы были ориентированы по оси северо-запад – юго-восток (все погребенные – головой на северо-запад).

Преимущественно захоронения совершены в вытянутом положении на спине (91%). В 4 случаях зафиксировано положение костяка на правом боку. В 21 случае голова погребенного была уложена на правую боковую поверхность, в 12 случаях – на затылочную поверхность.

Все погребения (кроме одного) совершены в грунтовых могилах разных форм (трапециевидные – 11, прямоугольные – 9, овальные – 7, форма не сохранилась – 13). Одно погребение совершено в каменной гробнице. Во время зачистки на дне 13 могил прослежены остатки дерева и гвозди от гробов.

Могила 1. Из заполнения извлечены кости ребенка, соотносящиеся с возрастом 0,5 года, и кости разрушенного женского погребения, возраст которого соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть грацильная, квадратной формы. Зуб 47 – кариес.

Погребение 1, смещенное. Череп умеренно массивный. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Надбровье 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Возраст по состоянию зубной системы соотносится с 20 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Эпифизы длинных костей не срослись. Мышечный рельеф костей рук и ног развит хорошо. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Погребение мужское. Длина тела 169-173 см.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука погребенного была вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локтевом суставе. Череп грацильный, долихокранный, по форме – овоид. Верхний глазничный край округлый. Грушевидное отверстие лунка. Передненосовая ость 3 балла. Надпереносье 2 балла. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Зубы 16, 18 утеряны при жизни, лунки заросли. Стертость зубов соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Отмечены: зубной камень, дегенеративные изменения левой ветви нижней челюсти. На нижней челюсти отмечен одонтогенный остеомиелит. На лобной кости выявлена

незначительная остеома (4 мм). Кости посткраниального скелета грацильные. На позвонках поясничного отдела проявления спондилоза [8, с. 54-56]. Мышечный рельеф костей рук и ног развит хорошо. Хорошо выражена шероховатая линия на бедренных костях. Погребение женское. Длина тела 155-163 см.

Могила 2. Детское погребение совершено в вытянутом положении, головой на юго-запад. Кости ног смещены. Руки погребенного слегка согнуты в локтевых суставах. Возраст погребенного 1 год.

Каменная гробница 3. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости левой руки согнуты в плечевом и локтевом суставах и смещены. Череп грацильный, долихокранный, по форме – овоид. Верхний глазничный край округлый. Грушевидное отверстие второго варианта. Передненосовая ость 2 балла. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Надбровье 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости развит умеренно. Нижняя челюсть треугольная, с хорошо выраженным подбородочным краем. На 47 зубе отмечен пришеечный кариес. Стертость зубов соотносится с 25-30 годами, облитерация черепных швов – с 20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Проявления остеоартрита в плечевых и локтевых суставах. Незначительная энтесопатия надколенников. Погребение женское. Длина тела 153-157 см.

Могила 4. Погребение совершено головой на юго-запад, в скорченном положении. Верхняя часть погребения не прослежена. Тазовые кости женские. Кости ног умеренно массивные. Рельеф выражен средне.

Могила 5. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп грацильный, брахикранный, по форме – ромбоид. Череп несколько ассиметричен в области затылочной и теменных костей. Отмечены os suturae lambdoidea, os incisurae parientalis. Надбровье 0 баллов. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Грушевидное отверстие лункообразное. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие ромбическое. Верхний глазничный край острый. На верхней челюсти отмечен добавочный 23 зуб (гиперодонтия). Нижняя челюсть грацильная, квадратная. Кости посткраниального скелета грацильные. Эпифизы длинных костей не срослись. Мышечный рельеф длинных костей рук и ног развит слабо. Возраст погребенного 15 лет. Погребение женское. Длина тела 133 см.

Могила 6. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп грацильный, долихокранный, по форме – овоид. Череп асимметричный в области лобной и теменных костей. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Отмечены os lambdoidea. Надпереносье 0 баллов. Отмечен поротический гиперостоз надпереносья. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть квадратная, умеренно массивная. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук и ног

развит умеренно. Эпифизы длинных костей не срослись. Возраст погребенного 17-18 лет. Погребение женское. Длина тела 152 см.

Могила 7. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп массивный, мезокранный, по форме – овоид. Надпереносье 2 балла. Сосцевидные отростки 4 балла. Грушевидное отверстие лункообразное. Передненосовая ость 3 балла. Отмечена os lambdae. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Стертость зубов соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Подбородочный край выражен хорошо. Выявлен зубной камень. Кости посткраниального скелета очень массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом. Энтесопатия надколенников. Погребение мужское. Длина тела 165-173 см.

Могила 8. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп массивный. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параллельная. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Хорошо выражен затылочный бугор. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Выявлен зубной камень. Нижняя челюсть массивная, квадратная, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом длинных костей рук и ног. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Отмечены незначительные проявления артроза в локтевых суставах. Погребение мужское. Длина тела 171-177 см.

Могила 9. Погребение частично разрушено, было совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп массивный, разрушен. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Возраст погребенного 30-35 лет. Кости посткраниального скелета массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом длинных костей рук и ног. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Погребение мужское. Длина тела 163-169 см.

Могила 10. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Надпереносье 3,5 балла. Отмечен поротический гиперостоз надпереносья. Нижняя челюсть массивная. Альвеолярная часть параболическая. Возраст погребенного 20-25 лет. Кости посткраниального скелета очень массивные, с хорошо развитым мышечным рельефом костей рук и ног. На надколенниках энтесопатия. Очень хорошо развита грудино-ключичная связка. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Погребение мужское. Длина тела 171-179 см.

Также были получены кости разрушенного детского погребения, соотносящиеся с возрастом 2-3 года.

Могила 11. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая нога согнута в коленном суставе. Череп разрушен. Возраст погребенного 3-4 года.

Могила 12. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Отмечены os suturae lambdoidea. Нижняя челюсть треугольная, умеренно массивная. Кости посткраниального скелета грацильные, со слабовыраженным рельефом. Погребение женское. Возраст погребенного 14-15 лет.

Могила 13. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой ноги согнуты в коленном суставе. Возраст погребенного 0,5-1 год.

Могила 14. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Кости кистей рук скрещены и перекрывают тазовые кости. Череп умеренно массивный, мезокранный, по форме – овоид. Отмечены os lambdae, os suturae lambdoidea. Лобный шов не зарос (метопизм). Надбровье 2 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Хорошо выражены затылочный бугор и наружный рельеф затылочной кости. Стертость зубов соотносится с 25-30 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Адентия третьих моляров. Нижняя челюсть квадратная, умеренно массивная. Зубы 18, 26, 27, 35, 46 утеряны при жизни, лунки заросли. Кости посткраниального скелета массивные. Хорошо развита грудино-ключичная связка. Мышечный рельеф костей рук и ног развит хорошо. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Поясничные позвонки со следами деформирующего спондилоза. Погребение мужское. Длина тела 166-177 см.

Могила 15. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука погребенного бала вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локтевом суставе. Череп грацильный, долихокранный, по форме – овоид. Отмечены os suturae lambdoidea, os bregmaticum. Надбровье 0,5 балла. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Верхний глазничный край острый. Cribra orbitalia. Грушевидное отверстие простое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Стертость зубов соотносится с 20 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольная, с хорошо выраженным подбородочным краем. Выявлена эмалевая гипоплазия. Кости посткраниального скелета грацильные, со слабо выраженным мышечным рельефом. Шероховатая линия на бедренных костях выражена средне. На правой плечевой кости отмечено межмыщелковое отверстие. Погребение женское. Длина тела 151-162 см.

Могила 16. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп массивный, долихокранный, по форме – бурзоид. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 4 балла. Сосцевидные отростки 4 балла. Грушевидное отверстие лункообразное. Передненосовая ость 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Адентия третьих моляров.

Затылочное отверстие овальное. Отмечен поротический гиперостоз надпереносья. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Стертость зубов соотносится с 25-30 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Из добавочных косточек на черепе присутствуют os suturae lambdoidea. Нижняя челюсть массивная, квадратная. Выявлена эмалевая гипоплазия. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Хорошо выражен мышечный рельеф костей рук и ног. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Поясничные позвонки со следами деформирующего спондилоза. Отмечены синостоз ребер левой стороны и изменения геометрии левой лопатки в результате травмы. Погребение мужское. Длина тела 158-168 см.

Могила 17. Погребение совершено на спине, головой на юго-запад. Левая рука согнута в плечевом и локтевом суставах. Кости обеих ног видны боковыми поверхностями и согнуты в тазовых и коленных суставах. Череп массивный, брахикранный, по форме – сфеноид. Надбровье 3 балла. Сосцевидные отростки 3,5 баллов. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть массивная, квадратная. Возраст погребенного 20-23 года. Кости посткраниального скелета массивные. Мышечный рельеф костей рук и ног развит хорошо. Погребение мужское. Длина тела 163-168 см.

Также получены кости разрушенного детского погребения, соотносящиеся с возрастом 1,5 года.

Могила 18. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Берцовые кости не прослежены. Кости ребенка соотносятся с возрастом 4 года. Лобный шов не зарос. На черепе отмечены os suturae lambdoidea. Альвеолярная часть параболическая. Форма черепа – сфеноид.

Могила 19. Погребение совершено в вытянутом положении на правом боку, головой на юго-запад. Череп умеренно массивный. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0,5 балла. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Передненосовая ость 2 балла. Грушевидное отверстие второго варианта. Отмечены os suturae lambdoidea. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие ромбическое. Зуб 16 – кариес. Стертость зубов и облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен незначительно. Шероховатая линия на бедренных костях выражена слабо. Погребение женское. Длина тела 153-163 см.

Из заполнения могилы также был получен еще один череп. Череп массивный, мезокранный, разрушен. Надпереносье 0 баллов. Сосцевидные отростки 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубов соотносится с 35-40 годами. Верхний глазничный край острый. Лицевой отдел уплощен.

Грушевидное отверстие второго варианта. Адентия третьих моляров. Отмечены две рубленные раны на черепе. Череп, предположительно, женский.

Могила 20. Погребение совершено в вытянутом положении на правом боку, головой на юго-запад. Череп грацильный, брахикранный, форма – сфеноид. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 0 баллов. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Альвеолярная часть параллельная. Грушевидное отверстие второго варианта. Передненосовая ость 2 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Стертость зубов соотносится с 35-45 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 25-35 годами. В области зуба 47 отмечен одонтогенный остеомиелит. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Сохранились зубы 34, 35, 44, 45 – остальные зубы утеряны при жизни, лунки заросли. Кости посткраниального скелета грацильные. Шероховатая линия выражена хорошо. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен слабо. Проявления артроза в левом тазобедренном суставе и локтевых и коленных суставах. Энтесопатия надколенников. Погребение женское. Длина тела 159-166 см.

Могила 21. Получены фрагменты детского черепа. Верхний глазничный край острый. Cribra orbitalia. Возраст погребенного 1-2 года.

Могила 22. Погребение совершено в вытянутом положении на правом боку, головой на запад. Правая рука погребенного вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локтевом суставе. Череп грацильный, мезокранный, по форме – овоид. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольная. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Развитие зубной системы соотносится с 17-18 годами. Кости посткраниального скелета грацильные, эпифизы не срослись. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен слабо. Погребение женское.

Могила 23. Погребение практически полностью уничтожено. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука погребенного вытянута вдоль туловища. Кости посткраниального скелета грацильные. Линия аспера выражена средне. Мышечный рельеф костей ног выражен слабо. Мышечный рельеф костей рук выражен умеренно. Отмечен артроз коленных суставов. Энтесопатия надколенников. Возраст погребенного около 35 лет. Погребение женское. Длина тела 175-179 см.

Могила 24. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая нога погребенного слегка согнута в коленном суставе. Череп умеренно массивный, брахикранный, форма – сфеноид. Верхний глазничный край острый. Грушевидное отверстие – лунка. Надпереносье 2 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть параллельная. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Стертость зубов соотносится с 35-40 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Зубы 16, 17, 18, 26, 27, 28, 34, 35, 36,

37, 38, 44, 45, 46, 47, 48 – утеряны при жизни. Передненосовая ость 2 балла. Кости посткраниального скелета умеренные. Мышечный рельеф костей рук и ног развит хорошо. Позвонки поясничного отдела со следами деформирующего спондилоза. На суставных площадках костей пальцев рук фиксируются признаки старения. В суставах плечевых, бедренных и большеберцовых костей отмечены проявления артроза. На левой большеберцовой кости – остеосаркома. На большеберцовых и малоберцовых костях – периостит. Погребение мужское. Длина тела 160-169 см.

Могила 25. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Получены кости ребенка, соотносящиеся с возрастом 2-3 года. Затылочное отверстие овальной формы.

Могила 26. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Возраст погребенного 3 года.

Могила 27. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кости правой ноги согнуты в тазобедренном и коленном суставах. Череп грацильный. Возраст погребенного 4-5 лет. Cribra orbitalia. Отмечены os asteriqum. Нижняя челюсть округлая Затылочное отверстие ромбическое. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 4 года.

Могила 28. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп массивный, разрушен. Сосцевидные отростки 2 балла. Надпереносье 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Зубы 26, 17, 26, 27, 36 – утеряны при жизни, лунки заросли. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть массивная, треугольная. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами. Кости посткраниального скелета массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом. Грудные позвонки с краевыми разрастаниями. Погребение женское. Длина тела 155-169 см.

Могила 29. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп грацильный. Надбровье 0 баллов. Cribra orbitalia. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлая. Затылочное отверстие ромбическое. Стертость зубов и облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Отмечены os suturae lambdoidea. Кости посткраниального скелета грацильные, с умеренно развитым мышечным рельефом. Посткраниальный скелет соотносится с возрастом 17-18 лет. Погребение женское. Длина тела 157-167 см.

Могила 30. Детское погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости черепа не прослежены. Возраст погребенного 2-3 года.

Могила 31. Погребение совершено в вытянутом положении на правом боку, головой на юго-запад. Череп грацильный, мезокранный, форма – сфеноид. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 3 балла. Надбровье 2 балла. Грушевидное отверстие лунка. Передненосовая ость 2 бал-

ла. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости развит хорошо. Зубы 15, 16, 17, 18, 24, 25, 26, 27, 28, 35, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 48 – утеряны при жизни, лунки заросли. Нижняя челюсть треугольная, грацильная. Возраст погребенного 30-40 лет. На позвонках поясничного отдела отмечен деформирующий спондилоз. На пяточных костях и надколенниках энтесопатия. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Погребение женское. Длина тела 144-159 см.

Могила 32. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости обеих рук несколько согнуты в плечевых и локтевых суставах. Череп умеренно массивный, брахикранный, по форме – сфеноид. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 0 баллов. Сосцевидные отростки 2 балла. Грушевидное отверстие второго варианта. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Состояние зубной системы соотносится с 25-35 годами. Отмечен зубной камень. Зуб 35 – утерян при жизни, лунка заросла. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Передненосовая ость 2 балла. Кости посткраниального скелета грацильные. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен хорошо. Хорошо выражена линия аспера. Поясничные позвонки со следами деформирующего спондилоза. Погребение женское. Длина тела 132-163 см.

Могила 33. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кости черепа разрушены. Кости ног не прослежены. Череп разрушен, умеренно массивный. Сосцевидные отростки 1 балл. Нижняя челюсть округлая, грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 18-20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные, с плохо выраженным мышечным рельефом. Погребение мужское.

Могила 34. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Ноги слегка согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Череп грацильный, брахикранный, по форме – овоид. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Сосцевидные отростки 2 балла. Грушевидное отверстие второго варианта. Альвеолярная часть параболическая. Передненосовая ость 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие – смещенный овал. Отмечены os lambdae, os suturae lambdoidea. Стертость зубов и облитерация черепных швов соотносятся с 20-25 годами. Нижняя челюсть треугольная, умеренно массивная. Кости посткраниального скелета грацильные. Мышечный рельеф рук развит умеренно, ног – слабо. Шероховатая линия на бедренных костях выражена незначительно. Погребение женское. Длина тела 155-164 см.

Могила 35. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп умеренно массивный, брахикранный, форма – сфеноид. Сосцевидные отростки 4 балла. Надбровье 3 балла. Грушевидное отверстие

лункообразное. Передненосовая ость 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбическое. Адентия третьих моляров. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами. Нижняя челюсть округло-треугольная, умеренно массивная. Верхний глазничный края округлый. Облитерация черепных швов соотносится с 30-35 годами. Для второго премоляра вверху слева недостаточно места для развития (краудинг). Зуб рос со смещением к внутренней части. Кости посткраниального скелета массивные, с хорошо развитым мышечным рельефом. Энтесопатия надколенников. Погребение мужское. Длина тела 165-171 см.

Могила 36. Детское погребение. Погребение совершено в вытянутом положении, головой на юго-запад. Возраст погребенного 6-7 лет.

Могила 37. Детское погребение. Погребение частично разрушено. Погребение совершено в вытянутом положении на правом боку, головой на юго-запад. Возраст погребенного 2,5-3 года.

Могила 38. Погребение совершено в вытянутом положении, головой на северо-восток. Кости левой ноги согнуты в тазобедренном и коленном суставах. Череп массивный, разрушен. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижняя челюсть грацильная. Возраст погребенного 25-30 лет. Адентия третьих моляров. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен умеренно. Шероховатая линия на бедренных костях выражена хорошо. Погребение женское. Длина тела 163-173 см.

Могила 39. *Погребение 1* совершено в вытянутом положении, головой на северо-восток. Берцовые кости и кости стоп не прослежены. Череп массивный. Верхний глазничный край острый. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Сосцевидные отростки 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубов соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть треугольная, массивная. Зубы 15, 25 – утеряны при жизни, лунки заросли. Кости посткраниального скелета грацильные. Мышечный рельеф костей рук и ног развит умеренно. На позвонках поясничного отдела отмечены проявления спондилоза. Погребение женское. Длина тела 155-162 см.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении, головой на северо-восток. Кости ног не прослежены. Череп массивный, брахикранный, по форме – сфеноид. Надпереносье 3 балла. Сосцевидные отростки 4 балла. Передненосовая ость 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие овально-ромбическое. Возраст погребенного 30-35 лет. Верхний глазничный край округлый. Зубы 16, 17, 26, 27 – утеряны при жизни, лунки заросли. Отмечен второй 13 зуб, зафиксирован его рост через небную поверхность. Кости посткраниального скелета массивные, с хорошо развитым рельефом костей рук и ног. Погребение мужское. Длина тела 173-177 см.

Могила 40. Погребение практически полностью разрушено и прослежено

по костям таза и костям ног. Погребение совершено в вытянутом положении, головой на юго-запад. Погребение детское.

Могила 41. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Правая рука погребенного была вытянута вдоль туловища, левая рука была слегка согнута в локтевом суставе. Череп грацильный, долихокранный, овоид. Верхний глазничный край острый, надбровье 0,5 баллов. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Грушевидное отверстие лункообразное. Передненосовая ость 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть округлая, грацильная. Адентия третьих моляров. Возраст погребенного 18-19 лет. Кости посткраниального скелета грацильные. Эпифизы не срослись. Мышечный рельеф костей рук и ног выражен слабо. Погребение женское.

Получены также кости детского погребения, которые соотносятся с возрастом 6 лет. На черепе отмечена os lambdae.

***

Были обработаны краниологический материал и кости посткраниальных скелетов 48 погребенных из 41 могилы. Среди них достоверно мужчин – 12, женщин – 19, детей – 15, подростков – 2. Средний возраст захороненных в представленной выборке составил для мужчин – 26,3, женщин – 25,8, детей – 2,7 лет.

Среди форм черепов нами отмечены: овоидные (7 женских, 2 мужских), ромбоидные (1 женский), бурзоидные (1 мужской), сфеноидные (3 женских, 4 мужских). По черепному указателю материал выглядит следующим образом: брахикранные – 8 (4 мужских, 4 женских), мезокранные – 5 (2 мужских, 3 женских), долихокранные – 6 (1 мужской, 5 женских). Почти на трети черепов из погребений отмечены добавочные кости на черепе.

Мужские черепа были массивными, с хорошо выраженным рельефом и профилировками, в основной массе мезогнатные, с хорошо выраженным наклоном лобных костей. Орбиты низкие, средние и высокие. Средний балл развития надбровья для мужской серии составил 2,6, сосцевидных отростков – 3,3. Грушевидные отверстия на мужских черепах преимущественно были лункообразными. По носовому указателю мужские черепа в основном лепторинные. Средний балл развития передненосовой ости 2,6 балла. Хороший наружный рельеф затылочной кости часто сочетался с хорошо выраженным затылочным бугром. Формы затылочных отверстий овальные (4) и ромбические (1). Практически все альвеолярные части параболические (параллельных – 2). Нижние челюсти в равной степени квадратные и треугольные. Добавочные кости на черепе отмечены у 3 индивидуумов.

Женские черепа более грацильные, с хорошо выраженной профилировкой, мезогнатные, со средним и крутым лобным углом. Средний балл развития сосцевидных отростков составил 2,2, надпереносья – 0,7. Орбиты высокие и средние. Нижний край грушевидного отверстия преимущественно был в виде лунки и желобков. По носовому указателю женские черепа в основной

массе средние и широкие. Средний балл развития передненосовой ости 2,2 балла. Наружный рельеф затылочной кости преимущественно выражен средне. Формы затылочных отверстий овальные (5) и ромбические (4). Альвеолярные части преимущественно параболические, в единственном случае – параллельная. Нижние челюсти в основном треугольные – 10, отмечены также квадратные – 4 и округлые – 2. Случаи массивных женских черепов (6) сочетались с общей массивностью посткраниального скелета. Добавочные кости отмечены на 6 черепах.

Половой диморфизм на посткраниальных скелетах внутри представленной выборки выражен достаточно хорошо.

Посткраниальные скелеты мужчин характеризовались средними длинами костей рук и ног. Хорошо выраженный мышечный рельеф костей рук, как правило, совпадал с хорошо выраженным рельефом костей ног (за редким исключением в пользу хорошо выраженного рельефа костей ног). Шероховатая линия на бедренных костях, как правило, выражена хорошо. Рост погребенных мужчин составил в среднем 165-172 см.

Посткраниальные скелеты женщин в целом грацильные и характеризовались средними значениями длин. Общее развитие скелета верхних конечностей совпадает с общим развитием костей нижнего отдела, в нескольких случаях рельеф костей рук был выражен лучше, что может говорить об определенной специфике выполняемой работы. Шероховатая линия на бедренных костях, в основном, выражена среде. Рост погребенных женщин составил в среднем 152-162 см.

Среди выявленных патологических изменений наиболее высок процент зубочелюстных патологий (44,6%), они отмечены почти в равной степени на мужских и женских костяках.

Патологии позвоночника были зафиксированы на 7 костяках (мужских – 3, женских – 4). Учитывая возраст погребенных с патологиями позвоночника, можно предположить, что развитие этих изменений вызвано чрезмерными нагрузками на позвоночник в молодом возрасте. В подтверждение данного предположения можно отнести случаи патологий крупных суставов конечностей в молодом возрасте.

Почти все отмеченные случаи проявления энтесопатии были зафиксированы на надколенниках. Данные изменения могли быть вызваны как чрезмерными нагрузками на определенные группы мышц, так и спецификой трудовой деятельности, когда индивидуум находится в вынужденном положении продолжительное время.

Следует отметить низкую степень травматизма в данной выборке (2 случая). На черепе, полученном из заполнения могилы 19, нами зафиксировано разрушение свода. Травма была нанесена рубящим оружием, предположительно небольшим топориком с длиной лезвия 7 см и шириной 1 см. Один из ударов пришелся на область метопического шва и вызвал сквозное разрушение с вторичными трещинами костей черепа. Второй удар был нанесен в область левой теменной и височной костей и также вызвал сквозное разрушение с вторичными трещинами костей

черепа. Любой из ударов, несомненно, являлся смертельным. Размеры и геометрия разрушений говорят о том, что оба удара наносились одним и тем же орудием.

Представляет интерес травма, выявленная у погребенного из могилы 16. Зафиксированы синостоз ребер левой половины со смещением и изменение геометрии костной ткани на левой лопатке. Данная патология развилась в результате травмы. Вероятно, имело место падение с некоторой высоты, что и повлекло за собой переломы. Срастание ребер проходило со смещением, чем и вызван данный синостоз. Изменение костной ткани левой лопатки также явилось следствием данной травмы.

На костяке из могилы 24 на большеберцовых и малоберцовых костях зафиксированы проявления периостита в сочетании с общим огрублением, что может быть следствием неудачного использования стремени.

Незначительное количество (10,4%) таких маркеров эпизодического стресса, как cribra orbitalia и эмалевая гипоплазия [5, с. 80], может говорить в пользу общего благополучия в популяции. Реже указанные индикаторы стресса выявлены у мужской части населения.

У 2 индивидов (1 мужчина, 1 женщина) был выявлен поротический гиперостоз разной степени выраженности на лобных костях. Этиология поротического гиперостоза на сегодняшний день весьма неоднозначна. К наиболее вероятным причинам его возникновения относят хронические инфекции и анемические состояния, которые могут служить причиной возникновения этих своеобразных реакций костной ткани [4, с. 63, 188].

Генетически наследуемый материал среди женщин выявлялся вдвое чаще, чем у мужчин (следует учитывать преобладание женщин в исследуемой выборке), в ряде случаев эпигенетические маркеры были сочетанные.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество детских погребений. С учетом юношеской когорты, мы имеем соотношение одна женщина – один ребенок.

В заключение хотелось бы выразить надежду на продолжение раскопок данного памятника, что позволило бы существенно дополнить сделанные выводы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1979.
3. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
4. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М., 2005.
5. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
6. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989.

7. Пашковская В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
8. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.; Л., 1965.
9. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
10. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago, Illinois, 1987.
11. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. 1994. № 44.

Радочин В. Ю.

Палеоантропологічний матеріал з могильника пізньосередньовічного Боспора

Резюме

У 2006 р. експедиція Кримського відділення Інституту сходознавства НАНУ під керівництвом О.І. Айбабіна провела охоронні археологічні розкопки в Кооперативному провулку м. Керчі. Під час розкопок горизонту другого будівельного періоду міста було виявлено некрополь, де було досліджено 41 могилу, поховання в яких датуються другою половиною XVI – першою половиною XVIII ст.

Поховання здійснені переважно у витягнутому положенні на спині (91%). У чотирьох випадках зафіксовано положення кістяка на правому боці. На дні 13 могил досліджено залишки дерева і цвяхи від трун.

Були оброблени краніологічний матеріал і кістки посткраніального скелету 48 похованих. Серед них достовірно чоловіків – 12, жінок – 19, дітей – 15, підлітків – 2. Середній вік похованих складає для чоловіків – 26,3, жінок – 25,8, дітей – 2,7 років. Статевий диморфізм усередині представленої вибірки виражений досить добре.

Серед виявлених патологічних змін найбільший відсоток зубощелепних патологій (44,6%), зрідка відмічені патології опорно-рухового апарату. Представлена вибірка характеризується низьким ступенем травматизму. Характер патологічних змін на хребті та в крупних суглобах скелета, а також молодий вік похованих можуть говорити про значні фізичні навантаження на молодий організм. Незначна кількість (10,4%) таких маркерів епізодичного стресу, як cribra orbitalia, емалева гіпоплазія, поротичний гиперостоз, свідчить на користь загального благополуччя в популяції. Рідше вказані індикатори стресу виявлені у чоловічої частини населення.

Радочин В. Ю.

Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора

Резюме

В 2006 г. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ под руководством А.И. Айбабина провела охранные археологические раскопки в Кооперативном переулке г. Керчи. Во время раскопок горизонта второго строительного периода

был выявлен городской некрополь и исследована 41 могила. Погребения датируются второй половиной XVI – первой половиной XVIII вв.

Захоронения совершены преимущественно в вытянутом положении на спине (91%). В четырех случаях зафиксировано положение костяка на правом боку. Во время зачистки на дне 13 могил прослежены остатки дерева и гвозди от гробов.

Были обработаны краниологический материал и кости посткраниальных скелетов 48 погребенных. Среди них достоверно мужчин – 12, женщин – 19, детей – 15, подростков – 2. Средний возраст захороненных составил для мужчин – 26,3, женщин – 25,8, детей – 2,7 лет. Половой диморфизм внутри представленной выборки выражен достаточно хорошо.

Среди выявленных патологических изменений наиболее высок процент зубочелюстных патологий (44,6%), реже отмечены патологии опорно-двигательного аппарата. Представленная выборка характеризуется низкой степенью травматизма. Характер патологических изменений на позвоночнике и в крупных суставах скелета, а также молодой возраст погребенных могут говорить о значительных физических нагрузках на молодой организм.

Незначительное количество (10,4%) таких маркеров эпизодического стресса, как cribra orbitalia, эмалевая гипоплазия, поротический гиперостоз, свидетельствует в пользу общего благополучия в популяции. Реже указанные индикаторы стресса выявлены у мужской части населения.

Radochin V. Yu.

Pale-anthropological Material from the Cemetery of Late Medieval Bosporus

Summary

In August – October 2006 the expedition of the Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of National Academy of Sciences of Ukraine headed by A.I. Aibabin undertook rescue archaeological excavations in Kooperative Lane in Kerch. During the excavation of the horizon of the second building period a city necropolis was discovered and 41 graves were researched. The burials are dated back to the second half of the 16th - the first half of the 18th centuries. The burials were accomplished mainly in a stretched back posture (91%). In four cases the position of the skeleton is on the right side of the body. During clearing on the bottom of 13 graves residues of wood and nails from coffins were traced. Craniological material and bones of postcranial skeleton of 48 buried were processed; among them: males – 12, females – 19, children – 15, juvenile – 2. Average age of the buried in this group is for males – 26.3, for females – 25.8, for children – 2.7. Sexual dimorphism according to the data of craniology and post-cranial skeletons within this selection is expressed rather well. Among revealed pathological changes the highest percentage belongs to maxillary pathologies (44.6%), locomotor apparatus pathologies less numerous. This selection group is characterized by a low degree of traumatism. The character of pathological changes on vertebral column and on large joints of a skeleton and young age of the buried testifies to substantial physical load on young organism.

Insignificant quantities (10.4%) of such markers of episodic stress as cribra orbitalia, enamel hypoplasia, porotic hyperostosis, testify in favour of wellbeing in population. The above mentioned indicators were revealed among males less often.

Приложения

Таблица 1. Индивидуальные краниометрические измерения

Признаки	*Номера погребений*												
	М1-1	М1-2	3	5	6	7	8	14	15	16	17	19 зап	19
1 продольный диаметр	183		184	186	181	186		180	182	183	176		175
8 поперечный диаметр	131		131	150	135	143		140	135	135	154		139
9 наименьшая ширина лба	95		93	96		99		104	94	98	101	93	99
10 наибольшая ширина лба	113		115	126		130		128	119	119	126		120
11 ширина основания черепа	91		89	97				103		100			103
5 длина основания черепа	101			93						97			98
16 ширина затылочного отверстия	26			29						35			26
7 длина затылочного отверстия	34			37						36			33
12 ширина затылка	104		101	114	112	102		115		108			104
17 высотный диаметр	121			135						136			131
20 ушная высота	123		123	135	126	126		131		106	133		127
29 лобная хорда	110		108	117	113	121		111	109	117	114	104	103
30 теменная хорда	110		113	121	115	110		111	113	98	109	118	106
31 затылочная хорда	97			96	93	96		93		117	95		101
26 лобная дуга	121		120	140	130	140		130	120	135	125	120	125
27 теменная дуга	125		130	140	135	125		130	120	115	125	135	125
28 затылочная дуга	120			115	120	120		110		129	115		125
45 скуловой диаметр	121			120						96			131
40 длина основания лица	96			77						65			82
48 верхняя высота лица	75		73	62						108			67
47 полная высота лица	125		117	106						91			
46 средняя ширина лица	99			76						55			92
60 длина альв. дуги	62	41	53	47	49	53	56	54	55	58	52		52
61 ширина альв. дуги	60	62		62	61	67	53	60	61	35	65		61
63 ширина неба	39	37		35	34	40	32	37	35	50	37		38
55 высота носа	56		56	46						41			46
54 ширина носа	25		28	23	24					25			25
51 ширина орбиты	41		37	36						30			38
52 высота орбиты	36		34	33						26			36

50 максилофронтальная ширина	24		26	23	26					49			29
62 длина неба	51	43	48	35	46	48		47		109	53		46
68 длина нижней челюсти от углов	119		105	90	97		97	100		50	106	96	
70(a) высота ветви нижней челюсти	56		60	43			60	54	54	32	51	40	
69(c) медиальная высота	32			29	28	39	29	37	33	87	35	26	
66 угловая ширина	86			78	80		118	92		114	101	76	
65 мыщелковая ширина	111			113			98	129		32	121	95	
71 ширина ветви	33		31	30	34		31	33	34	27	32	31	
69-1 высота тела P2-M1	22		31	28	26	34	29		27	24	29	22	
69-2 высота тела M1-M2	27		32	27	23	33	27		20	118	27	21	
79 угол ветви ниж. челюсти	127		109	125			113	116	112		119	121	
гл. клыковой ямки	4	3	5		4	6	2		2	4		5	

Признаки	*Номера погребений*												
	20	22	24	28	29	31	32	34	35	38	39-1	39-2	41
1 продольный диаметр	167	171	166			168	172	169	185		175		169
8 поперечный диаметр	141	133	152		139	131	145	144	149		149		126
9 наименьшая ширина лба	94		102			90	104	98	106		101		88
10 наибольшая ширина лба	121	118	133			108	125	117	129		126		104
11 ширина основания черепа	97		114			104	111	110	115		102		93
5 длина основания черепа	91		101			100		101	105		107		93
16 ширина затылочного отверстия	27		30			26		30	33		32		27
7 длина затылочного отверстия	36		37			34		34	36		40		34
12 ширина затылка	103		120			107	124	114	116		109		105
17 высотный диаметр	123		134			130		131	130		131		124
20 ушная высота	127	104	133			125	135	128	133		107		125
29 лобная хорда	107	118	114			102	116	106	112		109		107
30 теменная хорда	101		105			110	108	100	107		95		107
31 затылочная хорда	91	120	94		103	90		93	95		120		88
26 лобная дуга	123	135	125			120	130	120	125		125		120
27 теменная дуга	115		110			130	125	115	123		115		117

28 затылочная дуга	120		113		125	110		110	115		136		110
45 скуловой диаметр	125		141			119	135	132	136		89		110
40 длина основания лица	83		94			87		87	95		65		82
48 верхняя высота лица	63		74			64	78	66	74				63
47 полная высота лица	96		121				123		117		96		103
46 средняя ширина лица	93		97			84	123	92	100		51		91
60 длина альв. дуги	51		54			53	57	52	56		60	56	47
61 ширина альв дуги	51		53			59	66	63	65		35	63	55
63 ширина неба	37		33			38	41	42	37		51	37	32
55 высота носа	49		56			48	55	51	59		42		48
54 ширина носа	25		24			26	28	24	28		24		19
51 ширина орбиты	36		42			40	41	38	41		32		37
52 высота орбиты	30		36			33	35	30	33		25		31
50 максилофронталь-ная ширина	25		25			26	29	26	27		50		18
62 длина неба	43		46			42	52	43	46			45	42
68 длина нижней челюсти от углов	97	96	102	54	100	97	110		114	60		108	93
70(a) высота ветви нижней челюсти	46	40	58	32	53	45	46		55			54	38
69(c) медиальная высота		26	31	89	32	24	37	29	29			30	28
66 угловая ширина	84	76	95		83	83	92		95			96	85
65 мыщелковая ширина	115	95	132	33	116	115	122		127	333		116	96
71 ширина ветви	29	31	30	32	30	31	40	28	33	32		31	28
69-1 высота тела P2-M1		22		33	28		33	30	31	31			23
69-2 высота тела M1-M2		21		123	27		28	27	30	121			19
79 угол ветви ниж. челюсти	120	121	112		119	120	122		112			128	117
гл. клыковой ямки									5		4		3

Таблица 2. Остеометрические признаки длинных костей скелета

Признак по Мартину	*Мужчины*		*Женщины*	
	правая	*левая*	*правая*	*левая*
ключица				
1	148,7(10)	147(10)	132,3(9)	131,8(9)
6	40,7(9)	41,1(9)	34,9(10)	35,1(9)
6:1	27,2(9)	27,7(9)	25,6(9)	26,6(8)

плечевая				
1	328,6(8)	321(8)	303(8)	294,4(10)
5	25,3(9)	24,2(10)	21,9(13)	21,3(12)
6	20,5(9)	21,1(10)	29,2(14)	30,2(13)
7	67,1(9)	68,2(10)	59,2(14)	60,4(15)
4	65,4(9)	65,5(10)	55,9(12)	56,7(12)
10	48,1(8)	47,4(7)	42,1(14)	40,9(13)
7:1	20,4(8)	21,0(8)	19,8(9)	19,9(11)
6:5	81,0(8)	83,5(10)	83,4(14)	85,0(13)
локтевая				
1	262,1(8)	251,2(11)	249,7(8)	250,2(9)
2	231,8(8)	230,2(11)	223(9)	222(9)
3	39,7(10)	39,8(11)	37,3(10)	36,2(10)
11	14,4(10)	13,7(11)	12,3(14)	12,4(12)
12	17,4(10)	16,2(11)	15,6(13)	15,2(12)
13	28,1(9)	27,4(11)	23,3(14)	22,9(12)
14	39,9(9)	37,9(11)	34,5(14)	33(12)
3:2	17,2(8)	15,1(11)	16,9(9)	17,1(9)
11:12	83,0(10)	77,4,7(11)	78,6(14)	81,0(13)
13:14	71,9(9)	72,2(11)	74,3(13)	71,7(12)
лучевая				
1	240,3(9)	242,1(8)	226(12)	233,5(10)
2	231,6(9)	234,2(8)	218,9(11)	223,5(10)
3	40,3(10)	39,4(9)	38,3(14)	38,0(11)
4	17(9)	16,8(8)	15,6(14)	15,3(12)
5	12,6(8)	12,7(7)	12,1(13)	11,5(10)
5:4	72,2(8)	73,6(7)	70,6(13)	72,0(10)
3:2	17,2(9)	16,6(8)	17,1(10)	17,4(9)
бедренная				
2	441,2(8)	440(8)	388(11)	394,1(11)
21	84(9)	83,7(9)	74,4(11)	75,2(14)
6	29,7(10)	29,8(10)	25,1(13)	25,6(13)
7	29,6(10)	29,7(10)	25,4(15)	26,2(15)
8	90(10)	88(10)	81,8(13)	82,6(13)
9	35,4(10)	34,7(9)	32,5(14)	33,0(14)
10	26,7(10)	25,9(10)	23,7(14)	23,9(14)
13	100,8(10)	101,7(10)	88,9(12)	90,6(12)
15	34,7(10)	33,8(10)	29,6(13)	29,8(13)
18	48,9(10)	49,9(10)	43,2(15)	43,6(15)
29	132,4(9)	130,1(9)	135,4(10)	136,5(10)
8:2	20,2(8)	20(8)	22,5(11)	21,5(11)
6:7	98,9(10)	98,9(10)	97,3(13)	99,1(13)
10:9	71,8(10)	74,6(10)	74,4(14)	74,5(14)
большеберцовая				
1	370,6(9)	372(10)	350,1(10)	343,6(9)

3	72,6(8)	77,7(9)	71,3(12)	70,5(12)
9a	25,3(8)	25,7(9)	23,5(12)	22,7(12)
10b	82,2(8)	82,7(9)	73,8(12)	73,8(12)
10b:1	22,0(8)	22,2(9)	20,9(8)	21,1(7)
надколенник				
1	45,6(5)	43,3(5)	42(7)	40,1(6)
2	46,6(5)	46,6(5)	42,7(7)	41,5(6)
1:2	97,9(5)	92,9(5)	96,0(7)	96,8(6)
малоберцовая				
1	356,6(8)	355,1(9)	340,7(7)	338(13)
2	15,4(9)	14,8(10)	15,3(13)	14,7(13)
3	13,2(9)	13,2(10)	10,9(13)	10,2(13)
4(a)	41,6(9)	42,1(10)	37,2(13)	36,6(13)
3:2	85,5(9)	89,1(10)	72,7(13)	69,3(13)

Таблица 3. Патологические и эпигенетические изменения

Патологии	*Мужчины*	*Женщины*	*Подростки*	*Дети*
Прижизненная утрата зубов	3	6	–	–
Эмалевая гипоплазия	1	1	–	–
Зубной камень	2	1	–	–
Адентия	2	3	–	–
Краудинг	1	–	–	–
Гиперодонтия	1	1	–	–
Кариес	–	3	–	–
Остеомиелит	–	1	–	–
Поротический гиперостоз	1	1	–	–
Метопизм	1	–	–	–
Cribra orbitalia	–	1	–	2
Дегенеративные изменения на нижней челюсти	–	1	–	–
Добавочные кости на черепе	3	6	1	2
Асимметрия черепа	–	2	–	–
Остеома	–	1	–	–
Синостоз	1	–	–	–
Остеосаркома	1	–	–	–
Остеоартрит	–	1	–	–
Артроз	2	2	–	–
Спондилоз	3	4	–	–
Межмыщелковые отверстия	–	1	–	–
Энтесопатия	3	4	–	–
Периостит	1	–	–	–
Травма	1	1	–	–

НУМИЗМАТИКА

СИДОРЕНКО В.А., ШОНОВ И.В.

К ТИПОЛОГИИ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ АНТИЧНОЙ ФЕОДОСИИ

В 1853 году в одном из семи курганов, раскопанном князем Сибирским вблизи Феодосии, среди инвентаря женского погребения были найдены две монеты, одна из которых – серебряная монета Феодосии. Как отмечалось во Всеподданнейшем отчете об археологических розысканиях: «На лицевой стороне ея представлена мужская голова в шлеме, обращенная влево; на обороте – бычачья голова впрямь, украшенная священными повязками; кругом, с трех сторон, надпись: ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ» [1, с. 125]. В настоящее время эта монета [2, с. 275, № 1; 3, с. 5, № 13, табл. IV, *13*; 4, с.72, № 50; 5, табл. XXIX, 1; 6, № 74; 7, с. 45, рис. 8, *3*] находится в собрании Государственного Эрмитажа. До этой находки были известны только медные монеты Феодосии с надписью ΘΕΥ. В этой связи по поводу надписи на серебряной монете автор раздела Всеподданнейшего отчета писал следующее: «Слово ΘΕΟΔΕΩ есть, без сомнения, имя какого-нибудь сановника, архонта или астинома, управлявшего Феодосиею. Его нельзя принять за имя самого города, потому что на всех феодосийских монетах стоит древнейшая форма: ΘΕΥ[ΔΟΣΙΑ]» [1, с. 125]. Грамматическая форма написания названия города Θευδοσία употреблена Гарпократом. В эпиграфических памятниках для времени Левкона I (390-350 гг. до н.э.) и Перисада I (345-310 гг. до н.э.) характерны обе формы ионийского диалекта: Θεοδοσίη [Левкон – КБН 6; 8; 1111; Перисад – КБН 1039] и Θευδοσίη [Левкон – КБН 1037; Перисад – КБН 10; 11; 25; 971; 972; 1014; 1015; 1040; 1042]. Временем Левкона I датируется надпись на надгробии феодосийца – Θευδοσιεύς [КБН 231]. Для конца IV в. до н.э. – второго десятилетия I в. н.э. мы не располагаем упоминаниями Феодосии в эпиграфических текстах, при Аспурге (14/5-37/8 гг.) употреблено написание Θευδοσίη [КБН 40], при нем же под 23/4 г. и далее до конца III в. н.э. встречается только Θεοδοσία [КБН 36; 39; 64; 1130]. После обнаружения монет Феодосии с надписью ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ к вопросу о переименованиях города обращался Б.В. Кене. По его мнению,

в надписи отразилось первоначальное негреческое название города Θεοδέα или Θεοδεία, измененное Левконом I после захвата им Феодосии [2, с. 276].

По форме написания имени города в письменных источниках с эпохи Спартокидов демотикон должен был быть Θεοδοσίτων или Θευδοσίτων (теодоситов). Схолиаст Демосфена сообщал, что Феодосия получила название по имени сестры или жены Левкона [Scholast ad. Dem. XX, 33]. В.Д. Блаватский отмечал, что источник не упоминал об изменении названия Феодосии, там же речь шла о сестре или жене ктиста, само же совмещение объяснения именования города с Левконом порождено «досужими домыслами поздних комментаторов». В.Д. Блаватский обращал внимание на применение Стефаном Византийским по отношению к гражданину Феодосии этнонима θεοδέυς, производного от бытовавшей сокращенной, по его мнению, формы названия города – Θεοδέα [8, с. 24-26].

Более основательно спор о переименованиях Феодосии развернулся после находки нового типа серебряной монеты с надписью ΘΕΟΔΕΟ[Σ], последняя буква которой не оттиснулась на ней [3, табл. IV, *14*; 4, с. 72, № 53; 5, табл. XXXIX, *2*; 9, табл. II, *21*; 6, № 64; 1999, с. 45, рис. 8, *1*; 10, № 1]. Попытки интерпретации этой надписи в ее неполном чтении [11, с. 26; 12, с. 147-148; 13, с. 123] не могли иметь успеха, в то время как уже на экземпляре подобной монеты, найденном при раскопках Мирмекия, можно было увидеть край сигмы [14, с. 265, рис. 1]. После появления экземпляров монет младшего серебряного номинала серии с полно отчеканившейся надписью Θεοδέος [10, № 2] к вопросу о переименовании Феодосии обращалась Э.Б. Петрова, рассматривавшая формы ΘΕΟΔΕΟΣ и ΘΕΟΔΕΩ как производные от мужского имени, принадлежавшего, возможно, ктисту, героизированному основателю полиса [15, с. 49-50; 16, с. 51-52]. Ранее близкое суждение высказывалось В.Ф. Столбой [12, с. 147-148]. Признаки мужского рода можно заметить в одном из слов, если предположить, что ΘΕΟΔΕΟΣ относится к дорийскому диалекту, представляя родительный падеж мужского рода на -εος, который встречается как на Боспоре [КБН 9; 10; 971; 972; 1039; 1040; 1042], так, в частности, и в херсонесской эпиграфике [17, I, 30; II, 155, 163]. В подобном случае Nom. Sing. могло бы быть мужским именем Θεόδης, но вероятность этого наталкивается на отсутствие подобного личного имени в числе известных греческих имен [18, p. 155].

Остается рассматривать Θεοδέος как Gen. Sing. (III скл.) от Θεοδέα, воспроизводимой в той же форме по упоминаемому Стефаном Византийским этникону θεοδέυς . Представляется возможным поддержать дополнительным обоснованием мнение Б.В. Кене об изначальном наименовании Феодосии Теодеей, скорректировав концепцию В.Д. Блаватского в отношении бытования несокращенного названия города, а полного, изначального – Θεοδέα, поскольку другая надпись ряда монетных выпусков – ΘΕΟΔΕΩ – представляет традиционный для античной нумизматики этникон Gen. Pl. Θεοδέω(ν) от того же Nom. Sing. Θεοδέα. Как очевидно, обе монетные надписи – и Θεοδέος , и Θεοδέω(ν) передают одно и

то же название города – Θεοδέα, различаясь в числе генетива. Наиболее существенно, что различие в числе склоняемого названия Θεοδέα (Θεοδέος – Теодеи, Θεοδέω(ν) – теодейцев) не дает оснований для построения относительной хронологии сопровождавшихся этими надписями выпусков.

Предлагаемая типология чеканки Теодеи-Феодосии включает 29 типов монет, составляющих 8 серий. При построении типологии монетной чеканки Феодосии В.А.Анохин располагал далеко неполным количеством монетных типов [6, №№ 64-66, 73-76, 82, <83>, 90, 137; 1999, с. 44, рис. 8, *1-6*, 20, *5*,], что, несомненно. создавало определенные трудности в выделении отдельных серий выпусков. Между тем, его датировки монетных типов представляются весьма существенными для корректировки типологии, в целом, не опровергающей достигнутых ранее убедительных отправных позиций.

1-я серия 410-405 гг. до н.э.
– ΘΕΟΔΕΩ – гемидрахма, обол, тетартеморий.

1. Серебро. Гемидрахма (Финикийск. сист. – 1,60-1,74 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме вправо.
Об. ст.: В поле вдавленного квадрата букраний, по сторонам и над ним ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 11-13,5 мм; 1,62 г; частная коллекция. **Табл. I, *1*.**
2) 10 мм; 1,53 г; частная коллекция [19, с. 327, рис. 1, *2*]; **Табл. I, *2*.**
3) 11-13 мм; 1,47 г; частная коллекция [19, с. 327, рис. 1, 3]; **Табл. I, *3*.**

2. Серебро. Обол (Финикийск. сист. – 0,53-0,58 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме вправо.
Об. ст.: В поле вдавленного квадрата букраний, по сторонам и над ним ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 6-7 мм; 0,31 г; частная коллекция; **Табл. I, *4*.**
2) 5 мм; 0,25 г; ГИМ, № 6714 [20, табл. XVIII, 2 (как медная); 6, № 65; 10, № 8];

3. Серебро. Тетартеморий (Финикийск. сист. – 0,13-0,14 г).
Лиц. ст.: Букраний.
Об. ст.: В поле вдавленного квадрата муравей.
1) 4,5 мм; 0,10 г; ГЭ № 72/26425 [6, № 66].

Д.Б. Шелов отмечал, что изображение на феодосийских монетах головы Афины указывает на определенное воздействие афинской монетной типологии, обращая внимание на свидетельство Э.Р. Штерна о преобладании аттической керамики среди находок из Феодосии конца V – начала IV вв. до н.э. «Можно думать, – заключал он, – что Феодосия в это время входила в орбиту влияния Афин» [9, с. 41]. В неполно сохранившемся списке афинских форосцев Фракийского податного округа за 425/4 г. до н.э. [21, fr. 38-40] нет Феодосии, но

наличие в нем восстанавливаемых по начальным буквам относительно небольших северопричерноморских городов позволяет ряду исследователей предполагать, что Феодосия, имя которой могло находиться в несохранившейся части текста, также входила в Афинский морской союз. По мнению В.А.Анохина, основательно ревизовавшего расплывчатые датировки событий ранней истории Боспора, во время экспедиции Перикла, около 437 г. до н.э., из находившегося во владении афинян Нимфея в Феодосию переселяются нашедшие здесь временное пристанище изгнанники из Самоса [7, с. 31], что подразумевает неучастие в это время Феодосии в Афинском морском союзе. Можно предположить, что Феодосия позже других городов вошла в него, незадолго до поражения Афин в Пелопонесской войне и развала этого союза. Возможно, второе переселение «саммеотов» в Нимфей было побуждено изгнанием их из вступившей в Афинский союз Феодосии, а передача самосским тиранам Нимфея и расценивалась Афинами как измена Гилона. В.А.Анохин датирует второе переселение самосцев в Нимфей 405 г. до н.э., но связываемое с этим событием вхождение Феодосии в Афинский морской союз едва ли могло состояться в ближайшее время – менее чем за год до его распада. Ситуация, сложившаяся вокруг Нимфея, подсказывает, что события с прибытием Гилона в Афины, возвращением на Боспор, где он получает в дар от тиранов Кепы и женится на богатой местной аристократке [22, с. 90-115], могли начинаться не позднее 407 г. до н.э. Можно предполагать, что Феодосия вступает в Афинский морской союз не ранее 410 г. до н.э. накануне его заката и тогда же осуществляет чеканку первой монетной серии из не менее трех серебряных номиналов, в оформлении лицевых сторон которых (кроме тетартемория) отчетливо отражено влияние афинской монетной типологии.

Оборотную сторону старших номиналов монет первой серии занимает поле вдавленного квадрата с расположенным в нем мотивом букрания, ставшим впоследствии «говорящим типом» городской чеканки Феодосии. На монете младшего номинала – анэпиграфном тетартемории, причислявшемся к выпускам Феодосии еще Х.Х.Гилем [23, S. 20, Taf. III, *4*] и до недавнего времени являвшемся единственным известным в выделяемой серии типом, лицевую сторону занимает изображение муравья, а букраний помещается на оборотной. Поле вдавленного квадрата на оборотной стороне хорошо различимо на экземпляре из Эрмитажа № 72/26425 [6, № 66] вопреки высказывавшимся на этот счет возражениям Н.А. Фроловой [24, с. 309]. В силу того, что в одной из последующих серий монетных выпусков Феодосии обнаруживается тетартемориев с теми же монетными типами, поменявшимися местами на лицевой и оборотной сторонах (№ 9), не могут быть определенно атрибутированы еще 4 эрмитажных экземпляра тетартемориев с изображениями муравья и букрания, не несущие на себе признаков соотнесения изображений со сторонами: 1) ГЭ № 75/26428 (5 мм; 0,08 г); 2) ГЭ № 74/26427 (4 мм; 0,09 г); 3) ГЭ № 73/26426 (5 мм; 0,12 г); 4) ГЭ № 71/26424 (4,5 мм; 0,12 г). Существенно, что вес двух из этих монет сохранился близким к

первоначальному и составляет 0,12 г, что с учетом естественных потерь приближается к весовым нормам тетартемория финикийской системы (0,13-0,14 г).

Публикуя найденную в Ольвии копию афинского декрета о мерах и весах членов морского союза, П.О.Карышковский, очевидно, ошибался, отмечая, что этот декрет способствовал введению в зависимых от Афин городах аттических монетной стопы, мер и весов [25]. Как представляется, предназначение декрета заключалось в нормировании соотношений различных монетных и весовых систем, распространенных в этих городах, и прямо свидетельствует о существовании этих различий. Начиная с А.Л.Бертье-Делагарда, бытовало мнение, что чеканка Феодосии осуществлялась по эгинской системе, что, впрочем, далеко от аттической, которую мог бы приписывать афинский декрет. Рассматривая весовую систему боспорских городов, Д.Б.Шелов отмечал несовпадение с номиналами Боспора феодосийских выпусков [9, с. 80, 85]. Но с появлением в числе найденных монет Феодосии более полновесных экземпляров, чем те, с которыми имел дело А.Л.Бертье-Делагард, возникает необходимость пересмотра сложившегося мнения. В первую очередь обращает на себя внимание вес серебряных монет в 3,30-3,50 г, которые могут быть только драхмами финикийской системы и не совпадают с весовыми нормами любых единиц в других системах. Как можно заметить из сравнения с приводимыми для серий теоретическими весами единиц, чеканка Феодосии с начальных выпусков была подчинена финикийской монетно-весовой системе, очевидно, заимствованной ею у своей метрополии Гераклеи.

2-я серия 405-400 гг. до н.э.

– ΘΕΟΔΕΟΣ – диобол, гемиобол, медная лепта.

4. Серебро. Диобол (Финикийск. сист. – 1,06-1,16 г).

Лиц. ст.: Голова бородатого мужчины в повязке вправо.

Об. ст.: В квадратном поле штемпеля голова быка вправо, надпись справа сверху вниз ΘΕΟΔΕΟΣ.

1) 13-14 мм; 1,24 г; частная коллекция [19, рис. 1, *1*; приводимый в публикации вес монеты уточнен после его проверки]; **Табл. I, *5*.**
2) 13 мм; 1,06 г; ГЭ, № 26339 [3, табл. IV, *14*; 26, с. 72, № 53; 5, табл. XXXIX, *2*; 9, табл. II, *21*; 6, № 64; 7, с. 45, рис. 8, *1*; 10, № 1];
3) 0,93 г, местонахождение неизвестно [26, с. 72, № 53];
4) 13-14 мм; вес? местонахождение неизвестно [14, с. 265, рис. 1]; **Табл. I, *6*.**

5-7) вес? частная коллекция. **Табл. I, *7-9*.**

5. Серебро. Гемиобол (Финикийск. сист. – 0,26-0,29 г).

Лиц. ст.: Голова бородатого мужчины в повязке вправо.

Об. ст.: В квадратном поле штемпеля голова быка в три четверти вправо, надпись вверху и справа ΘΕΟΔ–ΕΟΣ.

1) 6,5-7 мм; 0,23 г; частная коллекция [10, № 2]; **Табл. I, *10*.**
2) 6-6,5 мм; 0,19 г; частная коллекция; **Табл. I, *11*.**
3) 5,5-6 мм; 0,18 г; частная коллекция. **Табл. I, *12*.**

6. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ вправо.
Об. ст.: Семилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ο-Σ.
1) 9,5 мм; 1,14 г; частная коллекция. **Табл. I, *13*.**
2) 10 мм; 1,08 г; ГЭ, № 33565 [27, с. 149, табл. I, *9*];
3) 9-10,5 мм; 0,72 г; частная коллекция [10, № 3]. **Табл. I, *14*.**

Необычным для античной нумизматики является помещение в надписи ΘΕΟΔΕΟΣ не этникона, а названия города. В более позднее время отмечается размещение имен городов на монетах Гераклеи (Ἡρακ-λείᾳ[ς]) и Херсонеса (Χερσο-νήσου) [28, № 203], что может рассматриваться как явление, связанное с изменениями в характере чеканки и более конкретно – вхождением городов в военно-политические или экономические союзы, возможно, амфиктионии [30, с. 452].

Для диобола (№ 4) А.Н. Зограф отмечал, что «монета эта обнаруживает в фактуре сходство с монетами синдов и может вместе с ними принадлежать концу V в.» [5, с. 162]. По особенностям монетного типа, в котором характерным для оборотной стороны становится ограниченное квадратом поле с изображениями протом или головы животных и надписями ΘΕΟΔΕΟΣ, ΣΙΝΔΩΝ, с монетным типом Феодосии стилистически объединяется, по мнению О.Н. Мельникова, монета Гераклеи конца V – начала IV вв. до н.э. с изображениями головы Геракла в львином скальпе и головы быка [10, с. 210, № 17]. Можно отметить, что изображения головы Геракла в львином скальпе и на монетах Синдского царства и на привлекаемой О.Н. Мельниковым гераклейской монете стилистически схожи как между собой, так и с изображением Геракла на кизикине (3-я группа, по Х.Фритце – не позднее 410 г. до н.э.) [32, № 140]. Можно предполагать, что после распада Афинского морского союза, завершившегося поражением Афин в Пелопонесской войне 405/4 г. до н.э., Гераклея заключает симмахию с Феодосией и Синдским царством, в связи с чем осуществляется чеканка второй монетной серии Феодосии с помещением на монетах имени города как члена союза. В дальнейшем благодаря этой симмахии во время осад города Сатиром и Левконом он получает существенную помощь от Гераклеи [Polyaeni Strategem., V, 23; VI, 9], обязательств к которой не могли давать сами по себе отношения метрополии с полисом.

Вероятно, испытывавшиеся городом экономические трудности, оставшиеся в наследство от обременительного участия в Афинском морском союзе, побуждают к чеканке мелкого номинала в меди. Выбор типа как оборотной стороны для серебряных, так и лицевой – для медных номина-

лов, очевидно, определяется типом оборотной стороны гераклейских серебряных монет. Изображение головы бородатого мужчины в повязке вправо на лицевых сторонах серебряных монет, по справедливому замечанию Д.Б. Шелова, не поддается атрибутации, а изображение на оборотной стороне головы быка не дает оснований видеть на лицевой (вслед за А.Л. Бертье-Делагардом) голову Геракла [9, с. 40, прим. 2].

Особенностью серии является завышенный вес одной из монет по отношению к нормам финикийской системы (№ 4/1 – 1,24 г – превышает диобол на 0,08 г). Нельза исключать возможность чеканки этой серии по иным, отличающимся от финикийской, нормам, что может уточнить привлечение к весовым исследованиям большего числа монет, в том числе и существующих, вес которых остался нам неизвестен (№№ 4/4-7).

3-я серия 400-397 гг. до н.э.
– ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ – драхма, диобол, медная лепта.

7. Серебро. Драхма (Финикийск. сист. – 3,20-3,48 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме вправо.
Об. ст.: Букраний, по сторонам и над ним ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 15-17 мм; 3,30 г; частная коллекция; **Табл. I, *15*.**
2) 16 мм; 3,19 г; частная коллекция [19, с. 328, рис. 1, *5*].

8. Серебро. Диобол (Финикийск. сист. – 1,06-1,16 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме вправо.
Об. ст.: Букраний, по сторонам и над ним ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 1,09 г, частная коллекция [19, с. 328, рис. 1, *4*];
2) 9 мм; 1,01 г; частная коллекция; **Табл. I, *16*.**
3) 8-9 мм; 0,97 г; частная коллекция; **Табл. I, *17*.**
4) 9 мм; 0,92 г; частная коллекция [10, № 7].

9. Серебро. Тетартеморий (Финикийск. сист. – 0,13-0,14 г).
Лиц. ст.: Муравей.
Об. ст.: Букраний.
1) 5 мм; 0,115 г; частная коллекция; **Табл. I, *18*.**

10. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ вправо.
Об. ст.: Шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ω.

1) 9-10 мм; 0,93 г; частная коллекция; **Табл. I, *19*.**
2) 9-10 мм; 0,90 г; частная коллекция; **Табл. I, *20*.**
3) 9-10 мм; 0,87 г; частная коллекция. **Табл. I, *21*.**
4) вес? [29, p. 559].

11. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ вправо.
Об. ст.: Шестилучевая звезда, между лучами против хода часовой стрелки Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ω
1) 10 мм; 0,57 г; ГИМ, № 15058 [24, табл. I, 9];
2) 9 мм; 0,53 г, частная коллекция [6, № 76; 10, № 6/1];
3) 10-11 мм; вес? частная коллекция [10, № 6]; **Табл. I, *22*.**
4) 9 мм; вес? частная коллекция [19, рис. 1, *7*].

В 3-й серии монет Феодосии-Теодеи серебряные выпуски представлены почти абсолютно соответствующими нормам финикийской монетно-весовой системы драхмой, диоболом и тетартеморием. Их объединяют стилистическое сходство и впервые имеющееся на оборотных сторонах феодосийских монет вогнутое поле в форме круга. Анэпиграфный тетартеморий, в отличие от аналогичных монет первого выпуска, несет изображение букрания не на лицевой, а на оборотной стороне, наряду с чем типологическому и стилистическому сближению его со старшими номиналами серии способствует изображение крупных выпуклых глаз и прямых рогов букрания, какими они предстают на драхме и диоболе.

Первый тип медных монет отличается от типологически схожего второго этой же серии направлением (по ходу часовой стрелки) надписи между лучами звезды, слегка превосходящим его средним весом и размерами. Применительно к подобным, более легковесным медным монетам Феодосии В.А. Анохиным было выдвинуто предположение, что они представляли не лепту, как он считал ранее со знаком вопроса [6, № 76], а «тетартеморий, впервые в монетном деле Северного Причерноморья чеканенный в меди» [7, 45]. Согласиться с таким предположением не позволяют затяжной характер медной чеканки Феодосии, определяемый обилием типов, и выпуски параллельно мелкой разменной меди серебряных монет, которые никак не согласуются с представлениями об экстренных чеканках монет с принудительным курсом их обращения в обстоятельствах экономических трудностей и недостатка серебра. К тому же среди «заменителей» серебра в крайнем случае могла оказаться бронза (так называемые «монеты из олова», чеканенные тираном Сиракуз Дионисием в 404-368/7 гг. до н.э., из примеров Псевдо-Аристотеля [7, с. 50, прим. 1]), но меди неизвестно в практике.

4-я серия 397-395 гг. до н.э.
– ΘΕ-οΔ-ΕΩ – диобол, медная лепта.

12. Серебро. Диобол (Финикийск. сист. – 1,06-1,16 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме вправо.
Об. ст.: Букраний, по сторонам и над букранием ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 9-11 мм; 1,01 г; частная коллекция; **Табл. I, *23*.**

13. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ вправо.
Об. ст.: Шестилучевая звезда.
1) 9 мм; 0,47 г; частная коллекция; **Табл. I, *24*.**
2) 7,5-8,5 мм; 0,61 г; частная коллекция; **Табл. I, *25*.**
3) 9,0 мм; 0,58 г; частная коллекция; **Табл. I, *26*.**
4) 8-9 мм; 0,62 г; частная коллекция; **Табл. I, *27*.**
5) 8,5-9 мм; 0,71 г; частная коллекция; **Табл. I, *28*.**
6) 8,5-9 мм; 0,98 г; частная коллекция; **Табл. I, *29*.**
7) 9 мм; 0,47 г; частная коллекция; **Табл. I, *30*.**
8) 7,5-8 мм; 0,79 г; частная коллекция; **Табл. I, *31*.**
9) 10,0 мм; вес? частная коллекция; **Табл. I, *32*.**
10) 8 мм; вес? частная коллекция; **Табл. I, *33*.**
11) 10 мм; 0,57 г; ГИМ, № 15058 [24, табл. I, 9].

Третья и четвертая серии практически не различаются между собой в типах серебряных и медных выпусков. Тем не менее, в серебряной чеканке четвертой серии, представленной единственной известной монетой – диоболом, наблюдается качественное и художественное прогрессирование, получившее развитие в последующей серии. Сохраняя тип третьей серии с разворотом головы Афины вправо, диобол четвертой – несет в изображении букрания новый выдержанный стиль головы схожего с ланью изяществом черт быка с изогнутыми рогами. Приметой нового стиля является и шрифт надписи, заимствованный из лапидарного письма, где он бытует сравнительно недолгое время. Классический почерк с уменьшенными тетой и омегой и вовсе мелким омикроном так же быстро распространяется в античной эпиграфике, как и исчезает, возрождаясь затем в виде равноуменьшенных некоторых букв, включая омикрон. Отсутствие в это время четко датированных надписей не позволяет узко локализовать датировку этого шрифта, но в нумизматической периодизации как хронологически несовместимый с другими он должен занимать особое место. Медная чеканка в обеих группах сохраняет поворот головы быка вправо.

5-я серия 395-390 гг. до н.э.
– ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ – драхма, тригемиобол, обол, медная лепта.

14. Серебро. Драхма (Финикийск. сист. – 3,2-3,48 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме влево.
Об. ст.: Букраний, украшенный гирляндами, по сторонам и над букранием ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 15 мм; 2,99 г; частная коллекция; **Табл. I, *34*.**
2) 2,62 г; местонахождение неизвестно, ранее – Таврическая археологическая комиссия (26, с. 72, № 50);
3) 2,62 г; ГИМ, № 6717 [20, табл. XVIII, 1; 26, с. 72, № 50; 9, табл. II, *22*];
4) 14-16 мм; 2,51 г; частная коллекция; **Табл. I, *35*.**

5) 2,48 г; местонахождение неизвестно, ранее – кол. Терлецкого [26, с. 72, № 50];
6) 2,35 г; ГЭ, № 1/26338 [2, с. 275, № 1; 3, с. 5, № 13, табл. IV, *13*; 26, с.72, № 50; 5, табл. XXIX, 1; 6, № 74; 7, с. 45, рис. 8, *3*];
7-8) вес? частная коллекция. **Табл. I, *36-37*.**

15. Серебро. Тригемиобол (Финикийск. сист. – 0,80-0,87 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в шлеме влево.
Об. ст.: Букраний, украшенный гирляндами, по сторонам и над букранием ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.
1) 9-10 мм; 0,83 г; частная коллекция; **Табл. I, *38*.**
2) 9 мм; вес? частная коллекция; **Табл. I, *39*.**

16. Серебро. Обол (Финикийск. сист. – 0,53-0,58 г).
3) 0,50 г, местонахождение неизвестно, ранее – кол. Терлецкого [26, с. 72, № 51].

17. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ влево.
Об. ст.: Шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки Θ-Ε-Ο-Δ-Ε-Ω
1) 7 мм; 0,45 г; частная коллекция; **Табл. I, *40*.**
2) 0,59 г; ГМИИ, № ВХ24036 [13];
3) 8 мм; 0,31 г; ГИМ, № 15059 [24, табл. I, *10*]

18. Медь. Лепта
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ влево.
Об. ст.: Шестилучевая звезда.
1) 6,5-7 мм; 0,65 г; частная коллекция; **Табл. I, *41*.**
2) 8 мм; 0,56 г; частная коллекция; **Табл. I, *42*.**
3) 8-8,5 мм; 0,58 г; частная коллекция; **Табл. I, *43*.**
4) 7,5 мм; 0,45 г; частная коллекция. **Табл. I, *44*.**

Сохраняя те же типы сторон монеты пятой группы меняют повороты голов – Афины на серебре, быка на меди – с правого на левое направление.

6-я серия 390-385 гг. до н.э.
– ΘΕΟΔ[Ο] – Тетробол (?), медные – дихалк, халк.

19. Серебро. Тетробол (?) – (Финикийск. сист. – 2,13-2,32 г).
Лиц. ст..: Голова Афины в аттическом шлеме с плюмажами в ¾ влево.
Об. ст.: Голова Афродиты в стефане влево, слева: ΘΕΟΔ[Ο].
1) 12-14 мм; 1,78 г; частная коллекция. **Табл. I, *45*.**

20. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ влево.
Об. ст.: Шестилучевая звезда.
1) 8,5-9 мм; 0,35 г; частная коллекция. **Табл. I, *46*.**

21. Медь. Лепта.
Лиц. ст.: Голова быка в ¾ влево.
Об. ст.: Восьмилучевая звезда.
1) 7,5-8,5 мм; 0,50 г; частная коллекция; **Табл. I, *47*.**
2) 7,5-8 мм; 0,78 г; частная коллекция; **Табл. I, *48*.**
3) вес? частная коллекция; **Табл. I, *49*.**
4) 8,5-9 мм; 0,68 г; частная коллекция. **Табл. I, *50*.**

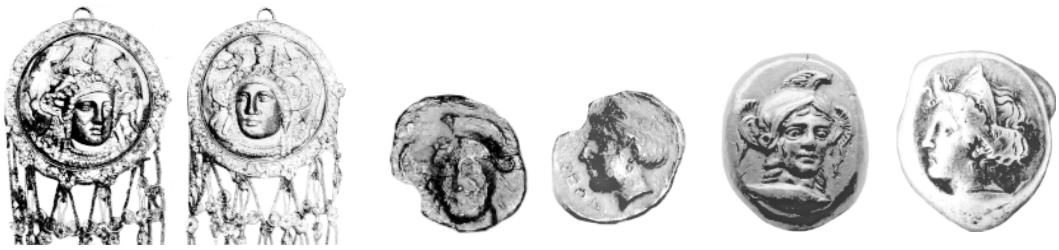
Переименование Теодеи в Феодосию (Теодосию), судя по монетной чеканке, происходит около 390 г. до н.э. Как предполагается, примерно на то же время приходится произошедшее в ходе боспорско-гераклейских войн за Феодосию (конца 90-х – начала 70-х гг. IV в. до н.э.) знаменательное для города событие – ознаменовавшее окончание первой войны снятие осады прибывшим на двух кораблях военачальником гераклеотов Тиннихом, а также смерть возглавлявшего осаду Сатира I. Можно предполагать, что именно с успешным завершением первой войны с «соседними тиранами» связано переименование города.

Новый, необычный для прежней и последующей чеканки Феодосии монетный тип, отличающийся помещением на обеих сторонах изображений женских божеств, сопровождается измененным названием города. Определение номинала серебряной монеты затруднено в силу значительной утраты ею своего первоначального веса. На лицевой стороне ее находится изображение головы Афины в аттическом шлеме с плюмажами в ¾ влево, на оборотной – голова Афродиты в стефане влево, слева – ΘΕΟΔ[Ο]. Монетный тип отличается и тем, что оба сюжета представляют собой, несомненно, заимствованные из глиптики и нумизматики, изначально статуарные изображения. Голова Афины на лицевой стороне монет предстает в новом для чеканки города трехчетвертном ракурсе, так же в шлеме, но увенчанном плюмажами. Подобные ракурсные изображения головы Афины в таком же шлеме, хотя и более пышно украшенном фигурами коней и грифона, находятся на парных золотых височных подвесках из кургана Куль-оба [31, с. 271, рис. 47]. Можно отметить, что обращенный вправо лик Афины на первой подвеске направлен вниз, тогда как обращенный влево – на второй – смотрит вверх (рис. 1, *1*), каким он запечатлен изображенный в том же левом трехчетвертном ракурсе на феодосийской монете. Вероятно, в направленности взгляда Афины в зависимости от изображения ее лица в левом или правом ракурсах заключался определенный иконографический смысл, различие в содержании которого подчеркивается дополнительными элементами сюжета. К последним относятся изображения совы, сидящей на плюмаже шлема Афины кульобинских подвесок: на щитке первой – сова в профиль влево со сложенными крыльями, в композиции второй – сова с головой, повернутой в фас, в той позе, в какой она изображалась на монетах Афин. Если заключить, что

иконографическим образом Афины с обращенным вправо вниз взглядом олицетворялась «скорбь поражения», а влево вверх – «триумф победы», то голова Афины в ¾ влево с приподнятым подбородком на феодосийской монете соответствует в полной мере второму образу.

Стилистически и почти детально изображение на лицевой стороне феодосийской монеты (рис. 1, *2*) близко подобному на кизикине (рис. 1, *3*), где голова Афины в ¾ в шлеме с плюмажами обращена вправо. Кизикин с изображением Афины принадлежит 3-й группе классификации Х.Фрице [32, № 133], датируясь 475-420 гг. до н.э., по другим уточняющим ту же классификацию датировкам – 480-410 гг. до н.э. [33, S. 1-46], 460-405 гг. до н.э. [34] или (менее вероятной) – 500-460 гг. до н.э. [35]. Судя по отсутствию среди известных кизикина с изображением головы Афины в ¾ влево и не выраженных на кизикине с головой вправо признаков «скорбящего» или «триумфального» мотивов, резчик штемпеля кизикина не придавал какого-либо значения направлению поворота головы Афины, воспроизводя голову с какой-то известной храмовой статуи. Судя по всему, при чеканке кизикина парный сюжет голов Афины «скорбящей» и «ликующей» еще не получил развития. Этому соответствует и дата создания кульобинских височных подвесок (конец V в. до н.э.), более поздняя, чем время чеканки кизикина. Очевидно, что резчику штемпеля феодосийской монеты уже были знакомы атрибуты символического сюжета «Афина в парадном шлеме», и, копируя изображение на кизикине, он сознательно развернул голову богини в противоположную «триумфальную» сторону.

Прототипом мотива оборотной стороны феодосийской монеты также послужило изображение на кизикине (рис. 1, *4*), относящемся к той же 3-й группе классификации Х.Фритце [32, № 135]. Это голова Афродиты, увенчанная стефаном, изображение которой рядом с триумфальным образом Афины на феодосийс-

1 2 3 4

Рис. 1.

1 – Изображения головы Афины в ¾ в парадном шлеме с плюмажами на золотых подвесках из кургана Куль-оба, сюжеты «скорбь поражения» (левый) и «триумф победы» (правый); *2* – Феодосийская монета кат. № 19; *3* – Афина в шлеме с плюмажами на кизикине; *4* – Кизикский статер с изображением головы Афродиты в стефане.

кой монете выбрано, очевидно, не случайно. В греческом эпосе Афина вмешивается в военные действия враждующих под Троей, спасает Париса во время его поединка с Менелаем [Hom. Il., III, 380], пытается вынести с поля битвы троянского героя Энея [Hom. Il., V, 311-318], хотя Зевс и советует дочери не заниматься войной, а устраивать браки [Hom. Il., V, 429], она совмещает в себе обе функции, а само ее появление на поле боя внушает ужас [Hom. Il., III, 398].

Заметим, что если сюжет «голова Афины в шлеме» для монет Феодосии не являлся чем-то необычным, то изображения головы Афродиты (в ее типичном атрибуте) крайне редки во всей античной нумизматике. В свете этого, выбор типа оборотной стороны феодосийской монеты представляется не случайным, символизирующим конкретное историческое событие. Известно, что в упомянутых ранее перипетиях боспорско-гераклейских войн знаменательное снятие осады Феодосии, завершившее первую войну, было осуществлено гераклеотом Тиннихом с помощью примененной им военной хитрости. Достигнув феодосийской гавани ночью, располагая малыми силами и всего двумя кораблями, он имитировал с помощью звуковых эффектов и повторявшегося перемещения одних и тех же кораблей мимо наблюдателя противника прибытие большого флота, повергнув в страх осаждавших, которые обратились в бегство. Не исключено, что смерть Сатира I, случившаяся при отступлении, являлась следствием того же психологического воздействия приема Тинниха. Успех прошедшей без кровопролития кампании был бы, по представлениям современников событий, невозможен без вмешательства богов, среди которых функция внушающей страх врагу Афродиты-спасительницы как нельзя лучше подходила к этой роли. Вероятно, выпуск феодосийской монеты с триумфальными сюжетами обеих сторон был непосредственно посвящен успешному завершению первой боспорско-гераклейской войны. Поскольку в практике монетного дела Феодосии всего предшествующего периода наблюдается наличие в сериях нескольких номиналов, можно надеяться, что и этот выпуск не ограничивался одним.

7-я серия 385-380 гг. до н.э.

– ΘΕΟΔΟ – тригемидрахма, драхма (?), медная лепта.

22. Серебро. Тригемидрахма (Финикийск. сист. – 4,80-5,40 г).
Лиц. ст.: Голова бородатого Ареса в аттическом шлеме влево.
Об. ст.: Букраний, украшенный гирляндами, над букранием ΘΕΟΔΟ.
1) 19 мм; 5,01 г; частная коллекция; **Табл. I, *51*.**
2) 19-20 мм; вес? частная коллекция; **Табл. I, *52*.**
3) 18 мм; 4,94 г; ГИМ, № 3717 [6, № 73; 10, № 9]. **Табл. I, *53*.**
4) 19 мм; вес? частная коллекция. **Табл. I, *54*.**

23. Серебро. Драхма (?) – (Финикийск. сист. – 3,20-3,48 г).
Лиц. ст.: Голова Афины в аттическом шлеме влево.
Об. ст.: Букраний, украшенный гирляндами, над букранием [ΘΕΟΔΟ].
1) 13,5-15,5 мм; 2,42 г, частная коллекция. **Табл. I, *55*.**

24. Медь. Дихалк.
Лиц. ст.: Голова в короткой прическе влево.
Об. ст.: Бодающий бык вправо, на черте над ним ΘΕΟΔΟ.
1) 14 мм; 2,84 г; частная коллекция; **Табл. I, *56*.**
2) 13 мм; 2,71 г; ГИМ, № 12723 [24, с. 303, № 3, табл. I, *7*];
3) 13 мм; 2,50 г; частная коллекция; **Табл. I, *57*.**
4) 13,5-14,5 мм; 2,41 г; частная коллекция; **Табл. I, *58*.**
5) 15 мм; 2,00 г; ГЭ, № 3/26340 [20, табл. XVIII, 3; 5, табл. XXXIX, *3*; 6, № 82; 7, рис. 8, *5*; 10, № 11];
6) 13 мм; 1,60 г; ГЭ, № 4/26341 [3, табл. IV, 15; 5, табл. XXXIX, *4*];
7) 10-11 мм; 1,16 г; частная коллекция [10, № 12].

25. Медь. Халк.
Лиц. ст.: Голова Аполлона (?) влево.
Об. ст.: Протома быка влево, над ней и справа ΘΕΟΔ-Ο.
1) 1,44 г, частная коллекция [10, № 10];
2) 11,5 мм;1,28 г, частная коллекция; **Табл. I, *59*.**
3) 11 мм; 0,95 г; частная коллекция. **Табл. I, *60*.**

Старшая монета заключающей независимый (автономный) период существования города монетной серии до недавнего времени была известна в единственном экземпляре, подлинность которого безапелляционно отрицалась Д.Б. Шеловым [9, с. 40, прим. 4], а позже – выпученные глаза на букрании оборотной стороны монеты и редкая борода Ареса на лицевой побудили сомнения в ее подлинности у Н.А. Фроловой [24, с. 304, 309-310]. В каталог мы включаем изображения известных экземпляров этих монет, в том числе и эрмитажной, по которым можно заметить, что две биты общим штемпелем оборотной стороны, а три – общим лицевой. В.А. Анохин считает, что сюжет лицевой стороны этих монет – голова бородатого Ареса в шлеме – отражал начало военного противостояния Феодосии и Боспора [7, с. 45]. Связи мотива бородатого божества с началом военных действий, как представляется, не опровергает датировка этой монеты, как и всей серии, 385-380 гг. до н.э., если не принимать как неоспоримый факт точку зрения В.А. Анохина на окончание войны и завоевание Феодосии Левконом I в 385 г. [7, с. 50], когда вторая война окончилась для Феодосии присоединением ее к Боспору.

Для давно известных монет старшего медного номинала Е.Миннз предполагал заимствование типа оборотной стороны из типов чеканки Херсонеса и Гераклеи [29, p. 559], но А.Н.Зограф скептически относился к такой возможности, считая, что эти монеты Феодосии чеканились после присоединения ее к

Боспорскому царству [5, с. 163]. В.А. Анохин датирует их ок. 390-385 гг. до н.э. и считает заключительным выпуском периода автономии Феодосии, монетами, обращавшимися в качестве чрезвычайного выпуска вместо серебра по нарицательной стоимости драхмы и диобола [7, с. 50].

8-я серия 380-370 гг. до н.э.

– ΘΕΥΔΟ – Тригемидрахма, драхма, гемидрахма.

26. Серебро. Тригемидрахма (Финикийск. сист. – 4,80-5,40 г)
Лиц. ст.: Голова Геракла влево.
Об. ст.: Палица, ΘΕΥΔΟ.
1) 19 мм; 4,72 г; Брит. Музей [4, с. 16, табл. I, *10*; 9, табл. IX, *111*; 6, № 90; 36, pl. XXXVII, 969; 10, № 14]. **Табл. I, *61*.**
2) 20 мм; вес? частная коллекция. **Табл. I, *62*.**

27. Серебро. Драхма (Финикийск. сист. – 3,20-3,48 г).
Лиц. ст.: Голова Аполлона в лавровом венке влево.
Об. ст.: Букраний, украшенный гирляндами, над ним ΘΕΥΔ[Ο].
1) 16 мм; 3,50 г; частная коллекция. **Табл. I, *63.***
2) 14 мм; 3,22 г; частная коллекция. **Табл. I, *64.***

28. Серебро. Гемидрахма (Финикийск. сист. – 1,60-1,74 г)
Лиц. ст.: Голова Деметры в венке и кекрифале влево.
Об. ст.: Хлебный колос, ΘΕΥΔΟ.
1) 12 мм; 1,63 г; частная коллекция; **Табл. I, *65*.**
2) 11-15 мм; 1,55 г, частная коллекция [10, № 15]. **Табл. I, *66*.**

Форма написания Θευδοσιη могла появиться уже после потери городом своей независимости. Можно возразить против поддержанного Н.А.Фроловой мнения, что изменение в написании ευ<ευ относится к диалектным [16, с. 52, прим. 30; 24, с. 307], оно грамматическое, что в равной степени не может рассматриваться в качестве признака нового переименования. Некоторые грамматические изменения наблюдаются в эпиграфике самого Боспора ок. середины IV в. до н.э. К ним, в частности, относится изменение окончания генетива в имени Перисада [КБН 1039 прим.]. Монетные выпуски с надписью ΘΕΥΔΟ могут быть отнесены ко времени после присоединения Феодосии к Боспору, когда не ионизмы, распространенные в нем в IV в. до н.э. [КБН 10], а конкретные грамматические формы не просто проникают, а укореняются в официальном диалекте Феодосии.

9-й выпуск 245-225 гг. до н.э.

29. Медь. Тетрахалк
Лиц. ст.: Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

Об. ст.: Горит и палица, ΘΕΥ. **Табл. I, *67-72*.**
1-6) 2,7-4,2 г [5, табл. XXXIX, 5; 9, табл. IX, 110; 6, № 137; 10, № 16].

Связь типа с выпусками Левкона II устанавливается по сходству изображений головы Афины в коринфском шлеме на феодосийских монетах и схожих по размерам и весу также бронзовых монет, чеканившихся на Боспоре от имени Левкона II без обозначения места чеканки (табл. I, *73*), а также сходства технологических особенностей отливки их монетных кружков. Тип лицевой стороны – голова Афины в коринфском шлеме вправо, вне сомнений, заимствован у посмертных статеров Александра Македонского, чеканившихся причерноморскими городами в III в. до н.э. [5, с. 163]. Можно предполагать, что выпуск феодосийской меди с головой Афины осуществлялся в период расцвета технологии остроребёрчатых монетных кружков с грубо обломанными литниками – в правление Спартока IV (с 245 г. до н.э.). С приходом ко власти Левкона II (между 240 и 225 гг. до н.э.) городская чеканка Феодосии оказалась под запретом. Тот же запрет, возможно, распространялся и на Фанагорию, чеканка которой монет с типом «Голова бородатого Сатира вправо - ФА, лук и стрела» [6, №147], вероятно, была синхронна феодосийской. Анахроничное использование технологии грубых кружков с литниками для одного из трех номиналов монет Левкона II (в первой половине его правления), при сохранении на нем монетного типа «голова Афины в коринфском шлеме» не исключает осуществления в «царской» чеканке выпуска данного номинала в Феодосии.

К работе феодосийского монетного двора, вероятно, относилось и надчеканивание пантикапейских монет «Голова Посейдона вправо - прора влево, ΠΑΝΤΙ» [6, № 144] круглой надчеканкой с изображением головы Афины в коринфском шлеме вправо, накладывавшейся одновременно с пантикапейской надчеканкой «Голова бородатого сатира вправо» [20, табл. XXII, 154-159], в связи с чем монеты отражают различную последовательность наложения этих надчеканок на монетный кружок [39; 40]. Предположение Д.Б.Шелова о единовременности надчеканки «Голова Афины в шлеме» и выпуска монет Левкова II с головой Афины и молнией [9, с. 157] представляется достаточно обоснованным.

Заслуживают внимания в связи с освещением монетных типов Феодосии и монеты, появлению которых мы обязаны реставраторам-гравировщикам или фальсификаторам. Хотя некоторые из них не попадают в полной мере в определение подделок, искажение их написей и рисунков, дополнения букв являются все же фальсификацией. Наиболее известной стала медная монета весом 0,70 г из коллекции Л.И. Резника, опубликованная М.И. Золотаревым [37, с. 90, рис. В]. Лицевая сторона ее была сильно испорчена окислом, на оборотной – шестилучевая звезда с надписью, размещенной между лучами. На лицевой стороне монеты М.И.Золотарев предполагал изображение головы херсонесской Девы, надпись на оборотной читал как ΘΕΟΔ[Ε]Ο. Ко времени публикации той же монеты В.А. Анохиным надпись была разборчива, читаясь ΘΕΟΔΟΣ (рис. 2, *1*), а на лице-

вой стороне усматривалась голова Аполлона вправо [6, № 83]. Н.А. Фролова обратила внимание на то, что в обоих случаях речь идет об одной и той же монете, но, подменив чтение надписи В.А. Анохиным на ΘΕΟΔΕΟΣ (так же и правый поворот головы Аполлона, заменив на левый) [24, с. 307], отдала предпочтение чтению М.И. Золотарева, якобы подкрепляемому восстановлением (оказавшемся ошибочным) другой надписи на опубликованной С.А. Коваленко монете [13, с. 119, табл. I, *22*]. Как ни парадоксально, возможно, путавшейся в надписях и монетных типах Фроловой удалось наиболее достоверно передать в приписываемом В.А. Анохину чтении искаженную подгравировкой надпись на монете, лицевую сторону которой, испорченную окислом, изначально могло занимать изображение головы быка в ¾ влево (№ 6 каталога).

У медной монеты Феодосии оказалась добавлена сигма в конце надписи ΘΕΟΔΟ, каковой она существует на подлинных монетах (№ 24 каталога), причем догравированными по слою окисла оказались две последние буквы [19, рис. 1, *б*]. Другая монета того же типа воспроизводит ту же несуществующую на подлинных монетах надпись, являясь плодом творчества фальсификатора (рис. 2, *2*).

Наконец, самый распространенный тип подделок, отчеканенных штемпелями на подлинных кружках окисленных античных монет, представляют собой мелкие монеты с головой быка на лицевой стороне и надписью Θ-Е-О-Δ-О-Σ, располагающейся между лучей звезды на оборотной [38, с. 28-29, рис. 1-2].

В статье Н.А. Фроловой о монетах Феодосии находится и справедливое замечание: «Но приходится обратить особое внимание на тот факт, что надписи ΘΕΟΔΟΣ нет ни на одном экземпляре монет Феодосии» [Фролова 1999, с. 310]. Можно уточнить, что полюбившейся фальсификаторам надписи ΘΕΟΔΟΣ не встречается на подлинных монетах Феодосии, что закономерно при непременном соблюдении феодоситскими монетариями силлабического принципа сокращения слов.

В статье не ставилась задача окончательно решить все далеко не простые вопросы, связанные с хронологией и периодизацией монетной чеканки Феодосии; преследовалась цель наметить основные направления в типологии продукции монетного производства античной Теодеи-Феодосии.

1 *2*

Рис. 2. Доработанная гравировкой (*1*) и поддельная (*2*) монеты Феодосии; в надписях написание сигмы не соответствует греческой палеографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 году. СПб., 1855.
2. *Koehne B.* Description du museé de feu le prince B. Kotschoubey. Vol. 2. SPB., 1857.
3. *Гиль Х.* Некоторые приобретения моего собрания // ЗРАО, т.V, 1892, табл. IV, 13-15.
4. *Бертье-Делагард А.Л.* Монетные новости древних городов Тавриды. Одесса, 1912.
5. *Зограф А.Н.* Античные монеты / МИА, 16, М.-Л., 1951.
6. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
7. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
8. *Блаватский В.Д.* Феодосия VI-IV вв. и ее название // СА. 1984. № 4.
9. *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI-II в.в. до нашей эры. / Причерноморье в античную эпоху, вып. 9. М., 1956.
10. *Мельников О.Н.* Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. Вып. VII, Симферополь, 2000.
11. *Шелов Д.Б.* Возникновение Феодосии // НС, II, Труды ГИМ, М., 1957.
12. *Столба В.Ф.* О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ – ΘΕΟΔΕΩ // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докл. Конф., Запорожье, 1989, с. 147-148.
13. *Коваленко С.А.* О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ, XVI, М., 1999.
14. *Виноградов Ю.А.* Исследования Мирмекия // АО 1983 года. М., 1985, с. 265-266.
15. *Петрова Э.Б.* Наименование Феодосии и культ Аполлона // Античность: события и исследователи. Казань, 1999.
16. *Петрова Э.Б.* Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ, вып. II, Симферополь, 1991.
17. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. I – Киев, 1964. II – Киев, 1973.
18. *Dornseiff F., Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957.
19. *Шонов И.В.* О монетной чеканке Феодосии посл. четв. V – нач. IV вв. до н.э. // БИ, вып. II, Симферополь, 2002, с.327-332.
20. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. 1. Одесса, 1884.
21. *Meritt B.D., West A.B.* The Athenian Assessement of 425 B.C. Ann Arbor, 1934.
22. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI – IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985, с. 5-186.
23. *Giel Ch.* Kleine Berträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886.
24. *Фролова Н.А.* Чеканка Феодосии конца V-IV вв. до н.э.// Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII, М.-Магнитогорск, 1999, с. 302-313.
25. *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 3, Одесса, 1960.
26. *Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС, 1913, вып. 2, с. 49-134.
27. *Белова Л.Н.* Несколько неизданных херсонесских монет из собрания Эрмитажа // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 145, Табл. I, *9*.
28. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
29. *Minns E.N.* Scythians and Greeks. Cambrige, 1913.
30. *Сидоренко В.А.* Золотая монетная чеканка Херсонеса // МАИЭТ, вып.VIII, Симферополь, 2001, с.436-453.
31. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949.
32. *Fritze H.* Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma, VII, 1914.
33. *Regling K.* Der griechische Goldschats von Prinkipo // Zeitschrift für Numismatik. 41, 1931, S. 1-46.

34. *Булатович С.А.* Электровые монеты Кизика и их роль в денежном обращении Северного Причерноморья (VI-IV вв. до н.э.). Автореферат на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Одесса, 1971.
35. *Brett B.* Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts. Boston, 1955.
36. *Price M.* 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1. The Black Sea. London, (Reprint 1996).
37. *Золотарев М.И.* Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ, 1984, № 1, с. 89-92.
38. *Суханов В.И.* Медные монеты Феодосии // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009, с. 28-29.
39. *Аптекарев А.З.* Пантикапейская монета третьей четверти III в. до н.э. с уникальным вариантом надчеканок // Донская археология, № 1-2, 2002. Ростов-на-Дону, 2002, с. 66-67.
40. *Акимов В.О.* Надчеканки с изображением Афины и сатира на монетах «Посейдон / прора» // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009, с. 29-33.

Сидоренко В.А., Шонов І.В.

До типології монетного карбування у античної Феодосії

Резюме

Стаття присвячена публікуванню відомих монет античної Феодосії, що складають у пропонованої класифікації 8 серій, до яких належать 29 типів монет.

Сидоренко В.А., Шонов И.В.

К типологии монетной чеканки античной Феодосии

Резюме

Статья посвящена публикации известных монет античной Феодосии, которые составляют в предлагаемой классификации 8 серий, включающих 29 типов монет.

Sidorenko V.A., Shonov I.V.

On Typology of Coinage of Ancient Theodosia

Summary

The paper concerns all known ancient Theodosian coins, which consists on classification in 8 groups which contained 29 types of coins.

Табл. I. Монеты Феодосии.
1-12, *15-18* - серебряные, *13-14* - медные.

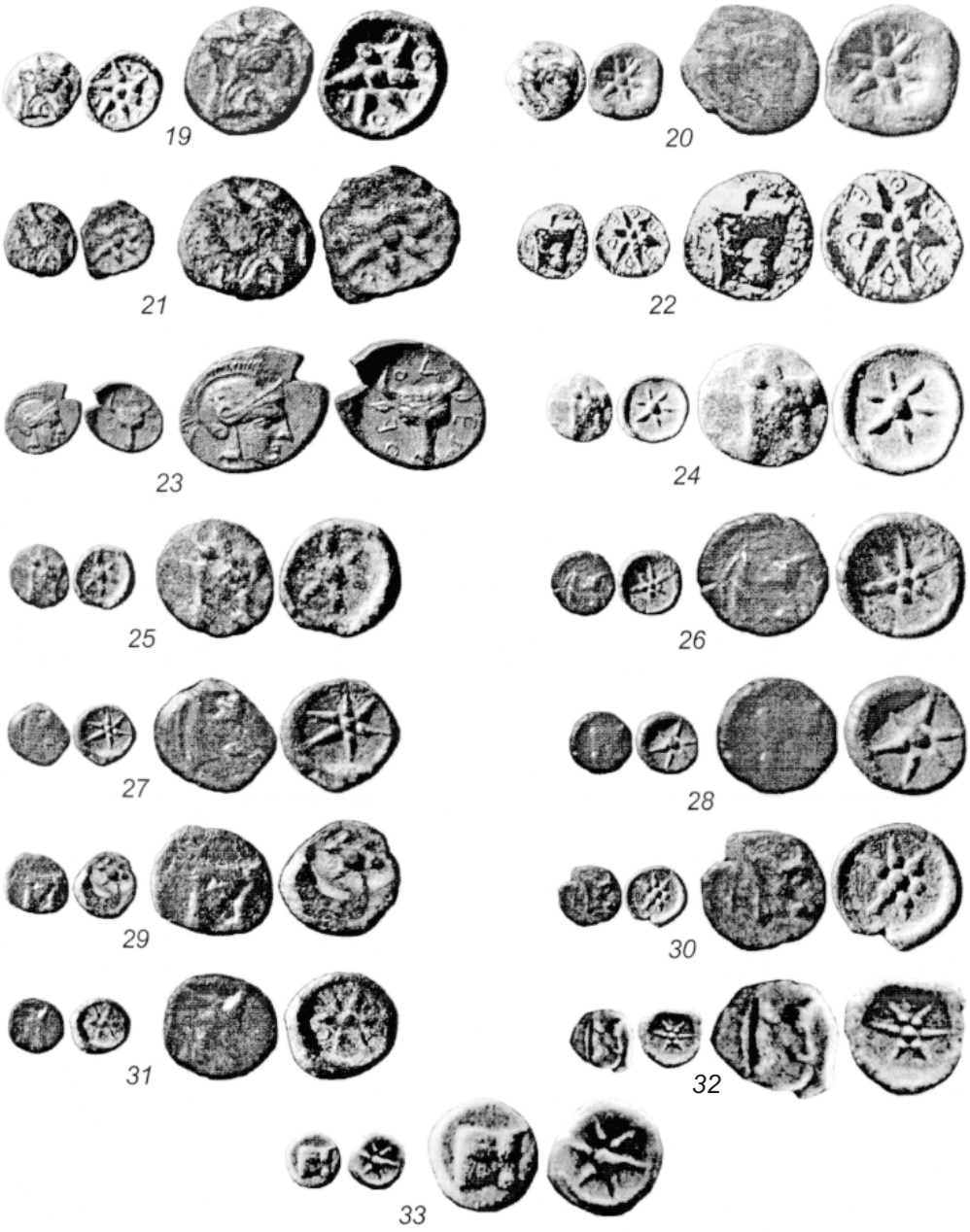

Табл. I (продолжение). Монеты Феодосии. *22* - серебряная, *19-21, 23-33* - медные.

Табл. I (продолжение). Монеты Феодосии. *34-39, 45* - серебряные, *40-45, 46-50* - медные.

Табл. I (продолжение). Монеты Феодосии. *51-55, 61-62* - серебряные, *56-60* - медные.

Табл. I (продолжение). Монеты Феодосии (*63-72*) и боспорская монета Левкона II (*73*). *63-66* - серебряные, *67-73* - медные.

А. Е. КАТЮШИН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н.э. В СВЕТЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В изучении истории Боспорского царства римского императорского времени, наряду с письменными и эпиграфическими источниками, большую роль играют памятники нумизматики. Они особенно важны для исследования взаимоотношений Римской империи и Боспора. Посвященная памятникам Боспорского царства нумизматическая литература довольно обширна, но в предлагаемой статье я не ставил перед собой задачи полностью ее осветить (тем более, что практически любая, выходившая в последнее время, монография на рассматриваемую тему снабжена, как правило, историографическим обзором). В числе основных работ нельзя не назвать капитальный труд А.Н. Зографа «Античные монеты», где северопричерноморские памятники нумизматики рассмотрены в сопоставлении с другими монетными системами античного мира. Среди вышедших в сравнительно недавнее время, необходимо отметить монографии В.А. Анохина «Монетное дело Боспора» и «История Боспора Киммерийского», а также Н.А. Фроловой «Монетное дело Боспора». Эти авторы, наряду с важными историческими реконструкциями и интерпретациями, ввели в научный оборот массу исключительно ценных фактических данных.

Этапы боспорского монетного дела императорского периода хорошо освещены в соответствующей литературе, поэтому в формате предлагаемой статьи вряд ли необходимо подробно воспроизводить эту информацию. Однако следует, на мой взгляд, хотя бы вкратце остановиться на основных моментах формирования внешнего облика боспорских статеров римского времени. С 289 г. б.э. (9/8 г. до н.э.), после окончательного крушения антиримской политики Митридата Евпатора и в результате укрепления императорской власти, на Боспоре начинается выпуск ауреусов с изображениями римского императора на лицевой стороне и членов императорской семьи на оборотной [1, с. 191]. Существует, правда, репродукция статера такого типа с датой 284 г. б.э., однако его подлинность сомнительна [2, с. 81]. Портретов боспорских царей

на этих монетах нет, и лишь их имена, зашифрованные в виде монограмм, иногда стоят на реверсах (рис. 1,*1,2,2.1*). Причем вопросы принадлежности той или иной монограммы определенному боспорскому царю до сих пор, за редким исключением, нельзя отнести к разряду бесспорно решенных. Напротив, мятежник Митридат VIII (III) (39/40-44/45 гг.), завладевший боспорским троном вопреки воле Гая Калигулы, выбивал на ауреусах как свое имя, так и титул (рис. 1,*3*). Мятеж был подавлен римлянами с помощью предательства Митридата его братом Котисом – в результате последний стал, при активной поддержке империи, следующим боспорским правителем (45/46-67/68 гг.). На монетах в начале своего правления Котис I обозначал себя лишь монограммой (рис. 1,*4*), а в 62 г. были выпущены золотые монеты с изображениями голов Нерона и Клавдия (рис. 1,*5*) [3, ч. 1, с. 87-88, 99], а также медные монеты с изображением и титулом императора Нерона [3, ч. 1, с. 98]. Боспорский царь в легендах этих монет никак не был упомянут – так в нумизматических памятниках отразилась возросшая в 50-60-е гг. I в. н.э. римская экспансия в Северное Причерноморье [4, с. 330]. Боспорские статеры такого типа известны по 374 г. б.э. (77/78 г. н.э.). Котис I стал пожизненным первосвященником императора, «другом цезаря и римлян», «благочестивым» [4, с. 328-329; 5, №№ 41, 69, 958, 1124]. Рескупорид I (II) (68/69-91/92 гг.), чеканивший, по прежним правилам, золотые монеты с изображениями Веспасиана и Тита и царской монограммой, с 81 г. помещает на них как свой портрет, так и имя и титул (при этом голова императора перемещается на аверс) (рис. 1,*6*). Эти изменения связывают с активизацией даков под предводительством Децебала во время правления императора Домициана. В это время «спасая положение на Дунае, римское правительство принуждено было для усиления там армии вывести из Северного Причерноморья гарнизоны. Боспору вновь поручено было взять на себя защиту греческих городов Северного Причерноморья и, главным образом, Херсонеса... С этого времени на боспорских статерах почти всегда стали помещать изображения царей Боспора с их титулом и полным начертанием имени; лишь на обороте монеты чеканилась голова римского императора и дата выпуска» [4, с. 333]. Подобный облик статеров сохраняется до конца монетной чеканки на Боспоре [1 с. 201; 2, с. 100, 102], и именно на такие монеты я хотел бы обратить внимание в предлагаемой статье.

В научной литературе давно существует мнение, что римские императоры поддерживали боспорскую армию субсидиями с тем, чтобы боспорские правители при необходимости поставляли имперскому войску свои отряды [4, с. 333-334; 6, с. 209; 7, с. 152]. Впрочем, есть и другая точка зрения, согласно которой, наоборот, Боспор был обложен определенными поборами в пользу римской администрации [8, с. 108; 9, с. 202-203]. Время от времени финансировалась, предположительно, и собственно боспорская монетная чеканка [2, с. 107].

В упомянутой выше работе А.Н. Зограф отмечал значение античных монет императорского времени как средства пропаганды [1, с. 74]. Этот вопрос

пространно освещен в монографии М.Г. Абрамзона «Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи». «В период гражданских войн конца Республики монета становится наиболее эффективным инструментом политической пропаганды. Это декларативное средство обладало двумя исключительными качествами, которые отличали его от остальных, – оно легко тиражировалось и было чрезвычайно широко распространено в практическом обиходе, что делало его общедоступным» [10, с. 9]. Возможность исследования нумизматических памятников в этом ключе побудила меня попытаться взглянуть на заключительный этап истории Боспора по-новому.

В.Ф. Гайдукевич отмечал, что Боспорское царство во II в. и в первых десятилетиях III в. достигло «наивысшего рассвета … в период своего вторичного подъема, начавшегося еще в начале нашей эры» [4, с. 336]. Боспорский царь Тиберий Юлий Савромат II (173/174-210/211 гг.) укрепил и расширил сухопутные границы царства, а также одержал ряд побед на море. Благодаря эпиграфистам нам известны надписи его сына, Тиберия Юлия Рескупорида III (именовавшего себя «царем всего Боспора и тавроскифов»), с упоминанием славного отца. В течение первых десятилетий III в. Боспорское царство играет заметную роль в торговом черноморском обмене [4 с. 338; 5, № 54, 63]. По данным эпиграфики и нумизматики, мы также знаем имена и годы царствований следующих боспорских правителей: Котиса III, Савромата III, Рескупорида IV, Ининфимея. Периоды царствований этих правителей определяются по датировкам монетных выпусков; лакуны и хронологические несоответствия в династической истории Боспора этого времени объясняются предположительно (так как дополнительные источники отсутствуют) [3, с. 3-40; 7, с. 159-164]. Этим, как правило, исследователи заканчивают экскурс в боспорскую историю первой половины III в., стремясь скорее перейти к перипетиям середины столетия. Действительно, сведений об этом периоде немного – в отличие от более-менее освещенного источниками времени «готских морских походов». Получается, что нашествие готов на Боспор представляет собой не связанный с предыдущей историей сюжет, а эпоха «готских морских походов» стала в историографии самодостаточной исторической вехой, отправной точкой для раннесредневековой истории Боспора. Однако каждое историческое событие имеет подоплеку. Тем большее значение приобретают для нас монеты Боспора первой половины III в.

Несмотря на нередкие попытки проведения реформ по увеличению содержания драгоценных металлов в боспорских монетах, все же в монетной чеканке боспорского царства первых вв. н.э. (и до последнего выпуска) наблюдается «ступенчатое падение концентрации золота в монетах» [11, с. 287-288]. Однако эта порча не касается облика боспорских монет в принципе: каким бы ни был металлографический состав боспорского статера (начиная с 81 г. н.э.), на аверсе, как правило, имеется изображение боспорского царя, на реверсе – императора. Другое дело – иконография изображений

на боспорских нумизматических памятниках: к середине III в. изображения на боспорских статерах становятся крайне грубыми и упрощенными [4, с. 456].

Невозможность применения сравнительного анализа изображений на монетах, как ведущего метода при классификации нумизматических памятников, неоднократно подчеркивалась специалистами [1, с. 73; 2, с. 102-103]. Между тем, А.Н. Зограф совершенно справедливо отмечал важность иконографического анализа, как вспомогательного метода, в исследовании монетного дела [1, с. 73]. С этой точки зрения интересно было бы, как мне кажется, рассмотреть монетные выпуски царя Котиса III (227-233 гг.). По данным Н.А. Фроловой, первые статеры этого царя известны с 524 г. б.э. (рис. 1,*7*). В составе этих монет содержится от 20 до 30% золота. Некоторые экземпляры следующего, 525 г. б.э. (рис. 1,*8,8.1*), содержат еще меньше золота (11%), состав остальных вообще не включает этот драгоценный металл. Н.А. Фролова отметила, что один из известных статеров 525 г. б.э. с содержанием золота имеет общий штемпель с монетой того же года, состоящей на 75% из серебра (золото в ней отсутствует вовсе). Решительное уменьшение концентрации золота в статерах Котиса III отмечали также Ю.Л. Дюков и Т.Н. Смекалова [11, с. 291]. «Применение одних и тех же штемпелей для чеканки статеров из металла различного состава говорит о том, что, несмотря на очевидное ухудшение качества металла, боспорские статеры все еще ценились больше как монеты, обращение которых санкционировалось помещением на них имен правящих царей, нежели просто как отдельные слитки драгоценного металла» [3, ч II, с. 20]. Мне кажется, что, помимо порчи металла этих монет, именно в правление Котиса III происходит резкое огрубление изображений на статерах. Так, в 526 г. б.э. (229 г. н.э.) были отчеканены статеры, на которых изображение императора Александра Севера сильно упрощено по сравнению с предыдущими выпусками (рис. 1,*9*). Лицевые стороны этих монет (с профилем царя) выбиваются штемпелями прежних лет [3, ч. II, с. 21], поэтому в сравнении с реверсами выглядят гораздо изящнее (рис. 1,*9.1*). Огрубление изображений сначала на оборотных сторонах монет объясняется тем, что штемпели реверсов были, как правило, верхними (ударными) и поэтому быстрее приходили в негодность, в то время как лицевые штемпели еще продолжали работать [1, с. 33]. Похожая ситуация сохраняется в следующем, 230 г. Зато статеры 528 (231) г. имеют упрощенные изображения как на оборотной стороне, так и на лицевой (рис. 1,*10*). Причем, судя по тому количеству этих монет, что было разобрано по штемпелям, штемпели 528 г. б.э. раньше не работали [3, ч. II, с. 21]. С 229 по 231 гг., параллельно с Котисом, происходит чеканка Савромата III. Монеты этого правителя по всем признакам схожи с монетами Котиса III [2, с. 120; 3, ч. II, с. 25-29].

Мне кажется, что факт одновременного снижения содержания золота в составе боспорских статеров и качества изображений на них в течение правления одного боспорского царя и одного же римского императора не может быть случайным, а поэтому достоин внимания и требует объяснения.

Изображения на монетах центральных и провинциальных монетных дворов, при том, что монеты эти в целом укладываются в римскую денежную систему, часто значительно отличаются друг от друга и стилистически, и сюжетно. Боспорские нумизматические памятники римского облика так же имеют свои характерные особенности. Тем не менее, учитывая то, что особа римского императора была священна, и при этом он являлся патроном боспорского царя, вряд ли стоит сомневаться в том, что существовали какие-то иконографические каноны для изображений римских императоров на боспорских монетах. Вероятно, были и способы стандартизации (хотя бы и относительной) портретов императора, чеканящихся на монетных дворах провинций и зависимых государств. Возможно, в монетные дворы провинций присылались штемпели для монет [10, с. 79], а может быть, даже командировались специалисты-сигнаторы. А.Н. Зограф отмечал, что «статеры боспорских царей не только с весовой стороны, но и по внешнему виду, по своей фактуре, в точности повторяют римские ауреусы. В особенности это становится ясным при сопоставлении боспорских статеров с ауреусами, чеканенными на восточных малоазийских монетных дворах… При сохранившейся тесной связи между Боспором и Малой Азией было бы совершенно естественно, если бы для вновь открываемой на Боспоре чеканке монет по римскому образцу были приглашены мастера из ближайшего императорского монетного двора» [1, с. 192].

На мой взгляд, такую резкую смену облика боспорских статеров можно объяснить изменением взаимоотношений Империи и Боспора в конце 20-х гг. III в. Насколько мне известно, подобное огрубление изображений на монетах не постигло римские нумизматические памятники, чеканенные на центральном и восточном монетных дворах, во всяком случае, времени Александра Севера (рис. 1,*11,11.1*) [12, с. 82-99]. Нужно сказать, что схематизация изображений в центральном имперском монетном деле так же возрастает, но лишь со второй половины III в., а «полная потеря портретности» происходит гораздо позже – во второй половине IV – начале V вв. [1, с. 74; 10, с. 441]. Мне кажется, что боспорские статеры, с точки зрения имперской пропаганды официальной политики, именно с конца 20-х гг. III в. выходят из круга монет римской денежной системы. Императоры, волей-неволей, перестают контролировать боспорские выпуски, следить за соответствием их стандартам. Чтобы как-то поддержать платежеспособность деградирующего статера, боспорские эмитенты пытаются сохранить прежний облик монеты, воспроизвести аутентичный вид. С этой целью за производство монетных штемпелей берутся боспорские резчики, утратившие, по-видимому, прежний опыт боспорской монетной глиптики и вследствие чего, вероятно, плохо знакомые с техникой этого дела. Их не слишком удачные попытки воспроизведения римского монетного облика боспорских статеров приводят к тому, что изображения на монетах становятся примитивными, схематичными и опосредованными, отчасти напоминая известные варварские

подделки античных памятников нумизматики [см., например: 1, с. 101]. В правление Иненфимея боспорский монетный двор отчеканил небольшое количество статеров с «изящными» портретами – они датируются 238 г. и приходятся, возможно, на конец правления Гая Юлия Вера Максимина (рис. 1,*12*) [3, ч. 2, табл. XXXI, рис. 1-15], однако вскоре тот же боспорский царь продолжил чеканку монеты со схематизированными изображениями (рис. 1,*13*) [3, ч. II, табл. XXXI, рис. 16-24].

Временем непрекращающихся экономических и политических кризисов для античного мира стал III в. Рим терял прежние территориальные завоевания. Огромная империя распадалась. Варварские нашествия, иногда с трудом, но все же отражаемые римлянами на границах в прошлые века, усиливаются, и борьба с ними проходит уже не столь успешно. Внешняя политика Рима в правление Александра Севера (222-235 гг.) потерпела полный провал сначала на востоке, в войне с парфянами, а затем и на Дунае и Рейне. При Александре Севере прекращается вовсе монетная чеканка Ольвии и Тиры [13, с. 74-101]. О нестабильности экономики Боспорского царства в 20-30-х гг. III в. косвенно свидетельствуют клады монет, количество которых значительно в этот период [14, с. 333]. На мой взгляд, именно при Александре Севере боспорские статеры перестают быть средством официальной римской пропаганды. Попытка восстановления «status quo» в этом вопросе была, вероятно, предпринята при Максимине, но провалилась. Я думаю, что резкое изменение облика боспорских монет в течение правления одного царя и одного же императора может указывать на, по крайней мере, частичную утрату Римом контроля над Боспорским царством в 20-30-е гг. III в. Вероятно, это во многом предопределило события середины III в., когда боспорские цари не только не сопротивлялись варварскому вторжению, но и сотрудничали с врагами Римской империи, предоставив им в распоряжение корабли [15, с. 274-288; 4, с. 450; 16, с. 32; 17, с. 519]. При этом практически все боспорские правители рассматриваемого периода и последующих лет (если только они известны по надписям) по-прежнему носят имена Тиберием-Юлиев и называют себя «благочестивыми», «друзьями цезаря и римлян» [5, №№ 36, 58, 59, 60, 1247, 1249, 1250, 1283, 1284, 1285, 1288]. В начале нашей эры эта формула обозначала союзника Рима, заключившего договор о дружбе с империей и наделенного, в силу этого, определенными обязанностями и правами [4, с. 333; 18, с. 27-28]. Вряд ли этот титул был наполнен прежним содержанием во второй четверти III в., скорее всего, он превратился в формальное признание «невраждебности» Боспора Риму. Вместе с этим, наряду с именем Тиберием-Юлиев, формула «друг цезаря и римлян» должна была подтверждать легитимность каждого нововоцаряющегося правителя не столько для римлян, сколько, может быть, для боспорян, понуждая их к повиновению. Эти титул и имя стали настолько традиционными, что встречаются в эпиграфике гораздо позже рассматриваемого мной времени, уже в византийскую эпоху [19, с. 244-245].

Во всяком случае, есть, как мне кажется, некоторые основания для предположения о значительном ослаблении влияния Римской империи на Боспорское государство при Александре Севере. Кроме того, попытки боспорских правителей сохранить платежеспособность статера путем помещения на нем опосредованного изображения «императора», равно как и использование прежней лояльной Риму титулатуры в надписях, не могут быть, на мой взгляд, подтверждением зависимости Боспора от империи в прежних масштабах, начиная с конца 20-х гг. III в.

В заключение хотелось бы отметить, что автор предлагаемой статьи осознает гипотетичность данной работы и несовершенство ее методологической части. Для полного анализа изображений «царя» и «императора» на боспорских статерах римского времени необходима, в первую очередь, разработка определенных сравнительных критериев. Это возможно только при прямой работе с нумизматическими памятниками. Кроме того, нужно определить место боспорской монеты как средства имперской пропаганды среди подобных нумизматических памятников провинций и зависимых государств Римской империи. Однако это тема для большой отдельной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
3. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I-II. М., 1997.
4. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
5. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
6. Моммзен Т. История Рима. Т. 4. Ростов-на-Дону, 1997.
7. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
8. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская Империя. Киев, 1998.
9. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XII.
10. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
11. Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. Исследование сплавов монет Боспора первых веков нашей эры из коллекции Эрмитажа // Нумизматический сборник. СПб., 1998.
12. Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Ч. III. М., 2003.
13. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
14. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. Киев, 2008.
15. Зосим. Новая история / Пер. и ком. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.
16. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
17. Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
18. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
19. Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ. 1998. № 1.

Катюшин О. Є.

Деякі особливості зовнішнього вигляду боспорських статерів другої чверті III ст. н.е. в світлі римсько-боспорських відносин

Резюме

У статті розглянуто зображення боспорського царя і римського імператора на боспорських статерах. У другій чверті III ст. н.е., в правління боспорського царя Котіса III і римського імператора Олександра Севера, відбувається падіння золотого вмісту в монетах. Крім того, на них помітно погіршується якість зображень. Короткочасне поліпшення якості зображень царя і імператора на статерах відбувається у подальшому за боспорського правителя Іненфімєя та імператора Максиміна, але незабаром той же цар продовжив карбування монет з «грубими» зображеннями. Це може свідчити про те, що боспорська монета перестає бути в цей час засобом офіційної римської пропаганди. Ймовірно, Римська імперія втратила, принаймні частково, контроль над Боспорським царством в 20-30-і рр. III ст. н.е.

Катюшин А. Е.

Некоторые особенности внешнего облика боспорских статеров второй четверти III в. н.э. в свете римско-боспорских отношений.

Резюме

В статье рассматриваются изображения боспорского царя и римского императора на боспорских статерах. Во второй четверти III в. н.э., в правление боспорского царя Котиса III и римского императора Александра Севера, происходит падение золотого содержания в монетах. Кроме того, на них заметно ухудшается качество изображений. Кратковременное улучшение качества изображений царя и императора на статерах происходит в дальнейшем при боспорском правителе Иненфимее и императоре Максимине, но вскоре тот же царь продолжил чеканку монет с «грубыми» изображениями. По мнению автора статьи, это свидетельствует о том, что боспорская монета перестает быть в это время средством официальной римской пропаганды. Вероятно, Римская империя утратила, по крайней мере частично, контроль над Боспорским царством в 20-30-е гг. III в. н.э.

Katiushin A. E.

Some Peculiarities of Habitus of Bosporus Staters Dating Back to the Second Quarter of the 3rd Century AD in the Light of Rome-Bosporus Relations

Summary

The portraits of Bosporus king and Roman emperor on Bosporus staters are considered in the article. In the second quarter of the 3rd century during the rule of the Bosporus king Cotys III

and the Roman emperor Alexander Severus gold content in coins decreases. The quality of images of the king and emperors worsens as well. Later short-term improvement of quality of the pictures of the king and emperor on staters takes place during the reign of Bosporus ruler Inenphimeus and emperor Maximinus but soon the same king continued minting coins with «rough» images. In the author's opinion it testifies to the fact that Bosporus coin ceased to be the means of official Roman promotion in this period. Probably, the Roman Empire lost, at least partially, the control over the Bosporus Kingdom in the 20s – 30s of the 3rd century AD.

Рис. 1. Боспорские статеры. Иллюстрации по В.А. Анохину [2] и Н.А. Фроловой [3].

В. А. СИДОРЕНКО

КЛАД РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ ИЗ ОКРАИНЫ С. РЕПИНО БАХЧИСАРАЙСКОГО Р-НА

Клад римских денариев был найден на участке поля к северо-западу от села Репино Бахчисарайского р-на вблизи археологического памятника, известного как скифское городище. По имеющимся сведениям, изначально он был заключен в сосуд, фрагменты которого вместе с монетами сосредотачивались на небольшом участке, раскопанном находчиками с целью поиска монет. Шурф археологически не доследовался, но на поверхности его засыпи находился фрагмент амфоры, указывающий на наличие культурного слоя. В апреле 2003 г. 38 монет, происходящих из этого клада, оказались доступны для исследования: Фаустины Старшей – 1, Марка Аврелия – 2, Септимия Севера – 11, Юлии Домны – 6, Геты (цезаря) – 4, Каракаллы – 11, Юлии Домны – 2, Элагабала – 1. Младшая монета клада датируется 220-221 гг.

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

Фаустина Старшая

1. Лиц. ст.: DIVA – FAVSTINA (Рим, позже 147 г.)
   Об. ст.: CONS[EC]R – ATIO. Павлин, идущий вправо, голова повернута назад.
   [C. II, 175; RIC III, 384; BMC IV, 473 (476); RSC 175; RC II, 4594].
   17-20 mm; v; 2,86 g.

Марк Аврелий (161-180 гг.)

2. Лиц. ст.: IMP M AVREL ANTONINVS AVG (Рим, 162 г.)
   Об. ст.: PROV DEOR TR P XVI COS III. Провиденция со сферой и рогом изобилия, стоящая влево.
   [C. III, 518; RIC III, 49; BMC IV, 196; RSC 516; MIR 42].
   18-19 mm; vii; 3,19 g.
3. Лиц. ст.: M ANTONINVS AVG – TR P XXVI. (Рим, 172 г.)
   Об. ст.: IMP VI COS III. Эквитас с весами и рогом изобилия, стоящая влево.

[C. III, 257; RIC III, 252; BMC IV, 562; RSC 257; MIR 230; RC II, 4903].
18 mm; vi; 3,62 g.

Септимий Север (193-211 гг.)

4. Лиц. ст.: IMP CA EL SEP SEV PERT AVG. (Эмеса, 194 г.)
Об. ст.: INVIC – [TO] IMP. Военные трофеи на постаменте.
[Ср.(в конце легенды лиц.ст. COSII): C. IV, 231; RIC IV, 389; BMC V, 365; RSC 232; RC II, 6288].
18 mm; vii; 2,92 g.
5. Лиц. ст.: L SEPT SEV AVG IMP XI PART MAX. (Лаодикия, 199 г.)
Об. ст.: AEQVITA – TI AVGG. Эквитас с весами и рогом изобилия, стоящая влево.
[C. IV, 21; RIC IV, 500; BMC V, 285, 650; RSC 21; RC II, 6259].
18 mm, xii, 3,28 g. Экз. в кладе из Балаклавы (№ 13)
6. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 201 г.)
Об. ст.: PART MAX P – M TR P VIIII. Трофеи, водруженные на постамент, и два пленника, сидящие по сторонам постамента.
[C. IV, 370; RIC IV, 176; BMC V, 256].
19 mm; vi; 3,52 g.
7. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 201 г.)
Об. ст.: FVNDATOR – PACIS. Север в рост влево, держит ветку оливы и свиток.
[C. IV, 205; RIC IV, 265; BMC V, 330; CSS 505; RC II, 6282].
19 mm; xii; 3,76 g.
8. Лиц. ст.: SEVERVS AVG – PART MAX. (Рим, 201 г.)
Об. ст.: RESTITVTOR – VRBIS. Север влево с копьем в левой руке, в вытянутой правой руке чаша, возносимая над алтарем.
[C. IV, 612; RIC IV, 167a; BMC V, 194, 202; RSC 599; CSS 499; RC II, 6357].
19 mm; xii; 3,63 g.

9-10. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 204 г.)
Об. ст.: VICT – PART MAX. Виктория, бегущая влево, с венком и пальмовой ветвью в руках.
[C. IV, 744; RIC IV, 295; BMC V, 365; CSS 687; RC II, 6372].
19-20 mm; vi; 2,96; 3,22 g.

11. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 204 г.)
Об. ст.: INDVLGE – NTIA AVGG. В обрезе: INCARTH. Целестис на льве, в прыжке обращенном вправо, в руках молния и скипетр, под туловищем льва вода.
[C. IV, 222; RIC IV, 266; BMC V, 335; CSS 655; RC II, 6285].
19 mm; vi; 3,35 g.
12. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 207 г.)
Об. ст.: RESTITVTOR – VRBIS. Сидящая влево фигура Рима, который держит в вытянутой правой руке Палладиум, в левой копье, у основания трона круглый щит.

[C. IV, 606; RIC IV, 288; BMC V, 221, 359; RSC 606; CSS 843; RC II, 6358].
18 mm; xii, 3,24 g.

13. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 207 г.)
Об. ст.: AFRICA. Африка, стоящая вправо, держащая скорпиона, справа внизу лев.
[C. IV, 25; RIC IV, 253; BMC V, 214, 309; RSC 25; CSS 914; RC II, 6260].
22 mm; i; 3,33 g.
14. Лиц. ст.: SEVERVS – PIVS AVG. (Рим, 209 г.)
Об. ст.: LIBERALITAS AVG VI. Либералитас, стоящая влево, держит в руках факел и рог изобилия.
[C. 298; RIC IV, 278a; BMC V, 220, 349; RSC 298; CSS 1024; RC II, 6306].
19 mm; vi; 2,85 g.

Юлия Домна (При Септимии Севере 193-211 гг.)

15. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Лаодикия, 196 г.)
Об. ст.: IVNO – REGINA. Юнона, стоящая влево, с высоким скипетром и чашей в руках, у ног ее слева павлин.
[C. IV, 97; RIC IV, 640; BMC V, 277; RSC 97; RC II, 6589].
19 mm, vi; 3,43 g.
16. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Лаодикия, 197 г.)
Об. ст.: VESTAE – SANCTAE. Веста, стоящая влево, с чашей и скипетром в руках.
[C. IV, 246; RIC IV, 648; BMC V, 280, 622; RSC 246; RC II, 6614].
19 mm; xii; 3,61 g.
17. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Рим, 201 г.)
Об. ст.: SAECVLI – FELICITAS. Изида, обращенная вправо, опирающаяся левой ногой на нос корабля и держащая в руках ребенка-Хоруса, слева алтарь.
[C. IV, 174; RIC IV, 577; BMC V, 166, 75; RSC 174; CSS 504; RC II, 6606].
18-19 mm; vi; 3,49 g.
18. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Рим, 203 г.)
Об. ст.: PIETAS – PVBLICA. Пиетас с разведенными в инвокации руками влево, слева алтарь.
[C. IV, 156; RIC IV, 574; BMC V, 165, 69; RSC 156; CSS 606; RC II, 6601].
19 mm; vi; 3,16 g.
19. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Рим, 206 г.)
Об. ст.: FELIC – ITAS. Фелицита, стоящая влево, с кадуцеем и скипетром в руках.
[C. IV, 47; RIC IV, 551; BMC V, 160, 22; RSC 47; CSS 771; RC II, 6581].
19-20 mm; vi; 3,01 g.
20. Лиц. ст.: IVLIA – AVGVSTA. (Рим, 208 г.)
Об. ст.: HILARITAS. Хиларитас, стоящая влево, с рогом изобилия и пальмовой ветвью в руках, у ног по сторонам ее два ребенка.
[C. IV, 79; RIC IV, 557; BMC V, 161, 34; RSC 79; CSS 985; RC II, 6587].

18 mm; xii; 3,13 g.

Гета (Как цезарь 198-209 гг.)

21. Лиц. ст.: P SEPT GETA – CAES PONT. (Рим, 199 г.)
Об. ст.: NOBI – LITAS. Нобилитас, стоящая вправо, держит в руках скипетр и палладиум.
[C. IV, 90; RIC IV, 13a; BMC V, 197, 223; RSC 90; CSS 414; RC II, 7184].
19 mm; i; 3,84 g.
22. Лиц. ст.: P SEPT GETA – CAES PONT. (Рим, 200 г.)
Об. ст.: PRINCIV – VENTVTIS. Гета, обращенный влево, с копьем и ветвью, справа трофеи, установленные поверх щита.
[C. IV, 157; RIC IV, 18; BMC V, 198, 234; RSC 157b; CSS 423; RC II, 7196].
18 mm; vi; 3,36 g.
23. Лиц. ст.: P SEPT GETA – CAES PONT. (Рим, 202 г.)
Об. ст.: SECVRIT – IMPERII. Секуритас, сидящая влево, держит в правой руке сферу.
[C. IV; 183; RIC IV, 20; BMC V, 199, 240; RSC 183; CSS 553; RC II, 7200].
18 mm; xii; 3,14 g.
24. Лиц. ст.: P SEPT GETA – CAES PONT. (Рим, 203 г.)
Об. ст.: FELICITAS – PVBLICA. Фелицитас, стоящая влево, держит в руках кадуцей и рог изобилия.
[C. IV, 38; RIC IV, 9a; BMC V, 197, 220; RSC 38a; CSS 605; RC II, 7173].
18-19 mm; xii, 3,43 g.

Каракалла (198-217 гг.)

25-26. Лиц. ст.: ANTONINVS – AVGVSTVS. (Рим, 200 г.)
Об. ст.: PONTIF – TR P III. Каракалла в образе Юпитера, обнаженный, со сферой и копьем в руках.
[C. IV, 413; RIC IV, 30a; BMC V, 190, 179; RSC 413; CSS 434; RC II, 6857].
19 mm; xii, vi; 3,43; 2,98 g.
27. Лиц. ст.: ANTONINVS – PIVS AVG. (Рим, 204 г.)
Об. ст.: VICT PART MAX. Виктория, бегущая влево, держит в руках пальмовую ветвь и венок.
[C. IV, 658; RIC IV, 144b; BMC V, 211, 296; RSC 658; CSS 688; RC II, 6895].
18-20 mm; vi; 3,25 g.
28. Лиц. ст.: ANTONINVS – PIVS AVG. (Рим, 205 г.)
Об. ст.: FELICIT – AS AVGG. Фелицита, стоящая влево, держит в руках кадуцей и рог изобилия.
[C. IV, 64; RIC IV, 127; BMC V, 207, 276; RSC 64; CSS 734; RC II, 6799].
19,5 mm; xii; 3,39 g.
29. Лиц. ст.: ANTONINVS – PIVS AVG. (Рим, 205 г.)
Об. ст.: PONTIF TR P – VIII COS II. Салус, сидящая на троне влево, в правой руке держит чашу, из которой поит змею.

[C. IV, 420; RIC IV, 82; BMC V 251, 484; RSC 422; CSS 730; RC II, 6860].
19 mm; vi; 3,66 g.

30. Лиц. ст.: ANTONINVS PIVS AVG BRIT. (Рим, 213 г.)
Об. ст.: PROVIDENTIAE – DEORVM. Провиденция, стоящая влево, держит в руках скипетр и прут, у ног ее сфера.
[C. 529; RIC IV, 227; BMC V, 99; CSS 1339; RC II, 6879].
19-20 mm, vii; 3,21 g.

31. Лиц. ст.: ANTONINVS PIVS AVG BRIT. (Рим, 213 г.)
Об. ст.: PROFECTIO AVG. Каракалла в воинском облачении стоит обращенный вправо, в руках держит копье, за его спиной два штандарта.
[C. IV, 508; RIC IV, 225; BMC V, 373, 97; RSC 508; CSS 1338; RC II, 6876].
19 mm, xii; 3,47 g.

32. Лиц. ст.: ANTONINVS PIVS AVG GERM. (Рим, 215 г.)
Об. ст.: P M TR P XVIII COS IIII P P. Эскулап в рост с обвитым змеей жезлом, справа у ног его сфера.
[C. IV, 307; RIC IV, 251; BMC V, 451, 103; RSC 302; CSS 1442; RC II, 6834].
19 mm; vii; 3,10 g.

33. Лиц. ст.: ANTONINVS PIVS AVG GERM. (Рим, 215 г.)
Об. ст.: P M TR P XVIII COS IIII P P. Соль в лучистой короне в рост с отведенной в сторону правой рукой, в левой руке держит сферу.
[C. IV, 287; RIC IV, 264a; BMC V, 456, 139; RSC 288; CSS 1476; RC II, 6839].
19 mm; vii; 3,24 g.

34-35. Лиц. ст.: ANTONINVS PIVS AVG GERM. (Рим, 216 г.)
Об. ст.: VENVS VICTRIX. Венера, стоящая влево, с Викторией и копьем в руках, опирается на щит над лежащим у ее ног шлемом.
[C. IV, 612; RIC IV, 311*b*; BMC V, 446, 82; RSC 606; CSS 1534; RC II, 6890].
19 mm; i, 3,28, 3,18 g.

Юлия Домна (При Каракалле 211-217 гг.)

36. Лиц. ст.: IVLIA PIA – FELIX AVG. (Рим, 212 г.)
Об. ст.: MATRI – DEVM. Кибела с чашей и скипетром стоит коленопреклоненно, опираясь на колонну, влево.
[C. IV, 137, 138; RIC IV, 382; BMC V, 432, 14; RSC 137; CSS 1329; RC II, 7104].
19 mm; vii; 3,15 g.

37. Лиц. ст.: IVLIA PIA – FELIX AVG. (Рим, 216 г.)
Об. ст.: VENVS GEN – ETRIX. Венус, сидящая на троне влево, со сферой и скипетром в руках.
[C. IV, 212; RIC IV, 388c; BMC V, 434, 23b; RSC 212; CSS 1536; RC II, 7106].
19 mm; vi; 2,85 mm.

Элагабал (218-222 гг.)

38. Лиц. ст.: IMP ANTONINVS PIVS AVG. (Рим, 220-221 гг.)
Об. ст.: VICTORIA AVG. Виктория, стоящая влево, по сторонам у ног ее два щита.

[C. IV, 300; RIC IV, 161; BMC V, 234; RSC 300a; T 319; RC II, 7554].
19 mm; xii; 3,10 g.

Из кладов денариев, найденных в Юго-Восточном Крыму, известны: 1) дер. Чокурча (совр. с. Луговое Симферопольского р-на), состоявший из 22 денариев от Нерона до Каракаллы [1, № 609]; 2) Неаполь Скифский – 130 монет, по одной Александра Македонского и Лиссимаха, остальные – денарии от Нерона до Макрина [1, № 622]; 3) деревня Биэль (совр. с. Дорожное Бахчисарайского р-на) – 150 денариев от Тита до Элагабала [1, № 573]; 4) Кадыковка-Балаклава – 57 денариев от Виттелия до Юлии Мамеи [2, p. 167-175, taf. 12-15]. Незначительно предшествующими по датировкам нашему кладу являются клады из Чокурчи (Луговое) и Неаполя Скифского, наиболее поздние монеты которых относятся ко времени Каракаллы (211-217) и Макрина (217-218). Однако по своему характеру оба они принадлежат кладам длительного накопления, что отличает их от тех, которые отражают состав монетного обращения на момент сокрытия клада. Подобное отличие наглядно предстает в сравнении составов кладов римских денариев в табл. 1.

В составе клада из окраины с. Репино отмечается наличие единичных монет, предшествующих династии Северов, выпусков – Фаустины Старшей и Марка Аврелия (161-180 гг.). В кладе из Балаклавы, содержавшем 57 монет (от Виттелия до Юлии Мамеи), чеканки предшественников Септимия Севера

Табл. 1.

Датировки монетных выпусков по правлениям эмитентов	дер. Чокурча 1890 г.	дер. Биэль, 1896 г.	Кадыковка-Балаклава, 1992 г.	с. Репино, 2003 г.
Нерон (54-68)	1			
Веспасиан (69-79)	4	2		
Домициан (81-96)	4	1		
Нерва (96-98)		1		
Траян(98-117)	1	4		
Сабина (128-136)		1		
Виттелий (136-138)			1	
Адриан (117-138)	4	5		
Фаустина Старшая	2	2	1 (141 г.)	1
Антонин Пий (138-161)	8	1	1 (152 г.)	
Луций Вер (161-169)				
Фаустина Младшая (161-175)	2	1	1 (166 г.)	
Марк Аврелий (161-180)	4	10	1 (174 г.)	2
Комод (177-192)	2		1 (191 г.)	
Луцилла (164-169)	1	2		

Датировки монетных выпусков по правлениям эмитентов	дер.Чокурча 1890 г.	дер. Биэль, 1896 г.	Кадыковка-Балаклава, 1992 г.	с. Репино, 2003 г.
Септимий Север (193-211)	5	45	21	11
Юлия Домна (193-211)		11	6	6
Юлия Домна (211-217)			1	2
Гета цезарь (198-209)	1	15	4	4
Гета август (209-211)			1	
Каракалла (198-217)	5	18	14	11
Плавтилла (202-205)	1	4		
Макрин (217-218)	1			
Элагабал (218-222)		18	2	1 (220-221 г.)
Юлия Соэмия (220-222)	1			
Александр Север (222-235)			1 (223 г.)	
Юлия Мамея (222-235)			1 (224 г.)	
Всего	47	141	57	38

также были представлены единичными экземплярами (Вителлий, Антонин Пий, Фаустина Старшая, Марк Аврелий, Луций Вер, Коммод). Чеканка же времени Септимия Севера (193-211 гг.) и членов его семьи в составе клада отличалась разнообразием типов и составляла 89,5% общего числа монет клада. Подобно тому, в кладе из окраины с. Репино монеты этих императоров составляли 94,6% общего числа. В кладе 1896 г., найденном близ дер. Биэль, денарии Септимия Севера и последующие представляли 86% его состава. В этих кладах прослеживается закономерное уменьшение монет предшествующих Септимию Северу эмиссий (14%-10,5%-5,4%) по мере уменьшения общего числа монет в кладах (141-57-38).

Клад из Балаклавы по датировке младшей монеты оказывается на три-четыре года позднее клада из окраины с. Репино, но незначительное расхождение в абсолютных датах с учетом, что в обоих кладах монеты последних лет представлены единичными экземплярами, не столь существенно на фоне значительного сходства их составов. В таблице 2 составы двух кладов сравниваются по годам выпуска монет.

Для обоих кладов характерно преобладание чеканки монетного двора Рима, а представленные единичными экземплярами монеты Лаодикии 199 г., чеканенные от имени Септимия Севера, встречаются в обоих кладах. Клады объединяет прекрасная сохранность монет 196-224 гг., указывающая на неучастие их в обращении и сокрытие в годы, близкие датам младших монет. В обоих кладах непрерывным рядом представлены выпуски 196-209 гг., а количественные пики приходятся на годы 199, 201, 204, 207. Обращает на

Табл. 2.

гг. н.э.	Мастерская	Клад Репино, 2003 г.		Клад Кадыковка-Балаклава, 1992 г.		Примечания
		кол-во	№№ по описи	кол-во	№№ по описи (Филиппенко, Алексеенко, 2000, с.172)	
69	Рим			1	№ 1 (Виттелий)	
141	Рим			1	№ 3 (Фаустина Старшая)	
147<	Рим	1	№ 1 (Фаустина Старшая)			
152	Рим			1	№2 2 (Антонин Пий)	
162	Рим	1	№ 2 (Марк Аврелий)			
166	Рим			1	№ 5 (Луций Вер)	
172	Рим	1	№ 3 (Марк Аврелий)			
174	Рим			1	№ 4 (Марк Аврелий)	
191	Рим			1	№ 6 (Коммод)	
194	Эмеса Рим	1	№ 4 (Септимий Север)	1	№ 7 (Септимий Север)	
195	Рим			2	№ 8 (Септимий Север) № 28 (Юлия Домна)	
196	Лаодикия Рим	1	№ 15 (Юлия Домна)	2	№ 9 (Септимий Север) № 35 (Каракалла цезарь)	
197	Лаодикия Рим	1	№ 16 (Юлия Домна)	2	№№10-11 (Септимий Север)	
198	Рим	1	№ 17 (Юлия Домна)	2	№ 31 (Юлия Домна) № 12 (Септимий Север)	однотипны
199	Лаодикия Рим	2	№ 5 (Септимий Север) № 22 (Гета цезарь)	3	№ 13 (Септимий Север) № 50 (Гета цезарь) № 37 (Каракалла)	однотипны однотипны
200	Рим	3	№№ 26-27 (Каракалла) № 23 (Гета цезарь)	1	№ 36 (Каракалла)	
201	Рим	3	№№ 6-7 (Септимий Север) № 18 (Юлия Домна)	4	№№14-15 (Септимий Север) № 33 (Юлия Домна) № 39 (Каракалла)	однотипны однотипны
202	Рим	1	№ 24 (Гета цезарь)	1	№ 49 (Гета цезарь)	
203	Рим	2	№ 19 (Юлия Домна) № 25 (Гета цезарь)	1	№ 29 (Юлия Домна)	
204	Рим	4	№№9-11 (Септимий Север) № 28 (Каракалла)	3	№№16-17 (Септимий Север) № 38 (Каракалла)	однотипны
205	Рим	2	№№ 29-30 (Каракалла)	2	№21 (Септимий Север) № 40 (Каракалла)	однотипны
206	Рим	1	№ 20 (Юлия Домна)	1	№26 (Септимий Север)	
207	Рим	3	№№11-13 (Септимий Север)	9	№№18-20, 22, 23 (Септимий Север) №№ 42-43 (Каракалла) №№51-52 (Гета цезарь)	однотипны

гг. н.э.	Мастерская	Клад Репино, 2003 г.		Клад Кадыковка-Балаклава, 1992 г.		Примечания
		кол-во	№№ по описи	кол-во	№№ по описи (Филиппенко, Алексеенко, 2000, с.172)	
208	Рим	1	№21 (Юлия Домна)	1	№ 24 (Септимий Север)	
209	Рим	1	№ 14 (Септимий Север)	3	№ 25 (Септимий Север) № 30 (Юлия Домна) №41 (Каракалла)	
210	Рим			3	№ 27 (Септимий Север) № 32 (Юлия Домна) № 44 (Каракалла)	
211	Рим			1	№53 (Гета)	
213	Рим	2	№№31-32 (Каракалла)	2	№№ 45-46 (Каракалла)	
214	Рим			2	№ 34 (Юлия Домна) № 48 (Каракалла)	
215	Рим	2	№№ 33-34 (Каракалла)			
216	Рим	3	№№ 35-36 (Каракалла) № 37 (Юлия Домна)	1	№ 47 (Каракалла)	однотипны
219	Рим			1	№ 54 (Элагабал)	
220-221	Рим	1	№38 (Элагабал)	1	№ 55 (Элагабал)	
223	Рим			1	№ 56 (Север Александр)	
224	Рим			1	№ 57 (Юлия Мамея)	
Всего:		38		57		

себя внимание отсутствие в кладе у с. Репино монет чеканок 210 и 214 гг., создающее лакуны в хронологическом ряду, каковые отсутствуют в кладе из Кадыковки, но это кажется возможным объяснить неполным составом клада, оказавшегося доступным для исследования. В целом же комплектация обоих кладов обнаруживает разительное сходство, подкрепляемое также и наличием совместной встречаемости в них 8 типов монет, которые в количественном отношении совпадения типов составляют: для клада Кадыковка-Балаклава – 13 экз.(22,8%), клада у с. Репино –16 экз.(42,1%).

Сходство подкрепляется и тем, что оба клада найдены на территории римских военных лагерей, каковыми являются как исследовавшаяся раскопками римская стоянка в Балаклаве, так, вероятно, и незатронутое исследованиями прямоугольное в плане, огражденное остатками стен и рва укрепление на окраине с. Репино. Неподалеку от места находки клада у с. Репино найдена бронзовая деталь застежки широкого армейского пояса с обломанной или пострадавшей от окисления железной заклепкой (рис. 1). Застежки подобного типа характерны для римского воинского обмундирования, но редки в находках, поскольку чаще изготавливались из железа (на-

пример, экземпляры полно сохранившихся поясов в экспозиции Британского музея), не выдерживавшего условий такой окисляющей среды, как культурный слой поселений и городищ. Возможно, по этой причине подобных застежек не отмечается среди находок в Херсонесе, где локализация воинских подразделений Рима в последней четверти II – перв. пол. III вв. н.э., засвидетельствована эпиграфическими памятниками [IOPE I^2, 705; CIL, VIII, 619; 3, I, №№ 14, 59-64; II, 188-191, 193; 4, №№ 1, 7, 18, 25-26, 31-36, 39], керамическими легионными клеймами [5, с. 155-157; 6, с. 39-45] и подкрепляется находками бронзовых деталей одежной и обувной фурнитуры [7, с. 43-128].

О времени начала дислокации в округе Херсонеса римских подразделений можно судить по датировке херсонесского декрета 173/174 гг. в честь легата Кальпурниана и его супруги, прибывшим, как очевидно, вместе с подразделениями подчиненных легату войск [8, с. 58-86; 9].

Рис. 1. Деталь застежки воинского пояса, найденная вблизи места находки монетного клада у с. Репино. Длина 153 мм.

К числу кладов, подобных найденным в Кадыковке-Балаклаве и у с. Репино, может относиться еще один клад неизвестных – времени и места находки, происходящий, судя по обнаружению его монет в фондах Бахчисарайского заповедника, очевидно, из Юго-Западного Крыма. От клада сохранилось 18 денариев, которые ошибочно включены в состав единицы хранения «клад» (119 ед., инв. №№ 5138-5256) вместе с антонинианами клада из с. Долинное Бахчисарайского р-на [10, с. 81-90]. Описания 4-х денариев приводятся по публикации их изображений [11, p. 178-179]:

1. Фаустина Младшая
   Л. ст.: FAVSTINA – AVGVSTA (Рим, 161-175 гг.)
   Об. ст.: LAE – T – I – TIA. Летиция в рост с венком и скипетром в руках, голова обращена влево.
   [RIC 702 var.; BMC 127; RSC 152c; MIR 22; RC II, 5258].
2. Марк Аврелий (161-180 гг.)
   Л. ст.: M ANTONINVS AVG – ARM PART MAX (Рим, 166 г.)
   Об. ст.: TR P XX IMP IIII COS III. Виктория с пальмовой ветвью и щитом, на котором написано VIC/PAR

[RIC 163; BMC 406; RSC 878; RC II, 4933].

3. Каракалла (198-217 гг.)

Л. ст: ANTONINVS – PIVS AVG (Рим, 201 г.)

Об. ст.: PART MAX PONT TR P IIII. Два пленника, сидящие по сторонам водруженных на постамент трофеев.

[RIC 54b; BMC 204, 262; RSC 175; RC II, 6853].

4. Юлия Меза (218-222)

Л. ст.: IVLIA MAESA AVG (Рим, 218-220 гг.)

Об. ст.: PIETAS AVG. Пиетас, стоящая перед алтарем с руками в жесте инвокации.

[RIC 266; BMC 75; RSC 34a; RC II, 7755].

Вероятно, находки в Юго-Западном Крыму подобных кладов, состоящих, в основном, из не участвовавших активно в обращении и не имеющих следов потертости монет, можно связывать с расквартированием здесь подразделений римских войск, и более конкретно, с выплатами им денежного содержания, осуществлявшимися из единой казны. Последняя пополнялась новыми, не побывавшими в обращении монетами, поступившими в нее, в основном, непосредственно с монетного двора Рима, что и отличало монеты кладов безукоризненной сохранностью, преобладанием эмиссий Рима.

Очевидно, что с дислокацией римских войск связаны и единичные находки денариев, не участвовавших в обращении и представленных отличной сохранностью. При раскопках Е.В.Веймарна на городище Альма-кермен (с. Заветное Бахчисарайского р-на) были найдены три денария [1, № 579]: Антонин Пий 138 г. [BMC, IV, с.5, 13, taf. 1, *6*], Каракалла 200 г. [BMC V, p.190, 179-183, taf. 31, *9*], Каракалла 210-217 гг. [BMC V, с.370, 73-75, taf. 55, *3*]. При раскопках римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор в конце XIX в. находки римских денариев составляли в общей сложности 82 экземпляра, в числе которых наибольшее число приходилось на период правления Септимия (11 экз.) и Александра (11 экз.) Северов, а наиболее поздним являлся денарий Гордиана III [5, с. 153-154; 1, № 633]. К таковым же, связанным с дислокацией римских подразделений в Таврике, принадлежат, вероятно, найденные в 2003 г. при раскопках на плато Мангупа[1] денарии Септимия Севера и Гордиана III, отличающиеся отличной сохранностью, без следов потертости.

1. Опись, № 24 (к.о. 306). Серебро, 18-20 мм; Рим, Септимий Север (193-211 гг.), денарий 207 г.: Лиц. ст.: голова Септимия Севера в лавровом венке вправо, SEVERVS – PIVS AVG. Об. ст.: RESTITVTOR – VRBIS, Рим, сидящий на троне влево, в руках палладиум и скипетр. [C. IV, 606; RIC IV, 288; BMC 359; RSC 606; Sear II, 6358].

[1] Пользуюсь возможностью, благодарю А.Г.Герцена за разрешение использовать данный материал в публикации.

2. Опись, № 51 (к.о. 467). Серебро, 19,5-20,5 мм; Рим, Гордиан III (238-244 гг.), денарий 241 г. Лиц. ст.: IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG, голова Гордиана в венке вправо. Об. ст.: SECVRITAS PVBLICA, Секуритас на троне влево, в правой руке скипетр. [C. V, 340; RIC IV, 130].

После перерыва в начале правления Гордиана III выпуск денариев осуществлялся в 240-243 гг.

Выпуск антонинианов, начавшийся в 214 г. при Каракалле, был приостановлен при Александре Севере, что, возможно, диктовалось невосприимчивостью армии к новому номиналу, приравниваемому к двум денариям. До времени Гордиана III, как очевидно, плата подразделениям римской армии осуществлялась только в денариях, но и начиная со времени Гордиана III, антонинианы предназначались не для подразделений регулярной армии, а для федератов. Монетная часть клада из с. Долинное Бахчисарайского р-на, сокрытого после 251 г., состояла исключительно из антонинианов, причем, включала в себя единичные экземпляры наиболее ранних в кладе выпусков Каракаллы и Элагабала [10, №№ 1-2; в публикации оба отнесены к Каракалле]. Клад из Долинного является наиболее поздним из найденных в Юго-Западном Крыму кладов, которые могут непосредственно связываться с выплатами жалования федератам. Варварский характер клада, определяемый наличием в его составе серебряной фибулы, отмечался его издателями.

Клад из Долинного является наиболее поздним из найденных в Юго-Западном Крыму кладов, которые могут непосредственно связываться с выплатами воинского жалования.

Принято считать, что подразделения римской армии покидают полуостров в правление Галлиена между 253 и 268 гг. Установить точнее дату этого события, возможно, позволяют хранящиеся в Керченском музее клады – из Керчи 1954 г., состоявший из одного денария и 70 антонинианов, с датирующими его выпусками Галлиена [12, с. 329-342; 13, с. 95-101, табл. 64-69; 14, с.386-393, табл. 159-164], и из поселка Войково 1962 г., включавший в себя 8 антонинианов [Абрамзон, Фролова, 2008, с.385-386, табл. 158]. Датировка наиболее поздних монет этих кладов 256-257 гг. может указывать на то, что оставление полуострова римскими войсками происходит в конце правления Галлиена после 257 г. Топография кладов с римскими монетами позволяет предполагать передислокацию римских подразделений в Таврике после 251 г. с выдвижением их к Боспору, которое могло быть связано с необходимостью отражения здесь готской угрозы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР / САИ, Г 4-4, М., 1961.
2. *Филиппенко А.А., Алексеенко Н.А.* Клад римских денариев из Балаклавы // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена / Swiatowit, Supplement Series A: Antiquity, vol. V. Warsawa, 2000. P. 167-175.

3. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. I – Киев, 1964. II – Киев, 1973.
4. *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
5. *Ростовцев М.И*. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. № 3.
6. *Борисова В.В.* Черепица с клеймами римских легионеров // СХМ. Симферополь, 1961. II. с. 39-45.
7. *Костромичев Д.А.* Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
8. *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и макроманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4, с.58-86.
9. *Виноградов Ю.Г.* Херсонесского декрет в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1996. № 1.
10. *Пиоро И.С., Герцен А.Г.* Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // НиС, 5. Киев, 1974, с. 81-90.
11. Herzen A.G. Il tesoro di Dolinnoe // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995. P. 178-179.
12. *Кунина Н.З.* Керченский клад серебряных римских монет // Археология и история Боспора. Ч. II. Симферополь, 1962, с. 329-342.
13. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. I. Клады античных монет. Киев, 2006.
14. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834-2005 гг.). Симферополь-Керчь, 2008.

СОКРАЩЕНИЯ:

C. – *Cohen H.* Description Historique des Monnaies frappes sour l'Empire Romain. 2nd edition. 8 vols. Paris, 1880-1892.
RIC – Roman Imperial Coinage, by *H.Mattingly* and *E.A.Sydenham*. Vol. III. Antoninus Pius – Commodus. 1930. Vol. IV. Part 1. Pertinax – Geta. 1936.
BMC – Coins of the Roman Empire in the British Museum, by *H.Mattingly*. Vol. IV. Antoninus Pius – Commodus. London, 1940 (2nd ed. in 2 vols., 1976; Reprint, in 2 vols., 1977). Vol. V. Pertinax – Elagabalus. 2 vols., London, 1950 (2nd ed. 1976; Reprint, 1977).
RSC – *Seaby H.A.* Roman Silber Coins. Vol. II. Tiberius – Commodus. 3rd edition, 1979. Vol. III. Pertinax – Balbinus and Pupienus. 2nd edition, 1982.
CSS – *Hill P.V.* The Coinage of Septimius Severus and his family of the Mint of Rome, AD 193-217. 1977.
RC – *Sear D.R.* Roman Coins and their Values. Vol. II. The Accession of Nerva to the overthrow of the Severan dynasty AD 96 – AD 235. London, 2002.

Сидоренко В.А.

Скарб римських денаріїв, що знайдено біля села Репіно Бахчисарайського району

Резюме

Скарб, що знайдено біля села Репіно Бахчисарайського району у 2003 року, складався з 38 срібних римських денаріїв: Фаустини Старшої – 1, Марка Аврелія – 2, Септимія Севера – 11, Юлії Домни – 6, Гети (цезаря) – 4, Каракали – 11, Юлії Домни – 2, Элагабалу – 1. Пізніша

монета скарбу датується 220-221 рр. Найбільш близьким йому по складу є скарб із Кадиковкі (Балаклави), що був захований на території римського табору. Ці скарби, також деякі інші та окремі знахідки монет, що не мали потертості от участі у грошовому обігу, могли бути пов'язані з грошовими виплатами римським військовим підрозділам, що розташовувалися на півострові. Іншу групу складають скарби антонініанів, що змінили денарії у платні армії. Локалізація скарбів дозволяє висловити зміну регулярної армії на федератів у другої чверті III сторіччя та передислокацію римських гарнізонів меж 251 та 257 роками із Південно-Західного Криму до Боспору, що можливо було пов'язано зі спробою протиставлення готської навали.

Сидоренко В.А.

Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского р-на

Резюме

Клад, который был найден у села Репино Бахчисарайского района в 2003 году, состоял из 38 серебряных римских денариев: Фаустины Старшей – 1, Марка Аврелия – 2, Септимия Севера – 11, Юлии Домны – 6, Геты (цезаря) – 4, Каракаллы – 11, Юлии Домны – 2, Элагабала – 1. Позднейшая монета клада датируется 220-221 гг. Наиболее близким ему по составу является клад из с. Кадыковка (Балаклава), который был сокрыт на территории римского военного лагеря. Этот клад, а также некоторые иные и отдельные находки монет, что не несут следов потертости от участия в денежном обращении, могли быть связаны с выплатами римским войсковым подразделениям, которые размещались на полуострове. Другую группу составляют клады антонинианов, заменивших денарии в расчетах с армией. Локализация кладов позволяет проследить замену регулярной армии на федератов во второй четверти III в. и передислокацию римских гарнизонов между 251 и 257 годами из Юго-Западного Крыма на Боспор, что, возможно, было связано с попыткой противостояния готскому нашествию.

Sidorenko V. A.

Horde of Roman Denaries from the Village of Repino of Bakhchisarai District

Summary

The horde found near the village of Repino, Bakhchisarai district in 2003 contained 38 silver Roman denaries: Faustina Senior – 1, Marcus Aurelius – 2, Septimius Severus – 11, Julia Domna – 6, Geta (as Caesar) – 4, Caracalla – 11, Julia Domna – 2, Elagabalus – 1. The latest coin from the horde is dated back to 220-221 AD. The closest in content to this horde was the one from the village of Kadikovka (Balaklava), which was hidden on the territory of the Roman military camp. These hordes and individual finds that do not have worn spots could have been connected with payments to Roman military divisions which were located on the peninsula. The other group includes hordes of antoninianus that substituted denaries in payments to the army. The localization of hordes enables to trace the replacement of regular army by federates in the second quarter of the 3rd century and redeployment of Roman garrisons in the period of 251 and 257 from the South-Western Crimea to Bosporus; it was probably connected with the attempt to withstand the Goths.

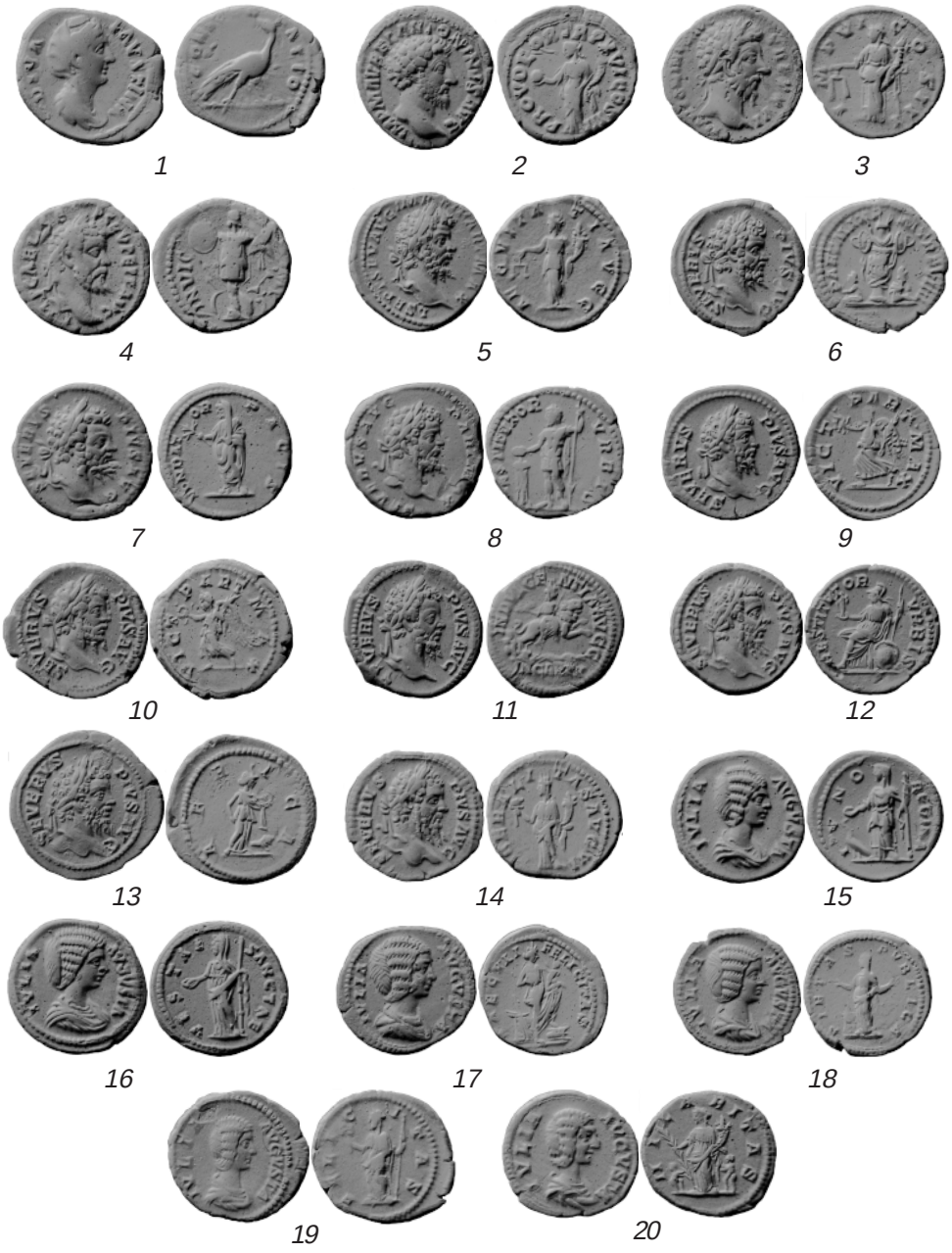

Табл. I. Серебряные денарии клада у с. Репино:
1 - Фаустины Старшей; *2-3* - Марка Аврелия; *4-14* - Септимия Севера; *15-20* - Юлии Домны.

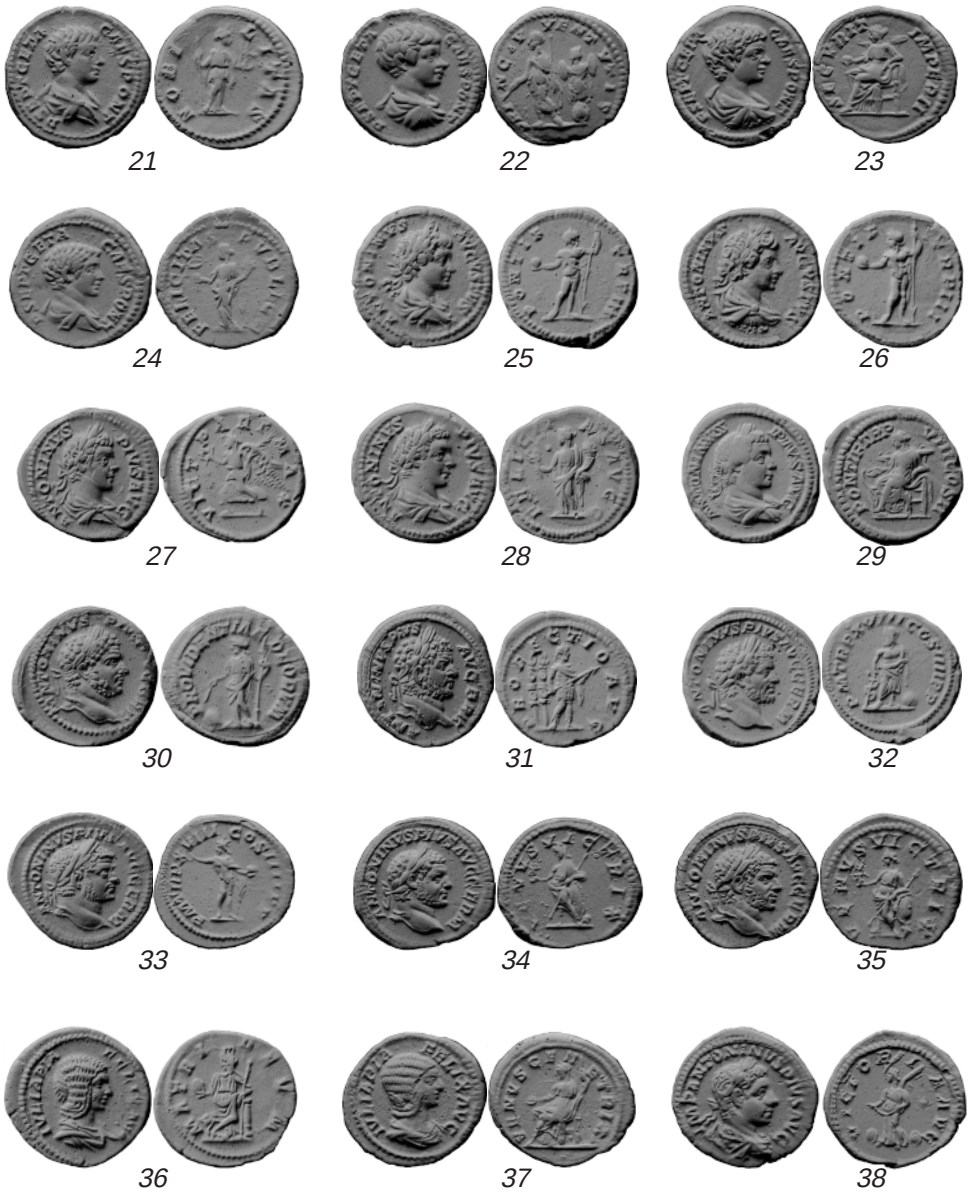

Табл. II. Серебряные денарии клада у с. Репино:
21-29 - Геты (цезаря); *30-33* - Каракаллы; *34-38* - Элагабала.

ИСТОРИЯ

М. А. НИКИФОРОВ

К ДИСКУССИИ О ДАТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФЕМЫ В ТАВРИКЕ

Дискуссия о дате учреждения византийской фемы в Таврике началась более века назад. За это время выдвигались различные гипотезы и предположения. Разнообразие мнений надо связывать, в первую очередь, со скудностью информации в источниках об этом событии, с одной стороны, и неиссякаемым интересом к нему, с другой.

Хотя сведения о т.н. миссии Петроны Каматира, заключающейся в строительстве крепости Саркел и учреждении византийской фемы в Таврике, содержатся в нескольких византийских хрониках: Константина Багрянородного, Скилицы, Кедрина, Продолжателя Феофана [1, с. 171-173; 2, s. 105-106; 3, p. 129-130; 4, с. 56], помощь в определении дат интересующих нас событий может оказать только последняя. Константин Багрянородный, пользующийся, видимо, тем же первоисточником, что и Продолжатель Феофана, не дает никаких хронологических указаний, позволяющих датировать учреждение фемы и строительство Саркела. Кедрин и Скилица лишь пересказывают текст хроники Продолжателя Феофана, не добавляя ничего нового.

В 28 главе[1] хроники Продолжателя Феофана сообщается, что хаган Хазарии и пех отправили к императору Феофилу послов с просьбой построить на реке Танаис (Дон) крепость Саркел. Миссию по постройке крепости возглавляет спафарокандидат Петрона Каматир. Вместе с катепаном Пафлагонии он отправляется в Херсон, где пересаживается на корабли, приспособленные к плаванию по реке, и достигает места строительства новой крепости. Построив крепость, Петрона возвращается в Константинополь и докладывает императору о положении дел в Херсоне. Из этого доклада следует, что Херсоном

[1] В статье используется только Книга IV Хронологии Продолжателя Феофана. Нумерация глав приводится по боннскому изданию 1838 г.: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Simeon Magister, Georgius Monachus // CFHB. Bonn, 1838.

управляют местные протевонты, архонты и патеры. Феофил, возведя в чин протоспафария Петрону, отправляет его стратигом в Херсон, а протевонту и другим чиновникам повелевает ему подчиниться [4, с. 56].

Преобладающее большинство исследователей связывает сведение о назначении в главный византийский форпост в Таврике стратига с учреждением здесь фемы. Косвенно это подтверждается присутствием «фемы Климатов», локализуемой в Крыму, в т.н. тактиконе Успенского (составлен в 842-843 гг.) [5, p. 49] и печатями местных стратигов, датированными сфрагистами, в том числе, и IX в. [6, p. 182; 7, № 14; 8, с. 92; 9, с. 702-708].

Рассказ Продолжателя Феофана породил обширную дискуссию, связанную с причинами прибытия хазарского посольства в Константинополь, строительства Саркела, учреждения византийской фемы в Таврике и военно-политическими последствиями этих мероприятий. Рамки предложенной статьи будут ограничены лишь выяснением возможных дат перечисленных событий. При этом будет учитываться, что эти события хронологически связаны между собой, и определение даты встречи хазарских послов с императором Феофилом может привести к установлению и других дат т.н. миссии Петроны Каматира.

В историографии, с различной степенью аргументации, предлагались разные даты интересующих нас событий. А.А. Куник [10, с. 85], а вслед за ним и Ф. Вестберг [11, с. 51; 12, с. 87] относили строительство Саркела к 835 г., Ю.А. Кулаковский – к 839 г. [13, с. 153]. Ф.И. Успенский отмечал, что первое упоминание о стратиге Херсона в источниках относится к 892 г., а строительство Саркела датировал концом 903 – началом 904 гг., отрицая, тем самым, связь между двумя этими событиями [14, с. 256-259, 264, 288-292]. Этот взгляд нашел поддержку у Н.Д. Знойко [15, с. 261], однако был убедительно опровергнут В.Г. Васильевским, доказавшим, что строительство хазарской крепости и учреждение фемы произошли около 837 г. [16, с. 273-289].

Особое место в историографии заняла гипотеза, выдвинутая А.А. Васильевым. Он впервые предпринял осторожную попытку связать дату хазарского посольства с датой восшествия на патриарший константинопольский престол Иоанна Грамматика. Основываясь на тексте Продолжателя Феофана, исследователь предложил отнести безрезультатный поход императора Феофила на арабов, предшествующий появлению хазарских послов в Константинополе, к следующему году после интронизации Иоанна Грамматика. Так как последнее событие, по его мнению, произошло в 832 г., то появление хазарских послов датировалось следующим, 833 г. [17, с. 137; 18, p. 108]. Это предположение А.А. Васильева, высказанное на рубеже XIX-XX вв. и повторенное позже Д. Бюри [19, p. 416], оставалось доминирующим в продолжение практически всего XX века [20, с. 43; 21, с. 75; 22, с. 55; 23, p. 186-187; 24, p. 154]. Иной взгляд, пожалуй, предложили лишь М.И. Артамонов, датировавший рассказ о миссии Петроны Каматира 834 г. [25, с. 402], и И.А. Баранов,

усомнившийся в возможности существования фемы в Таврике в IX в. [26, с. 141]. Однако эти мнения не нашли широкой поддержки.

Ситуация изменилась с появлением исследований У. Треадголда, перенесшего дату посвящения Иоанна Грамматика в константинопольские патриархи на 21 апреля 838 г. [27, p. 178]. Принимая во внимание хронологическую последовательность назначения Иоанна Грамматика и прибытия хазарского посольства, американский ученый датирует последнее событие 839 г. В этом же году, по мнению исследователя, происходит строительство Саркела и учреждение фемы в Крыму [28, p. 312].

Датировку прибытия хазарского посольства в Константинополь У. Треадголда поддержал К. Цукерман. При этом исследователь справедливо отметил невозможность строительства Саркела и учреждения фемы в Крыму в течение одного 839 г. К. Цукерман, произведя расчет времени, которое патрикий Петрона должен был потратить на свою миссию, пришел к выводу, что строительство Саркела, а, следовательно, и учреждение фемы, не могли состояться ранее 841 г. [29, p. 212-214]. С.Б. Сорочан отметил, что при расчетах сроков миссии Петроны Каматира неминуемо возникает ряд неизвестных по продолжительности моментов. По его мнению, существует два равно возможных варианта учреждения фемы: осень-зима 840 г. или весна-лето 841 г. [30, с. 358, 361]. Н.И. Храпунов, указав на лакуну в 27 главе текста хроники Продолжателя Феофана и возникающую хронологическую путаницу в источнике, усомнился в возможности датировать события т.н. миссии Петроны Каматира [31, с. 119-120]. Несмотря на эти замечания, предложенная К. Цукерманом дата стала наиболее популярной среди современных исследователей [32, с. 66; 33, с. 473; 34, с. 691; 35, с. 270-271].

Из приведенного краткого историографического обзора видно, что научная дискуссия о дате интересующих нас событий, по большому счету, закончилась после безоговорочного принятия тезиса А.А. Васильева о хронологической последовательности интронизации Иоанна Грамматика и прибытия хазарского посольства в Константинополь. В дальнейшем споры ученых концентрировались именно вокруг этого события, и хронология миссии Петроны Каматира сдвигалась вслед за датой назначения патриарха. Пожалуй, лишь исследование К. Цукермана обогатило историографию рассматриваемой проблемы новым подходом – расчетом вероятного времени, затраченного Петроной на исполнение возложенного на него задания. Однако хронология этого исследователя также жестко зависит от даты назначения Иоанна Грамматика. Поэтому цель представленного исследования состоит не только в предложении нового подхода при датировке событий, описанных в 28 главе хроники Продолжателя Феофана, но и в возобновлении научной дискуссии по этой проблематике.

В этой связи считаю уместным привести цитату из работы А.А. Васильева, касающуюся его отношения к хронологической последовательности рас-

сматриваемых событий: «И хотя *на скудные, неопределенные хронологические указания Продолжателя Феофана полагаться нельзя*, тем не менее надо сознаться, что его «Τω δ΄ έπιοντι έτει» («на следующий год»), т.е. после назначения Иоанна Грамматика, подходит (*к походу 833 г.*) как нельзя более» [17, прил. 2, с. 137]. Любопытно отметить, что это осторожное предположение исследователя, удачно вписывающееся в его хронологическую концепцию, последующими работами других авторов трансформировалось в аксиому, требующую лишь ссылки на текст источника. Обратившись же по этой ссылке к тексту самого Продолжателя Феофана, обнаружим, что между сообщением об интронизации Иоанна Грамматика и этим военным походом содержится целая глава, рассказывающая об увлечении императора Феофила пророчествами. По сведению хрониста, в гаданиях активное участие принимал Иоанн Грамматик, уже наделенный саном патриарха. Поэтому, если скрупулезно следовать тексту источника, то интересующий нас поход произошел на следующий год не после интронизации Иоанна Грамматика, а после его гаданий византийскому императору, датировка которых представляется весьма проблематичной. Более того, лишь немногие обращают внимание, что упомянутый пассаж о гаданиях византийского императора обрывается, и в тексте Продолжателя Феофана, перед главой о миссии Петроны Каматира, существует лакуна [36, p. 122]. Учитывая хотя бы эти два момента, тезис о хронологической последовательности интронизации Иоанна Грамматика и безрезультатного похода Феофила на арабов требует хотя бы каких-нибудь доказательств.

Указанные два момента, не единственное, что заставляет настороженно относиться к гипотезе о хронологической последовательности интронизации и миссии Петроны Каматира. Как уже отмечалось, в хронологических построениях К. Цукермана важное место занимают работы У. Треадголда, датировавшего не только интронизацию Иоанна Грамматика, но и арабо-византийские войны. Наиболее важным для нас является определение времени похода, предшествовавшего появлению хазарского посольства в Константинополе. У. Треадголд датирует его 839 г. Исследователь пишет, что Феофил, восстановив свое здоровье и дух после поражения под Аморием, вывел армию для предотвращения повторного вторжения арабов [28, p. 312]. Источником для У. Треадголда послужило сообщение Продолжателя Феофана о том, что «…агаряне и Феофил выступили друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю» [36, p. 122; 4, с. 56]. Нетрудно заметить, что византийский историк не упоминает ни о выздоровлении императора, ни о дате, ни о целях его похода. Продолжатель Феофана пишет лишь о походе двух правителей друг против друга. К сожалению, У. Треадголд не дает ссылки на источник, который содержит сведения о подобных действия двух армий в 839 г. Во фрагментах собранных А.А. Васильевым арабских хроник, на которые часто ссылается У. Треадголд, информация

о подобных выступлениях в 839 г. отсутствует. Не сообщают о выдвижении императорской армии к восточной границе и другие византийские источники. Очевидно, единственной причиной датировать безрезультатный поход арабской и византийской армий 839 г. является уверенность У. Треадголда в наличие хронологической последовательности между назначением Иоанна Грамматика и этим походом. Сам Продолжатель Феофана, в другой главе, рассказывает, что после поражений 838 г. Феофил, разочаровавшись в своих воинах, начинает активный поиск союзников в Европе [4, с. 61], а не спешит во главе армии к арабской границе.

Более того, соглашаясь все же датировать этот поход 839 г., мы неминуемо столкнемся с нарушением последовательности изложения византийско-арабских войн в хронике Продолжателя Феофана. Уже в следующей главе рассказывается о кампании 837 г., а затем о поражении византийцев в 838 г. Таким образом, о походе 839 г. в хронике сообщается раньше, чем о сражениях 837 и 838 гг. [4, с. 57-60]. Конечно, эту хронологическую путаницу можно объяснить неточностью или ошибками автора, которые в избытке присутствуют в хронике. Однако тогда остается непонятным критерий, по которому современные исследователи в одном случае полностью доверяют хронологии Продолжателя Феофана, а в других нет. Кстати, и У. Треадголд, и К. Цукерман полностью игнорируют эту возникшую у них хронологическую путаницу.

Итак, поставив под сомнение тезис о хронологической последовательности между датой интронизации Иоанна Грамматика и датой военного похода, предшествующего появлению хазарского посольства в Константинополе, возникает необходимость объяснить, на следующий год после какого именно события «…и агаряне, и Феофил выступили друг против друга» [36, p. 122; 4, с. 56]. Ответ на этот вопрос попробуем найти в тексте самого источника.

28 глава – не единственная, где есть указание на то, что автор хроники придерживается хронологической последовательности. В 23 главе также используется речевой оборот «на следующий год». На этот раз его принадлежность не вызывает сомнений и относится к событиям византийско-арабских войн [36, p. 114; 4, с. 53]. Хронист сообщает, что Феофил на следующий год после своего поражения от арабов совершает удачный поход в Малую Азию. В следующей, 24 главе византийский автор использует оборот «только наступила весна…», также относящийся к очередному эпизоду византийско-арабской войны [36, p. 116; 4, с. 54]. Наконец, 37 главу своего труда Продолжатель Феофана начинает с фразы «в это время…», а 38 – «в то же самое время». В первом случае имеется в виду, скорее всего, время поражения византийцев под Аморием, а во втором говорится о грабительском набеге критян на побережье Фракисия [36, p. 135; 4, с. 61].

Нетрудно заметить, что все приведенные примеры использования в хронике Продолжателя Феофана речевых конструкций, в той или иной мере указывающих на хронологическую последовательность, относятся исключитель-

но к событиям византийско-арабских войн. Поэтому есть все основания фразу «на следующий год…», с которой начинается 28 глава, также отождествить с этим конфликтом. Следовательно, интересующее нас выступление арабов и Феофила друг против друга произошло на следующий год после предыдущего эпизода византийско-арабского противостояния, а не интронизации Иоанна Грамматика. В этой связи, становится важным датировать именно этот эпизод, изложенный в 24 главе труда Продолжателя Феофана.

В 24 главе византийский автор пишет о выступлении императора Феофила с войском против арабов. Затем следует сообщение о святом Мефодии, которого император забрал с собой в поход. После этого описывается само сражение и рассказывается о подвиге Мануила, спасшего императора [4, с. 54]. На первый взгляд, последний эпизод может указать дату самого похода. У. Треадголд, основываясь на сведениях других византийских источников, отнес пассаж о подвиге Мануила к битве у Анцена, произошедшей 22 июля 838 г. Однако этому противоречат дальнейшие сведения хроники Продолжателя Феофана, из которых следует, что подвиг Мануила привлек к нему зависть, ставшую причиной обвинений его в заговоре против императора. Спасая свою жизнь, Мануил восстает против Феофила и переходит на сторону арабов [4, с. 54]. Благодаря восточным хроникам известно, что Мануил находился среди арабов уже в 830 – начале 831 гг. [17, прил. 2, с. 133]. В свою очередь, У. Треадголд датирует измену Мануила концом 829 – началом 830 гг. [27, p. 177].

Продолжая свой рассказ, Продолжатель Феофана повествует о военных успехах Мануила на службе у арабского халифа, внушивших Феофилу раскаяние. Византийский император отправляет к арабам Иоанна Грамматика с тайным заданием вернуть Мануила. Послу удается выполнить задание, и при помощи хитрости Мануил возвращается в Византию [4, с. 54-55]. У. Треадголд датирует миссию будущего патриарха серединой 830 г. [27, p. 177].

После рассказа об удачной миссии Иоанна Грамматика Продолжатель Феофана указывает число и месяц его интронизации, которую У. Треадголд относит к 21 апреля уже 838 г. [27, p. 177], и затем переходит к повествованию о склонности византийского императора к гаданиям.

Таким образом, доверившись хронологии У. Треадголда, мы неминуемо сталкиваемся с хронологической путаницей, т.к. событие, произошедшее в 838 г. (спасение Мануилом императора) не может повлечь за собой действия, датируемые 829-830 гг. (побег Мануила к арабам, миссия Иоанна Грамматика). Более того, если даже признать, что эпизод с бегством и последующим возвращением Мануила попал в рассказ о поражении под Анценом по ошибке, то избежать хронологической путаницы снова не получится. В тексте источника назначение Иоанна Грамматика (21 апреля 838 г., по У. Треадголду [27, p. 177]) произошло после сражения под Анценом [4, с. 54-55] (22 июля 838 г., по У. Треадголду [27, p. 177]).

Вообще попытки установить даты некоторых византийско-арабских столкновений на основе приведенных Продолжателем Феофана данных представляются весьма проблематичными. Опираясь практически на те же источники, А.А. Васильев, например, датирует рассмотренный выше поход 831 г., переход Мануила к арабам – 830 г., а миссию и интронизацию Иоанна Грамматика – сентябрем 831 г. и 21 апреля 832 г. соответственно [17, с. 133]. Или как можно, например, датировать, по «ряду неверных сведений» о византийском полководце Феофобе [17, с. 82], носящих зачастую легендарный характер и часто уводящих нас во времена, предшествующие правлению императора Феофила, первый сообщаемый Продолжателем Феофана византийско-арабский конфликт. Больших проблем не возникает лишь с установлением хронологии триумфальных походов 831 г. и 837 г., а также поражений 838 г.

Так как установление дат некоторых византийско-арабских столкновений на основе сведений Продолжателя Феофана проблематично, то попробуем применить другой подход. Для этого сопоставим упоминаемые византийским автором походы с военными кампаниями, хорошо известными по восточным источникам.

Как известно, первый поход, описанный в византийском источнике, окончился поражением Феофила [4, с. 51-52]. Отнесем его к 830 г., т.к. именно этим годом восточные хроники датируют первое арабо-византийское столкновение, произошедшее в правление Феофила [17, с. 84-87].

«На следующий год…» (т.е. в нашей трактовке 831 г.), как пишет Продолжатель Феофана, император снова выступил против арабов и на этот раз одержал победу [36, p. 114; 4, с. 53]. Арабские источники также датируют первый успешный поход Феофила 831 г. [17, с. 87].

«Только наступила весна…», сообщается в следующей главе, Феофил собрал войско и выступил против арабов, но был ими разбит [36, p. 116; 4, с. 54]. Хотя Продолжатель Феофана на этот раз не указывает, сколько прошло времени с предыдущего похода, однако представляется вполне логичным отнести эти боевые действия к весне следующего после 831 года. К тому же, арабские писатели датируют 832 г. взятие халифом ал-Мамуном византийской крепости Лулу и очередное поражение Феофила [17, с. 99].

Наконец, Продолжатель Феофана сообщает: «на следующий год и агаряне и Феофил выступили друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю» [36, p. 122; 4, с. 56]. Тут нельзя не согласиться с А.А. Васильевым, считавшим, что это сообщение как нельзя лучше согласуется с известиями арабских писателей, относящимися к событиям 833 г. Тогда арабский халиф ал-Мамун собрал большое войско и направился к византийской границе. Однако смерть халифа предотвращает столкновение армий двух правителей [17, с. 101-103].

После смерти арабского правителя до 837 г. восточные хроники молчат о крупных боевых столкновениях с Византией в Малой Азии. Следую-

щая кампания Феофила против арабов, о которой сообщает Продолжатель Феофана, легко датируется именно 837 г. В этом году византийский император совершил удачный поход в Сирию, взял несколько городов, в том числе Запетру («Созопетра» у Продолжателя Феофана) [4, с. 57]. В ответ на это, арабский халиф Мутасим наносит удар, глубоко вклинивается в пределы Византийской империи, захватывает город Аморий и наносит сокрушительное поражение Феофилу под Анценом [4, с. 57-59]. Это последнее столкновение с арабами императора Феофила, о котором сообщает византийский историк. Оно легко датируется 838 г. [17, с. 58-59; 28, p. 297]. Арабские источники тоже не сообщают больше о крупных византийско-арабских столкновениях в Малой Азии в период правления императора Феофила.

Таким образом, Продолжатель Феофана излагает хронологически последовательную картину византийско-арабских войн, что подтверждается данными арабских источников. При этом в отступлениях, посвященных участникам и событиям того или иного похода, которыми византийский историк дополняет свой рассказ, хронология зачастую не соблюдается. В тексте хроники немало примеров, когда автор вспоминает уже прошедшие события, забегает в своем повествовании вперед или вообще воспроизводит легендарные сюжеты. Сведения об интронизации Иоанна Грамматика, по-видимому, и являются одним из таких примеров. Описывая кампанию 832 г., Продолжатель Феофана упоминает имя «полководца Мануила», после чего отвлекается от хронологии византийско-арабских войн и начинает рассказ об этом персонаже: о его переходе к арабам и возвращении при посредничестве Иоанна Грамматика в Византию. Упомянув в этом рассказе имя Иоанна Грамматика, византийский историк повествует также и о его рукоположении в константинопольские патриархи, и о магических гаданиях. Закончив рассказ о Мануиле и Иоанне Грамматике, автор Хронографии снова возвращается к изложению событий византийско-арабской войны [4, с. 53-56].

Итак, из хронологии византийско-арабских войн, изложенной Продолжателем Феофана, следует, что Феофил принял хазарское посольство в Константинополе после похода 833 г. Следовательно, учитывая организационные мероприятия и время на дорогу, строительство крепости Саркел и учреждение византийской фемы в Крыму могло произойти не ранее следующего, 834 г. Так как рассказ о миссии Петроны Каматира помещен Продолжателем Феофана между военными кампаниями 833 и 837 гг., было бы заманчивым ограничить этим же временем и выполнение самой миссии, однако более надежной, учитывая характер рассматриваемого источника, верхней границей строительства Саркела и учреждения фемы в Крыму представляется все же 842 г. – год смерти императора Феофила. К сожалению, установить более точную дату этих событий без привлечения каких-либо новых источников, вероятнее всего, не представляется возможным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991.
2. Byzanz wieder ein weltreich. Das zeitalter der Makedonischen Dynastie / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von H. Thurn. Graz, Wien, Koln, 1983. T. 1.
3. Georgius Cedrenus. Compedium historiarum / Ed. B.G. Niebuhrii // CSHB. Bonn, 1839. T.II.
4. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Н.Я. Любарского. СПб., 1992.
5. Oikonomides N. Les listes de présénance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
6. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Eds. J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. 1.
7. Соколова И.В. Монеты и печати Византийского Херсона. Л., 1983.
8. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1995. Вып. 27.
9. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
10. Куник А.А. О записке готского топарха // ЗАН. 1874. Т. 24.
11. Вестберг Ф. Записка готского топарха // ВВ. СПб., 1910. Т. XV. Вып. 1.
12. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908, март. Ч. 14.
13. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 2001.
14. Успенский Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX-X вв. // Киевская старина. 1889. Т. XXV.
15. Знойко Н.Д. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907, апрель. Ч. VIII.
16. Васильевский В.Г. О построении крепости Саркел // ЖМНП. 1889, октябрь. Ч. CCLXV.
17. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.
18. Vasilev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusets, 1936.
19. Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accessions of Basil I. London, 1912.
20. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. // Памятники Христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III.
21. История Византии. М., 1967. Т. 2.
22. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
23. Dunlop D. The history of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954.
24. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Ed. by R.J.H. Jenkins. London, 1962. Vol. 2. Commentary.
25. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002.
26. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
27. Treadgold W. The Chronological accuracy of the Chronicle of Simeon the Logothete for the years 813-845 // DOP. 1979. Vol. 33
28. Treadgold W. Byzantine Revival. 780-842. Stanford, 1988.
29. Zuckerman K. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21.
30. Сорочан С.Б. Рождение Фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII-IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2004. Т. XIV.
31. Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона (конец IV–XI веков): Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Институт востоковедения НАНУ. Киев, 2009.
32. Айбабин А.И. Юго-Западный Крым в X-XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв.: Археология в 20-ти т. М., 2003.

33. Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII-IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
34. Науменко В.Е. К вопросы о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
35. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007.
36. Theophanes Continuatus. Chronographia // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Simeon Magister, Georgius Monachus // CFHB. Bonn, 1838.

Нікіфоров М. А.

До дискусії про дату заснування візантійської феми в Таврицi

Резюме

У статті зроблено спробу переглянути дату заснування візантійської феми в Криму. Вже більш ніж століття гіпотези про дату цієї події ґрунтуються на тезі про хронологічну послідовність між інтронізацією Іоана Граматіка і прибуттям хозарського посольства до Константинополя, що викладена Продовжувачем Феофана.

Проте, уважно вивчивши джерело, неважко виявити деякі невідповідності даній тезі. По-перше, між повідомленням про інтронізацію Іоана Граматіка та військовим походом, що передував появі посольства хозар в Константинополі, міститься цілий розділ, який розповідає про захоплення імператора Феофіла пророкуваннями. По-друге, в тексті Продовжувача Феофана, перед розділом, присвяченим місії Петрони Каматіра, існує лакуна.

У роботі запропоновано новий погляд на хронологію розділу праці Продовжувача Феофана, який присвячено імператорові Феофілу. Розглянувши всі приклади використання Продовжувачем Феофана мовних конструкцій, які тією чи іншою мірою вказують на хронологічну послідовність, неважко відмітити, що вони відносяться виключно до подій візантійсько-арабських воєн. Тому переговори Феофіла з хозарами сталися наступного року після кампанії 832 р. – у 833 р. Отже, враховуючи організаційні заходи і час на подолання шляху, будівництво фортеці Саркел і заснування візантійської феми в Криму сталися не раніше 834 р. Оскільки розповідь про місію Петрони Каматіра розташовано Продовжувачем Феофана між військовими кампаніями 833 і 837 рр., було б принадне обмежити саме цим часом і виконання місії. Проте, більш надійнішою верхньою межею будівництва Саркела і заснування феми в Криму вважається 842 р. – рік смерті імператора Феофіла.

Никифоров М. А.

К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике

Резюме

В статье предпринята попытка пересмотреть дату учреждения византийской фемы в Крыму. Уже более века гипотезы о дате этого события основываются на тезисе о хронологической последовательности между интронизацией Иоанна Грамматика и прибытием хазарского посольства в Константинополь, изложенной Продолжателем Феофана.

Однако, внимательно изучив источник, нетрудно обнаружить некоторые несоответствия данному тезису. Во-первых, между сообщением об интронизации Иоанна Грамматика и военным походом, предшествующим появлению хазарского посольства в Константинополе, содержится целая глава, рассказывающая об увлечении императора Феофила пророчествами. Во-вторых, в тексте Продолжателя Феофана, перед главой, посвященной миссии Петроны Каматира, существует лакуна.

В статье предлагается новый взгляд на хронологию главы труда Продолжателя Феофана, посвященной императору Феофилу. Рассмотрев все примеры использования Продолжателем Феофана речевых конструкций, в той или иной мере указывающих на хронологическую последовательность, нетрудно заметить, что они относятся исключительно к событиям византийско-арабских войн. Поэтому переговоры Феофила с хазарами произошли на следующий год после кампании 832 г. – в 833 г. Следовательно, учитывая организационные мероприятия и время на дорогу, строительство крепости Саркел и учреждение византийской фемы в Крыму произошли не ранее 834 г. Так как рассказ о миссии Петроны Каматира помещен Продолжателем Феофана между военными кампаниями 833 и 837 гг., было бы заманчиво ограничить этим же временем и выполнение самой миссии. Однако более надежной верхней границей строительства Саркела и учреждения фемы в Крыму представляется 842 г. – год смерти императора Феофила.

Nikiforov M. A.

On the Discussion about the Date of the Formation of Thema in Taurica

Summary

In the article an attempt to revise the date of the formation of Byzantine *thema* in Crimea is undertaken. For more than a century hypotheses on the date of this event are built on the opinion of chronological sequence between enthronization of John Grammarian and the arrival of Khazar embassy to Constantinople.

However, having studied the source it is not difficult to discover some discrepancies to this idea. First, between the information about enthronization of John Grammarian and military campaign that preceded to the arrival of Khazar embassy to Constantinople, there is a chapter telling about the emperor Theophilus's enthusiasm concerning prophecies. Second, in the text of the Successor to Theophanes there is a lacuna before the chapter devoted to the mission of Petronas Camaterus.

In the research a new view is suggested on the chronology of the chapter of the work of the Successor to Theophanes devoted to the emperor Theophilus. Having considered all the examples of speech constructions indicating the chronological sequence used by the Successor to Theophanes, it is not difficult to notice that all of them are related to the events of Byzantine-Arabic wars. That is why negotiations of Theophilus with the Khazars took place in the following year after the campaign of 832-833. Therefore, taking into consideration organizational measures and time for travelling, building of Sarkel fortress and formation of Byzantine *thema* in Crimea took place not earlier than in 834. As the story about the mission of Petronas Camaterus was put by the Successor to Theophanes between the military campaigns of 833 and 837, it would be tempting to date the implementation of this mission with this very period; however, the most reliable upper bound of building Sarkel and the formation of *thema* in Crimea is 842 – the year of death of the emperor Theophilus.

В. Г. ТУР

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ КАРАСУБАЗАРА В КОНЦЕ XVIII в.

Конфессиональная структура Крыма конца XVIII в., периода перехода Таврики под управление Российского государства, остается малоизученной темой. Большинство исследователей этнической и политической истории ограничивается характеристикой отношений православных и мусульманских общин. Отчасти это верно, учитывая численность приверженцев данных религиозных убеждений, а также степени влияния этих религиозных организаций в политической и культурной сферах. Однако в Крыму, как и в настоящее время, существовали религиозные организации, связанные с национальными меньшинствами, оказавшими также существенное влияние на культурное и экономическое развитие края. В частности, к ним относятся армянские общины, разделенные в конфессиональном отношении на приверженцев армянской апостольской церкви и униатов – армяно-католиков. Сложность освещения истории униатской религиозной общины связана с ограниченным числом документов и непродолжительностью ее существования.

Группа архивных документов, на которые мы опираемся в нашей работе [5], касается возвращения армян-переселенцев или так называемых новомосковских армян в Таврическую область из Екатеринославского наместничества в 1789-1790 гг. Судя по рапортам, в основном, это были армяно-католики, прибытие которых регистрировалось в Карасубазаре (г. Белогорск) и частично в Евпаторийском и Перекопском уездах.

Напомним, что во время переселения христиан из Крыма в 1778-1779 гг. для армянского общества были выделены земли в Поднепровье. Однако большинство переселенцев, неудовлетворенных условиями, после обращения архиепископа Иосифа Аргутинского к Екатерине II и получения высочайшей грамоты от 14 ноября 1779 г. [15, т. XX, № 14942, с. 878-879] направилось в устье Дона, где основали город Нор-Нахичеван. При этом армяно-католики, в основном, остались в Екатеринославле, получили обширные

льготы, предусмотренные «Жалованной грамотой, вышедшим из Крыма Христианам Римско-Католического закона в Азовскую губернию на поселение» от 14.11.1779 г. [16, т. XX, № 14943, с. 879-881]. Учитывая, что данные льготы распространялись на всех армян-униатов, вышедших из Крыма, независимо от избранного места поселения, часть из них переместилась в западные губернии. Что касается Северного Кавказа, то здесь армяно-католическая община, в основном, была представлена беженцами из Турции и Персии и только частично выходцами из Крыма [17].

Говоря о переселенцах армяно-католиках, следует отметить дарованные им Грамотой равные права с армянами, приверженцами апостольской (григорианской) церкви. Екатерина II, продолжая официально веротерпимую политику Петра I по отношению к католикам, тем не менее, создала все необходимые условия для ограничения влияния Папы Римского на ее подданных. В полной мере это касалось и армян-униатов, которые оказались в юрисдикции Могилевской католической епархии во главе с архиепископом С. Сестренцевичем [2, с. 28-31]. При этом необходимо упомянуть, что после завоевания Крыма Россией иезуитский орден, пользовавшийся в Крыму длительное время поддержкой итальянцев и даже крымскотатарских ханов, потерял всякое влияние в регионе [14, с. 466-467]. Вопрос же о создании отдельной армянской униатской епископии в конце XVIII в. вообще не рассматривался. К нему вернулись только через 30 лет после описываемых событий.

Присоединение Крыма к России вызвало новую волну миграции и стремление части армянского населения вернуться обратно на обезлюдевший полуостров. По мнению отдельных исследователей, причиной репатриации армян-униатов стали разорение и неустроенность на новом месте [13, с. 148]. Причем возвращение началось намного раньше известного манифеста 1798 г. о заселении Крыма иностранными колонистами, предоставлявшего широкие льготы поселенцам без учета этнической принадлежности и вероисповедания. В результате в конце XVIII – начале XIX вв. в Крыму стали возрождаться армянские общины. На начальном этапе своеобразным центром для репатриантов армяно-католиков стал город Карасубазар. Здесь был учрежден Армянский магистрат и Суд Римского закона [16, т. XXI, № 15700, с. 890]. Магистрат состоял из председателя, четырех заседателей, секретаря и четырех урядников. Общая сумма на его содержание составляла 1418 рублей в год. Суд Римского закона формировался из председателя, двух заседателей и секретаря. Годовая сумма на содержание чиновников составляла 818 рублей [5, л. 69].

В то же время необходимо отметить, что возвращение репатриантов в Крым было далеко не «безоблачным». В материалах Казенной палаты Таврического областного правления упоминается о взыскании крупных долгов государству со стороны армян, переселенных из Крыма в 1779 г. в Новомосковск (Екатеринослав), т.е. средств, полученных на приобретение леса, стро-

ительство домов, лавок и пр. [2, л. 156]. Мы можем только предположить, что льготы, включая материальную помощь и выделение ссуд поселенцам, предоставленные армяно-католикам Указом 14 ноября 1779 г., касались переселенцев, закрепившихся на новом месте, а не тех, кто принял решение о возвращении на родину [16, т. XX, № 14943, с. 879-881].

Вероятно, именно с данными проблемами связана вторая группа документов, находящаяся в фонде Канцелярии Таврического областного правления, в которых речь идет о возвращении имущества армян-репатриантов [6; 7]. В деле «О возврате во владение выбывшими из Таврической области греками и армянами собственных домов, лавок и прочего» сосредоточены рапорта вернувшихся из вынужденной эмиграции жителей Карасубазара, с просьбами вернуть дома и имущество [6]. Как следует из материалов дела № 123 [7], дома и иные постройки, ранее принадлежавшие христианам, вышедшим из данного населенного пункта и брошенные ими на момент исхода, сформировали вакуфное имущество, приписанное к мечети, также перестроенной из бывшего армянского храма. Судя по материалам дела, российские власти в данном вопросе не спешили удовлетворять просьбы репатриантов. Причиной тому, вероятно, было особое отношение к таврическим мусульманам. Еще в Манифесте «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» [16, т. XXI, № 15708, с. 897-898] Екатерина II, от себя и от имени потомков, делая акцент на мусульманском населении, обязуется «…охранять и защищать их лица, имущества, храмы и природную веру», а в именном Указе князю Г.А. Потемкину «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство» подчеркивает неприкосновенность «природной» веры и имущества [16, т. XXI, № 15798, с. 985-986]. В итоге, репатриантам пришлось вновь обустраиваться на полуострове. Если опираться на труд архимандрита Миная Медици «Путешествия по Польше и другим местам обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани» [12, с. 445-446], только в 1793 году армяно-католики Карасубазара соорудили деревянную церковь, а в 1810 г. на берегу реки Карасу заложили каменный храм во имя Св. Георгия, построив его за три года. Автор труда упоминает об армянском католическом храме как о самом красивом и величественном здании в городе.

Третья, наиболее поздняя группа документов, относящаяся к 1793 г., касается церковной политики Российской державы, направленной против распространения католицизма [4]. Прежде всего, это переписка Иосифа, архиепископа всех армян в России, с чиновниками различных рангов. Основная задача этих писем – добиться поддержки государственным аппаратом в вопросе недопущения принятия католицизма армянами апостольской церкви. В письмах отмечаются расширяющаяся практика перехода армян из апостольской (григорианской) церкви в униатскую армяно-католическую и требование

– препятствовать этим тенденциям, вплоть до высылки за пределы Крыма лиц, принявших католицизм.

Надо отметить, что находящаяся в деле переписка является прекрасной иллюстрацией конфессиональной политики в России. Внешне юридически не ограничивая деятельность католических религиозных организаций, Свод законов Российской империи содержал более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» церкви, т.е. православия [10, с. 25]. Католическая и армяно-католическая церковь фактически не имела прав миссионерской деятельности. Переход иноверцев или лиц иностранного христианского исповедания в другие христианские религии допускался через разрешение светских чиновников и зависел от авторитетности священнослужителей и религиозной организации в целом. Соответственно, священники армянской апостольской церкви, приобретшей в силу исторических событий определенное доверие со стороны властей и не создававшей проблем престолу, стремились не допустить перехода прихожан в армяно-католическую веру, апеллируя к государственным чиновникам.

Прецедент перехода в католицизм в Карасубазарской общине вызвал протесты архиепископа Иосифа и его обращение как к светским структурам, так и к католическому епископу Станиславу, требуя исключить подобную практику и наказать виновных.

Подводя итоги анализа группы документов конца XVIII в., касающихся возвращения в Крым униатов армяно-католиков Карасубазарской общины, можно отметить следующие особенности:

– завоевание и присоединение Крыма к России вызвали волну обратного притока христианского населения Тавриды под защитой Российской империи. Тем не менее, переезд в Крым был осложнен чиновничьими барьерами, не позволяющими беспрепятственно осуществить репатриацию части христианского населения;

– возвращение на родину в конце XVIII в., в отличие от выселения в 1778-1779 гг., не стимулировалось государством материально. Более того, существовали юридические сложности с возвращением утерянного имущества, перешедшего, как брошенное, к мусульманским общинам;

– в отличие от швейцарских и немецких колонистов, приглашенных в Тавриду, в отношении армяно-католиков государство занимало более жесткую позицию в части ограничения численности католических общин в пользу армянской апостольской церкви.

В Приложении вводятся в научный оборот несколько архивных документов, касающихся исследуемого вопроса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Айвазовский Г., архимандрит. Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. 1867. № 6.
2. Богословский К. Государственное положение римской католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. Харьков, 1898.
3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М., 2003.
4. ГААРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 1, д. 323 «О запрещении армянам переходить в католичество».
5. ГААРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 1, д. 191 «По сообщению Екатеринославского наместнического правления адреса … Новомосковскую в описи области армянах».
6. ГААРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 3, д. 8 «О возврате во владение выбывшими из Таврической области греками и армянами собственных домов, лавок и прочего».
7. ГААРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 3, д. 123 «По рапорту Карасубазарского коменданта секунд майора Сарандова с препровождением [*прошения*] армянских армян отдать им … армянскую церковь …».
8. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667) / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
9. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998.
10. Кудрин Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. М., 2003.
11. Меленберг А., Козлов-Струтинский С. Католическая энциклопедия. – Режим доступа: http://www.ecat.francis.ru/K/Kavkaz.html.
12. Медици Минай, архимандрит. Армянские древности Таврического полуострова. Извлечение из «Путешествия по Польше и другим местам обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани» / Пер. с армянск. Х. Кушнерева // ЗООИД. 1877. № 10.
13. Микаелян В.А. История крымских армян. Киев, 2004.
14. Мурзакевич Н. Пребывание иезуитов в Крыму // ЗООИД. 1858. № 4.
15. Ованес М. Хосдегян (пер. с англ. П. Парфентьева). Армяно-католики. – Режим доступа: http://www.armeniancatholic.ru/ru/library/khosdegian.htm.
16. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX, 1755-1780; XXI, 1781-1783; XXIII, 1789-1796; XXV, 1798-1799; XXXI, 810-811.
17. Селицкий А.И. Из истории армяно-католиков на Северном Кавказе // Научно-исследовательские работы. История армян Кубани. 28 мая 2007. – Режим доступа: http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/iz-istorii-armyano-katolikov-na-severnom-kavkaze.
18. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008.

Тур В. Г.

Особливості відродження вірмено-католицької громади Карасубазара наприкінці XVIII ст.

Резюме

Стаття присвячена аналізу архівних документів кінця XVIII ст., що ілюструють життя уніатської вірмено-католицької громади м. Карасубазар (Білогірськ) в Криму. Розкриваються проблеми, з якими зіткнулися кримські вірмени, що втекли з півострова в 1778-1779 рр. і повернулися на батьківщину після приєднання Криму до Росії.

Тур В. Г.

Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в.

Резюме

Статья посвящена анализу архивных документов конца XVIII в., иллюстрирующих жизнь униатской армяно-католической общины г. Карасубазара (Белогорска) в Крыму. Раскрываются проблемы, с которыми столкнулись крымские армяне, бежавшие с полуострова в 1778-1779 гг. и вернувшиеся на родину после присоединения Крыма к России.

Tur V. G.

Peculiarities of Revival of Armenian-Catholic Community of Karasubazar at the End of the 18th Century

Summary

The article is devoted to the analysis of archive documents dating to the end of the 18th century illustrating the life of Uniate Armenian-Catholic community of the town of Karasubazar (Belogorsk) in Crimea. The problems, that the Crimean Armenians who fled from the peninsula in 1778-1779 and came back to their motherland after annexation of the Crimea to Russia came across, are exposed in this article.

Приложение

Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 1, дело № 191.

«По сообщению Екатеринославского наместнического правления адреса … Новомосковскую в описи области армянах». 2 октября 1789 года – 14 августа 1789 г. - 354 л.

Л. 55-57. *Копия выполнена по распоряжению князя Г. Потемкина и подшита в деле.*

Высочайшая грамота Екатерины II об устройстве крымских христиан римско-католического Закона 14 ноября 1779 г.[1]

Божьею поспешествующею милостью Мы Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссийская, московская, киевская, владимирская, новгородская, царица сибирская, государыня псковская и Вельская, княгиня смоленская, княгиня эстландская, лифляндская, карельская, тверская, югорская, пермская, вятская, волгарская и иных государыня и земская, княгиня Новгорода низовских земель, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, белозерская, угорская, конжийская и всея северной стороны повелительница, и государыня иверской земли, и арталынкской, и грузинских царей и кабардинской земли, черкесских и горских князей и иных наследная Государыня и благодетельница.

[В ПСЗРИ текст выглядит следующим образом: «Божьею поспешествующею милостью Мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссийская, и проч. и проч., и проч.»]

Вернейшему Нашему Патеру Иакову и всему обществу Крымских Христиан Римско-Католического Закона всякого звания всем вообще и каждому особо Наше Императорское милостивое слово.

Благонамеренное всеобщее предприятие ваше да благословит десница Высшего. Мы рассмотрев общее и на доброй воле основанное прошение о избавлении всех вас от угрожаемого ига и бедствия, принятием в вечное подданство Всероссийской Империи, соизволяем Мы не только принять всех вас под Всемилостивейший Наш покров, и яко любезнейших чад успокоив под оным, доставить жизнь толико благоденственную, колько желание смертных и беспрестанное Наше о том попечение простираться могут. Следуя сему, соизволяем пользоваться всем в Государстве Нашем не токмо всеми теми правами и преимуществами, каковыми все подданные Наши от Нас и предков Наших издревле наслаждаются, но сверх того указали Мы:

1. При настоящем переселении вашем в Азовскую Губернию перевесть из Крыма на иждивении Нашем все то имущество ваше, которое только перевезено быть может; что из определенной от Нас суммы уже и исполнено.

---

[1] Копия грамоты Екатерины II, выполненная по поручению князя Г. Потемкина и находящаяся в Крымском архиве, некоторыми элементами текста отличается от официально опубликованной в т. XX Полного Собрания Законов Российской империи Жалованной грамоты, вышедшим из Крыма Христианам Римско-Католического закона в Азовскую губернию на поселение от 14 ноября 1779 г. Часть написанного от руки текста, хранящегося в архиве, неразборчива. Поэтому перед публикацией нами текст откорректирован, опираясь на ПСЗРИ. В целом же различия не изменяют основного содержания документа.

2. Для удобнейшего прожития вашего, по добровольному вашему избранию, отвесть под построение места, в предместии города Екатеринослава, где выгонною землею пользоваться вам вообще с жителями того города, без всяких в казну Нашу податей.

3. По разделении на классы Государственных жителей Всемилостивейше увольняем всех от Государственных податей и служб, какого бы звания оные не были, на 10 лет; а по прошествии оного времени имеют платить в казну Нашу ежегодно: купечество с капиталов, с рубля по одному проценту; цеховые, также и мещанство с двора по два рубля. А если будут впредь вашего закона земледельцы, то быть им на равном положении с вышедшими из Крыма Христианами Армянского закона; неимущим на построение их домов и прочие припасы отпустить из казны безвозмездно, имущественные же имеют строить домы, лавки, амбары, фабрики и все, что сами пожелают на назначенных для того местах из собственного своего иждивения, пользуясь все вообще навсегда от всяких постоев свободою, кроме тех случаев, когда воинская команда мимо селения вашего проходить должны; от отдачи же в войско рекрут увольняетесь вы вечно, разве кто сам в службу пожелает.

4. Пастору Иакову по смерть его Всемилостивейшее препоручаем паству и всех сих вышедших с ним из Крыма Римско-Католического закона Армян, и позволяем им строить церкви и колокольни с вольным отправлением в оных по закону их всех церковных служб и духовных чиноположений, и состоять Патеру и прочим Римско-Католического Закона Духовным чинам в единственной власти Белорусского Бискупа.

5. По поселении вашем учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляциею Наместнического Правления.

6. Впрочем, по вступлении каждого в избираемый им род Государственных жителей, позволяем пользоваться вечно и потомственно всем тем, чем, по общим Нашим узаконениям каждый род Государственных жителей пользуется, как то, свободною торговлею вне и внутри Государства, и для вящей выгоды позволяется строить из собственного вашего иждивения купеческие мореходные суда, разводить нужные и полезные фабрики, заводы и фруктовые сады, по разведении которых, всякие виноградные вина в селениях ваших, малыми мерами вывозимые ж во внутренние Российские города бочками продавать можете; Французскую ж водку, делать каждому для единственного своего употребления, словом: всякого звания промыслы распространять по собственной воле и достатку, и всем тем под самодержавным Нашим скипетром и защитою законов наслаждаться.

Все сии преимущества жалуем Мы торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена, для вящей силы своеручно подписали и Государственной печатью укрепить повелели.

Дана в Престольном Нашем граде С.Петербурге лета от рождества Христова 1779 года ноября 14-го Государства Нашего восьмого на десять года.

На подлинном подпись собственноручная Ее Императорского Величества рукою писано

Екатерина.

Вице-канцлер Граф Иван Остерман [*подпись*].

Л. 69. ШТАТ
учреждаемых по высочайшему ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
повелению греческого крымского суда и армянского магистрата

	Число людей	Жалование	
		одному	всем
Греческий суд			
Председатель	1	120	120
Заседателей	4	100	400
Секретарь	1	200	200
Урядников	21	60	1260
Канцелярских служащих прихода	-	-	458
ИТОГО			**2438**
Армянский магистрат			
Председатель	1	120	120
Заседателей	4	100	400
Секретарь	1	200	200
Урядников	4	60	240
Канцелярских служащих и расходы	-	-	458
ИТОГО			**1418**
Суд римского закона			
Председатель	1	120	120
Заседателей	2	100	200
Секретарь	1	200	200
Канцелярии служителей и расход	-	-	298
ИТОГО			**818**
ВСЕГО			**4414**

Подлинный подписан [*подпись*].

Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп. 1, дело № 323 «О запрещении армянам переходить в католичество» – 20 листов.

Л.1. От Таврического вице Губернатора коллежского Советника и Кавалера в Таврическое областное правление.

Из влагаемых усего в копиях дошедших ко мне от Его Высокопреосвященства Господина Иосифа архиепископа всех Армян в России обитающих отзыва и других при оном бумаг, Таврическое областное правление усмотреть может, о чинимом в здешней области из Армян в католицкий закон людей обращении, по отвращению которого хотя согласно требованию вышеписанного господина высокопреосвященнейшего Иосифа и

предписал я карасубазарскому суду Римского закона 1-е тамошенному патеру яко в таковом Армян обращении первейшим участником найденному строжайше подтвердить, дабы он впредь не клонял из армян к принятию католического закона отнюдь не отваживался, опасаясь строгого за сие взыскания. 2-е и лучшему и надежнейшему того отвращению карасубазарское католическое общество обязать – чтобы оное избрало для сего особых опекунов или бы вообще имело попечение дабы никто из армян не мог быть тайным или явным образом наклонен к принятию веры католицкой. Но дабы о сем ведомо, и в случае могущих встретиться со стороны Земского правительства обстоятельств исполняемо было, Таврическое областное правление благоволит учинить повсеместное всей области от сея подтверждение.
№ 1103 ноября 27-го дня 1793 года Карл Габлиц [*подпись*]

Л.2. Милостивый Государь мой Карл Иванович.

В прошлом 1780-м году во исполнение повеления покойного Светлейшего князя последовавшего по прошению моему и всего Армянского общества; хотя сделано было от бывшего Господина Азовского Губернатора и Кавалера Василия [Александровича] Черткова воспрещение, чтобы в католицкий Закон армяне приемлемы небыли, и на сие согласен был, и его высокопреосвященство Могилевский архиепископ и Кавалер Станислав Сестренцевич, однако думаю я что все оное […] известно патерам, пребывающим ныне в области Таврической; Поскольку в проезде мной через Карасубазар узнал от армян тамошнего общества, что пять человек армян, после того уже воспрещения, сделались католиками, оставя семейства свои в Законе Армянском, и именно Ованес и Арутюн, сыновья Тулумбагиева, Степана Крым оглы, Тарас Петрос сын Калпанчи Манукова; [Рапасль] сын Ншанги Мельконова, и Апанас Барабара, то есть Цырулин. Чего ради и дабы чрез таковое обращение армян, не могло произойти в обществе армянском неустройства, и замешательство их не отнеслось к моему нерадению, я препровождаю к вашему высокородию со всего того распоряжения, которые получено просьбы моей и общества. Сделано от бывшего Господина Губернатора и Кавалера Василия [Алексеевича] Черткова копии всепокорнейше прошу не оставить, и со стороны вашей по поводу оного сделать подтверждение кому следует. О тех же принявших католическое исповедание армянах обязанным себя нахожу сообщить вам милостивый Государь мое мнение. Двое из них, как то Рапасль сын Ншанги Мельконова, о котором уповаю, не безизвестны и ваше высокоблагородие. Чрез поручика Туманова, Ивансе Цырулин действительно нахичеванские почему следует и я покорнейше прошу выслать их отсель немедленно в то прежнее их жительство в Нахичевань. О прочих же четырех армянах весьма бы потребно учинить вернейшую выправку; тем как они жительство свое имели прежде в крепости Новомосковской, следовательно так и в оной состояли. С Екатеринославскою казенною палатою католиками ли они в книгах показаны или армянами. Ежели числились они католиками, я оставляю их в обществе оного исповедания, будут же они по […] сему противные, и они армяне как верно надеюсь, тогда спросить их желают ли они оставаться в Законе армянском. Ежели желают прошу Вашего высокородие, отдать находящемуся здесь господину прапорщику [Кара[к]ашу] для доставления их в общество армянское согласия. Напротив пожелают принять веру российского исповедания, то в сем не отъемлю я от них и ни от кого из армян вольности, поскольку такое благое дело, будет сходно с Священным ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО

ВЕЛИЧЕСТВА законами, которыми как не безызвестно вашему высокоблагородию, позволено только вступать и принимать армян в свою веру. А не искать лучшего закона но если ни того ни другого из двух принять не захотят, тогда прошу вашего высокородие предложения как следует поступать с ними яко с ослушниками дабы благосостояние и доброе согласие без известных соблазнов обитало иначе еще обращение армян в Закон католический происходить не могло отныне предь навсегда, я за необходимое признал избрать от общества армянского в Карасубазаре двух опекунов, и от стороны духовенства пребывающего в области здешнего протопопа армянского Захария. Сверх того же Прошу ваше высокородие определить еще для того попечения прапорщика Кара[к]аша, и равным образом жалобы я выдам и в католическом обществе.

Что когда с обоих сторон исполнено будет всеконечно избавятся. Хлопот дальнейших как правление здешнее, ваше высокородие, так и я и общества оба прими на сие милостивое уведомление.

Честь имею с истинным всегда почитанием и преданностью.

Милостивый государь мой ваше высокородие

Усерднейший богомолец и покорнейший слуга смиренный Иосиф архиепископ всех армян обитающих в России.

Ноября 12 дня 1793 года.

Л.4. Ордер

Господину Генералу поручику Азовскому
Губернатору и Кавалеру Черткову

Армянский архиепископ Иосиф подал нам объяснение касательно до благосостояния и устройства армянской жизни и общественной их пользы прося притом сохранения оного кому следует моего Предписания. Я препроводил при том к вашему превосходительству копию с сего объяснения. Предлагаю в просимом им архиепископом когда нет к тому никаких препятствий и установленному порядку нарушения сделать должное удовлетворение.

Князь Потемкин

Апреля 17 дня 1790 года.

Армяне и их архиереи просили меня:

1-е. Что по превращению католического Закона патеров – многие армяне переходят в их Закон и чрез то производят развратность и ненависть в их семействах и удержанию которых не оставить в сем католического Закона патером чрез их первенствующего Запретить строжайше от […]дьбы. Оные армяне ни под каким образом в свой Закон принимать не отваживались и церковнослужение свое отправляли бы на своих европейских языках а не применяясь армянской церкви так как облачением и образом.

2-е. Принявшим армянам католического исповедания если пожелают паки присоединены быть в первобытное их армянское исповедание не препятствовать.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь мой

Во исполнение Ордера Его Светлости господина Генерал-аншефа Сенатора Государственной военной коллегии вице-президента, астраханской, новороссийской, азовской и саратовской губернии Генерал-губернатора, всех Российских и разных орденов

кавалера […] Григория Александровича Потемкина последовавшего по данному к Его Светлости от вашего Преосвященства объяснению требующему между прочего о запрещении здесь римо-католического Закона Патером о непринимании армян в свой Закон и церковнослужение а отправлением на своих европейских языках и не применяясь армянской церкви так как облачению и обряда равно и о нечинении принявшим римское католическое исповедание если же пожелают паки присоединены быть в первобытное их армянское исповедание препятствий не предписано было от меня к исполнению римо-католического Закона патеру Иакову, и хотя на то он и дал мне знать, что на оные сам собою к тому приступит обо всем испрашиваем резолюции отрапортует находящемуся в Белоруссии Епископу и кавалеру Станиславу, однако и я со своей стороны не оставил […] сему патеру Иакову послать пусть Повеление о уведомлении и меня писать чрез нарочного означенному Епископу и кавалеру Станиславу о чем и что от меня и Его Светлости донесено, известие ваше преосвященство пребываю с истинным и отличным почтении

вашего преосвященства милостивого Государя моего
покорно послушнейшим слугою Василий Чертков.

Л.5. Его преосвященству армянскому архиепископу Иосифу
16 февраля 1781 года. Екатеринославль

Ваше преосвященство
милостивый Государь мой.

Получа при ордере Его Светлости Господина Генерал-аншефа Сенатора Государственной военной коллегии вице-президента, Астраханской, Новороссийской, Азовской и Саратовской губернии Генерал-губернатора и разных орденов кавалера […] Григория Александровича Потемкина в копии наданная и Его светлости вашего преосвященства объяснение не оставил по оному сделать следующее по 1-му каково дано предписание католическому патеру Иакову с оного дня ведомо преправить копию, по 2-му касательно до принявших армян католицкое исповедание чтобы со светской стороны препятствия чинено не было предложил губернской канцелярии для предписания о том всем подведомственном оной месте выстроившим из квартир выступили, когда же им в том месте на постройку домов и для надобности не будет достаточно места угодив тогда им дозволить свободный выезд и в другие азовской губернии казенные места на таком основании как и грекам то сие уже прежде сделано да и по 4-му, чтобы оставшиеся на месте и по дорогам как желают все быть в Нахичевани в приезд их воспомоществовать, то все таковые уже переселены и туда доставлены, по 5-му, что принадлежит до определения на построение церкви и монастыря суммы и снабжения их Гербом представлено от меня Его Светлости, а о построении в свое время магистрата и о потребном вспомоществовании в их заселении и во всем, что для заведений и устройства их нужно предписал Губернской канцелярии о том вашему преосвященству дать знать.

Пребываю всегда с истинным почтением вашего преосвященства
Милостивого государя моего покорнейшим слугою
Василий Чертков

[Иосифу архиепископу Гайнанскому 26 января 1781 г. копия предписана от 26 числа января 1781 года о том же] и др.

Д. А. ПРОХОРОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ, НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОРГАНЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В 1917-1920 гг.

История военно-политических, экономических и межнациональных отношений, сложившихся в Крыму после Февральской революции, неоднократно становилась объектом исследования. Особенный интерес в контексте указанной проблемы вызывает деятельность национальных партий, объединений и общественно-политических организаций, существовавших в данный отрезок времени. Однако до сих пор малоизученным аспектом прошлого крымских караимов является период с 1917 по 1920 гг., когда в России происходили кардинальные политические изменения, приведшие, по сути, к социальной и гуманитарной катастрофам. Эпоха коренного слома сложившихся устоев не могла не повлиять на дальнейшее существование народов и национальностей, населявших некогда могущественную империю. Именно поэтому история деятельности караимских национальных объединений и организаций, созданных с целью стабилизировать ситуацию внутри караимских общин, и до сих пор детально не изученная, сегодня вызывает пристальный интерес ученых и краеведов.

К сожалению, в советской историографии долгое время преобладали марксистко-ленинские концепции, приведшие к однобокому изучению проблемы; подавляющее число работ по данной теме носит печать политической заангажированности. Такой односторонний подход, базировавшийся почти исключительно на идеологических принципах, привел к негласному замалчиванию истории тюркоязычных народов Крыма – крымских татар, караимов, крымчаков. Следует сказать, что история гражданской войны становится предметом исследования сразу практически сразу после ее окончания. Некоторые аспекты военной, политической и экономической истории Крымского полуострова в период с 1917 по 1920 гг. нашли отражение в публикациях А.Н. Анишева, М.Ф. Бунегина, А.П. Платонова, К. Бочагова, Т. Бояджиева, А. Зайцова, Б. Вольфсона и В. Елагина [1–8]. Однако степень участия представителей караимских общин в общественно-политических процессах в Крыму в работах этого

периода не рассматривалась. В послевоенные годы история караимов также не изучалась – это было вызвано, прежде всего, событиями 1944 г. и депортацией из Крыма крымских татар, греков, немцев, болгар, армян и представителей других народов, а также обусловлено постановлениями объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма, состоявшейся в 1952 г. Нежелательностью исследования мелкобуржуазных националистических групп, к которым были отнесены и караимы, объясняется отсутствие трудов на указанную тему. В тенденциозных работах некоторых советских историков по истории гражданской войны в Крыму активно «фетишизировалась» роль партии и её местных организаций [9, с. 453-456; 10–12].

В 1990-х гг. ситуация в отечественной науке кардинально изменилась. В этот период публикуются различные сборники документов эпохи гражданской войны; часть ранее засекреченных архивных материалов становится доступной исследователям; также выходят в свет переиздания и репринты публикаций 1920-х гг. [13–18]. Появляются труды современных авторов: П.И. Гарчева, В.Ф. Шарапы и К.К. Линева, А.В. Мальгина, С.Б. Филимонова, В.М. Брошевана, А.А. Форманчука, В.И. Королева, С.Е. Громова, Л. Абраменко, А. Ефимова, Н. Росса и др. [19–41]. Фундаментальные исследования по истории гражданской войны в Крыму предприняли А.Г. Зарубин и В.Г. Зарубин – в их публикациях, помимо всего прочего, были затронуты проблемы, связанные с прошлым этноконфессиональных общностей Крыма, и, в том числе, крымских караимов [42–49].

Однако в большинстве трудов современных авторов караимская проблематика практически не затрагивалась. Лишь в публикациях Н.В. Яблоновской [51–53] и О.Б. Белого [54–56] был рассмотрен ряд аспектов, непосредственно относящихся к истории некоторых караимских общин полуострова, а также проанализированы этапы развития караимской национальной периодической печати в 1917-1920 гг. В исследованиях В.В. Крестьянникова, А.В. Ишина, А.А. Бобкова, А. Чикина, Н.А. Давыдовой, Н.М. Терещук, И.А. Дьяконовой, А.Н. Артизова были изучены эпизоды, связанные с историей некоторых караимских общин Крыма в 1917-1930-х гг., а также приведены биографические сведения об отдельных их представителях [57–68]. Несколько работ обобщающего характера были опубликованы В.С. Кутайсовым [69], Л.В. Чижовой [70], а также современными караимскими авторами [71–74].

Ряд трудов, носящих характер мемуаров, несмотря на субъективность представленной в них информации и литературно-художественную форму изложения, также содержит ценные сведения о социально-политической обстановке в Крыму в 1917-1920 гг.; воспоминания участников событий тех лет значительно дополняют общую картину происходившего. Из этих произведений можно почерпнуть малоизвестную информацию о российских и зарубежных политиках, военных, деятелях культуры и науки того времени. Среди наи-

более известных авторов мемуарных записок можно назвать П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, В.А. Оболенского, В.А. Богдановича, А.Л. Сапожникова и др. [75–82]; ценные сведения об отдельных представителях караимских общин содержатся в биографическом словаре Б.С. Ельяшевича [83].

Целью предлагаемой публикации является анализ деятельности органов караимского конфессионального самоуправления, а также караимских общественных и национально-культурных объединений в условиях смены политических режимов в Крыму в период с 1917 по 1920 гг. При работе над статьей использовались документы, отложившиеся в делах фондов Государственного архива в АР Крым, данные, приведенные в статистических отчетах, сборниках документов и прессе до- и послереволюционного периода, а также мемуары очевидцев событий того времени.

В 1917 г. Крым в этническом и конфессиональном отношении представлял собой довольно пеструю картину. Национальный состав полуострова выглядел следующим образом: по переписи 1917 г. на полуострове проживало 808903 человека; из них русских и украинцев – 49,4% (399 785 чел.), крымских татар и турок – 26,8% (216968), евреев, (включая крымчаков) – 8,4% (68159), немцев – 5,1% (41374), греки, армяне, болгары, караимы и пр.; всего – 34 национальности [50, с. 15, 16]. Караимов в Крыму в 1917 г. проживало 9078 человек [49, с. 56].

После Февральской революции 1917 г. буржуазные, социалистические и национальные организации в Крыму вначале всячески подчеркивали лояльность Временному правительству и свое единство с властями. В этот период формируются различные политические силы; на волне общегосударственных преобразований активизируются всевозможные национальные партии и общества. Отметим, что на полуострове в 1917 г. действовало около 30 национальных партий, движений и обществ; в числе 23 партий и движений было 16 национальных [49, с. 56].

17 марта 1917 г. под председательством караима А.Я. Хаджи[1] в Симферополе состоялось общее собрание Таврической губернской организации «Партии народной свободы» – т.е. партии кадетов. Члены собрания высказались за установление демократической республики и единодушие советов с Временным правительством до конца войны [84, с. 131]. Среди акти-

[1] Хаджи Абрам Яковлевич (1865-1920) – известный караимский политический и общественный деятель; купец. Состоял гласным Симферопольской городской думы, был присяжным поверенным. Занимал должность почетного попечителя Симферопольского русско-караимского министерского училища (с 1892 г.), являлся бессменным председателем «Симферопольского общества попечения о нуждах русско-караимского министерского училища» (в 1911-1920 гг.), жертвуя на благотворительные цели значительные денежные суммы. Один из и инициаторов создания «Таврического купеческого банка» в Симферополе. В годы революции активно содействовал борьбе с черносотенным движением. Член Караимского Национального Совета (с 1917 г.) [83, с. 197, 198; 85, л. 17-21; 86, с. 125].

вистов партии кадетов следует также назвать караима Соломона Самойловича Крыма – будущего главу второго Крымского краевого правительства, а также феодосийца И.С. Хаджи[2].

В Севастополе самой крупной и активно действовавшей являлась городская организация партии эсеров (в мае 1917 г. она насчитывала 13 тыс. человек) [84, с. 133]; в число ее руководителей входил заместитель Председателя Совета караим И.Ю. Баккал[3], который летом 1917 г. возглавил фракцию левых эсеров; до 1918 г. он являлся председателем фракции левых эсеров во ВЦИК [87, с. 171-177]. Активное участие в политической жизни в Севастополе в 1917 г. принимал один из сыновей Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова, инженер путей сообщения А.С. Панпулов[4]. Членами

---

[2] Хаджи Исаак Самойлович (?-1935) – в 1901–1910 гг. присяжный поверенный; кадет. В 1915 г. – гласный феодосийской городской Думы и уездного Земского собрания; председатель феодосийской городской Думы. В июне 1917 г. был избран кандидатом в городскую Думу уже от РСДРП [88].

[3] Баккал Илья Юрьевич (Юфудович) (1893 – не ранее 1950) – член партии социалистов-революционеров с 1906 г. Юрист по образованию, в 1917 г. И.Ю. Баккал был избран заместителем председателя Севастопольского Совета (в который, кстати, он избирался несколько раз); вместе с членом Совета народных представителей меньшевиком П.Г. Бундовым ездил в Петроград «с просьбой ходатайствовать об освобождении от наказания черноморцев за незаконное смещение Колчака». В июле 1917 г. И.Ю. Баккал был избран членом Севастопольского Совета от команды линкора «Евстафий». Являлся делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в 1917 г. он был гласным Севастопольской городской думы. С октября 1917 г. до июля 1918 г. – председатель фракции левых эсеров во ВЦИК. С 1920 г. секретарь Центрального бюро левых эсеров (легальных). И.Ю. Бакал был арестован в августе 1922 г. в ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции, а 29 сентября 1922 г., на зафрахтованном у немцев пароходе «Обербургомистр Хакен», рейсом из Петрограда в Штеттин (ныне Щецин) член Сельского союза И.Ю. Бакал, вместе с женой Тимофеевой-Баккал выехал из страны (в этот же день страну покинуло более 30 семей – всего около 70 человек московских и казанских интеллигентов. В их числе были: Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, П.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, А.А. Кизеветтер, М.А. Осоргин, М.М. Новиков, А.И. Угримов, В.В. Зворыкин, Н.А. Цветков [65, с. 105; 68, с. 65-96; 89, с. 113-137]. Отец И.Ю. Баккала – член правления Севастопольского благотворительного общества Ю.И. Баккал [90, с. 89].

[4] Панпулов Александр Самуилович (Самойлович) – еще во время своей учебы в Константиновском реальном училище в начале 1900-х гг. посещал кружок молодежи у Н.В. Никоновой, о чем сообщал в 1917 г. в своих мемуарах бывший эсер, севастопольский городской голова С.А. Никонов. Будучи членом руководящего ядра эсеровской организации в Севастополе, А.С. Панпулов в июне 1917 г. был выдвинут кандидатом, а через месяц – избран гласным Севастопольской городской Думы. Тогда же, в июле 1917 г. А.С. Панпулова избирают членом исполкома Севастопольского Совета от фракции эсеров, а затем – товарищем председателя Совета. 23 августа 1917 г. он, как инженер по поручениям управления начальника гидротехнических работ армии Западного фронта, по приказу войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» был назначен на службу в Севастопольское крепостное инженерное управление. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. А.С. Панпулов был арестован как «пособник контрреволюции», но был освобожден, т.к. на 21 декабря 1917 г. он значился депутатом Севастопольского городского Совета военных и рабочих депутатов, гласным Се-

партии эсеров также состояли Д.С. и А.С. Пигиты[5] – племянники известного караимского фабриканта, владельца московской табачной фабрики «Дукат» И.Д. Пигита [92, с. 30]. Активное участие в политических событиях в Крыму принимали социал-демократы, члены Крымского союза РСДРП – последний городской голова Евпатории С.Д. Джигит (занимал этот пост в 1919-1920 гг.) и общественный деятель И.С. Кушуль [83, с. 41, 118].

Не оставались в стороне от партийного и национально-культурного строительства на полуострове и непосредственно сами крымские караимские общины. С провозглашением политических и гражданских свобод караимские духовные и общественные лидеры с воодушевлением отмечали, что «отныне русский и татарин, поляк и караим, еврей и грек – все они равноправные сыны одной общей матери, великой и могучей России» [93, с. 3]. Фактически единодушие в поддержке курса Временного правительства высказали крымские национально-общественные и культурные организации – в том числе, и караимские. 4 марта 1917 г. Таврическим и Одесским караимским гахамом С.М. Шапшалом в адрес всем подведомственным караимским общинам России была разослана телеграмма с призывом «всецело подчиниться Временному Правительству». На собрании караимской общины Евпатории, состоявшемся 7 мая 1917 г., гахам провозгласил «громкое «ура» новому правительству, единодушно подхваченное всеми участниками собрания [94, с. 5]. В обращении к членам евпаторийской караимской общины С.М. Шапшал, отметив

вастопольской городской думы и председателем продовольственного комитета Севастопольской городской управы. При немецкой оккупации в 1918 г. А.С. Панпулов оставался в городе и возглавлял продовольственную управу [65, с. 104, 105].

[5] Пигит Анна Савельевна (Садуковна) (1884-1938) – караимка, родилась в Москве. Образование – высшее. В 1906-1907 гг. – член «Боевой организации при Центральном Комитете Партии Социалистов-Революционеров», ставившей целью своей деятельности «насильственное посягательство на жизнь священной особы царствующего Императора, на лишение Его власти верховной и на изменение в России установленного законами основными образа правления». Арестована 31 марта 1907 г.; за революционную деятельность была осуждена царским судом и отбывала наказание на Нерчинской каторге. Освобождена в результате Февральской революции. В годы советской власти – беспартийная; научный сотрудник Госархива феодально-крепостнической эпохи. Проживала по адресу: Москва, ул. Большая Садовая, д. 10, кв. 5 (бывший доходный дом И.Д. Пигита. В нем, кстати, с 1921 по 1924 год жил и работал писатель М.А. Булгаков. Здесь же находилась т.н. «нехорошая квартира» (кв. № 50), описанная им в романе «Мастер и Маргарита»). А.С. Пигит была арестована 15 февраля 1938 г. по обвинению в контрреволюционной агитации. Осуждена 27 февраля 1938 г. «тройкой» при УНКВД по Московской обл. Расстреляна 7 марта 1938 г. Похоронена на кладбище в Бутово. Реабилитирована посмертно в апреле 1956 г. [91]. Пигит Давид Савельевич (Садукович) (1888-?) – один из руководителей московской организации левых эсеров; после революции – член коллегии «Центропечати», зав. отделом учета и распределения агентства; в дальнейшем – зав. Центральной учетно-распределительной комиссией (1918-1921 гг.). Был близко знаком с поэтом С. Есениным. На квартире Д.С. Пигита и А.С. Пигит в Москве ненадолго останавливалась эсерка Ф.Е. Каплан, готовя покушение на В.И. Ленина [95; 96, с. 438, 450-452].

благожелательное отношение членов правительства к делам всех без исключения национальностей, подчеркнул и то обстоятельство, что директор (комиссар) Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД (впоследствии – Министерства исповеданий) профессор С.А. Котляревский[6] пообещал ему свое содействие в вопросах, касавшихся изменения законодательства о караимах [94, с. 10].

Через несколько дней было решено созвать съезд представителей караимских общин – «для составления приветствий новому правительству», причем это приветствие, по мнению члена симферопольской караимской общины С.М. Ходжаша, должно было исходить не от имени Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), а от «всего караимского народа» [97, л. 2, 2 об.]. Для составления приветствий и для участия в работе съезда от каждой караимской общины должны были быть избраны уполномоченные, однако не все иногородние караимы имели возможность приехать к 15 марта 1917 г. в Евпаторию. Поэтому они попросили представлять их интересы членов евпаторийской караимской общины, а также караимов, которые находились в это время в Евпатории. Так, караимские общины Армянска, Мелитополя, Херсона и Киева уполномочили быть их представителем М.А. Айваза; бердянская и ялтинская – М.А. Ефета; московская и севастопольская – М.С. Луцкого; бахчисарайская – старшего газзана А.И. Катыка; екатеринославская – С.М. Сарача; николаевская – М.Ш. Луцкого; одесская – М.А. Телала; харьковская – Б.А. Бабовича; караимская община Харбина – И.С. Кушуля. Из Феодосии для участия в съезде были делегированы И.М. Кефели, В.С. Панпулов и С.Я. Крым [97, л. 3-18]. Из Петрограда, от направившегося туда С.М. Шапшала исполняющий во время его отсутствия обязанности гахама старший газзан Б.С. Ельяшевич получил телеграмму следующего содержания: «Всецело присоединяюсь постановлению уполномоченных приветствовать Временное правительство, прошу препроводить подлинник мне для присоединения также моей подписи <…> для личной передачи по назначению» [97, л. 19].

С приходом к власти Временного правительства последовали изменения в государственной присяге для граждан России. 7 марта 1917 г. была модифицирована форма государственной присяги для караимов; особым пунктом в нее были внесены следующие слова: «заключаю сию молитву целованием слов Божия Закона Святые Библии и ниже подпису-

[6] Котляревский Сергей Андреевич (1873-1939) – член Государственной Думы первого созыва, кадет, доктор государственного права, теоретик русского «неолиберализма». С.А. Котляревский принадлежал к числу тех юристов, которые до и после Октябрьской революции 1917 г. активно участвовали в разработке новых демократических идей. Он отстаивал принцип «минимума организации и бюрократизации государственного аппарата» и поддерживал конституционный путь развития. Масон, учредитель русской масонской ложи «Возрождение» (1905 г.) [98, с. 44; 99, с. 68-70; 100, с. 87].

юсь»[7] [101, с. 4]. Таврическому и Одесскому караимскому гахаму вменялось в обязанность довести до единоверцев суть произведенных изменений и ожидать официального распоряжения о назначении даты присяги не состоящего на военной службе населения, принадлежавшего к караимскому вероисповеданию [102, л. 1-34; 103, л. 1-3]. В сентябре также намечалось открытие караимской секции при ДДДИИ МВД, на заседании которой предполагалось обсудить различные вопросы, касавшиеся развития караимских общин. Однако этому не суждено было произойти – последовавший в октябре 1917 г. большевистский переворот перечеркнул планы караимского духовенства.

Оживление общественно-политической жизни, провозглашение демократических свобод стало причиной появления различного рода периодических печатных изданий – в том числе, и национальных. Так, в мае 1917 г. вышел в свет первый номер официального периодического печатного органа – «Известий Таврического и Одесского караимского духовного правления». Под этим названием журнал первоначально издавался в 1917 г., однако впоследствии название было изменено на «Известия Караимского Духовного правления» (в 1918-1919 гг.). Редактором-издателем был заявлен Серайя Маркович Шапшал, а редакторами – члены правления, старшие газзаны А.И. Катык и Б.С. Ельяшевич. Журнал просуществовал до 1919 г. [104, с. 595].

Фактически подбором материалов для этого издания и его корректурой занимался выпускник Александровского караимского духовного училища в Евпатории (АКДУ) старший газзан Арон Ильич Катык (Сарибан) [105, с. 95]. Одной из главных задач журнала была заявлена подготовка к общенациональному караимскому съезду; на страницах этого периодического печатного органа его учредители планировали размещать материалы, относившиеся к подготовке съезда, а также те статьи, в которых бы освещалась та или иная сторона национально-культурной жизни караимов. Девизом «Известий ТОКДП» было провозглашено «благо караимского народа»; под этим же девизом редакция журнала собиралась объединить все прогрессивные силы караимов и повести их по «стезе возрождения и процветания» [107, с. 3].

В «Известиях ТОКДП» на протяжении всего существования этого печатного органа публиковалась разнообразная информация местного и государственного значения. В частности, в июне 1917 г. редакция журнала призвала караимскую общественность, воодушевленную политическими и социальными переменами в стране и находившуюся в состоянии эйфории от провозглашенной правительством свободы, использовать открывавшиеся перед ней

[7] Ср.: ранее, во время царствования последних представителей династии Романовых – Александра III и Николая II – текст присяги для лиц караимского вероисповедания заканчивался словами: «В заключении же сей моей клятвы целую десять заповедей Адонаи», или же «В заключении же сей моей клятвы целую слова закона Божия Тора» [106, л. 1-7].

перспективы с осторожностью, а именно – внедрять в жизнь караимов только то, что согласуется с их конфессиональными установлениями и традициями; не переступить ту грань, за которой свобода переходит в анархию [108, с. 2]. А в № 3 «Известий» было напечатано воззвание к караимам об участии в т.н. «Займе Свободы», призванном материально поддержать российскую армию. В обращении, в частности, говорилось: «Братья караимы! Мы переживаем великий момент строительства свободной России. Народу, завоевавшему свободу, предстоит гигантская работа: закрепить завоеванную свободу, подготовить себе новую, светлую жизнь <…> Мы, караимы, с гордостью можем сказать, что четвертая часть населения нашего народа сражается в рядах революционной армии» [109, с. 2, 3]. Это обращение нашло живой отклик не только среди членов крымских караимских общин, но и у караимов из других городов России [110, с. 15].

На фоне общегосударственных перемен вырастало и общественно-политическое сознание караимов. Об этом может свидетельствовать факт создания «Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения» (КНДПКС). И хотя ее существование было непродолжительным, однако партия оставила свой след в истории формирования новой государственности и развитии национального движения на территории бывшей Российской империи.

Попытка создания партии была осуществлена представителями караимской интеллектуальной элиты весной 1917 г. Идеологом КНДПКС стал известный активист караимского общественного движения С.С. Ельяшевич[8], который опубликовал на страницах караимской русскоязычной прессы ряд статей, разъясняя в них задачи текущего момента. Например, в журнале «Известия ТОКДП» им было напечатано несколько заметок, посвященных проекту организации партии. В частности, в статье «Цивилизация и национальность» автор писал о значении коренных преобразования для общественной жизни караимов: «какими инертными, лично-узкими, нивелированными, полубезличными интеллигентами оказываются те из нас, которые не были приобщены к духу национальной культуры, к родным ценностям нашего идеализма!» [111, с. 15]. Либерал С.С. Ельяшевич, воодушевленный перспективой социальных и политических реформ, замечал, что до Февральской революции существовала «только одна свободная державная нация, остальные – подчиненные, полупорабо-

[8] Ельяшевич Сима (Семен) Саадьевич (1879-1933) – караимский общественный деятель, ученый. Окончил 7-ю московскую гимназию и Строгановское художественное училище. Состоял заведующим караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» (с 1 (13) января 1918 г. по 1921 г.); член училищного совета при Евпаторийском караимском ремесленном училище С.А. Когена (1917-1919 гг.). С.С. Ельяшевич был участником II общенационального караимского съезда в Евпатории (1917 г.); состоял уполномоченным по делам первого караимского трудового поселка «Имдат-Пигит». Он – автор ряда публикаций на религиозно-философские и общественные караимские темы. В 1921 г. С.С. Ельяшевич уехал из Крыма в Москву, где кардинально изменил свои взгляды – от национально-патриотической идеи он пришел к атеизму и стал убежденным интернационалистом [113, с. 62-64].

щенные, угнетенные и – в лучшем случае – терпимые» [112, с. 15]. События февраля 1917 г. С.С. Ельяшевич назвал могучим рычагом развития караимской религиозности, общественности и национального духа – по его мнению, большинство требований караимского национально-культурного идеализма восторжествовало в результате февральской революции [114, с. 30; 115, с. 14]. Возрождение караимской культуры, истории и «караимской национальности» С.С. Ельяшевич видел, прежде всего, в сознательности единоверцев, их сплоченности ради общей цели, в их культурности и цивилизованности [112, с. 15].

Будучи убежденным идеалистом, С.С. Ельяшевич указывал на три основных принципа, по которым должна существовать любая нация –«национальное бессмертие, национальный идеализм и национальное воспитание». При этом то обстоятельство, что караимы жили длительное время наравне с «величайшими, могущественнейшими нациями», убеждало вдохновителя Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения в том, что караимы не могли быть обречены на вымирание[9]. В числе первых шагов, направленных на духовное возрождение караимов, С.С. Ельяшевич в 1917 г. называл такие, как: «изучение караимского многовекового идеализма, организацию караимской демократической общественности и создание национальной школы» [112, с. 16]. Главным недостатком, который, по мнению С.С. Ельяшевича, должен был быть обязательно искоренен, являлась утрата культурно-исторической памяти, приведшая к тому, что в караимском (и не только караимском) обществе царили нравы «грубого кулачества, узко-мещанского практицизма»; попирались традиции и порядки, общественные интересы и даже право [114, с. 29]. Организация и защита принципа солидарности всех караимских общин во имя своего национально-исторического культурного единства, отстаивание правовых интересов караимов – вот квинтэссенция программы КНДПНС, рассчитанной, прежде всего, на поддержку у караимских интеллектуалов, влиятельных общественных деятелей и меценатов [114, с. 31]. Осуществление этих шагов, по словам С.С. Ельяшевича, могло быть осложнено лишь тем обстоятельством, что в 1917–1918 гг. караимские общины уже существовали на территории не одного, а нескольких государств. Однако, по убеждению инициатора создания партии, общие цели, устремления и «жизненные интересы» у всех караимов должны были быть едиными [111, с. 15].

[9] С.С. Ельяшевич, рассуждая о вымирании караимов, выражался не столько фигурально, сколько действительно был озабочен угрожающими данными статистики смертности и рождаемости среди караимского населения. Так, если в 1907 г., по сведениям ТОКДП, родилось 178 караимов, умерло – 173, а количество сочетавшихся браком составило 81, то в 1916 г. эти цифры выглядели так: родившихся – 106, умерших – 201, заключивших брак – 40. При этом отмечалось, что число погибших на фронтах Первой мировой войны не поддавалось точному подсчету, однако было «весьма значительным» [116, с. 12, 13; 117, с. 114-117].

Наконец, 18 мая 1917 г. в Евпатории, в помещении Александровского караимского духовного училища состоялось собрание инициативной группы организации КНДПКС. Председателем собрания был избран присяжный поверенный Ю.Ю. Тришкан[10], а секретарем – Я.В. Ходжаш. Собравшимся был представлен разработанный инициативной группой проект создания КНДПКС, окончательное утверждение которого, по замыслу авторов проекта, должно было произойти на учредительном съезде партии. Основной мыслью, прозвучавшей в выступлениях докладчиков, стало объединение нации на платформе широкого национально-культурного самоопределения. Программа партии была дважды прочитана присутствовавшим (сначала на русском, а затем и караимском языках) одним из ее авторов, С.С. Ельяшевичем, с краткими пояснениями по отдельным пунктам. На собрании, после продолжительных прений, было принято решение о создании комиссии, в полномочия которой входило бы решение различного рода вопросов, связанных с объединением караимов. Лидеры КНДПКС обратились к караимам с воззванием, в котором излагали основные идеи и принципы партии: «Граждане караимы! <…> Объединимся в одно целое общество, поставившее своей целью борьбу с темными силами реакции, отстаивание завоеванной Новой Россией победы над старым режимом, и поддержку всеми нашими скромными силами Временного Правительства» [115, с. 12, 13]. Первоочередной задачей перед партией ставилось содействие сохранению основ составляющих караимского общества: религии, языка и культуры. Члены КНДПКС планировали также оказывать широкую помощь всем нуждавшимся в духовной и материальной поддержке караимам. В обращении Евпаторийской организационной группы КНДПКС к общественности указывалось, в частности, и на то, что караимское общество неоднородно; некоторые его представители, вследствие «политической близорукости», не осознавали важности текущего момента (подразумевалась, прежде всего, та часть караимской интеллигенции, которая подверглась русификации в правительственных учебных заведениях и была в достаточной степени ассимилированной, и поэтому, по мнению авторов обращения, утратившая национальное самосознание) [115, с. 14]. Следует заметить, что активисты организационной группы КНДПКС, призывая караимов вступать в ряды партии, стремились направить свои силы не только на духовное самоопределение и возрождение караимов, но и на достижение

[10] Тришкан Юфуда (Юрий) Юфудович (Юрьевич) (1862-1925) – караимский общественный деятель, юрист; после окончания университета служил несколько лет помощником прокурора в Киеве. Имел чин титулярного советника. Оставив государственную службу, возвратился в Евпаторию и занялся частной юридической практикой. Крупный землевладелец и солепромышленник. Некоторое время состоял в должности почетного попечителя АКДУ (избран в 1902 г.) [118, с.189, 190; 120, л. 53]. В Евпатории проживал на ул. Пушкинской, 23. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где и умер в 1925 г. [119, с. 240; 182, л. 11].

ими экономического благополучия. КНДПКС обратилась в редакцию «Известий ТОКДП» с просьбой разместить на страницах журнала материалы, непосредственно относящиеся к деятельности партии в частности, и к событиям национальной, культурной и общественной жизни, в целом. А.И. Катык пошел навстречу этой просьбе, однако при этом заметил, что редакция журнала не разделяет мнения КНДПКС относительно караимской интеллигенции, изложенного в воззвании партии [108, с. 2].

Тем не менее, в июне 1917 г. в очередном номере «Известий ТОКДП» «Проект программы Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения» был опубликован. Этот документ состоял из четырех отделов, 11 параграфов и 20 пунктов. Согласно проекту, основными задачами КНДПКС декларировались: 1) борьба во имя национального и культурного развития нации и освещение всех условий – как препятствующих, так и содействующих этому; 2) организация национальных сил на почве общих национальных и культурных интересов караимов. В основных положениях своей программы КНДПКС заявляла, что считает караимов самостоятельной национальностью, и, не затрагивая академической стороны вопроса (т.е. предоставляя решение этой проблемы ученым), относила их к «семито-тюркской» расе [121, с. 4].

Помимо всего прочего, члены КНДПКС указывали на то, что религиозные вопросы караимизма настолько тесно связаны с вопросами национальными, что партия выдвигала следующие опорные тезисы: 1) «в своем религиозном идеализме караимы исходят из опыта духовной культуры», заключенного в ТаНаХе; 2) провозглашение независимости мнений от религиозных авторитетов; «критика религиозно-философского идеализма относится к области не воли народной массы, а ее внутреннего сознания и совести» (при этом С.С. Ельяшевич и его коллеги, в целях выяснения исторической и национально-культурной позиции караимизма в контексте основных учений религиозного идеализма, призывали различать его направления среди мировых религий, выделяя т.н. христианскую, талмудическую и арабо-византийскую школы).

КНДПКС считала этнически родственными и тесно примыкающими к караимам группы, которые были объединены с ними по конфессиональному признаку. Прежде всего, речь шла о караимах Турции, Египта и Палестины; что касается караимов, проживавших в западных губерниях России, то они, по мнению авторов партийного проекта, представляли тождественную с крымскими караимами этноконфессиональную общность. Национальными языками объявлялись древнееврейский язык (как язык богослужения и духовной литературы) и караимский, как разговорный; центром национальной культуры – непосредственно Крымский полуостров, а «в нем город Евпатория по преимуществу». Своей «национальной территорией» партия провозглашала Чуфут-Кале с прилегавшими землями, а также: караимские кладбища в Галиче, Троках, Луцке и Паневежисе, которые в тот момент находились

на территориях, охваченных военными действиями; караимский храм Анана в Иерусалиме и земельный фонд караимов в России (при этом партийные идеологи подчеркивали, что КНДПКС считает караимов гражданами Российского государства и не преследует никаких сепаратистских целей, а сами термины «национальная территория и «земельный фонд караимского народа» должны были расцениваться как внешние правовые выражения национальной и культурной независимости караимов).

Перед КНДПКС ставился целый комплекс национально-культурных задач. Во-первых, планировалось создание новых учебных и просветительских учреждений, а также развитие уже существующих – национального музея, библиотеки, ученого общества, театральных кружков и пр. Во-вторых, предполагалась проведение реформы в образовательной сфере; осуществление материального обеспечения караимских школ и училищ. В-третьих, партия собиралась оказывать содействие развитию общего образования, сохранению и развитию караимской литературы, «национального сознания в области изящных искусств», а также поддерживать связь с общественностью. В области материальной культуры первоочередной задачей КНДПКС считала восстановление исторически значимых памятников караимской истории и культуры – городов Чуфут-Кале и Троки. Далее партия планировала создание на «общих для России принципах справедливости» т.н. национально-земельного фонда, состоящего из земельных владений караимов-помещиков – для обеспечения и развития агрономической культуры среди караимского населения (в этом контексте программой партии подразумевались создание и организация караимских трудовых поселков – в частности, на земле, пожертвованной табачным фабрикантом и меценатом И.Д. Пигитом – а также поддержание среди караимов садоводства, развитие огородничества, ремесел и т.п.) [121, с. 4, 5]. Помимо этого, планировалось также создание некоего общего фонда, в котором были бы объединены материальные средства всех караимских общин России. Общенациональный караимский фонд, насчитывавший к тому времени капитал более чем в 200 тыс. руб., также планировалось увеличить за счет пожертвований.

Программой КНДПКС подразумевалось создание органов национального единства. Например, лидеры партии называли первоочередной задачей организацию такого звена, которое было бы связующим между караимами всех стран, и занималось бы вопросами взаимоотношений между ними и выработкой общей политики. Остальными звеньями самоуправления караимов были определены: духовенство (а именно, Таврическое и Одесское караимское духовное правление во главе с гахамом – духовным главой народа, почетным председателем и представителем многих караимских учреждений и организаций; при этом также указывалось на необходимость реформирования ТОКДП с целью расширения его компетенции); представители караимских общин на местах, габбаи (старосты) и правление общин.

Еще одним органом самоуправления должны были служить периодические съезды делегатов от караимских общин [121, с. 5].

Координатором во взаимодействии между караимскими общинами и в установлении между ними тесного контакта КНДПКС объявила себя. Осуществлять подобную работу должны были отделы партии, созданные на местах, а содействовать проведению в жизнь намеченных пунктов программы – съезды представителей членов партии (т.е. делегатов отделов). КНДПКС должна была избрать на первом своем съезде Общий Комитет, как постоянный объединяющий орган.

За несколько недель до опубликования этой программы, 24 мая 1917 г. в Симферополе состоялось первое организационное собрание местной национальной группы КНДПКС. На собрании с докладом о происходивших в караимских общинах Таврической губернии расколах и, в частности, о разрозненном положении караимов выступил главный идеолог партии С.С. Ельяшевич. Он предложил присутствующим (среди которых были и представители Феодосийского национального караимского клуба) от имени инициативной группы организовать партию на началах проектной программы. Феодосийская группа делегатов приветствовала это обращение, и, в свою очередь, призвала всех присутствовавших «организоваться и принять для однообразия предложенный клубом устав» [122, с. 14]. В итоге собрание приняло резолюцию: организовать в Симферополе отдел КНДПКС и избрать часть президиума (председателя и секретаря), предоставив им обратиться с воззванием к караимам Симферополя «организоваться» на тех же началах проектной программы, которые были приняты в Севастополе, Бахчисарае и Одессе. Председателем был избран С.С. Ельяшевич, а секретарем – В.И. Микей.

Проанализировав программу «Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения», можно сделать вывод о том, что некоторые ее пункты были схожи с основными программными заявлениями как партии конституционных демократов (это касалось, прежде всего, того обстоятельства, что все караимские общины, во главе с ТОКДП, безоговорочно поддержали Временное Правительство и его распоряжения), так и эсеров (например, в вопросе о социализации земли с уравнительным распределением в обществе равных тружеников без эксплуататоров и эксплуатируемых). Сравнивая программу КНДПКС с программами других национальных партий, можно найти много общего. Следует сказать, что в России существовало 12 национальных социал-демократических партий: армянская, белорусская, еврейская, грузинская, латвийская, литовская, украинская, эстонская; всего же к 1917 г. в стране насчитывалось 38 буржуазных партий – из них 8 общероссийских и 16 национальных – и 14 либерально-буржуазных (5 общероссийских и 9 национальных); список мелкобуржуазных партий состоял из 11 общероссийских и 27 национальных [123, с. 45-59, 100-115; 124, с. 109-120; 125, с. 704-708; 126,

с. 66-86; 127, с. 83-95; 128, с. 11-21]. Что касается непосредственно Крыма, то нужно отметить, что после Февральской революции на полуострове действовало около 30 организаций различных партий и движений, в т.ч. еврейские (Бунд, Поалей-Цион, Цеира-Цион, СЕРП, сионисты), армянские (Дашнакцютун, отдельные члены Гнчак), украинские (УСДРП, УПСР, громады), крымскотатарских социалистов-федералистов, польско-литовский комитет РСДРП (в Феодосии), польский комитет РСДРП (в Севастополе), Великорусское вече, а также национальные общества: караимское, эллинское, греческое, эстонское, великороссов, немцев; еврейский общественный совет, губернский комитет немцев и т.п. [49, с. 56]. В общих чертах стратегическим направлением российских национально-демократических партий являлась осуществление комплексной национальной программы во всех сферах жизни: политической, социальной и духовной. Отметим также, что большая часть национальных партий после февраля 1917 г. стояла на позиции буржуазного национализма, что в полной мере относилось и к КНДПКС. В целом, ее деятельность можно отнести к консервативно-либерально-демократическому направлению.

Необходимо отметить, что караимское движение национально-культурного самоопределения нашло поддержку не только у местных караимских общин, но и среди караимов западных губерний (из гг. Вильно, Троки, Поневежа, Луцка и др.), оказавшихся в Крыму в статусе беженцев из охваченных военными действиями территорий. Известный караимский журналист О.И. Пилецкий[11], представлявший интересы литовских караимов в Таврической губернии, поместил на страницах «Известий ТОКДП» несколько заметок, в которых выразил полное одобрение курсу, предложенному караимскими духовными и общественными лидерами [129, с. 26]. В 1917 г. группой караимов-беженцев из Литвы было объявлено о создании «Национально-демократического кружка литовских караимов культурного самоопределения». На собрании, посвященном открытию кружка, О.И. Пилецким был сделан доклад о современном положении караимов; затем он предложил присутствующим приступить к собственно организации кружка на началах проектной программы, выработанной инициативной группой КНДПНС [130 с. 15]. О.И. Пилецкому также было предоставлено право заниматься в дальнейшем организационными вопросами созданного объединения.

Одним из эффективных средств к достижению своих целей лидеры КНДПНС видели в организации разнообразных культурно-просветительских обществ, клубов и кружков, призванных распространять среди караимского населения идеи объединения и национального самоопределения на культурно-просветительской основе. Следует сказать, что в 1917 г. куль-

[11] Отметим, что до сентября 1918 г. О.И. Пилецкий состоял также в должности делопроизводителя в ТОКДП [131, с. 168].

турно-просветительские общества были созданы во многих городах Таврической губернии. Ими организовывались кружки по изучению караимской истории, религии, литературы и искусства, караимского и древнееврейского языков, проводились детские чтения и экскурсии. На территории полуострова действовало несколько таких организаций. Так, «Феодосийский караимский национальный клуб» был создан 3 мая 1917 г.; летом 1917 г. национально-просветительский клуб открылся в Бахчисарае; тогда же в Одессе было организовано «Одесское Общество Объединения караимов». Имеются сведения о работе Севастопольского караимского культурно-просветительского общества, насчитывавшего в своих рядах более 200 членов; культурно-просветительский кружок караимской молодежи существовал в Симферополе, а в Евпатории действовал «Кружок молодежи» [132, с. 51-62].

Таким образом, можно констатировать, что руководители КНДПНС и сочувствовавшие ее деятельности представители прогрессивной караимской интеллигенции старались широко пропагандировать идеи партии, комплексно представлять план развития караимских общин на ближайшие годы, знакомя единоверцев с историей, духовной и материальной культурой крымских караимов; привлекали в созданные просветительские общества и кружки караимскую молодежь, разъясняя им цели и задачи караимского национально-культурного самоопределения.

Отметим также, что история КНДПКС была сравнительно недолгой – в связи с началом на полуострове гражданской войны, этническими конфликтами, голодом и разрухой, а также в условиях смены различных правительств эта партия исчезла с политического горизонта.

Анализируя культурно-национальное и общественное движение в этот период, необходимо подчеркнуть, что определяющую роль в жизни караимских общин России в целом, и Таврической губернии, в частности, играют съезды караимской общественности и духовенства. Так, с 18 по 27 июня 1917 г. в Евпатории проходил съезд караимского духовенства, на котором, помимо некоторых доктринальных проблем, обсуждались злободневные вопросы, связанные с положением дел в караимском обществе. Одной из тем, вынесенных на обсуждение участников съезда, стал вопрос об изменении «Положения об управлении духовными делами караимов». Общественно-политические преобразования в стране, провозглашение Временным правительством свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек, отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений привели к тому, что некоторые пункты принятого еще в середине XIX в. «Положения» были признанны караимскими духовными лидерами устаревшими (однако сразу оговоримся, что кардинальных изменений в этот документ вносить не предполагалось). Прежде всего, было решено изменить порядок замещения двух должностей в ТОКДП – делегаты съезда пришли к заключению, что выбор членов правления может

осуществляться газзанами, которые должны избирать их или из своей среды, или же из мирян, получивших специальное богословское образование [133, с. 7]. Помимо этих двух непременных членов ТОКДП (один из которых назначался замещающим должность гахама на время отсутствия или болезни последнего), членами правления также признавались два газзана – настоятели Большой и Малой евпаторийских кенас. Было также предложено внести изменения в статью 1262 Свода законов Российской империи, гласившую, что отныне «духовенство караимов составляют гахам, старшие газзаны[12], газзаны, шамаши и озеры». Устав об управлении делами караимских общин был разработан там же, на съезде караимского духовенства, для дальнейшего его рассмотрения на общенациональном караимском съезде [134, с. 11, 12].

Кроме того, делегатами съезда караимского духовенства были приняты следующие важные решения, также переданные для обсуждения на готовившийся общенациональный караимский съезд:

- об определении принадлежности к караимской конфессии (т.е. о том, кого следует считать караимами);
- о вступлении «иноверцев» в лоно караимского вероисповедания»;
- об общей переписи караимского населения;
- о преобразовании Александровского караимского духовного училища в общеобразовательное учебное заведение со специальными дополнительными классами для юношей, готовящихся к деятельности священнослужителей;
- об улучшении положения приходских школ (с расширением их учебных программ за счет общеобразовательных дисциплин, введение в учебные программы обязательного преподавания караимского катехизиса и т.д.);
- об улучшении состояния Евпаторийского ремесленного училища С.А. Когена (в частности, о привлечении в него детей местных и иногородних караимов);
- и, наконец, о разрешении браков между караимами и лицами, не принадлежащими к караимской конфессии, а также о разрешении приема детей от смешанных браков (т.е. от браков между караимами и представителями других конфессий) в караимские учебные заведения.

Что касается первого вопроса, делегаты съезда караимского духовенства выработали однозначную резолюцию. Они постановили: под названием «караим» следует подразумевать принадлежность к караимской религии, а не к народности [133, с. 11]. «Караимами называются люди, – говорилось в резолюции, – исповедующие караимскую религию, и составляющие

[12] Отдельным пунктом на съезде караимского духовенства рассматривался вопрос о материальном обеспечении газзанов – неотложность решения этого вопроса была вызвана тем, что положение духовенства «при нынешней дороговизне стало весьма тяжелым»; делегаты высказывались также за страхование духовных лиц, выплату их семьям денежных пособий [133, с. 10].

особую, исторически сложившуюся народность (при этом под караимской народностью подразумеваются караимы, живущие в Крыму, и примыкавшие к ним издавна, еще до присоединения Крыма к России, вступавшие с ними в браки и беспрерывно духовно питавшие их караимы Константинопольские, Египетские, Иерусалимские, Багдадские, Сирийские и Литовские)» [133, с. 6]. Кроме этого, важным моментом в контексте изменившейся политической обстановки в стране стало обсуждение на съезде вопроса о составлении новой специальной молитвы о благополучии Российской державы [133, с. 5; 135, с. 7].

С 16 по 21 июля 1917 г. в Евпатории состоялось совещание членов ТОКДП, для участия в работе которого были приглашены представители от всех караимских общин. В задачи совещания входила разработка ряда вопросов доктринального и общественного характера, для последующего их представления на обсуждение II общенационального караимского съезда в Евпатории (27 августа – 3 сентября 1917 г.) [136, с. 4]. Председательствовал на совещании гахам С.М. Шапшал; всего для обсуждения деталей предстоящего общенационального съезда прибыло 17 делегатов из разных городов России (в основном, Таврической губернии и городов – Москвы, Петрограда, Харькова, Екатеринослава, Николаева, Одессы и др.). Во время работы совещания были приняты основные пункты «Положения о выборах делегатов на Общенациональный караимский съезд 27 августа [1917 г.]», состоявшего из трех параграфов и 18 подразделов, и которые стали руководством для караимских общин в вопросе выборов делегатов на съезд. Правом решающего голоса на нем наделялись караимский гахам как председатель духовного правления, два члена ТОКДП, караимские газзаны и лица, исполняющие эти должности, а также делегаты от караимских общин. При этом делалась поправка, что решающий голос у представителей караимского духовенства может быть использован лишь при обсуждении вопросов религиозного толка. Право же избирать делегатов на съезд было предоставлено членам всех караимских общин обоего пола, достигшим 20-летнего возраста, проживавших в той или иной общине не менее двух месяцев и являвшихся при этом русскими подданными. На обсуждение был вынесен и вопрос о выборах на предстоявшем съезде караимского гахама, а также примерный проект устава об управлении делами караимских общин [136, с. 6-12].

С 27 августа по 3 сентября 1917 г. в Евпатории прошел II Общенациональный съезд караимов. Это был первый съезд, на который были допущены женщины-караимки; первый съезд, на котором караимские общины были представлены не на принципе представительства, как это осуществлялось ранее, а на основании принципа пропорциональности (из расчета – 1 делегат на 200 членов общины обоего пола всех возрастов). Данное решение было принято ранее делегатами совещания членов ТОКДП [136, с. 3-10]. Помимо вопросов, преданных в июне представителями караимского духовенства и членами

июльского совещания для обсуждения на общенациональном съезде, среди основных пунктов в его программе были: обсуждение возможности перевода караимских молитв на русский язык или параллельное их чтение на двух языках – русском и караимском; устройство трудового поселка «Имдат Пигит» на земле, купленной на средства, переданные ТОКДП согласно завещанию И.Д. Пигита; организация общенациональной помощи нуждавшимся караимам; изыскание средств к поддержке памятников караимской истории и культуры; выборы караимского гахама на основе всеобщей, прямой равной и тайной подачи голосов лицами обоего пола, достигшими двадцатилетнего возраста (этот пункт был включен в повестку съезда по предложению самого С.М. Шапшала, обратившегося с призывом к караимам принять участие в выборах – при этом он счел своим нравственным долгом оставаться до съезда на своем посту) [137, л. 1-10, 47, 50; 138, с. 4; 139, с. 5].

Что касается последнего пункта, то выборы Таврического и Одесского караимского гахама, по предложению Киевской и Бердянской караимской общин и после обсуждения этого вопроса делегатами июльского совещания, были отложены до окончания войны. Кроме того, общенациональный караимский съезд 1917 г. решено было наделить совещательными функциями, т.к., по мнению уполномоченных от караимских общин, значительное число караимов было лишено возможности присутствовать на нем (из-за участия многих мужчин-караимов в войне, в связи с военным действиями на территории западных губерний России, где проживала часть караимского населения империи, и т.п.) [136, с. 9].

На II Общенациональный караимский съезд в Крым прибыло 49 делегатов практически от всех караимских обществ России. Несмотря на то, что было постановлено придать этому съезду характер совещательного (как уже говорилось выше, принятие основных решений делегаты перенесли на послевоенное время), на нем был озвучен ряд важных резолюций. В частности, подтверждены некоторые положения, разработанные на июньском съезде караимского духовенства. Так, на повестку общенационального съезда были вынесены следующие вопросы: 1) о самоопределении караимов; 2) об отношении к «русским караимам»; 3) об отношении к другим народностям; 4) о смешанных браках. Участники съезда также приняли постановление о преобразовании АКДУ в среднее учебное заведение; об улучшении положения «мидрашей» (приходских караимских школ) и Евпаторийского ремесленного училища С.А. Когена; об организации общенациональной помощи нуждающимся караимам; об изыскании средств для охраны и поддержания памятников караимской старины и пр. [140, с. 1-4; 135, с. 5-25].

Относительно первого вопроса делегаты съезда выработали следующую резолюцию: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохраняющую неразрывную духовную связь

со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [135, с. 8]. По второму пункту в прениях принимали участие такие авторитетные среди караимов общественные деятели, как старший газзан А.И. Катык, С.С. Ельяшевич, профессор Г.И. Танатар, присяжный поверенный А.Я. Хаджи и др. В результате дебатов было решено создать особую комиссию, состоящую из газзанов, врачей, юристов для обсуждения проблемы взаимоотношений между караимами и т.н. «субботниками» (русскими караимствующими) [135, с. 9]. Что касается вопроса о смешанных браках, то даже после проведения закрытого заседания съезд так и не смог выработать единого мнения, и поэтому было решено отложить обсуждение данного вопроса до очередного общенационального съезда, запланированного на послевоенное время. Тем не менее, некоторыми делегатами была подготовлена и озвучена резолюция, гласившая: «Не предрешая вопроса о смешанных браках в положительном смысле, съезд высказывается за принятие в лоно караимства лиц, вступивших в таковой брак, каждый раз по приговору общины, имеющей кенасу, с санкции Духовного правления»[13] [135, с. 9].

Заметим, что караимы, среди которых было значительное число зажиточных семей, в основной своей массе не приняли октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде. В годы гражданской войны большинство караимов-военнослужащих воевало на стороне белых; более половины из них погибло. Серьезный урон караимским общинам полуострова нанес принявший устрашающие масштабы террор со стороны «крайне левых». Так, 23 и 24 февраля 1918 г. в городах Крыма погибло около 600 человек разных национальностей; среди них было немало караимов [49, с. 63]. Например, в Севастополе большевиками были убиты: известный художник, прапорщик М.М. Казас (племянник караимского просветителя И.И. Казаса); подполковник в отставке Ю.И. Харченко и его братья, видные караимские общественные деятели – гласный Севастопольской городской думы, председатель Севастопольского караимского благотворительного общества (с 1913 г.) Ф.И. Харченко (ему также принадлежал завод по производству мыла «кил» на ул. Очаковской) и

[13] Следует сказать о том, что после революции 1917 г. число членов караимских общин, решивших перейти в иное вероисповедание, а также лиц других конфессий, стремившихся принять караимскую веру, значительно увеличилось. Остановить тенденции расслоения караимской общины, препятствовать процессам «отмирания» многих религиозных догматов ортодоксально настроенные представители караимской общественности и ТОКДП были уже не в силах, несмотря на все обращения духовных и национальных караимских лидеров о консолидации. Наряду с фактами перехода из караимского вероисповедания в другие конфессии, также фиксировались случаи возвращения в «лоно караимской религии». Несмотря на призывы караимского духовенства и интеллигенции о сплочении, о возрождении прошлого караимов, их религиозных и национальных обычаев, тем не менее, этническое и конфессиональное самосознание караимского населения постепенно нивелировалось (особенно это было заметно в отношении молодежи) [141, с. 134-143].

владелец типографии Д.И. Харченко; купцы А.С. Казас[14], Ефим Семенович и Ефрем Семенович Кефели, И.Е. Прик [49, с. 63; 74, с. 73; 142, с. 101-103; 143, с. 207; 144, с. 27]. В Евпатории в первые дни января в результате резни, когда прибывшие в город матросы «врывались в мирные дома, хватали невинных людей, душили на глазах у родных, <…> расстреливали, бросали в море, терзали и мучили жестоко и хладнокровно»[15], погибли: участник Первой мировой войны, штабс-капитан М.И. Гелелович (убит 15 января 1918 г. во время высадки «красного десанта» в Евпатории), габбай евпаторийской караимской общины И.М. Туршу, члены общины: И.А. Гелелович, И.Я. Нейман, А.М. Сарач, А.П. Синани, И.С. Туршу, И.В. Шишман, А.И. Эль и многие другие[16]. В Симферополе от рук бандитов погибли фабрикант А.М. Кефели, директор Сельскохозяйственного банка Б.И. Бобович, М.Я. Шишман (один из совладельцев симферопольской кондитерской фабрики «Братьев Шишман») и Э.Н. Робачевский [146, с. 30; 144, с. 27, 28].

Следует подчеркнуть, что среди погибших в годы гражданской войны было немало караимов-военнослужащих, оставшихся верными принесенной присяге: прапорщик В.С. Бабаджан (художник, поэт, искусствовед; в конце 1920 г. добровольно сдал оружие, однако затем был расстрелян большевиками),

[14] Хаос, неразбериха и бесчинства большевиков в эти дни достигали такого размаха, что тела некоторых убитых 23 и 24 февраля 1918 г. их родственники не могли разыскать еще долгое время. Так, вдове караимского купца Арона Соломоновича Казаса Эстер Казас свидетельство о смерти ее мужа было выдано севастопольским газзаном Т.С. Леви-Бабовичем лишь 23 апреля 1918 г., причем с такой формулировкой: «был убит в городе Севастополе неизвестными лицами, но тело его не предано земле по караимскому обряду за неразысканием трупа», который был обнаружен только через несколько месяцев, и погребен на Севастопольском караимском кладбище лишь 28 июня 1918 г. [145, л. 9, 9 об.].

[15] В ночь на 1 марта 1918 г. из города исчезло около 40 человек – в основном, это были зажиточные горожане. По свидетельству очевидцев, намеченных к убийству арестовывали красноармейцы, которым один из организаторов расстрелов, С. Немич, выдавал записки с указанием фамилий. Арестованные сначала доставлялись в тюрьму, где у них отбирали все ценное, а затем ночью на грузовых автомобилях увозились за город, где их расстреливали на берегу моря. После обнаружения могилы с захороненными выяснилось, что, за небольшим исключением, все тела были в одном нижнем белье и без ботинок; в разных местах на трупах были колото-резаные раны. Присутствовали тела с отрубленными головами (как у помещика Абиль Керим Капари), с отрубленными пальцами (у помещика, купца и общественного деятеля караима Арона Марковича Сарача). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками [17]. По воспоминаниям очевидцев событий тех лет, грабежи и убийства осуществляли не только большевики – так, окрестности Евпатории в 1920 г. терроризировали бандиты и мародеры, забиравшие лошадей и резавшие скот, принадлежавший вышеупомянутому помещику А.М. Сарачу, и которые убили сына управляющего его имением [78, с. 212].

[16] В это же самое время чудом избежал гибели другой известный караим – евпаторийский врач и общественный деятель Борис Ильич Казас (1861-1922), которого прибывшие в Евпаторию матросы арестовали, заключили под стражу и собирались расстрелять, и лишь вмешательство горожан, потребовавших немедленно отпустить Б.И. Казаса, спасло ему жизнь [149, с. 170].

поручик Феодосийской караульной команды, потомственный почетный гражданин Феодосии С.Я. Крым (убит красноармейцами во время комендантского часа), подполковник Л.С. Лопато (убит в 1920 г. в Севастополе); были убиты также вольноопределяющийся в составе белой армии феодосийский мещанин Савускан; адвокат А.И. Ферик, В.А. Кальфа и Ф.С. Кальфа [59, с. 72-79; 74, с. 70, 73-75; 83, с. 123, 193, 228; 88; 144, с. 27; 147, с. 58-61]. Членами ТОКДП и лично С.М. Шапшалом были выражены соболезнования семьям погибших караимов Евпатории, Симферополя и Севастополя; гахам подчеркнул, выступая в начале 1918 г. в Евпаторийской кенасе перед прихожанами, что в дни печали караимы должны «помнить о Боге и Его Храме», а в дни радости – объединятся вокруг религии и духовных ценностей[17] [148, с. 35].

В 1918 г., в связи с начавшейся гражданской войной, обострилась политическая борьба на территории полуострова. Результатом этого противоборства стали многочисленные вооруженные конфликты, вскоре переросшие в межэтнические и межконфессиональные столкновения, с падением Республики Таврида и началом германской оккупации Крыма вспыхнувшие на полуострове с новой силой [150, с. 397-408]. По некоторым данным, в апреле 1918 г. было убито более 200 человек, уничтожено имущества на сумму 2 928 000 руб. По словам В.Г. Зарубина, последствия конфликтов ощущались и в начале 1920-х гг. [49, с. 65]. В числе репрессированных большевиками в этот период – подпоручики белой армии, караимы Э.М. Фуки, А.С. Хаджи, И.С. Хаджи, А.И. Бакал, И.Я. Бобович, поручик С.Ш. Кефели, штабс-капитан И.М. Гибор, чиновники военного времени Х.А. Шишман и Б.С. Баккал. Под «карающий меч революции» попадало и мирное население. Так, в 1920-1921 гг. были расстреляны: житель Симферополя А.Я. Хаджи (с формулировкой «за связь с белыми»), судебный следователь Б.С. Шишман, уроженец Екатеринодара Ф.С. Рофе, беженец Ю.Н. Бабаев, а также Э.В. Ага, Э.И. Туршу, Я.А. Мангупли, П.И. Аппак, Э.Б. Фуки и др. [35, с. 250, 252, 254, 260, 277, 286, 291, 316, 328, 345, 389, 443]. Значительная часть караимского населения, напуганная происходившим политическим и военным «беспределом», была вынуждена эмигрировать из Крыма. Из более чем 8 тыс. караимов, проживавших на полуострове в 1914 г., к 1921 г. осталось только 3564 [74, с. 72-76].

---

[17] Следует сказать и о том, что зверства и расправы над населением творили не только большевики – по свидетельству очевидцев событий того времени, «однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками <…> Выяснилось, что это генерал [А.П.] Кутепов распорядился таким образом терроризировать симферопольских большевиков» [77, с. 147]. Трагедией оборачивалось любое открытое проявление своего социального статуса и политических взглядов. «В Симферополе вырезали две улицы «буржуев» – писала русская поэтесса и писательница З.Н. Гиппиус. – В Ялте <…> столько убийств, утоплений с ядрами на ногах, что <…> теперь мертвецы одолевают города, всплывая в бухте в стоячем положении» [77, с. 152].

Политическая неразбериха, социальный и экономический кризис, территориальные потери России в ходе продолжавшейся войны, и, как следствие, вступление на полуостров войск интервентов привели к тому, что в мае 1918 г., после завершения оккупации Крыма германскими войсками[18], неизбежно возникал вопрос о создании органа, в задачи которого входило бы управление захваченными территориями. Германские власти, стремясь обеспечить относительный порядок с целью достижения своих экономических, военных и геополитических целей, приступили к формированию марионеточного правительства. 25 июня 1918 г. была утверждена Декларация нового правительства, получившего название Крымского краевого. Его главой стал командир 1-го Мусульманского корпуса генерал-лейтенант С.(М.)А. Сулькевич. Одним из первых шагов правительства стало установление нового порядка взаимоотношений с муниципальными, земскими органами власти и учреждениями конфессионального самоуправления. Предполагались выборы в органы местного самоуправления (но на цензовой и куриальной основе); земские собрания всех уровней и городские думы объявлялись распущенными. Свои полномочия до проведения новых выборов сохраняли только Управы[19]. Ограничивалась свобода печати и собраний, вводилась цензура (помимо оккупационной). Все общества, союзы, комитеты и партийные организации Крыма обязаны были в месячный срок представить свои уставы на утверждение в МВД.

Что касается ТОКДП и его руководства, Крымское краевое правительство постановило: внести изменения и дополнения в устав гражданского судопроизводства, определив, что отныне «правом на допрос на месте жительства пользуются Премьер-Министр, и Министры Крымского Правительства, Главный начальник Крымской Армии, епископы христианских церквей, мусульманский муфтий и караимский Гахам» [151, л. 1; 152, с. 1; 153].

11 сентября 1918 г. правительство С.А. Сулькевича приняло постановление о гражданстве Крыма. Гражданином края, без национального и религиозного различия, мог стать любой, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Приобрести же гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении, проживающий в Крыму не менее трех лет и, наконец, обладающий судебной и нравственной непорочностью. В этой ситуации статус караимов-беженцев, прибывших на полуостров из Трок, Виль-

[18] Следует сказать, что отношение у местного населения к оккупации Крыма германскими войсками было крайне негативным. Например, Евпатория, многонациональный город, к тому же «политически разделенный гражданской войной, переживал вступление «басурманов» как страшное несчастье, касавшееся всех» [78, с. 207].

[19] Например, Евпаторийская земская управа, в составе которой было немало караимов, была упразднена 6 мая 1919 г. [154; 155, л. 16].

но и других городов западных и южных губерний страны представлялся довольно неопределенным. По словам В.Г. Зарубина, в программе действий правительства не предусматривалось решение национального вопроса [50, с. 384].

Сложное положение, в котором пребывали караимские общины в связи с политической социальной и нестабильностью, вызвало к жизни новые учреждения. В это время одним из вновь сформированных на территории Крыма национально-конфессиональных органов караимов стал Караимский Национальный Совет. Идея о создании подобной организации была высказана еще на II Общенациональном караимском съезде. На одном из его заседаний была избрана комиссия делегатов в составе: Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Шапшала (председатель), присяжного поверенного М.С. Луцкого, юриста С.М. Сарача, доктора М.М. Ефета, присяжных поверенных Ю.Ю. Тришкана, А.Я. Хаджи, помощников присяжного поверенного С.Б. Шишмана, Я.В. Ходжаша, М.А. Айваза, а также А.И. Эринчека, М.И. Аваха, А.М. Шакая и В.М. Шишмана. Кроме того, в состав комиссии входили и члены ТОКДП. В ее обязанности вменялась разработка всех проблем, обсуждавшихся на съезде, но не получивших на нем окончательного решения; кроме того, целью работы комиссии декларировалось также возбуждение ходатайства перед Временным правительством «о нуждах караимов». Участники съезда уполномочили делегатов от евпаторийских общин Ю.Ю. Тришкана и Я.В. Ходжаша, собиравшихся для поездки в Москву и Петроград, ходатайствовать от имени съезда перед Временным правительством «по караимскому вопросу» [135, с. 17].

Как уже было сказано, обсуждение ряда ключевых вопросов, включенных в повестку дня II Общенационального караимского съезда, делегатами было решено отложить до окончания Первой мировой войны – в связи с тем, что значительная часть мужского караимского населения была призвана в ряды действующей русской армии и не могла принять участие в обсуждении. Поэтому на созданную комиссию, совместно с гахамом и членами ТОКДП, возлагались обязанности по решению ряда вопросов, могущих возникнуть в период до созыва очередного съезда. Эта комиссия послужила прообразом Караимского Национального Совета – национально-конфессионального объединения, созданного в декабре 1917 г. при Таврическом и Одесском караимском гахаме.

Следует сказать, что на волне преобразований, последовавших после Февральской революции 1917 г. в Крыму появился ряд общественных организаций. Так, например, в Симферополе был учрежден «Общественный комитет», появившийся по инициативе Симферопольской городской управы и организованный ею как дополнение к цензовому составу самой управы. Основными задачами этой организации были: охрана правопорядка в городе, снабжение население продовольствием, просветительская и агитационная работа среди жителей города, разъяснение политического положение и «охрана завоеваний революции» [156, с. 235]. А 20 ноября 1917 г. в Симферополе состоялся

Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений, на который собрались делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов. Съездом была принята следующая резолюция: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть обязательно созвано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов – путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, – в Таврической губернии учреждается орган управления губернией Таврический губернский совет народных представителей, как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью» [50, с. 219]. В состав СНП вошло 48 членов; помимо представительств городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, в Совет вошли и национальные представительства в лице татар и украинцев (по 3 чел.), великороссов (2 чел.), евреев и крымчаков (2 чел.), немцев (2 чел.), греков, армян, эстонцев (по 1 чел.)[20] [50, с. 219].

На съезде симферопольской караимской общины в декабре 1917 г. представителем в указанный комитет был делегирован присяжный поверенный А.Я. Хаджи[21], однако правомочность его избрания была впоследствии оспорена на первом организационном совещании Караимского Национального Совета, которое состоялось 7 декабря 1917 г. в Евпатории. Делегатами от общин на основе пропорционального представительства были: от евпаторийской – доктор М.М. Ефет (заместитель председателя КНС, городской голова Евпатории в 1913-1917 гг.), С.М. Сарач, А.М. Шакай, Я.В. Ходжаш, Ю.Ю. Тришкан, С.М. Ходжаш (габбай Караимского национального фонда), И.М. Туршу, М.С. Луцкий; от симферопольской караимской общины – И.И. Синани, М.И. Шишман и присяжный поверенный А.И. Казас; от караимов Севастополя – доктор И.А. Терияки, И.И. Чубар, Е.Б. Койчу, А.Л. Троицкий. От ялтинской караимской общины на заседание КНС прибыл И.Б. Шишман; от армянской – И.Н. Синани; от чуфут-кальской – Б. Каракоз; от бахчисарайской – С.Я. Ялпачик; от бердянской – И.И. Туршу и от мелитопольской – М.Я. Фиркович (занимавший должность заведующего караимской национальной библиотекой «Карай-Битиклиги»). Председательствовал на съезде Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Шапшал; товарищами (заместителями) председателя были избраны М.М. Ефет и И.И. Чуюн, а секретарями – Я.В. Ходжаш и С.М. Сарач. Кроме того, на этом и последующих заседаниях также присутствовали: члены ТОКДП старшие газзаны А.И. Катык и Б.С. Ельяшевич, габ-

[20] По замечанию В.Г. Зарубина, А.Г. Зарубина и В.И. Королева, в своей дальнейшей деятельности СНП продемонстрировал полную беспомощность, ограничившись лишь разработкой избирательного закона в связи с так и не созванным крымским учредительным собранием, а также занимаясь малозначимыми финансовыми вопросами [157, с. 34-38; 50, с. 220].

[21] Избрание А.Я. Хаджи в качестве представителя от караимов на съезд СНП в 1917 г. – факт, до сих пор не освещавшийся в литературе.

бай евпаторийской кенасы А.И. Эринчек, И.О. Туршу, С.Ю. Леви-Ялпачик [85, л. 16, 16 об., 22].

На заседаниях, которые состоялись 8 и 9 декабря 1917 г., делегатами обсуждались многочисленные вопросы, связанные с разработкой положений о КНС. Одним из основных пунктов, вынесенных в повестку дня на первом заседании, стало формирование общей программы действий Совета, его целей и задач. Вновь учреждаемый орган был уполномочен решать широкий круг проблем, связанных с жизнью караимских общин. В частности, одним из главных направлений его работы была объявлена защита караимских национальных интересов и решение текущих вопросов «национальной жизни». По замечанию делегата И.И. Чубара, после революции караимы как нация впервые выходили на арену политической жизни, и поэтому особенно актуальной становилась проблема создания караимского национального органа. Делегат А.И. Казас, в свою очередь, заявил, что «каждая национальность должна быть организована, чтобы иметь своего представителя в совете народных представителей, но не ставится никаких рамок для этой организации, поэтому каждая национальность может организовываться по собственному усмотрению», а делегат Я.В. Ходжаш справедливо отметил, что будущая караимская организация должна быть в постоянном контакте с делегатом от караимов в «Таврическом губернском совете народных представителей», поэтому выборы такого представителя были признаны большинством присутствовавших задачей общенационального значения [85, л. 22, 22 об.].

На заседании 9 декабря 1917 г. съезд делегатов от караимских общин постановил считать себя «Крымско-Караимским Центральным Советом», т.к. делегаты и члены самой комиссии признали, что название «Национальная комиссия» у вновь учреждаемого органа «неудобно звучит». Первоочередной целью, которая ставилась перед КНС, по определению М.М. Ефета, являлся созыв общенациональных съездов в Евпатории – «для разрешения всех вопросов, касающихся караимской нации». Была также сделана оговорка, что полномочия созыва съезда может взять на себя и духовное правление [85, л. 28]. Всем внекрымским караимским общинам (т.е, прежде всего общинам юго-западных губерний России) было предоставлено право делегировать в Совет своих выборных на основе пропорционального представительства. По решению делегатов учредительного съезда КНС, на всех его будущих собраниях, а также на заседаниях Исполнительного комитета (ИК) постоянным почетным председателем должен был быть гахам; кроме того, «Крымско-Караимский Центральный Совет» единогласно избрал председателем Совета И.И. Чубара, товарищем председателя М.М. Ефета, а секретарями – Я.В. Ходжаша и С.М. Сарача. После выборов руководства КНС состоялось обсуждение функций Исполнительного комитета этого органа. После прений делегаты вынесли свое решение: комитету, в состав которого должны будут входить, включая гахама, 13 членов (притом не только из числа непосредственных членов КНС), будут предоставлены самые широкие

полномочия; в случае возникновения «весьма важных вопросов» ИК должен будет передать их на рассмотрение КНС. Делегаты определили и регламент его работы: Совет должен созываться по решению комитета или караимского гахама; кроме того, по требованию 10 членов КНС комитет созывает Совет немедленно (с одной оговоркой – «по мере возможности», учитывая неспокойное время). Члены КНС также имели право принимать участие во всех заседаниях ИК, но с правом совещательного голоса [85, л. 26-28]. На заседании 11 декабря 1917 г. состоялись выборы в ИК КНС. Большинством голосов в состав комитета были избраны: И.А. Терияки (17 голосов «за»), Я.В. Ходшаш (17), М.С. Луцкий (16), Ю.Ю. Тришкан (16), М.М. Ефет (14), С.М. Сарач (14), И.И. Чубар (12), И.А. Прик (12), А.И. Пастак (12), С.С. Крым (10), И.В. Шишман (9), И.М. Туршу (9), А.Л. Троицкий (9). При этом кворум, при котором любое постановление ИК могло бы считаться законным, определили в 4 человека [85, л. 28 об.].

На первых заседаниях представителями от караимских общин обсуждались и многие сугубо организационные вопросы – как уже упоминалось выше, 7 декабря 1917 г. дискутировался вопрос о легитимности избрания делегата от симферопольской караимской общины А.Я. Хаджи в СНП. Делегаты вынесли свой вердикт: признать выборы, состоявшиеся на собрании симферопольской общины справедливыми – значит, создать нежелательный прецедент. «Съезд может и должен быть созван только там, где находятся центральные национальные учреждения, и где имеет [место] пребывание гахам, и таким местом является Евпатория», – заключили делегаты, и поэтому избрание А.Я. Хаджи признали несанкционированным. Было также принято решение отложить выборы представителя в СНП от караимов до проведения выборов Исполнительного комитета КНС и определения его функций и полномочий [85, л. 19 об., 26]. В дальнейшем от имени Совета с СНП контактировал заместитель председателя КНС Б.М. Ефет.

Как уже упоминалось выше, председательствовал в Совете караимский гахам (во время его отсутствия этот орган, как правило, возглавлял евпаторийский старший газзан). В 1917-1920 гг. в состав КНС входили многие известные и влиятельные караимы, такие, как: члены ТОКДП старшие газзаны Б.С. Ельяшевич и А.И. Катык, доктор М.М. Ефет, член правления евпаторийской караимской общины М.А. Айваз, уполномоченный от евпаторийской караимской общины Б.М. Ефет, присяжный поверенный А.Я. Хаджи, адвокат М.С. Кискачи, С.М. Ходжаш, А.И. Эринчек, а также М.И. Авах, А.М. Шакай, М.С. Луцкий, Я.В. Ходжаш, С.Б. Шишман, С.М. Сарач, Ю.Ю. Тришкан, А.И. Нейман, В.М. Шишман, И.Б. Шишман и др. Следует сказать и о том, что на заседания КНС (проходившие, как правило, в помещении АКДУ, а также на квартире гахама) часто приглашались представители от караимских общин (в основном, от евпаторийской). Среди них были: городской голова Евпатории С.Э. Дуван (занимал эту должность с 1906 по 1910 гг.), евпаторийс-

кий городской голова А.И. Нейман (в 1910-1913 гг.), Б.М. Сарач (евпаторийский городской голова в 1917-1919 гг.), председатель Совета выборных евпаторийской караимской общины С.А. Бобович, евпаторийский караимский купец, член попечительского совета Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена (ЕКРУ) и его казначей Б.А. Бобович, член попечительского совета АКДУ купец И.И. Танагоз, один из учредителей «Общества вспомоществования учащимся в Евпатории недостаточным караимским ученикам и ученицам» И.Я. Кискачи, а также Я.Б. Гелелович, Б.М. и Ф.М. Гелеловичи, Ф.А. Мичри, А.И. Шайтан, С.И. Кумыш, М.Я. Мангуби, А.С. Кальфа, А.С. Луцкий, Б.И. Бабаджан, Я.Я. Кобецкий и др. [158, л. 19, 19 об.].

Одной из главных задач Караимского Национального Совета стало решение проблем, связанных с финансированием органов караимского конфессионального самоуправления, а также караимских национальных учреждений. Еще 2 сентября 1917 г. на заседании II Съезда делегатов от караимских общин было принято решение обратиться ко всем общинам с предложением покрыть перерасход по содержанию ТОКДП путем раскладки «ареха» (пропорционального денежного сбора с каждой караимской общины, употреблявшегося на содержание здания кенасы, на штат духовенства при ней, для финансирования работы мидрашей при кенасе, на оказание помощи бедным и пр.). Съездом было также определено, что на ежегодные нужды ТОКДП караимские общины будут отчислять недостающие средства в Караимский национальный фонд (созданный в 1911 г.), а сам фонд, для сохранности средств, должен быть превращен в имущество – в связи с резким падением курса российского рубля.

Как заявлялось в циркулярном письме, разосланном всем караимским общинам в 1918 г. от имени КНС, «ввиду обстоятельств переживаемого нами времени, <…> отпадением некоторых частей русской территории, перегруппировкой караимского населения <…> и ослаблением платежеспособности некоторых общин», а также «стремительного вздорожания всех отраслей жизни в связи с расстройством русского денежного обращения» было решено произвести некоторые изменения в размерах этого налога [158, л. 1]. В 1918 г. при КНС была создана специальная комиссия (в разное время в ее состав входили члены Совета М.А. Айваз, Я.В. Ходжаш, С.М. Ходжаш, М.М. Ефет, А.М. Шакай), которая подсчитала общую сумму недостающих средств и определила меры для выхода из создавшейся ситуации. К 1918 г. перерасход на содержание ТОКДП составлял 39 тыс. руб., а к 1 декабря 1919 г. – 91805 руб. (за 1916 г. – 4 тыс. руб., за 1917 г. – 12341 руб., в 1918 г. – 21330 руб. 56 коп., в 1919 г. – 54133 руб. 61 коп.) [158, л. 24]. С.М. Шапшал, как глава КНС, на протяжении нескольких лет, в особенно тяжелые годы гражданской войны отказывался от получения им жалованья гахама, целиком адресуя деньги на содержание ТОКДП, при этом даже отчисляя часть средств из своего личного состояния (так, например, в 1917 г. общий расход по ТОКДП составил 15543 руб.,

при том, что ассигновано было на его содержание всего 3 тыс. руб. – остальная сумма в 12 тыс. руб. была возмещена С.М. Шапшалом) [135, с. 22; 159, с. 19]. В 1918 г. объем средств, необходимых ТОКДП, увеличился почти вдвое – общая сумма составила 35659 руб., поэтому С.М. Шапшалу вновь пришлось покрывать недостающие суммы из собственных средств [160, с. 19, 20]. Всего к концу 1919 г. он потратил на возмещение дефицита бюджета 91805 руб. 17 коп.; при этом отметим, что часть этих денег была возвращена ему из сумм, собранных караимскими общинами (23115 руб.) [158, л. 24]. Комментируя создавшееся тяжелое материальное положение, гахам заметил: «Для своего содержания я лично от нации ничего не требую <…> и готов служить <…> и впредь безвозмездно точно также, как и до сего времени»; однако следует обратить внимание на то, что и его финансовые возможности были далеко не безграничны. Как заметил сам духовный глава караимов в декабре 1919 г., все, что у него имелось – это дом в Евпатории, в котором он проживал с семьей, а остальное было давно «распродано и съедено» [158, 23 об.; 85, л. 29 об.].

Разваливающаяся экономика страны предопределила стремительный рост инфляции. Так, если в 1917 г. расходная часть ТОКДП по 12 статьям бюджета (выплата жалованья сотрудникам, служебному персоналу, издание «Известий» Правления, расходы по содержанию национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» и пр.) составляла 25341 руб. 19 коп. (при этом жалованье гахаму полагалось в размере 9 тыс. руб.), то уже в декабре 1919 г. эта сумма составила 232200 руб. (!) (на жалованье гахама – 120 тыс. руб.). Достаточно сказать о том, что 100 пудов дров (1638 кг) для отопления помещений ТОКДП, библиотеки «Карай-Битиклиги» обходились в 7 тыс. руб., и при этом С.М. Шапшал замечал, что на обогрев помещения канцелярии духовного правления и библиотеки требовалось не менее 500 пудов дров (что составляло на тот момент сумму в 35 тыс. руб.) [158, л.23 об.].

В 1918 г. на полуострове заметно ухудшилась продовольственная ситуация. В Крыму действовала хлебная монополия, предполагавшая отпуск хлеба из расчета ¾ фунта на человека в день[22] [50, с. 448]. В марте 1919 г. второе Крымское краевое правительство под руководством караима С.С. Крыма приняло решение ограничить экспорт: с территории полуострова запрещалось вывозить, без согласования с властями, сырье, одежду, обувь и продовольствие, в том числе, и продукты повышенного спроса – хлеб во всех видах (зерно и муку), сахар, чай, масло, рыбу и пр. [50, с. 448]. Но цены и инфляция продолжали стремительно расти. Так, в апреле 1920 г. стоимость хлеба выросла на 480% (по отношению к январю того же года), и на 8283% – в октябре 1920 г.

[22] Следует заметить, что в период существования Крымской Советской Социалистической республики ситуация с продовольствием не улучшилась: в апреле 1919 г. отпуск хлеба составлял ½ фунта, 4 фунта крупы, 3¾ фунта картофеля на человека в сутки [50, с. 504, 505].

[37, с. 206]. Осенью 1 пуд муки стоил 4500 руб., а цена печеного пшеничного хлеба возросла с апреля по октябрь 1920 г. в 15 раз – так, если в апреле фунт хлеба стоил 35 руб., то осенью его цена выросла до 150 руб. [37, с. 207, 208].

Чтобы покрыть имевшийся финансовый перерасход и каким-то образом материально поддержать национальные учреждения и их сотрудников, КНС в 1918 г. рекомендовал общинам следующие суммы для выплаты: евпаторийской предлагалась собрать 390 тыс. руб. (получено в итоге 100 тыс. руб., израсходованных целиком на нужды караимских национальных учреждений); феодосийской – 286 тыс. руб. (поступило всего 7020 руб.[23]); симферопольской – 104 тыс. руб. (получено, по разным сведениям, 25 или 50 тыс. руб.); севастопольской – 78 тыс. руб. (получено 39 тыс. руб.); бахчисарайской – 26 тыс. руб. (денежных средств не поступало); ялтинской – 13 тыс. руб. (получено 13 тыс. руб.) и карасубазарской – 13 тыс. руб. (получено 13 тыс. руб.) [158, л. 1, 2, 6, 26; 161, с. 29, 30; 162, с. 26].

По заявлению КНС, изменения в процентной выплате общинами «ареха» были вынужденной мерой; к тому же, практически вся сумма была распределена между караимами Крыма, что, как полагали члены Совета, «будет урегулировано в будущем, когда наступит правильная государственная жизнь с нормальным сношением между всеми городами», – утверждалось в циркуляре КНС караимским общинам в январе 1920 г. [85, л. 36]. Средства поступали также от полтавской, херсонской, мелитопольской, новороссийской и кременчугской караимских общин (в 1918 и 1919 гг. – 2340 руб.) [161, с. 29, 30; 162, с. 26]. Предполагалось, что часть собранной суммы пойдет на покрытие расходов ТОКДП за канцелярские принадлежности, отопление, освещение и пр. (83 тыс. руб.); часть – на непредвиденные расходы (50 тыс.). Остальные 915 тыс. КНС планировал направить на содержание самого правления [158, л. 2]. Однако уже к маю 1920 г. этих сумм уже было явно недостаточно, поэтому КНС принял решение об увеличении сметы содержания ТОКДП еще на 700 тыс. руб. [158, л. 26]. Всего в 1920 г. на содержание ТОКДП и национальных учреждений потребовалась сумма в 1 млн. 324 тыс. 310 руб. [85, л. 31].

Необходимо сказать, что в этой сложной ситуации существенную материальную поддержку органам конфессионального самоуправления и национальным учреждениям оказывали предприниматели и активисты местных караимских общин. Так, 10 тыс. руб. поступило от одного из членов карасубазарской общины И.Б. Шишмана; он же передал «на национальные нужды» еще 10 тыс. руб. Евпаторийский меценат М.Г. Гелелович пожертвовал

[23] Габбай феодосийской караимской общины Б.М. Таймаз сообщал, что, в связи с тем, что не представляется возможным устроить общее собрание членов общины «за отсутствием многих плательщиков из города», поэтому и распоряжение КНС об увеличении «ареха» выполнено быть не может [158, л. 26].

100 тыс. руб. (60 тыс. руб. предназначалось для выплаты пособия служащим ТОКДП, и 40 тыс. руб. – наиболее нуждавшимся караимским священнослужителям). Через М.М. Ефета от членов евпаторийской караимской общины поступило 33 тыс. руб. Глава КНС С.М. Шапшал, переадресовывавший свое жалование гахама на «чедака» (традиционное ежедневное пожертвование в пользу кенас, малоимущих и пр.) и неоднократно снабжавший коллег деньгами, в 1920 г. выделил для выдачи служащим ТОКДП, евпаторийской кенасы и мидраша в качестве пособия 60 тыс. руб. [158, л. 26].

Некоторые караимские общины (в частности, харьковская) выступили с почином возместить нехватку требовавшихся средств [163, с. 16-18]. В письме от 23 мая 1918 г., адресованном ТОКДП, габбай харьковской общины И.М. Илик сообщал, что «необходимо общими усилиями всех караимских общин обеспечить <…> текущее состояние всех тех общенациональных наших установлений, <…> покрыть все те недоимки, которые накопились за время войны и составляют в настоящее время долг караимского народа» [158, л. 10 об., 15]. Всего харьковская община передала на нужды караимских национальных учреждений 8225 руб., собранных ее представителями. Пожертвования продолжали поступать, и общая сумма к июлю 1918 г. составила 11504 руб. (наиболее крупные взносы сделали известные караимские предприниматели, братья М.М., А.М. и Г.М. Кальфа, габбай И.М. Илик, дочь известного караимского просветителя И.И. Казаса А.И. Кальфа, его сын Э.И. Казас и др.) [164, с. 21, 22]. К 1 декабря 1919 г. караимскими общинами было собрано 23115 руб. на покрытие перерасходов по обеспечению ТОКДП [158, л. 21; 165, л. 1-12].

Помимо увеличения раскладочного сбора с каждой общины и меценатской помощи купцов и предпринимателей, Караимский Национальный Совет предпринимал и другие меры, направленные на улучшение материального положения национальных учреждений. На заседании КНС, состоявшемся 9 марта 1919 г., присутствовавшими было заслушано заявление члена Совета С.М. Сарача, выступившего с инициативой открытия «Караимского акционерного коммерческого банка». По его плану, предполагавшаяся чистая прибыль от банковских операций в размере 25% должна была бы отчисляться на национальные нужды, а остальные 75% – распределяться между акционерами банка. Залог процветания предпринимаемого дела С.М. Сарач видел в добросовестном ведении финансовых операций, хорошей репутации банка и помещении на его счета общенациональных капиталов на особо льготных условиях [158, л. 13].

На заседании КНС 9 марта 1919 г. была сформирована комиссия, в состав которой вошли С.М. Сарач, Ю.Ю. Тришкан, Д.Н. Кокизов, С.Б. Шишман, А.И. Нейман, И.Б. Шишман. В обязанности комиссии вменялось рассмотрение всех вопросов, связанных с открытием банка (таких, как выработка его примерного устава с последующим представлением его на обсуждение национального съезда); затем дополнительно была образована комиссия, со-

стоявшая из М.С. Луцкого и А.И. Катыка – для составления обращения к общинам по поводу приглашения делегатов от имени КНС на предстоящий съезд [158, л. 12, 12 об.]. Однако дальнейшая девальвация российского рубля и крах государственной экономики не позволили осуществиться этому начинанию Национального Совета: по замечанию караимского гахама, за короткий промежуток времени «рубль превратился если не в полкопейку, то, по крайней мере, в копейку», и с идеей о «Караимском акционерном коммерческом банке» пришлось расстаться [158, л. 24].

Частая смена власти на полуострове, межэтнические конфликты, вооруженное противостояние противоборствующих групп и партий, предельно кризисная экономическая ситуация привели к тому, что органы караимского конфессионального самоуправления стали фактически единственной точкой опоры для караимского населения Крыма[24]. Духовному правлению, совместно с Караимским Национальным Советом приходилось решать различные проблемы национального значения [140, с. 2]. Еще в 1917 г. С.М. Шапшал, выступая перед прихожанами, заметил, что, несмотря на важность и необходимость перемен в традиционном укладе жизни караимского общества необходимо действовать осмотрительно и старательно избегать того, что может поколебать основы караимской религии, которая, подчеркнул гахам, должна оставаться незыблемой при каком бы то ни было государственном строе [167, с. 33]. С.М. Шапшал призвал единоверцев в это неспокойное время сплотиться вокруг караимского духовного правления, вокруг караимской религии. А члены КНС, в свою очередь, акцентировали внимание караимов на той роли, которую играл при ТОКДП караимский гахам, являвшийся, по сути, объединяющим началом для всех караимов России [158, л. 5].

Отметим, что члены ТОКДП во главе с С.М. Шапшалом в этот непростой период в жизни страны стремились всячески поддерживать единоверцев, неоднократно посещая караимские общины городов Юга России – Одессы, Николаева, Харькова, Екатеринослава, а также Крыма, разъясняя караимскому населению сложившуюся в стране ситуацию, призывая воспитывать подрастающее поколение в духе любви к религии, к национальной истории, караимской культуре и языку, старались пробуждать в караимах высокие идеалы духовности и человеколюбия. Но фактически ежедневно осложнявшаяся политическая и экономическая ситуация делали невозможной работу КНС. Еще в мае 1917 г. на страницах официального печатного органа правления – «Известий ТОКДП» – было напечатано обращение С.М. Шапшала к единоверцам, в котором сообщалось, что он, далее не имея возможности оставаться

[24] В своих решениях ТОКДП опиралось, в основном, на мнение членов по-прежнему влиятельной евпаторийской караимской общиной, большая часть выборных которой входила в состав Караимского Национального Совета [166, л. 1-21].

в должности гахама, призвал караимов подготовиться к выборам нового духовного главы [138, с. 4]. Однако, как уже говорилось выше, накануне совещания караимского духовенства (проходившего с 16 по 21 июля 1917 г.) его участники обратились к гахаму с просьбой не покидать свой пост. На заседании КНС 16 мая 1918 г. С.М. Шапшал вновь озвучил свое решение сложить с себя полномочия гахама, сделав при этом следующее заявление: «Господа, я хорошо понимаю, что уход мой в настоящий момент, быть может, поставит народ в тяжелое положение <…> я ухожу, ибо не хочу быть свидетелем ликвидации национальных учреждений и святынь. Да, господа, мы накануне гибели того, что в течение долгих лет создавалось нашими предками. <…> я был на заседании Совета Когеновского Ремесленного Училища. И что же? Оказывается, что училище дышит на ладан[25]; нет средств для дальнейшего существования. То же наблюдается и в Александровском Духовном Училище. <…> Был я недавно в национальной колыбели нашей [Чуфут-] Кале и опять меня поразила картина разрушения и нужды; все валится, все гибнет, нужны большие деньги для поддержания святыни – а денег нет» [158, л. 4, 4 об.; 168, л. 1-5]. Тем не менее, гахам согласился оставаться на своем посту еще как минимум полгода (до ноября 1918 г.), согласившись с доводами членов КНС о том, что, в связи со сложившейся в стране политической и экономической ситуацией, будет чрезвычайно сложно найти кандидатуру, которая могла бы занять столь ответственную должность [158, л. 5, 5 об.]. Поэтому созыв очередного общенационального съезда для обсуждения вопросов, связанных с перевыборами гахама, был запланирован КНС на 1 октября 1918 г. [158, л. 8].

Отметим, что попытки созвать внеочередной общенациональный караимский съезд предпринимались КНС неоднократно. Например, на заседании Совета 5 сентября 1918 г. было принято решение о том, что, «несмотря на могущие встретиться затруднения», съезд было решено созвать 1 октября 1918 г. – всем караимским общинам Крыма были разосланы циркулярные письма, в которых указывалось, что они должны командировать на предстоящий съезд своих делегатов [158, л. 8]. Однако в эти сроки съезд не состоялся. На заседании 15 августа 1919 г. данный вопрос был вновь поднят в связи с тем, что «все национальные учреждения находятся в критическом положении». Члены Совета постановили: созвать «телеграфно и письменно» представителей от всех общин на съезд, намеченный в этот раз на 15 сентября 1919 г. В повестке дня были запланированы такие темы, как: 1) вопрос об установлении сметы и изыскании средств к содержанию ТОКДП; 2) об изыска-

[25] Несмотря на принимавшиеся КНС и караимской общественностью меры, Евпаторийское караимское ремесленное С.А. Когена все же было закрыто из-за недостатка средств весной 1919 г., причем в немалой степени из-за того, что все процентные бумаги, принадлежавшие училищу, были аннулированы с провозглашением в апреле 1919 г. Крымской Советской Социалистической Республики и в соответствии с декретами ее правительства.

нии средств к содержанию АКДУ; 3) о пожертвовании караимским купцом И.Д. Пигитом по завещанию средств на постройку караимского трудового поселка «Имдат-Пигит»; 4) об учреждении Караимского национального банка; 5) об изменении воли завещателя Шакая; 6) вопросы, «не получившие разрешения на предыдущем съезде и могущие возникнуть на [созываемом] съезде» [158, л. 20].

Однако уже на заседании КНС 13 сентября 1919 г. (на нем председательствовал, в связи с временным отсутствием С.М. Шапшала, и.о. гахама старший газзан Б.С. Ельяшевич) члены Совета постановили: «отложить созыв общенационального съезда до более спокойного времени», а в намеченные сроки провести расширенное заседание КНС для обсуждения создавшегося финансового положения, пригласив членов Совета выборных от караимской общины Евпатории [85, л. 7]. Остальные караимские общины уполномочили выступать от своего имени видных деятелей караимской общественности. Так, бахчисарайскую караимскую общину на заседании представлял С.И. Бабаджан (юрист, преподаватель истории в АКДУ); феодосийская община просила быть выразителями ее интересов городского голову Евпатории Б.М. Сарача и члена КНС М.А. Айваза; симферопольская – И.Н. Фуки и М.И. Султанского; севастопольская – М.М. Аваха, Ф.А. Мичри и Исаковича; бердянская – М.М. Ефета; и бахчисарайская – Я.Б. Гелеловича [85, л. 8-10, 12, 15].

Расширенное заседание Караимского Национального Совета под председательством С.М. Шапшала состоялось 15 сентября 1919 г. Помимо членов КНС, на нем присутствовали: С.Э. Дуван, А.И. Нейман, С.А. Бобович, Б.А. Бабович, И.И. Бобович, И.И. Танагоз, И.Я. Кискачи, Я.Б. Гелелович, Б.И. Гелелович, Б.М. и Ф.М. Гелеловичи, Ф.А. Мичри, А.И. Шайтан, С.И. Кумыш, Б.М. Сарач, М.М. Сарач, М.Я. Мангуби, Я.Б. Мангуби, А.С. Кальфа, А.С. Луцкий, Б.И. Бабаджан, Б.И. Катлама, А.И. Катлама, И.И. Катлама и Б.Ш. Бабаджан [158, л. 19, 19 об.]. В числе лиц, делегированных для участия в заседании, был также заявлен представитель от караимов западных губерний Я.Я. Кобецкий[26], ранее принимавший участие в совещании духовенства и членов караимских общин в июле 1917 г., однако, судя по его протоколам, он не смог прибыть на заседание. Присутствовавшими делегатами были обсуждены вопросы, ранее вынесенные КНС на повестку дня. Так, в своем докладе караимский гахам обрисовал ситуацию с национальными учреждениями, и, в частности, с ТОКДП, АКДУ и «священной колыбелью караимства» Чуфут-Кале. Что касается последнего, то С.М. Шапшалом были приведены неутешительные факты того положения, в котором оказался город: гахам сообщал, что

[26] По сведениям, приведенным в публикациях А.И. Серкова и Н.И. Берберовой, Яков Яковлевич Кобецкий (1883-1946) после эмиграции за границу входил в состав т.н. русской литературной масонской ложи «Северная Звезда», был корреспондентом эмигрантской газеты «Новое русское слово», редактором биржевого отдела «Последних новостей» в Париже [170; 171, с. 76, 142].

в оставленном без должного присмотра Чуфут-Кале «имущество расхищается, стены разваливаются, кладбище разоряется, раскрадываются памятники старины, вырубаются вековые деревья, доныне нетронутой Иософатовой долины». «Во имя чести и достоинства караимов» С.М. Шапшал вновь призвал единоверцев изыскать средства к поддержанию всех национальных учреждений [85, л. 29 об.].

Пристальное внимание уделялось членами КНС благотворительной деятельности, оказанию помощи малоимущим слоям караимского населения. Еще на II Общенациональном караимском съезде гахам С.М. Шапшал ознакомил делегатов «с ужасающей картиной нужды <…> караимских бедняков»: по сведениям, представленным ТОКДП, только в Евпатории числилось 258 нуждавшихся семейств (с учетом караимов-беженцев из западных губерний России) [169, с. 39]. По самым скромным подсчетам, на оказание им помощи требовалось от 80 до 100 тыс. руб. В связи с тяжелой ситуацией было принято решение обратиться ко всем караимам с воззванием о содействии евпаторийской караимской бедноте. На этот благородный призыв откликнулись многие сочувствующие: например, непосредственно на самом съезде его делегатами было собрано 700 руб.; затем пожертвования поступали от разных общин и отдельных лиц [135, с. 19]. В 1917 г. С.М. Шапшал в память о своей матери Акбике Шапшал организовал в Евпатории на собственные средства караимскую богадельню в Евпатории, названную «Ярдым» и предназначенную для призрения пожилых караимок (для этой цели гахам приобрел на свои средства в октябре 1917 г. два небольших смежных дома и участок земли близ кенас); евпаторийская караимка В.М. Шишман по личной инициативе учредила благотворительное общество в помощь богадельне «Ярдым», и стала ее почетной попечительницей [169, с. 40, 41; 172, л. 1-14]. В 1918 г. в пользу богадельни от разных лиц поступило средств на сумму 12229 руб., а в 1919 г. – 2882 руб. [173, с. 28, 29; 173, с. 28].

На заседании КНС 18 ноября 1919 г., проходившем на квартире гахама С.М. Шапшала, от имени Совета выборных евпаторийской караимской общины выступил его председатель С.А. Бобович. В частности, в его заявлении речь шла о том, что представители малообеспеченной части караимского населения испытывали крайнюю нужду, в особенности, в одежде и обуви. С.А. Бобович обратился с ходатайством к Национальному Совету о том, чтобы с помощью увеличения размера раскладочного сбора «ареха» собрать с караимских общин дополнительно сумму в 150 тыс. руб. – с целью приобретения «хотя бы для учащихся в караимских школах детей обуви и некоторых предметов одежды» [158, л. 21]. С.А. Бобович также просил гахама, ввиду его «большого морального влияния в народе караимском», обратиться к членам евпаторийской караимской общины для оказания помощи малоимущим слоям населения.

Вскоре эта просьба была выполнена гахамом. В ноябре 1920 г. С.М. Шапшал ознакомил членов евпаторийской караимской общины (на заседании при-

сутствовало 267 человек) «с вопиющей нуждой учащихся караимских училищ». По его словам, ученики и ученицы мидрашей и АКДУ приходили на занятия без обуви, в легких или испорченных, рваных одеждах. После обсуждения создавшейся ситуации члены общества определили, что для оказания помощи необходимо было собрать указанную С.А. Бобовичем сумму [155, л. 144, 144 об.]. Был также объявлен сбор пожертвований в пользу караимских учебных заведений, поднят вопрос о проведении благотворительных лотерей и т.д. Значительные суммы на поддержание АКДУ были направлены членами одесской, екатеринославской, николаевской, херсонской, новороссийской, тульской, севастопольской и других караимских общин – всего за 1917 и 1918 гг. в адрес училища поступило более 50 тыс. руб. [175, с. 47-49; 176, с. 22; 177, с. 22; 178, с. 21, 22; 179, с. 28; 180, с. 28; 181, с. 28; 182, л. 1]. Жертвовали крупные суммы и отдельные представители караимских общин – так, Ирина Шапшал передала на нужды учащихся в ноябре 1920 г. 5 тыс. руб. [155, л. 144]. Некоторые евпаторийские педагоги, узнав о тяжелом финансовом положении АКДУ, пошли навстречу его руководству и приняли на себя обязанности преподавателей в училище на безвозмездной основе [183, л. 90 об.; 184, с. 32; 185, с. 574].

Масштабы экономической катастрофы были настолько необратимы, что она не могла не отразиться на всех сторонах жизни послереволюционной России. Факты, приведенные в воспоминаниях очевидцев, а также в архивных документах свидетельствуют о крайне бедственном положении, в котором находилась большая часть населения Крымского полуострова. В своих мемуарах Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) и Правитель Юга России (назначенный на этот пост 4 апреля 1920 г.) барон П.Н. Врангель писал: «В городах южного побережья Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало. Цены на хлеб беспрерывно росли. <…> Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой <…> Не хватало, чая, сахара. Беспорядочные самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население» [186, с. 177, 187]. Несмотря на усилия правительства П.Н. Врангеля, которое возглавлял министр А.В. Кривошеин, постановивший выдавать «кормовое довольствие» и «семейные прибавки» служащим государственных учебных заведений, по словам современников описываемых событий, этих средств явно не хватало. «На наши кормовые, – писал один из респондентов в письме к родственникам, – можно прокормить разве что цыпленка, а не человека» [37, с. 298, 303]. Голод и нищета коснулись и сотрудников караимских национальных учреждений – на заседании КНС 1 декабря 1919 г. С.М. Шапшал сообщил присутствовавшим о том, что один из служащих ТОКДП был даже вынужден продать свою верхнюю одежду и одежду своей жены для того, чтобы прокормить детей. «Это – с горечью заявил гахам, – недопустимый позор для нации». Несколько

позже, на заседании КНС 15 декабря того же года С.М. Шапшал выступил с обращением к присутствующим, в котором, в частности, заявил: «Служащие Духовного Правления в течение всего 1919 г. испытали на себе всю тяготу <…> дороговизны, росшей и продолжающей расти с головокружительной быстротой, некоторые из них вынуждены были распродавать женины ценности, входить в долги, чтобы влачить жалкое, полуголодное существование» [85, л. 29].

Находя такое положение не только критическим, но и, в связи с отсутствием денежных средств, безвыходным, Караимский Национальный Совет постановил: вновь созвать делегатов караимских общин («с которыми представится возможность снестись при настоящих условиях путей сообщения») на экстренное заседание КНС 15 декабря 1919 г. В повестке дня заседания было всего несколько пунктов: обсуждение положения караимских национальных учреждений, таких, как: ТОКДП, АКДУ, библиотеки «Карай-Битиклиги» и караимской национальной святыни Чуфут-Кале. Кроме того, было запланировано обсуждение вопроса об отъезде гахама в связи с его заявлением о том, что он не сможет далее содержать духовное правление из собственных средств, и будет вынужден для «своего пропитания, в качестве частного лица, выехать заграницу», т.к. занимаемая С.М. Шапшалом должность не позволяла ему поступить на частную службу в России, где, как он сам заявлял, «меня все знают». Однако при этом гахам подчеркнул, что постарается не терять связи с национальными учреждениями и, «в возможной мере», продолжать руководить ими [158, л. 21; 85, л. 29 об.].

По итогам состоявшегося в декабре 1919 г. открытого заседания КНС с участием делегатов от караимских общин было принято несколько важных решений. Во-первых, комиссия в составе М.М. Ефета и М.А. Айваза произвела перерасчет сбора «ареха», и недостающие суммы на содержание караимских национальных учреждений вновь предлагалось возместить общинам (следует сказать, что из затребованных 910 тыс. руб. было получено только 197 тыс. руб.). Для поддержания нормальной работы всех учреждений, по заключению комиссии, требовалось: караимскому гахаму жалованья в размере 300 тыс. руб.; ему же на представительство – 60 тыс. руб. (затем эти суммы были сокращены – до 120 тыс. руб. и до 25 тыс. руб., соответственно); первому члену ТОКДП старшему газану Б.С. Ельяшевичу основного жалования – 48 тыс. руб. (сумма сокращена до 24 тыс. руб.; в мае 1920 г. ему было выделено 12 тыс. руб.); второму члену правления А.И. Катыку – 24 тыс. руб. (сокращено до 12 тыс. руб.; в мае 1920 г. выделено 6 тыс. руб.); делопроизводителю (он же библиотекарь «Карай-Битиклиги») С.С. Ельяшевичу – 48 тыс. руб. (сумма сокращена до 24 тыс. руб.; в мае 1920 г. решено выделить 20 тыс. руб.; тогда же, «ввиду чрезвычайной дороговизны» и по его собственной просьбе, С.С. Ельяшевичу постановили также выдать единовременное пособие в размере 20 тыс. руб.); и курьеру при правлении – 18 тыс. руб. (затем – 7200 руб.; в итоге

было выдано 3 тыс. руб.) [85, л. 30]. Кроме того, на обеспечение ТОКДП дровами в зимний период времени требовалось 15 тыс. руб.; на канцелярские расходы и принадлежности, а также расходы по библиотеке – еще 20 тыс. руб. Однако, рассмотрев представленную смету, С.М. Шапшал заметил, что суммы на эту часть бюджета явно занижены – по его подсчетам, данные статьи расходов требовали увеличения по меньшей мере в 2-2,5 раза. По его словам, одна писчая бумага, которой требовалось для канцелярии ТОКДП не менее пяти стоп, стоила от 10 до 12 тыс. руб., да и ту невозможно уже было найти на рынках – дело доходило даже до того, что газзаны ввиду отсутствия бумаги не могли выписывать свидетельства о рождении [158, л. 23, 23 об.].

Во-вторых, на совещании обсуждался вопрос о состоянии караимских учебных заведений. После непродолжительной дискуссии участники заседания пришли к выводу, что для поддержания нормальной работы АКДУ потребуется не менее 482 тыс. руб.; что касается Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена, то, по мнению Совета, вновь открыть училище в настоящее время не представлялось возможным. Также были приняты решения о выдаче единовременных субсидий особо нуждавшимся караимам. Ввиду тяжелого материального положения члены КНС постановили: выделить 24 тыс. руб. известному караимскому педагогу Ш.М. Тиро, несколько десятков лет преподававшему в караимских школах и училищах, и 10 тыс. руб. – журналисту О.И. Пилецкому, состоявшему при ТОКДП делопроизводителем [85, л. 30 об.].

Делегатами открытого заседания КНС было также решено «немедленно вернуть» 21290 руб. 17 коп., которые из своих личных средств истратил на содержание ТОКДП караимский гахам. На устройство и проведение совещания членов ТОКДП и представителей от караимских общин было израсходовано 1735 руб., поэтому на заседании КНС 2 января 1920 г. его члены постановили: просить габбая Караимского Национального Фонда С.И. Ходжаша оплатить указанную сумму [158, л. 25, 26].

Одним из ключевых решений расширенного совещания стало то, что, в связи с оставлением своего поста главы КНС С.М. Шапшала и отъездом его заграницу обязанности Таврического и Одесского караимского гахама были возложены на старшего газзана Б.С. Ельяшевича (которые он исполнял вплоть до 1925 г.), а товарищем (заместителем) председателя Совета был избран доктор М.М. Ефет.

Кстати, следует отметить, что в своей автобиографии, а затем и в ее многочисленных переизданиях С.М. Шапшал упоминал о том, что «в марте 1919 г., находясь в Крыму и преследуемый деникинцами за свое открытое сочувствие советскому строю, он был вынужден во избежание ареста выехать на Кавказ, а оттуда в Турцию» [187, с. 252-253; 188, с. 119-131; 189]. Но, судя по архивным документам, С.М. Шапшал находился в Крыму и продолжал выполнять свои непосредственные обязанности вплоть до начала 1920 г., участвуя

в заседаниях КНС (по всей видимости, тогда же, в 1919 г. С.М. Шапшал женился на Вере Эгиз, гражданской супруге С.С. Крыма). Вероятнее всего, С.М. Шапшал покинул Крым лишь в январе 1920 г., отправившись сначала на Кавказ, а затем – в Турцию, в Стамбул, где устроился переводчиком в одном из банков.

Продолжая анализ деятельности Караимского Национального Совета, следует сказать о том, что особенно заметно он проявил себя в вопросах сохранения имущества и зданий караимских учебных заведений в то неспокойное время, когда власть в Евпатории переходила из рук в руки. Так, в 1918 г., когда городскими властями был поднят вопрос о закрытии Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена и передаче его имущества и помещений мастерских местным властям, КНС занял твердую позицию и выступал категорически против данного шага [155, л. 59, 71 об., 74, 74 об., 82]. Ситуация с училищем обострилась, когда в Крыму, начиная с марта 1918 г., происходила перманентная смена власти (при этом следует подчеркнуть, что положение караимских учебных заведений от этого нисколько не улучшалось). В июне 1919 г. на собрании попечительского совета ЕКРУ (в состав которого входило несколько членов КНС – Б.С. Ельяшевич, С.С. Ельяшевич, Б.М. Ефет, С.И. Гелелович) было решено направить в Симферополь заместителя его председателя, уполномоченного от караимской общины Евпатории Б.М. Ефета для защиты интересов училища. «Ни о каких реквизициях и занятиях под что-либо национальных [караимских] учреждений не может идти и речи», – заявлялось в резолюции, принятой попечительским советом ЕКРУ. Далее в документе говорилось о необходимости создания в Симферополе коллективного учреждения по культурно-национальным делам, с которым бы у караимов был бы тесный контакт [155, л. 50].

Лидеры КНС активно отстаивали свои позиции. Так, например, когда в мае 1919 г. представители ВРК в Евпатории предписали руководителям училища в течение 24 часов сдать мастерские, отданные в распоряжение местной электростанции, то в ответ на это члены КНС заявили, что училище со всем имуществом и помещениями, в соответствии с Конституцией РСФСР и декларацией рабоче-крестьянского правительства Крыма, является караимским национальным учреждением, предназначенным исключительно для учебно-технических целей [155, л. 65, 66]. Тем не менее, с приходом в Крым Добровольческой армии Юга России мастерские ЕКРУ в ноябре 1919 г. все же были реквизированы представителем ее командования для нужд начальных авиационно-летных курсов. 20 ноября 1919 г. С.М. Шапшалу было отправлено письмо, подписанное военным летчиком полковником Л.А. Дацкевичем. В письме, в частности, говорилось о необходимости скорейшей передачи мастерских: «Фронт нуждается в подготовленных мотористах, и я, по долгу службы, должен принять все меры к скорейшему выполнению нужд фронта» [155, л. 96, 96 об.]. В связи с этим была создана специальная

комиссия, состоявшая членов попечительского совета ЕКРУ (Б.С. Ельяшевича, С.С. Ельяшевича, Д.М. Эля), а также зампредседателя КНС М.М. Ефета и председателя совета выборных от караимской общины Евпатории М.С. Кискачи. Комиссия предприняла все возможные шаги к сохранению за училищем его мастерских, но в итоге ничего не добилась – в апреле 1920 г. они были переданы представителям Добровольческой армии, правда, «с гарантией возврата и пополнением недостатков» [155, л. 120, 121, 123-125].

Таким образом, можно сказать о том, что деятельность Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения, общенациональных съездов и совещаний делегатов от караимских общин и духовенства, а также Караимского Национального Совета, хоть и существовавших всего несколько лет (с 1917 по 1920 гг.), тем не менее, в немалой степени способствовала консолидации караимов в этот непростой период российской истории, когда были утеряны политические ориентиры, уничтожен государственный строй, разрушена экономика, а на территории самого полуострова царила военная и политическая неразбериха. Одной из стратегических задач, стоявших перед караимскими национально-культурными, общественно-политическими объединениями и организациями, являлось сохранение институтов караимского конфессионального самоуправления и осуществление руководства караимскими общинами. КНС и другие караимские учреждения предпринимали эффективные шаги к поддержанию нормальной работы ТОКДП и его служащих, в тяжелой ситуации изыскивая источники к финансированию правления.

На общенациональных караимских съездах, а затем на заседаниях КНС обсуждались различные вопросы, связанные с деятельностью национальной караимской библиотеки «Карай-Битиклиги»; решались проблемы сохранения историко-культурного наследия караимов и памятников старины, в частности, национальной святыни караимов Чуфут-Кале. Для оперативного информирования населения о происходящих событиях и деятельности духовного правления, а также караимских объединений и организаций издавался печатный орган – журнал «Известия ТОКДП», в котором помещались разнообразные материалы об истории, культуре и религии караимов, а также печатались хроникальные репортажи.

Благодаря самоотверженным действиям членов ТОКДП, КНС а также их единомышленников, стремившихся сохранить национальную культуру в Крыму продолжали действовать учебные заведения для караимской молодежи. Это касается, прежде всего, Александровского караимского духовного училища, для материальной поддержки которого использовались все имеющиеся в распоряжении караимских общин материальные средства. Благодаря тесным контактам с населением и разъяснительной работе, в адрес караимских школ и училищ поступали столь необходимые им деньги, одежда, обувь и предметы обихода; некоторые представители караимской общины Евпатории работали в АКДУ на безвозмездной основе.

Вообще, благотворительность являлась одним из важных компонентов в деятельности ТОКДП и КНС – например, членами Совета был предпринят ряд инициатив, направленных на поддержание малоимущих слоев населения, караимов-беженцев и лиц, пострадавших во время военных действий. Председатель КНС Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Шапшал на свои собственные средства организовал в Евпатории приют для пожилых караимок; через Совет представители караимских общин регулярно адресовали материальные и денежные средства в адрес нуждавшихся.

Однако при всех вышеперечисленных положительных моментах деятельности караимских общественных и национально-культурных объединений необходимо отметить, что они не обладали возможностью реального воздействия на власть. Так, предпринимаемые ТОКДП и КНС инициативы не всегда достигали цели, наталкиваясь на противодействие, или же, напротив, на полное бездействие местных органов власти, игнорировавших мнение представителей караимской общественности. После окончательного установления советской власти в Крыму работа ТОКДП, КНС и других организаций караимов фактически была приостановлена. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 5 (23) января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» органы конфессионального самоуправления караимов и Караимский Национальный Совет были упразднены, а их имущество – национализировано. Большая часть караимских учебных заведений была ликвидирована, а оставшиеся школы и училища – перепрофилированы; большая часть их имущества была конфискована, а здания – отданы новым хозяевам. Впоследствии эта же судьба постигла здания караимских кенас. За исполнением декретов советской власти на местах следили созданные для этой цели соответствующие административные органы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Анишев А.Н. Очерк истории Гражданской войны 1917-1920 гг. Л., 1925.
2. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917-1920 гг.). Симферополь, 1927.
3. Платонов А.П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Симферополь, 1932.
4. Бочагов А.К. Милли-Фирка – национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. Симферополь, 1930.
5. Бояджиев Т. Крымскотатарская молодежь в революции. Краткий очерк из истории националистического-буржуазного и коммунистического движения среди татарской молодежи Крыма. Симферополь, 1930.
6. Зайцов А. 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934.
7. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь, 1939.
8. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит (Из истории крымскотатарской государственности Крыма). Казань, 1992.
9. Чебанова А.В. Историографический обзор литературы по истории Крыма 1920-х годов // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 6 (продолжение).

10. Надинский П.П. Борьба Крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921-1925гг.) // Борьба большевиков за упрочнение советской власти, восстановление и развитее народного хозяйства Крыма. Симферополь, 1958.
11. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951. Ч. 1; 1957. Ч 2.
12. Хазанов Г.И. Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957.
13. Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Симферополь, 1957. Т. I.
14. Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева». – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/
15. Матеріали про репресованих представників кримськотатарської еліти. – Режим доступа:http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=87291&cat_id=87290
16. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков. – Режим доступа: http://swolkov.narod.ru/doc/kt/pre.htm
17. Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории, составленные «Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России» от 24 июня 1919 года г. – Режим доступа: http://swolkov.narod.ru/doc/kt/20.htm
18. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. М., 1990.
19. Гарчев П.І., Кононенко А.П., Максименко М.М. Республіка Таврида. Київ, 1990.
20. Гарчев П.І., Овод В.В. Про створення Кримської Радянської Республіки // Український історичний журнал. 1992. № 4.
21. Линев К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
22. Мальгин А.В. К вопросу о Крымском краевом правительстве М.А. Сулькевича // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
23. Мальгин А.В. Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
24. Мальгин А.В. Культура Крыма в период гражданской войны // Крымский архив. Симферополь, 2007. № 10.
25. Филимонов С.Б. Крымские антибольшевисткие газеты времен Гражданской войны как источник по истории науки, культуры и просвещения // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
26. Филимонов С.Б. Газета «Крымский вестник» периода Гражданской войны – ценный малоизвестный источник по истории отечественной интеллигенции, науки и культуры // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
27. Филимонов С.Б. Интеллигенция Крыма времен Гражданской войны об исторических судьбах России и Украины (новые материалы) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 12-13.
28. Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921 (Краткий исторический очерк). Симферополь, 1992.
29. Королев В. И. Крым. Век XX. Новые страницы истории. Симферополь, 2001.
30. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905-1907 гг. Симферополь, 1993.
31. Королев В.И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь, 2002.
32. Громов С.Е. Украинские политические партии и организации в Крыму в период гражданской войны (1918-1920 гг.) // Додаток до «Вісника Університету внутрішніх справ». 1997. № 2.
33. Громов С.Е. К вопросу о деятельности крымскотатарской партии Милли-Фирка // Культура народов Северного Причерноморья. Симферополь, 1997. № 1.

34. Громов С.Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1998. № 6(45).
35. Абраменко Л. Последняя обитель. Крым, 1920-1921 годы. Киев, 2005.
36. История национального движения в Крыму (тюремные записки А.С. Айвазова) / Подг. текста, ком. и публ. А.В. Ефимова // Восточный свет. М., 2005. № 3; 4.
37. Росс Н.[Г.] Врангель в Крыму. Frankfurt/Main, 1982.
38. Тормозов В.Т. Советская историография истории белого движения (кон. 1920-х – 1991 гг.). М., 1994.
39. Тополянский В. Красный террор: восемь месяцев 1918 года // Континент. 2000. № 103. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/topol.html
40. Красный террор в годы Гражданской войны / Под ред Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. М., 2004.
41. Прохорчик М.В. Политика генерала Врангеля в области просвещения и культуры // Материалы науч.-практич. конф. «V Таврические научные чтения, г. Симферополь, 21 мая 2004 г.». Симферополь, 2005.
42. Зарубин А.Г. Основные проблемы Советского периода истории Крыма // Ватан. Симферополь, 1992. № 3.
43. Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма. Научн.-практич. дискуссионно-аналитический сб. Симферополь, 1996.
44. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917 – начале 1918 гг. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
45. Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение (июнь 1918 – ноябрь 1920 гг.) // Проблемы межнациональных отношений в Крыму в XX столетии (Материалы республиканской научн.-практич. конфер. Симферополь, 26 мая 1995 г.). Вып. 1. Симферополь, 1996.
46. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. К истории Милли-Фирка (Национальной партии) // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1 (1994 г.).
47. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Из истории крымскотатарского национального движения летом 1919-1920 гг. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
48. Зарубин В.Г. Из истории государственности Крыма в годы революции и гражданской войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
49. Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1.
50. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
51. Яблоновская Н.В. Журнал «Известия караимского Духовного Правления» (1917-1919) в контексте караимской прессы начала XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 56.
52. Яблоновська Н.В. Журнал кримських караїмів «Бизым йол» («Наш шлях») у світлі традицій караїмської преси і національної політики Кримської АРСР // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. № 55, Т. 2.
53. Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: Історія та сучасність. Сімферополь, 2006.
54. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
55. Белый О.Б. Из истории караимской общины Бахчисарая // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. Krakow, 1999/2000. № 28/29.

56. Белый О.Б. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и караимской конфессии в 1920-1930 гг. (по материалам ГААРК) // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Симферополь, 2002.
57. Крестьянников В.В. «Варфоломеевские ночи» в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
58. Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
59. Бобков А.А. Красный террор в Крыму 1920-1921 гг. // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. Материалы международной научной конференции в Севастополе. СПб.; М., 2002.
60. Бобков А.А. Разворот Солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в русской смуте. Год 1918. Феодосия; Симферополь, 2008.
61. Чикин А. Распятый мир. Севастопольская Голгофа. 1918 год. Севастополь, 2005.
62. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы // В поисках утраченного единства: Сб. ст. Симферополь, 2005.
63. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Сб. ст. Симферополь, 2005.
64. Терещук Н.М. История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму. Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
65. Терещук Н.М. Караимы Севастополя: история и судьбы в архивных документах // Материалы науч.-практич. конф. «IX Таврические научные чтения, г. Симферополь, 30 мая 2008 г.». Ч. 2. Симферополь, 2009.
66. Дьяконова И.А. Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // X Дмитровские чтения (16–17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: Сб. науч. ст. Симферополь, 2008.
67. Артизов А.Н. 1922 г.: Высылка интеллигенции // Новая и новейшая история. 2002. № 5.
68. Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1.
69. Кутайсов В.А. Национальные съезды крымских караимов // Крымские караимы. Историческая территория, этнокультура. Симферополь, 2005.
70. Чижова Л.В. Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.
71. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2004.
72. Кефели В.И., Лебедева Э.И. Караимы – древний народ Крыма. Симферополь, 2003.
73. Кальфа М.И. Священная колыбель Кале в 1917-1920 гг. // Крымские караимы. Историческая территория, этнокультура. Симферополь, 2005.
74. Кропотов В.С. Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004.
75. Оболенский В.А. Крым при Деникине // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
76. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991.
77. Богданович В.А. Крым. 1920 год. Воспоминания // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
78. Сапожников А.Л. Крым в 1917-1920 годах // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
79. Гарин-Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7.
80. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. I.

81. «Рядовой русский беженец…». Эмигрантский дневник П.С. Бобровского // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
82. Епанчин Н.А. Крым в 1917–1920-е годы. Воспоминания // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8.
83. Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. XIV. Караимы. Кн. 2. М., 1993.
84. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крым в 1917 г.: От эйфории Марта к конфронтации Октября // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 14.
85. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 74.
86. Хроника текущей жизни. Симферополь: Таврический банк // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь.
87. Крестьянников В.В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
88. Купченко В.П. Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова. 1783 – 1-я треть XX в. Опыт биографического справочника. (Рукопись).
89. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г.) // Вопросы философии. М., 2003. № 7.
90. Хроника текущей жизни. Севастополь: Благотворительное общество // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
91. Москва, расстрельные списки: Бутовский полигон. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/butovo.htm;http://rusdrev.narod.ru/P/pigarev.htm
92. Зинухов А. Бал у сатаны // Совершенно секретно. 1997. № 5.
93. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
94. Хроника. Гахам указал… // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
95. Костин Н. Отравленные пули. Десять покушений на В. Ульянова (Ленина). М., 2000. – Режим доступа: http://www.stel.ru/museum/costin/kostin13.htm
96. Комментарии / А.Н. Захаров, Т.К. Савченко, Н.Г. Юсов, С.П. Кошечкин, М.В. Скороходов, С.И. Субботин // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. Кн. 1. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. М., 1999.
97. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 12.
98. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991.
99. Березовая Л.Г. Становление и деятельность либеральных и буржуазных партий // Очерки по истории политических партий и движений в России. Ростов н/Д, 1992. Кн. 2. Вып. 4.
100. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943). М., 1997.
101. Официальный отдел: Об изменении установленной Временным правительством 7 марта 1917 года формы присяги для лиц караимского вероисповедания // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 5-6.
102. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 11.
103. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 13.
104. Белый О.Б. История и культура крымских караимов на страницах журнала «Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления» (1917-1919 гг.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
105. Катык (Сарибан) Арон Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
106. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 114.

107. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1.
108. А.К. [Катык А.И.] От редакции // ИТОКДП. Евпатория,10 июня 1917 г. № 2.
109. Катык А. От редакции // ИТОКДП. Евпатория, 10 июля 1917 г. № 3.
110. Хроника. От наших корреспондентов: Екатеринослав // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
111. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
112. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
113. Ельяшевич Сима Саадьевич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
114. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // ИТОКДП. Евпатория, 1917 г. № 5-6.
115. От Евпаторийской организационной группы. [Воззвание Евпаторийской организационной группы организации караимской национально-демократической партии культурного самоопределения] // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1.
116. Г.С. [Шапшал С.М.] Об уменьшении числа караимов // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
117. Прохоров Д.А. К вопросу о численности караимского населения в Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // Материалы IV всекрымской научной конференции «Молодая наука Крыма–2007» (28 октября 2008 г.). Симферополь, 2008.
118. Тришкан Юфуда Юфудович // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
119. Эмиграция. Зарубежные караимы // Караимская народная энциклопедия: в 6 т. М., 2000. Т 6, ч. I: Караимский дом.
120. ГААРК, ф. 450, оп. 1, д. 79.
121. Проект программы Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
122. Хроника. От наших корреспондентов: Симферополь // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
123. Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России. Либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; 3.
124. Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. № 1-2.
125. Сарбей В.Г. Проблемы истории национальных движений: современный взгляд // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.
126. Куницын Г.И. Самоопределение наций – история вопроса и современность // Вопросы философии. 1995. № 5.
127. Кувшинов В.А. Программа партии кадетов // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8.
128. Булдаков В.П. Национальные программы правящих партий России в 1917 г. (проблемы взаимодействия) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М.,1980.
129. Пилецкий О.И. О караимах-беженцах Литвы // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
130. Хроника. От наших корреспондентов: Евпатория // ИТОКДП. Евпатория, 10 июня 1917 г. № 2.
131. Пилецкий Овадий Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
132. Прохоров Д.А. Культурно-просветительские организации и объединения караимов в Крыму в 1910-х – 1920-х гг. // Материалы науч.-практич. конф. «IX Таврические научные чтения, г. Симферополь, 30 мая 2008 г.». Симферополь, 2009. Ч. 2.

133. Съезд Караимского Духовенства в г. Евпатории (18-27 июня 1917 г.) // ИТОКДП. Евпатория, 10 июля 1917. № 3.
134. Неофициальный отдел. Примерный проект устава об управлении делами Караимских общин, выработанный съездом караимского духовенства в г. Евпатории, на заседании от 21 июня 1917 г. // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
135. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // ИТОКДП. Евпатория, 1 ноября 1917 г. № 5-6.
136. Деятельность Совещания при Караимском Духовном Правлении с участием делегатов от общин (16–21 июля 1917 г.) // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
137. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 8.
138. Шапшал С.[М.] Официальный отдел. Боговозлюбленные братья и сестры! [Послание Гахама от 27 Ияра 5677 года (6 мая 1917 г.)] // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
139. Вопросы, подлежащие обсуждению на Национальном Съезде 27 августа 1917 г. в г. Евпатория // ИТОКДП. Евпатория, 20 мая 1917. № 1.
140. Катык А. От редакции. Национальный Караимский Съезд // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
141. Прохоров Д.А. Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX – начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18.
142. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. 1918 год в Крыму: Большевики приходят к власти // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 16.
143. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.). Биобиблиографический словарь / Ред.-сост. Д.П. Урсу. Симферополь, 1999.
144. А.К. [Катык А.И.]. Скорбный лист // ИКДП. Евпатория, июль 1918. № 1.
145. ГААРК, ф. 376, оп. 5, д. 13600.
146. Хроника. От наших корреспондентов. Симферополь // ИТОКДП. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
147. Купченко В. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1994. № 6.
148. Хроника. Евпатория // ИКДП. Евпатория, июль 1918. № 1.
149. Казас Борис Ильич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
150. Зарубин В.Г. Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
151. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 46.
152. Официальный отдел. Постановление Крымского правительства // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
153. [Изменения ст.[атьи] 88 Устава гражданского судопроизодства // Вестник Крымского правительства. 1918. № 30. 27(14) сентября.
154. Хроника // Голос евпаторийского пролетариата. 1919. № 16. 9 мая.
155. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 76, л. 16.
156. Протокол 47-го заседания Общества [Таврического общества истории, археологии и этнографии] 21 ноября 1926 г. // Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931). Симферополь, 2004.
157. Королев В.И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993.

158. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 41.
159. Отчет за 1917 г. прихода и расхода сумм Караимского Духовного Правления // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
160. Смета расходов Духовного правления на 1918 г. // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
161. К пополнению общинами перерасхода по содержанию Духовного Правления // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
162. К пополнению общинами перерасхода по содержанию Духовного Правления (продолжение) // ИКДП. Евпатория, февраль 1919 г. № 1.
163. Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному правлению [Письмо членов Харьковской караимской общины] // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
164. Список членов Харьковской караимской общины, сделавших добровольное пожертвование на усиление средств Александровского Караимского Духовного Училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
165. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 67.
166. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 42.
167. Г.А. [Катык А.И.] Объезд караимских общин Высокостепенным гахамом Таврическим и Одесским // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
168. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1665.
169. Пилецкий О.И. Первая Караимская Богадельня // ИТОКДП. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5-6.
170. Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.
171. Берберова Н.И. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997.
172. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 10.
173. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» имени Акбике Шапшал в г. Евпатории // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
174. Список лиц, сделавших пожертвование в пользу Караимской богадельни «Ярдым» имени Акбике Шапшал // ИКДП. Евпатория, февраль 1919 г. № 1.
175. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища // ИТОКДП. Евпатория, 1 ноября 1917 г. № 5-6.
176. Список членов Херсонской общины, пожертвовавших на усиление фонда Александровской караимской духовной Семинарии // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
177. Список лиц Армяно-Базарской Караимской общины, пожертвовавших в распоряжение Его Преосвященству Таврического и Одесского Гахама в фонд Александровского училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
178. Список членов Харьковской караимской общины, сделавших добровольное пожертвование на усиление средств Александровского Караимского Духовного Училища // ИКДП. Евпатория, июль 1918 г. № 1.
179. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. I. От членов Армянской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
180. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. II. От членов Екатеринославской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
181. Список пожертвований, поступивших в пользу Александровского Караимского Духовного училища. II. От членов Новороссийской Караимской общины // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.
182. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 62.
183. ГААРК, ф. 450, оп. 1, д. 124.
184. Хроника (от наших корреспондентов). Евпатория. Местная интеллигенция… // ИКДП. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2.

185. Прохоров Д.А. Система народного образования караимов Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XIII.
186. Врангель П.Н. Оборона Крыма // Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.; СПб., 2003.
187. Шапшал Сергей Маркович // Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Сост. А.Н. Кононов. М., 1989.
188. Баскаков Н.А., Тинфович М.С. Сергей Маркович Шапшал (к 100-летию со дня рождения) // Советская тюркология. 1973. № 3.
189. Янбаева Я. Из материалов к биографии профессора С.М. Шапшала // Евреи в России: История и культура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.А. Эльяшевич. СПб., 1994.

Прохоров Д. А.

Суспільні, національно-культурні об'єднання і органи конфесійного самоврядування кримських караїмів у 1917-1920 рр.

Резюме

У статті проаналізовано діяльність караїмських суспільно-політичних організацій, національно-культурних об'єднань та органів конфесійного самоврядування караїмів в період з 1917 по 1920 рр. На широкому історичному фоні, з використанням джерел, що раніше не публікувалися, і архівних матеріалів (частина з яких вводиться до наукового обігу вперше) досліджені етапи розвитку суспільно-політичного руху серед кримських караїмів; оцінено ступень їх участі в подіях, що відбулися після Лютневої революції 1917 р. Безпосередню увагу приділено діяльності караїмських суспільних і політичних об'єднань в умовах зміни політичних режимів в Криму в 1917-1920 рр. Зокрема, розглянуто: діяльність Таврійського та Одеського караїмського духовного правління в контексті соціальних і політичних трансформацій в російському суспільстві; робота караїмських з'їздів різного рівня – від нарад караїмського духівництва до загальнонаціональних караїмських з'їздів, де обговорювалися чисельні питання суспільного і релігійного характеру. Крім того, реконструйовано історію створення при ТОКДП Караїмської Національної Ради в Євпаторії та «Караїмської Національно-демократичної партії культурного самовизначення» – питання, які до цього залишалися недослідженими в літературі.

Прохоров Д. А.

Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917-1920 гг.

Резюме

В статье проанализирована деятельность караимских общественно-политических организаций, национально-культурных объединений и органов конфессионального самоуправления караимов в период с 1917 по 1920 гг. На широком историческом фоне, с использованием ранее не публиковавшихся источников и архивных материалов (часть

из которых вводится в научный оборот впервые) прослежены этапы развития общественно-политического движения среди крымских караимов; оценена степень их участия в событиях, последовавших после Февральской революции 1917 г. Непосредственное внимание уделено деятельности караимских общественных и политических объединений в условиях смены политических режимов в Крыму в 1917-1920 гг. В частности, рассмотрены: деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления в контексте социальных и политических трансформаций в российском обществе; работа караимских съездов различного уровня – от совещаний караимского духовенства до общенациональных караимских съездов, на которых обсуждались многочисленные вопросы общественного и религиозного характера. Кроме того, реконструирована история создания при ТОКДП Караимского Национального Совета в Евпатории и «Караимской Национально-Демократической партии культурного самоопределения» – вопросы, которые до сих пор оставались неисследованными в литературе.

Prokhorov D. A.

Public, National-cultural Associations and Bodies of Confessional Self-government of Crimean Karaites in 1917-1920

Summary

The activities of Karaites social-political organizations, national-cultural associations and bodies of confessional self-government of the Karaites in the period since 1917 to 1920 are analyzed in the article. The stages of the development of social-political movement among the Crimean Karaites were traced basing on sources that have not been published before and archive material (some of them are introduced into scientific circulation for the first time); the degree of their participation in the events after the February Revolution in 1917 was estimated. Close attention is paid to the activities of Karait public and political associations under the conditions of change of political regimes in Crimea in 1917-1920. In particular, the following problems are considered: the activities of Taurida and Odessa Karaites religious governing in the context of social and political transformation in Russian society; the work of Karaites congresses of different levels – from meetings of the Karait clergy to all-national Karait congresses where numerous problems of public and religious character. Moreover, the history of the creation of Karait National Soviet in Evpatoria and «Karaite National-Democratic party of cultural self-identification» – the problems that have been not investigated in literature up to this very day- were reconstructed in this article.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

И. А. АНТОНОВА

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ПЕРИБОЛЕ У 16-й КУРТИНЫ В ХЕРСОНЕСЕ В 1970-1971 гг.[1]

Исследования в районе передовой оборонительной стены

Передовая оборонительная стена и склеп № 1013 представляют большой научный интерес. Со времени их раскопок К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г. памятники постоянно привлекали к себе внимание исследователей, были различно ими датированы и объяснены. Именно на этом участке обороны Херсонеса более всего труднообъяснимых строительных решений и деталей. Наибольшие сложности в интерпретации вызвали пристенные склепы II-III вв. н.э. вблизи древнегреческих ворот №№ 1013 и 1014 и протейхизма.

Склепы были раскопаны в незначительном по площади углублении в зимнюю слякоть 1899 г., в январе – феврале. Сенсационный характер находок привел К.К. Косцюшко-Валюжинича к необходимости поездки в Петербург в ИАК. За время его отсутствия склеп № 1013 полностью развалился. Объясняя причины этого, исследователь указал, что обрушение произошло потому, что наружная лицевая кладка склепа была сделана из некрупного бутового камня насухо. И хотя указанное обстоятельство лишь добавляло загадок, т.к. соседний аналогичный склеп № 1014 был облицован штучным крупным камнем, внимание на это было обращено не скоро. Бутовая облицовка была при-

[1] Инна Анатольевна Антонова (1928-2000) оставила богатое научное наследие, которое она не успела полностью ввести в научный оборот. Эта статья подготовлена к печати по результатам исследований, проведенных ею в периболе против 16-й куртины юго-восточной оборонительной линии Херсонеса. И.А. Антонова написала подробнейший отчет о раскопках [1, с. 1-34], к сожалению, своевременно не доведя его до публикации, издав лишь краткие выводы по хронологии отдельных сооружений [2, с. 113, 123-125]. Между тем, отчет полон ценнейших стратиграфических и топографических наблюдений, скрупулезных визуальных обследований кладок стен, что в целом характерно для многолетней плодотворной исследовательской деятельности И.А. Антоновой [см. также: 18, с. 73-74]. Кроме того, сам отчет был написан как вполне законченная научная статья, с необходимой полемикой с предшественниками и принятой ко времени его написания литературой. И если часть атри-

нята как подтверждение подземного характера склепа, что явилось основанием гипотезы искусственной засыпи перибола во время, предшествующее сооружению склепов. Уровень верхних площадок склепов был интерпретирован как уровень дневной поверхности первых веков н.э. Все последующие датировки как главной оборонительной стены, так и передовой, их интерпретация и трактовка производились, исходя из отметок указанного уровня.

При этом они были различны у разных исследователей. К.К. Косцюшко-Валюжинич полагал, что «…в римскую эпоху (I в. до н.э.) вся греческая стена была по неизвестной причине засыпана до высоты площадок склепов 1013 и 1014… Толстая, сложенная из больших камней стена «В» (протейхизма), всюду достигающая одинаковой глубины с засыпью и только выше уровня калитки «Д», представляющая чистую, местами оштукатуренную кладку, должна была служить подпорной стеной для высокой искусственной земляной насыпи, которая служила некрополем в римское время, и по которой тогда шла, кажется, единственная дорога в город» [20, с. 30; 21, с. 12]. Позже К.К. Косцюшко-Валюжинич считал датой построения стены «Б» V в. [22, с. 60].

Точка зрения А.Л. Бертье-Делагарда отличалась не только датой. Исследователь подчеркивал, что большая часть передовой стены «…сложена в глубоких фундаментах, подошва которых опущена до подошвы основных стен, то есть видно, что эти фундаменты кладены во рвах, выкопанных в насыпи и, следовательно, после устройства последней» [6, с. 110]. Причиной искусственной насыпи у стен А.Л. Бертье-Делагард считал необходимость поднять уровень у стен в часто затапливаемой, заболоченной балке. Однако наличие на этом уровне внутри города у оборонительных стен многочисленных хронологически последовательно возводившихся построек, не дают возможности согласиться с тезисом частой затопляемости этой территории. Передовую стену «Б» А.Л. Бертье-Делагард рассматривал как единое сооружение от верхнего края стены до кладки на уровне древнегреческих ворот и датировал ее возведение II в. н.э. [6, с. 156].

Как единое сооружение рассматривал стену «Б» и К.Э. Гриневич, датируя участок от XII до XV башни V в. Столь необычную глубину фундаментов – 4,6 м, исследователь объяснял тем, что во время возведения стены еще живы

буций и хронологических заключений об обнаруженном при раскопках массовом керамическом материале требуют неизбежного пересмотра, то авторские выводы не утратили своего значения вплоть до настоящего времени. Без знакомства с ними уже невозможно составить полноценное представление о херсонесской обороне и памятниках городского некрополя значительного хронологического отрезка. Все это и привело нас к мысли о необходимости введения отчета И.А. Антоновой в широкий научный оборот в виде отдельной статьи, как он, по-существу, и был автором изначально написан. Текст приведен полностью в авторской редакции, только слегка сокращен и в ряде случаев снабжен необходимыми комментариями. Хочется верить, что научное наследие И.А. Антоновой, как и многих других исследователей, посвятивших свою жизнь изучению Херсонеса, будет со временем полностью введено в научный оборот – *А.В. Буйских*.

были античные строительные традиции, согласно рекомендациям которых фундамент монументального сооружения устанавливался на скале [14, с. 48-50]. На основе зачисток бортов т.н. перемычки в периболе К.Э. Гриневич утверждал, что порог входа в склеп № 1013 лежит на эллинистических слоях, а уровень перекрытия – на насыпи римской эпохи, и датировал протейхизму IV-V вв. [13, с. 4].

Эту же точку зрения разделял А.Л. Якобсон [28, с. 99, 101, рис. 26]. Г.Д. Белов относил протейхизму к римскому времени [5, рис. 8]. Чрезвычайно важным представляется наблюдение Г.Д. Белова относительно облицовочной кладки пристенных склепов. Склеп № 1014, находящийся рядом с № 1013, беднее и меньше склепа № 1013, но имеет кладку из штучных и хорошо тесаных камней. Устройство обоих склепов абсолютно аналогично, тождественной, допускает Г.Д. Белов, должна была быть и кладка облицовки [4, с. 141]. Склеп № 1014 переложен после раскопок.

Н.В. Пятышева, проводившая исследования у протейхизмы против 16-й куртины с внешней и тыльной стороны в 1946-1948 гг., отметила «вмурованные в кладку фундамента протейхизмы античные надгробия», установила субструкцию из чередующихся слоев песка, черепков и золы под передовой стеной. С наружной стороны протейхизмы установила 11 разновременных периодов строительства. Насыпь внутри перибола исследователь считала неодновременной и нетождественной насыпи с наружной ее стороны. Возведение передовой стены на этом участке отнесено Н.В. Пятышевой к VI-VII вв., главной стены – к III в. до н.э. [26, с. 2]. Впоследствии исследовательница изменила точку зрения и датировала протейхизму IX-X вв. [27, с. 78].

Совершенно иной точки зрения придерживался С.Ф. Стржелецкий, считавший засыпь перибола естественной, накопившейся в течение столетий. На участке у 17-й куртины раскопками т.н. перемычки, не удаленной К.К. Косцюшко-Валюжиничем насыпи в периболе, в 1958 г. А.М. Гилевич было установлено 27 разновременных наслоений, образовавшихся постепенно в результате хозяйственной деятельности. Крайне важным является открытие двух печей I в. до н.э. – I в. н.э. на глубине 2,4 м от начала яруса средневековых стен и предположение по характеру падения слоев о существовании на этом участке передовой оборонительной стены в первых веках н.э. [12, с. 25].

Указанные обстоятельства обусловили необходимость исследовательских работ, возможных по объему и характеру при консервации памятников.

Передовая стена против 16-й куртины с момента исследования в 1899 г. обращала внимание неровностью вертикального профиля, разномерностью использованного камня и его чередованием. Это хорошо просматривается на фотографии 1926 г. (рис. 1). За прошедшее время во многих местах кладка обрушилась, крупные камни, не имея опоры, нависали над нижними рядами, грозя вывалиться. Н.В. Пятышева в отчете упоминает о земляных работах в период Отечественной войны [25, с. 1].

Во время консервации оборонительных стен в 1957-1958 гг. под руководством С.Ф. Стржелецкого была укреплена лишь верхняя часть передовой стены против 16-й куртины и только у башни XV[1] швы промазаны по всей высоте. Нижние ряды кладки на глиняном растворе не укреплялись, так же как нижние ряды с восточной стороны башни XV[1]. С.Ф. Стржелецкий сделал неглубокий шурф для изучения характера кладки на том месте передовой стены, где был шурф Н.В. Пятышевой в 1946 и 1948 гг. (рис. 2). Надгробия в кладке стены, зафиксированные Н.В. Пятышевой, были известны С.Ф. Стржелецкому.

Наше внимание привлекло следующее обстоятельство: прямо против древнегреческих ворот передовая стена не доходила до уровня раскопанной подошвы перибола и уходила на запад, наклонно понимаясь на высоту от 1,0 до 1,4 м над указанным уровнем. На этом участке кладка протейхизмы была только на известковом растворе, она не подстилалась кладкой на глине, как на остальном протяжении передовой стены, а покоилась на слое земли. И на этом участке вертикальная плоскость стены была неровной и разнохарактерной. Указанное обстоятельство не позволяло согласиться с утвердившимся мнением о том, что глубина залегания стены вызывалась необходимостью довести фундамент до материковой скалы.

Работы, учитывая предшествующие исследования Н.В. Пятышевой и аварийное состояние памятника, ставили своей задачей:

1. Установить характер кладки на глине и одновременность ее возведения с верхней частью передовой стены.

2. Путем незначительной выборки земли с керамикой под нависающими рядами кладки передовой стены против древнегреческих ворот определить характер и хронологию слоев.

Выборка земли могла быть очень небольшой, в связи с тем, что вышележащая передовая стена утрачивала опору. Расчистка вскрыла участок стены, сложенный из надгробных памятников на глиняном растворе. В отличие от верхних рядов протейхизмы, эта стена не продолжалась на запад, а заканчивалась против склепа № 1012. Прослежен ее поворот под прямым углом к югу, но часть кладки на повороте оказалась разрушенной (рис. 3). Между лицевой поверхностью этой стены и лицевой поверхностью отходящей от нее под прямым углом прослежено скопление фрагментов посуды и черепиц. Скорее всего, это была насыпь мусора, сброшенная со стен.

Дальнейшие работы установили, что нижняя часть передовой стены, сложенная на глиняном растворе, представляла собой самостоятельную передовую оборонительную стену более ранней эпохи. На участке против древнегреческих ворот направление ранней стены не совпало с вышележащей средневековой. Это дало возможность увидеть лицевую кладку поздней стены на протяжении около 3 м (рис. 4). Далее к западу ранняя передовая стена делала выступ под прямым углом к югу, совершенно однотипно с выступами

и прямоугольными изломами античной передовой стены на западных куртинах обороны Херсонеса (куртины 4 и 5). Указанные выступы имели многозначную цель: увеличить ширину перибола против выступающих башен (в данном случае против XIV башни), являясь контрфорсами на пологих склонах, создавали возможность лучшего бокового обстрела противника с коротких выступающих участков. Для установления толщины и глубины заложения фундамента ранней стены вдоль нее от ворот до XV¹ башни была сделана траншея. В результате установлено следующее.

Передовая стена античной эпохи была возведена на расстоянии 11 м от 16-й куртины оборонительных стен. От XV¹ башни до древнегреческих ворот она была перекрыта более поздней разновременной кладкой и частично включена в состав перекрывающей ее стены как тыльная сторона (рис. 5). Разновременность бутовой кладки определяется использованием разного по цвету и характеру известкового раствора, а также периодическим употреблением в кладке огромных необработанных камней, как правило, не совпадающих по вертикальной плоскости с нижележащими и выходящих за плоскость стены на 0,1-0,25 м. Такое чередование различных по характеру кладок четко проявляется также на передовой стене против 17-й куртины, где явственно фиксируется не менее 3-х строительных периодов.

Наиболее ранняя оборонительная передовая стена четко прослеживается на протяжении 40 м от древнегреческих ворот до башни XV¹ и далее от башни XV¹ еще на протяжении 30 м. У ворот она сохранилась на высоту 1,8-2,0 м. В кладке протейхизмы было использовано большое число (около 70) надгробий III-II вв. до н.э.[2] Изучение лицевой кладки наружной стороны стены показывает, что надгробия были использованы не только для забутовки, но и для лицевой поверхности стены. При этом они укладывались в стену так, что к наружной стороне были обращены, как правило, не профилированные, гладкие поверхности памятников, не имеющие рельефов и смотрящиеся как блоки камня. Стелы уложены наружу либо торцом, либо обратной стороной, эдикульные надгробия обращены нишами внутрь кладки (рис. 6).

Тыльный панцирь стены составляла несколько более широкая в основании и сужающаяся кверху кладка из бутовых камней среднего размера на глиняном растворе. Эта кладка ко времени раскопок сохранилась лишь в некоторых местах на незначительном протяжении. Но она хорошо видна на фотографии 1926 г. (рис. 1). Таким образом, почти нигде надгробные памятники в кладке стены не просматривались. Толщина стены 1,2-1,4 м, примерно такая же, как античной протейхизмы у 5 и 6 куртин. С учетом места для парапета 0,6-0,7 м, следует предполагать расширение боевого прохода по верху стены либо за счет плит,

[2] Отдельные из обнаруженных в кладке протейхизмы надгробных стел датируются IV в. до н. э. – *А.В. Буйских*.

нависающих над боковой плоскостью стены, либо за счет деревянного настила на поперечных, выступающих в виде консолей за линию стены бревен.

Характерной, не встреченной еще в Херсонесе конструктивной особенностью стены является наличие прямоугольных контрфорсов с наружной стороны. Прослежено 3 контрфорса на расстоянии один от другого в 4-5 м. Первый находится на расстоянии 12 м от восточной стороны башни XV¹. Возможно их больше, но сохранившаяся относительно высоко кладка не дала возможности их проследить. Контрфорсы выступают за наружную поверхность стены на 0,8-0,7 м, при ширине 0,7-0,8 м. В их кладке также использованы надгробия, и также с наружной стороны они воспринимаются только как блоки тесаного камня. Первый от башни XV¹ контрфорс составляют по ширине две стелы, немного впущенные в кладку стены (рис. 7). Скорее всего, возведение контрфорсов обусловлено сложным рельефом, понижающимся в восточном и южном направлениях. Видимо, контрфорсы не удержали сползания стены, так как ее внешний панцирь сильно наклонился.

Ранняя стена установлена на субструкции из перемежающихся слоев камня, песка, керамики и земли, отмеченной при исследовании Н.В. Пятышевой [27, с. 73]. Однако слои субструкции не имеют четко выраженного характера и могут восприниматься как обычная земляная насыпь. По направлению к башне XV¹ кладка стены по уровню опускается ниже в водоносный слой, следуя древнему рельефу местности. Самая низкая точка рельефа, как выявлено геологическими исследованиями, находилась напротив куртины 17. Дно переуглубленного оврага лежит здесь на отметке 18 м ниже современного уровня перибола. Под главной оборонительной стеной слои с фрагментами керамики идут на глубину 2,5 м [27, с. 73].

Во время раскопок 1970 г. углубление было произведено только против юго-западного угла склепа № 1013, где был расширен шурф Н.В. Пятышевой. С наружной стороны к стене примыкали слои плотной земли с археологическим материалом III-I вв. до н.э. Это объясняется тем, что ранняя стена была заглублена. Канава для фундамента была неглубокой и составляла не более 0,6-0,7 м. Увидеть примыкающие к лицевой стороне стены слои оказалось возможным лишь в двух местах: на западном конце, где кладка стены поворачивала под прямым углом к югу (рис. 3), и в одном месте против склепа № 1014, где оказалась разрушенной лицевая кладка стены (рис. 8).

Путем зачистки кладки удалось проследить, что ранняя, сложенная на глине протейхизма перерыта кладкой на извести. При этом новая передовая стена была значительно шире ранней. Внутренняя облицовка ранней стены служила этой же цели для новой стены. Поскольку последняя была возведена значительно позже, ее фундамент не дошел до глубины нижних рядов ранней стены. На участке против древнегреческих ворот фундамент передовой стены второго строительного периода лежит на высоте 1,0-1,4 м

от современного уровня перибола. У башни XV¹ античная передовая стена сохранилась на высоту всего лишь 0,6 м. На этот же уровень здесь опускается кладка стены на извести второго строительного периода. Последнее связано, видимо, с сооружением раннего строительного периода башни XV¹ и рытьем котлована под башню. За башней XV¹ к юго-востоку кладка античной протейхизмы также сохранилась лишь на высоту 0,5 м. Напротив башни XV¹ по направлению к основной оборонительной стене выступает неясного характера кладка с неровно оборванным восточным концом. Ширина выступающей кладки 0,8-1,0 м, протяженность 2,3 м. Кладка произведена на глине, в составе ее прослеживаются надгробные памятники.

Характер передовой стены от этого места на юго-восток к башне XVII (Зенона) резко меняется, стена на всю высоту сложена на извести из однородных бутовых камней. Участок протейхизмы у восточной стены башни XV¹, напротив, носит следы многочисленных перекладов, начинающихся с различных уровней, о чем можно судить по огромным необработанным камням, далеко выходящим за плоскость стены. Такая кладка не могла быть произведена в канаве, которая выкапывалась одинаковой ширины по всей длине. Несомненно, эти камни составляли нижний наземный ряд стены. Наносы с внешней стороны вызвали необходимость постоянного повышения стены, и постепенно наземные ряды кладки скрывались под землей.

Только этим возможно объяснить характер кладки передовой стены напротив 16-й куртины, разного на различных высотных отметках. Утвердившееся в научной литературе объяснение его как фундамента передовой стены уровня калитки «Д» (рис. 9) (К.К. Косцюшко-Валюжинич, А.Л. Бертье-Делагард, К.Э. Гриневич, Н.В. Пятышева), заложенного на глубину 5 м, не соответствует действительности. Так называемый «фундамент средневековой передовой стены» напротив 16-й куртины представляет собой не фундамент, а саму передовую стену, по меньшей мере, трех строительных периодов.

I строительный период – ранняя стена на глине с использованными в кладке надгробиями.

II строительный период – передовая стена значительно большей ширины, использовавшая раннюю стену как облицовку нижней части своей тыльной стороны. Эта стена, сложенная на известковом растворе, везде прослежена по уровню на 0,7-1,1 м выше нижних рядов ранней стены. Уровень ее заложения виден только против башни XIV, где ее не подстилает ранняя стена.

III строительный период – передовая стена, соответствующая по уровню башням XV, XV¹ и калитке «Д».

Наибольшему разрушению всегда подвергались верхние части оборонительных стен, но в тех случаях, когда высота стены поднималась постоянным добавлением кладки, перекладывались и ровные плиты боевого хода, и пороги калиток для использования их на новом повышенном уровне. Поэтому

нигде не видно перекрытых верхних частей стен. Постепенное повышение высоты и однородность бутовой кладки не дают возможности установить четкую границу разновременных строительных работ. Гипотезу о разновременном и постепенном повышении уровня передовой стены подтверждает много данных, в том числе наблюдения, сделанные при консервации склепа № 1013.

Открытая в 1970 г. передовая стена античного времени напротив 16-й куртины конструктивно имеет много общего с передовой стеной западного участка обороны Херсонеса. Одинакова ее толщина 1,2-1,4 м. Поставленная на склоне плато, западная протейхизма делает такие же изломы под прямым углом перед выступающими из главной стены башнями и вдоль фронта куртины, где они играют роль контрфорсов и усиливают оборону. Многочисленными захоронениями, примыкающими к протейхизме, которая в ряде случаев является четвертой стеной могил, передовая стена западного участка надежно датируется концом I – началом II в. Фундамент стены заглублен не более чем на 0,6-0,7 м. В кладке использованы очень большие по размеру необработанные камни. Стена на западном участке поставлена на 0,8-0,9 м ниже основной оборонительной линии на склоне возвышенности. То же самое повторено на западном участке херсонесской обороны со средневековой передовой стеной. Она размещена ниже античной протейхизмы по склону, толщина ее, как и на юго-восточном участке, достигает 2,25 м, фундамент немного заглублен. В кладке использованы очень большие камни.

Обратим внимание и на то, что южный фланг протейхизмы 19-й куртины и вся 20-я также не имели глубокого фундамента (0,35-0,5 м). Это вытекает из функционального назначения передовой стены. Нижний наземный ряд ее выкладывался из камней большого размера, которые даже в случае разрушения стены препятствовали подведению стенобитных орудий. Глубокий фундамент при таком положении не имеет смысла. У 16-й куртины неправомерно объяснять глубину фундамента стремлением довести его до скалы на глубину 5 м, так как ни у античной, ни у средневековой передовой стены фундамент до скалы не доведен, что особенно хорошо видно по средневековой протейхизме напротив древнегреческих ворот.

Открытие передовой стены античной эпохи в юго-восточном районе повлекло за собой переосмысление ряда памятников основной оборонительной линии. Так, римский ярус крепостных стен интерпретировался как нижние ряды кладки стены этого времени, совпадающие с дневной поверхностью рассматриваемой эпохи. Между тем, обязательным является требование фортификации, согласно которому появление дополнительной преграды перед оборонительной стеной требует одновременного повышения ее уровня для максимального сокращения мертвых пространств перед фронтом обороны. С этой целью стремились, сообразуясь с рельефом, передовую стену поставить ниже по склону, чтобы не поднимать слишком высоко кладку

основной стены. Следовательно, так называемый римский ярус главной оборонительной стены в Херсонесе – это не возведение ее от подошвы до верха, а лишь повышение уровня, вызванное появлением перед куртинами передовой стены. Этот римский ярус частично сохранился на 16-й и 17-й куртинах, на XV[1] и XVI башнях. Теоретически он может быть рассчитан с учетом ширины перибола и высоты передовой стены. Учитывая данные открытой протейхизмы, это повышение, вероятно, составляло 1,5-2,0 м от верха эллинистической стены (рис. 9). В кладку античной протейхизмы были включены надгробия разных типов.

Траншея вдоль передовой стены была сделана на всем протяжении от древнегреческих ворот до XV[1] башни. Учитывая проведенные здесь исследования Н.В. Пятышевой, траншея закладывалась с целью не изучения насыпи перибола, а для установления толщины передовой стены, глубины ее заложения. Нижние ряды кладки передовой стены лежат на уровне верхней черты фундамента главной оборонительной стены у XV[1] башни и на 0,5 м выше фундамента главной оборонительной стены напротив древнегреческих ворот.

I слой на глубину от современного уровня перибола до 0,3 м характеризуется следующим материалом[3]: гераклейские амфоры, с характерными ручками и ножками цилиндрической формы. Им принадлежало значительное число фрагментов – 120 экз. Херсонесские амфоры представлены 42 экз. Амфоры круга Фасоса насчитывали 45 экз. Незначительное число фрагментов составляли амфоры типа Солоха-1 – 12 фр., Синопы – 8 фр. Столовая посуда представлена херсонесскими кувшинами и лутериями – 18 фр. Чернолаковых фрагментов мало – 6. Кровельная черепица представлена в равной мере небольшим числом черепиц Синопы, Гераклеи и Херсонеса.

II слой на глубине 0,3-0,6 м содержал несколько меньше керамики, но набор ее не изменился по характеру и времени. Те же амфоры Синопы, Гераклеи, Херсонеса, круга Фасоса. Интересно отметить несколько фрагментов сероглиняной керамики, чернолаковой с хорошим качеством покрытия. Напротив древнегреческих ворот передовая стена из бутового камня, скрепленного известью, не опускалась до современного уровня перибола, оставляя под собой открытые наслоения высотой в 1-1,4 м. На этом участке были произведены послойные зачистки вглубь наслоений на 0,6-0,7 м, так как нависающая передовая стена при большой глубине, утрачивая опору, могла обрушиться. Главной задачей являлось установление уровня античной передовой стены и времени ее возведения.

На участке в исследуемой насыпи имелось три больших пятна. Два западных – заложенные убежища периода Великой Отечественной войны,

[3] Здесь и ниже приведено только суммарное описание археологических материалов до рубежа н.э., без их конкретных датировок, данных в отчете И.А. Антоновой. Современное изучение, определение хронологии и атрибуция керамических материалов, обнаруженных у основания ранней протейхизмы, представляет собой отдельную задачу – *А.В. Буйских*.

восточное пятно оказалось насыщенным фрагментами керамики (рис. 9). Это была, видимо, куча мусора, сбрасываемая в течение определенного времени с протейхизмы. Археологический материал из этого скопления характеризуется следующими данными.

Мусорное скопление с наружной стороны стены состояло из золы, кусочков угля, обломков костей и значительного числа керамики. В составе керамики – обломки узкогорлых светлоглиняных амфор II-III вв. с яйцевидным корпусом, на котором слабо выражен волнистый реберчатый рельеф [16, табл. XXXVII,93], амфор с воронкообразным горлом I-II вв. [16, табл. XXXVII,90], амфор светлоглиняных с двуствольной ручкой I в. до н.э. – I в. н.э. [16, табл. XXXVII,61], красноглиняные крупные амфоры II-III вв. с утолщающимся краем горла, плоско срезанным сверху и получившим название желобчатого венца [16, табл. XXXIII], крупные светлоглиняные амфоры II-III вв. с характерными ручками со смещенным от центра продольным ребром [16, табл. XXXVIII,94], амфоры светло-коричневые с конусовидной ножкой и шипообразными ручками I в. до н.э. – I в. н.э., импортные амфоры из островной Греции с массивными овальными в сечении и крутоизогнутыми ручками, датирующиеся I в. н.э. [16, табл. XXIX,68], узкогорлые светлоглиняные амфоры с покатыми плечами II-III вв. н.э. [16, табл. XXXVII,91], амфоры крупные красноглиняные с коническим дном I-II вв. н.э. [16, табл. XXIX,69]. Хорошо поддающиеся датировке формы краснолаковой посуды, число которой в мусорном скоплении также достаточно велико, относятся к I-II вв. Ко II-III вв. относятся фрагменты кровельной черепицы. Немногочисленные фрагменты IV в. до н.э. могли быть захвачены из слоя, образовавшегося рядом с мусорной кучей.

Скопление представляется мусорной кучей, сбрасываемой со стены. Подошва мусорного скопления отмечает уровень дневной поверхности этого времени. Этот уровень находится на глубине 3,3-3,4 м от порога калитки «Д» в верхней части передовой стены, он на 0,8 м выше нижнего ряда кладки античной передовой стены, совпадает с уровнем третьего строительного периода I-II вв. н.э. раскопок Н.В. Пятышевой с внешней стороны передовой стены [26, с. 76] и с уровнем пола в склепах № 1013 и 1014. Эти обстоятельства представляются крайне важными.

Характеристика напластований.

Слой 1. Толщина 0,2 м, состоял из рыхлой серой земли с примесью извести, видимо, из лежащей на нем средневековой протейхизмы. Землю насыщали мелкие угольки, дробленые кости. Из определенных фрагментов в составе слоя – обломки амфор италийских с вытянутым корпусом и конусовидной ножкой, датирующиеся I-II вв. н.э. [16, табл. XXVII,63], светлоглиняных амфор с узким горлом IV в. н.э. [16, табл. XI,104в], амфор с воронкообразным горлом и конусовидной ножкой I-II вв. н.э. [16, табл. XXXVII,90], амфор светлоглиняных с двуствольной ручкой I-II вв. н.э. [16, табл. XXVII,63],

крупных красноглиняных амфор с прямым расширенным книзу горлом, желобчатым венцом и ручками, профилированными продольными выпуклыми валиками II-III вв. н.э. [16, табл. XXXIII,80], амфор светлоглиняных с высоким узким горлом IV в. н.э. [16, табл. XI,104,105]. Весь остальной материал не выходит за рамки III-IV вв. н.э. По уровню слой 1 совпадает с верхней частью мусорного скопления.

Слой 2. Толщина 0,15 м, слой из гумусированной земли с пережженными угольками и костями животных, структура рыхлая, цвет темно-серый, встречаются некрупные камни. В составе слоя обломки амфор II-III вв., некрупного размера светлоглиняные с венцом в виде полувалика [16, табл. XXXVII,90], амфор красноглиняных с большим количеством минеральных включений в тесте II-III вв. н.э. херсонесского производства [16, табл. XXXII,77]. Фрагменты других амфор относятся также к эпохе поздней античности. Встреченная в слое краснолаковая посуда также датируется III в.

Слой 3. Толщина 0,2 м. Материал из слоя не выразителен. Обломки амфор и кровельной черепицы немногочисленны. Бытование их датируется III-IV вв. Значителен процент керамики, относящейся к эпохе эллинизма. По горизонту слоя залегают крупные камни, создающие впечатление дорожной вымостки.

Слой 4. Толщина 0,2 м. В слое много камней некрупного размера, разбросанных без видимого горизонта. Слой характеризуется теми же типами керамики, что и предыдущий. Но форм, бытовавших в III-IV вв., нет. Превалирующее число относится к формам, датируемым II-III и I-II вв. н.э. Это обломки амфор красноглиняных с округлым венчиком [16, табл. XXV,85], узкогорлых с венчиком в виде полувалика [16, табл. XXVII,91,92], амфор с коническим дном [16, табл. XXXIII,80]. К I-II вв. н.э. относятся фрагменты столовой посуды – кувшины, лутерии. При общем небольшом числе фрагментов в слое увеличилось число бытовавших в I в. до н.э. – I в. н.э. По уровню слой увязывается с основанием мусорного скопления на восточном конце.

Слой 5. Толщина 0,1 м. В составе слоя, кроме земли, угля, дробленых костей, значительна примесь глины. Некрупные камни залегают в разных горизонтах. Слой характеризуют следующие керамические формы: амфоры с шипообразными ручками I в. до н.э. – I в. н.э. [16, табл. XXIX,67], красноглиняные амфоры с коническим дном, со слегка скошенным и нависающим по краям венцом I-II вв. н.э. [16, табл. XXIX,69], красноглиняные и светлоглиняные с двуствольными ручками I в. до н.э. – I в. н.э. [16, табл. XXVI,61,62], плоские черепицы и калиптеры I в. до н.э. – I в. н.э., краснолаковая керамика I в. н.э., амфоры гераклейские этого же времени.

Слой 6. Толщина 0,2 м. Состоял из глинистой земли с прослойкой некрупного камня, залегающего по одному уровню и создающего впечатление дорожной отмостки. Обращает внимание, что слой камня не доходит ни на восточном, ни на западном концах до края раскопа, составляя полосу чуть шире проема ворот в главной оборонительной стене. Видимо, это та дорога к воротам, которую зафиксировала Н.В. Пятышева. Немногочисленная керамика

датируется II-I вв. до н.э. Уровень слоя совпадает с уровнем фундамента античной передовой стены. В составе слоя амфоры I в. до н.э. с ножкой в виде округленного выступа [16, табл. XXVI,60], амфоры гераклейские IV-III вв. до н.э. Бытование калиптеров и плоских черепиц, обломки которых были найдены, зафиксировано для III-II вв. до н.э. За пределы этой даты не выходит и другой материал. Интересен фрагмент пухлогорлой хиосской амфоры V в. до н.э.

Слой 7. Толщина 0,2 м. Был глинистым, содержал много некрупного камня, лежащего в одном горизонте и представляющего, видимо, вымостку дороги. Фрагменты керамики увязываются с формами, бытовавшими преимущественно в IV в. до н.э. Это – фасосские и мендейские амфоры с рюмкообразной ножкой, гераклейские, синопские, херсонесские амфоры, амфоры типа Солоха II. Хронологически материал относительно чист.

Слой 8. Толщина 0,5 м. Слой лежит ниже раскопанного уровня перибола. Бортик террасы высотой 0,5 м перекрывается искусственной подсыпкой глины, черепков и камня для создания пологого уровня дороги, которая к воротам несколько поднимается по уровню и идет в гору. Слой, таким образом, является подсыпкой. В слое найдены две монеты: на лицевой стороне голова льва, на обратной стороне – звезда. Датируются 350 г. до н.э. [17, табл. XXXV,12].

Все встреченные в слое фрагменты относятся к формам керамики, бытовавшим в V-IV вв. до н.э. [16, табл. XXII,43,45; XXI,38,39; V,14а; VI,17б; IX,22]. Это хиосские амфоры с колпачковыми ножками, амфоры круга Фасоса, фасосские с яйцевидным корпусом, херсонесские и гераклейские, встречен фрагмент лесбосской амфоры V в. до н.э. Наибольший процент находок падает на гераклейские амфоры и ионийскую тонкостенную керамику[4]. Слой лежит на скале, понижающейся к югу уступом и повышающейся к воротам. Слои на участке совпадают по уровням с аналогичного времени слоями, исследованными с наружной стороны передовой стены в 1948 г. экспедицией Государственного исторического музея под руководством Н.В. Пятышевой.

Таким образом, напластования под фундаментом средневековой передовой стены представляют естественно накопившиеся слои, видимо связанные с ремонтами дорожного покрытия и устройством дороги к воротам. Возведение передовой стены античного времени связано со слоями I-II вв. Эта дата подтверждается обильным материалом этого же времени из скопления, образовавшегося от сброса мусора со стены. В составе глиняной забутовки протейхизмы были найдены фрагменты краснолаковой посуды I-II вв. и монета императора Нерона. Изученные напластования и кладка передовой стены указывают, что во II в. н.э. уровень перибола совпадал или был лишь немного выше уровня порогов склепов № 1013 и 1014.

[4] Об ионийской керамике в Херсонесе и современных проблемах ее интерпретации см.: 10, с. 267-274 – *А.В. Буйских*.

Наблюдения во время ремонта южной стены склепа № 1013

Как упоминалось, вскоре после раскопок склеп № 1013 разрушился и был восстановлен вновь. Фотография времени раскопок показывает восстановленный склеп, освобожденный от заклада проем ворот, еще не укрепленный железными балками и с не реконструированной калиткой со сводом. Слева видна засыпь перибола, еще не удаленная раскопками (рис. 10). В отчете о раскопках, опубликованном в ИАК, имеется интересная деталь. Склеп сфотографирован до разрушения [20, с. 1, рис. 1]. Плиты, сохранившиеся на уровне входа, представляют крупные отесанные плиты и не согласуются с указанием на то, что наружная кладка была бутовой, сложенной насухо. Скорее всего, судя по снимку, ко времени раскопок плиты внешней облицовки упали или были удалены. Само устройство склепа предполагало лицевую чистую кладку. Кладка стен состояла из двух панцирей. Ниши, выпиленные в блоках внутренней кладки в западной и южной стенах склепа, были сквозными, и в случае, если бы кладка наружного панциря была бутовой, бут просматривался бы в нишах (рис. 11). Кроме того, стена могла состоять только из двух панцирей без забутовки, т.к. для последней нет места, нижние ряды кладки не перекладывались. Забутовку имела только южная стена, испытывавшая большую нагрузку (рис. 12). Из этого снимка легко уяснить характер разрушения погребального сооружения. Шатровое перекрытие, недостаточно высокое, чтобы опираться на верх боковых стенок, сильно работало на распор и должно было иметь мощную опору. Склеп № 1014, находящийся рядом, не обрушался. Этому способствовали размеры камеры. Значительно более узкая по ширине, она давала возможность иного распределения нагрузок перекрытия стены. Интересно обратить внимание на неоднократное упоминание об использовании штукатурки для отделки внутренних помещений и известкового раствора для скрепления плит. Закономерен вопрос: почему внутренняя поверхность закреплялась на растворе, а наружная кладка производилась из бутового камня насухо?

Фотография склепа до разрушения, опубликованная в ИАК, помогает восстановить уровень наземной и подземной кладки стен склепа. Видимо, обрушение произошло в связи с тем, что был почти на 1,0 м ниже наземной кладки удален грунт от испытывавшей наибольшую нагрузку боковой южной стены. Нам кажется реалистичным предположение, что дневная поверхность времени сооружения склепов II в. н.э. находилась на уровне входных проемов в склепы, т.е. на 1,3 м ниже, а не на уровне их верхних площадок, мнение о чем прочно утвердилось в литературе.

Кроме уже высказанных наблюдений, характеризующих устройство и характер разрушения склепа № 1013, приведем другие соображения, заставляющие высказанное предположение считать единственно верным.

1. Уровень входа в склепы совпадает с уровнями первых веков н.э. на перемычке в периболе, раскопанной А.М. Гилевич в 1958 г. [12, с. 24-29], и еще более

убедительно он совпадает с уровнем II в. н.э. в цитадели. При этом уровень в цитадели прочно зафиксирован раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1906 г. [24, с. 63], К.Э. Гриневича в 1926-1928 гг. [15, с. 114 сл.], В.В. Борисовой в 1958-1959 гг. [7, с. 45-54] и автором во время раскопок терм [3, с. 392; 8, с. 288].

2. Во время раскопок было установлено, что проем ворот оказался заложен, как отмечает в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинич, «штучным чисто тесаным камнем с рустиками, имитирующими кладку стены» [20, с. 9]. Один ряд этой кладки не был вынут при освобождении проема ворот и дает представление о кладке (рис. 10). Естественно считать, что имитировать рустованные блоки имеет смысл только в наземной кладке и абсолютно бессмысленно для кладки, скрытой в толще земли, если предполагать существующей искусственную засыпь перибола.

3. В склепе № 1013 было произведено 21 захоронение, в № 1014 – 16 захоронений [4, с. 112]. Однако ни у одного склепа не было обнаружено ни малейших признаков дромоса или хода сверху. Отнести это за счет невнимательности при раскопках нельзя, так как грабительский ход к склепу № 1014 по рыхлой земле был отмечен К.К. Косцюшко-Валюжиничем [20, с. 22-23].

4. Во время аварийных работ по восстановлению склепа в 1970 г. было проведено углубление и выемка грунта между столбами, поддерживавшими плиты перекрытия северной половины склепа. Сверху на полу был прослежен слой отеса камня толщиной в 0,2 м. В этом слое был найден полукруглый камень, вынутый из свода ниши. Камень был вытесан, по-видимому, из 5-й ниши северной стены, т.к. именно к ней он подходил по диаметру. Часть его с левой стороны была отбита, ширина основания свода, судя по изгибу, 24-25 см. Это обстоятельство указывает, что оттеска камня и устройство погребальных ниш производились на месте. Вряд ли это было возможно при условии устройства внутренней камеры на глубине 1,5 м.

5. Во время раскопок Государственного исторического музея Н.В. Пятышевой установлено, что фундамент склепа стоит на скале. Под юго-западным углом склепа скала понижается на 0,8 м против современного уровня [27, с. 74], под юго-восточным – несколько глубже. Естественно утверждать, что сооружению, находящемуся под землей, мощный фундамент, покоящийся на скале, не нужен. До скалы не доведен, как мы видели, даже фундамент передовой стены.

6. Уровень так называемого «римского яруса» не может быть определен нижней ступенью площадки склепа и потому, что нижний уступ малой № 1014 гробницы по уровню на 0,6 м ниже нижней ступени склепа № 1013, а расстояние между гробницами всего 3 м.

7. Убедительный материал, противоречащий гипотезе искусственной засыпи перибола и указывающий уровень перибола в первые века н.э., дали раскопки 15-й куртины, проведенные К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1898 г. при обнаружении могил у строящегося здания монастырской гостиницы

и в 1904 г. В 1898 г. были открыты гробницы №№ 1009, 1010, 1011. Для нашей темы важным является открытие водосточного канала через стену в перибол. В результате сопоставления уровней исследователь пришел к выводу: «Эта труба (водоотводная через оборонительную стену – *И.А.*), сложенная одновременно с оборонительной стеной, указывает древний уровень местности, так как канал шел в скале открыто, а, следовательно, гробницы, сложенные из тесаных камней и украшенные стелами, стояли незасыпанными, и образовавшийся над ними в течение многих веков слой земли и камня до 5 аршин толщины, является следствием частых обвалов оборонительной стены, наносов, растительных наслоений и, главным образом, следствием сваливания в византийскую эпоху за городскую стену всевозможных отбросов…» [19, л. 23]. Эта реалистическая и правомерная точка зрения через год была коренным образом изменена. Попытка объяснить характер кладки склепа № 1013 привела к появлению гипотезы искусственной засыпи перибола. Но, будучи кропотливым и тщательно фиксирующим находки исследователем, К.К. Косцюшко-Валюжинич, вернувшись к исследованию участка 15-й куртины в 1904 г., подробно описывает могилы №№ 1532, 1533, 1534, лежащие в 3 яруса. Первый – ниже уровня выводного отверстия сточного канала в стене – содержал могилу из 10 черепиц с фабричной эмблемой орла на дельфине (IV в. до н.э.). Второй ярус – гробница, стоящая на описанной, предположительно связываемая по набору инвентаря с захоронением коропласта, может быть датирована светильником со штампованным изображением орла с венком в клюве II в. [11, с. 313, табл. XXXIII], стеклянными бальзамариями. Третий ярус – могила, обложенная плитами высотой 0,54 м, датируется III в. Таким образом, могилы первых веков были выше уровня IV-III вв. до н.э. не более чем на 1 м.

Гробницы №№ 1536, 1537, 1545, 1551 представляли собой пирамидальной формы ступенчатые сооружения, всегда возводившиеся на уровне дневной поверхности для наружного осмотра. Все они датируются временем после I в. н.э. [23, с. 49]. Они выше уровня водоотводного канала IV-III вв. до н.э. на 1,0-1,1 м. Все перечисленные захоронения убедительно показывают постепенное повышение уровня перибола и отмечают горизонт дневной поверхности I-II вв. н.э. на уровне порогов склепов №№ 1013 и 1014.

Интересным является еще одно наблюдение. Обрушение склепа открыло участок оборонительной стены с так называемой раскреповкой: часть стены, длиной около 16 м, вынесена за общую плоскость оборонительной стены на 0,1 м. Границы выноса подчеркнуты с обеих сторон вертикальными швами (рис. 13). На этом участке на одинаковом расстоянии кладка стены имеет 4 вытесанных парных углубления со скошенным под углом 45^0 нижним краем и закругленными боковыми сторонами. К.Э. Гриневич предполагает, «не являются ли эти вырезы частью бывшей здесь когда-то линии зубцов, которыми обычно заканчивались античные оборонительные стены» [14, с. 16, 19].

Ничто не дает нам оснований видеть в них «венчающую вершину линии обороны», как предполагал К.Э. Гриневич. Более реальным может быть предположение о существовании здесь опускаемых навесных деревянных площадок, поддерживающий брус которых упирался в нижнюю квадратную выемку. В безопасное время боевые площадки поднимались, уходя в выемку в стене. Аналогичные устройства известны в крепостном строительстве. Вероятно, площадки как-то компенсировали продиктованную рельефом необходимость постановки XIV башни не с правой, а с левой стороны от ворот, в связи с чем нападающие были обращены к башне защищенной щитом стороной.

***

В ноябре 1971 г. в связи с работами по укреплению 17-й куртины и передовой стены против нее, а также башни XV, возникла необходимость определить глубину заложения фундаментов башни и передовой стены. С этой целью были сделаны два шурфа вдоль передовой стены напротив XVI башни и вдоль юго-восточной стены башни XV. При этом выявлено следующее.

На глубине 0,8-1,0 м от современного уровня перибола обильно проступают грунтовые воды. Кладка круглой башни XV опускается ниже современного уровня перибола и последнего ряда фундамента прямоугольной башни XV средневекового времени на 1,2 м. Система чередования ложковых блоков и тычков в рядах нарушена. По размерам и характеру блоки отличаются от выше лежащих рядов круглой башни XV, единодушно отнесенной исследователями ко II в. н.э. Четко читается цоколь башни. Дать объяснение характеру кладки нижних рядов башни на современном уровне изучения затруднительно. Допустимы три предположения.

Первое – башня XV стоит на склоне древнего оврага. Следуя рельефу, уровень рядов лицевой кладки на западной ее стороне выше, а на восточной опускается значительно ниже. С этим предположением не увязываются два факта: уровень порога калитки в цитадель у XVI башни на 1,2 м выше уровня открытых шурфом рядов XV круглой башни. Калитка в куртине возведена одновременно с 19-й куртиной в конце III в. до н.э. Второе – цоколь башни XVI, одновременной основной линии оборонительных стен, на 0,6 м выше открытого цокольного ряда круглой башни XV. Расстояние между башнями 30 м. Следует учесть, что башня XVI стоит на противоположном восточном склоне оврага. Второе предположение имеет реальную основу, но требует проверки дополнительными исследованиями.

Третье предположение также имеет убедительное основание. Нижние ряды являются основанием круглой башни, которая была возведена после постройки так называемой цитадели для поддержки башни XVII (Зенона). Неодновременность круглой башни XV основной оборонительной линии неоспоримо доказана и очевидна. Возведение 19-й куртины на три четверти закрыло башню XVI, резко ослабив ее боевое значение. Новая башня XVII, на которую возлагалась

оборона цитадели и всей напольной стороны юго-восточного участка херсонесской крепости, оказалась без противолежащей ей башни, что делало ее уязвимой для нападения. С целью облегчения ее защиты возводится круглая башня XV. Место, на котором поставлена башня, было единственно возможным для этой цели. Куртина 16 после постройки башни оказалась неравномерно поделенной на 16-ю (40 м) и 17-ю (30 м). А.Л. Бертье-Делагард предполагал, что круглая башня XV возведена для того, чтобы разделить оказавшуюся слишком длинной 16-ю куртину [6, с. 142]. Но это предположение не может быть принято. Общая длина 16-й куртины до постройки башни XV – 70 м. Длина соседней 19-й куртины – 90 м и она в течение всего времени боевой службы никогда не разделялась.

Шурф вдоль передовой стены против башни XVI вскрыл кладку передовой стены античного времени на глине, опущенную ниже современной поверхности перибола, соответствующей порогу калитки III-II вв. до н.э. в 19-й куртине, всего на 0,6 м ниже, т.е. не имеющей глубокого фундамента. Мы видим повторение правила и на этом участке. На уровне нижнего ряда кладки в передовой стене имеется дренажное отверстие для пропуска вод, текших по тальвегу балки к морю. Подобные отверстия для стока есть и в других местах передовой оборонительной стены против 19-й куртины.

Слои в бортах обоих шурфов не носят характера субструкции, а выглядят как относительно аморфная засыпь. В верхнем слое на глубину 0,1-0,6 м археологический материал датируется III-II вв. до н.э. В нижнем слое на глубине 0,6-1,0 м состав находок хронологически однороден и характеризуется фрагментами амфор, бытовавших в IV-III вв. до н.э. Это первый тип херсонесских амфор, относящихся к IV в. до н.э. Обращает внимание большое количество обломков этих амфор и наличие среди них керамического брака и остатков печины. Это наводит на мысль, что размещение печей в первых веках н.э. у 17-й куртины следовало какой-то старой традиции. Такое толкование не может, однако, быть абсолютно правильным, так как пониженную часть оврага у стен могли засыпать керамическим браком и с целью выравнивания участка у оборонительных стен.

Основные выводы

1. Передовая оборонительная стена – протейхизма – в Херсонесе возведена в конце I – начале II вв. одновременно на западном и на юго-восточном флангах и, по всей видимости, по всему периметру оборонительных стен, не исключая южной. На всем протяжении она имела много общих конструктивных особенностей: толщина 1,2-1,4 м, постановка с учетом рельефа, укрепление контрфорсами и перпендикулярными к стене короткими отрезками, использование в кладке больших необработанных камней, скрепление их глиняным раствором.

2. Возведением протейхизмы была значительно повышена эффективность оборонительных сооружений Херсонеса: был создан закрытый от противника плацдарм для быстрой переброски войск и накопления их в

нужном месте; оборона выдвижением дополнительной боевой линии приобрела большую глубину, усилились возможности обстрела противника; стала более защищенной от таранов главная оборонительная линия и значительно труднее доступ к наиболее уязвимым местам обороны – воротам. Создана дополнительная линия стрельбы.

3. Сопоставление направленности проемов ворот IV в. до н.э. в так называемой древнейшей стене[5] и в стене IV-III вв. до н.э. с разворотом их к юго-западу, перенесение ворот в I-II вв. н.э. к XII и XIII башням, сплошная цепочка керамических мастерских от башни XVII по восточному склону балки заставляет думать о том, что первоначально дорога в Херсонес шла вдоль западного склона нынешней Карантинной балки, и ведущие в Портовый район ворота были скрыты за башней XIV. Лишь позже, видимо в средневековую эпоху, дорога в Херсонес была проложена с восточного склона балки.

4. Склепы №№ 1013 и 1014 были не подземными, а наземными сооружениями, и вход в них отмечает уровень дневной поверхности I-II вв. н.э., хорошо подтвержденный раскопками как в самом периболе, так и в примыкающих к нему участках городской застройки.

5. Возведение передовой стены вызвало необходимость повышения уровня главной оборонительной линии и башен. Римский ярус кладки является не подошвой стены в это время, а ее верхом.

6. Широкое использование перибола для захоронений (особенно в западном районе), различного рода хозяйственных сооружений (печи у 17-й куртины) свидетельствует об еще недостаточно осознанных оборонительных возможностях этого фортификационного нововведения. Этот вывод подтверждают сохранение *pomerium* – боевой улицы в городе, которая застраивается лишь в IX-X вв., и довольно позднее перенесение водоводов в перибол.

7. Высота передовой стены в юго-восточном районе увеличивалась постепенно вследствие больших наносов с внешней стороны протейхизмы, т.к. здесь стена перегораживала русло обширной балки, протянувшейся на 3 км с падением уровней до 70 м по высоте. Не менее двух раз предпринимались капитальные перестройки протейхизмы в V-VI и IX-X вв. При этом в юго-восточном районе каждое новое строительство использовало ранее возведенную стену, наращивая и расширяя ее. На западном фланге передовая стена X в. была размещена ниже по склону возвышенности, отступив от античной протейхизмы на расстояние от 1 до 3 м. Вскрытая раскопками разных лет передовая стена в юго-восточном районе является не фундаментом передовой стены, уровень которой отмечен калиткой «Д», а кладкой ее наземной части, высота которой в течение длительного времени с I-II по X вв. постоянным наращиванием увеличивалась в связи с повышением уровня земли в перегороженной

[5] О т.н. древнейшей стене и обоснование ее иной интерпретации см.: 9, с. 147-148.

в устьевой части Карантинной балке. Аналогичная и постоянная достройка в высоту осуществлялась на главной оборонительной линии. Следует отметить, что ничего подобного мы не видим на участке западных оборонительных стен, где главная и передовая линии были размещены в верхней части склона.

Каталог надгробий, вынутых из кладки протейхизмы[6]

1. Эдикульный пьедестал надгробия (рис. 14,*1*). Выс. 0,33 м, шир. 0,61 м, толщ. 0,56 м. В центре лицевой стороны глубокая прямоугольная ниша (0,27х0,25х0,15 м), обрамленная пилястрами (0,27х0,04 м). Капители дорического ордера профилированы врезными линиями. Карниз профилирован в виде массивной полочки. Его выступающая над нишей часть имеет пять хорошо выраженных антефиксов. Цоколь пьедестала профилирован полочкой и обратной выкружкой. На верхней горизонтальной поверхности имеется прямоугольный паз для крепления стелы (0,35х0,20х0,12 м). В правом заднем углу глубокая трещина. В свое время она, видимо, была скреплена пироном, т.к. на верхней плоскости видны довольно четкие следы углубления в виде «ласточкина хвоста». Углы пьедестала и левая пилястра сбиты. Памятник выполнен из мелкозернистого гладкоотесанного известняка сарматского яруса, желтого теплого оттенка.

2. Фрагмент архитрава монументального надгробия. Выс. 0,31 м, шир. 0,52 м, толщ. 0,26 м. Ясно заметна трехчастность архитрава, где средняя фасция выполнена более широкой и в нее врезан ленточный фриз. Фриз, судя по аналогиям, мог быть расписан. Часть, которая лежит выше архитрава, в данном случае выражена в виде небольшой полочки, завершающей блок. Архитектурные обломы фрагмента аналогичны обломам блоков этого типа, найденных в башне Зенона и куртине № 20. Верхняя и нижняя стороны обработаны тщательно, боковые и задняя стороны – грубо. Памятник выполнен из известняка сарматского яруса.

3. Эдикульный пьедестал надгробия. Выс. 0,28 м, шир. 0,75 м, толщ. 0,44 м. В центре лицевой грани глубокая прямоугольная ниша (0,21х0,29х0,12 м), обрамленная пилястрами (0,21х0,04х0,005 м) с капителями дорического ордера. Капители профилированы врезными линиями. Карниз профилирован в виде массивной полочки, цоколь – в виде полочки и обратной выкружки. На верхней горизонтальной поверхности имеется прямоугольный паз для крепления стелы, размерами 0,23х0,15х0,11 м. Левая пилястра и нижняя часть правой отбиты. Карниз определяется с трудом. Поверхность камня очень повреждена, выветрена, слоится. Постамент выполнен из известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

[6] 21 надгробие разной степени сохранности было оставлено в кладке протейхизмы [1, опись в конце отчета] – *А.В. Буйских*.

4. Эдикульный пьедестал надгробия (рис. 14,*2*). Выс. 0,34 м, шир. 0,64 м, толщ. 0,48 м. В центре лицевой стороны глубокая прямоугольная ниша (0,21х0,25х0,10 м), обрамленная пилястрами (0,20-0,04 м). Капители дорического ордера профилированы врезными линиями. Карниз профилирован в виде полочки. Непосредственно над нишей роль карниза выполняет выступающая часть в виде прямоугольного блока. Цоколь пьедестала профилирован полочкой и обратной выкружкой. На верхней горизонтальной поверхности имеется прямоугольный паз для крепления стелы (0,21х0,15х0,09 м). На лицевой стороне сбит левый верхний угол и верхняя часть правой пилястры с капителью. Верхние грани (кроме лицевой) сбиты. Постамент выполнен из известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка. Поверхность камня очень выветрена, слоится.

5. Фрагмент монументального надгробия (рис. 14,*3*). Выс. 0,26 м, шир. 0,71 м, толщ. 0,36 м. Блок имеет прямоугольную форму. По фасаду полоса дентикул (0,03х0,018 м). Над ней скошенный карниз (сбит по всей ширине). Правая и задняя стороны блока сбиты. На левой боковой стороне видны следы обработки в виде длинных широких полос. Эта грубая обработка частична, доходит только до выступа карниза. Возможно, эта часть не была видна. Верхняя горизонтальная сторона блока более узкая, чем карниз (толщ. 0,21 м), имеет у тыльной грани глубокую нишу (0,11х0,12х0,07 м) левее от центра. Ниша, видимо, была предназначена для пирона. Фрагмент выполнен из мелкозернистого известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

6. Нижняя часть стелы с рельефным изображением драпировки (рис. 14,*4*). Выс. 0,51-0,58 м, шир. 0,36 м, толщ. 0,15 м. Судя по плоскостности рельефа и заполненности всего пространства лицевой стороны стелы, это изображение ткани или плаща, перекинутого через что-либо. Изображение драпировки заканчивается на расстоянии 0,06 м от нижней грани. Основание стелы грубо сбито (шип отсутствует). Аналогичных среди херсонесских стел нет. Памятник выполнен из мелкозернистого известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

7. Воинское надгробие (рис. 14,*5*). Выс. 0,81 м, шир. 0,32-0,36 м, толщ. 0,16 м. Нижняя часть надгробия с изображением портупеи и меча. Композиция стандартная. Стела явно приспособлена для вторичного использования в качестве строительного блока. На это указывают тщательно обработанные верхняя и нижняя горизонтальные стороны (видны следы обработки). Следов шипа для установки на постаменте не наблюдается. Верхняя часть меча также тщательно стесана. Памятник выполнен из известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

8. Надгробие в виде миниатюрного стилизованного храма с эдикульным фасадом (рис. 14,*6*). Выс. 0,67 м, шир. 0,53 м, толщ. 0,365 м. Прямоугольная ниша (0,41х0,39х0,09 м) имеет углубление (0,34х0,23х0,10 м) с контуром

в виде антропоморфа. В этом углублении на известковом растворе были закреплены куски черепицы, расположенные в одной плоскости. Обрамляющие нишу пилястры имеют размеры 0,38х0,03-0,07х0,06 м. Внешние грани пилястра сочетаются с боковыми сторонам надгробия, выступая над ними на 0,003 м. Пилястры венчают дорические капители, профилированные врезными линиями. Антаблемент, высотой 0,12 м, разделен поясом на две части, профилированным врезными линиями. Еще один пояс над навесающим карнизом, ширина 0,02 м. Памятник венчает фронтон, высотой 0,07 м. Боковые карнизы фронтона профилированы узким поясом (0,05 м). На правой боковой стороне имеется шип, размером 0,12х0,04х0,02 м. Верхняя часть фронтона и нижние части пилястр сбиты. Надгробие выполнено из мелкозернистого гладкоотесанного известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

9. Надгробие в виде миниатюрного стилизованного храма с эдикульным фасадом (рис. 15,*1*). Выс. 0,585 м, шир. 0,52 м, толщ. 0,30 м. Высота, ширина и глубина ниши – 0,34х0,19х0,21 м. Эдикула не стандартна. Ее боковые стенки оформлены в виде неправильного четвертного вала, скошенного книзу. Причем, внутренняя стена ниши и боковые стенки обработаны очень грубо. Возможно, они были закрыты антропоморфом. Ниша обрамлена пилястрами (0,34х0,035 м), ширина внутренней грани – 0,05 м. Они частично сбиты. Дорические капители профилированы врезными линиями. Антаблемент профилирован рядом дентикул (выс. 0,03 м), имеет фриз (выс. 0,025 м) и архитрав (выс. 0,035 м) с двумя фасциями. Памятник венчает фронтон (выс. 0,13 м) с тремя крупными по краям и центру акротериями (макс. выс. 0,075 м, верх сбит). Фронтон не горизонтален, а скошен к тыльной стороне, где видны следы обработки. В центре тимпана – четырехлепестковая рельефная розетка (диам. 0,10 м, выс. рельефа 0,01 м). Боковые стороны, украшенные дисковидными рельефными розетками (диам. 0,10 м, выс. рельефа 0,04 м), имеют ряд дентикул. Архитрав доходит до капителей и по боковым сторонам не идет дальше их. Низ надгробия сбит. Памятник выполнен из мелкозернистого известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

10. Надгробная стела (рис. 15,*2*). Выс. без шипа 1,145 м, шир. 0,55 м, толщ. 0,36 м. В верхней части лицевой стороны имеется прямоугольное углубление (0,23х0,09х0,035 м) для вставки с надписью. Карниз сохранился частично только на лицевой стороне стелы. Его профиль не определяется (возможно, массивный пояс, ширина 0,10 м). Под ним узкий полувалик. Судя по остаткам, на верхней горизонтальной плоскости стела имела акротерий (сбит полностью). Шип для крепления на постаменте имеет выс. 0,19 м, шир. 0,50 м, толщ. 0,34 м. Цоколь профилирован полочками, двумя большими и двумя маленькими поочередно. На лицевой стороне цоколь поврежден. Левый передний угол шипа сбит. Памятник выполнен из мелкозернистого гладкоотесанного известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

11. Надгробная стела (рис. 15,*3*). Выс. без шипа 0,91 м, шир. 0,43 м, толщ. 0,20 м. Нижняя часть высокой стелы без изображения. Цоколь (выс. 0,098 м) профилирован узкой полочкой и обратным каблучком. Имеется шип для крепления на постаменте (выс. 0,135 м). Верхняя часть стелы отбита. Левый лицевой угол и левая сторона цоколя отбиты. Памятник выполнен из известняка сарматского яруса.

12. Эдикульный пьедестал надгробия (рис. 15,*4*). Выс. 0,34 м, шир. 0,66 м, толщ. 0,52 м. В центре лицевой стороны глубокая прямоугольная ниша (0,20х0,26х0,08 м), которая была обрамлена пилястрами. Весь портал и карниз сбиты, профиль не определяется. Цоколь пьедестала профилирован полочкой и обратной выкружкой. На верхней горизонтальной поверхности имеется прямоугольный паз для крепления стелы (0,23х0,15х0,09 м). Левая боковая сторона почти наполовину имеет завершенную профилировку. Вторая половина стороны гладкая. Возможно, к ней вплотную примыкал другой пьедестал. Задний угол сбит. Постамент выполнен из мелкозернистого гладкоотесанного известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка.

13. Фрагмент монументального надгробия (рис. 15,*5*). Выс. 0,10 м, шир. 0,29 м, толщ. 0,13-0,19 м. Карниз, полоса дентикул и часть архитрава. На верхней горизонтальной поверхности остатки двух акротериев, третий сбит специально, видны следы инструмента. На карнизе остатки красной краски. Под ним узкая полочка, далее полоса миниатюрных сухариков (выс. 0,01 м, шир. 0,07 м). Архитрав из двух фасций (выс. 0,035 м). Тыльная сторона прямоугольно вырезана, часть сбита. На нижней горизонтальной поверхности следы обработки. Фрагмент выполнен из известняка сарматского яруса.

14. Фрагмент колонны (рис. 15,*6*). Выс. 0,085 м, диам. 0,095 м. База и часть ствола миниатюрной колонны, видимо, для надгробного памятника (выс. базы 0,05 м). Колонна каннелирована. В центре нижней поверхности базы квадратное отверстие для крепления. По вертикали сбита меньшая половина. Фрагмент выполнен из известняка сарматского яруса.

15. Надгробие в виде эдикулы (рис. 15,*7*). Выс. 0,314 м, шир. 0,235 м, толщ. 0,16 м. Ниша очень глубокая (0,189х0,07х0,13 м), обрамлена антами. Размеры антов[7] – выс. 0,18 м, шир. снизу – 0,053 м, вверху – 0,038 м. Капители (выс. 0,036 м) дорические, профилированы врезными линиями. Ниша увенчана фронтоном (выс. 0,07 м) с тремя акротериями (макс. выс. 0,025 м), которые продолжаются по верху памятника в виде гребня сходящего на нет. Фронтон плоский, слегка нависает над архитравом. Тыльная сторона надгробия закруглена. Она, как и задняя половина боковых стен, обработана грубо. Правая стенка ант отбита. Памятник выполнен из известняка сарматского яруса, желтоватого теплого оттенка. Найден в передовой стене напротив 17-й куртины.

[7] В оригинале – пилястр – *А.В. Буйских*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова И.А. Отчет о раскопках античной протейхизмы в Юго-Восточном районе Херсонеса. 1970-71 гг. // НА ИА НАНУ. 1970-71/104.
2. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. 7.
3. Антонова И.А., Аркадова Л.А. Раскопки римской цитадели в 1971 г. // АО 1971 года. М., 1972.
4. Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // ХСб. 1927. Вып. 2.
5. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
6. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
7. Борисова В.В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3.
8. Борисова В.В. Раскопки римской цитадели в Херсонеса // АО 1968 года. М., 1969.
9. Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. IX.
10. Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12.
11. Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
12. Гилевич А.М. Раскопки участка перибола у 17 куртины оборонительных стен Херсонеса // СХМ. 1960. Вып. 1.
13. Гриневич К.Э. Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу. Севастополь, 1926.
14. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1927. Вып. 2.
15. Гриневич К.Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. // Крым. 1929. № 1(3).
16. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83.
17. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16.
18. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914-2005 гг.) // МАИЭТ. 2009. Suppl. 6.
19. [Косцюшко-Валюжинич К.К.] Продолжение разведок некрополя, открытого осенью 1896 г. у Карантинной бухты. 1897 // НА НЗХТ. Д. 55.
20. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. 1901. Вып. 1.
21. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 г. СПб., 1902.
22. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20.
23. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
24. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 г. СПб., 1909.
25. Пятышева Н.В. Отчет о раскопках ГИМа в Херсонесе в 1946 году // НА НЗХТ. Д. 575/1.
26. Пятышева Н.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // НА НЗХТ. Д. 732/1.
27. Пятышева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
28. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63.

Антонова І. А.

Про дослідження в періболі біля 16-ї куртини у Херсонесі в 1970-1971 рр.

Резюме

Стаття підготовлена до друку А.В. Буйських на підставі детального звіту Інни Анатоліївни Антонової (1928-2000) про результати досліджень, проведених нею в періболі проти 16-ї куртини південно-східної лінії оборони Херсонеса. Звіт було написано як повністю завершену наукову статтю, текст приведений в авторській редакції і забезпечений коментарями.

Розгляд матеріалу дозволив авторові дійти наступних висновків. Передова оборонна стіна – протейхізма – в Херсонесі було зведено наприкінці I – початку II ст. Її зведення спрямоване на значне підвищення ефективності оборонних споруд міста.

Спочатку дорога до Херсонеса йшла уздовж західного схилу нинішньої Карантинної балки, і ворота, що ведуть до Портового району, були приховані за баштою XIV. Лише пізніше, мабуть за середньовічної доби, дорога до Херсонеса була прокладена зі східного схилу балки.

Склепи №№ 1013 і 1014 були не підземними, а наземними спорудами, і вхід до них відзначає рівень денної поверхні I-II ст. н.е.

Зведення передової стіни викликало необхідність підвищення рівня головної оборонної лінії і башт. Римський ярус кладки є не підошвою стіни в цей час, а її верхом.

Широке використання перібола для поховань і різного роду господарських споруд свідчить про ще недостатньо усвідомлені оборонні можливості цього фортифікаційного нововведення. Це підтверджується і збереженням *pomerium* – бойової вулиці в місті, яка забудовується лише в IX-X ст., і досить пізнім перенесенням водоводів до періболу.

Текст статті доповнює каталог надгробків, які було вийнято з кладки протейхізми.

Антонова И. А.

Об исследованиях в периболе у 16-й куртины в Херсонесе в 1970-1971 гг.

Резюме

Статья подготовлена к печати А.В. Буйских на основании подробнейшего отчета Инны Анатольевны Антоновой (1928-2000) о результатах исследований, проведенных ею в периболе против 16-й куртины юго-восточной оборонительной линии Херсонеса. Отчет был написан как вполне законченная научная статья, текст приведен в авторской редакции и снабжен комментариями.

Рассмотрение материала позволило автору прийти к следующим выводам. Передовая оборонительная стена – протейхизма – в Херсонесе возведена в конце I – начале II вв. Ее возведением была значительно повышена эффективность оборонительных сооружений города.

Первоначально дорога в Херсонес шла вдоль западного склона нынешней Каран-

тинной балки, и ведущие в Портовый район ворота были скрыты за башней XIV. Лишь позже, видимо в средневековую эпоху, дорога в Херсонес была проложена с восточного склона балки.

Склепы №№ 1013 и 1014 были не подземными, а наземными сооружениями, и вход в них отмечает уровень дневной поверхности I-II вв. н.э.

Возведение передовой стены вызвало необходимость повышения уровня главной оборонительной линии и башен. Римский ярус кладки является не подошвой стены в это время, а ее верхом.

Широкое использование перибола для захоронений и различного рода хозяйственных сооружений свидетельствуют об еще недостаточно осознанных оборонительных возможностях этого фортификационного нововведения. Это подтверждается и сохранением *pomerium* – боевой улицы в городе, которая застраивается лишь в IX-X вв., и довольно поздним перенесением водоводов в перибол.

Текст статьи дополняет каталог надгробий, вынутых из кладки протейхизмы.

Antonova I. A.

On Research of Peribolos at Curtain Wall N 16 in Chersonesos in 1970-1971

Summary

The article is prepared for publication by A.V. Buyskikh on the basis of the detailed report of Inna Anatoljevna Antonova (1928-2000) on the results of research undertaken by her in peribolos opposite curtain wall N 16 of the south-eastern defence line of Chersonesos. The report was written as a completed scientific article; the text is given in author's editing and provided with commentaries.

Having examined the material the author came to the following conclusions: the frontline defence wall – proteichisma – in Chersonesos was built at the end of the 1st – the beginning of the 2nd centuries. Its construction considerably increased the effectiveness of defence buildings of the city.

Originally the road to Chersonesos went along the western slope of the present day Quarantine gully, and the gates leading to the Port district were hidden behind tower XIV. Only later, perhaps in the medieval epoch, the road to Chersonesos was laid from the eastern slope of the gully.

Vaults N 1013 and No 1014 were not underground, they were constructions on the surface; entrance into them mark the level of day surface dating to the 1st – 2nd centuries AD.

The erection of the front wall caused the necessity to increase the level of the main defence line and towers. Roman tier of layer is not the foot of the wall at that time but the top of it.

Wide use of peribolos for burials and different household constructions testify to the fact that the defence capacities of this fortification innovation were not known. It is substantiated by preservation of *pomerium* – a military street in the city which was built-up only in the 9th – 10th centuries; water pipes were transposed into peribolos later.

The text of the article is completed with the catalogue of tomb stones that were taken out from layer of proteichisma.

Рис. 1. Передовая стена против 16-й куртины. Снимок 1926 г. [НА НЗХТ, нег. № 2224].

Рис. 2. Шурф С.Ф. Стржелецкого 1957 г. на месте шурфа Н.В. Пятышевой 1948 г. Вид с запада.

Рис. 3. Ранняя передовая стена. Поворот стены под прямым углом и яма с наружной стороны.

Рис. 4. Античная передовая стена, не совпадающая по направлению со средневековой протейхизмой.

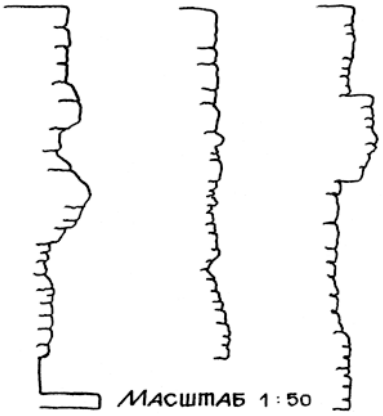

Рис. 5. Разрез через протейхизму I-II – IX-X вв.

Рис. 6. Надгробные памятники, использованные в кладке ранней передовой стены. Общий вид западного участка стены.

Рис. 7. Первый от башни XV[1] контрфорс, ширину которого составляют две стены, впущенные в кладку протейхизмы.

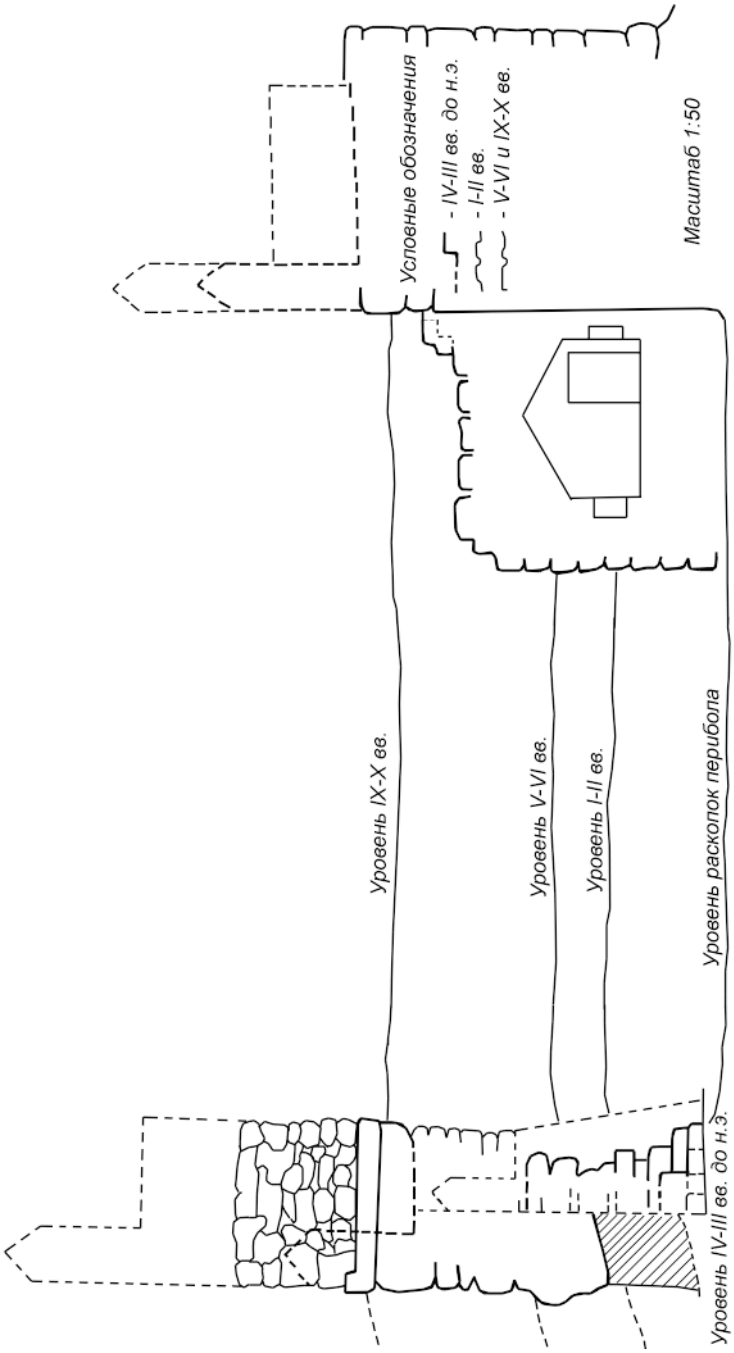

Рис. 8. Схема повышения стен в связи с наносами в балке.

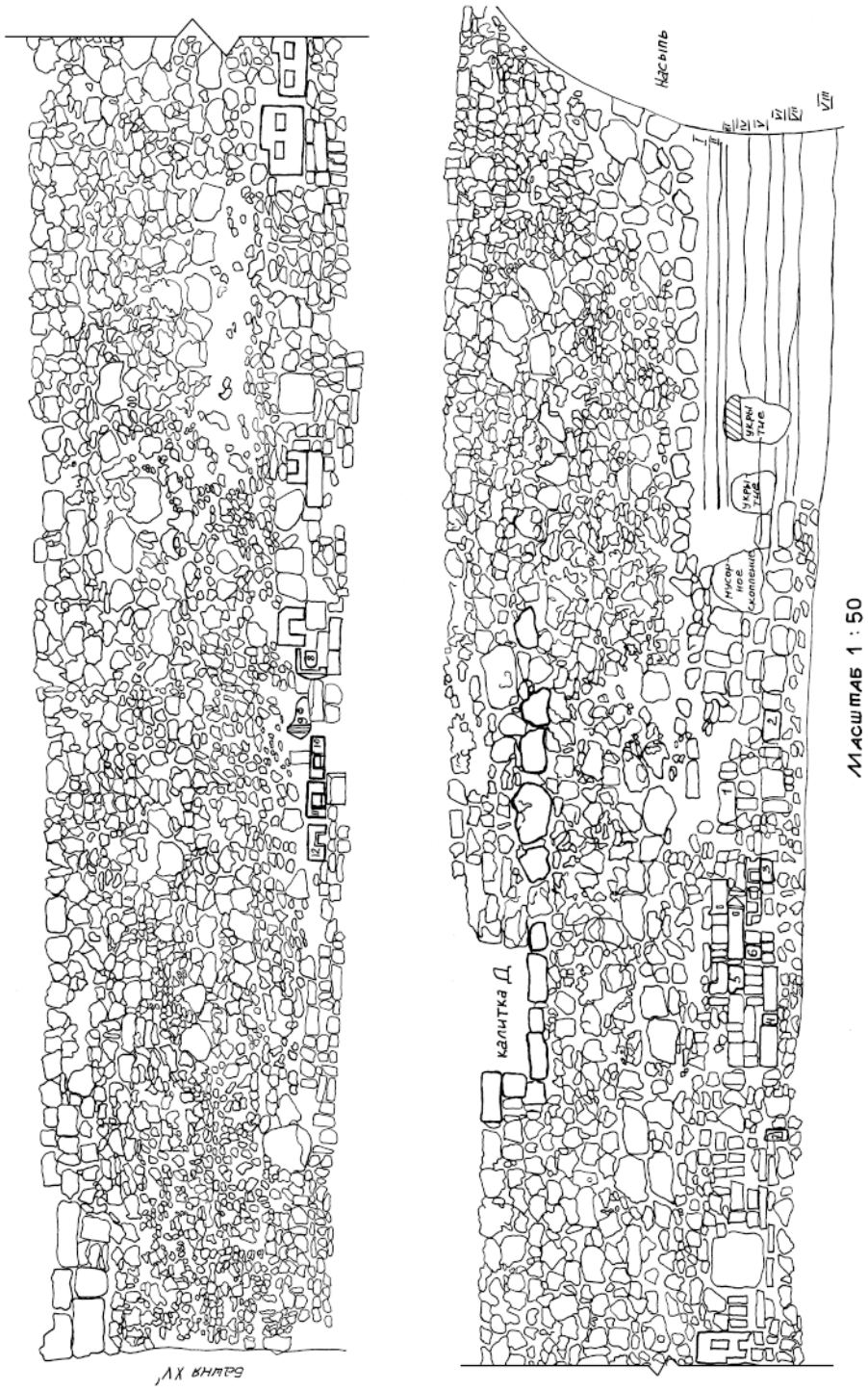

Рис. 9. Фасировка протейхизмы между XIV и XV[1] башнями.

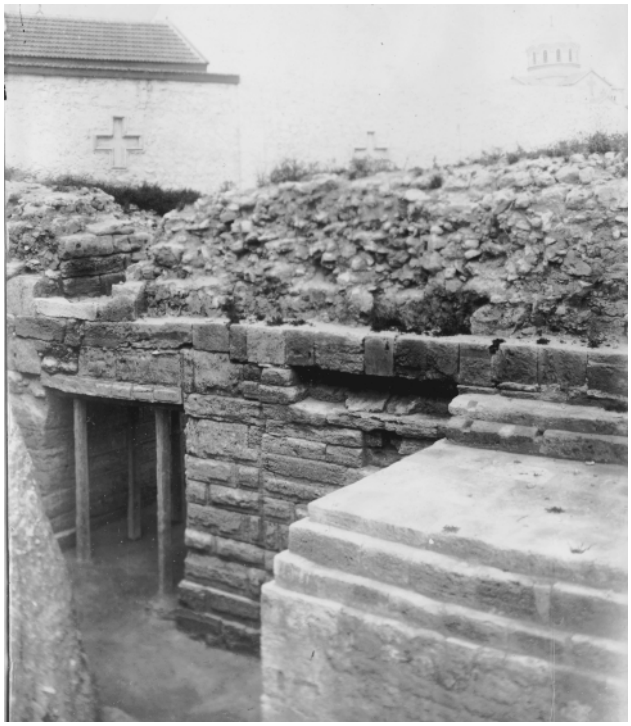

Рис. 10. Юго-восточные ворота. Вид снаружи после раскопок. Снято при К.К. Косцюшко-Валюжиниче. Склеп № 1013. Слева – засыпь перибола, еще не удаленная раскопками [НА НЗХТ, нег. № 10956].

Рис. 11. Внутренняя сторона западной стены склепа № 1013 с нишей.

Рис. 12. Наружная сторона южной стены склепа № 1013 в процессе реставрации.

Рис. 13. Раскреповка наружной стороны 16-й куртины. Виден левый вертикальный шов.

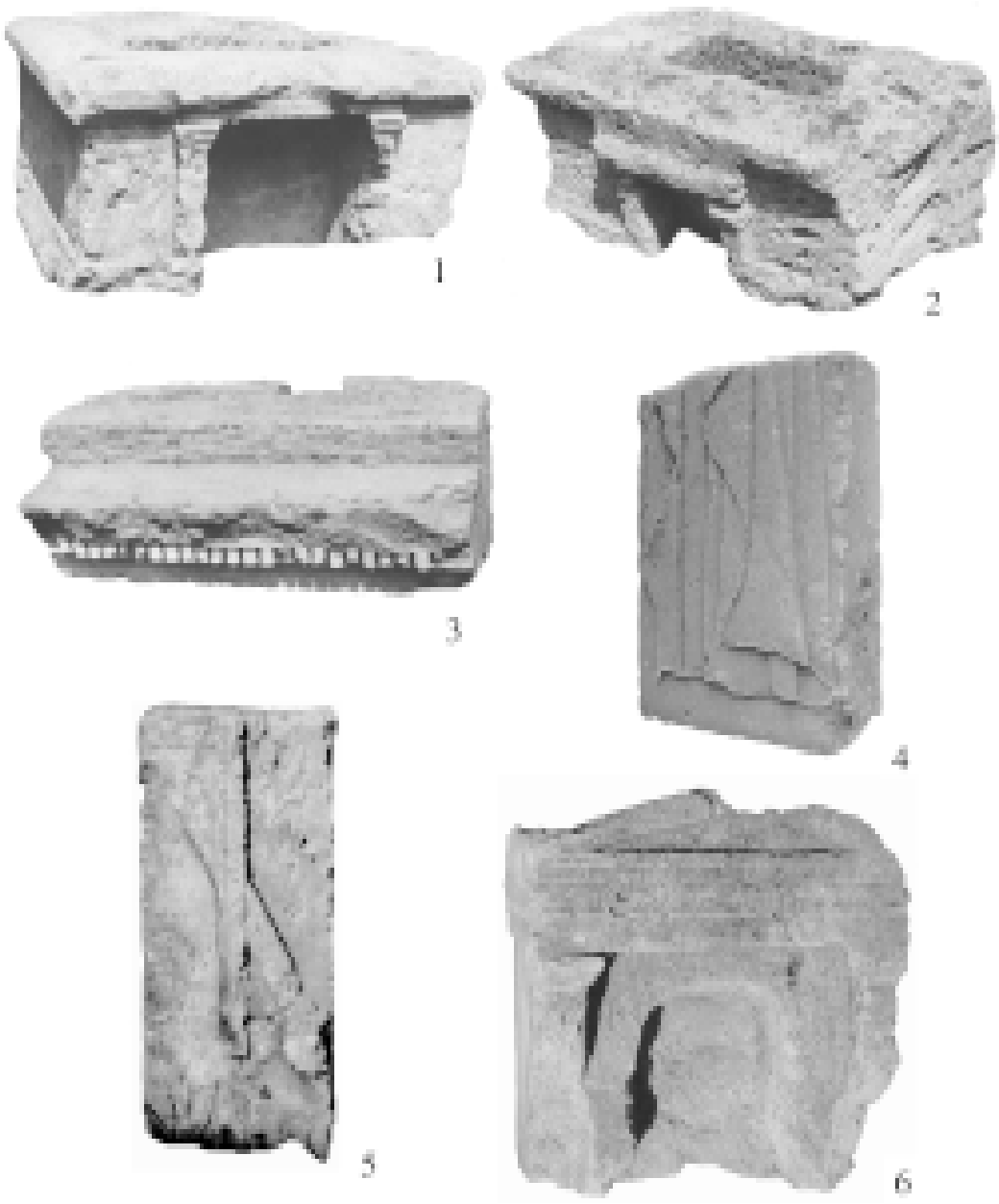

Рис. 14. Надгробия, извлеченные из протейхизмы:
1 – № 9; 2 – № 10; 3 – № 11; 4 – № 12; 5 – № 13; 6 – № 14; 7 – № 15.

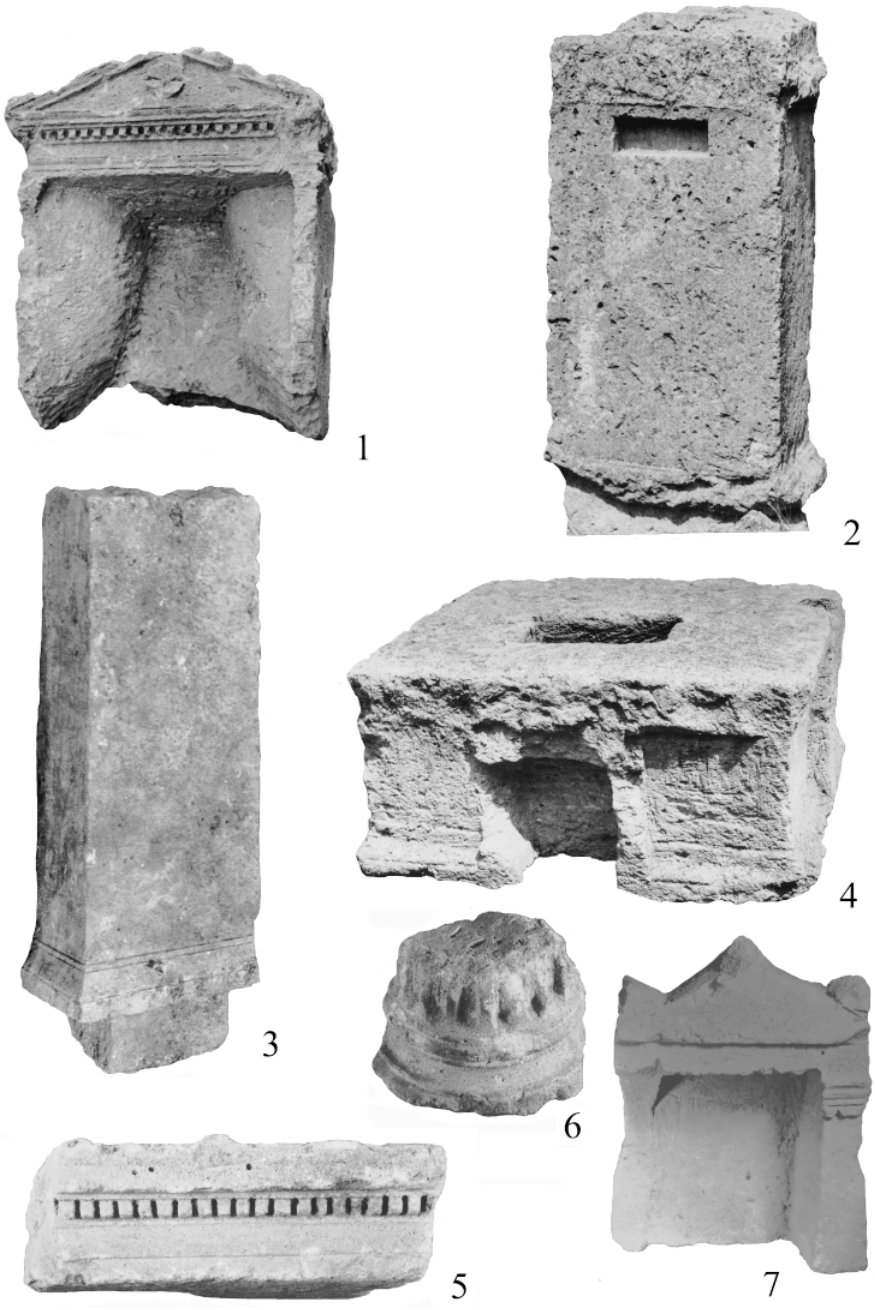

Рис. 15. Надгробия, извлеченные из протейхизмы:
1 – № 1; 2 – № 4; 3 – № 5; 4 – № 6; 5 – № 7; 6 – № 8.

Н. И. ХРАПУНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРЫМУ СТИВЕНА ГРЕЛЛЕТА

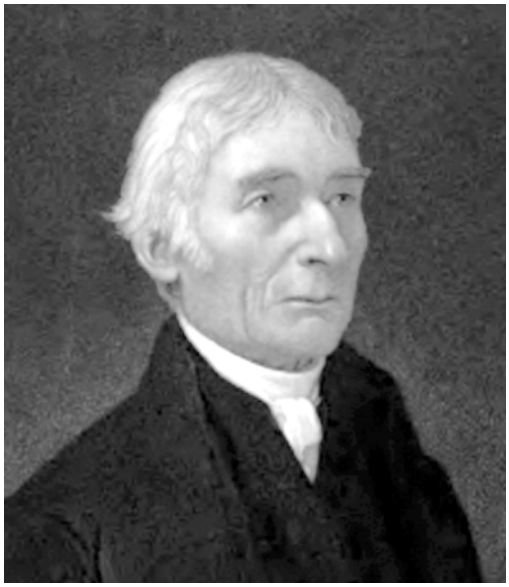

Рис. 1. Портрет Стивена Греллета по изданию 1860 г. Гравер Дж. Сартин.

6 июня 1819 г. размеренный быт обитателей караимского городка Чуфут-кале был нарушен. В середине дня на плато, где жили караимы, поднялась группа из нескольких человек в иностранной одежде. Вел ее полицейский – татарин. Путешественники говорили между собой по-французски, бывший с ними поляк повторял их слова по-русски для полицейского, а тот переводил караимам. Иностранцы выразили желание увидеть караимского священника и, по его приглашению, прошли в одну из синагог. Вскоре здесь собрались многие жители города, привлеченные экзотическим зрелищем. Иностранцы желали узнать подробности караимского вероучения, а затем стали убеждать собравшихся в верности христианской доктрины. Речь их была наполнена богословскими дефинициями и искусными толкованиями Библии. Неизвестно, насколько смысл сказанного доходил до караимов, не теряясь при двойном (и непрофессиональном) переводе, но, кажется, обе стороны получали удовольствие от беседы. Неторопливый разговор на возвышенную тематику продолжался несколько часов. Расстались они друзьями, причем иностранцы вынесли из разговора убеждение в том, что заставили караимского «первосвященника» задуматься над тем, что

Христос – мессия, о пришествии которого говорили ветхозаветные пророки. Что думал по этому поводу сам раввин, осталось неизвестным.

Об этой истории рассказал в своих мемуарах Стивен Греллет (Stephen Grellet, 1773-1855) – человек необычной судьбы. Его родиной была Франция, и там его звали Этьен де Греле дю Мабилье (Étienne de Grellet du Mabillier). Впоследствии, переехав за океан, он изменил свое имя на англосаксонский лад. Отец его был канцлером при дворе Людовика XVI. Окончив военное училище в Лионе, молодой Греллет стал телохранителем его величества. Будучи приговорен к смерти во время революции, Греллет покинул Родину и, перебравшись в североамериканские Штаты, примкнул к секте квакеров. «Общество друзей» возникло в Англии в середине XVII в. Квакерами, или «трепещущими» (от английского «quake» – «дрожать, трястись, трепетать») их прозвали из-за призыва первых лидеров: «трепещите пред словом Господа!» [ср.: Исайя 66: 5]. Развивавшее идеи реформации квакерство стремилось очистить религию от внешних форм, обрядов и догм, и наполнить ее внутренним, «духовным» содержанием. Квакеры отказались от церковных обрядов и таинств, не имели церквей и духовенства, осуждали насилие и войны, призывали к смягчению общественных нравов, занимались миссионерством, считали необходимым повсеместное распространение церковного образования, были активными благотворителями. На Греллета большое впечатление произвели труды известного квакера Уильяма Пенна. В 1796 г. Греллет вступает в члены «Общества друзей» и начинает серию поездок по Северной Америке и Европе, связанных с его активной общественной деятельностью.

Греллет занимался самыми разными проектами: боролся за пенитенциарную реформу в Великобритании и против рабства в Североамериканских Штатах, был проповедником и миссионером, пытался увеличить роль квакеров в жизни всего общества. Он побывал во многих странах Европы, встречался с королями Испании и Пруссии, императором Александром I и папой Пием VII. Особый интерес Греллета, помимо религиозной ситуации в стране пребывания, вызывали тюрьмы, больницы, помощь бедным, народное образование.

В Россию Греллет приехал в 1818 г. по приглашению императора Александра I, с которым познакомился в Лондоне за четыре года до того. Прожив некоторое время в Петербурге, он решает совершить поездку по югу России. Греллета заинтересовали русские секты, возникшие из стремления к обновлению православия, – молокане, духоборцы, а также колонии немецких протестантов в Крыму и на реке Молочной. В их учении он увидел много общего с учением квакеров. В Крыму квакер провел две недели в июне 1819 г. Надо думать, покровительство Александра Греллету объясняется не только общим мистическим настроем и религиозными интересами императора, или тем, что он поддерживал проекты квакеров по облегчению условий тюремного заключения и введению школ так называемой «Белл-Ланкастерской системы»,

когда учитель занимается со старшими учениками, а те – с младшими [1, с. 761-769]. По всей вероятности, Александр рассматривал христианское миссионерство как один из способов просвещения и интеграции мусульманских подданных в структуру империи. Об этом говорит история шотландских проповедников на Кавказе и в Крыму, пользовавшихся поддержкой императора [2]. В свою очередь, квакеры стремились создавать и использовать для пропаганды собственного учения связи с монархами, включая даже турецкого султана.

Итак, в начале XIX в. в России ведется активная миссионерская деятельность, которую поддерживало правительство, но вдохновителями и участниками ее были в основном британцы. Помимо распространения печатных библий и проповедей, миссионеры занимались благотворительностью, создавали школы и больницы для новообращенных. В частности, «Лондонское Общество по распространению христианства среди евреев» раздавало иудаистам переведенный на иврит Новый завет [3]. На юге России проповедовали упомянутые выше шотландские миссионеры из Карраса, ныне это поселок Иноземцево в Ставропольском крае [4, p. 28-30; также: 5, p. 446-454]. Им даже удалось обратить в христианство потомка династии Гиреев А.И. Крым-Гирея Кати-Гирея [2], который археологам известен как первооткрыватель Неаполя Скифского.

В 1813 г. в Петербурге создается Библейское общество, имевшее целью распространение печатных Библий среди нехристианских подданных империи [6]. Вдохновителем этой затеи было британское Библейское общество, действовавшее с похожими целями в масштабах всего мира, покровителем – российский император. В 1815 г. отделение Российского библейского общества открывается в крымской Феодосии. Оно занималось распространением Библий среди татар и «евреев» (караимов?) и пользовалось покровительством губернатора. В Англии думали, что Общество достигло больших успехов [7, p. 117], однако побывавший в Крыму британский миссионер Э. Хендерсон куда более скептичен [5, p. 373]. В 1816 г. «Библейское общество» было открыто и в Симферополе. Впоследствии А.И. Крым-Гирей устроил здесь школу для татар, где обучение велось по христианскому Священному писанию [7, p. 343].

С 1816 г. в селении Карагоз (ныне Первомайское в Кировском районе Крыма) жили какие-то британские миссионеры, занимавшиеся не только проповедями, но и лечением местных жителей и другой благотворительностью. Об их деятельности известно из сочинения М. Хоулдернесс [8], принимавшей участие в этом предприятии. В 1821 г. по поручению Шотландского миссионерского общества в Бахчисарай прибыли доктор богословия Росс и священник Дж.Дж. Каррадерз [7, p. 28]. С последним в 1822 г. встречался британский путешественник Р. Лайалл. По его словам, Каррадерзу вроде бы удалось обратить «многих» татар [9, p. 275-276]. Таким образом, поездку Греллета стоит рассматривать как одно из проявлений активной миссионерской деятельности представителей западноевропейских церквей в Рос-

сии в правление Александра I. Удивительно, но в Крыму Греллет, судя по его мемуарам, с другими миссионерами не встречался.

Пожалуй, лучшим, да и основным, источником сведений о жизни и деятельности Греллета являются «Воспоминания о жизни и евангелических трудах Стивена Греллета» [10; 11], на которых основаны биографии квакера [12; 13]. Русской историографии о Греллете известно крайне мало. О его пребывании в Петербурге рассказывает А.Н. Пыпин со слов английского исследователя Дж. Каннингема, который в свою очередь использовал мемуары самого Греллета [1]. И.Т. Осинин опубликовал перевод отрывков из воспоминаний Греллета о России, опустив при этом их «крымскую» часть [14]. Пожалуй, лучшее исследование творчества Греллета на русском языке принадлежит К.П. Грушко, который не ограничился биографией проповедника и библиографией (которую собрал в сносках). Исследователь указал на ряд важнейших особенностей риторики Греллета, его словаря и мировоззрения, отразившихся в его текстах, без понимания которого невозможны ни понимание самого Греллета, ни перевод его трудов [15; 16].

Помещенные в крымский контекст, записки Греллета становятся важным источником для исследования истории и этнографии полуострова. Автор довольно обстоятельно рассказывает о религиозных общинах Крыма в начале XIX в., причем интересуют его конфессиональные меньшинства – римские католики, протестанты, молокане, караимы. В этих учениях он видел много общего с квакерством, а потому рассматривал их как потенциальную аудиторию для своей проповеди.

Сочинение Греллета являет собой нехарактерный для пишущих о Крыме иностранцев пример восприятия действительности через призму искреннего религиозного чувства и миссионерской деятельности. В этом отношении оно является важным источником для изучения пока совершенно неразработанной темы символической географии[1] Крымского полуострова.

Проблема возникновения («конструирования») представлений европейцев о Крыме как о культурно-историческом феномене, мифологизации и

[1] Поскольку данное исследовательское направление знакомо не всем читателям МАИЭТ, позволю себе вкратце объяснить, о чем, собственно, речь. В качестве исследовательского направления, символическая география рассматривает регионы и другие географические объекты как культурные целостности. Исследователя интересует не объективная ситуация в регионе, но то, как на нее смотрели пришельцы извне – путешественники, исследователи, философы, возникающие у них стереотипы, комплексы, парадигмы. Иначе говоря, данный метод исследует восприятие пространства, порожденное определенными текстами, изображениями и способами мышления. Примером такого анализа может быть работа Э.В. Саида, разбирающая представление о Востоке в западной культуре. По его мнению, Восток – это не объективное явление, а стереотип, порожденный европейским колониальным воображением и популяризованный академическим востоковедением и сочинениями путешественников и литераторов [17].

трансформации этих идей в русской и украинской литературе фактически не рассматривается. Иногда исследователи признают ее существование [18, с. 163-164], но этим дело и ограничивается.

Присоединение Крыма к Российской империи сделало его доступным для иностранцев. Европейские дипломаты бывали тут и во времена Крымского ханства, но центром «массового паломничества» полуостров стал уже после российского завоевания. Одни иностранцы появлялись здесь по долгу службы, другие – из любопытства, ведь туризм в это время становится важной частью культуры высших классов европейского общества. Путешественники понимали, что полуостров резко отличался от других районов империи природой, разнообразием этнических типов, яркими памятниками античной и средневековой культуры, наследием Крымского ханства. Изданные после поездок сочинения формировали общественное мнение о Крыме в эпоху, когда путеводители еще только зарождались как жанр, а исторические и этнографические работы зачастую имели вид травелогов. Не будет большим преувеличением сказать, что вплоть до Восточной войны 1853-1856 гг. наиболее популярными источниками сведений о полуострове были опубликованные на рубеже XVIII-XIX вв. книги Э.Д. Кларка [19, p. 97-320], П.С. Палласа [20] и М. Гатри [21]. Если образ Крыма в русской общественной мысли конца XVIII в. исследован в монографии А.Л. Зорина [22, с. 95-122], то его отражение в сочинениях европейцев толком не изучалось. Некоторые предварительные наброски можно отыскать у Л. Вулфа, рассматривавшего полуостров как составную часть «Восточной Европы», образ который сформировался, по мнению исследователя, в XVIII в. [23]. Ряд статей опубликовали зарубежные коллеги [24–27]. Для такого рода исследований Греллет интересен как носитель определенного мировоззрения.

Он, конечно, не единственный религиозный деятель, оставивший описание полуострова в начале XIX в. Как уже говорилось выше, в это время здесь побывали шотландский миссионер Хендерсон [5, p. 288-379] и британка Хоулдернесс, судя по тексту мемуаров, связанная с какими-то проповедниками, однако ее записки носят подчеркнуто светский характер [8, p. 89-316]. Одним из основных интересов Греллета было изучение возможностей для квакерской проповеди в России, в особенности там, где почва для нее подготовлена протестантами. Если в Петербурге его занимали пенитенциарные учреждения и встреча с властями, то в Крыму – общение не столько с администрацией, сколько с рядовыми подданными империи. Соответствующие записи и стали основой его крымских дневников. В них он предпочитает рассказы о евангельской проповеди, молитве и дискуссии на религиозные темы рассказам о древних памятниках, столь обычным у других путешественников, или природных красотах. Искренняя вера автора и его убежденность в правоте своих слов не могут не вызвать уважения и симпатии – но иногда его слова чересчур наивны. Так, сложно поверить, что проповедь в татарской школе где-то в херсонских степях,

да еще и с помощью двойного перевода, вызвала у учеников, а главное – у их наставника тот прилив энтузиазма, о котором говорит Греллет [10, p. 459]. Скорее, возникшая взаимная симпатия объясняются как раз тем, что собеседники не вполне понимали друг друга. Нынешнему читателю может показаться комичным торжественное описание религиозного диспута с караимами, который также велся при посредстве двух переводчиков [10, p. 464-466]. Вряд ли толкователям-непрофессионалам, один из которых к тому же не был христианином, удавалось передать все тонкости аргументации в споре о библейских пророчествах. Когда караимский священник затруднился с ответом на очередное толкование Греллета, что квакер воспринял как доказательство собственной правоты, это могло означать не поражение в споре, а то, что он попросту не понял каких-то слов… Впрочем, о недостаточной образованности караимских раввинов в это время писали и другие, в частности, шотландец Дж. Уэбстер [28, p. 81], так что, возможно, в этих словах есть доля правды.

Греллет создает свой образ Крыма, отдельными свойствами напоминающий колониальный Восток. Из его слов создается впечатление, что даже наиболее близкие ему в религиозном плане жители Крыма мало способны к самостоятельному духовному развитию и совершенствованию. Для получения истинного религиозного знания или его сохранения им требуется помощь извне – не хватает священников и книг, проповедей и истолкований. Отсюда, по-видимому, такая искренняя готовность слушать Греллетову проповедь и у протестантов, и у католиков, и у караимов, и у мусульман. Взглядам же крымчан нередко свойственна наивность и простота. Сам же автор предстает как добрый и отзывчивый учитель, который относится к окружающим чаще как к детям, чем как к равным себе. Получается, что представители разных народов и вероисповеданий нуждаются в духовной опеке – мнение, характерное для европейцев в отношении Востока [17, с. 55].

Важным представляется то обстоятельство, что Греллетовы записи – это дневник, который автор не готовил к печати. Таким образом, он объективно выражает то, что тот видел и чувствовал. Что путевые заметки при подготовке к печати могли приобретать четко выраженную идеологическую окраску, видно, например, из сравнения «русской» части многотомных «Путешествий» Э.Д. Кларка [19] с его письмами из России [29, p. 265-307].

Итак, мемуары Греллета разнообразят имеющийся в нашем распоряжении корпус свидетельств иностранцев о Крыме начала XIX в. Отмечу, что сколько-нибудь развернутой его источниковедческой характеристики пока не создано. Фактически, источниковедческий анализ закончился на статье В.И. Равдоникаса, разобравшего значение травелогов для изучения «пещерных городов» в Крыму [30, с. 7-19]. Предпринимавшиеся в дальнейшем попытки характеристики травелогов как своеобразной группы источников о Крыме формальны и никак не могут считаться удовлетворительными [31, с. 514-519].

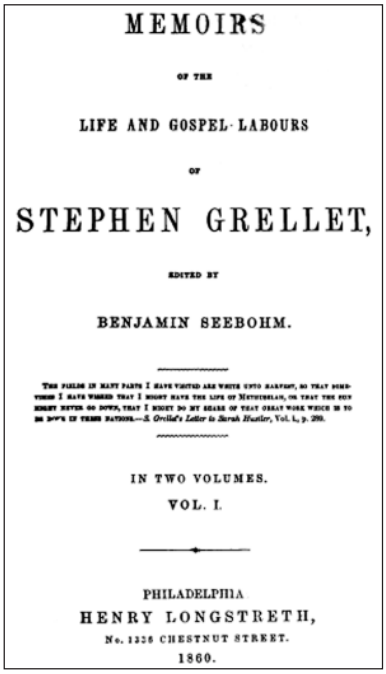
В целом украинские и российские исследователи предпочитают использовать травелоги прежде всего как источник для изучения конкретной темы [32; 33], не задумываясь о комплексном анализе всей группы источников. Возможно, неразработанность теоретических вопросов источникового анализа травелогов связана с тем, что значительная их часть является библиографической редкостью. Это очень разнообразные стилистически и жанрово документы, нередко имеющие внутренние связи между собой, написанные людьми с разной мотивацией и разными идеологическими установками, которые не только сообщают самые разнообразные сведения о полуострове, его природе, этнографии, истории и археологии, но также позволяют реконструировать формировавшийся здесь образ Российской империи. В связи с этим, предлагаемый перевод «крымских отрывков» из дневника Греллета поможет коллегам, которые возьмутся за подготовку обобщающей работы о сочинениях иностранцев в Крыму, а также вызовет определенный интерес у историков и этнографов, специализирующихся на изучении полуострова.

«Воспоминания» о Греллете (а точнее, воспоминания самого Греллета) были изданы уже после его смерти, под редакцией другого квакера Бенжамина Сибома (1798-1871) [о нем: 34, pp. 169-171; 35, s. v. Seebohm, Benjamin]. Книга представляет собой упорядоченные фрагменты документов, написанных самим Греллетом (дневниковые записи, письма), которые редактор разделил на главы. В тех случаях, когда Сибом хотел сократить написанное Греллетом, или считал нужным предуведомить, пояснить или подытожить сказанное, он дополнил текст отрывками собственного сочинения. Первые главы, рассказывающие о юности Греллета, почти целиком написаны редактором. Тексты, не принадлежавшие перу Греллета, выделены с помощью увеличенного шрифта. Любопытно, что дневники Греллета изданы по-английски. При этом по его собственным словам, в России он общался в основном по-французски, да и себя называл «французом». Однако английский для него – это язык квакерской религии, использование которого необходимо для проповеднической деятельности [16].

Отрывки из «Воспоминаний» уже публиковались в русском переводе [14], который, однако, неполон (в частности, выпущена «крымская» часть), и, кроме того, не выдерживает критики именно как перевод [16]. Предметом настоящей публикации является та часть «Воспоминаний», где речь идет о Крыме и его жителях, которая может служить источником сведений по истории полуострова и его обитателей. Это конец 32 и вся 33 глава оригинального текста. Перевод выполнен по первому изданию книги [10, pp. 441, 458-472]. *Курсивом* выделены фрагменты, принадлежащие перу редактора – Сибома. Отмеченное звездочкой (*) примечание принадлежит редактору мемуаров, Сибому, а примечания под арабскими цифрами – переводчику. Номера страниц в оригинальном издании приводятся в угловых скобках <> перед началом каждой страницы. В таких же скобках приводятся топонимы, этнонимы, имена людей

в написании Греллета по оригинальному изданию. В переводе топонимика дана в современном написании.

В оригинальном издании обильно цитируется Библия – как в виде прямых цитат, так и коннотаций. Очевидно, это так называемая «Библия квакера» (Quaker Bible) – английский перевод Священного писания, выполненный в 1764 г. Энтони Первером [36]. Насколько мне известно, особой квакерской Библии на русском языке не существует, потому оставалось лишь воспользоваться Синодальным переводом Библии – по лондонскому изданию [37]. Там, где явные и скрытые отсылки к Библии восстанавливаются достаточно уверенно, прежде всего исходя из терминологических заимствований из «Библии квакера», я счел возможность привести ссылки на Синодальную Библию, тем самым косвенно поясняя мотивы того или иного переводческого решения.

MEMOIRS

OF THE

LIFE AND GOSPEL LABOURS

OF

STEPHEN GRELLET,

EDITED BY

BENJAMIN SEEBOHM.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

PHILADELPHIA

HENRY LONGSTRETH,

No. 1326 CHESTNUT STREET.

1860.

Рис. 2. Титульный лист «Мемуаров Стивена Греллета». 1860 г.

В заключение хотел бы поблагодарить коллег – Д.В. Конкина и Д.А. Прохорова за ряд важных замечаний и предложений, высказанных при обсуждении данной работы, а также И.С. Мартынюка за его всегда любезную готовность помочь советом или литературой.

Воспоминания о жизни и евангелических трудах Стивена Греллета, под редакцией Бенджамина Сибома

<P. 441>

ГЛАВА XXXII

Третья поездка в Европу.
Россия. Екатеринослав. Меннониты. Молокане. Духоборцы. Перекоп. Симферополь.

Теперь перед ними лежал долгий и трудный путь на юг. Задержавшись на определенное время в некоторых городах, лежавших на их пути, они посетили немецкие колонии меннонитов на левом берегу Молочной, провели некоторое время у истинных христиан – молокан и в соседнем селении духоборцев, а затем переправились через Степь <Steppe>[2] из Альтоны, последней твердыни

[2] Сибом пишет это слово с заглавной буквы, воспринимая его как географическое название. Сам же Греллет более аккуратен в этом отношении [10, p. 458].

меннонитов, в Перекоп и Крым. Полученные благодаря любезности императора Александра и разных духовных и светских властей в Петербурге рекомендательные письма открывали им дорогу везде, куда они приезжали; «и во дворце, и в тюрьме» Господь продолжал помогать их труду любви[3]*.*

…

<P. 458> В этих краях[4] невозможно взять почтовых лошадей, потому мы наняли одного из меннонитов, чтобы тот на своих лошадях доставил нас в Перекоп <Perekop>. Рано утром 31го <числа пятого месяца[5] 1819 г.>, после торжественной и прочувственной <религиозной> беседы[6] с той семьей, где нас так любезно принимали, и еще несколькими подошедшими людьми, мы отправились в долгий путь через пустыню. Около десятка верст нас сопровождал Контений <Contenius>[7], бывший нам так полезен, а любовь его к нам усиливалась все больше. У начала пустыни мы торжественно распрощались друг с другом с чувством христианской любви. Эта пустыня, или «степь» <stepppe>[8], тянется на всем пути до Перекопа и на большом расстоянии за ним, и вправо, и влево; вода здесь плохая и солоноватая. Появилось несколько озер с соленой водой. В этих степях встречаются большие стада скота, отары овец и множество диких лошадей. Природа щедра к этим животным: хотя воды здесь мало, ночью выпадает обильная роса, так что трава вырастает до значительной высоты; но здесь не увидишь ни единого куста. Летом в изобилии растут дикие арбузы превосходного сорта, которыми наслаждаются и человек, и зверь. То там, то здесь мы проезжали мимо каких-то татарских деревень, но и днем, и ночью мы продолжали оставаться в экипаже. Иногда в дополнении к захваченной с собою провизии мы покупали немного молока. Однажды ночью мы остановились возле небольшой татарской лачуги, в которой отдыхали другие путешественники. Оказалось, что наше общество составляли татары, турки, греки, русские, наш спутник и переводчик – поляк, мой товарищ – англичанин[9], и я – француз.

---

[3] Ср.: 1-е Фессалоникийцам 1: 3.

[4] То есть в окрестностях поселения немцев-меннонитов Альтона <Altona> на реке Молочная, что в современной Запорожской области [10, p. 441, 455].

[5] В соответствии с квакерской традицией, Греллет отказывается употреблять «языческие» названия месяцев и дней недели и называет их по номерам, причем первым днем недели считалось воскресенье.

[6] О значении термина «religious opportunity» в тексте Греллета и о том, как его переводить, см. статью К.П. Грушко [16]. В настоящем переводе во всех случаях в качестве эквивалента употребляется «религиозная беседа».

[7] Ср.: «Здесь <то есть в Екатеринославе – *прим. перев.*> живет Контений, родом из Германии; он говорит также по-французски и по-русски; он – попечитель над колониями немцев, меннонитов, духоборцев и пр., а также крымскими, и является достойным, глубокомысленным человеком» [10, p. 447].

[8] Ср. прим. 2.

[9] Спутником Греллета был англичанин Уильям Аллен (1770-1843), квакер, ученый и филантроп [38; 39].

В этой глуши нас догнал меннонит[10] из Альтоны <Altona>[11], который вез нам письма, прибывшие после нашего отъезда. Одно из них было из Америки, от моей возлюбленной жены; за десять недель оно добралось из Америки в Англию, откуда было отправлено в Петербург, затем в Москву, в Екатеринослав <Ekaterinoslav>[12], затем в некоторые из колоний на Молочной <Moloshnaia>[13], и, наконец, попало ко мне в руки в этой пустыне.

Однажды, когда мы проезжали через большую татарскую деревню <P. 459> и сделали там остановку, чтобы пополнить запасы продовольствия, их вождь <Chief>, говоривший по-русски <Russ>, настойчиво приглашал нас к себе домой. Угостив нас чашкой чая, он сказал, что, если мы останемся на ночь, он зарежет овцу – а это считается у них настоящим пиром. Однако мы не могли принять это любезное предложение. Затем он повел нас в школу, где мы встретили большое количество мальчиков. Их наставник – священник-магометанин. Мальчики сидели, скрестив ноги по восточному обычаю. Они писали камышом, а не перьями, справа налево. Другие читали из Алкорана <Alcoran>. Мы почувствовали необходимость поговорить с ними о великой любви Бога к человеку, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»[14], и прочая, и прочая. Наш поляк переводил сказанное нами на русский, а прислужник – на татарский. Молодые люди и их наставник были глубокомысленны людьми и не раз выражали одобрение, прикладывая руки к груди и поднимая очи горе; они выказали свою к нам любовь, когда мы уходили, а наш любезный хозяин трижды целовал нам руки, а затем прикладывал их к своему лбу.

Затем наш путь лежал обычно в виду Гнилого моря <Putrid Sea>[15]. Мы повстречали несколько стад верблюдов, стаи крупных птиц и несколько больших орлов. В этих степях очень часто встречаются волки, настолько наглые, что иногда нападают на путешественников. Мы проезжали мимо крупного

---

[10] Меннониты – протестанты, последователи учения нидерландского священника Симониса Меннона (1496-1561). Они утверждают свободу личного понимания веры и толкования Библии. Являются сторонниками простой жизни, непротивления и пацифизма. Живут общинами, церковной иерархии не имеют.

[11] См. прим. 4. Название «Альтона», вероятно, происходит от города Альтона недалеко от Гамбурга, ныне ставшего его частью.

[12] Современный Днепропетровск.

[13] На левом берегу реке Молочная (или Молочные воды), в Таврической губернии, находились колонии меннонитов, переселявшихся туда после второго раздела Польши в 1793 г. по протекции Екатерины II, даровавшей им земли и привилегии. В 1801 году был издан указ о переселении духоборцев на правый берег той же реки, которая стала естественной границей между ними и меннонитами.

[14] Иоанн 3:16.

[15] Сиваш. Любопытно, что его название Греллет приводит в английском переводе.

волка, лежавшего на земле вместе с орлом, который, вероятно, напал на него; орлиные когти были почти полностью погружены в спину волка; в схватке этой погибли оба.

После утомительного путешествия через «великую степь» второго числа шестого месяца они достигли Перекопа, где еще раз имели «роскошь как следует помыться в чистой, свежей воде, которой у них не было уже несколько дней». Но, «найдя очень мало того, что могло бы их там задержать», они продолжали свой путь на следующий день, «по-прежнему путешествуя по степи». Они прибыли в Симферополь (Simferopol) около полудня четвертого числа (p. 460) шестого месяца, причем это был первый день после отправки из Або <Abo>[16]*, когда они увидели на расстоянии в две сотни миль «горизонт, ограниченный грядой высоких холмов или гор». Теперь лик этой страны переменился – они находились посреди прекрасного крымского пейзажа.*

<P. 461>

Глава XXXIII.

Третья поездка в Европу

Крым. – Евреи-караимы. – Немецкие и швейцарские колонии. – Возвращение в Перекоп. – Херсон. – Николаев. – Одесса.

…

Прибыв в наиболее привлекательное место в Крыму, Стивен Греллет и его товарищ сразу же вернулись к привычной для них работе. В духе апостола, который, не отвергая ни одного христианского принципа и не принижая евангельские требования, «для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»[17]*, они легко вступали в религиозные беседы со всеми классами и сословиями, встречавшимися на их пути, с богатыми и бедными, «что до них, готовые благовествовать»*[18] *ко всем. С.Г. следующим образом описывает их любопытные труды в тех краях и то, как в Одессе завершилась их поездка в Россию:*

Симферополь, 5ый день шестого месяца. В этом месте находится четыре тысячи жителей, в основном татар и турок; у них есть четыре мечети. Здесь мы обнаружили несколько духовных христиан <Spiritual Christians>, которых здесь называют молоканами <Malakans>[19]. Один из них, приятный и образованный молодой человек, немного говорил по-французски. У них

[16] Шведское название финского города Турку. Греллет был там в конце октября – начале ноября 1818 г. [10, p. 377-382].

[17] Ср.: 1е коринфянам 9:22. В Библии апостол говорит от первого лица, а Сибом перевел английскую фразу в третье.

[18] Ср.: К римлянам 1:15. Здесь также, как и в предыдущем случае (прим. 17) редактором изменено лицо (из первого в третье) и число (из единственного во множественное) по сравнению с библейским текстом.

[19] Молокане – русское религиозное движение, представители которого называли себя «духовными христианами». Название же «молокане» было дано им потому, что они в пост пили моло-

есть Библии и Книги Завета на некоторых восточных языках, но оказалось, что очень немногие магометане желали их прочитать; они станут читать написанные, но не напечатанные книги. <P. 462> Я спросил у одного из молокан, сказавшего, что он некогда был среди духоборцев <Duhobortzi>[20], как он убедился в своих ошибках[21]; он же весьма энергично отвечал, что «В руки мои вложили Библию; я читал ее, но разве можно читать Библию и не убедиться в том, что я находился среди больших заблуждений?» У нас было несколько очень интересных религиозных бесед с этими людьми. Они дали нам те же самые ответы на заданные им вопросы, что и их собратья в Екатеринославе[22]. Они также дали нам много информации в отношении великих гонений, которым они подвергались, пока за них не заступился император Александр[23]. В некоторых отдаленных губерниях его благосклонное о них

ко, однако сами они объясняют его тем, что вкушают «словесное молоко» [1-е Петра 2: 2]. Это движение возникло в середине XVI в. Духовные христиане отвергали церковные таинства, обряды, почитание икон и креста, не строили храмов, концентрируясь на изучении Священного писания. Молоканство – явление разнородное, объединяло несколько направлений, весьма отличавшихся друг от друга (старопостоянные, прыгуны, максимисты, сухие баптисты, субботники).

[20] Духоборцы или духоборы – протестантское течение, возникшее в середине XVIII в. на юге России. Они отвергали всякую обрядность православия, иконы, разные церковные правила и предписания. В начале XIX века по указу Александра I духоборцы были поселены в Таврической губернии.

[21] Хотя воззрения молокан и духоборцев довольно близки между собой и весьма напоминают учение квакеров, духоборцы, однако, не признают Библию в качестве высшего авторитета и считают, что пришествие Христа нужно понимать не в материальном, а в духовном смысле, ведь Христос может воплотиться в каждого верующего. Вероятно, эти взгляды и казались «ошибочными» молоканам и Греллету.

[22] О посещении Екатеринослава и общении с тамошними молоканами Греллет рассказывает в части своих мемуаров, не вошедшей в данный перевод [10, p. 449-452]. Вот что поразило его более всего: «Во всех основных моментах христианской религии: грехопадении человека, спасении Христом через веру, искупительной смерти Христа, его воскрешении, вознесении и прочем, их взгляды очень определенны. Также в отношении действия Святого духа, молитвы, службы, крещения, причастия, обетов, и прочая, и прочая, мы могли бы предположить, что они были основательно знакомы с нашим <т.е. квакерским – *прим. перев.*> религиозным Обществом, но они никогда не слышали ни о нас, ни о других людях, исповедующих ту же веру, что и они сами. Однако в отношении войны их взгляды не так определенны… Священников их утверждают точно также, как и наших, и, подобно нам, они считают единственной и наилучшей им наградой – похвалу драгоценного Спасителя; потому они не получают никакой оплаты… Они обратили наше внимание на огромное различие между ними и духоборцами. Последние отвергают авторитет Писания; они отвергают божественность Господа нашего Иисуса Христа, его жертву за грехи на Голгофе и спасение через веру в него. Есть и третья группа, которая во всех отношениях напоминает духовных христиан, за исключением того, что, подобно евреям, они добросовестно соблюдают седьмой день недели <то есть субботу – *прим. перев.*> и воздерживаются от употребления в пищу свиной плоти и тех животных, которые в Писании названы нечистыми… Молокане… рассеяны по разным районам России от Крыма до Сибири и Кавказских гор…».

[23] Имеется в виду, вероятно, указ 1805 г., прекращавший преследования молокан и давший им свободу вероисповедания. Впоследствии, в 1818 г. Александр распорядился освободить всех духоборцев и доставить их в Крым.

мнение и его указы в их пользу не находят понимания, так что некоторые их семьи до сих пор находятся в ссылке. У нас было несколько экземпляров только что напечатанного Нового Завета на русском языке – их нам доставили в Екатеринослав. Эти люди наслаждались ими; один из них читал другим из Евангелия от Иоанна. Это место, прежде называвшееся Акмечеть <Akmetchet>, расположено у входа в теснину Крыма <narrow neck of the Crimea>. До времени Екатерины в этих краях были многочисленны татары – некогда это был могущественный народ. Так как нам нужно было еще раз пересечь его, мы сочли за лучшее в настоящее время отправиться в дальний конец Полуострова. Секретарь губернатора любезно взял на себя заботу о большей части нашего багажа, который мы не хотели брать с собой.

Рано утром 6го числа шестого месяца мы отправились в Бахчисарай <Baktchiserai>. Страна прекрасна, богата и плодородна, и хорошо возделана; здесь есть очень хорошие виноградники и, на высокой земле, очень высокие деревья. Это очень древний город. Он был столицей старинной Татарии <Tartary>[24], где обычно жили ханы. Расположение его необычно – в глубокой и узкой долине, между двумя высокими холмами, один из них образован мягкими скалами, которым дождь придал разнообразные причудливые формы. В некоторых местах скалы выступают на двадцать или тридцать футов[25] над построенными внизу домами, другие поднимаются перпендикулярно, и в них высечены трехэтажные жилые дома. На улицах не увидишь ни одной женщины <P. 463>, которая не скрывалась бы под толстыми покрывалами, да и те из беднейшего сословия. Мужчины усердно трудятся в лавках, сидя, скрестив ноги, на кусках циновок или ковров. Оказалось, что их основное занятие – это производство разнообразных сафьяновых кож и изготовление из них восточных туфель, которые все здесь носят вместо европейской обуви. Мы наняли офицера полиции, татарина, говорившего на русском <Russian>[26] языке, чем здесь могли похвастать очень немногие, сопровождать нас в «Крепость» <Fortress>[27]. Это место населяют евреи-караимы <Karaite Jews>. Мы пошли пешком, так как экипаж не осилил бы эту дорогу. Узкая долина между двумя высокими холмами тянется около двух верст за пределами города. Выйдя из нее, мы попали в окружение большой группы цыган[28]. Их высокие шатры крыты шкурами. Это почти такой же народ, что и виденные мною в Англии, Швеции и России, за исключением того, что некоторые из них оказались почти

[24] По традиции своего времени Греллет добавляет в слова «Татария» и «татары» букву «р», тем самым связывая их с «Тартаром» греческой мифологии, то есть преисподней.

[25] 1 английский фут = 30,49 см.

[26] В другом месте Греллет употребляет для этого языка слово «Russ» [10, p. 459].

[27] Речь идет о Чуфут-кале. Греллет приводит не оригинальное название, но английский перевод (ср. прим. 15).

[28] Очевидно, путешественники въехали в Салачик – предместье Бахчисарая, где жили цыгане.

черными; говорят, это из-за того, что они подвергаются действию погоды и жаркого солнца, так как дети обычно почти полностью раздеты. Как и другие цыгане, они очень любят музыку. Пройдя еще дальше, наша дорога сузилась, а скалистый холм справа от нас стал выше, и скорее нависал над нами, чем был перпендикулярен. Здесь находится большой греческий <Greek>[29] монастырь, высеченный в скале[30]. Единственная входная дверь находится примерно в тридцати футах над землей. Подъем к ней труден, так что два или три человека смогут оборонять ее от множества воинов. К двери нет иного пути, кроме веревочной лестницы, спущенной сверху для этой цели. Добраться до нее по веревкам с вершины холма невозможно, так как они свисали бы, наверное, в двадцати футах от склонов холма. Раньше тут жило много монахов, но сейчас осталось только трое. Местность вокруг пронизана глубокими, извилистыми пещерами. Некоторые из них тянутся на мили под землей[31]. Заходить в них крайне не безопасно, если только вы не знакомы с их многочисленными изгибами. Предполагают, что во времена преследований, а также и гражданских войн, их использовали в качестве убежищ. Дальше виднеется то, что называлось «Крепостью». К ней ведет крутая и узкая тропа среди скал. Она действительно такая узкая, что преодолеть ее может только один мул или лошадь <P. 464> с грузом кожаных фляг с водой. Мы прошли по ней гуськом. Она <Крепость> имеет вид крепкой стены в шестьдесят-восемьдесят футов высотой – но это сплошная твердая скала. Вход – через железную дверь, ведущую к узкому, петляющему проходу, высеченному до верха той скалы, на которой стоит город. Его населяют евреи-караимы. Вершина простирается на некоторое расстояние. Дома – высотой в два, три или четыре этажа. На окнах имеются заслонки или решетки, так что нельзя увидеть никого из жильцов. Снаружи мы не видели ни одной женщины. Войдя в город, мы присели на рыночной площади, так как были сильно утомлены переходом и палящим солнцем. Через некоторое время несколько человек подошли посмотреть на нас, а вскоре приблизился и их Первосвященник <High Priest>, который пригласил нас пройти в синагогу <synagogue>[32], разговаривая с нами через посредство нашего татарина, который переводил нашему поляку, а тот уже нам. Его звали

[29] То есть православный. Православную церковь Греллет практически всегда именует «греческой», соответственно – священников и обряды.

[30] Монастырь Успения Богородицы, что на окраине Бахчисарая.

[31] Поскольку глубоких естественных пещер в этом месте нет, заманчиво было бы увидеть здесь намек на водосборную галерею, недавно открытую под Чуфут-Кале [40, с. 327-332], тем более, что Греллету не свойственно преувеличивать или фантазировать, но все же, думается, это маловероятно.

[32] В настоящее время крымские караимы называют свои молитвенные дома «кенасами», очевидно для того, чтобы избежать возможных параллелей с евреями. Термин «синагога» использовался ими в литературном языке до конца XIX в.

Исаак Ковиш <Isaac Covish>[33]. Вскоре к нам присоединились другие раввины <Rabbis>[34] и евреи. Поблизости была еще другая синагога, ведь одна не могла вместить их всех. Их около тысячи человек, не считая женщин и детей. Они рассказали нам, что в их записях <Records> есть свидетельства о том, что их предки населяли эту скалу в течение более девяти сотен лет, но, по их традиции, они относят свое появление здесь ко времени похода Тита против Иерусалима[35]. Они сильно отличаются от других евреев. Подобно тому, как поступал этот народ *прежде*, они возделывают землю. У них есть сады, виноградники, пашни и прочее. Они проявляют большую заботу о религиозном и моральном воспитании своих детей. Помимо записанного на пергаменте Закона <Law>, хранящегося в ковчеге, который они нам показали, у них есть напечатанные книги Ветхого завета, причем каждый ребенок имеет свой экземпляр. Там нет ничего, лишь просто Писание – никаких раввинистических добавок, к которым они не присоединяются. Они рассказывали мне, что наши собственные Библия – это очень точная версия их <Писания>. И в Перекопе, и в других местах губернатор и офицеры полиции говорили нам, что поведение этих евреев в высшей степени достойно подражания; им не было известно ни одного случая, когда кого-то из них привлекли бы за проступок любого рода. Очень похожее <P. 465>, насколько мы могли слышать, говорят о молоканах, где бы те ни жили*[36]. Вокруг нас собралось большое количество евреев, и наша беседа приобрела более серьезный характер – <велась она> главным образом с Первосвященником. По его словам, он полностью верил в действия Божественного Духа, и в то, что господь, согласно пророкам, несет явное свидетельство того. Среди прочих пророчеств он упомянул Иоилево[37]. Он также придерживается того мнения, что, если все люди будут соблюдать учение и следовать Духу Святому, не будет разницы между иудеями и язычниками, и все они будут приносить Господу одну и ту же угодную Ему жертву. Ему сказали, что тогда он

[33] У караимов подобная фамилия не встречается. По предположению Д.А. Прохорова, сделанному при обсуждении данной публикации, речь идет об Исааке бен Шеломо (или Исааке Соломоновиче Исаковиче, 1755-1826), который в то время был духовным главой караимов Чуфут-кале. Как полагает исследователь, переводчики Греллета восприняли употреблявшееся у караимов тюркское слово *чауш*, *чавуш* («предводитель») как фамилию этого лица.

[34] Современные караимы обычно называют священнослужителей «гахамами» или «газзанами». Является ли слово «раввин» интерпретацией самого Греллета, услышал он его от переводчика или же от самих караимов – неясно.

[35] Римский полководец Тит Флавий Веспасиан завоевал Иерусалим в сентябре 70 г.н.э.

[*] Согласно Олифанту, евреи-караимы «примечательно и почетно отличаются своей честностью и везде пользуются настолько высокой репутацией, что повсюду в Крыму слово купца-караима считается равным долговой расписке».

[36] Лоренс Олифант ездил по Крыму осенью 1852 года, так что примечание это, по всей вероятности, добавлено Сибомом при подготовке текста к печати, причем он немного изменил цитату, добавив туда «купца-караима» [41, p. 294-295].

[37] В нем обещается специальное излияние Божественного духа перед концом света [Иоиль 2: 28].

должен верить, что пророчество Иоиля теперь исполнилось: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа моего на всякую плоть»[38], и прочая, и прочая, ведь мы живем теперь в эти последнее дни. Это побудило нас говорить о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и о пророчествах в его честь, о том, каким образом он придет, о конце, ради которого они придет, и прочая, и прочая. Среди прочего, сослались на такое свидетельство Писания: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, до-коле не придет Примиритель, и ему покорность народов» – *Бытие* 49: 10. Он хорошо знал, что скипетр был взят у Иуды за некоторое время до разрушения Иерусалима Титом, что затем на землю явился Христос, и что в нем настолько буквально воплотилось все то, что писали о нем пророки, что могло показаться, как будто бы они описывали то, что уже произошло, а не то, что должно было исполниться спустя много веков. В течение долгого времени он пребывал в молчании и размышлении, а затем сказал: «Не знаю, что и сказать»[39]. В дальнейшем мы продолжили серьезный разговор, а во время расставания он пожелал, чтобы мы не забыли посетить некоторых из его людей далее в Крыму, выказав удовлетворение нашим визитом; другие сделали то же самое. <P. 466> Мы расстались в большой любви, сильно сожалея о том, что у нас не было более легкого пути для общения с этими интересными людьми, кроме как передавать сказанное друг другу через нескольких переводчиков; но даже из их ответов мы могли заключить, что они нас поняли.

На обратном пути мы беседовали на религиозные темы с нашим татарином. На него произвело некоторое впечатление то, что он понял из нашего диалога с евреем, так что он задал несколько вопросов в отношении Господа нашего Иисуса Христа. В Бахчисарае у них есть много мечетей; некоторые из них маленькие, но две особенно велики. Регулярное посещение мечетей во всякий предназначенный для молитвы час, пять раз в день, раньше соблюдалось очень строго; тех, кто этого не соблюдал, если только не вследствие болезни или другой достойной причины, били палками; но сейчас, находясь под властью России, они позволяют себе вольности.

7ое. Вчера вечером мы прибыли в Севастополь <Sebastopol>. Дорога шла по прекрасной долине. Нам пришлось воспользоваться паромом, чтобы переправиться в город – самый удобный морской порт на Черном море. В нем двадцать пять тысяч жителей, большая часть которых принадлежит флоту; есть две тысячи торговцев, большая часть которых – евреи <Jews>. У нас было письмо к командовавшему там адмиралу[40]. Он любезно принял нас

[38] Деяния 2: 17. Ср.: Иоиль 2: 28.

[39] Суть спора в следующем: Греллет утверждал, что Иоиль предсказал пришествие Иисуса Христа, описанное в Евангелиях, тогда как первосвященник придерживался того мнения, что речь идет о не исполнившемся еще пророчестве [16].

[40] Очевидно, адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775-1845), главный командир Черноморского флота и губернатор Севастополя в 1816-1833 гг.

и предоставил нам свободный доступ в места, посещение которых мы считали своим долгом. В качестве переводчика нас сопровождал серьезный мужчина, прекрасно говоривший по-французски. Мы посетили большую больницу для моряков и три тюрьмы. Мы провели несколько религиозных бесед с заключенными; особенно же удачная беседа состоялась в доме адмирала, вечером, после чая. По этому случаю собралось много народа, среди которых было несколько греков. Души некоторых из них были готовы воспринимать. Также мы имели удовольствие посетить солдатских и матросских детей. Мы чувствуем большой интерес к подрастающему поколению – велико наше желание внедрить в этих молодых людей добродетельные принципы, чтобы они могли прийти к спасительному знанию Истины, существующей в Господе нашем Иисусе Христе.

9ое. Мы возвратились в Симферополь, где также посетили <P. 467> тюрьмы, школы и больницу. Очень интересно провели мы время с молоканами; удивительно, как хорошо они знакомы с вещами из царства Божьего, и как точно они цитируют Писание в поддержку разных христианских доказательств. Они предоставили нам краткое письменное свидетельство о своих принципах, а также копии писем, полученных от собратьев из дальних краев, в которых выказывается истинная скромность и великое религиозное чувство. Нам они устроили торжественную встречу; Господь овладел нами и был рядом[41]. Мы также побывали у вице-губернатора[42] и его жены, которые оказались серьезными молодыми людьми.

Феодосия <Theodosia>, 11ое. По дороге сюда мы на короткое время остановились в Карасу-Базаре <Karasu Bazar>, татарском селении, построенном в азиатском стиле. В нем десять тысяч жителей, из которых три тысячи – греки и армяне, и несколько евреев. Мы посетили их школы и богадельни. В первых нас встречали многие татары и евреи. Мы воспользовались возможностью проповедовать им слово Господа Иисуса Христа и направить их к той благодати и истине, которые являются вместе с ним. У армян мы встретили торжественный прием. Нас встречал их епископ – это благочестивый, здравомыслящий человек. Он сильно расчувствовался и расстался с нами в большой любви. Таким образом, в течение несколько часов у нас была возможность возгласить о спасении, которое приходит с Иисусом Христом, татарам, магометанам, евреям, грекам и армянам! да благословит Господь дело свое среди них всех! Вечером мы прибыли в Феодосию. Губернатор Энгел

[41] Возможно, здесь намек на особенность ритуала квакеров – коллективное созерцательное молитвенное молчание с последующим явлением голоса Бога одному из участников собрания. Квакерам свойственно, по определению основателя их секты, Джорджа Фокса, «ожидать Бога в молчании». Они могли часами сидеть, погрузившись в тишину, пока кто-нибудь из участников собрания, почувствовав в своей душе голос Бога или Христа, не вставал и не начинал проповедовать [42, с. 149-159].

[42] Вероятно, Николай Иванович Перовский (1785-1858), в описываемое время – таврический вице-губернатор; дед народоволки Софьи Перовской.

<Engel>[43], достойный человек, оказал нам помощь в различных религиозных начинаниях, работая в качестве преданного переводчика. О, как милостиво Господь дает нам сведущих лиц, без любезной помощи которых мы не смогли бы вести никакой религиозной беседы с теми, кого посещали. Сначала мы отправились в тюрьму и больницу. Затем – в школу для детей евреев-караимов, где также встретились с их родителями. С ними у нас была приятная беседа, и еще одна – с татарами; она состоялось у них мечети, здании, очень бедном изнутри; там нет образов, лишь несколько слов на стене, возглашающих, что «Бог велик и добр». Они были <P. 468> внимательны к тому, о чем мы им говорили, и с благодарностью приняли несколько книг религиозного характера. То же сделали и евреи. Губернатор сообщил нам те же благоприятные сведения о евреях, что мы получили и ранее; в округе высоко ценят их моральный облик. Вечером у нас было время для религиозного отдохновения с губернатором и его семейством. Оказалось, что он сочувствует тому, что мы должны были сообщить по этому случаю, и с благодарностью принял некоторые из наших книг; мы часто оставляли некоторые книги на латинском, немецком и французском в общественных библиотеках. Кроме того, евреям мы давали Завет на древнееврейском, грекам и армянам – на греческом.

12ое. Рано утром мы отправились в немецкие <German> и швейцарскую <Swiss> колонии. Губернатор Энгел любезно предоставил нам грека и татарина в сопровождающие и переводчики. Эти колонии лежат в отдалении от общественной дороги. Гейльбрун <Heilbrunn>[44], куда мы прибыли сначала, что в тридцати шести верстах от Феодосии, населяют эмигранты из Виртемберга. Люди были на полевых работах, но, едва заслышали о нашем желании их повидать, собрались в здании школы, которое также использовалось как место для молитвы. Сейчас у них нет священника[45], но, тем не менее, они очень аккуратно собираются для Божественного моления. Как мы поняли, другие

[43] Федор (Теодор) Петрович (Иванович?) Энгель (1766 или 1769-1837), градоначальник Феодосии в 1819-1820 гг.

[44] Немецкая колония Гейльбрун (ныне село Приветное Кировского района) основана в 1804 г.

[45] Здесь и далее в рассказе о немецких и швейцарских колонистах автор использует слово «minister» в значении «(протестантский) священник». Существует проблема адекватной передачи слова «minister» в тексте Греллета. Дело в том, что католических и православных священников он, в соответствии с английской традицией, именует «priest», а протестантских – «minister». Однако для квакеров, к которым принадлежал Греллет, слово «minister» правильнее переводить как «служитель», поскольку священников в католическом или православном смысле у квакеров не было. На странице же 469 оригинального текста цитируется английский (квакерский) перевод Библии, где слово «minister» является эпитетом Бога, который в русской версии Библии передается как «священнодействователь». Противопоставление «priest» и «minister», а также параллель между «minister» протестантским и «minister» Божественным вполне ясны для англоговорящего читателя, но передать это в русском языке вряд ли возможно. Можно, конечно, заменить всех протестантских «священников» на «священнодействователей», но так утратится ясность и пострадает стиль.

немецкие колонисты в этих краях пребывают в сходных обстоятельствах[46]. Драгоценным было наше совместное сидение в молчании. Они знакомы с духовным богослужением[47]. Нам было мало о чем говорить в пастырском отношении, но находиться вместе было поучительно и приятно. Они очень настаивали на том, чтобы мы остановились у них на ночь, но мы желали продолжать путь к швейцарцам. Некоторые из них сопровождали нас в Цюрихталь <Zurichthal>[48]. Мы были пестрой толпой – немец, русский, грек, татарин, поляк, англичанин и француз, все вместе ехавшие одним путем, во имя одной и той же цели. О, если бы люди всех стран и языков могли бы таким образом объединиться и в гармонии друг с другом отправиться в путь к вечной жизни!

Местные колонисты прибыли из кантона Цюрих. Наша встреча с ними для Божественного моления в утро первого дня[49] была драгоценной и торжественной. Долгое время мы все вместе просидели <P. 469> в тишине. Поклонение совершилось в духе и истине[50]. Днем мы проехали через Розенталь <Rosenthal>[51], большую деревню римских католиков, на пути в Нейзац <Neuzats>[52], еще одну деревню лютеран, прибывших из окрестностей Штутгарта. Эту ночь мы провели среди них, а на следующее утро назначили встречу, на которую пригласили и другую деревню того же народа. На следующее утро прибыла депутация из римско-католической деревни, чтобы просить нас не уезжать, не встретившись также и с ними. Когда мы проезжали через их деревню, моя душа сильно к ним тянулась, но я предполагал, что они могли не захотеть посетить назначенную нами встречу; теперь же мы были готовы к тому, чтобы принять их приглашение. Среди них нет священника[53], как и у их соседей-протестантов. Лишь один приезжает раз в год[54]. На утреннюю встре-

---

[46] Об отсутствии священника у крымских протестантов пишет и англичанка Мэри Хоулдернесс, которая с 1816 по 1820 г. жила в деревне Карагоз (сейчас село Первомайское Кировского района) и впоследствии издала воспоминания о поездке в Россию: «В каждом из их <немцев – *прим. перев.*> селений у них есть церковь, где один из прихожан, наиболее пригодный к тому, чтобы взять на себя священное служение, каждое воскресенье дважды читает молитву; лютеранский священник, который живет в Судаке и имеет соответствующие полномочия, дважды в год посещает каждую колонию, где сочетает браком, крестит и изучает состояние церквей» [8, p. 161-162].

[47] Автор имеет в виду особый квакерский ритуал (см. прим. 41).

[48] Швейцарская колония Цюрихталь (ныне село Золотое поле Кировского района) возникла в 1804 или 1805 г.

[49] Т.е. воскресенья (см. прим. 5).

[50] Ср.: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» [Иоанн 4: 24].

[51] Немецкая колония Розенталь (ныне село Ароматное Белогорского района) возникла в 1805 г.

[52] Немецкая колония Нейзац (ныне село Красногорское Белогорского района) возникла в 1804 или 1805 г.

[53] Priest – см. прим. 45.

[54] Только в 1823 г. в Нейзац прибыл священник Дурс Берлин (Durs Boerlin), миссионер из Базеля [7, p. 244].

чу собрались все жители обеих деревень. Нашим переводчиком был говоривший по-французски швейцарец. Это была хорошая встреча. Мы приняли этих людей глубоко к сердцу. Их забота и попечение о религиозном образовании своих детей оказались велики. Необходимость в священнике, который находился бы постоянно среди них, совершенно вымышленная, ведь, когда они собираются вместе для Божественного моления, то подчиняются не человеку, но Господу, истинному священнодействователю святилища[55], и они явно делают успехи в святой жизни при священнодействии его благословенного Духа.

В назначенное время мы прибыли в римско-католическую деревню. Когда мы вступили в нее, зазвонил колокол на башне. Мы ожидали, что встреча состоится в частном доме, но они сказали, что нет места, более подходящего и более пригодного к тому, чтобы вместить народ, чем церковь[56]. Войдя внутрь, мы обнаружили, что уже собралась огромная толпа, ведь это была большая деревня. Они зажгли восковые свечи на алтаре по своему обычаю, хотя солнце светило очень ярко. Я не думал много об этом. Мой разум был наполнен сильным беспокойством об этих людях и самым искренним желанием того, чтобы они смогли прийти к свету Господнему и собраться в сиянии его воскрешения. Мы уселись лицами к людям, спинами к алтарю. После того, <P. 470> как мы провели в тишине какое-то время, нас несколько раз слегка побеспокоил человек, проходивший поблизости, чтобы позвонить в колокол на башне еще и еще раз. Я не мог и подумать, чего хотел этот человек, пока, наконец, он не сказал мне по-голландски: «Не думаю, сударь, что придет еще кто-нибудь, ведь здесь собралась вся деревня». Затем я поднялся со стула; рядом со мною стоял переводчик. Господь дал мне простор[57] в Истине своей. Народ направлен был к Христу Пастырю и Блюстителю душ[58], первосвященнику христианского исповедания нашего[59], который очень близок к каждому из нас и готов священнодействовать в храме сердца каждому из тех, кто его ждет. Мой возлюбленный друг Уильям Аллен[60] имел нечто очень ценное, о чем следовало рассказать на этих двух встречах, на каждой из которых людские души стали готовы воспринимать. При возвращении в Симферополь наши сердца переполняла благодарностью Богу, побудившему нас посетить эту часть семени[61], которую он орошает из жилища святыни своей[62].

---

[55] Ср.: К евреям 8: 2.

[56] Надо иметь в виду, что у квакеров, к которым принадлежал Греллет, церквей не было вовсе, собирались они в пустых помещениях.

[57] Ср.: Псалтирь 4: 2; также Псалтирь 117: 5.

[58] Ср.: 1-е Петра 2: 25.

[59] Ср.: К евреям 3:1.

[60] Спутник Греллета – о нем см. прим. 9.

[61] Ср.: Лука 8: 4-15.

[62] Ср.: Исход 15: 13.

15ое. Это был наш третий приезд в Симферополь. Здесь мы обнаружили пятерых молокан, в течение нескольких дней дожидавшихся нашего возвращения. Это была депутация от братьев, живущих довольно далеко, в Тамбовской губернии <Government of Tambov>, где находится более двухсот семей, открыто придерживающиеся своей веры, и примерно еще столько же являются крепостными <serfs>, которые встречаются со своими собратьями по мере возможности. В эти края они прибыли, чтобы осмотреть земли и посмотреть, смогут ли они приселиться сюда вместе со своими семьями. Надеемся, что, после обращения к императору, и им, и многим другим из этого народа будет позволено пользоваться теми же привилегиями, которыми пользуются меннониты. Мы уверены, что для находящихся во тьме духоборцев[63] они могут стать истинным благословением. Они рассказывают, что многие из них ранее принадлежали к той же общине[64], но, когда в руках у них оказалось Писание, они совершенно убедились в своих ошибках. Говорили, что имя «молокане» дано им потому, что они воздерживаются от соблюдения многих правил с соблюдением дней, постов и церемоний греческой церкви[65]. Их ответы на наши вопросы об их религиозных правилах полностью соответствовали тому, что нам рассказывали прежде. Они поведали нам, что большинство из них умеет читать и ежедневно <P. 471> читают Писание в кругу семьи. Они подтвердили имеющиеся у нас сведения об их большой численности в некоторых губерниях, особенно в Астрахани <Astrakhan>, на Кавказе <Caucasus>, в Саратове <Saratov> и прочих <местах>.

Мы поехали за пятнадцать верст <versts> к вице-губернатору, в сопровождении его секретаря. Приятным был визит к его семье. Жена его благочестиво заботиться об их детях – очень интересных молодых людях. По пути мы навестили вдову прославленного естествоиспытателя – она по прежнему чувствует свою огромную потерю[66]. Вечером у нас была торжественная религиозная встреча с молоканами. Знакомство и общение с этими драгоценными людьми само по себе вознаградило все наши усилия по достижению этой страны.

16ое. Ранним утром мы отправились в Перекоп. Но еще до наступления дня некоторые молокане были у наших дверей, чтобы еще раз сказать нам слова прощания. Кроме того, они принесли нам хлеб в дорогу. В Крыму это весьма распространенная практика, когда отправляются в пустыню. Отка-

[63] О них см.: прим. 20.

[64] То есть к духоборцам.

[65] О них см.: прим. 19.

[66] Вероятно, Греллет имеет в виду Каролину (Катарину) Ивановну Паллас, вдову академика Петра-Симона Палласа (1741-1811), знаменитого немецкого путешественника и натуралиста, члена Петербургской академии наук [20, с. 7-13]. Екатерина II пожаловала Палласу владения в Крыму, где он должен был поправлять свое здоровье. Когда в 1810 г. Паллас решил вернуться в Германию, его супруга отказалась следовать за ним и продолжала жить в своем имении недалеко от Симферополя (сейчас это территория ботанического сада Таврического национального университета).

заться – значит нанести большую обиду дающим. Хотя мы прежде запаслись некоторым количеством, но, увидев, насколько наш отказ их опечалил, мы приняли их добровольный дар. Один из их стариков, человек почтенного вида с длинной бородой и в одежде из овчины, очень хотел проделать небольшую часть пути вместе с нами. Он забрался <в экипаж> и уселся между нами. Разговаривать друг с другом мы не могли. Но есть язык сильнее слов. Он держал за руку каждого из нас. Крупные слезы катились по его почтенной бороде. Несколько верст мы ехали в торжественном, умудренном молчании, пока не достигли воды, через которую нужно было переправляться. Тогда он с глубоким чувством прижал нас к груди, поцеловал, и вышел из экипажа. Обернувшись назад, мы увидели, как он простерся на земле, преклонившись перед Богом или молясь ему. Поднявшись, он стоял, обратив к нам лицо и воздев руки, пока мы могли его видеть. То, что он сделал, мы поняли как торжественное прощание. Господь да благословит и да защитит эту часть своего наследия[67], народ, который он вырастил своей властью и обучил с помощью своего вольного Духа. В Перекопе мы побывали в крепостной тюрьме и в больнице, а в полдень 17го выехали оттуда в <P. 472> Берислав <Berislav>, которого достигли только в полночь…

[67] Ср.: Псалтырь. 126: 3.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пыпин А.Н. Импер. Александр I и квакеры (рец. на: The Quakers from their origine till the present time: an international history. By John Cunningham, D.D. Edinburgh, 1868) // Вестник Европы. 1869. Т. 10.
2. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish missionaries. The story of Katti Geray and other baptised descendants of the Crimean khans // Cahiers du monde russe. 2004/1-2. Vol. 45.
3. Gidney W.Th. The History Of The London Society For Promoting Christianity Amongst The Jews: From 1809 To 1908. Whitefish, 2007.
4. Hair P.E.H. A Scottish missionary in the Caucasus: Henry Brunton // Bulletin of Scottish Institute of Missionary Studies. 1973. Vol. XIII.
5. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia. London, 1826.
6. Пыпин А.Н. Российское Библейское Общество: 1812-1826 // Вестник Европы. 1868. № 8-12.
7. Chapin W. The Missionary Gazetteer. Woodstock, 1825.
8. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
9. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. In two volumes. Vol. I. Edinburgh, 1825.
10. Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet, edited by Benjamin Seebohm. In two volumes. Vol. I. Philadelphia, 1860.
11. Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet, edited by Benjamin Seebohm. In two volumes. Vol. II. Philadelphia, 1860.
12. Budge F.A. A missionary life: Stephen Grellet. London, 1888.
13. Guest W. Stephen Grellet. London, 1903.
14. Осинин И.Т. Записки Квакера о пребывании в России (1818-1819 гг.) // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1.
15. Грушко К.П. Homo Quakerus: мировоззрение Стивена Греллета // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Историческая биография и персональная история. М., 2001.
16. Грушко К.П. «Мемуары» Стивена Греллета: опыт прочтения религиозного текста // Столпотворение (научно-художественное приложение к журналу Союза переводчиков России «Мир перевода»). 2003. № 8/9.
17. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. А.В. Говорунов. СПб., 2006.
18. Деремедведь Е.Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. Вып. 43.
19. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. Fourth edition. Vol. 2. London, 1816.
20. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. / Пер. С.Л. Белявская, А.Л. Бертье-Делагард (Научное наследство. Т. 27). М., 1999.
21. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, 1802.
22. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
23. Вулф Л. Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва / Пер. С. Біленький, Т. Цимбал. Київ, 2009.
24. Schonle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1.

25. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Char-acterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No.1.
26. Jobst K. The Crimea as a Russian Mythical Landscape (From the 18th Century to the First World War). A Framework for Research // Mythical Landscapes Then and Now: The Mystification of Landscapes in Search for National Identity. Yerevan, 2006.
27. O'Neill K. Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape // Ab Imperio. 2006. № 2.
28. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825-1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. In Two Volumes. Vol. I. London, 1830.
29. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, professor of mineralogy in the University of Cambridge. New York, 1827.
30. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. XII, вып. 1–8: Готский сборник.
31. Храпунов Н.И. Рец. на кн.: Едмунд Хоєцький. Спогади з подорожі по Криму / Пер. з польської О.О. Тищенко-Монастирська, ком. В.І. Баранов, О.О. Тищенко-Монастирська. Сімферополь, 2008 // Ab imperio. 2008. № 3.
32. Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. Simferopol'; Warsaw, 2003.
33. Мальгин А.В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004.
34. The Late Benjamin Seebohm // The Friend. A Religious, Literary and Miscellaneous Journal. 1871. Vol. XI, no. 127.
35. Allibone S.A. A Critical Dictionary of English Literature, and British and American Authors, Living and Deceased, from the Earliest Accounts to the Middle of the Nineteenth Century. Vol. II. Philadelphia, 1872.
36. Purver A. A new and literal translation of all the books of the Old and New Testament; with notes critical and explanatory. In two volumes. London, 1764.
37. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. London, 1990.
38. Margaret N. William Allen: Quaker Friend of Lindfield (1770-1843). Linfield, 2001.
39. Doncaster H. Friends of Humanity: with special reference to the Quaker William Allen. London, 1965.
40. Полканов Ю.А., Шутов Ю.И. Открытие подземного хода у стен древней крепости Чуфут-кале (Джуфт-кале) // Москва–Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2001. Вып. 3.
41. Oliphant L. The Russian Shores of the Black Sea in the Autumn of 1852. Edinburgh; London, 1853.
42. Павлова Т. А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Ч. 1. М., 2005.

Храпунов М. І.

Подорож Кримом Стівена Греллета

Резюме

Публікація є перекладом спогадів Стівена Греллета про його поїздку до Криму влітку 1819 р. з анотацією і коментарями. Відомий релігійний діяч, що належав до квакерів, Греллет (1773-1855) досить детально описав свої зустрічі з релігійними меншинами – молоканами, духоборами, караїмами, католиками, а також деякі інші обставини кримського життя. Його твір – цікавий приклад релігійного погляду на Крим, що сприяє розумінню того, як саме європейці сприймали півострів на початку XIX ст. Образ Криму у Греллета нагадує колоніальний Схід. Навіть найбільш близькі квакеру в релігійному плані мешканці Криму не досить здібні до самостійного духовного розвитку і вдосконалення. Для отримання дійсного релігійного знання або його збереження їм потрібна допомога ззовні – не вистачає священиків і книг, проповідей і тлумачень. Поглядам кримчан нерідко властива наївність і простота. Сам же автор виявляється добрим і чуйним вчителем, який відноситься до тих, хто його оточує, частіше як до дітей, чим як до рівних собі. Дана публікація – перша спроба перекладу кримської частини твору Греллета на російську мову. У анотації наводяться біографія Греллета та міркування про його мемуари як історичне джерело і про деякі загальнотеоретичні проблеми вивчення описів Криму мандрівниками із Західної Європи.

Храпунов Н. И.

Путешествие по Крыму Стивена Греллета

Резюме

Публикация представляет собой перевод воспоминаний Стивена Греллета о его поездке в Крым летом 1819 г. с аннотацией и комментариями. Известный религиозный деятель, принадлежавший к квакерам, Греллет (1773-1855) довольно подробно описал свои встречи с религиозными меньшинствами – молоканами, духоборами, караимами, католиками, а также некоторые другие обстоятельства крымской жизни. Его сочинение – любопытный пример религиозного взгляда на Крым, который способствует пониманию того, как именно европейцы воспринимали полуостров в начале XIX в. Образ Крыма у Греллета напоминает колониальный Восток. Даже наиболее близкие квакеру в религиозном плане жители Крыма мало способны к самостоятельному духовному развитию и совершенствованию. Для получения истинного религиозного знания или его сохранения им требуется помощь извне – не хватает священников и книг, проповедей и истолкований. Взглядам крымчан нередко свойственна наивность и простота. Сам же автор предстает как добрый и отзывчивый учитель, который относится к окружающим чаще как к детям, чем как к равным себе. Данная публикация – первая попытка перевода крымской части сочинения

Греллета на русский язык. В аннотации приводятся биография Греллета, рассуждения о его мемуарах как историческом источнике и некоторых общетеоретических проблемах изучения описаний Крыма путешественниками из Западной Европы.

Khrapunov N. I.

Stephen Grellet's Travel in the Crimea

Summary

This publication presents a Russian translation of Stephen Grellet's memoirs about his travel to the Crimea in summer 1819, with annotation and commentaries. Famous religious figure among the Quakers, Grellet (1773-1855) gave a detailed account of his meetings with religious minorities: Molokans, Dukhobortsy, Karaites, and Catholics, as well as some other circumstances of the Crimea life. His work is an interesting example of religious view of the Crimea, which allows one to uncover the Europeans' understanding of the peninsula in the early nineteenth century. Grellet's image of the Crimea resembles the colonial Orient. Even those of the Crimean residents whose religion was mostly close to the Quaker were hardly capable of independent spiritual development and improvement. To receive and preserve true religious knowledge, they needed in outside help because of the lack of clergymen and books, sermons and commentaries among them. The Crimean's often have naive and simple creed. The author himself is more often represented as a kind and sympathetic teacher, who treats the people around more like children than like his equals. The given publication is the first attempt to translate the Crimean pages of Grellet's book into Russian. The annotation supplies Grellet's biography, observation of his memoirs as a historic source and some theoretical aspects of the study of West European travellers' descriptions of the Crimea.

PERSONALIA

К 80-ЛЕТИЮ ИРИНЫ ПЕТРОВНЫ ЗАСЕЦКОЙ

В дореволюционных послужных списках, наряду с основными биографическими вехами, иногда можно встретить такие казенные и лаконичные записи: «в походах и делах против неприятеля, штрафах, под судом и следствием не был». Это могло бы быть написано и в формуляре Ирины Петровны Засецкой, если только подходить к ее биографии с формальной, бюрократической позиции. Однако это было бы правдой лишь отчасти, потому что, несмотря на то, что она действительно на принимала участия в боевых действиях и не судима, ее активная жизненная позиция и эмоциональное восприятие всего происходящего, неизменно присущие ей, заставляли Ирину Петровну как участвовать в «походах против неприятеля» (пусть даже в сражениях научного и «местного» значения»), так и «состоять под штрафами» того же рода.

Юбилейные даты – повод для осмысления нашего отношения к человеку, возможность сформулировать представление о нем и выразить чувства, сложившиеся за долгие годы общения и на работе, и вне ее. Мы искренне поздравляем Ирину Петровну с юбилеем и, пользуясь случаем, хотели бы сказать добрые слова в ее адрес и рассказать, в чем особенность и притягательность ее личности, в чем действительно состоят ее заслуги и чем мы обязаны ей.

Чтобы не изменять историческому подходу, проследим весь путь юбиляра, ибо на каждом этапе ее жизни, несомненно, обнаруживаются важные вехи. Ирина Петровна родилась в Ленинграде, можно сказать, в театральной семье: ее отец был тенором, солистом Малого Оперного театра, а мама – бухгалтером в Академическом театре им. А.С. Пушкина. В детстве Ирина Петровна хотела стать актрисой. Юношеская мечта не осуществилась, но артистичность ее натуры знакома каждому, кто с ней общался более или менее близко, и всегда придавала ей особенную привлекательность.

Во время войны она вместе с младшей сестрой была эвакуирована в Омскую обл. в г. Тюкалинск, без мамы, остававшейся в блокадном Ленинграде, и провела период эвакуации в интернате, более года не имея никаких сведений о родителях. Об интернате, несмотря на понятные трудности военной поры, она до сих пор вспоминает с теплотой. Это была не просто школа, а, в какой-то степени, школа жизни и проверка на прочность. Там ей встретились и хорошие учителя, и добрые подруги, с некоторыми из которых судьба еще раз свела ее уже в Эрмитаже. После возвращения из эвакуации в Ленинград Ирина Петровна закончила школу и поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета, избрав, конечно же, самую романтическую из всех исторических специальностей – археологию.

После окончания кафедры археологии университета в 1952 г. И.П. Засецкая пришла в Эрмитаж, чтобы уже никогда не расставаться с музеем и его коллекциями, которым были посвящены 56 лет ее жизни. Так сложилось, что в это время произошла естественная смена поколений в музее, и целая плеяда молодых археологов пополнила штат Эрмитажа. Одновременно с И.П. Засецкой в университете учились Л.К. Галанина, Л.Л. Баркова, Я.В. Доманский и другие, ставшие ее ближайшими друзьями и коллегами уже по работе в Эрмитаже. С тех пор музейные коллекции не только тщательно изучались Ириной Петровной, многие годы она в полном смысле этого слова хранила и хранит их бережно и с любовью; редкий хранитель знает свои фонды так досконально, как она. А это и древности гуннской эпохи, и материалы из памятников Боспора, и прекрасные археологические материалы сарматской эпохи, том числе и знаменитые сокровища из кургана Хохлач. На долю эрмитажников поколения И.П. Засецкой пришлось создание основных археологических экспозиций в музее – скифской и сарматской. Они существуют вот уже почти полвека и, постарев, конечно, физически, остаются одними из лучших постоянных выставок в музее. Эта огромная экспозиционная работа принесла неоценимый опыт, использованный Ириной Петровной впоследствии в создании многочисленных эрмитажных временных выставок за рубежом, познакомивших мир с лучшими отечественными археологическими памятниками.

Едва ли найдется другая наука, столь же тесно сплачивающая вокруг себя профессионалов и создающая прочные дружеские связи, рождая кол-

легиальное братство, как археология. Этому немало способствуют совместные полевые исследования, привлекающие специалистов и энтузиастов из разных городов и стран, для которых расстояния сокращаются неослабевающим научным интересом. Столь романтичная профессия предполагает дальние путешествия и порой заставляет жить в трудных и даже экзотических условиях, весьма далеких от какого-либо комфорта. Однако экспедиции раскрывают людей и позволяют им иногда навсегда сродниться.

Список экспедиций, в которых Ирина Петровна принимала участие, начиная со студенческих лет, весьма внушителен, также как и география ее полевых сезонов. Еще в студенческие годы И.П. Засецкая работала в экспедиции А.Н. Бернштама в Средней Азии, куда вернулась через много лет, в 1978 г., в составе Ферганской экспедиции Эрмитажа. В 1954-1956 гг. она участвовала в раскопках античных, савроматских и сарматских памятников в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону. В составе Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея исследовала Елизаветовский курганный могильник в 1959-1960 гг. Прекрасные материалы из раскопок этой экспедиции украсили экспозицию Ростовского музея. В 1965 г. в составе Астраханской экспедиции ЛОИА Ирина Петровна исследовала известный Никольский могильник с материалами савромато-сарматской эпохи, а в 1971 г. возглавляла Манычский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА, работая в Аксайском районе Ростовской области, где у хут. Алитуб было раскопано 23 кургана и исследовано 180 погребений от эпохи бронзы до позднекочевнического периода. Находки экспедиции также пополнили собрание Ростовского музея. В 1973 и 1975 гг. Ирина Петровна принимала участие в работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА по исследованию крупнейшего поселения скифского периода на Нижнем Дону – Елизаветовского городища. В 1980-1983 и 1985 гг. она стала одним из организаторов и самым активным участником работы в Закубанье Келермесской экспедиции Эрмитажа, где благодаря ее проницательности и упорству был открыт и исследован «меотский» грунтовый некрополь.

И в Петербурге, и на Дону, и на Кубани, и на Волге друзья-коллеги любят Ирину Петровну и хранят добрую память о совместной работе с ней, зная ее как надежного товарища, симпатичного человека и очаровательную женщину. Какого бы рода ни была эта общая работа – научное соавторство или сотрудничество в совместных выставках, общение на конференциях и в экспедиции – обаяние Ирины Петровны и высокий профессионализм делают эту работу интересной, приятной и плодотворной. Ее по-молодому живое и эмоциональное, порой романтическое восприятие мира, энергия и даже внешность находятся в явном противоречии с солидной юбилейной датой, и только немалый список научных трудов, кандидатская и докторская диссертации свидетельствуют о чрезвычайной широте и разносторонности интересов, глубоком подходе к исследовательским задачам и обширных познаниях. И надо

отметить, что ее путь в науке не был отмечен суетливой поспешностью; все, что ею сделано, всегда основательно и глубоко продуманно.

Не случайно ее авторитет в науке проявляется иногда даже в курьезных формах. Однажды она по просьбе венгерских коллег прочитала в университете г. Сегеда лекцию, на которую пришли удивленные студенты, чтобы увидеть «живую Засецкую», о чем она сама со смехом рассказывала. Быть живым классиком приятно и почетно, и далеко не всем, даже очень хорошим и плодовитым ученым, удается сделать такую «карьеру».

Научная проблематика в диапазоне от скифо-сарматского времени до гуннской эпохи получила глубокую разработку в трудах Ирины Петровны. Ею написаны монографии «Золотые украшения гуннской эпохи» (1975)[1] и «Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н.э.)» (1994), в соавторстве «Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху» (2007), «Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа» (2008), монография-каталог «Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э.» (1993), а также (в соавторстве с И.И. Гущиной) «“Золотое кладбище” Римской эпохи в Прикубанье» (1994) и «Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.)» (1989). Особое место в ее исследовательской деятельности, начиная с историографического обзора «Проблемы сарматского звериного стиля» (1989), занимает искусство сарматов. В настоящее время ею подготовлена монография «Новочеркасский клад. Сокровища кургана Хохлач», которая представляет собой по-настоящему музейное исследование с глубоким вещеведческим анализом и научным обобщением. Помимо этих крупных работ, около 80 статей, написанных Ириной Петровной и посвященных древней истории и культуре кочевников южнорусских степей, стали существенным вкладом в науку.

Нельзя не отметить, что кропотливая музейная работа необычайно важна для настоящего ученого, ибо ставит во главу угла исследование материала, то есть основного источника для археологии. Но музейная работа обязывает, чтобы научные изыскания находили выражение не только в научных публикациях, но и в выставочной деятельности. Идеи создания нескольких очень интересных выставок, посвященных сарматской культуре, принадлежали именно Ирине Петровне, и состоялись эти выставки в значительной степени благодаря ее организационным усилиям. Это и выставка «Золото сарматов» во Франции, проведенная совместно Эрмитажем, Ростовским областным музеем краеведения и Азовским музеем (1995), которая положила

[1] Полный список научных трудов И.П. Засецкой будет опубликован в сборнике «Гунны, готы и сарматы от Волги до Дуная» (СПб., 2009).

начало целому ряду проектов, прошедших при сотрудничестве нескольких музеев. В 2008 году в самом Эрмитаже с успехом прошла выставка «Сокровища сарматов», осуществленная совместно с Азовским музеем, а в 2009 г. при участии Эрмитажа, Азовского музея, Национального исторического музея Украины в Леобене (Австрия) демонстрируется выставка «Сокровища скифов и сарматов», которая, возможно, продолжит свое путешествие по Европе.

Наверное, работа всегда занимала одно из главных мест в жизни Ирины Петровны, но все же не была единственным увлечением, оставляя пространство для самых разнообразных проявлений ее богатой души. У нее всегда были друзья, и с возрастом их не стало меньше. Причем это люди разных поколений, но они находят полноценное общение и взаимный интерес. Она не просто хороший друг, трудно найти человека более верного и надежного в дружбе. Танцы, вечеринки, романы (иногда мимолетные, а иногда и на долгие годы) – все это совершенно не чуждо Ирине Петровне. Она и сейчас, заслышав зажигательный танцевальный мотив, готова танцевать. В зрелые годы задор и жизнерадостность не исчезли, а, пожалуй, лишь окрепли. Однако ей всегда было свойственно серьезное, очень ответственное и какое-то особенно разумное отношение к своей жизни и к жизни своих близких. У Ирины Петровны есть дочь и уже вполне взрослая внучка, и живут они все одной семьей, в любви и постоянной заботе друг о друге. У Ирины Петровны не угасает интерес к хорошей литературе и к театру. А еще есть футбол и петербургский «Зенит», страстной болельщицей которого она является уже многие годы. Ирина Петровна и сама не устала от жизни, и не дает уставать окружающим.

Да, она бывает шумной, ворчливой и даже сердитой. Но когда Ирина Петровна куда-нибудь уезжает, по ее взрывной энергии начинаешь скучать. С ней можно поссориться, но редко это бывает надолго, так, на час-другой. Но это не означает, что Ирина Петровна все и всем готова простить. В науке она никогда не понимала и не принимала поспешности, легкомыслия и недобросовестности, а в жизни – несправедливости, ограниченности и эгоцентризма. Она всегда готова помочь молодым коллегам и знаниями, и материалами. Коллекции, которые она хранит, никогда не бывают недоступны для работы, да и научные идеи, которые потом успешно разрабатываются и развиваются, нередко явно или неявно «подкидываются» именно И.П. Засецкой. Возможно, так считают и не все, но мы, ее друзья, зная Ирину Петровну и работая с ней рядом многие десятилетия, побывав с ней и в далеких командировках, и в археологических экспедициях, любим ее прежде всего как умного, доброго и надежного друга.

Е.Ф. Королькова, А.Ю. Алексеев

Редколлегия МАИЭТ и коллектив Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины присоединяются к поздравлению коллег из Эрмитажа и желают Ирине Петровне творческого долголетия. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

MEMORIA

От редактора-составителя

Археологическая наука понесла невосполнимые утраты. 20 ноября 2008 года ушла из жизни Светлана Александровна Плетнева, а 6 октября 2009 года скончалась Татьяна Ивановна Макарова. К их именам нет необходимости прибавлять все многочисленные научные степени и звания. Они известны не только на просторах бывшего Советского Союза, но и далеко за его пределами. С их именами ассоциируются широта и масштабность научных интересов, великолепные результаты раскопок, высочайший теоретический уровень исследований. Они обладали мощным интеллектом, обширной научной эрудицией. В них естественно сочетались природная интеллигентность, принципиальность и порядочность. В их многогранных научных интересах важное место занимала история средневекового Крыма.

Я познакомился со Светланой Александровной благодаря Михаилу Илларионовичу Артамонову, который отправил ей в «Советскую археологию» мою студенческую работу. Спустя десятилетие она представила меня Татьяне Ивановне. Многие годы они были для меня одновременно и наставниками, строгими рецензентами и настоящими друзьями. Со дня основания МАИЭТ они плодотворно сотрудничали с редакцией и поддерживали многие научные проекты нашего отделения. Еще недавно я попросил Татьяну Ивановну откликнуться в связи кончиной Светланы Александровны. Я успел получить прощальные слова, а вскоре ушла и Татьяна Ивановна.

Больно и тяжко осознавать потерю…

Александр Айбабин

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПЛЕТНЕВОЙ

Прощальные слова

О старой, как мир, привычке судить о человеке не по его делам, а по тому, что он собой представляет, писал Джон Голсуорси. О делах Светланы Александровны Плетневой написано уже немало, напишут еще больше. Но вот о живой С.А., не авторе статей и монографий, а о человеке, знают меньше (и не многие). Хочу вспомнить далекие 50-е годы прошлого столетия, когда я познакомилась с ней на Таманском полуострове, в экспедиции Б.А. Рыбакова. Лучший портрет Светланы, сделанный фотографом-художником Ю.С. Панютиным, вполне отражает ее облик и настроения. Сидит на камнях городища веселая, сильная женщина с широкой белозубой улыбкой, сидит в сознании своей силы, которая, как оказалось, была не малой. Один ее ученик, разглядывая эту картину через 50 лет, уже в новом веке, скажет мечтательно: «Вот в такую девчонку я бы влюбился». И, правда, в нее были тогда влюблены и стар и млад, и ребята и девушки. Энергия, исходившая от нее, и неукротимая жажда деятельности восхищали, пугали, заражали. Расскажу один характерный эпизод экспедиционной жизни 1953 года. Переправились мы через пролив, и день ушел на обустройство в помещении школы, которое нам было отведено. Вечерело, изнурительная таманская жара утихала и все, утомленные, расходились по местам. Завтра – первый рабочий день. А где лопаты? Они свалены в закутке, все вместе, и штыковые, и гробарки в кучу, кое-как, вперемежку с совками, кисточками и рейками. «Когда

же мы завтра начнем? – воскликнула Светлана (воскликнула в пустоту: все ушли). – Надо разобрать». Измученный долгим днем Б.А., беспрестанно вытиравший пот со лба, ответил слабым голосом: «Ну, надо разобрать,» – и ушел в дом, который он снимал с начала работы Таманской экспедиции в 1952 году. «Надо» – ключевое слово всей жизни, было произнесено. И началось… Помню только мощные взмахи рук С.А., сортирующей наш нехитрый инвентарь, его было много. Тогда слово «трудоголик» еще не было в ходу, но что-то о коне, которого «на ходу остановит» и о «горящей избе» вертелось в моей голове. Кончили мы, когда стемнело. Отчетливо помню свою последнюю мысль: «надо быть подальше от этой богатырши». Не получилось…

Я скоро скисла, хотя не была избалованной московской девочкой, физического труда не боялась; в эвакуации во время войны работала в колхозе в Берске, под Новосибирском.. Не знаю, как она расценила мои усилия, зато знаю, как отнеслась С.А. к Б.А. Рыбакову: в письме маме написала: «очень пожилой человек», а было ему 45 лет…

Если бы я была постарше, я бы поняла, что «надо» будет повторяться в ее жизни постоянно. Это короткое слово будет составлять зерно ее жизни, играть роль приказа, оно раскрывает нравственные основы стиля ее жизни. И еще, что она не будет здраво соразмерять сил своих коллег со своими, богатырскими. Силу своего темперамента С.А. продемонстрировала как-то за завтраком все в том же школьном дворе. Заместителем Б.А. был Аркадий Васильевич Никитин, старый сотрудник Института, кандидат наук. Он не любил утруждать себя хозяйственными заботами, да и археологическими тоже. Он отдал мне, только кончившей МГУ, самый важный стратиграфический раскоп. Так ему вольнее было жить и отдыхать, бродя под городищем, вдоль кромки моря и нежным тенорком распевать любимые романсы. Все посмеивались над ним, С.А. молча терпела. Однажды на завтрак нам подали манную кашу с подсолнечным маслом, хотя сливочного мы с С.А. натопили еще в Москве достаточно. В полном молчании все склонились над своими мисками. И вдруг одна из мисок поехала по слегка наклонной поверхности стола прямо к миске Аркадия Васильевича. По счастью, тут она и задержалась. «Хорош был бы наш певец, облитый манной кашей», – не сдержалась С.А. Ее гневная тирада: «Это что такое…», – прозвучала при молчании притихшей аудитории. Больше нам такого завтрака не подавали.

Не все сотрудники экспедиции понимали тогда, в 1952 году, что невольно становились свидетелями драматичного процесса возникновения нового направлении в археологии – хазароведения. Во главе этого направления стоял М.И. Артамонов. В его экспедицию, с 1949 года работающую в Саркеле, попавшем в зону затопления Цимлянского водохранилища, С.А. попала почти случайно, и, главное, по рекомендации самого Б.А. Саркел очаровал ее. Ленинградцы белобрысую длинную девчонку прозвали «аспирант» и

приняли вместе с Кухаренко за свою. В 1951 году был последний год раскопок. В газете «Правда» появилась статья никому неизвестного П. Иванова «Об одной ошибочной концепции». Проблема приобретала политическую окраску. В этой связи вопрос о том, кто жил в Тмутараканском княжестве, был узловым. На него могла ответить только керамика. Теперь, полвека спустя, разница между салтовской и славянской керамикой очевидна даже первокурснику. Тогда же мы были свидетелями ожесточенных споров Б.А. с С.А., вызывавших у студентов то почтительный ужас, то смех. С.А. без труда отличала салтовскую IX в. керамику от славянской XI-XII вв. – опыт Саркела не прошел даром. Б.А. в этом вопросе «плавал» и все мечтал найти славянский горшок. «Это не славянский?!!» – гремел Б.А., тряся перед С.А. стенку с рифлением и волной. «Нет, – упрямо и твердо отвечала С.А., – это Салтово». Желанный славянский слой невозможно было отыскать и в профилях: мудрено было ему сохраниться после работ времени Суворова, снявших славянские слои. Тмутаракань не нашли. В песне, сочиненной нашими талантливыми мальчиками, подведен итог наших трудов. Только к 4-му году очень тяжелых работ на Таманском городище были открыты остатки фундаментов храма Богородицы, уходившие в позднеантичные слои.

«Таланты» разбежались с отъездом Б.А., и мы с С.А. остались снимать план уже без участия Рыбакова. Делала она это великолепно, как все чертежные работы. Почти все свои работы она иллюстрировала сама: и сложные тонкие прорисовки вещей, и чертежи, и любимые карты. Но это все было впереди.

Хазарская проблема связала С.А. с Ленинградом и М.И. Артамоновым надолго, на всю жизнь. Она привязалась к опальному Артамонову со всей силой своего характера. А в Москве – к делающему беспрепятственно карьеру Рыбакову. Многие ставили ей в упрек умение сочетать эти привязанности двух столь противоположных ученых. Но с Б.А. ее связывало ключевое слово «надо», заставлявшее соглашаться браться за любую порученную им работу. И, конечно, человеческая привязанность к своему учителю. Так уж ей повезло, близко знать двух крупных ученых, быть нужной обоим. Умение быть верной людям, сделавшим ей много доброго, было ей свойственно с «молодых ногтей». Она всю жизнь любила свою учительницу истории и, встретившись с ней через 35 лет, она, уже очень старенькая женщина, узнала свою Светлану, что-то главное в ее характере сохранилось. Никогда она не могла забыть свою подругу по Саркелу, Наташу Мельникову, которая спасла ей жизнь. Светлана, не рассчитав свои силы, бросилась переплывать Дон и поняла, что тонет. Наташа сумела перевернуть ее на спину и, подталкивая, дотянула до берега. Через многие годы они встретились в троллейбусе в Ленинграде. «Аспирант!» – раскатилось радостно и заставило всех улыбаться, глядя на двух пожилых солидных женщин, замерших в объятиях друг друга. И последним ее разговором по телефону перед самым концом был разговор с живущей в Америке, в Бостоне Наташей.

Было что-то детское в ее отношении к людям, или привязанность, или полное неприятие. «Мне жаль, что я не умею прощать», – напишет она в дневнике. Горечь разочарования в людях росли в ней и мучили ее. Тем более, что она постоянно работала для людей. 25 учеников под ее руководством написали диссертации. Не все оказались благодарными. Такова уж участь педагога, которым она родилась. Это еще одна грань ее богатой натуры. Талант педагога – от матери Р.А. Костылевой, сельской учительницы.

Она была честолюбива, с детства мечтала стать ученым и профессором, как ее отец, Александр Валерианович Плетнев, биолог, ученик Н.И. Вавилова. Это было благородное честолюбие, никакими лишениями, болезнями, искушениями личного счастья непобедимое, потому что всегда рассчитывала на свой труд. Ее упорство, трудолюбие в стремлении к однажды намеченной цели, фанатичная вера в науку олицетворяли высшую нравственную силу. Эта порода людей есть и в науке, и в искусстве. Такие люди – люди «подвига, веры и ясно осознанной цели» [А.П. Чехов, М., 1950, т. 11, с. 421].

Не все в этой борьбе проявили добрые качества своей души. И бывшие «друзья» и попутчики оказывались врагами. Эта обычная ситуация усугублялась тем, что стремительное продвижение по карьерной лестнице совершалось женщиной. В России только начинают привыкать к этому. С.А. не считала себя способной к административной должности, и на вопрос Б.А., кем она хочет быть, заместителем директора или зав. Отделом, предпочла последнее. Академик удивился: «Но ведь это же номенклатура!».

Т.И. Макарова

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ИВАНОВНЫ МАКАРОВОЙ

Нас постигла тяжелая утрата. 6 октября 2009 г., на 79-м году жизни скончалась Татьяна Ивановна Макарова, крупный специалист по археологии, культуре и прикладному искусству Древней Руси, один из тех ученых Института археологии РАН в Москве, которые составляют его гордость и славу.

Татьяна Ивановна родилась 14 мая 1930 г. в Москве, ее родители занимались историей и историей искусства. В 1954 г. она закончила исторический факультет МГУ, кафедру археологии.

С 1952 по 1980 гг., как высококвалифицированный археолог, она работала в археологических экспедициях, проводившихся под руководством Б.А. Рыбакова и С.А. Плетневой. Регион раскопок широк: Тамань, Крым, Украина, Венгрия, Болгария. Он демонстрирует интерес Т.И. Макаровой к археологическому исследованию Юга России эпохи средневековья.

Первые самостоятельные раскопки она осуществила сразу же после окончания университета в 1954 г. – исследование Высоко-Петровского монастыря в Москве. В период 1960-1980-х гг. Татьяна Ивановна

руководила крупными раскопками средневековой Керчи по исследованию церкви Иоанна Предтечи, в результате которых удалось уточнить ее датировку.

С 1955 по 2007 гг. Татьяна Ивановна работала в Институте археологии РАН (сначала – Институт истории материальной культуры АН СССР), куда она поступила по рекомендации Б.А. Рыбакова. Она начала здесь работать как лаборант Таманской экспедиции и прошла путь до ведущего научного сотрудника. Т.И. Макарова работала в составе сектора (отдела) славяно-русской археологии, с 1990-х гг. – в секторе археологии Москвы, с 2000-х гг. – в составе группы средневековой археологии евразийских степей. Длительный период времени, с 1972 по 1998 гг., Татьяна Ивановна исполняла обязанности секретаря в Совете по истории мировой культуры РАН, а с 1999 г. являлась его членом. В свои ранние годы работы в Институте она работала в месткоме профсоюза и состояла в редколлегии стенгазеты.

Сфера интересов Татьяны Ивановны с первых лет научного творчества была широкой, не замыкалась в рамках только археологии, искусствоведения или истории ремесленных производств. В одной из составленных ею автобиографий она сама обозначила эту сферу как «культура Древней Руси». Актуальность понятия междисциплинарных исследований усилилась в последние годы, но Татьяну Ивановну можно отнести к зачинателям этой научной тенденции.

Уже первые ее работы продемонстрировали возможности археологии в изучении произведений искусства. Темой самой первой статьи, написанной в 1962 г., стали лазуритовые украшения и амулеты кочевников X-XI вв. В 1966 г. Т.И. Макарова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поливная керамика древней Руси». Это стало и предметом первой монографии-свода «Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси» (САИ. М., 1967. Вып. Е1-38). В 1973 г. вышла и нарядно иллюстрированная небольшая научно-популярная брошюра на эту же тему.

Вслед за этим предметами пристального изучения Т.И. Макаровой стали прекрасные произведения прикладного искусства, украшения драгоценного древнерусского убора в технике перегородчатой эмали и черни. «Эмальерное и черневое дело Древней Руси» – так формулировалась тема ее докторской диссертации, защищенной в 1988 г. Две фундаментальные монографические работы, посвященные этой квинтэссенции древнерусского художественного ремесла, стали классическими. В 1975 г. вышла монография «Перегородчатые эмали Древней Руси», в 1986 г. – «Черневое дело Древней Руси». Их знают все специалисты, занимающиеся древнерусским периодом и русским прикладным искусством. Они включили в себя и кропотливо собранный корпус источников, и аргументированную авторскую концепцию. В результате по этим видам художественного ремесла были выделены школы древнерусского ювелирного дела, на основе детальной типологической классификации уточнена хронология появления и бытова-

ния эмалевых и черневых украшений. Татьяна Ивановна пришла к выводу, что эмалевый и черневой убор на Руси сосуществовали, появившись в конце XI в. В этом отношении ей удалось уточнить представления Г.Ф. Корзухиной, автора фундаментального исследования о древнерусских кладах.

Следующим шагом после изучения украшений стало рассмотрение их в системе драгоценного убора. Татьяна Ивановна считала клады перспективным для изучения источником. Она была оптимистом по отношению к возможностям научного изучения комплексов кладов, считала, что украшения своей формой, конструкцией и орнаментацией могут рассказать исследователю о многом, наглядно показать свои хронологические и конструктивные отношения и связи.

Анализ произведений прикладного искусства привел исследователя к осознанию необходимости глубокого изучения орнамента: его структуры, истории и методики изучения. По всем этим аспектам Татьяна Ивановна написала обстоятельные интересные статьи, орнаменту была посвящена и одна из ее плановых работ в Институте.

Интересная проблема продолжения древнерусских традиций в прикладном искусстве Московской Руси нашла отражение еще в одной монографии Татьяны Ивановны «Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век», вышедшей в 1998 г. Анализ облачений митрополита Алексея явился блестящим образцом досконального исследования столь сложных и многослойных памятников археологии и истории.

Т.И. Макарова совместно с Л.В. Алексеевым и Н.П. Кузьмичем написала обстоятельную и увлекательную научную книгу о кресте, выполненном по заказу княгини Евфросиньи Полоцкой: «Крест – хранитель всея Вселенныя». Здесь нашли отражение не только археологические материалы и история ювелирного искусства, но и методы и техники современных ювелиров, продолжение традиций и разгадывание секретов эмалевого производства.

Т.И. Макарова приняла активнейшее участие в подготовке к изданию ряда томов из серии «Археология», планомерно выпускаемых Институтом археологии РАН. В качестве внимательного добросовестнейшего редактора она была практически незаменима. Под ее руководством был подготовлен том «Археология Древней Руси. Быт и культура», где Татьяна Ивановна написала введение и целый ряд важных научных разделов. В соавторстве с С.А. Плетневой, ближайшей коллегой и подругой, к сожалению, не столь давно также ушедшей из жизни, Т.И. Макарова написала ряд интересных статей, подготовила к изданию в 2002 г. том «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья».

Всего Татьяне Ивановне Макаровой принадлежит около 80 научных работ, в числе которых 7 монографий (2 написаны в соавторстве). В последние годы она нашла в себе силы для работы над интереснейшей проблемой

культурных влияний, которая интересовала ее на протяжении всего научного пути. В конце 2008 г. вышла монография «Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций. IX-XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы» (в соавторстве с Н.В. Жилиной). Здесь Татьяна Ивановна выделила аспект внешних воздействий в эмали и черни, подчеркнула художественную сторону этих ювелирных техник, а также «защитила» мастера Теофила, автора трактата «О разных искусствах» XII в.

В отношениях с коллегами со стороны Татьяны Ивановны на первый план всегда выходила доброжелательность и стремление в какой-то мере защитить от неоправданно суровой критики. Она искренне приветствовала деятельность и усилия начинающих и экспериментирующих ученых, всегда пыталась уловить и понять в их труде лучшее. Это составляло основу ее критики и оценки.

Татьяна Ивановна была стойким и мужественным человеком. В молодые годы заботилась о матери и тете. Стойко переносила она и свое заболевание, до последних дней боролась с ним.

У Татьяны Ивановны есть ученики и последователи, продолжающие заниматься отдельными сторонами древнерусского ювелирного дела, углубляющие и разрабатывающие аспекты этого широкого явления. Исследования Т.И. Макаровой в этой области остаются научным эталоном.

Татьяна Ивановна относилась к ученым, с большим интересом и вниманием относящимся к новым явлениям и направлениям в науке. Она обладала способностью воспринимать новое. Это также одна из причин, по которым достигнутый ею лично на научном поприще результат будет развиваться и продолжаться далее.

Светлая память Татьяне Ивановне Макаровой.

Н.В. Жилина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века
АО	–	Археологические открытия
БИ	–	Боспорские исследования
БИАС	–	Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	–	Византийский временник
ВДИ	–	Вестник древней истории
ГААРК	–	Государственный архив Автономной Республики Крым
ГИМ	–	Государственный исторический музей (Москва)
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	–	Записки императорской Академии Наук
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН СССР	–	Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	–	Известия Императорской Археологической комиссии
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук
ИКДП	–	Известия Караимского Духовного Правления
ИТОИАЭ	–	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТОКДП	–	Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	–	Материалы по археологии России
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	–	Научный архив Института археологии НАН Украины
НА НЗХТ	–	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	–	Отчеты Археологической комиссии

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ – Сообщения Херсонесского музея
ХСб – Херсонесский сборник
AASOR – The Annual of the American Schools of Oriental Research
BAR – British Archaeological Reports
BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH – Bulletin de correspondance hellènique
BSA – Annual of the British School at Athens
CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
DOP – Dumbarton Oaks Papers
JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
RCRF – Rei Cretarle Romane Favtorvm
SFECAG – Société Française d'Etude de lq Céramique Antique en Gaule

С О Д Е Р Ж А Н И Е

АРХЕОЛОГИЯ

Костромичёв Д.А. Бронзовый грифон из Херсонеса 3
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Римская воинская пряжка из Лучистого 15
Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) 26
Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период 89
Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора 132
Шрег Р. К вопросу изучения освоения округи Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды 174
Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса 196
Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке 275
Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье 378
Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) 389
Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) 432
Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе 457
Радочин В.Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора 481

НУМИЗМАТИКА

Сидоренко В.А., Шонов И.В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии 501

Катюшин А.Е. Некоторые особенности внешнего облика боспорских статеров второй четверти III в. н.э. в свете римско-боспорских отношений 525
Сидоренко В.А. Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского р-на 534

ИСТОРИЯ

Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике 550
Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. 561
Прохоров Д.А. Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917-1920 гг. 573

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Антонова И.А. Об исследованиях в периболе у 16-й куртины в Херсонесе в 1970-1971 гг. 622
Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета 656

PERSONALIA

К 80-летию И.П. Засецкой 682

MEMORIA

От редактора-составителя 687
Памяти С.А. Плетнёвой 688
Памяти Т.И. Макаровой 692

Список сокращений 696

C O N T E N T S

ARCHAEOLOGY

Kostromichev D.A. Bronze Gryphon from Chersonesos 3

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Roman Military Buckle from Luchistoye 15

Ivanova O.S. Red-lacquered Ceramics from the Excavations in the Cemetery in the Gully of Almaluk-Dere (Mangup) 26

Zavadskaya I.A. Christian Painted Vaults of Crimea in the Context of Funeral Painting Development in Early Byzantine Period 89

Smokotina A.V. Stamps on Early-Byzantine Red-Slip Wares from Excavations of the City of Bosporus 132

Schreg R. Siedlungs- und umweltarchäologische Forschungsfragen zur völkerwanderungszeitlichen und mittelalterlichen Besiedlung im Umfeld von Mangup und Eski Kermen 174

Rabinowitz A., Sedikova L.V., Henneberg R. Daily life in a provincial Late Byzantine city: multidisciplinary research in the South Region of Chersonesos 196

Golofast L.A. Urban Image of Chersonesos in the 13th Century 275

Seydaliev E.I. Medieval Burial from Tavel Burial Mound N 5 near the Village of Krasnoleseye 378

Gertzen A.G., Naumenko V.E. Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): II Horizon of Building (the 15th Century) 389

Dushenko A.A. Bone and Horn Wares from the Excavation in the Block near St. Constantine Church (Mangup) 432

Kramarovsky M.G. Mangup Find: Seljuqs Reflections in Crimea and in the Northern Caucasus 457

Radochin V.Yu. Pale-anthropological Material from the Cemetery of Late Medieval Bosporus 481

NUMISMATIC

Sidorenko V.A., Shonov I.V. On Typology of Coinage of Ancient Theodosia 501

Katiushin A.E. Some Peculiarities of Habitus of Bosporus Staters

Dating Back to the Second Quarter of the 3rd Century AD
in the Light of Rome-Bosporus Relations 525
Sidorenko V.A. Horde of Roman Denaries from the Village
of Repino of Bakhchisarai District 534

HISTORY

Nikiforov M.A. On the Discussion about the Date
of the Formation of Thema in Taurica 550
Tur V.G. Peculiarities of Revival of Armenian-Catholic Community
of Karasubazar at the End of the 18th Century 561
Prokhorov D.A. Public, National-cultural Associations
and Bodies of Confessional Self-government
of Crimean Karaites in 1917-1920 573

SCIENTIFIC HERITAGE

Khrapunov N.I. Stephen Grellet's Travel in the Crimea 622
Antonova I.A. On Research of Peribolos at Curtain Wall N 16
in Chersonesos in 1970-1971 656

PERSONALIA

Of the occasion of 80th anniversary of I.P. Zasetskaya 682

MEMORIA

In memory of S.A. Pletneova 688
In memory of T.I. Makarova 692

List of Abbreviations 696

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XV

Сборник

Редакторы-составители
д.и.н. А.И. Айбабин
д.и.н. В.Н. Зинько

Техническая редакция и набор *С.И. Власовой*
Перевод на английский язык *Н.И. Радочиной*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректура *В.Н. Солина*

702

Наукове видання

МАТЕРІАЛИ ПО АРХЕОЛОГІЇ, ІСТОРІЇ І ЭТНОГРАФІЇ ТАВРІЇ

Вип. XV

Збірник
(російською мовою)

Редактори-складачі
д.і.н. О.І. Айбабін
д.і.н. В.М. Зінько

Здано на виробництво 12.10.2009 р.
Підписано до друку 11.12.2009 р.
Формат 70х100 $^{1}/_{16}$. Умов. друк. арк. 57,2.
Гарнітура Arial. Папір офсетний.
Друк офсетний. Тираж 600.
Замов. 3241. Ціна договірна.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
Свідоцтво держ. реєстрації, серія КМ, № 002, 05.05.2000 р.
98300, м. Керч, вул. Кірова, 13